

С. С. Шашковъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. С. ШАШКОВА.

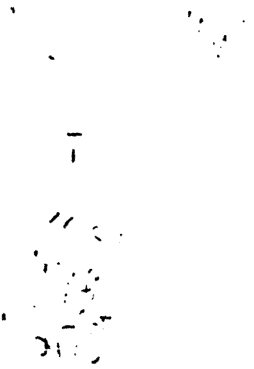
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Историческія суьдбы женщины, дѣтоубійство и проституція.
Исторія русской женщины.

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

Цѣна за два тома 4 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.



2 шк
III.

43351

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Историческія судьбы женщины, дѣтоубійство и проституція.

стр.

Предисловіе. I

Историческія судьбы женщины.

Вступленіе. 1

ГЛАВА I. Первобытный бракъ. Борьба женщины за независимость. Полиандрія и общность женщинъ. Материнство и гинейкократія. 3

ГЛАВА II. Паденіе материнства и гинейкократіи. Развитіе патріархальной системы. 27

ГЛАВА III. Цѣль патріархальнаго брака—работа и дѣторожденіе. Отсутствіе у первобытныхъ народовъ рѣзкихъ половыхъ отличій, романической любви и ревности. Женщина борется за свою независимость и сохраняетъ за собою много вольностей. Мужчина употребляетъ всѣ усилія, чтобы поработить ее. Женщина водворяетъ моногамію. Участіе женщины въ общественныхъ дѣлахъ, въ промышленности, религіи, медицинѣ. 37

ГЛАВА IV. Патріархальное семейство. Женщина—орудіе для продолженія рода. Семейные принципы общественной жизни. 57

ГЛАВА V. Окончательное порабощеніе женщины съ развитіемъ восточныхъ государствъ. . . . 69

ГЛАВА VI. Продолженіе. Оппозиція восточныхъ женщинъ порабощенію и ихъ борьба за независимость. 88

ГЛАВА VII. Борьба мужчины и женщины въ первичную эпоху греческой исторіи. Порабощеніе женщины. Спартанки и ихъ борьба за свои интересы. 102

ГЛАВА VIII. Постепенное порабощеніе аѳинской женщины. Ея положеніе. 109

ГЛАВА IX. Эманципація аѳинянки. 115

ГЛАВА X. Римское семейство. Патриціи, плебеи, иностранцы. Постепенное реформированіе семейства. 120

ГЛАВА XI. Развитіе римскаго брака. Положеніе римлянки. Ея борьба за свободу и за права своей личности 126

ГЛАВА XII. Христіанство и женщина. 140

ГЛАВА XIII. Феодализмъ и семейство. Порабощеніе феодальной женщины. 144

ГЛАВА XIV. Вліяніе католицизма на порабощеніе женщины. Женское монашество. Процессы вѣдьмъ. 157

ГЛАВА XV. Эманципація женщины въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія 182

ГЛАВА XVI. Реформація и возстановленіе патріархальнаго семейства. Рабское положеніе женщины въ XVI и XVII в. 200

ГЛАВА XVII. Судьбы семейства въ новой исторіи. Эманципація плоти и развратъ. Развитіе половыхъ противоположностей. Стремленія женщины къ свободѣ и ея участіе въ разныхъ отрасляхъ общественной дѣятельности. 217

ГЛАВА XVIII. Французская дама XVIII в. 239

ГЛАВА XIX. Женщины французской революціи. Участіе въ политическихъ дѣлахъ женщинъ другихъ странъ. Американки. 272

ГЛАВА XX. Реакція XIX в. Современное положеніе женщины. Семейства встарь и нынѣ . . . 310

ГЛАВА XXI. Женское дѣло въ Америкѣ. 326

ГЛАВА XXII. Эманципація женщинъ въ Европѣ. 408

ГЛАВА XXIII. Враги эманципаціи. Разборъ нѣкоторыхъ ихъ измышленій и возраженій. Заключеніе. 425

Дѣтоубійство.

ГЛАВА I. Дѣтоубійство, плодонагнаніе и дѣтовыбрасываніе у дикихъ народовъ и въ государствахъ Востока. 452

ГЛАВА II. Въ Греціи и Римѣ. 477

стр.
ГЛАВА III. Дѣтоубійство въ Европѣ до XIX в. 482
ГЛАВА IV. Бѣдность народныхъ массъ, какъ главная причина дѣтоубійства. Развращеніе нравовъ и убійство незаконныхъ дѣтей 493
ГЛАВА V. Распространенность дѣтоубійствъ и постепенное увеличеніе ихъ численности 524
ГЛАВА VI. Безуспѣшная борьба противъ дѣтоубійствъ посредствомъ законовъ 535
ГЛАВА VII. Дома для найденышей и ихъ смертность 550
ГЛАВА VIII. Заключеніе. 564

Проституція.

ГЛАВА I. Общія причины запроса на развратъ. Проституція у нецивилизованныхъ народовъ. Вліяніе на проституцію развитія государствъ. Проституція на Востокѣ 567
ГЛАВА II. Проституція въ Греціи и Римѣ. 582
ГЛАВА III. Проституція въ старинной Европѣ 599
ГЛАВА IV. Развращенность современной Европы и бѣдность, какъ главный факторъ проституціи. 617
ГЛАВА V. Численность проститутокъ. Ихъ горестная судьба 639
ГЛАВА VI. Эксплуататоры проституціи. 650
ГЛАВА VII. Нравы проститутокъ. Смертность. Проститутки въ тюрьмахъ, въ убѣжищахъ и т д. 658
ГЛАВА VIII. Законы о проституціи. Сифилисъ, пожирающій Европу. 671

ПРИЛОЖЕНІЕ. Рѣчь Куртиса о равноправности женщинъ. 677

КНИГА ВТОРАЯ.

Исторія русской женщины.

Предисловіе. 697
ГЛАВА I. Женщина въ древнѣйшей славяно-русской жизни.—Факторы ея постепеннаго порабощенія. 702
ГЛАВА II. Родовое начало, какъ главная основа древне-русской жизни 730
ГЛАВА III. Византинизмъ и его вліяніе на положеніе женщины. — Полное порабощеніе женщины въ XVI и XVIII вв. 740
ГЛАВА IV. Положеніе женщины въ семействѣ. 757
ГЛАВА V. Паденіе патріархальныхъ порядковъ.—Семейныя преступленія и всеобщій развратъ . 782
ГЛАВА VI. Противодѣйствіе женщины домостройнымъ порядкамъ и ея борьба за свои интересы. 800
ГЛАВА VII. Реформа Петра.—Половая свобода и развращенность.—Успѣхи женской самостоятельности.—Воспитаніе женщинъ.—Начатки эманципаціонныхъ движеній и элементы, противодѣйствующіе имъ. — Семья и женщина по Своду Законовъ 806
ГЛАВА VIII. Женское дѣло во второй половинѣ XIX вѣка 848
ГЛАВА IX. Русская проституція. 868

ПРИЛОЖЕНІЕ. Образчикъ семейнаго «житія непорядочнаго» въ старинной Россіи 889

ЛИТЕРАТУРНО-
БИБЛІОТЕКА

КНИГА ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ, ДѢТОУБІЙСТВО и ПРОСТИТУЦІЯ.

Предисловіе.

Для настоящаго изданія эта книга отчасти передѣлана, и объемъ ея значительно увеличился. Кромѣ многихъ мелкихъ дополненій, въ нее вошли вновь написанные очерки вѣдовскихъ процессовъ и двѣ большія главы, XVIII-я, о французской дамѣ до революціи, и XXI-я, о женскомъ дѣлѣ въ Америкѣ. Сравнительно большой объемъ этихъ главъ нѣсколько нарушаетъ стройность цѣлаго изложенія, но авторъ счелъ нужнымъ подробнѣе разсмотрѣть въ нихъ, съ одной стороны, аристократическую эманципацію французской барыни, съ другой—освобожденіе американской гражданки и работницы, въ надеждѣ, что это можетъ дать читателю матеріалъ для серьезнаго размышленія.

Вотъ списокъ источниковъ и пособій, которыми пользовался авторъ:

1. Maria Child, History of Women, 2 vol., 5 edition, 1854.
2. Klemm, Die Frauen, 6 Bänd., 1859.
3. Mac Lennan, Primitive Mariage, an inquiry into the origin of the form of capture in mariage ceremonies, 1865.
4. Bachofen, Das Mutterrecht, eine Untersuchung über die Gynäikokratie der alten Welt, 1861.
5. Reich, Geschichte, Natur und Gesundheitslehre des ehelichen Lebens, 1864.
6. Unger, Die Ehe im welthistorischen Entwickelung, 1850.
7. Rossbach, Geschichte der Familie, 1859.
8. Riehl, Die Familie, 1862.
9. Buddeus und Richter, Die Ehe, въ энциклопедіи Эрша и Грубера, томъ XXXI.
10. Staatslexikon, oder allgemeine Encyclopädie der Staatswissenschaften, von Rottek und Welcker, 14 B., 1856—1866, монографіи: Kolb und Warnkoenig, Ehe; Warnkoenig, Ehelosigkeit; Eherecht, Familie; Bopp, Findlinge, Findelhäuser, Frauen, Kindesmord, Abtreibung der Leibesfrucht, Kindesaussetzung: Kolb, jus primae noctis: Held, Misheirath; Iordan, Hausgesetze; Avè-Lallement, Sittenpolizei, и др.
11. Frankel, Mosaisch-talmudisches Eherecht, 1860.
12. Scherr, Geschichte der deutschen Frauenwelt, 2 B., 1865.
13. Bernard, Histoire de l'autorité paternelle en France, 1864.
14. Grindon, Etude sur l'amelioration progressive de la condition des femmes en droit romain et français, 1862.
15. Scoutetten, Histoire des femmes medicines depuis l'antiquité jusqu'à nos jours, 1868.
16. Friedberg, Ehe im Mittelalter; Ehe in England und Schottland, zwei Vorträge, 1864.
17. Wrigt, History of domestic manners and sentiments in England during the middle age, 1862.
18. Maria Child, Biografies of good Wives, 1849.
19. Proudhon, Amour et Mariage.
20. Michelet, La Femme и L'Amour.
21. Anderson, Les Femmes de la Reformation, 3 v., 1869.
22. Capefigue, Les Heroines de la Ligue, 1864.
23. Cousin, Jeacqueline Pascal, 1869.
24. Griesinger, Das Damenregiment an d. Höfen Europa's in zweiletztvergang. Jahrh., 1868.
25. Armand Bachet, Le Roi chez la Reine, 1864.
26. Eascelles Wraxall, Life and time of the queen Caroline Mathilde of Denmark, 1864.
27. Goncourd, La femme au XVIII siècle, 1862.
28. Michelet, Les Femmes de la revolution, 1863.
29. Dauban, M-me Roland et son temps, 1864.

30. M. Child, Memoirs of m-me de Staël and m-me Roland, 1854.
31. Daubié, La Femme pauvre au XIX siècle, 1866.
32. Eyma, Les Femmes du Nouveau Monde, 1860.
33. Dixon, New America, 2 vol., 1868.
34. Dixon, Spiritual Wives, 2 v., 1868.
35. Legouvé, Les Péres et les Enfants au XIX s., 2 vol.
36. Koenigswarter, Histoire de la famille en France, 1851.
37. Jeannel, De la Prostitution au XIX siècle, 1868.
38. Dufour, Histoire de la Prostitution, 6 volumes, 1851.
39. Burke Rayan, Prostitution in London, 1839.
40. Parent-Duchatêlet, De la Prostitution dans la ville de Paris, 3 ed., complétée par Trebuchet et Poirat-Duval, suivie d'un precis hygienique, statistique et administratif sur la prostitution dans les principales villes de l'Europe par Venot, Rochard, Potton, Baré, Strohl, Bertherand, Richelot, Behrend, d'Erlach, Marinus, Boeckh, Braestrup, Guardia, Lippert, Schneevogt, Jeacquot et Sperino, 2 gr. vol., 1857.
41. Burke Rayan, Infanticide, its law, prevention and history, 1862.
42. Clay, Infanticide and burial clubs, 1864.
43. C. Centini, L'enfanticides dans l'Angleterre, въ Journal de la société de la statistique de Paris, № 5, 1865.
44. Foucher de Careil, Descartes et la Princesse Palatine, 1862.
45. Droit des Femmes, journal politique, 1869 et 1870 an.
46. Allgemeine Frauen-Zeitung, 1870 und 1871.
47. The Englishwoman's Rewiev, 1869—1881.
48. Now-A-Days., 1869.
49. Bastian, Der Mensch in der Geschichte, 3 B., 1860.
50. Waitz, Anthropologie der Naturvölker, 6 B., 1859—1873.
51. Weinhold, Altnordisches Leben, 1859.
52. Maine, Ancient Law, its connection with the early history of mankind and its relation to modern ideas, 1866.
53, Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité, 18 volumes, 1861—1870.
54. A. Sudre, Histoire de Communisme, 1856.
55. L. Reybaud, Etudes sur les reformateurs ou socialistes modernes, 2 vol., 1864.
56. Booth, Robert Owen, 1869.
57. Bonnemere, Histoire des Paysans, 2 v., 1856.
58. Riehl, Die bürgerliche Gesellschaft, 1858.
59. Avé-Lallement, Das Deutsche Gaunerthum, 4 B., 1861.
60. Lassale, Das System der erworbenen Rechte, 2 B., 1861.
61. Vollgraff, Staats-und Rechtsphilosophie auf Grundlage einer wissenschaftlichen Menschen und Völkerkunde, 2 B., 1864.
62. Drummond Hay, Marocco and the Moors, 1853.
63. Huc, L'Empire Chinois, 2 v., 1855.
64. Koeppen, Die Religion des Buddha, 2 B., 1859.
65. Kastren, Vorlesungen über die altaische Völker, 1857.
66. Hinrichs, Geschichte der Rechts und Staatsprincipien seit der Reformation, 3 B., 1852.
67. Griesinger, Mysterien des Vatican, oder die geheimen und offenen Sünden des Papstthums, 2 B., 1866.
68. Милль, О подчиненіи женщины, 1869.
69. М. Библіоманъ, Историческіе этюды о женщинѣ, вып. 1, 1867.
70. Шлоссеръ, Женщины французской революціи, 1865.
71. Бокль, О вліяніи женщинъ на успѣхи знанія, 1864.
72. Ровинскій, Изъ исторіи славянской женщины, «Недѣля», 1869.
73. Ордынскій и Знаменскій, статьи въ разныхъ журналахъ о женщинахъ и литературѣ классической древности.
74. Добряковъ, Русская женщина въ домонгольскій періодъ, 1867.
75. Вирховъ, О воспитаніи женщины, 1865.
76. Дауль, Женскій трудъ, 1869.
77. Луиза Отто, Неотъемлемое право женщины, 1868.
78. Энрикетта Карачолло, Тайны женскихъ монастырей въ Неаполѣ, 1867.
79. Кэри, Руководство къ соціальной наукѣ, 1869.
80. Зедергольмъ, Катонъ старшій, 1857.
81. Маколей, Собраніе сочиненій, 14 томовъ.
82. Гизо, Исторія цивилизаціи во Франціи, 1861.
83. Бенвенутто Челлини, Записки, 2 ч., 1848.
84. Макушевъ, Сказанія иностранцевъ о бытѣ славянъ, 1861.
85. Кудрявцевъ, Юность Катерины Медичи, «Русск. Вѣстникъ», т. XI.
86. «Вокругъ Свѣта» и «Природа и Земледѣліе», журналы за разные годы.
87. Гизо, Исторія англійской революціи, 3 тома.

88. Терещенко. Бытъ русскаго народа. 7 ч., 1848.
89. Макушевъ, Задунайскіе и адріатическіе Славяне. 1867.
90. Тайлоръ. Доисторическій бытъ человѣчества, 1868.
91. Аристотель. Политика, пер. Скворцова, 1865.
92. Монтескье, Духъ Законовъ, 3 ч., 1839.
93. Марецоль, Римское гражданское право, 1867.
94. 1-жа Милль, Объ эманципаціи женщинъ. «Современникъ», т. LXXXIV.
95. Михайловъ, О женщинахъ, ibid.
96. Ю. Жуковскій, Затрудненія женскаго дѣла, ib. т. XCIX.
97. Андре-Лео, Вопросъ о нравахъ женщины, «Вѣстникъ Европы.», 1869, V.
98. Н. Б-скій, Очеркъ проституціи въ Петербургѣ, «Архивъ Судебной Медицины», 1868, IV.
99. Де-Гуронъ. Исторія императорскихъ воспитательныхъ домовъ, «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей», 1860, II.
100. Уваженіе къ женщинамъ, «Современникъ», 1866.
101. Двадцать лѣтъ на Филиппинскихъ островахъ, ib., т. LI.
102. Шерръ, Аспазія и Мессалина. «Отечеств. Записки», 1869.
103. Тэккерей, Четыре Георга, «Русскій Вѣстникъ», т. XXIX.
104. Карлгофъ, О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ, ib. т. XXVIII.
105. Capefigue, Les Déesses de la Liberté, 1863.
106. Tschudi, Peru, 1846.
107. Abbe ***, La Religieuse, rom., 1864.
108. Roscher, Grundlagen der Nationalökonomie, 2 B., 1865.
109. Virginia Penny, Think and Act, a series of articles, pertaining to men and women, work and wages, 1869.
110. Prescott, Histoire de la Conquete du Peru, 1861.
111. A. Bastian, Zur Amazonen-Sage, Zeitschrift für Ethnologie, 1870, Heft III.
112. Lubbock, Origin of Civilisation and Primitive Condition of Man, 1870.
113. Krause, Die Bysantiner des Mittelalters in ihrem Staats-Hof- und Privatleben, 1869.
114. Шерръ, Исторія цивилизаціи въ Германіи. 1869.
115. Ламартинъ, Шарлотта Корде, «Современникъ», т. III.
116. Константинополь въ IV в., ib., т. II.
117. Стѣнгольмъ, Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ, 1861.
118. Казембекъ. Бабъ и Бабиды, 1865.
119. Зыбина, Взглядъ на значеніе женщины въ исторической жизни народовъ. I. Китай. 1870.
120. Организація рабочей силы женщины въ Германіи, «Вѣстникъ Европы», 1870, II.
121. Фанни Левальдъ, За и противъ женщинъ, 1871.
122. Цебрикова, Американки XVIII вѣка, 1871.
123. Бокль, Исторія Цивилизаціи, 2 т.
124. Новыя времена. «Современникъ», томъ CIX.
125. Jules Simon, L'Ouvrière, 1867.
126. Michelet, La Sorcière, 1865.
127. Способность женщины къ изученію точныхъ наукъ, «Знаніе», 1870.
128. Mamroth, Die Frau auf dem Gediete des modernen deutschen Roman, 1871.
129. Lecky, Die Stellung der Frauen, deutsch von Jolowicz, 1871.
130. Кузнецовъ, Историко-статистическій очеркъ развитія проституціи и сифилиса въ Москвѣ, «Архивъ Судебной Медицины», 1870 г., кн. IV.
131. Gervinus, Histoire du XIX Siècles, 22 volumes.
132. Mathews, The Future of Women, въ Essays of Birmingham Speculative Club, 1870.
133. Boemert, Das Studieren der Frauen, 1872.
134. Clarke, Sex in education, Boston, 1874.
135. Anna Bracket, The education of american girls, 1874.
136. Gregorovius, Lucrezia Borgia, 2 B., 1874.
137. Roskoff, Geschichte der Teufels, 2 B., 1869.
138. Г. Буасье, Римскія женщины, 1875.
139. Smith and Green, Mormonism, its history e. t. c., 1870.
140. L. Jacolliot, La femme dans l'Inde, 1877.
141. Jacolliot, Le pays des bayaderes, 1877.
142. Langeström, Deutsche Frauen, 1873.
143. Спенсеръ, Основанія Соціологіи, т. 1—2, 1876—77.
144. P. Davis, History of Woman Movement, 1872.
145. Jacolliot, Le pariah dans l'humanité, 1876.
146. Freytag, Bilder aus deutschen Vergangenheit, 4 B., 1871—73.
147. Вамбери, Очерки жизни и нравовъ Востока, 1876.
148. Веселовскій, Женщина и старинныя теоріи любви, «Бесѣда», 1872, III.

149. A. Arnold, Women's suffrage, 1872.
150. S. J. Blake, Medical women, 1872.
151. M. Kulischer, Die geschlechtliche Zuchtwahl bey den Menschen in der Urzeit, «Zeitschr. für Ethnologie», 1876, II.
152. L. Morgan, Systems of consanguinity and affinity of the human family, 1870.
153. Louandre, Du role des femmes dans l'histoire des France, Revue des Deux Mondes, 1872, XIX.
154. Gibbon, History of the decline and Fall of the Roman Empire, 8 v., 1840
155. The Revolution (Woman journal), Boston, 1872—76.
156. Lecour, La prostitution à Paris et à Londres (1789—1877), 1877.
157. Tissot, Le pays des milliardes, 1876.
158. Woman-Suffrage-Journal, 1874—76.
159. Pauthier et Bazin, Chine, 2 B., 1853.
160. L. Rousselet, L'Inde des Rajahs, 1877.
161. Baudrillard, Histoire du luxe, 3 v., 1880.
162. Grey, Chine, 2 v., 1878.
163. E. et J. Goncourt, La duchesse de Chateauroux et ses soeurs, 2 ed., 1879.
164. — M-me de Pompadour, 2 ed., 1879.
165. — La Du Barry, 2 ed., 1880.
166. — Histoire de la soéieté française pendant la revolution, 4 ed., 1880.
167. — Histoire de la société française pendant la Directoire, 1880.
168. Schweiger-Lerchenfeld, Frauenleben der Erde, 1880.
169. Tain, Les origines de la France contemporaine, 1876.
170. Louis Blanc, Dix ans de l'histoire de l'Angleterre, 8 v., 1880.

1882 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ.

Не только въ русской, но даже въ заграничной литературѣ до сихъ поръ нѣтъ хорошаго опыта по исторіи женщинъ, и, благодаря этому, распространено мнѣніе, что женская эмансипація есть молодое растеніе, появившееся только въ позднѣйшее время, что во всѣ предыдущіе вѣка женщина была несчастною, безличною, безправной рабыней, что ни она сама, ни ея владыки не думали тогда объ улучшеніи ея судьбы, о ея свободѣ, о признаніи за нею правъ человѣка. Если бы это было совершенно справедливо, то притязанія современной женщины и доводы ея защитниковъ потеряли бы значительную долю своей силы. Женщина оказалась бы существомъ въ родѣ прирученнаго домашняго животнаго, которое, разъ потерявъ свободу и сдѣлавшись собственностью человѣка, лишилось всякаго сознанія своей прежней воли. Если бы такія мнѣнія были вѣрны, то хотя женщины и могли бы, во имя справедливости, во имя всеобщаго блага, требовать улучшенія своей участи, но ихъ противники имѣли бы въ исторіи основаніе для доказательства ихъ естественной ограниченности, слабости, неспособности къ самостоятельной жизни. Къ счастію, это не такъ. Чрезъ всю исторію человѣчества идетъ борьба женщины съ мужчиной, борьба за свободу или преобладаніе, и есть много фактовъ, доказывающихъ, что побѣда не всегда доставалась мужчинѣ; даже при настоящей неразработанности исторіи женщинъ, изслѣдователь видитъ ясные слѣды такихъ первобытныхъ порядковъ, при которыхъ въ жизни царили материнское право и гинейкократія, но грубая физическая сила разрушила такіе порядки. Ошибка людей, держащихся мнѣнія о новѣйшемъ происхожденіи эмансипаціи, заключается, главнѣйшимъ образомъ, въ томъ, что они даютъ понятію эмансипація черезъчуръ узкія границы и, опредѣляя его въ смыслѣ современныхъ эмансипаціонныхъ доктринъ, забываютъ о тѣхъ ужасныхъ положеніяхъ, отъ которыхъ женщина избавилась уже навсегда, освобождаясь отъ нихъ съ упорною настойчивостью въ продолженіе тысячелѣтій. Кромѣ того, видя эмансипацію только въ одной новѣйшей формѣ ея, они говорятъ лишь объ однихъ извѣстныхъ средствахъ, употребляемыхъ нынѣ лучшими людьми женскаго общества, для достиженія своей цѣли, игнорируя или не понимая тѣ полные глубокаго смысла соціальные феномены, которые служатъ для семьи и женщины чѣмъ-то въ родѣ осадной артиллеріи, разбивающей своими гибельными ядрами крѣпкія стѣны патріархальнаго семейства. Въ исторіи женщины, какъ вообще въ исторіи соціальной жизни, нѣкоторыя ступени прогресса состоятъ не въ созданіи новаго, а въ порчѣ стараго. На это историки женщинъ обыкновенно обращаютъ мало вниманія и, горько сѣтуя о развращенности нѣкоторыхъ эпохъ и разложеніи семейства, не указываютъ ни на истинныя причины этихъ феноменовъ, ни на ихъ значеніе въ дѣлѣ самоосвобожденія женщины. Далѣе, многіе авторы, излагая исторію женщинъ, не касаются исторіи семейства, а женщина и семья — это такія же исторически-родственныя понятія, какъ гражданинъ и государство, солдатъ и войско, священникъ и церковь. Эмансипація женщинъ тѣсно связана съ реформою семейнаго института; патріархальное семейство владѣетъ женщиной, какъ монополистъ, и первые звуки пѣсни освобожденія доносятся до нея только съ публичнаго форума. Чѣмъ патріархальнѣе семейство, чѣмъ болѣе семейнаго характера лежитъ на всей общественной жизни, тѣмъ менѣе можетъ женщина ожидать отъ общества и государства улучшенія своей судьбы. Только тамъ, гдѣ семейные принципы не совершенно овладѣли соціальными учрежденіями, гдѣ общество и государство основаны не на однихъ семейныхъ, а также и на политическихъ началахъ, только тамъ возможно существенное улучшеніе семейнаго быта и женской судьбы. Такимъ образомъ, исторія женской эмансипаціи тѣсно связана съ исторіей семейства, государства и народа.

Доказать, что женщина идетъ впередъ также давно, какъ и мужчина, что женское дѣло стоитъ на прочномъ историческомъ основаніи, выяснить значеніе семейства и женщины въ исторіи цивилизаціи, обозначить ту цѣль, къ которой стремятся они въ своемъ прогрессивномъ развитіи, укрѣпить вѣру женщины въ свои силы и въ успѣхъ своего дѣла, — вотъ задача, которая для достойнаго своего выполненія ждетъ первостепеннаго историческаго таланта, соединеннаго съ громадной эрудиціей. Это предметъ еще совершенно непочатый. Многочисленные авторы, сочиненія которыхъ поименованы нами выше, занимаются или исключительно изложеніемъ разнообразныхъ историческихъ матеріаловъ, какъ напр., Клеммъ, Мэри Чайльдъ, Шерръ, Бернаръ, Гризингеръ, Гонкуръ, Райтъ и др., или же подгоняютъ матеріалы подъ свои напоенныя и рутинныя теоріи, какъ, напр., Риль, Россбахъ, Унгеръ и пр. Всѣ эти авторы болѣе или менѣе враждебны женской эмансипаціи, и потому напрасно будете вы искать у нихъ ясныхъ взглядовъ на ис-

торію женщинъ. Партизаны же эмансипаціи, подъ вліяніемъ благороднаго энтузіазма партіи, обыкновенно отдаются другому увлеченію, видятъ въ исторіи только мартирологію женщинъ и, обращая исключительное вниманіе на великость женскихъ страданій, вовсе упускаютъ изъ вида ту борьбу, которую постоянно вела женщина за свою свободу, и тѣ побѣды, которыя уже одержала она. Наши настоящіе очерки есть опытъ историческаго обозрѣнія этой борьбы и этихъ побѣдъ.

I.

На низшей ступени общественнаго развитія человѣкъ не имѣетъ еще исключительной собственности; ведя кочевую жизнь, не заботясь о будущемъ, онъ только временно пользуется предметами, необходимыми для него. Между владѣльцемъ и обладаемою вещью нѣтъ прочной связи. Точно такой же характеръ носятъ и половыя отношенія людей. Женщина не принадлежитъ исключительно ни одному мужчинѣ: она не жена, не наложница, а просто самка, и любовныя отношенія къ ней мужчинъ ограничиваются только однимъ половымъ актомъ. Такъ живутъ до сихъ поръ нѣкоторые папуасы въ сѣверной Австраліи. Здѣсь можно встрѣтить общества женщинъ, живущія совершенно особо отъ мужскихъ обществъ. Весною половой инстинктъ пробуждается и самцы начинаютъ гоняться за самками: дѣтей, рожденныхъ отъ такихъ скоротечныхъ связей, матери выкармливаютъ грудью, и затѣмъ, если они не принадлежатъ къ женскому полу, выпроваживаютъ ихъ изъ своего общества.

Подобные же порядки Миклуха-Маклай нашелъ у папуасовъ Новой Гвинеи, гдѣ женщины рождаютъ обыкновенно въ началѣ зимы, слѣдовательно, зачинаютъ въ началѣ весны. Остатки этихъ порядковъ до сихъ поръ сохраняются у многихъ народовъ въ видѣ весеннихъ игрищъ любви (у насъ, напр., на Ивановъ день), на которыхъ мужчины составляютъ одну партію, женщины — другую, а пѣсня и танцы живо рисуютъ собою половыя весеннія сходбища того времени, когда эти игрища были не обрядовыми увеселеніями, а такими же событіями, какъ ежегодное роеніе пчелъ, токованье птицъ и т. д. Это эпоха первобытнаго гетеризма или коммунальнаго брака. «Существуютъ убѣдительныя свидѣтельства, говоритъ Лёббокъ, что низшія расы живутъ или жили въ такомъ общемъ бракѣ». Въ Белуджистанѣ у цыганъ ссури мужчины и женщины не знаютъ рѣшительно никакихъ ограниченій и дѣти считаются общимъ достояніемъ племени. Вушмены южной Африки тоже не знаютъ брака. Тигуры въ Аудѣ живутъ вмѣстѣ, почти безразлично, въ обширныхъ общинахъ. Въ Калифорніи полы сходятся безъ всякихъ формальностей, у туземіевъ даже нѣтъ словъ—*жена, мужъ, жениться*. Преданія объ этомъ первобытномъ гетеризмѣ многочисленны. Магабгарата говоритъ, что «прежде женщинъ не запирали и онѣ безчинствовали, какъ хотѣли, оставаясь безвизимыми; въ своей дѣтской наивности онѣ оставляли мужей, но не были преступны, потому что таковъ былъ законъ перваго времени. Этотъ древній обычай остается и теперь закономъ для тварей, рожденныхъ безъ разума». У многихъ народовъ сохранились преданія о первобытной жизни безъ брака и безъ собственности; такъ жили, напр., по греческимъ извѣстіямъ, троглодиты. Боги вывели людей изъ этого полуживотнаго состоянія; по сказаніямъ японцевъ, египтянъ, перуанцевъ и многихъ другихъ народовъ, одновременно съ учрежденіемъ брака, боги ввели между ними и собственность. Въ Китаѣ, напр., Фоги, научившій людей строить жилища, въ то же время учредилъ между ними и браки. Въ Перу, говоритъ легенда, люди сначала вовсе не имѣли правильныхъ жилищъ, а жили въ пещерахъ, ямахъ, на деревьяхъ: бракъ былъ совершенно неизвѣстенъ имъ. Но вотъ сходятъ на землю дѣти солнца и учатъ людей жить въ бракѣ, строить дома, обрабатывать землю и пользоваться плодами ея. Можетъ быть, и случалось, что выходцы какого-нибудь цивилизованнаго народа, которыхъ преданіе превратило впослѣдствіи въ боговъ, выводили совершенно дикихъ людей изъ состоянія первобытнаго индивидуализма и пріучали ихъ жить въ семейственномъ союзѣ. Но, во всякомъ разѣ, такіе случаи были исключеніями, и все заставляетъ насъ предполагать, что первобытный бракъ возникъ вездѣ путемъ борьбы, войны и рабства, вслѣдствіе насильнаго обращенія женщины въ неволю. Первобытныя жены были военноплѣнными рабынями, а такъ какъ обращеніе въ неволю враговъ начинается лишь тогда, когда дикарь, выйдя уже изъ совершенно-животнаго состоянія, почувствуетъ нужду въ работникѣ и помощникѣ для успѣшнаго веденія своего первобытнаго хозяйства, то упомянутыя нами древнія легенды совершенно справедливо относятъ къ одному и тому же времени возникновеніе брака и собственности. Первичная, извѣстная намъ форма соціальной жизни есть самостоятельность изолированныхъ другъ отъ друга семействъ, на которыя распадается племя. Такъ жили, напр., циклопы; «у нихъ нѣтъ—говоритъ Одиссея—ни народныхъ собраній, ни судебныхъ приговоровъ, а каждый творитъ судъ и расправу надъ своими женами и своими дѣтьми, и они совершенно не подчинены одни другимъ». И до сихъ поръ еще нѣкоторое народы ведутъ такую жизнь, напр., австралійцы и эскимосы крайняго сѣвера. Племя эскимосовъ разсыпано по своимъ снѣжнымъ пустынямъ совершенно отдѣльными семействами; «между ними — говоритъ новѣйшій путешественникъ, капитанъ Голль,—нѣтъ никакой іерархіи, никакой зависимости. Каждый юноша, чувствующій въ себѣ довольно силы и ловкости для самостоятельной жизни, обзаводится женою, выходитъ изъ своего семейства и начинаетъ совершенно ни отъ кого независимое существованіе».

И дальность разстояній, раздѣляющихъ эти семейства одно отъ другого, и физическія препятствія для сообщеній, и постоянная взаимная вражда этихъ семействъ обыкновенно держатъ ихъ въ пол-

ной изолированности другъ отъ друга. Взрослому, не женатому мужчинѣ трудно, часто даже невозможно достать себѣ женщину изъ чужой семьи, и онъ естественно старается удовлетворить свой половой инстинктъ посредствомъ сестры или другой родственницы, живущей съ нимъ въ одномъ шалашѣ. Историческіе памятники и извѣстія путешественниковъ о современныхъ дикаряхъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что на зарѣ народной исторіи такія кровосмѣсительныя связи въ большомъ ходу и часто удерживаются національными обычаями даже въ то время, когда всякая необходимость въ нихъ исчезаетъ. Древніе ассирійцы и персы женились даже на родныхъ матеряхъ, а египтяне на сестрахъ. Еврейскія хроники разсказываютъ не только о первобытныхъ бракахъ между братьями и сестрами, но даже о связяхъ отцовъ съ дочерьми. Въ сагахъ перуанцевъ, египтянъ, грековъ и многихъ другихъ народовъ первобытный бракъ часто является въ формѣ упомянутаго нами кровосмѣшенія. У многихъ современныхъ дикарей кровосмѣсительныя связи не только братьевъ съ сестрами, но даже отцовъ съ дочерьми далеко не рѣдки. Довольно хорошо выясняетъ причины происхожденія этого брака камчадальская мифологія. Земля была еще необитаема, когда въ Камчатку спустился съ неба богъ Кутху съ своею сестрою-женою. Вскорѣ у нихъ родились сынъ и дочь, которые, по примѣру родителей, вступили между собою въ супружество. Кутху, сынъ его и ихъ жены носили платье, сшитое изъ древесныхъ листьевъ, питались сначала только березовою и таловою корой, пока не изобрѣли лодокъ и рыболовныхъ сѣтей, сплетенныхъ изъ крапивы. Наконецъ Кутху исчезъ изъ Камчатки; его дѣти продолжали размножаться, и за неимѣніемъ въ странѣ женщинъ, долго еще братья женились на своихъ сестрахъ. У островитянъ Южнаго океана до сихъ поръ случается, что ребенокъ имѣетъ въ одномъ и томъ же лицѣ мать и бабушку, или мать и тетку. Въ одной изъ индустанскихъ кастъ братья женятся обыкновенно на сестрахъ, а дяди на племянницахъ. Но у культурныхъ народовъ такіе кровосмѣсительные браки и связи продолжаютъ существовать только въ видѣ исключеній и удерживаются почти одними владѣтельными лицами, которыя, опасаясь оскверненія своей якобы божественной природы тѣломъ обыкновенной женщины, вступаютъ въ бракъ съ своими сестрами или другими родственницами, имѣющими также притязаніе на священность своей крови. Этого обычая держатся, напр., калмыцкіе князья, почему въ народѣ и существуетъ поговорка, что «князья и собаки вовсе не знаютъ родства». Кацики Новой Англіи и перуанскіе императоры, эти божественные сыновья солнца, не могли вступать въ бракъ ни съ кѣмъ, кромѣ своихъ сестеръ, и это дѣлалось исключительно для поддержанія чистоты ихъ священной крови, для того, чтобы государь и по мужескому, и по женскому колѣну былъ божественнаго происхожденія.

Путемъ такихъ кровосмѣсительныхъ браковъ семейство разростается въ родъ и племя, и тогда браки начинаютъ заключаться между членами не одной и той же семьи, а разныхъ семей одного племени. Извѣстная враждебность дикихъ народовъ другъ къ другу и основанное на ней междуплеменное взаимное презрѣніе развиваютъ у многихъ племенъ обычай *экзогаміи*, запрещающій браки съ людьми чужихъ племенъ. Мы предполагаемъ, что экзогамія стоитъ въ тѣсной связи съ упомянутыми кровосмѣсительными браками и естественно выродилась изъ нихъ при размноженіи племени и при распаденіи его на отдѣльныя семейства, что дозволило жениться и выходить замужъ за членовъ чужой семьи, а не своей собственной. Впрочемъ, происхожденіе эндогаміи и противоположнаго ей обычая *экзогаміи*, повелѣвающаго жениться непремѣнно на женщинѣ чужого рода или племени, — происхожденіе этихъ обычаевъ и ихъ историческая преемственность почти вовсе еще не изслѣдованы. Скажемъ только словами лучшаго изъ авторовъ, касавшихся этого предмета, Макъ Леннэна, что, по всей вѣроятности, первобытные народы сначала вовсе не держались исключительно ни эндогамическихъ, ни экзогамическихъ правилъ, а послѣ этого безразличнаго состоянія одни пошли къ эндогаміи, другіе къ экзогаміи *). Изъ числа первыхъ нѣкоторые, вѣроятно, перешли къ эндогаміи отъ упомянутыхъ кровосмѣсительныхъ браковъ между домочадцами, послѣ того, какъ сознали ихъ вредоносность для потомства и нашли возможнымъ, запретивъ ихъ, не оскверняться союзами съ чужестранцами, а брачиться съ единоплеменниками, только не съ близкими родственниками. Тайлоръ предполагаетъ, что паденію семейной эндогаміи содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, простой опытъ тѣхъ золъ, какія могутъ произойти отъ брака между близкими родственниками. Этого взгляда держится и компетентный знатокъ первобытныхъ народовъ, профессоръ Лазарусъ, справедливо замѣчая при этомъ, что «наблюденія и разсужденія дикихъ бываютъ часто весьма точны въ практическихъ вещахъ». Запрещеніе брака между родственниками входитъ, наконецъ, въ такую силу, что у нѣкоторыхъ народовъ, напр., у мандуровъ, китайцевъ, индусовъ, мужчинѣ нельзя жениться на дѣвушкѣ, носящей одно съ нимъ фамильное прозвище. Запрещеніе это распространяется и на всѣ виды фиктивнаго родства; въ древнемъ Римѣ усыновленіе, а у мусульманъ молочное родство такія же препятствія къ браку, какъ и кровное родство. Два члена какого-нибудь черкесскаго братства, хотя бы нельзя было доискаться между ними никакого родства, не могутъ брачиться между собою. У дикихъ тупинамбасовъ Бразиліи двумъ мужчинамъ, уговорившимся называть другъ друга братьями, запрещается жениться на дочеряхъ или сестрахъ другъ друга. У кондовъ нельзя вступать въ бракъ даже съ иностранцами, усыновленными племенемъ одного изъ супруговъ или живущими среди

*) По мнѣнію Леббока, разница между эндогамными, и экзогамными племенами произошла отъ неравной пропорціи половъ: тѣ племена, у которыхъ преобладаютъ мальчики, склонны сдѣлаться экзогамными, а тѣ, у которыхъ дѣвочки, эндогамными.

его. Нарушеніе этихъ экзогамическихъ правилъ наказывается чрезвычайно строго; конды казнятъ виновныхъ смертью, а баттасы рубятъ ихъ живыми и ѣдятъ ихъ мясо, изжаренное или сырое, съ солью и съ краснымъ перцомъ. Эти запрещенія единоплеменныхъ браковъ существуютъ у множества народовъ,—у черкесовъ, калмыковъ, ногайцевъ, киргизовъ, индѣйцевъ, остяковъ, самоѣдовъ, австралійцевъ, африканцевъ и т. д. Кромѣ упомянутыхъ уже нами обстоятельствъ этому содѣйствуетъ численная недостаточность женщинъ, замѣчаемая у всѣхъ первобытныхъ народовъ и являющаяся, главнымъ образомъ, вслѣдствіе чрезвычайно распространеннаго по всему земному шару обычая убивать дѣвочекъ. Многіе народы умерщвляютъ большую часть ихъ тотчасъ послѣ рожденія, чтобы не тратиться на убыточное прокормленіе ихъ до зрѣлаго возраста. Такое дѣтоубійство у нѣкоторыхъ племенъ Индустана доходитъ до того, что въ иныхъ общинахъ не найдется и одного ребенка женскаго пола. По всей Азіи, Африкѣ, Америкѣ, Австраліи также щедро льется дѣтская кровь и бѣдность заставляетъ истреблять массы новорожденныхъ дѣвушекъ, тратиться на воспитаніе которыхъ дикарю не расчетъ, такъ какъ женщина, потребляя почти столько же, сколько мужчина, не можетъ равняться съ нимъ въ дѣлахъ войны и охоты — этихъ главныхъ занятіяхъ дикой жизни, а неразвитость торговли женщинами препятствуетъ окупать издержки прокормленія дѣвушки ея продажею въ замужество. Экономическій разсчетъ и сила нужды въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что у бониснанованъ матери убиваютъ своихъ дѣтей для того, чтобы кормить своею грудью щенятъ, которыхъ онѣ воспитываютъ и дрессируютъ для ловли двуутробокъ и кенгуру. Не меньшее число дѣвочекъ истребляется вслѣдствіе разныхъ суевѣрій и изъ желанія родителей угодить кровожаднымъ божествамъ покормивъ ихъ мясомъ своихъ зарѣзанныхъ дѣтей. Въ древнихъ Финикіи, Карфагенѣ, Египтѣ, Палестинѣ, Греціи, Аравіи, у современныхъ индусовъ, индѣйцевъ, австралійцевъ, китайцевъ, японцевъ, африканцевъ, — словомъ, почти у всѣхъ дикихъ и малоцивилизованныхъ народовъ мы видимъ такое жертвенное истребленіе дѣвочекъ въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ и по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ. Самый способъ веденія первобытной войны часто лишаетъ извѣстныя племена всѣхъ женщинъ, уводимыхъ въ плѣнъ побѣдителями. Многіе дикари, видя неминуемость побѣды враговъ своихъ и не желая, чтобы ихъ семейства были захвачены въ плѣнъ, перерѣзываютъ своихъ женъ и дѣтей и съ отвагою отчаянія идутъ на смертный бой съ непріятелемъ; такъ дѣлали, напр., камчадалы во время своей борьбы съ русскими въ XVIII в. Независимо отъ всѣхъ подобныхъ истребленій, женщины дикарей, задавленныя тяжелыми трудами, истощаемыя общими съ мужчинами лишеніями и особенными, свойственными только ихъ полу, болѣзнями, умираютъ чаще и раньше мужчинъ. Это подтверждается множествомъ наблюденій надъ первобытными племенами всѣхъ частей свѣта. Драгоцѣнныя указанія въ этомъ отношеніи мы имѣемъ о сибирскихъ инородцахъ, чуть-ли не единственныхъ дикаряхъ въ мірѣ, подлежащихъ вѣдѣнію статистики. Въ березовскомъ округѣ, напр., съ 1816 по 1828 г. мужское инородческое населеніе *увеличилось* на 260 ч., а женское *уменьшилось* на 1609 ч. Благодаря такой слабой устойчивости женщинъ противъ нападеній смерти, ихъ всегда было мало сравнительно съ числомъ мужчинъ, хотя сибирскіе инородцы и не ведутъ истребительныхъ войнъ и рѣдко убиваютъ дѣвушекъ. Въ томскомъ округѣ на 100 инородцевъ приходится женщинъ 84,4, а по мѣстамъ только 63,6; въ бійскомъ округѣ 83,3, а кое-гдѣ 60,1; въ березовскомъ округѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ maximum 95,7, въ другихъ мѣстностяхъ minimum 72,4 и т. д. У другихъ дикарей количество женщинъ должно быть еще меньше, такъ какъ, независимо отъ смертности, оно убываетъ еще отъ дѣтоубійствъ, умыканія и продажи дѣвушекъ. При родовой враждѣ, при недостаточности своихъ женщинъ и при отвращеніи отъ кровосмѣсительныхъ браковъ, мужчины естественно принимаются за насильственный захватъ или умыканіе женщинъ изъ другихъ племенъ. Эта первобытная форма брака — умыканіе дѣвицъ — долго продолжаетъ существовать даже и послѣ того, какъ народъ, переставъ жить отдѣльными семействами, образуетъ изъ себя многочисленные роды, даже государства. Племенная враждебность препятствуетъ заключенію мирныхъ браковъ съ женщинами чужого племени, а своихъ женщинъ или недостаточно, или жениться на нихъ мѣшаетъ обычай. Умыканіе на низшей ступени развитія такъ всеобще и служитъ такимъ единственнымъ основаніемъ правъ мужа, что даже послѣ исчезновенія его изъ жизни, символическая форма все-таки продолжаетъ существовать, какъ необходимое условіе для законности брака. Почти у всѣхъ народовъ сохранились воспоминанія объ этой первобытной формѣ брака и указанія на нее въ сагахъ, пѣсняхъ и брачныхъ обрядахъ, изображающихъ нападеніе жениха на невѣсту, сопротивленіе послѣдней и насильственный увозъ ея; на основаніи этихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ мы имѣемъ полное основаніе заключить, что бракъ совершали въ древности исключительно посредствомъ умыканія у всѣхъ инородцевъ Сибири, у негровъ, арабовъ, горцевъ Кавказа, дикарей Полинезіи, индусовъ, кондовъ, туземцевъ Америки, негровъ, тунгусовъ, арабовъ, камчадаловъ, татаръ, монголовъ, финновъ, грековъ, римлянъ, поляковъ, литовцевъ, прусовъ, германцевъ, малайцевъ, киргизовъ, ногаевъ, евреевъ, сирійцевъ, жителей Франціи, Англіи и т. д. О существованіи этого обычая у славянъ есть положительныя свидѣтельства Нестора и Козьмы Пражскаго. То же самое говоритъ о скандинавахъ Олай Великій, а братъ его Іоаннъ приводитъ много примѣровъ, доказывающихъ, что этимъ промысломъ нерѣдко занимались члены фамилій, царствовавшихъ въ Даніи и Швеціи. Подданные подражали имъ, и похищеніе невѣстъ долго существовало тамъ даже послѣ введенія христіанства. Свадебныя свиты состояли обыкновенно изъ вооруженныхъ

людей и бракосочетанія совершались въ церквахъ преимущественно по ночамъ, для большей безопасности. Въ одной старинной готландской церкви хранится до сихъ поръ пукъ, составленный изъ никъ, въ которыя втыкались факелы. Оружіе это служило вмѣстѣ и для освѣщенія, и для защиты. Насильственное пріобрѣтеніе женъ не вывелось и до сихъ поръ въ Азіи, Америкѣ, Новой Зеландіи, на островахъ Тихаго океана и во многихъ другихъ странахъ. Этотъ обычай такъ укоренился въ жизни карайбовъ, что, по словамъ Гумбольдта, тамъ нельзя найти замужней женщины, умѣющей говорить на языкѣ того племени, посреди котораго живетъ она. Безпрерывныя войны карайбовъ доставляютъ имъ много плѣнниковъ, изъ которыхъ мужчины приготовляются въ пищу, а женщины для супружескаго дѣла и работы. Въ Австраліи женихъ ночью вторгается въ хижину, гдѣ спитъ его возлюбленная, колотитъ ея родителей и, оглушивъ невѣсту ударомъ дубины, съ торжествомъ уноситъ ее въ свой таборъ. То же самое и въ Новой Зеландіи. Нѣкоторые дикари умыкаютъ даже цивилизованныхъ женщинъ. Патагонцы, напр., живущіе исключительно охотой и грабежами, при своихъ набѣгахъ на Аргентинскую республику, похищаютъ не только скотъ и съѣстные припасы, но также и женщинъ. Изъ сѣверныхъ штатовъ Мехики не менѣе 600 женщинъ и дѣтей ежегодно похищается куманчами, апачами и другими разбойничьими племенами.

Понятно, что такое вооруженное сватовство не можетъ обойтись безъ борьбы и сопротивленія какъ со стороны самой невѣсты, такъ и со стороны ея семейства. Умыкаемой дѣвушкѣ приходится идти буквально въ рабство къ чуждому и враждебному племени, и вотъ основаніе тѣхъ невѣстиныхъ причитаній и плачей, которые, сохранившись до послѣдняго времени въ свадебныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ народовъ, живо рисуютъ передъ нами душевныя волненія и тревогу невѣсты первобытной эпохи. И не одна только боязнь «чужого рода-племени» мучила невѣсту, а часто также и разореніе своего дома, истребленіе или полонъ своего семейства, которыми сплошь и рядомъ сопровождалось умыканіе.

Въ одной русской пѣснѣ, напр., невѣстѣ не совѣтуется сидѣть подъ окномъ, потому что—

Быть саду да полоненному,
Всему роду да покорену му.

Въ другой пѣснѣ невѣста поетъ, что завтра чѣмъ свѣтъ—

Пріѣдутъ ко батюшкѣ
Съ боемъ да съ грабежомъ,
Что ограбятъ же батюшку,
Да полонятъ мою матушку,
Повезутъ меня молоду
На чужую да на сторонушку!

Въ третьей пѣснѣ невѣста проситъ спрятать ее «отъ лихого наѣздника», т.-е. жениха, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ сохранился обрядъ этого прятанья.

Обрядовое сопротивленіе невѣсты жениху, какъ памятникъ первобытной борьбы съ нимъ, до сихъ поръ удерживается лапландцами, черкесами и многими другими народами. У гренландцевъ, напримѣръ, невѣста съ воплями и съ распущенной косой убѣгаетъ изъ дома въ пустыню; долго ищутъ ее здѣсь агенты жениха и, наконецъ, насильно увлекаютъ въ его домъ. По всей вѣроятности, всѣ эти обряды остались отъ того времени, когда борьба первобытной женщины за свою свободу приходила уже къ концу и рѣшалась въ пользу мужчины. Несомнѣнно, что въ глубокой древности, когда женщина была почти такъ же сильна и воинственна, какъ и мужчина, борьба невѣсты противъ нападающаго на нее жениха нерѣдко кончалась побѣжденіемъ послѣдняго. Женщины Нибелунговъ такъ самостоятельны, воинственны и сильны, что самые знаменитые богатыри принуждены употреблять неимовѣрныя усилія, чтобы сдѣлаться ихъ мужьями или любовниками. Зигфридъ сватается и долго ухаживаетъ за прекрасной королевой Брунегильдой; онъ разбиваетъ семьдесятъ воротъ въ ея замкѣ, но гордая королева не сдается и прогоняетъ героя. Одному поклоннику, добивавшемуся ея руки, Брунегильда предложила поединокъ, съ условіемъ, если онъ побѣдитъ, то будетъ ея мужемъ, если будетъ побѣжденъ, то лишится головы,—послѣднее и случилось. Такое же условіе было предложено и ея жениху Гунтеру; но на этотъ разъ она была побѣждена Гунтеромъ съ помощью Зигфрида, наносившаго ей тяжкіе удары изъ-подъ своего плаща-невидимки. Тотчасъ же по выходѣ замужъ, Брунегильда вступила съ Гунтеромъ въ бой, связала его по рукамъ и по ногамъ и, повѣсивъ на цѣлую ночь подъ самымъ потолкомъ, преспокойно легла спать на роскошной постели. Въ легендахъ другихъ народовъ мы также находимъ воспоминанія о подобныхъ Брунегильдѣ женщинахъ, которыя могли постоять за себя и отбиться отъ рабскаго брака. Есть также указанія и на то, что иногда не женихъ съ помощью своихъ сподвижниковъ умыкалъ невѣсту, а наоборотъ, невѣста ловила или умыкала жениха. Такъ, въ русской былинѣ Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ въ полѣ всадницу, «наленицу, женщину великую» и хочетъ вступить съ нею въ бой. Но она схватила Добрынюшку за кудри, посадила его во глубокъ карманъ и повезла къ себѣ домой, объявивъ, что если онъ «въ любовь ей придетъ», то она выйдетъ за него замужъ. И дѣйствительно, заставила плѣннаго богатыря жениться на себѣ. Бопланъ, оставившій описаніе Малороссіи въ половинѣ XVII вѣка, говоритъ, что здѣсь, наперекоръ всѣмъ народамъ, не мужчины сватаются за дѣвицъ, а дѣвицы за мужчинъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ число свадебныхъ обрядовъ до сихъ поръ входитъ здѣсь *ловля жениха*. Въ то время, какъ женихъ съ боярами ѣдетъ мимо дома невѣсты, родные послѣдней выходятъ на улицу съ палками и стараются загнать его на дворъ къ невѣстѣ. Женихъ ускакиваетъ отъ нихъ съ боярами до трехъ разъ, потомъ его ловятъ и ведутъ въ домъ, въ сѣняхъ котораго встрѣчаетъ его невѣста. И если церемонія насильнаго увоза невѣсты несомнѣнно доказываетъ ея умыканіе въ древности, то обрядъ лов-

ли жениха точно также убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ первобытной жизни женщины не всегда насильно вступали въ бракъ, а иногда сами искали себѣ подходящаго жениха и умыкали его съ помощью своихъ родныхъ, которые, принимая его въ свое семейство, получали въ немъ новаго члена и работника. Подобно тому, какъ одни племена дѣлали походы и набѣги для пріобрѣтенія себѣ женъ, другіе такими же точно средствами добывали мужей для своихъ дѣвушекъ. И въ древнихъ сагахъ, и въ извѣстіяхъ о современныхъ дикаряхъ мы читаемъ, что нерѣдко извѣстное племя принимаетъ въ свой составъ захваченныхъ имъ на войнѣ плѣнниковъ и женитъ ихъ на своихъ дочеряхъ. Первобытному семейству, выростившему дѣвушку, конечно, выгоднѣе было принимать ея будущаго мужа въ свой домъ, чѣмъ отдавать ее въ чужія руки: семья нуждалась въ мужчинахъ для приплода и для работы. А что принятіе въ домъ зятя нисколько не противорѣчитъ принципамъ и характеру первобытной жизни, это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что у многихъ народовъ, послѣ превращенія умыканія невѣсты въ покупку ея, женихъ часто поступаетъ въ работники къ своему будущему тестю, зарабатываетъ себѣ невѣсту и, вступивъ въ бракъ съ нею, дѣлается членомъ ея семьи.

Умыканіе дѣвицъ, сопровождаемое обыкновенно опустошеніями войны, вредило не только интересамъ невѣстъ, но также и интересамъ ихъ семей или родовъ. Родъ, лишившійся женщинъ вслѣдствіе набѣга непріятелей, естественно долженъ былъ мстить послѣднимъ и вознаграждать себя на ихъ счетъ за свои потери. Похищеніе дѣвицъ—самая главная причина той племенной вражды и тѣхъ опустошительныхъ войнъ, которыми ознаменована первобытная исторія всѣхъ народовъ. Въ этой первобытной борьбѣ лучшимъ защитникомъ и союзникомъ дѣвушки является ея братъ. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ, напримѣръ, женихъ или борется съ братомъ невѣсты, или подкупаетъ его. Намъ кажется, что эта древняя привязанность брата къ сестрѣ не можетъ быть объяснена одними родственными чувствами или хозяйственными расчетами, а имѣетъ тѣсную связь съ тѣми кровосмѣсительными браками, о которыхъ мы уже говорили и которые несомнѣнно были въ обычаѣ во времена глубокой древности. Братъ терялъ въ сестрѣ не только свою родственницу и семейную сработницу, но и жену. И нѣроятно, сначала, когда ходъ общественныхъ событій началъ болѣе и болѣе разрушать семейные кровосмѣсительные браки, братъ хотя и вынуждался уступать жениху, но дѣлалъ эти уступки не даромъ. У австралійцевъ женихъ часто вымѣниваетъ себѣ невѣсту, отдавая вмѣсто нея свою сестру или другую родственницу. У нѣкоторыхъ народовъ, напр., у задунайскихъ славянъ, до сихъ поръ сохранился свадебный обычай, указывающій на существованіе у нихъ въ древности семейнаго права первой ночи: братъ или другой родственникъ невѣсты пользовался этимъ правомъ прежде отдачи ея жениху. У другихъ народовъ, напр., у молуа въ Африкѣ, это продолжается до сихъ поръ.

Такимъ образомъ исторія брачнаго права начинается у всѣхъ народовъ насиліемъ умыканія. Однакожъ умыканіе не всегда ведетъ за собою брачный союзъ. Дикарь, стоящій по развитію немногимъ выше животнаго, нерѣдко завладѣваетъ женщиною только ради кратковременнаго наслажденія ею. Дюмонъ Дюрвиль разсказываетъ, что если дикарю приглянулась какая-нибудь женщина, то онъ, выбравъ удобную минуту, насильно овладѣваетъ ею и ведетъ къ себѣ. Если она сопротивляется, онъ бьетъ ее по лицу, по головѣ, по чему ни попало, окровавленную, черезъ лѣса, овраги, болота—тащитъ ее въ свой шалашъ, а потомъ бросаетъ ее, какъ негодную вещь. Такая дикая роскошь, конечно, не всегда возможна при малочисленности женщинъ, которыхъ, сравнительно съ числомъ мужчинъ, всегда недостаточно въ дикихъ обществахъ, какъ эндогамическихъ, такъ и экзогамическихъ. И чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ меньше онъ можетъ достать женщинъ. Вслѣдствіе этого одна женщина должна удовлетворять многихъ мужчинъ, возникаетъ *поліандрія*, которую долго считали какою-то странною исключительностью въ исторіи, и которая, между тѣмъ, оказывается чрезвычайно распространенною и самою первичною формою брачнаго союза, естественно возникшею вслѣдствіе недостаточности женщинъ. Даже и въ настоящее время поліандрія распространена гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ, а по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ древности она была во время оно еще несравненно распространеннѣе. Она существуетъ въ Тибетѣ, Исландіи, на Малабарскомъ берегу, Цейлонѣ, Новой Зеландіи, островахъ Алеутскихъ, на Отаити и другихъ островахъ Южнаго океана, въ гималайскихъ и подгималайскихъ земляхъ, сосѣднихъ съ Тибетомъ, долинѣ Кашмира, у спитовъ въ Ладанѣ, въ Синморѣ, Кавіи, въ горахъ Сиваликъ, въ нильгерскихъ горахъ у тудасовъ, у мисорскихъ курговъ и нейровъ, у коряковъ, на островахъ Канарскихъ и въ очень еще недавнее время на Ладранскихъ. Въ древности поліандрія существовала у жителей сѣверной Индіи, по китайскимъ источникамъ въ Токгарестанѣ, по греческимъ извѣстіямъ у сабеянъ, жителей Африки гарамантовъ, у ливійскаго племени авзеевъ, у троглодитовъ, живущихъ на западномъ берегу Аравійскаго моря, у скифовъ, мидянъ, массагетовъ, спартанцевъ, савроматовъ, кельтовъ, бриттовъ, пиктовъ, ирландцевъ, а по свидѣтельству Кампенгаузена (Bemerkungen über Russland, Leipzig, 1807) у нашихъ запорожцевъ. Несомнѣнные слѣды древняго существованія поліандріи, какъ мы увидимъ ниже, представляются также къ Ликіи, Каппадокіи, Перу, Шампани и у множества народовъ Америки, Азіи и Африки. Словомъ, все убѣждаетъ насъ, что первичною формою брака была поліандрія и, основываясь на древнихъ извѣстіяхъ, равно какъ и на современныхъ этнографическихъ свѣдѣніяхъ, мы можемъ возстано-

вить въ своемъ представленіи не только разныя ея видоизмѣненія, но даже и порядокъ ихъ исторической преемственности.

Полиандріи предшествуетъ общность женъ, являющаяся результатомъ крайней малочисленности женщинъ. Умыкаемыя или взрощенныя самимъ племенемъ женщины дѣлаются такимъ же коммунистическимъ достояніемъ его, какъ и другіе предметы пользованія, какъ дичь, настрѣляная въ лѣсу или рыба, наловленная въ водѣ. На существованіе этого гетеризма или общности женъ у народовъ древности указываетъ много свидѣтельствъ и фактовъ. Общность женщинъ, или, по крайней мѣрѣ, слѣды ея существованія, древніе писатели указываютъ у египтянъ, троглодитовъ, гарамантовъ, гинднновъ, набатеевъ, эфіоповъ, фракійцевъ, лидянъ, персовъ, локровъ и т. д. Слѣды подобнаго гетеризма или полная общность женщинъ видны у многихъ современныхъ народовъ, у ансарійцевъ, еймоковъ въ Кабулѣ, у мпонгме въ Африкѣ, кашгарцевъ, куманцевъ, алеутовъ, лоандцевъ и т. д. Замѣчаемая у дикарей свобода половой страсти, отдача женъ другимъ во временное пользованіе, угощеніе ими и дочерьми друзей и знакомыхъ, наконецъ столь распространенная въ древнемъ мірѣ религіозная проституція, — все это только отдѣльныя проявленія одного и того же первобытнаго гетеризма, представительницею котораго въ религіи служитъ культъ Венеры, существующій въ разныхъ формахъ у множества народовъ и постепенно вытѣсняемый изъ жизни культомъ, представляющимъ идеалы брака и материнства.

Малочисленность женщинъ, ведущая за собою ихъ умыканіе, гетеризмъ и полиандрію до сихъ поръ поддерживаетъ въ дикаряхъ наклонность къ общему пользованію ими. Мужъ похищенной или купленной женщины свои исключительныя права на нее слишъ и рядомъ принужденъ бываетъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ противъ всѣхъ своихъ холостыхъ родичей: каждому изъ нихъ хочется отнять эту женщину. Такая борьба мужчинъ за женщинъ, и борьба не обрядовая, а очень серьезная и кровопролитная, до сихъ поръ существуетъ, напримѣръ, у дикарей Австраліи и Америки, а саги островитянъ Южнаго океана указываютъ на существованіе ея тамъ въ древности. Франклинъ говоритъ о нѣкоторыхъ племенахъ индійцевъ, что «они смотрятъ на женщинъ, какъ на всякую другую собственность, которую сильный всегда можетъ отнять у слабѣйшаго». У гудзонбайскихъ индійцевъ, по словамъ другого наблюдателя, мужчины обыкновенно дерутся за каждую похищенную женщину, и сильнѣйшій овладѣваетъ этою добычею. Слабому человѣку рѣдко удается удержать жену, которая приглянулась сильнѣйшему. И у многихъ другихъ народовъ въ ихъ сказаніяхъ о первобытныхъ временахъ мы находимъ слѣды этой борьбы за женщинъ. Общность женъ не могла остановить подобныхъ раздоровъ; при господствѣ ея, мужчина естественно стремился къ исключительному обладанію женщиной, а послѣдней тоже хотѣлось избавиться отъ лишнихъ любовниковъ. Такъ, при общности женъ, сильнѣйшіе мужчины успѣваютъ основывать для себя исключительные, монопольные браки. У троглодитовъ, напримѣръ, по Страбону и Діодору, жены были общія, кромѣ женъ ихъ царьковъ, которыя составляли исключительную собственность своихъ супруговъ и за прелюбодѣяніе съ которыми соблазнитель платилъ въ видѣ штрафа одну овцу. Борьба исключительныхъ стремленій мужчинъ съ общинными притязаніями его родичей кончается компромиссомъ; мужу предоставляется право ненарушимаго владѣнія женой, а родичи оставляютъ за собой только право пользоваться невѣстой въ продолженіе первой ночи или нѣсколькихъ первыхъ ночей брака. У древнихъ жителей балеарскихъ острововъ, напр., старѣйшій изъ родичей первымъ спалъ съ невѣстой, затѣмъ всѣ другіе по старшинству пользовались удовольствіями ея ложа, а потомъ уже женихъ. Въ Вавилонѣ, Арменіи, Карѳагенѣ каждая женщина должна была однажды удовлетворять страсти всѣхъ желающихъ и только послѣ этого она имѣла право выходить замужъ.

Такимъ образомъ, общность женъ стремится перейти въ бракъ, но этотъ переходъ долго невозможенъ, во-первыхъ, по малочисленности женщинъ, которыхъ недостаетъ на всѣхъ мужчинъ по одной, а во-вторыхъ, отдѣльныя личности безсильны охранять свои супружескія права отъ всѣхъ претендентовъ на женщину. Вслѣдствіе этого нѣсколько мужчинъ составляютъ компанію и, обзаведшись одной общей женой, отражаютъ всѣхъ другихъ искателей, желающихъ пользоваться ею. Эти компаніи соединенными силами умыкаютъ дѣвушекъ или покупаютъ ихъ. Такія компаніи были прежде на островахъ Маріанскихъ и существуютъ до сихъ поръ въ Австраліи, на Цейлонѣ, Отаити и другихъ островахъ Южнаго океана. Самая первичная форма этой полиандріи отличается тѣмъ, что мужья-компаньоны не родственники другъ другу, а общая жена ихъ живетъ или у своихъ родителей, или въ собственномъ домѣ, независимо ни отъ мужей, ни отъ родителей. Такъ, напримѣръ, у нейровъ, жена, вышедшая за перваго мужа, поселяется въ своемъ домѣ и ведетъ самостоятельную жизнь; она можетъ взять себѣ еще нѣсколько мужей, не болѣе, впрочемъ, двѣнадцати, и въ выборѣ ихъ совершенно свободна. У тѣхъ же нейровъ и на Цейлонѣ жена остается иногда въ домѣ своихъ родственниковъ, а мужья переселяются къ ней или куда-нибудь по близости. Дальнѣйшая форма полиандріи, еще болѣе отступающая отъ первобытной общности женъ, состоитъ въ томъ, что жена принадлежитъ не случайнымъ компаньонамъ, а нѣсколькимъ братьямъ и живетъ въ ихъ общемъ жилищѣ, вслѣдствіе чего у многихъ народовъ, напр., у гавайцевъ, одно и то же слово означаетъ отца, дядю по матери или отцѣ, мужа и племянника дѣда; слово *уаина* обозначаетъ и жену, и сестру жены, и жену брата, и жену брата жены, и женъ двоюродныхъ братьевъ, а слово *кана*—мужа, брата, мужа сестры. Иногда объ эти формы встрѣчаются у одного и того же народа, но у большинства извѣстныхъ намъ полиандрическихъ племенъ, напримѣръ, у тибетцевъ, кашмирцевъ, ладакцевъ.

нейлющевъ, бриттовъ — господствуетъ послѣдняя форма полиандріи. Переходъ женщины въ чужое семейство и узы родства, связывающія ея мужей, служатъ необходимыми условіями для постепеннаго превращенія многомужества въ единоженство и полигамію. Какъ полиандрическія братства и компаніи стараются ограничить общность женъ и утвердить свои исключительныя права на содержимую ими компанейскую супругу, такъ и сильнѣйшіе изъ мужей-братьевъ стараются, отдаливъ отъ жены своихъ соперниковъ, владѣть ею нераздѣльно. Преобладаніе въ этой борьбѣ естественно беретъ старшій братъ и дѣлается сначала главнымъ, а потомъ и единственнымъ супругомъ своей семейной жены. Слѣды этого переворота можно видѣть въ разныхъ обычаяхъ полиандрическихъ народовъ. Въ распространенномъ по всему Тибету полиандрическомъ бракѣ всѣ братья равно могутъ пользоваться любовью своей общей жены, но и здѣсь уже замѣтно преобладаніе старшаго брата, которому принадлежитъ право выбирать жену, и который считается отцомъ всѣхъ ея дѣтей. Такое же значеніе имѣлъ старшій братъ и у бриттовъ. Въ Ладакѣ при женитьбѣ старшаго сына къ нему переходитъ вся собственность его родителей, которыхъ онъ обязуется содержать до смерти. Младшій братъ обыкновенно поступаетъ въ духовное званіе и дѣлается безбрачнымъ ламой, остальные братья считаются второстепенными мужьями жены первенца, которому принадлежатъ и всѣ рожденныя ею дѣти. Младшіе братья не имѣютъ никакой власти и всецѣло зависятъ отъ произвола старшаго. По смерти послѣдняго, его имѣніе, власть и вдова переходятъ къ слѣдующему брату. Наконецъ, на извѣстной ступени общественнаго прогресса, старшему брату удается вовсе устранить другихъ отъ пользованія женою при своей жизни и ограничить его только правомъ, переходящимъ послѣ его смерти къ слѣдующему брату. Это *левиратный* бракъ, по которому вдова умершаго брата переходитъ по наслѣдству къ слѣдующему. Левиратъ существуетъ у множества народовъ, и такъ какъ онъ естественно развивается изъ полиандріи, то уже одного его существованія совершенно достаточно для доказательства, что многомужество господствовало нѣкогда у народовъ, держащихся левиратнаго обычая, т.-е. у евреевъ, египтянъ, индусовъ, персовъ, друзовъ, моавитянъ, сирійскихъ арабовъ, монголовъ, остяковъ, киргизовъ, гольдовъ на Амурѣ и Уссури, кавказскихъ горцевъ, индейцевъ и множество племенъ Африки и т. д. Левиратъ, такимъ образомъ, есть моногамическій бракъ, носящій на себѣ явные слѣды полиандріи, изъ которой онъ развился. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что господство полиандріи въ первобытной жизни слѣдуетъ считать отнюдь не исключительнымъ, а только болѣе или менѣе преобладающимъ надъ другими формами брака. Даже въ чисто полиандрическомъ обществѣ нерѣдко могутъ случаться примѣры моногаміи и полигаміи. Если мужчина не имѣетъ вовсе братьевъ и владѣетъ своимъ фамильнымъ имуществомъ нераздѣльно, то онъ естественно живетъ въ моногаміи, а большинство окружающихъ его семей, заключающихъ въ себѣ по нѣсколько братьевъ, держится полиандріи. Сильный или богатый человѣкъ даже въ полиандрическомъ обществѣ можетъ обзавестись не только отдѣльною женою, но даже нѣсколькими вдругъ, и полигамія, такимъ образомъ, возникаетъ на ряду съ единоженствомъ и многомужествомъ. При этомъ переходномъ состояніи сладострастіе и рабовладѣльческіе расчеты мужчинъ стремятся къ утвержденію полигаміи, между тѣмъ какъ женщина, для которой полигамія неудовлетворительна и унизительна, а многомужество тяжело и истощительно, употребляетъ разныя усилія къ водворенію единоженства. Условія жизни первобытнаго общества, послѣ паденія полиандріи и послѣ того, какъ численныя отношенія половъ, вслѣдствіе извѣстной доли соціальнаго прогресса, болѣе или менѣе уравновѣсятся,—условія жизни даютъ моногаміи преобладаніе надъ другими формами брачнаго союза. Полигамія невозможна для низшихъ породъ человѣчества, не по малочисленности только женщинъ, но и потому, что содержаніе многихъ женъ стоитъ дорого, вслѣдствіе этого полигамія является только при дальнѣйшемъ развитіи народа и у однихъ лишь зажиточныхъ людей, между тѣмъ какъ бѣдники и перебивающіеся со дня на день дикари живутъ съ одною женою. Кромѣ бѣдности, ихъ принуждаетъ къ моногаміи еще и то обстоятельство, что, бродя постоянно со своими семьями вдали отъ другихъ людей, не зная никакой формы общественнаго союза, кромѣ семейной, они въ управленіи своимъ семействомъ должны полагаться только на собственныя свои силы; послѣднихъ у дикаря достанетъ на то, чтобы держать въ рабствѣ одну бабу, но съ нѣсколькими онъ, пожалуй, и не справится. Да и для чего ему много женъ? Хозяйственныя работы, для которыхъ низшедѣствіи употребляются женщины, въ первобытной жизни такъ ограничены, что для ихъ выполненія совершенно достаточно одной женщины и ея ребятъ; а половое сладострастіе, которое, вмѣстѣ съ потребностью въ рабочихъ рукахъ, служитъ главною причиною полигаміи, у дикарей развито чрезвычайно слабо. И почти у всѣхъ извѣстныхъ намъ дикихъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и современныхъ, мы видимъ послѣ паденія полиандріи или исключительное господство моногаміи, или, по крайней мѣрѣ, весьма значительное преобладаніе ея надъ другими формами брака. Саги и преданія, не только цивилизованныхъ, но даже дикихъ народовъ, гласятъ, что первые люди жили въ моногамическомъ союзѣ. Большинство боговъ имѣетъ по одной женѣ. У современныхъ дикарей, стоящихъ на низшей ступени развитія, также господствуетъ моногамія. Изъ двадцати гренландцевъ развѣ одинъ только имѣетъ болѣе одной жены, да и то лишь въ случаѣ совершеннаго безплодія первой супруги. Лопари всегда жили не иначе, какъ въ единоженствѣ. Большинство бедуиновъ, несмотря на исламъ, дозволяющій четырехъ женъ, имѣетъ только по одной. То же самое у значительнаго большинства дикарей Сибири, Америки, Африки и т. д. Правда, что почти у всѣхъ этихъ народовъ рядомъ съ моногаміей существуетъ и мно-

рожденство, но первая все-таки является господствующею формою, а послѣдняя существуетъ уже какъ результатъ извѣстной степени богатства и общественнаго развитія; чѣмъ неразвитѣе и бѣднѣе народъ, тѣмъ сильнѣе у него моногамія, и наоборотъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что преемственность родовъ брака не имѣетъ безусловно неизмѣнной опредѣленности, завися отъ множества мѣстныхъ и временныхъ условій. Моногамія, какъ мы сказали, есть преимущественная форма брачнаго союза у дикарей. Но у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же дикихъ племенъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, существуетъ сплошная полигамія и притомъ въ громадныхъ размѣрахъ. Къ сѣверу отъ Мадраса, напр., живетъ одно самое дикое племя, въ которомъ число женщинъ до такой степени превосходитъ мужчинъ, что каждый имѣетъ по семи женъ. Подобныя исключенія, конечно, нисколько не отвергаютъ преобладанія единоженства въ дикой жизни, послѣ паденія поліандріи.

Всѣ древнія и новыя свидѣтельства утверждаютъ, что въ поліандріи женщина пользуется почти полною свободой и независимостью. Она владѣетъ отдѣльнымъ отъ супруговъ имуществомъ, по своему желанію выбираетъ мужей и послѣдніе относятся къ ней съ замѣчательнымъ уваженіемъ. Несомнѣнно, что и эту свободу и это уваженіе женщина пріобрѣтаетъ потому, что сама она служитъ рѣдкимъ и дорогимъ товаромъ, и цѣною своей любви можетъ купить у соперничающихъ за нее мужчинъ все, что угодно. Одинъ изъ самыхъ новыхъ наблюдателей поліандріи, Эрихъ фонъ-Шенбергъ, разсказываетъ, что каждый изъ мужей-компаньоновъ старается преимущественно передъ другими угодить общей женѣ и готовъ поблажать каждому ея капризу. Малочисленность женщинъ, даже безъ поліандріи, всегда хорошо вліяетъ на ихъ положеніе въ семействѣ и въ обществѣ, хотя и вредно дѣйствуетъ на ихъ нравственность. Чѣмъ меньше въ извѣстной странѣ женщинъ, тѣмъ болѣе цѣнятся онѣ во всѣхъ отношеніяхъ и тѣмъ удачнѣе могутъ онѣ бороться съ эгоизмомъ мужчинъ. Но одною цѣнностью женщины и порождаемымъ ею уваженіемъ мужчинъ нельзя объяснять того замѣчательнаго положенія женщины, какое она занимаетъ въ поліандрическомъ семействѣ и обществѣ. Самое устройство семьи и характеръ поліандрическаго семейнаго права необходимо выдвигаютъ женщину на передній планъ и ея интересы ставятъ выше интересовъ всѣхъ другихъ домочадцевъ.

Въ патріархальномъ семействѣ, типомъ котораго можетъ служить извѣстная каждому читателю библейская семья, абсолютно и единовластно царитъ принципъ отцовства. Управленіе всѣми дѣлами, родство, наслѣдство,—все это сводится къ одному центру,—къ личности домовладыки, власть котораго служитъ основою семейнаго института. При поліандріи такіе порядки невозможны, здѣсь семья не имѣетъ отца, особенно въ періодѣ общности женъ рѣшительно нельзя опредѣлить, кому принадлежатъ дѣти, рожденныя извѣстною женщиной, а позднѣе, при господствѣ одной изъ поліандрическихъ формъ, можно только сказать, что дѣти родились отъ одного изъ такихъ-то мужчинъ, число которыхъ доходитъ часто до десятка и болѣе. Да и понятія о родствѣ по отцу, даже о необходимости для самаго происхожденія дѣтей извѣстнаго участія мужчины, должны были явиться уже послѣ понятій о происхожденіи дѣтей изъ материнской утробы, что, по своей осязательной для всѣхъ очевидности, прежде всего должно было поразить вниманіе первобытныхъ людей. Такимъ образомъ, самая первичная семейная система была основана на идеѣ кровнаго родства и родства только по матери или по женской линіи. Коль скоро человѣкъ успѣлъ себѣ мысль, что въ жилахъ его течетъ материнская кровь, немного стоитъ ему догадаться, что таже самая кровь въ его братьяхъ и сестрахъ, равно какъ въ братьяхъ и сестрахъ его матери и т. д. У нейровъ, у которыхъ мужья обыкновенно не братья и не родственники между собою, никто не знаетъ своего отца и каждый смотритъ на дѣтей сестры, какъ на своихъ наслѣдниковъ, потому что кровная связь съ этими племянниками для грубаго нейра гораздо очевиднѣе, чѣмъ его родство съ дѣтьми его жены, неизвѣстно отъ кого зачатыми. И всѣ семейные обычаи этого народа проникнуты тѣми же принципами материнства. Семействомъ управляетъ мать, а послѣ ея смерти —старшая сестра. Братья живутъ обыкновенно подъ одною кровлей; если одинъ изъ нихъ отдѣляется, то съ нимъ обыкновенно уходитъ любимая сестра его. Послѣ смерти мужчины, все его имущество дѣлится между всѣми дѣтьми его сестеръ; если у него есть земля, то управленіе ею вручается старшему лицу въ семействѣ. У другихъ поліандрическихъ народовъ родство считается также только по женской линіи; дѣти принадлежатъ семейству и роду матери, фамилія, права, имущество,—все это наслѣдуется по началамъ материнства; мужчинѣ наслѣдуетъ сестра или дѣти ея; часто братъ при сестрѣ не наслѣдникъ, главное лицо въ семействѣ мать или старшая сестра, — словомъ, вся система личныхъ и имущественныхъ семейныхъ отношеній проникнута началами кровнаго материнскаго родства. Эта система во время владычества поліандріи такъ крѣпко укореняется въ понятіяхъ народа и превращается въ такой священный обычай, что продолжаетъ даже существовать послѣ паденія многомужняго брака, при одноженствѣ и полигаміи. Такъ, напр., у кокковъ, которые держатся теперь моногаміи, мы видимъ эту систему въ ея чистѣйшей поліандрической формѣ, съ тѣмъ только отличіемъ, что въ число родственниковъ принятъ мужъ дочери, въ качествѣ служебнаго члена семьи. У ликійцевъ дѣти наслѣдовали по женской линіи, получая права и фамилію матери, такъ что, напр., если гражданка выходила за раба, то дѣти ея считались благородными, а если гражданинъ женился на рабынѣ или иностранкѣ, то его потомство принадлежало къ низшему сословію; родителямъ наслѣдовали не сыновья, а дочери; главою семейства была мать, а не отецъ. Тѣ же начала дѣйствовали и у многихъ другихъ народовъ, у карійцевъ, ло-

кридянъ, индусовъ, египтянъ, многихъ африканцевъ. пиктовъ, бриттовъ, кельтовъ, жителей Шампани, перуанцевъ и т. д. У иныхъ и теперь вмѣстѣ съ материнскимъ наслѣдствомъ сохраняется запрещеніе вступать въ бракъ съ родственниками по матери, между тѣмъ какъ съ роднею по отцу бракъ дозволенъ, подобно тому, какъ въ Библіи Авраамъ женится на сестрѣ, а Лотъ на племянницѣ по отцу, а не по матери. Словомъ, по всему міру до сихъ поръ удѣлки еще разсѣянные остатки первобытнаго материнскаго права, которые могли возникнуть только изъ поліандріи, и которые несомнѣнно убѣждаютъ насъ въ повсемѣстномъ ея господствѣ въ первичную эпоху исторіи человѣчества.

Не только въ юридической, но и во всѣхъ другихъ отрасляхъ первобытной культуры мы видимъ тоже преобладаніе материнства и вслѣдствіе этого главенство женщины. Мать была источникомъ первыхъ чувствъ родственной любви и уваженіе къ ней родило первую идею о нравственномъ долгѣ. Извѣстія о жизни современныхъ дикарей показываютъ намъ, что изъ струнъ человѣческаго сердца на низшей ступени его развитія издаетъ самые сильные и самые благородные звуки любовь матери. На особенную силу любви между кровными родственниками въ ту эпоху указываютъ отношенія между братомъ и сестрой. И въ извѣстіяхъ этнографовъ, и въ историческихъ свидѣтельствахъ, и въ народныхъ пѣсняхъ, дышащихъ стариною,— всюду мы видимъ особенную нѣжность сестро-братскихъ отношеній. Братъ представляется защитникомъ и любимцемъ сестры, а она его вѣрною подругою. И сестробратскія отношенія стоятъ въ первичномъ міросозерцаніи до того выше всякаго дружественнаго союза, что если два мужчины или мужчина и женщина, по взаимной симпатіи, вступаютъ въ дружественное товарищество, то называютъ себя братьями и сестрами. Такой обычай *побратимства* и *посестримства* въ ходу у многихъ народовъ, напр., у древнихъ египтянъ, у современныхъ задунайскихъ славянъ и т. д. Но материнство не ограничивается развитіемъ чувствъ братства только между кровными родственниками: чуждое той исключительности и тѣхъ аристократическихъ притязаній, какія проникаютъ въ жизнь вмѣстѣ съ началами отцовства, оно держится принциповъ всеобщности и равенства; «изъ него — говоритъ Баховенъ—возникаетъ братство всѣхъ людей, сознаніе и признаніе котораго погибаютъ съ развитіемъ отцовства». Материнство не знаетъ отца, и всѣ дѣти равны для него, какъ происходящіе отъ одной крови. А такъ какъ главнымъ божествомъ въ эту эпоху является земля, мать всего живущаго, то отсюда естественно возникаетъ представленіе о родствѣ и братствѣ всѣхъ людей. Материнство поэтому, какъ доказываютъ несомнѣнныя историческія свидѣтельства, благопріятствуетъ не только весьма важному для соціальнаго прогресса развитію сношеній съ иностранцами, но даже не препятствуетъ вступленію въ бракъ съ ними и съ рабами. Даже тамъ, гдѣ материнство находится въ измѣненномъ отцовскимъ принципомъ состояніи, все-таки сильно замѣтно его нивелирующее, демократическое вліяніе, благодаря которому древній Египетъ, напр., былъ избавленъ отъ чудовищной системы кастъ, останавливавшихъ всякое развитіе и убивавшихъ всякую жизнь въ другихъ государствахъ особенно въ Индустанѣ. Въ Римѣ, основанныя на материнствѣ плебейскія начала были сѣменами общественнаго прогресса и соціальнаго уравненія. Все это сознавалось еще древними, которые, въ своихъ легендахъ и пѣснопѣніяхъ о золотомъ вѣкѣ, объ этой эпохѣ всеобщаго равенства и братства, хотя и слишкомъ уже предавались фантазіи, но все-таки эта фантазія имѣла нѣкоторое историческое основаніе въ общественномъ и нравственномъ строѣ древнѣйшихъ обществъ, проникнутыхъ началами материнства. У Гезіода, напр., материнство является средоточнымъ пунктомъ всей домашней и общественной жизни рода человѣческаго въ эпоху серебрянаго вѣка. Памятники разныхъ отраслей древней жизни свидѣтельствуютъ, что на всѣхъ отношеніяхъ какъ соціальныхъ, такъ и нравственныхъ лежала печать одного материнскаго начала. Бракъ назывался «matrimonium», отъ mater—мать; прежде, чѣмъ говорить отечество и *языкъ отцовъ*, люди говорили «Mutterland, metropolis, Muttersprache»,— *земля матерей*, *языкъ матерей* и т. д. Прежде, чѣмъ отцовство утвердило въ жизни первенство, любовь матери, особенно предпочитающая послѣдняго рожденнаго ею дитятю, старалась о нѣкоторыхъ преимуществахъ младшаго сына или дочери. Материнское чувство было первичною основою всей моральной культуры, утверждая среди дикой анархіи начала любви, единенія и мира. «Какъ ребенокъ, такъ и народы получаютъ первое свое воспитаніе отъ женщины»—говоритъ Баховенъ. Преданія многихъ народовъ разсказываютъ намъ, что женщины не разъ полагали конецъ бродячей жизни, сжигая корабли своихъ мужей, отъ онѣ были основательницами земледѣлія и другихъ искусствъ мирной жизни, что онѣ водворяли на землѣ миръ и, давая законы, поддерживали правду, что онѣ, по выраженію Страбона, первыя стали поклоняться богамъ, и потомъ научили этому мужчинъ. Мы увидимъ ниже, что во всѣхъ этихъ легендарныхъ сказаніяхъ очень много исторической правды. О томъ же первобытномъ преобладаніи женщины свидѣтельствуетъ и исторія религіи. Разберите какую угодно мифологію и, вы увидите, что основнымъ и первымъ по времени божествомъ въ ней была Земля, эта щедродательная *мать* всѣхъ людей. Принципъ отцовства въ мифическихъ образахъ боговъ неба или солнца является уже послѣ, точно также, какъ въ человѣческой жизни отецъ утверждаетъ свои права послѣ матери. Такъ, напр., въ египетской религіи культъ Озириса (солнца) явился послѣ культа Изиды (земли), и послѣдняя имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ ея супругъ. Она была царицею всей земли, матерью боговъ, первою законодательницею, верховною судьею, основательницею брака, земледѣлія и всей культуры. Въ древ-

нихъ гимнахъ Изида говоритъ, что отъ нея, «законодательницы смертныхъ», проистекаетъ вся мудрость царей, что она уничтожила бѣдствія войны и утвердила благодѣтельную власть фараоновъ и т. д. Въ греческой религіи первое мѣсто принадлежитъ также матери боговъ и людей, источнику всякой жизни, Геѣ, землѣ, имѣвшей преобладающее значеніе въ пелазгическую эпоху. Стоитъ только припомнить нѣкоторыя подробности эллинской священной исторіи, и преобладаніе въ ней женскаго элемента сдѣлается яснымъ. Свержепіе старѣйшаго изъ боговъ было дѣломъ матерей. Кроносъ *младшій* изъ титановъ, по приказанію Геи, нападаетъ на Урана и побѣждаетъ его. Самъ Кроносъ сверженъ *младшимъ* изъ сыновей, Зевсомъ, дѣйствовавшимъ по волѣ своей жены, Реи, и матери, Геи. Отецъ пожираетъ только сыновей, а дочери остаются неприкосновенными. Всѣ сыновья Урана повинуются матери, кромѣ Океана, этого поборника отцовскихъ принциповъ. Въ эпоху золотого и серебрянаго вѣковъ царитъ надъ человѣчествомъ Правда (Dikė), дочь стараго Астрея, возсѣдающая на *полночномъ* небѣ съ колосьями въ *лѣвой* рукѣ. Женщина является здѣсь носительницею права, устроительницею мира и добрыхъ нравовъ, подательницею всѣхъ жизненныхъ благъ. И Баховенъ, въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи о древней гинейкократіи, — которое, несмотря на всѣ его ошибки и парадоксы, извиняемыя совершенною новостью и неразработанностью предмета, должно занять видное мѣсто въ исторической наукѣ,—Баховенъ доказываетъ, что въ древнихъ религіяхъ все женственное преобладало надъ мужескимъ, луна надъ солнцемъ, ночь надъ днемъ, лѣвая рука надъ правой. Достоинство и значеніе земной женщины стояли въ самой тѣсной связи съ этими религіозными понятіями. Женщина была представительницею божественной земли; всѣ свойства какъ женщины, такъ и земли представлялись одинаковыми, а мужчина стоялъ къ женѣ въ такомъ же случайномъ отношеніи, какъ пахатель или сѣятель къ землѣ. Въ главѣ всѣхъ вещей стоитъ здѣсь великая праматерь, изъ нѣдръ которой возникаетъ всякая жизнь. Представительница и жрица ея, земная женщина имѣетъ то же значеніе силы и святости, какъ и богиня. Кто обидитъ женщину, тотъ обидитъ землю, и послѣдняя въ греческой мифологіи не разъ наказываетъ преступниковъ, нарушившихъ обязанности, требуемыя материнствомъ. При такихъ условіяхъ женщина предпочтительно передъ мужчиной дѣлается служительницею божества. Тацитъ говоритъ, что германцы «видѣли въ женщинахъ что-то святое, вдохновенное; они никогда не презирали ихъ совѣтовъ и приписывали важность ихъ отвѣтамъ». У современныхъ дикарей женщины считаются также особенно способными для сношенія съ міромъ боговъ и, въ качествѣ жрицъ или пророчицъ, играютъ важную роль въ обществѣ. У древнихъ народовъ, на зарѣ ихъ исторіи, женщины допускались къ обязанностямъ жречества наравнѣ съ мужчинами и имѣли гораздо больше религіознаго вліянія на народъ, чѣмъ впослѣдствіи, въ патріархальную эпоху. Такъ, напр., гироны особенно заботятся о совѣщаніи съ женщинами въ важныхъ дѣлахъ. Съ этою ролью совѣтницы женщина соединяетъ еще и значеніе судьи. Галльскія женщины составляли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже верховный судъ націи, и галлы договорились съ Аннибаломъ, что въ случаѣ какого нибудь неудовольствія на нихъ карѳагенянъ, послѣдніе должны жаловаться галльскимъ женщинамъ, которыя и разсудятъ ихъ. У древнихъ чеховъ хранительницами законовъ и верховными судьями были женщины, равно какъ и у бесѣдящихъ. Павзаній разсказываетъ, что когда умеръ пизанскій царь Демафонъ, причинившій много зла элейцамъ, то для разбора притязаній и несогласій между Элисъ и Пизой шестнадцать городовъ выбрали по одной женщинѣ каждый, которыя и установили миръ. О древнихъ и новыхъ народахъ извѣстно, что даже находящіяся въ рабскомъ состояніи женщины часто играютъ роль мировыхъ посредницъ, прекращая своимъ вмѣшательствомъ не только частныя ссоры, но даже и племенныя войны.

Было бы непонятнымъ фактомъ въ исторіи, если бы при упомянутомъ высокомъ положеніи первобытной женщины въ семействѣ и въ религіи, она не пользовалась равнымъ же значеніемъ въ общественной жизни. Права материнства, экономическая самостоятельность, религіозное и нравственное вліяніе, наконецъ, сила мускуловъ и воинственность первобытной женщины, о которыхъ мы будемъ говорить ниже,—все это естественно вело за собой болѣе или менѣе полную гинейкократію. Остатки этого владычества женщинъ мы можемъ видѣть до сихъ поръ у нѣкоторыхъ дикарей разныхъ странъ свѣта. По словамъ Ливингстона, въ нѣкоторыхъ земляхъ Африки женщины занимаются торговлей, свободно разъѣзжаютъ по странѣ или же пашутъ землю, засѣваютъ поля и строятъ хижины; такая дѣятельная жизнь, развивая силу ихъ ума и мускуловъ, даетъ имъ не только свободу, но даже владычество надъ мужчинами, которые тупѣютъ и изнѣживаются, сидя постоянно дома и занимаясь шитьемъ, тканьемъ, доеніемъ коровъ и сплетнями. У нѣкоторыхъ племенъ мандинго женщины принимаютъ участіе въ управленіи и составляютъ собранія, къ которымъ мужчины обращаются въ трудныхъ случаяхъ за совѣтомъ. У багнунсовъ есть даже особый женскій судъ. Въ Анголѣ, Анголѣ и Конго на женщинъ переходитъ по наслѣдству королевская власть, а въ Лоанго король выбираетъ себѣ матрону, называетъ ее своею матерью и по всѣмъ важнымъ дѣламъ обращается къ ней за совѣтомъ. У народовъ южной Гамбіи женщины принимаютъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, законодательствѣ и судѣ. Въ Кабу и у Болонда они могутъ быть королевами и пользуются большимъ уваженіемъ. Въ Дагомеѣ женщины составляютъ королевскую гвардію, а родственницы короля завѣдуютъ прокурорскимъ надзоромъ въ странѣ. Вообще же о жителяхъ Африки Вайцъ замѣчаетъ, что «богатство и знатное происхожденіе освобождаетъ женщину отъ ея обыкновенной судьбы». Богатыя дѣвушки въ Акрѣ живутъ съ кѣмъ хотятъ,

нисколько не скандализируя себя этимъ; сестры короля ашантіевъ выбираютъ сами своихъ мужей, и обычай требуетъ, чтобы послѣдніе сопровождали ихъ въ могилу. Такой же свободой и преобладаніемъ надъ мужчинами пользуются женщины королевской крови въ Конго и Лоанго. У каффровъ мать вождя имѣетъ огромное значеніе и каждая хозяйка дома управляетъ имъ независимо отъ своего мужа. У древнихъ норманновъ не одна женщина носила съ собою длинный ножъ, и не одинъ мужчина былъ рабомъ своей жены. У малайцевъ жена повелѣваетъ въ своемъ домѣ. Черкешенки принимаютъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ народа, воодушевляютъ юношей на подвиги, награждаютъ хвалою побѣдителей и ведутъ себя такъ самостоятельно и солидно, что путешественникъ Бель сравниваетъ ихъ съ Дѣвою Орлеанскою. Жены и сестры нѣкоторыхъ арабскихъ шейковъ, во время отсутствія послѣднихъ, ведутъ всѣ дѣла управленія. У чукчей и на островахъ Южнаго океана женщины являются нерѣдко родовыми княгинями и королевами. Такова была, напр., Помаре, королева Отаити, наслѣдовавшая въ 1832 г. своему брату, который вводилъ на островахъ христіанство, поднявшая гоненіе на эту религію и тѣмъ возбудившая французское вмѣшательство. Вообще же на островахъ Южнаго океана женщины имѣютъ право говорить въ народныхъ собраніяхъ и мужчины съ уваженіемъ внимаютъ ихъ совѣтамъ. На Явѣ, до введенія тамъ магометанства, женщины часто достигали высшихъ должностей администраціи, и даже теперь нерѣдко случается, что послѣ смерти начальника округа вдова его удерживаетъ за собою принадлежавшую ему власть. На Целебесѣ женщины не только участвуютъ въ общественныхъ дѣлахъ, но часто даже восходятъ на тронъ, хотя королевское достоинство и зависитъ здѣсь отъ народнаго выбора. Жена вожди Липукаски была однимъ изъ первыхъ государственныхъ людей и героевъ Целебеса. У европейскихъ варваровъ женщины пользовались также гораздо большею свободой въ древности, чѣмъ впослѣдствіи. Однажды въ Галліи имъ удалось утушить въ самомъ началѣ возгорѣвшуюся было междоусобную войну, и съ тѣхъ поръ онѣ начали играть первенствующую роль въ военныхъ совѣтахъ и при заключеніи международныхъ договоровъ. Есть даже извѣстіе, что въ Галліи былъ женскій сенатъ, и что входившія въ его составъ представительницы галльскихъ племенъ имѣли верховную власть надъ ними. Въ Германіи онѣ наслѣдовали государственную власть и часто являлись такими героинями и правительницами, что величайшіе мужи считали за честь служить подъ ихъ знаменами и подвергать къ стопамъ ихъ свои военные трофеи. Подобныхъ примѣровъ изъ дикой или полудикой жизни можно набрать множество, но мы ограничимся только вышеприведенными и слѣдующимъ извѣстіемъ новѣйшаго путешественника по Африкѣ, Ливингстона. Къ сѣверу отъ Замбези живетъ народъ балонда небольшими земледѣльческими общинами. Повсюду мужчины, женщины и дѣти заняты воздѣлываньемъ маиса, кофе, овса, бобовъ, риса, тыквъ и т. д. Что же касается соціальныхъ порядковъ, то замѣчательнѣе всего преобладающее значеніе женщинъ. Ливингстонъ, недовѣрявшій разсказамъ прежнихъ путешественниковъ о господствѣ у балонда гинейкократіи, наблюдалъ ее скептически, но все-таки убѣдился въ ея существованіи. «Женщины засѣдаютъ въ народныхъ совѣтахъ; женихъ долженъ переселяться въ деревню своей будущей супруги и жить тамъ; при заключеніи брачнаго договора онъ обязуется содержать до смерти свою тещу; жена одна имѣетъ право дать разводъ мужу и всѣ дѣти, въ такомъ случаѣ, остаются при матери; мужъ безъ дозволенія жены не можетъ входить ни съ кѣмъ въ обязательство, какъ бы незначительно оно ни было». И мужья до того уже свыклись съ своимъ положеніемъ, что не обнаруживаютъ никакой оппозиціи. Жены же стараются держать ихъ въ ежевыхъ рукавицахъ и часто наказываютъ лишеніемъ пищи, побоями и пощечинами. Иногда, впрочемъ, мужчины вступаются за такія жертвы женинаго деспотизма и принуждаютъ тиранку принести мужа по улицѣ на своей спинѣ, при чемъ мужчины ругаютъ везущую, а женщины поощряютъ ее, восклицая: «поступай съ нимъ, какъ онъ заслуживаетъ; взлупи-ка его еще такъ же», и т. п. Извѣстный знатокъ африканской цивилизаціи, Лепсіусъ замѣчаетъ, что «съ древнѣйшихъ временъ въ этой части свѣта чрезвычайно распространено преобладаніе женскаго пола надъ мужчинами. Вспомните, какъ часто упоминаются королевы Эфіопіи. — На памятникахъ ваянія въ Мерое мы также видимъ воинственныхъ царицъ. Беги, бывшіе потомками мероэскихъ эфіоповъ и предками нынѣшнихъ бишари, вели свои генеалогіи не по отцамъ, а по матерямъ, и наслѣдство переходило не на сына, а на сестру или дочь умершаго. Такіе же порядки были у жителей Нубіи». По словамъ Діодора, въ древней Африкѣ было много племенъ, у которыхъ женщины занимались всѣми общественными дѣлами, мужья же подъ управленіемъ своихъ женъ вели хозяйство, ихъ не допускали ни до управленія, ни до военныхъ занятій. Подобныхъ древнихъ извѣстій объ африканской гинейкократіи множество и владычество женщинъ въ извѣстной степени удержалось даже въ одномъ изъ самыхъ древнихъ цивилизованныхъ государствъ, въ Египтѣ. Здѣсь, по словамъ правдиваго Геродота, «царица пользовалась большимъ уваженіемъ и большею силою, чѣмъ царь», и хотя на египетскомъ тронѣ возсѣдали немногія женщины въ качествѣ самостоятельныхъ государынь, за то фараонъ состоялъ подъ верховною опекой своей матери. «Даже въ частной жизни,—по Геродоту—жена, посредствомъ брачнаго договора, пріобрѣтала власть надъ мужемъ, и женихъ обязывался во всемъ безпрекословно повиноваться своей будущей супругѣ. Женщины ходили на площадь, занимались торговлею и промыслами, а мужчины сидѣли дома и ткали. Сыновья не содержали родителей, обязанность прокормленія которыхъ лежала на дочеряхъ»; эта обязанность уравновѣшивалась правомъ дочери на полученіе отъ родителей всего наслѣдства, кромѣ земли. Приданое дѣвушки получали отъ своихъ матерей или добывали его путемъ проституціи, что указываетъ на остатки первобытнаго гетеризма.

Послѣ приведенныхъ нами фактовъ читателю уже не покажется странными, что мы видимъ извѣстную долю исторической дѣйствительности и въ сагахъ объ амазонкахъ. Воинственный характеръ ихъ вполнѣ согласенъ съ воинственностью большинства первобытныхъ женщинъ. Поліандрія и преобладаніе надъ мужчинами существуютъ у разныхъ народовъ, поэтому мы и считаемъ саги объ амазонкахъ однимъ изъ доказательствъ существованія въ древности немалаго числа такихъ племенъ, у которыхъ женщины были воинственны, держались поліандріи, управляли мужчинами, а общественная жизнь была основана на началахъ материнства. Происхожденіе амазонства объясняется въ древнихъ источникахъ тѣмъ, что женщины, возставъ и перебивъ своихъ мужей, дѣлались независимыми и начинали жить съ рабами, плѣнниками и чужестранцами. Хотя и плохо вѣрится такому поголовному мужеистребленію, но, уменьшивъ размѣры его, мы, основываясь на извѣстіяхъ о современныхъ дикаряхъ, имѣемъ полное право считать его господствовавшимъ обычаемъ эпохи первобытной борьбы мужчины съ женщиной, хотя объяснять происхожденіе амазонства подобнымъ переворотомъ и невозможно.

Діодоръ разсказываетъ слѣдующее о царицѣ амазонокъ, жившихъ на устьѣ р. Термадонѣ. Со дня на день росла слава ея храбрости, и тотчасъ послѣ покоренія одного народа, она шла на завоеваніе другого. Она называлась дочерью бога войны и заставила мужчинъ прясть шерсть. Изданіемъ своихъ законовъ она призвала женщинъ къ воинскимъ занятіямъ, а мужчинъ осудила на униженіе и рабство, и, желая ихъ сдѣлать безопасными, велѣла уродовать всѣхъ мальчиковъ. О происхожденіи скифскихъ амазонокъ сага говоритъ, что въ царствованіе египетскаго Сезостриса, что, нѣкоторые скифы съ своими семействами выселились въ Каппадокію; но вскорѣ большинство ихъ, кромѣ женщинъ, было измѣнически перебито врагами. Жены ихъ, избравъ изъ себя предводительницъ, вооружились и отказались навсегда отъ всякой подчиненности мужчинамъ; перебивъ остававшихся еще у нихъ мужей, онѣ покорили нѣсколько земель и обращенныхъ въ рабство жителей ихъ заставляли періодически сожительствовать съ собою, не вступая, однакожъ, съ ними въ сколько-нибудь прочный брачный союзъ. Рожденныхъ ими дѣвочекъ онѣ оставляли у себя и воспитывали, а мальчиковъ убивали или отдавали ихъ отцамъ. Древніе авторы передаютъ намъ цѣлую полумифическую исторію царства этихъ азіятскихъ амазонокъ, разсказывая, какъ онѣ покоряли многія страны и строили многіе города, какъ онѣ боролись съ Геркулесомъ, принимали участіе въ троянской войнѣ и т. д. Въ Африкѣ было также много амазонокъ, составлявшихъ сильныя царства, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли женскую армію въ 3,000 пѣхоты и 20,000 конницы, дѣлавшихъ большія завоеванія и державшихъ своихъ мужей въ такомъ же рабскомъ подчиненіи, въ какомъ у другихъ народовъ находятся женщины. Геркулесъ, во время своихъ странствованій, рѣшился освободить мужчинъ отъ этого бабьяго владычества и положилъ конецъ царству амазонокъ.

Амазонки существовали также, по древнимъ свидѣтельствамъ, въ Аттикѣ, Беотіи, Ѳессаліи, Южной Америкѣ, на берегахъ Балтики и т. д. Въ Европѣ были амазонки въ Богеміи. Въ первичную эпоху исторіи этой страны женщина была равноправна съ мужчиной и могла быть государыней; женщины же были и главными хранительницами законовъ *). Любуша, наслѣдница Крока, обладавшаго преданіемъ государственною мудростью; ея старшая сестра, Тета, отличалась постройкою городовъ, а средняя, Казя—занималась медициной. Два брата ссорятся изъ-за наслѣдства; Любуша склоняетъ народное собраніе и посреди его восходитъ на престолъ своего отца, сопровождаемая *двумя вѣщими дѣвами*, изучившими судейскую мудрость; у одной изъ нихъ законодательныя доски, у другой мечъ—символъ наказанія. Княгиня произноситъ свой приговоръ, ссылаясь на законы вѣчныхъ боговъ, и дѣвы собираютъ голоса народа. Но въ той же самой поэмѣ мы видимъ уже начало паденія гинейкократіи. Любушѣ рѣшаетъ упомянутый споръ такъ: «по закону вѣчно-живущихъ боговъ, братья должны владѣть имѣніемъ вмѣстѣ или же раздѣлить его поровну». Большинствомъ голосовъ было рѣшено, что они должны владѣть вмѣстѣ. Тогда поднимается одинъ изъ тяжущихся братьевъ, злобный Хрудошъ; «желчь разлилась по всей его внутренности, отъ ярости дрожатъ всѣ его члены; махнувъ рукой, зарекѣлъ онъ ярымъ туромъ: «горе птенцамъ, когда заноситъ къ нимъ въ гнѣздо змѣя, горе мужчинамъ, когда ими повелѣваетъ женщина. Мужчина только повелѣваетъ мужчинами, первую повелѣваетъ законъ отдать наслѣдство». Оскорбленная такимъ протестомъ, Любуша хотѣла отказаться отъ престола, но она осталась на немъ, только должна была выбрать себѣ мужа изъ земскихъ людей. Такимъ образомъ, какъ и у германскихъ племенъ, у чеховъ право женщины на престолъ было ограничено тѣмъ, что она должна выходить замужъ. Легенда говоритъ, что женщины не безъ сопротивленія подчинились такому перевороту. По смерти Любуши, назначившей преемникомъ своего мужа Пржемислава, одна изъ ея дѣвушекъ, Власта, собравъ около себя множество женщинъ, вознамѣрилась превратить всю Богемію въ женское государство, лишивъ мужчинъ ихъ власти и значенія. Дѣла этихъ амазонокъ сначала пошли успѣшно и онѣ основали *Дѣвичій городъ* (Divin. Magdeburg). Власта постановила закономъ воспитывать изъ дѣтей только дѣвочекъ, а рождающихся мальчиковъ дѣлать неспособными къ владѣнію оружіемъ, выкалывая имъ правый глазъ и отрубая имъ на обѣихъ рукахъ большіе пальцы. Мужчины вооружились противъ амазонокъ, произошла битва, женщины были побѣждены, а Власта убита. Путешественники XVII в., посѣщавшіе Бискайю, видѣли амазонокъ и тамъ. Въ Фуэнте-Раббіа была община женщинъ, состоявшихъ подъ начальствомъ одной старой дѣвы. Всѣ онѣ жили судоходствомъ, на бе-

*) «Въ древней Чехіи—говоритъ Козьма Пражскій—дѣвушки росли свободно, упражнялись въ военномъ дѣлѣ, ходили на войну, охотились, однимъ словомъ, въ образѣ жизни мужчинъ и женщинъ не было тогда различія».

регу моря, въ маленькихъ хижинахъ. Эта женская республика существовала недолго.

II.

Въ поэмѣ о Любушѣ и Властѣ, въ греческихъ легендахъ о Геркулесѣ и другихъ герояхъ, отчасти и въ индѣйскомъ эпосѣ, разсказывается, какъ мужчины, силою своихъ сверхъестественныхъ покровителей, избавились отъ владычества женщинъ и какъ положенъ былъ конецъ амазонству. Здѣсь, какъ и въ вопросѣ о пронесхожденіи амазонокъ, нельзя согласиться съ древними источниками. Такіе перевороты, какъ паденіе гинейкократіи и материнскаго начала, подобно измѣненіямъ земной коры, совершались медленно и постепенно. Еще въ періодѣ полнаго господства материнства является уже зачатокъ будущихъ перемѣнъ въ семействѣ,—идея отцовства; когда люди узнали, что женщина, подобно самкѣ всѣхъ другихъ животныхъ, не можетъ родить безъ мужского оплодотворенія ея, когда, слѣдовательно, у каждаго ребенка предполагался отецъ, то родство начали считать не только по матери, но и по отцу. Начало отцовства долго было чисто фиктивнымъ, гипотетическимъ, между тѣмъ, какъ родство по матери представлялось для всѣхъ очевиднымъ фактомъ. При многомужествѣ и свободѣ половыхъ отношеній женщины, невозможно съ достовѣрностью указать на лицо, бывшее родителемъ даннаго ребенка. Первымъ средствомъ для опредѣленія личности отца служитъ физіономическое и вообще тѣлесное сходство ребенка съ однимъ изъ мужей его матери. Такъ, напр., дѣлились дѣти у поліандрическихъ племенъ Ливіи и Азовъ; у либурнійцевъ, какъ жены, такъ и дѣти до пятилѣтняго возраста считались общими. Шестилѣтнихъ же дѣтей они приводили въ свое собраніе и, по сходству ихъ съ мужчинами, раздавали предполагаемымъ ихъ отцамъ. Для признанія своихъ отцовскихъ правъ на ребенка мужчина употреблялъ и другое, еще болѣе фиктивное средство. Мы говоримъ о *кувадѣ*, обычаѣ, распространенномъ у скифовъ, кореикащевъ, кипрянъ, иберійцевъ, караибовъ, индѣйцевъ Южной Америки и Калифорніи, въ Цукхели, въ западной Африкѣ, у басковъ, въ старинной Наваррѣ и т. д. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что при рожденіи ребенка отецъ ложится въ постель, подражаетъ крикамъ, стонамъ и всѣмъ болѣзненнымъ тѣлодвиженіямъ родильницы, выдерживаетъ самую строгую діэту, остается въ постели мнимо больнымъ нѣсколько дней и даже недѣль, и всѣ ухаживаютъ за нимъ такъ же, какъ за родильницей. Смыслъ кувады заключается въ томъ, чтобы показать наглядными образомъ, что отецъ имѣетъ такое же право на ребенка и такую же родственную связь съ нимъ, какъ и мать, родившая его въ мукахъ*). Дѣло признанія и не повредить ему. Но Тайлоръ забываетъ, что сущность кувады не въ діэтѣ, а въ томъ, что мужчина подражаетъ всѣмъ мукамъ родильницы. Въ пользу предложеннаго здѣсь нами объясненія кувады говорятъ сходные съ нею обряды усыновленія. У грековъ и у римлянъ усыновленіе совершалось посредствомъ обряда, изображавшаго процессъ рожденія. Это продолжалось вплоть до Нервы, который, усыновляя Траяна, перенесъ совершеніе этой церемоніи съ брачнаго ложа въ храмъ Юпитера.

знанія отцовскаго родства и отцовскихъ правъ много подвигается впередъ при переходѣ поліандріи въ ея семейную форму. Здѣсь число мужей гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ поліандріи несемейной, и поэтому гораздо легче, чѣмъ въ послѣдней, опредѣлить личность отца. Сначала, впрочемъ, и здѣсь всѣ братья считаются отцами всѣхъ дѣтей общей ихъ жены. Такая система родства удерживается до сихъ поръ между индѣйцами, свидѣтельствуя о томъ, что они жили нѣкогда въ поліандріи. У нихъ всѣ братья отца считаются отцами его дѣтей; всѣ дѣти разныхъ братьевъ суть братья и сестры другъ друга; всѣ внуки братьевъ индѣйца въ то же время и его внуки. Но, по мѣрѣ возрастанія авторитета старшаго брата, о чемъ мы говорили выше, отцовское значеніе младшихъ постепенно ограничивается и наконецъ вовсе падаетъ. У поліандристовъ южной Индіи хотя всѣ братья считаются отцами, но старшій называется *большимъ отцомъ*, а слѣдующіе за нимъ *малыми отцами*. Ту же систему родства видимъ мы у нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Дальнѣйшая степень въ развитіи отношеній отцовскаго родства состоитъ въ раздѣлѣ дѣтей между всѣми братьями, какъ это иногда дѣлается у тибетцевъ, и, вѣроятно, такой раздѣлъ совершается на упомянутомъ уже нами основаніи физіономическаго сходства. Раздѣлъ дѣтей совершается еще и другимъ способомъ,—старшаго ребенка отдаютъ старшему брату, второго второму и т. д. Но подобные раздѣлы противны основнымъ началамъ устанавливающагося патріархальнаго общества; они нарушаютъ единство семьи и препятствуютъ развитію абсолютной отеческой власти, поэтому и служатъ только исключеніемъ изъ общаго правила. Но мѣрѣ того, какъ старшій братъ захватываетъ себѣ супружескія права всѣхъ другихъ братьевъ, онъ присваиваетъ и отеческія права надъ всѣми дѣтьми. Еще до совершенія этого переворота у многихъ народовъ, держащихся семейной поліандріи, напр., у тибетцевъ, старшій братъ считается единственнымъ отцомъ всѣхъ дѣтей общей жены, хотя было бы и очевидно, что нѣкоторые изъ этихъ дѣтей зачаты не отъ него, а отъ другихъ братьевъ. Когда же поліандрія падаетъ, когда, вслѣдствіе улучшенія до извѣстной степени разнообразныхъ условій жизни, количество женщинъ возрастаетъ до того, что каждый мужчина можетъ имѣть не только отдѣльную жену, но даже нѣсколько ихъ, когда сила мужчинъ, соединенныхъ въ родовыя общества, беретъ верхъ надъ женщиною и имѣетъ за собою уже много шансовъ на обращеніе ея въ неволю,—тогда родство по отцу, подкрѣпляемое отношеніями, создаваемыми силою домовладыки беретъ верхъ надъ родствомъ по матери. Развивается патріархальная система, материнство женщины отодвигается на задній планъ. Въ первобытную эпо-

*) У современныхъ дикарей, держащихся кувады, смыслъ ея, какъ и значеніе многихъ другихъ первобытныхъ обычаевъ, потерянъ, и они объясняютъ его разными соображеніями, не имѣющими никакой связи съ первичнымъ значеніемъ кувады. На основаніи этихъ соображеній, Тайлоръ склоненъ доказать, что кувада основана на первобытномъ понятіи объ единствѣ отца и ребенка; отецъ, дескать, держитъ діэту для того, чтобы не разстроить желудка ребен-

ху исторіи, когда человѣкъ безусловно преклонялся передъ могуществомъ природы и лобызалъ божественную землю, милосердно надѣлявшую его своими плодами, материнская производительность женщины стояла такъ же высоко, какъ и производительность земли, матери всего живущаго. Но когда человѣкъ началъ бороться съ природой и отчасти даже покорять ее, когда онъ сознадъ, что плодородіе земли зависитъ, въ извѣстной степени, отъ его воли и искусства, и главнымъ образомъ отъ дождя и другихъ атмосферныхъ вліяній, *отца* всѣхъ вещей — неба, тогда божественное значеніе земли значительно пало, на первый планъ выступилъ культъ неба или солнца, тогда и женщина превратилась только въ *орудіе* дѣторожденія, безполезное безъ мужескаго осѣмененія, подобно тому, какъ пашня непроизводительна безъ пахаря и сѣятеля. Такія притязанія патріархаловъ не сразу могли побѣдить принципы материнства и гинейкократіи, которые, какъ мы уже видѣли и увидимъ еще ниже, долго борются съ принципами отцовства и держатся въ жизни наряду съ ними. Но физическая сила мужчины въ концѣ-концовъ все-таки восторжествовала и поработила женщину.

Когда вышеописанный ходъ событій инспировалъ поліандріи и основанное на материнскомъ правѣ преобладаніе женщины надъ мужчиной, когда кровное родство по матери было отодвинуто на второй планъ, а надъ нимъ вознеслось родство по отцу и отеческая власть,—то прежніе семейные обычаи, идеи, чувства и льготы женщины не сразу уступили мѣсто новымъ принципамъ и долго боролись съ послѣдними, дѣйствуя наряду съ ними. Умыканіе дѣвицъ долго еще существуетъ, какъ мы видѣли, и послѣ водворенія новыхъ семейныхъ порядковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ древнѣйшую эпоху, при господствѣ поліандріи, умыкаемая дѣвушка рѣдко обращалась въ такое ужасное рабство, какое выпадаетъ ей на долю въ семьѣ, основанной на принципѣ отцовства. Въ началѣ патріархальнаго періода женихъ былъ врагомъ невѣсты и ея семьи, и послѣдніе, поэтому, ненавидѣли его, боролись съ нимъ и такая свадьба оглашалась не музыкой и веселыми пѣснями, а воинственными криками схватки и воплями дѣвушки, увозимой на чужую сторону, но это мало: захвативъ дѣвушку насиліемъ, мужчина, во имя новыхъ семейныхъ порядковъ, старался превратить ее въ свою безотвѣтную рабыню. Таковъ былъ фундаментъ брачнаго права. Бракъ и власть мужа основывались единственно на правѣ силы, что выражается и въ свадебныхъ обрядахъ многихъ народовъ. У однихъ невѣста обязана разувать жениха, у другихъ онъ даетъ ей плюху, у готтентотовъ женихъ и невѣста вступаютъ между собой въ обрядовую борьбу и бракъ считается заключеннымъ лишь тогда, какъ женихъ поваляетъ и побѣдитъ невѣсту. Среди этой анархіи и при такихъ кулачныхъ порядкахъ мы видимъ, что женщина хотя по необходимости и повинуется насилію, но все-таки попрежнему стремится къ возможной независимости и подъ вліяніемъ развиваются зачатки свободно-договорнаго брака. У всѣхъ дикихъ патріархаловъ дочь такая же рабыня, какъ и жена, а у нѣкоторыхъ положеніе дочери даже хуже, чѣмъ положеніе жены. Поэтому дѣвушка старается вырваться изъ семьи и выйти замужъ; она ищетъ себѣ *похитителя*, т.-е. жениха, входитъ съ нимъ въ соглашеніе и послѣдній умыкаетъ ее тайкомъ отъ ея родителей. Такъ заключались браки, напр., у радимичей, вятичей и сѣверянъ, о которыхъ Несторъ говоритъ, что они сходились изъ разныхъ селъ на игрища «и тутъ умыкали въ жены себѣ дѣвушекъ, предварительно сговорившись съ ними». Подобныя умыканья случаются и до сихъ поръ у разныхъ дикарей.

При дальнѣйшемъ развитіи семей и родовъ, при водвореніи между ними большей дружелюбности, умыканіе невѣсты мало-по-малу уступаетъ мѣсто покупкѣ ея. Этотъ переходъ одного обычая въ другой изображается между прочимъ и въ тѣхъ многочисленныхъ свадебныхъ обрядахъ русскихъ, въ которыхъ поѣзжане и сваты жениха, хотя и представляются враждебною, напавшею на родъ невѣсты шайкою, но все-таки въ концѣ-концовъ принуждены бываютъ платить родителямъ невѣсты за ея воспитаніе, выкупать ея постель, подкупать стерегущаго ее брата и т. д. Набѣги умыкателей не всегда кончались покореніемъ рода и воровствомъ невѣсты, а иногда мировою сдѣлкою и покупкою дѣвушки, родъ которой былъ достаточно силенъ для ея защиты отъ хищниковъ, но въ то же время былъ не прочь выгодно продать ее. Умыканіе переходило въ продажу еще и другимъ способомъ. Женихъ воровалъ невѣсту, родственники которой старались возвратить ее; начинались распри, но денежная сдѣлка, такъ сказать вира, уплаченная женихомъ за свое преступленіе, прекращала ихъ и водворяла миръ. У аураканцевъ до сихъ поръ женихъ сначала умыкаетъ дѣвушку, а потомъ покупаетъ у ея родителей согласіе на бракъ. Наконецъ, входитъ въ обычай, что родители похищенной дѣвушки имѣютъ право хлопотать объ ея возвращеніи до извѣстнаго срока, и если умыкатель съумѣлъ удержать ее до этого времени, то онъ пріобрѣтаетъ надъ ней всѣ права мужа, уплативъ калымъ ея семейству. Такимъ образомъ мало-по-малу дочери дѣлаются цѣнными товаромъ и родители съ радостью сбываютъ ихъ за хорошую плату каждому встрѣчному; не наклонности невѣсты, не достоинства жениха, а только одна величина предлагаемой имъ суммы, одинъ денежный расчетъ родителей дѣвушки служатъ основаніемъ для заключенія или незаключенія брака. Ходкость и цѣна этого живого товара сильно вліяетъ на участь женщины, и корыстолюбіе родителей нерѣдко заставляетъ ихъ лишать дѣвушку всякой свободы при выборѣ себѣ мужа. У каффровъ, напр., во время оно бракъ заключался не иначе, какъ съ согласія невѣсты; но въ позднѣйшее время, вслѣдствіе усиленія запроса на женщинъ, корыстолюбіе родителей уничтожило всякіе слѣды этого прекраснаго обычая и превратило дѣвушку въ совершенно пассивный товаръ. Этотъ древній брачъ-куплю превосходно характеризуется русскими свадебными пѣснями и обычаями. Изъ нихъ мы видимъ, что въ періодъ родового быта покупка невѣстъ совершалась со всѣми

формальностями обыкновенной купли-продажи. Покупателями были родственники жениха или самъ женихъ, а продавцами родители или родственники невѣсты. Женихъ постоянно называется *купцомъ*, а невѣста *товаромъ*. Въ вологодской губерніи смотрины, т.-е. показываніе невѣсты, до сихъ поръ въ полномъ смыслѣ осмотръ товара. *Обрученіе* было и есть обрядовый знакъ того, что купецъ и продавецъ сошлись и въ знакъ вѣрности, при свидѣтеляхъ, *ударили по рукамъ* или дали другъ другу руки, что соблюдается до сихъ поръ при всѣхъ коммерческихъ сдѣлкахъ простонародья. Но, говоритъ Кавелинъ, при покупкѣ, «отношенія купца и продавца, равныя, когда рѣчь идетъ о вещи, не равны, когда предметомъ торга служитъ женщина, будущая жена покупателя. Семья жениха выбираетъ, семья невѣсты играетъ пассивную роль; первая постановляетъ свои требованія и условія, послѣдняя не имѣетъ права предъявлять такихъ же требованій, она соглашается на предлагаемое или не соглашается, но не смотритъ жениха и не дѣлаетъ выбора. Эта форма необходимо перерождается въ обоюдные договоры двухъ семей о взаимномъ союзѣ ихъ членовъ. Рядомъ со смотромъ невѣсты появляется смотръ жениха, имѣющій разительное сходство со смотринами невѣсты,—тѣ же пріемы родителей невѣсты, та же пассивная роль жениха». У древнихъ германцевъ жена также покупалась, и уплачиваемый за нее калымъ былъ вовсе не символомъ перехода ея изъ-подъ власти отца во власть мужа, а буквально покупною цѣною. Такая продажа невѣсты ея родителями и покупка ея семействомъ жениха существовала въ древности у многихъ народовъ. И въ настоящее время у всѣхъ дикихъ и патріархальныхъ народовъ земного шара женщина продается и покупается съ формальностями и требованіями, обычными при покупкѣ животнаго для работы или на плёма. Если, напр., купленная арабомъ жена сдѣлается больна, то онъ прогоняетъ ее обратно къ ея родителямъ, говоря, что платилъ деньги за здоровую, а не за больную и что тратиться на содержаніе хворой бабенки онъ не намѣренъ. Въ Трансильваніи у румыновъ до сихъ поръ ежегодно бываютъ ярмарки невѣстъ. Отцы привозятъ сюда своихъ дочерей вмѣстѣ съ приданымъ, выставляютъ ихъ напоказъ и кричатъ: «у меня есть дочь невѣста; нѣтъ ли у кого сына—жениха?» Начинаются смотрины, переговоры, торгъ, затѣмъ сговоръ и попойка. Цѣны на невѣстъ разнообразны, смотря по мѣстности, времени, достоинствамъ дѣвушки и т. д. Въ странахъ плодородныхъ и богатыхъ женщинами, напр., въ Южной Америкѣ, дикарь можетъ купить себѣ невѣсту за извѣстное количество собранныхъ имъ въ лѣсу плодовъ или настрѣляннной имъ дичи. У черемисовъ дѣвушка стоитъ отъ 30 до 100 рублей, у татаръ цѣна ея доходитъ до 500 р., у негровъ круссъ невѣста стоитъ обыкновенно три коровы и одну овцу, у каффровъ—отъ 10 до 70 штукъ скота. Гдѣ цѣны на дѣвушекъ ничтожны, тамъ родители избиваютъ ихъ, а гдѣ высоки, тамъ рачительно воспитываютъ не только своихъ дочерей, но и чужихъ, покупая ихъ въ малолѣтствѣ задешево и съ выгодою продавая потомъ, но достиженія ими совершеннолѣтія. Бѣдняки, которымъ не на что купить себѣ жены, поступаютъ къ своему будущему тестю въ работу на извѣстный условленный между ними срокъ и цѣною своего временного рабства у отца невѣсты покупаютъ ее себѣ въ вѣчное холопство. Если она умретъ во время этой работы жениха, то онъ получаетъ сестру ея, а при неимѣніи послѣдней, отецъ покойницы доставляетъ ему возможность пріобрѣсть жену изъ другого семейства. Эта кабала жениха до сихъ поръ существуетъ и въ Азіи, и въ Африкѣ, и въ Америкѣ и Полинезіи и даже въ Европѣ, у русскихъ инородцевъ; была она и у древнихъ народовъ, напр., у скандинавовъ. Бываетъ даже такъ, что женихъ, не уплачивая за невѣсту ни гроша, поступаетъ къ ней въ домъ, дѣлается подчиненнымъ членомъ его, не имѣетъ никакихъ правъ на своихъ дѣтей, словомъ, остается въ вѣчномъ рабствѣ своей жены и ея семейства. Таковъ, напр., у малайцевъ бракъ, носящій названіе ambilanak.

Бракъ въ формѣ купли-продажи есть торговая сдѣлка двухъ семействъ, слѣдовательно о желаніи и наклонностяхъ невѣсты тутъ не можетъ быть и рѣчи; оно такъ и есть въ позднѣйшемъ періодѣ, когда право и религія санкціонируютъ и упрочиваютъ первобытныя семейныя отношенія, налагая на нихъ печать опредѣленности и неподвижности. Но пока народъ не сложился въ государство, семейныя отношенія не имѣютъ еще той силы и непоколебимой прочности, какую они пріобрѣтаютъ впослѣдствіи; женщина борется, протестуетъ противъ своей пассивной роли при заключеніи брака и стремится придать этому союзу характеръ свободнаго договора двухъ лицъ, а не семей. О неграхъ Вайцъ говоритъ, что у нихъ продаваемыя невѣсты нерѣдко оказываютъ рѣшительное сопротивленіе волѣ своихъ родителей, и если не легко встрѣтить у нихъ сильную романтическую любовь, то, во всякомъ случаѣ, можно видѣть примѣры замѣчательнаго постоянства любовниковъ при неблагопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ и разительнаго самопожертвованія, едва понятныхъ при господствующемъ между ними воззрѣніи на женщину. У американскихъ индѣйцевъ несчастный любовникъ нерѣдко стрѣляется, а дѣвушки, которыя не могутъ выйти за любимаго человѣка, вѣшаются или топятся. И не одна любовь можетъ довести дѣвушку до такого сопротивленія волѣ родителей, а также и извѣстныя дурныя свойства жениха, напр., его злой характеръ. Вслѣдствіе такой оппозиціи невѣсты, у очень многихъ первобытныхъ народовъ входитъ въ обычай, при заключеніи брака, сообразоваться съ желаніями и наклонностями невѣсты. Такъ дѣлаютъ, напр., якуты, башкиры и нѣкоторые другіе инородцы алтайской расы. У многихъ арабовъ родители начинаютъ торгъ съ женихомъ не иначе, какъ справившись предварительно съ волею невѣсты. У горцевъ Китая, мяо-тзе, и корейцевъ молодые люди также часто заключаютъ браки по своимъ наклонностямъ. У алофовъ хотя согласіе невѣсты и не необходимо для заключенія брака, но она всегда можетъ воспротивиться родителямъ, желающимъ выдать ее за из-

вѣстнаго человѣка, только за это она лишается права выходить замужъ за кого бы то ни было. У нѣкоторыхъ народовъ женщины успѣли даже превратить продажу невѣсты родителями въ самопродажу ея. «Бракъ въ Марокко—говоритъ одинъ туристъ—есть чисто торговая сдѣлка; рынокъ для брачныхъ сдѣлокъ въ горахъ и равнинахъ, у мавровъ, арабовъ и берберовъ, открывается ежегодно въ опредѣленныхъ для того мѣстахъ, и женщины здѣсь беззастѣнчиво торгуютъ сами собой. Въ случаѣ соглашенія обѣихъ сторонъ испрашивается согласіе родителей дѣвицы, всѣ идутъ къ кадію и тамъ заключается брачный договоръ». Изъ легендъ и сагъ разныхъ народовъ мы также видимъ, что въ древности, при господствѣ покупной формы брака, часто не только не спрашивалось согласіе невѣсты, но даже ей предоставлялся вполнѣ свободный выборъ жениха, и родители потомъ уже получали отъ него плату за дочь. Въ древней финской легендѣ, напр., солнце, мѣсяцъ и звѣзды сватаютъ за своихъ сыновей прекрасную дѣву Киликки. Невѣста отвѣчаетъ: «не хочу я идти къ мѣсяцу, потому что его лицо постоянно измѣняется: то кажется узкимъ, то полнымъ и широкимъ. Ночью онъ въ движеніи, а днемъ отдыхаетъ, поэтому его хозяйство неустроено. Не хочу я идти къ солнцу, потому что оно походитъ на злого человѣка, — лѣтомъ мучитъ зноемъ, зимой же — холодомъ». Благопріятный отвѣтъ получаетъ только звѣзда: «охотно пойду я къ звѣздѣ, потому что она добра, постоянно дома и прекрасна въ своемъ отечествѣ, на плечахъ Большой Медвѣдицы, на спинѣ Семизвѣздія». Конечно, такая свобода дѣвушки въ дѣлѣ заключенія брака не можетъ считаться исключительно господствующимъ обычаемъ даже у тѣхъ натуральныхъ народовъ, которые болѣе всего славятся ею, какъ, напр., каффры. Въ жизни первичнопатріархальнаго общества, или, лучше сказать, семейства, взаимныя отношенія лицъ не возведены еще на степень юридически-опредѣленныхъ началъ, они еще не установились окончательно и подвергаются частымъ измѣненіямъ и нарушеніямъ со стороны заинтересованныхъ ими лицъ. Не принципъ кровнаго родства, не права отеческой власти, не чувство патріархальной покорности лежатъ въ основаніи первобытнаго семейнаго союза, а одно только право силы. Женихъ силою добываетъ себѣ невѣсту, силою удерживаетъ ее у себя; родители силою продаютъ свою дочь и т. д. Естественно, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ дѣвушка противодѣйствуетъ силѣ, и въ однихъ случаяхъ, благодаря обстоятельствамъ или хорошимъ помощникамъ, она беретъ верхъ, въ другихъ — падаетъ жертвою насилія. И чѣмъ дальше развивается патріархальное общество, тѣмъ болѣе принципы архаической семьи находятъ себѣ поддержку въ представителяхъ другихъ соединенныхъ съ нею семействъ, въ религіи и правѣ, тѣмъ болѣе порабощается женщина. Въ первобытной жизни, если она и подчиняется, то грубому насилію; въ болѣе развитомъ обществѣ это насиліе превращается въ право, а покорность ему — въ юридическую обязанность. Но и въ эту эпоху, когда стремленія женщины къ самостоятельности еще довольно сильны и не всегда уступаютъ дѣйствію враждебныхъ ей началъ, можно уже видѣть начатки будущаго торжества послѣднихъ. Женихъ сильнѣе невѣсты и потому онъ обращаетъ ее въ рабство путемъ насильственнаго захвата или покупки; родители сильнѣе дочери, потому имъ удается, наконецъ, заставить ее безпрекословно повиноваться своей волѣ. «Волкъ, бери свою овцу», говоритъ мордвинъ, передавая свою дочь купившему ее жениху, и этою фразою отлично характеризуется и роль невѣсты, и роль жениха и невѣстиныхъ родителей. Даже въ томъ случаѣ, когда дѣвушка успѣетъ взять перевѣсъ надъ расчетомъ и самовластіемъ родителей, когда она вступаетъ въ бракъ по собственному желанію, то ея отношенія къ мужу мало-по-малу принимаютъ характеръ рабства; и въ бракѣ женщина ведетъ борьбу съ мужниной, но ея энергія постепенно падаетъ, а сама она превращается въ невольницу своего повелителя, превосходящаго ее физическою силою и имѣющаго вѣрныхъ пособниковъ въ членахъ своего семейства, которое всегда недружелюбно относится къ его женѣ, похищенной или купленной у чужого, а слѣдовательно, враждебнаго или, во всякомъ случаѣ, ненавистнаго семейства. По мѣрѣ того, какъ развивается обычай покупки женъ, властительскія права мужей болѣе и болѣе укрѣпляются и находятъ поддержку во всѣхъ членахъ семейства, которое потратилось на покупку невѣсты. Мужъ, сознавая свое право собственности на жену, требуетъ отъ нея безпрекословнаго повиновенія и старается, чтобы она вернула ему, посредствомъ своего труда, заплаченную за нее сумму. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ женщины пользуются довольно значительной свободой, но гдѣ рядомъ со свободнымъ бракомъ существуетъ заключеніе брака посредствомъ покупки невѣсты, положеніе женщинъ въ послѣднемъ самое жалкое. Коль скоро фактъ порабощенія женщины начинаетъ считаться правомъ, то онъ находитъ себѣ поддержку и защиту во всѣхъ лицахъ, имѣющихъ вліяніе на дѣла общества, въ отцахъ семей, родоначальникахъ, жрецахъ и т. д. Съ развитіемъ народной религіи, въ особенности же сословія жрецовъ, бракъ получаетъ также и религіозное освященіе. У большинства первобытныхъ народовъ оно состоитъ въ жертвахъ и въ молитвѣ богамъ о дарованіи супругамъ чадородія и богатства; но даже у совершенно дикихъ племенъ мы находимъ стремленіе приноровить религіозно-брачный обрядъ къ поддержанію правъ мужа и обязанностей жены. У многихъ нетритянскихъ народовъ бракъ заключается передъ лицомъ, которое слываетъ священнымъ фетишемъ, чтобы жена, изъ страха его мести, оставалась покорною и вѣрною своему мужу. Конечно, и эти права, и эти религіозные обряды не вовсе обезоруживаютъ женщину и не окончательно превращаютъ ее въ тупую, безотвѣтную рабыню; но дѣло въ томъ, что они служатъ сильнымъ нравственнымъ орудіемъ для интересовъ мужа, между тѣмъ какъ интересы жены не имѣютъ никакой подобной защиты.

Сдѣлавшись предметомъ если не дружелюбныхъ, то, во всякомъ разѣ, мирныхъ торговыхъ отношеній, браки стали сопровождаться пирами, веселіемъ

и замиреніемъ враговъ. Свадьбы служатъ однимъ изъ самыхъ частыхъ проявленій древняго общежитія. Но какъ сходившіеся на нихъ люди были сначала недовѣрчивы, подозрительны, осторожны — видно изъ многихъ частностей русскихъ свадебныхъ обычаевъ: ведутъ видна боязнь волшебныхъ чаръ, порчи, нападеній; везуду выкупъ и плата за каждое дѣйствіе. Свадьба стоитъ большихъ издержекъ, и поэтому въ древности у многихъ народовъ сходившіеся на нее семьи и роды приносили съ собою свою долю и пировали на складчину. У зажиточныхъ же племенъ, напр., у древнихъ скандинавовъ, отецъ невѣсты, женихъ и ихъ родственники соревновали между собою въ щедрости и обыкновенно долго спорили, въ чьемъ домѣ и на чей счетъ праздновать свадьбу, и каждаго изъ нихъ самолюбіе заставляло присвоивать исключительно себѣ честь издержекъ на брачное пиршество.

И любовь къ выдаваемой замужъ дочери и желаніе обезпечить ее, а главнымъ образомъ самолюбіе родителей рождаютъ обычай награждать невѣсту приданымъ. Мало-по-малу продажа дочери становится въ общественномъ мнѣніи дѣломъ нехорошимъ и постыднымъ, не потому однако, чтобы ее считали безнравственнымъ поступкомъ, а потому, что она служитъ доказательствомъ бѣдности родителей или заставляетъ подозрѣвать ихъ въ корыстолюбіи. Въ Индустанѣ племя раджъ-кумаръ съ издавна избиваетъ большую часть своихъ дочерей, не имѣя возможности доставлять имъ приданаго, а безприданность невѣсты и позоритъ ее родителей, и отталкиваетъ отъ нея женіховъ. Обычай приданаго окончательно развивается только при дальнѣйшихъ успѣхахъ народа въ цивилизаціи, но зачатки его можно видѣть и у многихъ дикихъ народовъ, напр., у каффровъ, туркменовъ и т. д. Приданое ведетъ къ нерасторжимости брака, такъ какъ мужъ, въ случаѣ даннаго имъ женѣ развода, обязанъ возвратить и все приданое. Это значеніе приданаго превосходно выражается однимъ обычаемъ тингіанъ, туземцевъ Филиппинскихъ острововъ. Женихъ и невѣста въ день совершенія брака приносятъ съ собою извѣстное количество фарфоровой посуды, стеклянныхъ вещей, коралловыхъ ожерелій и золотого порошка. Женихъ отдаетъ принесенное имъ родителямъ невѣсты, а невѣста родителямъ жениха. По словамъ самихъ дикарей, этотъ обычай введенъ для воспрепятствованія развода, для совершенія котораго необходимо, чтобы родители того изъ супруговъ, который требуетъ развода, возвратили въ совершенной цѣлости всѣ полученныя ими вещи, что, при ломкости послѣднихъ, особенно въ дикой жизни, сдѣлать чрезвычайно трудно. Приданое много улучшаетъ положеніе женщины; жена съ приданымъ чувствуетъ себя и держитъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ жена, купленная или похищенная, какъ рабыня. Кромѣ того, если родители продаютъ дѣвушку, то тѣмъ самымъ отказываются отъ всѣхъ правъ на нее и не могутъ защищать ее отъ самодурства и притѣсненій мужа, но если они даютъ ей приданое, то пріобрѣтаютъ нравственное право, не только на благодарность и почтеніе зятя, но, и на извѣстное вмѣшательство въ его отношенія къ ихъ дочери.

У дикарей и жителей мало развитыхъ странъ количество женъ зависитъ отъ степени достаточности мужа, и каждый имѣетъ ихъ столько, сколько можетъ содержать. Нѣкоторые приписываютъ полигамію вліянію климата на половые инстинкты; но мы сплошь и рядомъ видимъ, что изъ разныхъ народовъ, живущихъ въ одномъ климатѣ, у однихъ господствуетъ моногамія, у другихъ полигамія, что нѣкоторые жители холоднаго климата живутъ въ многоженствѣ, между тѣмъ какъ обитатели многихъ странъ тепныхъ держатся моногаміи. Климатъ имѣетъ на полигамію едва ли не одно только посредственное вліяніе: чѣмъ благорастворенніе онъ, тѣмъ обильнѣе и дешевле съѣстные припасы, тѣмъ больше женъ, въ случаѣ надобности, можетъ содержать человѣкъ. Поэтому-то полигамія гораздо сильнѣе развита у дикарей юга, чѣмъ у жителей холоднаго сѣвера. Полигамія возрастаетъ по мѣрѣ культурнаго развитія народа, по мѣрѣ возникновенія у него разнообразной промышленности, особенно земледѣлія и торговли. И это не потому только, что промышленность доставляетъ средства содержать многихъ женъ, но главнымъ образомъ потому, что она требуетъ много рабочихъ силъ, которыми и служатъ женщины. Полигамія служитъ основою экономической жизни многихъ дикарей. Взрослый мужчина, добывшій средства, необходимыя для содержанія нѣсколькихъ женъ, перестаетъ работать, и развѣ только немного занимается скотоводствомъ, грабежомъ, воровствомъ или охотою. Всѣ труды лежатъ на женщинахъ. И вездѣ эта первобытная полигамія имѣетъ тотъ же характеръ, вездѣ является она институціей существенно-аристократической: мужъ—праздный плантаторъ, жены—рабыни, изнуряемыя трудомъ и производящія богатство для своего повелителя. Обезпеченная, праздная жизнь усиливаетъ наклонности къ сладострастію и тщеславію, женщины дѣлаются предметами чувственнаго наслажденія, комфорта и роскоши. И въ то время, какъ бѣдняки довольствуются одной женой, люди зажиточные и сильные стараются завести ихъ какъ можно больше. Извѣстность дикаря зависитъ отъ количества его женъ и скота. Съ развитіемъ высшихъ классовъ полигамія усиливается; они заводятъ цѣлыя толпы женъ и наложницъ, купленныхъ ими или захваченныхъ на войнѣ. У полудикаго короля ашантіевъ, напр., считается постоянно 333 жены; у одного незначительнаго индустанскаго князька было нѣсколько сотъ женъ, нѣкоторые зажиточные богосы, ландамасы и нолосы имѣютъ по двѣсти женъ и по нѣскольку сотъ наложницъ. Но такая многочисленность женъ у дикихъ народовъ является въ видѣ исключенія, и князьки, родоначальники и богачи могутъ содержать лишь по нѣскольку женъ, на островахъ Южнаго океана, напр., бѣдность заставляетъ большинство дикарей жить въ моногаміи, а короли имѣютъ женъ по пяти, десяти, пятнадцати, но не больше. Масса же народа живетъ по бѣдности въ моногаміи, хотя, достигнувъ извѣстной степени культурнаго развитія, и начинаетъ чув-

ствовать сильную наклонность къ многоженству. Вслѣдствіе климатическихъ вліяній, раннихъ браковъ, разнообразныхъ лишеній и изнурительнаго труда, первобытная женщина отцвѣтаетъ очень рано; въ жаркомъ климатѣ она въ 30, даже въ 25 лѣтъ дѣлается старухой, неспособною для работы, негодною для дѣторожденія. Кромѣ того, беременность и кормленіе дѣтей грудью отнимаетъ у женщины отъ 2 до 3 лѣтъ, и многіе дикари во все это время не имѣютъ съ своими женами супружескаго сожитія. При такихъ обстоятельствахъ полигамія становится необходимостью, но бѣдность мѣшаетъ большинству удовлетворять этой необходимости, вслѣдствіе чего полигамія и принимаетъ особенную форму, очень распространенную и между дикарями, и между бѣдными жителями культурныхъ земель Востока. Когда жена надоѣстъ мужу или окажется негодною для работы и дѣторожденія, онъ прогоняетъ ее и беретъ другую, дѣлая это такъ часто, что въ теченіе жизни у него иногда перебываетъ до полсотни женъ. Такая полигамія очень сильна у многихъ африканцевъ, индѣйцевъ Америки, калмыковъ и т. д. У многихъ племенъ, поэтому, бракъ заключается только на опредѣленный, часто очень короткій срокъ, — у нѣкоторыхъ арабовъ на три дня, у цейлонцевъ бракъ deega на двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ онъ или расторгается, или же возобновляется на столько же времени; на андаманскихъ островахъ супруги живутъ другъ съ другомъ только до рожденія перваго ребенка.

III.

Въ первобытной жизни семья служитъ единственной формою общественнаго союза. Она совершенно необходима человѣку не только для брачныхъ и семейныхъ радостей, но также для защиты отъ враговъ, для хозяйства, для экономической самостоятельности. Поэтому въ первичную эпоху неженатые люди чрезвычайно рѣдки и бракъ считается настоятельною необходимостью не только для земной жизни, но и для загробной, въ которой холостяки принуждены вести такое же безпомощное, жалкое и безпріютное существованіе, какъ и на землѣ. На этомъ основаніи у дикихъ и патріархальныхъ народовъ возникаетъ бракъ живыхъ съ мертвыми: холостяка-покойника вѣнчаютъ съ живой женщиной, которая съ этого времени считается его вдовой, а послѣ своей смерти соединится съ своимъ мужемъ «въ мѣстѣ злачнѣ». Точно также съ умершей дѣвушкой вѣнчаютъ мужчину. Этотъ обычай былъ, напр., у древнихъ персовъ. Арабскій писатель Массуди говоритъ, что если у славянъ мужчина умиралъ холостымъ, то его женили послѣ смерти, и женщины охотно обрекали себя на сожженіе, чтобы войти въ рай съ душою мужчины. Малороссы до сихъ поръ вѣрятъ, что умирающимъ холостыми нѣтъ мѣста на томъ свѣтѣ, и поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи похороны паробковъ и особенно дѣвушекъ напоминаютъ свадьбу. По смерти дѣвушки для нея на тотъ свѣтъ назначается женихъ, который провожаетъ покойницу до могилы и считается затѣмъ въ ея семействѣ *). Въ послѣднее время первобытный бракъ живыхъ съ покойниками былъ возстановленъ мормонами, этими эклектиками нелѣпыхъ суевѣрій всѣхъ странъ и народовъ.

Пріобрѣтеніе жены первичный человѣкъ считаетъ первостепенною необходимостью, потому, во-первыхъ, что безъ нея онъ вовсе не можетъ вести своего хозяйства и достаточно удовлетворять самымъ обыкновеннымъ житейскимъ потребностямъ. Жена — прежде всего работница и слуга своего мужа; на ея долю выпадаютъ самыя тяжелыя и, въ то же время, самыя полезныя для развитія культуры занятія. Поэтому, при выборѣ невѣсты, главнѣйшее вниманіе обращается на ея силу и способность къ работѣ. Бечуаны, желая узнать, терпѣлива ли невѣста и годится ли для тяжелой работы, кладутъ ей въ руку до-бѣла раскаленное желѣзо и приказываютъ держать его до тѣхъ поръ, пока не разрѣшатъ отъ него освободиться. Если дѣвица выдержала эту пытку, то ее признаютъ годною для супружества. Индѣецъ воюетъ и охотится, а жена его обрабатываетъ поле, приготовляетъ пищу, носитъ дрова и убитую мужемъ дичь, строитъ лѣтнія и зимнія хижины, дубитъ кожи, дѣлаетъ изъ нихъ платье и обувь для всего семейства и т. д. У народовъ пастушескихъ на женщинъ падаетъ множество трудовъ по скотоводству, — пастьба стадъ, доеньe и приготовленіе разныхъ видовъ молочной пищи, уходъ за новорожденными животными, стрижка овецъ и т. д. И чѣмъ сложнѣе промышленность народа, тѣмъ хуже положеніе женщины. Особенно тяжко отзывается на ней развитіе земледѣлія и тѣсно соединенной съ нимъ осѣдлой жизни. Земледѣліе считалось долго занятіемъ недостойнымъ мужчины, и поэтому взваливается исключительно на женщинъ, вмѣстѣ съ постройкой осѣдлыхъ жилищъ, приготовленіемъ посуды и другими хозяйственными работами. Такъ ведутся дѣла у всѣхъ почти первобытныхъ народовъ, напримѣръ, въ Африкѣ и Америкѣ. Мужья охотятся, занимаются какимъ-нибудь легкимъ дѣломъ или просто только жрутъ да лежатъ, а женщины изнываютъ подъ тяжестью трудовъ земледѣлія, скотоводства и домашняго хозяйства. Иногда переходъ отъ кочевой и охотничьей жизни къ осѣдлой и земледѣльческой бываетъ для женщинъ столь убійственнымъ, что черезъ нихъ онъ губительно дѣйствуетъ и на жизнь всего народа. Д-ръ Тирселенъ говоритъ, что всѣ народы Полинезіи носятъ въ себѣ зародышъ будущаго разрушенія, которое зависитъ отъ жалкаго положенія у нихъ женщины. Когда мужчина былъ постоянно вооруженъ, постоянно готовъ къ нападенію или къ защитѣ, женщина должна была ухаживать за дѣтьми и приготовлять пищу, которую она отыскивала въ водѣ или въ лѣсу. Теперь мужчины не воюютъ, а женщины трудятся болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Прежде онѣ собирали напоротникъ, теперь же таскаютъ картофель, но сперва должны посадить его, обкопать и выполоть, потомъ выкопать

*) Жаколю разсказываетъ, что въ одной индуской кастѣ если дѣвушка умираетъ, какъ говорятъ въ приличной формѣ, «sans que nul homme ait délié son pagne», то родственники нанимаютъ какого-нибудь мужчину «délier le pagne de la morte»!...

и убрать въ амбары: каждый день носятъ онѣ его въ хижину и угощаютъ своихъ могущественныхъ господъ, которые ничего не дѣлаютъ, кромѣ присмотра за скотомъ, да иногда ловли угрей и маленькихъ китовъ, попадающихъ въ заливъ.

Другая практическая цѣль брака есть дѣторожденіе; женщина берется въ семейство не только какъ рабочее животное, но и для приплода, для рожденія другихъ рабочихъ животныхъ. И женщина въ патріархальной жизни цѣнится, главнымъ образомъ, за свою физическую силу и за способность размноженія. Степень первой узнать легко, степень второй узнается посредствомъ пробныхъ и временныхъ браковъ или просто внѣбрачной связи, устрояемой въ видѣ опыта. Если дѣвушка забеременѣетъ, то мужчина оставляетъ ее своею женою, если же она оказывается безплодною или неподходящею къ его вкусу, то онъ расходится съ нею. Такія пробныя связи были, напримѣръ, у нѣкоторыхъ племенъ, входившихъ въ составъ древней Мехики, а въ настоящее время онѣ въ ходу у негровъ и многихъ другихъ народовъ. Случается даже нерѣдко, что мужчина тѣмъ болѣе цѣнитъ дѣвушку, чѣмъ больше у нея любовниковъ и чѣмъ чаще она родитъ дѣтей отъ нихъ. Бездѣтная женщина принуждена терпѣть горькую участь, мужъ прогоняетъ ее на всѣ четыре стороны, презираетъ ее, никто никогда не захочетъ взять ее замужъ, и она принуждена бываетъ или умереть съ голоду, или идти къ кому-нибудь въ рабскую работу. Для дикаго охотника, для патріархальнаго скотовода или земледѣльца, для цивилизованнаго орієнтала—для всѣхъ ихъ чадородіе служитъ знакомъ небеснаго благоволенія, а безплодіе—проклятіемъ. Кто будетъ работать на семейство, кто будетъ кормить и защищать родителей во время ихъ старости, кто будетъ приносить за нихъ искупительныя жертвы послѣ ихъ смерти, если у нихъ не будетъ дѣтей? Желаніе имѣть дѣтей, доходящее у этихъ народовъ до маніи, нельзя объяснять одною только потребностію въ потомствѣ, и одну изъ не послѣднихъ причинъ его нужно искать въ слабой способности первобытной женщины къ дѣторожденію, вслѣдствіе изнуренности ея работами, дурной обстановки и т. д. У индѣйцевъ сѣверной Америки въ 1843 г. каждая женщина имѣла, среднимъ числомъ, одного ребенка. Въ Бразиліи индіянка рѣдко родитъ больше 4 ребятъ, а вообще въ Южной Америкѣ нелишенная способности чадородія женщина имѣетъ только 2 или 3 дѣтей. У лапландцевъ, тунгусовъ, арабовъ—трое, четверо, пятеро дѣтей считаются уже весьма многочисленнымъ потомствомъ. У многихъ африканскихъ племенъ—то же самое. Правда, что и въ дикой жизни можно встрѣчать примѣры замѣчательнаго чадородія, но это исключеніе. Одно рожденіе ребенка еще не обезпечиваетъ семейства,—оно каждую минуту можетъ лишиться его. Дѣти во множествѣ погибаютъ отъ болѣзней, дикихъ звѣрей, воруются непріятелями, тонутъ, убиваются матерями и т. д. Однимъ изъ главныхъ средствъ для избѣжанія несчастія бездѣтности служитъ левиратный бракъ, о которомъ мы уже говорили, объясняя связь его съ поліандріей, и который существуетъ или существовалъ въ Индустанѣ, Палестинѣ, Египтѣ, у арабовъ, калмыковъ, негровъ, индѣйцевъ, амурскихъ и уссурійскихъ гольдовъ и т. д. На этомъ же основаніи возникаютъ и другія формы усыновленія чужихъ дѣтей.

Итакъ, въ патріархальной жизни, женщина цѣнится только какъ работница и чадородная самка; бракъ, поэтому, является не результатомъ любви, а дѣломъ простого хозяйственнаго расчета. О любви, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, здѣсь нѣтъ и рѣчи. Многіе изъ дикихъ народовъ отличаются слабостью половой страсти, какъ напримѣръ, старинные германцы. Холодность современныхъ дикарей въ дѣлахъ любви свидѣтельствуется многими путешественниками; Брюсъ былъ пораженъ ею у шангаласовъ, Левальенъ у готтентотовъ. Ирокезы говорятъ, что сношенія съ женщинами ослабляютъ ихъ силы и храбрость, а потому они должны пользоваться ими умѣренно. Но не это сознаніе въ сущности удерживаетъ дикаря отъ половыхъ излишествъ, а слабость возбужденія, происходящая отъ дѣятельной его жизни и отъ незначительности половыхъ различій. Другіе дикари, подъ вліяніемъ международныхъ сношеній и развратныхъ иностранцевъ, развращены до крайней степени, у нихъ можно встрѣтить на каждомъ шагу развратные танцы и самый неудержимый цинизмъ. Въ томъ и другомъ случаѣ мужчина ничего не чувствуетъ къ женщинѣ, кромѣ физическаго вожделѣнія, неосложняемаго ничѣмъ въ родѣ увлеченій нѣжностью сердца, музыкой рѣчей, даже красотой лица. Подобныхъ увлеченій въ первобытной жизни нѣтъ и быть не можетъ, потому что, вслѣдствіе одинаковой жизненной обстановки, женщина мало чѣмъ отличается тогда отъ мужчины. Половыя отличія развиваются только съ цивилизаціей, а въ первичныя эпохи народной жизни мужчины и женщины не только занимаются однѣми и тѣми же работами, не только носятъ платье, почти одинаковое для обоихъ половъ, но и весьма мало отличаются другъ отъ друга своими тѣлесными и психическими свойствами. У дикарей, даже у простонародья цивилизованныхъ странъ, голова мужчины и женщины имѣетъ почти одну и ту же физіономію; рѣзкихъ различій въ объемахъ и ростѣ тѣла, въ физической силѣ и смѣлости, въ тонѣ голоса, въ манерахъ и житейскихъ привычкахъ также вовсе нѣтъ. Непривычный наблюдатель сразу ни за что не отличитъ какую нибудь самоѣдку или патагонку отъ самоѣда или патагонца; конечно, глазъ, привыкшій къ такимъ физіономіямъ и формамъ тѣла, уловляетъ въ нихъ начатки половыхъ отличій, но послѣднія замѣтны только у людей не старыхъ, старики же и старухи походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Женщина у совершенно дикихъ народовъ даже безобразнѣе мужчины, такъ какъ ея организмъ подвергается и разрушительному вліянію самыхъ тяжкихъ работъ и болѣзнямъ, которыя выпали на долю одному только женскому полу, и наконецъ варварскому обхожденію со стороны мужа. Романтической любви, которая, какъ увидимъ ниже возникаетъ только съ полнымъ развитіемъ половыхъ противоположностей, — романтической любви при такихъ условіяхъ быть не можетъ и нѣтъ ея. Оба

пола довольствуются удовлетвореніемъ одного только грубаго животнаго инстинкта и любовь ограничивается чувственнымъ опьяненіемъ. Но и это чувственное опьяненіе возникаетъ только на извѣстной степени развитія народа; чистый же дикарь цѣнитъ въ женщинѣ только силу, усердіе къ работѣ, плодовитость и приданое, не обращая никакого вниманія на ея красоту и нравственныя достоинства. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ къ женщинѣ мужчина или вовсе не ревнуетъ ее, а если и ревнуетъ, то меньше и иначе, чѣмъ это бываетъ въ цивилизованной жизни. Поліандрическая слабость ревности долго еще остается замѣтною и послѣ паденія поліандріи. Женщины вѣдь не убудетъ, если она въ связи съ чужимъ мужчиною; такая связь, напротивъ можетъ принести пользу ея мужу или въ видѣ ребятъ, рожденныхъ его женою отъ любовника, или въ видѣ какихъ нибудь цѣнностей, полученныхъ ею отъ послѣдняго. И мужья сплошь и рядомъ не только сквозь пальцы смотрятъ на любовныя шашни своихъ супружицъ, но даже сами поощряютъ ихъ къ тому; у многихъ дикарей домашняя проституція развита очень сильно. И не мало есть племенъ, у которыхъ ни мужчины, ни женщины почти не ревнуютъ другъ друга. Ревность возможна только тамъ, гдѣ мужчина имѣетъ законное чувство собственности относительно своей жены. Но въ началѣ патріархальнаго періода женщина еще не побѣждена окончательно, еще не снизошла на степень законной принадлежности мужчины. Она пользуется здѣсь значительною свободой и можетъ отстаивать ее посредствомъ силы, которой она еще не лишилась вслѣдствіе извѣженности, и посредствомъ оружія, которымъ она владѣетъ наравнѣ съ мужчиной. Мы уже указывали выше на воинственные образы Брунегильды, амазонокъ, нашихъ былинныхъ паленицъ; и исторія доказываетъ, что такая воинственность, сила и отвага принадлежала нѣкогда всѣмъ дикимъ женщинамъ. Религія германцевъ была религіей войны, богъ и изобрѣтатель которой, Вуотанъ, окруженъ дѣвами смерти, валькиріями, любящими запахъ трупновъ и стоны раненыхъ; наканунѣ большихъ битвъ, онѣ, съ воинственными пѣснями, дѣлаютъ ткань изъ человѣческихъ кишекъ, вмѣсто челнока имъ служатъ стрѣлы и кровь ручьями льется на ихъ станокъ. День битвы—праздникъ для нихъ; онѣ выбираютъ себѣ жертвы между воинами и переносятъ ихъ въ чертоги Вуотана. Когда послѣ разбитія тевтоновъ при Э, римляне проникли въ ихъ лагерь, то навстрѣчу имъ вышли тевтонскія женщины съ мечами и сѣкирами и при бѣшеныхъ крикахъ погнали назадъ бѣгущихъ тевтоновъ вмѣстѣ съ ихъ преслѣдователями,—первыхъ, какъ измѣнниковъ, вторыхъ, какъ враговъ: нападая на римлянъ, онѣ вырывали ихъ щиты, хватались за остріе мечей и дрались до тѣхъ поръ, пока не падали тяжко ранеными и изрубленными въ куски. Въ лагерѣ кимвровъ были сѣдовласыя, одѣтыя въ бѣлое, предсказательницы, которыя, подходя съ мечомъ въ рукѣ къ плѣнникамъ, вѣнчали ихъ и вели къ большому желѣзному котлу, перерѣзывали имъ горло и по крови, текшей въ котелъ, предсказывали будущее. Когда при Верцелле кимвры были на голову разбиты римлянами, то ихъ женщины предавали смерти своихъ бѣжавшихъ съ поля сраженія отцовъ, мужей, братьевъ и сыновей, а малютокъ онѣ давили, бросали подъ колеса телѣгъ или подъ копыта быковъ и лошадей. Наконецъ, не желая отдаваться живыми непріятелю, онѣ налагали руки на самихъ себя; одна изъ нихъ удавилась на дышлѣ фуры, повѣсивъ тутъ же и дѣтей своихъ. Въ войну римлянъ съ херусками, свевами и сигамбрами женщины этихъ племенъ дрались до послѣдней возможности и, за неимѣніемъ оружія, разбивали о-земь головы своихъ дѣтей, а трупами ихъ бросали въ лицо непріятелю. О воинственности женщинъ другихъ народовъ древности говоритъ намъ и миѳологія, и саги объ амазонкахъ, основанныя, какъ мы уже говорили выше, на исторической достовѣрности. Хотя амазонство относится преимущественно къ періоду поліандріи и гинейкократіи, но воинственность сохраняется женщиной еще долго послѣ паденія ея преобладанія надъ мужчиной, въ чемъ насъ убѣждаютъ и исторія, и этнографическія извѣстія о современныхъ дикаряхъ. Во времена Геродота, напр., женщины савроматовъ ѣздили верхомъ, какъ мужчины, участвовали вмѣстѣ съ послѣдними въ охотахъ и выходили замужъ не прежде, какъ убивъ одного врага. Въ настоящее время подобныхъ женщинъ можно видѣть подъ всѣми широтами земного шара. Въ Дагомеѣ, гдѣ мужчины храбры въ высшей степени, отъ нихъ не отстаютъ въ этомъ отношеніи и женщины, изъ которыхъ состоитъ вся королевская гвардія, числомъ въ 5,000 человѣкъ. У курдовъ женщины храбры не менѣе мужчинъ, и воспитаніе въ сыновьяхъ воинственнаго духа и предпріимчивости зависитъ, главнымъ образомъ, отъ матерей. Даже въ сонливомъ Китаѣ, при покореніи его манджурами, женщины не только участвовали съ такою же ревностью, какъ и мужчины, въ работахъ по сооруженію оборонительныхъ средствъ страны, но и оказывали примѣры замѣчательной храбрости. А у китайскихъ горцевъ мяо-тзе женщины ходятъ такъ же вооруженными, какъ и мужчины. Одна изъ нихъ съ отчаянною храбростью защищала крѣпость противъ китайскихъ войскъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ былъ перебитъ почти весь гарнизонъ. Женщины этого племени пользуются большою свободой и полнымъ уваженіемъ мужчинъ. Не менѣе смѣлы и храбры женщины воинственныхъ племенъ Индіи, сражающіяся нерѣдко наряду съ мужьями и участвующія въ походахъ верхомъ на лошадяхъ. Жены африканцевъ и инѳійцевъ Америки не только поощряютъ своихъ мужей во время битвъ, но и сами участвуютъ въ послѣднихъ, равно какъ и въ опасныхъ охотахъ на львовъ, леопардовъ и тигровъ. Исторія арабовъ также выставляетъ примѣры не только отдѣльныхъ воиновъ, но и цѣлыхъ военныхъ отрядовъ, составленныхъ исключительно изъ женщинъ. Такъ, въ войскахъ Халеда былъ цѣлый отрядъ вооруженныхъ всадницъ, оказавшихъ огромную услугу при побѣдѣ надъ византійскою арміей подъ Дамаскомъ, въ 633 г. У неразвитыхъ наро-

довъ сила доставляетъ уваженіе, на силѣ основывается всякое право и повтому, гдѣ женщина воинственна, тамъ она и болѣе уважается, и имѣетъ болѣе правъ и свободы. Оружіе служило женщинамъ не только къ освобожденію отъ мужчинъ, но и къ покоренію ихъ. И въ патріархальной жизни мужчина тогда только успѣваетъ окончательно поработить женщину, когда или лишитъ ее возможности быть воинственной и владѣть оружіемъ, или же когда весь народъ, а съ нимъ и женщины, бросивъ войну, обратится къ болѣе мирнымъ занятіямъ. До тѣхъ же поръ, благодаря своему оружію, храбрости и силѣ мускуловъ, женщина умѣетъ поддерживать свою независимость отъ супруга. И не имѣемъ-ли мы права предположить, что эта борьба была упорна и повсемѣстна въ тѣ сѣдыя времена, о которыхъ вовсе нѣтъ историческихъ свидѣтельствъ, въ тѣ времена, когда только-что начиналось порабощеніе женщинъ мужчинами? Въ періоды, доступные историческому наблюденію, сохраняются еще слѣды этой борьбы и первобытной женской свободы, даже преобладанія женщинъ надъ мужчинами, о чемъ мы привели уже много фактовъ какъ изъ древней, такъ и изъ современной жизни. Мы видѣли выше, что женщины, уже обращенныя въ рабство, пользовались обстоятельствами и силою свергали иго своихъ поработителей, даже оставаясь покоренными, онѣ постоянно прибѣгали къ той же силѣ для ослабленія упомянутаго ига. Еще Аристотель, съ обычною своею проницательностью, замѣтилъ, что у воинственныхъ народовъ женщины пользуются не только свободой, но и преобладаніемъ надъ мужчинами. Это зависитъ, какъ уже сказано, и отъ воинственности самихъ женщинъ, и еще отъ того обстоятельства, что при частыхъ отлучкахъ въ походы и набѣги мужчинъ, всѣ заботы о хозяйствѣ и даже общественныхъ дѣлахъ племени остаются, главнымъ образомъ, на женщинахъ, развивая въ нихъ и чувство самостоятельности и содѣйствуя ихъ экономической независимости. Экономическая самостоятельность и нравственное преобладаніе женщины, знаменующія собою эпоху гинейкократіи, не только долго сохраняются въ патріархальной жизни, но, вмѣстѣ съ воинственностью женщины и удѣлѣвшими отъ отцовскаго погрома остатками материнскаго права, долго еще поддерживаютъ важное значеніе женщины въ разныхъ сферахъ общественной жизни. Приведенные нами въ первой главѣ факты изъ жизни древнихъ и современныхъ дикарей и патріархаловъ вполнѣ подтверждаютъ это. Вмѣстѣ съ тѣмъ женщина у очень многихъ народовъ пользуется значительной половой свободой, какъ въ дѣвичествѣ, такъ и въ замужествѣ, какъ въ выборѣ себѣ мужа, такъ и въ разводѣ съ нимъ. О гаремномъ заточеніи женщинъ, объ обращеніи ихъ въ монопольное владѣніе мужей здѣсь нѣтъ и рѣчи. Оба пола нерѣдко сходятся другъ съ другомъ на общественныхъ собраніяхъ, и ихъ взаимное обращеніе, по своей вольности, не только не уступаетъ, но даже превосходитъ поведеніе европейцевъ на шницбалахъ и въ непотребныхъ домахъ; танцы многихъ дикарей до крайности сладострастны и циничны. Врачныя обязанности женщины, вслѣдствіе слабаго развитія ревности и непрочности семейной власти, рѣдко хранятся ею во всей ихъ строгости. У нѣкоторыхъ народовъ, напр., у мальгашей, островитянъ Южнаго океана, индѣйцевъ Америки, женщины свободно предаются своей половой страсти, мужья не ревнуютъ ихъ и смотрятъ на это сквозь пальцы. У другихъ народовъ легкое поведеніе жены заставляетъ мужа вооружаться противъ него не менѣе легкимъ образомъ. У виннебагцевъ въ Африкѣ мужъ беретъ только денежный штрафъ съ соблазнителя своей жены и отдаетъ ему послѣднюю въ супружество. Въ Гроссъ-Баламѣ невѣрный мужъ платитъ своей женѣ въ видѣ пени извѣстное количество золотого песку. Въ Мингреліи соблазнитель женщины платитъ ея мужу только двухъ свиней, которыхъ они тотчасъ же съѣдаютъ или проливаютъ въ пріятельской пирушкѣ вдвоемъ. Узы брака у многихъ дикихъ народовъ еще чрезвычайно слабы, а разводъ чрезвычайно легокъ, и это обстоятельство значительно поддерживаетъ свободу женщины. На Золотомъ Берегу, напр., если мужъ пренебрегаетъ женою или грубо обходится съ нею, то послѣдняя имѣетъ полное право оставить его навсегда; она можетъ бросить его даже и безъ этихъ побудительныхъ причинъ, но въ такомъ случаѣ обязана возвратить полученные ею отъ него подарки. Въ Сулиманѣ жена всегда можетъ расторгнуть бракъ, уплативши мужу сумму даннаго имъ ея родителямъ калыма. У каффровъ и въ земляхъ конго она можетъ бросить мужа, если онъ плохо кормитъ и одѣваетъ или же бьетъ ее. У американскихъ индѣйцевъ супруги могутъ всегда развестись, если того желаетъ одинъ изъ нихъ и если нѣтъ дѣтей. У бедуиновъ жена можетъ убѣжать къ своимъ родителямъ и если она, несмотря ни на какія убѣжденія своего супруга, не хочетъ вернуться къ нему, то онъ обязанъ дать ей разводное письмо. На островахъ Южнаго океана, у яванцевъ, абиссинцевъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ жена также имѣетъ полную свободу продолжать свое сожительство съ мужемъ или же бросить его. У европейскихъ варваровъ расторженіе брака было также нетрудно. Понятно, что такая легкая расторжимость брака много облегчаетъ положеніе женщины и въ большинствѣ случаевъ желательна для нея, какъ средство избавиться отъ противнаго или жестокаго мужа и перейти въ другую, болѣе хорошую обстановку. Но сколько, съ одной стороны, женщина выигрываетъ отъ легкой расторжимости брака, столько же, съ другой, она и проигрываетъ. Если жена всегда имѣетъ возможность бросить мужа, то мужъ тѣмъ болѣе вправѣ выталкать жену вонъ, когда ему вздумается. Такое изгнаніе женъ по самымъ незначительнымъ къ тому поводамъ совершается у дикарей сплошь и рядомъ, не сопровождаясь у однихъ никакими формальностями, у другихъ — имѣя опредѣленную форму, показывающую, что это самовластіе начинаетъ превращаться въ право. Друзы, напр., выгоняютъ своихъ женъ по самымъ незначительнымъ предлогамъ. Если жена проситъ у мужа позволенія сходить куда-нибудь и онъ отвѣчаетъ ей: «иди», не прибавляя: «но возвращайся назадъ», то она разведена. У гренландцевъ

этотъ произволъ мужа оформенъ болѣе деликатнымъ образомъ; недовольный своею женою супругъ, не вступая съ ней ни въ какія объясненія, бросаетъ свой шалашъ и не возвращается въ него до тѣхъ поръ, пока его не оставитъ жена. Въ совершенно дикой жизни положеніе прогнанной такимъ образомъ женщины ужасно; ей предстоитъ или умереть съ голода, или погибнуть отъ холода и дикихъ звѣрей, и она счастлива, если какая-нибудь кочующая семья возьметъ ее въ рабство. Даже въ родовомъ бытѣ, когда люди начинаютъ уже жить не одиночными семействами, а болѣе или менѣе многочисленными родами, и когда прогнанной мужемъ женѣ не грозитъ погибель въ безлюдной пустынѣ, ея участь бываетъ часто не менѣе плачевною, чѣмъ и въ первомъ случаѣ. Даромъ кормить ее никто не будетъ и ей все-таки придется идти въ рабство; на второе замужество ей разсчитывать трудно, если въ странѣ много женщинъ, потому что она считается товаромъ забракованнымъ и женихи естественно смотрятъ на нее подозрительно; къ тому же, она не дѣвушка. Правда, что во многихъ полудикихъ странахъ, особенно въ странахъ, ведущихъ дѣятельныя сношенія съ другими землями, такія женщины имѣютъ со вдовами и сиротами находятъ себѣ занятіе,—дѣлаются торговками, проститутками, поступаютъ въ услуженіе къ путешественникамъ, уважаютъ съ ними и т. д. Но въ большинствѣ случаевъ прогнанная мужемъ жена идетъ къ своимъ родителямъ, которые всегда будутъ тяготиться ея прокормленіемъ, если только не видятъ возможности выгодно продать ее въ бракъ во второй разъ. Родителямъ непріятенъ разводъ ихъ дочери и естественно, что они болѣе всего претендуютъ на мужа ея, который мало того, что повергаетъ ихъ такимъ образомъ въ экономическое затрудненіе, но еще и оскорбляетъ ихъ чувство семейной чести. Поэтому изгнаніе жены мужемъ всегда ведетъ къ ссорамъ и нерѣдко къ войнамъ между родомъ прогнанной жены и родомъ ея мужа. Борьба эта въ результатѣ приводитъ къ тому, что власть мужа изгонять жену ограничивается извѣстными условіями и употребляется только въ случаѣ непокорности, невѣрности, безплодія жены и т. д., хотя отсутствіе государственныхъ порядковъ, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ этомъ, даетъ возможность часто нарушать упомянутыя ограниченія, выработавшіяся въ борьбѣ мужниныхъ и жениныхъ интересовъ. Вмѣстѣ съ усиліями родителей женъ сдѣлать брачныя узы болѣе прочными, тому же содѣйствуютъ и усилія мужей, желающихъ водвориться единодержавцами въ своихъ жилищахъ и привести въ безусловную покорность всѣхъ своихъ домочадцевъ. Утвержденіе мужниного единовластія и признаніе его авторитета является только результатомъ продолжительной и ожесточенной борьбы между нимъ и женою. Женщина борется съ мужчиной за свободу своей личности, и эта борьба сопровождается ссорами, драками, рѣзнею, убійствами,—казусами, которые въ дикой жизни случаются гораздо чаще, чѣмъ въ цивилизованной, гдѣ семейство пріобрѣтаетъ уже характеръ священной институціи и въ немъ съ покорностью ступеньками ступеньками личности его членовъ. У нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ, напр., у кругоовъ и конго, супруги ведутъ такую враждебную жизнь между собой, что смерть одного изъ нихъ непремѣнно заставляетъ оставшагося живымъ оправдываться и очищаться посредствомъ божьяго суда отъ подозрѣній въ умерщвленіи! Изъ 60 женъ одного умершаго королевича 31 умерла отъ яда, выпитаго при такой очистительной присягѣ на ордаліи. Въ древнемъ Индустанѣ жены сплошь и рядомъ умерщвляли своихъ мужей, выведенныя изъ терпѣнія ихъ деспотизмомъ. Послѣ неуспѣшныхъ попытокъ остановить эти мужеубійства посредствомъ жестокихъ наказаній, браминъ ввели наконецъ вдовосожженіе. У галловъ мужеубійства, въ особенности тайныя, были обыкновенны. По словамъ Цезаря, когда умираль какой-нибудь извѣстный глава семейства, то его родственники изслѣдовали причину смерти и, при малѣйшихъ подозрѣніяхъ въ ея насильственности, подвергали допросамъ и пыткѣ, какъ рабовъ, такъ и женъ покойнаго. Объ австралійцахъ путешественники разсказываютъ, что онѣ сопротивляются произволу и распоряженіямъ своихъ мужей съ большимъ упорствомъ и дѣлаютъ имъ сцены болѣе шумныя и злостныя, чѣмъ женщины культурныхъ странъ. У бедуиновъ часто случается, что въ ссорѣ родителей принимаютъ участіе и дѣти, при чемъ сыновья въ большинствѣ случаевъ, стоятъ на сторонѣ матери и нерѣдко вытуриваютъ своего батюшку изъ шатра. Эти раздоры бываютъ такъ часты, что входятъ въ какую-то странную привычку у дикарей. «Представьте себѣ кружокъ пьяныхъ остяковъ»—говоритъ очевидецъ—«сидящихъ за обѣдомъ вокругъ котла. Вдругъ одинъ изъ мужчинъ вскакиваетъ и начинаетъ бить свою жену, таскаетъ ее за волосы по землѣ, топчетъ ногами и т. д. Жена не издаетъ никакого стона и только по временамъ вскрикиваетъ: *«больно, больно!»* Уставъ, остякъ снова садится къ котлу; жена поднимается и садится тутъ же. Немного погодя вскакиваетъ жена и начинаетъ ту же операцію надъ мужемъ». Но борьба, на которую указываетъ множество подобныхъ фактовъ, сообщаемыхъ наблюдателями дикарской жизни, все болѣе и болѣе склоняется въ пользу мужа, по мѣрѣ того, какъ развивается общество. Въ изолированной семьѣ женщина можетъ найти помощь въ своихъ дѣтяхъ, и ея противникъ нерѣдко бываетъ принужденъ къ такомъ случаѣ покориться превосходной силѣ. Но когда семьи соединяются въ роды, когда появляется общественная власть, то мужъ или отецъ можетъ дѣйствовать гораздо успѣшнѣе, потому что онъ имѣетъ помощниковъ не только въ родоначальникахъ, но и во всѣхъ соединенныхъ въ одно съ нимъ общество мужьяхъ и отцахъ. Они заставятъ его взять власть надъ женою, еслибы онъ даже и не хотѣлъ того; по мѣстамъ эти патріархи даже наказываютъ мужей за слабое управленіе ихъ супружницами. Здѣсь является на сцену такая же общность интересовъ, какую видимъ, напр., въ обществѣ рабовладѣльцевъ, которые враждебно относятся къ каждому своему собрату, человѣколюбиво управляющему рабами, дозволяющему имъ своевольничать и подающему этимъ дурной примѣръ всѣмъ другимъ невольникамъ, на безусловной покор-

ности и эксплуатаціи которыхъ основано все плантаторское общество. У древнихъ норманновъ мужчина, подчинившійся своей женѣ, подвергался общественному осмѣянію; у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ крестьянъ до XVI в. сохранялся слѣдующій древній обычай: если жена прибила своего мужа, то всѣ мужчины деревни приходили къ дому мужа, сбивали конекъ съ его кровли, а жену садили на осла и возили по улицамъ, «дабы мужья помнили, что они, по заповѣди Господа Бога, должны быть владыками и господами». У нѣкоторыхъ племенъ негровъ въ каждомъ мѣстечкѣ существуетъ особая полиція, которая тайно слѣдитъ за поведеніемъ женщинъ и наказываетъ ихъ за непокорность мужу, за невѣрность ему и т. п. проступки; эта полиція носитъ инквизиціонный характеръ, пуская въ ходъ противъ женщинъ и шпіоновъ, и пытки, и ордаліи, и ужасныя наказанія. Подобно тому, какъ для обузданія дѣтей не только въ дикой, но даже въ цивилизованной жизни взрослые пугаютъ ихъ чертями и другими чудищами, негры-мужчины образуютъ тайныя общества съ цѣлью держать женщинъ въ покорности не только страхомъ наказаній, но и сверхъестественнымъ страхомъ правосудно-карающаго преступницъ бога, Мумбо-Юмбо, которымъ обыкновенно наряжается одинъ изъ мужчинъ. Мистеріи въ честь этого божества совершаются ночью; за нѣсколько дней до его появленія, въ сосѣднихъ лѣсахъ слышится сильный шумъ, признакъ, что богъ шествуетъ въ селеніе. Всѣ мужчины идутъ ему навстрѣчу. Одѣтый въ фантастическое платье изъ древесной коры, сопровождаемый музыкантами, при звукахъ пѣсенъ входитъ онъ въ деревню и поетъ гимнъ, особо предназначенный для такихъ случаевъ. Здѣсь со страхомъ ждутъ его женщины, составляющія кружокъ. На нѣсколько времени воцаряется глубокая тишина; Мумбо-Юмбо указываетъ на тѣхъ женщинъ, которыя въ теченіе года чѣмъ-нибудь провинились противъ своихъ мужей; ихъ немедленно схватываютъ и богъ собственноручно наказываетъ ихъ съ большею или меньшею жестокостью, смотря по степени ихъ виновности. Подобными-то общими усиліями мужчинъ и вводятся въ жизнь тѣ обычаи, которые лишаютъ женщину всѣхъ ея прежнихъ вольностей. У нея отнимается право имѣть оружіе, и это дѣлается не вслѣдствіе только перехода ея къ исключительно мирнымъ хозяйственнымъ занятіямъ, но и для безопасности мужчинъ. А такъ какъ въ первобытной жизни жена сплошь и рядомъ убѣгаетъ отъ своего мужа, то и противъ этого принимаются предупредительныя, ограничительныя мѣры. У нѣкоторыхъ индѣйцевъ, напр., жена не имѣетъ права не только ѣздить верхомъ на лошади, но даже надѣвать на нее узду,—ясно, что этотъ обычай вселся въ видахъ предупрежденія женскихъ побѣговъ, равно какъ и обычай калмыковъ, въ силу котораго жена въ первые два года послѣ замужества не имѣетъ права посѣщать своихъ родителей. Такимъ образомъ, съ постепеннымъ развитіемъ общественной жизни крѣпнетъ власть мужа, его сила переходитъ въ право. Мало-по-малу жена дѣлается законною собственностью мужа, который можетъ продавать, дарить, убивать ее, а на островахъ Фиджи онъ имѣетъ право зарѣзать ее, какъ скотину, и съѣсть. Австралійцы отмѣчаетъ свою жену выворачиваньемъ суставовъ на ея пальцахъ и выколачиваньемъ переднихъ зубовъ, словно клеймитъ скотину *). Бедуинъ часто обращается съ женой, какъ съ вьючнымъ животнымъ и колотитъ ее за каждую малость. Одинъ бедуинъ забилъ жену свою до смерти за то только, что она безъ позволенія взяла его ножикъ. И родовой судъ рѣшилъ, что мужъ всегда имѣетъ право убить свою непокорную жену. Калмыкъ на совершенно законномъ основаніи умерщвляетъ жену при малѣйшемъ подозрѣніи въ ея невѣрности, но у жены, убившей супруга, обрѣзываютъ носъ и уши и она продается, какъ рабыня. Индѣйцы пользуются также абсолютною властью надъ жизнью и смертью своихъ женъ. У австралійцевъ многія женщины постоянно ходятъ въ синякахъ и ранахъ отъ мужниныхъ побоевъ, а дѣвушки, изъ страха мужа, нерѣдко предпочитаютъ здѣсь самоубійство браку. Притомъ же мужъ имѣетъ право отдавать свою жену въ кортомъ, продавать ее для разврата каждому встрѣчному, и случается, что дикій пьяница уступаетъ ее навсегда за стаканъ водки. У большинства дикихъ народовъ жена считается даже вѣчною рабынею мужа, обязанною служить ему, какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей. На этомъ основано встрѣчаемое у многихъ дикихъ племенъ погребеніе или сожженіе вдовъ съ трупами ихъ мужей, чтобы они вступили вмѣстѣ въ загробныя обители. Этотъ обычай мы видимъ у африканцевъ, американцевъ, древнихъ норманновъ, славянъ и т. д. Нужно замѣтить, что такое обыкновеніе убивать овдовѣвшихъ женщинъ нерѣдко находило въ послѣднихъ полное сочувствіе. Положеніе вдовы у первичныхъ народовъ такъ невыносимо, что смерть кажется ей лучшимъ исходомъ, чѣмъ жизнь безъ защитника и кормильца мужа; и гдѣ вдовѣ не сожигаютъ, тамъ онѣ нерѣдко сами убиваютъ себя, подкрѣпляясь вѣрою, что, соединившись за гробомъ съ супругами, онѣ получаютъ награду за свое самопожертвованіе. Вмѣстѣ съ развитіемъ мужниныхъ правъ и половой противоположности, усиливается и чувство ревности,—одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ семейныхъ страданій женщины. У полудикихъ народовъ ревность нерѣдко бываетъ сильнѣе и нелѣпѣе, чѣмъ даже въ цивилизованныхъ странахъ Востока. Въ Кашембе, напр., жены, которыхъ выбираетъ себѣ государь, подъ пыткою допрашиваются, не любились ли онѣ до этого брака съ мужчинами, и съ какими именно; открытые такимъ образомъ любовники предаются смерти. Каждый мужчина, увидавшій жену своего государя, подлежитъ жестокому увѣчному наказанію. Сѣверные индѣйцы нерѣдко бываютъ также чрезвычайно ревнивы; сильно подозрѣваемую или уличенную въ прелюбодѣяніи жену индѣецъ наказываетъ палками, откусываетъ ей носъ и прогоняетъ. Соблазнъ за-

*) Вайцъ приводитъ разсказъ одного путешественника, какъ одинъ родоначальникъ въ Новой Каледоніи поставилъ въ рядъ своихъ женъ и, начавъ стрѣлять по нимъ въ цѣль изъ ружья, перебилъ ихъ ради одной только потѣхи (VI, 627).

мужней женщины у индѣйцевъ, какъ и у другихъ дикарей, иногда порождаетъ ожесточенную племенную вражду и войны. У бечуановъ и конго, новозеландцевъ и многихъ другихъ народовъ прелюбодѣяніе наказывается смертью; черкесъ имѣетъ полное право убить свою невѣрную жену, или, отрѣзавъ ей носъ и уши, обривъ голову, отослать ее къ ея родителямъ. Если арабъ убѣждается отца или брата своей жены въ невѣрности ея, то послѣдніе, не задумываясь, перерѣзываютъ ей горло. Прелюбодѣи, соблазняющіе женъ, отдѣлываются большею частью штрафомъ, а у нѣкоторыхъ, кромѣ того, обязываются жениться на соблазненной или перемѣниться съ оскорбленнымъ мужемъ женами. На Алеутскихъ островахъ мужъ, поймавшій любовника у своей жены, принуждаетъ его къ поединку съ собой и побѣдитель беретъ себѣ женщину, бывшую предметомъ раздора. При введеніи наказаній за супружескую невѣрность, жены у нѣкоторыхъ народовъ стараются удержать и за собой то же карательное право надъ мужьями, какое послѣдніе имѣютъ надъ ними. На ладронскихъ островахъ, гдѣ, какъ мы видѣли выше, царили нѣкогда поліандрія и гинейкократія, мужъ хотя и имѣетъ право убить любовника своей жены, но ей самой не долженъ причинять никакого зла. Если же мужчина соблудитъ, то узнавшая о томъ жена собираетъ всѣхъ женщинъ сосѣдства, которыя съ яростью разоряютъ его садъ, разрушаютъ его хижину, и если находятъ самаго виновника, то подвергаютъ его жестокимъ побоямъ. Такія права женщина сохраняетъ въ патріархальной жизни недолго, и почти у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ за прелюбодѣяніе отвѣчаютъ только жены и ихъ любовники, а отнюдь не мужья, имѣющіе право сколько угодно измѣнять своимъ брачнымъ обязанностямъ и подвергать своихъ супружницъ за такую измѣну какимъ угодно наказаніямъ. Но даже при такой строгости дикихъ законовъ ей подлежатъ сплошь и рядомъ одни только замужнія женщины, между тѣмъ какъ дѣвушки пользуются полной половой свободой. Но мѣрѣ же того, какъ мужчины желаютъ имѣть женами невинныхъ дѣвушекъ, строгость ревнивыхъ обычаевъ распространяется и на дѣвушекъ, родители которыхъ принуждены бываютъ стеречь ихъ невинность, чтобы скорѣе и выгоднѣе найти имъ жениховъ-покупателей. Эта бдительность о невинности женщинъ принимаетъ иногда чудовищный, варварскій характеръ. У гордевъ Кавказа на дѣвушку надѣвается кожаный поясъ цѣломудрія, и его снимаетъ, разрѣзывая своимъ кинжаломъ, только женихъ ея, въ первую брачную ночь. Въ восточной Африкѣ, задней Индіи и на малайскихъ островахъ дѣвушекъ подвергаютъ еще большимъ пыткамъ. У многихъ племенъ Африки женскіе члены *рьжутся, перекраиваются, перешиваются*, сообразно со вкусами и физическими свойствами ея мужа. Въ Сеннарѣ, напр., tembrum дѣвочки зашивается и проходъ сращивается такъ, что остается только небольшое отверстіе для естественныхъ выдѣленій. Передъ свадьбой сроченную часть разрѣзаютъ. Въ Кордофанѣ поступаютъ точно такъ же, разрѣзаемое отверстіе дѣлается больше или меньше, смотря по потребностямъ мужа. При родинахъ дѣлается большой разрѣзъ, а послѣ нихъ края отверстія снова сращиваются и родильница такимъ образомъ переходитъ въ состояніе, равнозначительное дѣвственности!..

Чѣмъ болѣе мужчина утверждаетъ и расширяетъ свою власть надъ женщиною, тѣмъ болѣе послѣдняя падаетъ въ его мнѣніи и дѣлается существомъ отверженнымъ, какъ чужестранка и непослушная рабыня. Извѣстныя физіологическія выдѣленія заставляютъ считать женщину существомъ нечистымъ, поганымъ. У большинства народовъ родины считаются осквернительными и родильницу переводятъ въ особое помѣщеніе. Нѣкоторые дикари даже не спятъ съ женами на одной постели, чтобы не опоганиться. При такомъ презрѣніи къ слабому полу, мужъ дѣлается прототипомъ восточнаго деспота, а жена—прототипомъ отверженной касты парій. Въ Фету, въ Африкѣ, каждое утро всѣ жены являются къ постели своего мужа, привѣтствуютъ, церемоніально одѣваютъ и моютъ его, какъ какого нибудь короля, а за тѣмъ расходятся. У нѣкоторыхъ народовъ при заключеніи брака мужъ, въ знакъ подчиненности жены, даетъ ей плюху, бьетъ ее плетью или заставляетъ, на колѣняхъ стоя, разувать его; послѣдній обычай въ ходу между финскими инородцами и, вѣроятно, отъ нихъ перенятъ русскими. У нѣкоторыхъ народовъ жена не смѣетъ даже сидѣть въ присутствіи мужа безъ его позволенія; а у дикихъ арабовъ женщина должна унижаться не только передъ своимъ мужемъ, но и передъ каждымъ чужимъ мужчиной, при встрѣчѣ съ которымъ, напр., она обязана сходить съ верблюда и кланяться. Въ Видагѣ негритянки должны преклонять колѣна и цѣловать прахъ—жены передъ мужьями, а дочери передъ отцами или старшими братьями. У короля Коссонго, одного изъ могущественнѣйшихъ государей внутренней Африки, по свидѣтельству Камерона, жены служатъ даже *мебелью*, на которой онъ сидитъ, и постелью, на которой онъ спитъ! Низведенная такимъ образомъ на степень животнаго, принадлежащаго мужу, женщина можетъ быть не только убиваема, дарима, продаваема имъ, но, подобно всякой собственности, она дѣлается предметомъ наслѣдованія его родственниковъ. Девиратный бракъ, столь распространенный между нецивилизованными племенами и служащій остаткомъ древней поліандріи, служитъ одною изъ наименѣе возмутительныхъ формъ этого наслѣдованія, которое доходитъ до того, что у многихъ, напр., сыновъ обязанъ жениться на вдовахъ своего отца. Но даже у тѣхъ народовъ, которые успѣли, повидимому, совершенно поработить женщинъ, послѣднія никогда не примиряются окончательно съ своимъ рабскимъ положеніемъ. Ихъ реакція проявляется главнымъ образомъ въ болѣзненной сварливости характера, въ семейныхъ сценахъ, руготнѣ и дракахъ съ мужьями, главнымъ же оружіемъ для защиты и нападенія ей служитъ языкъ. Клапертонъ замѣчаетъ, что никакая власть въ мірѣ, даже африканскій деспотизмъ, не въ состояніи принудить къ молчанію дикарку, особенно разозленную. И не однимъ языкомъ дѣйствуетъ угне-

тенная женщина,—а нерѣдко также ядомъ и пожомъ. Бѣгство отъ мужа служитъ ей также одинъ изъ главныхъ средствъ къ освобожденію изъ семейной неволи. У негровъ, индѣйцевъ, калмыковъ, полинезіянъ, финскихъ племенъ жена бѣжитъ, большею частью, къ родителямъ и почти всегда мужъ возвращаетъ ее или самъ посредствомъ силы, или ее выдаютъ ему родители во избѣжаніе раздоровъ. Иногда впрочемъ такія бѣглянки успѣваютъ освободиться отъ своихъ супруговъ, отдаваясь подъ покровительство какихъ нибудь постороннихъ людей, напр., европейскихъ мореплавателей. Случается даже, что женщины вооружаются противъ своихъ мужей и дѣйствуютъ за одно съ ихъ врагами. Наконецъ, у многихъ народовъ женщина такъ живо чувствуетъ невыносимую тяжесть своего положенія, что прибѣгаетъ къ самоубійству гораздо чаще, чѣмъ мужчина, между тѣмъ какъ въ цивилизованной жизни—несравненно рѣже послѣдняго. Австралійскія дѣвушки нерѣдко убиваются изъ одного только страха замужней жизни. У индѣйцевъ мужчины очень рѣдко накладываютъ на себя руки, а дѣвушки боясь брака, часто вѣшаются на деревьяхъ, убиваются, бросаясь со скалъ, топятся въ рѣкѣ или морѣ. Замужнія женщины индѣйцевъ убиваютъ себя также гораздо чаще мужчинъ и истребляютъ во множествѣ своихъ малолѣтнихъ дочерей, желая, изъ любви къ нимъ, избавить ихъ отъ той ужасной судьбы, которая выпадаетъ на долю замужней женщины. Оправдывая сильную распространенность такого дѣтоубійства, индіянка на Ориноко говорила одному миссіонеру: «ахъ, какъ я жалѣю, что моя мать не убила меня и тѣмъ не избавила отъ множества страданій, которымъ я подвергаюсь въ жизни. Посмотри, отецъ, на наше плачевное положеніе:—наши мужья уходятъ на охоту, и мы тащимся за ними, держа одного ребенка у груди, а другого въ корзинѣ. Вернувшись крайне истомленными, мы не можемъ уснуть въ теченіе цѣлой ночи и приготовляемъ ужинъ для мужей; они напиваются, бьютъ насъ, таскаютъ за волосы, топчатъ ногами... Проведя лѣтъ двадцать въ такомъ рабствѣ, что же мы получаемъ въ награду? Мужъ беретъ молодую жену, которая начинаетъ угнетать насъ и нашихъ дѣтей...»

Оскорбляемая и угнетаемая, жена находитъ только нѣкоторую поддержку въ своихъ кровныхъ родственникахъ; нерѣдко они упрашиваютъ мужа или, при своей авторитетности, строго внушаютъ ему относиться къ ихъ дочери человѣколюбивѣе; неправильно прогнанная мужемъ жена можетъ найти у своихъ родителей и защиту, и мстителей за ея безчестіе, можетъ, при ихъ помощи, заставить мужа снова принять ее. У черкесовъ если мужъ убьетъ или продастъ свою жену, то подвергается мщенію со стороны ея родственниковъ, равно какъ и въ томъ случаѣ, если онъ прогонитъ ее отъ себя безъ основательной причины и дастъ ей разводъ. Обычай приданаго также много облегчаетъ положеніе женщины; съ тѣмъ вмѣстѣ развивается у нѣкоторыхъ народовъ другой обычай, въ силу котораго прежняя плата за невѣсту переходитъ въ такъ называемый «утренній подарокъ» (morgengabe) и поступаетъ въ исключительную собственность новобрачной, а не ея родителей. При подобныхъ столкновеніяхъ деспотическихъ притязаній мужа съ одной стороны, а съ другой, стремленій жены къ самостоятельности при помощи ея рода, въ нѣкоторыхъ странахъ удерживается навсегда свободная форма брачнаго союза, которая существовала вездѣ въ періодѣ материнскаго права и которая, упрочившись въ юриспруденціи Рима, служила здѣсь однимъ изъ главныхъ способовъ женской эмансипаціи. У негровъ, на ряду съ бракомъ, заключаемымъ посредствомъ купли-продажи невѣсты, есть другая форма брака, при которой жена, вмѣстѣ съ своими дѣтьми, принадлежитъ не мужу, а семейству своихъ родителей. Женихъ платитъ родителямъ невѣсты утренній даръ, возвращаемый ему въ случаѣ развода или смерти жены. Если же умираетъ напередъ мужъ, то жена переходитъ къ его наслѣдникамъ, а не къ своему семейству. Часто родители задалживаются у мужа своей дочери и она поэтому дѣлается такой же рабыней его, какъ и жена, пріобрѣтенная путемъ купли. У малайцевъ, даже при покупной формѣ брака, родители невѣсты вынуждаютъ жениха не доплачивать за нее извѣстной части условленной цѣны, чтобы онъ не могъ считать жены своею полною собственностью. Въ такъ называемомъ малайскомъ бракѣ *семандо* женихъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ, а она устраиваетъ на свой счетъ брачный пиръ; супруги вслѣдствіе этого совершенно равноправны, какъ относительно дѣтей своихъ, такъ и движимаго имущества; въ случаѣ развода домъ остается женѣ, а дѣти поступаютъ къ тому изъ родителей, къ которому пожелаютъ сами. Иногда эта брачная независимость жены доходитъ до полнаго преобладанія надъ мужемъ. У негровъ конго, напр., принцессы сами выбираютъ себѣ мужей изъ людей богатыхъ, эксплуатируютъ ихъ и прогоняютъ, когда вздумается. Эти мужья состоятъ обыкновенно подъ стражей и много терпятъ отъ своихъ ревнивыхъ женъ. Случается даже, что ихъ хоронятъ живыми вмѣстѣ съ ихъ умершими супружницами.

Эти формы свободнаго брака развились, конечно, благодаря стремленіямъ жены къ самостоятельности, но, какъ показываетъ самое содержаніе ихъ, они могли возникнуть и утвердиться въ народной жизни только при дѣятельной помощи, оказанной въ этомъ дѣлѣ женѣ ея кровными родственниками. Другая важная реформа семейнаго быта—развитіе моногаміи, должна быть приписана почти исключительно усиліямъ женщины. При всемъ томъ, что полигамія облегчаетъ тяжесть трудовъ, лежащихъ на женѣ, при всемъ отсутствіи у дикарокъ любви и ревности къ своему мужу, онѣ открыто высказываютъ свое недовольство многоженствомъ, или, взвѣшивая благопріятные для женщины шансы полигаміи и моногаміи, сильно сомнѣваются въ достоинствѣ первой, или же съ восторгомъ хвалятъ послѣднюю. Путешественники свидѣтельствуютъ, что въ глуши первобытныхъ лѣсовъ, въ шалашахъ самыхъ звѣрообразныхъ дикарей, ихъ жены волнуются этими вопросами, на которые онѣ наталкиваются своею несчастною жизнію. Нѣсколько женъ въ одномъ домѣ рѣдко уживаются мирно; каждая хочетъ командовать другими

и быть *первою женою*. Во избѣжаніе этого, многіе полигамисты помѣщаютъ каждую жену въ отдѣльномъ зданіи, и эти хижины располагаются иногда какъ можно дальше одна отъ другой, во избѣжаніе женскихъ стычекъ. По мѣрѣ развитія въ народѣ половой любви и ревности, междоусобіе женъ принимаетъ болѣе и болѣе ожесточенный характеръ. Въ концѣ концовъ эта борьба вездѣ кончается тѣмъ, что болѣе сильная, болѣе хитрая, или больше любимая супругомъ жена беретъ перевѣсъ надъ другими, дѣлается главной женой, а остальныя нерѣдко становятся къ ней въ отношеніе рабынь и по мѣстамъ называются даже не *женами*, а только *наложницами*. Такой переходъ къ моногаміи мы видимъ почти у всѣхъ многоженцевъ,—у негровъ, индѣйцевъ, татаръ и т. д. Разнообразны способы, которыми женщина постепенно возвышала мужчинъ до моногаміи и тѣмъ производила одинъ изъ радикальнѣйшихъ и полезнѣйшихъ переворотовъ въ человѣческомъ обществѣ. Въ упомянутомъ нами переходѣ къ единоженству мы замѣчаемъ двѣ ступени: на первой, главная жена беретъ перевѣсъ надъ другими, какъ хозяйка, и мужъ облекаетъ ее правомъ главенства, ради водворенія въ домѣ хозяйственнаго порядка и мира. Но еще въ дикой жизни женщина начинаетъ развивать въ себѣ свои половыя отличія отъ мужчины,—обзаводится разными украшеніями, заботится о красотѣ своего тѣла, и въ то же время особенности ея житейской обстановки вмѣстѣ съ особенностями ея организма порождаютъ въ ней большую чувствительность и большую способность къ сердечной привязанности, чѣмъ какими обладаетъ мужчина. Съ помощью этихъ средствъ женщина, даже въ дикой жизни, возбуждаетъ иногда въ мужчинѣ такую страстную, романтическую любовь къ себѣ, что онъ, обладая избранницей сердца, не хочетъ и думать о другихъ женахъ. Такая моногамія встрѣчается у дикарей, хотя и рѣдко.

Выше мы уже говорили объ услугахъ женщины, оказанныхъ ею развитію культуры въ эпоху гинекократіи. Послѣ своего порабощенія патріархальному семейству, въ качествѣ хозяйки и работницы, она продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, поддерживая и развивая разныя отрасли патріархальнаго хозяйства и первоначальныхъ искусствъ. Она создала или развила не только ремесла: гончарное, портняжное, кухонное, выдѣлку и окраску матеріи, разныя нарядныя украшенія, приготовленіе кожъ и обуви и т. д., но также вышила на своихъ многострадательныхъ плечахъ и воспитала искусства строить жилища и обрабатывать землю. Она была матерью и кормилицей всей матеріальной культуры человѣчества, и натурные народы, сознавая эти заслуги ея, чтили ее въ лицѣ своихъ великихъ богинь, дарующихъ плодородіе и счастіе, изобрѣтшихъ земледѣліе, покровительствующихъ всѣмъ отраслямъ матеріальной цивилизаціи, изобрѣтательницами которой были онѣ сами. Впрочемъ, эти патріархальныя вѣрованія въ богинь, устроительницъ человѣческаго счастья, являются въ патріархальномъ бытѣ только остатками первичнаго религіознаго міросозерцанія, въ которомъ, какъ мы видѣли, женскій элементъ игралъ такую важную роль. И по мѣрѣ развитія патріархальнаго общества, значеніе упомянутыхъ богинь постепенно слабѣетъ, соразмѣрно тому, какъ и женщина, облегчаясь отъ своего ига работы и передавая значительную часть ея рабамъ, теряетъ даже значеніе работящей машины, запирается въ гаремъ, обрекается на отупляющую, скучную праздность и содержится только для половой забавы своего властелина.

Мы уже говорили выше объ участіи женщины въ дѣлахъ войны. Мы видѣли и увидимъ еще не разъ, что женщины часто принимали въ войнахъ самое дѣятельное и вліятельное участіе. Но отстраненная мужчиной отъ общественной жизни, лишенная, какъ рабыня, нравъ на употребленіе оружія, женщина начинаетъ служить дѣлу мира и противодѣйствовать насиліямъ войны. Посредствомъ мирныхъ браковъ она водворяетъ согласіе и даже дружбу между родами, до тѣхъ поръ постоянно воевавшими другъ съ другомъ. Ея вмѣшательство какъ въ частныя распри ея родичей, такъ и въ непріязненныя столкновенія разныхъ племенъ, въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ миротворно и благодѣтельно для людей, что древніе германцы съ уваженіемъ называли ее «*текущею миръ*». Эта дѣятельность женщины, какъ примирительницы, очень разнообразна. У дикихъ народовъ примиреніе разсорившихся и даже разодравшихся мужчинъ совершается сплошь и рядомъ не иначе, какъ при помощи женщинъ. На пирушкахъ индѣйцевъ ихъ жены обыкновенно не пьютъ водки, для того, чтобы быть въ состояніи примирить мужчинъ, попойка которыхъ обыкновенно кончается дракою. У черкесовъ если женщина бросается между двумя сражающимися врагами, то битва тотчасъ прекращается. Такую же роль часто играютъ женщины и при междуродныхъ столкновеніяхъ. У жителей Фиджана дипломатія служитъ даже женскою спеціальностью, миръ между враждующими сторонами заключается здѣсь женами вождей, и женскій голосъ всегда можетъ остановить руку фиджіана, готоваго поразить своего врага. Женщины примиряютъ даже побѣдителей и побѣжденныхъ, по возможности сливая ихъ въ одинъ народъ. «Мы видимъ»—говоритъ Клеммъ—«что женщина примиряетъ расу завоевателей съ расою побѣжденныхъ», въ западной Африкѣ, напр., на островахъ Южнаго океана, въ древнемъ Египтѣ и т. д. Наконецъ, у многихъ народовъ женщина милуетъ преступника и примиряетъ съ нимъ общество. У древнихъ славянъ приговоренный къ смерти преступникъ избавлялся отъ нея, если его прикрывала своимъ подоломъ женщина. Если виноватый въ чемъ нибудь черкесъ успѣваетъ пробраться въ жилье женщины и прикоснуться ея руки или груди, то онъ становится неприкосновеннымъ на все время пребыванія у этой женщины. Въ присутствіи черкешенки не можетъ быть совершаемо никакое наказаніе и должно умолкать всякое чувство родовой мести. Вообще дикарки отличаются сострадательностью ко всѣмъ несчастнымъ, часто даже къ врагамъ своихъ мужей. «Во всѣхъ моихъ путешествіяхъ и несчастіяхъ»—говоритъ Мунго-Паркъ, «я находилъ въ

женщинахъ нѣжность и сострадательность, какихъ нѣтъ въ мужчинахъ». Такимъ образомъ, не однимъ только матеріальнымъ трудомъ своимъ, а также водвореніемъ мира, развитіемъ въ людяхъ чувствъ любви, дружбы, сострадательности женщина содѣйствовала возникновенію и развитію культуры.

Сострадательность женщины нашла себѣ хорошій исходъ въ медицинской помощи больнымъ. Отыскиваніе растительной пищи, наблюденія надъ питаніемъ животныхъ и занятіе земледѣліемъ очень рано знакомятъ женщину со свойствами растеній, и она не замедляетъ прилагать свои ботаническія знанія къ дѣлу. У многихъ натурныхъ народовъ медициной и хирургіей занимаются исключительно одѣ женщины, у другихъ — женщины вмѣстѣ съ мужчинами, пока послѣдніе, по своимъ корыстнымъ расчетамъ, не оттѣсняютъ первыхъ отъ этой почтенной профессіи. У древнихъ норманновъ богинею медицины была Эйръ и искусство лѣченія находилось въ рукахъ женщинъ, которыя, кромѣ средствъ знахарскихъ или волшебныхъ, употребляли также и много лѣкарственныхъ растеній. Лучше всего излечивались этими женщинами раны; хирургія была возведена ими на довольно высокую степень совершенства; онѣ употребляли не мало инструментовъ, отлично зондировали, перевязывали, зашивали и заживляли раны, извлекали изъ нихъ инородныя тѣла и т. д. Въ родовспомогательномъ искусствѣ онѣ были также довольно опытны и употребляли цезарское сѣченіе. У туземцевъ Америки женщины также во множествѣ занимаются медициной и хирургіей, лечатъ весьма успѣшно раны, переломы костей, отравленія ядами, лихорадки, горячки, запоры, общее слабосиліе и т. д. Такія лѣкарки у индѣйцевъ, какъ и у гренландцевъ, и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, получаютъ со своей практики гонораръ, достаточный для ихъ прожитія. Черкешенки знали искусство оспопрививанія раньше европейцевъ; онѣ не только хорошія лѣкарки и хирурги, но и превосходныя сидѣлки, понимающія огромное значеніе гигіены для человѣческаго здоровья. У эскимосовъ, негровъ, древнихъ египтянъ, мехиканцевъ — всюду видимъ мы медицину въ рукахъ женщины и подъ покровительствомъ богинь. Да покроются же позоромъ тѣ изъ современныхъ жрецовъ Эскулапа, которые хотятъ всѣми возможными способами изгнать женщину изъ области медицинской профессіи, которая такъ много обязана ей своимъ развитіемъ, и право на которую насильно отнято у ней мужчиною, какъ увидимъ ниже!

Медицинское, какъ и всякое знаніе, въ первобытной жизни одѣто въ религіозную оболочку и тѣсно соединено съ волшебствомъ. Организація женщины и особенности ея жизненной обстановки дѣлаютъ ея нервы болѣе впечатлительными, а ея фантазію болѣе дѣятельною, чѣмъ нервы и фантазія мужчины. Поэтому у многихъ народовъ волшебство и сношенія съ богами становятся преимущественнымъ занятіемъ женщинъ. Древніе германцы, по словамъ Тацита, предполагали въ женщинѣ нѣчто священное и сверхъ естественное, т.-е. считали ее способнѣе мужчины къ сношенію съ духовнымъ міромъ. Волшебство, предсказанія, ворожба, жреческое были у германцевъ занятіями женщинъ, доставляли имъ всеобщее уваженіе и огромное вліяніе на общество. У негровъ, поклоняющихся живымъ людямъ, признаннымъ за боговъ, въ числѣ послѣднихъ бываютъ и женщины. У негровъ, камчадаловъ, монголовъ, остяковъ, самоѣдовъ, индѣйцевъ Южнаго океана—всюду женщины являются жрицами, посредницами между людьми и богами, ворожеями, толкователь ницами сновъ, хранительницами религіозныхъ вѣрованій, легендъ и обрядовъ. Такая профессія, вмѣстѣ съ занятіемъ медициною, не только заставляетъ ихъ знакомиться съ явленіями природы, но иногда даже даетъ имъ возможность разбивать грубыя суевѣрія народа. На одномъ изъ о-вовъ Южнаго океана, напр., есть вулканъ; жители долго считали его мѣстопребываніемъ бога огня, Пеле, котораго ублажали жертвами и боялись приближаться къ кратеру до тѣхъ поръ, пока одна женщина не рискнула спуститься въ кратеръ и, возвратившись оттуда, не показала найденной ею тамъ лавы, убѣдивъ такимъ образомъ своихъ родичей въ естественности вулкана и разрушивъ ихъ вѣру въ кровожаднаго Пеле. Но, съ другой стороны, вѣра въ особенную способность женщины къ волшебству и знахарству въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиняетъ ей много зла. У многихъ дикарей происхожденіе общественныхъ и частныхъ бѣдствій нерѣдко приписывается вѣдовству жрицъ и знахарокъ и онѣ расплачиваются за это жизнію. Процессы вѣдьмъ, встрѣчаемые у дикарей, состоятъ въ божьемъ судѣ, отъ котораго погибаетъ большинство подсудимыхъ.

Женщины всегда служатъ лучшими хранительницами народныхъ обычаевъ, вѣрованій, сказаній, пѣсенъ, костюмовъ и т. д. Онѣ гораздо консервативнѣе мужчинъ—явленіе, причины котораго будутъ выяснены нами въ своемъ мѣстѣ. Мы не будемъ здѣсь распространяться о значеніи женщинъ для развитія народной поэзіи и скажемъ только нѣсколько словъ объ ихъ вліяніи на исторію языка. У большинства первичныхъ народовъ жена—чужестранка, говорящая на чужомъ языкѣ; у карайбовъ до сихъ поръ языкъ женщинъ особый отъ нарѣчія мужчинъ. Но въ семейной жизни языки мужа и жены должны непремѣнно сталкиваться и стремиться къ взаимному слитію, которое, однакожъ, не оканчивается абсолютнымъ вонареніемъ въ домѣ одного языка, и женщина продолжаетъ говорить на нарѣчіи, хотя и понятномъ мужу и близкимъ къ его языку, но все-таки отличномъ отъ послѣдняго. Такимъ образомъ языкъ женщинъ и дѣтей, по мнѣнію лучшихъ филологовъ, Боппа, В. Гумбольта, Макса Мюллера, развивается въ нарѣчіе болѣе звучное, мягкое и поэтическое, чѣмъ нарѣчіе мужчинъ. Въ этомъ-то упомянутые филологи и видятъ причину распаденія, всѣхъ главныхъ языковъ на два нарѣчія, напр., языка греческаго на нарѣчія іонійское и дорійское, нѣмецкаго—на нарѣчія верхне- и нижне-нѣмецкое и т. д.

IV.

Первобытное семейство, какъ мы видѣли выше, основано на кровномъ родствѣ по матери. Мало-помалу преобладаніе материнскаго принципа падало, женщина подчинялась мужчинѣ и основаніемъ семейства дѣлалась власть отца, а не кровное родство. Наступилъ періодъ патріархальный, въ началѣ котораго семейный союзъ еще весьма слабъ и семейство еще не въ силахъ обратить женщину на исключительное служеніе себѣ. Прочность семьи, какъ и прочность брака, является только впослѣдствіи, а на первыхъ ступеняхъ развитія власть отца сплошь и рядомъ отвергается дѣтьми и члены семейства нерѣдко разрываютъ узы, прикрѣпляющія ихъ къ родному очагу. Выражаясь юридически, лицо физическое борется за свою свободу съ развивающеюся юридическою личностью семьи и разныя случайности борьбы долго не даютъ семейству поглотить всѣхъ индивидуумовъ, входящихъ въ его составъ. Случается, напримѣръ, что въ патріархальной семьѣ дряхлый отецъ семейства лишается своей власти и она переходитъ къ болѣе сильному и мудрому, чѣмъ онъ, сыну. У нѣкоторыхъ европейскихъ варваровъ человѣкъ могъ свободно свергать съ себя ярмо семейной власти; по салическому закону онъ долженъ былъ только, явившись въ національное собраніе, объявить, что «отказывается отъ своихъ родителей и что съ этихъ поръ не имѣетъ съ ними ничего общаго». У эскимосовъ до сихъ поръ взрослыя дѣти безъ всякихъ затрудненій бросаютъ родительское семейство и начинаютъ совершенно самостоятельную жизнь. У нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ дѣти растутъ на полной своей волѣ [illegible] у большинства совершенно дикихъ народовъ, легко разторгаютъ стѣсняющія ихъ свободу семейныя узы. О воспитаніи дѣтей, объ ихъ почтеніи къ старшимъ здѣсь нѣтъ и рѣчи: всѣми семейными отношеніями управляютъ случай и право силы; отецъ можетъ властвовать надъ сыномъ лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдній не сдѣлается способнымъ для сопротивленія. Въ одной превосходной поэмѣ минусинскихъ татаръ ярко характеризуется эта анархія первичнопатріархальной семьи въ слѣдующемъ разсказѣ. На берегу моря живетъ людоѣдъ Талай-Ханъ съ сыномъ своимъ Тазе-Мекке. Пріѣзжаютъ къ нимъ три богатыря, ихъ встрѣчаетъ Тазе-Мекке и говоритъ: «вотъ уже девять лѣтъ, какъ мой отецъ пытается сварить и съѣсть меня. Помогите мнѣ сварить и съѣсть его самого!» И съ помощью богатырей сынъ связалъ батюшку, сварилъ его и сожралъ. При слабости семейнаго союза также не проченъ и составленный по его модели союзъ общественный. Эскимосы не знаютъ никакой іерархіи, никакого подчиненія. Власть индѣйскихъ вождей, говоритъ Скулькрафтъ, болѣе номинальная, чѣмъ дѣйствительная, болѣе власть совѣта, чѣмъ власть принужденія. По мѣрѣ развитія общества, по мѣрѣ его выхода изъ первобытнаго состоянія изолированныхъ семей, семейная институція пріобрѣтаетъ больше и больше прочности. Союзъ семей образуетъ родъ, союзъ родовъ—племя, союзъ племенъ—государство. На всѣхъ ступеняхъ развитія древняго общества оно является ничѣмъ инымъ, какъ собраніемъ семействъ, или, выражаясь словами Мэна, «единицею древняго общества была семья, единицу же новѣйшаго общества составляетъ лицо». Каждое семейство имѣетъ характеръ небольшого государства, самодержецъ котораго, отецъ, совмѣщаетъ въ себѣ права и обязанности всѣхъ членовъ подвластнаго ему союза: гражданами общества, поэтому, служатъ только отцы и общественный союзъ семействъ имѣетъ близкое сходство съ международнымъ союзомъ государствъ. Фундаментомъ семейства служатъ отеческая власть и безусловная покорность ей всѣхъ живущихъ у одного домашняго очага. Отцовство для своего утвержденія на мѣстѣ вытѣсненнаго имъ материнства необходимо должно было измѣнить и самый характеръ семейнаго родства. Если бы при водвореніи отеческой власти, люди продолжали считать роднею родственниковъ своей матери, то вышло бы, что одно лицо должно подчиняться двумъ отеческимъ властямъ, а за этимъ неизбѣжно слѣдовало бы столкновеніе на домашнемъ форумѣ двухъ семейныхъ законовъ, истекающихъ отъ отцовъ двухъ разныхъ семей. Поэтому въ патріархальномъ семействѣ родственниками считаются только лица, которыя состоятъ, или состояли, или могли состоять подъ одною и тою же отеческою властью. Полное развитіе этого начала, какъ и всѣхъ вообще главныхъ принциповъ архаическаго права, совершено, какъ мы увидимъ ниже, римской юриспруденціей. Но и кромѣ римлянъ, всѣ патріархальные народы держатся того же самаго агнатнаго начала, по которому отецъ—монархъ семьи, а всѣ его подданные—родственники между собой и съ нимъ. Частной собственности нѣтъ, а есть только общее семейное имущество, которымъ распоряжается отецъ. Онъ верховный жрецъ своего дома; слово его—законъ для всѣхъ домочадцевъ; его власть простирается на жизнь и на смерть ихъ; онъ женитъ сына, выдаетъ замужъ дочь, продаетъ, наказываетъ, убиваетъ дѣтей по своему произволу. Все заработанное дѣтьми отдается отцу; онъ распредѣляетъ труды между членами семейства, отдаетъ ихъ въ наемныя работы, какъ настоящихъ невольниковъ и т. д. Воспитаніе состоитъ въ формировкѣ изъ дѣтей рабовъ семейнаго главы; ихъ учатъ ремесламъ отца или матери и безусловной покорности, подвергая ихъ при этомъ жестокимъ истязаніямъ и запугивая чертями, которые похищаютъ и мучатъ непослушныхъ дѣтей. Словомъ, въ каждой такой семьѣ мы видимъ тотъ же деспотизмъ и то же рабство, какъ и въ любомъ восточномъ султанствѣ. Такія отношенія, существующія сначала на фундаментѣ силы, съ развитіемъ государства получаютъ санкцію права и религіи. Работѣпность дѣлается непремѣнно обязанностью домочадцевъ. У негровъ видага семья обязана преклонять колѣна передъ своимъ владыкой и лобзать прахъ его пяты. Въ Египтѣ, говоритъ Свари, каждое семейство есть маленькое государство, царемъ котораго служитъ отецъ. Домочадцы обязаны рабски слушаться его. Когда онъ обѣдаетъ, вся семья, стоя на ногахъ, прислуживаетъ ему и при всякомъ случаѣ заявляетъ передъ нимъ свою самую

раболѣпную покорность и уваженіе. Китай и Японія довели эти семейныя отношенія до nec plus ultra. Въ Китаѣ вся общественная жизнь основана на семейномъ началѣ, и полицейскіе чиновники, разсказывая по улицамъ, постоянно напоминаютъ обывателямъ объ этомъ фундаментѣ китаизма, вскрикивая: «повинуйтесь вашимъ отцамъ и матерямъ, уважайте старшихъ и начальниковъ, живите мирно въ своихъ семействахъ, наставляйте своихъ дѣтей, не дѣлайте несправедливости!» «Міръ»—говоритъ Конфуцій — «можетъ достигнуть благополучія только съ водвореніемъ общественнаго порядка. Порядокъ достигнется при хорошемъ управленіи. Чтобы умѣть хорошо управлять государствомъ, государь долженъ сперва умѣть хорошо управлять собственнымъ семействомъ. По примѣру его каждый китаецъ будетъ достойнымъ правителемъ своей семьи... Общее благоденствіе водворится само собою: охотно подчинятся волѣ императора сперва всѣ члены его семейства, а потомъ водворятся во всей вселенной миръ и согласіе». Превосходно организованная система воспитанія имѣетъ главною своею цѣлью пріучить всѣхъ къ безусловному послушанію старшимъ и утвердить раболѣпную покорность родительской власти, какъ фундаментальное правило морали. Отецъ—безусловный владыка души, тѣла и имущества своихъ дѣтей; онъ можетъ продавать и казнить ихъ смертью, женить, выдавать замужъ, разводить женатаго сына съ его женой, отдавать въ кабалу, бить и сѣчь сколько ему угодно и т. д. Стоитъ ему только пожаловаться на сына въ судѣ, и въ чемъ бы ни обвинилъ онъ сына, судъ безъ всякихъ околичностей подвергаетъ его жестокимъ наказаніямъ, даже самой варварской смертной казни, не требуя никакихъ доказательствъ отъ обвинителя, не слушая никакихъ оправданій отъ обвиняемаго. За отцеубійство не только казнится виновный со своимъ семействомъ, но еще наказываются и всѣ чиновники той области, въ которой совершено убійство. Отъ крупныхъ оскорбленій со стороны сына отцы ограждаются смертною казнію оскорбителей, за малѣйшее невниманіе, за самое ничтожное непослушаніе дѣтей ожидаютъ сотни бамбуковыхъ ударовъ въ полиціи, которая неустанно вбиваетъ въ китайцевъ любовь и уваженіе къ родителямъ. Одинъ сынъ съ помощію жены побилъ мать; оба они были обезглавлены; тещa казненнаго жестоко наказана палками и сослана; студентамъ округа, въ которомъ совершилось преступленіе, было запрещено держать экзамены въ продолженіе трехъ лѣтъ; всѣ мѣстные чиновники были сосланы, а домъ, осквернённый преступленіемъ, сравненъ съ землею. Въ 1865 году, виновные въ томъ же мужъ и жена сожжены живыми въ печи; начальникъ рода, къ которому принадлежали они, казненъ удавленіемъ; сосѣди, живущіе направо и налѣво отъ преступниковъ, получили по 80-ти палокъ и сосланы; старшина сословія ученыхъ кандидатовъ, къ которому принадлежалъ казненный, получилъ тоже 80 палокъ; двоюродный дядя преступника, другой дядя и два старшихъ брата казнены; губернаторъ и окружной начальникъ лишены должностей; мать преступницы получила позорныя клейма на лицо и сослана, а отцу дали 80 палокъ и сослали. Дѣтямъ вмѣняется даже въ преступленіе говорить въ присутствіи своихъ родителей о слабости старческаго возраста. И у всѣхъ, сколько-нибудь культурныхъ народовъ: у индусовъ, турокъ, мехиканцевъ, древнихъ норманновъ и т. д.,—у всѣхъ у нихъ власть отца имѣетъ характеръ подобный китайскому. Для домочадцевъ нѣтъ никого выше ихъ главы, онъ ихъ первосвященникъ, законодатель, верховный судья, земной богъ. Эти понятія сыновняго долга и отеческихъ правъ прививаются съ дѣтства жителямъ патріархальныхъ странъ религіей, правомъ, воспитаніемъ, общественнымъ мнѣніемъ.

Хотя основою такого семейства и служитъ, главнымъ образомъ, родительская власть, а не родство крови, хотя рабъ является здѣсь такимъ же домочадцемъ, какъ и сынъ, хотя при неимѣніи дѣтей отецъ можетъ купить ихъ у кого-нибудь, усыновить чужихъ, поручить своему родственнику или пріятелю осѣменить жену его и, такимъ образомъ, дать ему желаннаго наслѣдника, но ко всему этому прибѣгаютъ только въ случаѣ неизбѣжной необходимости и рожденіе своихъ кровныхъ дѣтей считается верхомъ благополучія и главною цѣлью брака. Безплодный бракъ, по возрѣнію всѣхъ оріенталовъ, вовсе не бракъ, такъ какъ дѣлъ его не достигнута. Имѣетъ съ такими идеями о бракѣ религіозныя системы и законы Востока развиваютъ теорію объ исключительномъ назначеніи женщины быть матерью; они смотрятъ на нее, какъ на пашню, предназначенную для произведенія плодовъ. Бездѣтную жену мужъ презираетъ, бьетъ, продаетъ, гонитъ отъ себя. Напротивъ, женщина чадородная пріобрѣтаетъ хорошую славу и уваженіе, которыя соразмѣряются съ количествомъ рожденныхъ ею дѣтей; она цѣнится также, какъ и всякая самка животнаго. По вѣрованію древнихъ мехиканцевъ, герои павшіе въ битвѣ и женщины, умершія въ мукахъ рожденія, получаютъ вѣчное блаженство въ райскихъ чертогахъ солнца. Такимъ образомъ право, религія и общественное мнѣніе, проникнутыя исключительными началами, ограничиваютъ дѣятельность женщины материнскими обязанностями. Въ архаическомъ обществѣ все существуетъ въ семействѣ и для семейства; каждый индивидуумъ есть не лицо, а членъ семейной корпораціи, съ которой связаны всѣ права его и обязанности; такъ и женщина: ходъ историческаго развитія принуждаетъ мужчину обратить ее на исключительное служеніе семьѣ, которая нуждается въ ея трудѣ и въ ея половой производительной силѣ.

Но говоря о маніи патріархальныхъ народовъ къ чадородію, мы выражаемся не совсѣмъ точно; всѣ они, отъ нагого звѣрообразнаго дикаря до цивилизованнаго китайца или индуса, желаютъ имѣть не дѣтей вообще, а *сыновей*. Дочери или избиваются вскорѣ послѣ рожденія, или воспитываются въ полномъ пренебреженіи и то только какъ товаръ, на выгодную продажу котораго впослѣдствіи можно разсчитывать. У арабовъ дочь называется «дрянным ребенкомъ». Спрашивать китайца, есть ли у него дочери, зна-

чить оскорблять его. Сынъ же другое дѣло; его рожденіе всеобщій праздникъ для семейства, а особенно для отца, такъ какъ послѣдній возрождается въ сынѣ и еще при своей жизни выходитъ вторымъ изданіемъ, если можно такъ выразиться. Сынъ тотчасъ по рожденіи дѣлается совладѣльцемъ отца по семейному имуществу и всѣ признаютъ въ немъ будущаго главу дома; у габунцевъ, въ Африкѣ, сынъ можетъ даже начать противъ своего отца судебный процессъ за растрату имъ семейнаго имѣнія и принудить его къ уплатѣ за промотанное. Какъ работникъ семьи, какъ защитникъ ея, какъ преемникъ отца—во всѣхъ отношеніяхъ сынъ долженъ цѣниться болѣе дочери. Въ дикой жизни семья часто вовсе погибаетъ послѣ смерти отца, неоставившаго ни одного сына; чужіе люди растаскиваютъ все имущество покойнаго, овладѣваютъ шалашомъ, изгоняютъ изъ него вдову и дочерей покойнаго. Сынъ нуженъ для семейства какъ *наслѣдникъ*, не въ современномъ, а въ архаическомъ значеніи этого слова. Первобытная семья считается безсмертной; входящія въ составъ ея лица мѣняются, она же, корпорація, никогда не умираетъ и средствомъ для этого безсмертія служитъ институція наслѣдства. Наслѣдникъ принимаетъ на себя всѣ права и обязанности или, по римскому техническому выраженію, universitas juris умершаго главы семейства, и поэтому смерть домовладыки не производитъ никакихъ существенныхъ измѣненій ни въ самомъ семействѣ, ни въ его отношеніяхъ къ обществу. Каждый членъ древняго общества желаетъ прежде всего имѣть наслѣдника, «да не погибнетъ имя его въ родномъ народѣ», какъ выражались евреи. Но первостепенная важность наслѣдства, какъ у дикихъ, такъ и у культурныхъ народовъ, заключается въ его назначеніи не для семейства вообще, а для умершаго отца; главная обязанность наслѣдника состоитъ въ принесеніи жертвъ за умершаго, въ поддержаніи домашняго богослуженія. Мыслію объ этомъ проникнута вся семейная жизнь оріентала; онъ женится для того, чтобы имѣть сына, который могъ бы приносить жертвы послѣ его смерти; если у него нѣтъ дѣтей, то онъ долженъ усыновить чужихъ, «имѣя въ виду похоронные пироги, воду и торжественное жертвоприношеніе», какъ выражается одинъ индустанскій ученый. Мы остановимся на объясненіи этой чрезвычайно важной связи первобытнаго наслѣдства съ семейными жертвами.

Для дикаря смерть есть ничто иное, какъ продолженіе прежней жизни, только при другой обстановкѣ; покойники такъ же нуждаются въ пищѣ, одеждѣ, оружіи, какъ и живые, поэтому у всѣхъ первобытныхъ народовъ въ могилу кладутъ имѣетъ съ трупомъ и всѣ необходимыя хозяйственныя принадлежности; у нѣкоторыхъ дикарей покойнику отдается даже все его имущество, а самое жилье, брошенное семействомъ, сожигается и, по всей вѣроятности, это самый первобытный обычай, предшествующій возникновенію наслѣдства, при которомъ семья даетъ покойнику только часть общаго семейнаго имущества. Сношенія между домочадцемъ и ихъ покойнымъ родственникомъ не прекращаются, тѣмъ болѣе, что въ первобытной жизни умершіе хоронятся, большею частью, въ самомъ жилищѣ или, по крайней мѣрѣ, по близости его, какъ это дѣлается до сихъ поръ, напримѣръ, на Филиппинскихъ островахъ; обычай превращать трупы въ удобосохраняемыя муміи, напр., у тѣхъ же филиппинцевъ и многихъ другихъ дикарей, еще болѣе придаетъ прочности упомянутымъ сношеніямъ, сообщая имъ характеръ осязательности. Это первобытное міросозерцаніе, смѣшанное съ вѣрованіемъ въ метемпсихозисъ, особенно рельефно выразилось въ Египтѣ. Пирамида—это вѣчный домъ умершаго, котораго посѣщаютъ въ извѣстные дни его родственники. Онъ живетъ тутъ окруженный своимъ семействомъ, своими невольниками, птицами, собаками, обезьянами, изображенными въ настѣнныхъ барельефахъ. Въ Перу по смерти каждаго государя всѣ принадлежавшія ему сокровища оставлялись въ томъ же видѣ, какъ были при его жизни, и никто не смѣлъ прикоснуться къ нимъ. Многочисленные дворцы его запирались на вѣки. Трупы умершихъ государей, бальзамированные, выставлялись въ главномъ храмѣ солнца. Они сидѣли тамъ въ два ряда, мужчины по правую, а женщины по лѣвую сторону отъ золотого солнца, одѣтые въ царскія платья, съ наклоненными головами и съ скрещенными на груди руками. Покойниковъ всѣ дикари очень боятся; мучимые жаждою и голодомъ, они постоянно посѣщаютъ жилища своей семьи, отыскивая пищу и наказывая родственниковъ, нерадѣющихъ объ ихъ пропитаніи; въ разныхъ видахъ являются они живымъ, нагоняютъ на нихъ тревожные сны, безпокоятъ и мучатъ ихъ; нѣкоторые дикари приписываютъ своимъ умершимъ родственникамъ всякое приключившееся съ ними зло. Покойникъ имѣетъ прежнія притязанія на имущество и уваженіе къ себѣ семейства, поэтому, чтобы мирно жить съ нимъ, новый представитель семьи, наслѣдникъ, долженъ кормить, поить и всячески ублажать умершаго. Въ Египтѣ феллахъ до сихъ поръ ходитъ на могилы своихъ умершихъ родственниковъ и угощаетъ ихъ; а завѣщатель, отказывая наслѣднику свое имѣніе, часть его предназначаетъ на свое продовольствіе въ будущей жизни. У чуванъ и черемисъ наслѣдники до сихъ поръ устрояютъ по временамъ обѣды, на которыхъ угощаютъ будто бы являющихся къ нимъ невидимыхъ родственниковъ и, кромѣ того, ходятъ кормить ихъ на ихъ могилы. У всѣхъ жителей Африки, индѣйцевъ, малайцевъ, инородцевъ Сибири, киргизовъ, китайцевъ, норманновъ, у русскихъ крестьянъ, въ старинной Силезіи, Польшѣ, верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ,—вездѣ мы видимъ это кормленіе покойниковъ ихъ наслѣдниками. Въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ въ родительскій день устраивается на могилахъ угощеніе мертвыхъ, какъ и во многихъ мѣстахъ Россіи, и бѣлорусы дѣлаютъ при этомъ такое воззваніе: «святые родители, пожалуйте хлѣба-соли откушать!» У нѣкоторыхъ народовъ въ честь каждаго умершаго дѣлается идолъ, которому суютъ въ ротъ пищу и поклоняются. Вообще же благополучіе семейства требуетъ не только кормить предковъ, но и уважать ихъ, какъ они уважались живыми. Домашнее богослуже-

ніе имъ мы видимъ у многихъ народовъ и оно совершается наслѣдникомъ. Въ Китаѣ, напримѣръ, каждое семейство имѣетъ особыя «комнаты предковъ»; въ извѣстное время здѣсь собираются всѣ члены фамиліи и поклоняются имъ. Забвеніе и пренебреженіе къ памяти умершихъ возбуждаетъ гнѣвъ и мстительность ихъ. Однажды калмыцкій князь Тотонъ съ пренебреженіемъ отозвался о покойномъ Чингисѣ, могилѣ котораго поклонялись всѣ его преемники, — и не хотѣлъ, по совѣту бывшихъ тутъ монголовъ, просить у тѣни Чингиса прощенія. Тотчасъ пошла у него горломъ кровь и онъ палъ мертвымъ. Всѣ бывшіе при этомъ приписали такое несчастіе гнѣву оскорбленной тѣни Чингиса.

При дальнѣйшемъ развитіи мифологіи эти вѣрованія измѣняются. На сцену является адъ съ своими злыми, кровожадными божествами; покойникъ мучается уже не голодомъ и жаждою, а духами ада; чтобы освободить его отъ этихъ тирановъ, наслѣдникъ долженъ приносить искупительныя жертвы его мучителямъ. Безъ очистительныхъ жертвъ сына индусъ, напр., не можетъ войти въ *сурга* или рай, почему сынъ и называется по-санскритски putra (отъ put, очистительный огонь, и tragata, освобождать), откуда происходятъ равнозначущія этому слову персидское *пузерэ* и *пуръ*, и латинское puer. По зендавестѣ жертвы, приносимыя наслѣдникомъ, необходимы покойнику для того, чтобы онъ могъ перейти черезъ мостъ *чиневаду*, ведущій въ рай. Превосходно выражается это архаическое вѣрованіе въ древне-русской легендѣ о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ. Онъ былъ ростовщикомъ и живымъ взятъ на дно адово. Архіерей, въ поученіе православнымъ, велѣлъ изобразить на иконѣ адъ и горящаго въ немъ Щилу, всего объятаго пламенемъ; а наслѣднику его посовѣтовалъ служить по немъ сорокоусть 40 дней у 40 церквей. Послѣ сорокоуста голова Щилы на упомянутой картинѣ очутилась внѣ огня; послѣ второго сорокоуста онъ поднялся изъ адскаго пламени до пояса, а послѣ третьяго — совсѣмъ освободился.

Естественно, что по смерти родителя его дѣти получаютъ все его имущество, совладѣльцами котораго они были еще при жизни отца. Но такъ какъ семейная жизнь остается на прежнихъ условіяхъ нераздѣльности, то управителемъ, защитникомъ, судьей и жрецомъ осиротѣвшаго семейства, долженъ быть только одинъ изъ наслѣдниковъ, болѣе способный къ этимъ обязанностямъ по своему возрасту и опытности. Естественно развивается право первородства, и старшій сынъ дѣлается отцомъ семейства или, такъ сказать, намѣстникомъ умершаго отца. Въ Бассерелѣ и Бенинѣ, Дагомеѣ, Видафѣ, на островахъ Гаити главой семьи, по смерти отца, дѣлается всегда его старшій сынъ, а если онъ умираетъ, то имущество и власть переходятъ къ его слѣдующему брату. Извѣстно, какое значеніе приписывается первенцу сыну въ мозаизмѣ. У Китайцевъ старшій сынъ рѣзко выдается изъ ряда другихъ домочадцевъ, которые обязаны чтить его всего болѣе послѣ отца. Тоже и у другихъ азіятскихъ народовъ. Нужно замѣтить впрочемъ, что даже тамъ, гдѣ наслѣдованіе подчинено принципу первородства, послѣдній часто нарушается или наслѣдниками, или наслѣдователями. Но даже и тамъ, гдѣ дѣйствуютъ другія начала, правило первородства часто исключительно регулируетъ наслѣдованіе царской и другой общественной власти. Въ Индіи, напримѣръ, хотя семейное имущество дѣлимо между всѣми наслѣдниками мужескаго пола, однакожъ общественныя достоинства, обязанности и политическая власть—отъ власти короли до власти деревенскаго старшины—наслѣдуются почти всегда по правиламъ первородства. Какъ на замѣчательное отступленіе отъ этого принципа, укажемъ на встрѣчаемое у нѣкоторыхъ патріархальныхъ народовъ наслѣдованіе младшаго брата. Причина такого обычая, по мнѣнію Фольграфа и Монтескье, лежитъ въ томъ, что младшій сынъ при смерти отца живетъ еще съ нимъ, между тѣмъ какъ старшіе его братья обзавелись уже своимъ хозяйствомъ. Но мы уже видѣли, что предпочтеніе младшаго брата возникло въ эпоху материнства и основано на особенной любви матери къ своему послѣднему ребенку. Что же касается первородства, то нельзя не предположить, что, въ качествѣ исключительнаго принципа, оно является лишь относительно поздно въ народной исторіи и прежде, чѣмъ утвердиться въ обычаѣ, должно выдержать борьбу съ другими, враждебными ему принципами. Если живой отецъ плохо сдерживаетъ въ семействѣ союзъ своихъ домочадцевъ, то послѣ его смерти они естественно стремятся разойтись для самостоятельной жизни, раздѣливъ между собою все общее семейное имущество. Только при необходимости держаться семьѣ вмѣстѣ, наслѣдникамъ нуженъ предстоятель, глава; въ концѣ концовъ имъ почти всегда дѣлается старшій сынъ, но не всегда безпрепятственно. Прежде всего ему приходится бороться съ долго сохраняющимися въ народной жизни остатками материнскаго права, и главнымъ соперникомъ его вездѣ являются дядя и тетка, братъ и сестра покойника. У многихъ народовъ—у мавровъ, сераколетовъ, мандинго, конго, лоанго, ашантіевъ, въ Иддафѣ, Бонду и во всей почти южной Африкѣ наслѣдуетъ или братъ или сынъ сестры, а у гуроновъ, черокезовъ, въ сѣверной Каролинѣ и многихъ другихъ мѣстахъ Америки, Африки и Азіи наслѣдуетъ сынъ сестры умершаго и иногда, при неимѣніи его, старшій сынъ покойнаго. Мусульманское право хотя и придерживается, вѣроятно, обычая древне-арабскаго—дѣлить наслѣдство поровну между всѣми сыновьями, но и въ немъ видно вліяніе началъ братняго наслѣдованія; если одинъ изъ наслѣдниковъ умираетъ, то имущество переходитъ не къ сыну его, а къ дядѣ или теткѣ. Престолы Турціи и Египта недавно еще наслѣдовались дядею предпочтительно передъ племянникомъ, хотя бы то и сыномъ старшаго брата, и поэтому-то чадолюбивые султаны такъ ревностно избивали всѣхъ своихъ братьевъ. Такою рѣзнею обезпечивалось право сыновей, но такъ какъ и между ними постоянно случаются распри за наслѣдство, то во избѣжаніе этого, персидскіе падишахи большую часть ихъ убиваютъ или лишаютъ глазъ. Султанша-мать сама заправляетъ этой безчеловѣчной экзекуціей. Такими-то мѣрами утверждаются въ жизни народа семейные

принципы; всѣ главныя отношенія домочадцевъ, вслѣдствіе разнообразія ихъ личныхъ интересовъ и стремленій, прежде. чѣмъ подчиниться опредѣленнымъ и, повидимому, неподвижнымъ правиламъ, порождаютъ борьбу, козни, хитрости; не одинъ дядя очищаетъ себѣ дорогу къ наслѣдству отъ племянника, не одинъ Іаковъ завладѣваетъ первородствомъ Исава посредствомъ хитрости или открытой силы. Въ современной жизни нерѣдко встрѣчаются самыя возмутительныя сцены борьбы корыстолюбивыхъ наслѣдниковъ за имущество покойнаго; въ политической исторіи человѣчества мы сплошь и рядомъ видимъ ту же борьбу за престолонаслѣдіе; точно также идетъ и вся исторія вообще. Понятно, что, въ этой наслѣдственной, какъ и во всякой семейной борьбѣ, мужчина, лишивъ женщину ея привилегій, которыми она обладала прежде, долго имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ нею. Дочь — не наслѣдница, — вотъ принципъ обычнаго патріархальнаго права. У бедуиновъ, большинства народовъ южной и западной Африки, у гренландцевъ дочери и жены не наслѣдуютъ вовсе, и случается, что по смерти родителей братья выгоняютъ своихъ сестеръ изъ дома. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ семейства женщина добываетъ себѣ это право. У евреевъ, напримѣръ, до Моисея дочери не могли наслѣдовать, даже если у нихъ не было братьевъ; въ послѣднемъ случаѣ имущество переходило къ братьямъ покойнаго. Но вотъ умираетъ Целафедадъ, не оставивъ ни одного сына; дочери его, вопреки народному обычаю, начинаютъ требовать наслѣдства. Законодатель соглашается и постановляетъ, что при неимѣніи сыновей, наслѣдство умирающихъ евреевъ должно переходить къ ихъ дочерямъ. Вообще наслѣдованіе дочерей чрезвычайно рѣдкое явленіе. Дочь держится лишь для того, чтобы быть проданною въ чужое семейство, слѣдовательно ея наслѣдованіе было бы переводомъ имущества изъ одной семьи въ другую. У большинства сколько-нибудь развитыхъ народовъ замѣною наслѣдственной доли дочери служитъ приданое, которымъ она надѣляется при выходѣ замужъ; точно также иногда и по смерти отца братья надѣляютъ сестру, чѣмъ могутъ. Наслѣдственныя права жены нѣсколько обширнѣе. Хотя у многихъ народовъ, какъ мы уже говорили, жена умершаго сама служитъ предметомъ наслѣдованія на ряду со скотомъ и домашнею утварью, но приданое, утренній даръ и заботливость родителей жены даютъ послѣдней возможность утвердить за собою извѣстную долю въ имуществѣ умершаго мужа. У нѣкоторыхъ народовъ женщина завоевала даже себѣ право общаго наслѣдства послѣ смерти своего супруга. У черкесовъ вдова управляетъ осиротѣвшимъ семействомъ, не раздѣляя собственности между дѣтьми; точно тоже и у сіамцевъ. Но въ большинствѣ случаевъ вдова не имѣетъ никакой власти; дѣти должны только уважать ее, какъ мать, но наслѣдникъ-сынъ въ то же время является главою семейства и опекуномъ своей родительницы, напр., въ Индустанѣ. Иногда вдова возвращается подъ власть своихъ родителей. И въ исторической борьбѣ за наслѣдство вдова добилась только, да и то не вездѣ, извѣстной доли въ имуществѣ. Пока законъ относительно размѣровъ этой доли еще не установился, величина ея зависитъ отъ случайностей, отъ величины приданаго вдовы, отъ условій, заключенныхъ съ женихомъ ея родителями и т. д. У евреевъ жена имѣетъ право только жить въ домѣ умершаго мужа и кормиться изъ оставленнаго имъ имущества; но и это право долго оспаривалось разными комментаторами моисеевскихъ законовъ. По магометанскому праву жена и дочь всегда имѣютъ долю въ наслѣдствѣ; кромѣ того, при извѣстныхъ, весьма разнообразныхъ условіяхъ, покойному наслѣдуютъ его дочь, бабушка, дочь брата, сестра, госпожа (умершаго раба). Доли этихъ наслѣдницъ разнообразятся по обстоятельствамъ, на исчисленіе которыхъ потребовалось бы здѣсь не мало мѣста; онѣ наслѣдуютъ $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$ имущества и т. д. У нѣкоторыхъ полудикихъ народовъ вдова также наслѣдуетъ извѣстную долю. Но у большинства народовъ, въ томъ числѣ даже у индусовъ, она имѣетъ право только на житье въ домѣ покойника и на прокормленіе изъ его имущества.

Въ первобытной жизни особенно плачевно положеніе безсемейныхъ вдовъ и сиротъ; онѣ подвержены произволу каждаго сильнаго. Но разсчетъ имѣть въ нихъ даровыхъ работниковъ, а иногда и человѣколюбіе заставляютъ людей принимать ихъ въ свои семейства. У индѣйцевъ заботятся о сиротахъ иногда родственники или друзья ихъ родителей. У черкесовъ вдова поступаетъ подъ покровительство друзей и родственниковъ своего мужа; они обязаны пропитывать дѣтей покойнаго и его вдову, если только по своему возрасту она не способна еще выйти замужъ. Съ распространеніемъ какой-нибудь культурной религіи положеніе безсемейныхъ людей начинаетъ болѣе обращать на себя вниманія, чѣмъ прежде. Буддизмъ, мозаизмъ, магометанство, разные виды христіанства—всѣ они особенно настойчиво проповѣдуютъ о состраданіи безпомощнымъ людямъ и особенно о призрѣніи вдовицъ и сиротъ. Возникаютъ кой-какія богоугодныя заведенія, но большинство вдовъ и сиротъ все-таки остается безъ пристанища; онѣ или просятъ милостыню, или идутъ къ кому-нибудь въ кабальную работу, или проститутничаютъ за кусокъ хлѣба.

Мы сказали выше, что семья есть единица архаическаго общества и, что будучи корпораціей, она никогда не умираетъ. Эти положенія тѣсно связаны съ первобытной теоріей о корпоративномъ характерѣ человѣческихъ поступковъ. Личность здѣсь — ничто, семья и родъ — все. Если человѣкъ добродѣтеленъ, то въ заслугахъ его здѣсь участвуетъ вся семья, все его потомство. Преступленіе здѣсь также считается корпоративнымъ актомъ и виновность въ немъ падаетъ на гораздо большее число лицъ, чѣмъ сколько участвовало въ его дѣйствительномъ совершеніи. За вину человѣка отвѣчаетъ не только онъ самъ, но и его дѣти, его родъ, его племя, его сограждане, и эта виновность переходитъ въ потомство. Неизмѣнная наслѣдственность во всемъ—въ порокахъ и добродѣтеляхъ семей, кастъ и народовъ, наслѣдственность въ занятіяхъ, вѣрованіяхъ, зна-

ніяхъ и обычаяхъ, передаваемыхъ отъ одного поколѣнія другому — вотъ идеальныя основы древней жизни. Власть царей и жрецовъ основана на ихъ божественномъ происхожденіи, высшія касты владычествуютъ надъ низшими въ силу почіющаго на нихъ благословенія, передаваемаго по наслѣдству изъ рода въ родъ; низшія касты осуждены на вѣчное рабство также въ силу лежащихъ на нихъ отверженности и божественнаго проклятія; женскій полъ по тому же долженъ быть въ постоянной зависимости отъ мужского; какъ рыба не можетъ сдѣлаться лошадью, заяцъ — львомъ, такъ не могутъ измѣниться и взаимныя общественныя отношенія людей. Принципы наслѣдственности и кровности лежатъ въ основаніи всего государственнаго права и тѣхъ народныхъ теорій, на которыхъ оно построено. Всѣ древнія общества можно раздѣлить на два рода: одни представляются единою великою семьею, другія — союзомъ нѣсколькихъ такихъ семей, изъ которыхъ однѣ состоятъ въ рабскомъ подчиненіи у другихъ.

Типомъ первыхъ могутъ служить сельскія общины арабовъ, индусовъ, государство еврейское, этотъ «домъ Израиля», и Китай, эта громадная единокровная семья, имѣющая въ Богдыханѣ своего общаго отца. Всѣ эти общества основаны на принципѣ единокровности, иногда дѣйствительной, а въ большинствѣ случаевъ фиктивной, и въ ихъ конституціяхъ нѣтъ другихъ принциповъ, кромѣ семейныхъ. Почему индусъ или еврей должны жить вмѣстѣ?—Потому, что они дѣти одной семьи. Почему должно повиноваться китайскому императору?—Потому, что онъ отецъ своего народа.

Типомъ вторыхъ обществъ можетъ служить Индустанъ съ своими кастами. Каждая каста есть семья, вѣчно обладающая своими наслѣдственными свойствами, въ силу которыхъ одна изъ нихъ владычествуетъ надъ другою. Царь въ такомъ государствѣ не можетъ уже считаться кровнымъ отцомъ низшихъ кастъ, онъ только господинъ ихъ, а самое государство есть союзъ семей, подчиненныхъ одна другой и имѣющихъ одного общаго владыку, *отца государства*, но отца агнатнаго, а не когнатнаго.

Если мы взглянемъ на уголовное право, то и оно окажется основаннымъ на тѣхъ же семейныхъ принципахъ. Народные юридическіе обычаи и древнѣйшіе законы считаютъ преступленіемъ только зло, причиняемое членамъ своей семьи, рода или націи. У черкесовъ, напримѣръ, къ преступленіямъ относятся только слѣдующіе поступки: измѣна народу, отцеубійство, кровосмѣшеніе, прелюбодѣяніе жены, поступки трусости, нарушеніе семейнаго гостепріимства, воровство у своей семьи или у ближнихъ сосѣдей, вожатаіе, неповиновеніе или бѣгство раба. У бедуиновъ воровство въ средѣ своего племени наказывается очень строго, но обмануть или обворовать чужеплеменника считается дѣломъ похвальнымъ. У цыганъ только въ средѣ семейства или племени есть мораль, право, законъ, честь. Брата своей великой семьи цыганъ не долженъ ни обманывать, ни обворовывать, ни оставаться у него въ долгу. Для его же отношеній къ не цыганамъ нѣтъ никакихъ моральныхъ правилъ.

Какъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи грѣхи отцовъ переходятъ на дѣтей и обратно, такъ и въ правѣ. Въ Китаѣ за крупныя преступленія противъ царскаго величества подвергаются казни не только виновные, но и вся семья. Въ Японіи за убійство, если виновный не отыскалъ, предаются смерти жители улицы, въ которой совершилось оно. Уголовное право выполняетъ здѣсь ту же кровавую месть, которая замѣняетъ его у народовъ дикихъ. Мстятъ не лицу, а семейству, роду, даже цѣлой націи. Въ Конго и Лоанго вмѣсто родоначальника, виновнаго въ крупномъ преступленіи, казнятся его рабы. Такъ какъ весь народъ считается здѣсь однимъ семействомъ, то кредиторы, не получая съ должника, задерживаютъ и принуждаютъ къ уплатѣ его долга не только его родственниковъ, но и перваго встрѣчнаго земляка его. Каждая капля крови, каждая голова, потерянная семействомъ, каждая рана или обида, полученная однимъ изъ его членовъ, налагаетъ на послѣднихъ священную обязанность мстить виновному, и не только ему одному, но и всѣмъ ближнимъ его, даже всѣмъ животнымъ его. Месть за кровь родственника есть священный долгъ дикаря; пока онъ не выполнитъ его, надъ нимъ смѣются всѣ посторонніе, иногда даже его бросаетъ жена, а если онъ не женатъ, то за него не пойдетъ никакая дѣвушка, мать постоянно плачетъ объ его несчастіи, а отецъ относится къ нему съ презрѣніемъ. У индѣйцевъ мститъ жена убитаго мужа, хотя и не собственноручно, а передавая эту обязанность своему второму мужу. Родовая месть, какъ уголовная, такъ и имущественная, порождаетъ вездѣ непрерывные анархическіе раздоры, которые, впрочемъ, у нѣкоторыхъ народовъ довольно рано начинаютъ оканчиваться примиреніемъ и взысканіемъ съ виновнаго виры.

Религія проникнута тѣми же семейными элементами; боги—отцы людей, и отцы не въ фигуральномъ, а въ буквальномъ значеніи этого слова: отъ нихъ происходятъ или цѣлые народы, или, по крайней мѣрѣ, царствующія надъ ними династіи. Когда общество раздѣлено еще на самостоятельныя семьи, тогда существуютъ только божества семейныя, въ родовомъ бытѣ появляются божества родовыя, и только послѣ соединенія родовъ въ одинъ народъ—божества національныя. Внутреннія отношенія божественнаго міра составлены также по семейному образцу; сначала главные боги—отцы семей, потомъ родоначальники, наконецъ патріархальные цари.

Такъ, семейные принципы проникаютъ собою всю нравственную и соціальную жизнь народа. Съ развитіемъ государства, права, религіозной системы и особенно жреческой касты архаическое семейство получаетъ норму, съ которой должны сообразоваться всѣ отношенія его членовъ; а положеніе женщины ухудшается во многихъ отношеніяхъ, особенно въ томъ, что за ней начинаютъ слѣдить и держать ее на крѣпкой уздѣ не только родители или мужъ, но и государство, и право, и религія, которыя про-

никнуты началами архаическаго семейства, и всесильно стараются поддерживать его, какъ главную основу общества.

V.

Есть историческія данныя, несомнѣнно утверждающія, что на зарѣ восточной цивилизаціи положеніе женщинъ было несравненно лучше, чѣмъ впослѣдствіи. Въ древнемъ Индустанѣ женщина пользовалась большимъ общественнымъ уваженіемъ; она не подлежала смертной казни, никто не имѣлъ права ударить ее даже цвѣткомъ, мужъ называлъ ее госпожею; она пользовалась полной общественной свободой, ходила безъ покрывала, посѣщала храмы, участвовала въ публичныхъ увеселеніяхъ; чужіе мужчины посѣщали женскіе покои, короли давали свои аудіенціи въ присутствіи королевъ и ихъ женскаго двора; знатныя барыни предпринимали путешествія, дочери участвовали въ разговорѣ родительскихъ гостей; женщины не только бывали въ театрѣ, но даже исполняли на сценѣ женскія роли. Онѣ допускались тогда и въ суды для свидѣтельства, и если обвинялась женщина, то женское свидѣтельство предпочиталось мужескому. Религія поддерживала это высокое значеніе женщины. «Кто презираетъ женщину, тотъ презираетъ свою мать», говорятъ Веды. «Кто проклятъ женщиной, тотъ проклятъ Богомъ». «Женскія слезы низводятъ небесный огонь на голову тѣхъ, которые заставляютъ женщинъ проливать ихъ». Также высоко стоитъ женщина и въ древнихъ индусскихъ легендахъ о первыхъ людяхъ, Адамѣ и Евѣ. Индусская Ева не соблазняетъ мужа, но отклоняетъ его отъ грѣха, и когда онъ всетаки согрѣшилъ, то она слѣдуетъ его примѣру, побуждаемая любовью. Послѣ паденія она дѣлается утѣшительницею Адама и получаетъ прощеніе отъ Брамы. Прошли столѣтія, и женщина очутилась полной рабыней мужчины. Этимъ превращеніемъ она обязана развитію восточныхъ государствъ и духовенства съ его доктринами.

Всѣ деспоти Востока основаны на поголовномъ рабствѣ подданныхъ; страна считается частной собственностью правительства, всѣ живутъ и работаютъ только для него. Богатство, роскошь и праздность высшаго класса порождаютъ полигамію, во многихъ мѣстахъ доходящую до ужасныхъ размѣровъ. Въ Индустанѣ у вліятельныхъ, богатыхъ, особенно у владѣтельныхъ лицъ часто по нѣсколько сотъ женъ. У персидскихъ шаховъ изъ династіи сассанидовъ бывало въ разныхъ резиденціяхъ по 3,000 женъ и 12,000 наложницъ. Ахмедъ I имѣлъ 3,000 женъ, а вельможи его имперіи по нѣсколько сотъ каждый. Забирая такую кучу женщинъ, высшій классъ ставитъ бѣдняковъ въ необходимость жить въ моногаміи, къ которой принуждаетъ ихъ еще и недостаточность средствъ для содержанія многихъ женъ. Полигамія, поэтому, институція чисто аристократическая. Въ Китаѣ только $^1/_{10}$ всего населенія живетъ въ полигаміи, а $^9/_{10}$, по бѣдности, могутъ жить не иначе, какъ въ единоженствѣ. Въ Бомбеѣ изъ 28,000 жителей въ полигаміи живутъ 100 и только 5 изъ нихъ имѣютъ не менѣе 3 женъ. Въ Турціи на 100 единоженцевъ приходится 5 двуженцевъ и только 1 многоженецъ. Въ Египтѣ и Аравіи 1 двуженецъ приходится на 100 моногамистовъ, а изъ 500 многоженцевъ не найдется и одного мужа, имѣющаго болѣе двухъ женъ. О другихъ странахъ хотя и нѣтъ такихъ численныхъ данныхъ, но всѣ путешественники единогласно говорятъ объ этомъ, бросающемся каждому въ глаза, громадномъ численномъ перевѣсѣ моногамистовъ надъ многоженцами *). Такой характеръ полигаміи, какъ привилегіи сильныхъ міра сего, такъ неизмѣненъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, что эта привилегія часто превращается сначала въ юридическій обычай, а потомъ въ законъ, повелевающій подданнымъ держать только по одной женѣ, а властителямъ дозволяющій сколько угодно. Такъ, напримѣръ, у императоровъ Китая, у раджей Индустана, такъ было въ древнихъ Перу и Мексикѣ.

Полигамія ведетъ за собою спеціальное воспитаніе женщины для половыхъ наслажденій; праздность, роскошь стола, жилища, одежды, украшеній, множество слугъ—все это передѣлываетъ ея организмъ и сообщаетъ ему ту нѣжность и красоту, которыя такъ плѣняютъ мужчину. У многихъ народовъ женщину воспитываютъ для брака, словно скотину на убой или каплуна на жаркое. У старинныхъ канарцевъ, напр., которые любили жирныхъ

*) Въ низшихъ слояхъ общества, говоритъ Вамбери, между положеніемъ женщины въ магометанской Азіи и въ Европѣ почти нѣтъ никакой разницы, и я думаю даже, что въ свободномъ, просвѣщенномъ и могущественномъ Альбіонѣ полиціи приходится чаще имѣть дѣло съ мужьями,—которые, подъ вліяніемъ гнѣва или винныхъ паровъ, позволяютъ себѣ уже черезчуръ грубо обходиться съ женами,—нежели кади на магометанскомъ Востокѣ. Я, конечно, не стану отрицать, что на турецкихъ крестьянкахъ лежатъ всѣ заботы о домѣ и дворѣ, тогда какъ мужья ихъ предаются лѣни или разорительной игрѣ, но и у насъ, въ большинствѣ европейскихъ городовъ, положеніе замужнихъ работницъ немногимъ лучше, онѣ также старѣются преждевременно, подвергаются всевозможнымъ лишеніямъ и, кромѣ того, не пользуются тѣми благотворными попеченіями, которыя, обыкновенно, при строго патріархальныхъ семейныхъ отношеніяхъ на Востокѣ, выпадаютъ тамъ на долю женщинъ. Въ среднемъ и высшемъ сословіяхъ такъ сильно возмущающія насъ оковы выражаются только во внѣшнихъ стѣсненіяхъ. Многоженство, это позорное постановленіе магометанскаго общества, далеко не такъ обыкновенно и не такъ распространено на Востокѣ, какъ обыкновенно думаютъ у насъ. Хотя я самъ ужасаюсь моей смѣлости, но не могу не заявить, что во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ магометанскихъ странахъ изъ тысячи семействъ врядъ ли найдется одно, глава котораго пользуется дѣйствительно своимъ законнымъ правомъ на многоженство. Въ турецкомъ, персидскомъ, авганскомъ и татарскомъ простомъ народѣ оно не только не встрѣчается, но даже и невозможно, такъ какъ для содержанія нѣсколькихъ женъ требуются большое хозяйство и значительное состояніе. Также рѣдко, почти что въ одиночныхъ случаяхъ, встрѣчается оно и въ среднемъ классѣ, гдѣ одни лишь эксцентричные люди предаются этому нравственному уродству и въ такомъ случаѣ имъ на старости обыкновенно горько приходится раскаиваться въ этомъ. Мнѣ живо припоминается одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ Константинополя, про котораго разсказывали, что къ концу каждаго мѣсяца, когда истощится его содержаніе, ему приходится отбиваться отъ 4 туфель, такъ какъ извѣстно, что турецкія дамы, желая дать ощутительное проявленіе своему гнѣву, тотчасъ же хватаются за туфлю, которую тутъ же срываютъ съ своей ножки.

*

женщинъ, нескѣту запирали и лишали всякаго движенія, обильно кормя ее ячменной кашей, саломъ, молокомъ и медомъ. Будучи рабыней, содержимой для удовольствія своего господина, женщина отрѣшается отъ всѣхъ другихъ стремленій жизни и поставляетъ себѣ единственною задачею понравиться мужу болѣе другихъ женъ. Соперничество порождаетъ среди гаремныхъ затворницъ ревность; та же страсть развивается и въ мужчинахъ, какъ результатъ правъ собственности на свою жену и какъ слѣдствіе другой страсти, любви, постепенно возрастающей въ исторіи по мѣрѣ развитія половыхъ противоположностей. Женщину, поэтому, удаляютъ отъ общества, заключаютъ въ гаремы и приставляютъ къ ней особую стражу евнуховъ,—одно изъ самыхъ варварскихъ учрежденій, выдуманныхъ человѣческою развращенностью. Число этихъ несчастныхъ иногда равняется числу гаремныхъ затворницъ, даже превосходитъ его. Древне-персидскіе шахи ежегодно получали въ видѣ натуральной дани съ Ассиріи и Вавилона по 500 оскопленныхъ мальчиковъ. На аудіенціи, данной византійскимъ посламъ калифомъ Мокгадиромъ, присутствовало 4,000 бѣлыхъ и 3,000 черныхъ евнуховъ. Въ гаремахъ современныхъ персидскихъ вельможъ находится ихъ обыкновенно по 6—8. Въ верхнемъ Египтѣ приготовленіе мальчиковъ къ этому гнусному состоянію монополизировано монахами *). Ревность ориенталовъ доходитъ до того, что они не довѣряютъ даже евнухамъ. У персидскихъ шаховъ всѣ должности внутри гарема—услуги, чтеніе молитвъ, лѣченіе больныхъ, погребеніе умершихъ, содержаніе карауловъ—исполняются особо предназначенными для того женщинами, евнухи не входятъ въ гаремъ, а только стерожатъ его снаружи. Управитель гарема всегда выбирается изъ самыхъ безобразныхъ стариковъ. Гаремъ—темница женщины, и знатныя дамы никогда не покидаютъ его; снабженныя всѣмъ необходимымъ, онѣ проводятъ цѣлую жизнь въ гаремныхъ стѣнахъ, занимаясь болтовнею, вышиваньемъ, нарядами, иногда музыкой, а больше—ничегонедѣланьемъ. Всѣ онѣ крайне невѣжественны, безграмотны, тупы; онѣ лишены даже утѣшеній общественнаго культа, а ревнивый Магометъ *освободилъ* ихъ отъ обязанности, т.-е., говоря проще, запретилъ имъ посѣщать храмы. Магометъ много виноватъ въ гаремной неволѣ женщинъ; онъ освятилъ ее религіей и посредствомъ своей вѣры водворилъ ее у такихъ народовъ, у которыхъ до него ея вовсе не было. Но не Магометъ основалъ гаремы; исключенность женщинъ изъ общественной жизни мы видимъ уже у многихъ патріархальныхъ народовъ, хотя окончательное водвореніе ея въ жизни и удается мужчинамъ только тогда, когда въ народѣ развивается богатая аристократія, могущая содержать гаремы и ненуждающаяся въ трудѣ своихъ женъ. Еще въ эпоху патріарховъ жены евреевъ съ своими дочерьми и рабынями жили отдѣльно отъ мужчинъ, въ особомъ отдѣленіи шатра, иногда даже въ отдѣльныхъ палаткахъ, какъ это и по нынѣ дѣлается у многихъ африканцевъ. Когда евреи перешли къ городской жизни, положеніе женщинъ ухудшилось, потому что ихъ удаляли уже не за занавѣску только и не въ отдѣльный шатеръ, а начали запирать въ гаремы съ каменными или деревянными стѣнами, съ крѣпкими дверьми, замыкавшимися хорошими замками; у царей гаремы сторожили евнухи. Женщины въ этихъ темницахъ пили, вязали, стряпали, болтали—и только. Въ Китаѣ, еще задолго до Конфуція, женщины были сдѣланы затворницами; но онѣ вновь успѣли завоевать себѣ свою прежнюю свободу, которую снова отняли у нихъ въ эпоху Конфуція, много содѣйствовавшаго своимъ ученіемъ этой побѣдѣ своекорыстной ревности мужчинъ. «Никакой мужчина не долженъ входить въ покой чужой женщины», говоритъ философъ-законодатель. Съ тѣхъ поръ жилье женщинъ отдѣлено отъ покоевъ мужчинъ стѣною и охраняется карауломъ. Даже братья совершенно разобщаются съ сестрами съ девятилѣтняго возраста. Въ XVIII столѣтіи множество женщинъ пыталось разорвать наложенныя на нихъ оковы рабства, какъ увидимъ ниже, и возбудило противъ себя сильнѣйшую реакцію. До 1787 года женщины могли посѣщать храмы, но въ этомъ году, вслѣдствіе упомянутыхъ волненій, правительство своимъ указомъ запретило «всѣмъ женщинамъ бывать въ храмахъ и выходить изъ дома безъ самой крайней нужды. Отцамъ, братьямъ, мужьямъ, сыновьямъ и родственникамъ повелѣвается держать ихъ дома, подъ страхомъ наказанія за слабый надзоръ за ними. Послѣ этого указа каждая женщина, вошедшая въ храмъ, должна быть арестована и заключена въ тюрьму, пока за нею не придетъ кто-нибудь изъ родственниковъ, котораго тотчасъ же и наказать за слабость надзора». Чего же добраго можетъ ожидать женщина, если мужчину, и безъ того желающаго совершенно поработотить ее, поощряетъ правительство и даже палочными ударами заставляетъ его лишать женщину всякой возможности сдѣлать хоть одинъ свободный шагъ?.. И нельзя удивляться, что китаянку успѣли превратить въ совершенную рабыню. Затворничество ея доходитъ до того, что если мужу случится ѣхать куда-нибудь по необходимости съ женою, то онъ везетъ ее въ экипажѣ съ рѣшетками, имѣющемъ видъ клѣтки или арестантской повозки. Даже восточные христіане не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ язычниковъ и магометанъ. Затворничество женщинъ, эта одна изъ главнѣйшихъ язвъ древней Россіи, до сихъ поръ удерживается христіанами Турціи. Армяне хотя и христіанскіе моногамисты, но держатъ своихъ женъ и дочерей въ такомъ же заточеніи, какъ и турки, и женихъ до самаго брака не видитъ лица своей невѣсты. Вмѣстѣ съ такимъ затворничествомъ окончательно утверждается обычай закрыванья жен-

*) Въ Индіи подобными промыслами занимаются главнымъ образомъ паріи, продавая своихъ женъ и дѣтей обоего пола. «Въ джунглихъ, равно какъ и въ большихъ городахъ, парій открыто предается этому постыдному ремеслу; онъ ввелъ таксу для дѣтей различнаго возраста и продаетъ ихъ съ шести лѣтъ, сдѣлавъ ихъ предварительно, благодаря самымъ отвратительнымъ средствамъ, способными исполнять ту роль, къ которой они предназначаются» (Жаколіо).

ского лица отъ всѣхъ постороннихъ взоровъ. Мужчина, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ полное право исключительной собственности на свою жену. При полигаміи, гаремномъ затворничествѣ, спеціальномъ воспитаніи для половыхъ наслажденій она дѣлается предметомъ роскоши и совершеннаго рабыней. Богачи покупаютъ себѣ красавицъ не только въ своей странѣ, но и за границей, дѣвушки Кавказа, напримѣръ, служатъ самымъ цѣннымъ и лучшимъ украшеніемъ гаремовъ Турціи*). Хорошая плата, даваемая за дѣвушекъ, всегда гибельно дѣйствуетъ на положеніе женщинъ, заставляя корыстолюбивыхъ родителей продавать своихъ дочерей богатымъ многоженцамъ. Вслѣдствіе этого, даже тамъ, гдѣ дѣвушка пользовалась до того свободою въ выборѣ жениха, она лишается ея и продается въ гаремъ, какъ невольница. Гаремъ поглощаетъ суммы, бросаемыя своими обитательницами на наряды и роскошную обстановку; женщина дѣлается въ этой обстановкѣ «нѣжною, душистою розой», которую такъ любятъ воспѣвать восточные поэты; страстная женственность и возможность такъ часто мѣнять своихъ любовницъ доводятъ мужчинъ до положительнаго истощенія. Турки и арабы уже въ 30-ть лѣтъ обыкновенно дѣлаются импотентными. При этомъ ослабѣваетъ способность чадородія, дѣти родятся слишь и рядомъ такими же слабыми, какъ и ихъ истаскавшіеся батюшки. Характеръ мужчинъ также мѣняется, они дѣлаются изнѣженными, слабыми, женственными. Это видимъ мы въ исторіи всѣхъ восточныхъ династій. Возьмите линію ассирійскихъ царей; въ началѣ ея стоитъ мощный образъ Семирамиды, этой героини, бывшей «великимъ мужемъ» Востока; мало въ ней женственности, но сколько ума и энергіи! Въ хвостѣ этой линіи стоитъ Сарданапалъ,—мужчина, превратившійся въ слабую, изнѣженную, расчутную бабенку; у него женскій голосъ, женскія манеры, онъ даже наклоненъ къ женскимъ занятіямъ, и, подобно гоголевскому вице-губернатору, вышиванію по тюлю, занимается пряжей. Въ родѣ же его были въ Ассиріи и Вавилонѣ и всѣ высшихъ классовъ мужчины въ эпоху паденія этихъ государствъ. Таковы всегда результаты чрезмѣрно развившейся женственности.

Въ полигаміи цивилизованнаго Востока, какъ у народовъ полудикихъ, жены не перестаютъ соперничать и бороться между собою за исключительное обладаніе мужемъ, не перестаютъ стремиться къ моногаміи. Главнымъ орудіемъ служитъ имъ кокетство, и желая сдѣлать свою дочь царицею гарема, мать съ дѣтства обучаетъ ее всѣмъ тонкостямъ этого сладострастнаго искусства. Въ Турціи, при заключеніи брака, женихъ, по требованію невѣсты, даетъ часто торжественное обѣщаніе, что при жизни ея онъ не возьметъ себѣ другой жены, и такое требованіе заявляется большинствомъ невѣстъ. Вообще, на Востокѣ жены рѣдко уживаются въ одномъ домѣ и постоянно принуждаютъ мужа разбирать ихъ нескончаемыя ссоры; для водворенія мира они часто становится въ необходимость отводить каждой изъ нихъ отдѣльное жилище. И многіе оріенталы давно уже убѣдились, что съ нѣсколькими женами супругъ не можетъ быть такъ счастливъ, какъ съ одной. Въ арабскихъ пословицахъ часто выражается эта мысль, и въ среднемъ классѣ арабовъ полигаміи почти вовсе нѣтъ, не вслѣдствіе бѣдности, а единственно вслѣдствіе того, что женщина заставляетъ предпочитать единоженство. Даже нѣкоторые богатые турки довольствуются одною женою и держатъ гаремъ единственно для шику, для доказательства своей зажиточности. Подъ вліяніемъ описанныхъ обстоятельствъ всѣ почти древніе законодатели мыслители выставляютъ моногамическій союзъ идеаломъ брака. Въ Мехикѣ хотя императоры и богачи имѣли гаремы, но изъ многихъ женъ законною считалась только одна, и всѣ признавали ученіе мудрыхъ моралистовъ: «Богъ хочетъ, чтобы у женщины былъ одинъ мужъ, а у мужчины одна жена». Ману предсказываетъ особенное счастіе тому дому, въ которомъ царствуетъ моногамія; въ Рамайанѣ единоженцамъ обѣщается вѣчное блаженство на небѣ; и въ Индустанѣ есть религіозныя секты, напримѣръ, делійскіе садесы, съ особенною строгостью охраняющіе признанную ими святость единоженства. Законы Зороастра также предписываютъ моногамію, и только въ случаѣ безплодія жены, этого величайшаго несчастія для оріентала, дозволяютъ ему жениться на другой, и то не иначе, какъ черезъ девять лѣтъ послѣ заключенія брака, съ согласія старой жены и съ сохраненіемъ за нею всѣхъ ея правъ. Въ Китаѣ моногамія также рекомендуется закономъ, который и при многоженствѣ ревниво охраняетъ права главной жены. Мужъ, низведшій ее на степень второй или жены наложницы, получаетъ 100 палокъ; за возвышеніе второстепенной жены на мѣсто глав-

*) Вамбери даетъ слѣд. гаремную сцену: Утро. Въ мабейнѣ (родѣ передней гарема) замѣтно необыкновенное оживленіе. Въ этотъ часъ долженъ явиться передъ дверью гарема продавецъ невольниковъ въ сопровожденіи черкеса, чтобы заключить свой отвратительный торгъ съ хозяйкою дома. На Босфорѣ и вообще на Востокѣ женщины считаютъ прибыльною отраслью торговли покупать молоденькихъ, еще неразвитыхъ невольницъ, воспитывать ихъ и потомъ продать за цѣну въ 20 или 30 разъ большую; даже самыя богатыя и знатныя не гнушаются подобнаго торга, прельщающаго ихъ алчность, и даже султанскій гаремъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Хотя пятая часть невольниковъ и невольницъ, появляющихся на рынкѣ, разбираются перепродавцами (фиалъ), но во всякомъ случаѣ 4/5 ихъ резервируются для постоянныхъ покупателей. Вотъ въ преддверіе гарема является неслышными шагами оборванный черкесъ, дикой наружности, въ своихъ кавказскихъ сафьяновыхъ сапогахъ, съ высокою мѣховою шапкою на головѣ и съ грудью, покрытою патронами. Онъ вооруженъ съ ногъ до головы и постоянно носитъ при себѣ порохъ и пули. Онъ влечетъ за собою двухъ дѣтей, полумертвыхъ отъ холода и голода. Ихъ становятъ передъ занавѣсью, за которой находится хозяйка, окруженная совѣтницами, которыя всѣ разсматриваютъ внимательными взорами этотъ живой товаръ. Объ стороны начинаютъ торговаться. Дѣти между тѣмъ дрожатъ отъ холода и усталости и бросаютъ умоляющіе взоры то на безжалостнаго отца, то на женщинъ, стоящихъ за занавѣскою; бѣдняжки въ ту критическую для нихъ минуту не знаютъ къ кому обратиться, къ тому ли, кто продаетъ, или къ тому, кто покупаетъ ихъ. Часто приходилось мнѣ быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, и онѣ всегда производили на меня потрясающее впечатлѣніе.

ной—90 палокъ и т. д.; а главная жена съ тѣмъ вмѣстѣ возстановляется въ своихъ правахъ и привилегіяхъ. Въ Японіи и Сіамѣ полигамія запрещена. Въ Моисеевомъ законодательствѣ моногамія хотя и не предписана, но все-таки предпочитается многоженству; послѣднее начало падать у евреевъ послѣ возвращенія ихъ изъ плѣна вавилонскаго, а въ XI вѣкѣ раввинъ Герсонъ съ другими духовными авторитетами окончательно уничтожилъ ихъ, изрѣкши проклятіе противъ всякаго, кто рѣшится имѣть двухъ женъ.

Такимъ образомъ, женщины, бѣдные классы, проповѣдники нравственности составляли всегда оппозицію противъ полигаміи; но послѣдняя, созданная сладострастіемъ мужчинъ, властью и капиталомъ высшихъ классовъ, находитъ въ нихъ достаточно силы для своей поддержки. У однихъ народовъ сильные міра сего, повинуясь напору упомянутой оппозиціи, предписываютъ моногамію всѣмъ подданнымъ, а за собой оставляютъ привилегію многоженства: такъ было, напримѣръ, въ Мексикѣ и Перу. Въ Китаѣ законъ предписываетъ моногамію, но императору дозволяется, кромѣ неопредѣленнаго числа наложницъ, имѣть одну главную жену, двѣ второстепенныхъ и шесть третьестепенныхъ. Въ Индустанѣ количество женъ соразмѣряется съ сословнымъ положеніемъ мужчины; браминъ можетъ имѣть четырехъ женъ, воинъ—трехъ, земледѣлецъ—двухъ, судра—только одну. При этомъ, изъ женъ мужчины, принадлежащаго къ первымъ тремъ классамъ, одна непремѣнно должна быть главною. Въ большинствѣ же случаевъ, сторонники полигаміи стараются обойти направленные противъ нея законы посредствомъ фикціи наложничества или канкубината. Наложница—не жена, а рабыня, въ буквальномъ смыслѣ, подчиненная женѣ и содержимая, какъ самка, для дѣторожденія или же для половыхъ услугъ мужчины. Конкубинатъ для мужчины еще выгоднѣе многоженства: законъ не налагаетъ на него такихъ обязанностей относительно рабыни-наложницы, какія онъ предписываетъ ему относительно жены. Въ Персіи, Египтѣ, Іудеѣ, Японіи—вездѣ, гдѣ полигамія не одобряется религіей или запрещается закономъ, она замѣнена конкубинатомъ. Но и съ наложничествомъ не совсѣмъ примиряется женщина, и не одна Сарра изгоняетъ Агарь изъ дома своего мужа. Въ Китаѣ конкубинатъ хотя и въ обычаѣ, но онъ не считается законнымъ бракомъ; если китаецъ, имѣя дѣтей отъ законной жены, беретъ еще наложницу, то это не одобряется общественнымъ мнѣніемъ; конкубинатъ считается извинительнымъ только при бездѣтности законной жены. Востоку не суждено было окончательно утвердить въ жизни моногамію.—это сдѣлали христіанство, римское право и, подъ его вліяніемъ, еврейское законодательство. Но въ религіи Магомета полигамическія тенденціи Востока снова одержали побѣду. Нѣтъ сомнѣнія, что личные разсчеты Магомета имѣли значительное вліяніе на характеръ его ученія; это обстоятельство, вмѣстѣ съ извѣстнымъ женолюбіемъ пророка и его наклонностью, по возможности, избѣгать враждебныхъ столкновеній съ народными обычаями и страстями, послужило основаніемъ мусульманской полигаміи. Въ XXXIII сурѣ корана Аллахъ дозволяетъ Магомету—«и только исключительно ему и кромѣ его никому изъ вѣрныхъ»—имѣть столько женъ, сколько онъ захочетъ, вступать съ ними въ законный бракъ, держать ихъ въ качествѣ наложницъ, прогонять, снова брать къ себѣ,—словомъ, поступать съ ними, какъ его душенькѣ угодно! Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ Аллахъ противорѣчитъ приведенному дозволенію, запрещая Магомету, кромѣ имѣющихся у него женъ, брать другихъ, но не отказывая ему въ наложницахъ. Каждый магометанинъ можетъ имѣть только четыре законныхъ жены, а наложницъ—сколько угодно, хоть цѣлый табунъ. Всѣ жены равны между собою.

Купля-продажа невѣсты, столь распространенная въ патріархальномъ быту, сохраняется и послѣ перехода людей къ государственной жизни. Общество превращается въ громадную семью, управляемую деспотическимъ владыкой, который силится распространить свое право собственности на всю землю, обитаемую его подданными, на все ихъ имущество, даже на нихъ самихъ. На его лицо переносятся всѣ права и привилегіи отеческой власти. Первичнымъ типомъ такого царства служитъ Дагомея. Какъ отецъ своей семьи, дагомейскій король выдаетъ замужъ всѣхъ женщинъ и женитъ всѣхъ мужчинъ своей страны. Женихъ приноситъ ему установленную плату и получаетъ себѣ въ жены дагомейку или плѣнную чужеземку. Всѣ дѣти принадлежатъ королю, равно какъ и всѣ взрослые, которыхъ онъ часто продаетъ иностранцамъ. По свидѣтельству Спика также устраиваются браки у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ. Въ древнемъ Вавилонѣ существовалъ подобный же обычай. Въ каждомъ округѣ избирались три уважаемыхъ мужчины, которые собирали всѣхъ достигшихъ брачнаго возраста дѣвушекъ и продавали ихъ съ аукціона желающимъ. Прежде всего продавались самыя красивыя, и изъ вырученной за нихъ платы составлялось приданое для самой неприглядной дѣвушки. Въ Китаѣ до сихъ поръ правительство раздаетъ бѣднякамъ въ жены воспитанницъ домовъ для найденышей. И въ лѣтописяхъ деспотическихъ государствъ можно найти не мало примѣровъ того, какъ общественная власть замѣняетъ собою въ брачныхъ дѣлахъ власть родительскую. Но такое вторженіе правительства въ семейную сферу рѣдко, только въ видѣ исключенія, превращается въ такой законный обычай, какъ въ Дагомеѣ и Вавилонѣ, въ большинствѣ же случаевъ оно является простымъ выраженіемъ произвола деспота. Семья или ея владыка сохраняютъ по прежнему свои права на дочь, и бракъ по прежнему остается торговою сдѣлкою между двумя семействами. Такой характеръ брака лучше всего выражается въ самой церемоніальной странѣ міра, въ Японіи. Самыя ничтожныя мелочи брачной церемоніи здѣсь регулированы, и описаніе ихъ, которое въ видѣ руководства раздается всѣмъ участвующимъ на свадьбѣ, составляетъ довольно объемистую книжку. Договора-

рикающіяся стороны дѣлаютъ, между прочимъ, точные списки обоюдныхъ подарковъ; послѣдніе принимаются съ большою торжественностью и въ полученіи ихъ выдаются формальныя квитанціи. Въ индѣйскомъ покупномъ бракѣ женихъ дѣлаетъ визитъ отцу невѣсты и упрашиваетъ ему калымъ; отецъ отдаетъ визитъ съ большою торжественностью и даритъ жениха; послѣ этихъ формальностей дѣвушка считается проданною, но такой договоръ можетъ быть уничтоженъ по волѣ касты или же общаго собранія всѣхъ родственниковъ невѣсты, если они признаютъ, что отецъ заключилъ его неправильно. У большинства ориенталовъ бракъ заключается въ формѣ настоящаго торговаго договора; оба семейства обозначаютъ въ контрактѣ цѣну невѣсты, количество приданаго и т. д.*). Въ Китаѣ и другихъ странахъ для устройства брачныхъ дѣлъ существуютъ многочисленные классы свахъ, которыя нанимаются у родителей жениха, отыскивать для него приличный и выгодный *товаръ*, т.-е. невѣсту, разузнавать объ ея качествахъ, цѣнѣ и т. д. При заключеніи покупного брака рѣдко спрашиваютъ согласія невѣсты, да въ большинствѣ случаевъ это и невозможно, такъ какъ множество дѣвушекъ обручается трехъ-четырехъ лѣтъ отъ рода, часто даже при самомъ рожденіи ихъ, а нарушить обручальнаго договора нельзя, и въ Китаѣ за это полагается отцу семейства 50 палочныхъ ударовъ. Замужъ выдаютъ тоже рано;—лѣтъ 10, 12, 15. Большею частію такія ранніе обрученія и браки зависятъ отъ корыстныхъ расчетовъ невѣстиныхъ родителей и отъ развращеннаго вкуса мужчинъ, падкихъ на молоденькую невинность,—но иногда они вынуждаются и другими обстоятельствами. Талмудическое законодательство, напримѣръ, уже давно запретило обручать дѣвушку ранѣе 12 лѣтъ, а выдавать замужъ ранѣе 17; но общественныя бѣдствія евреевъ заставляли ихъ уклоняться отъ этого правила; «гонимые съ одного мѣста на другое—говорятъ раввины—нигдѣ не находя пристанища, живя въ мучительной неизвѣстности, что принесетъ намъ завтрашній день,—мы должны обезпечивать нашихъ дочерей при первой возможности и заблаговременно пріискивать имъ защиту». Цѣна дѣвушекъ разнообразится по обстоятельствамъ, регулирующимъ и колеблющимъ цѣну всякаго товара вообще; но законодательства стараются опредѣлить ея нормальный minimum, размѣры котораго вполнѣ гармонируютъ съ невыгоднымъ воззрѣніемъ ориенталовъ на женщину. По закону Моисея, за невѣсту платилось столько же, сколько за невольника*). По корану, женихъ долженъ платить за дѣвушку не менѣе 10 дирмъ (около 1 р. 50 к. с.). Въ индустанскомъ правѣ покупной бракъ имѣетъ двѣ степени, во-первыхъ, бракъ *arsa*, если женихъ платитъ отцу невѣсты двухъ коровъ, и бракъ *asura*, при которомъ женихъ даетъ за невѣсту столько цѣнностей, сколько позволяютъ ему собрать его обстоятельства. Но объ эти брака не одобряются ни общественнымъ мнѣніемъ, ни даже законодательствомъ, какъ это видимъ и у другихъ цивилизованныхъ народовъ Востока. Постыдность этой продажи невѣсты заключается, по воззрѣнію ориенталовъ, не въ униженіи ея человѣческой личности, а въ томъ, что такая продажа компрометируетъ честь родителей; «порядочный человѣкъ» Востока, какъ и всѣхъ малоразвитыхъ странъ, считаетъ позорнымъ заниматься какою бы то ни было торговлею, какимъ бы то ни было промышленнымъ трудомъ,—единственно почетными занятіями для него служатъ воинскій грабежъ, эксплуатація народа поборами и работами и т. п. Поэтому даже тамъ, гдѣ продажа дочерей не одобряется, какъ, напр., въ Индустанѣ, тамъ родители могутъ дарить ихъ, нисколько не пятная тѣмъ своей репутаціи порядочныхъ людей. Въ той же Индіи, гдѣ продажа невѣсты считается дѣломъ позорнымъ, особенно священными формами брака считаются такъ называемыя *церемоніи Брамы*, когда отецъ, по собственному побужденію, даритъ брамину свою дочь, одѣтую только въ одно простое платье, и *церемонія Даветасъ*, при которой даримая дѣвушка является къ жениху разодѣтою въ пухъ и прахъ. Такимъ образомъ, ложное чувство приличія выводитъ изъ употребленія продажу невѣсты, и хотя это нисколько не ослабляетъ родительскаго произвола, но все-таки приноситъ пользу женщинѣ. Заботы невѣсты о своей будущности, заботы о томъ же ея семействѣ, самолюбіе жениха, недозволяющее ему брать *товаръ* даромъ,—все это содѣйствуетъ переходу калыма въ утренній даръ. Этотъ переходъ совершается не вдругъ и имѣетъ нѣсколько ступеней. Въ мусульманскомъ правѣ и въ узаконенныхъ имъ народныхъ обычаяхъ часть утренняго дара, и часть самая большая, берется родителями невѣсты, какъ плата за нее, а другую часть женихъ отдаетъ невѣстѣ, какъ бы покупая у ней самой ея дѣвственность; эта послѣдняя сумма, дѣлаясь собственностью жены, обезпечиваетъ ея положеніе въ томъ случаѣ, если она овдовѣетъ или разведется съ мужемъ, безъ нарушенія съ ея стороны обязанностей брака. При дальнѣйшемъ развитіи права, уплата калыма становится пустою обрядовою формальностью, а утренній даръ возвышается въ своей цѣнности и передается невѣстѣ въ ея исключительную собственность. По талмудическому законодательству нормою упомянутаго обряднаго калыма служитъ ничтожный динарій, $^1/_8$ итальянскаго голаса; минимумъ же суммы, долженствующей

*) Чтобы предупредить обманъ, а въ особенности чтобы мужъ не имѣлъ права требовать развода чрезъ нѣсколько времени послѣ брака, въ Индіи вошло въ обыкновеніе, особенно въ высшихъ кастахъ, гдѣ разводъ считается безчестіемъ, показывать новобрачную совершенно нагую нѣсколькимъ свидѣтелямъ, чтобы они удостовѣрились, что она не имѣетъ ни одного изъ тѣхъ тѣлесныхъ недостатковъ, которые Ману считаетъ препятствіями къ браку.

*) Unger, 33. Франкель опровергаетъ это мнѣніе Унгера, такъ какъ въ цитуемомъ послѣднимъ мѣстѣ (Второзак., XXII, 29) «говорится не о цѣнѣ супруги, а о возмездіи, которое долженъ платить совлазнитель необрученной дѣвицы ея отцу за ея обезчещеніе». Такъ; но совлазнитель *долженъ жениться на ней*, и въ упомянутомъ мѣстѣ Второзаконія опредѣляется *сумма калыма, необходимая для заключенія брака*. Еврефильствующій Франкель не хочетъ понять того.

щей обезпечить жену въ случаѣ ея вдовства или развода, опредѣляется въ 200 гульденовъ для дѣвушки и во 100 для вдовы; со II вѣка до Р. Х. этотъ даръ обезпечивается всѣмъ имуществомъ мужа.

Исчезновеніе калыма и развитіе обычая давать невѣстѣ утренній даръ или обязательство обезпечить ее на случай вдовства или развода, конечно, улучшаютъ положеніе женщины, и улучшаютъ не только этимъ обезпеченіемъ, но и тѣмъ, что тутъ мужу внушается чувство извѣстнаго долга, извѣстной обязанности относительно своей жены. А эта обязанность необходимо содѣйствуетъ прочности брачнаго союза, затрудняя разводъ по капризу одного мужа. Обычай приданаго, окончательно входящій въ силу при развитіи права и государства, также не мало содѣйствуетъ прочности брака и не только улучшаетъ отношенія жены къ мужу, но въ извѣстныхъ случаяхъ ставитъ первую главою дома На мусульманскомъ Востокѣ богатые отцы часто выдаютъ своихъ дочерей за бѣдняковъ, и такіе мужья необходимо становятся въ полную зависимость отъ своихъ богатыхъ женъ. Такая жена—говоритъ одинъ наблюдатель турецкихъ нравовъ — «мало имѣетъ поводовъ жаловаться на свою участь. Она вовсе не плѣнница; она свободно разъѣзжаетъ въ своемъ позолоченомъ экипажѣ; она гуляетъ въ изящномъ каикѣ по водѣ, вдоль очаровательныхъ береговъ Босфора; она владычествуетъ надъ гаремомъ и надъ сердцемъ своего мужа». Не даромъ же на Востокѣ замѣчается реакція противъ знахительнаго приданаго: ориенталъ хочетъ быть лучше господиномъ бѣдной жены, чѣмъ рабомъ богатой.

На всемъ Востокѣ сплошь и рядомъ дѣвушки обручаются, даже выдаются замужъ несовершеннолѣтними; родители, конечно, не спрашиваютъ ихъ согласія и, въ случаѣ ихъ сопротивленія, могутъ принудить ихъ къ замужеству силой. Вдовы же совершенно свободно располагаютъ своей рукой. Но и власть родителей женить сына и выдавать дочь, вполнѣ признаваемая юридическими обычаями и законами первичныхъ государствъ, впослѣдствіи значительно ограничивается законодательствомъ въ интересахъ женщины. Безъ согласія невѣсты бракъ дѣлается невозможнымъ, и у мусульманъ взрослая дочь сама выбираетъ себѣ мужа; но въ дѣйствительности родители всегда могутъ вынудить у дочери упомянутое согласіе и тѣмъ отнять у закона всю его силу; и у насъ de jure бракъ заключается по свободному согласію невѣсты и жениха, но свадьбы нашихъ купцовъ и крестьянъ свидѣтельствуютъ, какъ призрачно въ грубомъ обществѣ согласіе невѣсты. Давши дѣвушкѣ такую льготу, законы Востока требуютъ также для заключенія брака и согласія родителей жениха и невѣсты, даже при неимѣніи такого закона, его замѣняютъ обычай и общественное мнѣніе, карающіе ослушниковъ. Безусловная покорность родительской волѣ предписывается здѣсь не только законодательствомъ, но и служитъ основнымъ правиломъ морали, нарушеніе котораго пятнаетъ репутацію человѣка. У евреевъ совершеннолѣтній сынъ по закону вполнѣ самостоятеленъ, но обычная мораль требуетъ, чтобы онъ не вступалъ въ бракъ безъ согласія своихъ родителей. Если онъ отступалъ отъ этого правила, то встарину родители его выносили на публичное мѣсто бочку съ фруктами и разламывали ее, говоря: «нашъ родственникъ женился на недостойной женщинѣ; мы не хотимъ, чтобъ его дѣти смѣшивались съ нашими, и да будетъ это знакомъ въ будущемъ» (т.-е. какъ разъединились фрукты, такъ разъединяемся и мы съ нимъ).

Въ первобытной, государственной жизни, какъ мы уже видѣли, женщина стремилась къ свободному заключенію брака, къ превращенію его въ личный договоръ между нею и женихомъ. Это стремленіе перешло и въ государственную эпоху, проникло даже въ первобытные кодексы и народные обычаи. Въ Индустанѣ до сихъ поръ существуетъ «бракъ небесной гармоніи», заключаемый единственно по взаимной склонности влюбленныхъ жениха и невѣсты. Въ древне-индійскихъ стихотворепіяхъ часто упоминается еще объ обычаѣ, по которому родители невѣсты приглашали къ себѣ на пиръ юношей, намѣревающихся жениться, и невѣста сама выбирала изъ нихъ жениха себѣ, кладя на его голову цвѣточный вѣнокъ. Этотъ обычай сохранился до сихъ поръ въ Таньорѣ. Но да не увлекется читательница наружною прелестью этого брака; привилегія, добытая себѣ женщиною, состоитъ здѣсь почти всегда только въ свободномъ выборѣ своего господина; все отличіе формы свободнаго брачнаго союза отъ брака, заключаемаго по волѣ родителей, состоитъ въ томъ, что въ одномъ случаѣ дѣвушку отдаютъ, а въ другомъ--она сама поступаетъ въ рабство.

На Востокѣ право не отдѣлено отъ религіи и всѣ древніе кодексы ориенталовъ были въ то же время сводами религіозныхъ заповѣдей. Эти кодексы не только узаконяли развившіяся въ народной жизни юридическіе обычаи, но съ тѣмъ вмѣстѣ предписывали новыя правила, пытались реформировать общества. Всѣ они, кромѣ Зендавесты, вооружаются противъ браковъ между ближними родственниками; коранъ запрещаетъ передавать жену по наслѣдству; законы евреевъ, японцевъ строго воспрещаютъ женитьбу на иностранкахъ, а коранъ—на иновѣркахъ; въ Китаѣ нельзя жениться на всѣхъ женщинахъ, носящихъ съ женихомъ одну фамилію, что чрезвычайно затруднительно для брачныхъ дѣлъ, такъ какъ у 400,000,000 китайцевъ число фамилій крайне незначительно, менѣе 500. Въ странахъ, въ которыхъ браки съ иностранками вошли уже въ употребленіе, запрещеніе ихъ часто долго еще тяготѣетъ на членахъ царскихъ фамилій, какъ, напримѣръ, въ Китаѣ, гдѣ женихъ-богдыханъ собираетъ всѣхъ красивѣйшихъ дѣвушекъ имперіи и выбираетъ себѣ изъ нихъ женъ. Такимъ же способомъ женились цари древней Руси, ханы Джунгаріи и до сегодня—владѣтели разныхъ среднеазіятскихъ и африканскихъ государствъ. Затѣмъ освящая существованіе кастъ и ихъ полную изолированность другъ отъ друга, восточныя законодательства всѣми мѣ-

рами стараются основать бракъ на принципѣ *равнородности* обоихъ супруговъ; касты и сословія не должны смѣшиваться между собою и аристократъ не долженъ портить своего потомства примѣсью къ его благородной крови нечистой крови плебейки матери. Болѣе всего старается объ этомъ индійское законодательство, которое члену низшей касты запрещаетъ даже глядѣть на женщину высшей. Въ сущности эти запрещенія кастовыхъ браковъ есть то же, что и запрещеніе браковъ международныхъ,—каждая каста состоитъ, по теоріи по крайней мѣрѣ, изъ людей особой породы, и членъ высшей касты относится къ нимъ съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ и къ иностранцамъ. Но все-таки нужно замѣтить, что требованіе равнородности супруговъ было шагомъ впередъ въ дѣлѣ уравненія жены съ мужемъ. Въ равнородномъ бракѣ мужъ не можетъ уже презирать жену, какъ онъ презираетъ ее въ томъ случаѣ, если она иностранка или происходитъ изъ низшей касты, хотя это уваженіе и это презрѣніе относятся къ ней не какъ къ женщинѣ, а только какъ къ члену рода или касты.

Религіозныя системы и проповѣди моралистовъ Востока рисуютъ намъ идеалъ брачной жизни и счастливый бракъ считаютъ однимъ изъ величайшихъ благъ земной жизни. Для достиженія этого блага, они считаютъ необходимымъ миръ въ семейной жизни и любовь супруга къ женѣ. Не мало авторитетныхъ голосовъ убѣждало деспотическихъ ориталовъ къ гуманному обхожденію съ такими добродѣтельными женами. Законы Ману говорятъ, что женъ должны уважать и украшать нарядами не только мужья ихъ, но и всѣ другіе ихъ родственники; супругамъ совѣтуется жить въ полной любви и мирѣ; но все это необходимо не ради самой женщины, а ради благоденствія семьи; напр., упомянутое украшеніе нарядами жены нужно только для того, чтобы она любила мужа, ибо безъ любви не будетъ дѣтей. Даже варварское законодательство Китая даетъ женщинѣ нѣкоторыя привилегіи, изъ уваженія къ ея материнству. Китаянку нельзя посадить въ общественную тюрьму, если она не виновата въ прелюбодѣяніи или уголовномъ преступленіи; чиновникъ, нарушившій этотъ законъ, получаетъ 40 палокъ; беременная женщина, присужденная къ тѣлесному наказанію, наказывается не раньше, какъ черезъ сто дней послѣ родовъ. Магометъ увѣщеваетъ вѣрныхъ быть справедливыми и милосердными къ женамъ, за что Богъ наградитъ мужей на небѣ. И вслѣдствіе вліянія магометанства, положеніе женщинъ у дикарей, принявшихъ коранъ, дѣлается лучше, чѣмъ до ихъ обращенія къ исламу. Вмѣстѣ съ обязанностью любить и уважать жену, религіозныя системы и кодексы Востока предписываютъ мужу прилично одѣвать и пропитывать ее, а также имѣть съ нею половое совокупленіе въ опредѣленные сроки; у евреевъ, кромѣ того, онъ обязанъ лѣчить жену (но только отъ непродолжительной болѣзни, ибо за постоянную хворость онъ можетъ дать ей разводъ), выкупать изъ плѣна (на этомъ основаніи онъ пользуется доходами съ имущества жены), прилично хоронить умершую жену, за что онъ наслѣдуетъ ея приданое. Къ исполненію этихъ обязанностей жена можетъ принуждать мужа посредствомъ суда. Конечно, подобныя ограниченія мужняго произвола улучшаютъ семейный бытъ женщины, но возможности гарантируя ее отъ самодурческихъ капризовъ супруга; но всѣ упомянутыя заботы законодательствъ относятся не къ женщинѣ, даже не къ женѣ вообще, а только къ женѣ, какъ къ матери семейства и ревностной помощницѣ своего мужа. Убѣждая владыкъ быть человѣколюбивѣе съ своими рабынями, законодательства имѣютъ въ виду интересы семейства и самихъ мужей, такъ какъ опытъ всегда показываетъ, что человѣка гораздо успѣшнѣе можно превратить въ раба посредствомъ кроткаго управленія имъ, чѣмъ посредствомъ жестокостей и самодурскаго произвола. «Счастливъ человѣкъ, имѣющій добродѣтельную жену, потому что долгота дней его удвоится черезъ то»—говоритъ сынъ Сираховъ, высказывая общее желаніе всѣхъ ориенталовъ имѣть добродѣтельную жену. Идеалъ ея состоитъ въ томъ, чтобы она поступила къ мужу невинною, была вѣрна ему и чадородна, хорошо вела бы хозяйство, была бы покорною и всегда готовою слугою своего супруга. Всѣ заботы восточныхъ законодательствъ и моралистовъ устремлены на выработку этого идеала и средствъ къ его осуществленію въ жизни. Власть мужа получаетъ религіозную санкцію; жена обязана покориться ему въ силу лежащаго на ней небеснаго проклятія за грѣхопаденіе; права мужа, основанныя на чисто гражданскомъ договорѣ его съ невѣстою и родителями ея, освящаются обрядомъ вѣнчанія и утверждаются государственною властью. Все стремится къ тому, чтобы сдѣлать изъ женщины добродѣтельную рабыню. Женщина, по законамъ Ману, никогда не должна стремиться къ независимости, она не должна даже мечтать о жизни отдѣльно отъ своего отца, своего мужа или своихъ сыновей; если она разойдется съ мужчиной, то оба подвергаются общественному презрѣнію. Отцы, братья, мужья, сыновья, ради благоденствія своего семейства и собственныхъ интересовъ должны держать женщинъ въ постоянной отъ себя зависимости и слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ. Съ опытностью развитого рабовладѣльца, Ману не рекомендуетъ дѣйствовать на женщинъ мѣрами жестокости, а чтобы предохранить ихъ отъ заразы свободолюбія, совѣтуетъ непрерывно занимать ихъ хозяйственными работами. Во избѣжаніе домашнихъ безурядицъ и возмущеній, женщинамъ запрещается употреблять крѣпкіе напитки,—какъ это запрещается и рабамъ, напримѣръ, въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки,—имѣть сношенія съ дурными людьми, выходить безъ позволенія мужа изъ дома, спать не во время, говорить съ чужимъ мужчиной, смотрѣть изъ оконъ на улицу, чуждаться своего мужа—это шесть пороковъ, изъ коихъ каждый покрываетъ женщину позоромъ и безчестіемъ. Женщинѣ, какъ и рабу, какъ и судрѣ, запрещено чтеніе священныхъ книгъ, ее необходимо держать въ полномъ невѣжествѣ и въ Индустанѣ, покорномъ заповѣдямъ своего божественнаго законодателя, до

сихъ поръ не дозволяется женщинамъ ни читать, ни писать, такъ какъ подобныя занятія «отрываютъ ихъ отъ хозяйственныхъ работъ и навлекаютъ несчастіе на семью» *). Даже женщинамъ, пользующимся ихъ довѣренностью, брамины не сообщаютъ никакихъ важныхъ свѣдѣній о своемъ ученіи, «дабы они, по своей глупости, не разболтывались передъ непосвященнымъ народомъ и не бросили бы своихъ мужей; ибо *«кто научается презирать сладострастіе и страданія, жизнь и смерть, тотъ не захочетъ быть рабомъ другого»*. Очень основательно и откровенно!..

Вся китайская жизнь основана на семейномъ началѣ, и поэтому подчиненность жены мужу служитъ фундаментомъ китайскаго общества. Законодатели и философы, моралисты и полиція, мужья, отцы, братья—все проповѣдуетъ вырожденіе тысячелѣтій о рабствѣ женщины и объ его спасительной необходимости для благоденствія народа. «Женщина—говоритъ китайское правило — существо второйнѣ завсемое, какъ дочь — отъ отца, какъ жена—отъ мужа, какъ вдова — отъ сына». Отъ нея требуются четыре главныя достоинства—добродѣтель въ сердцѣ, скромность на челѣ, кротость на устахъ и руки, постоянно занятыя работой». Жена никогда не должна ѣсть съ мужемъ, никуда выходить безъ его позволенія. Только унизившись до состоянія безличной рабыни, женщина можетъ устроить себѣ немного спокойную жизнь въ китайскомъ семействѣ, иначе ее ждутъ—брань, побои, изгнаніе изъ дома. Вотъ почему знаменитая писательница Панъ-Хои-Панъ въ своихъ «Семи книгахъ о женскихъ обязанностяхъ увѣщеваетъ женщинъ «ради ихъ собственнаго счастія, безгранично уважать мужей и постоянно наблюдать за собой, *не давая мужьямъ возможности замѣтить своихъ недостатковъ*... Мужъ — небо жены, говоритъ сентенція, противъ которой никогда не возражали. А есть ли на землѣ мѣсто, гдѣ бы не было неба? Поэтому жена навсегда остается на землѣ, т. е. всю жизнь находится подъ небомъ своего мужа. Жена, любящая мужа и имъ любимая—повинуется ему безъ труда. Но это только половина долга. Безусловное повиновеніе мужу, тещѣ и тестю только одно можетъ предохранить женщину отъ упрековъ, если она даже исполняетъ всѣ другія обязанности. Женщина — говоритъ Нію-Хинъ-Шу — должна быть въ домѣ настоящею тѣнью и простымъ эхомъ. А тѣнь не имѣетъ другой формы, кромѣ той, какую ей дастъ предметъ; эхо не говоритъ ничего другого, кромѣ того, что заставляютъ его сказать»... Далѣе Панъ-Хои-Панъ даетъ совѣтъ, какъ возбуждать любовь мужа; для этого женщина должна быть скромною, молчаливою, говорить лишь тогда, когда ее спрашиваютъ, и если она образована, то «не обнаруживать этого въ разговорѣ, потому что не любятъ, чтобы женщина цитировала безпрестанно исторію, священныя книги и поэтовъ»; наконецъ, она должна заботиться о своей внѣшности. Руки женщины постоянно должны быть заняты работою, и относительно причинъ этого требованія Китай совершенно сходится какъ съ Индустаномъ, такъ и съ остальнымъ Востокомъ. «Работа—говоритъ одна китайская баллада — есть хранительница женской добродѣтели; не дозволяйте женщинамъ быть праздными, пусть лучше онѣ круглый годъ наряжаются и раздѣваются. Имъ нужно доставлять наряды, чтобы, забавляясь ими, онѣ не думали о своеволіи!» Ученіе Панъ-Хои-Панъ считается въ Китаѣ однимъ изъ лучшихъ изложеній правилъ закона и морали объ обязанностяхъ жены; оно съ такою послѣдовательностью выведено изъ доктрины Конфуція, что было чрезвычайно благосклонно принято дворомъ и всѣми мандаринами. Ученый Ма-Юнгъ, начальникъ ученыхъ и литераторовъ, приказалъ своей женѣ выучить его наизусть, чтобы *совершенствовать женщинъ*. Заключенныхъ въ четырехъ стѣнахъ, подавленныхъ домашнимъ деспотизмомъ, китаянокъ съ молодыхъ лѣтъ стараются пропитать такими доктринами, преподавая имъ исключительно только правила и уроки семейнаго чиноночитанія и чисто азіатскаго раболѣпія, а мужчинъ заставляютъ построже присматривать за ними и за слабый надзоръ даютъ бамбуковыми палками; женщина за свои отступленія отъ упомянутыхъ правилъ терпитъ столь же безчеловѣчное наказаніе. Напротивъ, женамъ, отличившимся семейными добродѣтелями и покорностью воздвигаются послѣ ихъ смерти публичные памятники. Въ каждомъ городѣ Китая есть оффиціальные храмы, построенные для поощренія женскихъ добродѣтелей, въ честь женщинъ, замѣчательныхъ покорностью мужу и цѣломудріемъ, и въ честь дѣвушекъ, отличившихся дочернею преданностью и невинностью. Семейныя добродѣтели женщинъ, засвидѣтельствованныя мѣстнымъ начальствомъ, подтвержденныя императорскими указами и объявленныя во всеобщее по государству свѣдѣніе, награждаются деньгами, рисомъ, матеріями и правомъ выкупа отъ тѣлеснаго наказанія.

Мусульманинъ, совершенно въ духѣ своего вѣроученія, третируетъ жену, какъ невольницу; она прислуживаетъ за столомъ мужа, на колѣнкахъ подаетъ ему трубку. Коранъ уполномочиваетъ супруга не только подвергать ее тѣлеснымъ наказаніямъ, но и употреблять какія угодно средства для приведенія ее въ покорность. Въ Египтѣ мужъ часто ведетъ свою непокорную жену къ кади и, записавъ ее у него въ штрафную книгу, тѣмъ избавляется отъ обязанностей заботиться объ ея жилищѣ, одеждѣ и содержаніи. Даже крѣпостной, забитый феллахъ относится къ своей супружицѣ съ явнымъ пренебреженіемъ, заставляетъ ее ходить за собой,

*) «Главнымъ образомъ отличаются женщины Востока отъ западныхъ сестеръ полнымъ невѣжествомъ и необразованностью сердца и ума. Въ этомъ отношеніи онѣ остаются даже далеко позади того, чѣмъ были западныя женщины въ средніе вѣка. Многія изъ нихъ не имѣютъ даже понятія о существованіи женскаго образованія, не только о необходимости его. Значительное большинство женщинъ не умѣютъ читать и писать, и почти всѣ по образованію стоятъ ниже мужчины, окончившаго курсъ въ первоначальной школѣ. Это печальное положеніе зависитъ не столько отъ религіознаго запрещенія, сколько отъ страннаго понятія, по которому ученіе нужно только тѣмъ, кто обращается въ свѣтѣ. Врядъ-ли надо говорить, что при такомъ понятіи всѣ человѣческія права попираются жестокимъ образомъ» (Вамбери).

какъ рабыню, и носить его трость, трубку и всякую тяжесть.

Вмѣстѣ съ усиліями изолировать женщину въ семействѣ и обратить ее въ домашнее рабство тѣснымъ образомъ связаны ея религіозная отверженность и общественное безправіе. Мнѣнія о нечистотѣ женскаго организма, существующее, какъ мы уже говорили, у дикарей, переходитъ въ религіозныя системы культурной эпохи, развивается и комментируется здѣсь жрецами, которые пользуются имъ для своихъ личныхъ цѣлей, для устраненія женщинъ отъ жреческой должности, для запрещенія имъ ходить въ храмы, читать священныя книги и т. д. Эта религіозная безправность имѣла еще своимъ послѣдствіемъ то, что женщина должна была сама сознавать необходимость для себя рабской зависимости отъ мужчины. Самостоятельно она не можетъ приносить жертвы: только жертвы сына или мужа могутъ открыть ей райскія двери, да и то, если она покорная жена! Развратъ и изліяніе половыхъ удовольствій, столь обыкновенныя на Востокѣ, достигая извѣстныхъ предѣловъ, производятъ аскетическую реакцію, отвергающую половую любовь и позорящую женщину, какъ источникъ всякаго зла. Таковы, напримѣръ, аскеты индѣйскіе, безбрачное буддійское духовенство, распространенное почти по всему Востоку, есеяне и т. д. Разочаровавшись въ своихъ любовныхъ безобразіяхъ, истощенный, разоренный ими, пораженный любострастными болѣзнями, возненавидѣвшій всякое половое удовольствіе, міръ мужчинъ создаетъ свою аскетическую доктрину и практику и указываетъ на женщину, какъ на источникъ всѣхъ нравственныхъ золъ, какъ на орудіе и вмѣстилище злого духа. У евреевъ во время менструаціи жена не можетъ ни ѣсть, ни пить съ мужемъ, ни сидѣть, ни лежать рядомъ съ нимъ; даже еврейскому лекарю запрещается въ это время щупать пульсъ своей жены. У парсовъ на все время мѣсячнаго очищенія женщину запираютъ въ отдѣльное помѣщеніе и всѣ избѣгаютъ ее, какъ прокаженную. Съ этими предразсудками о физической нечистотѣ женщины тѣснымъ образомъ соединены мнѣнія объ ея нравственной низкости. Эти мнѣнія высказывались и высказываются даже самыми передовыми людьми Востока, напр., Аверроссомъ. Но нужно отдать ему справедливость, что эту нравственную несостоятельность женщины онъ приписываетъ не ея природѣ, а рабству, въ которомъ она находится. «Такъ какъ состояніе рабства» — говоритъ онъ — «лишило женщинъ всякой способности къ великимъ дѣламъ, то у насъ вовсе нѣтъ женщинъ, одаренныхъ моральными добродѣтелями. Онѣ производятъ подобно растеніямъ и служатъ бременемъ даже для своихъ мужей». Подобное же мнѣніе высказываетъ и китаянка Пань-Хои-Пань: «кажется, все въ заговорѣ, чтобы поддерживать несовершенство пола, который по самой природѣ своей слишкомъ несовершенъ». Большинство же оріенталовъ относятъ всѣ дѣйствительные и воображаемые недостатки и пороки женщинъ къ прирожденнымъ и неизмѣннымъ свойствамъ ихъ природы. Законы Ману, напримѣръ, приписываютъ женской природѣ въ видѣ отличительныхъ свойствъ ея, лѣность, сохолюбіе, «дурныя наклонности», желаніе дѣлать зло и развращать мужчинъ. Борьба женщинъ противъ насилія, тѣ порочныя средства, къ которымъ она прибѣгаетъ, какъ къ орудіямъ защиты или нападенія, наконецъ, нравственные недостатки, развитые въ ней непосредственно ея рабскимъ положеніемъ и необходимостью прибѣгать къ коварству или хитрости... все это служитъ главнымъ источникомъ тѣхъ ругательствъ, издѣвательствъ и нападокъ на женщину, которыми мужчины осыпаютъ ее въ продолженіе тысячелѣтій. Система обязанностей, составленная для женщины мужчинами Востока, никогда въ точности не исполнялась ею и женщина никогда не допускала сдѣлать себя безусловною рабыней мужа — вотъ въ этомъ-то, а ни въ чемъ другомъ, по нашему мнѣнію, и заключается главная причина упомянутыхъ ругательствъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить ихъ содержаніе. Всѣ оріенталы бранятъ женщинъ за ихъ сварливость, болтливость и наклонность къ домашнимъ сценамъ, — и понятно, какъ смѣетъ говорить, а тѣмъ болѣе ругаться, баба, которая по закону должна быть безмолвною, покорною рабынею. А главное, пылкость чувства всегда даетъ женщинѣ перевѣсъ надъ мужчиной, если дѣло дошло до перебранки. Китайская мудрость говоритъ: «языкъ женщины — мечъ ея, который никогда не ржавѣетъ»; «не имѣя женщина *всегда можетъ отомстить за себя!..*» Кто вѣритъ своей женѣ, тотъ обманываетъ самъ себя, кто не вѣритъ ей, того обманываетъ она», говоритъ восточная пословица; но чему же удивляться, если задавленная рабыня обманываетъ своего жестокаго владыку? Рабство всегда дѣлаетъ людей лжецами и лицемѣрами. Мотовство женщинъ, ихъ страсть къ нарядамъ и кокетство, развивавшіяся въ нихъ, какъ мы видѣли, мужчинами, также ставятся совершенно несправедливо въ число обвинительныхъ пунктовъ. Несправедливость большей части нападокъ видна также и изъ того, что сплошь и рядомъ они выражаются въ самыхъ общихъ злостныхъ фразахъ и обо всѣхъ женщинахъ. «Гдѣ найти добродѣтельную женщину», съ отчаяніемъ восклицаетъ добродѣтельный мужчина, царь Соломонъ, имѣвшій 700 женъ и 300 наложницъ. Наконецъ, развитію теоретическаго пренебреженія къ женщинѣ много содѣйствовалъ и самый фактъ ея унизительнаго рабства. Какъ цивилизованный рабовладѣлецъ презираетъ даже своего любимаго раба, такъ и аристократъ мужчина свою невольницу-женщину. На основаніи этой отверженности и съ намѣреніемъ содѣйствовать закабаленію ея, законы и религіозныя системы налагаютъ на нее печать еще большей отверженности. Магометане сомнѣваются, есть-ли у женщины душа и войдетъ-ли она въ рай; болѣе благосклонные изъ нихъ допускаютъ ее въ рай, но въ особое отъ мужчинъ отдѣленіе. Ей недоступна мечеть, какъ и всѣмъ нечистымъ животнымъ; какъ всѣмъ сумасшедшимъ, пьянымъ и больнымъ, ей запрещено возвѣщать о молитвенномъ часѣ. Иначе, какъ не имѣютъ права быть свидѣтельницами въ

судѣ; бирманки хотя и могутъ свидѣтельствовать, но не впускаются въ судный домъ, дабы своимъ присутствіемъ не осквернить этого святилища; въ Персіи свидѣтельство одного мужчины равняется свидѣтельству двухъ женщинъ и т. д. Воспитаніе женщинъ въ такой отверженности убѣждаетъ часто даже ихъ самихъ въ своемъ естественномъ ничтожествѣ передъ мужчинами и въ необходимости быть рабынями послѣднихъ. «Мы, говоритъ китаянка Панъ-Хои-Панъ, занимаемъ послѣднее мѣсто въ родѣ человѣческомъ, мы слабая часть его; это истина, которою мы должны быть проникнуты и которая должна вліять на все наше поведеніе. Женщина должна со смиреніемъ держать себя на мѣстѣ, указанномъ ей самою природою, и знать, что она ничего не можетъ сдѣлать безъ посторонней помощи».

Прелюбодѣяніе—величайшее преступленіе женщины; будучи собственностью мужчины, она не имѣетъ никакого права отдаваться постороннему любовнику; мужъ всегда можетъ наказать ее за такое нарушеніе своихъ правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прелюбодѣяніе служитъ дурнымъ примѣромъ для общества и вводитъ въ одно семейство кровь другого семейства. а такое смѣшеніе семей подрываетъ основы восточнаго общества и не можетъ быть терпимо государствомъ. Въ нѣкоторыхъ древне-американскихъ государствахъ мужъ, продолжавшій сожительство съ невѣрною женою, наказывался смертью. Въ Мехикѣ прелюбодѣйная жена наказывалась смертью, даже если ей прощалъ мужъ; въ Перу мужу самому дозволялось убить ее. Если согрѣшила съ мужчиной одна изъ дѣвъ, посвященныхъ солнцу, виновныхъ казнили, а ихъ дома, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже цѣлые села и города, въ которыхъ они родились, истребляли вмѣстѣ со всѣмъ населеніемъ. Брамининъ имѣетъ право собственноручно казнить свою невѣрную жену. Законы Ману предписываютъ прелюбодѣя изжарить на желѣзной плитѣ, а невѣрную жену растерзать собаками. Въ настоящее время употребляются болѣе мягкія наказанія; преступная женщина жестоко истязуется палками и изгоняется изъ своей касты. Но зато ревнивые мужья нерѣдко расправляются съ женами собственноручно и убиваютъ ихъ при малѣйшемъ, часто совершенно неосновательномъ подозрѣніи въ невѣрности. Китаецъ имѣетъ право убить и свою жену, и ея соблазнителя; если онъ продолжаетъ жить съ преступною женой, то подлежитъ наказанію. Онъ можетъ также продать ее въ рабство. У древнихъ египтянъ женщинѣ отрѣзывали носъ, а ея соблазнитель получалъ 1000 палокъ. У евреевъ побивали камнями не только прелюбодѣя и его соучастницу, но и дѣвушку, вышедшую замужъ не невинною. У древнихъ персовъ прелюбодѣяніе также влекло за собою смертную казнь. Магометъ нѣсколько смягчилъ варварскую жестокость такихъ законовъ. По корану, обвинитель женщины долженъ доказать свой доносъ четырьмя свидѣтелями, въ противномъ случаѣ онъ получаетъ 80 плетей; если же обвиняетъ мужъ, то онъ долженъ пятикратно присягнуть въ вѣрности. Уличенная жена, по корану, подвергается вѣчному тюремному заключенію, незамужняя женщина наказывается ста ударами розогъ и подвергается годичному изгнанію. Но мягкіе, сравнительно, законы Магомета не вездѣ сохраняютъ свою силу; сунниты считаютъ необходимымъ побивать прелюбодѣйную жену каменьями, а въ Египтѣ до сихъ поръ ее топятъ въ рѣкѣ. Часто мужья собственноручно расправляются, какъ съ подозрѣваемыми, такъ и съ уличенными въ невѣрности женщинами. Въ Константинополѣ, напримѣръ, часто женъ и ихъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ любовниковъ оскорбленные мужья топятъ въ морѣ или вѣшаютъ на внѣшней стѣнѣ гарема. Штраусъ разсказываетъ объ одномъ персіянинѣ, какъ онъ въ припадкѣ ревности содралъ кожу со своей жены и повѣсилъ ее въ гаремѣ на поученіе другимъ женамъ, а трупъ несчастной выбросилъ на улицу. Подобное варварство на Востокѣ очень обыкновенно.

VI.

Мы знаемъ изъ предыдущей главы, до какого безусловнаго порабощенія доводится женщина на Востокѣ, подъ вліяніемъ полигаміи и варварскаго взгляда законодательной восточной власти. Но это порабощеніе никогда не было безусловнымъ, женщина боролась противъ него и постепенно улучшала свою судьбу. Въ брачныхъ и семейныхъ законахъ не разъ совершались важныя перемѣны. Такъ, напр., монголы до XVII в. были многоженцами, но въ этомъ столѣтіи маньчжуры ввели къ нимъ моногамію. Въ Японіи прежде невѣста умершаго жениха, а въ Китаѣ вдова не могли выйти за другого, а нынѣ могутъ. Особенно же значительнымъ шагомъ впередъ была мусульманская реформа брака и семейства. Вообще, съ развитіемъ государствъ деспотическая власть мужа нѣсколько ограничивается; жена, напр., получаетъ возможность владѣть своимъ имуществомъ; право мужа казнить жену ограничивается только случаемъ прелюбодѣянія, а въ нѣкоторыхъ законодательствахъ уничтожается вовсе. Государство, поддерживая семейный деспотизмъ владыки, даетъ ему извѣстную норму и наказываетъ за отступленіе отъ нея. Такъ, китаецъ можетъ убить прелюбодѣйную жену, но только въ присутствіи ея родственниковъ, чтобы они могли повѣрить справедливость его подозрѣній. Мужъ, убившій жену за то, что она обидѣла или прибила его родителей, получаетъ сто палокъ, а если убитая оказывается невинной, то казнится смертью. Вмѣстѣ съ этимъ религія и право стремятся регулировать расторженіе брака и дозволяютъ его только въ извѣстныхъ случаяхъ, при чемъ мужъ хотя и пользуется огромными преимуществами передъ женою, но все-таки его произволъ поставленъ въ нѣкоторыя границы. У китайцевъ мужъ имѣетъ право развестись съ женою за безплодіе, невѣрность, *безстыдство*, оскорбленіе его родителей, *болтливость*, наклонность къ воровству, *ревность* и неизлѣчимую болѣзнь; но безъ утвержденія власти разводъ недѣйствителенъ и

не можетъ состояться, если жена въ это время носитъ трехлѣтній трауръ по отцѣ или матери, если она сирота или родители, бывшіе богатыми при выходѣ ея замужъ, теперь разорились. По обоюдному согласію мужъ и жена могутъ разойтись совершенно безпрепятственно — и Европа въ этомъ отношеніи можетъ поучиться у презираемаго ею Китая. Жена, убѣжавшая отъ мужа, подвергается тѣлесному наказанію и можетъ быть продана каждому, желающему взять ее; если же во время бѣгства она вступитъ во второй бракъ, то подлежитъ смертной казни черезъ повѣшеніе. Черезъ три года послѣ безъизвѣстнаго отсутствія мужа она имѣетъ право выйти за другого *).

Въ Индустанѣ супругъ можетъ дать разводъ своей женѣ, если, безъ предувѣдомленія его родителями невѣсты, послѣдняя поступила къ нему не дѣвственницею, если жена въ теченіе всего перваго года чувствуетъ отвращеніе къ мужу, если она употребляетъ хмѣльные напитки, ненавидитъ мужа, *неприлично ведетъ себя*, проматываетъ состояніе, если она неизлѣчимо больна, или въ теченіе восьми лѣтъ безплодна. Если мужъ долго живетъ гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ мѣстахъ розно отъ жены, то послѣдняя, смотря по причинѣ его отсутствія, имѣетъ право выйти за другого черезъ 3, 6 или 8 лѣтъ. Жена также можетъ развестись съ мужемъ, если онъ окажется отверженнымъ трѣшникомъ, еретикомъ, импотентомъ, лишеннымъ правъ преступникомъ или больнымъ чахоткою.

Магометанинъ можетъ дважды разводиться съ женой и снова брать ее къ себѣ безъ ея согласія; только послѣ третьяго развода она дѣлается свободною отъ мужа; срокъ, втеченіе котораго мужъ имѣетъ право снова жениться на разведенной имъ женѣ, для беременной—до дня ея разрѣшенія, для небеременной—три мѣсяца. Жена имѣетъ право требовать развода, если мужъ не можетъ содержать ее или не далъ ей утренняго дара. Бракъ расторгается еще въ томъ случаѣ, если жена, обвиненная мужемъ въ прелюбодѣяніи, установленною для того четырекратною клятвою, не докажетъ своей невинности.

Такимъ образомъ восточные законы хотя и ограничиваютъ нѣсколько власть мужа, но самыя эти ограниченія такъ неопредѣленны, что мало стѣсняютъ произволъ мужа; ввдь какую угодно жену можно выгнать за *болтливость*, *нескромность*, *безстыдство*, — свойства чисто относительныя. Этого мало; предоставляя женщинѣ право развода гораздо въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ мужчинѣ, всѣ упомянутыя законодательства ставятъ даже идеаломъ нерасторжимость брака и вѣчность мужниной власти. Китайская «Книга законовъ для женщинъ» говоритъ: «если женщина имѣетъ мужа по сердцу, она имѣетъ его на всю жизнь; если она имѣетъ мужа не по сердцу, она имѣетъ его на всю жизнь; въ первомъ случаѣ женщина счастлива навсегда, во второмъ случаѣ она несчастна вплоть до своей смерти». Нерасторжимость брака основывается и на правахъ мужа, пріобрѣтшаго жену въ вѣчную свою собственность, и на религіозномъ освященіи брачнаго союза, и на вѣрѣ въ будущую жизнь, гдѣ жена необходима мужу, и доступъ къ блаженству, который возможенъ женщинѣ только посредствомъ мужчины. Немаловажную роль играетъ здѣсь и вѣра въ предопредѣленіе боговъ, въ *судьбу*; даже у насъ, въ Россіи, женихъ до сихъ поръ называется *суженымъ*, а невѣста *судьбою*; оріенталы также вѣрятъ, что боги предназначаютъ извѣстныхъ мужчинъ къ браку съ извѣстными женщинами; расторгать такой союзъ значитъ противиться волѣ небесъ; «Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ!» Еврейское законодательство считаетъ нерасторжимость брака, кромѣ случая прелюбодѣянія, его идеаломъ, хотя многіе іудейскіе юристы и доказываютъ, что поводомъ къ разводу должно служить все, что разрушаетъ семейный міръ. Поэтому, у нѣкоторыхъ народовъ вдова не должна выходить за второго мужа, а обязана ждать смерти, послѣ которой она соединится на вѣки съ первымъ своимъ супругомъ въ обителяхъ горнихъ. Въ Китаѣ до сихъ поръ вдовая императрица не можетъ вступать во вторичное замужество и вплоть до своей смерти обязана жить въ отдѣльномъ дворцѣ. Въ Индіи вдова должна вести уединенную жизнь и ей строжайше запрещено даже думать о второмъ замужествѣ. Но долго ждать вдовѣ посмертнаго соединенія съ своимъ мужемъ,—лучше ускорить его и вмѣстѣ съ супругомъ вступить въ небесныя обители! Сожженіе и погребеніе вдовъ и рабовъ съ трупами мужей мы видимъ у многихъ дикихъ и патріархальныхъ народовъ. Съ развитіемъ касты жрецовъ, они всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами начинаютъ поддерживать и развивать этотъ обычай, потому что сожженіе вдовъ также выгодно для нихъ, какъ прибыльно было для католическихъ поповъ сожженіе ересиковъ и вѣдьмъ; жрецы многимъ пользуются изъ имущества сожигающихся вдовъ. Въ древнѣйшихъ индѣйскихъ книгахъ ничего не говорится объ этомъ обычаѣ и народное преданіе справедливо приписываетъ брамшамъ его введеніе и распространеніе въ Индустанѣ. Для придавія этому варварству религіозной санкціи, брамины совершили подлогъ въ Ригъ-Ведѣ, поступивъ въ этомъ случаѣ съ наглостью, достойною средневѣковаго католическаго духовенства. Въ защиту вдовосожженія они приводятъ слѣдующій текстъ Ригъ-Веды: «пусть жены, которыя не овдовѣли, у которыхъ есть добрые мужья, приступятъ, неся слезы; пусть тѣ изъ нихъ, которыя

*) Вотъ китайское стихотвореніе о разводѣ, отлично характеризующее всю прозаичность китайской любви:

На зиму сластей я наварила,
Всякихъ наготовила плодовъ,
И еще готовить поровила;
Ты же, не сказавши мнѣ двухъ словъ,
Не отвѣдавъ моего варенья,
Выгналъ изъ дому меня безъ сожалѣнья.

Очаровалъ ты теперь другою,
Свѣжая краса тебя манитъ;
По смотри, вѣдь быстрой чередою
Красную весну зима смѣнитъ.
А придетъ она, тогда—кто знаетъ?
Пожалѣешь ты, что нѣтъ моихъ сластей.
Зачастую такъ оно бываетъ
У неосмотрительныхъ людей.

уже сдѣлались матеріи, первыми приступятъ къ алтарю». Но въ послѣднемъ словѣ текста брамины измѣнили одну букву и *алтарь* превратился въ *опонь* или *костеръ*. На этомъ фальшивомъ основаніи они развили слѣдующее ученіе: «если жена умираетъ со своимъ мужемъ, то она дѣлаетъ святыми своихъ предковъ и будетъ наслаждаться вмѣстѣ съ супругомъ всѣми блаженствами небесъ. Своею смертью она искупитъ даже такіе грѣхи мужа, какъ убійство брамина или своего друга». Если мужъ умеръ гдѣ-нибудь далеко и вдова не въ состояніи достать его трупа, то она «можетъ сгорѣть, прижавъ къ груди его сандаліи», такъ совѣтуютъ Пураны. Множество вдовъ, воодушевленныхъ внушеннымъ браминами фанатизмомъ, сожигается съ радостнымъ и геройскимъ самоотверженіемъ, тѣмъ болѣе, что брамины своими предписаніями сдѣлали положеніе вдовы крайне невыносимымъ; многимъ женщинамъ кажется легче умереть, чѣмъ жить вдовами. Энергическія старанія англичанъ истребить этотъ обычай долго были безуспѣшны, вызывали бунты, и еще не такъ давно ежегодно сожигалось въ Индустанѣ около 30,000 вдовъ. Нынѣ, вслѣдствіе преслѣдованій англичанъ, вдовы бѣгутъ съ трупами своихъ мужей куда-нибудь въ глушь или въ независимыя отъ Британіи владѣнія и сожигаются, но все-таки несравненно рѣже, чѣмъ прежде. Въ Мехикѣ и Перу съ королями и вельможами также погребались или сожигались ихъ жены и рабы. Въ Китаѣ самоубійство вдовъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ такъ же часто, какъ въ Индіи. Очевидецъ-англичанинъ описываетъ слѣдующую сцену: «нѣсколько дней назадъ, черезъ наше предмѣстье шла китайская процессія, сопровождающая молодую женщину въ богатомъ паланкинѣ, одѣтую въ пурпуръ и золото. Это была бездѣтная вдова, только-что лишившаяся мужа и надѣявшаяся найти въ загробномъ мірѣ вѣчное счастье... Едва мы прибыли на назначенное мѣсто, какъ показалась и процессія, двигавшаяся отъ дома вдовы къ чему-то въ родѣ эшафота или висѣлицы, воздвигнутой среди поля; тутъ были сотни народа и въ томъ числѣ множество женщинъ, одѣтыхъ въ праздничные костюмы. Когда процессія дошла до эшафота, вдова, при помощи одного родственника, поднялась на эшафотъ, привѣтствовала всѣхъ собравшихся и начала завтракать съ родственниками. На столъ посадили ребенка; вдова ласкала его и забавляла своимъ ожерельемъ. Затѣмъ, взявъ нарядную корзину съ рисомъ, травами и цвѣтами, она начала раздавать ихъ присутствующимъ, обращаясь къ каждому съ какимъ-нибудь ласковымъ словомъ, благодаря ихъ за вниманіе и объясняя мотивы своего поступка. Тутъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ, что настало время для совершенія послѣдняго акта ея жизни, но оказалось, что еще не пришелъ ея братъ; рѣшились подождать его, а пока онъ явится, мы опишемъ орудіе самоубійства. Висѣлица состояла изъ двухъ столбовъ по обѣимъ сторонамъ эшафота и бамбуковой перекладины сверху, съ средины которой спускалась веревка съ петлей и небольшимъ деревяннымъ кольцомъ, покрытымъ краснымъ шелковымъ платкомъ. Когда братъ пришелъ, вдова внимательно осмотрѣла петлю и вложила въ нее свою голову, чтобы убѣдиться въ годности снаряда; потомъ освободивъ голову, послала послѣднее «прости» присутствующимъ и снова надѣла петлю, покрывъ свою голову краснымъ платкомъ. Подставки были удалены изъ-подъ ея ногъ, и она повисла въ воздухѣ. Съ необыкновеннымъ самообладаніемъ она протянула руки впередъ и держала ихъ сжатыми, пока конвульсіи не разъединили ихъ и она умерла. Тѣло висѣло съ полчаса, затѣмъ его унесли родственники. Это уже третій случай подобнаго самоубійства впродолженіи нѣсколькихъ недѣль. Власти не въ силахъ противодѣйствовать этому, и въ честь примѣрной вдовы, обыкновенно, сооружается монументъ».

Развитіе религіозныхъ системъ и жреческихъ сословій Востока нанесло такимъ образомъ женщинѣ роковой ударъ. Дуалистическое міросозерцаніе, раздѣляющее вселенную на двѣ половины,—добрую и злую, отнесло женщину ко второй, и во избѣжаніе осквернѣнія святыни лишило ее возможности дѣятельнаго участія въ религіозной жизни народа. Запертая въ четырехъ стѣнахъ гарема, чуждая всѣхъ общественныхъ движеній и вопросовъ, женщина горячо привязывается къ тѣмъ вѣрованіямъ, убѣжденіямъ, традиціямъ, которыя она приняла отъ отцовъ, и которыя она, въ свою очередь, передаетъ дочерямъ своимъ. Въ качествѣ служительницы этой религіи она вторгается даже въ общественную жизнь, въ которой уже самовластно царятъ жрецы новой религіи. Происходитъ столкновеніе, жрецы побѣждаютъ, провозглашая женщину вредной волшебницей, а ея боговъ злыми духами. Изъ жрицы женщина дѣлается вѣдьмою. Всѣ оріенталы вѣрятъ, что демоны, намѣреваясь поселиться въ человѣкѣ, почти всегда избираютъ для того женщину. Это убѣжденіе, проповѣди жрецовъ, нервныя болѣзни женщинъ убѣждаютъ часто даже ихъ самихъ, что мнѣніе мужчинъ вполнѣ справедливо. Женщина становится дѣйствительною волшебницей, жрицею духовнаго міра, противоположнаго и враждебнаго божествамъ мужчинъ. Силою своихъ чаръ и заклинаній она можетъ причинить много зла. Чья-нибудь внезапная смерть, засуха, эпидемія—всѣ подобныя бѣдствія сваливаются на вѣдьму. Въ этомъ отношеніи всѣ оріенталы похожи на того араба, который, при вѣсти о пожарѣ, убійствѣ, опустошительной бурѣ, наводненіи и всѣхъ другихъ бѣдствіяхъ, всегда спрашивалъ: «кто она?» т.-е. кто та женщина, которая устроила такую бѣду! Индусы во время необыкновенныхъ общественныхъ несчастій пишутъ имена всѣхъ женщинъ своей деревни, каждое на отдѣльной древесной вѣткѣ, и ставятъ эти вѣтки въ воду на четыре съ половиной часа; если вѣтка побледнѣетъ или завянетъ, значитъ женщина, имя которой написано на ней, вѣдьма и достойна смерти. «Не оставляй въ живыхъ вѣдьмы», говоритъ грозный голосъ Моисея, какъ бы выражая общую мысль всего жреческо-культурнаго Востока. Но вѣдьма осталась живою и живетъ до сихъ поръ, къ ея искусству при-

бѣгаютъ нерѣдко даже сами ея гонители, а для женщины эта профессія служитъ однимъ изъ средствъ къ самостоятельной жизни.

Женщина можетъ участвовать въ дѣлахъ религіи и получать вѣчное спасеніе только посредствомъ мужчины—это общій тезисъ всѣхъ жреческихъ вѣроученій Востока. Женщина не мирится съ этимъ и выступаетъ на общественную арену не только колдуньей, но также пророчицей, жрицей, святой подвижницей. Сестра Аарона, Миріамъ, имѣла пророческій даръ и немаловажное вліяніе на евреевъ. Деборра, жена Лапидота, была не только пророчицей, но и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ судьею израильской земли. Въ болѣе позднюю эпоху мы видимъ Анну-пророчицу, живущую въ храмѣ день и ночь и подвизающуюся въ постѣ и молитвахъ. Въ Индустанѣ у огнепоклонниковъ есть жрицы, ведущія строгую подвижническую жизнь и почитаемыя за святыхъ. Въ древнемъ Перу были весталки, дѣвы солнца, обязанность которыхъ состояла въ поддержаніи священнаго огня, въ тканьѣ изъ виченьей шерсти священныхъ покрововъ, облаченій и одеждъ для инки и его родственниковъ. Дѣвы эти выбирались изъ красивѣйшихъ дочерей дворянъ, и только необыкновенная красота простолюдинки могла открыть ей доступъ сюда. Жили онѣ подъ начальствомъ старыхъ дѣвъ въ обширныхъ зданіяхъ, обнесенныхъ высокою стѣною, внутри же украшенныхъ и меблированныхъ съ необыкновенною роскошью. Кромѣ необходимой прислуги, только государь съ женою могли входить сюда и видѣть ихъ. Въ случаѣ небрежности сохраненія священнаго огня или нарушенія обѣта цѣломудрія, онѣ погребались заживо. Родители иногда отдавали сюда дочерей на время, во исполненіе своихъ обѣтовъ и чтобы заслугами посвященныхъ преклонить боговъ на милость къ семейству, на избавленіе кого-нибудь изъ его членовъ отъ болѣзни, на дарованіе этимъ дѣвушкамъ хорошихъ женіховъ. Такимъ образомъ женщина возстановляла свое право на признаніе за нею самостоятельныхъ заслугъ въ дѣлѣ спасенія. Подобное женское монашество существуетъ и въ Индустанѣ; дѣвушки, посвященныя богамъ, служатъ при храмѣ, брамины учатъ ихъ грамотѣ, музыкѣ, танцамъ, исторіи боговъ, хотя и запрещаютъ имъ читать Веды. Онѣ участвуютъ въ богослуженіи. Когда онѣ выходятъ изъ храма почему-нибудь и снова вступаютъ въ общественную жизнь, всѣ относятся къ нимъ съ большимъ уваженіемъ и любой мужчина поставляетъ себѣ за особенную честь, если такая дѣвушка согласится выйти за него. Другой классъ такихъ дѣвушекъ, *баядерки*, или храмовыя танцовщицы, получаютъ одинаковое съ первыми воспитаніе, не живутъ запертыми въ своихъ монастыряхъ, участвуютъ въ общественной жизни и играютъ въ ней роль, въ родѣ новѣйшихъ балетныхъ танцорокъ или оперныхъ пѣвицъ. Профессія этихъ двухъ классовъ женщинъ не только снимаетъ съ нихъ проклятіе, лежащее вообще на женскомъ полѣ, но и даетъ имъ нѣкоторую возможность хоть сколько-нибудь эманципироваться отъ того возмутительнаго деспотизма, который давитъ женщину Востока. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что вообще на Востокѣ профессія танцорокъ и пѣвицъ очень распространена и занятыя сю женщины составляютъ классъ, неподлежащій строгимъ законамъ семейства, хотя при этомъ многія изъ нихъ и принадлежатъ рабовладѣльцамъ и почти всѣ онѣ ведутъ распущенную жизнь *). Несчастно общество, въ которомъ женская свобода добывается только путемъ порока!

Религія Будды, сравнивая судру съ брамином, плебея съ аристократомъ, относительно женщинъ явилась очень мало радикальною, хотя и очень прогрессивною, сравнительно съ системою брамизма. Открывая женщинѣ доступъ къ духовной жизни, Будда не совсѣмъ охотно соглашается на допущеніе ея въ монашество. «Каждая женщина будетъ грѣшить при всякомъ удобномъ случаѣ», говоритъ онъ. Потому-то, дозволивъ женское монашество, основатели буддизма поставили всѣхъ монахинь въ безусловное, даже унизительное подчиненіе каждому духовному лицу, какъ бы незначительно оно ни было, и запретили имъ занятіе религіознымъ обученіемъ другихъ. Женское монашество особенно развилось въ Китаѣ и монахини успѣли здѣсь преодолѣть разныя ограниченія, наложенныя на нихъ первоначальнымъ буддизмомъ. Въ Китаѣ, Тибетѣ и Гималаѣ множество женскихъ монастырей, и женщинамъ открытъ здѣсь доступъ къ занятію не только мѣсть аббатисъ, но даже епископовъ и архіепископовъ. Въ рядахъ буддійскихъ святыхъ также не мало женщинъ. Въ Китаѣ, гдѣ бѣдные родственники умершаго мужа могутъ продать его вдову, чтобы вернуть себѣ потраченныя на покупку ея деньги, хотя вдовѣ и предоставлена возможность избавиться отъ такого насильственнаго брака, заявляя суду о своемъ нежеланіи вступать во второе супружество,—въ Китаѣ были когда-то основаны вдовами два монашескихъ ордена... До конца XVIII в. они пользовались большимъ уваженіемъ. Но въ 1787 г. они начали сильное женское движеніе, стремившееся къ основанію самостоятельной женско-буддійской церкви. Одна изъ монахинь начала творить чудеса, предсказывать будущее и пріобрѣла такое вліяніе на умы всѣхъ женщинъ, что мужья не знали, какъ и справляться съ ними, дерзнувшими разсуждать о религіи и рѣшившимися хоть однажды поклониться упомянутой пророчицѣ, возсѣдавшей на тронѣ въ платьѣ желтаго цвѣта, присвоеннаго только членамъ императорской фамиліи. Волненіе было подавлено и изданъ приведенный уже нами богдыханскій указъ, запрещавшій женщинамъ, подъ страхомъ жестокихъ наказаній, посѣщать храмы. Въ настоящее время, по словамъ

*) Въ Японіи женщины этого сорта «имѣютъ поэтическую и религіозную миссію, которая вытекаетъ изъ древнихъ основъ соціальной организаціи и позволяетъ имъ пользоваться общественнымъ уваженіемъ. Ихъ образованіе служитъ предметомъ самыхъ тщательныхъ заботъ. Ихъ учатъ всему, что можетъ содѣйствовать улучшенію ихъ физическихъ достоинствъ и развитію ума. Бросая свою профессію, многія изъ нихъ находятъ себѣ женіховъ, и никто не дерзаетъ укорять ихъ за прошлую жизнь. Число *чайныхъ домовъ*, въ которыхъ живутъ эти женщины, изумляетъ европейца. Въ Нангасаки на 75,000 жителей ихъ считается болѣе 750» (Univers Pittoresque, t. VIII, p. 45).

Гюка, въ Китаѣ есть множество женщинъ, до того недовольныхъ своею отверженностью и рабскимъ положеніемъ, что онѣ составили секту, основанную на вѣрѣ въ метемпсихозисъ и имѣющую цѣлью путемъ добродѣтелей и пилигримства содѣйствовать переселенію женскихъ душъ въ тѣла мужчинъ. Всѣ упомянутые женскіе ордена имѣютъ болѣе или менѣе аскетическій характеръ,—въ теоріи конечно,— на практикѣ перуанскія дѣвы солнца поступали въ гаремы императора, баядерки и другія дѣвушки индійскихъ храмовъ живутъ съ браминами и проституируютъ, буддійскіе женскіе монастыри сплошь и рядомъ превращаются въ непотребные дома. Развратъ является реакціей аскетическимъ доктринамъ. Въ противоположность аскетическому культу возникаетъ культъ сладострастія, столь распространенный въ цивилизованныхъ странахъ древняго Востока. Принципы первобытной свободы; гетеризма и материнства воскресаютъ. Въ храмахъ богинь любви царитъ женщина и возбуждаетъ неистовые восторги мужчинъ своими физическими прелестями; здѣсь находитъ вѣрное пристанище дѣвушки, жены и вдовы, недовольныя тѣмъ, что ихъ тѣломъ владѣютъ монополисты; онѣ стремятся къ свободной страсти и находитъ ее въ оргіяхъ храмового разврата. Это—отрицаніе полового рабства, мужниного права ревновать, законовъ о прелюбодѣяніи,— отрицаніе, прикрываемое завѣсой религіи и стоящее въ тѣсной связи съ паденіемъ общественныхъ нравовъ. Независимо отъ столь распространенной на Востокѣ храмовой проституціи, реакція браку и семейству, доходившая до полнаго отрицанія, нерѣдко выражалась въ формѣ религіозныхъ ученій. Таковы были,напр.,многія секты первыхъ вѣковъ христіанства, проповѣдывавшія безусловное удовлетвореніе инстинктовъ природы и общность женщинъ. Нисколько не преувеличивая дѣла, можно сказать, что если въ какой странѣ и удавалось водворить бракъ такого характера, какой силятся придать ему законы Востока, то господство его не было долговременнымъ. Рѣдкая оріенталка считаетъ за собою обязанность вѣрности мужу и готова, при всякомъ удобномъ случаѣ, броситься въ объятія чужого мужчины. Въ гаремахъ совершается едва ли не больше любовныхъ интригъ, чѣмъ въ открытыхъ домахъ цивилизованной Европы. Возьмите любого восточнаго моралиста или философа, и всѣ они скажутъ съ Соломономъ: «нигдѣ нельзя найти добродѣтельной женщины!» Сами вожди общественнаго строя, которые обязаны быть цензорами нравовъ, первые разрушаютъ брачныя узы и фактически отвергаютъ власть мужа, отнимая женъ и дочерей гражданъ. Исторія Востока полна такими происшествіями, ведущими за собою ослабленіе брачныхъ узъ. Страсть къ нарядамъ и кокетство, развивать которыя въ женщинахъ законодатели и моралисты Востока совѣтуютъ мужьямъ ради интереса послѣднихъ, употребляются женщинами для прельщенія чужихъ мужчинъ, когда есть возможность показаться послѣднимъ. И женщины крѣпко держатся за эти средства. Въ 1755 г. турецкій султанъ Османъ III, въ видахъ поддержанія общественныхъ нравовъ, строго запретилъ женщинамъ выходить на улицу въ роскошныхъ и нарядныхъ костюмахъ; но женщины, посредствомъ разнообразныхъ хитростей, съумѣли сдѣлать этотъ указъ безсильнымъ, удержавъ за собою возможность наряжаться и кокетничать. Въ испанскомъ калифатѣ семейство постепенно теряло свой строго-мусульманскій характеръ; утонченное общество Кордовы гордилось изяществомъ своего обращенія, женщина вышла на свободу изъ стѣнъ гарема и любовныя пѣсни въ честь ея огласили собою сады и улицы Испаніи. Турниры, каруселли, псовая и соколиная охоты, музыка и поэзія, пѣніе и танцы — все это увлекало арабское общество въ вихрь наслажденій. Старинное семейство и вѣрованія ислама пали, а женщина, содѣйствовавшая этому паденію, пріобрѣла значительную свободу. У современныхъ мусульманъ, особенно въ Турціи, паденіе семейныхъ и брачныхъ добродѣтелей дошло въ настоящее время, по свидѣтельству путешественниковъ, до весьма значительныхъ размѣровъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ противъ мусульманскихъ воззрѣній на женщину выступаютъ нѣкоторыя религіозныя ученія, поднимающія знамя женской эмансипаціи. Такова, напр., секта, основанная Бабомъ въ настоящемъ столѣтіи въ Персіи и увлекшая своимъ ученіемъ большую часть жителей этой страны. Бабизмъ напоминаетъ собою систему Сенъ-Симона, — тѣ же принципы экономическаго равенства, то же значеніе труда, то же освобожденіе женщины отъ стѣснительныхъ ограниченій семейства, отъ религіозной отверженности и дарованіе ей доступа къ участію въ дѣлахъ общины, церкви и религіи. Въ числѣ первыхъ по времени, но энергіи и по уму апостоловъ бабизма была дѣвушка Тагирэ. Эмансипированная отъ традицій ислама, она стояла во главѣ цѣлой бабидской партіи и ходила съ проповѣдью новой доктрины изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню. Ее тайно казнили въ 1852 г. Бабъ и Тагирэ проповѣдывали о равенствѣ половъ, объ уничтоженіи основанныхъ на произволѣ мужа разводахъ, объ общественной свободѣ женщины. Бабъ училъ даже, что женщина передъ Богомъ болѣе возвеличена и любезна, чѣмъ мужчина и на этомъ основаніи его послѣдователи, лишивъ мужа права давать разводъ, предоставили это право женѣ и, наконецъ, совершенно отвергли всякій обязательно-формальный бракъ, провозгласивъ принципъ полной половой свободы. Бабизмъ сильно распространяется въ Персіи, и можно надѣяться, что, подъ вліяніемъ Европы, онъ освободитъ со временемъ оріенталку изъ рабства.

Восточная женщина при жизни мужа не имѣетъ никакой экономической самостоятельности; ея приданое поступаетъ въ собственность мужа, доходами съ ея отдѣльнаго имущества пользуется мужъ; только послѣ смерти его она получаетъ свою вдовью пенсію и отдѣльное свое имущество, но и тутъ въ большинствѣ случаевъ она поступаетъ подъ опеку мужниного наслѣдника или своихъ родителей. Однако ей удается иногда добиться права на совершенно самостоятельную жизнь; у евреевъ женщины иногда вели свое независимое ни отъ кого хозяйство; напримѣръ, онѣ арендовали поля, разводили виноградники, торго-

вали полотномъ и фруктами,—все это на свой счетъ и для своихъ выгодъ. Экономическая самостоятельность и промышленная дѣятельность были основами той свободы египтянокъ, которая такъ бросалась въ глаза всему древнему міру. Египтянки занимались торговлею, земледѣліемъ, управляли хозяйствомъ семейнымъ, самое пронитываніе престарѣлыхъ и больныхъ родителей законъ возлагалъ не на сына, а на дочь. Жены пользовались полною общественною свободой, и въ то время, какъ онѣ уходили на рынокъ торговать, «мужчины — говоритъ правдивый Геродотъ,—сидѣли дома и ткали». Въ одномъ изъ древнеегипетскихъ мавзолеевъ открыто барельефное изображеніе мужчинъ, которые занимаются самыми разнообразными работами, а немного въ сторонѣ отъ нихъ веселятся и танцуютъ женщины. Лѣность, праздность, гаремная заключенность дѣлаютъ женщину постельною игрушкою и лишаютъ ее всякой свободы. Но число такихъ женщинъ на Востокѣ весьма незначительно въ сравненіи съ громаднымъ числомъ простонародныхъ женщинъ, мужья которыхъ не имѣютъ возможности ни существовать безъ ихъ труда, ни держать ихъ постоянно подъ замкомъ. Въ Китаѣ, Индустанѣ, Японіи, Турціи,—вездѣ на Востокѣ простолюдинокъ почти вовсе не коснулись тѣ вліянія восточной цивилизаціи, которыя изъ оріенталки высшаго и средняго круговъ сдѣлали положительную рабыню. Въ массахъ народа женщина не только пользуется извѣстною общественною свободой, но и нерѣдко своими трудами кормитъ цѣлое семейство и поэтому управляетъ имъ.

Въ дикой и патріархальной жизни медициною занимались преимущественно женщины; въ государствахъ Востока мужчины совершенно отстѣснили ихъ отъ этой профессіи и только одна ихъ ревность заставила оставить за женщинами родовспомогательное искусство. Изъ лѣкаря и хирурга женщина превратилась въ повивальную бабку, которая въ то же время занимается и плодонагнаніемъ, нерѣдко наживая этимъ большія деньги.

Въ идеально-восточномъ бракѣ отъ женщины требуется одно знаніе—знаніе хозяйства; но страстная любознательность женщинъ, надъ которою такъ нагло издѣваются ихъ господа и повелители, даетъ имъ наконецъ доступъ къ знаніямъ. Китаянки обучаются чтенію, письму, риторикѣ, морали, рисованію, музыкѣ, онѣ читаютъ книги и пишутъ стихи. Есть въ Китаѣ и писательницы, моралистки и поэтессы. Въ древней Индіи женщины имѣли доступъ и къ литературѣ, и къ искусству; даже божествомъ послѣднихъ считается богиня Сарасвади. Малабаръ гордится, что на немъ родилось семь мудрыхъ философовъ, и четверо изъ нихъ были женщины. Древнѣйшая и знаменитѣйшая изъ этихъ философокъ, Авіаръ, жила не ранѣе, какъ за 1,000 лѣтъ назадъ, но нѣкоторыя изъ ея сочиненій сохранились до сихъ поръ и пользуются большимъ уваженіемъ. «Книги, это лучшіе друзья наши»,—восклицаетъ восторженная философка,—«цѣль науки состоитъ въ отличеніи добра отъ зла», говоритъ она въ другомъ мѣстѣ и этими изрѣченіями какъ бы протестуетъ противъ жестокости мужчинъ, благодаря которой женщины лишены лучшаго утѣшенія въ своей одинокой жизни,—образованія, лишены возможности изслѣдовать истину, эту разрушительницу всякаго рабства. Въ Мехикѣ дѣвушки получали свое образованіе въ публичныхъ школахъ, начальницами которыхъ были женщины. Исламъ ввелъ женскія школы даже въ татарскимъ племенамъ. Въ калифатѣ испанскихъ арабовъ женщины нерѣдко получали даже высшее образованіе. Арабки изучали медицину и практически занимались акушерствомъ. Въ литературной исторіи Востока немаловажную роль играютъ арабскія поэтессы. Вольная жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ указываетъ, какъ незамѣтно должна отказываться отъ подчиненности семейнымъ идеаламъ каждая оріенталка, желающая посвятить себя какой бы то ни было общественной дѣятельности. На Востокѣ, какъ и вездѣ въ Европѣ, эмансипаціи семейныхъ женщинъ всегда предшествовала эмансипація гетеръ, неотъемлемыхъ узами семейства. Какъ въ Греціи, Римѣ, Франціи, такъ и у арабовъ,—у которыхъ женщины успѣли эмансипироваться гораздо болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой восточной странѣ,—доступъ къ общественной дѣятельности получали прежде всего гетеры. Въ багдадскомъ калифатѣ, напримѣръ, при Джафарѣ II, гетеры играли при дворѣ очень значительную роль. Между ними особенно отличалась Ямекъ; она была свѣдуща въ правѣ болѣе всѣхъ юристовъ, такъ что судьи и учители закона постоянно прибѣгали къ ея совѣтамъ. И только одна убійственность восточной цивилизаціи не дозволяетъ оріенталкѣ выступить на поприщѣ литературы и науки, подобно женщинамъ Европы. Способности на это найдутся не только у турчанки или китянки, но и у дикой негритянки. Въ примѣръ можно привести Филлисъ Уитли, негритянку, привезенную въ Бостонъ изъ Африки и впослѣдствіи обратившую на себя общее вниманіе Америки своими поэтическими произведеніями.

Дольше всего не удавалось мужчинѣ лишить женщину возможности участвовать въ общественномъ управленіи и царствовать надъ народами. Причина этого понятна: царица или военачальница и болѣе развита и болѣе имѣетъ средствъ къ борьбѣ, чѣмъ простая обывательница.

Мы уже говорили, что женщины нѣкогда правили судьбами Израиля—въ эпоху судей. Въ исторіи царства еврейскаго мы встрѣчаемъ двухъ женщинъ, имѣвшихъ верховную власть. Аталія, дочь царя Осира, истребивъ почти всю царскую фамилію, захватила тронъ и шесть лѣтъ управляла царствомъ. Въ позднѣйшій періодъ Александръ Яннай оставилъ іудейскую корону своей женѣ, Александрѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣ ея смерти престолъ перешелъ къ избранному ею наслѣднику. Египетскія царевны также могли наслѣдовать престолъ фараоновъ. Первобытная полумиѳическая исторія Азіи выставляетъ образъ Семирамиды, которая своею жаждою дѣятельности и своими завоеваніями напоминаетъ Александра Великаго. Ассирійскій царь Нинъ безуспѣшно осаждалъ Бактрію и могъ взять ее только съ помощью Семирамиды, жены одного ассирійскаго военачальника. Нинъ женился на Семирамидѣ и послѣ

его смерти последняя вступила на тронъ. Она построила Вавилонъ съ его чудовищными стѣнами, дворцами, храмами, плотинами, обелисками. Походъ ея въ Мидію также ознаменовался устройствомъ по всему пути дорогъ, водопроводовъ, разведеніемъ садовъ, постройкою новыхъ городовъ, воздвиженіемъ статуй. Она покорила всю почти Азію, неудался только походъ ея въ Индію, и на старости, передавъ корону своему сыну, она «передъ глазами народа исчезла изъ виду въ образѣ голубя», говоритъ сага. Другая подобная царица была Никотриса. Ея управленіе называется справедливымъ и мудрымъ; долговѣчнымъ памятникомъ своей дѣятельности она оставила вавилонскіе мосты и каналы. Упомянувши о карійской царицѣ Артемизіи, союзницѣ Ксеркса въ его войнѣ съ Грецією, о знаменитой Клеопатрѣ египетской, — игравшей важную роль не только въ политикѣ древняго міра, но и въ цивилизаціи, — знавшей по-латыни, по-гречески, по-еврейски, по-арабски, по-персидски, покровительствовавшей ученымъ и основавшей въ Александріи большую библіотеку — мы остановимся на Зеновіи, царицѣ Пальмиры и Востока. Пальмира (въ Финикіи) была зависима отъ римлянъ, но мужъ Зеновіи отложился отъ нихъ: послѣ его смерти Зеновія приняла управленіе государствомъ и не только обезпечила его независимость одержавъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ надъ римлянами, но еще завоевала Египетъ, Сирію, Месопотамію. Она была красавица, но въ то же время несла въ походахъ трудную службу, наравнѣ съ простымъ солдатомъ, верхомъ на лошади водила въ битву свое войско, вела скромную и умѣренную жизнь, хотя и принимала пословъ съ восточною пышностью, искусно руководила политическими дѣлами, окружала себя учеными; брала уроки у извѣстнаго философа Лонгина, говорила по-гречески, по-латыни, по-сирійски, по-египетски, составила очеркъ исторіи Востока; ея военные таланты были признаваемы даже всѣми врагами ея. Императоръ Аврелій (270—275 г.), началъ съ нею войну въ большихъ размѣрахъ; Зеновія боролась съ римской арміей до послѣдней крайности; наконецъ, она была взята въ плѣнъ и Аврелій триумфально ввелъ ее въ Римъ, закованною въ золотыя цѣпи. Императоръ подарилъ ей въ окрестностяхъ Рима прекрасную виллу и она сошла съ общественной сцены. Въ исторіи монгольскихъ и турецкихъ государствъ женщины также являются самостоятельными правительницами. Такою была, напримѣръ, Туркань-Хатунъ, королева Каразма, во времена Чингиса. Нося титулъ защитницы вѣры и міра, она защищала слабыхъ отъ сильныхъ, была сострадательна къ бѣднымъ, разбирала судейскія дѣла и постановляла приговоры съ такою справедливостію, что считалась самымъ умнымъ и безпристрастнымъ судьей. Ея царство разрушено монголами. Въ исторіи Персіи, Китая и арабскаго калифата мы видимъ примѣры, какъ женщины, недовольствуясь закулиснымъ вліяніемъ на государственныя дѣла, стремятся къ самостоятельному управленію царствами. Зейда, жена персидскаго шаха Абу-Талебъ-Ростама, назначенная послѣ его смерти регентшей, во время малолѣтства своего сына успѣла упрочиться на персидскомъ престолѣ. Выросши, сынъ захотѣлъ лишить ее власти, но Зейда не покорилась, начала междоусобную войну съ сыномъ, побѣдила его, взяла въ плѣнъ и продолжала царствовать, пріобрѣтая мудрымъ управленіемъ любовь народа. Въ исторіи арабовъ женщины также стремились, и часто съ успѣхомъ, къ управленію государствомъ. Любимая жена Магомета, даровитая поэтесса Аеша, получившая послѣ смерти мужа титулъ матери вѣрныхъ и не мало содѣйствовавшая развитію ученія ислама, пользовалась такимъ вліяніемъ на общественныя дѣла, что даже отецъ всегда слушался ея совѣтовъ. Она болѣе всѣхъ содѣйствовала избранію въ калифы Абу-Бекра и къ устраненію Али, противъ котораго сама водила войско и взяла приступомъ Бафру. Не менѣе замѣчательною личностью была Зеттальмалюкъ, сестра Али-Гакема, калифа сирійскаго и египетскаго, извѣстнаго своими злодѣйствами. Особенно жестокъ былъ онъ относительно женщинъ, запретилъ имъ вовсе появляться на улицѣ, выходить на крыши своихъ домовъ, носить башмаки, предавая смертной казни всѣхъ ослушницъ этихъ повелѣній. Однажды Али-Гакемъ жестоко оскорбилъ свою сестру; она убила его черезъ двухъ невольниковъ; сынъ его сдѣлался калифомъ, но государствомъ въ его имени стала править Зеттальмалюкъ.

Въ Китаѣ мы видимъ тѣ же стремленія женщинъ и лѣтописи поднебесной имперіи говорятъ, что въ древности женщины составили однажды многочисленное тайное общество, имѣвшее цѣлью ниспровергнуть правительство и захватить въ свои руки управленіе государствомъ. Покушеніе не удалось; но женщины нерѣдко имѣли громадное вліяніе на государственныя дѣла и подъ именемъ своихъ сыновей или мужей богдыхановъ управляли Китаемъ; одинъ изъ этихъ императрицъ достойны стоять на ряду съ самыми лучшими государями поднебеснаго царства, другія — нисколько не уступаютъ по силѣ характера самымъ непреклоннымъ въ своей жестокости тиранамъ-мужчинамъ. Такъ, жена развратнаго императора Шеу-Сина, честолюбивая и жестокая до крайности, заставила покориться своей волѣ и муженька и всю имперію. Желая упрочить власть императора и сдѣлать ее вполнѣ неограниченной, она начала дѣйствовать посредствомъ террора, казня и изгоняя всѣхъ порядочныхъ людей и выдумывая новые мучительные виды смертной казни. Около 818 г. по Р. Х., Китаемъ правилъ Кіа, Неронъ своего времени, жена котораго Вигіа разоряла имперію своимъ мотовствомъ и кутежами. Въ ней выразился въ безобразныхъ формахъ протестъ китайской женщины противъ половой опеки и стремленіе къ свободѣ любви. Въ своемъ дворцѣ она устроила постыдныя оргіи, вела себя какъ Мессалина и попирая всѣ строгіе обычаи семейной жизни, преслѣдовала и казнила чиновниковъ, осмѣлившихся убѣждать императора къ прекращенію такихъ безобразій его вѣнчанной супружницы. Въ эпоху пятой династіи (206—220 г. по Р. Х.), Лію-Хи, мать слабаго и преданнаго исключительно разврату императора, управляла государствомъ отъ его имени, и послѣ

смерти его успѣла оставить за собою совершенно неограниченную власть, посадивъ на престолъ крестьянскаго мальчика, выдавшаго ею за своего сына. Наконецъ, она убила этого мальчика и продолжала царствовать уже подъ своимъ именемъ вплоть до своей скоропостижной смерти. Знаменитѣйшими изъ китайскихъ императрицъ были двѣ жены Тай-Тсонга, въ VII в. по Р. Х. Первая изъ нихъ считалась добрымъ геніемъ страны; она водворила въ Китаѣ миръ и благодеяніе, принявъ мѣры къ ослабленію столь обычныхъ на Востокѣ неправдъ и жестокостей. Послѣ ея смерти императоръ женился на Тзе-Тьянъ, которая, когда мужъ умеръ, вступила на престолъ, какъ самостоятельная государыня. Въ исторіи всемірныхъ монгольскихъ завоеваній мы видимъ прекрасный женскій образъ Толиконы, шестой жены Октай-Хана († 1241 г.), которая ревностнѣе самыхъ лучшихъ монгольскихъ государей старалась водворить въ царствѣ правду и благодѣяніе народа. Узнавъ, что у императора дурные совѣтники, что должности продаются за деньги, что темницы наполнены честными людьми, возставшими противъ взяточничества и несправедливостей лицъ, которыя занимали высшія должности государства, Толикона, даже по смерти мужа, пользуясь большимъ вліяніемъ на общественныя дѣла, боролась противъ упомянутыхъ злоупотребленій съ благородствомъ, достойнымъ самаго просвѣщеннаго мужчины. Въ Турціи султанши также иногда правили: напримѣръ, русская по происхожденію, Роксолана, († 1558 г.), жена Солимана Великаго, и Коссемъ жена Ахмеда I († 1617 г.); послѣдняя царствовала подъ именемъ сыновей своихъ, Османа и Ибрагима, а разсорившись съ послѣднимъ и низложивши его, подъ именемъ своего внука Магомета. Историки превозносятъ до небесъ ея государственныя способности. Жена Ахмеда III, почему-то горячо принявшая къ сердцу дѣла Карла XII, употребляла всѣ усилія къ вооруженію Турціи противъ Россіи и даже, вопреки всѣмъ правиламъ гарема, писала собственноручно политическія письма шведскому королю и графу Понятовскому. Въ прежнемъ Индустанѣ, какъ и на всемъ Востокѣ, обитательницы царскихъ и княжескихъ гаремовъ имѣли всегда большое вліяніе на управленіе и внѣшнюю политику государствъ, на дѣла войны и мира. Случалось, что изъ придворныхъ дамъ одна управляла дѣлами перваго министра, другая—государственнаго секретаря; нѣкоторыя правили изъ столицы провинціями черезъ губернаторовъ, съ которыми онѣ имѣли постоянное сообщеніе посредствомъ курьеровъ. Лейбъ-конвой императора состоялъ изъ сотни женщинъ, вооруженныхъ саблями, кинжалами и стрѣлами; начальница ихъ имѣла чинъ и содержаніе эмира. Въ исторіи индійскихъ государствъ мы видимъ также не мало знаменитыхъ царицъ, изъ которыхъ одѣ правили дѣлами, другія покровительствовали искусствамъ и литературѣ, строили больницы и богадѣльни, третьи предводительствовали арміями съ искусствомъ пальмирской Зеновіи. Въ позднѣйшее время, въ 1840 г., на престолъ сейковъ взошла Чондъ-Конвуръ, жена умершаго государя, которая хотя и шокировала народъ своимъ не привычнымъ, по восточному, образомъ жизни, но такъ ловко обработывала дѣла, что ей первымъ присягнулъ ея сынъ, законный наслѣдникъ умершаго государя. По вскорѣ противники Чондъ-Конвуръ возстали, осадили ее въ Лагорѣ и, взявъ городъ, нарубили королеву въ куски. По словамъ Милля, женское управленіе гораздо благотворнѣе для индусскихъ государствъ, чѣмъ управленіе мужчинъ. Отчеты свидѣтельствуютъ, что гдѣ финансы въ хорошемъ состояніи, гдѣ наименѣе деспотизма и злоупотребленій, гдѣ больше условій, необходимыхъ для народнаго благосостоянія,—тамъ правитъ женщина.

Такимъ образомъ, ни законы, ни жестокія наказанія, ни гаремная стража, ни священный авторитетъ жрецовъ,—ничего не могло окончательно подавить самодѣятельности восточной женщины и ея стремленій выйти на ту же арену, по которой такъ свободно расхаживаютъ мужчины. Но восточные порядки такъ крѣпки относительно слабыхъ усилій женщины, что нечто и ждать ихъ паденія безъ усиленнаго вліянія европейской цивилизаціи. Европѣ предстоитъ славная задача просвѣтить Востокъ, задушить царящій тамъ деспотизмъ, освободить рабовъ, реформировать восточное семейство и эмансципировать женщину.

VII.

Насколько можно вѣрить легендарной литературѣ, первобытная, пеласгическая эпоха Греціи была ознаменована владычествомъ женщинъ и материнскаго права. Слѣды этихъ порядковъ ясно видны и въ началѣ эллинскаго періода. До развитія государственнаго строя, во всѣхъ отправленіяхъ общественной жизни, женскій элементъ равносиленъ мужескому или даже преобладаетъ надъ нимъ. Красотою и любовью женщина покоряетъ все. «Въ золотомъ поясѣ, на влажныхъ крыльяхъ Зефира мчится Венера по снѣжной пѣнѣ волнъ многошумнаго моря и является на Олимпъ. Боги, пораженные ея красотой, простираютъ къ ней руки и каждый желаетъ пріобрѣсть ея любовь. Внушивъ сладкое вожделѣніе богамъ, она смиряетъ племена людскія, и летающихъ по воздуху птицъ, и всѣхъ животныхъ, питаемыхъ моремъ и обширною землею. Волки, свирѣпые львы, быстрые леопарды мирно слѣдуютъ за ней. Она успѣваетъ обольстить и самого Зевса, заставляя его увлекаться страстью къ смертнымъ женщинамъ». При такомъ могуществѣ красоты половая свобода женщины не могла быть стѣснена. У Гомера дѣвушки появляются всюду въ общественной жизни и совершенно свободно обращаются съ мужчинами. Боги, богини и геров ведутъ жизнь, полную свободной любви. Легенды о Пирамѣ и Тисбѣ, Геро и Леандрѣ, Тезеѣ и Аріаднѣ—не выдумки, а вѣрное изображеніе дѣйствительной жизни. Замужнія женщины были также свободны. «У Гомера»—говоритъ Атеней—«женщины участвуютъ во всѣхъ пиршествахъ и собраніяхъ,—и возлежатъ за трапезами съ юношами и старцами, вмѣстѣ съ Нестеромъ и Фениксомъ». И гомерическіе мужчины относятся къ женщинамъ съ ласковостью и вѣж-

ливостью. Когда беззащитная Пенелопа входитъ въ залу, въ которой шумно пируютъ сорокъ пьяныхъ жениховъ ея, все смолкаетъ—и пѣсни, и взаимныя насмѣшки, и брань. Пенелопа начинаетъ говорить о своей вѣрности памяти Улисса, о своей безутѣшной скорби по немъ,—и гости мгновенно поддаются обаянію ея рѣчей, въ залѣ воцаряется мертвое молчаніе, пѣвецъ Фемій роняетъ слезу на свою пятиструнную арфу. Между тѣмъ всѣ эти гости недовольны Пенелопой, но только по уходѣ ея они осмѣливаются наносить ей оскорбленія. Уваженія къ женщинѣ и увлеченія ею не разрушали даже самые ея проступки. Какъ не виновна была Елена, но старцы Гомера восклицаютъ: «не обвиняйте изящно-обутыхъ троянцевъ и ахеянъ, что они за подобную женщину претерпѣли столько несчастій! Женщина это похожа на безсмертныхъ богинь!» Женщинамъ были доступны всѣ роды общественной дѣятельности. Въ олимпійскомъ совѣтѣ боговъ онѣ являются дѣятельными участницами. Онѣ могутъ постоять за себя, потому что, кромѣ красоты, владѣютъ и оружіемъ, какъ, напримѣръ, Артемида. Афина, искусная копьеметательница, принимаетъ живое участіе въ военныхъ дѣлахъ. Въ Иліадѣ Андромаха и Елена постоянно участвуютъ во всѣхъ совѣщаніяхъ вождей, ихъ уважаютъ и слушаются. Въ первобытную эпоху Аѳинъ женщины считались самостоятельными гражданками, имѣли голосъ въ общественныхъ собраніяхъ наравнѣ съ мужчинами, а въ семейной жизни даже преобладали надъ послѣдними въ извѣстной степени; семейство было основано на началахъ материнскаго права и дѣти носили имя матери. Ниже мы увидимъ, что слѣды этой женской самостоятельности сохранились въ Спартѣ до позднѣйшаго времени. И между тѣмъ какъ, въ героическую эпоху Греціи, мужчина является факторомъ насилія, разрушенія, войны, женщина дѣйствуетъ во имя мира и цивилизаціи. Марсъ — *разрушитель городовъ*, а Минерва — *покровительница городовъ*. Она останавливаетъ войны; въ то время, когда Улиссъ хочетъ преслѣдовать своихъ враговъ, она угрожаетъ ему гнѣвомъ Юпитера и заставляетъ его заключить миръ. Она наказываетъ воиновъ за жестокость. Въ матеріальной и умственной культурѣ народа женщина изобрѣтаетъ и развиваетъ ремесла и искусства. Она научила людей земледѣлію и другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства (Деметра). Она изобрѣла пряжу, тканье, шитье и другія женскія ремесла; развела маслины, была творцомъ музыки, изобрѣтательницею вѣсовъ, строительницею кораблей (Паллада). Она—богиня правосудія (Фемида) и неумолимая мстительница за преступленія (Немезида). Она принесла людямъ огонь, это основное средство матеріальной культуры (Гестія), и поддерживаетъ его священное пламя въ храмахъ, которые между прочимъ служатъ вѣрнымъ убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ преступниковъ. Минерва — богиня мудрости, музы — предстательницы наукъ и искусствъ. Не Эскулапъ былъ первымъ по времени лѣкаремъ, а его мать Имута съ своими шестью дочерями, а до нихъ богинями цѣлительнаго искусства считались Геката и Діана. Въ области религіи женщина не только пользовалась большимъ уваженіемъ, но и владычествовала надъ умами, какъ вдохновенная пророчица.

Но всѣ эти права и преимущества были только остатками древней свободы, и чѣмъ далѣе развивались греческія общества, тѣмъ болѣе выдвигался на первый планъ мужской элементъ и во всѣхъ сферахъ жизни сталъ преобладать надъ женщиной. Владычество мужчинъ въ Греціи, какъ и на Востокѣ, окончательно было упрочено только съ возникновеніемъ государствъ и развитіемъ законодательныхъ системъ. Но еще въ предшествующую этимъ событіямъ эпоху, греческое семейство начинаетъ складываться въ прочный союзъ, безусловно подчиненный отцу и чрезвычайно похожій на архаическую семью Востока. Между мужчиной и женщиной идетъ борьба; отцы стараются держать подъ замкомъ своихъ дочерей, мужья—женъ, чтобы лишить ихъ свободы въ распоряженіи своею красотою и сердцемъ; Гекуба жалуется, что она, какъ собака, прикована на цѣпи къ воротамъ Агамемнона; но стѣны и запоры долго еще остаются безсильными противъ любви и хитрости. Умыканіе, бывшее прежде исключительно разбойничьимъ захватомъ, теперь часто служитъ средствомъ для заключенія союза свободной любви, и не одна Елена бѣжитъ съ Александромъ изъ своей семейной темницы. Но, съ другой стороны, умыканіемъ же добываются жены и наложницы, и мужчины относятся къ нимъ, какъ къ рабынямъ. Особенно сильны были захваты иностранокъ для проституціи, наложничества и работы. Геродотъ говоритъ, что умыканіе женщинъ было первою причиною войны. Греки воровали женщинъ у финикійцевъ, колхидянъ, троянцевъ; во время междоусобныхъ войнъ эллинскихъ племенъ побѣдители звѣрски избивали мужчинъ, а ихъ дѣтей и женъ уводили въ неволю. Отецъ семейства стремится къ абсолютной власти надъ всѣми его членами; онъ произвольно распоряжается рабомъ, приговариваетъ къ смерти новорожденныхъ дѣтей, которыя почему-нибудь не нравятся ему; жену онъ хочетъ сдѣлать своей наложницей и рабыней, необходимой для его половыхъ наслажденій, дѣторожденія и хозяйственныхъ трудовъ. Организація первичнаго общественнаго союза, брака и семьи, требовала для своей прочности солидной собственности и женскаго рабства. «Прежде всего домъ,—говоритъ Гезіодъ — «потомъ *пріобрѣтенная* (т.-е. наложница, рабыня, а по объясненію Аристотеля, жена) и рабочій волъ». Половую сторону женщины семья также стремится обратить въ исключительное служеніе себѣ; женщина должна быть чадородною матерью и хозяйкою,—вотъ тотъ отдаленный идеалъ, который старается осуществить мужчина. Женщина, конечно, не сразу поддается подобнымъ стремленіямъ его, она борется, хитритъ, измѣняетъ, обращается въ бѣгство, водворяетъ въ семьѣ домашній адъ. Какъ же не бранить, не презирать, не колотить такую дерзкую рабыню! Мужъ и бранитъ, и колотитъ, и убиваетъ ее, и продаетъ въ рабство или вымѣниваетъ ее на какую-нибудь

другую женщину. Но такой деспотизмъ возможенъ не всегда и не каждому мужу, и много должно утечь воды, прежде чѣмъ супругъ успѣлъ, да и то не вполнѣ, реализировать идеалъ своего самовластія. Изъ тѣхъ же временъ, когда дочерей старались держать подъ замкомъ, а женъ обратить въ невольницъ, мы имѣемъ свидѣтельство Гезіода о борьбѣ женщины противъ семейныхъ поработителей, даже о побѣдахъ ея надъ ними. Гезіодъ нападаетъ на женщинъ за ихъ капризы, вспыльчивость, увлеченія, за кокетство и хитрость, посредствомъ которыхъ имъ удавалось всецѣло подчинять себѣ мужчинъ. Конечно, всѣ подобные успѣхи женщины только отсрочивали побѣду мужчины. Къ тому же сила была тогда единственнымъ правомъ, которое признавалось людьми, и, какъ всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, слабые были принуждены цѣною своей свободы покупать покровительство сильныхъ. Особенно несчастно было положеніе сиротъ и вдовъ. Естественно, что такія обстоятельства сильно парализировали стремленіе женщинъ къ свободѣ и независимости. Есть данныя, что въ эпоху патріархальныхъ царей, на ряду съ свободными и самостоятельными женщинами, было уже не мало такихъ, которыя могли удовлетворять вкусамъ самого Солона или Гезіода. Съ развитіемъ богатства, житейскаго комфорта и международныхъ сношеній въ Элладѣ начало усиливаться многоженство то въ формѣ полигаміи, то въ формѣ конкубината. Но греческая женщина упорно боролась противъ многоженства. Большая часть мифологовъ объясняютъ преступленія Клитемнестры единственно ревностью и негодованіемъ, которыя внушали ей полигамическія наклонности ея мужа. Изъ Гомера видно, что жена считала себя «обезчещенною», если мужъ ея бралъ, кромѣ нея, другую жену или наложницу. Медея такое безчестіе доводитъ до страшнаго мщенія отомстить мужу смертью своей соперницы и кровью собственныхъ дѣтей. Образцомъ этой брачной борьбы могутъ служить отношенія Геры къ Зевсу. Гера—настоящая греческая жена, которая желаетъ одна обладать своимъ мужемъ, за невѣрность преслѣдуетъ и его самого, и его дѣтей, и его любовницъ. Даже когда мужья заводили себѣ наложницъ, которыя большею частью были рабынями, а дѣти ихъ считались незаконными, то и тутъ старались скрывать отъ женъ свои отношенія къ этимъ любовницамъ. Такимъ образомъ, еще до развитія государствъ, женщинѣ удалось поставить моногамію идеаломъ брака.

Съ переходомъ семей и родовъ въ государственный бытъ, женщина прерываетъ свое дѣло почти во всѣхъ отношеніяхъ. Въ періодѣ патріархальныхъ царей, когда не было не только писанныхъ законовъ, но и прочныхъ юридическихъ обычаевъ, когда судебный приговоръ царя, внушеный ему свыше (*ѳемистъ*), одинъ только регулировалъ взаимныя отношенія людей, борьба мужа или жены, перѣшенная хитростью или силой одного изъ нихъ, рѣшалась царскимъ приговоромъ. А царь былъ мужчина, отецъ и мужъ, тоже стремившійся къ покоренію женщины; понятно, чью сторону должны были поддерживать его вдохновенныя рѣшенія. Серіи одинаковыхъ случаевъ, подлежащихъ разбирательству, естественно ведутъ за собой серіи одинаковыхъ судебныхъ приговоровъ, порождающихъ юридическій обычай, или обычный законъ. Всѣ первичные кодексы Европы были только изложеніемъ этихъ обычаевъ, болѣе или менѣе измѣненныхъ законодательствомъ.

Съ возникновеніемъ государствъ законодательства подчиняютъ женщину тому же деспотизму, къ утвержденію котораго въ семействѣ стремился мужчина. Античное государство, основанное на эксплуатаціи невольниковъ, превратило женщину въ свою рабыню, обязанную производить ему здоровыхъ, способныхъ и красивыхъ гражданъ. При этомъ у воинственныхъ и грубыхъ дорянъ порядки архаическаго семейства распространились несравненно болѣе, а женщины были закрѣпощены и стѣснены гораздо менѣе, чѣмъ то было у цивилизованныхъ іонійцевъ.

Въ Спартѣ государство захватило въ свои руки управленіе всѣмъ, — и распредѣленіемъ народнаго имущества, и отношеніями половъ, и дѣлами семейными, и воспитаніемъ дѣтей. Главною цѣлью государства было расположеніе здоровыхъ людей, охраненіе простыхъ, даже грубыхъ нравовъ, воспитаніе въ гражданахъ храбрости и другихъ доблестей воина. Плутархъ, защищая спартанскую конституцію отъ нареканій, говоритъ, что если разумно стараться объ усовершенствованіи породы собакъ и лошадей, то нелѣпо и глупо портить подобныя же заботы о людской породѣ. Такимъ образомъ, цѣлью спартанскаго государства было усовершенствованіе и воспитаніе человѣческой породы для военныхъ дѣлъ. Какъ у всѣхъ воинственныхъ націй, такъ и въ Спартѣ, въ этой общинѣ суровыхъ коммунистовъ-воиновъ, женщины являются довольно свободными и съ большими правами, чѣмъ въ государствахъ іоническихъ, напримѣръ, въ Аѳинахъ, гдѣ ихъ дѣятельность ограничена семейною сферою и гдѣ онѣ подчинены общественной власти несравненно менѣе, чѣмъ семейной. Спартанецъ вовсе не жилъ домашнею жизнію, весь день онъ проводилъ въ публичныхъ мѣстахъ, ѣлъ за общественнымъ столомъ, спалъ въ общественномъ зданіи и только по временамъ посѣщалъ свою жену, почти всегда ночью украдкою ото всѣхъ и не надолго. Не любовницей, не хозяйкой предписывалось быть спартанкѣ, а родильницей хорошихъ дѣтей матерью героевъ. Поэтому дѣвушки получали одинаковое воспитаніе съ мальчиками. «Другіе греки—говоритъ Ксенофонтъ — хотятъ, чтобы дѣвушки въ домашнемъ уединеніи занимались обработкою шерсти. Можетъ-ли такимъ образомъ воспитанная дѣвица произвести на свѣтъ что-нибудь путное! Ликургъ же думалъ, что для приготовленія одежды годятся и рабыни, а важнѣйшею задачею свободныхъ женщинъ онъ считалъ дѣторожденіе, и постановилъ, чтобы женскій полъ занимался тѣлесными упражненіями наравнѣ съ мужескимъ, такъ какъ сильныя дѣти могутъ быть рождены только сильными родителями». «Ликургъ—говоритъ Плутархъ—старался о томъ, чтобы плодъ, зачатый въ здоровомъ тѣлѣ матери, развивался и созрѣвалъ какъ слѣдуетъ,

а мать имѣла бы достаточно силъ, необходимыхъ для легкаго и безопаснаго перенесенія родильныхъ мукъ. Разнообразныя гимнастическія упражненія нашихъ юношей и дѣвицъ, совершавшіяся публично, имѣли еще цѣлью возбуждать въ молодыхъ людяхъ половые инстинкты и охоту къ браку». Безбрачіе или поздній бракъ навлекали на виновныхъ въ нихъ мужчинъ нѣкоторыя наказанія,—они лишались права присутствовать на гимнастическихъ упражненіяхъ дѣвушекъ, а зимою ихъ заставляли танцовать нагишомъ вокругъ всей большой площади, при чемъ зрители осыпали ихъ насмѣшками и пѣли нарочно для этого случая составленныя саркастическія стихотворенія. Государство опредѣляло какъ мѣсто и время для брака, такъ и возрастъ жениха и невѣсты, запрещало жениться на слишкомъ молодыхъ дѣвушкахъ, а мужчинамъ предписывало вступать въ бракъ около 30 лѣтъ. Занимаясь общественными дѣлами, служа государству, спартанецъ ночью, не надолго, да и то украдкой ото всѣхъ, могъ ходить къ своей женѣ; только послѣ рожденія сына ему дозволялось посѣщать ее днемъ и оставаться у ней подольше. За извѣстное число произведенныхъ гражданиномъ дѣтей государство награждало его,—за трехъ ребятъ онъ освобождался отъ караульной службы, за четырехъ—отъ всѣхъ общественныхъ повинностей. «Пожилой супругъ молодой жены—разсказываетъ Плутархъ—могъ свести ее съ молодымъ и храбрымъ мужчиной и присвоить себѣ ребенка, рожденнаго отъ столь благородной крови. Доблестный мужчина, которому приглянулась какая-нибудь чадородная и добродѣтельная женщина, могъ просить у мужа ея позволенія на сожительство съ нею». Такимъ образомъ, утвержденная закономъ моногамія нерѣдко превращалась въ поліандрію. Послѣдній видъ брака существовалъ у спартанцевъ еще и въ другой формѣ, сохранившейся, вѣроятно, отъ первичной эпохи ихъ исторіи. Земельный участокъ спартанца не могъ быть дѣлимымъ и отъ отца переходилъ къ его старшему сыну, который дѣлался собственникомъ; остальные братья только пользовались доходами съ семейнаго имущества и, по свидѣтельству Полибія, у всѣхъ ихъ была общая жена и общія дѣти. Въ подобномъ семействѣ, у главы его, старшаго брата, не было сыновей, и наслѣдство, поэтому, переходило къ старшей дочери, на которой долженъ былъ жениться кто-нибудь изъ родственниковъ, неимѣвшій семейнаго участка. Такимъ образомъ, въ Спартѣ были перемѣшаны между собою моногамія, поліандрія, даже общность женъ и, въ видѣ исключенія, встрѣчалась даже полигамія. Дѣти съ самаго своего рожденія принадлежали государству, и отецъ не имѣлъ права убивать или выбрасывать ихъ, какъ это было во всей остальной Греціи, кромѣ Ѳивъ; комиссія изъ чиновниковъ свидѣтельствовала новорожденныхъ и оставляла годныхъ для государства, забракованныхъ же предавала смерти.

По мысли Ликургова законодательства, женщина должна быть государственной самкой: до замужества она приготовляется къ этой роли, ведетъ общественную жизнь, получаетъ воспитаніе наравнѣ съ мужчинами; но выходя же замужъ, она удаляется отъ общественной жизни и даже, по восточному обычаю, должна ходить съ покрытымъ лицомъ. Ей строго предписывается быть вѣрною мужу. Но спартанская конституція недолго могла устоять противъ стремленій женщины къ свободѣ. Аристотель и Плутархъ разсказываютъ, что даже при самомъ введеніи своей конституціи, Ликургъ встрѣтилъ самое энергическое сопротивленіе со стороны женщинъ и лишился при этомъ глаза. Законы были все-таки введены, но уже Ксенофонтъ говоритъ: «если бы кто-нибудь спросилъ меня, сохранились-ли законы Ликурга до сихъ поръ во всей ихъ чистотѣ, то, клянусь Зевсомъ, я не осмѣлился бы отвѣчать утвердительно». Болѣе древніе греческіе писатели изображаютъ спартанокъ женщинами добродѣтельными, съ строгими правами, словомъ, хорошими воспитанницами Ликурга, между тѣмъ, какъ Аристотель сообщаетъ, что онѣ «ведутъ жизнь, распущенную во всѣхъ отношеніяхъ и роскошную». Гротъ справедливо, кажется, объясняетъ такое противорѣчіе тѣмъ, что во время Аристотеля богатымъ спартанкамъ удалось освободиться отъ общей дисциплины, и что этихъ-то эмансипированныхъ женщинъ Аристотель имѣетъ въ виду. И нужно замѣтить при этомъ, что, вѣроятно, вслѣдствіе упомянутой оппозиціи женщинъ при введеніи ликурговыхъ законовъ, послѣдніе плохо опредѣляли ихъ обязанности и права. Эти законы давали правила, какъ воспитывать женщину и какъ пользоваться ею для дѣторожденія; почти во всѣхъ другихъ отношеніяхъ положеніе женщинъ оставалось неопредѣленнымъ, «какимъ-то внѣ законнымъ», по выраженію Аристотеля. Равныя мужчинамъ по своему воспитанію, храбрости, патріотизму, спартанки скоро успѣли пріобрѣсть громадное вліяніе на общественныя дѣла, появляясь въ публичныхъ собраніяхъ, воодушевляя воиновъ, внушая героизмъ своимъ дѣтямъ. Онѣ были виновницами паденія тѣхъ экономическихъ началъ, которыя лежали въ основѣ спартанской конституціи и о возстановленіи которыхъ напрасно старались послѣдніе патріоты, Агисъ и Клеоменъ. Въ Спартѣ было запрещено давать за дочерьми большое приданое, какъ ради охраненія экономическихъ порядковъ этого государства, такъ и во избѣжаніе владычества богатой жены надъ бѣднымъ мужемъ. Но интересы женщинъ взяли верхъ надъ этими расчетами законодателя; приданное пріобрѣтало все большіе и большіе размѣры, и вотъ, вслѣдствіе большого числа наслѣдницъ и вслѣдствіе обычая давать за дочерьми большое приданое, почти $^2/_5$ всей земли очутились въ рукахъ спартанскихъ женщинъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, вліяніе женщинъ въ Спартѣ сдѣлалось столь громаднымъ, что Аристотель называетъ его гинейкократіей; «правители государства находились подъ властью женщинъ, и во время гегемоніи спартанцевъ многія дѣла совершались по распоряженію женщинъ». Рабыни государства сдѣлались владычицами его и, подточивъ основы конституціи, навсегда лишили Спарту

возможности третировать себя, какъ заводскихъ кобылъ.

VIII.

Развитіе іоническихъ государствъ вообще, и въ частности главнаго изъ нихъ—аѳинской республики, сопровождалось постепеннымъ отдаленіемъ женщинъ отъ общественной дѣятельности, постепеннымъ закрѣпощеніемъ ихъ семейству. Въ правленіе Кекропса,—которому приписывается введеніе въ Грецію брачнаго института,—вдругъ на одномъ мѣстѣ выросла маслина, а на другомъ выступила вода. Царь послалъ въ Дельфы просить у оракула объясненія такого феномена. Оракулъ отвѣчалъ, что маслина означаетъ Минерву, а вода—Нептуна. Между гражданами родилось сомнѣніе, именемъ какого божества назвать городъ? Царь собралъ народное собраніе какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Мужчины стояли за Нептуна, женщины—за Минерву; а такъ какъ на сторонѣ послѣднихъ было голосовъ больше, то женщины одержали верхъ и городъ названъ въ честь Минервы или Аѳины—Аѳинами. Нептунъ разгнѣвался и залилъ моремъ всю аѳинскую землю. Чтобы умилостивить бога, женщины должны были отказаться отъ права голоса въ народныхъ собраніяхъ; дѣти ихъ не должны были называться именемъ матери, какъ это было до той поры, а сами онѣ перестали именоваться аѳинянками и изъ полноправныхъ гражданокъ обратились въ женъ гражданъ. Сказочный элементъ этого сказанія, конечно, нисколько не роняетъ исторической достовѣрности того факта, что при развитіи аѳинскаго государства женщины лишены были политическихъ правъ, которыми онѣ пользовались прежде. Вмѣстѣ съ тѣмъ женщинъ постарались удалить ночти отъ всякой общественной дѣятельности. Имъ и рабамъ запретили, напримѣръ, заниматься медицинской практикой; даже родовспомогательное искусство было отнято у нихъ мужчинами. Съ упорною настойчивостью женщины отстаивали свое право на занятіе врачебною наукою. Одна изъ нихъ, Агнодика, обрѣзавъ волосы, одѣвшись въ мужское платье, поступила къ извѣстному въ то время медику въ ученье, по окончаніи котораго она пріобрѣла обширную практику, преимущественно въ кругу своего пола. Своею славою она возбудила зависть во всѣхъ лѣкаряхъ; на нее донесли, что она развращаетъ честныхъ женщинъ. Агнодика явилась передъ судомъ ареопага и въ опроверженіе доноса открыла свой полъ. Но ареопагъ все-таки не хотѣлъ дозволить ей практики и уступилъ только настойчивымъ требованіямъ всѣхъ знатныхъ аѳинянокъ, явившихся ходатайствовать за Агнодику и за право женщинъ заниматься акушерствомъ. Въ области религіи женщина была также ограничена сословіемъ жрецовъ. Въ древнѣйшую эпоху Греціи жрицами могли быть и замужнія женщины; но въ болѣе позднія времена отъ желающихъ быть жрицами безусловно требовался тягостный обѣтъ безбрачія. Греческія прорицательницы, пиѳоиссы, имѣли громадное вліяніе на всѣ важныя дѣла мира и войны. Посягнуть открыто на права этихъ священныхъ жрицъ мужчины не осмѣлились, но все-таки успѣли отнять у нихъ всякое самостоятельное вліяніе. Верховные жрецы старались выбирать въ пиѳоиссы молоденькихъ, необразованныхъ и глупенькихъ дѣвушекъ, или же старухъ, имѣвшихъ не менѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду. Вслѣдствіе этого жрицы скоро сдѣлались совершенно пассивными орудіями въ рукахъ жрецовъ. Число верховныхъ жрицъ и пиѳоиссъ было крайне ограничено; въ Додонѣ, Дельфахъ, Іосѣ, Аргосѣ, Амиклаѣ, при капищѣ двухъ дочерей Аполлона, при храмѣ Діониза никогда не бывало болѣе двухъ или трехъ жрицъ. Стѣсняя и ограничивая пиѳоиссъ, жрецы равнодушно относились къ существованію второстепенныхъ жрицъ и покровительствовали гіеродуламъ, священнымъ дѣвамъ, которыя жили при разныхъ храмахъ и часто превращали послѣдніе въ дома разврата. Религіозная проституція была довольно сильна въ Греціи и, принося денежныя выгоды жрецамъ, находилась подъ ихъ мощнымъ покровительствомъ.

Лишивъ женщину всѣхъ политическихъ правъ, постарались вовсе удалить ее изъ общества; она не посѣщала театровъ, не могла присутствовать на олимпійскихъ играхъ, участвовать въ общественныхъ и домашнихъ праздникахъ, обѣдать въ одной комнатѣ съ мужчинами, являться до шестидесятилѣтняго возраста на чьихъ бы то ни было похоронахъ и т. д. За исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, ей было запрещено быть на улицѣ днемъ, а ночью дозволялось не иначе, какъ въ экипажѣ и съ факеломъ. Женщины были заключены въ гинекеи и гаремы, которые у высшихъ классовъ охранялись часто карауломъ, имъ запрещали даже смотрѣть изъ оконъ на улицу. Словомъ, женщину хотѣли держать такъ, чтобы всѣ посторонніе люди забыли даже о самомъ ея существованіи. «Имя честной женщины—говоритъ Плутархъ—вмѣстѣ съ ея личностью должно быть заключено въ стѣнахъ дома».

Все это закрѣпощеніе производилось съ тою цѣлью, чтобы спеціализировать женщину для материнства, чтобы мужъ могъ имѣть отъ нея хорошихъ дѣтей, семья—хорошую мать и хозяйку, а государство — хорошихъ гражданъ. Изъ личности она была превращена въ орудіе семейныхъ и общественныхъ цѣлей. Все воспитаніе дѣвушекъ—этотъ самый могучій рычагъ измѣненія соціальныхъ порядковъ—клонилось къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ здоровыхъ матерей, трудолюбивыхъ и покорныхъ работницъ. Глава семьи, имѣвшій надъ дѣтьми право жизни и смерти, совершенно произвольно распоряжался рукою своей дочери и отдавалъ ее за кого хотѣлъ; онъ имѣлъ право продавать своихъ дѣтей и, не стѣсняясь, торговалъ дочерьми, сбывая этотъ товаръ выгоднымъ женихамъ. Но гречанки не всегда безропотно сносили такое третированье себя, какъ скотинъ. «Когда мы выростаемъ и приходимъ въ разумъ—жалуется софокловская Прокна—насъ сбываютъ съ рукъ и продаютъ вдаль отъ отеческихъ боговъ и отъ родителей». Солонъ запретилъ продажу невѣстъ, но онъ же ограничилъ

сумму вошедшаго уже тогда въ обычай приданаго, размѣры котораго бывали такъ велики, что греческія царевны получали часто въ приданое цѣлыя царства. И хотя Медея у Эврипида говоритъ, что женщины самыя жалкія существа, ибо покупаютъ слишкомъ дорого своихъ господъ, но приданое все-таки доставляло женѣ извѣстную самостоятельность въ семействѣ, а при значительности суммы даже власть надъ мужемъ, почему Солонъ и запретилъ давать его въ большихъ размѣрахъ. Сироты знаменитыхъ гражданъ получали казенное приданое, а сиротамъ вообще предписывалось давать его ихъ родственникамъ, если послѣдніе не хотѣли брать ихъ замужъ. Супругъ могъ только пользоваться доходами приданаго, оно было неприкосновенно даже при конфискаціи мужниная имущества, и жена получала его въ случаѣ развода вмѣстѣ съ даннымъ ей при заключеніи брака утреннимъ даромъ жениха. Дѣвушка могла быть также наслѣдницей, но въ такомъ случаѣ, ради нераздробленія семейнаго имущества, она обязана была выйти замужъ за одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ; если же она, по старости, безобразію или болѣзни, не годилась для брака, то родственникъ поступалъ къ ней въ домъ, считался ея номинальнымъ мужемъ, хотя въ качествѣ послѣдняго и не имѣлъ права наслѣдовать ея имущества. Такимъ образомъ, даже богатыя сироты не могли свободно располагать своею рукою и должны были отдавать ее тому, кому предписывалъ законъ. Къ немаловажнымъ стѣсненіямъ женщины принадлежало и запрещеніе брака съ иностранцами. Каждый иностранецъ, женившійся на аѳинянкѣ, продавался вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ, и треть вырученной за него суммы отдавалась доносчику; аѳинянку, вышедшую за иностранца, тоже продавали въ рабство, а отца ея подвергали штрафу въ 1000 драхмъ. При Периклѣ было продано такимъ образомъ 5000 аѳинскихъ гражданокъ. Цѣлью подобныхъ карательныхъ мѣръ было поддержаніе чистоты семейной крови и нераздѣльности семейнаго имущества, почему допускались браки даже между братомъ и сестрой. Моногамія была единственною законною формою брака, но столь ревнивое, относительно поведенія женщинъ, государство часто смотрѣло сквозь пальцы на противозаконныя дѣйствія мужчинъ, держащихъ не только множество наложницъ, но и нерѣдко вступавшихъ въ бракъ съ нѣсколькими женами. Запирая женщину въ гинекей, требуя отъ нея безусловной вѣрности мужу и другихъ семейныхъ добродѣтелей, государство, въ то же время, поблажаетъ развращенности мужчинъ, открываетъ для нихъ казенные непотребные дома, чтобы они могли и безумствовать въ оргіяхъ публичнаго разврата, и отдыхать отъ нихъ въ тиши чистой семейной жизни. Мужъ дѣлается абсолютнымъ повелителемъ жены; онъ могъ прогнать ее отъ себя по малѣйшему неудовольствію; мужья въ первую эпоху нерѣдко продавали своихъ женъ, а потомъ—мѣнялись ими или, лежа на смертномъ одрѣ, обручали ихъ съ своими пріятелями. Впрочемъ, при этомъ мы видимъ и совершенно другія по характеру явленія. Нерѣдко супруги расходились по взаимному соглашенію; недовольная мужемъ жена могла жаловаться на него суду и просить развода; но уже одна заключенность женщинъ въ гинекеяхъ дѣлала этотъ законъ недѣйствительнымъ. Къ тому же законъ требовалъ, чтобы жена являлась лично въ судъ въ сопровожденіи своего опекуна, т.-е. мужа! Когда Гиппарета, жена Алкивіада, выведенная изъ терпѣнія его развратомъ, явилась передъ архонтами съ жалобой, то Алкивіадъ схватилъ ее, силою утащилъ изъ суда домой, и никто не счелъ нужнымъ вступиться за несчастную жену и за законъ, поруганный поступкомъ ея мужа. Супругъ былъ владыкой жены, и послѣдняя называла его не по имени, а *господиномъ*. Аристотель, правда, смягчаетъ нѣсколько характеръ ихъ отношеній, говоря, что глава семьи властвуетъ надъ женою, какъ государственный человѣкъ, или какъ правитель республики, а надъ дѣтьми—какъ царь. Особенно доставалось безприданнымъ женамъ, — мужья третировали ихъ, какъ рабынь. Но нужно замѣтить, что власть мужа была не единственная, тяготѣвшая надъ женщиною въ теченіе ея жизни; мужъ получалъ эту власть отъ отца жены, и умирая, передавалъ ее наслѣднику, какъ это бываетъ во всѣхъ архаическихъ обществахъ. Такая вѣчная опека надъ женщиной стоитъ въ тѣсной связи съ принципами патріархальнаго семейства. Единицею древняго общества служитъ семья или лучше отецъ ея, совмѣщающій въ себѣ права и обязанности своихъ домочадцевъ; послѣ его смерти, его сынъ или внукъ дѣлаются самостоятельными потому только, что могутъ сдѣлаться главами семействъ. Женщина же не можетъ получить семейнаго главенства, и поэтому не можетъ пріобрѣсть и сопряженной съ нимъ самостоятельности. Безсмертіе семьи было главною заботою грека и для него не было ничего ужаснѣе вымиранія семейства, всѣдствіе котораго исчезаетъ въ потомствѣ имя умершихъ предковъ, они лишаются религіозныхъ почестей, родовые боги остаются безъ жертвъ, домашній очагъ безъ огня. Отъ такой бѣды семейство избавлялось посредствомъ женщины, которая, не имѣя никакого самостоятельнаго значенія въ брачной жизни, служила только орудіемъ рожденія дѣтей, этихъ «якорей жизни», а въ особенности сыновей,—«столповъ дома, спасителей имени умирающаго отца», «новыхъ гражданъ государству и новыхъ служителей богамъ». Только для этого и держалась жена, а вовсе не для любви, для которой существовали гетеры. Плутархъ пишетъ, что «съ честной женщиной вовсе нельзя жить въ одно и то же время, какъ съ супругой и какъ съ гетерой»; а Демосѳенъ говоритъ: «мы имѣемъ гетеръ для душевныхъ наслажденій, прелестницъ—для грубыхъ ласкъ, и законныхъ женъ—для поддержанія нашего рода и имени и для охраненія нашихъ жилищъ». При этомъ отъ женщины требовалось, чтобы она была, по выраженію Софокла, «вѣрна мужу, какъ собака». Прелюбодѣйную жену мужъ могъ продать, а ея соблазнителя убить на

мѣстѣ; отецъ также имѣлъ право продать свою нашную дочь, а до изданія солоновскихъ законовъ—даже казнить ее смертью. Кромѣ того, жена должна быть хозяйкою или экономкою мужа. «Женщина—говоритъ Ксенофонтъ—должна походить на пчелиную матку: не уходить изъ дому, имѣть неусыпный надзоръ за невольницами, давать каждой изъ нихъ приличное занятіе, принимать домашніе запасы и приводить ихъ въ порядокъ, припрятывать въ надежное мѣсто то, что можетъ быть неупотребляемо въ хозяйствѣ до времени, надсматривать за выдѣлкою полотна и одеждъ, равно какъ и за печеніемъ хлѣба, заботиться о больныхъ служанкахъ, содержать въ порядкѣ и чистотѣ всѣ кухонныя принадлежности, кормить и воспитывать дѣтей и наконецъ заботиться о собственномъ своемъ приличномъ украшеніи». Съ теченіемъ времени даже эта хозяйственная дѣятельность женщины была крайне ограничена и вовсе лишена самостоятельности. Въ одной изъ комедій Аристофана женщины жалуются, что «даже мука, масло и вино, бывшія прежде въ полномъ ихъ распоряженіи, теперь отъ нихъ уже не зависятъ, а ключи отъ домашняго хозяйства, очень надежные и сдѣланные съ большимъ искусствомъ, находятся у ихъ мужей». Ни въ дѣлахъ хозяйства, ни въ дѣлахъ воспитанія дѣтей женщина не имѣла никакого права на самостоятельный голосъ. На гробницахъ хозякъ изваялись узда, вѣникъ и сова, эмблемы бдительности, экономіи и молчаливости. Цѣломудренная Венера,—Венера законнаго брака,—изображалась опирающеюся пятою на черепаху, въ знакъ того, что женщина не должна обнаруживать никакихъ порывовъ ума и сердца. Когда Пенелопа дѣлаетъ сыну совершенно разумное замѣчаніе, то Телемахъ отвѣчаетъ ей: «отправляйся-ка въ свои бабьи комнаты, да займись своимъ дѣломъ, смотри за прялкою и веретеномъ, распоряжайся прислужницами, задавай имъ работу; *говорить имѣютъ право только мужчины*, всѣ они и я прежде всѣхъ, потому что я въ своемъ домѣ хозяинъ». Пенелопа тотчасъ повинуется и находитъ слова сына «разумными».

Мы увидимъ ниже, что гречанка, подобно женщинѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ, не подчинялась вполнѣ, да и не могла подчиняться тѣмъ нелѣпымъ постановленіямъ, которыя предписывалъ ей мужчина. И она сдѣлалась въ глазахъ послѣдняго презрѣнною тварью. Эврипидъ восклицаетъ, что «природа сотворила женщинъ неспособными къ благороднымъ искусствамъ, но изобрѣтательными и искусными во всякомъ зломъ дѣлѣ». «Женщина—это большое несчастіе», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Женщина была первою виновницей зла на землѣ, и женское потомство греческой Евы постепенно совершенствовалось въ искусствѣ злотворенія. Нѣтъ порока, нѣтъ гадости, которыхъ греческіе писатели ни приписывали бы женщинамъ въ видѣ прирожденныхъ свойствъ ихъ натуры. Сатиру на женщинъ нѣкоторые писатели дѣлали даже своею спеціальностью, и она доставляла имъ славу. Таковъ былъ Симонидъ Аморгосскій, который, подражая старинному сагамъ о созданіи человѣка, изображаетъ разныя качества женщинъ, созданныхъ изъ свиньи, лисицы, собаки, изъ земли, моря, изъ осла, кошки, коня, обезьяны. Вотъ характеристика пятой морской женщины: «Сегодня она весела, смѣется; гость, видящій ее въ домѣ, не знаетъ, какъ похвалить ее; лучше и прекраснѣе нѣтъ на свѣтѣ женщины! Завтра она невыносима: видѣть ее, приблизиться къ ней нѣтъ силы; она неистовствуетъ также неукротимо, какъ собака около своихъ щенковъ. Другъ ли, врагъ ли, на всѣхъ она ворчитъ и злится, подобно морю, которое въ лѣтнее время такъ прекрасно, спокойно и ровно, такъ радуетъ мореходцевъ, и вдругъ забушуетъ, вспѣнитъ свои волны!..» Идеалъ, это десятая женщина, происходящая отъ пчелы: она обходительна, ласкова, лучшее украшеніе дома; «счастливъ мужчина, получившій на свою долю такую, но счастливѣе всѣхъ тотъ, кто никогда не имѣлъ близкихъ сношеній съ женщинами!» Удачныя эпиграммы на женщинъ быстро входили во всеобщее употребленіе между греками, какъ, напримѣръ, изреченіе Гиппонакса: «два дня въ жизни жена болѣе всего счастливитъ мужа: въ день свадьбы и въ день ея похоронъ». Подобныя воззрѣнія вліяли и на философію, и мыслители старались подвести раціональныя основанія подъ то, что было создано грубымъ эгоизмомъ мужчинъ и выдумано пошлою фантазіей толпы. Самыя гуманныя воззрѣнія на женщину и бракъ были выработаны Аристотелемъ, учившимъ, что «сожительство другихъ животныхъ имѣетъ цѣлью только распложеніе породы; напротивъ, люди живутъ вмѣстѣ не только для произведенія дѣтей, но и для другихъ отношеній; задачи мужчины и женщины различны, но они помогаютъ другъ другу тѣмъ, что каждый изъ нихъ дѣлаетъ свою особенность общимъ достояніемъ, и поэтому въ такомъ союзѣ пріятное соединяется съ полезнымъ». Но если вникнуть въ сущность подобныхъ, относительно гуманныхъ, изреченій Стагирита, то выйдетъ, что они немногимъ выше другихъ эллинскихъ измышленій о женщинѣ. По ученію Аристотеля, женская душа ниже мужской, хотя немного выше рабской; мужъ—повелительный элементъ въ семьѣ и обществѣ, женщина—служебный; «рабъ вовсе не имѣетъ способности обдумывать; женщина хотя и имѣетъ эту способность, но въ слабой степени. Разсудительность мужчины не одно и то же, что разсудительность женщины, равно мужество и справедливость; въ одномъ случаѣ мужество имѣетъ характеръ властительный, а въ другомъ—служебный. Подобнымъ же образомъ должно разсуждать и о другихъ нравственныхъ качествахъ». Даже въ загробной жизни женщинамъ отведенъ мрачный адъ, гдѣ владычествуетъ Прозерпина и гдѣ онѣ присуждены «блуждать между мрачными тѣнями», по выраженію Сафо. Презрѣніе къ несчастному полу доходило часто до того, что даже лучшіе люди выражали его въ такихъ формахъ, которыя только подстать какому-нибудь Титу Титычу Брускову. Фемистоклъ въ первые годы своей юности забавлялся тѣмъ, что запрягалъ четырехъ совершенно нагихъ женщинъ въ свою колесницу и, при одобрительныхъ крикахъ толпы,

проѣзжалъ на нихъ черезъ всю Агору. Въ Сибири самодуры-золотопромышленники и пріисковые рабочіе нерѣдко подражаютъ этому великому герою Эллады.

IX.

Одни вышеприведенные нападки на женщинъ и руготня ихъ свидѣтельствуютъ, что женщины не выполняли предначертанныхъ имъ правилъ жизни, хотя за ихъ поведеніемъ слѣдили не только мужья и другіе родственники, но и особые общественные инспекторы. Учрежденіе такой полиціи ясно указываетъ, что надзирать было за чѣмъ. О томъ же свидѣтельствуетъ и законъ, налагавшій на женщину штрафъ въ тысячу драхмъ за публичное появленіе ея нагишомъ. И это было въ самыя первыя времена послѣ того, какъ мужчины, съ помощью государственной власти, начали стараться объ осуществленіи строгихъ семейныхъ идеаловъ. Чѣмъ болѣе жило греческое общество, тѣмъ болѣе стремилась женщина къ противной строгому браку эманципаціи плоти. Мужья сами развивали въ своихъ супругахъ страсть къ нарядамъ и дѣлали ихъ кокетками. Женщина чернила брови, румянилась, бѣлилась, пудрила волосы золотымъ пескомъ, украшала голову цвѣтами, умащалась благовоніями, заботилась о гибкости стана и т. д., дѣлая все это для возбужденія любви въ мужѣ или другихъ мужчинахъ, смотря по обстоятельствамъ. Удаленная отъ всѣхъ интересовъ общественныхъ, лишенная всякой самостоятельности въ семействѣ, женщина спеціально занялась своими половыми инстинктами, и они повлекли ее за стѣны дома. «Аѳинянки, — говоритъ авторъ путешествія Анахарсиса, —удаленныя отъ общественныхъ дѣлъ постановленіями правительства, часто не имѣютъ иного честолюбія, какъ быть любимыми, иной добродѣтели, кромѣ одного страха безчестія. Впрочемъ, употребляя все стараніе, чтобы покрыться мракомъ спасительной тайны, немногія изъ нихъ дѣлаются извѣстны своими любовными похожденіями». Нарушеніе женою брачной вѣрности дѣлалось все чаще и чаще, оставалось ненаказаннымъ или же только давало мужу поводъ для поживы посредствомъ взысканія штрафа съ любовника жены. Женщины не мирились съ своимъ семейнымъ положеніемъ и, въ нѣкоторыхъ областяхъ Греціи, не находя удовлетворенія своему инстинкту свободы, онѣ во множествѣ прибѣгали къ самоубійству. Нерѣдко женщины добивались полнаго главенства въ семьѣ, жена управляла мужемъ, мать сыномъ, сестра братомъ. Стремленіямъ женщины къ семейной самостоятельности много содѣйствовала и защита ея родственниковъ; въ исторіи Греціи мы видимъ не мало примѣровъ того, какъ родъ женщины, оскорбленный въ лицѣ послѣдней ея женихомъ или мужемъ, вооружался противъ оскорбителя и доводилъ дѣло даже до войны. Власть мужа, сохраняя de jure свой прежній характеръ, de facto значительно ослабѣла, а во многихъ случаяхъ даже уступила свое мѣсто власти жены. Греческіе писатели горько оплакиваютъ такое паденіе архаическаго семейства и основаннаго на немъ общества; они говорятъ, что результатами разложенія семьи были паденіе всѣхъ древнихъ добродѣтелей, развитіе своекорыстія, хитрости, клятвопреступничества и безобразнаго сладострастія. Это отчасти справедливо, но все это было только простымъ и самымъ естественнымъ слѣдствіемъ неестественныхъ учрежденій. Рабство, чье бы то ни было, всегда портитъ и губитъ основанное на немъ рабовладѣльческое общество.

Разложенію семейства и эманципаціи гречанокъ болѣе всего содѣйствовали служительницы красоты и любви—гетеры. Стараясь о поддержаніи въ семействѣ строгихъ порядковъ, объ обращеніи женщины на исключительное занятіе материнствомъ и хозяйствомъ, грекъ искалъ въ то же время жгучихъ наслажденій красоты и страсти; признавая законность его желаній, государство открывало для него казенные дома терпимости, а толпы стекавшихся въ Грецію иностранныхъ красавицъ доставляли ему подругъ, или гетеръ, любовь которыхъ до того увлекала эллиновъ, что они всегда предпочитали ее браку, и государство принуждено было подавлять строгими законами постепенно возраставшее между мужчинами стремленіе къ безбрачію. Женская красота была въ Греціи всемогущею. «Природа—говоритъ Анакреонъ—дала быкамъ рога, лошадямъ копыта, быстроту ногъ зайцу, зубастый звѣрь львамъ, плавательныя перья рыбамъ, птицамъ полетъ, а мужчинѣ разумъ. Для женщины ничего у нея не осталось. Какъ же тутъ быть? Вмѣсто щитовъ и всякихъ мечей, она дала ей красоту: прекрасная побѣдитъ и огонь, и желѣзо». Большинство гетеръ было сначала изъ невольницъ или отпущенницъ. Красота освобождала ихъ изъ рабства и доставляла имъ богатства, равнявшіяся царскимъ; государственные люди, полководцы, философы, поэты ухаживали за гетерами и не щадили ничего, чтобы только наслаждаться ихъ красотою, бесѣдою и дружбою. Не разъ гетера служила для художника моделью для изображенія богини; не разъ суровый ареопагъ прощалъ виновную гетеру, пораженный блескомъ ея красоты; не разъ Эллада воздвигала пышные мавзолеи въ память этихъ красавицъ, именемъ которыхъ гордились и хвастались мѣста ихъ родины. Имя знаменитой гетеры раздавалось вслухъ, въ лавкахъ продавцевъ благовоній, подъ сводами театровъ, въ публичныхъ собраніяхъ, въ судилищахъ, въ сенатѣ. Не одна, впрочемъ, естественная красота давала гетерѣ такое значеніе, а также и достоинства, пріобрѣтенныя воспитаніемъ. Въ Греціи гетеръ «дрессировали», по тогдашнему техническому выраженію, и разные любители красоты, и спеціальныя преподавательницы кокетства. Гетеры пѣли, танцовали, играли на разныхъ инструментахъ, были знакомы съ литературой, славились своимъ остроуміемъ и каламбурами; съ ними охотно бесѣдовали и государственные люди, и философы, а дома ихъ были такими же центрами ума и талантовъ, какъ салоны парижскихъ дамъ XVIII вѣка. Въ лицѣ гетеры женщина разбила стѣснявшія ее оковы архаическихъ порядковъ, получила доступъ къ общественной жизни, къ занятіямъ наукой и искусствомъ, къ вліянію

на дѣла правленія. Семейныя женщины шли вслѣдъ за гетерами, и дѣло не обходилось безъ ожесточенной борьбы съ эгоизмомъ мужчинъ. Моды, кокетство образъ жизни гетеръ проникали въ домашніе гинекеи и увлекали ихъ обитательницъ. Мало-по-малу женщины протѣснились въ общественную жизнь. Имъ запрещено было, напримѣръ, являться на олимпійскихъ играхъ, но этотъ законъ не оставался ненарушеннымъ, и спартанская царевна была первою женщиною, выигравшею призъ на олимпійскихъ гонкахъ колесницъ. Законъ Солона, запрещавшій женщинамъ появляться на чьихъ бы то ни было похоронахъ, также былъ выведенъ гречанками изъ употребленія, и онѣ нерѣдко пользовались этими выходами изъ дому для прельщенія молодыхъ людей своей красотой. Послѣ проникновенія въ Грецію римской цивилизаціи начали выходить изъ употребленія обычай, въ силу котораго женщинамъ не дозволялось принимать участія въ домашнихъ праздникахъ и пировать вмѣстѣ съ своими мужьями. Ареопагъ своимъ декретомъ запрещалъ гетерамъ отправлять религіозныя торжества вмѣстѣ съ семейными женщинами, но на праздникахъ въ честь Венеры мы видимъ этихъ куртизанокъ, пирующихъ за однимъ столомъ съ женами и дочерьми гражданъ. Не одной половой свободы добивались женщины, а также и политическихъ правъ. Въ исторіи Македоніи и греческихъ династій Востока мы видимъ женщинъ, которыя борются съ мужчинами за царскую власть. Въ религіозной сферѣ, недовольныя разными ограниченіями своихъ правъ, женщины стали присвоивать самовольно непринадлежащія имъ религіозныя преимущества, и нѣкоторыя гіерофантиды были наказаны смертью за присвоеніе себѣ правъ жрицы Цереры. Изъ многихъ мѣстъ греческихъ писателей видно, что гречанки мечтали о пріобрѣтеніи всѣхъ гражданскихъ правъ, о полной равноправности съ мужчинами, о необходимости радикальныхъ реформъ въ семьѣ и въ основанномъ на ней обществѣ. Онѣ—какъ высказываетъ Аристофанъ въ своей комедіи «Женщины въ народномъ собраніи»— помышляли о присвоеніи себѣ политической власти. «Я требую,—восклицаетъ аристофановская Прокагора,—чтобы все было общее, чтобы все принадлежало всѣмъ, чтобы не было больше ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, чтобы одни не владѣли громадными полями въ то время, какъ другіе имѣютъ только клочокъ земли, едва достаточный для ихъ погребенія. Женщины также должны быть общимъ достояніемъ, и пусть каждый производитъ дѣтей, съ кѣмъ хочетъ». Очень вѣроятно, что Аристофанъ, заклятый врагъ женскаго освобожденія, преувеличиваетъ и искажаетъ стремленія женщинъ, но что онѣ упорно хлопотали о выходѣ изъ своего рабскаго положенія и о пріобрѣтеніи себѣ разныхъ правъ,—это несомнѣнно. И имъ удавалось принимать участіе въ общественной дѣятельности, при чемъ онѣ нерѣдко вели себя такъ доблестно, что могли служить примѣромъ для любого мужчины. Такъ, напримѣръ, въ 514 году до Р. Х. гетера Леена, извѣстная философка, играла немаловажную роль въ заговорѣ, составленномъ противъ тиранова Писистрата и Гиппія. Арестованная правительствомъ и подвергнутая ужасной пыткѣ, она съ твердостью великихъ героевъ перенесла все, но не выдала ни тайнъ заговора, ни именъ своихъ соучастниковъ, и изъ боязни, чтобы муки не заставили ее проговориться противъ своего желанія, она откусила свой языкъ и выплюнула его въ лицо судьямъ. Леена умерла подъ пыткой, и аѳиняне воздвигли ей памятникъ. Правитель аѳинской республики въ самый цвѣтущій періодъ ея жизни, Перикалъ, находился подъ сильнымъ и благотворнымъ вліяніемъ своей жены Аспазіи, обладавшей и образованіемъ, и такими талантами, что вокругъ ея собиралось постоянно все лучшее аѳинское общество и разсуждало съ ней о предметахъ политики, науки, художествъ и краснорѣчія. Одна изъ рѣчей Перикла, составленная для него Аспазіей, считается образцомъ греческаго краснорѣчія. Аспазію справедливо считаютъ не только другомъ, но даже учительницею Сократа и Алкивіада; аѳиняне говорили, что въ тѣлѣ ея обитаетъ душа Пиѳагора.

Въ области искусствъ и литературы женщины пріобрѣли еще болѣе обширную арену дѣятельности и вліянія, чѣмъ въ политикѣ. Кромѣ множества музыкантшъ, Греція имѣла не мало поэтессъ, какъ, напримѣръ, извѣстную Сафо и аѳинянку Коринну, пять разъ выигрывавшую на поэтическихъ состязаніяхъ призы отъ Пиндара. Занятіе искусствами, особенно музыкой и танцами, доставляло многимъ женщинамъ и самостоятельное экономическое положеніе, и даже извѣстное вліяніе на общество. Трудно, конечно, было женщинамъ добиться доступа къ серьезнымъ занятіямъ наукой, но онѣ съ успѣхомъ преодолѣли эту трудность. Между гетерами было не мало ученыхъ женщинъ. Неера и Никарета серьезно занимались математикой, Филенида составила ученый трактатъ о физикѣ и объ атомахъ и т. д. Теодора, дочь Діогена и Коринны, отличалась въ ариѳметикѣ и геометріи: Аганика была такъ свѣдуща въ астрономіи, что предсказывала лунныя затменія, и суевѣрная чернь говорила, что она можетъ снять луну съ неба; Клеопатра Амагалинда, корцирская граматикесса, имѣла обширныя филологическія познанія. Болѣе всего гречанки занимались философіей, напримѣръ, три дочери Пиѳагора, изъ которыхъ одна, Айзара, составила книгу о природѣ людей и долгое время управляла пиѳагорейскою школой. Мать ихъ, Теана, по смерти Пиѳагора, заняла въ школѣ его мѣсто и оставила недошедшія до насъ: книгу о добродѣтели, біографію Пиѳагора и стихотворенія, кромѣ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ отрывковъ, писемъ о воспитаніи дѣтей и о ревности. Къ пиѳагорейскому союзу принадлежали еще двадцать четыре другихъ женщины, имена которыхъ дошли до потомства. На основателя киренайской школы, Аристиппа, имѣла немаловажное вліяніе подруга его Лаиса. Дочь Аристиппа, Арета, о которой современники говорили, что въ нее перешла душа Сократа, двадцать пять лѣтъ преподавала въ Аѳинахъ философію и другія науки, образовала 110 учениковъ, написала біографію Сократа, книги о воспитаніи дѣтей, о войнахъ аѳинянъ, о несчастномъ положеніи женщинъ, о чудесахъ Олимпа, о

пчеловодствѣ и др. Въ эпитафіи, которую почтили аѳиняне ея могилу, она названа свѣтомъ всей Эллады, Еленой по красотѣ, Аристиппомъ—по слогу, Сократомъ—по уму, Гомеромъ—по краснорѣчію. У Платона было также нѣсколько непосредственныхъ ученицъ. Мегарская школа имѣла даровитую философку Никарету, циническая школа — Гиппархію, оставившую нѣсколько трагедій и другихъ поэтическихъ и философскихъ сочиненій; въ эпикурейской школѣ извѣстны Батида и Фемисто Лампсакская.

Въ началѣ христіанской эры въ Александріи дѣйствовала Гипатія (род. въ 370 г.), дочь перваго математика и астронома своего времени, получившая блестящее образованіе и ѣздившая въ Аѳины для изученія системы неоплатонизма. Когда же вернулась въ Александрію, то домъ ея сдѣлался центромъ всѣхъ передовыхъ людей этого передового города. Она улекала умы и своей красотой, и ораторскимъ талантомъ, и обширными познаніями въ математикѣ, астрономіи и философіи. Ставши во главѣ неоплатонической школы, Гипатія возбуждала во всѣхъ своихъ слушателяхъ самый пламенный энтузіазмъ и сильную зависть въ епископѣ Кириллѣ, видѣвшемъ въ ней не только опасную соперницу въ ораторствѣ, но и врага вѣры, отвлекавшаго умы отъ церкви къ неоплатонической школѣ. Вліяніе Гипатіи на ея друга Ореста, александрійскаго губернатора, съ которымъ Кириллъ имѣлъ нѣсколько столкновеній, еще болѣе вооружало епископа противъ знаменитой философки. Онъ началъ агитировать противъ нея чернь. И вотъ, въ началѣ 415 года, на колесницу Гипатіи напала разъяренная толпа, стащила ее съ экипажа, разорвала одежды и, убивъ ее каменьями, стала растерзывать ея трупъ, таская его по улицамъ Александріи, и наконецъ сожгла на кострѣ оставшіеся куски тѣла знаменитой учительницы и мученицы за женское дѣло.

Слегка очерченная нами свобода, которой успѣли добиться гречанки, была несовмѣстима съ патріархальными семейными порядками, а общественное значеніе, пріобрѣтенное женщиною въ лицѣ гетеры, шло въ разрѣзъ съ господствовавшими до тѣхъ поръ унизительными воззрѣніями на женскій полъ. Борьба, веденная женщиной, имѣла такіе осязательные результаты, которые ясно указывали на необходимость семейныхъ и соціальныхъ реформъ, и величайшій изъ греческихъ мыслителей, Платонъ, въ своемъ проектѣ о раціональномъ устройствѣ республики, является отцомъ великой идеи женской эмансипаціи. Хотя онъ и не могъ освободиться отъ античной теоріи, всецѣло подчинявшей отдѣльную личность государству, но въ то же время онъ учитъ, что женская природа одинакова съ мужской, что женщины поэтому способны къ умственной и гражданской дѣятельности наравнѣ съ мужчинами, и поэтому ихъ не слѣдуетъ устранять ни отъ занятій науками, ни отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Идея Платона осталась только мечтою благороднаго мыслителя, и Элладѣ не суждено было видѣть ея полнаго осуществленія. Но послѣднія эпохи греческой исторіи, ознаменованныя проникновеніемъ женщины въ разныя сферы умственной и общественной дѣятельности, все-таки значительно подняли ее въ глазахъ передовыхъ людей тѣхъ временъ. Прежде женщина цѣнилась только за покорность, домовитость и красоту, а греческая любовь, по справедливому замѣчанію Клемма, имѣла исключительно чувственный характеръ; съ успѣхами же нравственнаго развитія и относительной эмансипаціи гречанокъ, возрѣнія на любовь радикально измѣнялися. Отъ женщины требуются не только красота и искусство услаждать ею мужчину, но и нравственныя совершенства и развитость ума. Еще Ксенофонтъ поставилъ себѣ цѣлью защищать превосходство красоты нравственной передъ тѣлесною и, возставая противъ роскоши, изнѣженности, расточительности, онъ порицаетъ греческій обычай, по которому развитіе физическихъ силъ предпочиталось умственному, *игры атлетовъ* — философіи. Вчетвертѣ съ этимъ развивалось и уваженіе къ женщинамъ. Александръ Македонскій обращался даже съ женами побѣжденныхъ персовъ съ такою рыцарскою деликатностью и такъ увлекалъ собою персіянокъ, что мать Дарія, пережившая смерть своего сына, съ горя объ умершемъ Александрѣ лишила себя жизни.

X.

Какъ во всякой первичной цивилизаціи, такъ и въ римской семьѣ была соціальною единицей, а представитель и неограниченный владыка ея, отецъ, единственнымъ изъ всѣхъ домочадцевъ полноправнымъ гражданиномъ. Подчиненный членъ семейства былъ не лицомъ, а вещью, и судьба его всецѣло зависѣла отъ произвола домовладыки. Та же частная власть римскаго гражданина, которой подчинялись всѣ вещи, составлявшія его имущество въ собственномъ смыслѣ, господствовала въ лицѣ его надъ подчиненными ему членами семейства и эксплуатировала ихъ въ денежномъ отношеніи въ свою пользу. Онъ распоряжался своимъ семействомъ такъ же, какъ и своимъ имуществомъ. Такое приравненіе домочадцевъ къ имуществу особенно рѣзко выразилось «въ завѣщаніи съ мѣдью и вѣсами»; здѣсь наслѣдникъ назывался «покупателемъ семейства» и въ обыкновенной формѣ купли пріобрѣталъ отъ наслѣдодателя семейство съ его имуществомъ. Отецъ женилъ сына, выдавалъ замужъ дочь; безконтрольно распоряжался работами и имуществомъ домочадцевъ, могъ заключать ихъ въ тюрьму, заковывать въ кандалы, наказывать плетьми и розгами, продавать и казнить смертью. Этимъ правомъ жизни и смерти отцы пользовались какъ надъ малолѣтними, такъ и надъ взрослыми дѣтьми. Впрочемъ, уже въ самыя первыя времена римской исторіи мы видимъ нѣкоторое ограниченіе родительскаго деспотизма въ институтѣ семейнаго совѣта, который составлялся изъ родственниковъ и созваніе котораго было обязательно для отца при обсужденіи важнѣйшихъ семейныхъ дѣлъ, хотя этотъ совѣтъ и не имѣлъ никакого другого значенія, кромѣ совѣщательнаго. Правда, что при столь громадныхъ правахъ отецъ семейства отвѣчалъ за преступленія своего сына и своего раба, но онъ могъ и отдѣлаться отъ отвѣт-

ственности, выдавъ преступника головой. На совершенную безправность семейства относительно домовладыки указываетъ и то обстоятельство, что связью, соединявшею древне-римское, какъ и всякое другое патріархальное семейство, было не когнатное родство, не единство происхожденія отъ одной брачной пары, но родство агнатное, основаніемъ котораго служитъ не бракъ отца или матери, а власть отца. Агнатическими узами связаны между собою всѣ тѣ лица, которыя или состоятъ, или состояли, или могли состоять подъ одной и той же отеческой властью. Гдѣ начинается эта власть, тамъ начинается и родство, гдѣ прекращается она, тамъ прекращается и родство. Чужой усыновленникъ—родственникъ семьи, а эмансипированный сынъ теряетъ всѣ права агнатства. Дѣти замужней женщины, подчиненныя власти не отца ея, а мужа, не суть родственники ея родителей. Сама же женщина вступала въ агнатное родство съ своимъ мужемъ только потому, что онъ пріобрѣталъ власть надъ нею, не какъ супругъ, а какъ *отецъ*, и она становилась ему дочерью (filiae loco) и фиктивною сестрою своихъ собственныхъ дѣтей. На основаніи той же отеческой власти и рабъ былъ членомъ семейства, подобнымъ сыну; въ извѣстныхъ случаяхъ онъ могъ быть даже наслѣдникомъ своего господина. Послѣ паденія материнскаго права и для утвержденія отеческой власти такая организація семейства была настоятельною необходимостью. «Если бы»—говоритъ Мэнъ—«люди считались родственниками родни своей матери»,—какъ это было въ эпоху материнства,—«то вышло бы, что одно лицо должно подчиняться двумъ разнымъ отеческимъ властямъ. И пока семейство было государствомъ въ государствѣ, пока оно управлялось своими собственными институціями, источникомъ которыхъ былъ отецъ, до тѣхъ поръ ограниченіе родства предѣлами агнатства было необходимо во избѣжаніе столкновеній законовъ на домашнемъ форумѣ». Въ объединенной посредствомъ отеческой власти семьѣ царило полное тождество индивидуумовъ, всѣ домочадцы составляли одно юридическое лицо, полнымъ представителемъ котораго служилъ отецъ. Семейная корпорація считалась безсмертною, и путемъ наслѣдства отецъ передавалъ своему преемнику не только всю совокупность своихъ правъ и обязанностей (universitas juris), но даже поручалъ ему быть выразителемъ и продолжателемъ своихъ нравственныхъ принциповъ. Какъ у всѣхъ народовъ, такъ и у римлянъ наслѣдство было тѣснымъ образомъ связано съ домашнимъ культомъ. Во времена глубокой древности, въ такъ называемый пеласгическій періодъ, греки хоронили покойниковъ въ своихъ жилищахъ. То же было и въ Римѣ, гдѣ погребеніе умершихъ въ домахъ запрещено было только законодательствомъ XII таблицъ. Такимъ образомъ, умершій домовладыка, сокрытый въ домѣ, продолжалъ жить въ семействѣ и вліять на него. Изъ домовладыки-человѣка онъ превращался въ домовладыку-бога, становился *ларомъ*. И послѣ, когда грубыя понятія народа о загробной жизни измѣнились, превратились въ болѣе одухотворенныя, когда покойниковъ стали погребать внѣ дома или сожигать, ихъ тѣни все-таки продолжали жить въ своемъ прежнемъ домѣ, гдѣ имъ устраивалась особая капелла, или *lararium*. Лары оставались такими же абсолютными владыками семьи, какими они были при своей жизни. Какъ въ доисторическій періодъ отцы становились иногда людоѣдами и пожирали своихъ дѣтей, какъ впослѣдствіи отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ сыномъ или дочерью, такъ въ древности гнѣвъ или голодъ покойнаго предка, лара, для своего утоленія и для безопасности семьи, требовалъ человѣческой жизни, и кровь дѣтей часто обагряла домашніе алтари римлянъ. Это происходило чаще всего въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное семейство переходило въ новое жилище, вторгалось во владѣнія не своего родного, а чужого лара: у послѣдняго и у главы переселившагося семейства возникало столкновеніе правъ и интересовъ, ларъ требовалъ отступного, и отецъ семьи приносилъ ему въ жертву своего ребенка. Съ теченіемъ времени, когда значительно смягчилась и дѣйствительная отеческая власть, культъ ларъ принялъ болѣе кроткій характеръ, и человѣческія жертвы замѣнились обыкновенными. Весь смыслъ этого культа состоялъ въ томъ, что въ дѣлѣ владѣнія домомъ и семействомъ сталкивались интересы двухъ субъектовъ: прежняго *господина*, лара, и новаго *господина*, наслѣдника *); примиреніе этихъ интересовъ совершалось посредствомъ жертвоприношеній лару отъ его преемника; здѣсь происходило въ сущности одно и то же съ тѣмъ, что мы видимъ въ одной изъ первобытныхъ формъ римскаго наслѣдства, въ «завѣщаніи съ мѣдью и вѣсами», при которомъ наслѣдникъ платилъ наслѣдодателю за получаемыя имъ семейство и имущество. Понятія, соединявшіяся у римлянъ съ семейнымъ наслѣдствомъ и съ культомъ ларъ, распространялись и на всю націю, получившую въ наслѣдство отъ своихъ предковъ занимаемую ею землю. По преданію, публичная женщина Акка Ларенція завѣщала римскому народу всѣ свои земли, послужившія основою его территоріи. Какъ каждый наслѣдникъ поклонялся своимъ ларамъ, такъ и весь римскій народъ воздавалъ божескія почести Аккѣ Ларенціи, посвящая этой публичной женщинѣ одинъ день изъ своихъ праздниковъ и принося ей жертвы. Такимъ образомъ, и частное наслѣдство каждой семьи, и общее наслѣдіе всего народа соединялось съ культомъ и жертвоприношеніями въ честь предковъ. Этотъ культъ принималъ иногда кровавый характеръ какъ въ семействахъ, такъ и въ общественной жизни. Какъ домашніе лары требовали для своего умилостивленія человѣческой жизни отъ семьи, такъ лары всего народа иногда заставляли его приносить имъ въ жертву гражданъ.

Была еще другая, не менѣе важная связь, соединявшая наслѣдство съ домашнимъ культомъ—это обѣты, vota, выполненіемъ которыхъ служили домашнія жертвы, sacra privata. Обѣты отца пере-

*) Какъ lar знач. господинъ, такъ и heres —господинъ, повелитель.

ходили на его преемниковъ, и главная забота о sacra состояло въ томъ, чтобы они существовали постоянно, не прекращаясь. Выполненіе этой религіозной обязанности лежало на наслѣдникѣ, былъ ли то сынъ, или другое лицо. Основываясь на одномъ, извѣстномъ мѣстѣ Цицерона (de leg., II, 19—22), Ласаль весьма остроумно и убѣдительно доказалъ, что въ древности sacra не были необходимо связаны съ наслѣдственнымъ имуществомъ, слѣдовательно было такое время, что въ гражданскомъ правѣ наслѣдство и полученіе имущества наслѣдователя были двумя различными, независимыми одно отъ другого понятіями. Древне-римское наслѣдство, сущность котораго особенно рельефно выразилась въ завѣщаніи, было не «простымъ только дополненіемъ имущественнаго права», какъ думаютъ многіе вмѣстѣ съ Пухтой. Наслѣдство осуществляло собою идею безсмертія семейства: наслѣдователь продолжалъ жить въ лицѣ своего наслѣдника, а завѣщаніе было римскимъ безсмертіемъ *). «Нѣтъ другого утѣшенія въ смерти, кромѣ воли, переживающей смерть», восклицаетъ Квинтиліанъ, открывая тѣмъ сущность римскаго завѣщательнаго права. Этимъ и только этимъ однимъ можно объяснить то религіозное уваженіе, ту чрезвычайную приверженность къ завѣщаніе, которыми такъ отличались римляне и которыя можно сравнить только съ заботливостью древняго египтянина объ устройствѣ себѣ посмертнаго жилища. Въ связи только съ такимъ пониманіемъ завѣщанія и становится яснымъ тотъ характеристическій обычай, въ силу котораго римляне дѣлали изъ завѣщанія памятникъ позора для своихъ враговъ и преподавали въ немъ наслѣднику свое политическое profession de foi. Такъ, по свидѣтельству Тацита, Фульциніусъ Тріо «много и жестоко» поноситъ въ своемъ завѣщаніи императора Тиверія и его фаворитовъ; Фабріцій съ Веенто позоритъ въ завѣщаніи сенатъ и жрецовъ, Петроній—Нерона и т. д. Свобода завѣщанія была безгранична, и въ ея религіозную сферу не смѣли вторгаться самые капризные цезари, подобно тому, какъ величайшіе изъ христіанскихъ деспотовъ признаютъ равенство всѣхъ людей на небѣ. Однажды раболѣпный сенатъ хотѣлъ запретить дѣлать изъ завѣщанія пасквиль на враговъ, но этому воспрепятствовалъ Августъ. Въ другой разъ трусливые наслѣдники Фульциніуса Тріо хотѣли скрыть его завѣщаніе, наполненное жестокими нападками на Тиверія, но послѣдній велѣлъ прочесть это завѣщаніе по обычаю публично. Будучи орудіемъ *позора* для враговъ, завѣщаніе доставляло честь наслѣднику, честь быть продолжателемъ воли завѣщателя. Что завѣщаніе не было только распоряженіемъ объ имуществѣ, это можно видѣть изъ одного уже того, что иногда богатѣйшіе и знаменитѣйшіе люди государства назначались наслѣдниками людей незначительныхъ и бѣдныхъ, конечно, не ради полученія ничтожнаго имущества, въ которомъ они вовсе не нуждались.

Римское патриціанское общество было основано на изложенныхъ нами семейныхъ началахъ. Союзъ семей образовалъ родъ, союзъ родовъ—племя, союзъ племенъ—государство. Отеческая власть надъ государствомъ принадлежала царю, а мѣсто семейнаго совѣта занималъ сенатъ, составленный изъ 300 представителей родовъ. Гражданами были одни домовладыки. Основою общественнаго союза была гипотеза объ единокровномъ происхожденіи всѣхъ семей, входившихъ въ составъ его. Какъ на Востокѣ, въ Греціи, въ позднѣйшей Европѣ, такъ и въ Римѣ исторія политическихъ идей начинается предположеніемъ, что всѣ члены общества, кромѣ рабовъ, имѣютъ единокровное происхожденіе, и что послѣднее только и можетъ служить основою общественнаго союза. При этомъ въ исторіи всѣхъ подобныхъ государствъ мы видимъ ясные слѣды такихъ событій, благодаря которымъ въ составъ ихъ принимались люди совершенно чуждаго происхожденія. Не такой фактъ, подрывавшій теорію единокровности, замаскировывался посредствомъ фикціи усыновленія, и принятыхъ обществомъ чужеплеменниковъ оно начинало считать потомками одного корня съ собой. Такое поглощеніе обществомъ чуждыхъ ему элементовъ продолжается только до извѣстнаго времени, начиная съ котораго общество превращается въ замкнутый аристократическій кругъ, недоступный тѣмъ элементамъ чуждой ему крови, которые почему-нибудь тѣснятся около него и желаютъ войти въ составъ его. Эти народные элементы, состоящіе, большею частію, изъ осколковъ разныхъ національностей, не имѣющіе между собою ни дѣйствительнаго, ни фиктивнаго родства, образуютъ особый общественный союзъ на новомъ политическомъ принципѣ *мѣстной смежности*. Таковы были римскіе плебеи, и ихъ борьба съ патриціями, кончившаяся побѣдой, была борьбой демократически-политическихъ началъ съ аристократической теоріей единокровности, на которой было основано государство патриціевъ. Кромѣ плебеевъ, около патриціанскаго государства постоянно тѣснились многочисленныя толпы иностранцевъ и натурализированныхъ чужеземцевъ. Патриціи относились къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ; *иностранецъ* и *врагъ* были синонимами; рабы были иностранцами, обращенными въ неволю, а всѣ иностранцы считались рабами по принципу. Такъ какъ патриціанское общество было союзомъ единокровныхъ или считавшихъ себя единокровными семей, такъ какъ домовладыки были царями своихъ семействъ и единственными полноправными гражданами государства, то естественно, что плебеи и особенно иностранцы, хотя по необходимости и принимались въ составъ государства, но патриціи не давали имъ никакихъ значительныхъ правъ. Основою древне-римской правоспособности была отеческая власть; поэтому плебеи и иностранцы не имѣли права вступать въ патриціанскій бракъ, дѣлать завѣщаніе, участвовать въ управленіи и въ общественномъ культѣ; иностранцы не могли поль-

*) Завѣщаніе — доказываетъ Мэнъ—создано Римомъ и всюду, гдѣ оно есть, возникло подъ вліяніемъ римскаго права; слабые зачатки завѣщанія мы видимъ въ Аѳинахъ и Бенгалѣ, но и они приписываются римскому вліянію, въ Аѳинахъ непосредственному, а въ Бенгалѣ — посредствомъ англійскихъ законовѣдовъ. Но это несправедливо; у джуржурскихъ кабиловъ, напр., мы видимъ очень развитую форму завѣщанія. См. ст. Бибеско о кабилахъ, въ Revue des deux mondes, 1865, 1 avril.

зоваться ни выгодами римскаго суда, ни заключать контрактовъ, ни вступать въ важныя гражданскія обязательства. Борьба патриціанскаго элемента съ плебейскимъ имѣла результатомъ преобразованіе государства изъ патриціанскаго въ политическое и реформу семейства, о которой мы будемъ говорить ниже. Борьба съ иностраннымъ элементомъ была еще плодотворнѣе. Хотя древнѣйшая римская конституція держалась принципа абсолютнаго исключенія и полнѣйшей безправности иностранцевъ, но торговые интересы и безопасность государства, въ виду постоянно толпившихся на его территоріи чужеземныхъ полчищъ, заставляли постепенно ослаблять дѣйствіе упомянутаго принципа. Давая иностранцамъ судъ и извѣстныя права, Римъ въ то же время постепенно создавалъ для нихъ jus gentium, «право, общее всѣмъ націямъ», систему, составленную изъ законовъ и юридическихъ обычаевъ, общихъ разнымъ народамъ, въ особенности племенамъ Италіи. Когда же въ Италію проникла греческая философія, когда она распространила здѣсь теорію естественнаго права, или закона, которому всѣхъ людей научаетъ природа, когда основнымъ правиломъ морали лучшаго общественнаго слоя сдѣлалась «жизнь, согласная съ природой», когда на римскихъ юристовъ начали сильно вліять гуманныя доктрины стоиковъ, тогда право народовъ, jus gentium, подвергавшееся вліянію упомянутыхъ греческихъ теорій, было возведено на степень кодекса естественнаго права, на степень идеала, къ осуществленію котораго должна была стремиться строгая римская юриспруденція.

Подъ вліяніемъ этого новаго направленія институція семейства постепенно измѣнялась къ лучшему, и власть общественнаго форума постепенно ограничивала права деспотовъ, возсѣдавшихъ у каждаго домашняго очага. Еще въ то время, когда отеческая власть была въ полной силѣ, государство не допускало ее преслѣдовать сына въ отношеніяхъ публичнаго права. Отецъ и сынъ могли вмѣстѣ вотировать, служить наравнѣ въ арміи, сынъ въ качествѣ генерала могъ даже командовать отцомъ, а въ качествѣ судьи рѣшать его дѣла и наказывать его за преступленія. Во всѣхъ же отношеніяхъ частнаго права отецъ былъ безконтрольнымъ владыкою дѣтей. Когда извѣстный трибунъ Спурій Кассій, державшійся интересовъ народа и установившій аграрные законы, сложилъ съ себя свою должность, то отецъ его, мстя за патриціанъ демократу сыну, казнилъ его смертью у подножія домашняго алтаря. Государство, конечно, не могло терпѣть подобнаго произвола и наконецъ признало отца, пользующагося надъ своими дѣтьми древнимъ правомъ жизни и смерти, однимъ изъ самыхъ страшныхъ уголовныхъ преступниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ, отцы были лишены права продавать своихъ дѣтей, безконтрольно подвергать ихъ тѣлесному наказанію, даже усыновлять чужихъ дѣтей безъ согласія послѣднихъ. Но эти перемѣны совершались уже въ эпоху разложенія римской общественной жизни, подъ вліяніемъ смягчающей греческой цивилизаціи. Постоянныя войны римлянъ, торговыя путешествія, управленіе провинціями, требовавшее множества чиновниковъ, колонизація покоренныхъ земель солдатами — все это сильно вліяло на разложеніе семейства и умножало число лицъ, достигавшихъ такимъ путемъ фактической эмансипаціи отъ отеческой власти. Вскорѣ послѣ этого уничтожена абсолютная власть отца надъ собственностью дѣтей, полученною ими въ наслѣдство отъ матери, и наконецъ за отцомъ было оставлено только право пожизненнаго пользованія всѣми другими видами собственности его дѣтей. Наслѣдственное право также подверглось значительнымъ перемѣнамъ; отецъ лишенъ власти обезнаслѣдовать своихъ законныхъ наслѣдниковъ; преторъ, на основаніи своихъ принциповъ справедливости, допускалъ къ наслѣдству многихъ лицъ, которыя не допускались къ нему прежнимъ агнатическимъ правомъ; если завѣщатель обходилъ или обдѣлялъ извѣстныхъ близкихъ родственниковъ, то государство, въ интересѣ послѣднихъ, признавало недѣйствительнымъ и самое завѣщаніе, и т. д. Въ древнѣйшую эпоху отецъ женилъ сына, отдавалъ замужъ дочь, расторгалъ браки своихъ дѣтей, но позднѣе его права въ этомъ отношеніи были ограничены только согласіемъ или несогласіемъ на женитьбу сына и замужество дочери. Правда, что этимъ отеческая власть мало была стѣснена въ своемъ произволѣ, а дѣти не очень много выигрывали отъ такого ея ограниченія, потому что необходимость родительскаго согласія, какъ у другихъ народовъ, такъ и въ Римѣ, имѣла почти такое же стѣснительное вліяніе на развитіе свободныхъ браковъ, какъ и безконтрольное распоряженіе ими домовладыкъ. Но хотя римляне и не успѣли вычеркнуть этого правила изъ своего кодекса, все-таки его сила постепенно ослабѣвала по мѣрѣ смягченія общественныхъ нравовъ, по мѣрѣ того, какъ духъ личной свободы измѣнялъ разные отдѣлы брачнаго права и потрясалъ ветхое зданіе архаическаго семейства.

Такимъ образомъ, человѣческая личность при помощи государства разбивала стѣснявшіе ее семейные оковы, и римское общество мало-по-малу шло къ тому, чтобы изъ союза семей превратиться въ союзъ индивидуумовъ. Женщина не мало содѣйствовала этому соціальному движенію и въ то же время находила въ немъ важную опору для своей эмансипаціи.

XI.

Бракъ дозволялся римлянамъ только въ формѣ моногаміи; наложничество было запрещено вплоть до императорской эпохи; близкіе родственники не могли брачиться между собою; въ большинствѣ случаевъ бракъ былъ чисто гражданскимъ договоромъ, и только у патриціевъ онъ носилъ характеръ религіознаго таинства. Патриціанскій бракъ, или confarreatio, ставилъ жену въ совершенную зависимость отъ мужа, она поступала подъ отеческую власть супруга въ качествѣ его дочери (filiæ loco): ея имущество со всѣми правами на него переходило къ мужу, а если онъ былъ не эмансипированнымъ сыномъ, то къ его отцу. Жена не могла ни пріобрѣтать въ свою собственность чего бы то

ни было, ни дѣлать завѣщанія, ни принимать подарковъ отъ мужа. Она подлежала юрисдикціи супруга, который, вмѣстѣ съ семейнымъ совѣтомъ, судилъ ее и даже приговаривалъ къ смертной казни. Игнатій Метеллъ убилъ свою жену за то, что она напилась пьяною, и, по словамъ Валерія Максима, не нашлось никого, кто бы порицалъ это убійство; всѣ, напротивъ, смотрѣли на него, какъ на спасительный примѣръ. Въ одномъ только отношеніи законъ ограничивалъ произволъ мужа, именно, запрещалъ разводъ, кромѣ случаевъ прелюбодѣянія жены, небреженія ея о хозяйствѣ или совершеннаго ею плодоизгнанія. Такой бракъ уничтожался чрезвычайно трудно, и первый случай его расторженія совершился только въ 232 г. до Рож. Христ.

Патриціанскій бракъ былъ основанъ на идеѣ единокровности общества и самостоятельности семейства; въ основѣ патриціата лежалъ аристократически-патріархальный принципъ отцовства (патрицій—отъ pater, отецъ); женщина въ такой семьѣ могла быть только прилюдною самкой и рабыней семьи, или, по позднѣйшему облагороженному выраженію, матерью и хозяйкою. Въ разнохарактерномъ же и не имѣвшемъ никакихъ общихъ традицій обществѣ плебеевъ *) семейство не могло имѣть такого характера, какъ у патриціевъ, и плебейскій бракъ вполнѣ справедливо называется свободнымъ бракомъ. Для совершенія его не требовалось даже контрактовъ и было совершенно достаточно одного согласія жениха и невѣсты, а для расторженія довольно было одного желанія супруговъ, основаннаго на простомъ несходствѣ характеровъ. Жена въ такомъ бракѣ подчинялась не мужу, а домовладыкѣ воспитавшаго или усыновившаго ее семейства.

Упорная и продолжительная борьба плебеевъ и патриціевъ, измѣнившая основы римскаго общества, не осталась безъ вліянія и на исторію брака. Плебеи стремились къ равноправности съ патриціями, къ возможности заключать съ ними брачные союзы и къ утвержденію въ своихъ семействахъ болѣе прочныхъ порядковъ (послѣднее стремленіе мужского элемента, какъ мы уже говорили, всегда усиливается въ эпоху первоначальнаго развитія государствъ). Патриціи, не желавшіе утверждать за отцами плебейскихъ семей строгой родительской власти, служащей въ архаическомъ обществѣ основою соціальной силы и гражданскихъ правъ, недолго могли отстаивать свои исключительные принципы, и законодательство XII таблицъ нанесло значительный ударъ интересамъ плебеянокъ, гарантировавъ мужьямъ ихъ почти такія же права, какія давались институтомъ патриціанскаго брака. Жена поступала въ полное подчиненіе мужа, не имѣла отдѣльной собственности, а право на разводъ предоставлялось одному только мужу. Но этотъ бракъ могъ установиться не тотчасъ по заключеніи его, а черезъ годъ и то лишь въ случаѣ согласія жены, выраженнаго ею тѣмъ, что она въ продолженіе года не проводила внѣ мужниного дома болѣе двухъ ночей; если же она не ночевала дома три ночи, то оставалась относительно супруга лицомъ самостоятельнымъ.

Въ 311 г. отъ основанія города плебеи вынудили патриціевъ выйти изъ своей семейной изолированности и согласиться на заключеніе патриціанско-плебейскихъ браковъ. Бракъ этотъ хотя и былъ гражданскимъ, но имѣлъ такой же строгій характеръ и ставилъ жену въ такое же безправное положеніе, какъ и confarreatio. Патриціи вступали въ такой бракъ между собой и съ плебеями, а плебеи держались свободной формы брака, которая, благодаря усиліямъ женщинъ, все болѣе и болѣе стремилась къ полному перевѣсу надъ формами болѣе строгими.

Совмѣстное и единовременное существованіе свободнаго и строгаго браковъ указываетъ на то, что борьба женщины за свою свободу и самостоятельность началась съ древнѣйшихъ временъ, даже раньше борьбы патриціата съ плебсомъ. Древнеримскимъ идеаломъ женщины было—покорная жена, хорошая мать, трудолюбивая хозяйка, и вмѣсто другихъ похвалъ на гробницѣ добродѣтельной матроны дѣлалась надпись, что она «смотрѣла за домомъ и пряла шерсть». Въ древнѣйшія времена женщина не могла даже выходить на улицу, не закрывъ своего лица по-восточному. Но всѣ подобные обычаи скоро вышли изъ употребленія, и римлянки, даже въ строгія времена господства древнихъ правовъ, пользовались общественною свободою въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ гречанки. «Мы»—говоритъ Корнелій Непотъ — «не стыдимся вводить нашихъ женъ на пиршества, на которыхъ сами присутствуемъ; наши матери семействъ видятъ людей и общество; у насъ жена занимаетъ первое послѣ мужа мѣсто въ домѣ». На общественныхъ гуляньяхъ и процессіяхъ, въ театрахъ и храмахъ женщины также являлись вмѣстѣ съ своими отцами, мужьями, братьями, сыновьями. Ликторъ, хотя бы онъ для самого консула ,очищалъ дорогу отъ людей, не имѣлъ права отстранять идущую по ней матрону. Этимъ уваженіемъ женщина была обязана своему материнству; законъ покровительствовалъ ей только «prosecandorum liberorum causa», какъ орудію, служащему для произведенія на свѣтъ гражданъ, и слѣдовательно, для поддержанія жизни государства. Но при всемъ этомъ женщина имѣла здѣсь возможность достигать и самостоятельнаго значенія. Дѣвушкамъ давали образованіе. Учили ихъ, во-первыхъ, рукодѣльямъ, прясть и ткать; это считалось необходимымъ условіемъ хорошаго воспитанія въ духѣ старины, и въ домахъ, строго державшихся отеческихъ преданій, вся одежда для семейства приготовлялась если не самою хозяйкою, то, во всякомъ разѣ, подъ ея непосредственнымъ руководствомъ. Научное образованіе дѣвочки высшаго круга получали дома, а средняго и низшаго—въ школахъ и

*) Плебеи состояли главнымъ образомъ изъ переселенныхъ въ Римъ жителей разныхъ покоренныхъ странъ; къ нимъ присоединялось много эмигрантовъ и даже много аристократическихъ фамилій, имѣвшихъ важное значеніе и громкую родословную въ покинутыхъ ими общинахъ. Плебеи были лично свободны, но политически безправны.

даже вмѣстѣ съ мальчиками. Предметами обученія были, главнымъ образомъ, литературы Греціи и Рима. Съ особеннымъ стараніемъ также обучали дѣвушекъ музыкѣ, танцамъ и пѣнію; иногда даже ихъ подвергали публичному испытанію въ этихъ искусствахъ. Религія не отвергала женщинъ и въ лицѣ хранительницъ священнаго огня, весталокъ, выставляла ихъ образцами чистоты и цѣломудрія. Въ театрѣ весталки имѣли мѣста на ряду съ высшими сановниками государства; если ведомый на казнь преступникъ встрѣчался имъ, то получалъ свободу. Римскія сивиллы, подобно пиѳиссамъ Эллады, имѣли вліяніе не только на отдѣльныхъ лицъ, но и на дѣла общественныя. Посредствомъ мужчинъ римлянки всегда принимали участіе въ соціальной жизни своего отечества. Женщина возвела на тронъ Анка Марція; женщина спасла Римъ отъ Коріолана; женщина воспитала и подарила отечеству великихъ друзей народа, Гракховъ; женщины не разъ самымъ дѣятельнымъ образомъ участвовали въ защитѣ Рима отъ чужеземныхъ враговъ; благодаря ихъ заботамъ о воспитаніи дѣтей, великая республика такъ прославилась гражданскими добродѣтелями; женщины не разъ управляли посредствомъ своихъ мужей дѣлами государства. Но такая посредственная дѣятельность женщинъ ограничивалась извѣстными предѣлами, и главнымъ на значеніемъ ихъ все-таки чтилась семья и хозяйство. Женщина могла воспитывать изъ своихъ дѣтей хорошихъ гражданъ, могла быть совѣтницей и помощницей мужа въ его занятіяхъ, и только; самостоятельной роли въ обществѣ она не играла. И законъ, и общественное мнѣніе употребляли всѣ силы для удержанія ея въ сферѣ семейства, для охраненія послѣдняго отъ ея эманципаціонныхъ покушеній, для поддержанія древнихъ патріархальныхъ нравовъ. Прелюбодѣяніе наказывалось одинаково строго съ самыми крупными государственными преступленіями, не сохранившую обѣта цѣломудрія весталку погребали заживо, а ея соблазнителя засѣкали до смерти. Въ древнѣйшую эпоху прелюбодѣйную женщину имѣлъ право казнить ея мужъ, а дѣвушку отецъ; они также могли лишить жизни и пойманнаго ими любовника. Идеѣ патріархальной половой добродѣтели древній римлянинъ не задумываясь приносилъ въ жертву даже вовсе невиноватую, но только насильно обезчещенную женщину, какъ показываетъ примѣръ Лукреціи, убитой своимъ отцомъ. Впослѣдствіи государство ограничило карательную власть отца и мужа, и смягчило самыя наказанія за блудъ, кровосмѣшеніе и сводничество, опредѣливъ подвергать виновныхъ конфискаціи части имущества и ссылкѣ на острова. Но по мѣрѣ возраставшаго въ Римѣ развращенія нравовъ, снова начали вводиться жестокія наказанія за половыя преступленія, и христіанскіе императоры положили: виновную въ прелюбодѣяніи женщину, конфисковавъ ее имущество, заключать навсегда въ монастырь, а ея соблазнителя казнить смертью. Такими кровавыми мѣрами хотѣли задержать неминуемое при тогдашнихъ соціальныхъ порядкахъ разложеніе семейства.

И еще задолго до христіанства ревнители патріархальной добродѣтели зорко слѣдили за каждымъ шагомъ женщины, и, дозволяя мужчинѣ наслажденія проституціей, наказывая его за прелюбодѣяніе только въ томъ случаѣ, если его любовница была замужемъ, они преслѣдовали въ женщинѣ всякое поползновеніе къ свободѣ чувства, всякое проявленіе кокетства. Даже брачному союзу они старались придать какой-то официальный характеръ, стараясь изгнать изъ него всякое обнаруженіе страсти. Катонъ старшій, напр., исключилъ изъ сената сенатора Манилія за то только, что послѣдній въ присутствіи взрослой дочери поцѣловалъ свою жену. Если отецъ семьи дѣлалъ послабленія членамъ ея, если мужъ не поддерживалъ своей власти надъ женой во всей строгости, если, напр., онъ не разводился съ нею послѣ нарушенія ею супружеской вѣрности, то строгій цензоръ нравовъ всегда могъ понудить такихъ нерадивыхъ къ надлежащему управленію ихъ семействами. При этомъ холостая жизнь не только не одобрялась съ нравственной точки зрѣнія, но и преслѣдовалась юридически. Еще въ періодъ республики цензоры постоянно убѣждали молодежь къ вступленію въ бракъ и налагали штрафъ на бездѣтныхъ. Императоры, какъ увидимъ ниже, еще строже преслѣдовали безбрачіе и поощряли чадородіе. Такимъ образомъ, поддерживая архаическое семейство, государство хотя и дѣлало нѣкоторыя уступки стремленіямъ женской личности, хотя и устраняло женщину отъ общественной жизни, но все-таки ограничивало ея дѣятельность сферою семейства и, «по причинѣ ея легкомысленности», держало ее подъ постоянной опекой мужчинъ-родственниковъ. Какъ существо опекаемое, зависимое, женщина не могла ни имѣть родительской власти надъ своими дѣтьми, ни опекать ихъ, ни совершать, въ качествѣ самостоятельнаго лица, какого бы ни было гражданскаго договора, ни вести процесса безъ своего опекуна.

Если бы бракъ и семейство въ Римѣ были устроены болѣе разумно и справедливо, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, то женщинѣ оставалось бы только стремиться къ полной равноправности съ мужчиною. Но путь къ этой цѣли загораживался прежде всего крѣпкими стѣнами патріархальнаго семейства. Достичь какой бы то ни было свободы женщина могла не иначе, какъ сдѣлавъ проломъ въ этихъ стѣнахъ или вовсе разрушивъ ихъ. Прежде всего ей нужно было освободиться отъ семейной неволи и добыть себѣ свободу полового чувства, которое въ ней развивали въ ущербъ всѣмъ другимъ психическимъ функціямъ и въ то же время монополизировали и дѣлали его обязательнымъ. Рабство всегда было, есть и будетъ противно природѣ человѣка вообще и женщины въ частности; обязательность чувства—логическая нелѣпость, невозможность; поэтому-то въ исторіи всѣхъ народовъ мы видимъ, что рабство женщины и семейства, обязательность любви, даже при отсутствіи ея, и монополизированіе половой функціи всегда вели за собой паденіе семейства и стремленіе женщины къ полной свободѣ половой страсти. Однимъ изъ лучшихъ доказа-

тельствъ этой мысли служитъ исторія Рима. Монотонный, официальный, обязательно - неизмѣнный характеръ брака не удовлетворялъ ни женщинъ, ни мужчинъ; естественное стремленіе къ свободной любви, не находя себѣ надлежащаго выхода, обратилось къ проституціи. Человѣкъ хотѣлъ страсти и наслажденія; его женили и предписывали ему производить дѣтей; но онъ все-таки хотѣлъ страсти и находилъ ее въ объятіяхъ гетеры. Брачныя обязанности дѣлались чѣмъ-то въ родѣ общественной повинности, а внѣбрачная любовная связь замѣняла собою то, чѣмъ собственно долженъ бы быть бракъ. Гетера разрушала семейство и своею свободою прельщала семейную женщину, которая на ея примѣрѣ видѣла, что порокъ освобождаетъ, а офиціальная добродѣтель порабощаетъ. Римлянка стала подражать гетерѣ во всемъ, и толпы матронъ, являясь въ полицейскую префектуру, требовали помѣщенія своихъ именъ въ проституціонные списки. Гетеризмъ доставлялъ женщинамъ хотя на время экономическую самостоятельность и личную независимость. То же освободительное значеніе имѣло и занятіе искусствомъ. Танцорки, музыкантши, пѣвицы не обремѣняли себя вовсе семейными узами, могли жить своимъ трудомъ и наслаждаться независимостью, неизвѣстною семейной женщинѣ. Экономическая самостоятельность,—это необходимое условіе женской свободы,—рано сдѣлалась цѣлью самыхъ настойчивыхъ стремленій семейной римлянки. И она скоро достигла своей цѣли. Въ плебейскомъ бракѣ имущество жены составляло ея полную, независимую отъ мужа собственность, которая давала женѣ возможность не только не дѣлаться рабынею или содержанкою своего супруга, но даже управлять имъ. Мужъ богатой женщины становился обыкновенно ея кабальникомъ, и, сдѣлавшіяся экономически независимыми, римлянки начали эксплуатировать супруговъ силою своего капитала съ такимъ же безсердечіемъ, съ какимъ мужья угнетали зависимыхъ женъ силою своей власти. Жена обыкновенно давала мужу въ займы на короткіе сроки и подъ большіе проценты; мужъ обыкновенно не могъ расплатиться въ срокъ, входилъ въ новые долги, принималъ на себя новыя обязательства и наконецъ дѣлался полнымъ рабомъ своей дражайшей половины. Она могла и въ концѣ разорить его, и погубить его репутацію, подвергнувъ его столь тяжкой для римскаго гражданина infamia. Всѣ подобныя стремленія римлянки къ самостоятельности стояли ей упорной борьбы и напряженныхъ усилій, направленныхъ къ ниспроверженію власти мужа и половой опеки. Жена часто покорялась мужу и жила съ нимъ только въ силу необходимости, какъ рабыня и плѣнница. Когда началась война между Римомъ и латинами, то жены римлянъ тотчасъ побросали своихъ мужей и бѣжали къ родичамъ-латинамъ. Стремленіе къ независимости доводило римлянокъ не только до мужеубійства и другихъ одиночныхъ преступленій, но даже организовало между ними тайныя общества и заговоры съ цѣлью ниспроверженія патріархально-семейныхъ порядковъ. Такъ въ 326 г. до Р. Х. Римъ былъ пораженъ ужасною вѣстью о заговорѣ женщинъ съ цѣлью отравленія мужей, о томъ, что матроны приготовляютъ для этого ядъ, и уже многіе мужчины пали жертвою ихъ умысловъ. Число заговорщицъ историческія извѣстія опредѣляютъ неодинаково, одни считаютъ 170, другіе 360. Уличенныхъ женщинъ судьи заставили выпить ядъ, приготовленный ими для мужей. Иногда римлянки доходили даже до открытыхъ столкновеній съ правительствомъ и силою принуждали его отмѣнять законы, стѣснявшіе ихъ свободу. Во время пунической войны консулъ Оппій провелъ законъ, запрещавшій женщинамъ имѣть въ своихъ украшеніяхъ болѣе ½ унціи золота, носить пестрое платье и ѣздить на парѣ. Когда финансовыя дѣла Рима поправились, законъ этотъ, все еще продолжавшій существовать, сдѣлался невыносимымъ для женщинъ, и римлянки, подавъ черезъ двухъ трибуновъ петицію объ его уничтоженіи, пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы заставить правительство уступить ихъ желаніямъ. Громадныя толпы женщинъ, не смотря на запрещеніе своихъ мужей, стекались въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ Капитолій, гдѣ обсуждался вопросъ объ оппіевомъ законѣ; къ римлянкамъ присоединились здѣсь женщины изъ окрестныхъ поселеній и городовъ; консулы и преторы были оглушаемы женскими криками и требованіями объ отмѣнѣ закона. Въ пользу женщинъ держалъ рѣчь трибунъ Люцій Валерій. При настоящемъ развитіи общественнаго благосостоянія—говорилъ онъ—законъ Оппія является неумѣстнымъ и несправедливымъ. «Мужчины и дѣти могутъ теперь носить роскошныя платья, мужчина имѣетъ право покрывать свою лошадь попоной изъ пурпура, но женщинѣ не дѣлается никакого снисхожденія, и лошадь одѣвается роскошнѣе, чѣмъ жена! Женщины нашихъ латинскихъ союзниковъ могутъ щеголять золотомъ и пурпуромъ, ѣздить по городу, а римлянкѣ это запрещено, римлянкѣ, которая лишена доступа къ важнымъ должностямъ, къ жреческому сану, не имѣетъ участія въ тріумфахъ, не можетъ получать никакихъ почетныхъ наградъ. Оставьте же ей, по крайней мѣрѣ, наряды и приличную обстановку!» Противъ Валерія поднялся знаменитый Катонъ, рѣчь котораго хорошо выражаетъ и взгляды строго патріархальныхъ римлянъ на женщину, и ихъ страхъ передъ ея эманципаціонными стремленіями. «Если бы каждый изъ насъ—говорилъ ораторъ — умѣлъ поддерживать передъ своей женой права и величество мужа, то мы справились бы мигомъ съ бабами. Но мы допустили мужчину подчиниться женскому своеволію въ семействѣ, и вотъ теперь на форумѣ не можемъ устоять въ борьбѣ съ женщинами и боимся ихъ. Опасность сдѣлалась особенно сильною потому, что мы допустили сходки и тайныя совѣщанія женщинъ... Наши предки не дозволяли имъ безъ надзора мужчины заниматься даже частными дѣлами: они хотѣли, чтобы женщины были подъ постоянной опекой своихъ отцовъ, или братьевъ, или мужей. Мы же дойдемъ, наконецъ, до того, что охотно допустимъ бабъ въ управленіе государствомъ, въ дѣла форума, въ національныя и избирательныя со-

бранія. Да и теперь развѣ онѣ уже не достигли этого? Развѣ онѣ не толкуютъ на улицахъ и перекресткахъ о принятіи предложеній трибуновъ, развѣ онѣ не поднимаются за отмѣну закона? Предоставьте только свободно дѣйствовать этому роду, этимъ тварямъ необузданнаго характера, и вы увидите, могутъ ли онѣ держаться мѣры, могутъ ли полагать для себя извѣстныя ограниченія, если послѣднихъ не опредѣляетъ для нихъ кто-нибудь другой. На все смотрятъ онѣ съ неудовольствіемъ, для нихъ невыносимы правила, предписываемыя закономъ и обычаемъ. Онѣ хотятъ свободы во всемъ, или, правильнѣе говоря, необузданности, и что будетъ, если онѣ достигнутъ ея? Онѣ, наконецъ, сдѣлаются совершенно равными вамъ, а сравнявшись съ вами, онѣ немедленно сдѣлаются вашими повелителями!..» Но, не смотря даже на противодѣйствіе такихъ людей, какъ Катонъ, женщины взяли верхъ, и законъ Оппія былъ отмѣненъ. Во время второго тріумвирата произошло другое замѣчательное столкновеніе римлянокъ съ правительствомъ. Тріумвиры до того истощили народъ сборами на военныя издержки, что были вынуждены забрать наконецъ даже суммы, хранившіяся у весталокъ; но денегъ все-таки недоставало, и тріумвиры вздумали сдѣлать огромный сборъ съ 1.400 богатыхъ римлянокъ, которыхъ они считали беззащитными, такъ какъ все это были жены, дочери, сестры и другія родственницы гражданъ казненныхъ, изгнанныхъ или преслѣдуемыхъ правительствомъ. Но тріумвиры ошиблись,—женщины сумѣли защитить сами себя. Густая толпа римлянокъ энергично двинулась на форумъ, пролагая себѣ дорогу черезъ массы народа и стражу. Тріумвиры распорядились силою разогнать женщинъ, но народъ не допустилъ этого, и женщинамъ было дано право слова, которымъ превосходно воспользовалась Гортензія, дочь извѣстнаго оратора того же имени. «Несчастныя женщины, которыхъ вы видите передъ собой,—между прочимъ говорила она,—просятъ справедливости. Власть, достоинства, почести—все это не для насъ, женщинъ; почему же мы должны участвовать въ издержкахъ войны, которая не можетъ принести намъ рѣшительно никакой пользы? Правда, наши матери помогали республикѣ въ годину ея крайней нужды, но для этого ихъ не заставляли продавать домовъ и земель, и ихъ пожертвованія были добровольными. Если бы теперь галлы или парфы раскинули свой лагерь на берегахъ Тибра, то вы нашли бы насъ не менѣе ревностными къ защитѣ родины, чѣмъ были прежде наши матери; но мы рѣшились не принимать никакого участія въ войнѣ междоусобной. Ни Марій, ни Цезарь, ни Помпей, ни даже самъ Силла, первый водворившій въ Римѣ тиранніе, никто изъ нихъ и не думалъ принуждать насъ къ участію въ междоусобныхъ смутахъ. Вы присвоиваете себѣ громкое титло реформаторовъ государства, но это титло обратится вамъ въ вѣчный позоръ, если вы, не смотря на законы справедливости, будете продолжать отнятіе жизни и имущества у тѣхъ, которыя не подали къ тому никакого законнаго повода». Рѣчь Гортензіи привела тріумвировъ въ бѣшенство, и только грозный голосъ народа удержалъ ихъ отъ насилій надъ смѣлыми гражданками. Налогъ былъ сложенъ съ 1.000, но 400 женщинъ все-таки были принуждены уплатить его. Въ этихъ двухъ женскихъ движеніяхъ, имѣвшихъ цѣлью отмѣну законовъ и административныхъ декретовъ, мы видимъ, что эмансипаціонныя стремленія римлянокъ не ограничивались реформою семейнаго права. Особенно въ борьбѣ съ тріумвирами женщины являются истыми гражданками, благородными врагами тиранніи, а въ рѣчахъ Валерія и Гортензіи сильно замѣтно недовольство тѣми общественными порядками, при которомъ «власть, достоинства, почести — все это не для женщины». Но такъ какъ о доступѣ къ общественной дѣятельности нечего было и думать при сохраненіи строгопатріархальныхъ порядковъ, которые прежде всего и болѣе всего давили женскую личность, такъ какъ большинство римлянокъ, по своему воспитанію, вовсе не годилось для какого-нибудь серьезнаго занятія, такъ какъ все населеніе Рима, пренебрегая трудомъ, жило безсовѣстной эксплуатаціей рабовъ и побѣжденныхъ народовъ, такъ какъ господство плутократіи, чудовищный деспотизмъ цезарей, постоянные организованные разбои за границей, систематическое разграбленіе міра и другія подобныя условія дѣлали изъ римлянина праздного барина, живущаго кровью подвластныхъ ему людей,—то понятно, что первые и самые сильные удары женской эманципаціи были направлены противъ семейства, понятно, что римлянка, зараженная всѣми недостатками окружавшаго ее общества, прежде всего должна была стремиться къ тому, чтобы, сдѣлавшись независимой отъ мужчины *барынней*, наслаждаться всѣми благами жизни на своей волѣ. Конечно, такой порывъ женской эманципаціи достоинъ всякаго сожалѣнія, но это былъ порывъ естественный, обусловленный всею предыдущей исторіей Рима. Большинство авторовъ, касающихся послѣдней эпохи Рима и толкующихъ о крайней развращенности тогдашнихъ женщинъ, не видятъ или не хотятъ видѣть истинной причины такого положенія дѣлъ. Римъ жилъ не производительнымъ трудомъ своихъ гражданъ, а грабежомъ міра и рабствомъ. Поколѣнія же людей, преемственно и неустанно занимающіяся этими позорными дѣлами, всегда естественно вырождаются въ отвратительную породу физическихъ и нравственныхъ чудовищъ; изъ героевъ они дѣлаются разбойниками, изъ людей прямыхъ и независимыхъ—рабольпными угодниками и двоедушными мерзавцами, изъ ревнителей строгой жизни—отчаянными развратниками, изъ сильныхъ и здоровыхъ физически—искаженными и разслабленными. По этому закону шла и исторія Рима. Утвержденіе свободнаго брака, уничтоженіе половой опеки, облегченіе развода, пріобрѣтеніе женщиною права личной собственности, реформирующее вліяніе государственной власти, ограничивавшей произволъ домовладыки и гарантировавшей личность домочадцевъ, войны, колонизація покоренныхъ земель, торговля и другія международныя сношенія—все

это неизбѣжно расшатывало основы стариннаго семейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ развившихся съ цивилизаціей половыхъ противоположностей и подъ растаѣвающимъ дѣйствіемъ рабства и богатствъ, хищнически отнимаемыхъ Римомъ у покоренной имъ земли, половая отрасть чувствовала себя неудовлетворенной даже въ свободной формѣ брака. Сытый и думавшій только о наслажденіяхъ римлянинъ хотѣлъ превратить свою жизнь въ непрерывное наслажденіе страсти съ перемѣнными любовницами. Заботясь о половой нравственности женъ, государство покровительствовало разврату съ невольницами и отпущенницами, спеціально воспитанными для утонченнаго гетеризма. Большая часть несмѣтныхъ богатствъ, награбленныхъ римлянами, пошла на проституток и сладострастныя оргіи. Женщину бракъ удовлетворялъ еще менѣе, чѣмъ мужчину. Мужья пренебрегали своими скучными, старомодными женами для прекрасныхъ, остроумныхъ и блестящихъ камелій; жены подражали мужьямъ, пріискивали себѣ любовниковъ по сердцу и старались поровняться въ свѣтскости, манерахъ и роскоши съ гетерами, такъ увлекавшими и разорявшими мужчинъ. Главною заботою воспитанія женщины сдѣлалось то, чтобы развить изъ нея свѣтскую львицу и обольстительную кокетку. Долго боролась женщина за право роскошничать наравнѣ съ мужемъ и его любовницами, долго завоевывала она себѣ экономическую самостоятельность. Ревнители старины употребляли всѣ усилія, чтобы удержать ее отъ роскоши и съ большимъ еще рвеніемъ старались объ ограниченіи ея имущественныхъ правъ, такъ часто дававшихъ ей полный перевѣсъ надъ мужчиною, что Катонъ говорилъ: «всѣмъ людямъ повинуются жены ихъ, намъ повинуются всѣ люди, а мы повинуемся женамъ». Хорошо понимая эту эмансипирующую силу женскаго имущества, консервативное правительство старалось по возможности давить его своими репрессивными мѣрами, въ родѣ вышеупомянутаго закона Оппія и декрета тріумвировъ. Таковъ же былъ и законъ Воконія, запрещавшій назначать женщинъ наслѣдницами или завѣщать имъ болѣе, чѣмъ доставалось наслѣднику или наслѣдникамъ. Цѣлью закона было отчасти предупрежденіе раздробки семейныхъ имуществъ, а главнымъ образомъ обузданіе «незаконно» присвоенной женщинами независимости, возраставшей все болѣе и болѣе. Въ своей рѣчи въ защиту этого закона Катонъ указываетъ главнымъ образомъ на то, какъ женщины употребляютъ независимое состояніе и богатство для униженія своихъ мужей, и напоминаетъ, что у древнихъ римлянъ мужъ былъ господиномъ и судьей жены, могъ подвергать ее наказаніямъ и казни. «Обличивъ ее въ невѣрности, ты можешь убить ее, а она, обличивъ тебя въ томъ же, и пальцемъ не смѣетъ тронуть; такъ оно и должно быть!» Законъ Воконія хотя былъ принятъ, но онъ мало стѣснялъ римлянокъ; въ завѣщаніяхъ назначали подставныхъ наслѣдниковъ, а отъ нихъ имущество переходило все-таки къ женщинамъ. Утвердивъ свою имущественную самостоятельность, женщина начала пользоваться ею для преобладанія надъ мужчиною и путемъ экономическимъ, и путемъ роскошнаго кокетства. Рабство и другіе соціальные порядки не дозволяли ей пока сдѣлаться эмансипированнымъ человѣкомъ, и она, сдѣлавшись эмансипированной барыней-рабовладѣлицей, не отставала въ роскоши отъ мужчины. Даже самыя скромныя и добродѣтельныя римлянки, по словамъ Плинія, начали считать неприличнымъ выходить изъ дома не въ модномъ платьѣ и безъ алмазовъ. Знатныя матроны даже для простыхъ визитовъ нанизывали на себя алмазовъ иногда на 200.000,000 сестерцій и держали стада ословъ спеціально для того, чтобы ежедневно купаться въ молокѣ ихъ. Туалетное искусство было очень развито, туалетная прислуга дамы многочисленна, туалетныя занятія богатой римлянки отнимали у нея все утро. Власть цензора сдѣлалась безсильною для того, чтобы удерживать женщину въ предѣлахъ семьи и старинныхъ нравовъ. Не патріархальная традиція, а мода стала управлять внѣшнею жизнію гражданокъ, законодательницами же моды и новыхъ общественныхъ обычаевъ были женщины. Въ царствованіе Геліогабала, по настоянію его матери, матроны составляютъ изъ себя «малый сенатъ», который держитъ свои засѣданія на квиринальской горѣ, постановляя законы моды и свѣтскихъ приличій, рѣшая разные вопросы о жизни женщинъ. Это былъ предшественникъ средневѣковыхъ «судовъ любви». Роскошь, наряды, кокетничанье были только простыми средствами къ удовлетворенію половой страсти, привлекавшими къ нарядной кокеткѣ толпы поклонниковъ. Поэтому вмѣстѣ съ борьбой женщины за право роскошничать и кокетничать идетъ борьба за свободу половой страсти. Выведенная изъ терпѣнія рабыня сначала метитъ мужу секретною измѣною, а потомъ разбиваетъ свои семейныя цѣпи и съ одурѣніемъ пускается въ оргіи публичнаго разврата. Черезъ десять лѣтъ послѣ отмѣны Оппіева закона учреждаются вакханаліи, на которыя сначала сходятся однѣ женщины, а потомъ онѣ привлекаютъ и мужчинъ, убивая для сохраненія тайны тѣхъ изъ нихъ, которые не соглашались любиться съ ними. Преслѣдованіе и запрещеніе этихъ сладострастныхъ сборищъ нисколько не задерживаетъ быстро усиливающагося разврата и своеволія женщинъ. Сами цезари, эти вѣнчанные артисты порока, предавались ему до отвалу, нерѣдко пытались въ видахъ государственной пользы ограничить его между своими подданными, преслѣдуя безбрачіе и бездѣтность. Lex Julia запрещаетъ безбрачную жизнь мужчинамъ отъ 20 до 60, а женщинамъ до 50 лѣтъ. Для того, чтобы пользоваться всѣми гражданскими правами, мужчины съ 25, а женщины съ 20 лѣтъ обязывались имѣть дѣтей. Имѣніе нѣсколькихъ дѣтей доставляло мужчинамъ земельные надѣлы и освобождало ихъ отъ извѣстныхъ повинностей, а женщинъ отъ половой опеки. Безбрачіе и бездѣтность наказывались штрафомъ; безбрачный не имѣлъ права ни получать наслѣдства, ни дѣлать завѣщанія; бездѣтный получалъ только половину слѣдующаго ему наслѣдства. Подобныя мѣры еще болѣе разрушали

бракъ, дѣлая его ненавистною официальностью, необходимою только для пріобрѣтенія извѣстныхъ правъ. «Люди женились не для рожденія наслѣдниковъ, а для полученія наслѣдства», говоритъ Плутархъ. Мужья мѣняли женъ, а жены мужей иногда ежегодно; случалось, что женщина имѣла преемственно до двадцати мужей и больше. Нарушеніе супружеской вѣрности сдѣлалось всеобщимъ, и Діонъ Кассій, при своемъ вступленіи въ должность консула, нашелъ въ Римѣ 3,000 жалобъ на прелюбодѣяніе. Скоро настало еще худшее время, когда на невѣрность жены или мужа не только не жаловались, но даже не обращали вниманія. Бракъ замѣнился конкубинатомъ. Мужчина обзаводится содержанками; матрона, при неимѣніи добровольнаго любовника, держитъ для этой роли гистріона или раба и нерѣдко, бросая мужа и дѣтей, убѣгаетъ на чужбину съ своимъ фаворитомъ. Отъ строгихъ мужей, отъ дѣтей, отъ соискателей наслѣдства женщина отдѣлывается часто посредствомъ кинжала или яда. А гдѣ можно защитить себя или удовлетворить свои желанія посредствомъ закона, тамъ римлянки начинаютъ процессъ и ведутъ его съ такой настойчивостью, что даютъ основаніе тогдашней сатирѣ нападать на нихъ, какъ на самыхъ отчаянныхъ сутягъ. Главною обязанностью древней римлянки была материнская, но, скажемъ словами Россбаха, «матери древнихъ временъ лежали въ могилахъ, а матери новаго времени не имѣли болѣе любви къ своимъ дѣтямъ, предоставляя воспитаніе ихъ рабамъ. Рабъ же зналъ, что питомецъ будетъ со временемъ его господиномъ и, чтобы пріобрѣсть его благосклонность въ будущемъ, поблажалъ его страстямъ и открывалъ источники еще неизвѣстныхъ ему наслажденій. Плодъ, сѣмена котораго были насажены рабомъ, окончательно созрѣвалъ подъ вліяніемъ театра и цирка». Воспитаніе дочери если и велось матерью, то, во всякомъ разѣ, стремилось къ тому, чтобы приготовить изъ дѣвушки не семейную женщину, а свободную кокетку. Воспитаніе такимъ образомъ значительно содѣйствовало разложенію семьи и паденію древнихъ нравовъ; то же самое дѣлали и религія, и искусства, и литература, и торговыя сношенія, и войны, и одурѣвшіе отъ деспотизма правители, и обезсмысленныя тиранніей народныя массы. Это былъ радикальный переворотъ, который долго совершался незамѣтно для глазъ наблюдателей и только въ эпоху императоровъ созрѣлъ до окончательнаго взрыва. Основанное на рабствѣ и силѣ, аристократическое военное общество губило само себя; порабощенная государству, человѣческая личность стремилась къ освобожденію; рабы, съ яростью Самсона, потрясали основы общественнаго зданія, дѣти отбивались отъ родительскаго деспотизма и гарантировали отъ него свою личность съ помощью закона, женщины разбивали стѣны своей семейной темницы. Взгляните на эту эпоху анархіи и всеобщаго разврата не съ моральной, а съ соціально-физіологической точки зрѣнія, и вы увидите, что это только кризисъ долговременной болѣзни, порожденной рабствомъ народовъ Риму, рабствомъ гражданъ государству, рабствомъ невольниковъ господамъ, рабствомъ женщины мужчинѣ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ человѣческая личность стремилась къ свободѣ, и съ каждымъ ея шагомъ впередъ по этому пути разрушались и погружались въ анархію семья, государство и другія юридическія институціи, всецѣло поглощавшія до тѣхъ поръ индивидуумовъ, входившихъ въ составъ ихъ и бывшихъ не активными личностями, а пассивными частями юридическихъ лицъ. Это былъ не только закатъ античной цивилизаціи, но и заря новой. Стоики учатъ жить согласно съ природой, умирать за истину и твердо переносить несчастія. На мѣсто разоблаченнаго суевѣрія философія ставитъ разумъ, на мѣсто прежнихъ юридическихъ понятій являются идеи справедливости, равенства, верховной власти народа; справедливость и любовь къ ближнему ставятся идеальными основами общества; литература вооружается противъ войны и проситъ мира; римляне уравниваются съ иностранцами; императоры дѣлаютъ въ одной изъ варварскихъ областей попытку ввести представительное правленіе; Луканъ поетъ о святой любви къ вселенной; Сенека проповѣдуетъ космополитизмъ, вооружается противъ гладіаторскихъ побоищъ, отрицаетъ рабство. Вмѣстѣ съ этими новыми общественными принципами рождаются и проникаютъ сначала въ римскую жизнь, а потомъ, съ дарованіемъ правъ римскаго гражданства, и ко всѣмъ жителямъ имперіи, новыя семейныя начала. Борьба женской личности за свою самостоятельность въ семействѣ кончилась въ пользу женщины. Бракъ окончательно принялъ форму моногаміи. Выходя замужъ, женщина оставалась подъ опекой отца или другого родственника, но когда эта форма брака вполнѣ утвердилась, то половая опека была уже уничтожена, власть отца значительно ослабла, а относительно замужней дочери сдѣлалась чисто номинальною и дѣйствительною лишь въ одномъ томъ, что она устраняла собою власть мужа надъ женой и дѣлала послѣднюю лицомъ вполнѣ самостоятельнымъ. Жена имѣла свою отдѣльную собственность, которою она управляла и пользовалась независимо отъ мужа. Наслѣдственныя права женщины, расширенныя и окончательно утвержденныя, сдѣлались сильною опорою ея экономической независимости. Приданое жены составляло общее достояніе супруговъ; но безъ согласія жены мужъ не могъ сдѣлать изъ него никакого употребленія, ни продать, ни заложить его; по закону Юстиніана, онъ не имѣлъ на это права даже и при согласіи жены. Законъ требовалъ, чтобы супругъ гарантировалъ женѣ ея приданое равною ему суммою своего приданаго (dos propter nuptias). Имущество жены послѣ ея смерти переходило къ ея наслѣдникамъ. Между мужемъ и женой, какъ между лицами совершенно самостоятельными, совершались договоры, денежные займы и т. п. Вмѣстѣ съ развитіемъ свободнаго брака падала и половая опека надъ женщиной. Подъ вліяніемъ эмансипаціонныхъ стремленій женщины и идей естественнаго права позднѣйшая римская юриспруденція отступаетъ отъ своей прежней теоріи, по которой женщина под-

лежала пожизненной опекѣ «по причинѣ ея легкомысленности». Юрисконсульты признали наконецъ равенство половъ принципомъ своего кодекса справедливости. Гай опровергаетъ защитниковъ половой опеки, доводы которыхъ основаны на предполагаемой низкости женской природы, и сообщаетъ много средствъ и уловокъ, употреблявшихся юристами для того, чтобы дать женщинамъ возможность обходить стѣснительныя для нихъ постановленія стариннаго права. Императоры вовсе уничтожили институтъ половой опеки, и такимъ образомъ въ предсмертную эпоху Рима личность женщины явилась совершенно свободною отъ юридическихъ оковъ патріархальнаго семейства. Римлянка позднѣйшихъ временъ равноправна мужу, она уже не стоитъ подъ опекой, а сама пріобрѣтаетъ права опеки надъ своими дѣтьми и внуками. Она можетъ имѣть самостоятельное хозяйство, заключать контракты, вести процессы и т. д. Вмѣстѣ съ положеніемъ гражданокъ улучшалось также положеніе рабынь, отпущенницъ и иностранокъ. «Иностранка, отпущенница, рабыня» — говоритъ Гриндонъ—«имѣютъ каждая свою роль въ исторіи римской женщины и кладутъ каждая свой камень въ зданіе ея свободы. Рабыня служитъ орудіемъ того блеска, благодаря которому женщина подчиняетъ себѣ гражданина. Отпущенница, сближая и смѣшивая расы, пробиваетъ брешь въ гражданскомъ правѣ, враждебномъ женщинѣ, и содѣйствуетъ побѣдѣ естественнаго права, въ которомъ она занимаетъ надлежащее положеніе... Благодаря иностранкѣ, слово «hostis», обозначавшее въ эпоху XII таблицъ и врага, и чужестранца, начинаетъ прилагаться только къ вооруженному непріятелю, а для иностранца создается новое выраженіе, «peregrinus». Иностранецъ получилъ такое важное значеніе, что для него учрежденъ особый преторъ, который начинаетъ постепенно гуманизировать и улучшать римское право во имя принциповъ равенства и справедливости. «Женщинѣ принадлежитъ значительная доля участія въ дѣлѣ этого соціальнаго прогресса, потому что она-то сильнѣе всего и содѣйствуетъ тѣсному союзу разныхъ элементовъ общества, посредствомъ смѣшенія крови и слитія интересовъ».

Добившись семейной свободы и экономической самостоятельности, римлянка начала проникать во всѣ сферы общественной дѣятельности. Еще во времена полнаго господства древнихъ нравовъ римлянки, какъ мы уже говорили, принимали участіе къ дѣлахъ отечества, посредствомъ мужчинъ вліяли на ходъ событій, воспитывали цѣлыя поколѣнія доблестныхъ республиканцевъ. Съ усиленіемъ женскихъ стремленій къ свободѣ, съ постепеннымъ расширеніемъ правъ, женское вліяніе на общество дѣлалось все значительнѣе и значительнѣе, такъ что, по замѣчанію Катона, обладавшіе цѣлымъ міромъ римляне очутились, наконецъ, подъ властью своихъ женъ. Повелители государства, въ послѣднюю эпоху его существованія, не только находились подъ сильнымъ вліяніемъ женщинъ, но и нерѣдко были вынуждаемы отстаивать свою власть отъ окончательнаго захвата ея честолюбивыми и ловкими матронами. Таковы были, напр., Фульвія, жена Антонія, Ливія, жена Августа, которой сенатъ предложилъ титулъ «матери отечества»; Агриппина, являвшаяся вездѣ на ряду съ цезаремъ, принимавшая дѣятельное участіе въ управленіи и сдѣлавшаяся, наконецъ, соправительницею своего сына Нерона. Мать Геліогабала, Семіамира, засѣдала въ сенатѣ на ряду съ консулами. Во дворцѣ цезарей идетъ ожесточенная борьба за власть. Женщины отравляютъ и убиваютъ своихъ бывшихъ повелителей, ведутъ противъ нихъ кокарныя интриги, составляютъ заговоры, но въ то же время и сами ежеминутно подвергаются опасности насильственной смерти или ссылки на острова. Въ развратѣ и жестокости онѣ не уступаютъ мужчинамъ, а умомъ, хитростью, энергіей далеко превосходятъ ихъ и не имѣютъ между собою ни такихъ идіотовъ, ни такихъ сумасшедшихъ, какъ многіе изъ цезарей. Въ то же время дѣлаютъ замѣтные успѣхи въ образованіи. Не говоря уже о сильномъ распространеніи между ними знанія греческой литературы, римлянки знакомились также съ науками и правомъ, нерѣдко получали высшее образованіе, кое-что писали и по умственному своему развитію достигали одного уровня съ образованными мужчинами того времени. Таковы были, напр., Юлія, жена Септимія Севера, Юлія-Маммея, мать Александра Севера, Семпронія, жена Брута, Теренція, жена Цицерона, и Туллія, дочь его, Кальпурнія, жена Плинія младшаго, Кремуція, дочь историка Кремуція Корда, и др. Многія изъ этихъ женщинъ участвовали въ научныхъ и литературныхъ занятіяхъ близкихъ имъ мужчинъ, имѣя на нихъ немаловажное вліяніе. Болѣе дѣятельную и самостоятельную роль играли римлянки въ медицинѣ. Лѣкарки (medicae) были довольно многочисленны. Въ Римѣ и, вѣроятно, въ главныхъ городахъ имперіи были «присяжныя лѣкарки» (medicae juratae), о которыхъ Аніанъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ кодексу Ѳеодосія говоритъ: «каждый разъ, какъ только возникаетъ сомнѣніе о беременности женщины, пять присяжныхъ, занимающихся медициною женщинъ, получаютъ приказаніе освидѣтельствовать эту беременную». Эти лѣкарки были свѣдущи и въ медицинѣ вообще, а не въ одномъ только родовспомогательномъ искусствѣ, которое было спеціальностью акушерокъ, obsestrices, и ихъ помощницъ, adsestrices. Акушерки же приготовляли разныя косметики, любовные напитки и конфертативы, совершали плодоизгнаніе, кастрировали мужчинъ, инфибулировали женщинъ и другими способами служили тому разврату и тому разложенію семьи, которыми ознаменована послѣдняя эпоха Рима.

XII.

Такъ развалилось древне-римское семейство, такъ римлянка изъ рабыни дѣлалась свободною личностью. Но радикальныя реформы, сѣмена которыхъ уже были въ римскомъ обществѣ, не успѣли совершиться вполнѣ; расшатавшееся зданіе государства пало подъ напоромъ варваровъ. На встрѣчу варва-

рамъ съ береговъ Іордана цило христіанство, благодаря которому семья и женщина приняли направленіе, среднее между архаическимъ состояніемъ и идеалами, бывшими завѣтною мечтою послѣдней эпохи язычества.

Большинство церковныхъ писателей ставитъ женщину ниже мужчины. На маконскомъ соборѣ (585 г.) одинъ епископъ доказывалъ даже, что женщина не человѣкъ, что она не принадлежитъ къ роду человѣческому. Признавъ въ женщинѣ человѣка, стали заботиться о томъ, въ какомъ видѣ предстанетъ она при воскресеніи и не преобразится ли въ мужчину для того, «чтобы не смущать своимъ присутствіемъ мужчинъ, воскреснувшихъ для святой, безстрастной жизни?» Грѣхъ Евы вмѣнялся всѣмъ дочерямъ ея. «Женщина — источникъ всѣхъ золъ, потому что чрезъ нее смерть вошла въ міръ». Но при этомъ учители христіанства проповѣдывали и полное религіозное равенство половъ. Язычество предписывало каждому полу особыя обязанности. «Оно»— говоритъ Іеронимъ — «разнуздывало страсти мужчинъ, дозволяя имъ развратъ, и въ то же время наказывало за послѣдній женщинъ. У христіанъ же—что предписывается женщинамъ, то предписывается и мужчинамъ; обязанности равны». «Мужчина и женщина»—пишетъ Климентъ Александрійскій — «совершенно равны между собою, какъ существа человѣческія; у нихъ одна и та же природа и поэтому одни и тѣ же свойства. Значитъ ли это, что предназначеніе женщины одинаково съ мужескимъ? Физическая организація ихъ доказываетъ противное. Но различіе призваній нисколько не мѣшаетъ равенству».

Христіанство сняло съ женщины древнее иго проклятія и рабства, сдѣлавъ ее подругою мужа и участницею вмѣстѣ съ нимъ загробнаго блаженства, составляющаго конечную цѣль христіанской жизни. Бракъ получилъ характеръ таинства. Образцомъ для него поставленъ союзъ Христа съ церковью; этотъ союзъ вѣченъ, и бракъ нерасторжимъ; Христосъ глава церкви, и мужъ глава жены; какъ «Христосъ возлюбилъ церковь и пожертвовалъ собою за нее», такъ и мужъ долженъ любить жену, какъ себя самого, а жена должна повиноваться ему, какъ Христу церковь; «жена да боится своего мужа», говоритъ апостолъ. Супруги должны составлять одно лицо—«да будутъ два одною плотью», т.-е., принимая во вниманіе главенство мужа, личность жены должна во всемъ сливаться съ его личностью, а женщина вообще должна подчиняться мужчинѣ. Апостолъ запрещаетъ ей учить мужчинъ, «потому что Адамъ сотворенъ прежде Евы». Четвертый карѳагенскій соборъ запрещаетъ женщинѣ наставлять мужчинъ, если бы она была даже *ученою и святою*. Цѣль брака—христіанское рожденіе и воспитаніе дѣтей; половой инстинктъ признается нечистымъ, удовлетвореніе его ради одного удовольствія—смертный грѣхъ; поэтому-то цѣлью брака религія ставитъ рожденіе и воспитаніе добрыхъ христіанъ, освящая плотскій и самъ по себѣ грѣховный союзъ благодатью таинства. Считая своихъ послѣдователей странниками и пришельцами на землѣ, людьми не отъ міра сего, гражданами небеснаго царства, христіанство хотя и защищало бракъ отъ крайнихъ аскетическихъ доктринъ, но все-таки не ставило его идеальною нормою христіанской жизни. Апостолъ ясно говоритъ, что кто можетъ прожить дѣвственно, тотъ не долженъ вступать въ бракъ, а кто не надѣется провести свою жизнь ангелоподобно, тотъ долженъ прибѣгнуть къ «честному и несквернному ложу брака». Высшимъ идеаломъ жизни служитъ дѣвственность, божественные примѣры которой даны Христомъ и его матерью. Плоть, міръ и дьяволъ—вотъ три главныхъ врага христіанина, преграждающихъ ему путь въ небесное царство. Въ борьбѣ съ ними должна проходить земная жизнь, изъ которой нужно изгнать все, что поблажаетъ чувствамъ и плоти. «Только тотъ совершенъ,—говоритъ Августинъ,—кто и духомъ, и плотью отрѣшился отъ міра». Дѣвственность и отреченіе отъ удовольствій брака даютъ мужчинамъ и женщинамъ доступъ въ райскія обители; дѣвственницы называются христовыми невѣстами, дѣвственники—земными ангелами. И съ первыхъ же вѣковъ христіанства идея безбрачія осуществляется въ монашествѣ и отчасти въ мірскомъ духовенствѣ, а въ рядахъ святыхъ появляется особый классъ дѣвственниковъ и дѣвственницъ. При такомъ настроеніи умовъ нѣкоторые церковные писатели, особенно причастные гностицизму, вовсе отвергали бракъ, какъ безнравственную институцію. Іустинъ мученикъ считаетъ его несправедливымъ учрежденіемъ и сознается, что онъ не понимаетъ, какимъ образомъ грѣховная чувственность можетъ сдѣлаться въ бракѣ чѣмъ-то нравственнымъ. Тертуліанъ учитъ пренебрегать бракомъ, хотя бы изъ-за этого пренебреженія суждено было вымереть всему роду человѣческому. Григорій нисскій пишетъ, что если бы Адамъ въ раю не отступилъ отъ Бога, то брака никогда бы не было, и размноженіе людей совершалось бы другимъ, болѣе достойнымъ образомъ. Іеронимъ допускаетъ бракъ «только потому, что отъ него рождаются дѣвственники». «Цѣль святого»—говоритъ онъ—«порубать лѣсъ брака топоромъ дѣвственности». Не только въ монашескомъ, но и въ мірскомъ бытѣ первыхъ вѣковъ христіанства этотъ идеалъ былъ всемогущимъ. Въ противоположность античному поясу Венеры, люди благочестивые носили поясъ цѣломудрія. Св. Аммонъ встрѣтилъ въ первую ночь свою невѣсту проповѣдью о грѣховности брака, и они тотчасъ же разлучились. Св. Меланія употребила всѣ усилія, чтобы заставить своего мужа не жить съ нею, какъ съ женою. Св. Авраамъ и Алексѣй убѣжали отъ своихъ невѣстъ въ первую брачную ночь. Во всякомъ случаѣ, даже у учителей, признающихъ святость его, бракъ считается милосердою уступкою религіи слабости человѣческой, а безбрачіе—жизнію ангеловъ, по выраженію Дамаскина. Допуская бракъ, учители и законодатели церкви старались по возможности ослабить его чувственный характеръ, составляли скрупулезныя правила о физическихъ отношеніяхъ между супругами, увѣщевали послѣднихъ предаваться половымъ наслажденіямъ съ возмож-

ною умѣренностью и т. п. Санкціонировавъ моногамію и желая утвердить самую строгую форму ея, церковь не одобрила вторичнаго и третичнаго брака, дозволяя ихъ только ради избѣжанія грѣха и положительно запрещая жениться и выходить замужъ болѣе трехъ разъ. Преслѣдуя конкубинатъ и всякую внѣбрачную связь, христіанское законодательство установило рѣзкое, неизвѣстное древнему міру различіе между законными и незаконными дѣтьми. Считая бракъ союзомъ нерасторжимымъ, христіанскіе законодатели, въ особенности же Константинъ и Юстиніанъ, начали строго преслѣдовать самовольные разводы супруговъ, налагая за нихъ не только денежные штрафы, но и тяжкія уголовныя наказанія. Словомъ, подъ вліяніемъ реакціи римское семейное право, хотя и освободившееся отъ многихъ архаическихъ постановленій и обычаевъ, получило новую силу для поддержанія своихъ прежнихъ принциповъ. Хотя свобода женщины отъ половой опеки и самостоятельность ея личности, признанныя позднѣйшей римской юриспруденціей, и были утверждены церковью, но, съ другой стороны, главенство мужа и нерасторжимость брака показывали, до какой степени вѣра, пришедшая съ береговъ Іордана, радикально противоположна послѣднимъ стремленіямъ язычества. Къ тому же самая главная основа архаическаго семейства—отеческая власть, послѣ всѣхъ ограниченій, наложенныхъ на нее общественнымъ прогрессомъ, оставалась de jure болѣе строгою, чѣмъ даже отеческая власть многихъ полудикихъ европейскихъ варваровъ. Принципы христіанства не реформировали по своему римскаго семейства, и Римъ умеръ язычникомъ.

Но при всемъ этомъ женщины были такъ подняты новой религіей, что играли въ ней важную роль съ самаго начала. Онѣ были орудіями распространенія и поддержанія христіанства; онѣ постоянно окружали Христа, занимали видное мѣсто въ первенствующей церкви, осуществляли, повидимому, невозможные идеалы аскетизма, служили страждущему человѣчеству, геройски шли за свою вѣру и на костеръ, и подъ топоръ палача; женщины же, какъ увидимъ ниже, были первыми насадительницами христіанства почти у всѣхъ европейскихъ варваровъ. Но все-таки новая религія, которой суждено было утвердить въ Европѣ строгую систему патріархальнаго семейства и въ то же время нѣсколько улучшить положеніе европеянки, мало вліяла на измѣненіе восточной семьи. Большая часть Востока приняла не христіанство, а измѣненный и смѣшанный съ другими вѣрованіями особый видъ его — магометанство. Да и у настоящихъ восточныхъ христіанъ, напр., у армянъ и грузиновъ, семейство представляется чистѣйшей деспотіей, а женщина находится въ рабствѣ.

Впрочемъ, въ первое время христіанства оно, подъ вліяніемъ разныхъ греческихъ и восточныхъ идей, принимало въ своихъ сектахъ часто самое крайнее направленіе, стремившееся возродить гетеризмъ и материнство первобытнаго міра. Николаиты, фибіониты, стратіотики и многіе другіе сектанты проповѣдуютъ общность женъ и законность всѣхъ плотскихъ инстинктовъ, хотя мерзости, въ которыхъ они обличаются своими противниками, и были, по всей вѣроятности, выдуманы или сильно преувеличены послѣдними. Всѣ подобныя секты были реакціей аскетическимъ и патріархальнымъ идеаламъ христіанства, и въ дѣлѣ этой реакціи женщина играла весьма важную роль. Развитію и распространенію карпократіанизма, напр., много содѣйствовали Марцеллина, Стимула и Агапа. И вообще въ исторіи гностицизма женщины стоятъ на переднемъ планѣ. Елена имѣла безграничное вліяніе на Симона волхва; жена Николая произвела расколъ николаитовъ; Филомена сообщала Апеллесу откровенія, приходившіяся по вкусу женщинамъ высшаго класса; Флора пропагандируетъ свое ученіе передъ Птоломеемъ; женщины монтанистовъ, особенно пророчицы Присцилла и Максимилла, предсказывали будущее и проповѣдывали, и т. д. По объясненіямъ Баховена, сущность ученія упомянутыхъ сектъ состоитъ въ реставраціи гинейкократическаго материнства, и въ этомъ религіозномъ движеніи принимали главное участіе тѣ племена, которыя прежде особенно славились своей гинейкократіей, какъ, напр., ликіяне. Снова пѣлись гимны богинѣ гетеризма, снова женскіе принципы въ религіи брали верхъ надъ мужскими, снова въ таинствахъ мистерій прославлялось материнство, снова отдавались свободной любви,—но Галилеянинъ побѣдилъ, и новые народы приняли новую вѣру, говорившую болѣе о небесномъ, чѣмъ о земномъ, и заставлявшую забыть о той разнузданности страстей, которая такъ истощила древній міръ.

XIII.

Когда, послѣ неудачныхъ попытокъ построить изъ варваровъ новую римскую имперію, наступилъ періодъ феодализма, или кулачнаго права, то вся Европа распалась на множество мелкихъ земницъ, сдѣлавшихся достояніемъ сильныхъ тогдашняго міра. Въ неприступныхъ и безопасныхъ мѣстахъ порабощенный народъ выстроилъ крѣпкіе замки для своихъ тирановъ, а передъ воротами ихъ поставилъ висѣлицы на тѣ случаи, когда господамъ благоугодно будетъ казнить его. Зависимыя народныя массы окончательно низведены на степень вьючныхъ скотовъ, обязанныхъ работать на своихъ благородныхъ владыкъ. Гордый своей силою и безнаказанностію, господинъ не чувствовалъ ничего общаго между собою и жителями убогихъ хижинъ, стоявшихъ около его грознаго замка. «Народонаселеніе, окружавшее средневѣковаго собственника, и по роду своихъ занятій, и по степени богатства, и по происхожденію не имѣло съ нимъ ни одной изъ тѣхъ связей, которыя соединяютъ, напр., патріархальнаго родоначальника съ его родомъ, или предводителя клана съ другими членами послѣдняго. Феодальное семейство живетъ совершеннымъ особнякомъ отъ остальнаго народонаселенія, въ совершенно особенномъ положеніи» (Гизо). Всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобы феодальное право приняло чисто семейный характеръ. Сила и значеніе владѣльца зависѣ-

ли отъ количества его земель и рабовъ, отъ прочной и единой власти, заправляющей абсолютно и членами феодальной семьи, и вассалами, и крестьянами. Нераздробляемость семейнаго имущества и строгая отеческая власть сдѣлались необходимостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ вошла въ полную силу и кастальная теорія о благородствѣ аристократической крови. Феодальное общество считало себя избранною расою, и каждая фамилія строго должна была остерегаться порчи вслѣдствіе смѣшенія своей породы съ породами, низшими по происхожденію. Эта теорія находила себѣ поддержку даже въ католической религіи. Подобно браминамъ, наложившимъ религіозно-миѳологическую санкцію на существованіе кастъ, католическіе сочинители, попирая евангельскія заповѣди братства и равенства и угождая баронамъ, оправдывали именемъ Бога кастальные порядки феодализма.

Каждый феодалъ былъ или стремился быть независимымъ деспотомъ въ своихъ владѣніяхъ и абсолютнымъ повелителемъ своего семейства. Отеческая власть, какъ всѣ тогдашнія права и привилегіи, не составляла одного стройнаго систематически-развитого института, общаго всей странѣ, а безконечно разнообразилась, смотря по различнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. У германцевъ дофеодальнаго періода семейныя узы и власть родителя не успѣли еще достаточно окрѣпнуть и обратиться въ непреложные юридическіе обычаи, такъ какъ для утвержденія ихъ они не имѣли ни содѣйствія сильной государственной власти, ни вліянія жреческой касты, которая, путемъ религіозной проповѣди и школьнаго воспитанія, вездѣ помогала государству и отцамъ семей пропагандировать и строго поддерживать патріархальные порядки. Однакожъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ германофиловъ, что семейныя отношенія европейскихъ варваровъ отличались особенною мягкостью, бывшею будто бы характерною чертою германскаго расы. Въ первыхъ главахъ нашихъ этюдовъ мы уже говорили, что слабость семейныхъ узъ и отеческой власти, замѣчаемая у германцевъ, какъ и у другихъ полудикихъ народовъ, были результатомъ не народнаго характера, а борьбы домочадцевъ съ произволомъ домовладыки, борьбы, не кончившейся еще рѣшительной побѣдой послѣдняго. Эта относительная мягкость семейныхъ отношеній, благодаря энергической борьбѣ индивидуума противъ поработительныхъ стремленій домовладыки, упрочилась въ жизни и отразилась на средневѣковомъ семейномъ правѣ тѣхъ странъ, которыя не были вполнѣ подчинены римской юриспруденціи. Въ особенности франки представляются народомъ, рѣзко отличающимся отъ римлянъ своими родительскими правами, и старинные французскіе законовѣды энергично противились признанію строгаго института римской patria potestas, упорно удерживая свое правило, что «отеческой власти нѣтъ мѣста во Франціи». По германскимъ обычаямъ, отецъ, а по смерти его мать имѣли право опеки (mundium) надъ личностью и имуществомъ своихъ дѣтей. Бракъ эмансипировалъ сына, а опеку надъ дочерью передавалъ ея мужу. Даже холостой сынъ освобождался отъ родительской власти, коль скоро онъ становился способнымъ носить оружіе или достигалъ совершеннолѣтія. Напротивъ, въ странахъ, подчиненныхъ римскому праву, отцамъ предоставлено было пользоваться такою же неограниченною властью надъ дѣтьми, а послѣднія ставились въ такую же рабскую зависимость, какъ это было и въ Римѣ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что историки юриспруденціи придаютъ слишкомъ ужъ много значенія упомянутому различію родительской власти въ странахъ обычно-германскаго и писаннаго римскаго права. Средніе вѣка были эпохой произвола, и ходъ жизни зависѣлъ не отъ уложеній или юридическихъ обычаевъ, а отъ произвола и кулачнаго права. Отеческая германская власть была гораздо слабѣе и легче римской, но при всемъ томъ феодалъ такъ могъ деспотствовать въ своемъ семействѣ, какъ не деспотствовали даже самые жестокіе домовладыки Рима. Феодалъ старался держать свое семейство въ такихъ же ежовыхъ рукавицахъ, какъ и подвластныхъ ему крестьянъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣднихъ онъ презиралъ, какъ скотовъ, и высасывалъ изъ нихъ всѣ жизненные соки въ пользу своей фамиліи. Исторія среднихъ вѣковъ представляетъ не мало примѣровъ того, какъ феодальные самодуры звѣрски мучатъ своихъ домочадцевъ, рѣжутъ, топятъ ихъ, морятъ ихъ голодною смертью, выкалываютъ имъ глаза и т. п. Во Франціи, даже въ XI^V^ вѣкѣ, отецъ могъ безнаказанно убить сына, поплатившись только, что онъ совершилъ это въ припадкѣ гнѣва и безъ предварительнаго размышленія. Продажа дѣтей въ этой странѣ продолжалась почти до эпохи Возрожденія, равно какъ и отдача ихъ въ залогъ или на удовлетвореніе обязательствъ, сдѣланныхъ родителями. Въ Германіи было не лучше, и даже въ XV вѣкѣ церковь, въ лицѣ знаменитаго проповѣдника того времени, Гейлера, учила, что, «въ случаѣ голода, отецъ можетъ продать своего сына; мать же не имѣетъ права продавать сына, терпитъ ли она голодъ, или нѣтъ». Семейный совѣтъ изъ родственниковъ, созывавшійся отцомъ въ важныхъ случаяхъ въ средневѣковой Европѣ, какъ и въ Римѣ, имѣлъ только совѣщательное значеніе; не ограничивая самодурства домовладыки, онъ поддерживалъ его авторитетъ во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся чести и интересовъ фамиліи. И если, не обращая вниманія на многочисленныя проявленія самаго дикаго и безсмысленнаго произвола средневѣковыхъ домовладыкъ, разсмотрѣть сущность ихъ власти и притязаній, то окажется, что она, подобно другимъ семейнымъ институціямъ тѣхъ временъ, была необходима для поддержанія феодальнаго строя, основаннаго исключительно на семейныхъ принципахъ. Среди всеобщей анархіи и насилія, феодальное семейство, съ своими вассалами, слугами и рабами, нуждалось въ прочной власти, чтобы отстаивать свои богатства, свою жизнь и свою свободу, основанную на тяжкой неволѣ народныхъ массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ интересы фамиліи требовали, чтобы она,

не смотря на перемѣны въ личномъ составѣ ея членовъ вслѣдствіе смерти, продолжала нераздѣльное свое существованіе какъ можно дольше и сохраняла бы какъ можно строже чистоту своей благородной крови, богатство и величіе, завѣщанныя ей предками. Для достиженія этой цѣли необходимы были реформы въ германскомъ наслѣственномъ правѣ, по которому имущество умершаго безъ завѣщанія переходило къ его законнымъ наслѣдникамъ, въ томъ числѣ и къ женщинамъ, и дѣлилось ими поровну. Когда при помощи церкви введено было римское право завѣщанія, то этотъ порядокъ значительно нарушился, и родители имѣли полную возможность и лишать своихъ дѣтей наслѣдства, и предпочитать одного или нѣкоторыхъ изъ нихъ прочимъ. Но здѣсь отцовскому произволу скоро были положены границы въ интересахъ фамиліи; онъ могъ распоряжаться только благопріобрѣтеннымъ и движимымъ имуществомъ, а отнюдь не фамильнымъ, недвижимымъ. Далѣе, тѣ же фамильные интересы старались удалить отъ наслѣдства женщинъ и создали институцію первородства. Дочери лишались наслѣдства чаще всего посредствомъ завѣщаній; были, правда, и положительные законы, исключавшіе ихъ изъ числа наслѣдниковъ, но это были законы мѣстные и притомъ нерѣдко нарушаемые. Если же дочь имѣла наслѣдовать, то ее старались выдать замужъ. Полученное ею приданое, не смотря на его сумму, считалось замѣною ея наслѣдственной доли. Въ брачныхъ контрактахъ невѣстъ обыкновенно заставляли отрекаться отъ наслѣдства; потомъ, когда такія отреченія сдѣлались юридически недѣйствительными, при распространеніи римскаго права, то ихъ стали замѣнять присягою. Стремленіе къ обезнаслѣдованію женщинъ касалось даже наслѣдственныхъ правъ матери. Такъ, во Франціи Карлъ IX, «въ интересахъ дворянства и короны», запретилъ матерямъ быть наслѣдницами собственныхъ своихъ дѣтей; но большинство парламентовъ юга отказалось принять такой эдиктъ. Введеніе института первородства нанесло еще болѣе сильный ударъ наслѣдственнымъ правамъ женщины. Посредствомъ этого института, введеннаго въ юридическую жизнь семейными законами и договорами (Hausgesetze и pactes de famille), старшій сынъ дѣлался отцомъ семейства и главнымъ наслѣдникомъ, пользуясь этими привилегіями не только при наслѣдованіи отъ отца, но и отъ матери. Младшіе братья и особенно сестры были осуждены на полную подчиненность первенцу, уважать и бояться котораго ихъ училъ еще при своей жизни отецъ, указывавшій всѣмъ на него, какъ на своего будущаго представителя. Авторитетъ первенца былъ такъ великъ, что нерѣдко ему подчинялись не только братья и сестры, но даже родители. Старшіе сыновья не только обирали и грабили своихъ братьевъ и сестеръ, но и торговали послѣдними; иногда ни отецъ, ни мать не могли избавить своихъ дочерей отъ этой гнусной продажи ихъ братьями. Установивъ первородство, феодальное право должно было позаботиться о томъ, чтобы фамильное имущество не могло распадаться не только при настоящихъ, но и при будущихъ поколѣніяхъ. Римская юриспруденція оказала ему въ этомъ случаѣ большую услугу своими субституціями. Фамильные интересы и забота о будущемъ процвѣтаніи рода доходили до того, какъ разсказываетъ Озанамъ въ «Les Germaines avant le Christianisme», что «въ нѣкоторыхъ кантонахъ Германіи въ средніе вѣка сохранялся еще древній обычай, въ силу котораго мужъ, состарѣвшійся бездѣтнымъ, приглашалъ къ своей женѣ сосѣда, съ тѣмъ, чтобы онъ родилъ ему сына».

При такомъ произволѣ, среди такихъ семейныхъ порядковъ положеніе средневѣковой женщины не могло быть очень завиднымъ. Всѣхъ авторовъ, трактующихъ объ этомъ предметѣ, можно раздѣлить на три класса. Одни просто сводятъ въ кучу разныя историческія данныя и, сообщая имъ только внѣшнее литературное единство, не дѣлаютъ никакихъ выводовъ о томъ, хорошо или худо жилось тогда женщинамъ сравнительно съ другими историческими эпохами, въ чемъ состояли и отчего зависѣли выгоды или невыгоды ихъ положенія, и т. д. Другіе восторгаются средними вѣками, какъ періодомъ женской свободы и рыцарскаго поклоненія прекрасному полу. Третьи не хотятъ видѣть въ среднихъ вѣкахъ ничего, кромѣ возмутительнаго разврата, безсовѣстной эксплуатаціи женщинъ и звѣрской тиранніи надъ ними. Оба послѣдніе сорта авторовъ, увлекаясь духомъ партій, грѣшатъ односторонностью и болѣе или менѣе сильнымъ преувеличеніемъ характера изображаемыхъ ими соціальныхъ отношеній. Но тѣ и другіе изъ нихъ имѣютъ на своей сторонѣ извѣстную долю правды. При безпристрастномъ взглядѣ на средневѣковую жизнь оказывается, что, съ одной стороны, женщина сильно страдала тогда отъ семейнаго деспотизма, отъ аристократическо-фамильныхъ порядковъ, отъ общественной безурядицы, отъ постановленій и косней католицизма; но въ то же время, съ другой стороны, мы видимъ множество фактовъ и замѣчательной свободы женщинъ, и сильнаго ихъ вліянія, и безграничнаго уваженія къ нимъ, даже слѣды ихъ политической, военной и научной дѣятельности. Эти двѣ серіи противоположныхъ явленій связываются между собою тѣмъ важнымъ фактомъ, что средніе вѣка были періодомъ упорной борьбы женщины за свою свободу. Постараемся теперь очертить главные элементы этой борьбы и ходъ ея.

Частыя войны и разбойничества феодаловъ нерѣдко сопровождались умыканіемъ дѣвушекъ, на которыхъ потомъ похитители и женились. Церковь и законодательство сильно противодѣйствовали этому первобытному способу заключенія брака. Вестготскій законъ, напр., грозилъ смертною казнью не только похитителю, но и похищенной, если она соглашалась выйти за него замужъ. По фризскому праву, умыкателя и увезенную имъ дѣвушку не охраняло даже церковное убѣжище; судья долженъ былъ сжечь всѣ жилища, въ которыхъ останавливались они по дорогѣ въ церковь, разрушить церковь и, захвативъ ихъ, вести на жестокое наказа-

ціе. Но умыканія долго не прекращались, тѣмъ болѣе, что сплошь и рядомъ они совершались съ вѣдома и согласія невѣсть, которыя были рады случаю избавиться отъ своего домашняго ада. А рисковать такимъ образомъ дѣвушкѣ было изъ-за чего. Не говоря уже о томъ, что часто она терпѣла невыносимое угнетеніе со стороны домовладыки, что отецъ или его намѣстникъ-первенецъ нерѣдко продавали ее не только для брака, но даже просто для наложничества, самое феодальное брачное право было для нея источникомъ жестокихъ страданій. Феодализмъ уничтожилъ свободный бракъ полудикихъ германцевъ, превративъ его въ такое же орудіе политики и фамильныхъ интересовъ, какимъ всегда были браки царственныхъ домовъ. Въ феодальной кастѣ бракъ былъ договоромъ, упрочивавшимъ миръ, дружбу или союзъ между двумя сеньорами. Невѣста тутъ была не при чемъ, ей оставалось только стать на колѣни предъ отцомъ и принять назначеннаго имъ жениха. Цѣною дочери баронъ и его потомство увеличивали свое фамильное имущество и покупали себѣ союзъ сильнаго и вліятельнаго зятя. Надъ дочерью вассала, кромѣ произвола родительскаго, висѣлъ еще произволъ сюзерена, безъ согласія котораго наслѣдница лена не могла выходить замужъ, а наслѣдникъ жениться. Сюзеренъ назначалъ дѣвушкѣ супруга, устроялъ браки съ цѣлью соединенія двухъ леновъ въ одинъ, словомъ, дѣлалъ все, что обыкновенно дѣлается при такихъ союзахъ въ домахъ князей и въ семействахъ крестьянъ. Въ огромномъ большинствѣ такихъ браковъ не могло быть и помина о любви, и если женихъ и невѣста нерѣдко были довольны союзомъ, устроеннымъ для нихъ родителями или сюзереномъ, то смотрѣли на него только глазами практическаго расчета. Свободнаго выбора, взаимной склонности здѣсь не могло быть ни по одному уже тому, что женихъ и невѣста сплошь и рядомъ были не только малолѣтними, но обручались даже въ колыбели, а иногда родители сговаривали ихъ еще до рожденія. Повѣнчавъ физически неспособныхъ еще къ зрѣлости дѣтей, родители преждевременно будили ихъ половые инстинкты, развращали и истощали ихъ.

Фамильные интересы устраняли свободу жениха и особенно невѣсты не однимъ тѣмъ, что дѣлали изъ брака договоръ не жениха и невѣсты, а ихъ семей, но еще и тѣмъ, что для дѣйствительности такого союза считалось необходимымъ равенство состояній или равнофамильность вступающихъ въ него лицъ. Бракъ не съ дворяниномъ, а тѣмъ болѣе съ человѣкомъ зависимымъ, былъ не только позоромъ для семейства, но и тяжкимъ преступленіемъ. Такіе неравные браки (Misheirath, mésalliance) строго преслѣдовались еще во времена дофеодальныя, когда, повидимому, не должны были имѣть мѣста подобные аристократическіе предразсудки. Въ особенности былъ преступенъ бракъ между членомъ высшаго сословія и рабомъ; по вестготскому, напр., закону, первый обращался въ рабство, а послѣдній казнился смертію. Другія законодательства хотя и не угрожали смертью, однакожъ очень строго относились къ такимъ союзамъ свободныхъ съ несвободными. Но, не смотря на всѣ строгости, любовь часто устрояла такіе браки, и Бонмеръ справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что «женщины, которыя часто равняются съ мужчинами по уму, всегда превосходятъ ихъ по сердцу». Въ «Polyptique d'Irminon» упоминается 248 такихъ смѣшанныхъ браковъ, изъ нихъ въ 190 жены были высшаго и только въ 58 низшаго званія, чѣмъ ихъ мужья. Впослѣдствіи, при развитіи многочисленныхъ и рѣзкихъ подраздѣленій, въ рядахъ самой феодальной аристократіи бракъ между членами высшихъ и низшихъ классовъ ея считался также неравнымъ и позорнымъ для могущественной фамиліи, хотя онъ не велъ за собою такихъ варварскихъ послѣдствій, какъ бракъ съ людьми недворянскаго происхожденія. Въ такихъ союзахъ если званіе жены было выше мужниного, то она теряла свои права и нисходила въ званіе супруга; если же наоборотъ, то жена оставалась въ своемъ состояніи и сословныя права мужа не переходили на нее. Дѣти, по тогдашнему выраженію, «слѣдовали худшей рукѣ», т.-е. принимали званіе низшаго изъ своихъ родителей. Католико-каноническое право, угождая сильнымъ тогдашняго міра, санкціонировало эти постановленія и не признавало дѣтей неравнаго брака законными наслѣдниками. По статутамъ императора Генриха I, виновные и ихъ потомки до третьяго поколѣнія подъ страхомъ наказанія кнутомъ лишались права участвовать на турнирахъ. Во Франціи такіе господа не могли получать высокихъ званій, исключались изъ разряда des gentilshommes de nom et d'armes, удалялись изъ всѣхъ рыцарскихъ собраній. Независимо отъ юридическихъ послѣдствій неравнаго брака, вступившія въ него лица терпѣли со стороны гордаго семейства не только всевозможныя оскорбленія, лишенія наслѣдства и т. п., но даже нерѣдко надменный феодалъ, сынъ котораго самовольно женился на недворянкѣ, расторгалъ такой союзъ, даже смывалъ позоръ, нанесенный его гербу, кровью своей презрѣнной невѣстки. Въ 1436 г. Альбрехтъ, сынъ герцога баваро-мюнхенскаго, влюбившись въ красавицу Агнессу Бернауеръ, дочь банщика, женился на ней. Герцогъ не призналъ этого брака; по его приказанію, въ отсутствіе Альбрехта, Агнесса была схвачена и брошена въ рѣку. Она начала выплывать къ берегу, но палачи закрутили длинный багоръ въ ея прекрасныхъ волосахъ и погрузили несчастную красавицу на дно рѣки. Въ такихъ случаяхъ не щадили и дочерей, бывшихъ виновницами упомянутаго позора. Считая дѣломъ позорнымъ и вреднымъ брачиться съ обыкновенными смертными, феодалы часто женились на родственницахъ и, продолжая такое смѣшеніе одной и той же крови въ теченіе долгаго времени, производили тѣмъ вырожденіе своей породы. Случалось даже, что брачились члены одной семьи; такъ, напр., въ 1454 г. одинъ арманьякскій графъ открыто женился на своей родной сестрѣ.

Не понимая другой любви, кромѣ физической, феодальный женихъ и не требовалъ отъ невѣсты

большею частію ничего, кромѣ дѣвственности. У нашихъ крестьянъ *гнусный* обрядъ свидѣтельствованія невѣсты совершается, по крайней мѣрѣ, послѣ свадьбы, когда увлеченіе женщины уже прикрыто бракомъ; у феодаловъ это дѣлалось до свадьбы: женихъ не хотѣлъ быть обманутымъ. Дамы раздѣвали невѣсту донага, изслѣдовали ея невинность и способность къ чадородію; только въ случаѣ благопріятныхъ результатовъ такого осмотра, ее начинали одѣвать къ вѣнцу. Извѣстный обычай свидѣтельствованія рубашки былъ также въ ходу и у феодаловъ, и у королей. Кромѣ того, въ средѣ высшихъ классовъ нерѣдко подражали простонародью, у котораго по всей сѣверной Европѣ держался обычай *пробныхъ ночей*. По словамъ одного нѣмецкаго писателя XVIII вѣка, во всей Германіи крестьяне, желавшіе жениться, посѣщали по ночамъ своихъ невѣстъ, любились съ ними и сватались за нихъ, если находили ихъ по своему вкусу. Репутація дѣвушки отъ того страдала только въ томъ случаѣ, если ее бросали нѣсколько жениховъ-любовниковъ одинъ вслѣдъ за другимъ, что свидѣтельствовало объ ея негодности къ браку. Такія же пробныя ночи были въ употребленіи и у высшихъ классовъ; они предшествовали, напр., свадьбамъ императора Фридриха III, Альберта IV баварскаго, баварскаго герцога Людвига I и другихъ. Свадебный пиръ сопровождался обыкновенно самыми грязными остротами и пѣснями, самымъ циническимъ разгуломъ. Это было повальное развратничанье, пьянство и обжорство. Десятки, сотни тысячъ крестьянъ положительно разорялись по случаю брака между какими-нибудь двумя сильными фамиліями.

Вступивъ въ домъ мужа, жена принимала на себя множество обязанностей, не существовавшихъ вовсе для ея супруга. Вся жизнь феодала была непрерывнымъ распутствомъ и многіе бароны не только часто мѣняли своихъ женъ, но имѣли ихъ по нѣскольку разомъ, содержа въ то же время формальные гаремы и пользуясь невинностью каждой выходящей замужъ крестьянской дѣвушки. Отъ женщины же требовали, чтобы она, поступивъ къ мужу невинною, оставалась ему вѣрною всю жизнь. Такое требованіе основывалось не столько на ревности, сколько на самолюбіи мужа и репутаціи его фамиліи. Любовная связь дѣвушки или женщины считалась позоромъ для ея семейства, особенно, если любовникъ былъ низкаго происхожденія. Женщину карали даже за то, что она была изнасилована. Такъ, во время крестовыхъ походовъ, дочь графа Жана де-Понтье, бывшая замужемъ за однимъ дворяниномъ, была изнасилована неизвѣстными лицами. Отецъ утѣшалъ ее въ несчастіи, но однажды, гуляя съ ней на берегу моря, сказалъ: «смерть должна смыть позоръ, нанесенный твоимъ несчастіемъ всей нашей фамиліи». Приготовлена была пустая бочка, графъ закупорилъ въ нее свою дочь и бросилъ въ море. Сильные феодалы чаще всего старались не предавать гласности своихъ семейныхъ скандалезныхъ исторій, и такія дѣла порѣшались однимъ домовладыкой или вмѣстѣ съ семейнымъ совѣтомъ. Тѣни подозрѣнія, клеветы, ложнаго доноса отвергнутаго поклонника было достаточно, чтобы семейный совѣтъ, собравшійся съ такою же таинственностію, съ какою испанская инквизиція собиралась на допросы, произнесъ надъ обвиненною тотъ приговоръ, который одинъ, по тогдашнему мнѣнію, могъ возвратить прежній блескъ обезславленному гербу. Замужнюю женщину душили или закалывали кинжаломъ въ собственной ея постели, дѣвушку осуждали на гражданскую смерть въ монастырѣ или лишали жизни посредствомъ яда. Вооруженная предательскимъ стилетомъ рука наемнаго убійцы настигала всюду того, на кого падали подозрѣнія домашней инквизиціи. И этотъ предразсудокъ былъ до того силенъ, особенно въ Италіи, что не одинъ кардиналъ самъ вооружалъ кинжаломъ руку убійцѣ, не одинъ папа помогалъ въ мести своимъ родственникамъ. Самое мягкое наказаніе, какого только могъ ожидать виновный отъ родственниковъ своей любовницы, состояло въ томъ, что его или безсрочно запирали въ тюрьму замка, или, оскопивъ, заставляли произнесть монашескій обѣтъ въ какой-нибудь обители. Горожане среднихъ вѣковъ преслѣдовали любовниковъ съ такою же строгостью. По городскимъ законамъ, соблазнителю бюргерской дочери отрѣзывали языкъ, а изнасилователю вбивали колъ въ сердце. Не легче доставалось и провинившейся женщинѣ. Католическая церковь не только не смягчала, но еще поддерживала и усиливала строгость наказаній. Сикстъ V объявилъ смертную казнь мужу, который не жалуется на невѣрность жены. Церковь поддерживала обычай суда Божія; въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ судебный поединокъ и испытаніе огнемъ и водою были главными способами для окончательнаго оправданія или обвиненія женщины, подозрѣваемой въ невѣрности. Впрочемъ, даже въ средніе вѣка уже многіе не вѣрили въ дѣйствительность такого суда, и завѣдывавшее имъ духовенство, подкупленное подсудимыми, устраивало такъ, что женщину не обваривалъ кипятокъ, въ который она погружала свою руку, и нисколько не вредило ей раскаленное желѣзо.

Не смотря на сильную распущенность нравовъ, семейные принципы въ средніе вѣка служили основою всего соціальнаго строя, и всѣ тогдашніе ревнители общественнаго блага, законодатели, моралисты, поэты, церковные учители, — одни отъ чистаго сердца, а другіе ex officio и лицемѣрно, — старались пропагандировать, развивать и поддерживать эти принципы. Разработкѣ и изображенію идеала жены и семейной жизни въ тогдашней Европѣ посвящались даже отдѣльныя сочиненія, какъ это нѣсколько позднѣе было и въ Россіи, получившей такое руководство въ «Домостроѣ» попа Сильвестра. На западѣ такимъ «домостроемъ» была книга «Ménagier de Paris», кромѣ множества другихъ сочиненій прозаическихъ и стихотворныхъ, посвященныхъ регулированью женскаго поведенія, которое, какъ мы увидимъ дальше, было далеко небезупречнымъ. Женщина должна быть распорядительною хозяйкою. Тканье, пряденье, шитье, изготовленіе платья для всего семейства, заготовка и сохраненіе провизіи, приготовленіе пищи, надзоръ за поведеніемъ и ра-

ботами прислуги—вотъ были обязанности жены какъ короля или графа, такъ и послѣдняго крестьянина. И въ средніе вѣка этотъ отдѣлъ домостройныхъ предписаній исполнялся женщинами весьма рачительно. Далѣе отъ женщины требовалось рожденіе возможно большаго количества дѣтей. Чадородная мать чрезвычайно цѣнилась въ старинной Европѣ и тогда бывали до того поразительные примѣры замѣчательнаго чадородія, что даже подавали поводъ къ чудовищнымъ миѳамъ. Такъ, напр., по словамъ хроникъ, въ 1276 году супруга графа Германа фонъ-Геннебергъ родила разомъ 364 ребенка; епископъ утрехтскій Гвидо окрестилъ ихъ, назвавъ всѣхъ мальчиковъ Іоганнами, а дѣвочекъ Елизаветами; всѣ они скоро умерли вмѣстѣ съ матерью. Родивъ дѣтей, женщина должна была воспитывать ихъ физически и нравственно и своею покорностію домовладыкѣ подавать имъ примѣръ повиновенія родителямъ и благоговѣйнаго уваженія къ ихъ волѣ. Въ особенности на ея рукахъ лежало образованіе дочери, обученіе ея рукодѣльямъ, хозяйству, свѣтскимъ приличіямъ, чтенію, письму. Впрочемъ, обязанность воспитанія мало стѣсняла тогдашнихъ женщинъ. Дѣвочекъ отдавали учиться въ монастыри или, вмѣстѣ съ ихъ братьями, на воспитаніе въ знатные дома. Послѣдній обычай выродился изъ средневѣковой анархіи, среди которой покровительство сильнаго человѣка или дружба съ нимъ были необходимы для благоденствія каждаго. Поэтому отецъ, заботившійся о будущей судьбѣ дѣтей, отдавалъ мальчиковъ въ почетное служеніе и обученіе сильному сеньору, а дочерей къ знатной госпожѣ. Этотъ обычай, существовавшій еще у норманновъ и дофеодальное время, въ средніе вѣка былъ въ большомъ ходу по всей Европѣ. Наконецъ, женщинѣ предписывалось быть достойною женою своего мужа, любить, безпрекословно повиноваться ему и не ронять своимъ поведеніемъ его чести. Средневѣковые моралисты постоянно убѣждаютъ женщинъ не лѣниться, не пьянствовать, не быть жестокими, грязными и неряшливыми. Все это были дѣйствительные пороки тогдашняго прекраснаго пола. Въ безчеловѣчной тиранніи, напр., многія изъ средневѣковыхъ европеянокъ не уступали мужчинамъ. Госпожи нерѣдко запарывали и замучивали до смерти и своихъ крестьянъ, и своихъ служанокъ. Извѣстная германская монахиня, многоученая Гедвига, за пустое и невольное оскорбленіе, сдѣланное ея учителю слугою, выщипала у послѣдняго всѣ волосы съ головы и спустила съ несчастнаго кожу посредствомъ розогъ. Въ другой разъ, разгнѣвавшись за что-то на своего учителя-монаха, она вздула его плетьми. Проповѣдь моралистовъ о чистоплотности имѣла также основаніе. Женщины были крайне неряшливы, и даже знатныя дамы до того изобиловали вшами и блохами, что не одинъ рыцарь объяснялъ свою холостую жизнь желаніемъ сохранить чистыми своихъ собакъ, которыя неминуемо заразились бы отъ жены разными насѣкомыми. Женщины плохо мылись, даже не считали нужнымъ очищаться послѣ менструаціи и другихъ *физіологическихъ отправленій*. По словамъ одного тогдашняго писателя, ихъ «caleçons étaient ordinairement remplis de souillure et sentaient plus fort qu'un retrait!» Только съ XVI в. тѣлесная чистота начинаетъ считаться необходимымъ условіемъ женской красоты. Но, рекомендуя чистоплотность, заботу о нарядахъ, привѣтливость и любезность съ гостями, средневѣковые моралисты не поощряли кокетства, требовали цѣломудренности, скромности и въ платьѣ, и въ рѣчахъ, и во всемъ. Такъ, напр., въ популярномъ тогда въ Англіи и Франціи стихотворномъ кодексѣ женскихъ приличій, «Chastiment des Dames», женщинѣ «не позволяется много говорить и смѣяться, допускать мужчинъ цѣловать себя или класть руки къ ней за пазуху; по улицѣ она должна ходить не быстро, со взоромъ, устремленнымъ впередъ, а не оглядываться и не смотря по сторонамъ; одѣваться ей слѣдуетъ скромно, не оставляя голыми ни рукъ, ни ногъ, ни грудей», и т. д. Жизнь дѣвушки была обставлена еще большими стѣсненіями. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Гоффмансвалдау говоритъ, что ей запрещено «свободно смотрѣть на мужчину; уши ея должны быть глухи, и она обязана краснѣть при каждой шуткѣ...» Мы увидимъ дальше, что въ большинствѣ случаевъ всѣ эти требованія оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Впрочемъ, нарушая правила семейной морали на каждомъ шагу, средневѣковая женщина сплошь и рядомъ носила маску лицемѣрія, казалось добродѣтельною женою и вѣрною подданною своего мужа. Домостройныя начала здѣсь, какъ и вездѣ, почти вовсе не достигали своей цѣли и порождали въ семействѣ только массу хитростей, наружнаго раболѣпства и вражды, скрытой подъ личиною покорности и уваженія. Чтобы убѣждать и обуздывать своего тирана, хозяйка замка должна была льстить ему и повиноваться его капризамъ безропотно, съ видомъ самаго, глубокаго уваженія. Нѣкоторыя средневѣковыя легенды изображаютъ женъ, являющихся предъ своими супругами не иначе, какъ на колѣняхъ. Такая рабская униженность жены вполнѣ равнялась громадной власти мужа. Производъ его часто не зналъ границъ. Случалось, что мужъ убивалъ, проигрывалъ, продавалъ свою дражайшую половину; въ Исландіи женъ отдавали даже въ кортомъ. Многіе мѣняли женъ безпрестанно; прогонями старыхъ и вмѣсто ихъ брали новыхъ. Въ Англіи законъ дозволялъ выводить ихъ на веревкѣ на базаръ и продавать тамъ. Въ галантной Франціи законъ давалъ мужу волю бить и истязать жену сколько угодно, только не переламывать ей членовъ и не наносить смертельныхъ ранъ. Мужья имѣли право наказывать жену тѣлесно, и средневѣковые моралисты, подобно нашему «Домострою», увѣщевали ихъ пользоваться этимъ правомъ почаще. «Возьми — говоритъ минезингеръ Реймаръ фонъ-Цветеръ—дубинку и вытягивай жену по спинѣ, да получше, изо всей силы, чтобы она знала въ тебѣ господина и забыла бы свою злобу». Слу-

чалось, что мужъ колотилъ жену по нѣсколько разъ въ недѣлю, даже каждый день, и она не выходила изъ шрамовъ и синяковъ. Вильгельмъ Завоеватель билъ свою жену даже въ то время, когда она была еще невѣстою. Образцомъ такихъ семейныхъ тирановъ можетъ служить шрофшайрскій графъ Робертъ Белезмъ. Онъ предпочиталъ избіеніе кліниковъ порученію выкупа за нихъ; онъ выкололъ глаза своимъ дѣтямъ и превратилъ жизнь жены въ одно непрерывное мученіе. Заключенную въ оковы и запертую въ тюрьму графиню онъ истязалъ днемъ, вымогая отъ нея деньги, а ночью заставлялъ спать съ собой. Каждое утро слуги вели ее въ тюрьму, и каждый вечеръ силою волокли ее, избитую и покрытую ранами, на постель графа.

Всѣ эти жестокости и самодурства, какими бы произвольными и случайными ни казались они, сводятся къ одному преобладающему стремленію тѣхъ вѣковъ,—стремленію водворить прочную отеческую власть въ семействѣ и тѣмъ укрѣпить семейное начало. Семейный принципъ долженъ былъ восторжествовать, и женщина, не смотря на свою постоянную подверженность произволу домовладыки, должна была возвыситься при этомъ, какъ мать и хозяйка. «Феодальное семейство — говоритъ Гизо—живетъ совершенно особнякомъ отъ остальнаго народонаселенія. Внутренняя жизнь, домашнее общество должны были взять перевѣсъ. Правда, что грубость и звѣрскія страсти домовладыки, его обыкновеніе проводить свое время въ войнѣ и охотѣ, должны были мѣшать образованію семейныхъ привычекъ; но это препятствіе исчезаетъ. Глава долженъ естественно возвращаться въ свой домъ; здѣсь онъ всегда находитъ свою жену, своихъ дѣтей и только ихъ однихъ или почти однихъ; они и никто другой составляютъ его постоянное общество; они одни всегда участвуютъ въ его интересахъ и намѣреніяхъ. Невозможно, чтобы семейная жизнь не развилась при такихъ условіяхъ». Главною основою и связью такого семейства служили чувство фамильной гордости и желаніе передать потомкамъ и потомковъ и свою власть, и свое богатство, и свою славу. Все это сообщало семейству энергію и силу. Мать и хозяйка такой семьи также должна была получить извѣстное значеніе. Въ отсутствіе мужа она одна оставалась его представительницею и госпожею лена, обязанною защищать его и поддерживать честь своего герба. Въ обычномъ французскомъ правѣ родительская власть по смерти отца переходила къ матери, которая становилась опекуншею и представительницею фамиліи. Такимъ образомъ, семейное начало феодализма, принижая личность женщины, въ то же время давало ей нѣкоторое значеніе, какъ члену знатной фамиліи, хотя, какъ увидимъ ниже, и невозможно согласиться съ мнѣніемъ Гизо, что «женщины пріобрѣли въ Европѣ высокое положеніе, благодаря развитію семейныхъ началъ феодализма». Замѣтимъ однакожъ, что это мнѣніе было въ свое время огромнымъ шагомъ впередъ, такъ какъ имъ замѣнялась нелѣпая выдумка германофиловъ объ уваженіи къ женщинѣ и нравственной чистотѣ половыхъ отношеній у германцевъ, какъ объ отличительныхъ чертахъ германской расы.

Въ средѣ большей части народныхъ массъ, на трудѣ и несчастіяхъ которыхъ развивался феодализмъ, семейства, подъ властью бароновъ, можно сказать, не существовало. Владѣлецъ для распоряженія своихъ рабовъ случалъ по произволу мужчинъ и женщинъ и по малѣйшему капризу разторгалъ такіе союзы. Отецъ не могъ выдать замужъ своей дочери или женить сына, вдова не имѣла права вступить добровольно во второй бракъ или отказаться отъ мужа, навязаннаго ей сеньоромъ. Все зависѣло отъ воли послѣдняго. Слѣды этого владыческаго права сохранялись вплоть до XVI в. Подобно тому, какъ въ древней Россіи браки заключались

По божьему повелѣнью,
По царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору,

въ западной Европѣ сильный баронъ или король устроялъ браки своихъ придворныхъ и слугъ. Если какому-нибудь изъ окружавшихъ его мужчинъ понравилась дѣвушка или дѣвушкѣ юноша, владѣлецъ посылалъ къ дому предмета такой страсти своего маршала, и послѣдній кричалъ: «слушайте, что повелѣваетъ вамъ государь вашъ; что повелѣваетъ онъ, то должно исполниться; я сватаю NN за NN...» Такое сватовство не допускало ни возраженій, ни отказовъ.

Сеньоръ не только безусловно завѣдывалъ браками своихъ подданныхъ, но и имѣлъ право первой ночи. Дѣвственность каждой зависимой невѣсты нарушалъ онъ, а не мужъ. Это гнусное право существовало во всей Европѣ, въ Шотландіи, Франціи, Германіи, Италіи, Нидерландахъ, Испаніи; въ Россіи оно продолжало дѣйствовать, хотя и въ видѣ злоупотребленія, вплоть до отмѣны крѣпостничества, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ фактовъ, сообщенныхъ въ «Русскихъ уголовныхъ процессахъ» Любавскаго. Наравнѣ съ свѣтскими, этимъ правомъ пользовались и духовные феодалы, епископы, аббаты, даже приходскіе священники и монахи. И они дѣлали это не только гласно, но даже защищали свои притязанія въ судахъ. Такъ, въ началѣ XVI в. въ Буржѣ, одинъ приходскій священникъ отстаивалъ свое «право пользоваться, по обычаю, первой ночью каждой обвѣнчанной новобрачной женщины!» Право первой ночи было такъ невыносимо, что причиняло нерѣдкіе бунты крестьянъ противъ развратныхъ сеньоровъ. Оно начало падать еще въ средніе вѣка, и въ нѣкоторыхъ странахъ его уничтоженіе приписывается вліянію женщинъ. Такъ, въ Шотландіи, гдѣ оно въ особенности свирѣпствовало, его отмѣнилъ Малькольмъ III, по просьбѣ и настоянію своей жены. Городскія общины и освобожденные крестьяне откупались отъ обязанности приводить сеньорамъ своихъ женъ на поруганіе. Наконецъ въ большинствѣ европейскихъ странъ эта натуральная дань была замѣнена денежною, носившею разныя названія. Зависимый отъ сеньора женихъ покупалъ у послѣдняго позволеніе вступить

на свое брачное ложе; безъ этого позволенія и платы за него онъ подвергался большому штрафу за каждую ночь, проведенную имъ съ женою. Но и послѣ взноса этой платы крестьянинъ не вовсе избавлялся отъ притязаній сеньора на его семейство и жену.

Мы не будемъ говорить о томъ, какъ всѣ сильные и значительные люди старинной Европы, потентаты, солдаты, духовные, развращали массы народа, овладѣвая женщинами силою или увлекая ихъ соблазномъ, плодя нищихъ и отверженныхъ дѣтей, умножая контингентъ проституціи. Мы не будемъ говорить, какъ феодалы отнимали женъ у мужей, дочерей у отцовъ, какъ они портили и развращали поголовно все женское населеніе, продавали женщинъ, дарили ихъ, проигрывали, ставили въ призъ побѣдителямъ на турнирахъ, и т. п. Они положительно не допускали развитія крестьянской семьи и смотрѣли на бракъ простонародья, какъ на случку лошадей или собакъ, полезную для нихъ, феодаловъ, произведеніемъ на свѣтъ потомства. Какъ только семья образовалась, сеньоръ сплошь и рядомъ разбивалъ ее, распродавая въ разныя руки или женя отца на другой женщинѣ, а мать отдавая замужъ за другого мужчину, и т. п. Особенно возмутительно было положеніе семейства, принадлежавшаго нѣсколькимъ господамъ, какъ это зачастую бывало тогда. «Мужчины, женщины, дѣти,—говоритъ Бонмеръ въ своей Histoire des Paysans,—все это дѣлилось и передѣлялось владѣльцами и совладѣльцами, которые спорили между собой о половинѣ женщины, о третіи или четверти ребенка; и часто, для скорѣйшаго окончанія спора, буквально приводился въ исполненіе судебный приговоръ Соломона». Въ Испаніи, напримѣръ, въ случаѣ раздѣла между сеньорами феодальной земли, прикрѣпленнаго къ ней раба законъ дозволялъ раздѣлить на нѣсколько кусковъ, по числу владѣльцевъ. Словомъ, крестьянская семья подъ владычествомъ феодаловъ была крайне непрочна: власть отца и мужа, взаимная вѣрность супруговъ, семейное единство и имущество — все это фактически отрицалось безграничною властью сеньора. Безпрестанныя войны, грабежи бароновъ, разбойниковъ, солдатъ и патеровъ, голодовки и опустошительныя эпидеміи, громадныя массы кочевого пролетаріата — все это содѣйствовало развитію той же бесземейности въ средѣ простонародья. Только по мѣрѣ паденія феодализма, освобожденія городскихъ общинъ и крестьянъ, уменьшенія войнъ и грабежей—древне-патріархальные принципы воскресаютъ ко времени реформаціи и въ крестьянствѣ. Но объ этомъ ниже.

XIV.

Горацій Вальполь замѣтилъ, что ни одна религія не была основана женщиною, но въ то же время ни одна религія не распространялась иначе, какъ посредствомъ женщинъ. Относительно христіанства это вполнѣ справедливо; почти во всѣ европейскія страны оно введено впервые женщинами, преимущественно женами, дочерьми и матерями тогдашнихъ владѣтелей. Христіанство, при всемъ своемъ искаженіи въ формѣ средневѣковаго католицизма и при всѣхъ злоупотребленіяхъ служителей послѣдняго, содѣйствовало смягченію нравовъ и законовъ, водворенію общественнаго мира: оно учило людей любви и равенству, соединяло всю Европу духовными узами и среди анархіи феодализма вводило солидарность людей и народовъ. «Въ этомъ переворотѣ громадной важности женщины принимали значительное участіе», — говоритъ Шерръ. «Онѣ обвивали крестъ розами, смягчали строгость догмата, подъ ихъ заботливыми руками развивались лежавшія въ христіанствѣ сѣмена гуманности». Не говоря уже объ ихъ услугахъ, оказанныхъ дѣлу христіанской филантропіи, онѣ много содѣйствовали развитію семейства, побѣдѣ моногаміи надъ многоженествомъ, уничтоженію права первой ночи, водворенію женскаго образованія. Но, допустивъ женщинѣ до такой важной роли въ дѣлѣ своего распространенія, католицизмъ долженъ былъ во многомъ ограничить ихъ. Не только во времена глубокаго варварства, но и во все продолженіе среднихъ вѣковъ европейцы считали бракъ чисто-гражданскимъ договоромъ, и высшіе классы наравнѣ съ простонародьемъ вплоть до половины XVI ст. избѣгали церковнаго вѣнчанья, или, по необходимости, заключая его по совершеніи брака, не придавали ему никакого значенія. Много пришлось бороться духовенству противъ такого нечестія; оно проклинало гражданскій бракъ, какъ прелюбодѣяніе, анаѳематствовало виновныхъ, клало на рожденныхъ въ немъ дѣтей печать отверженности, но, не смотря на всѣ эти старанія, только въ XIV, XV и XVI в. разныя страны Европы постепенно признаютъ церковное вѣнчанье необходимымъ условіемъ дѣйствительности брака. Далѣе, церкви приходилось бороться противъ многоженства и постоянныхъ разводовъ между супругами, постоянной перемѣны женъ, чѣмъ особенно отличались короли и другіе аристократы. Провозгласивъ единство и нерасторжимость брака, духовенство старинной Европы твердо стояло за ихъ осуществленіе въ жизни, дѣйствуя противъ нарушителей этихъ правилъ и увѣщаніями, и проклятіями, и постановленіями соборовъ, и отлученіемъ отъ церкви. Это была борьба ожесточенная, и не одинъ духовный палъ жертвою своей католической ревности. Претекстатъ, епископъ руанскій, былъ убитъ агентомъ Фредегонды; Дидье, епископъ вьенскій, побитъ каменьями по распоряженію Брунегильды; св. Ламбертъ зарѣзанъ за отторженіе Пепина отъ его наложницы, и т. д. Долго эти старанія духовенства были безуспѣшны, потому что церковь имѣла мало власти, да и сами учители большею частію вели крайне распутную жизнь, и примѣръ церкви освящалъ разврать вельможъ. Только по мѣрѣ развитія церковнаго могущества и проникновенія свѣтскихъ законодательствъ каноническими принципами, бракъ и положеніе женщины начали постепенно принимать тотъ характеръ, какого отъ нихъ требовало католичество. Страхомъ денежнаго штрафа и даже тѣлеснаго наказанія оно

заставляло брачущихся прибѣгать къ церковному благословенію. Съ XII в. церковь начала ревностно проводить ученіе о сакраментальномъ свойствѣ брака и его нерасторжимости даже въ случаѣ прелюбодѣянія. Каноническо-брачное право получило свое окончательное утвержденіе на тридентскомъ соборѣ, изрекшемъ проклятіе на всѣхъ отрицающихъ, что «бракъ есть одно изъ семи евангельскихъ таинствъ, установленныхъ Христомъ». Расторженіе брака, столь частое въ средневѣковой Европѣ, встрѣтило самое сильное противодѣйствіе церкви, утверждавшей начало абсолютной его нерасторжимости. Принципъ нерасторжимой моногаміи такъ ревниво поддерживался католицизмомъ, что онъ запрещалъ или, по крайней мѣрѣ, ясно не одобрялъ вступленіе во второй бракъ овдовѣвшихъ или разведшихся супруговъ. Его воззрѣніе на бракъ вполнѣ гармонировало съ коренившимися въ патріархальныхъ обычаяхъ древности общественнымъ мнѣніемъ европейцевъ. Во Франціи, напримѣръ, вступившей въ бракъ вдовѣ въ день ея свадьбы обыватели давали кошачій концертъ. Съ XII в. церковь поставила необходимымъ условіемъ брачнаго союза согласіе на него родителей жениха и невѣсты. Кровное родство до седьмого колѣна и свойство сдѣланы препятствіемъ ко вступленію въ бракъ; со временъ латеранскаго собора это постановленіе обращено въ общій законъ для всей Европы. Духовное родство по крещенію также не допускало брака между воспріемникомъ и воспріемницей, между крестными и крестниками, и т. д. Всѣ эти ограниченія въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ, почти всѣ жители которыхъ обыкновенно состоятъ между собою въ родствѣ или въ свойствѣ или въ кумовствѣ, развивали только развратъ и поддерживали гражданскіе браки. Иннокентій III смягчилъ эти ограниченія, запретивъ бракъ для родственниковъ до 4-го, а для свойственниковъ до 3-го колѣна. Кромѣ общихъ, такъ называемыхъ, естественныхъ препятствій къ вступленію въ бракъ, напр. идіотизма, несовершеннолѣтія, временнаго умственнаго разстройства, католицизмъ съ своею обычною нетерпимостью запретилъ браки съ язычниками, евреями, магометанами и еретиками, хотя, съ другой стороны, приводя начало сакраментальности, онъ признавалъ браки еретиковъ дѣйствительными. Однакожъ послѣднее запрещеніе никогда не входило въ свою полную силу, и въ старинной Европѣ мы встрѣчаемъ браки между аріанами и католиками, между христіанами, язычниками, іудеями и магометанами, позднѣе между католиками и протестантами. Церковь должна была отступить отъ своего первоначальнаго намѣренія и, не одобряя «смѣшанныхъ браковъ», она все-таки признавала ихъ дѣйствительность, только обязывала родителей воспитывать дѣтей въ католической вѣрѣ. Развивая съ послѣдовательностью семейные принципы христіанства, католицизмъ относился съ особенною строгостью къ внѣбрачнымъ связямъ и къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, хотя крайне распутная жизнь самого духовенства и заставляла его сплошь и рядомъ уклоняться отъ приложенія къ дѣлу своихъ строгихъ постановленій. По смыслу каноническаго права, прелюбодѣяніе должно подлежать только церковнымъ наказаніямъ, отлученію на извѣстное время отъ причастія, публичному покаянію и т. п., но церковь скоро соединилась въ этомъ дѣлѣ съ гражданскою властью, и ея эпитеміи были поглощены уголовными законами. Швабское и саксонское Зерцала полагаютъ за прелюбодѣяніе отсѣченіе головы. Часто и простую смертную казнь считали недостаточною; прелюбодѣевъ клали одного на другого въ яму, дно которой было устлано терновникомъ, и затѣмъ прогнавъ чрезъ нихъ обоихъ колъ, засыпали ихъ землею. Незаконные дѣти были лишены правъ отцовскаго состоянія и отвержены церковью, какъ плодъ грѣха, и хотя въ средніе вѣка батарды королей и феодаловъ нерѣдко пріобрѣтали разными способами всѣ права законныхъ дѣтей, но ихъ побѣды никогда не были побѣдами принципа.

Юридическое положеніе средневѣковыхъ женщинъ развивалось подъ вліяніемъ борьбы римско-германскаго и каноническаго права. Въ теченіе смутнаго времени, которымъ начинается исторія новой Европы, женщины, по патріархальнымъ обычаямъ варваровъ, подлежали разнымъ формамъ половой опеки, право на которую женихъ покупалъ у отца невѣсты. Въ средневѣковыхъ кодексахъ положеніе женщины опредѣляется смѣсью принциповъ римскихъ и варварскихъ; незамужнія женщины, за извѣстными мѣстными исключеніями, пользовались, подъ вліяніемъ идей римской юриспруденціи, значительной свободой, а замужнія женщины, по обычаю варваровъ, состояли подъ властью мужа и были почти безправны. Каноническое законодательство увеличивало эту безправность и поддерживало ее до такой степени, что положеніе женщинъ было хуже всего въ тѣхъ европейскихъ странахъ, въ которыхъ брачное законодательство наиболѣе развивалось подъ вліяніемъ каноническаго права, напр., въ Англіи. Каноническое законодательство всѣми силами помогало осуществленію тиранническихъ притязаній феодальнаго мужа, о которыхъ мы говорили выше, приводило ихъ въ систему и облекало авторитетомъ священности. По возврѣніямъ католицизма, жены должны не только подчиняться мужьямъ, но и быть ихъ *служанками*. «Католическая женщина»—говоритъ Лоранъ—«существо безличное и безправное. На ней тяготѣетъ проклятіе, наложенное на Еву. Подъ вліяніемъ-то этого вѣрованія христіанскіе средніе вѣка и были менѣе благопріятны для женщины, чѣмъ законодательства варварской эпохи». По законамъ варваровъ, напримѣръ, вира за женщину была больше виры за мужчину; а по средневѣковому христіанскому праву женская вира равнялась только половинѣ мужской. Католицизмъ благопріятствовалъ только вдовамъ и сиротамъ, забота о которыхъ была первою обязанностью христіанской филантропіи въ тѣ смутныя времена. Цѣлыхъ три или четыре столѣтія церковь заботилась объ участи женъ, переживавшихъ своихъ мужей, и наконецъ ей удалось водво-

рить принципъ вдовьей пенсіи въ обычномъ правѣ всей западной Европы. Но заботы патеровъ о сиротахъ и вдовицахъ объясняются столько же требованіями евангельской филантропіи, сколько и тѣмъ рядомъ фактовъ, что имущества вдовицъ и сиротъ путемъ завѣщаній и пожертвованій несравненно чаще переходили въ руки духовенства, чѣмъ имущества семейныхъ женщинъ, связанныхъ интересами фамиліи. Вдовы были полезны католицизму, и онъ стоялъ за нихъ, какъ всегда онъ стоялъ за тѣхъ женщинъ, которыя ревностно служили его дѣлу. Исторія католицизма есть исторія религіозныхъ аферъ и спекуляцій. Духовное воинство папы пользовалось всѣми средствами для собиранія въ свои карманы народныхъ богатствъ. «И духовные», — говоритъ Лоранъ, — «имѣя плохой успѣхъ у мужчинъ, обращались къ женщинамъ». Множество дарственныхъ записей, данныхъ церкви, начинаются такимъ предисловіемъ: «наша возлюбленная супруга умоляла насъ сдѣлать даръ такому-то монастырю, и мы, признавъ ея просьбу справедливою» и т. д. Необразованныя, неразвитыя женщины были совершенно въ рукахъ духовенства. Ужасъ, внушаемый имъ распущенною жизнью ихъ супруговъ и сыновей, заставлялъ ихъ, ради душевнаго спасенія любимыхъ ими лицъ, жертвовать своими земными интересами. Такія женщины превозносились, конечно, духовенствомъ, и оно радо было сдѣлать для нихъ все, что угодно, смотрѣло сквозь пальцы на ихъ поведеніе и величало ихъ благочестивѣйшими ревнительницами святой вѣры. По католицизмъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ дѣлѣ защиты вдовъ, руководился только тенденціями, противными семейному началу, нарушалъ цѣлость фамильнаго имущества и, проповѣдуя нищенство, отрицалъ накопленіе богатствъ, бывшее одною изъ главныхъ задачъ феодальнаго семейнаго права. И за всѣ услуги, оказанныя ему женщинами, католицизмъ нисколько не улучшалъ ихъ семейнаго положенія. Онъ старался освободить женщину отъ семейства, но только для того, чтобы обратить ее на служеніе церкви. Проповѣдуя крайній дуализмъ и презирая плоть, онъ естественно нападалъ и на соблазнительнѣйшую представительницу плоти, женщину. Въ его исторіи первое совращеніе въ грѣхъ совершено дьяволомъ, второе Евою, и съ тѣхъ поръ женщина неизмѣнно шла по стопамъ своей прародительницы. Сочиненія отцовъ и учителей католицизма наполнены точно такими же нападками на слабую половину рода человѣческаго, какія изобилуетъ наша древне-русская письменность, заимствовавшая ихъ изъ Византіи. По словамъ св. Антонина, женщина—«глава преступленія, рука дьявола. Когда ты видишь женщину, то знай, что передъ тобою не человѣкъ, не дикій звѣрь, а дьяволъ самолично. Голосъ ея—шипѣніе змѣи».— «Женщина»—говоритъ св. Іеронимъ—«это врата дьявола, путь нечестія, укушеніе скорпіоново». По словамъ Гюго де-С.-Викторъ, она — «виновница зла, причина паденія, гнѣздилище грѣха, она соблазнила мужчину въ раю, она соблазняетъ его на землѣ, она увлечетъ его въ бездну ада». И такъ думали не одни только мистики; по мнѣнію схоластиковъ, «женщина есть пріятный ядъ, причиняющій вѣчную смерть, факелъ сатаны, дверь, черезъ которую входитъ дьяволъ». По авторитетнымъ словамъ средневѣковаго спеціалиста въ демонологіи, Вильгельма д'Овернскаго, черти всегда являются подъ видомъ женщины, между тѣмъ какъ добрые ангелы принимаютъ образъ мужчины. Къ этимъ оріентальнымъ понятіямъ католическіе писатели присоединили еще разныя измышленія, основанныя большею частію на Аристотелѣ, по которому женская натура ниже мужской. Св. Томасъ, напримѣръ, учитъ, что мужчина есть типъ совершенства, а женщина типъ несовершенства. Это неравенство половъ существовало съ самаго начала, ибо Ева сотворена изъ ребра Адамова. «Даже безъ грѣхопаденія» — говоритъ Св. Томасъ—«женщина была бы подчинена мужчинѣ, потому что у послѣдняго больше разума». Августинъ, комментируя выраженіе книги бытія, что жена должна быть помощницей мужа, учитъ, что она необходима мужчинѣ только какъ орудіе дѣторожденія, «подобно тому, какъ необходима ему земля, чтобы брошенное въ нее сѣмя произвело растеніе». «Женщина» — говоритъ онъ — «не можетъ ни учить, ни свидѣтельствовать, ни судить, тѣмъ менѣе — повелѣвать». Католическія филиппики противъ женщинъ находили себѣ поддержку въ народной *мудрости*, или, правильнѣе, глупости, которая никогда не переставала обливать ихъ помоями своего остроумія. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько нѣмецкихъ пословицъ. «У бабы платье длинно, а умъ коротокъ»; «гдѣ женщина управляетъ домомъ, тамъ прислуживаетъ чортъ»; «женщины и деньги — виновники всѣхъ золъ въ мірѣ»; «нельзя вѣрить женщинѣ даже мертвой» и т. д. Впрочемъ, развитіе такихъ воззрѣній въ народѣ нужно приписать главнымъ образомъ тому же католицизму; хотя и до него, и безъ него грубые патріархалы всегда свысока смотрѣли на бабу, но католицизмъ значительно увеличилъ ихъ презрѣніе и далъ ему догматическую санкцію. Эта отверженность женщины выражалась не въ однихъ только словахъ, но также въ церковныхъ обрядахъ и постановленіяхъ. При такихъ воззрѣніяхъ бракъ, понимаемый католицизмомъ исключительно съ точки зрѣнія плотскаго союза и считаемый дѣйствительнымъ и состоявшимся не иначе, какъ по совершеніи полового акта,—бракъ, даже самыми благосклонными къ нему католическими мыслителями среднихъ вѣковъ, считался только «предохранительнымъ средствомъ отъ большаго еще зла». По самые строгіе и самые логическіе послѣдователи католицизма думали вмѣстѣ съ св. Томасомъ, что «бракъ есть зло». «Любовь женщины есть пропасть смерти; бракъ не узаконяетъ ея, онъ едва только извиняетъ ее». Презирая плоть, католицизмъ не могъ даже помирить святость Богоматери съ ея обыкновеннымъ происхожденіемъ отъ родителей и составилъ догматъ о безпорочномъ зачатіи ея. Конечно, и самые рьяные поборники средневѣковаго аскетизма видѣли, что ихъ идеалы

осуществимы только для немногихъ избранныхъ, но никогда не могутъ быть приняты большинствомъ общества. Поэтому католицизмъ ограничился только введеніемъ въ семейную жизнь извѣстныхъ правилъ аскетизма и, вопреки основному своему закону о дѣйствительности брака только послѣ coitus, устроилъ и старался распространить аскетическій бракъ безъ половыхъ сношеній между супругами *). Въ старинной Европѣ такіе браки заключались нерѣдко, и въ нихъ обѣтъ брачной дѣвственности хранился большею частію только женами, пропитанными католическимъ духомъ и выданными замужъ изъ-за династическихъ или фамильныхъ расчетовъ, между тѣмъ какъ мужья ихъ вели распутную жизнь. Даже тѣмъ людямъ, которые наслаждались всѣми брачными удовольствіями, католицизмъ успѣлъ внушать мысль объ извѣстной грѣховности и скверѣ супружескаго плотскаго союза. Часто удавалось духовенству превращать семейный домъ въ какое-то странное жилище, въ которомъ, не смотря на безпорядочную и буйную жизнь хозяина, его жена устраивала у себя покаянную келью, превращалась изъ жены и хозяйки въ монахиню, замаливающую грѣхи мужа и свои, состоящіе между прочимъ въ вольныхъ и невольныхъ супружескихъ излишествахъ и нарушеніяхъ правилъ, которыми церковь старалась регулировать жизнь брачнаго ложа. Но все это, вмѣстѣ съ аскетическими браками, были исключенія, хотя и нерѣдкія. Свой идеалъ католическая церковь думала осуществить вполнѣ только въ монашествѣ, въ этой институціи, водворявшей на землѣ «небесный рай и равно-ангельскую жизнь». Потомъ начали стремиться къ безбрачію бѣлаго духовенства, и при этомъ обнаружилось, до какой степени масса народа, настаивавшая на безбрачіи, успѣла проникнуться аскетическими идеями объ извѣстной доли грѣховности даже въ освященномъ церковью бракѣ **). Хотя въ первоначальной церкви были женатые епископы, но были и безбрачные, и вѣрующіе отдавали послѣднимъ предпочтеніе предъ женатыми. Церковные соборы Запада и Востока, равно какъ и нѣкоторые изъ папъ, рекомендовали духовенству безбрачіе, хотя и не дѣлали его закономъ. Агитація въ пользу безбрачія усилилась особенно послѣ того, какъ въ пустыняхъ Ѳиваиды и въ лѣсахъ Европы возникло монашество и сразу понизило значеніе бѣлаго духовенства своимъ подвижничествомъ и своей дѣвственностью, которой тогда еще вѣрили. Во многихъ мѣстахъ народъ началъ просто презирать женатое духовенство, и гангренскій соборъ принужденъ былъ анаѳематствовать тѣхъ, которые отвергали обѣдню, совершаемую женатымъ священникомъ. Требовали—выражаясь грубымъ тогдашнимъ языкомъ—чтобы «попъ, ежедневно творящій Бога»,—der täglich Gott schaffe,—т.-е. совершающій евхаристію, былъ совершенно чистъ и дѣвственъ. Наконецъ, когда жалобы на развращенность духовенства загремѣли по всей Европѣ, когда церковь была въ опасности отъ своихъ враговъ, когда она нуждалась въ хорошо дисциплинированномъ, совершенно преданномъ ей и отрѣшенномъ отъ мірскихъ интересовъ войскѣ,—безбрачіе было сдѣлано закономъ и для бѣлаго духовенства. Папа Григорій VII ввелъ его въ концѣ XII вѣка, поступивъ въ этомъ случаѣ совершенно послѣдовательно, какъ истинный католикъ и разсчетливый политикъ. Женатые духовные должны были расторгнуть бракъ, а холостые не вступать въ него. Отлученіе отъ церкви угрожало не только каждому духовному, осмѣлившемуся послѣ этого держать жену или наложницу, но и всѣмъ мірянамъ, слушающимъ совершаемую имъ обѣдню или принимающимъ отъ него причастіе. Безбрачіе духовенства, водворенное не смотря на противодѣйствіе послѣдняго, хотя и вело за собою сильное развращеніе нравовъ, но въ то же время воспрепятствовало духовенству обратиться въ наслѣдственную касту, оно спасло Европу отъ ужасѣйшаго вида тиранніи, отъ тиранніи всемогущей, наслѣдственной левитской аристократіи. Безбрачіе принесло и другую важную пользу, доказавъ неосуществимость идеала, съ такою ревностію поддерживаемаго католицизмомъ.

Своимъ аскетическимъ міросозерцаніемъ католицизмъ, какъ мы уже говорили, увлекалъ множество женщинъ и вносилъ черезъ нихъ монастырскіе обычаи даже въ среду семействъ. Вотъ, напримѣръ, какую жизнь вела въ своемъ семействѣ мать Эдуарда IV. Вставъ въ семь часовъ, она тотчасъ слушала въ своей комнатѣ малую обѣдню; затѣмъ, позавтракавъ, шла въ капеллу и оставалась тамъ вплоть до обѣда; послѣ обѣда она посвящала одинъ часъ на семейныя дѣла, спала четверть часа, и потомъ вплоть до вечера проводила время въ молитвѣ; посѣтивъ снова капеллу, она возвращалась къ ужину, послѣ котораго проводила часъ въ бесѣдѣ съ домашними, часъ въ молитвѣ и ложилась спать. Такіе примѣры женскаго благочестія были далеко не рѣдкостью, и женщины въ средніе вѣка были несравненно больше преданы католицизму, чѣмъ мужчины. Онѣ первыя обогащали духовенство пожертвованіями, первыя увлекались его проповѣдью, первыя стекались къ вновь открытымъ мощамъ, первыя принимали составленныя патерами легенды и изобрѣтенныя ими чудеса, онѣ далеко превосходили мужчинъ своею ревностію въ дѣлахъ христіанской филантропіи, въ помощи бѣднымъ, несчастнымъ, боль-

*) Въ такомъ бракѣ жили, напр., императоръ Генрихъ II, Эдуардъ исповѣдникъ, Альфонсъ II испанскій. Григорій Турскій разсказываетъ, какъ одинъ галльскій дворянинъ женился на дѣвушкѣ, которая въ первую ночь призналась ему, что дала обѣтъ вѣчной дѣвственности, и сожалѣетъ о вступленіи въ бракъ, на который она согласилась единственно изъ повиновенія родителямъ. Мужъ согласился хранить ея дѣвственность, и когда она черезъ нѣсколько лѣтъ умерла, то, опуская ее въ могилу, онъ сказалъ: «благодарю тебя, Боже, за то, что я могу возвратить твоей любви это сокровище такимъ же неприкосновеннымъ, какимъ получилъ его».

**) Супругамъ запрещалось присутствовать при церковныхъ торжествахъ и богослуженіи, если наканунѣ они дѣлили свое ложе, и Григорій Великій разсказываетъ, какъ за нарушеніе этого правила въ одну женщину вселился бѣсъ. Въ извѣстномъ видѣніи Альберика, грѣшные въ этомъ люди мучатся въ особомъ отдѣленіи ада, составляющемъ море кипящаго свинца и смолы. Въ народныхъ массахъ Запада это вѣрованіе было распространено такъ же сильно, какъ въ средѣ нашего простонародья.

нымъ, въ смягченіи участи осужденныхъ преступниковъ, въ выкупѣ плѣнныхъ; благодаря имъ-то главнымъ образомъ зажиточные дома старинной Европы и грозные замки феодаловъ всегда давали пріютъ и пищу странникамъ и неимущимъ. Такова была, напр., тюрингенская ландграфиня Елизавета, въ XIII вѣкѣ, которая, терпя въ своей семейной жизни притѣсненія и оскорбленія, всецѣло посвятила себя служенію несчастнымъ; она не только основывала и содержала больницы, но и собственноручно лѣчила брошенныхъ всѣми зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями. Католицизмъ, недовольствуясь одиночною благотворительностью, соединилъ ее съ женскимъ монашествомъ и нѣкоторые ордена обратилъ на исключительное служеніе бѣднымъ, уходъ за больными, выкупъ плѣнниковъ и т. д. Такъ, орденъ Маріи въ Сіенѣ еще въ IX вѣкѣ былъ основанъ для ухода за больными; два такихъ же ордена въ XIII столѣтіи были посвящены выкупу плѣнниковъ; орденъ, основанный въ XIII же вѣкѣ тюрингенскою ландграфиней Елизаветою, имѣлъ своими цѣлями уходъ за больными, воспитаніе юношества, покровительство раскаявшимся грѣшницамъ, воспитаніе найденышей, нравственное исправленіе преступниковъ. Орденъ бегинокъ имѣлъ еще болѣе разнообразныя цѣли. Эти и множество другихъ подобныхъ имъ женскихъ союзовъ имѣли для средневѣковой женщины извѣстное освободительное значеніе. Сама религія учила, что и отказываясь отъ семейныхъ обязанностей, женщина не только не роняетъ, но даже увеличиваетъ свое достоинство, что семейная дѣятельность не есть единственное предназначеніе женщины, которая можетъ и должна посвящать себя еще и другой, болѣе широкой и болѣе почетной дѣятельности, служенію обществу, человѣчеству. Другое важное значеніе женскихъ орденовъ въ средніе вѣка состояло въ томъ, что отдѣльная безпомощная личность, бывъ предоставлена тогда силѣ и произволу каждаго разбойника,—имѣлъ ли онъ на головѣ графскую корону или же былъ пролетаріемъ-висѣльникомъ,—естественно должна была искать опоры въ другихъ. Отсюда весь феодальный строй, основанный на договорѣ, въ которомъ одна сторона покупала у другой, сильнѣйшей, защиту себѣ цѣною своей свободы. Городскія общины пошли дальше и, купивъ себѣ свободу, организовали изъ себя крѣпкія оборонительныя братства. Женскіе ордена имѣли кое-что подобное этимъ общинамъ. Женщины, дѣвушки, вдовы не могли не чувствовать потребности общаго союза для пріобрѣтенія себѣ жилья и пищи, пріюта во время болѣзни, для избѣганія всевозможныхъ насилій, для поддержки своей нравственной самостоятельности, для выполненія своихъ обѣтовъ и религіозныхъ идеаловъ жизни. Женское монашество выродилось изъ потребностей женскаго міра, но такъ какъ католицизмъ много содѣйствовалъ его возникновенію и съ перваго же раза вцѣпъ его въ общій строй своей церкви, то оно и потеряло всякое самостоятельное значеніе, всецѣло подчинившись общему теченію католической жизни. Въ короткій періодъ первоначальной чистоты монашества, когда оно могло славиться еще своею филантропическою дѣятельностью, надъ послѣднею всетаки брали перевѣсъ себялюбивыя и мрачныя тенденціи аскетизма. Не мало силъ и дарованій гибло въ изобрѣтеніи разныхъ самоистязаній и въ разрушеніи ими своего организма. Аскетическія идеи католицизма увлекали женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, и распространялись по Европѣ преимущественно посредствомъ женской пропаганды. Тысячи, десятки тысячъ женщинъ и дѣвушекъ стремились удостоиться величайшей чести быть названными невѣстами Христа, вели суровую жизнь, терзали свое тѣло бичами и плетьми, морили себя голодомъ и холодомъ, нарочно расиложали на себѣ вшей и вдобавокъ ко всему этому нерѣдко подвергались еще болѣе суровымъ истязаніямъ отъ своихъ строгихъ аббатиссъ. Сначала въ большинствѣ монастырей обѣты, произнесенные набожными женщинами, были только временные и возобновлялись ежегодно, предоставляя монахинямъ возможность снова перейти въ міръ. Но скоро церковь уничтожила эту льготу. Слагать съ себя обѣта монахинѣ не дозволяли, а въ случаѣ самовольнаго сложенія, подвергали ее наказанію. Капитуляріи Карла В., запретившіе монахинямъ даже переписываться съ мірянами и подвергшіе ихъ многимъ другимъ подобнымъ ограниченіямъ, положили отлучать отъ церкви какъ монахиню, вступившую въ бракъ, такъ и ея мужа. Въ Англіи нарушившая свой обѣтъ монахиня наказывалась голодною смертью. Изъ свободныхъ религіозныхъ общинъ, соединявшихъ, подобно каноникатамъ Германіи, пріятности общественной жизни съ преимуществами жизни благочестивой и назидательной, женскіе монастыри сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ церковныхъ каторжныхъ работъ, на которыхъ женщины искупали не только свои грѣхи, но часто и свои поступки, считавшіеся тогда преступными или наносившіе позоръ ихъ фамиліи. Извѣстно, какъ часто семейные тираны старинной Европы пользовались угодливостью духовенства для того, чтобы упекать въ монастырь своихъ женъ, дочерей и другихъ родственницъ, удаленіе которыхъ изъ семейства они считали почему-нибудь необходимымъ. Принудительная система благочестія держалась недолго; какъ всегда бываетъ съ противоестественными стремленіями людей, такъ и въ настоящемъ случаѣ католическій аскетизмъ неминуемо велъ за собой вторженіе въ монастыри совершенно противоположныхъ ему нравовъ. Женскіе монастыри скоро сдѣлались гаремами епископовъ, аббатовъ и другихъ церковниковъ, и пристанищами разгула для дворянъ и солдатъ, которые при своихъ походахъ дѣлали остановки между прочимъ и въ женскихъ монастыряхъ, и по уходѣ которыхъ значительная часть населенія монастыря часто оказывалась въ интересномъ положеніи. Дѣтоубійство и плодоизгнаніе были развиты въ женскихъ обителяхъ въ сильной степени*). Такимъ образомъ, аскетизмъ не только приходилъ къ самоотрицанію, не только от-

*) Подробности о развращеніи монастырскихъ и мірскихъ нравовъ см. въ этюдѣ «Проституція».

влекалъ женщинъ отъ практической дѣятельности на пользу людямъ, не только вырождался въ разнузданность страстей, но, при своемъ противорѣчіи идеала съ дѣйствительностью, неминуемо велъ за собою и нравственную развращенность, пріучая женщинъ къ тому отвратительному лицемѣрію, которое каждый читатель можетъ видѣть на нашихъ страницахъ и другихъ подобныхъ женщинахъ. Не смотря на то, что аскетическіе идеалы никѣмъ не исполнялись, не смотря на то, что природа, которую хотѣли подчинить имъ, возмущала и увлекала людей по совершенно противоположному направленію, аскетическая проповѣдь не прекращалась и не переставала увлекать наивныя женскія души, не находившія никакой отрады среди окружавшей ихъ безобразной жизни. Аскетическая пропаганда духовенства была съ особенною силою направлена на женщинъ аристократіи; увлекая ихъ въ монастыри, духовенство пріобрѣтало щедрыхъ дателей, сильныхъ защитниковъ и вѣрныхъ слугъ въ нихъ и ихъ родственникахъ. Часто цѣлыя фамильныя имѣнія переходили, при помощи подобныхъ средствъ, въ руки монаховъ. Женскіе монастыри, въ свою очередь, были также въ рукахъ духовенства важными орудіями для покоренія его власти умовъ и сердецъ. Монастыри были центрами женскаго образованія, которое, будучи проникнуто монашескимъ духомъ, разносилось изъ нихъ по лицу всей Европы. Выше мы уже видѣли, до какой степени тогдашняя семейная жизнь принимала часто совершенно монастырскій характеръ, и женщины, забывая все земное, жили только для духовенства, употребляя всѣ свои силы на подвиги аскетическаго благочестія.

Такимъ образомъ, и своимъ аскетизмомъ, и порожденною послѣднимъ реакціей католицизмъ отрывалъ женщину отъ семейства и дѣлалъ ее орудіемъ своихъ выгодъ, власти, пропаганды. Рабыня мужа или семейства превращалась въ рабыню корпораціи, а послѣдняя не переставала внушать людямъ презрѣніе къ этому несчастію Евы. Независимо отъ того, что такія воззрѣнія на женщину много ухудшали ея семейное и общественное положеніе, они были еще источникомъ ужаснѣйшихъ преслѣдованій ея, обливавшихъ Европу женской кровью въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Мы говоримъ о вѣдовскихъ процессахъ.

По дуалистическому ученію католицизма, вселенная раздѣляется на двѣ половины,—на одной торжествуетъ Богъ, ангелы, святые и вѣрные сыны католической церкви; на другой—сатана, черти, еретики, язычники и нераскаянные грѣшники; первая половина образуетъ церковь божію, а вторая—сатанинскую; обѣ церкви постоянно борются между собой, стараясь какъ можно больше истребить или привлечь въ свое лоно своихъ враговъ. Какъ это обыкновенно бываетъ при столкновеніи двухъ враждебныхъ религій, боги Греціи и Рима превратились въ злыхъ демоновъ, и Юпитеръ-громовержецъ низводился на степень обыкновеннаго бѣса, а богиня вѣчной красоты, Венера, представлялась пошлою развратницею. Затѣмъ, при обращеніи варваровъ, разрушившихъ римскую имперію, не только ихъ злые духи, какъ славянскій Чернобогъ или скандинавскій Локи, но даже и добрые ихъ боги тоже переводились въ разрядъ бѣсовъ, и при формированіи образа европейскаго чорта основныя черты его были взяты съ германскаго верховнаго бога Одина. Средневѣковая легенда одѣла своего чорта въ широкополую шляпу и плащъ, снятые ею съ Одина, придала ему ворона, который былъ и у германскаго бога, посадила его на черную лошадь Одина и т. д. Долго удерживавшіеся въ народной жизни языческіе праздники и обряды превратились въ глазахъ католиковъ въ бѣсовскій культъ, а тайныя религіозныя сборища на горахъ, сопровождавшіяся любовными играми, какъ у насъ Ивановъ день, сдѣлались шабашами вѣдьмъ.

При постепенномъ развитіи европейской демонологіи, чортъ получилъ образъ человѣка чернаго цвѣта, съ хвостомъ, копытами и рогами; но онъ не всегда является въ томъ образѣ, а часто показывается въ видѣ лошади, собаки, кошки, медвѣдя, голубя, рыцаря, ландскнехта, монаха и т. д. Основная черта его характера—неизмѣримая гордыня и ненасытимое желаніе губить людей, вовлекая ихъ въ грѣхъ, посылая на нихъ болѣзни, смерть, голодъ, засуху, наводненія. Относительно всѣхъ этихъ «искушеній» чрезвычайно интересны показанія средневѣковаго аббата Рихальма. «Посмотрите, восклицаетъ, напр., Рихальмъ, какъ черти мучатъ меня во время разговора кашлемъ, посредствомъ котораго демоны бесѣдуютъ между собой». Каждый человѣкъ подвергается искушенію не отъ одного бѣса, а отъ цѣлаго легіона ихъ. «Когда я сижу за духовнымъ чтеніемъ, то бѣсы нагоняютъ на меня дремоту или искушаютъ меня погрѣть охладѣвшія руки. Потомъ они кусаютъ меня подъ платьемъ, какъ блохи, и заставляютъ меня засунуть подъ платье руки, чтобы я, согрѣвшись, раскисъ и переставъ читать». Въ другое время они нагоняютъ безсонницу, производятъ щекотаніе въ носу, заставляютъ сохнуть губы или дѣлаютъ ихъ отвислыми. «Смотрите, восклицаетъ Рихальмъ, вотъ чортъ, который висѣлъ на этой губѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ для того только, чтобы она отвисла! Когда я надѣваю шляпу, то они, что почти невѣроятно, стараются помѣшать мнѣ тѣмъ, что начинаютъ кусать меня въ волосахъ, чтобы заставить меня снять шляпу и почесаться!» Когда вновь посвященный, которому аббатъ разсказываетъ все это, говоритъ, что у него при ходьбѣ урчитъ въ животѣ, то Рихальмъ восклицаетъ: «ахъ, это они дѣлаютъ мнѣ каждый день!» Черти всюду сопровождаютъ человѣка цѣлою тучею, «какъ пыль или песокъ, носимый вѣтромъ», они наблюдаютъ за нимъ день и ночь и не опускаютъ ни малѣйшаго случая, чтобы напакостить ему. «Однажды, разсказываетъ Рихальмъ, когда мы носили камни для постройки стѣны, то я слышалъ, какъ черти, сидѣвшіе за камнемъ, говорили: «ахъ, какая тяжелая работа!» Они говорили это затѣмъ только, чтобы смутить братію и побудить ее къ ропоту». Черти говорятъ посредствомъ шума. «Вотъ я двинулъ

рукавомъ, говоритъ Рихальмъ, и шумъ, причиненный этимъ, есть разговоръ чертей. Если я поцарапаюсь, то они говорятъ посредствомъ царапанья. Каждый шумъ, какой только есть, есть голосъ демоновъ». Противъ чорта хорошо помогаетъ соль. «Силу соли я часто испытывалъ. Когда за столомъ черти отнимали у меня аппетитъ, то я немного солилъ кушанье, и аппетитъ появлялся снова, но черезъ короткое время пропадалъ опять; тогда я еще солилъ, и мнѣ снова хотѣлось ѣсть». Когда Рихальмъ спросилъ одного новичка, почему онъ сегодня мало ѣлъ, и послѣдній отвѣчалъ, что онъ совершенно сытъ, то аббатъ сообщилъ ему: «я подслушалъ, какъ черти уговаривались между собой лишить тебя аппетита, чтобы погубить твою жизнь. «Но, Боже мой, какъ же я буду ѣсть съ полнымъ брюхомъ?» воскликнулъ вновь посвященный.—«Это дѣлаютъ они, объяснилъ Рихальмъ:—они и мнѣ часто вздуваютъ животъ, наполняютъ ротъ слизью и всякими способами отнимаютъ аппетитъ, пока я не начну окропляться передъ обѣдомъ водой,—это помогаетъ. То же они дѣлали съ однимъ братомъ въ продолженіе цѣлаго лѣта, пока онъ не умеръ». По мнѣнію Рихальма, жестоко ошибается братія, думая, что ее ѣдятъ вши и блохи: это ее мучатъ и искушаютъ черти... Тѣ же демоны производятъ и опьяненіе. «Сегодня, разсказываетъ Рихальмъ, мы выпили хорошаго вина, и смотрите, какое множество пьяныхъ въ столовой! То же самое случилось въ день всѣхъ святыхъ, когда мы пили хорошее вино, и масса пьяныхъ была такъ велика, что я съ трудомъ могъ двигаться среди ихъ по монастырю и ораторіи. Назавтра, впрочемъ, всѣ черти исчезли, и монастырь опустѣлъ». Однажды чортъ искушалъ Рихальма въ образѣ женщины, но аббатъ устоялъ. Черти часто мучали его зубной болью, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ передъ обѣдней полоскалъ ротъ холодной водой. Черти часто соблазняютъ братію тѣмъ, что нагоняютъ на нее разсѣянность, уводятъ изъ монастыря въ городъ и заставляютъ тамъ кутить, соблазняютъ осѣдлать лошадь и уѣхать куда-нибудь въ гости, и т. д. «Черти хорошо говорятъ по-латыни». Что же касается ихъ іерархіи, то они раздѣляются на множество классовъ, сообразно чину и занимаемой ими должности. Во всѣхъ монастыряхъ они содержатъ множество чиновниковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое особое назначеніе; одни мѣшаютъ работать, другіе нагоняютъ сонъ, третьи кусаютъ, какъ блохи, четвертые приводятъ въ пьяное состояніе, и т. д. Когда демоны замѣчаютъ въ монахѣ признаки злобы, гордости или другого порока, то они радуются, пляшутъ вокругъ него, катаются кубаремъ.

Вся жизнь среднихъ вѣковъ располагала къ суевѣрію и представляла самыя благопріятныя условія для чрезвычайнаго развитія демонологіи. И общественное устройство, и политическія обстоятельства, и физическія бѣдствія, все соединилось въ то время, чтобы держать несчастное человѣчество подъ ужаснымъ терроромъ, рѣдкимъ въ исторіи. Общество распадалось на множество феодальныхъ владѣній, состоявшихъ подъ властію тогдашнихъ бароновъ, вся жизнь которыхъ проходила въ грабежахъ, убійствахъ, насиліяхъ и безобразныхъ оргіяхъ разврата. Всѣ эти пороки и злодѣянія казались дѣломъ дьявола. Фанатизированная Европа двигалась въ Палестину, при чемъ крестоносцы жгли и опустошали все, что лежало на пути ихъ: то же дѣло дьявола. На Европу налетали ужасные дикари и снова выжигали ее, снова опустошали ее, и пустыница этихъ гуниовъ и монголовъ казались несчастной странѣ легіонами воплощенныхъ демоновъ или, какъ думали нѣкоторые, ордами погаными существъ, происшедшихъ изъ связи дикихъ женщинъ съ нечистыми духами. Неурожаи и смертоносные голодовки случались то и дѣло, и въ поражаемыхъ ими мѣстностяхъ вымирали чуть не всѣ жители, а уцѣлѣвшіе въ живыхъ сплошь и рядомъ питались трупами умершихъ. Вмѣстѣ съ голодомъ дѣйствовали эпидеміи, уносившія въ могилу новые милліоны жертвъ. Множество сектъ вызывало страшныя преслѣдованія инквизиціи противъ этихъ «поклонниковъ дьявола», и еретиковъ истребляли огнемъ и мечомъ, очищая отъ нихъ цѣлыя страны, какъ напр., благословенный Провансъ. Подавляя всякую свободную мысль, папскій Римъ пускалъ въ ходъ всѣ средства для развитія фанатизма и суевѣрія, и когда, напр., святѣйшій отецъ, разсердившись на какую-нибудь Францію, налагалъ на нее годовой интердиктъ, когда запирались всѣ церкви и священные звуки колокола не призывали болѣе вѣрующихъ на молитву; когда новорожденныя дѣти должны были расти или умирать безъ крещенія, больные умирали безъ напутствія и зарывались въ землю безъ церковнаго отпѣванія; когда на странѣ лежала печать проклятія,—то можно себѣ представить, въ какомъ психическомъ состояніи находилась она, искренно вѣрующая и лишенная церковной помощи, всякой церковной защиты отъ тьмы темъ демоновъ, рыскающихъ по землѣ, «какъ львы», ищущіе кого бы поглотить. Изъ края въ край по всей Европѣ то и дѣло разлетались вѣсти о всевозможныхъ чудесныхъ событіяхъ, о появленіяхъ демоновъ, о чудовищахъ, рожденныхъ женщинами, о рыбахъ и птицахъ, говорящихъ человѣческимъ голосомъ, и т. д. При наступленіи второго тысячелѣтія нашей эры, Европа была доведена, наконецъ, до такого психіатрическаго состоянія, что съ полною увѣренностію ждала немедленной кончина міра и пришествія антихриста, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ люди были до безконечности напуганы перспективой второго потопа и даже строили ковчегъ.

Понятно, что въ эпоху такихъ ужасовъ, съ ея безчеловѣчіемъ и суевѣріемъ, съ ея чудесами и волшебниками, съ шаніствомъ и астрологіей, авторитетъ чорта долженъ былъ возвыситься до безконечности и боязнь его дойти до степени умопомѣшательства. Болѣе и болѣе усиливалось вѣрованіе, что чортъ не только старается искушать человѣка, но и вступаетъ съ нимъ въ интимныя связи и за покорность осыпаетъ его всевозможными мірскими благами, чтобы имѣть только возможность потомъ мучить его

душеньку цѣлую вѣчность. Если кто наживался непонятнымъ для другихъ способомъ, то думали, что его обогащалъ демонъ, и нѣкоторые даже видѣли, какъ послѣдній по ночамъ леталъ къ нему въ образѣ огненнаго дракона и приносилъ съ собою золото. Если женщина одерживала чрезвычайныя побѣды своей красотой, то всѣ были убѣждены, что она дѣйствовала посредствомъ чаръ, сообщенныхъ ей дьяволомъ. Ученый, окруженный черепами, скелетами и травами, былъ тоже въ союзѣ съ бѣсовскою силою. Самыя обыкновенныя на нашъ взглядъ обстоятельства могли въ то время подвергнуть человѣка подозрѣнію въ этой нечестивой связи, въ которой обвинялся даже самъ папа Григорій VII. О бременскомъ епископѣ Адамѣ, который окружалъ себя льстецами, знахарями и предсказателями, старался дѣлать золото извѣстнымъ химическимъ способомъ и т. д., народъ тоже говорилъ, что онъ запродалъ чорту душу свою. Въ извѣстной легендѣ, которая въ обработкѣ Гёте получила всемірное значеніе, докторъ Фаустъ тоже вступаетъ въ союзъ съ дьяволомъ, чтобы получить возможность безчисленныхъ наслажденій земными благами и всей глубины знаній, доступной духамъ. Подобный союзъ обусловливается обыкновенно письменнымъ контрактомъ, написаннымъ кровью вступающаго въ него человѣка. Трубя отъ предающагося ему точнѣйшаго исполненія условій, дьяволъ однакоже, какъ и подобаетъ отцу лжи, старается обмануть его, вмѣсто настоящаго золота, напр., дастъ ему призрачное, которое потомъ оказывается чѣмъ-нибудь въ родѣ навоза, вмѣсто красавицы сводитъ его съ безобразной старухой, и т. д.

Отъ этого добровольнаго союза съ чортомъ отличается бѣсноватость, когда чортъ, противъ желанія человѣка, поселяется въ его внутренности, подвергаетъ его конвульсіямъ и сумасшествію, заставляетъ лаять по-собачьи и подбиваетъ его на всякій грѣхъ, на всякую пакость. Въ одного пятилѣтняго ребенка, когда онъ пилъ молоко, вмѣстѣ съ питьемъ проскользнулъ и дьяволъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что во все продолженіе среднихъ вѣковъ было множество людей, искренно вѣровавшихъ въ союзъ съ дьяволомъ, старавшихся вызывать его, даже входившихъ съ нимъ въ сношенія въ своихъ галлюцинаціяхъ; но католицизмъ не ограничивался этими приверженцами сатаны и причислялъ къ нимъ всѣхъ язычниковъ, всѣхъ еретиковъ. Катаровъ, напр., католицизмъ формально обвинялъ въ поклоненіи дьяволу и плотскихъ связяхъ съ демонами. Тампліеры тоже представлялись поклонниками сатаны, съ которымъ будто бы они учиняли адскія оргіи. Когда въ началѣ XIII вѣка жители округа Штединге, ужасно разоряемые и притѣсняемые своими духовными властителями, начали сопротивляться ихъ чудовищнымъ требованіямъ, то архіепископъ, въ государствѣ котораго они жили, формально обвинилъ ихъ въ поклоненіи чорту, чтобы подъ предлогомъ искорененія этихъ слугъ сатаны жестоко проучить ихъ и заставить ихъ вполнѣ покориться своей волѣ.

Самымъ покорнымъ орудіемъ сатаны и вѣрнѣйшею его поклонницею считалась женщина. Въ средневѣковой Европѣ, какъ и вездѣ, женщины гораздо упорнѣе мужчинъ сохранили старыя языческія вѣрованія и обряды, равно какъ и народное искусство лѣченія больныхъ травами и заклинаніями. «Вѣдьма, говоритъ Миніе, была единственнымъ медикомъ народа въ продолженіе тысячи лѣтъ. Императоры, короли, папы, болѣе богатые изъ бароновъ имѣли докторовъ сарацинскихъ, мавровъ, евреевъ, но масса всѣхъ состояній прибѣгала за помощью только къ знахаркѣ или sage femme. Ее называли вѣдьмою; но изъ уваженія, смѣшаннаго со страхомъ, ее обыкновенно величали bonne dame или belle dame, bella donna. Своею профессіей вѣдьма вооружала противъ себя медиковъ, и католическая церковь, ненавидѣвшая послѣднихъ, инквизиторъ взяла ихъ сторону въ видахъ истребленія вѣдьмы. Она искусно раздѣлила царство сатаны. Противъ его дочери, его жены, вѣдьмы, вооружила его сына-медика. Въ XVI вѣкѣ она объявила, что «если женщина осмѣливается лѣчить безъ предварительнаго изученія медицины, то она вѣдьма и должна умереть». Но женщина была не только знахаркою, но и жрицею, и долго еще послѣ распространенія христіанства она принимала самое дѣятельное участіе въ тайныхъ языческихъ сборищахъ и жертвоприношеніяхъ. Жрицы Фреи, совершавшія службу этой богини по ночамъ на горахъ, превратились въ волшебницъ, имѣвшихъ связь съ сатаной, а ихъ религіозныя сборища, сопровождавшіяся сплошь и рядомъ половымъ разгуломъ, сдѣлались шабашами вѣдьмъ на Брокенѣ и другихъ горахъ, у насъ—на Лысой, около Кіева. Это вѣрованіе въ вѣдьму развивалось и формулировалось въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, но основныя черты его—превращеніе вѣдьмъ въ разныхъ животныхъ, пожираніе ими младенцевъ, ихъ полеты по воздуху на козлѣ или метлѣ, причиненіе ими разныхъ физическихъ бѣдствій и болѣзней, половая связь съ сатаной—являются уже въ первые вѣка католицизма, представители котораго уже въ то время относились къ вѣдьмамъ на основаніи заповѣди еврейскаго законодателя: «не оставляй въ живыхъ вѣдьмы!»

Вѣра въ вѣдовство и инквизиціонное преслѣдованіе вѣдьмы вполнѣ организовались при папѣ Григоріи XI, который своею буллою далъ инквизитору Конраду Марбургскому неограниченную власть сжигать и преслѣдовать вѣдьмъ. Неистовства этого инквизитора повели за собой чрезвычайное усиленіе вѣры въ вѣдовство. «Кто только попадался ему въ руки, писалъ папѣ архіепископъ майнцскій, тому оставалось на выборъ: или добровольно признаться и тѣмъ спасти свою жизнь, или же покаяться въ своей невинности и быть немедленно сожженнымъ. Каждому ложному свидѣтельству давалась вѣра, и честной защиты никому не дозволялось; обвиненный долженъ былъ признаваться, что онъ еретикъ, что онъ прикасался къ жабѣ, что онъ цѣловался съ какимъ-то чудовищемъ». Въ XVI вѣкѣ вѣдовскіе процессы и казни значительно усилились, и въ одной только Каркассонѣ съ 1320 по 1350 г. осуждено за вѣдовство болѣе 400 человѣкъ, половина которыхъ была казнена смертію. Въ XV вѣкѣ вѣдовскій тер-

ръ достигъ своего апогея послѣ того, какъ Иннокентій VIII, въ своей буллѣ отъ 5 декабря 1484 г., окончательно формулировалъ вѣдовскій символъ и уголовныя мѣры противъ этого зла.

На основаніи этой буллы инквизиторы составили и въ 1487 г. издали знаменитый «Молотъ Вѣдьмъ», одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній того времени, бывшее и подробной догматикой вѣдовства, и трактатомъ уголовнаго права, и инструкціей судебнымъ слѣдователямъ. «Молотъ Вѣдьмъ» прежде всего задается вопросомъ, существуетъ ли волшебство? и опровергаетъ тѣхъ немногочисленныхъ вольнодумцевъ, которые тогда уже относили его къ области фантазій и галлюцинацій. Онъ объявляетъ этихъ вольнодумцевъ еретиками, достойными жесточайшаго наказанія. Доказавъ существованіе волшебства. «Молотъ» переходитъ къ волшебникамъ и вѣдьмамъ. «Вѣдьма посредствомъ договора совершенно отдалась дьяволу и обязалась истинно и дѣйствительно, а не въ фантазіи или воображеніи, во всемъ содѣйствовать ему». Но почему же вѣдовствомъ занимаются преимущественно женщины? Нѣкоторые учителя говорятъ: «трое не знаютъ мѣры ни въ добрѣ, ни въ злѣ: языкъ, понъ и женщина,—послѣдняя относительно физическихъ удовольствій. Но есть и другія причины, почему женщины преимущественно предаются вѣдовству. Потому что онѣ легкомысленны, а такъ какъ дьяволъ касается прежде всего вѣры, то легко и овладѣваетъ ими. Потому что онѣ, при жидкости своей комплекціи, впечатлительнѣе къ его внушеніямъ. Потому что у нихъ боекъ языкъ, и то, что онѣ знаютъ незаконнымъ образомъ, онѣ не могутъ утаить отъ своихъ подругъ». «У женщины три главныхъ порока: невѣріе, самолюбіе и сладострастіе, изъ которыхъ вытекаетъ семь главныхъ преступленій «вѣдовства», съ помощью котораго волшебники и вѣдьмы наполняютъ душу: 1) необузданною любовью или ненавистью, 2) мѣшаютъ силѣ чародѣя, 3) устраняютъ необходимые для того органы, 4) превращаютъ своими чарами людей въ животныхъ, 5) отнимаютъ у женщинъ способность къ беременности, 6) производятъ выкидышъ, 7) воруютъ дѣтей, которыхъ онѣ отдаютъ чорту, и кромѣ того, губятъ домашнихъ животныхъ, жатву на поляхъ, овощи и фрукты». При объясненіи этихъ положеній приводится много дѣйствительныхъ будто бы случаевъ въ родѣ слѣдующаго: «Мы знали одну старую бабу, которая не только околдовала, но даже умертвила послѣдовательно трехъ аббатовъ одного монастыря и покушалась сдѣлать то же самое съ четвертымъ. Она сама сознавалась въ этомъ и не убоялась сказать: «я дѣлала это и дѣлаю, и они не могутъ освободиться отъ любви ко мнѣ, потому что они съѣли всего сколько моихъ нечистотъ (при этомъ она отмѣрила руками, показывая количество)». «Я думаю, замѣчаетъ при этомъ главный авторъ «Молота», Шпренгеръ, что она еще жива, потому что въ то время мы еще не были уполномочены разслѣдовать подобныя дѣла и мстить за нихъ».

§ 11. «Повивальныя бабки, которыя вѣдьмы, уничтожаютъ плодъ во чревѣ матери, различнымъ образомъ производятъ выкидышъ, а если не дѣлаютъ того, то посвящаютъ новорожденныхъ дѣтей дьяволу. Такъ говорятъ теологи и канонисты; но къ сему нужно еще присовокупить, что вѣдьмы въ качествѣ повивальныхъ бабокъ сами съѣдаютъ ребенка. Намъ извѣстны примѣры, когда вѣдьмы дѣлали это. Вѣдьмы сами признавались намъ, что акушерки опаснѣе и вреднѣе всего для святой католической вѣры, такъ какъ онѣ, если и не лишаютъ ребенка жизни, то выносятъ его подъ какимъ-нибудь предлогомъ изъ комнаты, поднимаются съ нимъ на воздухъ и доставляютъ дьяволу».

Трактуя о различныхъ способахъ, которыми дьяволъ посредствомъ вѣдьмы увлекаетъ невинныхъ, «Молотъ» говоритъ, что это дѣлается, во-первыхъ, посредствомъ всевозможныхъ золъ, причиняемыхъ до тѣхъ поръ извѣстному человѣку, пока послѣдній не вынужденъ будетъ, наконецъ, обратиться за совѣтомъ и помощью къ вѣдьмѣ, которая и сведетъ его съ сатаной. Во-вторыхъ, это дѣлается посредствомъ возбужденія чувственныхъ инстинктовъ, и «Молотъ» приводитъ много примѣровъ, показывающихъ, что дьяволъ съ особенной охотою соблазняетъ благочестивыхъ дѣвъ. Въ-третьихъ, это обращеніе къ дьяволу бываетъ результатомъ печали и бѣдности, въ особенности у соблазненныхъ и брошенныхъ любовниками дѣвушекъ, которыя изъ мести дѣлаются вѣдьмами. Если отдавшаяся и присягнувшая сатанѣ плохо исполняетъ свою обязанность, то дьяволъ старается исправить ее наказаніями. «Всѣ вѣдьмы, присужденныя нами къ сожженію, признавались, что чортъ принуждалъ ихъ къ вѣдовству мученіями и побоями, и это подтверждалось ихъ опухшими и посинѣлыми лицами, а равно и тѣмъ, что послѣ сознанія, сдѣланнаго ими подъ пыткой, онѣ старались покончить съ собой самоубійствомъ, конечно, по внушенію злого духа, хлопотавшаго о томъ, чтобы онѣ не удостоились благодати съ помощью раскаянія и истины... Одна вѣдьма, замѣчательная упорною молчаливостью во время слѣдствія, все-таки призналась наконецъ, что вѣдьмы дѣлаются способными къ такой молчаливости во время пытки съ помощью мальчика-первенца, котораго они варятъ въ печкѣ».

«Кто думаетъ, что полеты вѣдьмъ по воздуху относятся къ области фантазіи, тотъ еретикъ. Вѣдьма такимъ образомъ приготовляется къ своему полету: по указанію дьявола, она дѣлаетъ изъ членовъ дѣтей, умершихъ безъ крещенія, мазь, которою мажетъ сидѣнье или полѣно и немедленно взлѣтаетъ на немъ въ воздухъ, при чемъ она можетъ быть видима и невидима, какъ пожелаетъ. Съ разрѣшенія дьявола вѣдьмы летаютъ также на чертяхъ, принимающихъ для этого образъ какого-нибудь животнаго». Послѣ отреченія отъ Бога и союза съ сатаной, новая вѣдьма летитъ такимъ образомъ на метлѣ или на козлѣ въ ночь ближайшаго шабаша на вѣдовское собраніе, бывающее еженедѣльно, кромѣ главнаго собранія ночью 1 мая. Здѣсь сатана является въ разныхъ видахъ, чаще всего въ видѣ получеловѣка - полукозла, сидящаго на позолоченномъ тронѣ. На головѣ въ формѣ

короны расположены маленькіе рожки, а изъ большого рога, сидящаго на лбу, льется свѣтъ; глаза тоже горятъ. Шабашъ, служащій народной католической обѣдни, начинается поклоненіемъ сатанѣ чертей, волшебниковъ и вѣдьмъ, а затѣмъ слѣдуетъ исповѣдь, во время которой поклонники дьявола каются ему въ своихъ грѣхахъ, т.-е. въ томъ, что они не успѣли сдѣлать для нагубы человѣческой: сатана разрѣшаетъ ихъ, налагаетъ эпитемію, дѣлаетъ внушенія. Затѣмъ слѣдуетъ обѣдня, во время которой происходитъ причащеніе подъ обоими видами: гостію замѣняетъ какой-то гнилой сосѣдъ, а вино—отвратительный вонючій напитокъ. На банкетѣ, слѣдующемъ за обѣднею, всѣ кушанья и напитки состоятъ изъ всевозможной гадости, какую только могла придумать средневѣковая фантазія. За обѣдомъ слѣдуютъ танцы, а потомъ оргіи, во время которой сатана замѣняетъ мужчинамъ женщину, а женщинамъ мужчину. Въ заключеніе всего дьволъ даетъ инструкціи и наставленія своимъ служителямъ и сожигаетъ свой чувственный образъ, а вѣдьмы, собравъ отъ этого костра оставшуюся золу, имѣющую волшебную силу, разлетаются по домамъ.

Вѣроятно, не было ни одного кодекса въ мірѣ, который былъ бы такъ страшенъ для подсудимыхъ своими принципами какъ «Молотъ Вѣдьмъ». По мнѣнію его составителей, грѣхъ вѣдьмы несравненно больше грѣха дьявола, и тяжесть преступленія должна соотвѣтствовать тяжесть наказанія. «Молотъ» предписываетъ судьямъ и слѣдователямъ такъ вести дѣло, что заподозрѣнному почти невозможно избѣгнуть осужденія. Вотъ что, напр., говоритъ онъ о свидѣтеляхъ. «Въ дѣлахъ вѣры всякаго рода допускаются свидѣтелями отлученные отъ церкви, участники преступленія, люди обезчещенные и порочные, рабы противъ своихъ господъ. Равнымъ образомъ, при недостаткѣ другихъ, допускаются въ свидѣтели еретики противъ еретиковъ и волшебники противъ волшебниковъ, но только въ томъ случаѣ, если они показываютъ противъ обвиняемаго. Равнымъ образомъ, жена, дѣти, если они свидѣтельствуютъ противъ него. Также клятвопреступники, о которыхъ можно предположить, что они свидѣтельствуютъ изъ религіозной ревности, не уклоняются. Могутъ ли допускаться въ свидѣтели смертельные враги обвиняемаго? Тѣ, о которыхъ доказано, что они покушались на жизнь обвиняемаго, нанесли ему раны или тяжкія обиды, устраняются отъ свидѣтельства, но всякая другая вражда, даже жестокая или такая, какая обыкновенно бываетъ между женщинами, вовсе не можетъ служить препятствіемъ; но показанія получаютъ силу полнаго доказательства только отъ показаній другихъ свидѣтелей». Если уличаемый свидѣтелями не сознается, то судья можетъ посадить его въ тюрьму, «такъ какъ онъ, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ, измученный ужасами тюрьмы, сознается въ преступленіи». Но большею частью слѣдователи подвергали пыткамъ, относительно которыхъ «Молотъ» дѣлаетъ самыя подробныя указанія, замѣчая, что дьволъ даетъ вѣдьмамъ такія силы, что онѣ не признаются даже и подъ пытками. Если не помогаетъ и пытка, то инквизиторы пускаютъ въ дѣло такъ называемыя «улики», которыхъ даже безъ сознанія подсудимой было достаточно для ея осужденія. Эти улики были безчисленны; «серьезное и смѣшное,—говоритъ Шерръ,—возвышенное и комическое, преимущества и преступленія, добродѣтели и пороки, красота и безобразіе, благочестіе и индифферентизмъ, здоровье и болѣзнь, умъ и глупость, хорошая и дурная репутація, слова и тѣлодвиженія—все, рѣшительно все, могло возбудить подозрѣніе въ вѣдовствѣ, а обвиненіе въ 99 случаяхъ изъ 100 было и приговоромъ». Судьи нисколько не затруднялись отсутствіемъ свидѣтелей и старались поймать подсудимую на какой-нибудь судейскій крючокъ. Ее спрашивали, напр., вѣритъ ли она въ вѣдьмъ? если она говорила нѣтъ, то она еретичка и, слѣдовательно, достойна казни; если же она говорила да, то явное дѣло, что она знаетъ что-то о вѣдьмахъ и только не хочетъ говорить, а потому виновна въ сообщничествѣ и въ недонесеніи о преступленіи. Вѣдьму подвергали также суду Божію и бросали для этого въ воду: если она тонула, то считалась невинною; если же держалась на поверхности воды и плавала, то признавалась вѣдьмою и подлежала казни. Нерѣдко слѣдователи и сторожа тюрьмы насиловали заключенныхъ подсудимыхъ, и потомъ слѣды этого насилія выдавались за явные признаки ихъ связи съ дьяволомъ. Если подсудимая отъ пытокъ и мученій умирала въ тюрьмѣ, то ея смерть считалась дѣломъ сатаны, избавившаго ея такимъ образомъ отъ мученій казни. Пыткамъ предшествовало испытаніе иглой, при которомъ обвиняемую раздѣвали донага, обрывали со всего тѣла волосы и искали вѣдовскій знакъ, бородавку, родимое пятнышко и т. д.; если изъ этого знака, проткнутаго иглой, не шла кровь, то это было явною уликою въ вѣдовствѣ; если кровь показывалась, то значило, что дьволъ отводитъ глаза, чтобы спасти свою служанку и любовницу; если же вовсе не было никакого знака, то и это обстоятельство обращалось противъ подсудимой: ясное дѣло, что знакъ уничтоженъ дьяволомъ. Испытаніе иглой было особою спеціальностью, и по этой части особенно отличались шотландскіе сыщики Кинкейтъ и Кети; они были такъ искусны, что всегда находили вѣдовскій знакъ: раздѣвъ подсудимую и воткнувъ въ нее въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько иголокъ, они объявляли, что знакъ найденъ, а одной такой экспертизы было достаточно для осужденія. Пытка начиналась официальной формулой: «ты будешь пытана до тѣхъ поръ, пока сквозь тебя не будетъ просвѣчивать солнце». Подсудимую били кнутами, жгли раскаленнымъ желѣзомъ, вѣшали за ребро на крюкъ, вырѣзывали ей полосы кожи, вырывали клочьями мясо посредствомъ желѣзныхъ когтей, переламывали кости рукъ и ногъ, такъ что изъ нихъ вытекалъ мозгъ, и продолжали все это дѣлать до тѣхъ поръ, пока не достигали своей цѣли. Множество подсудимыхъ умирало отъ пытокъ или кончало самоубійствомъ отъ страха. Реми, знаменитый ло-

тарингскій судья, сжегшій 800 человѣкъ, хвасталъ: «я такъ справедливъ, что однажды 16 арестованныхъ на другой же день всѣ удавились, не дождавшись суда!» Осужденіе вело за собой смертную казнь на кострѣ, которую католицизмъ оправдывалъ тѣмъ, что служители Бога мира не имѣютъ права проливать человѣческой крови. Раскаявшуюся вѣдьму сначала обезглавливали, а потомъ сожигали. Постановленія гражданскихъ кодексовъ о вѣдовствѣ были такъ сбивчивы и неопредѣленны, что на основаніи ихъ можно было осудить кого угодно.

Вскорѣ послѣ упомянутой буллы Иннокентія VIII по всей Европѣ запылали костры съ несчастными волшебниками и вѣдьмами. Количество жертвъ было ужасно. Въ Женевѣ въ три мѣсяца въ 1515 г. казнено 500 человѣкъ. Около того же времени въ одномъ только округѣ Комо въ Италіи ежегодно сожигалось около 100 вѣдьмъ. Въ Брауншвейгѣ въ XVI вѣкѣ въ одинъ день сожжено 133 вѣдьмы. Въ Трирѣ съ 1587 по 1593 годъ сожжено 368 человѣкъ. Въ небольшомъ городкѣ Нордлингенѣ сожжено въ три года 32 человѣка, а въ Эмменгенѣ въ 8 мѣсяцевъ въ 1590 г.—65 человѣкъ; въ Оффенбургѣ въ 9 лѣтъ—24 человѣка, а въ небольшомъ графствѣ Геннебергъ въ первые годы XVII вѣка сожжено 145; въ епископствѣ Вюрцбургъ въ теченіе 3 лѣтъ 200 человѣкъ, между которыми были даже дѣти 8 лѣтъ; въ Фульдѣ одинъ только судья Фоссъ сжегъ 700 вѣдьмъ; въ 1627 г. въ городкѣ Дибургѣ казнено 36; въ Нейсѣ въ 1661 г. сожжено 42 женщины, въ Зальцбургѣ въ 1678 г.—97; въ епископствѣ Бамбергъ въ 1624—30 г. казнено 285 человѣкъ, а всего бамбергскій епископъ сжегъ болѣе 600 вѣдьмъ и волшебниковъ; въ Оснабрюкѣ въ 1 годъ казнено 80 человѣкъ; въ княжествѣ Нейссе въ 9 лѣтъ—1,000 человѣкъ и т. д. Чтобы судить о количествѣ и характерѣ этихъ казней въ Германіи, мы приведемъ здѣсь чрезвычайно характерную «Вѣдомость людямъ, которые за волшебство въ Вюрцбургѣ обезглавлены мечомъ и потомъ сожжены».

«При первомъ сожженіи 4: публичная женщина, старая вдова Анкеръ, нищая, старая горбунья. *При второмъ сожженіи* 4: старая нищая, 2 нездѣшнихъ бабы, старая пивнарка. *При третьемъ сожженіи* 5: игрокъ Юнгерслеберъ, сводня, мясничиха, жница, жена золотаря. *При четвертомъ сожженіи* 5: бургмейстерша Глазеръ, кирпичница, акушерка (NB. отъ нея-то и пошло все зло), старая цыганка, нездѣшній мужчина. *При пятомъ сожженіи* 9: извѣстный лавочникъ Люцъ, лавочникъ Ручеръ, экономка г. соборнаго пробста, старая веревочница, жена Фохта Штейнбахза, жена г. совѣтника Баунаха, женщина Бабиль, старая баба... *При шестнадцатомъ сожженіи* 6: малолѣтній сынъ дворянина Ратценштейна, мальчикъ 10 лѣтъ, 2 дочери и горничная совѣтника Фохта, толстая веревочница. *При девятнадцатомъ сожженіи* 6: малолѣтній сынъ дворянина Готенхана, секретарша Шельгаръ, одна баба, мальчикъ 10 лѣтъ, мальчикъ 12 лѣтъ, водоноска Брошеръ (сожжена живою). *При двадцатомъ сожженіи* 6: Бабель, красивѣйшая дѣвица въ Вюрцбургѣ, студентъ, знавшій множество языковъ и бывшій превосходнымъ музыкантомъ; 2 мальчика 12 лѣтъ, дочь Бабеля, пастушка. *При 23-мъ сожженіи* 9: сынъ Еротена 12 лѣтъ, 2 сынчика книжскаго повара 14 и 10 лѣтъ, викарій Гамельманъ, регентъ пѣвчихъ Гиршъ, викарій Бергеръ, одинъ альбиносъ (*2 изъ нихъ сожжены живыми*). *При 27-мъ сожженіи* 7: живодеръ Гансъ, сторожъ съ моста, нездѣшній мальчикъ, нездѣшняя баба и три викарія изъ Галя» и т. д.

Всего въ Германіи казнено и сожжено за вѣдовство не менѣе 100,000 человѣкъ, въ Англіи не менѣе 30,000, что же касается Франціи, то въ ней число завѣдомыхъ волшебниковъ и вѣдьмъ считалось такъ велико, что одинъ ревностный юристъ воскликнулъ: «Франція—это вѣдьма». Трудно себѣ представить тотъ ужасный терроръ, который висѣлъ надъ Европой такъ долго, благодаря католическимъ монахамъ и инквизиторамъ съ ихъ палачами. Эти ужасныя преслѣдованія, равносильныя нашествію какихъ-нибудь гуновъ, независимо отъ другихъ причиняемыхъ ими бѣдствій, доводили еще до послѣдней степени напряженія то суевѣріе, которое они хотѣли истребить огнемъ и мечомъ. Цѣлыя страны поголовно сходили съ ума и казались сплошь населенными колдунами и вѣдьмами. Такъ въ началѣ XVII вѣка начался вѣдовскій процессъ въ землѣ басковъ, гдѣ люди всѣхъ званій и возрастовъ занимались вѣдовствомъ, гдѣ боязнь колдовства помрачала всѣ умы, гдѣ тысячи несчастныхъ бѣсновались, лаяли по-собачьи, женщины доносили одна на другую, дѣти доносили на родителей. Инквизиторамъ приходилось судить и сжечь весь народъ, но, по благословенію папы, сожгли только наиболѣе виновныхъ. Немногимъ лучше было и въ Италіи. «Часто итальянки—говоритъ Мишле—превращались въ кошекъ и, по ихъ словамъ, сосали кровь изъ дѣтей. Ихъ сожигали. Въ лѣсистыхъ областяхъ Лотарингіи и Юры женщины дѣлались волчицами и пожирали прохожихъ. Ихъ сожигали. Дѣвушки увѣряли, что они отдавались дьяволу; ихъ свидѣтельствовали, находили дѣвственницами, но все-таки сожигали». Нищета, болѣзни, всевозможныя бѣдствія доводили людей до того, что они сами лѣзли на казнь. Одна англичанка, возведенная на костеръ, обратилась къ народу съ такими словами: «не вините монахъ судей: я сама захотѣла погубить себя; мои родители прогнали бы меня съ ужасомъ, мой мужъ оттолкнулъ бы меня; я могла бы вернуться въ обществу только обезчещенною; я захотѣла умереть и налгала на себя». Даже при очевидной невиновности подсудимую все-таки отсылали на костеръ. Одна вѣдьма подъ пыткою сознавалась, что украла съ кладбища трупъ ребенка. Но настоящію ея мужа могилу ребенка раскопали и трупъ нашли въ ней нетронутымъ; но судьи рѣшилъ, что это не трупъ, который будто бы дѣйствительно украденъ, а обманъ чувствъ, произведенный дьяволомъ, и несчастную женщину сожгли. Нерѣдко случалось, что обвиняли и казнили полныхъ идіотовъ и сумасшедшихъ. Нелѣпость обвиненій до-

ходила до невѣроятности. Въ Севильѣ сожгли одну дѣвушку за то, что она несла яйца, какъ птица: въ Наваррѣ въ 1527 г. обвинено 150 женщинъ за участіе въ сатаническомъ шабашѣ: многіе казнились за то, что они не люди, а волки и оборотни, а напр. Гранде за то, что околдовывалъ и отдавалъ чорту урсулинскихъ монахинь. Ученыхъ казнили за физическіе опыты, а лѣкарей за удачную помощь въ болѣзняхъ, считавшихся неизлѣчимыми.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что главною причиною развитія этихъ неистовствъ служило суевѣріе, достигавшее степени психическихъ эпидемій; но притомъ играли важную роль и другіе мотивы, особенно корыстолюбіе судей и инквизиторовъ, желавшихъ обогащаться имуществомъ казненныхъ, которое конфисковалось. Преслѣдованіе вѣдьмъ сдѣлалось самымъ выгоднымъ промысломъ, независимо уже оттого, что слѣдователи, судьи и всѣ ихъ помощники получали великолѣпное содержаніе, взятки, награды. Въ Англіи и Шотландіи во время революціонныхъ волненій страшно нажился этими способами Гопкинсъ, получившій титулъ «генералъ-открывателя вѣдьмъ». Одинъ шотландецъ передъ смертною казнью сознался, что онъ своими ложными обвиненіями погубилъ 220 женщинъ, получая отъ судей за каждую изъ нихъ по 20 шиллинговъ. Каноникъ Лаосъ не даромъ же называлъ вѣдовскій процессъ «вновь изобрѣтеннымъ алхимическимъ средствомъ превращать въ золото человѣческую кровь». Имущество казненныхъ если не конфисковалось, то обращалось на судебныя издержки, при распредѣленіи которыхъ судьи не забывали себя. За облегченіе наказанія, за то, напр., чтобы осужденнаго сначала обезглавить, а потомъ сжечь, родственники его платили значительныя суммы. При извѣстныхъ обстоятельствахъ судья могъ замѣнять наказаніе денежнымъ штрафомъ, и, благодаря этому, возникалъ цѣлый классъ плательщиковъ, обложенныхъ ежегоднымъ налогомъ за то, чтобы ихъ не привлекать къ инквизиціонному розыску. Въ Нюрнбергѣ въ 1522 г., по словамъ современнаго документа, «когда бѣжала обвиненная въ вѣдовствѣ женщина Регина, то всѣ оставшіеся послѣ нея пожитки были забраны судьями, давшими ея мужу только пару кожаныхъ штановъ». Отъ тогдашняго судьи Гейсса, участвовавшаго въ большомъ вѣдовскомъ процессѣ въ Линдгеймѣ, остались счеты, изъ которыхъ видно, что при произведенныхъ имъ арестахъ онъ получилъ 188 таллеровъ, независимо отъ разныхъ приношеній натурою, скотомъ и т. д. Наживались и мелкіе судебные служители, особенно палачи; на роскошь ихъ и женъ ихъ въ то время раздавались сильныя жалобы, показывающія, что въ то время они щеголяли въ шелковыхъ платьяхъ, ѣздили въ каретахъ, запряженныхъ прекрасными лошадьми, и т. д. Кобургскій палачъ, напр., проживалъ въ годъ болѣе 1.100 гульденовъ. Отъ вѣдовства наживались трактирщики, лавочники, патеры, отчитывавшіе околдованныхъ лицъ, странствующіе монахи, продававшіе пѣльми мѣшками «вѣдовской порошокъ» и другія предохранительныя средства отъ вѣдовской порчи.

Не одно корыстолюбіе и фанатизмъ умножало число жертвъ, какъ то можно видѣть, напр., изъ приведенныхъ нами выдержекъ изъ вюрцбургской хроники. Казненные старые нищіе, забредшіе въ городъ неизвѣстно откуда, равно какъ и дѣти, пострадали, конечно, не изъ-за какой-нибудь зависти, не изъ-за жадности или корыстолюбія духовенства, а пали жертвами одного слѣпого суевѣрія. Тотъ же самый списокъ даетъ указаніе, что многіе привлекались тогда къ отвѣтственности, благодаря доносамъ, порожденнымъ завистью, злобою, сплетнями, какъ, напр., «Бабель, красивѣйшая дѣвица въ Вюрцбургѣ», «студентъ, знавшій много языковъ и превосходный музыкантъ», «смотритель госпиталя, очень ученый человѣкъ», и т. д. Все, что поражало тогдашнее суевѣрное воображеніе, могло при извѣстныхъ обстоятельствахъ послужить почвою для обвиненія, и въ упомянутомъ спискѣ значатся сожженными альбиносъ и слѣпая дѣвочка. Въ одномъ австрійскомъ документѣ говорится о двухъ старухахъ, Розинѣ Котель и Эстери Супаль, которыя были сожжены живыми близъ Фульнека за то, что «въ лѣтнее время много шатались по скаламъ и лѣсамъ и собирали травы». Страхъ вѣдовства порождалъ болѣзненную подозрительность, въ состояніи которой люди, какъ бѣшеные, готовы были обвинять кого угодно, и о характерѣ которой вы можете нѣсколько судить по той подозрительности, которая обыкновенно развивается у насъ во время частыхъ пожаровъ, порождающихъ пѣлыя чудовищныя легенды о поджигательствѣ. Это суевѣріе, эта дьявольская жадность католическихъ инквизиторовъ, эти психическія эпидеміи, эта разнузданность страстей и подозрительность сдѣлали то, что въ Европѣ погибло, по крайней мѣрѣ, съ милліонъ людей ни за что, ни про что. Такъ называемыхъ еретиковъ казнено, конечно, больше, чѣмъ вѣдьмъ, но положеніе послѣднихъ было несравненно ужаснѣе положенія первыхъ. «Вѣроятно,— говоритъ Лекки,—ни одинъ классъ жертвъ не выносилъ страданій, столь незаслуженныхъ и столь сильныхъ. Не для вѣдьмъ былъ пламенный фанатизмъ, который укрѣпляетъ душу во время опасности и закаляетъ, какъ сталь, тѣло противъ мученій. Не для нихъ была увѣренность въ славной вѣчности, которая заставляла мученика восторженно смотрѣть на поднимающееся вокругъ него пламя, какъ на колесницу Иліи, которая перенесетъ его душу на небо. Не для нихъ были утѣшенія опечаленныхъ друзей или сознаніе, что память ихъ будетъ сохраняться и уважаться потомствомъ. Онѣ умирали одинокими, ненавидимыми и никѣмъ не жалѣемыми. Онѣ казались всѣмъ худшими изъ злодѣевъ, даже родственники отступались отъ нихъ, какъ отъ опозоренныхъ и проклятыхъ. Суевѣріе, которое онѣ впитали въ себя съ молокомъ матери, смѣшанное съ иллюзіями вѣка и съ ужасами ихъ положенія, во многихъ случаяхъ убѣждало ихъ самихъ, что онѣ, въ самомъ дѣлѣ, рабы сатаны и со смертію должны только перемѣнить свои земныя мученія на вѣчную агонію. И всѣ эти страданія были результатомъ суевѣрія, разрушеннаго духомъ раціонализма».

Но этотъ духъ раціонализма дѣйствовалъ очень медленно. Большинство первыхъ дѣятелей реформаціи, напр., вѣрили въ чертей и вѣдьмъ, а Лютеру сатана надоѣлъ однажды до того, что онъ пустилъ въ него чернильницей. Лютеранство имѣло даже свой «Молотъ Вѣдьмъ»—«Театръ дьяволовъ» фейерабенда, напечатанный въ первый разъ въ 1569 г. Въ немъ вычислено, между прочимъ, что всѣхъ чертей 2.665.866.746.664, между тѣмъ какъ католическіе демонологи опредѣляли число демоновъ нѣсколько меньше. «Театръ», какъ и «Молотъ», допускаетъ связь вѣдьмъ съ дьяволомъ, хотя и не совѣтуетъ заниматься пустымъ вопросомъ, могутъ ли рождаться отъ такого союза дѣти. Въ XVI и XVII вѣкѣ подобныхъ сочиненій, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ, выходило множество, и чортъ пользовался еще большимъ авторитетомъ. Но духъ науки, духъ раціонализма уже началъ подрывать эти суевѣрія. «То, что сдѣлало Кеплеръ, Галилей, Гасенди, Гюйгенсъ и другіе,—говоритъ Зольданъ,—принесло пользу не только математическимъ и физическимъ наукамъ, но также философіи и гуманности. Великіе умы вѣка, Бэконъ, Декартъ, Спиноза, преобразовали всю прежнюю методу науки и зажгли свѣтъ, который, конечно, рѣзалъ слабые глаза нѣкоторымъ современникамъ, но тѣмъ не менѣе благодѣтельно озарилъ благодарное потомство». Мы не будемъ здѣсь разсказывать, какъ подъ вліяніемъ постепенно развивавшагося раціонализма падала въ образованныхъ классахъ вѣра въ чертей и вѣдьмъ, и какъ, съ другой стороны, подъ вліяніемъ гуманизма смягчались вообще уголовные законы. Эти успѣхи раціонализма и гуманности не были однакоже быстрыми, и вѣдовскіе костры потухли въ Европѣ только въ концѣ XVIII вѣка, а въ Испаніи послѣдняя вѣдьма была осуждена въ 1807 г. Но черти потеряли свою силу и вѣдьмы исчезли только тамъ, гдѣ болѣе или менѣе господствуетъ научный духъ; что же касается народныхъ массъ, то среди нихъ демоны и колдуны всюду еще сохраняютъ свой авторитетъ, хотя и въ меньшей степени. Не далѣе какъ 36 лѣтъ тому назадъ крестьяне около Данцига утопили старую бабу, заподозрѣнную въ томъ, что она портитъ погоду и воруетъ молоко у коровъ. «Немного лѣтъ назадъ,—разсказываетъ Риль,—въ Лотарингіи одна старая женщина подверглась тяжкимъ побоямъ за то, что она вѣдьма. Въ 1863 г. въ одной деревнѣ, въ Банатѣ, дѣвушка, впадшая въ сумашествіе и лишившаяся языка, была сожжена народомъ, какъ вѣдьма». Въ 1874 г. была сожжена одна вѣдьма въ Мехикѣ. Въ 1875 г. на Кавказѣ тоже чуть было не сожгли одну бабу за вѣдовство. Въ 1879 году, въ деревнѣ Врачевѣ, Боровичскаго уѣзда, крестьяне, порѣшивъ на сходѣ, что вдова-солдатка Игнатьева колдунья, которая «испортила» уже многихъ людей, сожгли ее живою вмѣстѣ съ ея избушкой.

Такъ душилъ, отвергалъ и порабощалъ женщину католицизмъ. Но она все-таки нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы не только не пасть подъ его всеподавляющимъ деспотизмомъ, но и чтобы по возможности внести въ его систему нѣкоторые облагораживающіе элементы. Мы говоримъ о культѣ Св. Маріи, развитіе котораго принадлежало, главнымъ образомъ, женщинѣ. Культъ Дѣвы былъ культомъ самой безграничной любви и красоты, прекраснымъ выраженіемъ свѣтлыхъ сторонъ женской души, окончательно помрачить которую не могли всѣ ужасы средневѣковаго католицизма. Хотя этимъ культомъ многія старались прикрыть свою распущенность и испорченность, но божественное сіяніе любвеобильной Маріи такъ животворно дѣйствовало на людей среди потемокъ католичества, что упомянутые печальные результаты теряли значительную долю своей силы. Этотъ культъ не мало поддерживалъ и возвышавшуюся изъ феодальнаго униженія женщину. Ее не такъ легко было уже преслѣдовать за вину Евы, когда за нее стояла непорочная Дѣва. Дѣва — царила на небѣ, а женщина, какъ увидимъ ниже, воцарилась на землѣ.

XV.

Средніе вѣка и эпоха Возрожденія, ознаменованныя стараніями феодализма и католичества поработить женщину, были также періодомъ усиленной борьбы ея за свою свободу, за самостоятельность своей личности, и современная женщина найдетъ не мало поучительнаго въ исторіи упомянутыхъ столѣтій.

Въ бракѣ, который, въ большинствѣ случаевъ, былъ дѣломъ фамильныхъ расчетовъ и родительскаго произвола, въ семействѣ, которое старались превратить въ неограниченную деспотію, женщина была пассивною рабыней только въ рѣдкихъ случаяхъ; большею же частью она, своими постоянными протестами и сопротивленіемъ деспотическимъ притязаніямъ домовладыки и его сторонниковъ, превращала домашнюю жизнь въ тотъ семейный адъ, изображеніемъ котораго такъ часто занималась и занимается европейская литература. Въ старинномъ нѣмецкомъ сочиненіи «о злыхъ женщинахъ» представляется слѣдующая картина супружеской войны. Мужъ и жена постоянно ссорятся и ежеминутно готовы начать битву; одинъ вооруженъ кулаками, дубиною, сапогами, другая—связкою ключей, швабрами, ухватомъ. Жена во всемъ противорѣчитъ мужу, все дѣлаетъ на зло ему; начинается перебранка и немедленно переходитъ въ обоюдную потасовку. Эти битвы перемежаются часто примиреніями, но нерѣдко они доводятся до окончательнаго разрыва между супругами, до жено- и мужеубійства. Такой характеръ семейная жизнь носила во всей старинной Европѣ. Въ средневѣковой Англіи, напр.,—говоритъ Райтъ, — женщины были крайне строптивы, буйны; семейная жизнь была полна ссоръ, раздоровъ, козней, и вскорѣ послѣ брака наступало полное разъединеніе между супругами. Женщины, будучи не въ силахъ ни освободиться отъ мужниной власти, ни ограничить ея, нерѣдко предпочитали своей судьбѣ смерть и покончивали свои страданія самоубійствомъ. Но чаще всего онѣ избавлялись отъ сво-

ихъ тирановъ посредствомъ мужеубійства, прибѣгая для совершенія его большею частью къ яду. Постоянная оппозиція жены часто заставляла мужа не только отступаться отъ многихъ своихъ притязаній, не только смягчать свою супружескую власть, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ женщины являлись судьями и наказательницами своихъ владыкъ. Такъ, въ Шотландіи вплоть до XIX вѣка господствовалъ обычай, въ силу котораго женщины, предварительно сговорившись между собою, нападали на мужчинъ, злоупотреблявшихъ своею властью надъ женами, привязывали ихъ за руки и за ноги къ длинной жерди и относили ихъ съ позоромъ по улицамъ. Подобныя карательныя наклонности женщинъ можно замѣтить во всѣхъ странахъ и классахъ старинной Европы, но онѣ рѣдко могли быть осуществляемы безъ посторонней помощи. Въ среднихъ и низшихъ сословіяхъ эта помощь носила охранительный и патріархальный характеръ, стремилась къ водворенію семейныхъ добродѣтелей и болѣе или менѣе человѣчныхъ отношеній между супругами. Въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи мужей, невѣрныхъ своимъ женамъ или жестоко обходившихся съ ними, схватывали, съ позоромъ обводили по улицамъ и наказывали обливаньемъ ихъ холодной водою изъ помпъ. Въ Швабіи крестьяне выбирали честнаго человѣка, который, нося названіе *батьки* (Datte), съ двумя своими помощниками секретно наблюдалъ за семейною жизнію обывателей. Если они узнавали, что такіе-то супруги ссорятся между собою или что одинъ изъ нихъ обижаетъ другого, то ночью врывались въ домъ къ нимъ и наказывали виновнаго. Женщины высшихъ классовъ имѣли сильную помощь и защиту въ рыцарствѣ, обязанность котораго состояла въ покровительствѣ «женщинамъ, вдовамъ, сиротамъ, людямъ угнетеннымъ». «Вооруженный деревомъ, желѣзомъ и сталью»,—поетъ одинъ трубадуръ,—«я поддерживаю слабыхъ противъ сильныхъ». Рыцарство возникло по голосу женщины, которую угнетали въ семействѣ, которую продавали въ бракъ и которая собирала всѣ свои силы для сопротивленія притѣснителямъ. Многіе знаменитые рыцари отважно пускались на самые отважные подвиги съ единственною цѣлью освобожденія женщинъ отъ упомянутой тиранніи. Напр., въ поэзіи одного трубадура къ извѣстному маркизу де-Монферра поэтъ воспѣваетъ подвигъ такого рыцаря, освободившаго дѣвушку, которую тиранъ отецъ хотѣлъ выдать замужъ противъ ея воли. Форіель въ своей Histoire de la poésie provençale приводитъ много подобныхъ фактовъ. При этомъ нужно замѣтить, что всѣ рыцари дѣйствовали подъ непосредственнымъ вліяніемъ женщинъ, по ихъ просьбамъ, совѣтамъ и приказаніямъ, повиноваться которымъ они были обязаны и неисполненіе которыхъ навлекало на нихъ неудовольствіе дамъ; а дама могла предать рыцаря суду, и судъ никогда исключалъ виновнаго изъ ордена. «Ни дамѣ, ни дѣвушкѣ»—говоритъ одна рыцарская поэма — «никогда нельзя отказывать въ совѣтѣ и помощи; должно уважать женщинъ и всѣми силами бороться за ихъ права». Тѣ же принципы выражались и въ законодательствѣ. По нѣкоторымъ французскимъ «Assises», напр., «если членъ суда отказывается дать совѣтъ вдовѣ или сиротѣ, то онъ исключается изъ общества рыцарей, изгоняется изъ города, не можетъ выходить на дуэль, теряетъ свой ленъ и все, что имѣетъ отъ короля!» Даже въ періодѣ полнаго паденія рыцарства голосъ угнетаемой женщины могъ поднимать цѣлыя ватаги на службу ей. Рыцарь Лебедя возвратилъ одной дамѣ ея владѣнія, отнятыя у нея саксонскимъ герцогомъ. Во Франціи, при Карлѣ VI, многія дамы жаловались королю на свои страданія и лишенія, причиняемыя хищными баронами, и на то, что выродившееся рыцарство вовсе не помогаетъ имъ. На голосъ этихъ женщинъ поспѣшилъ храбрый Бодико, собралъ банду рыцарей и организовалъ изъ нихъ братство съ цѣлью покровительства дамамъ, возвращенія имъ похищенныхъ у нихъ имѣній и мести благороднымъ разбойникамъ. Самое воспитаніе въ рыцаряхъ идеи служенія дамамъ и защиты ихъ отъ насилій семейныхъ тирановъ и посторонніхъ разбойниковъ принадлежало женщинамъ. Красотою, фантазіей, чувствительностью женщина пріобрѣтала себѣ поклонниковъ, дѣлалась царицею, въ придворномъ штатѣ которой состояли мужчины всѣхъ возрастовъ, начиная съ малолѣтняго пажа и оканчивая сѣдовласымъ вадыхателемъ. Всѣ эти люди жили подъ ея вліяніемъ. Мальчику уже внушали тогда, что «онъ долженъ выбрать себѣ благородную госпожу, которая могла бы руководить его своими совѣтами и помогать ему, а онъ обязанъ вѣрно служить ей и неизмѣнно любить ее». Цѣлыя поколѣнія мужчинъ воспитывались женщинами для служенія дамамъ, въ награду за которое они получали ихъ любовь. Отношенія рыцаря къ дамѣ образовались по образцу отношеній вассала къ сюзерену. Рыцарь обязывался служить дамѣ, быть ея вассаломъ и защитникомъ, а она за это награждала его любовью. Сюзерену вассалъ служилъ ради его силы, а дамѣ—ради ея любви. Угнетаемая въ семействѣ, отверженная церковью женщина нашла въ рыцарствѣ вознагражденіе за свою униженность. Рабыня своего мужа, она была царицею для всѣхъ посторонніхъ. Она предсѣдательствовала на турнирахъ, она пользовалась всѣми съѣздами и праздниками, охотами и свадьбами, рейхстагами и церковными процессіями, чтобы увлечь мужчинъ своею красотою и кокетствомъ, пѣніемъ и музыкой, танцами и остроуміемъ. Внушаемая ею страсть обуздывала и покоряла грубую натуру феодала. Въ Испаніи встрѣтившійся съ дамою рыцарь обязанъ былъ сойти съ коня и, предложивъ ей свои услуги, безпрекословно исполнить всѣ ея приказанія. При всѣхъ безобразныхъ жестокостяхъ средневѣковой войны принято было однакожъ за правило, чтобы побѣдители не только не трогали дамъ, но даже обходились съ ними съ полнымъ уваженіемъ. Когда англичане взяли замокъ Дю-Гесленъ, то навлекли на себя упреки въ томъ, что нарушили правила войны, начавъ штурмъ ночью и потревоживъ сонъ жительницъ замка. Во время гвельфо-гибеллинскихъ

войнъ императоръ Конрадъ осаждалъ Виннисбергъ и отказалъ гарнизону его во всѣхъ предложенныхъ послѣднимъ условіяхъ капитуляціи; но, какъ истинный рыцарь, онъ не могъ не согласиться на просьбу женщинъ о дозволеніи выйти имъ изъ города, забравъ съ собою все, наиболѣе драгоцѣнное для нихъ. Когда ворота отворились, то осаждающіе увидѣли большую вереницу женщинъ и дѣвушекъ, и каждая изъ нихъ несла на себѣ отца, мужа, брата или сына. Войска Конрада были поражены подвигомъ женщинъ и разразились въ честь ихъ рукоплесканіями и выстрѣлами. Имя дамы сердца служило тогда воинственнымъ крикомъ рыцаря, оно воодушевляло его и на турнирахъ, и въ дѣйствительныхъ битвахъ, а самыя войны, сопровождавшіяся обыкновенно грабежами, приносили дамамъ существенныя выгоды. Знаменитый трубадуръ временъ Генриха II, Бертранъ-де-Боркъ, говоритъ, что «законы чести прежде всего предписываютъ воевать и обогащать женщинъ военной добычей». Это служеніе дамамъ доходило часто до комическаго и породило особый типъ рыцаря, который пускался на самыя нелѣпыя предпріятія, на самые сумасбродные подвиги, чтобы только угодить царицѣ своей души и заслужить поцѣлуй или болѣе существенные знаки ея любви. Дамы часто сами требовали такихъ услугъ отъ своихъ поклонниковъ, что послѣдніе изъ любовниковъ превращались въ мучениковъ, но все-таки выполняли свой обѣтъ служенія прекрасному полу. Таковъ былъ, напр., Ульрихъ-фонъ-Лихтенштейнъ (род. въ 1200 г.), этотъ дѣйствительный, а не вымышленный, подобно сервантесовскому, Донъ-Кихоту Германіи. Ульрихъ еще мальчикомъ посвятилъ себя на служеніе женщинамъ и, выбравъ своею «госпожею» одну замужнюю аристократку, началъ подвиги въ честь ея. Онъ пьетъ съ удовольствіемъ воду, въ которой мылась его дама; онъ отрѣзываетъ свою уродливо-толстую нижнюю губу, такъ какъ, по мнѣнію его, возлюбленной она могла бы мѣшать поцѣлуямъ, когда Ульрихъ заслужитъ ихъ. Отрубивъ себѣ палецъ, онъ посылаетъ его своей дамѣ въ доказательство, что онъ безъ мѣры любитъ ее и можетъ перенести для нея всякое страданіе. Одѣтый и замаскированный Венерою, онъ катается онъ по всей странѣ и на турнирахъ, ломаетъ копья въ честь своей владычицы. По ея приказанію, онъ поселяется даже внѣ общества, среди прокаженныхъ отверженниковъ и ѣстъ съ ними изъ одной чашки. Всѣ эти сумасбродства имѣютъ одну цѣль—заслужить ночь возлюбленной. Наконецъ, она соглашается; Ульрихъ пріѣзжаетъ къ ней; постель уже готова; но бѣдный волокита снова получаетъ жесточайшій аффронтъ и отказъ, и снова съ неизмѣнною покорностью пускается на подвиги. Другимъ примѣромъ такого любовника можетъ служить Петръ Видаль: влюбившись въ одну даму, имя которой означало волчицу, онъ облекся въ волчью шкуру, началъ ходить на четвереньках около замка своей возлюбленной, выть волкомъ и продолжалъ такую жизнь до тѣхъ поръ, пока его чуть не до смерти затрепали собаки. Такіе мученики были далеко не рѣдкостью. За неимѣніемъ дѣйствительныхъ подвиговъ и страданій въ честь дамъ, рыцари выдумывали ихъ. Особенно былъ распространенъ обычай бичеванія. Въ Испаніи молодежь каждую недѣлю ходила по городскимъ улицамъ, разряженная въ любимые цвѣта своихъ дамъ. При встрѣчѣ съ красивыми женщинами, эти кавалеры начинали изо всей силы хлестать себя плетьми, такъ что кровь ручьями текла съ ихъ спинъ; дамы кланялись и благодарили. Любовники также имѣли обыкновеніе полосовать себя передъ окнами или балконами своихъ возлюбленныхъ, которыя любовались на истерзанныя спины обожателей, жалѣли ихъ и награждали улыбками. Измѣна рыцаря дамѣ, даже простое невыполненіе ея желаній, часто нелѣпыхъ и капризныхъ, подвергали виновнаго не только женской мести и пренебреженію рыцарства, но и мученіямъ собственной совѣсти. Ричардъ-де-Барбесье, нарушивъ обѣтъ вѣрности, данный имъ одной принцессѣ, удалился въ лѣсъ, выстроилъ тамъ хижину и поклялся не возвращаться въ общество до тѣхъ поръ, пока не получитъ прощенія своей возлюбленной. Рыцари и дамы, теряющіе въ немъ любимаго друга и министреля, напрасно умоляли его вернуться. Сто рыцарей и столько же дамъ обратились къ оскорбленной принцессѣ и на колѣняхъ передъ нею просили прощенія Ричарду; наконецъ онъ былъ помилованъ и вышелъ изъ своего пустынножительства.

Рыцарская любовь, любовь свободная и честная, была прямою реакціей феодальному браку, основанному на расчетахъ фамиліи и производившему домовладыки, порабощавшему и унижавшему женщину. Женщины порѣшили, что въ бракѣ нѣтъ и не можетъ быть любви, что мужъ не имѣетъ права любить свою жену, а жена свободно любить постороннаго мужчину. Эта эмансипація чувства началась въ страстной Италіи и на благословенномъ югѣ Франціи, среди нивъ, виноградниковъ, богатыхъ городовъ и великолѣпныхъ замковъ Ленгедока, куда рано проникли отъ арабовъ комфортъ, образованность, турниры и сладостное искусство любви. Здѣсь впервые возникли новыя антибрачныя идеи, развитію которыхъ много содѣйствовали трубадуры, устроившіе даже поэтическія состязанія, на которыхъ противники спорили о разныхъ вопросахъ, относящихся къ женщинѣ и страсти. Трубадуры о романисты дѣйствовали подъ тѣмъ же женскимъ вліяніемъ, благодаря которому и возникли во Франціи формальные *суды любви*, состоявшіе изъ дамъ и рыцарей, подъ предсѣдательствомъ *князя любви*, и вырабатывавшіе новыя правила жизни, благопріятныя для эмансипаціи чувства. Такіе суды въ XII в. были въ Авиньонѣ, Лиллѣ, Турнэ, Парижѣ, а въ XIII столѣтіи появились и въ Германіи. Главнымъ ихъ занятіемъ было обсужденіе встрѣчавшихся въ жизни любовныхъ отношеній, ссоръ, измѣнъ, неудовольствій. Приговоръ не наказывалъ виновныхъ, а только рѣшалъ дѣло въ отвлеченной формѣ. Иногда, впрочемъ, налагались и наказанія. Такъ одинъ секре-

тарь, посланный своимъ господиномъ къ дамѣ по интимному дѣлу, осмѣлился просить ея любви для самого себя и получилъ ее. Судъ, состоявшій изъ шестидесяти дамъ подъ предсѣдательствомъ графини Фландрской, приговорилъ виновныхъ къ исключенію изъ общества рыцарей и дамъ. Одинъ любовникъ, измѣнивъ своей дамѣ, полюбилъ другую; первая донесла на него виконтессѣ парбонской. Судъ любви постановилъ, чтобы ни одна честная женщина не отдавала своего сердца такому измѣнщику. Путемъ подобныхъ приговоровъ, а главнымъ образомъ, посредствомъ рѣшенія отвлеченныхъ вопросовъ, вырабатывалась цѣлая система свободной любви, которая разносилась по Европѣ въ романахъ и въ звучныхъ пѣсняхъ трубадуровъ. Подавляемыя произволомъ феодализма и моралью католичества, женскія сердца быстро усваивали новыя идеи, ведшія за собою жизнь, полную страсти, удовольствій и приключеній. Бракъ отрицается; мужа любить невозможно, но слѣдуетъ любить кого-нибудь, безъ любви нѣтъ жизни, говоритъ эта философія, радикально противорѣча на каждомъ пунктѣ догмату и морали католичества. Любовь выше всѣхъ другихъ радостей; всѣ поклонники ея, даже набожные миннезингеры открыто признаются, что они скорѣе готовы отказаться отъ райскаго блаженства, чѣмъ отъ удовольствій любви. Предметъ этой страсти, женщина, которую католицизмъ считалъ источникомъ грѣха, является теперь у трубадуровъ «образцовымъ произведеніемъ божіимъ»; для достойнаго прославленія ея поэты не находятъ словъ. Католичество клеймило женщин за Еву, а вѣщцы любви опровергаютъ его обвиненія, говоря, что людей погубилъ Адамъ, а Ева спасла ихъ, такъ какъ она была родоначальницей Христа. По католицизму, любовь—корень погибели, по словамъ же партизановъ средневѣковой эмансипаціи, она—«высшій источникъ всякой добродѣтели, всякой нравственной заслуги, всякой славы. Она улучшаетъ самыхъ хорошихъ людей и облагораживаетъ самыхъ дурныхъ». «Любовь свободна; она получаетъ законы только отъ самой себя; поэтому, ея и не можетъ быть въ бракѣ, гдѣ она становится обязанностью». Многіе считаютъ эту философію любви системою распущенности, между тѣмъ, какъ она требовала, чтобы каждый мужчина выбиралъ себѣ одну возлюбленную и оставался вѣрнымъ ей до гроба; она требовала также, чтобы дама не принимала подарковъ отъ своего возлюбленнаго и не унижалась такимъ образомъ до степени куртизанки; она требовала любви чистой, безкорыстной и свободной, даже рутинно противорѣчила себѣ, предписывая пожизненную обязательность этого чувства. Другое противорѣчіе налагаемой системы состояло въ томъ, что женщина, отрицая возможность любви въ феодальномъ бракѣ и чувствуя себя не въ силахъ избавиться отъ этого союза, хотѣла примирить права мужа съ правами любовника, оставляя на долю перваго чисто физическія удовольствія и награждая второго всею полнотою любви и дружбы. Грубые феодалы понимали страсть только въ послѣднемъ актѣ ея и видѣли вѣрность жены только въ матеріальной цѣломудренности ея. За нарушеніе послѣдней они расправлялись жестоко и съ женою, и съ ея любовникомъ, между тѣмъ какъ платоническое ухаживаніе чужихъ мужчинъ за дамою не только не возбуждало ревности мужа, но даже щекотало его самолюбіе. Въ самыхъ ревнивыхъ странахъ Европы, въ Италіи и Испаніи, независимо отъ рыцарей, женщины открыто имѣли при себѣ постоянныхъ друзей, *чичисбеевъ*, которые всюду сопровождали ихъ и стояли съ ними на короткой ногѣ. Мужья не вооружались противъ этого обычая, если только не видѣли полной связи своихъ женъ съ ихъ чичисбеями. Многія женщины также мало думали о другой любви, кромѣ платонической; половыя брачныя отношенія, не освященныя никакимъ нравственнымъ чувствомъ, возбуждали наконецъ въ нихъ отвращеніе, и они, мечтая о любви чистой и свободной, воображали ее себѣ безъ этихъ опротивѣвшихъ имъ отправленій. Всѣ эти обстоятельства вели къ тому, что любовь многими понималась сначала чисто въ платоническомъ смыслѣ. «Любовь перестаетъ быть любовью, коль скоро она обратится къ реальному», говоритъ одинъ поэтъ. «Чистая любовь»—говоритъ Андре, авторъ «Principalia Amoris Praecepta» — «соединяетъ сердца двухъ любовниковъ узами взаимной нѣжности. Эта любовь состоитъ въ духовномъ созерцаніи и въ пламенной страсти; она можетъ доходить до поцѣлуя, до объятій, даже до взаимнаго прикосновенія двухъ обнаженныхъ тѣлъ, *но отнюдь не далѣе*». И въ средніе вѣка нерѣдко практиковались въ этой трудной любви, цѣловались, спали на одной постели, обнимались, но все-таки удерживались отъ окончательныхъ удовольствій. Понятно, что такое воздерживаніе могло продолжаться не долго, и раздражаемая постоянно страсть вырывалась все-таки на полную свободу. Даже у людей, которые болѣе другихъ могли бы ограничиваться платонизмомъ, даже у Абеляра и Элоизы, подъ покровомъ духовной любви, скрывалась самая жгучая чувственная страсть, какъ это можно видѣть изъ ихъ переписки. То же самое отношеніе можно замѣтить и въ любви рыцарей вообще; всѣ они и трудятся, и сражаются, и служатъ своимъ дамамъ съ единственною цѣлью заслужить удовольствіе ихъ ложа. Отступая отъ своихъ первыхъ постановленій, запрещавшихъ финальное удовольствіе, новая система скоро провозгласила принципомъ, что *«любовь ни въ чемъ не можетъ отказывать любви»*. Если же обожателямъ не всегда удавалось достигнуть цѣли, если дамы, какъ объ этомъ постоянно разсказываютъ средневѣковые хроники и романы, часто ограничивали свои ласки подѣлуемъ и многихъ поклонниковъ, какъ упомянутаго уже Ульриха-фонъ-Лихтенштейна, не награждали вовсе своими милостями, а только забавлялись ихъ любовною угодливостью,—то это свидѣтельствуетъ лишь о сдержанности подобныхъ женщинъ. Они не могли удовлетворять страстныхъ поползновеніямъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ поклонниковъ, потому что хотѣли не разврата, а только свободной любви, хотя самолюбіе и заставляло ихъ, не ограничиваясь однимъ

любовникомъ, привлекать побольше обожателей и держать ихъ около себя, питая ихъ надежду на сладостную награду. Любовь и наслажденіе жизнью сдѣлались девизомъ конца среднихъ вѣковъ и особенно эпохи Возрожденья, когда католицизмъ со своими идеалами почти вовсе потерялъ кредитъ въ средѣ образованнаго общества, когда, вслѣдствіе возрожденія древнихъ наукъ, вліянія арабовъ, умственной самодѣятельности европейцевъ и развитія матеріальной культуры—общество болѣе и болѣе предавалось раціонализму и эпикурейской философіи, когда разумъ и природа были вознесены выше всѣхъ другихъ авторитетовъ, которымъ до тѣхъ поръ поклонялись люди. Въ этомъ антикатолическомъ движеніи главную роль играла женщина; она своею красотой и любовью отвлекала умы отъ мрачныхъ идеаловъ католицизма, заставила ихъ жить и наслаждаться, научила ихъ думать не объ отвлеченныхъ фантасмагоріяхъ, а о природѣ и дѣйствительности. Поэты, философы, странствующіе трубадуры, рыцари и дамы—всѣ говорятъ и поютъ, пишутъ и мечтаютъ о наслажденіяхъ свободной любви, объ эмансипаціи чувства. Любовь дѣлается главнымъ предметомъ литературы; извѣстія о замѣчательныхъ любовныхъ исторіяхъ обходятъ всю Европу; страдальцы за любовь занимаютъ мѣсто мучениковъ въ новомъ культѣ; даже самъ суровый Данте стоитъ за свободу чувства и увѣковѣчиваетъ память двухъ такихъ мучениковъ въ пятой пѣснѣ своего «Ада», разсказывая исторію Франчески ди Римини, очаровательной дѣвушки, выданной за безобразнаго и злого хромца, полюбившей брата его и убитой мужемъ вмѣстѣ со своимъ любовникомъ. Когда черезъ двѣсти лѣтъ послѣ ихъ трагической смерти открыли ихъ тѣла, то они оказались совершенно цѣлыми и въ объятіяхъ другъ друга. По словамъ Данте, ихъ пламенная любовь перешла и въ загробную жизнь... И культъ любви, кромѣ многихъ подобныхъ мучениковъ за свободу чувства, имѣлъ также, подобно католицизму, своихъ апостоловъ, учителей, подвижниковъ, свои кодексы, свою мораль, свои обряды и мистеріи. Женщина царила надъ жизнью и превращала ее въ ежедневное празднество, въ непрерывный рядъ баловъ, турнировъ, охотъ, увеселительныхъ поѣздокъ и т. д. «Не только поэты, но и всѣ образованные люди»—говоритъ Лорань—«считали тогда любовь самымъ серьезнымъ занятіемъ жизни. Это подтверждается свидѣтельствами лучшихъ средневѣковыхъ историковъ. Въ 1284 г., разсказываетъ, напримъ., Виллани, во Флоренціи составлялась богатая и благородная компанія, которая, съ княземъ любви во главѣ, не думала ни о чемъ другомъ, какъ объ играхъ, танцахъ и увеселеніяхъ». Черезъ пять лѣтъ хроники опять прославляютъ другія подобныя же общества, состоявшія изъ дамъ и кавалеровъ, которые постоянно пировали въ шелковыхъ шатрахъ и расхаживали, подъ предводительствомъ князя любви, по улицамъ города, увѣнчанные гирляндами, съ пѣснями, танцами и музыкой. Такъ жила Флоренція, такъ жила и остальная Европа. Искусительница Ева побѣждала своихъ гонителей. Домостройные принципы падали, женщина дѣлалась главою общественной жизни; не только семейные праздники, балы и турниры, но даже охоты и дуэли не обходились безъ нея. Будуаръ и гостиная сдѣлались главными комнатами дома. Въ королевскихъ дворцахъ, замкахъ феодаловъ, домахъ цивилизованныхъ буржуа—вездѣ на переднемъ планѣ стали дамы. Отношенія половъ между собою, мало отличаемыя съ самаго начала среднихъ вѣковъ, подъ конецъ ихъ получили полную свободу. Все это неизбѣжно вело за собой крайнюю развращенность. Аристократическій эпикуреизмъ всегда губитъ общество. Женщины достигли свободы чувства, но воспитанныя, какъ и мужчины, въ тѣхъ понятіяхъ, что единственная цѣль жизни благороднаго человѣка—любовь и наслажденіе, что трудъ есть удѣлъ презрѣнной массы народа, не занятыя никакой серьезной работой, безъ заботно жившія на чужой счетъ,—онѣ отдавались безъ всякаго удержу страсти и естественно доходили до всѣхъ ея излишествъ. Дамы и дѣвушки модничаютъ своею полураздѣтостью, своимъ костюмомъ, оставляющимъ на виду всѣ тайныя прелести; полунагими или даже вовсе нагими принимаютъ онѣ мужчинъ въ своихъ будуарахъ; провожаютъ гостей въ ихъ спальни, раздѣваютъ ихъ и нерѣдко сами ложатся съ ними въ постель; придворныя дамы и принцессы стараются превзойти другъ друга въ необузданности, дочери графовъ проникаютъ ночью въ комнаты чужихъ мужчинъ и принуждаютъ ихъ удовлетворять своимъ желаніямъ. Угощеніе путешественника женскимъ тѣломъ сдѣлалось какъ бы обязанностью феодальнаго гостепріимства. Въ одномъ французскомъ стихотвореніи разсказывается, какъ рыцарь пріѣхалъ въ графскій замокъ и какъ графиня, обрадовавшись его посѣщенію, велѣла зажарить ему огромнаго гуся и приготовить роскошную постель. «Когда же графиня пошла спать, то, позвавъ красивѣйшую изъ своихъ дѣвушекъ, она сказала ей потихоньку: «поди, ляжь въ постель къ этому рыцарю и угоди ему какъ слѣдуетъ. Я охотно бы сдѣлала это сама, если бы не моя стыдливость и не графъ, мой мужъ, который еще не уснулъ». Всѣ общественныя увеселенія были направлены къ раздраженію полового инстинкта: на балахъ танцы перемежались интимными rendevous въ отдѣльныхъ комнатахъ, въ театрахъ циническія до крайности пьесы приправлялись еще непристойными жестами актеровъ, а иногда и нагою актрисъ; маскарады часто оканчивались сплошнымъ свальнымъ грѣхомъ; въ баняхъ и купальняхъ оба пола зачастую мылись вмѣстѣ; при этомъ на баденскихъ водахъ надъ купальнями устраивались галереи, на которыхъ мужчины собирались болтать съ купающимися дамами и бросали имъ деньги и другіе подарки, а красавицы старались взапуски подхватить ихъ подолами своихъ рубашекъ; сводничество сдѣлалось самымъ прибыльнымъ и распространеннымъ ремесломъ; ни одна почти дѣвушка изъ высшихъ классовъ не выходила замужъ невинною, по свидѣтельству тогдашнихъ компетентныхъ писателей; женскіе монастыри приняли видъ домовъ терпимости, а королевскіе дворъ-

цы, наполненные благородными проститутками, содомитами, вельможными сводниками,—были даже развращеніе любого публичнаго дома. Исторія прекратилась въ скандальную хронику дворовъ; живопись, скульптура, поэзія занялись исключительно изображеніемъ любви на всѣ манеры, отрицаніемъ семейной жизни, осмѣяніемъ мужей и патріархальныхъ добродѣтелей. Въ низшихъ и среднихъ классахъ отражались тѣ же вліянія, и вмѣстѣ съ войнами, разбойничествомъ, забираніемъ мужчинъ въ солдаты, страшными злоупотребленіями власти,—совершенно уничтожали здѣсь бракъ и семью. Сотни тысячъ разнаго народа вели бродячую жизнь безъ семейства, безъ собственности, и среди нихъ царилъ полный гетеризмъ, дѣти не знали не только своихъ отцовъ, но часто даже и матерей. У странствующихъ актеровъ, фигляровъ, нищихъ и мошенниковъ жены сплошь и рядомъ были общія. Разложеніе семейства происходило даже въ средѣ патріархальныхъ крестьянъ и бюргеровъ. Таверны въ средніе вѣка были мѣстомъ, въ которомъ протекала большая часть жизни людей низшаго и средняго классовъ. Даже женщины постоянно пили, играли и вели любовныя интриги въ этихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, иногда съ вѣдома мужей, а большею частью тайкомъ отъ нихъ. Мужья же, въ свою очередь, пировали въ другихъ таверналъ и наслаждались съ другими женщинами. Домъ и семейство оставлялись на произволъ судьбы, бракъ, не удовлетворявшій чувству, былъ въ пренебреженіи. Сильное развитіе проституціи шло параллельно съ паденіемъ семейства; сифилисъ свободно разгуливалъ по Европѣ, губя сотни тысячъ народа; цѣлые ряды итальянскихъ кардиналовъ и французскихъ королей сведены въ могилу этою болѣзнью. Между тѣмъ, окончательное паденіе семейства возбудило умы къ изысканію средствъ для реформы никого уже не удовлетворявшихъ брачныхъ отношеній. Вліяніе классицизма, въ особенности Платона и эпикурейской философіи, наталкивало разсуждавшихъ объ этомъ людей на идею о безусловной свободѣ половыхъ отношеній. Авторъ самаго распространеннаго изъ произведеній средневѣковой литературы, «Roman de la Rose», говоритъ, что женщины должны быть общими,—

Toutes pour tous et tous pour toutes
Chacune pour chacun commune
Et chacun commun pour chacunel..

Остальная беллетристика, хотя и не выражалась такъ ясно, но проводила въ сущности ту же мысль, которая въ подробности была развита утопистомъ-реформаторомъ Кампанеллой въ его «Республикѣ Солнца». Верховный глава этого государства, Гоэ, имѣетъ трехъ помощниковъ, Силу, Мудрость и *Любовь*. Послѣдняя заботится главнымъ образомъ о томъ, чтобы браки устроялись пѣлесообразно съ рожденіемъ хорошихъ дѣтей. «До супружества каждый мужчина можетъ жить съ каждою безплодною женщиною». Старцы - начальники и матроны-начальницы, досконально узнающіе молодыхъ людей обоего пола, когда они совершенно обнаженные занимаются гимнастикой въ палестрѣ, «сводятъ тѣхъ, которые болѣе сладострастны и болѣе возбуждаются. Если вступившая въ бракъ женщина не зачнетъ отъ одного мужчины, ее отдаютъ другимъ, если она и послѣ этого остается безплодною, то дѣлается общею»... По окончаніи кормленія материнскою грудью, дѣти поступаютъ въ общественное заведеніе, гдѣ они получаютъ образованіе, одинаковое для дѣвочекъ и мальчиковъ. Мужчины и женщины носятъ одинаковую одежду и *одинаково участвуютъ во всѣхъ занятіяхъ войны и мира*.—Въ многочисленныхъ соціально-демократическихъ сектахъ, реакціей которымъ была реформа Лютера, Кальвина и Цвингли, мы видимъ то же стремленіе къ радикальнымъ перемѣнамъ въ области семейства и брака, къ эманципаціи женщины. «Свободный мистицизмъ», по выраженію Мишле, «рѣшился поднять женщину, которую священническая суровость волочила въ грязи». Наступила великая религіозная революція. Во многихъ сектахъ женщины были допущены къ проповѣдническою и жреческой дѣятельности наравнѣ съ мужчинами; проклятіе Евы было снято съ нихъ; любовь объявлена свободною. Во многихъ другихъ сектахъ женщины являются главными ихъ учительницами и проповѣдницами эманципаціи. Таковы были, напр., дѣвица Шурманъ, принцесса палатинская Елисавета, Гиллермина миланская, дѣвицы Броганъ и Шере, Антуанета Буриньонъ, Маргарита Порретъ; всѣ онѣ, болѣе или менѣе, примѣшивали къ своимъ мистическимъ ученіямъ идеи эманципаціи. Во многихъ другихъ сектахъ мы также видимъ отрицаніе брака и семьи. Анабаптисты, напр., вмѣстѣ съ общностью имущества проповѣдывали и общность женъ, доказывая благодѣтельность ея мѣстами библіи. Женщины и дѣвушки играли въ этой сектѣ первенствующую роль, какъ вдохновенныя свыше пророчицы и учительницы. То подобно многимъ другимъ мистикамъ, у которыхъ чувство и страсть всегда преобладаютъ надъ разумомъ, анабаптисты въ своей реакціи тогдашнему браку ударились совершенно въ сторону и объявили, что многоженство не противно ни закону божескому, ни закону природы. Когда же они овладѣли Мюнстеромъ и во главѣ основанной тамъ Сіонской республики сталъ страстный, фанатическій Иванъ Лейденскій, когда, при крикахъ неистовавшихъ сретиковъ: «*перекрещиваше или смерть*», въ занятомъ ими городѣ рухнули всѣ основы прежняго общественнаго и религіознаго порядка,—тогда были установлены общность имуществъ и многоженство; Иванъ Лейденскій первый подалъ тому примѣръ, заведя у себя семнадцать женъ, блиставшихъ красотою и богатыми нарядами. Другіе анабаптисты слѣдовали своему главѣ и обзаводились нѣсколькими женами. Но полигамія вводилась въ обществѣ анабаптистовъ только силою мужчинъ и встрѣчала энергическое противодѣйствіе со стороны женщинъ. Въ католичествѣ также не мало было подобныхъ проявленій. Въ началѣ XIV в. возникъ «орденъ братьевъ и сестеръ свободнаго духа», проповѣдывавшихъ полную свободу половыхъ инстинктовъ.

Въ томъ же родѣ были братства «бичующихся», «плясуновъ» и т. д.

Читатель видитъ, что и суды любви, и пѣсни трубадуровъ, и скандальныя новеллы Боккачіо, и средневѣковой развратъ, и идеи Кампанеллы, и ученія еретиковъ — все это стремилось къ отрицанію брака, къ реформѣ семейства. Какъ бы ни были уродливы проявленія этого нравственнаго переворота, въ нихъ безпристрастный изслѣдователь найдетъ извѣстное число совершенно справедливыхъ мыслей, подобно тому, какъ въ бредняхъ средневѣковыхъ мистиковъ мы находимъ начатки общепринятыхъ теперь идей прогресса и личной свободы, а въ алхиміи — зародыши истинъ химическихъ. Дѣло въ томъ, что женщина и партизаны ея чувствовали и сознавали нераціональность женской безправности и отверженности, а какъ устроить дѣло лучше, они не понимали и поэтому вдавались въ нелѣпости. Республика Кампанеллы, напр., есть не что иное, какъ плодъ больной фантазіи, дѣйствовавшей подъ вліяніемъ платоновской утопіи; но тотъ же Кампанелла высказываетъ и совершенно справедливую мысль, — впрочемъ не свою, а тоже платоновскую,—что *женщины должны быть допущены ко всѣмъ занятіямъ мужчинъ*. Такая смѣсь истиннаго съ ложнымъ, здравыхъ идей съ утопіей, смѣсь, характеризующая собою почти всѣ проявленія молодой мысли среднихъ вѣковъ и Возрожденія, проявляется и въ другихъ тогдашнихъ сочиненіяхъ по женскому вопросу. Многіе сознавали тогда нераціональность рабскаго, отверженнаго положенія женщинъ, но почти никто не понималъ вполнѣ, въ чемъ должно состоять ея освобожденіе и какія реформы должны совершиться вмѣстѣ съ нимъ въ обществѣ. Многія итальянскія и французскія женщины въ естественномъ порывѣ своего эманципаціоннаго энтузіазма писали книги и доказывали въ нихъ, что природа мужчины ниже женской, что женщина во всемъ стоитъ гораздо выше своего владыки. Такую мысль пропагандировали, напр., Маргарита наваррская, первая жена Генриха IV, и Христина Пизанская. Одинъ изъ величайшихъ средневѣковыхъ ученыхъ, Агриппа Нетергеймскій, написалъ также книгу, доказывавшую превосходство женскаго пола передъ мужскимъ. Изъ этой мысли естественно вытекала другая, о томъ, что роли половъ должны перемѣниться и женщины должны сдѣлаться владычицами своихъ бывшихъ господъ. Во всей этой пестрой серіи идей и стремленій мы, однако, видимъ нѣсколько ясно сознанныхъ мыслей, именно, что женщина не должна быть рабыней мужа и семьи; что бракъ долженъ быть договоромъ двухъ свободныхъ личностей; что любовь есть чувство свободное и нельзя превращать его въ обязанность. Что же касается требованія Кампанеллы, чтобы мужчины и женщины одинаково участвовали во всѣхъ дѣлахъ мира и войны, то мы хотя и не находимъ у тогдашнихъ авторовъ не только болѣе подробнаго его развитія, но даже подтвержденія, однакожъ въ дѣйствительной жизни среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія мы видимъ, что женщина, наравнѣ съ мужчиною, принимаетъ участіе и въ дѣлахъ мира, и въ дѣлахъ войны.

Слегка очерченныя нами эманципаціонныя стремленія во многомъ измѣняли къ лучшему положеніе женщины и спасали ее отъ разныхъ пагубныхъ притязаній мужа и феодальнаго семейства. Чѣмъ дальше подвигаемся къ концу среднихъ вѣковъ, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ браковъ, заключаемыхъ не по фамильнымъ расчетамъ, а по свободному чувству жениха и невѣсты. Много дѣвушекъ, принадлежащихъ къ дворянству и буржуазіи, выходитъ замужъ даже противъ воли родителей и убѣгаетъ изъ ихъ дома съ любимымъ человѣкомъ. Законы сильно вооружаются противъ этого и дозволяютъ родителямъ лишать такихъ своевольныхъ дѣтей наслѣдства. Старинный народный обычай *валентинства* все болѣе и болѣе распространяется въ высшихъ и въ среднихъ классахъ. По этому обычаю, особенно распространенному въ Англіи и Франціи, въ день Валентина, 14 февраля, молодые люди выбирали себѣ любовника или любовницу, ухаживали за ними и часто кончали бракомъ *). Многія обстоятельства, особенно гибель цѣлыхъ тысячъ дворянъ въ крестовыхъ походахъ и возвышеніе богатой буржуазіи, ослабляли феодальное отвращеніе отъ неравныхъ браковъ (Misheirath) и тѣмъ еще болѣе давали свободы брачному союзу. Наслѣдственныя права женщины также постепенно расширялись. Ея безправность въ этомъ отношеніи возбуждала иногда негодованіе даже въ тѣхъ, которые поддерживали эту безправность. «Изъ среды этихъ воинственныхъ народовъ» — говоритъ Легуве — «поднимается голосъ противъ обезнаслѣдованія дочерей и возбуждаетъ переворотъ». Въ завѣщаніяхъ отцы, руководимые чувствомъ любви и справедливости, пишутъ: «милая моя дочь! между нами господствуетъ древній, но нечестивый обычай, запрещающій братьямъ дѣлить съ сестрами родительское наслѣдство. Сознавая эту несправедливость и любя равно всѣхъ васъ, моихъ дѣтей, я желаю, чтобы по сему акту, послѣ моей смерти, ты раздѣлила съ братьями поровну и родовое, и благопріобрѣтенное имущество, и рабовъ, и движимость». Это правило сдѣлалось закономъ для сѣверной Франціи, а съ постепеннымъ паденіемъ феодализма оно начало утверждаться и въ другихъ земляхъ. Уже въ половинѣ XII в. женщины были допущены къ феодальному наслѣдству въ Англіи, Кастиліи, Аррагоніи, Іерусалимѣ, Бургундіи, Фландріи, Аквитаніи, Провансѣ, нижнемъ Лангедокѣ. Быстрое уменьшеніе числа мужчинъ, вслѣдствіе крестовыхъ походовъ, смягченіе нравовъ, успѣхи женскаго вліянія возвратили имъ эти права, отнятыя у нихъ феодальнымъ варварствомъ. «Они вмѣстѣ со своею рукою передавали владѣнія въ иностранные дома, ускорили слiяніе государствъ и приготовили консолидацію великихъ монархій», говоритъ Минье. Но это было уже новымъ подчи-

*) Слѣды этого обычая сохранились въ Англіи до сихъ поръ, и ежегодно 14 февраля англійская почта разноситъ по всему государству цѣлыя тысячи любовныхъ посланій отъ дѣвушекъ къ юношамъ и наоборотъ.

пеніемъ женщины фамильнымъ и политическимъ расчетамъ, между тѣмъ какъ признаніе за нею наслѣдственныхъ правъ давало ей возможность не только семейной, но и гражданской самостоятельности. Вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ имуществомъ, съ землею, на женщинъ переходили всѣ права феодальнаго владѣльца, и средневѣковыя хроники часто разсыпаются въ похвалахъ уномуи человѣколюбивому управленію многихъ самостоятельныхъ сеньоринъ. Трогательными красками описываетъ одинъ современникъ скорбь аквитанцевъ объ ихъ правительницѣ Элеонорѣ, вышедшей замужъ за Людовика VII. Она была чрезвычайно милостива къ своимъ подданнымъ, дала законы городскимъ общинамъ, первая освободила торговлю отъ стѣснявшихъ ее пошлинъ и привилегій. Съ такимъ же искусствомъ управляли своими владѣніями многія другія *королевы* и сеньорины, напр., Анна Бретанская. Женщины, наслѣдовавшія перство, участвовали въ юрисдикціи перовъ наравнѣ съ мужчинами; онѣ засѣдали въ судахъ, въ парламентахъ и занимали первыя мѣста во время разныхъ торжественныхъ церемоній. Такъ Моганъ, графиня Артуа и Бургонія, при коронаціи Филиппа V держала надъ нимъ корону, вмѣстѣ съ перами-мужчинами; она участвовала во многихъ знаменитыхъ процессахъ своего времени, напр., она была судьей въ процессѣ графа Артуа. Правомъ суда пользовались не только феодалки, но даже и настоятельницы монастырей, которыя вмѣстѣ съ деканиссами творили судъ въ своемъ округѣ и выбирали депутатовъ въ парламентъ. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что судебная власть часто переходила по наслѣдству даже къ молодымъ дѣвушкамъ, которыя, такимъ образомъ, и засѣдали въ судахъ наравнѣ съ мужчинами, одѣтыя въ судейскія шляпы. Недавно извѣстный англійскій юристъ Анстей доказалъ, что въ средневѣковой Англіи женщины, владѣвшія поземельною собственностью въ графствахъ и домами въ бургахъ, посягнено вотировали при избраніи членовъ въ парламентъ, и что это право утрачено ими только въ эпоху гражданскихъ войнъ XVII вѣка. Короли и папы всегда защищали феодальныя права упомянутыхъ владѣлицъ отъ притязаній и насилій хищныхъ бароновъ. Иннокентій III признавалъ даже, что ихъ власть и привилегіи «основаны на древнемъ обычномъ французскомъ правѣ». Но женщины тогда и сами могли постоять за себя. Участвуя въ охотахъ, верховой ѣздѣ, военныхъ упражненіяхъ, онѣ развивали въ себѣ не только духъ храбрости, но нерѣдко и замѣчательную физическую силу, обладая которыми, онѣ не только могли обуздывать семейныхъ тирановъ и самодуровъ, но и вести войну не хуже мужчинъ. Жены рыцарей назывались часто *всадницами* (equitissa) или *воинками* (militissa) и были вполнѣ достойны такихъ названій. Въ книгѣ Траншона (Les femmes militaires de la France) помѣщено около двухсотъ біографій однѣхъ только француженокъ, отличившихся военными доблестями со временъ Галловъ до первой имперіи. Въ другихъ странахъ женщины были не менѣе воинственны; онѣ отличались и въ качествѣ простыхъ солдатъ, и въ качествѣ полководцевъ; св. Женевьева дважды защищала Парижъ — отъ Аттилы и франковъ. Газта прославилась въ битвахъ съ византійскимъ императоромъ Комниномъ (1081 г.). Анна Даркъ спасла Францію отъ англійскихъ полчищъ. Филиппа, жена Эдуарда III, одержала побѣду при Невилъ Кроссѣ. Жанна, графиня монфортская, когда ея мужъ былъ засаженъ въ тюрьму, съ оружіемъ въ рукахъ и во главѣ войскъ защищала его права на Бретань противъ Карла Блуа; о ней говорили, что она стоитъ храбрѣйшаго рыцаря и имѣетъ львиное сердце. И трудно перечесть всѣхъ подобныхъ героинь. Во время крестовыхъ походовъ множество женщинъ ходило въ Палестину вмѣстѣ съ мужьями и билось тамъ на ряду съ ними противъ невѣрныхъ. Организовались даже цѣлые женскіе эскадроны. Во главѣ нѣкоторыхъ крестоносныхъ отрядовъ стояли женщины. Одинъ арабскій историкъ, напр., разсказываетъ о дамѣ, которая, снарядивъ на свой счетъ военный корабль и собравъ 500 своихъ вассаловъ, повела ихъ въ Палестину.

Средневѣковыя женщины не только равнялись своимъ образованіемъ съ мужчинами, но даже превосходили ихъ. Большинство феодаловъ состояло изъ круглыхъ невѣждъ, между тѣмъ какъ ихъ жены и дочери читали, писали, рисовали и любили книги. Многія произведенія средневѣковыхъ поэтовъ, напр., Вольфрама Эшенбаха, по безграмотству авторовъ, писаны подъ ихъ диктовку женщинами. Женщины воспитывались не только дома и въ монастыряхъ, но уже въ XIII в. мы видимъ школы для дѣвочекъ, содержимыя преимущественно женщинами. Въ монастыряхъ онѣ серьезно занимались науками и не мало содѣйствовали развитію европейской мысли. «Среди варваровъ, раздѣлившихъ между собою остатки римской имперіи»,— говоритъ г-жа Добіе, — «женщины сберегли и сохранили въ монастыряхъ традиціи науки первыхъ вѣковъ христіанской эры, и въ полудикой Франціи, у грубыхъ меровинговъ были открыты для нихъ знаменитыя школы въ Арле и Пуатье». Эти ученыя женщины имѣли обыкновенно свои школы, въ которыя толпами стекалось юношество обоихъ половъ. Таковы были Гертруда въ Нивеллѣ, Бертилла въ Шелѣ, Элоиза въ Параклетѣ, Альдегонда въ Мобежѣ. Во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ женщины также имѣли доступъ ко всякому образованію, къ занятію высшими и самыми серьезными вопросами науки. Въ XIII в. одна молодая дѣвушка, получивъ степень доктора правъ, заняла въ болонскомъ университетѣ каѳедру юриспруденціи и привлекала своими ученіями толпу слушателей. Въ XIV в. одними изъ ученѣйшихъ юристовъ были двѣ дочери болонскаго профессора Д'Андреа, Новелла и Беттина, образованіемъ которыхъ руководила ихъ мать вмѣстѣ со своимъ мужемъ. Новелла часто читала вмѣсто отца съ университетской каѳедры лекціи права, а Беттина, не менѣе ея знакомая съ юриспруденціей и философіей и вышедшая замужъ за профессора Санъ-Грегоріо, всегда преподавала вмѣсто него, когда что-нибудь мѣшало ему читать лекціи. Около того же времени слави-

лась Маддалена Буонъюри, которая съ 1380 по 1396 г. читала публичныя лекціи права и оставила трактатъ о брачныхъ законахъ. Теодора Данти и Елеонора Санвитали, въ XIV в., были одними изъ лучшихъ знатоковъ математики и физики. Историческими трудами, составленіемъ лѣтописей и мемуаровъ занимались многія итальянки. Исторія филологіи и краснорѣчія также имѣетъ на своихъ страницахъ не мало именъ женщинъ, которыя успѣшно подвизались на этихъ поприщахъ. Таковы были, напр., Олимпія Мората, занимавшая каѳедру греческой литературы въ гейдельбергскомъ университетѣ и состоявшая въ серьезной перепискѣ со многими учеными своего времени. Лаура Борромеа, современница предыдущей, была профессоромъ классической литературы въ падуанскомъ университетѣ. Въ числѣ древнѣйшихъ авторовъ нѣмецкой литературы считается монахиня Гротсвита (940—1002 г.), ревностно изучавшая классическую литературу, написавшая много драмъ и эпическихъ произведеній. Въ 1179 г. умерла въ монастырѣ Рупертсбергъ его ученая настоятельница Гильдегардъ. «Изслѣдуя загадку бытія, она возвысилась умомъ своимъ до того пантеизма, который видитъ во вселенной одну только воплотившуюся божественную сущность. По всей Германіи, даже Европѣ, вела она свою переписку съ папами, прелатами и князьями» (Scherr). Современница ея, Герградъ, абатисса монастыря св. Одиліи, составила книгу «Садъ наслажденій», родъ энциклопедіи, въ которой собраны тогдашнія достойныя вниманія свѣдѣнія изъ теологіи, философіи, астрономіи, географіи, исторіи, искусствъ. Все это было изложено на латинскомъ языкѣ, знаніе котораго было такъ распространено между женщинами, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахини говорили между собою по-латыни; нѣмецкія императрицы и княгини вели свою переписку по-латыни; дамы вышивали на поясахъ и лентахъ разныя изреченія, чаще всего на латинскомъ же языкѣ. Послѣ упомянутыхъ ученыхъ женщинъ, нѣмки долгое время занимались усердно церковною литературой, держались въ сторонѣ отъ свѣтской. Но съ XV в., съ этой эпохи пробужденія разума, нѣмецкія женщины, какъ увидимъ въ слѣдующихъ главахъ, внесли въ литературу и науку такую же значительную долю участія, какъ и итальянки. Во Франціи на ряду съ первыми по времени ея мыслителями стоитъ несчастная любовница Абеляра, Элоиза, знавшая латинскую литературу, теологію, философію, математику и принимавшая вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ самое дѣятельное участіе въ умственномъ движеніи XIII в. Француженки, подобно своимъ сестрамъ въ другихъ странахъ Европы, во все продолженіе среднихъ вѣковъ сплошь и рядомъ получали очень хорошее образованіе, но ихъ ученo-литературная дѣятельность послѣ Элоизы и вплоть до XVI в. была крайне незначительною, какъ и дѣятельность женщинъ Англіи, Германіи, Скандинавіи.

У скандинавовъ и другихъ германскихъ племенъ, какъ мы уже говорили, медицина была женскою спеціальностью, у римлянъ женщины также занимались ею. Въ періодъ ѳеодальный, какъ въ Италіи, такъ и въ сѣверной Европѣ, уходъ за больными, составленіе лѣкаствъ, собираніе цѣлебныхъ матеріаловъ, храненіе устныхъ медицинскихъ традицій и изученіе имѣвшихся тогда медицинскихъ сочиненій—все это лежало на женщинахъ. Мать семейства или другая женщина была и лѣкаремъ, и аптекаремъ для своихъ домочадцевъ и подданныхъ. Въ средневѣковыхъ разсказахъ идеальная женщина рисуется обыкновенно медикомъ. Хотя медицинскія знанія тогдашнихъ женщинъ были чисто эмпирическими, традиціонными и не имѣли вовсе научнаго характера, но вѣдь и вся медицина была такою. Парацельсій, отвергавшій медицинскіе трактаты древнихъ и арабскихъ докторовъ, говоритъ даже, что ему не нужно никакихъ другихъ учителей, кромѣ женщинъ съ ихъ опытною медициною. Когда же медицину стали преподавать въ университетахъ, то женщины ревностно принялись изучать ее здѣсь, и многія изъ нихъ упоминаются на ряду съ извѣстнѣйшими тогда докторами-мужчинами. Въ самый блестящій періодъ салернской академіи толпы слушателей стекались въ нее на лекціи женщины, читавшей медицинскій курсъ. Доротея Букка, родившаяся въ 1400 г., основательно знакомая съ классическою литературою, математикой и философіей, занимала въ Болоніи каѳедру медицины. Въ 1250 г. Людовикъ IX далъ грамоту одной женщинѣ, служившей при немъ домашнимъ лѣкаремъ во время крестоваго похода. Въ грамотѣ этой восхваляются способности и неподражаемое искусство женщины-доктора и назначается ей пожизненный пенсіонъ. Не мало и другихъ женщинъ славилось своими познаніями и учеными трудами по части медицины, хирургіи, фармацевтики и ботаники. Акушерство было спеціальностью женщины, и получить званіе акушерки могли только тѣ, которыя слушали нѣсколько лѣтъ курсы теоретической и практической анатоміи, присутствовали при разсѣченіи труповъ женщинъ и дѣтей и выдерживали довольно трудный экзаменъ. «При общественныхъ церемоніяхъ, при официальныхъ празднествахъ акушерки пользовались правами, равными съ правами врачей, и въ собраніяхъ медицинскихъ корпорацій онѣ сидѣли рядомъ съ ними, въ своихъ форменныхъ костюмахъ и со своими значками. Почетныя отличія, которыми ихъ удостоивали общество и правительство, основательность и обширность ихъ свѣдѣній, огромное вліяніе, которымъ онѣ по праву пользовались,—все это вело къ тому, что во Франціи, до самой революціи, было множество въ высшей степени способныхъ акушерокъ. При Генрихѣ IV акушерка королевы Маріи Медичи оставила послѣ себя цѣлые фоліанты рукописей, свидѣтельствующихъ объ ея основательномъ знаніи профессіи и объ ея необыкновенной эрудиціи. Съ ея легкой руки и другія акушерки стали печатать и издавать свои сочиненія; теперь они уже устарѣли, но если вспомнить, въ какомъ положеніи находилась тогда медицина, то какъ бы строго мы ни смотрѣли на эти работы женщинъ-докторовъ, мы все-таки должны сознаться, что ихъ знанія стояли на одномъ

уровнѣ съ познаніями мужчинъ, съ тою только разницею, что ни одна изъ нихъ никогда не разражалась комическими проклятіями по поводу кровообращенія, оспопрививанія и другихъ открытій науки» (Dodie).

Въ разсматриваемый періодъ исторіи женщины приняли дѣятельное участіе въ развитіи музыки и пѣнія. Не перечисляя именъ этихъ пѣвицъ, музыкантшъ и композитрисъ, скажемъ только, что онѣ произвели значительный переворотъ въ упомянутыхъ искусствахъ. Когда, напр., женщины получили доступъ къ церковной музыкѣ, то весь католическій культъ совершенно преобразился. Церковная музыка потеряла свой монашескій характеръ, свой аскетическій букетъ, приняла въ себя много народныхъ элементовъ, сдѣлалась драматическою и болѣе земною, чѣмъ прежде. Появленіе женщины на театральной сценѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ дало также новую жизнь сценическому искусству, доставивъ ему возможность полнаго развитія и естественности. Кромѣ того, добытое женщиною съ большимъ трудомъ и цѣною большихъ страданій право быть актрисою, послужило для извѣстнаго числа женскихъ личностей средствомъ освобожденія отъ семейной неволи, средствомъ для самостоятельной жизни, независимой ни отъ мужа, ни отъ родителей. Мы не будемъ говорить объ участіи женщинъ въ ваяніи, живописи, архитектурѣ, поэзіи. Способность ихъ къ искусствамъ никѣмъ не отрицается, и особенно поэзія всегда имѣла въ нихъ усердныхъ дѣятельницъ. Замѣтимъ, что въ средніе вѣка и въ эпоху Возрожденія какъ непосредственная дѣятельность женщины въ поэтическомъ искусствѣ, такъ и ея посредственное вліяніе на него имѣли тотъ результатъ, что главною задачею этой литературной отрасли сдѣлалась тогда пропаганда эмансипаціи чувства, и поэзія много содѣйствовала паденію архаическаго семейства,—паденію, къ которому сводились тогда всѣ другія проявленія женской дѣятельности.

Такимъ образомъ, средніе вѣка и эпоха Возрожденія приходили къ полному отрицанію многихъ основъ прежняго европейскаго общества. Авторитетъ католицизма замѣнялся авторитетомъ разума. теологія уступала мѣсто наукѣ, аскетизмъ изгонялся эпикурействомъ, строгія законодательства подтачивались гуманными идеями естественнаго права, женщина значительно эмансипировалась, научныя, географическія и промышленныя открытія слѣдовали одно за другимъ, свобода мысли сдѣлалась принципомъ гуманистовъ,—начиналась, повидимому, новая эпоха быстраго прогрессивнаго развитія человѣчества, и многіе съ увлеченіемъ восклицали, что «возвращается золотой вѣкъ». Но это была иллюзія. Сытое, довольное, тунеядное образованное общество забывало, что подъ нимъ волнуются милліонныя массы народа, которыя тоже стремятся къ жизни и развитію и для которыхъ идеи и формы аристократической цивилизаціи недоступны, невозможны, неудовлетворительны; а эмансипированная дама и ея партизаны вовсе не думали о женщинѣ среднихъ и низшихъ классовъ, объ этой многострадательной матери, объ этой рабынѣ, подверженной и деспотизму мужа, и деспотизму феодала, и еще болѣе ужасному деспотизму бѣдности. Народъ стремился не къ раціонализму и скептицизму, а къ вѣрѣ, болѣе дешевой и человѣчной, чѣмъ католицизмъ,—явилась реформація, которая, вмѣстѣ съ возрожденнымъ католичествомъ, ниспровергла господство раціонализма и невѣрія. Буржуазія и крестьянство, постепенно освобождаясь отъ феодальной тиранніи, отъ постоянныхъ погромовъ войскъ, разбойниковъ, духовенства, получая возможность жизни болѣе мирной и самостоятельной, чѣмъ прежде,—осуществляли свои давнишнія стремленія къ патріархально-семейной жизни, развитію которой мѣшала до тѣхъ поръ средневѣковая анархія. Семейныя, домостройныя начала воскресали съ новою силою не только въ среднихъ и низшихъ классахъ, но и въ высшихъ. Разложеніе феодальнаго семейства и эмансипація женщины наносили роковой ударъ аристократическому обществу, и оно употребило всѣ усилія, чтобы отвратить отъ себя этотъ ударъ. Такимъ образомъ, XVI, XVII, XVIII столѣтія были эпохою реставраціи семейства и реакціи женскому освобожденію; но такъ какъ въ европейскомъ обществѣ не исчезли идеи, выработанныя великимъ періодомъ возрожденія разума, такъ какъ женщина не могла покориться снова тому режиму, котораго она не выносить даже на Востокѣ, то въ упомянутыя столѣтія, не смотря на силу реакціи, она сумѣла удержать за собою многія изъ добытыхъ ею прежде правъ, успѣшно защищала справедливость своихъ притязаній вплоть до XIX в. и всѣми способами противодѣйствовала прочному водворенію въ Европѣ тѣхъ идей, учрежденій и чувствованій, которыя превращаютъ ее въ служанку семьи и въ подневольную самку мужа.

XVI.

Реформація была реакціей той нравственной революціи, которая, съ одной стороны, проповѣдывала раціонализмъ и верховные законы природы, съ другой стороны—заявляла требованія соціально-демократическихъ перемѣнъ въ общественномъ строѣ. Реформа была компромиссомъ между католицизмомъ и стремленіями новой жизни. Она также относится къ католицизму, какъ монархія конституціонная къ абсолютной. Лютеръ вовсе не былъ поборникомъ свободы мысли, онъ ставилъ эту свободу въ очень тѣсныя границы, и Шерръ совершенно справедливо называетъ его изобрѣтателемъ ограниченнаго вѣроподданническаго разума, а Сенъ-Симонъ—новымъ папой. Очищая католицизмъ отъ вопіющихъ злоупотребленій и вредныхъ нелѣпостей, лютеранство сохраняло и его нетерпимость, и его вражду ко всякой существенной свободѣ. Будучи поставлено съ перваго же раза въ зависимость отъ свѣтской власти, оно начало проповѣдывать самое безнравственное рабольпіе передъ сильными міра. Лютеръ защищалъ крѣпостное право и говорилъ, что простой народъ слѣдуетъ давить, иначе онъ будетъ «своеволенъ»; онъ поощрялъ феодаловъ и королей къ не-

требленію возставшихъ крестьянъ, послѣдователей Мюнцера и всѣхъ вообще партизановъ тогдашней демократіи. Сущность христіанства, по его мнѣнію, заключается въ пассивной покорности. «2 и 5=7,— это ты понимаешь своимъ разумомъ, — говоритъ онъ, — но если начальство говоритъ, что 2 и 5=8, то ты обязанъ вѣрить ему вопреки своему сознанію и чувству». Лютеръ, такимъ образомъ, былъ предтечею, приготовлявшимъ пути народившемуся уже тогда абсолютизму.

Обновивъ потрясенную католицизмомъ вѣру, лютеранство вооружилось противъ аскетическихъ доктринъ и учрежденій, уничтожило монастыри, дозволило бракъ духовенству, отвергло посты, смѣялось надъ самоистязаніями и въ лицѣ своего основателя говорило, что «кто не любитъ вина, женщинъ и пѣсенъ, тотъ останется дуракомъ всю свою жизнь». Но въ то же время реформація была прямо противоположна свободѣ чувства и санкціонировала тотъ патріархальный ригоризмъ, который развивался въ постепенно усиливавшейся буржуазіи и крестьянствѣ, начинавшемъ послѣ средневѣковой анархіи слагаться въ общины, пропитанныя архаическимъ духомъ. Фундаментомъ реформы была библія, и опираясь на нее, реформаторы всѣми силами старались возстановить въ Европѣ патріархальное семейство въ чисто библейскомъ духѣ. Вмѣстѣ съ аристократико-католической поэзіей церковныхъ обрядовъ, процессій, легендъ, фантастическихъ представленій лютеранство изгоняло изъ жизни всю веселость и живость предыдущихъ вѣковъ, замѣняя ихъ трудомъ, умѣренностью, порядкомъ, патріархальными радостями и стараясь изо всѣхъ силъ о развитіи патріархальныхъ добродѣтелей. Протестантское духовенство Франціи строго запрещало всѣмъ посѣщать театры, считало танцы богопротивнымъ занятіемъ; предписывало, чтобы никто не носилъ яркой одежды и волосы у всѣхъ были бы причесаны съ надлежащею скромностью; объявляло, что женщины, прибѣгающія къ румянамъ, будутъ лишаемы причастія, что онѣ «должны избѣгать новыхъ модъ нынѣшняго свѣта», не увлекать мужчинъ «роскошью сладострастныхъ кудрей», не имѣть на платьѣ кистей, а на перчаткахъ лентъ и шелковыхъ украшеній, не носить пышныхъ юбокъ и широкихъ рукавовъ. Протестанты, кальвинисты, квакеры, пуритане, даже послѣдователи возрожденнаго католичества — всѣ съ большею или меньшею ревностью возстали въ XVII в. противъ кокетства, роскоши, вольности нравовъ. У пуританъ, напр., нравы и обычаи были подчинены кодексу, похожему на кодексъ синагоги, когда она была въ наихудшемъ своемъ состояніи, говоритъ Маколей. «Украшать гирляндами майскую березку, пить за здоровье другъ друга, помыкать сокола, охотиться на оленя, играть въ шахматы, носить локоны, крахмалить брыжи, играть на клавикордахъ, читать произведенія поэзіи — все это считалось грѣхомъ. Ученость и краснорѣчіе они презирали, изящныя искусства ожесточенно преслѣдовали, театры были закрыты, актеры выдраны розгами, печать подчинена надзору строгихъ цензоровъ, музы изгнаны изъ Кембриджа и Оксфорда». Въ протестантскихъ и даже въ католическихъ странахъ въ эпоху реформаціи свѣтская власть вмѣстѣ съ духовенствомъ начинаетъ преслѣдовать фривольные нравы, соблазнительныя моды, женскую расточительность, «безстыдные танцы», соблазнительныя сборища, непристойныя женскія платья, «ничего не прикрывающія ни спереди, ни сзади». Проступки противъ половой нравственности наказываются съ особенною строгостью. Лютеръ ненавидѣлъ проститутокъ болѣе, чѣмъ чорта: «если бы я былъ судьей, то колесовалъ бы этихъ каналій, жилы бы вытягивать сталъ изъ нихъ», говорилъ онъ. При такихъ воззрѣніяхъ строгіе законы противъ половыхъ преступленій и проступковъ начали приводиться въ исполненіе гораздо чаще прежняго. Въ нѣмецкихъ городахъ надпія дѣвушки съ позоромъ изгонялись изъ мѣстъ своего жительства. Съ барабаннымъ боемъ обводили ихъ вокругъ городской площади, наказывали публично розгами и потомъ выгоняли за городскія ворота. Противъ проститутокъ часто предпринимались чуть-чуть не крестовые походы. Мужья жестоко наказывали своихъ провинившихся женъ, а государи выдумывали строгіе законы противъ половой безнравственности. Чистоту брачнаго ложа и невинность дѣвушки хотѣли охранить страхомъ плетей, тюрьмы, позора. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрожденіе патріархальности и старинныхъ доктринъ о бракѣ вело за собой отнятіе у незаконнорожденныхъ дѣтей не только матеріальнаго обезпеченія и семейнаго пріюта, но даже и чести. Европа въ этомъ отношеніи стала ниже и безчеловѣчнѣе презираемаго ею Востока.

Реформація не проклинала и не отвергала женщины, подобно католицизму. Лютеръ, жена котораго имѣла на него большое вліяніе и въ дѣтѣ котораго женщины играли значительную роль,— Лютеръ смотрѣлъ на женщину довольно благосклонно. «Если женщины принимаютъ евангельское ученіе»,—говорилъ онъ,—«то онѣ гораздо крѣпче и пламеннѣе въ вѣрѣ, чѣмъ мужчины». Но при этомъ онъ смотритъ на семейное и общественное положеніе женщины съ той же точки зрѣнія, какъ и нашъ попъ Сильвестръ, авторъ *Домостроя*. Женщина, по его воззрѣнію, должна служить мужу, неустанно работать для него, во всемъ повиноваться его волѣ и не причинять ему никакого горя во всю свою жизнь. Она уподобляется кунеческому суду, которое везетъ изъ дальнихъ странъ много добра и товаровъ... Она открываетъ уста свои съ мудростію; на языкѣ ея пріятное поученіе; она воспитываетъ дѣтей своихъ словомъ Божіимъ». Любовь къ такой женѣ, проникнутая «страхомъ Божіимъ», вполнѣ законна; безбрачіе противно законамъ природы и Бога. Отвергнувъ церковное вѣнчаніе, лютеранство признало бракъ священнымъ въ собственной его сущности. Но, противодѣйствуя скептическимъ понятіямъ о бракѣ, эпоха реформаціи еще сильнѣе вооружалась противъ средневѣковыхъ доктринъ, отрицавшихъ бракъ и пропагандировавшихъ свободу чувства. Лучшимъ выразителемъ этой реакціи можетъ служить Альбрехтъ фонъ-Эйбъ, кото-

рый свою книгу о бракѣ представилъ нюрнбергскому городскому совѣту, какъ бы предугадывая ту роль, которую должна была играть буржуазія въ дѣлѣ возстановленія семейства. «Богъ создалъ сначала мужчину по своему божественному подобію, а потомъ женщину по образу мужчины, чтобы они рождали дѣтей и населяли землю». Для этого онъ самъ учредилъ и освятилъ бракъ. Бракъ священенъ и полезенъ, потому что онъ создаетъ и содержитъ въ мирѣ дома, города и страны, посредствомъ его обрабатываются поля, прекращаются многія распри и войны, между людьми чужими установляются родство и дружба, увѣковѣчивается родъ человѣческій. Бракъ также даетъ радости и наслажденія, которыя заключаются въ привязанности дѣтей къ родителямъ и «въ праведной любви супруговъ». Любовь же эта не должна быть цѣлью для самой себя,— она законна только «въ страхѣ Божіемъ», и цѣлью ея должны быть, во-первыхъ, нравственное преуспѣяніе самихъ супруговъ, а во-вторыхъ, христіанское рожденіе и воспитаніе дѣтей. При водвореніи въ умахъ такихъ понятій, отъ женщины начали требовать, чтобы она была хорошею христіанкою, доброю матерью, вѣрною женою, распорядительною хозяйкою и послушною помощницей мужа, которому должна во всемъ повиноваться. Пасторы, буржуа, крестьяне, аристократы, государи, мужчины, женщины — всѣ проникались идеаломъ этой доброй жены. Даже философы и публицисты трактовали о томъ же лютеранско-патріархальномъ идеалѣ, вводя его въ свои доктрины естественнаго права. Но Гуго Гроту, Пуффендорфу, Альберти, Томазіусу и другимъ подобнымъ мыслителямъ, цѣль брака—произведеніе потомства. Почти всѣ они учатъ, что, по естественному праву, жена подчинена власти мужа во всѣхъ отношеніяхъ и что на такую подчиненность она осуждена и природой, и самою цѣлью брачнаго союза. Даже лучшіе представители гуманизма XVI в., и тѣ, стремясь къ мирной семейной жизни, невольно увлекались идеаломъ «доброй жены», и хотя и не смотрѣли на бракъ такъ патріархально, какъ лютеране, но все-таки желали видѣть въ женѣ служанку мужа, которую онъ держитъ для своего удовольствія. «Теперь» — пишетъ одному своему другу Ульрихъ фонъ-Гуттенъ — «мною овладѣло страстное желаніе покоя. Для этого мнѣ необходима жена, которая бы заботилась обо мнѣ. Мой характеръ ты знаешь. Я не люблю быть одинъ, особенно ночью. Мнѣ нужно существо, подлѣ котораго я могъ бы отдыхать отъ заботъ и серьезныхъ занятій и съ которымъ я могъ бы играть, шутить и вести пріятную, легкую бесѣду. Дай мнѣ жену, мой Фридрихъ, прекрасную, молодую, воспитанную, веселую, цѣломудренную, терпѣливую!» Вотъ чего требовали отъ брака даже лучшіе мужчины реформаціонной эпохи. Развившись на греческихъ и латинскихъ авторахъ, они старались осуществить классическіе идеалы брака, подобно тому, какъ лютеране — библейскіе.

Стремленія реформаторовъ и законодателей къ возстановленію патріархальныхъ добродѣтелей вполнѣ гармонировали съ духомъ массъ, увлеченныхъ религіознымъ движеніемъ. Какъ лютеране, такъ и всѣ предшествовавшія имъ многочисленныя секты еретиковъ, руководимыя религіознымъ энтузіазмомъ, отличались примѣрною жизнью. Еретика можно было узнать даже по наружности, по его скромности, серьезности, по слѣдамъ воздержности, отпечатанныхъ на его физіономіи, по благочестивости его разговора. Въ 1170 г. одинъ католическій попъ въ Реймсѣ, встрѣтивъ молодую дѣвушку, хотѣлъ соблазнить ее; она отвергла его предложеніе, сказавъ, что если потеряетъ дѣвственность, то будетъ осуждена на вѣчныя муки. Попъ тотчасъ понялъ, что это еретичка, донесъ на нее, и ее сожгли на кострѣ. Въ этомъ религіозномъ движеніи женщины играли весьма важную роль. Еще задолго до Лютера и Кальвина, въ тиши семейной жизни женщины воспитывали тѣ мысли и чувствованія, которыя вполнѣ обнаружились при появленіи реформаторовъ. Изъ біографій замѣчательныхъ реформатокъ видно, что свое религіозное направленіе онѣ получали отъ матерей, хотя нѣкоторыя изъ послѣднихъ никогда не имѣли смѣлости формально перейти въ новую вѣру. Но ихъ дочери явно ставали подъ знамя реформы и посвящали всю свою жизнь служенію ей. Женщины реформаціи играютъ ту же самую роль и въ тѣхъ же широкихъ размѣрахъ, какъ и женщины первыхъ вѣковъ христіанства. Въ дворцахъ государей XVI и XVII в., какъ и при дворахъ варварскихъ вождей VII, VIII и IX столѣтій, женщины держатъ втайнѣ проповѣдниковъ новой вѣры, отправляютъ реформатское богослуженіе, ведутъ пропаганду и своею искреннею ревностью къ реформѣ поддерживаютъ ее гораздо дѣятельнѣе, чѣмъ государи, зараженные индифферентизмомъ и приставшіе къ реформаціи большею частью по расчету. Королевы останавливаютъ или ослабляютъ религіозныя гоненія, облегчаютъ участь осужденныхъ еретиковъ, покровительствуютъ проповѣдникамъ, воспитываютъ въ своихъ дѣтяхъ будущихъ героевъ и защитниковъ новой вѣры. Вообще же, женщины реформы строятъ храмы, проповѣдуютъ, распространяютъ библію на живыхъ языкахъ, поддерживаютъ колеблющихся въ вѣрѣ, изучаютъ писаніе, ведутъ бесѣды съ учеными и проповѣдниками, пишутъ книги противъ католицизма и за реформацію, съ героизмомъ древнихъ мученицъ переносятъ пытки инквизиціи, безбоязненно идутъ на смерть и своимъ примѣромъ, сплошь и рядомъ, поддерживаютъ духъ мужчинъ, обреченныхъ смерти за свои вѣрованія. Среди ужасныхъ гоненій на послѣдователей новой религіи, среди религіозныхъ войнъ и междоусобицъ, потрясавшихъ Европу и подвергавшихъ ея жителей всевозможнымъ бѣдствіямъ, женщины, лишенныя дѣтей, мужей, родителей, имущества, пристанища, заключаемыя въ тюрьмы, подвергаемыя возможнымъ жестокостямъ палачей-судей, сожигаемыя на кострахъ — изумляли даже гонителей своею стойкостью и непреклонностью своихъ стремленій. Ихъ религіозная ревность съ изумительною силою противодѣйствовала духу среднихъ вѣковъ и эпохѣ Возрожденія. Женщины удаляются отъ забавъ и радостей свѣтской жизни, чтобы вести оди-

покую жизнь, посвященную религіи. Физическая красота, кокетство, поэзія, музыка, танцы—все это теряетъ въ ихъ глазахъ свою прелесть. Ученыя женщины отрицаютъ науку во имя вѣры, какъ. напр., знаменитая Олимпія Мората, промѣнявшая ученолитературную дѣятельность на роль девотки, жены и хозяйки во вкусѣ Лютера. При такомъ энтузіазмѣ, овладѣвшемъ сердцами какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, легко было на время осуществиться идеалу патріархальнаго брака въ духѣ библіи. Мужчина и женщина служили одному дѣлу, и брачный союзъ ихъ былъ также однимъ изъ проявленій этого служенія. Во всѣхъ тогдашнихъ бракахъ женихъ и невѣста, сильно и рядомъ, очень пожилые, увлекаются другъ въ другѣ не красотою, а христіанскими добродѣтелями. Жены Кальвина, Цвингли, Лютера и другихъ реформаторовъ были ихъ ревностными ученицами, ихъ созданіемъ, ихъ добровольными рабынями. Личность жены совершенно сливалась съ личностью мужа. Они вмѣстѣ молились, вмѣстѣ воспитывали дѣтей, вмѣстѣ читали, вмѣстѣ помогали бѣднымъ, и не разъ случалось, что даже вмѣстѣ умирали,—одинъ изъ нихъ не могъ пережить другого и, узнавъ объ его смерти, испускалъ духъ свой въ надеждѣ соединиться съ умершимъ другомъ въ царствѣ небесномъ (См. M. Child, Biografies of good wives, 41). Овдовѣвшая женщина считала преступленіемъ нарушить вторичнымъ бракомъ обѣтъ, данный покойному мужу; она жила только воспоминаніемъ о немъ, и эта упорная любовь нерѣдко доходила до того, что вдова чувствовала, какъ около нея витаетъ любящій ее духъ покойнаго. Такъ, напр., овдовѣвшая миссисъ Флетчеръ говоритъ, что мужъ «теперь ближе къ ней, чѣмъ прежде; что онъ хранитъ и бережетъ ее, знаетъ всѣ ея мысли». «Вчера ночью»— пишетъ она въ дневникѣ—«во время сна я совершенно ясно чувствовала присутствіе моего дорогого мужа и ощущала сладостное блаженство, соединяясь съ его духомъ». Для такихъ преданныхъ женъ мужья были высшими авторитетами, полными господами ихъ умовъ и сердецъ. Упоминаетъ уже нами жена извѣстнаго пастора Флетчера говоритъ о себѣ: «Господь вразумилъ меня въ томъ, что будетъ объявлять мнѣ волю свою посредствомъ моего дорогого мужа, распоряженія котораго я принимала, какъ повелѣнія Божіи, и повиновалась ему, какъ Христу церковь. Я отдалась, какъ ребенокъ, его руководительству и повиновалась его волѣ, отрекаясь отъ своихъ собственныхъ желаній». И такія жены встрѣчались не въ одной только средѣ пасторовъ, проповѣдниковъ и религіозныхъ энтузіастовъ, а во всѣхъ классахъ общества. Таковы были, напр., жены живописцевъ Флаксмана и Блэка. Біографъ послѣдней говоритъ: «она считала своего мужа величайшимъ геніемъ на землѣ; она благоговѣла передъ его стихами и картинами; она преклоняла колѣна передъ самыми дикими порывами его фантазіи. Она отлично вела его хозяйство, училась думать, какъ онъ думалъ, и, поблажая его нелѣпымъ капризамъ, сдѣлалась вполнѣ костью отъ костей его и плотью отъ плоти его».

Вмѣстѣ съ возстановленіемъ строгаго брака, эпоха реформаціи, какъ въ протестантскихъ, такъ и въ католическихъ земляхъ, стремилась къ реставраціи патріархальнаго семейства и строгой отеческой власти. Библейская семья снова выставляется образцомъ, и раціональность ея доказывается аргументами, заимствованными изъ новой системы естественнаго права. Даже одинъ изъ величайшихъ мыслителей тѣхъ временъ, Гоббсъ, поетъ въ унисонъ съ протестантскою церковью, признавая отца неограниченнымъ государемъ дома, который третируетъ дѣтей, какъ ему угодно, а въ случаѣ нужды, *можетъ даже продавать ихъ и отдавать въ залогъ*. Другой знаменитый ученый, Боденъ, ревностно пропагандируя возстановленіе патріархальной родительской власти, доказываетъ, что необходимо ввести снова самые строгіе законы противъ семейныхъ преступниковъ и преступленій, а отцамъ предоставить право надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей. Для семейства, по его мнѣнію, есть только одна естественная власть—власть домовладыки, который служитъ «истиннымъ подобіемъ отца всѣхъ вещей вышняго Бога». Боденъ чуть-чуть не доказываетъ всемогущество родителя, выставляя на видъ дѣйствительность его проклятій и благословеній..... Отецъ обязанъ только кормить дѣтей и наставлять ихъ нравственности; дѣти же должны «любить, уважать, кормить отца; безусловно повиноваться и служить ему, скрывать и маскировать всѣ его недостатки и пороки, не щадить ни своихъ интересовъ, ни своей крови для спасенія и поддержанія его жизни». Дѣти не имѣютъ права не только пренебрегать своими обязанностями, если родитель не исполняетъ своихъ, но даже и защищаться отъ нападеній отца, хотя бы онъ въ припадкѣ безумнаго раздраженія намѣревался убить ихъ. Мысли и желанія Гоббса, Бодена и другихъ, писавшихъ о реставраціи родительской власти, были только эхомъ голосовъ, всюду раздававшихся въ европейскомъ обществѣ. Насколько были успѣшны всѣ эти реставраціонныя старанія, можно судить по Франціи, въ которой отеческая власть была наименѣе слаба, а попытки къ ея укрѣпленію наименѣе удачны, вслѣдствіе противодѣйствій государственной власти. Въ концѣ XVI в. одинъ французскій судья писалъ, что въ земляхъ обычнаго права «несчастные отцы не имѣютъ и тѣни власти надъ своими дѣтьми». Между тѣмъ отцы продавали дѣтей, имѣли право заключать ихъ въ тюрьмы, лишать наслѣдства; большинство обычныхъ законовъ считало сына совершенно неспособнымъ къ самостоятельной дѣятельности; все, что пріобрѣталъ онъ, принадлежало отцу. Правомъ подвергать дѣтей дисциплинарнымъ наказаніямъ родители пользовались съ особеннымъ рвеніемъ. Парижскій парламентъ писалъ въ 1697 г., что «этотъ остатокъ древней родительской власти приводитъ ко многимъ злоупотребленіямъ, что въ тюрьмахъ сидятъ заключенные по волѣ отцовъ даже взрослые люди, имѣющіе отъ роду лѣтъ 30 и болѣе, что брошенные въ среду всякаго рода преступниковъ подобные заключенники только портятся нрав-

ственно», и т. д. Еще ужаснѣе была отеческая власть въ странахъ, управлявшихся римскимъ правомъ. Здѣсь отецъ былъ всеправнымъ деспотомъ и могъ даже, лишивъ дѣтей всѣхъ правъ, ссылать ихъ на галеры. Особенно беззащитны были дочери и младшіе сыновья. Институція первородства отъ аристократіи мало-по-малу переходила къ низшимъ классамъ, принимавшимъ ее вслѣдствіе бѣдности, ради сохраненія въ семействахъ тѣхъ клочковъ земли, которые кормили ихъ. Младшіе сыновья принуждены были жить въ безбрачіи и дѣлались работниками семейства. Въ Пиринеяхъ до сихъ поръ можно видѣть образецъ такихъ порядковъ. Здѣсь младшіе сыновья живутъ и работаютъ для своихъ племянниковъ. «Дурно одѣтые, лишенные всего необходимаго», говоритъ очевидецъ, «они могутъ завидовать собакѣ, которая содержится лучше ихъ... Они—безплатные работники своей сестры, своего брата, своихъ племянниковъ или племянницъ, съ ними обращаются, какъ со скотинами» *). Богатая буржуазія въ XVI и XVII в. также начинаетъ устраивать свои семейства по аристократическому образцу, вводя право первородства и устраняя отъ наслѣдства дочерей. Необходимость заставляла младшихъ сыновей въ бѣдныхъ семействахъ покоряться первенцамъ; въ богатыхъ же домахъ первородство поддерживалось властью отца, который могъ всегда удалить и обуздать строптиваго сына, заключивъ его въ монастырь или въ тюрьму, отославъ его на флотъ, въ армію или даже на галеры. Что могла значить въ старинной Европѣ родительская власть, показываетъ біографія Мирабо, отецъ котораго ненавидѣлъ его, когда тотъ еще былъ ребенкомъ, пріискивалъ для него самыхъ взыскательныхъ и жестокихъ учителей, а потомъ отдалъ его въ военную службу. За долгъ въ 40 луидоровъ Мирабо былъ посаженъ отцомъ въ крѣпость и освободился только потому, что полкъ его приготовлялся въ корсиканскую экспедицію. Мирабо женился и снова вошелъ въ долги, отецъ за это подвергаетъ его ссылкѣ и заключаетъ, какъ опаснаго человѣка, въ Маноскѣ. Мирабо, побуждаемый однимъ важнымъ семейнымъ дѣломъ, бѣжитъ изъ Маноска; его арестуютъ, отрывая отъ умирающаго сына, и садятъ въ мрачный замокъ д'Иффъ, поступая съ нимъ, какъ съ государственнымъ преступникомъ, и запрещая ему всякую корреспонденцію. Друзья хлопочутъ у властей объ его освобожденіи; но ни просьбы, ни жалобы, ни голосъ общественнаго мнѣнія, ни вмѣшательство королевскаго прокурора не въ силахъ не только освободить Мирабо, но даже избавить его отъ тѣхъ жестокостей и притѣсненій, которымъ онъ подвергался въ тюрьмѣ. Мирабо со своей возлюбленной бѣжалъ въ Амстердамъ; его приговорили заочно къ отсѣченію головы. Отецъ послалъ въ Голландію своего агента, приказавъ ему привести Мирабо живого или мертваго. Его арестовали, привезли въ кандалахъ во Францію и заключили въ Венсенъ. Только смерть старшаго сына заставила отца, въ интересахъ фамиліи, освободить Мирабо, когда ему было уже тридцать два года. Такъ деспотествовали отцы, и такъ правительство содѣйствовало ихъ произволу.

Реставрація отеческой власти и патріархальнаго семейства, возрожденіе семейныхъ чувствованій и добродѣтелей совершились въ буржуазіи и крестьянствѣ гораздо полнѣе, чѣмъ въ высшихъ классахъ общества. Свобода городовъ и ослабленіе феодальнаго произвола дали городскимъ и сельскимъ жителямъ возможность устроить свою частную жизнь такъ, какъ она всегда существовала у людей ихъ положенія и развитія. Въ XVI, XVII, XVIII в. семья бюргера или крестьянина была такимъ же патріархальнымъ, изолированнымъ, традиціоннымъ, состоявшимъ подъ абсолютною властью отца союзомъ, какъ и семьи нашихъ крестьянъ и купцовъ. Въ семействахъ дворянъ, государей, пасторовъ, профессоровъ, ученыхъ произошла такая же перемѣна, хотя и въ гораздо меньшей степени. Народные обычаи и воззрѣнія на семейство и женщину вмѣстѣ съ библейскими и церковными идеями о нихъ распространились въ обществѣ гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде. Семейные праздники, семейныя молитвы, семейныя работы, хроники семейной жизни, книги, проповѣди, стихотворенія, изреченія и пословицы, написанныя на стѣнахъ и дверяхъ домовъ и внушавшія ихъ обитателямъ правила патріархальной нравственности, образованіе и воспитаніе юношества, общественное мнѣніе и отеческая власть—все это поддерживало и развивало возрожденную семью, набрасывая на всю общественную жизнь оттѣнокъ патріархальности. Образованіе и воспитаніе женщины были направлены къ приготовленію изъ нея патріархальной жены и хозяйки. Отцы, мужья, братья имѣли надъ женщиною огромную власть и старались держать ее въ ежевыхъ рукавицахъ. Даже въ концѣ XVIII в. въ Германіи отцы управляли семействомъ, говоритъ Люисъ, посредствомъ палки и плети. «Даже братья имѣли почти родительскую власть надъ сестрами. Женщина находилась не только подъ игомъ родителей, мужей и братьевъ, но и общество сильно ограничивало ее своими предразсудками. Ни одна, напр., горожанка высшаго класса не могла выходить изъ дому одна: служанка слѣдовала за нею и въ церковь, и въ лавку, и на прогулку». Женское образованіе у нѣмцевъ вплоть до XIX в. было самое жалкое. Въ высшемъ кругу общества оно не шло далѣе французской болтовни, пѣнія и музыки. Въ буржуазіи чтеніе романовъ женщиною считалось грѣхомъ и преступленіемъ. Дѣвушекъ съ малолѣтства, иногда съ пяти лѣтъ, заставляли долбить протестантскій катехизисъ и библію, читать проповѣди и разныя благоговѣйныя размышленія. Въ нихъ такимъ образомъ убивали все живое. Въ дѣвичьихъ нѣмецкихъ школахъ XVI в. учили читать и писать, пѣть псалмы, зубрить наизусть катехизисъ и нѣкоторыя мѣста изъ библіи. Учительницами выбирались старыя дѣвы, набожныя, знавшія библію, отличавшіяся

*) Въ средніе вѣка въ этихъ мѣстностяхъ, «на уединенныхъ фермахъ, удаленныхъ отъ всякаго сосѣдства и всякой женщины, братья жили со своими сестрами, которыя были ихъ служанками и всѣмъ, чѣмъ угодно». (Michelet).

добродѣтелями. Послѣ школы дѣвушка поступала подъ руководство матери, которая пріучала ее къ хозяйству, внушала ей страхъ Божій и своимъ примѣромъ наставляла ее пассивной покорности домовладыкѣ и рутинной приверженности къ патріархальнымъ обычаямъ. Въ Англіи, по словамъ Макол ея, литературные запасы женъ и дочерей помѣщиковъ обыкновенно состояли изъ молитвенниковъ и рецептурныхъ книгъ. Если дѣвица имѣла малѣйшія литературныя свѣдѣнія, на нее смотрѣли, какъ на чудо. Благорожденныя, благовоспитанныя и весьма понятливыя дамы не могли написать одной строчки на своемъ родномъ языкѣ безъ такихъ солецизмовъ и орографическихъ ошибокъ, какихъ теперь постыдилась бы даже ученица школы для бѣдныхъ. Уровень женскаго образованія былъ низокъ, и опаснѣе было стоять выше, чѣмъ ниже этого уровня. Крайнее невѣжество и легкомысліе считалось въ дамѣ менѣе неприличными, нежели легчайшій оттѣнокъ педантства и учености. Только во Франціи, да частью въ Италіи въ это время, какъ увидимъ ниже, образованіе женщинъ стояло довольно высоко, и онѣ гораздо менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, были подавлены семействомъ и устранены отъ общественной дѣятельности. Но и здѣсь, какъ и въ Германіи, религіозное движеніе эпохи много противодѣйствовало умственному развитію женщины, погружая ее въ хаосъ крайняго мистицизма. Другъ Декарта, Елизавета Палатинская, принадлежавшая къ самымъ передовымъ людямъ своего времени, кончила тѣмъ, что сдѣлалась настоятельницею монастыря, не заразившись, впрочемъ, ни мистицизмомъ, ни фанатизмомъ. Современница ея, знаменитая писательница и ученая Анна Шурманъ, кончила гораздо хуже, всецѣло предавшись мистицизму. Та же участь постигла и Жаккелину Паскаль, сестру извѣстнаго писателя, которая не уступала послѣднему своими талантами; но эти таланты она убила въ себѣ, предавшись аскетическому мистицизму и заживо похоронивъ себя въ монастырской кельѣ.

Въ юридическомъ отношеніи въ этотъ періодъ интересы женщинъ пострадали значительно. Ихъ феодальныя права были ограничены Людовикомъ XIV; въ Англіи женщины-собственницы лишились избирательнаго права; въ крестьянствѣ, буржазіи и аристократіи начала развиваться общность имущества супруговъ, которая почти равнозначительна полному отрицанію правъ собственности жены.

Протестантскія законодательства признали согласіе родителей необходимымъ условіемъ для заключенія брака ихъ дѣтей. Не только въ лютеранскихъ земляхъ, но и въ католическихъ, даже во Франціи въ XVI вѣкѣ юристы и попы употребляли всѣ усилія, чтобы сдѣлать браки невозможными безъ согласія на нихъ родителей. Въ общинахъ гернгутеровъ и многихъ другихъ сектантовъ для заключенія брака недостаточно было даже родительскаго дозволенія, а требовалось еще согласіе общины или ея предстоятеля. Личныя наклонности и чувства брачущихся были окончательно принесены въ жертву отцовскому произволу и фамильнымъ расчетамъ. Въ царственныхъ семействахъ, въ домахъ феодаловъ, буржуа, крестьянъ—бракъ былъ въ большинствѣ случаевъ средствомъ для заключенія выгоднаго союза, для избѣжанія какого-нибудь семейнаго несчастія, для поправленія финансовыхъ обстоятельствъ, для полученія хорошей должности, для пріобрѣтенія въ лицѣ жены работницы и хозяйки. Съ малолѣтства дѣвушкѣ, нерѣдко съ того времени, какъ она еще лежала въ колыбели, ей старались найти выгодный сбытъ и, обручивъ съ женихомъ, откладывали свадьбу до совершеннолѣтія. Часто вѣнчали даже ребенка съ ребенкомъ, и еще чаще отдавали ребенка замужъ за стараго, истаскавшагося старика. Повѣнчавъ неспособныхъ еще къ супружескому сожительству дѣтей, родители преждевременно будили ихъ половые инстинкты, развращали ихъ и поселяли между ними взаимное отвращеніе. Людовика XIII мать женила четырнадцати лѣтъ. Онъ былъ совершенно равнодушенъ къ этому браку и вечеромъ послѣ роскошной свадьбы завалился спать. Въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ мать и жена Людовика, придворные, иностранные посланники безуспѣшно старались пробудить въ немъ половой инстинктъ. Прошло четыре года. 25 января 1617 года Людовикъ, проведшій часть вечера у королевы, пошелъ спать на свою половину. Но въ 11 часовъ его разбудилъ Люинь: «пойдемте, государь, пора уже; васъ ожидаетъ королева». Людовикъ упирается. Люинь схватываетъ его въ охабку и уноситъ въ спальню королевы. Тогда только его величество познало ея величество. Въ высшихъ слояхъ общества бракъ превратился такимъ образомъ въ чисто торговую сдѣлку, и невѣстой распоряжались, какъ хотѣли. Съ развитіемъ королевскаго абсолютизма и съ превращеніемъ феодаловъ въ придворныхъ и чиновниковъ, короли начали также вмѣшиваться въ брачныя дѣла своихъ подданныхъ, устроя союзы по своимъ капризамъ или расчетамъ. Во Франціи королевская власть въ этомъ отношеніи давила равнымъ образомъ и отца, и сына, и дочь. Изъ фамиліи Монморанси, напр., никто никогда не женился по своей волѣ. Короли здѣсь приказывали жениться, приказывали и выходить замужъ; иногда они силою захватывали невѣсту и силою выдавали ее за того, за кого не хотѣла ни она сама, ни ея семья; браки, состоявшіеся вопреки видамъ и желаніямъ короля, расторгались имъ, и т. д. Расчетъ до того овладѣлъ брачными союзами, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣвушки имѣли возможность свободно выбирать себѣ мужа, онѣ руководились вовсе не любовью и вкусомъ, а только практическими соображеніями. Падающій феодализмъ, оставляя свою гордость и не дорожа своими сгнившими пергаментами, искалъ союзовъ съ богатой буржуазіей, а послѣдняя цѣною золота покупала себѣ родство со знатными родами. Особенно во Франціи XVII и XVIII в. любовь къ деньгамъ и страсть легкой наживы окончательно опошлили собою институцію семейства. Дѣвушки и сами торговали собой, и еще чаще эту торговлю вели отцы и

получали деньги за своихъ дочерей во время ихъ малолѣтства. Графъ Бульонъ, напр., проигравшись въ пухъ, женился на двѣнадцатилѣтней дѣвицѣ Крюа. Получивъ въ приданое два милліона, онъ промоталъ ихъ въ то время, какъ его малолѣтняя жена училась читать и пѣть въ монастырѣ. куда ее отдали тотчасъ послѣ вѣнчанья. Маркизъ д'Юзъ заключилъ договоръ съ Андре ле-Миссеньянъ, который обязался выдать за него свою двухлѣтнюю дочь и, уплачивая ему ежегодно по 20,000 ливровъ даже въ случаѣ, если бы бракъ не состоялся, дать въ приданое 2,000.000 ливровъ. Такая торговля женскимъ тѣломъ, такая проституція въ формѣ брака продолжаетъ существовать даже до сегодня какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ слояхъ европейскаго общества. Бракъ даетъ и карьеру, и деньги. То же самое и у крестьянъ. Одинъ изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ народнаго быта, Риль, говоритъ, что «въ странахъ, въ которыхъ еще сохраняются старинные крестьянскіе обычаи, браки, заключаемые по расчету, также часты между крестьянами, какъ и между аристократами. Сначала думаютъ о соединеніи имуществъ, а о союзѣ сердецъ уже потомъ». Духовенство не только не противодѣйствовало такимъ порядкамъ, но даже поддерживало ихъ своимъ ученіемъ, а протестантское и своею жизнію. Въ Англіи, напр., говоритъ Маколей, послѣ реформаціи духовное званіе утратило привлекательность для высшихъ классовъ. Въ помѣстьѣ церковнослужитель стоялъ на ряду съ дворней. Съ духовною паствою онъ нерѣдко получалъ и жену, которая обыкновенно была въ услуженіи у патрона, если только не состояла въ болѣе интимныхъ отношеніяхъ съ нимъ. Горничная вообще считалась самою подходящею сожительницею для приходскаго священника.

Положеніе женщины въ подобныхъ бракахъ, особенно въ патріархальныхъ семействахъ, всегда было невыносимымъ. Въ Англіи законы, существующіе до сихъ поръ, не только не признавали за женою никакихъ рѣшительно правъ, не только подвергали ее вѣчной и всесторонней опекѣ мужа, но даже дозволяли ему отвезть жену на веревкѣ на базаръ и продать тамъ. Европейскія газеты даже конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія часто сообщаютъ извѣстія о ходѣ этой женоторговли. Такъ, напр., въ 1837 г. въ Бирмингамѣ одинъ англичанинъ вывелъ на веревкѣ свою жену на базаръ и тотчасъ же продалъ ее за *55 су*. Въ Лондонѣ 20 марта 1838 г. одна жена была продана мужемъ за *3 шиллинга*. Нерѣдко женъ продавали съ аукціона. И англичане долго удерживали за собою это гнусное право даже на свободной почвѣ Америки. Такъ, въ 1837 г. одинъ нетойскій фермеръ продалъ свою жену, заключивъ съ покупателемъ формальный контрактъ, по которому онъ получалъ 4000 франковъ за жену и 1100 франковъ ежегодно за дѣтей. Въ нѣкоторыхъ штатахъ велась даже организованная торговля женщинами, какъ замужними, такъ и незамужними. Въ одной нью-іоркской газетѣ 1837 г. напечатано: «нѣсколько дней назадъ, фургонъ, нагруженный молодыми дѣвушками, прошелъ въ Чикаго, на западъ, гдѣ на этотъ *товаръ* весьма большой запросъ...» Въ томъ же году корреспондентъ New-York-Evening-Post писалъ изъ Иллинойса: «*здѣсь большой запросъ на дамъ; сбыть ихъ отрѣнь*, по причинѣ чрезвычайнаго наплыва сюда богатыхъ холостяковъ». Можно судить по этому, каково было положеніе женщины въ семействахъ старинной Европы, въ семействахъ, или строго державшихся патріархальныхъ обычаевъ, или управлявшихся деспотическими домовладыками. Возрожденіе патріархальности естественно отняло у женщины то уваженіе, которымъ она, до извѣстной степени, пользовалась въ средніе вѣка. «Съ XIII столѣтія» — говоритъ Клеммъ—«начинается сильная насмѣшка надъ женскимъ поломъ, которая, не щадя священной личности жены, издѣвалась въ особенности надъ дѣвушкою». Нѣмцы соперничали въ этомъ дѣлѣ съ французами. Ларембергъ, Логау и другіе поэты сочиняли множество сатиръ на женщинъ; также много издавалось и прозаическихъ сочиненій, изъ которыхъ одно было до такой степени неприлично, что сожжено въ Лейпцигѣ въ 1670 г. рукою палача... Въ Англіи Попъ, Свифтъ, Юнгъ, Шекспиръ и дѣлая толпа второстепенныхъ писателей сдѣлали также изъ женщинъ мишень для своихъ насмѣшекъ и ругательствъ. Свифтъ доказываетъ даже, что женскій полъ занимаетъ среднее мѣсто между человѣкомъ и обезьяною. Въ это же время женщины, любившія книги и занимавшіяся серьезными вопросами, были впервые заклеймены прозвищемъ *синихъ чулковъ*. Преступленіе Евы снова вмѣнялось женщинѣ, а ея происхожденіе изъ ребра адамова снова клалось въ основаніе теоріи, указывавшей низкость ея природы и ея служебное предназначеніе. Народныя воззрѣнія на бабу проникали и въ образованное общество. Въ то же время публицисты отстаивали права мужа бить и наказывать жену. Такъ, Фредеръ издалъ въ Данцигѣ латинскую книгу объ этомъ, переведенную потомъ на нѣмецкій два раза, въ 1652 и 1736 гг. Въ Парижѣ въ концѣ XVI в. издано было сочиненіе «о мужниной власти, т.-е. о томъ, имѣетъ ли мужъ право бить и наказывать свою жену?» Въ нѣмецкой книгѣ «о злыхъ женщинахъ» проповѣдуется, что «ослъ, женщина и орѣхъ нуждаются въ ударахъ». Англійскіе законы дозволяли мужу наказывать жену «плетьми и палками». При такихъ воззрѣніяхъ на женщину положеніе ея въ семействѣ не могло быть сноснымъ. Стѣсненная множествомъ приличій и общественнымъ мнѣніемъ, принужденная заниматься исключительно мужемъ и семействомъ, женщина была подвержена и ревности, и самодурству своего владыки, защитить отъ котораго ее никто не могъ,—рыцарство исчезло, а власть и законъ были противъ нея. Даже въ царственныхъ семействахъ «мужья обходились съ женами съ такою грубостью, которая могла бы ужаснуть и турка», говоритъ Шерръ. «Исторія государей»—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—«есть исторія страданій государынь», а исторія мужчинъ того времени — мартирологія женщинъ. Герцогъ фонъ-Лигницъ въ присутствіи пажа принуждаетъ

свою жену къ исполненію супружеской обязанности. Карлъ II испанскій приписывалъ свою импотентность и безплодіе жены колдовству; монахи поддерживали въ немъ эту мысль и рѣшили избавить супруговъ отъ чаръ. Король и королева были раздѣты донага, монахъ въ полномъ облаченіи прочиталъ надъ ними заклинаніе, и Карлъ въ его же присутствіи силою хотѣлъ заставить жену испытать дѣйствительность монашескаго искусства; но королева отбилась отъ своего безстыднаго мужа. Обычай свидѣтельствованія невѣсты и ея рубашки послѣ первой ночи брака показываетъ, что случаи, подобные двумъ сейчасъ упомянутымъ, естественно вытекали изъ тогдашнихъ воззрѣній на женщину. Не говоря уже о простыхъ смертныхъ, даже королевы часто не пользовались никакимъ уваженіемъ. Когда, напр., жена испанскаго Филиппа II, Елисавета, пріѣхала на свиданіе съ матерью въ Байону, то ее продержали трое сутки въ полѣ передъ городскими воротами, ожидая мнѣнія короля о томъ, должна ли она ѣхать черезъ городъ или мимо его. Женщину по возможности старались удалить отъ общества, и это стремленіе рѣзче всего выразилось въ Испаніи. Знатныя испанки XVI, XVII, XVIII в. жили совершенно изолированно; только въ теченіе перваго года брачной жизни онѣ могли выѣзжать съ мужемъ въ открытой колясѣ, а послѣ принуждены были ѣздить не иначе, какъ въ глухой каретѣ. Въ Германіи вплоть до XIX в. въ почтенныхъ семействахъ считалось неприличнымъ и опаснымъ выпускать изъ дому женщину одну, безъ конвоя родственниковъ или, по крайней мѣрѣ, прислуги. Въ высшихъ классахъ общества мужья, дозволяя себѣ всѣ излишества разврата, карали женъ не только за дѣйствительную связь ихъ съ чужими мужчинами, но часто по одному только неосновательному подозрѣнію въ ней. Женъ заключали навѣки въ монастыри, въ какой-нибудь замокъ, тюрьму, убивали ихъ, разводились съ ними и покрывали вѣчнымъ позоромъ ихъ репутацію. Семейная жизнь женщины была однимъ непрерывнымъ мученіемъ, какъ, напр., жизнь сестры Георга III, Каролины-Матильды, выданной въ 1766 г. за датскаго короля Христіана VII, циника и тупоумнаго развратника. Съ перваго же дня брака Каролина начала страдать отъ безнравственности всѣхъ окружавшихъ ее, особенно своего мужа и его мачехи, Юліаны, желавшей посадить на престолъ своего сына Фридриха. Намѣреваясь окончательно разсорить Каролину съ ея мужемъ, Юліана постоянно передавала ей о всѣхъ грязныхъ похожденіяхъ его. Когда же Христіана взялъ въ руки знаменитый докторъ Струэнзе, столь много сдѣлавшій и еще болѣе хотѣвшій сдѣлать хорошаго для несчастной Даніи, когда этотъ умный министръ сблизился съ Каролиной, нашедши въ ней и полное сочувствіе, и дѣятельную помощь своимъ предпріятіямъ, тогда Юліана употребила всѣ средства, чтобы оклеветать Каролину и погубить ее вмѣстѣ съ Струэнзе. Христіанъ въ то время отъ пьянства и разврата окончательно потерялъ и разсудокъ, и память. Однажды, напр., при помощи своихъ любимцевъ, онъ вдругъ началъ выбрасывать съ балкона дрова, щипцы, мебель, государственныя бумаги и наконецъ захотѣлъ выбросить своего любимца Гурмана и одного маленькаго негра, но ему помѣшали. Въ другой разъ онъ выбилъ всѣ стекла въ своихъ и королевскихъ покояхъ, разломалъ зеркала, стулья, столы, дорогія китайскія вазы, а обломки побросалъ на дворъ. У него не трудно было выхлопотать позволеніе объ арестѣ королевы и Струэнзе. При помощи пытки и угрозъ послѣдняго заставили дать ложное показаніе объ его преступной связи съ королевой. Его казнили. Королева не хотѣла покориться указу объ арестѣ, но ее взяли силою и осыпали при этомъ самыми грубыми оскорбленіями. Ее увѣряли, что она спасетъ жизнь Струэнзе, если только подтвердитъ его ложное показаніе, и благородная женщина взяла на себя небывалую вину. Только представительство посланника и двора Англіи спасло ея жизнь. Подобныхъ примѣровъ множество въ исторіи Европы XVII—XVIII в. Вспомните, напр., несчастныхъ женъ Генриха VIII, Марію Стюартъ или судьбу принцессъ изъ несчастной фамиліи Тюдоровъ. Леди Дженъ-Грей выходитъ замужъ противъ своей воли, побуждаемая настояніемъ матери, насиліями и побоями отца. Сестра ея, Катерина, за то, что вышла замужъ безъ позволенія королевы Елисаветы, была разлучена съ мужемъ и умерла въ неволѣ съ разбитымъ сердцемъ. Третья сестра, Марія, виновная въ томъ же поступкѣ, какъ и Катерина, окончила свою жизнь, полную лишеній, страданій и притѣсненій, на тридцать третьемъ году жизни. Маргарита Клиффордъ, вогнанная въ болѣзнь своимъ негоднымъ мужемъ, начала лѣчиться у какого-то знахаря, но ее обвинили по этому поводу въ вѣдовскомъ умыслѣ противъ королевы, посадили въ тюрьму и преслѣдовали до смерти. Арабелла Стюартъ, виновная въ самовольномъ выходѣ замужъ, была заключена въ Тоуэрѣ, гдѣ и умерла, предварительно сошедши съ ума. Столько женскихъ жертвъ въ одной фамиліи! А сколько было ихъ во всей Европѣ! Милліоны женщинъ выдавались и выдаются замужъ насильно, насильно держатся въ бракѣ, подвергаясь ревности, брани, побоямъ, униженію передъ глазами собственныхъ своихъ дѣтей, невыносимой скукѣ и тяжкому, скрытому отвращенію къ мужу, страданіямъ любви, за обнаруженіе которой ихъ покараютъ и законъ, и общественное мнѣніе; сколько слезъ, сколько преждевременныхъ и нерѣдко насильственныхъ смертей, сколько отчаянія и, что всего хуже, сколько рабскаго, безсмысленнаго отупѣнія вынесла европейская женщина на своихъ многострадальныхъ плечахъ. Мало того, что она подвергалась въ семействѣ стѣсненіямъ, лишеніямъ и страданіямъ, отъ которыхъ мужчина оставался свободнымъ, но и общество угнетало ее неравненно больше, чѣмъ послѣдняго. Законы, обычаи, общественное мнѣніе требовали отъ нея гораздо большихъ добродѣтелей, чѣмъ отъ мужчины и неравненно строже карали ее за нарушеніе правилъ, составленныхъ ея эгоистическими и жестокими повелителями. До конца XVIII в. и протестанты, и католики преслѣдовали и сожигали женщинъ, какъ вѣдьмъ, и число мужчинъ, погибшихъ по тому же

обвиненію, въ тысячи разъ меньше числа женскихъ жертвъ. Епископъ вюрцбургскій, напр., въ два года (1627—1629) сжегъ 900 вѣдьмъ; архіепископъ зальцбургскій въ 1678 г. сжегъ въ одинъ день 97 вѣдьмъ; въ графствѣ Нейссе съ 1640 по 1651 г. сожжено ихъ около 1000, и т. д. Ни одна женщина, ни одна дѣвочка не были безопасны отъ преслѣдованія за вѣдовство. Самое пустое обвиненіе вело къ невыполнимымъ пыткамъ и на костеръ. Въ 1749 г., напр., въ Вюрцбургѣ сожгли семидесятилѣтнюю монахиню Марію Ренату, обвиненную въ колдовствѣ. Марія девятнадцати лѣтъ была силой отдана въ монастырь, вела здѣсь примѣрную жизнь, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и была сдѣлана помощницей игуменьи. Но какая-то монахиня, вѣроятно по злобѣ на Марію, сказала передъ смертью, что она вѣдьма. Пытка вынудила у Маріи сознаніе, что она еще на седьмомъ году отъ роду отдалась дьяволу, сдѣлалась вѣдьмою и вгоняла чертей въ утробы монахинь. У смертнаго костра этой мученицы патеръ говорилъ слово и называлъ атеистами всѣхъ, не вѣрующихъ въ вѣдьмъ. Преслѣдуя женщину за вѣдовство, ее угнетали, мучили и казнили за религіозныя мнѣнія, несогласныя съ вѣрою церкви или правительства. Въ религіозныхъ движеніяхъ XVI и XVII в. женщины принимали самое дѣятельное участіе, и непреклонная честность ихъ убѣжденія нерѣдко вела ихъ подъ мученическій вѣнецъ, который онѣ принимали съ мужествомъ истинныхъ героевъ. Въ Шотландіи, напр., угнетенной религіозными преслѣдованіями Іакова II, между прочими потерпѣли смерть пожилая вдова Марія Маклачланъ и молоденькая дѣвушка Маргарита Вильсонъ. Онѣ отказались отречься отъ своихъ вѣрованій и были приговорены къ утопленію. «Ихъ повели на то мѣсто,—разсказываетъ Маколей,—которое Солвей заливаетъ ежедневно два раза, и привязали къ столбамъ, врытымъ въ пескѣ, между знаками высокой и низкой воды. Старшая страдалица была помѣщена ближе къ прибывающей водѣ, въ надеждѣ, что ея послѣднія мученія ужаснутъ младшую и заставятъ ее покориться. Но послѣдняя сохранила мужество до самой смерти. Она видѣла море подходящимъ все ближе и ближе, но не обнаруживала никакого признака тревоги. Она молилась и пѣла псаломные стихи, пока волны не прерывали ея голоса. Когда она вкусила горечь смерти, ее изъ жестокой пощады отвязали, возвратили къ жизни и предлагали отречься. «Никогда! я христіанка, топите меня», воскликнула она, и воды слились надъ нею въ послѣдній разъ. Не мало женщинъ судилось и преслѣдовалось за то, что онѣ, по чувству нѣжнаго состраданія, спасали и укрывали гонимыхъ правительствомъ лицъ, особенно политическихъ преступниковъ. Даже въ Англіи, гдѣ большинство правительствъ не поступало сурово съ укрывателями побѣжденныхъ инсургентовъ и гдѣ женщинамъ—выражаясь словами Маколея — было предоставлено, какъ бы по какому-то молчаливому преданію, право выражать посреди разоренія и мести состраданіе къ побѣжденнымъ,—даже въ Англіи, при Іаковѣ II, съ такими женщинами нерѣдко поступали самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Въ 1685 г., напр., послѣ казни Монмута, Алиса Лайль за укрывательство двухъ мятежниковъ была приговорена къ сожженію; это возмутило даже негодяевъ. Друзья Алисы, многіе сильные аристократы и приверженцы Іакова, ходатайствовали у него о помилованіи; онъ помиловалъ ее обезглавіемъ, и Алиса съ кроткимъ мужествомъ легла подъ топоръ палача на эшафотѣ, воздвигнутомъ посреди торговой винчестерской площади. Въ то же время въ Тибурнѣ, Елисавета Гонтъ за укрывательство бѣжавшаго мятежника Баторна была сожжена. До самой смерти она сохраняла мужество, напоминавшее самыя героическія кончины, и когда на кострѣ она начала укладывать солому такимъ образомъ, чтобы сократить свои мученія, вся площадь зарыдала. Если женщины шли такъ безстрашно на встрѣчу смерти за совершенно посторонніхъ имъ людей, спасаемыхъ ими только по чувству человѣколюбія, котораго такъ мало оказывалось у мужчинъ, то любовь и привязанность къ своимъ братьямъ, родителямъ, дѣтямъ, любовникамъ побуждала ихъ еще на большіе подвиги и вела за собою еще большее количество женскихъ жертвъ. Въ исторіи Европы, напр., сплошь и рядомъ разсказывается, какъ женщины жертвовали и своею жизнію, и своею честью за спасеніе любимыхъ ими людей, и какъ мужчины съ истинно дьявольскою подлостью пользовались этими жертвами для удовлетворенія своихъ скотскихъ наклонностей. Ринсо, любимецъ Карла Смѣлаго Бургундскаго, Оливеръ-ле-Денъ, фаворитъ Людовика XI, Каркъ, военный авантюристъ и слуга Іакова II, Жозефъ Лебонъ, полицейскій агентъ, дѣйствовавшій во время реакціи послѣ якобинскаго террора, и многіе другіе обвиняются въ томъ, что побѣждали добродѣтели красавицъ обѣщаніемъ пощадить жизнь любимыхъ ими людей, но, удовлетворивъ свою страсть, они показывали этимъ женщинамъ висящіе на висѣлицѣ безжизненные остатки тѣхъ, за кого онѣ жертвовали своею честью. Случалось, съ такимъ же звѣрствомъ издѣвались надъ чувствами любящей женщины изъ одного только желанія вымучить у нея побольше денегъ, а потомъ все-таки казнили человѣка, котораго она хотѣла выкупить. Во время старинныхъ войнъ женщины также страдали больше мужчинъ, не говоря о томъ, что потеря родственниковъ и семействъ потрясала гораздо сильнѣе чувствительные организмы женщинъ, чѣмъ мужчинъ,—насилованіе женщинъ и безчеловѣчныя издѣвательства надъ ними были общимъ обычаемъ у европейской солдатчины. Во Франціи, напр., въ 1685 г. преслѣдователи протестантовъ мучили послѣднихъ съ такимъ звѣрствомъ, котораго никогда не проявлялось даже въ полчищахъ Тимура или Чингиса. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они привязывали отцовъ и мужей къ кровати и передъ глазами ихъ позорили женъ и дочерей. Нерѣдко посредствомъ мѣховъ они надували женщинъ до того, что тѣ чуть не лопались. Клали имъ во влагалище порохъ и зажигали его: раздѣвали ихъ донага и заставляли плясать съ собой среди улицы, или же нагихъ и связанныхъ растягивали ихъ на мостовой, и каждый прохожій

могъ дѣлать съ ними, что ему угодно; кромѣ всего этого, женщины подвергались еще всѣмъ тѣмъ мученіямъ, которыя падали на мужчинъ; ихъ обкалывали булавками съ головы до ногъ, рѣзали перочинными ножами, водили за носъ раскаленными щипцами, вырывали ногти рукъ и ногъ, что производило невыносимую боль; лили имъ въ ротъ кипятокъ, обжигали всю кожу ихъ тѣла, прикладывали къ подошвамъ раскаленныя лопаты, кипятили въ салѣ ихъ ноги, набивали уши порохомъ и воспламеняли его, поливали раны уксусомъ и посыпали солью. И народамъ, въ средѣ которыхъ могли совершаться такія злодѣянія, германофилы приписываютъ какое-то врожденное уваженіе къ женщинамъ! Бывали, правда, эпохи, когда женщина умѣла заставлять мужчину въ извѣстныхъ случаяхъ пресмыкаться у своихъ ногъ и повелѣвала имъ, но и тутъ мужчина, собственно говоря, не уважалъ свою подругу и владычицу, а только цѣнилъ ее, ухаживалъ за нею, какъ за источникомъ высочайшихъ наслажденій, и благоговѣлъ передъ ея красотою. Уважать можно только человѣка, а не *даму*, не женщину, если ее ставятъ ниже мужчины, и уваженіе къ женщинѣ можетъ развиться лишь тогда, когда она сдѣлается свободною и равною мужчинѣ.

XVII.

Реставрація семейства и порабощеніе женщины, совершенныя въ эпоху реформаціи, даже въ самомъ разгарѣ патріархальныхъ стремленій не могли водвориться въ жизни совершенно спокойно. Весь соціальный строй Европы, вопреки даже волѣ и сознанію его основателей и партизановъ, дѣйствовалъ разрушительно на патріархальные порядки, а женщина, съ своей стороны, продолжала ту же борьбу за свою свободу, которую вела она и въ лѣсахъ полудикой Германіи, и въ средневѣковыхъ феодальныхъ замкахъ. Мы укажемъ здѣсь главныя причины разложенія семейства съ XVI в. и до нашего времени.

Развитіе королевскаго абсолютизма стремилось къ возможной нивеллировкѣ общества, значительно ограничивало отеческую власть, отнимало у семейства его членовъ для государственной службы, для арміи, для двора и для многихъ другихъ цѣлей. Военные вербовщики, напр., постоянно заманивали въ свои сѣти тысячи сыновей; поступивъ въ армію путемъ вербовки или рекрутства, молодые люди вовсе отвыкали отъ семейства и начинали вести образъ жизни, мало согласный съ патріархальными обычаями. Черезъ солдатъ, по справедливому замѣчанію Риля, городскіе нравы и антипатріархальныя понятія всегда сильно распространялись и распространяются между сельскимъ населеніемъ. Войска—это главные факторы женскаго развращенія, а семейства военныхъ людей, особенно солдатъ, рѣдко имѣютъ такой патріархальный характеръ, какъ семейства крестьянъ или бюргеровъ. Стягиваніе людей ко дворамъ имѣло результатомъ ослабленіе семейныхъ чувствованій въ высшихъ классахъ и распространеніе между ними антисемейнаго духа. Въ нѣкоторыхъ странахъ даже религіозное изувѣрство доводило королевскій абсолютизмъ до полнаго отрицанія семейной власти. Во Франціи, послѣ отмѣны нантскаго эдикта, еретикамъ было запрещено воспитывать своихъ дѣтей въ какой-нибудь другой религіи, кромѣ католической, а въ январѣ 1686 г. изданъ декретъ, въ силу котораго полиція начала отнимать у протестантовъ дѣтей и помѣщать ихъ въ католическія семейства. Борьба государства противъ отеческой власти не всегда однако носила такой характеръ, а часто велась и въ интересахъ дѣтей, и результатомъ ея было превращеніе этой *власти въ опекунство*. Борьба королевскаго абсолютизма съ феодалами также сильно подорвала патріархальность высшихъ классовъ общества, а распространеніе публичнаго, да еще обязательнаго образованія воспитывало цѣлыя поколѣнія въ новыхъ соціальныхъ понятіяхъ, вовсе не родственныхъ патріархальному быту. Новое общество слагалось не изъ семейныхъ единицъ, какъ патріархальное, а изъ личностей, и соціальные мыслители новой Европы, держась выработанныхъ ими идей о свободѣ и правахъ индивидуума, начали объяснять происхожденіе общественнаго быта путемъ договора. Теорія договора съ государства переносилась на бракъ и семейство и тѣмъ участвовала въ разложеніи послѣдняго. Развитіе умственной и политической жизни еще болѣе подтачивало семейныя чувствованія и обычаи, расширяя духовный кругозоръ людей, увлекая ихъ за тѣсныя границы семейной жизни, водворяя въ мирныхъ дотолѣ жилищахъ разномысліе и раздоры. Христосъ говорилъ о себѣ, что онъ пришелъ на землю *разлучить* дѣтей съ родителями, мужей съ женами», и всѣ умственные и политическіе перевороты, которыми такъ обильна новая исторія, непремѣнно сопровождались семейными несогласіями и разрушеніемъ множества семей. Реформація и порожденныя ею безчисленныя секты, революціи, борьба абсолютизма съ феодалами, войны, умственныя движенія XVIII в., развитіе и взаимная борьба научныхъ доктринъ и философскихъ теорій,—все это вмѣстѣ съ постояннымъ присутствіемъ семейству элементами раздора, между входящими въ составъ его лицами, вооружало братьевъ на братьевъ, дѣтей на родителей, мужей на женъ. Во время религіозныхъ войнъ XVI в., напр., отцы сражались противъ своихъ дѣтей, братья противъ братьевъ. Случалось даже при такихъ смутахъ, что жены бывали противницами своихъ мужей. Такъ, напр., въ англійской исторіи извѣстна «полковница Анна», командованная отрядомъ въ кромвелевской арміи, между тѣмъ какъ ея мужъ, Мак'Интошъ, былъ капитаномъ въ войскѣ непріятеля. Въ битвѣ при Фелькорѣ Анна взяла его въ плѣнъ и, приподнявъ свою шляпу, сдѣлала ему официальное привѣтствіе: «къ вашимъ услугамъ, капитанъ»; Мак'Интошъ поклонился женѣ и отвѣчалъ: «къ вашимъ услугамъ, полковница».—Въ Римѣ покореніе большей части міра, требовавшее много войскъ для завоеваній и колонизаціи и много чиновниковъ для управленія покоренными странами, отторгало отъ семействъ сотни тысячъ дѣтей, de facto эмансипировало ихъ отъ родительской власти, воспитывало въ нихъ ха-

рактеръ и понятія, мало согласныя съ патріархальною и семейною жизнію, и тѣмъ быстро изгоняло изъ головъ патріархальное міросозерцаніе, ослабляло семейныя чувствованія, разрушало архаическое семейство. Тотъ же самый процессъ, но гораздо въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, совершается въ новой исторіи. Служба, школы, занятія на фабрикахъ, отдаленныя и частыя путешествія по дѣламъ, удобство и дешевизна путей сообщенія, чрезвычайное развитіе разнообразныхъ сторонъ общественной жизни, клубовъ, трактировъ, водъ, театровъ и другихъ чисто публичныхъ удовольствій и занятій,—все это такъ мало оставляетъ времени для семейной жизни и такъ сильно подрываетъ семейныя чувствованія, какъ не бывало въ Римѣ, который, однакожъ, при относительной слабости своихъ антисемейныхъ факторовъ, все-таки покончилъ окончательнымъ разрушеніемъ патріархальной семьи и основаннаго на ней общества. Современная цивилизація, конечно, не погибнетъ такимъ же образомъ. Крайнее развитіе индивидуализма со времени французской революціи, соціальная анархія, чисто животная борьба лично стей за кусокъ хлѣба и за право жизни приходятъ уже къ самоотрицанію; паденіе патріархальныхъ понятій и чувствованій расширило умственный кругозоръ новыхъ людей, нетерпѣливо ожидающихъ восхода солнца братства и общественной солидарности, подъ лучами котораго семейныя чувствованія должны возродиться къ новой облагороженной жизни.

Одну изъ главныхъ ролей въ упомянутомъ процессѣ разложенія семейства играла женщина. Подневольный бракъ и архаическое семейство нигдѣ и никогда по долгу не сохранялись въ своей первоначальной чистотѣ. Половая страсть, какъ и всѣ другія страсти, не можетъ быть скована ни юридическими постановленіями, ни религіей, ни обычаями. Гдѣ чувство находится въ неволѣ, гдѣ въ однихъ случаяхъ заставляютъ людей чувствовать то, что не чувствуется, а въ другомъ притѣсняютъ и гонятъ ихъ за обнаруженіе чувства, тамъ невозможны ни миръ, ни добродѣтели. Чувство выходитъ наружу путемъ порока и преступленія. Рабство никогда не будетъ вѣчнымъ, пока рабами будутъ люди, т. е. существа съ умомъ, съ чувствомъ, съ жаждою свободы и возможно большаго счастія въ своей жизни. То же самое нужно сказать и о порабощеніи женщины.

Дворы и высшіе классы общества не долго могли подчиняться патріархальному ригоризму, совершенно несоотвѣтному ни съ ихъ обстановкою, ни съ ихъ характеромъ. Любовь и наслажденія остались по прежнему главною цѣлью ихъ жизни. Любовь потеряла уже послѣдніе остатки средневѣковаго романтизма, она превратилась въ чисто животное опьяненіе, хотя въ XVII и XVIII в. и было еще въ модѣ романическое ухаживанье за женщинами. «Но—говоритъ Таккерей—это не страсть, не любовь,—это волокитство, смѣсь серьезности и притворства, напыщенныхъ комплиментовъ, низкихъ поклоновъ, обѣтовъ, вздоховъ, нѣжныхъ взглядовъ. Тогда были въ ходу церемоніи и этикетъ, установленная форма колѣнопреклоненій и ухаживанья». Бракъ не удовлетворялъ ни мужчинъ, ни женщинъ,—въ него вступали изъ расчетовъ и тотчасъ же заводили любовныя связи. Патріархальный ригоризмъ даже въ періодъ полной своей силы нисколько не измѣнялъ характера высшихъ классовъ, онъ только заставлялъ ихъ лицемѣрить, и Европа въ этомъ случаѣ походила на того придворнаго Антуана Арно, о которомъ разсказываютъ французскія скандальныя хроники. Арно, святоша и развратникъ, каждую ночь толкалъ обыкновенно свою усыпшую жену. «Катенька! Катенька!» Жена пробуждалась. Арно, прежде чѣмъ идти дальше, творилъ молитву ради освященія плотскаго дѣла... И такъ онъ будилъ жену разъ по пяти или по шести въ ночь». Періоды такого лицемѣрія никогда не бывали продолжительны, и послѣ нихъ развратъ обыкновенно усиливался. Въ XVII в. развращенность высшихъ классовъ доходила до того, что люди доказывали даже раціональность и законность полигаміи. Въ 1671 г. Іоаннъ Лейзеръ издалъ въ Лондонѣ книгу, въ которой проповѣдывалъ, что «многоженство есть единственное истинное основаніе счастья и свободы, а моногамія — рабство». «Полигамія непротивна ни закону природы, ни естественному праву; она есть вполнѣ законное средство для выполненія той первой заповѣди Божіей, которая повелѣваетъ людямъ плодиться и множиться». Въ подобномъ же направленіи написана и книга Лоренца Бегера (1679 г.). Всѣ подробные защитники многоженства являются наемными креатурами развратныхъ потентатовъ, желавшихъ имѣть теоретическое оправданіе своей дурной жизни. Лейзеръ писалъ по найму одного графа, наскучившаго своею женой, а Бегеръ—по порученію курфирета пфальцкаго, двоеженца. Подобные полигамисты не могли имѣть большихъ успѣховъ, встрѣчая сильное противодѣйствіе и въ защитникахъ половой нравственности, и въ женщинахъ, для которыхъ полигамія всегда ненавистна. Гораздо развратительнѣе этихъ проповѣдниковъ многоженства дѣйствовали іезуиты. Католицизмъ вообще не благопріятенъ развитію семейства; онъ всегда стремится освобождать отъ семейства личность и всецѣло подчинять ее своей корпораціи. Для достиженія этой цѣли іезуиты пустили въ ходъ всѣ средства. Санхецъ, Филліуцій, Лейманъ, Эскобаръ Риччи оправдываютъ всевозможные половые пороки и преступленія, совершаемые въ интересахъ католичества. Риччи, напр., пишетъ, что молодыхъ и старыхъ вдовъ іезуитъ долженъ отклонять отъ второго замужества; если же онѣ чувствуютъ въ немъ физическую потребность, то ей долженъ удовлетворить «благоразумный отецъ-іезуитъ». Іезуиты оправдывали даже педерастію и дѣтоубійство, въ которыхъ они постоянно упражнялись. Въ качествѣ духовниковъ, они пропагандировали эту свободу разврата во всѣхъ классахъ общества. Аристократія, развращенная до мозга костей, встрѣчала ихъ доктрины съ распростертыми объятіями. Іезуиты создавали религію порока, и главными адептами этой религіи были высшіе классы. За дворами и аристократіей обыкно-

венно тянулась буржуазія, и современная эпоха ея владычества, эпоха XIX в., не менѣе развратна, чѣмъ вѣка предыдущіе. Франція всегда стояла въ этомъ отношеніи во главѣ остальной Европы, а ея властители стояли во главѣ Франціи. Вѣнчанный, богатый властительный порокъ не только разрушалъ множество браковъ и семействъ, но и дѣлалъ изъ внѣбрачныхъ связей какую-то родовую традицію для своихъ послѣдователей. Эта развращенность и развратительность высшихъ классовъ особенно сильны были въ XVII и XVIII в. Французскій дворъ наполнялся сотнями проститутокъ, содомитовъ, вельможныхъ и невельможныхъ сводниковъ; каждый король, каждый принцъ, каждый придворный имѣли по нѣсколько любовницъ изъ семействъ аристократіи и буржуазіи, которыхъ они увлекали соблазномъ или овладѣвали ими силою. Женская добродѣтель не была отъ нихъ безопасна ни въ Парижѣ, ни въ провинціяхъ. Средневѣковыя идеи о несовмѣстности съ любовью брачной жизни были догматомъ высшаго французскаго общества, думавшаго, что «какъ только супруги вступаютъ на брачное ложе, любовь покидаетъ ихъ сердце». Мужья не только терпѣли, но даже сами поддерживали и развивали эту теорію. Развращеніе дошло до того, что надъ чистотою нравовъ открыто и ѣдко издѣвались, а стыдливость презирали. Свободная, порочная любовь разрушила и бракъ, и семейство, оставивъ только однѣ ихъ безжизненныя формы, основанныя на расчетѣ или честолюбіи. Французская литература была и вѣрнымъ зеркаломъ такой жизни, и пропагандисткою ея не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Осмѣяніе брака и семейныхъ добродѣтелей, проповѣдь полной свободы любви, изображеніе разврата въ такихъ циническихъ формахъ, которыя теперь невозможны положительно ни въ одной литературѣ,—вотъ чѣмъ занимались французскіе писатели XVI, XVII, XVIII в. Въ Англіи, послѣ паденія власти пуританъ, съ началомъ реставраціи, высшіе классы общества пустились въ самую необузданную оргію порока. Пуританство начало подвергаться самымъ ожесточеннымъ нападкамъ. «Война между остроуміемъ и пуританствомъ скоро сдѣлалась войною между остроуміемъ и нравственностью. Непріязнь, возбужденная карикатурою добродѣтели, не пощадила и самой добродѣтели. Все, что пуританинъ уважалъ, было поощряемо; все, что онъ преслѣдовалъ, было осворбляемо; все, что онъ поднимали на смѣхъ всѣ проявленія нравственной щекотливости, выставляли съ циническимъ безстыдствомъ на всенародныя очи всѣ свои самые предосудительные пороки; дѣвическая простота и супружеская вѣрность сдѣлались предметомъ шутокъ. Подобно тому, какъ пуританинъ не открывалъ рта безъ библейскихъ выраженій, новая порода остроумцевъ и изящныхъ джентельменовъ никогда не раскрывала рта безъ сквернословія, какого теперь постыдился бы даже носильщикъ. Театры сдѣлались разсадниками порока; отъ нихъ съ каждымъ днемъ требовалось все болѣе и болѣе пряностей; актеры развращали зрителей, а зрители актеровъ. Самые безпутные стихи поэты влагали въ уста женщинъ». Даже все, что англійскіе писатели заимствовали тогда отъ иностранцевъ, они продѣлали своимъ букетомъ. «Въ ихъ подражаніяхъ дома знатныхъ и гордыхъ дворянъ Кальдерона явились вертепами порока, Віола Шекспира — сводницею, Мизантропъ Мольера — растлителемъ, мольеровская Агнеса — блудницею». (Маколей). Монтень, путешествовавшій по Италіи, въ первой половинѣ XVI в., былъ изумленъ, что знатные люди держали своихъ женъ чуть-чуть не взаперти. И они имѣли основаніе не довѣрять ихъ добродѣтели. Италія, земля страсти, средоточіе тогдашней Европы, была для послѣдней непотребнымъ домомъ, въ которомъ владычествовали и наслаждались разные иностранцы, и особенно безбрачное католическое духовенство, бывшее въ старину однимъ изъ главныхъ факторовъ разложенія семьи. Когда папа Иннокентій IV, живній шесть лѣтъ въ Ліонѣ, уѣзжалъ изъ этого города, то одинъ изъ кардиналовъ въ своей прощальной рѣчи горожанамъ говорилъ имъ: «Друзья, вы должны быть очень благодарны намъ. Мы принесли вамъ пользу, ибо при нашемъ сюда прибытіи здѣсь было три или четыре непотребныхъ дома; теперь же, при своемъ отъѣздѣ, мы оставляемъ вамъ только одинъ такой домъ, который простирается отъ западныхъ воротъ города до восточныхъ». Правдивая шутка кардинала была вполнѣ приложима и ко всей Италіи. Въ новеллахъ Боккаччіо, въ комедіяхъ Макіавелли, въ стихотвореніяхъ Пульчи, Боярдо и Аріосто, въ грязнѣйшихъ и развратнѣйшихъ сочиненіяхъ Піетро Аретино и другихъ подобныхъ поэтовъ, въ родѣ нашего Баркова, наконецъ въ разсказахъ путешественниковъ и тогдашнихъ хроникахъ — вездѣ мы видимъ проявленія самаго необузданнаго разврата. «Италія — говоритъ Шерръ — была отечествомъ утонченнаго искусства любви, а въ самой Италіи высшею школою порока была Венеція. Царица Адріатики была столицею сладострастія вплоть до половины XVIII в., когда она принуждена была уступить свой скипетръ Парижу». — Германія въ XVII и XVIII в. была сильно офранцужена, она подражала во всемъ Франціи, и французскій развратъ былъ идеаломъ, къ достиженію котораго стремились высшіе нѣмецкіе классы. Когда въ 1728 г. Фридрихъ-Августъ саксонскій получилъ извѣстіе о смерти регента Франціи, пораженнаго ударомъ въ объятіяхъ любовницы, то воскликнулъ: «ахъ, если бы и мнѣ умереть смертью этого праведника!» Жизнь нѣмецкихъ дворовъ и аристократіи была непрерывною оргіей пьянства, баловъ, маскарадовъ, дракъ, убійствъ, самаго грязнаго волокитства. Хозяева угощали гостей хорошенькими женщинами, а хозяйки предлагали имъ свое тѣло. Метрессы были всевластны; женскія моды дошли до крайняго безстыдства; спальня дамы сдѣлалась ея гостиною, въ которой она принимала по утрамъ своихъ поклонниковъ, вставала и одѣвалась при нихъ. Въ 1772 г. англійскій посланникъ писалъ о берлинскомъ обществѣ: «Полное паденіе нравовъ царитъ между обоими полами всѣхъ классовъ. Женщины здѣсь отдаются тому, кто больше платитъ; нѣжныя чувства и истинная любовь неизвѣстны

имъ». Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. развращенность берлинскаго общества еще увеличилась. «Женщины такъ испорчены,—пишетъ одинъ очевидецъ,—что даже самыя знатныя дворянки унижаются до роли сводницъ и плодонагнательницъ». Въ Австріи, Саксоніи, Баваріи и другихъ германскихъ странахъ нравы были не только не лучше, но по мѣстамъ даже хуже берлинскихъ. Нѣмецкая литература была такъ же фривольна, такъ же груба и цинична, какъ и тѣ люди, которые давали ей жизнь и для которыхъ она существовала. Переводы древнихъ и новыхъ пріапическихъ произведеній подъ перьями нѣмецкихъ переводчиковъ выходили площадною похабщиной, лишаясь художественности подлинниковъ. Поэты не умѣли восторгаться въ женщинѣ ничѣмъ, кромѣ ея физическихъ достоинствъ, и, какъ какіе-нибудь статисты, описывали до мелочей ея тѣло. Въ романахъ, стихотвореніяхъ, драматическихъ пьесахъ—вездѣ смѣялись надъ бракомъ и супружескою вѣрностью; литература формулировала правила общественной жизни, проповѣдуя, что «своего ближняго должно любить, какъ самого себя, т.-е. жену своего ближняго слѣдуетъ любить, какъ свою собственную», и т. д. Даже серьезные ученые Германіи увлекались подобными идеями, даже самъ Лейбницъ читывалъ дамамъ пріапическія стихотворенія и разсуждалъ по поводу ихъ любви. Ученые, литераторы часто вели тогда такую же жизнь, какъ и университетская молодежь. Студенты были одними изъ первыхъ развратниковъ и развратителей женщинъ. Отъ нихъ не отставали не только профессора, но даже ихъ жены и дочери. Что всего потѣшнѣе, такъ это то, что ученые нѣмцы не могли даже и похабничать безъ педантизма и схоластическихъ пріемовъ. Такъ одинъ профессоръ дѣлилъ любовь: 1) на христіанскую любовь, 2) на супружескую любовь, 3) на любовь друга, 4) на любовь общественности или довѣрія, 5) на любовь галантную и 6) на любовь проституціонную (HurenLiebe). Онъ училъ, что «въ любовномъ дѣлѣ нужно и должно добиваться отъ возлюбленной доказательствъ ея любви».

Такимъ образомъ, въ теченіе XVI, XVII, XVIII столѣтій разрушался бракъ и замѣнялся свободою половыхъ отношеній, свободою, водворенію которой содѣйствовали дворы, аристократія, театръ, литература, войско, безбрачное духовенство, женскіе монастыри съ своею развратительною жизнію и т. д. Женщина и воспитывалась, и жила для страсти; всѣ силы ума, чувства и денегъ были употреблены ею на кокетство. «Всѣ»—говоритъ Гонкуръ—«смотрѣли на женщину, освобожденную отъ брачнаго рабства и отъ хозяйственныхъ заботъ, какъ на существо, обязанное приносить удовольствіе». Роскошь и изнѣженное воспитаніе усилили въ женщинѣ до крайности ея половыя отличія, ея искусственную женственность. Выше мы уже говорили, что половыя противоположности развиваются только по мѣрѣ того, какъ женщину, отличія отъ мужской дѣятельности, начинаютъ держать и воспитывать спеціально для половыхъ удовольствій. Въ Европѣ такое развитіе женственности началось въ средніе вѣка, но результаты его долго не обнаруживались вполнѣ. Даже въ XVI в. красота, физіономія, размѣры тѣла, голосъ, чувствительность и другія свойства женщины не пріобрѣли еще той рѣзкой разницы отъ мужскихъ, какую они получили въ XVIII и XIX в. Въ наше и въ предыдущія столѣтія женщины являются уже вполнѣ *женственными*, по малому своему росту, *слабосилію* мускуловъ, по крохотности своихъ рукъ и ногъ. Подражая китайцамъ, европейцы давно уже стараются уменьшить объемы женскаго тѣла посредствомъ корсета, тѣсной обуви, ничего недѣланья, и это доходитъ до такого комизма, какого нѣтъ даже и въ Китаѣ. Когда, напр., женѣ Филиппа IV, проѣздомъ ея черезъ одинъ городъ, жители его хотѣли *предложить* въ *подарокъ* партію великолѣпныхъ шелковыхъ чулковъ, то майордомъ отказался принять ихъ, говоря, что «у королевы Испаніи нѣтъ ногъ». Тонкость костей, слабость мускуловъ и нервовъ, нѣжность голоса —всѣ эти качества, развившіяся въ женщинахъ въ теченіе столѣтій, сдѣлали изъ нихъ безпомощный, «слабый» полъ, который долженъ подчиняться «сильному» полу. Половая противоположность, едва замѣтная въ дикой и патріархальной жизни, достигаетъ вершины своего развитія въ высшихъ классахъ европейскаго общества. Полы радикально отличаются здѣсь одинъ отъ другого и по органическимъ свойствамъ, и по платью, и по манерамъ; есть красота мужская и особая отъ нея красота женская; есть мужскія манеры и манеры женскія; мужскія доблести и нравственность и отличныя отъ нихъ, женскія; походка, голосъ, верховая ѣзда, перчатки, воспитаніе,—все это раздѣляется на мужское и женское. Въ умственномъ отношеніи мужчина оставилъ за собой все серьезное и продолжалъ развивать разсудокъ, а женщину воспитывали и развивали такъ, что сдѣлали ее крайне сентиментальною, впечатлительною, легкомысленною. Подобно тому, какъ корсеты и тѣсная обувь, дѣйствуя на сотни женскихъ поколѣній, сдѣлали тонкій станъ и маленькую ножку природными свойствами дамы, вѣковая умственная гигіена женщины умалила и ослабила ея умъ, развивъ не въ мѣру чувствительность. Въ болѣзняхъ мы видимъ то же различіе. У крестьянъ и натурныхъ народовъ женскія болѣзни чрезвычайно малочисленны, даже можно сказать, что ихъ вовсе нѣтъ, потому что роды и менструація относятся здѣсь болѣе къ нормальнымъ физіологическимъ отправленіямъ, чѣмъ къ болѣзнямъ. Въ высшихъ же классахъ европейскаго общества женскія болѣзни такъ многочисленны, что требуютъ для своего изученія и лѣченія особыхъ спеціалистовъ; дамскій лѣкарь здѣсь также необходимъ, какъ дамскій проповѣдникъ, дамскій духовникъ, дамскій учитель, дамскій писатель, дамскій портной, дамскій журналистъ и т. д.

Романтическая любовь, неизвѣстная почти вовсе людямъ нецивилизованнымъ, росла въ Европѣ по мѣрѣ развитія половыхъ отличій. Въ ней женщина имѣла орудіе не только для своей защиты отъ мужчины, но также для покоренія его себѣ и для своей

свободы. Поэтому въ средніе вѣка, бывшіе первою эпохою упомянутой любви въ Европѣ, женщина впервые потребовала свободы чувства. Въ XVIII в. половыя отличія развились еще болѣе, и, не смотря на грубый развратъ общества, романтическая любовь все-таки существовала тогда и постепенно усиливалась, а женщина еще сильнѣе, чѣмъ въ средніе вѣка, начала заявлять требованіе на свободу чувства и свое недовольство тогдашнимъ бракомъ. Хотя реформація превратила бракъ въ гражданскій договоръ и дозволила при извѣстныхъ условіяхъ разводъ, но власть мужей оставалась все-таки прежнею, а разводомъ они пользовались гораздо чаще женъ и нерѣдко прогоняли ихъ отъ себя, вопреки ихъ желанію. Разводъ безъ экономической и общественной самостоятельности женщинъ для большинства ихъ всегда служитъ только ко вреду. Но главное стѣсненіе для женщины, противъ котораго она прежде всего и сильнѣе всего вооружалась, состояло въ томъ, что большею частью она не сама выходила, а ее выдавали замужъ родители, родственники или опекуны. Любовь возмущалась такими подневольными союзами и устроила тайные свободные браки. Въ XVII и XVIII в. они были очень распространены по всей Европѣ. Въ Англіи тайные браки, совершавшіеся безъ всякихъ формальностей, начали быстро умножаться послѣ 1644 г., и число «беззаконныхъ церквей» (lawless churches), въ которыхъ они совершались, постепенно возрастало. Въ одной изъ нихъ съ 1664 по 1691 г. было заключено 40,000 тайныхъ браковъ! Въ то же время былъ въ огромномъ ходу такъ называемый *флитскій бракъ*. Флитъ, это часть Лондона, въ которой стояла тогда долговая тюрьма. По такъ какъ она была недостаточна для помѣщенія всѣхъ неисправныхъ должниковъ, то множество ихъ было поселяемо около нея, во Флитскихъ кварталахъ. Въ числѣ жителей Флита было много духовныхъ, оказавшихся несостоятельными должниками. А такъ какъ стремленіе къ свободнымъ тайнымъ бракамъ было сильно въ обществѣ, то изъ совершенія такихъ браковъ разорившіеся попы и сдѣлали для себя выгодную профессію. Одинъ пасторъ, проживши во Флитѣ тридцать шесть лѣтъ, благословилъ въ это время 36,000 флитскихъ браковъ, не смотря на то, что онъ конкурировалъ въ этомъ дѣлѣ со множествомъ другихъ поповъ. Браки эти совершались не въ однихъ церквахъ, но почти у каждаго пастора было предназначено особое помѣщеніе для вѣнчанья. Трактирщики, у которыхъ обыкновенно происходили свадебные пиры, имѣли у себя на жалованьи поповъ, для вѣнчанія тайныхъ свадебъ. Эти браки не ограничивались предѣлами Флита, и быстро распространялись во всѣхъ классахъ общества; даже одинъ лордъ-канцлеръ и одинъ лордъ верховный судья Англіи были обвѣнчаны тайно. Въ 1758 г. законодательство постановило, что каждому браку должно предшествовать трехкратное оглашеніе, что вѣнчаніе должно совершаться только въ опредѣленныхъ церквахъ, а за тайное вѣнчанье пасторъ подвергался четырнадцати - лѣтней ссылкѣ. Народъ былъ крайне недоволенъ этимъ закономъ, вошедшимъ въ силу 25 марта 1754 г. Однакожъ, вслѣдствіе оппозиціи нижней палаты сила этого закона не распространялась на острова, Ирландію и Шотландію, и почти вплоть до нашихъ дней тайный бракъ можно было заключить въ шотландской деревнѣ Гретна-Гринъ, лежащей на англійской границѣ. Сюда постоянно пріѣзжали пѣлыя толпы англичанъ обоего пола, и здѣсь соединяли ихъ брачными узами безъ законныхъ формальностей за десять гиней каждую пару; при этомъ не было даже попа, а вѣнчалъ сначала кузнецъ, по смерти его трактирщикъ, и т. д. Во всѣхъ другихъ странахъ тайные браки были также въ очень большомъ ходу, хотя и не достигали такихъ размѣровъ, какъ въ Великобританіи.

Не одно подневольное вступленіе въ бракъ было противно женщинѣ, она возмущалась своимъ рабскимъ положеніемъ въ семьѣ, своей подчиненностью множеству нелѣпыхъ обычаевъ, своею зависимостью отъ педантизма общественнаго мнѣнія. И нерѣдко, разрывая опутывавшія ее узы, она предавалась неистовствамъ Мессалины. Представительницею женщины XVII и XVIII в., жаждущей свободы, стѣсненной со всѣхъ сторонъ, недовольной, ищущей выхода изъ своего положенія, раздраженной на все окружающее, намѣренно пренебрегающей традиціонными обычаями и правилами женскаго поведенія,—можетъ служить Христина, королева шведская (1626—1689). Еще въ дѣтствѣ она обнаружила сильную любовь къ наукамъ и искусствамъ и твердо рѣшилась никогда не принадлежать мужчинѣ. Рано развилось въ ней рѣшительное отвращеніе ко всему, что говорятъ и дѣлаютъ женщины, которыхъ она презирала за ихъ пассивность. Время свое она дѣлила между дѣлами государства и науками. Декартъ и Саллмазій жили при ея дворѣ и находились въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ нею. Она переписывалась со всѣми знаменитыми учеными Европы, которые часто посылали ей свои сочиненія и одобрительный отзывъ ея называли печатью славы. Она поддерживала шведскіе университеты, основывала новые, заводила музеи, награждала многихъ ученыхъ пенсіями, нѣкоторыхъ изъ нихъ избавила отъ рукъ инквизиціи. Положеніе королевы было для нея стѣснительно, а въ 1654 г. она сложила съ себя управленіе Швеціей, одѣлась въ мужское платье и отправилась путешествовать по Европѣ. Протестантство было невыносимо для ея свободной души своимъ ригоризмомъ, и она кинулась въ католицизмъ. Іезуиты возрадовались и замѣчали ей, что она будетъ стоять въ ряду святыхъ, вмѣстѣ съ св. Бригиттою шведскою. «Мнѣ бы гораздо болѣе хотѣлось быть причисленною къ лику умныхъ людей», отвѣчала имъ весело Христина. Перешедши въ католицизмъ, она даже по наружности не подчинялась всѣмъ его правиламъ, и открыто вела себя, какъ совершенно свободная философка. Долго ѣздила она по всей Европѣ, посѣщая знаменитыхъ ученыхъ, художниковъ, музеи, библіотеки, театры и всюду возбуждая глубокое уваженіе къ своей учености и талантамъ, и въ то же время возмущая лицемѣровъ сво-

имъ поведеніемъ. Вплоть до своей смерти она вела безпокойную, дѣятельную жизнь, посвященную преимущественно наукѣ. Жизнь этой замѣчательной женщины объясняетъ многое въ характерѣ тѣхъ Мессалинъ, которыми такъ богата и древняя, и новая исторія Европы. Стѣсненная со всѣхъ сторонъ женщина, не находя свободнаго выхода изъ своей темницы, разрушаетъ стѣны ея и съ неистовствомъ сумасшедшей предается всѣмъ излишествамъ свободы, попирая ногами все, что прежде стѣсняло ее, и издѣваясь надъ тѣмъ, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ общественнаго развитія было бы для нея святынею. Недовольство женщинъ своимъ положеніемъ рѣзко выражалось и въ литературѣ XVII и XVIII в. Въ безчисленныхъ тогдашнихъ сатирахъ, стихотвореніяхъ, повѣстяхъ и водевиляхъ адвокаты женщины выставляли мужей пьяницами, тиранами, драчунами и потѣшались надъ искусствомъ, съ которымъ жены приставляли имъ рога. Строгая отеческая власть подвергалась такому же осмѣянію, и въ тогдашнихъ комедіяхъ дѣти не только постоянно ссорятся съ отцами, но и составляютъ противъ нихъ заговоры вмѣстѣ съ адвокатами и нотаріусами. Литература издѣвалась надъ патріархальнымъ семействомъ и подъ вліяніемъ женщины вырабатывала доктрину объ эманципаціи чувства и о превращеніи семейства въ союзъ равныхъ другъ другу свободныхъ индивидуумовъ. Фактически, какъ мы уже видѣли, чувство не только эманципировалось, но, вырвавшись на свободу, дошло до самыхъ безобразныхъ излишествъ. Свободная любовь уже не скрывалась ни передъ кѣмъ и открыто выставлялась на всенародныя очи. Этотъ протестъ разврата нуждался только въ теоретическихъ оправданіяхъ,—и они явились. Реакція католическому дуализму и феодальному праву, основанная на ученіи объ естественномъ состояніи людей, пришла къ отрицанію всего противоестественнаго и къ безусловному утвержденію всѣхъ естественныхъ наклонностей и стремленій человѣка. Возвращеніе къ природѣ сдѣлалось девизомъ эпохи. Половыя отношенія людей также подводили подъ эту теорію естественной свободы. Рѣзче всего доктрина половой свободы выражена была въ XVIII в. въ книгѣ Бриссо-де-Варвиля, «Recherches Philosophiques sur le droit de la proprieté et le vol». «Естественныя потребности человѣка — говоритъ авторъ — суть питаніе, употребленіе членовъ, половое совокупленіе... Человѣкъ природы, слѣдуй ея голосу, повинуйся ея желанію,—это твой единственный владыка, твой руководитель! Чувствуешь ли въ своихъ жилахъ тайный огонь, запылавшій при видѣ прекраснаго,—знай, что это говоритъ природа; наслаждайся; твои ласки будутъ невинны, твои поцѣлуи чисты...» Далѣе, Бриссо-де Варвиль, доказывая естественную законность своихъ правилъ, приводитъ въ примѣръ дикарей, на которыхъ тогда смотрѣли, какъ на представителей воображаемаго естественнаго состоянія человѣчества. «Природа зажигаетъ въ сердцѣ дикаря огонь любви. Если онъ видитъ прекрасную женщину и если одно и то же пламя охватываетъ ихъ обоихъ, то они дѣлаются супругами; они не даютъ другъ другу никакой клятвы и любятся потому, что чувствуютъ потребность любви. Коль скоро эта потребность удовлетворена, они перестаютъ быть супругами». Общество XVIII вѣка близко подходило къ этому идеалу; женщина свободно вступала тогда въ союзъ безъ намѣренія и безъ обѣщаній любить до гроба. Общественная мораль требовала отъ нея не вѣчной вѣрности, не патріархальныхъ женскихъ добродѣтелей, а только свойствъ *честнаго человѣка*. Не смотря на то, XVII в. представляетъ примѣры самой возвышенной, самой благородной, самой постоянной любви, какъ, напр., любовь мадамъ Роландъ къ Бюзо или любовь графини де-Сталь къ Клервалю, доведшая ее до смерти. Стремленіе къ эманципаціи чувства выразилось между прочимъ и въ религіи. Мистическія секты XVIII и XIX в., какъ всѣ подобныя секты, обыкновенно доходили до половыхъ безобразій. Піэтизмъ XVIII вѣка былъ реакціей религіознаго чувства сухому, формальному догматизму протестантства. Онъ отнималъ у послѣдняго многихъ чувствительныхъ женщинъ, преимущественно изъ высшаго класса, скучавшихъ въ своей праздной жизни и не находившихъ никакой отрады въ бракѣ. Громы революціи и войны Наполеона еще болѣе усилили мистическое настроеніе высшихъ сословій. Явились цѣлыя толпы пророковъ, духовидцевъ, толкователей апокалипсиса, и даже такія пустыя бабенки, какъ мадамъ Крюднеръ, пользуясь общимъ настроеніемъ, могли играть важную роль и при дворахъ, и въ обществѣ. Подъ прикрытіемъ религіи дѣйствовали шарлатанство и развратъ. Многія колоніи и общества піэтистовъ вели самую безобразную жизнь. Религіозные сборища ихъ сплошь и рядомъ начинались «серафимскими лобзаньями братьевъ и сестеръ», а оканчивались свальнымъ грѣхомъ. Болѣзненная чувственность развивалась въ этихъ сектахъ до ужасныхъ размѣровъ. Мы не будемъ останавливаться на этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ обществахъ, а упомянемъ только о двухъ сектахъ XIX в.—о кенигсбергскихъ піэтистахъ и принсенстахъ. Учителемъ или «утѣшителемъ» кенигсбергскихъ піэтистовъ былъ Шенгерръ, родившійся въ 1711 г. Онъ доказывалъ, что вода и свѣтъ составляютъ основныя начала всего существующаго; вода—женскій принципъ, свѣтъ—мужескій; время плотской любви прошло, и въ обществѣ, обновленномъ вѣрою въ утѣшителя, возможна только любовь духовная. Шенгерръ пріобрѣлъ многихъ послѣдователей, особенно изъ аристократіи. Три блестящихъ красавицы,—Ида фонъ-деръ-Гребенъ, Минна фонъ-Дершау и Эмилія фонъ-Шретеръ,—составили изъ себя правительственный совѣтъ этой церкви, въ которой никто не долженъ былъ ни рождаться, ни умирать и которою заправляли женщины аристократки. «Серафимскія лобзанія» и ихъ послѣдствія были въ большомъ ходу на религіозныхъ собраніяхъ «мукеровъ», какъ названы эти піэтисты за ихъ шарлатанство, развратъ и лицемѣріе. Въ настоящее время мукерство сильно распространено въ самыхъ богатыхъ и просвѣщенныхъ городахъ Германіи,—въ Галлѣ, Гейдельбергѣ, Берлинѣ, Кенигсбергѣ, Дрезденѣ, Штут-

гардтѣ, Бременѣ, Альберфельдѣ. Лѣтъ тридцать назадъ мукерство появилось и въ Англіи, подъ именемъ *прайсеизма*. Прайсъ, родившійся въ Батѣ въ 1811 г., явился выразителемъ реакціи противъ чувственной развращенности, противникомъ брака и проповѣдникомъ безбрачной платонической любви. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ громилъ равнодушныхъ, маловѣрныхъ и слабыхъ, называя ихъ негодными плевелами и говоря, что ихъ нужно отдѣлить отъ пшеницы. Большая часть мужей и отцовъ оказались плевелами; а пшеница, состоявшая изъ фанатизированныхъ женъ и дочерей, стала сомнѣваться въ законности семейной дисциплины и обнаруживать постоянно возрастающія наклонности къ самоуправленію. Многіе отцы семей запретили своимъ женамъ, дѣтямъ и слугамъ ходить на молитвенныя собранія прайсеистовъ. Ссоры и раздоры ознаменовали собою рожденіе секты. Наконецъ было основано общее для мужчинъ и женщинъ *жилище любви*, въ которомъ братья и сестры вели цѣломудренную жизнь, чувственная любовь была запрещена даже между супругами, дѣторожденіе объявлено зломъ. Случалось, впрочемъ, что женщины беременѣли, и даже самъ Прайсъ почувствовалъ наконецъ жажду чувственной любви, предметомъ которой сдѣлалась молоденькая миссъ Патерсонъ. Прайсъ объявилъ братьямъ и сестрамъ, что приблизилось время великихъ событій, что онъ скоро, по волѣ Бога, сдѣлаетъ дѣву своей женой, вмѣсто своей старой супруги, и сдѣлаетъ это не въ страхѣ, стыдѣ и тайнѣ, а въ присутствіи всѣхъ святыхъ мужчинъ и женщинъ. Всѣ собрались въ торжественный залъ, служившій церковью; Прайсъ подошелъ къ миссъ Патерсонъ, поцѣловалъ ее и объявилъ, что связь ихъ будетъ знаменіемъ любви Бога къ тѣлу. Затѣмъ онъ тутъ же сдѣлалъ миссъ Патерсонъ своею женою, среди бѣлаго дня, въ присутствіи нѣсколькихъ десятковъ мужчинъ и женщинъ, продолжавшихъ умиляться и благоговѣть. Но когда новая Мадонна, какъ назвали Патерсонъ, родила, то ребенокъ былъ все-таки объявленъ дѣломъ дьявола, и это было первою и послѣднею попыткою прайсеистовъ возвратиться явно къ чувственной любви.

XVIII вѣкъ, вѣкъ крайней развращенности и необузданности страстей, разрушавшихъ патріархальное семейство, вызвалъ къ жизни не только вопросъ объ эмансипаціи чувства, но и вообще о свободѣ и правахъ женскаго пола. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ самими женщинами, отнесшимися критически къ своему подневольному положенію. Первыя, по времени, изъ этихъ писательницъ не заходили далеко въ своихъ требованіяхъ, но все-таки онѣ оказали своему полу большую услугу тѣмъ, что критически отнеслись къ его положенію. Въ 1752 году дѣвица Аршамбо-де-Лаваль въ изданной ею книгѣ разбирала вопросъ, въ комъ больше постоянства, въ мужчинѣ или женщинѣ? Въ 1786 мадамъ Жанлисъ пошла уже далѣе, и въ своей брошюрѣ требовала уничтоженія женскихъ монастырей и публичнаго образованія женщинъ. Въ Германіи знаменитая ученая писательница XVII в., Анна Шурманъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій доказывала, что женщины имѣютъ такія же способности и такое же призваніе къ наукамъ, какъ и мужчины. Въ Италіи и Франціи многія писательницы пропагандировали ту же идею, которой сочувствовало и не мало мужчинъ. Въ 1765 г., въ одной газетѣ, издававшейся во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, была помѣщена статья «о владычествѣ мужчинъ надъ женщинами». Въ ней говорится, что «хотя мужчины поклоняются женщинамъ, какъ ангеламъ и земнымъ богинямъ, но, съ другой стороны, они такъ мало уважаютъ ихъ, что считаютъ ихъ какими-то выродками человѣчества и едва признаютъ за людей, или же, по крайней мѣрѣ, стараются унизить ихъ до степени своей старой обуви. Есть между ними такіе дураки, которые оправдываютъ это не только изъ библіи, но даже изъ Corpus Juris, и слѣдуютъ тому древнему пустомелѣ, который на вопросъ: почему женщины достигаютъ зрѣлости раньше мужчинъ? отвѣчалъ: потому что дурная трава растетъ скорѣе хорошей». Мнѣніе Аристотеля, что «женщина есть ошибка природы», авторъ называетъ смѣшнымъ и глупымъ. Въ той же газетѣ за 1767 г. былъ напечатанъ «Проектъ женской академіи», въ которомъ доказывается необходимость для женщинъ высшаго университетскаго образованія. Въ Англіи, вслѣдъ за борковскою «защитою человѣческихъ правъ» (1792 г.), появилось сочиненіе извѣстной писательницы Мэри Уольстонкрафтъ Годвинъ «Защита правъ женщины». Въ этомъ страстномъ памфлетѣ Мэри Годвинъ доказываетъ, что во всѣхъ положеніяхъ жизни женщина—полная рабыня мужчины, что она предоставлена произволу отца, брата, мужа, опекуна, лишена возможности самостоятельно добывать себѣ кусокъ хлѣба и вести независимую жизнь. Въ XVIII в. многіе высказывали подобныя эмансипаціонныя идеи и желанія, но полнѣе и яснѣе всѣхъ выразилъ ихъ Кондорсе. «Люди—говоритъ онъ—до такой степени могутъ свыкнуться съ нарушеніемъ своихъ естественныхъ правъ, что даже въ средѣ тѣхъ, чьи права нарушены, никто и не думаетъ требовать возстановленія ихъ, даже никто не сознаетъ учиненной надъ нимъ несправедливости. Напр., не нарушенъ ли всѣми нами принципъ равноправности, когда мы преспокойно лишили цѣлую половину человѣчества права участвовать въ составленіи законовъ, отстраняя женщинъ отъ пользованія правомъ гражданства?.. Права человѣческой личности истекаютъ изъ ея разумности, изъ того факта, что человѣкъ способенъ усвоивать нравственныя идеи и вырабатывать ихъ своимъ мышленіемъ. А такъ какъ женщинамъ присущи эти свойства, то по природѣ онѣ должны быть равноправны. Или ни одна человѣческая личность не имѣетъ своихъ правъ, или всѣ должны быть равноправны».

Во время французской революціи женщины, какъ мы увидимъ ниже, основывали много своихъ клубовъ; нѣкоторыя энергичныя и краснорѣчивыя француженки требовали женской равноправности. Но идеи радикальной эмансипаціи мало находили сочувствія среди великихъ политическихъ пере-

воротовъ XVIII в. Дѣятели французской революціи не увлекались идеями женской эманципаціи; свобода, равенство и братство требовались ими только для мужчинъ; но при всемъ этомъ многіе изъ нихъ, проникнутые понятіями эпохи, не мало содѣйствовали реформаціи семейства и успѣху женскихъ стремленій къ семейной свободѣ. Теорія общественнаго договора, лежавшаго тогда въ основаніи государственныхъ наукъ, и ученіе объ естественныхъ правахъ человѣка распространялись не только на государство, но и на семейную институцію; идея договора, внесенная въ семейство, влекла за собой идею личной свободы его членовъ. Пуффендорфъ доказываетъ, что бракъ возникаетъ не изъ власти, а изъ любви и договора, что супруги совершенно равны одинъ другому; Фихте горячо вооружается противъ патріархальной отеческой власти; знаменитая французская «энциклопедія» говоритъ, что «рожденіе дѣтей не даетъ ихъ родителямъ никакихъ правъ надъ ними... Родители не имѣютъ права давать своимъ дѣтямъ приказаній, тѣмъ менѣе употреблять противъ нихъ угрозы или наказанія... Но что же дѣлать, если ребенокъ хочетъ себѣ зла? Такъ какъ онъ можетъ желать зла себѣ вслѣдствіе заблужденія, то родители обязаны только растолковать ему суть дѣла...» Взрослыя дѣти должны быть совершенно свободны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и ни въ чемъ не зависѣть отъ родителей. «Словомъ, отецъ не можетъ имѣть никакихъ правъ на своихъ дѣтей, кромѣ тѣхъ, которыя существуютъ для пользы послѣднихъ, и общественная власть не должна содѣйствовать наказанію дѣтей за ихъ домашніе проступки или за неповиновеніе родителямъ». Въ то же время въ заговорѣ Бабефа выразилось стремленіе уничтожить институцію наслѣдства и такимъ образомъ отнять у семейства главную его основу. Законодательная практика не осуществила этихъ утопическихъ требованій. Уничтоживъ первородство и субституцію, установивъ равенство дѣтей въ наслѣдованіи, предоставивъ право исправительныхъ наказаній не отцу, а семейному совѣту, объявивъ совершеннолѣтнихъ дѣтей вполнѣ свободными отъ отеческой власти, уравнявъ незаконныхъ дѣтей съ законнорожденными,—революція внесла такой же духъ свободы и въ брачную жизнь, предоставивъ супругамъ свободу развода.

Но, не смотря на то, что ни законодатели, ни революціонеры, ни мыслители, кромѣ Кондорсе, не думали о *полной* женской эманципаціи, женщины XVI, XVII и XVIII в. принимали дѣятельное участіе во всѣхъ сферахъ общественной жизни, и хотя такія личности были исключеніями изъ общаго правила, но ихъ всегда было много, и никто не думалъ гнать ихъ съ общественной арены. Женщины были однимъ изъ главныхъ орудій возрожденія католицизма, который, захвативъ въ свои руки вмѣстѣ съ ихъ образованіемъ и ихъ совѣсть, сдѣлалъ ихъ своими рабынями, развращаемыми имъ и физически, и нравственно. Іезуитская мораль, проповѣди, монастырское воспитаніе—все было устремлено къ тому, чтобы притупить умъ женщины и посредствомъ ея утвердить католическое вліяніе въ семействахъ. Въ реформаціи женщины были съ самаго начала ревностными пропагандистками новаго ученія, а потомъ, въ разныхъ сектахъ, на которыя распалось протестантство, онѣ начали играть еще болѣе дѣятельную роль. Религіозная филантропія сдѣлалась женскою спеціальностью, и протестантство, по свойственнымъ всѣмъ подобнымъ системамъ, внутреннему противорѣчію и невыдержанности, поощряло филантропическую дѣятельность женщины, опровергая этимъ справедливость своего положенія, что женщина должна существовать для одного своего семейства. Начиная съ XVII в., кромѣ католическихъ благотворительныхъ орденовъ, возникаетъ множество протестантскихъ женскихъ союзовъ, съ самыми разнообразными филантропическими цѣлями, и женская филантропія принимаетъ изумительно-громадные размѣры. Помощь бѣднымъ, распространеніе грамотности и христіанства, уходъ за больными и ранеными, заботы объ ех-проституткахъ, о доставленіи бѣднымъ дѣвушкамъ работы или приданаго, погребеніе бѣдныхъ покойниковъ, помощь вдовамъ и сиротамъ, нравственное образованіе преступниковъ, распространеніе христіанства между дикарями — вотъ главныя цѣли женской филантропіи.

Образованіе всегда было могущественнѣйшимъ орудіемъ соціальныхъ реформъ. Съ утвержденіемъ въ Европѣ королевскаго абсолютизма воспитаніе юношества начало постепенно дѣлаться не только публичнымъ, но и обязательнымъ. Обязательное обученіе является впервые во Франціи въ 1560 г., вслѣдствіе мѣстнаго распоряженія орлеанскаго парламента. Людовики XIV и XV издали общіе законы о посѣщеніи школъ дѣтьми, подтвержденные въ 1793 г. конвентомъ. Въ Пруссіи Фридрихъ II въ 1763 г. ввелъ обязательное обученіе для всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 7 до 13 лѣтъ, и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія изъ 3.090,294 дѣтей обоего пола не посѣщало школъ только 130,437. Въ Австріи обязательное обученіе введено въ 1774 г. Въ большинствѣ государствъ родители подвергаются штрафу за уклоненіе отъ общественнаго обязательнаго обученія своихъ дѣтей. Эта система, между прочимъ, вела и ведетъ къ ослабленію патріархальнаго семейнаго духа, такъ какъ она съ дѣтства пріучаетъ людей къ общественности и къ мысли, что родительская власть должна зависѣть отъ власти общества и государства, что семейные интересы должны подчиняться общественнымъ. Кромѣ школъ для общаго образованія, съ XVII в. во множествѣ возникаютъ женскія школы, монастырскія и мірскія. Даже нѣкоторые ревнители патріархальныхъ началъ доказываютъ необходимость женскаго образованія. «Женщину — говоритъ Фенелонъ — слѣдуетъ обучать тому, что составляетъ задачу ея жизни; ей придется наблюдать за воспитаніемъ дѣтей,—сыновей до извѣстнаго возраста, дочерей до ихъ замужества, — наблюдать за образомъ

жизни, за нравственностью и за службою домочадцевъ, за всѣмъ хозяйствомъ, за расходами и т. д. Въ этомъ заключается ея обязанность и по этимъ предметамъ она должна обладать свѣдѣніями». Въ Германіи съ самаго начала XVIII в. возникаетъ идея женской академіи и выходитъ много книгъ, преимущественно женскаго сочиненія, о необходимости расширить и улучшить образованіе женщинъ. Во Франціи женское образованіе поднялось прежде, чѣмъ въ другихъ странахъ. Во всѣхъ біографіяхъ XVII в. мы видимъ, что и отцы, и матери неутомимо заботятся объ умственномъ развитіи своихъ дѣтей. Женщины получаютъ самое блестящее по тому времени образованіе, какъ это можно видѣть изъ мемуаровъ госпожъ Кейлю, Лафайетъ, Скюдери, Саблѣ, Монтозье и многихъ другихъ. Они были образованы не менѣе мужчинъ. Особенно сильное вліяніе на женщинъ того времени имѣлъ Декартъ. «Философія Декарта, отвергнутая школою, была отлично принята салонами», говоритъ Фушеде-Карель. «Женщины, пользовавшіяся тогда верховною властью, были первыми послѣдовательницами ея, и Мальбраншъ—который есть не что иное, какъ тотъ же Декартъ, только болѣе христіанскій и болѣе нѣжный—говаривалъ, что женщины болѣе свободны отъ предразсудковъ и лучше понимаютъ его уроки, чѣмъ ученые». Лучшимъ другомъ и самою ревностною послѣдовательницею Декарта была Елисавета, принцесса палатинская, которая распространила картезіанизмъ въ Германіи, и, сдѣлавшись при концѣ жизни настоятельницею Герфордскаго аббатства, превратила его чуть-чуть не въ картезіанскую академію. Въ XVIII в. женщины даже нерѣдко превосходили мужчинъ своею просвѣщенностью. Въ нихъ развилась лихорадочная универсальная любознательность, удовлетворяемая публичными чтеніями, бесѣдами съ учеными и писателями, книгами и журналами. Романы вышли изъ моды и замѣнились учеными трактатами и популярными сочиненіями по философіи, естественнымъ наукамъ, физикѣ, химіи, праву, исторіи, астрономіи. Даже переписка дамъ потеряла свой прежній характеръ свѣтской болтовни и наполнилась серьезными размышленіями, серьезными вопросами и серьезнымъ разрѣшеніемъ ихъ. Парижскіе музеи и лицеи наполнились женщинами, стекавшимися сюда на публичные курсы и опыты. Въ 1786 г. даже Королевская Коллегія была осаждаема толпами любознательныхъ женщинъ. Высшее университетское образованіе было доступно женщинамъ и во Франціи, и въ Германіи, и въ Италіи. Въ Сорбоннѣ онѣ слушали курсы вмѣстѣ съ мужчинами и обыкновенно присутствовали на ученыхъ докторскихъ диспутахъ. Въ итальянскихъ университетахъ, даже во времена извѣстнаго ученаго Росси, были женщины, изучавшія право и медицину. «Я имѣлъ счастіе—говоритъ Росси—знать такихъ женщинъ, одаренныхъ обширными талантами и даже замѣчательнымъ геніемъ; въ университетѣ я сидѣлъ на одной скамьѣ съ женщинами, изучавшими право и медицину; вмѣстѣ со мною степень доктора правъ получила одна прехорошенькая дама». Женщины бывали членами академій и другихъ ученыхъ обществъ. Гаэтана Агнести и Лаура Басси, напр., были членами болонскаго института; послѣдняя, кромѣ того, принадлежала къ обществу аркадцевъ.

Образованность женщинъ имѣла громадное вліяніе на развитіе европейскаго общества. Это вліяніе совершалось прежде всего посредствомъ семейства и домашняго воспитанія. Женщины передавали дѣтямъ и свои знанія, и свои нравственныя достоинства. Время ученыхъ женщинъ XV и XVI в. было вмѣстѣ и временемъ *ученыхъ дѣтей*, подобно тому, какъ впослѣдствіи время женскаго художественнаго образованія совпадало съ періодомъ дѣтей-дилетантовъ въ разныхъ искусствахъ. Женское вліяніе въ этихъ случаяхъ было такъ сильно и неотразимо, что вполнѣ обнаруживалось на дѣтяхъ еще въ ихъ малолѣтствѣ. Меланхтонъ на пятнадцатомъ году написалъ свою греческую грамматику, а на шестнадцатомъ въ качествѣ магистра началъ читать лекціи объ Аристотелѣ. Андреасъ Кантеръ изъ Грѣнингена, не имѣя еще десяти лѣтъ отъ роду, публично толковалъ св. писаніе, а на десятомъ году былъ уже докторомъ обоихъ правъ и держалъ диспутъ передъ императоромъ Конрадомъ III, вызвавшимъ его въ Вѣну. Въ дѣлѣ воспитанія поколѣнія, дѣйствовавшаго въ эпоху великой французской революціи, женщинамъ принадлежитъ чуть ли не главная роль. Въ жизни Шиллера, Гёте и многихъ другихъ писателей ихъ матери и другія женщины имѣли также громадное значеніе. Вообще, умственное вліяніе женскаго пола въ знаменательнѣйшую эпоху европейской исторіи, въ XVIII в., было неизмѣримо. Женщина была воспитательницею цѣлыхъ поколѣній патріотовъ и героевъ. Она была музою, помощницею и совѣтницею писателей, верховнымъ судьею ихъ и защитницею отъ гоненій правительствъ. Французскіе салоны еще въ первой четверти XVIII в. сдѣлались центрами умственной и политической жизни. Дамы аристократіи и буржуазіи, собирая у себя ученыхъ, художниковъ, поэтовъ, государственныхъ дѣятелей, увлекались модою образованности, а многія стояли даже во главѣ умственнаго движенія, охватывавшаго тогда общество, серьезно занимались наукой, давали ходъ извѣстнымъ книгамъ, теоріямъ, музыкальнымъ піэсамъ и т. д. Конечно, не мало было между этими барынями пустыхъ фразерокъ, которыя, полиберальничавъ въ молодые годы, дѣлались на старости святошами и отвратительными суевѣрками; но не мало было между ними и женщинъ, вполнѣ достойныхъ уваженія. Въ Англіи, Италіи, Швеціи, Германіи въ XVIII в. было также не мало дамскихъ салоновъ и серьезно образованныхъ женщинъ, покровительствовавшихъ наукамъ и искусствамъ или имѣвшихъ умственное вліяніе на ученыхъ и художниковъ. Въ Германіи въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежало Рахели Варнгагенъ-фонъ-Энзе (1771—1833), которая была въ личныхъ или письменныхъ сношеніяхъ съ лучшими представителями нѣмецкой литературы и имѣла на нихъ большое вліяніе. «Ея салонъ въ

Берлинѣ былъ умственною мастерскою», по выраженію Шерра. Не менѣе вліянія имѣла и знаменитая Шарлотта Кальбъ.

Вліяніе женщинъ на европейскую литературу было особенно важнымъ для популяризаціи знаній. Съ тѣхъ поръ, какъ женщины приняли самое дѣятельное участіе въ умственномъ движеніи, наука стала отбрасывать свои схоластическіе пріемы и заговорила понятнымъ для всѣхъ языкомъ. Вѣроятно, вслѣдствіе того же женскаго вліянія, французскіе писатели удержали за собой навсегда одно изъ своихъ главныхъ достоинствъ—популярность и ясность изложенія.

Женщины имѣли не одно только посредственное вліяніе на умственное движеніе Европы,—онѣ участвовали въ немъ непосредственно. Медицина и естествознаніе попрежнему оставались ихъ *любимою* профессіей вплоть до реакціи XVIII в. Анна Меццолини Моранди (1717—1774 г.), бывшая членомъ многихъ ученыхъ обществъ, отличавшаяся въ скульптурѣ и живописи, занимала въ Болоньѣ каѳедру анатоміи. Марія Магдалина Петраччини (1759—1791 г.) славилась въ Италіи своими медицинскими знаніями, имѣла большую практику и оставила сочиненіе «о физическомъ воспитаніи дѣтей». Въ 1799 г. въ Болоньѣ получила степень доктора хирургіи Марія Мастеллари. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія многія итальянки пріобрѣли извѣстность своими знаніями и трудами въ области естественныхъ наукъ, физики, математики и филологіи, какъ, напр., Клелія Гримальди Дураццо, Елизавета Фіорини, Лаура Босси и мн. др. Росси упоминаетъ объ одной женщинѣ, читавшей въ его время университетскія лекціи о греческой литературѣ. Онъ слушалъ у нея курсъ и былъ очарованъ ея ученостью, ея блестящимъ умомъ и граціей. Во Франціи ученыхъ женщинъ было множество. Однимъ перечисленіемъ ихъ именъ и сочиненій можно занять нѣсколько страницъ. Между ними болѣе замѣчательны дѣвица Гурне, другъ и усыновленная дочь Монтэня; мадамъ Дасье, знаменитая переводчица произведеній классической древности, оказавшая своими трудами весьма важное вліяніе на французскую литературу; Эмилія де-Бретейль (1706—1749 г.), переведшая на французскій языкъ сочиненія Лейбница и Ньютона съ такими введеніями и замѣчаніями, которыя Вольтеръ называетъ образцовымъ произведеніемъ ума и краснорѣчія. Астроному Лаланду помогали въ его трудахъ жена его, оставившая сочиненіе «tables horaires», и мадамъ Дюпьери, дѣлавшая самостоятельныя астрономическія изслѣдованія и написавшая для Лаланда нѣсколько разсужденій, которыя онъ помѣстилъ въ своей астрономіи для дамъ. Жена знаменитаго химика Лавуазье принимала дѣятельное участіе въ его трудахъ и изслѣдованіяхъ. Сестра Паскаля, помогавшая ему во всѣхъ его работахъ, по своей разносторонней учености и по уму мало чѣмъ уступала этому всеобъемлющему и талантливому мыслителю. Не менѣе француженокъ извѣстно своими мемуарами, историческими и педагогическими сочиненіями. Начиная съ XVIII в., француженки взяли въ свои руки воспитаніе дѣтей не только въ своемъ отечествѣ, но и за границей. Французскія гувернантки и учительницы вскорѣ распространились по всему образованному міру. Въ эпоху революціи француженки выступили и на поприщѣ публицистики. Такъ въ 1761 г. дѣвица Бермантъ представила нантской академіи замѣчательное изслѣдованіе о сравнительныхъ заслугахъ бесллетристовъ и моралистовъ. Въ 1789 г. мадамъ Леруа издала «Проектъ гражданки объ истребленіи золъ, угнетающихъ Францію, о возстановленіи порядка въ судахъ и администраціи». Въ 1792 г. дѣвица Лезардьеръ издала въ четырехъ томахъ «Теорію политическихъ законовъ французской монархіи», которой Варнкенигъ въ своей исторіи французскаго права приписываетъ весьма важное значеніе. Литературная дѣятельность мадамъ Сталь извѣстна каждому. Въ области медицины француженки славились не одною только практикой, но могли соперничать съ мужчинами и въ теоріи. Такова была, напр., актриса Гланіонъ, пріобрѣтшая себѣ громкую извѣстность своими обширными познаніями въ медицинѣ, хирургіи, фармацевтикѣ и ботаникѣ. Г-жи Роланъ и Жанлисъ занимались медициною и лѣчили больныхъ. Мадамъ Кастанье, получившая докторскій дипломъ въ 1794 г., была послѣднею женщиною-медикомъ во Франціи. Въ Англіи замѣчательныя своею ученостью женщины являются еще въ XVI в., какъ, напр., Елисавета Бартонъ, леди Грей, двѣ дочери знаменитаго канцлера Томаса Моруса, Катарина Маколей (1738—1791 г.), написавшая между прочимъ замѣчательную исторію Англіи, книгу о непреложности нравственной истины и мн. др. Въ Германіи съ XVII в. также пробуждается ученая дѣятельность женщинъ, которой предшествовало изданіе многихъ женскихъ сочиненій, доказывавшихъ способность и право женскаго пола на занятіе науками. Знаменитѣйшею ученою того времени была Анна-Марія Шурманъ (1607—1675). Искусная въ скульптурѣ и живописи, она основательно знала четырнадцать языковъ, философію, астрономію, географію и возбуждала такое уваженіе къ себѣ во всѣхъ образованныхъ людяхъ Европы, что никто изъ нихъ не бывалъ въ Утрехтѣ, не посѣтивъ ея дома. Дочь извѣстнаго историка и публициста Шлецера, Теодора (1770—1825 г.), изучившая нѣсколько языковъ, исторію, математику, физику, горнозаводство и написавшая исторію русскихъ монетъ, получила въ Геттингенѣ степень доктора философіи. Еще большей извѣстностью пользуется Тереза Якобъ, родившаяся въ Галлѣ въ 1797 г. Ея переводы сербскихъ народныхъ пѣсенъ, ея изслѣдованіе о славянскихъ языкахъ, о германской народной поэзіи, о подлинности оссіановскихъ поэмъ, наконецъ, ея исторія колонизаціи Новой Англіи до сихъ поръ не потеряли значенія въ нѣмецкой литературѣ. Въ естественныхъ наукахъ извѣстны своими трудами дочь лѣкаря Куниціуса, сдѣлавшая много изслѣдованій въ астрономіи и оставившая нѣсколько сочиненій по этой наукѣ; Марія Кирхъ (1670—1720) и Каролина Гершель, открывшая въ 1791 г.

нять планетъ, также извѣстны въ исторіи астрономіи. Нѣсколько нѣмокъ въ XVII и XVIII в. имѣли дипломы медиковъ, и многія акушерки пріобрѣли извѣстность въ родовспомогательномъ искусствѣ. Вслѣдъ за француженками и англичанками нѣмки начали дѣлать отдаленныя путешествія по Европѣ и другимъ частямъ свѣта, и много сочиненій этихъ путешественницъ занимаетъ почетное мѣсто въ этнографической литературѣ.

Въ беллетристикѣ и поэзіи женщины давно уже упрочили свое положеніе во всѣхъ странахъ Европы. Имена Скюдери, Севинье, Жанлисъ, Сталь, Фелиціи Гименесъ и множества другихъ писательницъ извѣстны всѣмъ, знакомымъ съ исторіей литературы. Женщина пріобрѣла себѣ полное право на эту дѣятельность, но такое пріобрѣтеніе стоило ей не малыхъ усилій, какъ это хорошо видно изъ исторіи нѣмецкихъ писательницъ. Не смѣя выйти за границу патріархальныхъ обычаевъ, первыя нѣмецкія поэтессы писали только о такихъ предметахъ, занятіе которыми никто не могъ поставить въ упрекъ женщинѣ; онѣ перелагали въ стихи житія святыхъ, псалмы, молитвы; затѣмъ начали брать сюжеты для своихъ произведеній изъ сферы семейства, воспѣвали колыбель ребенка, родину, бракъ и другіе случаи семейной жизни. Вотъ, напр., заглавія нѣкоторыхъ стихотвореній поэтессы XVIII в. Анны Барбары Кнаккрюгенъ: «псалмы Давида», «пѣснь Іереміи», «притчи», «мысли при работѣ», «о терпѣніи», «о громѣ», «*размышленія при мытьѣ бѣлья*», «размышленія при кровопусканіи», «при наймѣ прислуги» и т. д. Всѣ почти подобныя писательницы доказывали, при всякомъ удобномъ случаѣ, что онѣ въ своихъ стихотвореніяхъ говорятъ о матеріяхъ вполнѣ приличныхъ и нисколько не выходятъ изъ сферы, предназначенной женщинѣ. Затѣмъ нѣмки сдѣлали шагъ еще далѣе, начавъ воспѣвать разные предметы и явленія природы; наконецъ онѣ добрались и до любви, послѣ чего вскорѣ дѣятельность германскихъ беллетристокъ, какъ и беллетристокъ всей остальной Европы, устремилась, главнымъ образомъ, на пропагандированіе свободы чувства и много содѣйствовала развитію и распространенію идей женской эманципаціи.

Мы не будемъ здѣсь перечислять множества женщинъ, прославившихся своими произведеніями и талантами въ области живописи, музыки, скульптуры, пѣнія, въ драматическомъ искусствѣ. Замѣтимъ только, что искусства въ Европѣ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ древняго и новаго міра, были сильными средствами для освобожденія множества женщинъ отъ семейной неволи и экономической зависимости. Драматическое искусство получило свою настоящую силу и значеніе только со времени появленія на сценѣ женщинъ. Патріархальные нравы долго не дозволяли женщинѣ быть актрисою; въ Италіи и Франціи женщины завоевали себѣ это право въ XVI в., а въ Португаліи женщина появилась въ первый разъ на лиссабонской сценѣ только въ 1755 г. Сколько церковныхъ проклятій, полицейскихъ насилій, общественнаго презрѣнія, сколько нападокъ, брани, скандаловъ выносили, а частію даже до сихъ поръ выносятъ женщины за свое званіе актрисы, за *свое* служеніе возвышеннѣйшему изъ искусствъ! А между тѣмъ, драматическое искусство получило свою настоящую силу и значеніе лишь со времени появленія на сценѣ женщинъ, которыя не только оживили драму и комедію, но и содѣйствовали возникновенію и развитію оперы.

Начиная съ XVI в., женщины пріобрѣтаютъ сильное вліяніе на государственныя дѣла. Королевы-супруги, королевы-матери, метрессы королей и принцевъ, придворныя дамы играютъ чрезвычайно важную роль въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, въ жизни двора и общества, въ искусствѣ и литературѣ. Дамы рѣшаютъ дѣла управленія, назначаютъ важнѣйшихъ чиновниковъ, устанавливаютъ налоги, возбуждаютъ войны, заключаютъ миръ. Старинная Франція употребляла женщинъ въ качествѣ посланниковъ; г-жа Delahaye-Vantelay была посланницей въ Венеціи, мадамъ Гебріанъ въ Польшѣ; Катеринѣ Клермонтъ *было* поручено отвѣчать польскимъ посланникамъ, прибывшимъ съ извѣстіемъ объ избраніи герцога анжуйскаго въ короли Польши. Въ Англіи, Италіи, Германіи—всюду видимъ мы это владычество женщинъ. Особенно сильно и продолжительно было оно во Франціи. Женщины пріобрѣтали свободу и власть большею частью посредствомъ *проституціи* и, принадлежа по духу своей общественной среды и по воспитанію къ эксплуататорскому сословію феодаловъ, онѣ, достигая власти, не думали ни о чемъ другомъ, кромѣ удовлетворенія своего честолюбія, составленія себѣ сильной партіи, роскоши и удовольствій, угнетенія и эксплуатаціи народа. Это были рабыни, освободившіяся отъ своихъ господъ и покорившія ихъ посредствомъ интригъ, преступленій и пороковъ. Поэтому-то эманципація и владычество женщинъ XVII и XVIII в. принесли Европѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Старые порядки были такого сорта, что при нихъ могла эманципироваться только досужая, богатая, кокетливая, изнѣженная барыня, которая, достигнувъ свободы путемъ интриги, лжи и порока, становилась развратительницею и тиранкою какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, стоявшихъ ниже ея. Кромѣ этого зла, эманципація барынь вела за собою во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, еще не меньшее и гораздо болѣе прочное зло. Аристократизмъ, комфортъ, роскошь и кокетство развили въ женщинахъ ту слабость, раздражительность, изліяніе чувствительность, легкомысліе и вялость характера, которыя Риль справедливо называетъ *чрезмѣрной женственностью*, Ueberweiblichkeit, и на основаніи которыхъ Мишле заключаетъ, что «женщина—это болѣзнь, существо больное». Вліяніе такихъ женщинъ на литературу заразило послѣднюю сентиментальностью, болтливостью, фельстопною пустотою. Мужчины обабились и потеряли силу характера. «Не подлежитъ сомнѣнію,—справедливо замѣчаетъ Шлоссеръ,—что отъ женскаго вліянія жизнь французской націи потеряла серьезный характеръ, и французы пріучились относиться ко всему какъ-то слегка и поверхностно». Несчастны времена, когда можно достигать свободы

только женщинамъ высшихъ классовъ и достигать не путемъ честнаго труда, а путемъ интриги и порока! Между тѣмъ, этотъ путь до сихъ поръ былъ самымъ надежнымъ и самымъ употребительнымъ. Пора бы понять людямъ, что не только задерживать, но даже пассивно относиться къ дѣлу женскаго освобожденія, значитъ губить и развращать нравственность народа, разрушать семейство, совращать женщинъ на путь лжи, порока и преступленія. Неравенство есть рабство, а рабство портитъ и господъ, и невольниковъ.

XVIII.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ, когда начался великій экономическій переворотъ въ жизни Европы, золото сдѣлалось всемогущимъ богомъ, и Христофоръ Колумбъ писалъ: «золото—превосходная вещь. Золото создаетъ богатства. Съ золотомъ можно сдѣлать все, что только желательно въ этомъ мірѣ. Съ помощью его можно даже проводить души въ рай» *). Не даромъ же французскіе короли напрягали всѣ усилія для накопленія этого божественнаго металла, особенно со времени того Филиппа, котораго официальная исторія назвала Прекраснымъ, тампліеры—Палачомъ, а народъ — Фальшивымъ монетчикомъ. Уничтоживъ орденъ тампліеровъ и овладѣвъ ихъ богатствами, Филиппъ началъ преслѣдовать и грабить евреевъ, занимаясь въ то же время въ обширныхъ размѣрахъ фабрикаціей фальшивой монеты, сдѣлавшейся королевской монополіей. При королѣ Жанѣ, въ 1351—1355 гг., издано 76 указовъ, измѣнявшихъ цѣнность монеты. Королевскіе поборы были ужасны. На одинъ только выкупъ изъ плѣна короля Жана и его рыцарей было собрано на нынѣшнія деньги 500.000,000 фран. Одна только подать taille составляла при королѣ Карлѣ VI 1.800,000 франковъ, при Людовикѣ XI—4,800,000 фр., при Францискѣ I—9.000,000 фр. Откупщики налоговъ и чиновники фиска обирали страну догола. Въ то же время, пользуясь постоянными смутами гражданскихъ войнъ, приближенные короля и феодалы пользовались всякимъ случаемъ для захвата богатствъ. Братъ Карла V, герцогъ Анжуйскій, ограбившій весь Лангедокъ, въ одномъ только Монпелье пріусадилъ 200 гражданъ къ сожженію, 200—къ отсѣченію головы и 1,800—къ конфискаціи имуществъ, да кромѣ того наложилъ на весь городъ контрибуцію въ 600,000 ливровъ. Когда Карлъ V умиралъ, герцогъ, спрятавшись во дворцѣ, карауллъ добычу и, лишь только король испустилъ послѣдній вздохъ, онъ захватилъ его деньги и слитки, затѣмъ, призвавъ палача, велѣлъ ему пытать королевскаго казначея, чтобы онъ указалъ, гдѣ спрятаны имъ королевскія сокровища. Братъ его, герцогъ Беррійскій, былъ не менѣе жестокъ, но менѣе жаденъ и расточителенъ. Весь Лангедокъ былъ отданъ въ добычу его безчеловѣчнымъ агентамъ. Одному только своему шуту герцогъ подарилъ 200,000 ливровъ. Онъ строилъ и украшалъ церкви, давалъ множество работы ювелирамъ, живописцамъ, архитекторамъ, золотыхъ дѣлъ мастерамъ. Его дворцы и замки были роскошнѣйшими зданіями своего времени. Третій братъ, герцогъ Бургонскій, имѣлъ самый великолѣпный дворъ во всей Европѣ. Младшій сынъ Карла V, Людовикъ Орлеанскій, былъ немного лучше другихъ принцевъ, и его ослѣпительная роскошь имѣла артистическій характеръ. Окруженный артистами, учеными, менестрелями, онъ щедро награждалъ ихъ, украшалъ дворцы и церкви художественными произведеніями изъ золота, драгоцѣнными камнями, картинами, коврами. Въ царствованіе Карловъ VI, VII и VIII роскошь двора дошла до крайности, и столица Франціи уже въ началѣ XIV вѣка была украшена, по выраженію современника, «столь громадными и столь многочисленными дворцами вельможъ, что изъ нихъ однихъ могъ бы составиться очень большой городъ». Дорогая мебель, золотая посуда, картины, статуи, ковры, шелковыя ткани, парча, цѣлые арсеналы дорогого оружія, музыкальные инструменты, тропическія животныя превращали эти палаццо въ волшебные замки, -роскошь которыхъ дѣйствовала тѣмъ ослѣпительнѣе, чѣмъ ужаснѣе была окружающая ее нищета народа. Французскіе короли и дворяне особенно старались пустить пыль въ глаза иностранцамъ. Такъ въ 1507 году на турниръ въ Миланѣ обратилъ на себя общее вниманіе маршалъ Тривюльсъ. Онъ привезъ съ собою массу золотой и серебряной посуды. 1,200 человѣкъ его слугъ были одѣты въ черномъ бархатѣ, остальные носили шелковое платье. Зала въ 120 шаговъ была устлана синимъ бархатомъ, усѣяннымъ золотыми лиліями и звѣздами. Пятьсотъ креслъ для дамъ было обито бархатомъ и сукномъ съ золотымъ тканьемъ. Всѣ присутствовавшіе были одѣты тоже роскошно, въ томъ числѣ 1,200 дамъ, въ шелкахъ, бархатѣ, парчѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ. И не только въ городахъ и замкахъ, но и въ лагерѣ, во время походовъ господствовала изумительная роскошь, какъ, напр., при снаряженіи въ 1386 году экспедиціи противъ Англіи, когда въ делеклюзкомъ портѣ собрано было 1,287 судовъ да почти столько же въ Трегье. Каждый изъ участвовавшихъ въ этой экспедиціи сеньоровъ старался превзойти другихъ роскошью своей обстановки. Внутри корабли были убраны всѣмъ, что было цѣннаго и прекраснаго въ замкахъ, а снаружи нѣкоторые изъ нихъ были даже разволочены и расписаны лазурью; паруса были вышиты золотомъ, и у каждаго рыцаря были его цвѣта. Эта военная роскошь въ значительной степени поддерживалась грабежемъ. Когда, напр., при Людовикѣ XI былъ разбитъ Карлъ, герцогъ бургонскій, то, разграбивъ его лагерь, солдаты продавали за безцѣнокъ золотую и серебряную посуду, шелковые и бархатные шатры, унизанные жемчугомъ, поддерживавшія ихъ веревки изъ золотой пряжи, фландрскія кружева, аракіе ковры и т. д. Огромный брильянтъ герцога, проданный за 1 экю, потомъ перепродавался за 5, за 7, за 20 тысячъ дукатовъ, а въ 1835 году Демидовъ заплатилъ за него полмиліона.

Если сеньоръ украшалъ и свой домъ, и своихъ

*) Торговля индульгенціями.

слугъ, и даже свою лошадь обвѣшивалъ золотомъ и серебромъ, то тѣмъ болѣе онъ заботился о собственномъ костюмѣ. Одинъ поэтъ XIV вѣка совѣтовалъ дворянамъ «постоянно мѣнять платье, одинъ день надѣвать голубое, другой—бѣлое, третій—сѣрое; сегодня ходите въ длинномъ костюмѣ, какъ университетскій докторъ, а завтра носите короткій и узкій», и т. д. Въ XV вѣкѣ, по словамъ одного проповѣдника, уже всѣ мужчины ходили въ шелкѣ и бархатѣ, даже лакеи, щеголявшіе золотыми ожерельями и перстнями. Дамы своею роскошью и щегольствомъ далеко оставляли за собою сеньоровъ, особенно со времени Изабеллы Баварской, у которой однихъ только большихъ брильянтовъ было 93. Дамскій нарядъ былъ весь покрытъ золотомъ, жемчугомъ, каменьями, и въ то же время дозволялъ видѣть прелести въ особыя отверстія, которыя проповѣдники того времени называли «окнами ада». Дамская роскошь особенно усилилась съ наступленіемъ при Карлѣ VII эпохи фаворитокъ въ лицѣ Агнесы Сорель. Ея безчисленныя платья имѣли шлейфы втрое длиннѣе шлейфовъ любой принцессы; ея кружева, перчатки, чулки, постель, бѣлье, посуда, куафюры, усыпанныя брильянтами, костюмы, обнажавшіе грудь до желудка,—все сіяло великолѣпіемъ, небывалымъ до того времени. Всѣ дамы старались подражать Агнесѣ, и сама она, по выраженію временника, возбуждала ихъ къ тому, «обучаясь день и ночь увлекать мужчинъ и подавать честнымъ женщинамъ примѣръ попиранія чести и нравственности, и такимъ образомъ успѣла околдовать прекрасный полъ въ большей части Франціи». Послѣ Агнесы ея мѣсто заняла ея прекрасная племянница, которая, говоритъ лѣтописецъ, «держала при себѣ пять или шесть красивѣйшихъ въ королевствѣ дѣвицъ, всюду слѣдовавшихъ за королемъ. Онѣ одѣвались чрезвычайно роскошно и составляли великолѣпный и веселый дворъ, который своею роскошью превосходилъ дворъ любой королевы». При Карлѣ VIII дворъ получилъ еще большее развитіе, состоя изъ множества молодыхъ сеньоровъ и *почетныхъ дѣвицъ*, контингентъ которыхъ впервые былъ набранъ Анной Бретанской. «Ея дворъ — говоритъ Брантомъ—былъ лучшею школою для дамъ, которыя, подражая ей во всемъ, становились мудрыми и добродѣтельными». Благодаря интригамъ и обаянію женщинъ, дворъ становился силою и обязательнымъ образцомъ для всего общества, но слова Брантома о томъ, что онъ былъ школою добродѣтели, имѣютъ условное значеніе. Съ дѣтства Карла VI, со времени регентства герцога орлеанскаго, у котораго, по выраженію лѣтописца, было столько же метрессъ, сколько дней въ году,— началась оргія, какой не бывало во Франціи ни прежде, ни послѣ того. Особенною распущенностью отличались тогда заимствованные изъ Италіи маскарады, на одномъ изъ которыхъ, въ 1393 г., чуть было не погибъ Карлъ VI. На свадьбѣ придворной дамы, выходившей за четвертаго мужа, устроено было для молодыхъ обычное въ то время скабрезное шаривари, въ которомъ въ числѣ другихъ, замаскированныхъ демонами, находился и король. Во время неистоваго танца этихъ демоновъ герцогъ орлеанскій бросилъ въ нихъ факелъ, костюмы ихъ вспыхнули и всѣ пятеро сгорѣли живыми, такъ что «члены ихъ отваливались кусками и кровь заливала полъ залы». Короля успѣли спасти, и онъ благодарилъ за это небо въ торжественной процессіи, въ которой всѣ принцы шли босикомъ отъ Монмартрскихъ воротъ до собора Богоматери. Это шаривари было въ то время явленіемъ обычнымъ, и свадебные обряды высшаго общества отличались крайнимъ цинизмомъ: не только мужчины, но даже дѣвицы подслушивали у спальни, издавъ ли молодая крикъ, и т. д. При Карлѣ VI особенною вольностью отличалась жена его Изабелла съ своею свитою, такъ что однажды проповѣдникъ обратился въ церкви къ королевѣ съ такою рѣчью: «Я не желалъ бы, добрая королева, сказать что-нибудь непріятное вамъ, но ваше спасеніе для меня дороже вашей милости, и я выскажу одну правду. Богиня Венера одна царствуетъ при вашемъ дворѣ: пьянство и распущенность составляютъ ея свиту и превращаютъ день въ ночь». Сказавъ затѣмъ о чрезмѣрной роскоши, примѣръ которой Изабелла подавала всему обществу, проповѣдникъ продолжалъ: «всюду, благородная королева, говорятъ объ этихъ и другихъ излишествахъ, безчестящихъ вашъ дворъ. Если вы не вѣрите, то пройдите сами въ одеждѣ бѣдной женщины по городу, и вы услышите, что каждый говоритъ объ этомъ». При Карлѣ VII оргія продолжалась съ прежнею силою. Сынъ его, Людовикъ XI, съ ранняго дѣтства былъ окруженъ женщинами, и вся жизнь его состояла изъ непрерывнаго ряда любовныхъ похожденій, разсказами о которыхъ наполнены хроники. Объ его времени можно судить уже по одному тому, что при встрѣчѣ его въ Парижѣ въ 1461 г. были выставлены, какъ выражается хроникеръ, «три прелестныя дѣвицы, совершенно обнаженныя, что было очень хорошо», а попуган произносили только непотребныя слова. Карлъ VIII умеръ рано и скоропостижно потому,— говоритъ Брантомъ,—что слишкомъ ужъ любилъ женщинъ. Вслѣдствіе походовъ въ Италію, итальянскіе пороки быстро распространялись при этомъ королѣ во Франціи, въ которой появилось множество итальянокъ, задававшихъ тонъ обществу и сдѣлавшихся наставницами француженокъ. Роскошь и распущенность нравовъ отъ дворянства переходили и къ буржуазіи. Еще жена Филиппа Прекраснаго при видѣ богатыхъ горожанокъ жаловалась, что она сначала только одну себя считала королевою, но теперь видитъ ихъ сотнями. Дворянство и короли хотѣли сдѣлать роскошь своею монополіей и обуздать буржуазію указами. Буржуа, напр., дозволялось имѣть за обѣдомъ «только 2 блюда, въ большіе праздники 3 блюда, а въ постные дни похлебку изъ селедей».—«Буржуазка не можетъ имѣть экипажа, носить горностая, золотую или серебряную діадему. Дѣвица, если она не дворянка, не имѣетъ права дѣлать себѣ болѣе двухъ платьевъ въ годъ». Но всѣ эти запрещенія не вели ни къ чему, и уже въ XV в. богатые буржуа въ своихъ блестящихъ палацо вели такую же роскошную жизнь, какъ и дворяне. Между

буржуазіей и дворянствомъ было только то различіе, что первая при всей своей роскоши не теряла своего дѣловитаго характера; высшій же классъ предавался чисто безумному кутежу, не смотря на войны, эпидеміи, голодъ и всякія другія бѣдствія, доводившія страну до послѣдней погибели. Въ «Дневникѣ Парижскаго Буржуа» 1418—1421 г. читаемъ: «по всему Парижу раздаются жалобные стоны дѣтей, вопіющихъ: «мы умираемъ съ голоду». На одной навозной кучѣ можно видѣть по 20, по 30 дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, умершихъ отъ голода и холода. Они умираютъ такъ скоро, что на кладбищахъ приходится рыть большія ямы, въ которыхъ ихъ погребаютъ по 30, по 40 вмѣстѣ, едва прикрывая землю, и тѣ, которые занимаются этимъ, утверждаютъ, что они погребли уже болѣе 100,000 человѣкъ. Стаи волковъ рыскаютъ по полямъ и ночью забѣгаютъ даже въ Парижъ, привлекаемыя трупами. Земледѣльцы покидаютъ поля и говорятъ между собой: «Пойдемъ въ лѣса къ дикимъ звѣрямъ; простите, жены и дѣти, намъ не остается болѣе ничего дѣлать, какъ отдаться въ руки дьяволу». И въ это самое время высшее общество столицы думало только о балахъ, маскарадахъ, музыкѣ и другихъ удовольствіяхъ, при чемъ будущій Карлъ VII днемъ и ночью бѣгалъ по улицамъ съ пѣснями и неистовыми криками, а въ 1424 г. на кладбищѣ, среди множества свѣжихъ могилъ, были устроены бѣшеные «танцы мертвыхъ».

Въ 1506 г., въ засѣданіи генеральныхъ штатовъ, Тома Брико, депутатъ отъ парижской буржуазіи, говорилъ Людовику XII: «Во времена смутъ и тревогъ, когда доходы короны считались недостаточными, вы на цѣлую треть уменьшили налоги; вы, государь, обезпечили безопасность и спокойствіе подданныхъ мудрыми законами и обуздали пеистовство солдатъ строгою дисциплиной. Земледѣлецъ уже не трепещетъ при видѣ воина, и, говоря словами пророка, овца пасется среди волковъ и коза веселится между тиграми. Благоволите же, государь, принять титулъ отца народа, который онъ подноситъ сегодня въ моемъ лицѣ». Семнадцатилѣтнее царствованіе Людовика было истиннымъ благодѣяніемъ для страны; врагъ всякой роскоши, онъ говорилъ: «пусть лучше придворные смѣются надъ моею бережливостью, чѣмъ народъ плачетъ отъ моей расточительности». Но съ воцареніемъ Франциска I времена совершенно измѣнились. Первые годы своего правленія онъ провелъ въ разъѣздахъ по королевству, сопровождавшихся шумными и роскошными празднествами. «Удивительнѣе всего то,—говоритъ Брантомъ,—что гдѣ бы ни останавливался онъ, въ деревнѣ, въ лѣсу, въ ратушѣ, всюду его принимали такъ же, какъ въ Парижѣ». Анжуйская провинція была въ концѣ разорена этими поѣздками; настали голодъ, потомъ чума. Разорялся народъ, разорялись и дворяне, которые, по выраженію современника, являлись на эти празднества, «таща на своихъ плечахъ свои мельницы, лѣса и поля». Король окружилъ себя еще небывалою пышностью. При немъ состояло 27 метръ-д'отелей, получавшихъ 16.400 ливровъ, что выйдетъ, по крайней мѣрѣ, впятеро больше на нынѣшнія деньги; 33 хлѣбодара получали 33.800 л.; 20 мундшенковъ — 8.300 л; 15 офиціантовъ—6.200 л.; все это были люди аристократическаго происхожденія. Кромѣ того, при королевской кухнѣ состояло еще 49 чел., получавшихъ 8.270 ливровъ. Кромѣ кухни короля, была еще придворная, стоившая столько же. Столъ былъ одною изъ главныхъ статей дворцоваго бюджета, достигшаго при Францискѣ до 3.000.000 ливровъ на тогдашніе деньги. Превративъ гордыхъ феодаловъ въ своихъ придворныхъ, Францискъ обставилъ всѣ отрасли хозяйства съ такимъ же блескомъ, какъ и свою кухню. При немъ состояло, напр., 47 милостынниковъ, въ томъ числѣ 1 кардиналъ и 8 епископовъ, 6 капелановъ, 62 камергера и цѣлая армія медиковъ, хирурговъ, библіотекарей, цырюльниковъ лакеевъ, конюховъ. При дворѣ держалось до 12.000 лошадей, множество собакъ, псарей, охотниковъ. Всѣ эти люди получали щедрыя жалованья, подарки, пенсіи, а частныя королевскія празднества своимъ блескомъ изумляли всю Европу. Эти роскошныя празднества продолжались и въ слѣдующія царствованія, вплоть до Людовика XIV, когда они достигли высшей степени блеска. Таково было, напр., въ 1581 г. праздноваліе свадьбы герцога Жойеса, сопровождавшееся шестнадцатью другими праздниками, данными принцами и сеньорами. Король истратилъ на этотъ праздникъ болѣе 1.200.000 экю. Двору подражали и дворяне, и буржуа. Столъ сдѣлался изысканнымъ, вина потреблялись въ громадныхъ количествахъ, и вѣчнымъ памятникомъ этого гигантскаго обжорства служитъ сатира Рабла. Въ замкахъ держался открытый столъ для странниковъ и нищихъ, а въ торжественные дни приглашалось все окрестное населеніе и угощалось нерѣдко до 10, даже до 30 тысячъ человѣкъ. На свадьбахъ пировали по нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ. Число блюдъ считалось иногда сотнями, даже тысячами. Столовая посуда была изъ серебра и золота, которыя шли также на украшеніе гражданскихъ и военныхъ костюмовъ. Особенною роскошью отличались военные сановники, напр., маршалъ С.-Андре. «Пышностью и великолѣпіемъ прекрасной обстановки,—говоритъ современникъ,—онъ превосходилъ даже королей, а его дома были прекраснѣйшими въ цѣлой Франціи; когда же послѣ его смерти его имущество распродавалось въ Парижѣ съ аукціоновъ, то послѣднимъ не предвидѣлось и конца, такъ они были продолжительны... Этотъ маршалъ по своей роскоши, пышности и великолѣпію былъ настоящимъ Лукулломъ». Отъ военачальниковъ роскошь переходила къ простымъ офицерамъ, даже къ солдатамъ, отъ дворянства—къ простымъ сословіямъ. «Гордость болѣе и болѣе усиливается во всѣхъ классахъ общества,—говоритъ современникъ:—городскіе буржуа хотятъ одѣваться, какъ дворяне, дворяне роскошничаютъ, какъ принцы, и даже деревенскіе жители стараются подражать городскимъ буржуа». При Генрихѣ III костюмъ дворянки почти ничѣмъ не отличался отъ костюма буржуазки, кромѣ черной бархатной шляпки и маски. И дворянка, и буржуазка носили одинъ и тотъ же корсажъ, панье,

кринолинъ и т. д. Франція сдѣлалась законодательницей модъ для всей Европы.

Этимъ она обязана дамѣ, которая въ XVI и XVII в. пріобрѣла въ ней такое важное значеніе. При Франциск'ѣ I, который говаривалъ, что «дворъ безъ дамъ—это садъ безъ цвѣтовъ и скорѣе похожъ на дворъ турка или сатрапа, чѣмъ на дворъ всехристіанѣйшаго короля»,—дворъ былъ украшенъ множествомъ красивѣйшихъ дамъ и дѣвицъ, игравшихъ въ немъ первостепенную роль. Главная метресса короля, герцогиня д'Этампъ, распоряжалась всѣмъ, и всѣ должности судебныя, финансовыя, военныя раздавались ея родственникамъ, друзьямъ и прихлебателямъ. Герцогиня тщеславилась даже тѣмъ, что можетъ распоряжаться папою и черезъ него раздавать кардинальскія шапки. Во все время владычества герцогини у короля появлялись и другія метрессы, но онѣ не играли важной роли и назывались *помощницами мадамъ Анны*. Герцогиня д'Этампъ не мѣшала королю и сохраняла свою власть надъ нимъ до конца его царствованія, когда появилась на сценѣ прелестная Діана Пуатье, перешедшая послѣ смерти Франциска къ Генриху II. Это была рѣдкая красавица и, по свидѣтельству современника, въ 70 лѣтъ была такъ же прекрасна, свѣжа и любезна, какъ въ 30. Какъ волшебница, сорокавосьмилѣтняя Діана заключила короля въ своемъ замкѣ д'Анѣ, съ его безчисленными статуями, великолѣпными портиками, парками. Здѣсь шли одни за другими шумныя охоты, въ которыхъ участвовали и придворныя дамы, балы, обѣды, спектакли, маскарады, и всѣмъ этимъ заправляла Діана. Она призывала на помощь себѣ искусство и являлась то Діаною-охотницей, обнимающей оленя, то новой Ледой съ букетомъ цвѣтовъ. Въ статуяхъ, на картинахъ, въ арабескахъ—всюду была Діана, и во всѣхъ королевскихъ зданіяхъ красовались начальныя буквы Дианы и Генриха. Діана не ревновала, не мѣшала похожденіямъ короля и управляла всѣмъ. Франція гласно признавала ее своею повелительницей, и всюду ея вензель выставлялся рядомъ съ королевскимъ. Генрихъ не стѣснялся даже публично показываться верхомъ, имѣя позади себя обнимавшую его Діану.

Во время владычества Дианы распущенность нравовъ дошла до такой степени, что высшіе классы сбросили съ себя даже маску добродѣтели, которою до той поры нѣсколько прикрывались. «Въ то время,—говоритъ Соваль,—какъ вдовы и замужнія дамы предавались всѣмъ излишествамъ любви, дѣвицы дѣлали то же самое, потерявъ всякій стыдъ и гордо держа свои головы». Брантомъ свидѣтельствуетъ, что большая часть дѣвицъ выходила замужъ, уже испытавъ удовольствія любви. Вся жизненная обстановка была устремлена къ возбужденію чувственности. Множество итальянскихъ художниковъ, приглашенныхъ Франциском'ъ I и Генрихомъ II, своими картинами, статуями, барельефами служили той же цѣли. «Леонардо да-Винчи, Бенвенуто Челини, Приматиче, Россо,—говоритъ Дюфуръ,—величайшіе артисты Возрожденія, подчинялись развращеннымъ вкусамъ современниковъ. Греческія и римскія эпопеи распространялись всюду во всевозможныхъ формахъ съ такою смѣлостью, словно Франція сдѣлалась языческою, и женщины потеряли способность краснѣть. Дворцы и замки королей, дома принцевъ и принцессъ, отели сеньоровъ, жилища частныхъ людей,—все было наполнено безстыдными картинами и фресками». Въ Фонтенбло, напр., ими были покрыты стѣны всѣхъ залъ, комнатъ и галлерей, и когда въ 1643 г. Анна Австрійская, сдѣлавшись регентшей, велѣла сжечь ихъ, то ихъ истреблено болѣе, чѣмъ на 100,000 экю. Роскошь и распущенность еще болѣе увеличилась въ эпоху Катерины Медичи, правившей подъ именемъ трехъ сыновей, Франциска II, Карла IX и Генриха III. Хитрая итальянка пользовалась роскошью для своихъ политическихъ цѣлей, и наивный хроникеръ того грѣшнаго времени, Брантомъ, восхваляетъ ее за то, что она постоянно доставляла «какія-нибудь развлеченія своему народу и двору, устраивая праздники, балы, танцы, турниры». Развлекая такимъ образомъ вниманіе народа и пуская пыль въ глаза иностранцамъ, Катерина эксплуатировала съ политическою цѣлью и женскую красоту. «До этого царствованія,—говоритъ Мезерэ,—мужчины увлекали женщинъ, но съ той поры, какъ любовныя дѣла сдѣлались главнымъ содержаніемъ государственныхъ интригъ и тайнъ, женщины стали впереди мужчинъ». Дворъ Катерины состоялъ изъ 300 дамъ и дѣвицъ, образовавшихъ *летучій эскадронъ королевы*. «Это, по словамъ Брантома, былъ настоящій рай и вмѣстѣ школа всякой чести и добродѣтели, краса Франціи». Посредствомъ этихъ дамъ и дѣвицъ Катерина обдѣлывала свои политическія дѣла, развѣдывала тайны, устраивала союзы, губила враговъ. Порокъ дошелъ до чудовищныхъ размѣровъ, особенно при Генрихѣ III съ его миньонами-содомитами, и преждевременно свелъ въ могилу одного за другимъ Франциска II, Карла IX, Генриха III. Порокъ уже не скрывался, а выставлялся всенародно на показъ. Балы, маскарады, свадьбы сопровождались необузданнымъ разгуломъ. На свадьбѣ золотыхъ дѣлъ мастера Марселя, напр., гдѣ былъ весь дворъ, послѣ ужина Генрихъ, его миньоны, принцессы и придворныя дамы отправились въ комнату молодыхъ въ самой циничесской процессіи. Катерина Медичи нерѣдко давала праздники, на которыхъ прислуживали красавицы, одѣтыя только на половину. Въ балетахъ, маскарадахъ, на банкетахъ дамы сплошь и рядомъ являлись въ видѣ богинь и нимфъ, съ грудью, обнаженною до пояса, съ голыми руками и ногами, а остальное тѣло едва прикрывала прозрачная ткань. Даже портреты дамы заставляли снимать съ себя съ нагихъ. Чтобы получить хотя приблизительное понятіе о тогдашней развращенности, мы остановимся здѣсь на похожденіяхъ Маргариты Наваррской, описанныхъ мужемъ ея Генрихомъ IV. Веселая жизнь ея началась съ 11 лѣтъ. За любовниками Антрагомъ и Шарономъ слѣдовали: полковникъ Мартигъ, герцогъ Гизъ, Ламоль, который былъ казненъ на Гревской площади и котораго сердце съ нѣкоторыми другими останками Маргарита хранила въ золотомъ кончегѣ; Сенъ-Люкъ, де-Бюсси, герцогъ Майнскій, виконтъ Тюренъ, Ле-

боль, д'Амбуазъ, Пибракъ, Шамвалонъ. Во время связи съ послѣднимъ Генрихъ III, подозрѣвая Маргариту въ дѣтоубійствѣ, заставилъ ее выѣхать изъ Парижа къ мужу ея въ Нераксъ. Но Генрихъ не хотѣлъ жить съ нею, и Марго поселилась было въ гор. Ажанѣ, но жители его, ревностные католики, заставили ее бѣжать въ замокъ Карлà. Послѣ отъѣзда своего возлюбленнаго Дюрà, посланнаго ею за деньгами къ испанскому королю, она преемственно брала себѣ въ фавориты музыканта, повара, метръ-д'отеля, конюха Обіака. Возмущенный политическими интригами Маргариты, Генрихъ III велѣлъ арестовать ее и поселить въ замкѣ д'Юсонъ; Обіака же повѣсили; но ему уже былъ готовъ преемникъ въ лицѣ коменданта замка, маркиза Канильяка, скоро, впрочемъ, прогнаннаго королевой. Марго прожила въ д'Юсонѣ болѣе 20 лѣтъ, какъ Тиверій на островѣ Капреѣ. «Вмѣсто галантныхъ фаворитовъ,—пишетъ Генрихъ IV,—у нея были въ это время лакеи, секретари, пѣвцы, прогорѣвшіе дворяне, привлекаемые ея подарками». Въ 1605 г. Марго покинула замокъ и, прибывъ въ Парижъ, заставила говорить всю Францію о своихъ скандальныхъ похожденіяхъ. Фаворитомъ ея въ это время былъ С.-Жюльенъ, изъ лакеевъ. Другой фаворитъ, офицеръ, изъ ревности убилъ его и былъ казненъ. Новый фаворитъ Бомонъ былъ изъ наиболѣе любимыхъ. Марго поселилась съ нимъ въ огромномъ отелѣ, купленномъ ею въ С.-Жерменѣ и превращенномъ въ роскошнѣйшій храмъ наслажденія. «Этотъ Бомонъ»—говоритъ Генрихъ—«сдѣлался идоломъ ея храма, золотымъ тельцомъ ея жертвоприношеній». Небольшой дворъ ея, состоявшій изъ поэтовъ, философовъ, музыкантовъ, разгульныхъ баръ, велъ жизнь одинаковую съ своей новелительницей, которая, впрочемъ, подъ старость, не оставляя разгула, сдѣлалась набожною, основала подлѣ своего дворца августинскій монастырь, содержала 40 англійскихъ, шотландскихъ и ирландскихъ священниковъ, раздавала щедро милостыню, чтобы искупить грѣхи свои съ фаворитами, послѣднимъ изъ которыхъ былъ музыкантъ Виларъ, навѣстный въ обществѣ подъ именемъ *короля Марго*.

Генрихъ IV не уступалъ въ разгульности женѣ, такъ что оба они могутъ служить полными представителями своего веселаго времени. «Можно сказать,—говоритъ Бэль,—что если бы страсть къ женщинамъ позволила развиться всѣмъ его блестящимъ дарованіямъ, то онъ сравнялся бы съ величайшими героями. Если бы въ первый разъ, какъ онъ соблазнилъ жену или дочь своего ближняго, его наказали какъ Абеляра, то онъ былъ бы способенъ завоевать всю Европу». Скандальныя хроники передаютъ чрезвычайно характерный рядъ фактовъ, хорошо рисующихъ всю распущенность нравовъ того времени и положеніе тогдашней француженки. Въ числѣ первыхъ метрессъ его хроники называютъ Катерину Люкъ, которая «умерла съ голода вмѣстѣ съ ребенкомъ, рожденнымъ ею отъ короля»; потомъ слѣдовали дѣвицы Монтегю, Тиньянвиль, Фоссезъ, Флеретъ, дочь садовника, жена доктора Мартинъ, Спондъ, Эсевръ Имберъ, умершая съ ребенкомъ въ нищетѣ, въ то время какъ отецъ ея умеръ съ голода, хлопоча о назначеніи ей пенсіи. Затѣмъ шли Марокенъ, одна булочница, мадамъ Петонвиль, дѣвица Дюра, дочь консержа Пикотенъ, графини С.-Мегренъ, кормилица Кастель-Жалу, двѣ сестры д'Эспе. Это до женитьбы. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ брака Генриха съ Марго, какъ онъ уже страстно влюбился въ мадамъ Совъ, ко которой въ то же время пылали страстью герцогъ д'Алансонскій, Гизъ, Поастъ, Сувре и мн. др. Когда Генриху пришлось покинуть Парижъ, то небольшой наваркій дворъ его въ продолженіе двухъ лѣтъ былъ центромъ женской красоты и интригъ. Сюда явилась королева-мать съ дочерью Маргаритою и съ своимъ летучимъ эскадрономъ, которымъ она пользовалась во время переговоровъ съ гугенотскими вождями. Во время конференціи въ Нераксѣ,—говоритъ хроникеръ,—Катерина Медичи «разсчитывала очаровать гугенотовъ прелестями бывшихъ съ нею дѣвицъ и краснорѣчіемъ Пибрака; Маргарита съ своей стороны тоже раскидывала сѣти, увлекая кавалеровъ, окружавшихъ ея мать, красотою своихъ дѣвицъ; сама же она столь успѣшно воспользовалась своимъ очарованіемъ, что плѣнила и умъ, и волю бѣднаго Пибрака». Генрихъ по болѣзни не участвовалъ въ этихъ любовно-дипломатическихъ интригахъ, но все-таки былъ влюбленъ въ одну изъ дѣвицъ, такъ хорошо выдрессированныхъ королевою-матерью, «чтобы, по выраженію современника, забавлять принцевъ и сеньоровъ и разузнавать всѣ ихъ мысли». Это была гречанка Дайела, нажившая около Генриха свое приданое и вышедшая потомъ за одного нормандскаго дворянина. Но какъ ни сильно король любилъ Дайелу, онъ не ограничивался ею, а еще «оказывалъ милость» женѣ профессора греческаго и еврейскаго языковъ, Мартиніуса, который думалъ, что его супруга и Генрихъ «не заходятъ дальше игры». Послѣ Дайелы у короля была дочь президента парижскаго парламента Ребуръ, имѣвшая въ то же время любовника, за котораго разсчитывала выйти замужъ, затѣмъ дочь барона Фоссе, «почти ребенокъ», сдѣлавшаяся, однакожъ, скоро матерью. Затѣмъ слѣдовала виконтесса Лувиньи, уже пожилая, но до того очаровательная, что могла вертѣть, какъ хотѣла, Генрихомъ, который далъ ей написанное своей кровью обязательство жениться на ней. Уѣхавъ на войну въ Нормандію, король увлекся здѣсь сначала Антуанетой Попеъ и тоже обѣщалъ ей жениться; но она не повѣрила и не поддалась его страсти, а Генрихъ утѣшился въ объятіяхъ Габріели д'Этре, любовь къ которой не мѣшала ему быть въ связи съ графиней Роморантенъ, имѣвшей отъ него двухъ дочерей и жившей въ то же время съ кардиналомъ Гизомъ, чего король не подозрѣвалъ. Во время осады Парижа, въ 1590 г., помѣщаясь съ своими офицерами въ монмартрскомъ аббатствѣ, Генрихъ полюбилъ молоденькую монахиню Марію Бабу, которую потомъ, по снятіи осады, взялъ съ собой, и долго она, не покидая монашескаго одѣянія, сопровождала его изъ города въ городъ. Потомъ онъ назначилъ Марію аббатессою въ Монмартрѣ. «Король—говоритъ современникъ—находился въ такихъ отличныхъ отноше-

ніяхъ съ аббатессою, что называлъ ея монастырь своимъ, а себя—монахомъ этого аббатства». Другая такая же монахиня лонгшанскаго монастыря была назначена аббатессою въ Вернонъ.

Изъ всѣхъ фаворитокъ Генриха, которыхъ трудно перечислить, наибольшимъ вліяніемъ пользовалась дочь маркиза, Габріель д'Этре. Генрихъ былъ такъ увлеченъ ею, что однажды оставилъ свою армію и, пройдя Пикардію въ костюмѣ крестьянина, явился къ Габріели. Когда Габріель сдѣлалась беременною, Генрихъ устроилъ для спасенія ея репутаціи (!) фиктивный бракъ съ однимъ дворяниномъ и потомъ узаконилъ рожденнаго ею сына, а самую ее наименовалъ герцогинею де-Бофоръ. Кромѣ короля, у герцогини были и другіе любовники, но король мало обращалъ на это вниманія и узаконялъ рождаемыхъ ею чадъ, возводя ихъ въ званіе *дѣтей Франціи*. Народъ ненавидѣлъ Габріель, и она умерла скоропостижно съ признаками отравленія. Тотчасъ начались придворныя интриги въ пользу разныхъ кандидатокъ на мѣсто постоянной фаворитки. Наибольшій успѣхъ въ борьбѣ за это мѣсто имѣла дѣвица д'Антрагъ, которою король увлекся со всѣмъ пыломъ своего страстнаго темперамента; но ея мать, отецъ, друзья и родственники требовали отъ Генриха 100.000 экю и формальнаго обязательства жениться, какъ скоро состоится разводъ его съ женой, о которомъ онъ хлопоталъ. Сюли употреблялъ всѣ средства, чтобы удержать короля отъ неразумнаго увлеченія. Каждый день представляли ко двору новыхъ дѣвицъ изъ знатныхъ семействъ; но всѣ ихъ достоинства, казалось, усиливали страсть короля къ дѣвицѣ д'Антрагъ, хотя въ то же время «вниманіемъ» его пользовались какая-то Гланде, потомъ Фонготъ. Наконецъ, занявъ 100.000 экю и уплативъ ихъ д'Антрагамъ, король сдѣлалъ предметъ своей страсти фавориткою. Когда въ Римѣ его развели съ женою, онъ изъ политическихъ расчетовъ женился на Маріи Медичи. Послѣ неудачныхъ попытокъ помѣшать этому браку и самой сдѣлаться королевой, д'Антрагъ постаралась удержать за собою мѣсто первой фаворитки. Сдѣланная маркизой Вернейль, она поселилась рядомъ съ Лувромъ и зажила такъ же великолѣпно, какъ королева, которую она всегда третировала свысока, называя не иначе, какъ *итальянкой* или *толстой банкиршей*. Придворные пускали въ ходъ всѣ интриги, чтобы кѣмъ-нибудь замѣнить маркизу. Генрихъ немного увлекался дѣвицею Бурдезьеръ, потомъ мадамъ Буанвиль, потомъ дѣвицею Кленъ, потомъ г-жей Келенъ, потомъ графиней Лему, потолъ мадамъ Фульбонъ и т. д., но не покидалъ маркизы, которая тоже имѣла не мало другихъ любовниковъ. Только въ 1604 году, послѣ одной ссоры съ маркизой, у нея появилась опасная соперница въ лицѣ Жакелины ди-Бюль; но та погубила сама себя, вступивъ въ связь съ герцогомъ Гизомъ, за что и была удалена отъ двора съ титуломъ графини Море, а ея ребенокъ сдѣланъ *сыномъ Франціи*. Маркиза Вернейль сохранила свой постъ. Она имѣла почти безусловную власть надъ Генрихомъ. Когда она была обвинена въ составленіи заговора противъ короля имѣстѣ съ своимъ отцомъ, братьями и другими сеньорами, то только смѣялась и потѣшалась, и ей достаточно было увидѣться съ Генрихомъ, чтобы получить помилованіе всѣмъ заговорщикамъ. Даже когда связь ихъ прекратилась, король не могъ обходиться безъ ея общества. «Въ іюнѣ 1609 г.,—говоритъ хроникеръ,—король безумно влюбился въ дочь герцога Монморанси, считавшуюся красивѣйшею женщиной не только двора, но и всей Франціи. Она такъ молода, что едва вышла изъ дѣтства; ея красота такъ необыкновенна и всѣ движенія такъ прелестны, что очаровываютъ всѣхъ». Отецъ хотѣлъ выдать ее за пріятеля короля, Басомпьера; но Генрихъ сказалъ послѣднему: «Я не только влюбленъ въ дѣвицу Монморанси, но сведенъ ею съ ума. Если ты женишься на ней и она тебя будетъ любить, я возненавижу тебя; если же она меня полюбитъ, ты будешь ненавидѣть меня. Лучше не нарушать нашихъ добрыхъ отношеній, потому что я тебя сердечно люблю. Я выдамъ ее за своего племянника, принца Конде, и удержу при своемъ семействѣ. Это будетъ утѣшеніемъ моей наступающей старости. Племяннику же, который любитъ болѣе охоту, чѣмъ дамъ, я назначу по 100.000 ливровъ въ годъ». Дѣло уладилось по желанію короля; но, не смотря даже на настоянія своей матери и самой королевы, принцесса не согласилась быть фавориткою и бѣжала съ мужемъ въ Брюссель, куда Генрихъ отправился бы за ней съ оружіемъ въ рукахъ, если бы его не убилъ Равальякъ.

Исторія съ этой принцессой, отнять которую отъ мужа для короля старались и мать Конде, и жена Генриха, чрезвычайно характеризуетъ распущенность XVI и XVII в., которая господствовала не при одномъ дворѣ, но во всѣхъ высшихъ классахъ, и въ дворянствѣ, и въ духовенствѣ. Особенно губительно дѣйствовали на нравы междоусобныя войны. «Нынѣ—писалъ въ 1589 г. Пьеръ д'Этуаль—грабежъ, святотатство, осквернѣніе церквей, насилованіе женщинъ и дѣвицъ сдѣлались обыденнымъ занятіемъ высшаго общества и отличительнымъ признакомъ католической ревности». Когда—разсказываетъ другой современникъ—герцогъ Майнскій занялъ предмѣстья Тура, «около 50 женщинъ и дѣвицъ, найденныхъ спрятавшимися въ погребѣ, были обезчещены, равно какъ и всѣ другія женщины предмѣстья; даже тѣ изъ нихъ, которыя укрылись въ церкви, подверглись насилію въ присутствіи ихъ мужей, отцовъ, матерей, которыхъ палачи заставляли присутствовать при этомъ позорномъ зрѣлищѣ». Въ то-же время кавалеръ д'Омаль, опустошавшій окрестности Парижа, «входя въ дома и находя въ нихъ дамъ и дѣвицъ, почтенныхъ особъ, мужья которыхъ отсутствовали, силою овладѣвалъ ими и затѣмъ передавалъ своимъ солдатамъ». Люди всѣхъ партій, гугеноты и католики, лигеры и роялисты, считали женщинъ лучшею частью своей военной добычи, и часто въ продолженіе нѣсколькихъ дней городъ или деревня переходили изъ рукъ одной партіи въ руки другой, и каждая изъ нихъ безчестила женщинъ. Женскіе монастыри сдѣлались веселыми

домами, въ которыхъ шли солдатскія оргіи. Даже религіозныя процессіи приняли особенный характеръ, и почти ежедневно въ нихъ участвовали толпы нагихъ женщинъ и дѣвицъ.

Трудно сказать, какъ дорого стоили французскому народу и эти войны, и эта роскошь, доходившая до того, что когда Габріель д'Этре купила носовой платокъ, стоившій 1.900 экю, то всѣ придворныя дамы поспѣшили обзавестись такими же платками. По поводу чрезвычайныхъ налоговъ и чиновничьихъ грабежей одинъ ораторъ на генеральныхъ штатахъ 1589 г. говорилъ королю: «Вашего народа нѣтъ болѣе, не существуетъ болѣе народа во Франціи, онъ погибъ: это бездомный скиталецъ, обобранный догола и пущенный въ одной рубашкѣ». Во время междоусобицъ къ налогамъ и грабежамъ присоединились еще три ужасныя бѣды, свирѣпствовавшія до 1602 г. Крестьяне, покидая деревни, жили въ лѣсахъ и питались травами. Около городовъ нѣкоторые изъ нихъ добывали зерно и, вырываясь по ночамъ въ плуги, пахали и засѣвали землю, но лишь только хлѣбъ выходилъ, его пожирали и вытаптывали солдатскіе кони. Массы народа гибли отъ голода и болѣзней. Волки расплодились ужасно; они истребляли собакъ, стада, потомъ людей. Вслѣдъ затѣмъ наступила чума. При Людовикѣ XIII налоги и злоупотребленія дошли до того, что на генеральныхъ штатахъ 1614 г. ораторъ третьяго сословія обратился къ королю съ слѣдующею полною отчаянія рѣчью: «Ужасно и отвратительно не только видѣть, но даже слышать о томъ, что дѣлается. Нужно имѣть около сердца тройную оболочку изъ стали и алмаза, чтобы говорить объ этомъ безъ слезъ и вздоховъ. Бѣдный народъ непрестанно работаетъ, не щади жизни, чтобы кормить цѣлое королевство, и отъ всего его труда у него остаются только потъ да нищета, все же остальное поглощается налогами. Не насѣкомыя, государь, не черви какіе-нибудь вопіютъ къ вамъ о справедливости и милосердіи, а разумныя созданія, дѣти, которымъ вы отецъ, покровитель и попечитель. Подайте же имъ руку помощи, чтобы облегчить бремя, подъ тяжестью котораго они погибаютъ. Что сказали бы вы, государь, если бы видѣли людей, питающихся травой, какъ животныя?» Религіозныя войны, грабежи чиновниковъ и откупщиковъ налоговъ въ малолѣтство Людовика XIV не дозволяли народу хотя сколько-нибудь поправиться и держали его въ постоянной нищетѣ. Налоги увеличились втрое сравнительно съ временемъ Генриха IV, а чиновничьи поборы равнялись суммѣ всѣхъ налоговъ. Въ январѣ 1648 г. парижскій парламентъ въ лицѣ своего прокурора Талона говорилъ королю: «Вотъ уже десять лѣтъ, государь, какъ деревни разорены, крестьяне валяются на соломѣ, вся ихъ утварь продана за недоимки, и милліоны несчастныхъ для поддержанія роскоши Парижа принуждены питаться отрубями и овсомъ». Войны Фронды еще болѣе усилили бѣдствія; когда же Людовикъ XIV началъ править самъ, народная нищета дошла до послѣдней степени, и неизвѣстный анонимъ писалъ королю: «Вашъ народъ умираетъ съ голоду. Обработка земли почти прекратилась; города и деревни лишаются жителей, всѣ ремесла въ застоѣ и не питаютъ болѣе работниковъ. Вмѣсто того, чтобы брать деньги съ этого нищаго народа, его слѣдуетъ кормить милостыней». «Изъ всѣхъ изслѣдованій,—писалъ Вобанъ, – сдѣланныхъ мною въ теченіе многихъ лѣтъ, я убѣдился, что 1/10 народа доведена до нищенства и дѣйствительно нищенствуетъ; что изъ 9 другихъ частей 5 не могутъ подавать ей милостыню, потому что сами нищіе, 3 находятся въ критическомъ положеніи, обремененныя долгами и процессами, и наконецъ 1/10, составляющая не болѣе 10.000 семей, можетъ считаться благоденствующею». «Въ то время,—говорилъ Массильонъ сидьнымъ міра съ высоты каѳедры,—какъ города и деревни поражены бѣдствіями; когда люди, сотворенные по образу Бога и искупленные его кровью, питаются травой, какъ животныя, и въ послѣдней крайности ищутъ на поляхъ пищу, которая создана не для человѣка и дѣлается для нихъ пищею смерти,—неужели вы будете имѣть смѣлость быть счастливыми? Въ то время, какъ потрясено все государство и вокругъ вашего гордаго жилища раздаются крики и стоны, неужели вы можете продолжать свою веселую, ясную, роскошную, богатую жизнь? Но гдѣ же гуманность, разумъ, религія?» Ихъ и не было во Франціи, и за ужасною эпохою «короля-солнца» наступили развеселыя времена регентства и Людовика XV. Голодъ сдѣлался постояннымъ, особенно послѣ того, какъ первыя лица въ государствѣ составили компанію для спекуляціи хлѣбною торговлею и самъ Людовикъ XV принялъ въ ней участіе, вложивъ въ ея капиталъ 10.000.000 ливр. Хроническій голодъ сплошь и рядомъ страшно обострялся, поражая народъ въ 1740, 1741, 1742, 1745, 1767, 1768, 1775, 1776, 1784, 1789 гг. «Страшное зло,—писалъ въ 1740 г. д'Аржансонъ,—которое губитъ государство и не замедлитъ довести его до паденія, состоитъ въ томъ, что въ Версали слишкомъ обманываются относительно обнищанія провинцій. Съ тѣхъ поръ, какъ я живу, я вижу постепенное уменьшеніе во Франціи богатства и населенія. Въ настоящее время всеобщая бѣдность дошла до неслыханной степени. Во время полнаго мира, при надеждахъ на урожай, если и не обильный, то сносный, вокругъ насъ люди умираютъ отъ нищеты, какъ мухи, и питаются травой. Въ послѣднее засѣданіе совѣта герцогъ Орлеанскій принесъ кусокъ пушного хлѣба и, положивъ предъ королемъ, сказалъ: «вотъ какой хлѣбъ, государь, ѣдятъ ваши подданные»... Въ два года отъ голода умерло французовъ болѣе, чѣмъ убито во всѣ войны Людовика XIV. Между тѣмъ налоги увеличивались болѣе и болѣе; оверньская провинція, напр., платила при Людовикѣ XV 8.000.000, а въ 1789 г. 12.000.000 ливровъ.

Посмотримъ теперь на блестящую сторону медали.

Въ продолженіе восьми столѣтій, начиная съ Гюго Капета, французскіе короли шагъ за шагомъ увеличивали свою территорію посредствомъ завоеваній, браковъ, наслѣдованія, покупки, дипломатической

ловкости и изъ мелкихъ владѣльцевъ превратились въ повелителей двадцати шести милліоновъ человѣкъ. Во все это время король являлся защитникомъ страны противъ завоевателей, водворителемъ внутренняго мира, освободителемъ народа отъ феодальныхъ разбойниковъ. Народъ вплоть до 1789 г. смотрѣлъ на него, какъ на своего покровителя и защитника, и даже въ первое время царствованія Людовика XVI, по выраженію современника, «крики *da zdravstvuyet korol*, начинавшіеся съ шести часовъ утра, продолжались почти непрерывно до солнечнаго заката; когда же у Людовика родился дофинъ, то это было общею семейною радостью Франціи; незнакомые останавливались на улицахъ и разговаривали между собою, а знакомые обнимались». Королевская власть подавила феодализмъ, и при Людовикѣ XIV, имѣвшемъ полное право говорить: «государство—это я», всѣ силы королевской администраціи были направлены къ полному ограниченію власти мѣстныхъ сеньоровъ, и «монсеньоры-интенданты» управляли провинціями, какъ настоящіе турецкіе паши. Генеральные штаты уже не собирались болѣе, а парламентъ потерялъ всякое значеніе; король же сдѣлался настоящимъ восточнымъ султаномъ, а его личность облеклась двоякимъ ореоломъ божественнаго величія и государственнаго всемогущества. Во время торжественныхъ аудіенцій и публичныхъ церемоній короли вели себя, какъ боги. Хотя я былъ предупрежденъ,—говоритъ Альфіери,—что король не говоритъ съ обыкновенными иностранцами, но все-таки меня покоробило отъ того взгляда Юпитера Олимпійскаго, которымъ Людовикъ XVI безстрастно мѣрилъ съ головы до ногъ представляемаго ему человѣка; это все равно, если бы какому-нибудь великану показали муравья, и великанъ улыбнулся бы или сказалъ: «фуй, какая крошка!» Хотя Людовикъ не улыбался и молчалъ, однакожъ его физіономія говорила это». Для поддержанія этого юпитерскаго величія существовалъ самый роскошный и многочисленный дворъ, а версальская резиденція короля составляла цѣлый городъ, существовавшій исключительно дворомъ и для двора. Едва только подростали какой-нибудь принцъ или принцесса, какъ имъ строили домъ; когда принцъ женился, строили другой домъ для его жены, и при каждомъ изъ этихъ домовъ было до двадцати различныхъ вѣдомствъ—конюшенное, охотничье, гардеробное, кабинетское, совѣтъ, оберфоршнейдерское и т. д., и т. д. У герцога Орлеанскаго было 274 должности, у дочерей короля 210, у принцессы Елисаветы 68, у графини д'Артуа 239, у графини Прованской 256, у королевы 496. У старшаго брата короля было гражданскихъ должностей 420, а военныхъ 179, у графа д'Артуа гражданскихъ 456, военныхъ 237. У самого короля была блестящая и многочисленная гвардія, пѣхота, кавалерія, тѣлохранители, французскіе гвардейцы, швейцарскіе гвардейцы, швейцарская сотня, легкая кавалерія, гвардейскіе жандармы, привратная стража, всего 9.050 человѣкъ, на содержаніе которыхъ ежегодно выходило 7.681.000 ливровъ. Въ королевскихъ конюшняхъ содержалось 1.857 лошадей и 217 экипажей, при которыхъ состояло 1.458 человѣкъ, и одна только обмундировка послѣднихъ стоила ежегодно 540.000 франковъ; кромѣ того 38 шталмейстеровъ, конюшихъ и ординарцевъ, 20 гувернеровъ и капелановъ, наставниковъ, поваровъ и лакеевъ для надзора и услуги пажей, 30 медиковъ, аптекарей, сидѣлокъ, казначеевъ и рабочихъ, всего же 2,958 человѣкъ. Ежегодно покупалось лошадей на 250,000 франковъ; 287 лошадей ежедневно упражнялись въ манежѣ. Вся королевская конюшня въ 1755 году требовала на свое содержаніе 4,600,000 ливровъ, а въ 1787 году уже 6,200,000. Однихъ только пажей при дворѣ было до 150, не считая пажей принцевъ крови, и одежда каждаго пажа стоила 1,500 ливровъ; кромѣ пажей, были еще сотни лакеевъ, горничныхъ, мальчиковъ, егерей, курьеровъ и т. д. Королевская охота стоила въ годъ до 1,200,000 ливровъ, и для нея, кромѣ упомянутыхъ, содержалось еще 280 лошадей, кормъ которыхъ въ 1783 году стоилъ 179,194 ливра, а кормъ охотничьихъ собакъ 53,412 ливровъ. Независимо отъ королевскихъ конюшенъ, прислуги, охоты и т. д., у каждаго принца, у каждой принцессы были свои конюшни, своя прислуга, своя охота, свои часовни, свои медики и т. д. При королевской часовнѣ числилось 75 капелановъ, исповѣдниковъ, клириковъ, пѣвчихъ, музыкантовъ, а ради здравія его величества содержалось 48 медиковъ, фельдшеровъ, аптекарей, окулистовъ, операторовъ, дистилляторовъ и т. д. Для ублаженія слуха при дворѣ было 128 пѣвцовъ и музыкантовъ, при королевской библіотекѣ состояло 43 человѣка консерваторовъ, лекторовъ, граверовъ, переплетчиковъ, наборщиковъ; для разныхъ услугъ во время церемоній было 62 человѣка геральдовъ, оруженосцевъ, докладчиковъ и музыкантовъ; для услугъ же королю въ собственныхъ его аппартаментахъ было 68 гофъ-фурьеровъ и фурьеровъ. Столомъ собственно короля и дѣтей его во время ихъ малолѣтства завѣдывало 383 чиновника и 103 мальчика, и столъ ежегодно стоилъ 2,177,771 ливръ; кромѣ того, на столъ принцессы Елисаветы выходило ежегодно 389,173 ливра, на столъ женъ королевскихъ братьевъ 1,093,547 ливровъ, всего же 3,660,491 ливръ. На одно только вино выходило въ годъ 300,000 франковъ, на говядину, дичь и рыбу 1,000,000, а на воду, возкой которой занимались 50 лошадей, 70,591 франкъ. «Перечтите въ альманахѣ названія должностей,—говоритъ Тэнъ,—и вамъ представится настоящій пиръ Гаргантюа, величественная іерархія поваровъ, вельможныхъ офиціантовъ, метръ д'отелей, контролеровъ, поставщиковъ, виноторговцевъ, зеленщиковъ, метръ д'отеля главнаго метръ д'отеля» и т. д. Въ собственныхъ покояхъ короля для его комнатныхъ услугъ предназначалось болѣе 200 чиновниковъ и лакеевъ, во главѣ которыхъ стояли великій камергеръ и великій гардеробмейстеръ, за которыми слѣдовало множество спеціальныхъ слугъ, одни, напр., для подаванія королю умываться, другіе

для его чесанія; были особые слуги для завязыванія королевскаго галстуха, особые для ношенія королевскаго складного стула, особые для наблюденія за комнатными левретками. Мы перечислили далеко не всѣ придворныя должности въ одной только версальской резиденціи короля, но, кромѣ нея, у короля было еще нѣсколько другихъ—Марли, два Тріанона, Мюетъ, Медонъ, Шуази, Сентъ-Гюберъ, Сенъ-Жерменъ, Фонтенбло, Сенъ-Клу, Компьенъ, Рамбулье, Лувръ, Тюльери и Шамборъ. Въ каждой изъ этихъ резиденцій былъ свой штатъ, свои парки, свои охота, свои садовники, своя стража, и на содержаніе ихъ король ежегодно тратилъ отъ трехъ до четырехъ милліоновъ ливровъ, не говоря уже о ремонтѣ и новыхъ постройкахъ, которыя въ 1778 году, напр., стоили 1,396,000 ливровъ. Поѣздки въ эти резиденціи составляли новый расходъ; въ 1785 году поѣздка въ Марли стоила 120,000 ливровъ, поѣздка въ Фонтенбло 500.000 ливровъ и т. д. Всего къ услугамъ короля было 10,000 военныхъ, 4,000 гражданскихъ слугъ и около 2,000 прислуживавшихъ членамъ его семейства, въ сложности около 16,000 человѣкъ, поглощавшихъ десятую часть государственныхъ доходовъ, около 45,000,000 ливровъ. Когда Неккеръ вступилъ въ должность, то изъ королевской шкатулки выдавалось однихъ только пенсій 28,000,000, и даже при Неккерѣ графиня Полиньякъ получила 400,000 франковъ на уплату своихъ долговъ, 800,000 франковъ на приданое своей дочери и 30,000 ливровъ ежегодной ренты, да кромѣ того 30,000 ливровъ пенсіи своему любовнику; принцесса Ламбаль получала ежегодно 100,000 экю; домъ Полиньяка получалъ въ годъ 700,000 ливровъ, домъ Ноэля около 2,000,000 въ годъ; на покупку Сенъ-Клу, этого «перстня на пальцѣ королевы», была издержана «бездѣлица», 7,700,000 франковъ, которые дѣйствительно были бездѣлицей для короля, такъ какъ ежегодный доходъ его простирался въ то время до четырехсотъ семидесяти семи милліоновъ ливровъ. Громадные расходы двора увеличивались еще тѣмъ, что не было при дворѣ человѣка, который не считалъ бы своей обязанностью воровать. Однажды на охотѣ Людовикъ XV спросилъ герцога Шуазеля, сколько, по его мнѣнію, стоитъ карета, въ которой они ѣхали. Шуазель отвѣчалъ, что не больше 6,000 ливровъ. «Ошибаетесь,—возразилъ король,—она обошлась мнѣ въ 30,000. Воровство въ моемъ домѣ чревычайное». Объ этомъ воровствѣ можно судить по тому, напримѣръ, что только на рыбу для принцессы Елисаветы выходило въ годъ 30,000 франковъ, на говядину и дичь 70,000, на свѣчи 60,000, а на свѣчи королевѣ 157,109 франковъ; на оршадъ и лимонадъ королю выходило въ годъ 2,190 франковъ, а на утренній и вечерній бульонъ одной двухлѣтней принцессѣ 5,201 ливръ; дофина изнашивала въ недѣлю четыре пары башмаковъ, три аршина лентъ *въ день* на поясъ къ пеньюару, два аршина тафты въ день для закрыванія корзины съ перчатками! Черезъ нѣсколько лѣтъ по придворнымъ счетамъ значилось: на кофе, лимонадъ, шоколадъ, оршадъ и мороженое королю 200,000 франковъ въ годъ, а чашка кофе съ молокомъ и сухарикомъ, подаваемая каждое утро каждой придворной дамѣ, стоила въ годъ около 2,000 франковъ.

Вся жизнь этого государственнаго Олимпа была регулирована самымъ сложнымъ и самымъ строгимъ церемоніаломъ, столь же священнымъ, какъ и обряды католической церкви. Самыя обыкновенныя отправленія человѣческой жизни совершались не иначе, какъ въ торжественной опредѣленной формѣ, и, напр., процессъ вставанія короля съ постели былъ не менѣе сложенъ, чѣмъ пріемъ какого-нибудь посланника, а во время обѣда около королевскаго прибора прислуживало, смотря по обстоятельствамъ, пятнадцать, двадцать и даже тридцать человѣкъ, выдѣлывавшихъ при этомъ самыя церемоніальныя штуки. Этотъ этикетъ силонь и рядомъ былъ источникомъ ужасающей скуки, особенно для людей, непривычныхъ къ нему. Вотъ, напр., какъ описываетъ Казанова обѣдъ королевы Маріи Лещинской: «Я вошелъ въ величественную залу, въ которой прогуливались двѣнадцать придворныхъ и стоялъ столъ, хотя и накрытый на 12 приборовъ, но назначенный для одной королевы. Королева сѣла за него и двѣнадцать придворныхъ тотчасъ образовали полукругъ вокругъ стола, шагахъ въ десяти отъ него; я держался около нихъ же, подражая ихъ почтительному молчанію. Ея величество начинаетъ кушать очень скоро, ни на кого не смотря и опустивъ глаза въ тарелку. Найдя по своему вкусу одно блюдо, она обвела глазами стоявшихъ передъ ней и сказала: «господинъ Левендаль». — При этомъ имени я увидѣлъ величественнаго мужчину, который выступилъ впередъ и, кланяясь, сказалъ: — «Мадамъ?»—«Я думаю, что это рагу-фрикасе изъ цыпленка?»—«Совершенно согласенъ съ вами, мадамъ». Послѣ этого разговора, происходившаго въ самомъ серьезномъ тонѣ, маршалъ задомъ вернулся на свое мѣсто, а королева окончила свой обѣдъ, не сказавъ болѣе ни одного слова, и отправилась въ свои апартаменты». Впрочемъ, и короли, и придворные умѣли избѣгать этой церемоніальной скуки, быть всегда разговорчивыми, любезными, веселыми, остроумными, всегда comme il faut. Образцомъ этого comme il faut былъ самъ «король-солнце», Людовикъ XIV, любезность котораго превозносятъ до небесъ всѣ его современники. «Онъ говорилъ превосходно,—разсказываетъ одинъ изъ нихъ:—когда нужно было пошутить, позабавиться, разсказать что-нибудь, то онъ дѣлалъ это съ такою безконечною граціею, съ такимъ благородствомъ и тонкостью, какихъ я никогда не видывалъ ни у кого другого». «Его поклоны,—разсказываетъ Сенъ-Симонъ,—болѣе или менѣе замѣтные, но всегда легкіе, обнаруживали несравненную граціо и величіе. Онъ былъ удивителенъ, когда принималъ привѣтствія на смотрахъ и во главѣ полковъ своей арміи. Особенно же онъ былъ несравненъ относительно женщинъ и не проходилъ даже мимо самой послѣдней горничной безъ того, чтобы не снять шляпы. Никогда не случалось ему сказать кому-нибудь невѣжливость.

До самыхъ малѣйшихъ жестовъ его походка, его турнюра, вся его осанка были вполнѣ приличны, благородны, величественны и вмѣстѣ съ тѣмъ естественны». Но зато подъ этой внѣшней любезностью скрывалось полное нравственное ничтожество, и этотъ джентльменъ-король былъ самымъ безсердечнымъ деспотомъ. Все время короля было занято церемоніями да забавами, и давно уже французскіе короли почти вовсе перестали заниматься дѣлами. Людовикъ XV, напр., занимался дѣлами не болѣе часу въ день, а все остальное время его было посвящено церемоніямъ и удовольствіямъ; окруженный большою свитой и съ ея помощью онъ надѣвалъ сапоги, съ той же свитой разувался, потомъ съ такими же церемоніями снималъ съ себя утреннее платье и надѣвалъ другое, чтобы ѣхать на прогулку; затѣмъ, вернувшись, совершалъ церемонію облаченія въ вечерній нарядъ, еще съ большей церемоніей обѣдалъ и съ полнымъ парадомъ ложился въ постель. Еще болѣе времени отнимали у королей ихъ удовольствія. «Въ воскресенье,—пишетъ, напр., де-Люинь,—я былъ въ дорогѣ съ королемъ, который охотился около Сенъ-Дени и ночевалъ въ Мюетѣ, гдѣ онъ будетъ охотиться сегодня и завтра, а потомъ, во вторникъ или среду, будетъ охота на оленя». Черезъ два мѣсяца тотъ же Люинь писалъ: «въ продолженіе послѣдней недѣли, равно какъ и нынѣшней, король охотился ежедневно, кромѣ воскресенья, и убилъ три тысячи штукъ дичи». Король только и дѣлалъ, что охотился и гулялъ, переѣзжая изъ одной резиденціи въ другую, часто со всѣмъ своимъ дворомъ. Въ 1755 году, напр., въ Фонтенбло, по свидѣтельству одного дневника, два раза въ недѣлю была карточная игра, два раза концертъ у королевы, два раза французскій театръ и одинъ разъ итальянскій. Въ Шуази въ 1770 году съ обѣда и до второго часа ночи дворъ не расходился по своимъ апартаментамъ; послѣ обѣда до девяти часовъ играли въ карты, затѣмъ шли въ театръ, потомъ ужинъ, а за нимъ снова игра до часу или до половины второго. Въ Версали дважды въ недѣлю бывали спектакли и одинъ балъ, но каждый вечеръ было собраніе и игра у короля, его дочерей или метрессъ, да кромѣ того охоты и три небольшихъ поѣздки. Французскій народъ видѣлъ въ королѣ источникъ справедливости, но его интенданты и другіе чиновники управляли провинціями, какъ турецкіе паши, а о состояніи справедливости въ самой столицѣ Франціи можно судить по слѣдующему факту. Когда умеръ Людовикъ XIV, то, по словамъ герцога Сенъ-Симона, «все, что было во Франціи разоренаго, угнетеннаго и доведеннаго до отчаянія, съ скандальнымъ шумомъ благодарило Бога за освобожденіе отъ него». Отворяли тюрьмы, выпускали арестантовъ, изъ которыхъ многіе сидѣли совершенно невинно, и при этомъ въ Бастиліи нашли одного старика, который просидѣлъ въ ней 35 лѣтъ. Его никогда не допрашивали, и онъ совершенно не зналъ, по какому поводу его схватили. Онъ былъ итальянецъ и въ первый же день послѣ своего пріѣзда во Францію былъ арестованъ. У него не было ни знакомыхъ во Франціи, ни деньгъ, и когда ему предложили свободу, то онъ, какъ милости, началъ просить дозволенія провести въ тюрьмѣ остатокъ своей загубленной жизни.

Каковъ конецъ, таковъ и приходъ, и жизнь высшихъ сословій была полнымъ отраженіемъ жизни двора. Во Франціи передъ революціей было 2,489 мужскихъ монастырей и въ нихъ около 23,000 монаховъ, 1,500 женскихъ монастырей съ 37,000 монахинь; кромѣ этихъ 60,000 монашествующихъ было еще до 70,000 приходскаго духовенства. Дворянскихъ фамилій считалось до 28,000 семействъ или до 140,000 человѣкъ, а такъ какъ во Франціи было тогда 26,000,000 жителей, то одна дворянская фамилія приходилась на 1,000 жителей. Въ рукахъ духовенства были сосредоточены громадныя богатства, и духовные феодалы, въ томъ числѣ 32 епископа, удерживали по мѣстамъ и свои средневѣковыя привилегіи, и рабство мужиковъ вплоть до революціи, а епископъ мюнстерскій даже до 1809 года. Аббатъ Сенъ-Мершенъ де-Пре владѣлъ землями, изъ которыхъ можно было образовать цѣлый департаментъ и поверхность которыхъ составляла 430,000 гектаровъ. 131 архіерей имѣли доходу 6.800,000 ливровъ, въ томъ числѣ архіепископъ руанскій—100,000, нарбоннскій—160,000, нарижскій и камбрезскій—200,000, вердюнскій—74,000, турскій—82,000. 34 аббата получали каждый отъ 25,000 до 120,000 ливровъ. 27 аббатствъ давали настоятелямъ каждому отъ 20,000 до 100,000 ливровъ. Вермонскій аббатъ отъ одного только двора получалъ въ годъ 80,000 ливровъ, и т. д. Имущества духовенства стоили около четырехъ милліардовъ ливровъ и вмѣстѣ съ десятиною приносили ему ежегодно до 200,000,000, независимо отъ многихъ другихъ доходовъ. Богатства лились рѣкою даже въ карманы простыхъ монаховъ. 399 премонтрешцевъ, напр., владѣли имуществомъ въ 45,000,000 и съ одного только съ него получали доходу болѣе милліона; 236 тулузскихъ доминиканцевъ ежегодно имѣли чистаго доходу болѣе 200,000 ливровъ, не считая дохода съ ихъ монастырей, угодій и другихъ имуществъ, «стоющихъ многіе милліоны»; 298 клюнійскихъ бенедиктинцевъ имѣли доходу 1,800,000 ливровъ, не говоря уже о такихъ духовныхъ тузахъ, какъ аббатъ Клерво, получавшій 400,000.

Продолжительная междоусобная борьба французскихъ феодаловъ привела къ тому, что незначительное меньшинство сильнѣйшихъ чрезвычайно возвеличилось надъ большинствомъ слабѣйшихъ. Во главѣ этой высшей аристократіи стояли, понятно, родственники короля. Помѣстья принцевъ крови занимали собою седьмую часть французской территоріи, и, по свидѣтельству Некера, только земли двухъ королевскихъ братьевъ давали 2,000,000 чистаго дохода, а герцогъ Орлеанскій, помимо своей жены, столь же богатой, какъ и онъ, получалъ съ своихъ земель тоже не менѣе милліона. Въ Клермонтуа, принадлежавшемъ принцу Конде, было 40,000 жит., а въ Камбре, имѣніи архіепископа, 75,000. Но всѣ эти феодалы, какъ крупные, такъ и мелкіе, около половины XVIII вѣка были уже

наканунѣ полнаго разоренія. «До Людовика XIV'—говоритъ Мирабо—сельское дворянство много пило, спало на старыхъ креслахъ, ѣздило верхомъ, съ утра отправлялось на охоту, собиралось на св. Губера и разъѣзжалось только послѣ восьмидневнаго праздника св. Мартина. Это дворянство вело веселую и грубую жизнь... Извѣстно, до какой степени доходилъ обычай, можно сказать—манія постоянныхъ подарковъ, которые дѣлали обыватели своимъ сеньорамъ. Я видѣлъ, какъ этотъ обычай началъ повсюду исчезать... Теперь же, когда никто не видитъ сеньора на его земляхъ, всѣ грабятъ его». Въ провинціяхъ въ XVIII вѣкѣ жили только дворяне средняго и низшаго разряда, всѣ же остальные находились въ Парижѣ или Версали, около двора, и даже богатые архіепископы и аббаты жили не въ своихъ имѣніяхъ, а въ столицѣ и другихъ большихъ городахъ. Въ особенности Людовикъ XIV всѣми мѣрами старался привлекать дворянство къ своему двору. Министры часто писали къ интендантамъ, спрашивая ихъ: «ужели дворяне ихъ провинцій любятъ сидѣть дома и не хотятъ ѣхать въ Версаль для исполненія своихъ обязанностей относительно короля?» Для дворянъ такія приглашенія были чрезвычайно замалчивы: губернаторства, комендантства, епископства, бенефиціи, придворныя должности, права на преемничество, пенсіи, кредитъ, милости всякаго рода для себя и своихъ, все, что государство въ 25,000,000 человѣкъ можетъ предложить желательнаго для честолюбія, тщеславія и корысти, собрано тамъ, при дворѣ, въ одномъ вмѣстилищѣ. Это стремленіе высшаго дворянства ко двору было одною изъ главныхъ причинъ его разоренія, такъ какъ хозяйство въ имѣніяхъ, покинутыхъ господами, шло скверно, земли истощались, доходы разворовывались, крестьяне разорялись управляющими. При этомъ высшее дворянство до такой степени потеряло всякую способность заниматься чѣмъ-нибудь серьезнымъ, что вовсе не обращало вниманія на свои хозяйственныя дѣла и даже хвастало своею беззаботностью. «Господинъ архіепископъ,—спросилъ Людовикъ XIV у Дилона,—говорятъ, у васъ есть долги, и много?»—«Государь,—отвѣчалъ прелатъ съ ироніей вельможи,—я спрошу объ этомъ у своего управляющаго и потомъ буду имѣть честь доложить вашему величеству». Кутя напропалую, высшее дворянство постоянно нуждалось въ деньгахъ и продавало свои привилегіи, какія только можно было продать, напр., тѣ судебныя должности, которыми оно располагало. Но въ то же время, живя при дворѣ, при этомъ источникѣ власти и богатства, дворянство захватывало себѣ всѣ безхлопотныя, выгодныя должности и привилегіи, и къ концу XVIII вѣка не только свѣтскія, но даже духовныя должности принадлежали его членамъ, въ томъ числѣ 19 мужскихъ капитуловъ, 25 женскихъ капитуловъ, 260 мальтійскихъ командорствъ, всѣ архіепископства и всѣ епископства, кромѣ пяти. При Людовикѣ XIV эта раздача синекуръ усилилась до того, что король пожаловалъ дворянамъ 1,500 духовныхъ должностей или, точнѣе, выгодныхъ духовныхъ титуловъ, и при этомъ чѣмъ богаче было лицо, тѣмъ богаче была и даваемая ему синекура. Такимъ образомъ, д'Аржантре, епископъ сіезскій, получилъ 34,000 ливровъ дополнительной ренты, Сюфранъ, епископъ систеховскій — 36,000, Жиракъ, епископъ ренескій—40,000, Бурдель, епископъ суасонскій — 42,000, д'Агу - де - Воневаль, епископъ памьерскій—45,000, Марбёфъ, епископъ д'отюнскій—50,000, Роганъ, епископъ страсбургскій—60,000, Сисе, архіепископъ бордоскій — 63,000, Люинь, архіепископъ санскій — 82,000, Берни, архіепископъ альбійскій—100,000, Бріенъ, архіепископъ тулузскій — 120,000, де-ла-Рошфуко, архіепископъ руанскій—130,000 ливровъ. Но въ сущности всѣ эти господа извлекали изъ пожалованныхъ имъ должностей и титуловъ суммы, гораздо большія приведенныхъ цифръ, такъ, напр., Рогань получалъ не 60,000, а 400,000 ливровъ. Еще многочисленнѣе церковныхъ были свѣтскія синекуры, которыя тоже всѣ почти раздавались дворянству, въ томъ числѣ 44 генералъ-губернаторства, 66 генералъ-лейтенантствъ, 420 губернаторствъ и множество другихъ должностей, приносившихъ большіе доходы, но не требовавшихъ никакихъ занятій. Генералъ-губернаторство берійское давало 35,000 ливровъ дохода, гіенское— 120,000, лангедокское— 160,000, маленькое губернаторство гаврское — 35,000, незначительное генералъ-лейтенантство русильонское—14,000. До какой степени увеличилось число этихъ синекурныхъ должностей, можно судить, напр., по Лангедоку, въ которомъ было 3 помощника коменданта, рѣшительно ничего не дѣлавшихъ, но получавшихъ каждый по 16,000 ливровъ; 12 королевскихъ лейтенантовъ, тоже ничего не дѣлавшихъ, и три генералъ-лейтенанта, тоже ничего не дѣлавшихъ, но получавшихъ черезъ каждые три года по 30,000 ливровъ, хотя одинъ изъ нихъ, графъ Карамань, съ одного только лангедокскаго канала имѣлъ ежегодно 600,000 чистаго дохода. Кромѣ упомянутыхъ синекуръ провинція платила 12,000 ливровъ коменданту, графу Перигору; ему же, на содержаніе 40 гвардейцевъ съ капитаномъ—15,000 ливровъ, да поднесла его женѣ, когда та въ первый разъ удостоила своимъ посѣщеніемъ провинцію, 12,000. Губернатору эта провинція платила подъ разными предлогами 60,000, да кромѣ того около 30,000 на гвардейцевъ и 7,500 на секретарей губернаторскихъ. При дворѣ главный метръ д'отель получалъ болѣе 84,000 ливровъ; секретарь Ожаръ, жалованье котораго составляло только 900 ливровъ, получалъ на самомъ дѣлѣ 200,000; почетная гувернантка «дѣтей Франціи»—115,000, инспекторъ классовъ Машо, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы дважды въ годъ подписывать подъ отчетами свою фамилію, получалъ за это 18,000; синекурная должность генеральнаго секретаря швейцарцевъ давала 30,000, такая же должность генеральнаго секретаря драгуновъ 20,000 и т. д. Независимо отъ этихъ синекуръ, дворянство получало отъ королей пенсіи и подарки. Принцъ де-Понсъ получалъ изъ королевской шкатулки пенсію въ 25,000, а его дочь въ 6,000. Для утѣшенія Руиле, которому не удалось

участвовать при заключеніи вѣнскаго трактата, король далъ пенсію одной его племянницѣ въ 6,000, а другой, очень богатой, въ 10.000. «Высчитано,—пишетъ одинъ современникъ,—что въ одну только послѣднюю недѣлю пожаловано придворнымъ дамамъ пенсій на 128,000 ливровъ, въ томъ числѣ 8,000 герцогинѣ де-Шеврезъ, мужъ которой имѣетъ ежегоднаго дохода 500,000; 12,000 мадамъ де-Люинь, чтобы и ей незавидно было; 10,000 герцогинѣ Бранка; вдовствующей герцогинѣ Бранка, матери предыдущей, 10,000, и т. д.». Въ то же время король пожаловалъ 1,500,000 принцу Конти на уплату долговъ его. Герцогъ Орлеанскій, считавшійся бѣднымъ и получавшій до смерти отца своего пенсію въ 50,000 экю, отказался отъ нея, когда отецъ умеръ и онъ получилъ болѣе 3,000,000 ежегоднаго дохода, но потомъ онъ снова запросилъ у короля пенсію, и король возвратилъ ее. Въ 1780 году, когда Людовикъ XVI пожелалъ нѣсколько сократить расходы, то назначилъ на столъ тремъ старухамъ, принцессамъ крови, 600,000 ливровъ; двумъ королевскимъ братьямъ 830,000 ливровъ, кромѣ тѣхъ 2,000,000, которые они получали съ своихъ имѣній; дофину, двумъ другимъ принцессамъ и женамъ королевскихъ братьевъ 3,500,000, а королевѣ 4,000,000. Въ то же время король пожаловалъ 200,000 франковъ де-Сартину на уплату его долговъ; 200,000 хранителю печати, Ламуаньону; 100,000 Миромениію на постройку дома; 166,000 вдовѣ Морена; 400,000 принцу де-Сальмъ; 1,200,000 герцогу Полиньяку; 754,337 ливровъ женамъ своихъ братьевъ. «Едва только де-Калонъ вступилъ въ должность,—разсказываетъ Ожаръ,—какъ сдѣлалъ заемъ въ 100,000,000, изъ которыхъ четвертой части не поступило въ королевскую казну: все было расхватано придворными, въ томъ числѣ графу д'Артуа дано 56,000,000, старшему брату короля 25,000,000, принцу Конде 12,000,000 и 600,000 пожизненной ренты».

При такихъ громадныхъ доходахъ дворянство, понятно, старалось подражать двору роскошью и великолѣпіемъ своей жизни. Не говоря уже о королевскихъ родственникахъ, каждый крупный аристократъ, каждый придворный вельможа имѣлъ свои дворцы и свой дворъ въ Версали и Парижѣ да еще загородный дворецъ гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ столицы. Герцогъ де-Жевръ, напр., по разсказу современника, «имѣлъ большой домъ на широкую ногу, лакей, слугъ всякаго рода и велъ чрезвычайно расточительную жизнь. Ежедневно у него были большіе обѣды. Почти ежедневно онъ давалъ частныя аудіенціи. Ни при дворѣ, ни въ городѣ не было никого, кто бы не оказывалъ ему своего уваженія, даже министры и сами принцы крови. Онъ принималъ посѣтителей даже въ то время, когда былъ еще въ постели. Онъ писалъ и диктовалъ, окруженный многочисленнымъ обществомъ. Въ его парижскомъ домѣ и въ его версальской квартирѣ постоянно толпились посѣтители, начиная съ того времени, когда онъ пробуждался, и кончая тѣмъ моментомъ, когда онъ засыпалъ». Точно такая же жизнь текла, по крайней мѣрѣ, въ трехстахъ аристократическихъ домахъ Парижа и Версали. О роскоши и аристократической жизни можно судить по тому, напримѣръ, что маршалъ Бель-Иль, ѣздившій во Франкфуртъ для избранія Карла VI, истратилъ при этомъ 900,000 ливровъ, а на кухнѣ его служило болѣе ста человѣкъ. Принцъ Роганъ, будучи посланникомъ въ Римѣ, держалъ двѣ кареты, стоившія 40,000 ливровъ, 40 лошадей, 7 благородныхъ пажей, 6 придворныхъ дворянъ, 5 секретарей, 10 музыкантовъ, 12 лакеевъ, 4 курьеровъ; одинъ только ливрей послѣднихъ стоилъ 16,000 ливровъ. Маршалъ Буфлеръ въ кюнъенскомъ лагерѣ (въ 1698 г.) давалъ каждый день обѣды и ужины человѣкъ на 25 и держалъ 72 повара, 340 лакеевъ, имѣлъ 400 дюжинъ салфетокъ, 80 дюжинъ серебряныхъ тарелокъ, 600 дюжинъ фарфоровыхъ тарелокъ; 14 лошадей ежедневно возили ему изъ Парижа вина и плоды; каждый день присылалась ему рыба и дичь изъ Галда, Брюсселя, Дюнкирхена и Кале, а компанія, обѣдавшая и ужинавшая у него, выпивала каждый день 50 дюжинъ вина, при посѣщеніи же короля было выпито 80 дюжинъ. Всѣ вельможи имѣли обыкновенно такъ называемый открытый столъ, за которымъ ежедневно могли обѣдать всѣ желающіе. Когда Ламуаньонъ былъ назначенъ канцлеромъ съ жалованьемъ въ 100,000, то всѣ думали, что онъ долженъ немедленно разориться, такъ какъ онъ взялъ къ себѣ весь кухонный штатъ д'Агессо, у котораго на одинъ только столъ выходило 80,000 ливровъ. Праздникъ, данный имъ въ Версали, стоилъ 6,000, и ему еще нужно было держать въ Парижѣ и въ Версали открытый столъ приборовъ на двадцать. Саксонскій маршалъ въ Шамборѣ держалъ ежедневно два стола, одинъ на 60, другой на 80 человѣкъ, 400 лошадей, цѣлый полкъ улановъ для своего конвоя, театръ, стоившій ему болѣе 600,000, и жилъ, какъ настоящій Сарданапалъ. Генералъ-губернаторы, когда они бывали въ своихъ провинціяхъ, вели такую же роскошную жизнь, какъ и аристократы, жившіе въ Парижѣ и въ Версали; равнымъ образомъ отъ нихъ не отставали въ этомъ отношеніи и духовные аристократы, 130 архіереевъ, 700 богатыхъ аббатовъ и т. д. Принцесса Христина, аббатесса ремирмонская, была почти постоянно въ разъѣздахъ съ своими дамами, принимала у себя въ аббатствѣ визиты, задавала пиры и банкеты. Большинство женскихъ монастырей, управлявшихся разными аристократками, имѣло свои великосвѣтскіе салоны, въ которыхъ кипѣла веселая жизнь. Аристократическіе прелаты держали свой дворъ, свою охоту, открытый столъ и т. д.; въ роскошномъ дворцѣ Рогановъ, напр., наслѣдственныхъ епископовъ страсбургскихъ, было 700 кроватей, 180 лошадей, 14 метръ д'отелей, 25 лакеевъ и т. д. Здѣсь собиралась весьлиться вся провинція, за столъ садилось нерѣдко нѣсколько сотъ человѣкъ; у кардинала во всякое время гостило отъ 20 до 30 «самыхъ любезныхъ дамъ провинціи», не считая тѣхъ, которыя пріѣзжали изъ Парижа и Версаля. Кромѣ этихъ ординарныхъ и постоянныхъ расходовъ, аристократія сыпала направо и налѣво золото для выполненія своихъ причудъ и фантазій, для задаванія

тона. Два брата Вильме, напр., построили себѣ дачи въ 600,000 ливровъ, а одинъ изъ нихъ, для того только, чтобы изрѣдка ѣздить верхомъ въ Буланскій лѣсъ, держалъ 40 лошадей. Герцогъ де-Лозюнъ, будучи 26 лѣтъ, промоталъ капиталъ, дававшій ему ежегоднаго дохода 100,000 экю, и кромѣ того задолжалъ 2,000,000. Маршалъ Субизъ, принимая однажды у себя короля, издержалъ 200,000. Мадамъ Монтиньонъ расходовала ежегодно 24,000 на уборку своихъ волосъ. Порядочный человѣкъ не долженъ былъ жалѣть денегъ, и бросать ихъ на вѣтеръ считалось признакомъ хорошаго тона. Одна дама дала замѣтить принцу Конти, что ей хочется имѣть миніатюрный портретъ его чижика; Конти предложилъ ей, дама согласилась принять подарокъ, но съ тѣмъ, чтобы портретъ этотъ былъ самый простой и безъ брильянтовъ. Конти велѣлъ сдѣлать его на маленькомъ золотомъ кружкѣ, но вмѣсто стекла покрыть его плоскимъ брильянтомъ; когда же дама возвратила ему брильянтъ, принцъ велѣлъ истолочь его въ порошокъ и, вмѣсто песку, засыпать этимъ порошкомъ свою записку къ дамѣ, въ которой извѣщалъ ее объ этомъ.

Воспитанная для любви, дрессированная для свѣтской жизни, дама имѣла у себя цѣлый арсеналъ вспомогательныхъ средствъ, усиливавшихъ обаятельность ея красоты. Это были безчисленныя притиранья, помады, воды, духи, бѣлила и разные сорта румянъ, потребленіе которыхъ было такъ громадно, что въ 1780 г. одна компанія предлагала 5.000.000 за привилегію торговли одними только высшими сортами румянъ. На ряду съ румянами стояли мушки, которыя налѣплялись на разныхъ частяхъ лица и имѣли разныя условныя значенія преданности, вѣрности и т. д. Еще важнѣе была уборка волосъ, создававшая своихъ «геніевъ», куаферовъ, доводившихъ свое искусство до чудовищныхъ нелѣпостей. На дамской головѣ устроялись сады, замки, луга съ пасущимися на нихъ стадами, даже море съ миніатюрнымъ флотомъ! Эти громадныя и тяжелыя куафюры начали исчезать только въ концѣ столѣтія, когда уборка лица и волосъ начала стремиться не къ пикантности, а къ тому, чтобы сообщить дамской головкѣ видъ чувствительности, нѣжности, задумчивости. Костюмъ дамы вполнѣ соотвѣтствовалъ ея куафюрѣ. Начиная со времени Людовика XIV, француженка стала одѣваться, на подобіе богинь Олимпа, въ газъ, золото и парчу, окружавшіе облаками и сіяньемъ ея полуобнаженное тѣло. Въ своихъ дальнѣйшихъ измѣненіяхъ мода доходила съ одной стороны до чудовищныхъ панье, съ другой—стремилась къ возможно полному неглиже и дезабилье, стоившимъ однакожъ такъ дорого, что одно платье обходилось иногда болѣе 10.000 ливровъ. Дама и вся жизнь ея были напоказъ «свѣту». Пробудившись утромъ не ранѣе 11 часовъ, дама въ одной рубашкѣ садилась на кровати, а двѣ горничныя брали ее на руки и несли къ ея алтарю—туалету. Здѣсь немедленно являлся и садился кто-нибудь изъ ея поклонниковъ, вслѣдъ за которымъ появлялись и другіе. Начинались—остроумная болтовня, сплетни, переговоры о дѣлахъ, любезности. Туалетъ конченъ, и барыня садится за клавесинъ, чтобы сыграть новую арію, или беретъ урокъ на арфѣ, а затѣмъ галопируетъ по улицамъ верхомъ на лошади, грива и хвостъ которой переплетены лентами. Послѣ этой прогулки, вплоть до обѣда, барыня перелистываетъ новыя брошюры и книги, которыя въ продолженіе вѣка болѣе и болѣе дѣлались предметомъ дамскаго развлеченія. Книги, однакожъ, не настолько занимали даму, чтобы помирить ее съ одиночествомъ: съ утра до поздней ночи она ни на минуту не могла быть одна, и даже въ то время, когда съ нею никого не было изъ людей, ее окружали животныя, обезьяна, попугай, ангорская козочка, собачка. Собака почти не разлучалась съ барыней, спала съ ней, ѣла съ ней съ одной тарелки, была ея первымъ другомъ. Собаки становились историческими знаменитостями, живописцы писали ихъ портреты, скульпторы воздвигали имъ статуи, поэты воспѣвали ихъ, и журналъ «Меркурій» наполнялся элегіями въ памятъ умершихъ собакъ. Но какъ ни много «занималась» барыня книжками, собачками и обезьянами, у нея, какъ и у мужчины, все-таки оставалось довольно свободнаго времени, для наполненія котораго прибѣгали къ упражненію своего «таланта». Каждый свѣтскій человѣкъ непремѣнно имѣлъ какое-нибудь салонное дарованіе, былъ стихотворцемъ, музыкантомъ, живописцемъ, актеромъ, пѣвцомъ, вышивалъ что-нибудь или выдѣлывалъ на токарномъ станкѣ бездѣлушки. Барыни занимались такимъ же образомъ. Во время регентства въ модѣ было вырѣзываніе изъ бумаги, съ 1747 г. пошли въ ходъ картонные дергунчики, а съ 1770 г. щипанье галуновъ, парчи и эполетовъ: какъ только собиралось нѣсколько женщинъ, хозяйка немедленно предлагала имъ матерьялъ для щипанья. Проведя день, дама вечеромъ могла отправиться въ театръ, въ маленькую ложу со сторами. Она являлась сюда въ своемъ домашнемъ неглиже, принимала знакомыхъ, нерѣдко назначала здѣсь любовныя свиданія. Съ половины столѣтія театръ сдѣлался господствующею страстью общества: вездѣ устраивались свои домашніе спектакли, формировались труппы любителей, всѣ дамы превратились въ актрисъ. Балъ съ его остроумною болтовней и маскарадъ съ его интригами, а послѣ нихъ веселый ужинъ, дополняли собою эту оргію роскошнаго барства. Не слыша ни стоновъ умиравшаго съ голода народа, ни раскатовъ уже приближавшейся революціонной грозы, французская аристократія кутила и веселилась, переходя отъ празднества къ празднеству. Вотъ, напр., какъ текла жизнь въ Шамплу, гдѣ попавшій въ немилость герцогъ Шуазель принималъ весь свѣтъ. «У герцогини только два часа свободнаго времени, разсказываетъ современница, и эти два часа она тратитъ на туалетъ и письма; расчетъ очень простой: она встаетъ въ одиннадцать, въ полдень завтракъ, а затѣмъ бесѣда, которая продолжается до трехъ или четырехъ часовъ; въ шесть обѣдъ, а затѣмъ игра до двухъ часовъ ночи... Сегодня дѣлаютъ то же, что дѣлали вчера и что будутъ дѣлать завтра; обѣдомъ занимаются, какъ са-

мымъ важнымъ дѣломъ въ жизни, и свѣтъ ни о чемъ столько не заботится, какъ о своемъ желудкѣ»... Прежнія грубыя забавы, требовавшія сильныхъ физическихъ упражненій, выходили уже изъ моды, и даже охота принимала какой-то театральный характеръ. «Я—пишетъ мадамъ дю-Деффанъ—не говорю вамъ объ охотахъ, потому что мы уже не охотимся; ни о чтеніяхъ, потому что у насъ не читаютъ; ни о прогулкахъ, потому что мы не выходимъ болѣе. Что же мы дѣлаемъ? Одни играютъ на билліардѣ, другіе въ домино, третьи въ trou-madame. Время увлекаетъ насъ, и мы охотно отдаемся ему». Въ Парижѣ, въ Версали, во всѣхъ аристократическихъ помѣстьяхъ непрерывно слѣдовали другъ за другомъ оперныя представленія, спектакли, танцы, музыка. Въ Морфонтенѣ, напр., графъ Водрейль, поэтъ Лебрёнъ, кавалеръ де-Коаньи, «столь веселый и любезный», Враньяръ, Роберъ «каждую ночь составляютъ шарады и, пробуждаясь, говорятъ ихъ». «Въ Монертюи, у Монтескьё, разсказываетъ Тэнъ, по современнымъ источникамъ, въ Сенъ-Туанѣ, у герцога Ниверна, въ Сенъ-Жерменѣ, у маршала Ноейля, въ Женевиньерѣ, у графа Водрейля, въ Рэнси, у герцога Орлеанскаго, въ Шантильи, у принца Конде, идутъ праздники за праздниками. Невозможно прочесть ни одной біографіи, ни одного провинціальнаго документа, ни одного тогдашняго инвентаря безъ того, чтобы не услышать шума этого безконечнаго карнавала. Въ Монтиуа, у графа Бедѣ, дяди Шатобріана, «занимались музыкой, танцовали, охотились и веселились съ утра до вечера, проматывая и каналы, и доходы». Въ Э и Марсели, во всѣхъ аристократическихъ домахъ, только и видимъ, что концерты, балы, любительскіе спектакли съ графинею Мирабо въ первыхъ ролихъ. Въ Шатору Дюпенъ-де-Франкюэль «содержитъ труппу музыкантовъ, лакеевъ, поваровъ, паразитовъ, лошадей и собакъ, давая пригоршнями на удовольствія и благотворительность, чтобы быть счастливымъ самому и видѣть счастливыми окружающихъ, не вдаваясь ни въ какіе расчеты и разоряясь самымъ любезнымъ образомъ». Ничто не останавливаетъ этого веселья, ни возрастъ, ни ссылка, ни несчастіе, и оно продолжалось еще въ 1793 г. въ тюрьмахъ республики. Самые, повидимому, дѣловые люди въ самые критическіе моменты общественной жизни думали только о потѣхахъ. Въ 1753 г. члены парламента, сосланные въ Буржъ, устроили три любительскихъ театра. Въ 1787 г., когда весь парламентъ былъ высланъ въ Тройе, епископъ Вальяль приготовилъ для его принятія свой замокъ и каждый вечеръ давалъ въ немъ обѣдъ на 40 человѣкъ; во всемъ городѣ были праздники и пиршества безъ конца; президенты держали открытый столъ; потребленіе товаровъ утроилось, и кухни топились такъ сильно, что въ городѣ оказался недостатокъ дровъ. Почти ни одно изъ этихъ пиршествъ не обходилось безъ спектакля и во время пріема какого-нибудь знатнаго лица; при празднованіи дня рожденія хозяина или хозяйки дома, гости, одѣтые богами, добродѣтелями, турками, лонарями, пейзанами, разыгрывали какую-нибудь оперетку или пасторель, пѣли, танцовали, говорили стихи на случаи. Въ Шантильи молодая и прекрасная герцогиня Бурбонъ, замаскированная сладострастною пляской, везетъ Сѣраго графа въ разолоченной гондолѣ по большому каналу на островъ любви. Въ Водрейлѣ дамы, узнавъ, что ихъ хотятъ захватить для гарема, одѣваются весталками, а первосвященникъ, привѣтствуя ихъ прекрасными куплетами, принимаетъ ихъ въ своемъ храмѣ посреди парка; но триста турокъ при звукахъ музыки врторгаются въ храмъ, захватываютъ дамъ и, посадивъ ихъ въ паланкины, бѣгутъ съ ними по иллюминованнымъ аллеямъ парка. Въ маломъ Тріанонѣ паркъ представляетъ ярмарку, придворныя дамы изображаютъ собою торговокъ, королева въ костюмѣ лимонадницы держитъ кафе; въ разныхъ мѣстахъ пародіи и театры; праздникъ стоитъ 400.000 ливровъ и будетъ продолжаться въ Шуази еще на болѣе широкую ногу. Эти оргіи доходили до того, что всѣ правила «хорошаго тона» посылались, наконецъ, къ чорту, и изящный, утонченный, раздушенный свѣтъ развертывался во всю ивановскую. «Вотъ уже 5 или 6 мѣсяцевъ,—пишетъ одна дама въ 1782 г.,—какъ ужины сопровождаются обыкновенно жмурками и кончаются повальною шалостью. На этотъ разъ опрокидывали столы и мебель, розлили въ комнатѣ 20 графиновъ воды; наконецъ, въ половинѣ второго я уѣхала, крайне утомленная, избитая жгутами и оставивъ м-мъ Кларансъ съ охриплымъ горломъ, въ платьѣ, растерзанномъ на 1.000 лоскутковъ, съ ссадиной на рукѣ, съ ушибленной головой, но все-таки аплодирующею такому веселому ужину и мечтающею о возобновленіи его назавтра». Но, доходя до такихъ грубыхъ наслажденій, французское барство скоро прельщалось имъ, и его натура начинала требовать другихъ наслажденій, болѣе утонченныхъ, болѣе чувствительныхъ, и когда литература, въ особенности Жанъ-Жакъ Руссо, начала говорить о чувствительности и любви къ природѣ, то выродившаяся французская аристократія обрадовалась этому случаю и начала развлекаться модною чувствительностью и модною любовью къ природѣ. Въ паркахъ начали строить храмы Дружбѣ, въ кабинетахъ и будуарахъ воздвигали небольшіе алтари Добродѣтели, облекались въ платье à la Жанъ-Жакъ, «соотвѣтствующее принципамъ этого автора», а на головѣ дѣлали локоны и букли, олицетворявшіе извѣстное чувство, помѣщая въ нихъ портретъ своей дочери, матери, чижика, собаки и т. д. Каждый разъ, когда друзья говорили между собою о чувствительныхъ предметахъ, «они должны были говорить тихо, голосомъ яснымъ и протяжнымъ, смотрѣть нѣжно, склоняя нѣсколько голову, и часто обниматься». Энтузіазмъ былъ обязателенъ для порядочнаго человѣка, и когда, напр., авторъ читалъ свое произведеніе въ обществѣ, то всѣ должны были осыпать его восторженными восклицаніями, рыдать, и хотя одной прекрасной дамѣ полагалось упасть въ обморокъ. Вотъ, по разсказу Жанлисъ, въ од-

номъ обществѣ говорятъ дѣвочкѣ: «Памела, представьте Элоизу», и Памела, распустивъ свои волосы, становится на колѣна, съ глазами, возведенными къ небу, съ вдохновеннымъ видомъ, при общихъ аплодисментахъ присутствующихъ. Та же Жанлисъ основала «орденъ постоянства», къ которому присоединилось вскорѣ до 90 кавалеровъ большого свѣта. Чтобы вступить въ этотъ орденъ, нужно было разгадать загадку, отвѣтить на какой-нибудь моральный вопросъ и написать разсужденіе о какой-нибудь добродѣтели; каждая дама или кавалеръ, которые откроютъ какихъ-нибудь три добродѣтельныхъ поступка, вполнѣ достовѣрныхъ, получаютъ золотую медаль; для собраній этого общества служилъ «храмъ чести», поставленный въ саду одного изъ его членовъ. Стремленіе къ естественности выражалось, напр., въ томъ, что королева устроила въ Тріанонѣ деревню, въ которой она, одѣтая въ миткалевую юбку и дешевенькую газовую косынку, въ соломенной шляпѣ, удила на озерѣ рыбу и смотрѣла, какъ пасутся ея коровы. Въ модахъ совершился поворотъ къ простотѣ; отцы начали обращать вниманіе на воспитаніе своихъ дѣтей, а матери — кормить ихъ грудью.

Этотъ поворотъ къ естественности былъ однимъ изъ результатовъ дѣятельности салоновъ, въ которыхъ французское барство постепенно переходило отъ роскошныхъ оргій къ увлеченію философскими идеями XVIII в. Въ этихъ салонахъ французская женщина, по выраженію Гонкура, является «началомъ событій, источникомъ вещей»... Ничто не ускользаетъ отъ ея власти, она держитъ въ своихъ рукахъ короля и Францію, волю государя и силу общественнаго мнѣнія. Она повелѣваетъ при дворѣ и владычествуетъ у себя дома. Союзы государствъ, дѣла войны и мира, науки, искусства, моды,—все зависитъ отъ ея произвола и ея страстей... Вліяніе женщинъ на государственныя дѣла давно уже было сильнымъ во Франціи. «Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ исторіей Франціи,— говоритъ Шлоссеръ,—чтобы знать, что во Франціи женщины всегда вмѣшиваются въ государственныя дѣла. При Францискѣ I и послѣдующихъ короляхъ, до Генриха III мы видимъ открытое и гласное правленіе женщинъ. При Генрихѣ III оно прекращается, но объ этомъ едва ли не приходится сожалѣть—миньоны (содомиты) этого короля вредили гораздо болѣе, чѣмъ матери, жены и любовницы предшествовавшихъ правителей. При Генрихѣ IV вліяніе женщинъ на общественныя дѣла не такъ замѣтно, потому что государствомъ управлялъ не король, а Сюльи; слабость же Генриха къ женщинамъ слишкомъ хорошо извѣстна. Онъ всегда былъ подъ башмакомъ женщинъ и часто за волокитствомъ забывалъ государственныя дѣла. На него пало даже обвиненіе, что будто онъ изъ-за любви къ женщинѣ не задолго до своей смерти замышлялъ новую войну съ Испаніей и вмѣшался въ споръ за Юлихъ-клевское наслѣдство. По смерти Генриха государствомъ стали управлять Марія Медичи и наперстница ея Галигай. Люинь склонилъ своего товарища, Людовика XIII, убійствомъ отдѣлаться отъ опеки, т.-е., собственно говоря, передать правленіе фавориту. Все это дѣлалось подъ предлогомъ освобожденія народа отъ тяжкаго владычества женщинъ и ихъ креатуры, маршала д'Анкра. Народъ съ восторгомъ принялъ вѣсть объ убійствѣ маршала и издѣвался надъ его трупомъ, ожидая освобожденія отъ ига; но смерть маршала не принесла ему никакихъ выгодъ и даже не освободила отъ женскихъ интригъ. При Ришелье не могло быть и рѣчи о владычествѣ женщинъ, но въ смутахъ, происходившихъ во время малолѣтства Людовика XIV, женщины были центромъ движенія, а дома ихъ служили для сборищъ партій. При Людовикѣ XIV государствомъ управляла не только Монтенонъ, но и другія женщины. Въ началѣ войны за испанское наслѣдство и даже еще со времени уничтоженія нантскаго эдикта истинныя причины и пружины всѣхъ событій въ политикѣ и литературѣ слѣдуетъ искать въ отношеніяхъ женщинъ между собою и къ обществу. Всѣмъ извѣстно, что при герцогѣ-регентѣ, до вступленія въ управленіе дѣлами кардинала Флери, самыя наглыя и развратныя женщины знали всѣ государственныя тайны, продавали должности, почести, милости и даже вели переговоры о бракѣ молодого короля. При кардиналѣ Флери вліяніе женщинъ ограничивалось литературою, совершенно подчинившеюся вліянію парижскихъ дамъ. Посредствомъ литературы женщины управляли общественнымъ мнѣніемъ, которое, какъ извѣстно, безгранично владычествуетъ надъ людьми. По смерти Флери Людовикъ XV безусловно подчинился вліянію женщинъ, удовлетворявшихъ его сладострастію, и чѣмъ онъ болѣе старѣлъ, тѣмъ сильнѣе становились злоупотребленія женской власти. Взбалмошная и вѣтренная жена Людовика XVI управляла имъ такъ же неограниченно, какъ любовницы Людовика XV». «Нѣтъ— писалъ въ 1731 г. Монтескьё—ни одного должностнаго человѣка при дворѣ, въ Парижѣ или въ провинціи, не имѣющаго женщины, руками которой изливаются всѣ милости и несправедливости, какія онъ можетъ сдѣлать. Всѣ эти женщины находятся въ сношеніяхъ другъ съ другомъ и составляютъ родъ республики, члены которой всегда дѣятельно помогаютъ другъ другу. Это какъ бы государство въ государствѣ, и тотъ, кто при дворѣ, въ Парижѣ, въ провинціи видитъ дѣйствія министровъ, судей, прелатовъ и не знаетъ управляющихъ ими женщинъ, похожъ на человѣка, который смотритъ, какъ машина дѣйствуетъ, но не знаетъ, что приводитъ ее въ движеніе».

Владычествуя въ государствѣ, дама повелѣвала и у себя дома, гдѣ всѣ, начиная съ мужа, исполняли ея волю. Грація, знаніе людей и развитый здравый смыслъ дѣлали даму всемогущею. Она была хорошо знакома съ литературой, состояла въ постоянномъ общеніи съ писателями, была ихъ критикомъ, судьею и вдохновительницею. Успѣхъ или неуспѣхъ книги, картины, театральной пьесы вполнѣ зависѣли отъ дамскаго одобренія или неодобренія. Судьба писателя и художника вполнѣ зависѣла

отъ дамъ, покровительству и дружбѣ которыхъ такъ много были обязаны Вольтеръ, Руссо, Мармонтель, Флоріанъ и др. Даже выборы въ члены академіи вполнѣ зависѣли отъ дамъ. Къ концу столѣтія дамскіе салоны сдѣлались центрами не только литературы и политики, но и науки; здѣсь собирались ученые, производились опыты, читались лекціи физики, химіи, анатоміи, астрономіи и т. д. Музеи и лицеи постоянно посѣщались толпами женщинъ, даже королевская коллегія должна была открыть имъ свои двери. Дамы и дѣвицы анатомировали трупы, дѣлали операціи. Но эти научныя занятія, хотя и не мало содѣйствовали развитію женскаго ума, были въ сущности такимъ же развлеченіемъ, какъ и щипаніе галуновъ. Любовь и наслажденіе, которымъ всецѣло отдавалась дама, оставляли въ душѣ ея чувство пустоты, котораго не могли заглушить никакія оргіи, никакія развлеченія. Скука заѣдала даму, жизнь тяготила ее. «Все живое надоѣло мнѣ, жизнь наскучила»,—писала однажды г-жа дю-Деффанъ. Главною причиною этой тоски и скуки была господствующая болѣзнь тогдашней дамы, *вѣтры, порождаемые употребленіемъ корсета*, бѣлилъ, румянъ, *неудобоваримой пищи* и возбудительныхъ средствъ. «Вѣтры—вотъ тоска»,—говоритъ г-жа д'Эпине. Болѣзнь эта была чрезвычайно распространена, отъ нея умирали, ею спеціально занимались знаменитые дамскіе врачи.

Проведя всю жизнь въ оргіяхъ и свѣтскихъ развлеченіяхъ, подъ старость многія дамы ударялись въ набожность, начинали ходить по церквамъ, слушать проповѣди, исповѣдываться, носить костюмы темныхъ цвѣтовъ, щеголять крестиками и четками. Но все это благочестіе было только модой, въ церковь ходили для развлеченія, какъ въ театръ, знаменитыхъ дамскихъ проповѣдниковъ слушали, какъ актеровъ, а эти проповѣдники говорили дамамъ о любви и удовольствіяхъ свѣта, щеголяли передъ ними своимъ остроуміемъ и любезностью и рисовали розовыми красками самый адъ. Невѣріе вѣка сдѣлало свое дѣло, церковь замѣнилась философіей, а мѣсто духовника у дамы занялъ философъ. Это ея другъ и наставникъ, который руководитъ ея поступками, вмѣшивается въ домашнія дѣла, даетъ ей совѣты при выборѣ любовника, читаетъ ея письма, наблюдаетъ за воспитаніемъ дѣтей. При такомъ сильномъ вліяніи философіи вѣка дама даже подъ старость не могла сдѣлаться вполнѣ религіозною и увлекалась набожностью только какъ модою. Суевѣріе было сильнѣе религіи, и женщины философскаго вѣка передъ вѣрили въ сверхъестественное дѣйствіе сала казненнаго преступника, веревки удавленника, просыпанной соли, перекрещенныхъ вилокъ. Были дамы, вѣрившія въ гороскопъ, въ философскій камень, въ жизненный эликсиръ, въ счастливые дни. Послѣ того, какъ прекратились пепетовства конвульсіонистовъ, французское барство занялось вызываніемъ чертей и духовъ. Знатныя дамы ѣздили къ модному гадалкамъ. Въ 1752 г. нѣкто Фоссъ показывалъ обществу дамъ дьявола. При дворѣ скучающаго Людовика XV и маркизы Помпадуръ дѣлали свои опыты предшественникъ Каліостро, Сенъ-Жермень, производитель искусственныхъ брильянтовъ и жизненнаго эликсира. Въ Пале-Роялѣ Казанова строилъ свои кабалистическія пирамиды изъ чиселъ, а Месмеръ увлекалъ женскіе умы магнетизмомъ и сомнанбулизмомъ. Съ развратомъ и суевѣріемъ соединялась по обыкновенію жестокость, и когда въ 1757 г. подвергали мучительной казни одного извѣстнаго преступника, то эшафотъ окружала огромная толпа дамъ высшаго свѣта.

Если дама на старости не ударялась въ набожность и суевѣріе, она вся отдавалась салонной жизни, собирала у себя артистовъ и писателей, заводила литературные вечера, научныя и политическія бесѣды, вѣсти о которыхъ разносились по всей Европѣ, или же пускалась въ придворныя политическія интриги, подкапывалась подъ министровъ, выводила въ люди своихъ протеже, завязывала сношенія съ иностранными посольствами. Во всякомъ случаѣ она не оставалась безъ дѣла и развлеченія, когда же приходила смерть, то старалась умереть прилично и въ подобающемъ случаю костюмѣ. Дамы умирали, какъ жили; одинъ окружали свой смертный одръ друзьями и знакомыми и испускали духъ среди ихъ говора, подъ звуки музыки, игры въ лото, домашняго спектакля; другія давали на завтрашній день распоряженія своему повару; третьи составляли себѣ эпитафіи, четвертыя острили надъ духовникомъ и медикомъ. Веселая жизнь весело и кончалась. Многія, впрочемъ, исповѣдывались и причащались передъ смертью, но это дѣлалось только «ради приличія».

Жизнь при дворѣ и безшабашная роскошь еще задолго до революціи совершенно разорили дворянство. Въ половинѣ XVIII в. въ Руергѣ множество дворянъ жило на доходъ въ 50 и даже 25 луидоровъ. Въ Лимузенѣ изъ нѣсколькихъ тысячъ дворянъ не насчитывалось и пятнадцати человѣкъ, имѣвшихъ 20,000 ежегоднаго дохода. Въ Берри, около 1754 г. «три четверти дворянъ умираетъ съ голоду». Во Франшъ-Конте обнищавшее дворянство представляетъ собою самую смѣшную картину: «послѣ обѣдни они возвращаются ко домамъ одни пѣшкомъ, другіе на своихъ россинантахъ». Въ Бретани «множество дворянъ ведетъ жизнь амбарныхъ крысъ, по фермамъ, въ самыхъ низкихъ занятіяхъ». Одинъ изъ нихъ управляетъ небольшимъ имѣніемъ, и о дворянскомъ происхожденіи его фамиліи «свидѣтельствуетъ только одна голубятня; семейство живетъ по-крестьянски и питается чернымъ хлѣбомъ». Одинъ вдовый дворянинъ «проводитъ всѣ свои дни въ пьянствѣ, постоянно ссорится съ своими служанками и самыми важными грамотами своего дома покрываетъ горшки съ масломъ». «Всѣ дворяне Шатобріана—говоритъ Мирабо-отецъ—были пьяницы и охотники за зайцами». Самъ онъ кое-какъ перебивался съ пятью слугами, одной охотничьей собакой и двумя старыми кобылами въ замкѣ, въ которомъ «помѣстилось бы 100 сеньоровъ съ ихъ свитами». Въ Бургонѣ мы видимъ «дворянъ-охотниковъ въ ботинкахъ, въ подкован-

ныхъ сапогахъ, которые таскаютъ подъ мышкою свою старую, заржавленную саблю, умираютъ отъ голода и не хотятъ ничѣмъ заняться». По свидѣтельству Бушье, «всѣ старыя дворянскія фамиліи, кромѣ 200 или 300, разорились. Большая часть крупныхъ помѣстій перешли въ руки финансистовъ, негоціантовъ и ихъ потомковъ». «Большинство дворянства — говоритъ Леонсъ-Лавернь — прозябало въ бѣдности въ своихъ небольшихъ имѣніяхъ, которыя сплошь и рядомъ не приносили болѣе 200 или 300 франковъ дохода». «Тронъ—говоритъ Мирабо — окружаютъ только разорившіеся дворяне». Вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство страшно вырождалось. Людовикъ XV спросилъ однажды у принца Конти, почему во Франціи не появляется больше замѣчательныхъ полководцевъ, и принцъ отвѣчалъ: «потому что наши жены имѣютъ дѣло съ лакеями». Принцъ былъ рѣшительно не правъ: плебейская кровь лакеевъ и парикмахеровъ дореволюціонной Франціи могла только нѣсколько поддерживать силу выродившейся аристократіи, которая, подобно деспотамъ Востока и цезарямъ древняго Рима, превращалась въ жалкую расу калѣкъ, манекеновъ, полудіотовъ въ родѣ герцога де-Жевръ, который принялъ дамскія манеры, ходилъ съ вѣеромъ, румянился, занимался шитьемъ и вышиваньемъ. Дворянская раса до того выродилась, что во время революціи она не только не оказывала ей достаточнаго противодѣйствія, но даже прямо содѣйствовала ей своими глупыми интригами, раздорами, взаимною враждою своихъ членовъ. Дворянство, какъ доказалъ это Луи-Бланъ, погубило своими интригами королеву Марію-Антуанету, вовсе не виновную во многомъ, въ чемъ обвиняетъ ее народъ. Дворянство ненавидѣло ее, и эта ненависть— говоритъ Шерръ—«служитъ ужаснымъ признакомъ того, до какой степени прогнилъ и разложился французскій дворъ, въ то время, когда начали подниматься страшныя волны революціоннаго потопа. Демократія умертвила въ Маріи-Антуанетѣ только жертву, которую выставила ей преднамѣренная злостность аристократіи. Не изъ народа, не изъ революціонной литературы, но отъ двора, изъ кружковъ принцевъ и принцессъ, герцоговъ и герцогинь, маркизъ и графинь, придворныхъ прелатовъ и придворныхъ лакеевъ всякаго рода выходили тѣ клеветы, которыя представляли королеву новой Мессалиной, какимъ-то чудовищемъ роскоши и расточительности, измѣнницей и врагомъ Франціи. Изъ этихъ же кружковъ вышелъ и лозунгъ *австріячка*, который возбуждалъ ненависть народа къ Маріи-Антуанетѣ; шайка знатныхъ бабъ, которыя извѣдали всѣ безобразія разврата и потеряли всякій стыдъ, герцогиня Мазарини, герцогиня Шатильонъ, маркиза Флери, маркиза Роже, графини Валентинуа, Розанъ, Роншероль, онѣ и подобныя имъ окончательно погубили репутацію королевы...Ихъ интриги кончились громаднымъ скандаломъ, когда въ 1785 г. обнаружилось колоссальное мошенничество съ извѣстнымъ брильянтовымъ ожерельемъ, стоившимъ 1,600,000 ливровъ. И въ этомъ отвратительно грязномъ дѣлѣ, въ которомъ участвовали развратный лазутчикъ, принцъ и кардиналъ Роганъ, мошенница послѣдняго сорта, Латомъ, извѣстный воръ, мужъ ея, уличная проститутка Олива и, наконецъ, европейская знаменитость по части шарлатанства Каліостро,—и въ этомъ дѣлѣ была замѣшана королева Франціи!» Умственное отупѣніе аристократіи равнялось ея нравственному ничтожеству.

На сцену выступило третье сословіе и народъ; вспыхнула революція, полилась кровь, дворянство бѣжало въ разныя стороны за границу, его имущества конфисковались и продавались, роскошь сдѣлалась преступленіемъ, барскія оргіи прекратились, и лучшіе цвѣты, выращенные на рабской почвѣ стараго порядка, дамы, погибали на эшафотѣ, большею частью такъ же спокойно и прилично, какъ онѣ умирали у себя на постели.

XIX.

Паденіе половой нравственности и семейныхъ добродѣтелей достигло въ XVIII в. высшей степени. Бракъ превратился въ чисто торговую сдѣлку, надъ супружескою вѣрностью открыто издѣвались; женщина, которую въ продолженіе вѣковъ воспитывали исключительно для половыхъ наслажденій мужчины и для служенія семейству, успѣла наконецъ окончательно разорвать оковы, стѣснявшія ея чувство, и провозгласила свободу любви. Она пріобрѣла себѣ то право, которымъ издревле пользовался мужчина, насильно обязывавшій ее подчиниться исключительно составленнымъ для нея правиламъ половой нравственности. Женщина уже не клялась болѣе въ вѣрности по гробъ ни своему мужу, ни своему любовнику; въ этомъ отношеніи она была свободна, повиновалась только голосу своего сердца, и отъ нея требовали лишь однихъ добродѣтелей *честнаго человѣка*. Конечно, эта свобода чувства приводила ко многимъ безобразнымъ излишествамъ, и кромѣ того она была удѣломъ только высшихъ классовъ, кутившихся и наслаждавшихся на трудовыя деньги народныхъ массъ, но при всемъ томъ, она имѣла важное значеніе въ дѣлѣ освобожденія женщины. Послѣдняя попрежнему оставалась одалискою, но одалискою свободною, личностью, а не постельною куклою, составляющею собственность мужчины. Съ тѣмъ вмѣстѣ, женщина высшихъ и среднихъ классовъ значительно освободилась отъ пагубныхъ вліяній католицизма, который столько вѣковъ губилъ французенокъ и кастрировалъ не мало замѣчательныхъ женскихъ талантовъ, погибшихъ безъ слѣда въ душныхъ стѣнахъ монастырей. Въ XVIII в. монастырское воспитаніе женщинъ значительно подрывалось тѣмъ потокомъ умственной жизни, который разрушилъ основы стараго общества и обновилъ страждущую землю. Женщины добились доступа въ литературу, начали посѣщать публичныя лекціи, музеумы; пустые романы замѣнились у нихъ популярными научными трактатами и журналами; дамскіе салоны Франціи сдѣлались центрами умственной европейской жизни. Плутархъ и другіе классическіе авторы воспитывали въ цѣлыхъ женскихъ поколѣніяхъ республиканскія добродѣтели, мощное слово Вольтера развивало въ ихъ благо-

родную ненависть ко злу, пріучая въ то же время къ гуманности и терпимости; благородная проповѣдь Руссо въ особенности увлекала женскія сердца своею пламенною любовью къ человѣчеству, своими идеями свободы и равенства, своими совѣтами обратиться къ материнскимъ обязанностямъ и воспитывать дѣтей для счастливой жизни, чуждой ложной искусственности и общественныхъ золъ, подлежащихъ истребленію. Благодаря своему умственному развитію, женщина во многомъ сравнялась съ мужчиной, и при всей вольности тогдашнихъ нравовъ мы видимъ не мало примѣровъ такихъ счастливыхъ браковъ, какихъ никогда не бывало да и не можетъ быть при полномъ господствѣ строго патріархальной морали. Мы видимъ, напр., брачную жизнь Кондорсе и Роланов; жены стоятъ на одномъ уровнѣ со своими мужьями, они служатъ одной и той же великой идеѣ, они работаютъ вмѣстѣ, и ихъ бракъ представляется совершенно свободнымъ союзомъ равныхъ личностей, заключеннымъ не для однихъ только семейныхъ цѣлей и наслажденій, но и для цѣлей общественныхъ.

Давно уже замѣчено наблюдателями, что браки, заключенные по расчету, при явномъ отвращеніи или полномъ равнодушіи супруговъ другъ къ другу, никогда не даютъ такого даровитаго потомства, какъ браки или внѣбрачныя связи по любви, по страсти. Поэтому, эпохи, отмѣченныя особою свободою чувства, какъ, напр., эпоха Возрожденія и XVIII в., отличаются особенною плодовитостью на талантливыхъ и геніальныхъ дѣтей. Конечно, здѣсь много значатъ соціальныя условія, особенно содѣйствующія въ подобные періоды умственному развитію подростающихъ поколѣній; но самый фактъ обилія природныхъ дарованій долженъ быть приписанъ упомянутому нами условію. Въ подобныя эпохи добившаяся половой свободы женщина обыкновенно старается и въ умственномъ отношеніи поровняться съ мужчиною, и въ качествѣ воспитательницы своихъ дѣтей успѣваетъ положить первыя прочныя основы ихъ дальнѣйшему развитію внѣ семейства. Въ XVIII в. французская женщина любила свободно, была довольно развита умственно и дала міру множество геніевъ, воспитавъ цѣлыя поколѣнія героевъ. Въ особенности много даровитыхъ дѣтей рождено было въ половинѣ XVIII в.,—Бонапартъ, Фурье, Сенъ-Симонъ, Шатобріанъ, Кювье, Жоффруа-Сентъ-Илеръ, Биша, Амперъ, Роланъ, Робеспьеръ, Дантонъ, Камиль Демуленъ,—столько изобрѣтателей въ разныхъ отрасляхъ умственной дѣятельности, множество дѣятелей Горы и Жиронды, цѣлыя арміи отважныхъ бойцовъ, сокрушившихъ царство вѣкового зла и спасшихъ молодую республику отъ коалиціонныхъ армій, грозившихъ удушить новорожденную свободу въ ея колыбели.

При всемъ своемъ хорошемъ вліяніи на общество женское образованіе XVIII в. имѣло однакожъ такіе крупные недостатки, которые ставятъ его гораздо ниже порядочнаго образованія современной женщины, напр., американки. Въ большинствѣ случаевъ француженка того времени училась урывками, безъ системы, читая все, что попадалось подъ руку, увлекаясь новыми идеями, какъ модою, легко измѣняя свои мнѣнія и повинуясь каждому вѣтру ученія, волнующему общество. Не одна аристократка или дѣтска во вкусѣ Вольтера кончила свои дни въ упражненіяхъ католическаго ханжества, не одна жирондистка и монтаньярка дѣлалась поклонницею Наполеона, а потомъ украшала своею отвѣтвленною особою салоны Реставраціи. Даже въ лучшихъ представительницахъ женщинъ тогдашней Франціи мы видимъ тѣ крупные недостатки, которые искони вѣковъ не только поддерживались въ женщинахъ, но даже развивались ихъ ложнымъ образованіемъ,—это преобладаніе фантазіи и чувства надъ разсудкомъ. Шарлотта Корде и другія подобныя героини революціи, пропитанныя республиканскими идеалами древности и проповѣдью Руссо, представляются намъ поэтому такими же личностями, какъ христіанскія мученицы или средневѣковыя подвижницы, съ тѣмъ только различіемъ, что они молятся инымъ божествамъ, имѣютъ свой символъ вѣры и ихъ сердце повинуется другимъ вдохновеніямъ, а не тѣмъ, которыя вели на муки Варваръ и Катеринъ, посылали Жанну д'Аркъ на спасеніе отечества и заставили Жаккелину Паскаль погубить свои таланты въ упражненіяхъ и мечтаніяхъ монастырской жизни. Это свойство женскаго развитія имѣло результатомъ то, что большинство женщинъ, не сохраняя вѣрности своему направленію, которое основывалось у нихъ не на раціональныхъ началахъ, а на чувствѣ, увлекались самыми противоположными вліяніями, а другія, какъ Шарлотта Корде, исключительно руководимыя тѣмъ же чувствомъ, дѣлали радикальные промахи, которые хотя и служатъ вѣчнымъ памятникомъ благородства ихъ души, но все-таки принесли болѣе вреда, чѣмъ пользы тому дѣлу, во имя котораго подобныя героини шли на явную гибель. Далѣе, самымъ крупнымъ недостаткомъ женскаго образованія было преобладаніе въ немъ идеи долга надъ понятіемъ о правѣ. Всѣ великіе воспитатели тогдашней француженки—Плутархъ, Тацитъ, Руссо, Монтескьё и др. учили ее только обязанностямъ жены и матери, поставляя ея гражданскій долгъ въ одномъ воспитаніи дѣтей, внушая ей патріархально-классическія понятія объ исключительномъ назначеніи женщины для семейной жизни. О семейной и политической равноправности женщины большинство даже и не думало, хотя не мало женщинъ дѣйствовало самостоятельно на разныхъ поприщахъ общественной жизни, и во время революціи многія изъ нихъ принимали въ ней самое живое участіе, не только въ качествѣ матерей или женъ, но и въ качествѣ гражданокъ. Вліяніе классическихъ идей и Руссо во многихъ женскихъ натурахъ уживалось вмѣстѣ съ ихъ самостоятельными общественными стремленіями и производило какую-то странную смѣсь понятій и поступковъ. Даже тѣ женщины, которыя принимали самое дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, старались по возможности казаться только добродѣтельными матронами во вкусѣ древнихъ и были такъ придавлены господствующими теоріями о под-

чиненности женщины, что только немногія изъ нихъ имѣли смѣлость притязать на семейную и политическую равноправность.

Наконецъ, умственное состояніе женщины низшихъ классовъ ко времени революціи оставалось почти тѣмъ же, какимъ было и въ предыдущіе вѣка. Не только крестьянки, работницы, но даже большинство буржуазъ и множество аристократокъ попрежнему воспитывалось въ вѣковѣчныхъ понятіяхъ рабства и слѣпо вѣрило каждому слову католическаго попа.

Посмотримъ же теперь, какъ достоинства и недостатки французской женщины отразились на дѣлахъ революціи.

Еще до революціи дамскіе салоны были центрами идей, приведшихъ вскорѣ къ общественному перевороту. Во время самаго переворота, выражаясь словами Мишле, «богини вдохновительницы находятся въ каждомъ салонѣ. Онѣ диктуютъ, исправляютъ, передѣлываютъ рѣчи, которыя завтра будутъ произноситься въ клубахъ, въ національномъ собраніи. Онѣ слѣдятъ за этими рѣчами, отправляются слушать произнесеніе ихъ съ трибунъ, онѣ поддерживаютъ своимъ присутствіемъ слабаго или робкаго оратора». Мало этого, онѣ дѣлаются душою партій и виновницами самыхъ крупныхъ событій. Мы остановимся здѣсь только на двухъ такихъ женщинахъ—Сталь и Роланъ.

При всѣхъ своихъ талантахъ госпожа Сталь имѣла множество крупныхъ недостатковъ, которые неизбѣжно прививались и прививаются къ женщинамъ ихъ рутиннымъ воспитаніемъ и тою средою, въ которой выросла дочь Неккера. Богатое семейство буржуа Неккера тянуло къ аристократіи, заводило связи съ лицами высшаго круга и, по обычаю такихъ домовъ, собирало въ своемъ салонѣ знаменитыхъ дѣятелей политики, науки и литературы. Мать Сталь, женщина хорошо образованная, руководила воспитаніемъ своей дочери. Чрезвычайная воспріимчивость и живость этой дѣвочки поражали всѣхъ знавшихъ ее. Неудивительно, что ее воспитывали напоказъ, какъ воспитывается большинство женщинъ. Съ самаго дѣтства она сидитъ уже въ гостиной своей матери и трактуетъ о политикѣ, о литературѣ, о наукѣ. «Она училась болтать, не умѣя еще думать», говоритъ Шлоссеръ. Родители умиляются, гости засыпаютъ ее комплиментами, и такая система салоннаго образованія развиваетъ въ этой дѣвушкѣ крайнее честолюбіе, поверхностность, любовь къ блеску и внѣшности. На 12-мъ году она уже пишетъ такія пьесы, которыя друзья дома находятъ превосходными. Четырнадцати лѣтъ она дѣлаетъ комментаріи на «Духъ законовъ» Монтескьё, переписывается съ отцомъ о финансовыхъ и другихъ дѣлахъ государства, Рейналь заказываетъ ей статью объ уничтоженіи пантекаго эдикта. Вошедши въ лѣта, она дѣлается аристократкою съ головы до ногъ и во всю свою жизнь сохраняетъ слабость къ большимъ господамъ. Поклонница Руссо вдругъ превращается въ ревностную проселитку Монтескьё и англійской аристократіи, а потомъ дѣлается усердною роялисткою. Проповѣдуя свободу чувства, она выходитъ замужъ по расчету за жениха, пріисканнаго для нея королевой; Сталя назначаютъ шведскимъ посланникомъ въ Парижѣ, и его жена чрезвычайно довольна своимъ положеніемъ, дозволяющимъ ей блистать въ столицѣ и очаровывать своихъ многочисленныхъ поклонниковъ, благоговѣющихъ передъ ней, какъ передъ оракуломъ. Настаетъ бурная эпоха революціи. Сталь, во всю жизнь преклонявшаяся передъ мишурными государственными дарованіями своего отца, оказалась положительно неспособною понять сущности и важности начавшагося переворота. «Ее—говоритъ Шлоссеръ—трогали проповѣди Неккера; она, по Монтескьё, восхищалась англійской конституціей, какъ идеаломъ гражданства, и полагала, что конституцію можно давать, какъ лѣкарство. Она не имѣла понятія о надеждахъ средняго сословія, съ которымъ никогда не сталкивалась, а тѣмъ менѣе о нуждахъ крестьянъ; она знала народъ только по романамъ. Великія общественныя событія, совершавшіяся передъ ея глазами, не возбуждаютъ въ ней никакого энтузіазма,—для нея это не болѣе, какъ интересная драма, въ которой она желаетъ отличаться въ одной изъ первыхъ ролей. Пустая болтовня забавляетъ ее даже тогда, когда рѣчь идетъ о благосостояніи милліоновъ людей и о судьбахъ грядущихъ поколѣній». Правда, что она стояла цѣлою головою выше тѣхъ людей, которые окружали ее во время революціи, и во многихъ отношеніяхъ была гораздо лучше всѣхъ своихъ сторонниковъ, ничтожныхъ баръ, превратившихся въ либераловъ и подслуживавшихъ имъ политическихъ говоруновъ. Но все-таки она не понимала ни революціи, ни ея дѣятелей. Она, напр., пыталась примирять враждебныя политическія партіи посредствомъ обѣдовъ, какъ будто это была борьба какихъ-нибудь нашихъ уѣздныхъ обывателей, которую можно прекратить, приглашая враговъ на пирогъ и водку и возстановляя тутъ ихъ прежнюю дружбу, нарушенную какими-нибудь сплетнями. Лучшихъ изъ дѣятелей того времени она всячески унижаетъ или вслѣдствіе непониманія ихъ, или по зависти и мести. Она доходитъ даже до такой нелѣпости, что приписываетъ крайнія демократическія движенія зависти демократовъ къ изящнымъ манерамъ дворянства. Не менѣе ошибалась она и при оцѣнкѣ людей своей партіи. Когда, въ декабрѣ 1791 г. министерство составилось изъ друзей Сталь, при ея помощи военнымъ министромъ былъ сдѣланъ Нарбонъ, котораго Шлоссеръ называетъ просто на просто «дуракомъ» и который, безъ сомнѣнія, увлекъ г-жу Сталь тѣмъ, что, по характеристикѣ хорошо знавшаго его человѣка, былъ «придворнымъ, интриганомъ, весельчакомъ, обладалъ остроуміемъ, живостью, граціей, превосходнымъ тономъ и большою долею фатства». Сталь дѣйствовала съ своей партіей такъ нелѣпо, что, погубивъ ее и свое министерство, потеряла всякое вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ. При Наполеонѣ ея парижскій салонъ, попрежнему наполненный либеральными болтунами, показался подозрительнымъ. Шпіоны Бонапарта доносили ему, что Сталь вооружаетъ противъ него всѣхъ своихъ

друзей. Надо отдать справедливость этой писательницѣ, что въ то время, какъ французскіе литераторы превратились въ лакеевъ вѣнчаннаго солдата, она не только не слагала въ честь его хвалебныхъ гимновъ, но даже положительно игнорировала его во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Для Наполеона это было уже преступленіемъ. Кромѣ того, вскорѣ послѣ перваго знакомства между нимъ и Сталь возникли личности. Съ обычной наглостью свѣтской женщины, навязываясь на комплиментъ, Сталь однажды спросила у Бонапарта: «кого онъ считаетъ величайшею женщиною въ мірѣ»,—«ту, сударыня, которая наиболѣе родила дѣтей», отвѣчалъ грубый солдатъ, презиравшій всѣхъ женщинъ. Вражда Наполеона къ знаменитой писательницѣ обнаружилась прежде всего ея высылкою изъ Парижа. Въ Коппетѣ, гдѣ она поселилась, императорскіе шпіоны слѣдили за всѣми ея движеніями; лица, посѣщавшіе ее, подвергались гоненію, сочиненія конфисковались въ Парижѣ; Бонапартъ запретилъ даже вовсе писать ей что бы то ни было; креатуры правительства не разъ предлагали ей положить конецъ своимъ страданіямъ, напечатавъ нѣсколько страницъ, даже строкъ въ похвалу императора; но Сталь оставалась непреклонною и, наконецъ, принуждена была бѣжать въ Россію и Швецію. Эти вмѣстѣ и забавныя, и возмутительныя преслѣдованія даровитой женщины еще болѣе увеличили ея европейскую славу, которою она справедливо пользовалась за свои сочиненія, въ особенности за романъ «Коринна» и знаменитую книгу о Германіи, имѣвшую большое значеніе во французской литературѣ и пробудившую во Франціи и Англіи живѣйшее вниманіе къ нѣмцамъ. Изгнаніе было для нея мукой, потому что удаляло ее отъ общества, въ которомъ она привыкла блистать и которое преклонялось передъ ея талантами. Подъ старость, подобно многимъ другимъ либераламъ высшаго общества, довольно напалившимъ въ молодости, она ударяется въ мистицизмъ; Ѳома Кемпійскій дѣлается любимѣйшимъ ея авторитетомъ, и г-жа Сталь начинаетъ даже вѣрить разнымъ суевѣрнымъ примѣтамъ. Проживъ свою молодость съ нелюбимымъ мужемъ, за котораго вышла по расчету, она подъ старость влюбляется въ одного молодого человѣка, Рокка, и вступаетъ съ нимъ въ тайный бракъ. Словомъ, возвышаясь надъ окружавшими ее людьми своею поэтическою силою, мадамъ Сталь носила въ своемъ характерѣ всѣ недостатки, какими отличались французскіе бары, превращенные силою обстоятельствъ въ либераловъ, а потомъ, подъ конецъ своей жизни, сдѣлавшіеся слугами реставраціи и героями реакціи. Сталь служитъ еще лучшею представительницею людей этого сорта во время революціи.

Представительницею француженокъ совершенно противоположнаго разряда является мадамъ Роланъ. Дочь небогатаго гравера, выросшая при нѣжныхъ попеченіяхъ матери, Роланъ такъ же рано, какъ и дочь Неккера, обнаружила замѣчательныя способности и страстную любознательность. Но она не была окружена изящнымъ салоннымъ обществомъ, и ея развитіе не пошло по тому пути, на которомъ образованіе г-жи Сталь приняло такой ложный характеръ. Дѣвочка Флипонъ, какъ называлась Роланъ по отцу, училась не для салона, а единственно для себя, и рано привыкла увлекаться новыми свѣдѣніями и новыми чувствами, почерпаемыми ею изъ самыхъ разнообразныхъ книгъ, которыя она пожирала безъ всякаго разбора. Кромѣ учебниковъ, проходимыхъ съ наставникомъ, маленькая Флипонъ читала и мемуары Монтансье, и библію, и романы, и путешествія, и Тассо. и житія святыхъ, — все, что попадалось подъ руку. «Страсть учиться — пишетъ она въ своихъ мемуарахъ—была такъ сильна во мнѣ, что разъ, откопавъ гдѣ-то трактатъ о геральдическомъ искусствѣ, я принялась изучать его». Особенное вліяніе имѣлъ на нее Плутархъ. «Со времени знакомства съ нимъ—говоритъ она—начинаются тѣ мои внечатлѣнія и идеи, которыя, помимо моего желанія, сдѣлали меня страстной поклонницей свободы». При всемъ этомъ Флипонъ не избѣгла вліянія католицизма; богослуженіе, увлекавшее ее, уединенная домашняя жизнь, развившая въ ней склонность къ меланхолической мечтательности, набожность матери и книги духовнаго содержанія, особенно же біографіи подвижниковъ и мучениковъ,—все это укоренило въ ребенка желаніе отречься отъ треволненій и радостей жизни. Однажды вечеромъ дѣвочка падаетъ къ ногамъ родителей и, обливаясь слезами, проситъ отдать ее въ монастырь. Ее отдали на одиннадцатомъ году отъ рожденія. «Я воображала,—говоритъ она,— что чувствую присутствіе божества, благосклонно взирающаго на мою жертву, и слезы радости текли по моимъ щекамъ». Но ей суждено было принести себя въ жертву не тому божеству. Если бы она поступила въ монастырь лѣтъ сто или двѣсти назадъ, то, конечно, изъ нея вышла бы фанатическая монахиня. Но теперь время было уже не то; въ воздухѣ носились новыя идеи, и еще до монастыря въ душу этой дѣвушки залегли сѣмена уже другого, вовсе не католическаго міросозерцанія. По выходѣ изъ монастыря, черезъ годъ, Флипонъ начала мало-по-малу разочаровываться въ католицизмѣ, подъ вліяніемъ собственныхъ размышленій и философскихъ сочиненій того времени. Но развившіяся въ дѣтствѣ религіозность, мечтательность и вліяніе Плутарха, дѣйствующаго своими идеализированными характерами только на чувство и фантазію, оставили глубокіе слѣды на характерѣ Роланъ, какъ и вообще на людяхъ того времени. Все это развивало восторженность, благородство, энтузіазмъ къ свободѣ, самоотверженность, — но при этомъ разсудокъ игралъ второстепенную роль, и воспитанные такъ люди дѣлались героями, доблестными мучениками за свои вѣрованія, но были плохими политиками. Всѣ они въ особенности увлекались, по Плутарху и другимъ подобнымъ риторамъ, добродѣтелями и республиканскою свободою древняго міра, совершенно такъ же, какъ легковѣр-

ные католики увлекались своими идеалами, изображенными въ разныхъ мартирологіяхъ и легендахъ. Пороки и недостатки античной цивилизаціи исчезали передъ вѣрою ихъ новѣйшихъ поклонниковъ, точно такъ же, какъ легковѣріе истинныхъ сыновъ папы не дозволяло имъ видѣть въ духовенствѣ ничего, кромѣ христіанскихъ добродѣтелей. Но это вліяніе христіанства и древности имѣло и свою хорошую сторону. Христіанское самоотверженіе превращалось въ гражданскій героизмъ. «Въ дѣтствѣ—говоритъ г-жа Роланъ—я должна была принять ту вѣру, какую мнѣ дали, но и послѣ всѣ мои дѣйствія были строгими ея послѣдствіями. Я удивлялась легкомысленности тѣхъ, которые, заявляя свою вѣру, поступали вопреки ей; точно такъ и теперь возбуждаетъ во мнѣ негодованіе низость людей, желающихъ имѣть отечество и въ то же время придающихъ своей жизни какую-нибудь цѣну, когда приходится рискнуть ею за отечество». «Въ полученномъ мною воспитаніи и въ идеяхъ, пріобрѣтенныхъ посредствомъ изученія и наблюденій надъ людьми, все какъ нарочно комбинировалось такъ, чтобы воодушевлять меня республиканскимъ энтузіазмомъ. При чтеніи я всегда брала сторону поборниковъ равенства. Я была Агисомъ и Клеоменомъ въ Спартѣ, Гракхами въ Римѣ; вмѣстѣ съ плебеями я уходила на Авентинскую гору и вотировала за трибуновъ». Деспотизмъ и безнравственность аристократіи, видъ французской націи, которая съ дѣтскимъ легкомысліемъ смѣялась и пѣла среди угнетавшихъ ее бѣдствій; азіятская роскошь двора и «крайняя бѣдность народныхъ массъ, падавшихъ ницъ передъ своими идолами и рукоплескавшихъ тому мишурному блеску, за который платили они же сами, лишая себя первыхъ жизненныхъ необходимостей»,—все это порождало въ душѣ Роланъ ненависть, отчаяніе, желаніе радикальныхъ перемѣнъ въ обществѣ. Еще за семнадцать лѣтъ до революціи Роланъ уже предусматривала неизбѣжность или «сильнаго кризиса, который разрушитъ старый порядокъ и дастъ новую форму правленія, или же—летаргическаго сна, похожаго на смерть». Но Роланъ не была изъ тѣхъ ограниченныхъ людей, которые поставляютъ всю суть соціальныхъ реформъ въ перемѣнѣ образа правленія; ея благородной душѣ были одинаково противны и деспотизмъ, и нравственная испорченность, и вся искусственная мишура жизни, которая такъ увлекала собою людей, подобныхъ г-жѣ Сталь. Роланъ вѣрила въ нравственное возрожденіе своего народа, въ осуществленіе тѣхъ идеаловъ добродѣтели, которые съ дѣтства сроднились съ ея прекрасной душой. Роль свѣтской образованной барыни была совершенно противна Роланъ; она глубоко презирала свѣтскую жизнь со всѣмъ ея надменнымъ великолѣпіемъ и блескомъ, съ ея приличіями и удовольствіями, съ ея равнодушіемъ къ нравственнымъ правиламъ. Въ этомъ отношеніи ее можно назвать нигилисткой. Но при всемъ своемъ гражданскомъ мужествѣ, при всѣхъ своихъ общественныхъ стремленіяхъ Роланъ не была поборницей женской эманципаціи. Уроки католицизма, классическихъ писателей и Руссо, равно какъ и воспитаніе въ буржуазномъ семействѣ,—все это вооружало Роланъ противъ эманципированныхъ женщинъ, особенно аристократокъ, съ ихъ нравственной распущенностью; все это заставило ее остановиться на классическихъ идеалахъ женщины, какъ подруги, помощницы и воспитательницы хорошихъ гражданъ. Въ своихъ мемуарахъ она разсказываетъ, какъ ее осаждало множество жениховъ и она отказывала всѣмъ имъ, не находя сочувствія въ своемъ сердцѣ никому изъ нихъ. «Для супружескаго счастія необходимъ тѣснѣйшій союзъ сердецъ», говорила она. «*Мой мужъ долженъ быть выше меня*; я стыдилась бы его, если бы онъ не заслуживалъ дѣйствительно того преобладанія, какое дается ему природой и законодательствомъ». Въ письмѣ къ одному своему другу она говоритъ, что «уваженіе, оказываемое мужчинами женскому полу, есть не что иное, какъ снисхожденіе силы и великодушія къ слабости... Законы ставятъ насъ въ положеніе почти постоянной подчиненности, между тѣмъ, какъ обычаи доставляютъ намъ почти всѣ общественныя почести. Въ сущности мы ничто, а повидимому все. Вы (т.-е. мужчины) обладаете силою со всѣми доставляемыми ею преимуществами. Вамъ суждено составлять политическіе законы и совершать научныя открытія, управлять міромъ, измѣнять поверхность земного шара, быть великодушными, ужасными, искусными и учеными. Вы достигаете всего этого безъ нашей помощи и это. дѣлаетъ васъ нашими господами. Но безъ насъ вы никогда не были бы ни добродѣтельными, ни кроткими, ни любезными, ни счастливыми. Оставьте же за собой славу и власть всякаго рода; мы не желаемъ другой власти, кромѣ власти надъ нравами, другого трона, кромѣ вашего сердца. Мнѣ грустно видѣть нѣкоторыхъ женщинъ, имѣющихъ притязанія на преимущества, которыя такъ плохо идутъ къ нимъ. Каждое изъ этихъ преимуществъ, даже авторство, кажется мнѣ смѣшнымъ въ рукахъ женщины». Однакожъ Роланъ на практикѣ не выдерживала этихъ принциповъ, хотя по возможности старалась быть вѣрною имъ. Еще до своего замужества она выступила на литературное поприще съ диссертаціей на тему, предложенную безансонской академіей: «какимъ образомъ воспитаніе женщинъ можетъ вести къ улучшенію мужчинъ?» Роланъ старалась доказать, что для достиженія упоминутой цѣли необходимъ совершенно новый порядокъ вещей, что усовершенствованіе одного пола посредствомъ другого невозможно ожидать до тѣхъ поръ, пока не улучшится положеніе всѣхъ людей съ помощью справедливаго законодательства. Далѣе, она вышла за Ролана, человѣка порядочнаго, и ихъ союзъ былъ не только союзомъ сердецъ, но и умовъ; оба они соединенными усиліями служили одной и той же идеѣ; но Роланъ во многомъ былъ *ниже своей жены*, и она все-таки уважала его, не смотря на приведенное нами выше обѣщаніе ея презирать подобнаго мужа. До революціи она помогала своему мужу въ его служебныхъ и литературныхъ занятіяхъ, была секретаремъ его, какъ

выражается сама она. Но вотъ наступаетъ революція. «Она воспламенила меня и мужа», пишетъ Роланъ. «Будучи друзьями человѣчества и поклонниками свободы, мы думали, что она возродитъ человѣчество и навѣки прекратитъ бѣдствія, институціи тотъ классъ, положеніе котораго такъ часто глубоко трогало насъ; мы съ восторгомъ привѣтствовали ее». Роланъ и жена его принадлежали къ жирондѣ, состоявшей изъ фанатическихъ поклонниковъ свободы и республиканскихъ добродѣтелей. Въ этой партіи женское вліяніе было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой; ею «управляло чувство, и слѣдовательно,—женщина», говоритъ Мишле. Это преобладаніе чувства надъ холоднымъ разсудкомъ и погубило жирондистовъ вообще и г-жу Роланъ въ частности. Со своею пламенною вѣрою въ нравственное возрожденіе человѣчества, со своими принципами стоической добродѣтели г жа Роланъ начинаетъ разочаровываться въ своихъ надеждахъ уже съ первыхъ же дней учредительнаго собранія. Она усердно посѣщала всѣ его засѣданія, а потомъ еще ближе познакомилась съ Робеспьеромъ, Петіономъ и другими его членами, когда они стали собираться у ея мужа по четыре раза въ недѣлю. «Больше всего поражали и огорчали меня въ этихъ собраніяхъ болтовня и легкость, съ какою эти люди съ здравымъ смысломъ могутъ говорить по три, по четыре часа, не приходя ни къ какому рѣшенію. Нетерпѣніе мое не разъ доходило до того, что мнѣ хотѣлось надавать пощечинъ этимъ мудрецамъ, которыхъ съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе уважала за честность и благородство ихъ намѣреній. Я видѣла, что они превосходно могутъ изслѣдовать извѣстный вопросъ; что всѣ они философы и на словахъ мудрые политики: но что никто изъ нихъ не умѣетъ управлять людьми, а слѣдовательно не можетъ дѣйствовать на массу; они совершенно безплодно тратили свой умъ и знанія». Впрочемъ, въ это время Роланъ еще надѣялась на осуществленіе своихъ надеждъ. «Заря новой жизни — писала она въ то время — занялась въ моемъ отечествѣ, она не потухнетъ больше. Свѣтъ разума соединился съ инстинктомъ чувства для поддержанія этого яснаго дня». Когда дворъ вынужденъ былъ призвать въ министерство республиканцевъ, Роланъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ, и съ этого времени начинается общественная дѣятельность г-жи Роланъ, хотя она всячески старается скрыть ее и увѣряетъ, что никогда «не переступала границъ, назначенныхъ ей ея поломъ», что была только секретаремъ своего мужа; но исторія показываетъ, что скорѣе, наоборотъ, она была министромъ, а мужъ ея—секретаремъ. Всѣ современники понимали дѣйствительную роль ея, которую она старалась не только скрыть отъ другихъ, но даже и смягчить въ собственныхъ своихъ глазахъ такое отступленіе отъ своихъ понятій объ обязанностяхъ женщины. Первымъ крупнымъ дѣломъ г-жи Роланъ было ея содѣйствіе окончательному разрыву жирондистовъ съ королемъ. Ея мужъ и другіе республиканскіе министры были такъ наивны, что вѣрили въ искренность Людовика XVI и въ возможность соглашенія съ нимъ. Но г-жа Роланъ очень хорошо понимала, что это человѣкъ дюжинный, боязливый, развращенный придворнымъ воспитаніемъ и испорченный іезуитскими предразсудками. «Вступивъ на престолъ среди развращеннаго двора и при разстроенныхъ финансахъ,—пишетъ Роланъ,—окруженный испорченными людьми, онъ былъ увлеченъ вѣтреною женщиной, которая съ австрійской надменностью соединяла самонадѣянность молодости и величія, упоеніе чувственности и полную безпечность». Онъ своимъ управленіемъ только ускорилъ паденіе королевской власти. Неспособный разумно управлять государствомъ, онъ былъ мастеръ интриговать и притворяться; Роланъ и Клавьеръ были въ восторгѣ отъ него. Г-жа Роланъ убѣждала мужа въ фальшивости короля, который водилъ своихъ республиканскихъ министровъ за носъ и отказалъ принять два предложенные имъ закона. Тогда она написала королю рѣзкое письмо, которое Роланъ долженъ былъ представить ему за подписью всѣхъ министровъ. Послѣдніе отказались подписывать. Тогда г-жа Роланъ составила новое письмо, которое ея мужъ подалъ королю отъ своего имени. На-завтра же послѣдовалъ окончательный разрывъ Людовика съ демократическими министрами: они были уволены. Послѣ низверженія короля Роланъ снова сталъ министромъ, а его жена—душою жирондистской партіи; ея имя сдѣлалось извѣстнымъ цѣлой Франціи; враги жирондистовъ, крайніе демагоги, повели противъ нея ожесточенную борьбу, въ которой г-жа Роланъ проявила такое благородство и мужество, которыя ставятъ ее на ряду съ самыми великими героями исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и политическую безтактность, которая свидѣтельствуетъ объ ея неприготовленности къ принятой ею на себя роли. Впрочемъ, нужно замѣтить, что всѣ подобные недостатки ея были недостатками не женщины, а той партіи, къ которой она принадлежала. Она требовала отъ людей тѣхъ идеальныхъ добродѣтелей, въ существованіе которыхъ вѣрила, благодаря Плутарху и другимъ подобнымъ учителямъ. Она думала, что съ помощью добродѣтельныхъ героевъ свобода можетъ быть водворена во Франціи безъ жестокостей, безъ увлеченій, безъ несправедливостей, безъ угнетенія, безъ террора. Вся ея дѣятельность въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ была направлена къ этой цѣли. Она въ это время прекращаетъ почти всѣ знакомства съ другими женщинами, не дѣлаетъ и не принимаетъ визитовъ, по постоянно работаетъ съ мужемъ, пишетъ политическія брошюры, руководитъ дѣлами своей партіи и глубоко страдаетъ при видѣ недостатковъ своихъ политическихъ сотрудниковъ. «О, если бы у нихъ было мужество,—говоритъ она,—у этихъ трусовъ, недостойныхъ имени мужчины, слабость которыхъ, прикрытая маскою осторожности, погубила всю достойную уваженія партію двадцати двухъ; если бы у нихъ было это мужество, они искупили бы свои первыя ошибки; а если бы они погибли, то, по крайней мѣрѣ, со славою для себя

и съ пользою для отечества. Но они вступили въ переговоры съ преступленіемъ, жалкіе трусы!» Этимъ преступленіемъ для г-жи Роланъ былъ революціонный терроръ. Она была слишкомъ фанатизирована своими понятіями о добродѣтели и справедливости, чтобы усвоить себѣ правила политической морали, освящавшей всѣ средства хорошею цѣлью; она не могла и не хотѣла ни въ чемъ уступить крайнимъ демагогамъ, и не уступила, между тѣмъ какъ другіе члены ея партіи, имѣя одинаковыя съ нею убѣжденія, не обладали ея героизмомъ и пошли на сдѣлку. Роланъ же предпочла смерть. Во время самаго разгара террора она продолжала вести себя попрежнему неустрашимо и неуступчиво, хотя ясно видѣла какъ слабость своей партіи, такъ и могущество враговъ, питавшихъ къ ней заклятую ненависть. Такъ, напр., она настояла, чтобы конвентъ велѣлъ произвесть слѣдствіе о сентябрьскихъ убійствахъ. «Это рѣшеніе—говоритъ Бальзель—навело ужасъ не только на людей прикосновенныхъ къ дѣлу, но и на всѣхъ принимавшихъ участіе въ іюньскихъ и августовскихъ событіяхъ». Желая служить дѣлу справедливости, г-жа Роланъ этою безразсудною мѣрою повредила только своей партіи, вооруживъ противъ жирондистовъ всѣхъ республиканцевъ, разрушившихъ старый порядокъ. Когда комитетъ общественной безопасности потребовалъ отъ Ролана, чтобы онъ велѣлъ запереть парижскія ворота для удержанія въ городѣ всѣхъ лицъ, приготовившихся къ побѣгу, г-жа Роланъ послала 10 ноября 1792 г. въ комитетъ отъ имени своего мужа рѣзкое письмо, наполненное жестокихъ нападокъ на комитетъ, передъ которымъ тогда всѣ трепетали. «Вы извѣщаете меня, что изъ Парижа бѣгутъ многіе жители и что необходимо запереть городскія ворота для прекращенія этихъ побѣговъ, нарушающихъ общественное спокойствіе. Правда, въ послѣдній мѣсяцъ много лицъ, независимыхъ по своимъ средствамъ и отношеніямъ, покидаетъ городъ, гдѣ ежедневно говорится о повтореніи преслѣдованій, воспоминаніе которыхъ наводитъ страхъ а ожиданіе—ужасъ. Уже давно намекали имъ о господствующемъ волненіи, о планахъ новой рѣзни, о готовящихся убійствахъ. Неправильныя дѣйствія многихъ чиновниковъ, зажигательныя прокламаціи, кровожадное ученіе, публично проповѣдуемое въ клубахъ, появленіе пушекъ, стоявшихъ въ Сенъ-Дени и привезенныхъ вчера для раздачи всѣмъ отдѣленіямъ,—все это, конечно, устрашило людей, которые не могутъ забыть, что въ позорные сентябрьскіе дни Парижъ дозволилъ небольшой шайкѣ разбойниковъ, посредствомъ убійствъ, очистить тюрьмы и запятнать Францію стыдомъ и позоромъ. Можно ли при такихъ обстоятельствахъ удивляться эмиграціи. Не высшая ли степень наглости и ослѣпленія называть побѣги изъ города возстаніемъ противъ общественнаго порядка и спокойствія и предписывать запирать городскія ворота, чтобы возстановить спокойствіе. Господа, ужели убійцы дошли до того, что осмѣливаются пользоваться результатами своего перваго преступленія для обезпеченія себѣ возможности совершать дальнѣйшія? Я не сомнѣваюсь въ этомъ и считаю преступнымъ предложеніе людей, выдумавшихъ эти возмутительныя мѣры». Независимо отъ подобныхъ протестовъ, г-жа Роланъ убѣждала своихъ друзей положить конецъ анархіи, «уничтожить городское управленіе, избрать другой муниципалитетъ по законнымъ правиламъ, организовать военную силу, на которую можно было бы опереться въ случаѣ нужды, и назначить ея начальника, который завѣдывалъ бы городской полиціей. Всѣ этихъ мѣръ всякіе законы были безполезны, а при отсутствіи войска, независимаго отъ городского совѣта, національный конвентъ неизбѣжно подчинялся необузданному городскому управленію». Но другіе жирондисты даже боялись и говорить о планахъ мужественной женщины,—такъ были слабы они. Между тѣмъ, якобинцы готовили окончательное паденіе жиронды, и ихъ ненависть къ партіи сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на г-жѣ Роланъ. Они осыпали ее самою возмутительною бранью, пятнали ее честь самыми гнусными обвиненіями. Революціонная газета «Père Duchesne» обличала ее въ куртизанствѣ, а ея мужа въ воровствѣ. «Мы—говоритъ эта газета—уничтожили феодализмъ, но дозволяемъ существовать власти болѣе ненавистной. Нѣжная половина добродѣтельнаго Ролана водитъ теперь Францію на помочахъ точно такъ же, какъ прежде — Помпадуръ и Дюбарри. Бриссо — главный конюхъ этой новой королевы, Луве—ея камергеръ, Бюзо—главный канцлеръ, Фоше—духовникъ, Барбару, котораго Мара называетъ шпіономъ, капитанъ ея гвардіи, Верньо—церемоніймейстеръ, Гюаде — оберъ-шенкъ. Таковъ новый дворъ, заправляющій всѣми дѣлами въ конвентѣ и департаментахъ. Засѣданія этого двора происходитъ каждый вечеръ въ самомъ мѣстѣ, гдѣ Антуанета подготовляла съ австрійскимъ комитетомъ новую варѳоломеевскую ночь. Подобно этой бывшей королевѣ, г-жа Роланъ лежитъ на кушеткѣ, окруженная этими beaux-esprits, и толкуетъ о войнѣ, о политикѣ, о народномъ продовольствіи». Мара не переставалъ вооружать своихъ приверженцевъ, говоря, что въ «будуарѣ г-жи Роланъ фабрикуются заговоры для разрушенія республики». Между прочимъ, однимъ изъ главныхъ обвиненій противъ нея было то, что, вступивъ на арену политической дѣятельности, она нарушила обязанности своего пола. «Имѣя дочь, она пожертвовала долгомъ и чувствомъ матери, чтобы возвыситься, а желаніе быть ученою заставило ее забыть добродѣтели своего пола; эта забывчивость, всегда опасная, довела ее до смерти отъ руки палача», писала послѣ казни Роланъ якобинская газета. Ненависть противъ этой женщины была такъ велика, что она ежеминутно должна была ожидать вторженія убійцъ, и спала не иначе, какъ съ заряженными пистолетами подъ подушкой. 31 мая 1793 года жирондисты окончательно пали, Роланъ былъ арестованъ, но бѣжалъ, благодаря энергіи и неустрашимости своей жены, которая осталась въ Парижѣ и старалась одушевить своихъ совершенно павшихъ духомъ друзей.

Наконецъ, ее арестовали и повезли въ тюрьму въ каретѣ, окруженной конвоемъ. Чернь бѣжала за экипажемъ и женщины кричали: «на гильотину!» Въ своемъ письмѣ конвенту и министрамъ, въ своихъ отвѣтахъ на слѣдственные вопросы, при освобожденіи изъ-подъ перваго ареста и при слѣдовавшемъ тотчасъ же второмъ арестованіи, всегда и во всемъ она обнаруживала свои всегдашнія стойкость и мужество. Въ тюрьмѣ она совершенно спокойно ожидала смерти. Только «бѣдствія моего отечества»—писала она—«заставляютъ меня страдать; невольная печаль овладѣваетъ моими чувствами, подавляетъ мое воображеніе и сушитъ сердце. Франція теперь не что иное, какъ широкая сцена рѣзни, кровавая арена, на которой собственныя дѣти ея терзаютъ другъ друга». Въ тюрьмѣ она пишетъ свои знаменитые мемуары и ведетъ переписку со своимъ арестованнымъ другомъ Бюзо, съ которымъ ее соединяла самая чистая платоническая любовь. «Мой милый Бюзо,—пишетъ она.—останемся вѣрными своему долгу. Отечество наша мать, да падетъ посрамленіе на того, кто дерзнетъ поразить грудь матери! Ободрись, любезный Бюзо, я терпѣливо буду ждать дня правосудія или же умру такъ, что смерть моя не будетъ безполезнымъ примѣромъ... Я чувствую наслажденіе, неизвѣстное тиранамъ. Понимаешь ли ты, мой другъ, наслажденіе господствовать надъ своимъ бѣдствіемъ, надъ предстоящею смертью, находить въ своемъ сердцѣ возможность наслажденія жизнію и украшать ее до послѣдняго издыханія?! Я горжусь, что я гонима въ то время, когда преслѣдуются твердость характера и честность». Она старается помочь своему гонимому мужу, къ которому не чувствовала никакой страстной любви, и, обратившъ на себя весь гнѣвъ враговъ Ролана, заплатить ему вознагражденіемъ, котораго онъ достоинъ за всѣ свои огорченія. «Я готова бы пожертвовать ему своею жизнію, чтобы пріобрѣсть право отдать тебѣ одному (т.-е. Бюзо) мой послѣдній вздохъ». Она не хочетъ бѣжать, чтобы враги не сказали: «гражданка Роланъ труситъ». Она отвергаетъ мысль о самоубійствѣ, чтобы сдѣлать изъ своей казни поучительный примѣръ для другихъ Вотъ, послѣ процесса, ведшагося только ради формальности, она узнаетъ свой смертный приговоръ; на улицѣ раздаются неистовые крики толпы, требующей ея казни. Она готова и пишетъ Бюзо въ послѣдній разъ: «Прощай, мой милый, прощай! Я пишу тебѣ при громкомъ звонѣ набатнаго колокола, при грохотѣ пушекъ и при ужасныхъ крикахъ мятежа. О, если бы я, по крайней мѣрѣ, знала, что ты въ безопасности, между храбрыми республиканцами Соединенныхъ Штатовъ». 9-го ноября въ пятомъ часу вечера Роланъ повезли на эшафотъ. «Она стояла—говоритъ очевидецъ—непоколебимо спокойная въ своей телѣгѣ; на ней было бѣлое платье съ букетами розоваго цвѣта. Никакого унынія не было замѣтно на ея лицѣ. Глаза ея сверкали живымъ огнемъ, лицо сіяло свѣжестью, очаровательная улыбка играла на губахъ. Подлѣ нея сидѣлъ несчастный Ламаркъ, окончательно убитый страхомъ. Героиня ободряла этого бѣдняка, который уже не былъ похожъ на человѣка. Она находила слова, полныя умной веселости, и вызывала ими улыбку у своего подавленнаго страхомъ товарища». Роланъ не принялъ священника, но, проѣзжая, преклонилась передъ статуей свободы. Чтобы избавить Ламарка отъ ужаснаго зрѣлища своей казни, она упросила казнить напередъ его. Затѣмъ и ее привязали; послѣдній взглядъ ея обратился къ той же статуѣ свободы. «О свобода, сколько преступленій совершено въ твое имя!» проговорила она. Гильотина отрубила ея голову.

Не задолго передъ Роланъ казнили другую героиню, Шарлотту Кордэ. Она выросла въ провинціи. Сначала она такъ же, какъ и Роланъ, увлеклась католицизмомъ, но потомъ Рейналь, Руссо, Плутархъ и другіе авторы свели ее съ этого пути; во всю свою остальную жизнь она не была въ сношеніяхъ ни съ однимъ патеромъ и никогда не исповѣдывалась. Постоянное чтеніе всевозможныхъ книгъ, уединенная мечтательность, слухи о совершившихся во Франціи великихъ событіяхъ, —все это сдѣлало изъ Шарлотты такую же страстную поклонницу свободы и такую же героиню, какъ Роланъ. Терроръ и анархія внушали ей глубокую печаль о родинѣ. Тетка однажды замѣтила слезы на ея глазахъ. «Я плачу — отвѣчала ей Шарлотта—о Франціи, о моихъ родственникахъ, о васъ... Пока Мара живъ, развѣ кто-нибудь безопасенъ въ своей жизни!» Ради возворенія мира въ отечествѣ, она рѣшилась принести себя въ жертву, убивъ этого страшнаго террориста и не подозрѣвая того, что Мара былъ только орудіемъ, что его смерть не дастъ мира. Она покидаетъ родныхъ, одна добирается до Парижа, покупаетъ здѣсь кинжалъ и проситъ свиданія съ Мара, обѣщаясь открыть ему государственную тайну. Почти силою пробивается она въ квартиру Мара, гдѣ онъ больной сидитъ въ ваннѣ. Онъ спросилъ у Шарлотты имена депутатовъ, бѣжавшихъ въ Каенъ. Шарлотта назвала ихъ, Мара записалъ, говоря: «хорошо, черезъ восемь дней они пойдутъ на гильотину». Эти слова придали дѣвушкѣ новыя силы, и она вонзила свой кинжалъ въ грудь Мара. Онъ умеръ. Аресть, процессъ и казнь не замедлили. «Когда голова Шарлотты упала, одинъ плотникъ маратистъ, помогавшій палачу, поднялъ ее и далъ ей плюху. Дрожь ужаса и ропота пробѣжали по площади. Показалось, что голова покраснѣла, потому что въ это время въ глаза взволнованной толпы падали красные лучи вечерняго солнца, проникавшіе сквозь деревья елисейскихъ полей» (Michelet). Мстители Мара имѣли наглость свидѣтельствовать трупъ Шарлотты, послѣдуя ея невинность (Lamartine), и хотя они убѣдились въ послѣдней, но все таки не переставали и послѣ клеймить ея память самою возмутительною бранью; даже Прудонъ называетъ ее такимъ словомъ (archicatin), которое по-русски можно слышать только въ непотребномъ домѣ низшаго разбора. Роланъ, казненная послѣ Корде, съ увлеченіемъ

отзывается о послѣдней. «Эта удивительная женщина достойна уваженія міра. Но плохо знакомая съ положеніемъ дѣлъ, она дурно выбрала время и свою жертву: смерть принесла пользу только презрѣннымъ сторонникамъ Мара». Между тѣмъ, современница этихъ героинь-мученицъ, г-жа Сталь, вовсе не сочла ихъ достойными даже простого упоминовенія въ своихъ многовѣщательныхъ сочиненіяхъ. «Мы—замѣчаетъ по этому поводу Шлоссеръ—не хотимъ особенно восхвалять ни Роланъ, ни Корде. Онѣ ошибались въ людяхъ, но это заблужденіе было достойнѣе для человѣчества, чѣмъ напыщенная и риторическая истина Сталь; онѣ совершили большую политическую ошибку, но происхожденіе этой ошибки было чище и прекраснѣе источника той мудрости, которая привела многихъ противниковъ ихъ къ почестямъ во время имперіи и сохранила заними высокія мѣста при Реставраціи.

Упомянемъ здѣсь еще объ одной республиканкѣ, о мадамъ Роберъ. Отецъ ея, Кераліо, далъ ей солидное образованіе, и она, не имѣя еще семнадцати лѣтъ отъ роду, уже переводила и компилировала статьи для «Mercure» и «Journal des Savants», въ которыхъ сотрудничалъ ея отецъ. Восемнадцати лѣтъ она написала романъ, а затѣмъ посвятила цѣлыхъ десять лѣтъ на составленіе ученой и серьезной «Исторіи Елисаветы», оконченной въ 1789 г. Въ это время политическія событія окончательно овладѣли душой мадмуазель Кераліо, она сдѣлалась редакторомъ «Journal de l'Etat et du Citoyen», а затѣмъ, вышедши замужъ за кордильера Робера, очутилась въ самомъ центрѣ революціонныхъ движеній и сдѣлалась дѣятельнымъ членомъ кордильерской партіи. Мадамъ Роберъ составила петицію о томъ, что не нужно ни Людовика XVI и никакого другого короля; 17 іюля 91 года эта петиція была положена на марсовомъ полѣ на алтарѣ отечества и сдѣлалась первымъ актомъ новорожденной республики. Тысячи народа стремились подписать ея, и въ томъ числѣ множество женщинъ и дѣвушекъ. Послѣ революціи мадамъ Роберъ жила литературнымъ трудомъ. «Всѣ ея сочиненія,—говоритъ Мишле,—даже «Исторія Елисаветы»—забыты, но никогда не забудется великій починъ ея, сдѣланный ею во имя республики 17 іюля 91 года».

Спускаясь отъ подобныхъ дѣятельницъ въ болѣе низкіе слои общества, мы видимъ здѣсь цѣлыя толпы женщинъ, доведенныхъ до революціонаго изступленія и играющихъ немаловажную роль въ общественномъ погромѣ. «Женщины были авангардомъ нашей революціи», говоритъ Мишле. Когда въ октябрѣ 89 г. голодъ началъ волновать столицу, одна женщина начала проповѣдывать походъ на Версаль. Надъ ней смѣялись, она дала плюху одному изъ этихъ насмѣшниковъ. На завтра, она, съ обнаженною шпагою, верхомъ на лошади, агитировала народъ, призывая его къ походу на Версаль. Въ разныхъ мѣстахъ города волновались женщины, голодныя, безработныя, озлобленныя. Говорились возбуждающія рѣчи. Какая-то молоденькая дѣвочка достала барабанъ и ударила тревогу. Торговки бросили лавки, и толпы женщинъ пошли искать булочниковъ и вмѣстѣ «послушать *маменьку-Мирабо*. Толпы ихъ постоянно увеличивались. Многія изъ нихъ кричали: «хлѣба и оружія!» Эта голодная, постоянно увеличивавшаяся толпа подвигалась съ разными препятствіями и неистовствами къ Версалю, помѣшала бѣжать королевскому семейству, привела короля въ Парижъ, окружая его карету, и такимъ образомъ совершился знаменитый переворотъ 6 октября, исполненіе котораго принадлежитъ, главнымъ образомъ, женщинамъ. «Мужчины взяли Бастилію, а женщины взяли короля», говоритъ Мишле. Во все продолженіе революціи женщины дѣйствовали по возможности наравнѣ съ мужчинами, обнаруживая такую же смѣлость, такое же увлеченіе и совершая такія же неистовства, какими отличались и революціонеры. Изъ толпы этихъ революціонерокъ, между прочимъ, выдается Теруань де-Мерикуръ, которую обожалъ народъ за ея красоту и храбрость. Эта красавица предводительствовала толпами верхомъ на лошади въ шляпѣ à la Henri IV. Она принимала самое дѣятельное участіе въ событіяхъ 10 августа, когда марсельцы возложили на нее побѣдный вѣнокъ. Послѣ сентябрьскихъ убійствъ она окончательно разошлась съ партіей Робеспьера. Враги ужасно отомстили ей. Они схватили ее во время прогулки, обнажили ея тѣло и публично высѣкли плетью. Она помѣшалась отъ этого варварства и прожила въ сумашествіи 24 года. Дѣйствуя въ салонахъ и на улицахъ, женщины въ то же время составляли свои клубы, о которыхъ, впрочемъ, мало сохранилось извѣстій. Въ 90 и 91 годахъ въ этихъ женскихъ клубахъ играла особенно выдающуюся роль Олимпія де-Гужъ, вовсе необразованная, но очень даровитая поэтесса; она могла импровизировать цѣлую трагедію. Крайне впечатлительная, зараженная недостатками, которые обыкновенно прививаются къ женщинѣ ложной цивилизаціей, Олимпія жила исключительно сердцемъ. Изъ революціонерки она дѣлается роялисткою, тронутая несчастіями короля; въ іюнѣ 91 года—она республиканка, но во время процесса Людовика XVI снова превращается въ его сторонницу. Надъ ней смѣялись за такое непостоянство, но она вызывала насмѣшниковъ на дуэль на пистолетахъ. Революціонная инквизиція не замедлила захватить ее. Потрясенная неизбѣжностью предстоящей казни и услышавъ, что для беременныхъ казнь отсрочивается, Олимпія постаралась прибѣгнуть къ этому средству. «Одинъ другъ—говоритъ Мишле—со слезами оказалъ ей эту печальную услугу, предвидя ея безполезность». Олимпію все-таки казнили. Изъ женскихъ обществъ особеннымъ значеніемъ пользовалось «общество революціонерокъ»; президентомъ его была одна крайне смѣлая и краснорѣчивая дѣвушка, которая руководила собраніемъ 31 мая, рѣшившимъ погибель жирондистовъ. Она была гражданскою женою Леклерка и другомъ Ру, издававшимъ журналъ «*Тѣнь Мара*», находившій особенное сочувствіе въ женскихъ обществахъ. Робеспьеръ и якобинцы, заклятые враги этихъ редакторовъ и ихъ направленія, сдѣлались и врагами

женскихъ обществъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднихъ уже начинали проявляться эманципаціонныя стремленія. Въ 1792 г. конвентъ рѣшительно отклонилъ заявленныя женщинами требованія равноправности. Женщины, подъ предводительствомъ Розы Лакомбъ, составили революціонный клубъ и потомъ проникли въ залу засѣданій парижскаго правительственнаго совѣта, желая принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Противъ этихъ притязаній возсталъ генеральный прокуроръ Шометъ. «Съ которыхъ это поръ—воскликнулъ онъ—дозволено женщинамъ отрицать свой полъ и превращаться въ мужчинъ? Съ которыхъ поръ вошло у васъ въ обыкновеніе жертвовать смиренными заботами о домашнемъ благѣ, покидать колыбели вашихъ дѣтей? Все это вы дѣлаете для того только, чтобы захватить государственныя должности, взбѣгать на трибуны, проникать въ ряды армій и принимать на себя такія обязанности, которыя природа возложила исключительно на мужчинъ. Что же, развѣ природа даровала намъ груди, чтобы кормить нашихъ дѣтей? Нѣтъ; она сказала мужчинѣ: будь мужчиной; трудъ, политика и забота всякаго рода—вотъ твои права. Онъ сказалъ женщинѣ: будь женщиной; забота о дѣтяхъ, о хозяйствѣ, пріятныя тревоги матери—вотъ твои права. Неразумныя женщины, къ чему стремитесь вы сдѣлаться мужчинами? Во имя природы умоляю васъ, останьтесь тѣмъ, что вы есть!...» Адвокатомъ женскаго дѣла въ это время былъ Кондорсе, выдержки изъ сочиненія котораго «О дарованіи женщинамъ гражданскихъ правъ» приведены уже нами выше. Сійесъ требовалъ также признанія женской равноправности. Знаменитый аббатъ Фоше и мадамъ Пальмъ Эльдеръ публично проповѣдывали эманципацію, окруженные толпами женщинъ. Олимпія де-Гужъ вела ту же пропаганду. «Женщины—говорила она между прочимъ—имѣютъ полное право вступать на трибуну, потому что они имѣютъ право восходить на эшафотъ!» Но всѣ эти голоса погибали безслѣдно среди шума и анархіи великаго переворота. Наконецъ, были запрещены и самыя женскія общества. Женщинамъ прекращена всякая возможность къ самостоятельной дѣятельности. Но онѣ все-таки не переставали распространять и поддерживать тотъ энтузіазмъ, который воодушевлялъ тогда всю Францію. Въ празднествахъ свободы онѣ являются ея вдохновенными жрицами. «Здѣсь женщина произноситъ благородную, прекрасную рѣчь, которая завтра же рождаетъ героевъ; тамъ прекрасная дѣвушка несетъ пальмовую вѣтвь съ надписью: «лучшему изъ гражданъ». Въ Дофине батальонъ вооруженныхъ дѣтей, батальонъ вооруженныхъ женщинъ, батальонъ вооруженныхъ дѣвушекъ! Въ Мобскѣ онѣ, со знаменемъ и съ обнаженными шпагами въ рукахъ, маршируютъ въ отличномъ порядкѣ, съ тою граціозною живостью, которая свойственна только женщинамъ Франціи. Женщины и дѣвушки Анжера хотятъ идти въ походъ, слѣдовать за молодою арміей, принять участіе въ первомъ крестовомъ походѣ свободы, кормить воиновъ, ухаживать за ранеными. Онѣ клянутся не выходить замужъ ни за кого, кромѣ хорошихъ гражданъ, любить только мужественныхъ и соединять свою жизнь только съ тѣми, которые готовы жертвовать Франціи своею жизнью... Женщины оказывали, какъ свидѣтельствуютъ о томъ всѣ письменные памятники, болѣе, чѣмъ мужчины, энергіи, энтузіазма, страстнаго рвенія въ дѣлѣ принесенія гражданской присяги». (Michelet). Это былъ не простой энтузіазмъ, это было религіозное увлеченіе свободой. Женщина представляла собою богиню Разума, и хоры молодыхъ дѣвушекъ пѣли передъ нею гимнъ свободѣ. Основатели новаго культа предписывали выбирать для этой роли «женщинъ строгой нравственности, способныхъ внушать честныя и благородныя чувства». Этими «богинями» были вообще дѣвушки изъ уважаемыхъ семействъ страны. Неудивительно, что женщины съ сердцемъ и фантазіей, чрезмѣрно развитыми на счетъ разума, впадали въ революціонный мистицизмъ. Многія изъ нихъ буквально обожали Робеспьера и благоговѣйно преклонялись передъ всѣми его дѣйствіями. Онъ получалъ не мало писемъ, въ которыхъ его признавали за мессію; его портреты служили иконами новаго культа; многія женщины постоянно носили ихъ на себѣ, цѣловали ихъ, молились передъ ними, называли его Богомъ! Чрезвычайно распространенная тогда секта иллюминатовъ приняла имя Робеспьера въ число своихъ святыхъ именъ. Старуха Катерина Тео, слышая подъ именемъ Богоматери, пророчествовала и проповѣдывала поклоненіе «грядущему Спасителю», «первому пророку», «Сыну Высочайшаго Существа», «Искупителю», «Мессіи», — Робеспьеру! Этотъ культъ сильно содѣйствовалъ паденію Робеспьера. Такой мистицизмъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ тогдашнихъ войнъ, бѣдствій, междоусобій, террора, голода. Такія эпохи всегда ознаменовывались подобными припадками народнаго умопомѣшательства. Кромѣ того, во время этихъ бѣдственныхъ періодовъ обыкновенно развивается равнодушіе къ жизни и страстное необузданное желаніе наслажденій. Пушкинъ превосходно изобразилъ эту черту народной жизни въ своей пьесѣ «Пиръ во время чумы», гдѣ крестьяне, въ виду страшной и неизбѣжной смерти отъ заразы, кутятъ напропалую и поютъ—

Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы
И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе чумы!

Революція со своимъ терроромъ, со своими казнями производила такое же дѣйствіе, особенно на болѣе впечатлительный женскій полъ. Ежеминутно ожидая арестовъ, смерти, бѣдствій, они спѣшили насладиться жизнью и любовью. Даже въ тюрьмахъ, биткомъ набитыхъ арестованными обоихъ половъ, шли пиры и забавы; одни репетировали церемонію предстоявшей имъ казни, другіе—заводили мимолетныя предсмертныя связи. Сегодня любовь, завтра смерть; а если случится забеременѣть, то казнь отсрочена,—итакъ, да здравствуетъ любовь!.. Въ большихъ городахъ, особенно въ Па-

рижѣ, оргіи разврата дошли въ это время до высшей степени. Этому, безъ сомнѣнія, много способствовала усиливавшаяся бѣдность и безпомощность женской массы. Нужно замѣтить, что всю эту разнузданность нравовъ многіе совершенно несправедливо приписываютъ исключительно революціонерамъ. Главная роль въ этихъ подвигахъ принадлежала консерваторамъ и роялистамъ. «Ex-лакеи, дворники, парикмахеры,—въ особенности же парикмахеры, разоренные революціей,—были ревностными роялистами. Любовные агенты и посланники при старомъ порядкѣ, неизбѣжные свидѣтели пробужденій отъ сна и самыхъ вольныхъ сценъ алькова, они и сами были вообще развратниками». Одинъ изъ нихъ вздумалъ забраться 17 іюля 91 года подъ помостъ около алтаря отечества, чтобы смотрѣть сквозь щели подъ женскія платья... При дворѣ, гдѣ царствовала полная распущенность нравовъ, и въ роялистскихъ салонахъ эта шутка встрѣтила полное одобреніе. Однакожъ, солдатай-парикмахеръ со своимъ товарищемъ солдатомъ были открыты; имъ тутъ же отрубили головы. Республика чрезвычайно строго слѣдила за нравами, и только съ ослабленіемъ этой цензуры французы, и во главѣ ихъ люди реакціи, пустились во вся тяжкая.

Въ то время, какъ образованныя женщины среднихъ классовъ служили дѣлу революціи, женщины низшихъ слоевъ населенія, невѣжественныя, неразвитыя, суевѣрныя, начинали уже реакцію великому перевороту. Вандейскіе крестьяне поголовно возстали противъ своихъ освободителей; инціатива же вандейской войны принадлежитъ попамъ и женщинамъ. Вандея была тогда самою невѣжественною, самою католическою провинціей Франціи; а извѣстно, что своимъ вліяніемъ и своею властью католическое духовенство всегда было обязано, главнымъ образомъ, фанатизированнымъ имъ женщинамъ. Вандейскіе попы, такимъ образомъ, производили контръ-революцію въ каждомъ семействѣ, въ каждомъ домѣ, въ каждомъ замкѣ. Женщины всюду были ревностными апостолами ихъ идей и орудіями ихъ гнусныхъ замысловъ. «Все это темное дѣло—говоритъ Минле—совершилось по внутреннему и глубокому согласію женщины и попа. Сорокъ тысячъ каѳедръ, сто тысячъ исповѣдниковъ работали въ этомъ направленіи. Громадная машина неизмѣримой силы безъ труда боролась противъ революціонной машины прессы и клубовъ, заставляя революціонеровъ, если они хотѣли побѣдить, организировать терроръ. Но еще въ 89, 90 и 91 годахъ уже свирѣпствовалъ церковный терроръ, дѣйствуя посредствомъ проповѣдей и исповѣди. Женщина приходила изъ церкви домой не иначе, какъ съ поникшею головою, съ сокрушеннымъ сердцемъ, объятая ужасомъ. Ей грезились только адъ и вѣчный огнь геены... Такъ шли дѣла во всей Франціи. Но мужчина сопротивлялся реакціоннымъ стремленіямъ женщины и остался вѣрнымъ революціи. Въ Вандеѣ же, значительной части Анжу, Мэна и Бретани женщина взяла верхъ,—женщина и попъ, соединенные тѣсными узами». Одинъ изъ тогдашнихъ республиканскихъ военачальниковъ, бывшій до революціи попомъ, вполнѣ понималъ эту роль женщины. «Женщины — говоритъ онъ—причина всѣхъ нашихъ несчастій; безъ нихъ республика давно уже установилась бы, и мы наслаждались бы миромъ». Фанатизированная попомъ, женщина не переставала убѣждать мужа въ томъ, что всѣ новые порядки отъ дьявола. «Мужъ спитъ, утомленный. Но жена не спитъ; она ворочается съ боку на бокъ и будитъ его. Глубокіе вздохи, по временамъ рыданія. «Что съ тобою дѣлается эту ночь?»—«Увы, бѣдный король въ Тамплѣ!.. Увы, они били его, какъ Господа нашего Іисуса Христа!..» Мужъ на минуту засыпаетъ. Жена снова: «Говорятъ, что будутъ продавать церковь, —церковь и священническій домъ! Бѣда, бѣда тому, кто купитъ ихъ!» Продажа церковныхъ имуществъ особенно волновала поповъ и ихъ пенитентокъ. Всюду ходили разсказы, какъ Богъ явно наказывалъ покупателей. «Жанъ, купившій что-то изъ церковнаго, тотчасъ разоренъ градобитіемъ, Жакъ—наводненіемъ; съ Пьеромъ еще хуже—онъ упалъ съ кровли; у Поля умеръ ребенокъ. Правду говоритъ священникъ: «такъ погибнутъ всѣ первенцы египетскіе!» Духовные, присягнувшіе новому правительству, подвергались страшнымъ гоненіямъ. Наложницы, экономки, стряпки, пенитентки патеровъ всюду разжигали ненависть къ конституціонному духовенству. Въ одной мѣстности поповская экономка первая ударила въ набатъ, призывая жителей къ нападенію на присягнувшихъ патеровъ; бретонки, вооруженныя метлами, врывались въ церкви и били такихъ священниковъ; урсулинскія монахини принимали самое дѣятельное участіе въ шуанской войнѣ, и женскіе монастыри были центрами роялистскихъ интригъ и козней. Всюду ходили слухи о мнимыхъ чудесахъ. Марія являлась будто бы во многихъ мѣстахъ и призывала вѣрныхъ къ истребленію республиканцевъ, и въ особенности конституціонныхъ священниковъ. Такъ началась несчастная вандейская война.

Не менѣе успѣшно, чѣмъ на крестьянокъ, духовенство дѣйствовало на дамъ, всѣми средствами возбуждая ихъ противъ революціи. Патеры пускали между ними слухи о разныхъ видѣніяхъ и пророчествахъ, достали себѣ въ Парижѣ даже пророчицу, одну перигорскую крестьянку, которая и начала предсказывать, что въ маѣ 90 г. появится на небѣ великое знаменіе, національное собраніе погибнетъ, и все пойдетъ попрежнему. Эти предсказанія имѣли громадный успѣхъ среди женщинъ, которыхъ необыкновенно волновали въ то же время окрашенныя въ монархическій оттѣнокъ бредни магнитизма. Въ 1790 г. два провидца бесѣдовали съ Богородицей и потомъ возвѣщали объ указанныхъ ею средствахъ для спасенія монархіи. Въ то же время Казо видѣлъ, что королевскую фамилію «окружаютъ силы небесныя, какъ царей израильскихъ, ходившихъ по стезямъ господнимъ». Патеры проповѣдывали, заклинали, проклинали, призывали вѣрующихъ къ мученичеству,

и женщины слѣпо отдавались ихъ руководительству.

Кромѣ суевѣрія и католическаго фанатизма, женщинъ толкали на путь реакціи ихъ сострадательность и отвращеніе отъ ужасовъ, насилій и несправедливостей революціоннаго террора. Грустная участь короля и королевы, рѣзня, ежедневныя казни, потеря дорогихъ людей, — все это заставляло ихъ желать мира и дѣйствовать противъ революціи. Революціонное управленіе, кромѣ того, оскорбляло женщину во многихъ ея вкусахъ и наклонностяхъ, привитыхъ къ ней воспитаніемъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно угнетало женщинъ еще болѣе, чѣмъ правительство абсолютныхъ королей. Республиканцы старались ввести въ жизнь грубую простоту нравовъ и тѣмъ оскорбляли вкусъ къ изящнымъ манерамъ и свѣтскому обращенію,—вкусъ, прививавшійся до тѣхъ поръ къ женщинамъ съ молодыхъ ногтей. Поклонники римскихъ идеаловъ, республиканцы возстановили и классическую цензуру нравовъ, зорко слѣдя за половою нравственностью гражданъ и гражданокъ. За прелюбодѣяніе нерѣдко преслѣдовали, какъ будто за государственное преступленіе; человѣкъ вольнаго поведенія или же человѣкъ, не сообразовавшійся въ дѣлахъ любви съ общепринятыми взглядами и законами, былъ уже *подозрителенъ* для коммуны и якобинцевъ. До чего доходило это цензорское безуміе, можно видѣть изъ того, что однимъ изъ важныхъ поводовъ къ паденію Максимиліана Робеспьера была мнимая связь его съ нѣкоторыми женщинами двусмысленнаго поведенія,—связь, въ которой былъ виновенъ его братъ, но которая по ошибкѣ была приписана Максимиліану. Вмѣстѣ съ этимъ ни одно правительство такъ жестоко не преслѣдовало публичныхъ женщинъ, какъ республиканское. Естественно, что проститутки и всѣ француженки, завоевавшія уже право на свободу чувства, должны были сдѣлаться врагами новаго порядка, благодаря которому онѣ лишались дорогихъ ихъ сердцу людей, подвергались ожесточеннымъ преслѣдованіямъ, разорялись, страдали отъ вмѣшательства администраціи въ ихъ частную жизнь. Къ тому же, революціонеры задушили всѣ стремленія женщинъ къ полноправности и лишили большинство ихъ тѣхъ удовольствій и того комфорта, привычка къ которымъ была привита къ нимъ ихъ нелѣпымъ воспитаніемъ. Роскошь изгонялась и навлекала на человѣка подозрѣніе. Бальные и игорные вечера почти вовсе прекратились. До революціи женщины царили въ салонахъ, но къ 93 г. закрылись и салоны. Всѣ упомянутыя обстоятельства неизбѣжно вели за собой реакцію, вліяніе которой мы видимъ какъ на отдѣльныхъ дѣятеляхъ, такъ и на общемъ ходѣ дѣлъ той эпохи. Другъ Джефферсона, поклонникъ Америки, безкорыстный республиканецъ Лафайетъ, подъ вліяніемъ своей жены, воспитанной въ правилахъ католическаго фанатизма и стараго порядка, постепенно превращается въ сторонника роялизма. Жирондистъ Верньо, убаюканный ласками мадмуазель Кандейль, теряетъ всякую энергію. Паденіе Робеспьера женщины привѣтствовали, какъ начало ихъ освобожденія отъ строгой цензуры нравовъ. Страсти, до тѣхъ поръ сдерживаемыя силою, вырвались на свободу. Когда Робеспьера везли на эшафотъ, балконы и окна домовъ были набиты женщинами, въ роскошныхъ и фривольныхъ нарядахъ; воздухъ оглашался ихъ злорадостными криками — «на гильотину!» Актрисы плясали вокругъ позорной колесницы. Съ этого же дня начались пиршества, вакханки бѣгали по улицамъ, Парижъ ликовалъ, и дамы вели себя съ такимъ цинизмомъ, что далеко превосходили самыхъ отпѣтыхъ проститутокъ. Начались *балы жертвъ*, на роскошныя оргіи которыхъ съѣзжались лица, потерявшія во время революціи кого-нибудь изъ своихъ родныхъ или друзей, въ знакъ чего у каждаго посѣтителя шея была обвязана краснымъ шнуркомъ. Маркизы, графини, роялистскія актрисы, аристократическія проститутки возвращались во Францію изъ бѣгства или изгнанія, выходили изъ своихъ темницъ и убѣжищъ и употребляли всѣ силы своего ума и женскаго обаянія для реставраціи, *для погибели и роялизированья* революціонныхъ дѣятелей. Однѣ возстановляли старую роскошь, возвращались къ прежней жизни, полной блеска и удовольствій; другія хотѣли мира и облегченья для своего сердца, разбитаго страданіями; зло, причиненное революціей женщинамъ и семейству, наполняло ихъ душу ненавистью къ этимъ смутамъ и желаніемъ мира во что бы то ни стало. Женщины, говоритъ Минле, самымъ дѣятельнымъ образомъ содѣйствовали погибели всѣхъ партій революціи. Однакожъ, необходимо замѣтить при этомъ, что Минле слишкомъ ужъ увлекается, говоря о пагубномъ вліяніи женщины на ходъ революціи. Несомнѣнно, что француженка того времени, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, стояла ниже мужчины по своему развитію; но не она одна портила дѣло, не она одна создавала реакцію, – вмѣстѣ съ нею и во многихъ случаяхъ независимо отъ нея точно также дѣйствовалъ и мужчина. Ошибки и недостатки Сталь, Роланъ, Кордэ были не только результатами несостоятельнаго женскаго воспитанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ошибками партіи. И Сталь, и Роланъ во многомъ были лучше мужчинъ своихъ партій.

Французская женщина была гораздо развитѣе и эмансипированнѣе, чѣмъ женщина другихъ странъ. Но если уже и развитіе француженки оказалось недостаточнымъ, коль скоро она взялась за общественно-политическую дѣятельность, то тѣмъ менѣе способны были дѣйствовать на этомъ поприщѣ массы женщинъ другихъ странъ. Не смотря, однакожъ, на это, онѣ нерѣдко появлялись на общественной аренѣ и пытались оказать свое вліяніе на ходъ событій. Исторія Италіи насчитываетъ нѣсколько благородныхъ и замѣчательныхъ патріотокъ. Въ Англіи, во время междоусобныхъ войнъ, нѣкоторыя женщины даже сражались въ войскахъ, подобно «полковнику Аннѣ», о которой мы уже упоминали. Во время войнъ 1643 г. къ партіи, требовавшей мира, принадлежало множество жен-

щинъ, разсказываетъ Гизо. Девятаго августа, около Вестминстера собралось ихъ до 3,000, и онѣ подали въ палату петицію о мирѣ. «Ваши бѣдныя просительницы,—писали онѣ,—хотя и принадлежатъ къ слабому полу, но тѣмъ не менѣе слишкомъ ясно предвидятъ, какое бѣдствіе готово разразиться надъ этимъ королевствомъ и надъ страною, покрытою кровью и находящеюся почти при послѣднемъ издыханіи, Ирландіей, если только не будутъ употреблены всѣ средства для достиженія скораго мира». Женщинамъ отвѣтили, что палата также желаетъ мира, и просили ихъ разойтись. Но онѣ остались, толпа ихъ возросла до 5.000, и съ криками—«мира, мира!» «подайте сюда измѣнниковъ, не желающихъ мира,—въ клочки ихъ»,—бросились къ дверямъ нижней палаты; на женщинъ двинулось войско, произошла схватка, и онѣ бѣжали, оставивъ 2 убитыхъ и 8 раненыхъ. Въ 1649 г. былъ наряженъ судъ надъ памфлетистомъ и республиканцемъ Лильбернмъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались петиціи объ его помилованіи, и одна между ними была отъ 1,000 женщинъ, которыя, ходатайствуя за подсудимаго, протестовали противъ дѣйствій парламента, говоря, что онъ «хочетъ подавить всякую свободу слова,—а это самое унизительное рабство». Палата велѣла прогнать этихъ женщинъ домой «мыть тарелки». —Нѣмки принимали самое дѣятельное участіе въ войнѣ за независимость. «Поведеніе женщинъ заслуживаетъ похвалы,—писалъ въ 1813 г. Нибуръ изъ Берлина,—сотни ихъ отказываются не только отъ удовольствій, но даже и отъ излишнихъ заботъ о своемъ хозяйствѣ, чтобы служить въ лазаретахъ, стрянать тамъ, ходить за больными, починять бѣлье, снабжать раненыхъ деньгами и всѣмъ нужнымъ, присматривать за наемной прислугой. Многія стали уже жертвами нервной горячки». Богатыя женщины отдавали отечеству свое имущество, и нѣкоторыя дѣвушки храбро дрались и погибали въ рядахъ войскъ.

Въ то время, какъ Европа переживала бурный періодъ XVII и XVIII столѣтій, въ Америкѣ развивалось новое государство, сильное своею свободой, богатое сѣменами быстраго и пышнаго развитія.

Европейцы устремились въ Новый Свѣтъ двумя потоками, изъ которыхъ одинъ направлялся въ Среднюю и Южную Америку, а другой въ Сѣверную; первый несъ съ собой изъ Европы все, что было въ ней худшаго, второй же приносилъ изъ нея самые здоровые элементы. Организованныя шайки бессердечныхъ и фанатическихъ грабителей, толпы голодныхъ чиновниковъ, надменные и глупые баре, безнравственное духовенство, палачи и инквизиторы,—вотъ кто были основатели государствъ Средней и Южной Америки. Не то видимъ въ Сѣверной. За исключеніемъ немногихъ лордовъ и сосланныхъ преступниковъ, первые колонисты ея были людьми труда и мысли. Когда англійскіе сектанты, преимущественно пуритане, отложились не только отъ римской и англиканской церквей, но и пошли даже дальше Лютера, когда они, опираясь на одну библію, организовали свои общины въ духѣ республиканскаго братства и свои религіозные принципы начали проводить въ политическую жизнь, то имъ не стало мѣста въ аристократической Англіи, и они устремились въ Новый Свѣтъ. Ихъ религія была религіей свободы, была либеральнымъ и прогрессивнымъ политическимъ ученіемъ въ религіозной формѣ. Они проповѣдывали свободу совѣсти; всякій способный къ тому человѣкъ могъ быть выбранъ пасторомъ посредствомъ подачи голосовъ всѣхъ братьевъ; всѣ дѣла у нихъ рѣшались общимъ голосованіемъ «всей конгрегаціи Христа». «Всѣ мы люди Божіею милостью», говорили эти сектанты. Допуская свободу совѣсти, пуритане устраняли изъ своей религіи все, что задерживаетъ прогрессъ человѣческаго развитія. Когда въ 1620 году отправлялась въ Америку первая партія пуританъ на «Майскомъ Цвѣткѣ», то напутствовать ихъ явился священникъ Робинзонъ; онъ сталъ на колѣни между пилигримами, благословѣнно сложилъ руки и передъ самымъ отплытіемъ судна сказалъ имъ слѣдующія слова: «Если Богъ какимъ-нибудь путемъ удостоитъ васъ новаго откровенія, то примите его, какъ и тѣ истины, которыя я между вами проповѣдывалъ. Я убѣжденъ, что Господь допуститъ открытіе еще многихъ истинъ въ его святомъ словѣ. Что же касается меня, то я не могу достаточно выразить свою скорбь относительно положенія нынѣшней реформатской церкви. Лютеране хотятъ остановиться на словахъ Лютера; они согласны скорѣе умереть, чѣмъ принять то, что Богъ открылъ черезъ Кальвина. Кальвинисты хотятъ крѣпко держаться за то, что оставилъ имъ этотъ великій Божій человѣкъ, который однако постигъ не все. Въ этомъ великое бѣдствіе. Хотя реформаты были въ свое время пылающими и блестящими свѣтильниками, но они все-таки не могли постичь всѣхъ опредѣленій Божіихъ. Если бы они жили теперь, то, разумѣется, они усвоили бы болѣе свѣта, чѣмъ они восприняли въ свое время. Помните постоянно,—я прошу васъ о томъ,—ученіе нашей церкви, которое гласитъ: *нужно принимать всякую истину, которая вытекаетъ изъ писаннаго слова Божія*; *истина пробиваетъ себѣ путь мало-по-малу*; *она не могла сразу озариться полнымъ своимъ свѣтомъ послѣ антихристіанской тьмы*». Изъ этихъ основаній развилась религія, служащая опорою умственнаго и общественнаго прогресса, развилась безусловная свобода совѣсти, господствующая въ Соединенныхъ Штатахъ. Правда, въ первое время разныя секты враждовали между собой, и духъ нетерпимости доводилъ до религіозныхъ гоненій, но эти плевелы, занесенные изъ Европы, скоро исчезли; религія, подъ какимъ бы названіемъ она ни приносилась на эту новую почву, была дѣломъ прогрессивной демократической массы и не могла быть эксплуатируема и извращаема духомъ касты. Люди всѣхъ вѣроисповѣданій бѣжали въ Америку отъ религіозной нетерпимости и политическаго деспотизма и водворяли здѣсь терпимость и свободу. Въ то

время, какъ пуритане населяли Новую Англію, угнетенные католики основали Мериландъ, и въ 1649 г. католическое собраніе впервые провозгласило въ Новомъ Свѣтѣ полную вѣротерпимость. Такъ принципы католицизма, этого синонима нетерпимости, измѣнились и очистились въ демократической общинѣ. Квакеры основали Пенсильванію, и ихъ религія, положенная въ основу общественнаго зданія, служила тѣмъ же принципамъ прогресса и свободы совѣсти. Не смотря на различіе названій и догматическихъ тонкостей, всѣ американскія секты были прогрессивными въ своей сущности, потому что всѣ онѣ были выраженіемъ либеральной мысли принадлежавшихъ къ нимъ эмигрантовъ. Даже тѣ переселенцы, въ жизни которыхъ религія не стояла на первомъ планѣ, какъ мы это видимъ у пуританъ и квакеровъ, прибывали въ Америку съ такими стремленіями и антипатіями, какими руководились поклонники Мильтона или Нокса. Французскіе протестанты, даже греки, армяне, евреи, китайцы массами переселялись въ Америку, чтобы пріобрѣсти здѣсь человѣческія права. Въ южныхъ колоніяхъ преобладала англиканская церковь, но и та сдѣлалась сравнительно либеральною и обходилась безъ церковной іерархіи.

Такимъ образомъ религія въ Сѣверной Америкѣ сдѣлалась ковчегомъ свободы и развитія. Сектанты были передовыми людьми народной массы. Они сами сознавали это, и первые пилигримы говорили о себѣ: «Богъ не только просѣялъ сѣмена трехъ королевствъ для этого святого предпріятія, но эти сѣмена Онъ просѣялъ еще разъ и еще разъ». Естественно, что первымъ дѣломъ такихъ людей была забота о народномъ образованіи. Массачузетское собраніе еще въ 1647 г. постановило уже законъ объ основаніи школъ и объ обязательномъ образованіи въ нихъ, заявивъ, что «сатана, врагъ рода человѣческаго, находитъ самое могущественное орудіе въ невѣжествѣ людей; что воспитаніе дѣтей — одна изъ первыхъ заботъ государства». Школьное дѣло находилось въ рукахъ самого народа и было устроено такъ, что налогъ въ пользу школъ составлялъ въ сущности налогъ на богатыхъ въ пользу воспитанія дѣтей бѣдныхъ. Образованіе было разлито въ массѣ. Въ каждой избушкѣ читали библію и обдумывали ее каждый вечеръ. Препія въ судахъ и палатахъ, традиціи англійской революціи, памфлеты, посвященные защитѣ свободы,—все это воспитывало народъ политически. Среднее и высшее образованіе не было блестящимъ; въ Америкѣ не было ни великихъ ученыхъ, ни особенно замѣчательныхъ писателей, но была масса честныхъ и образованныхъ гражданъ, была масса доблестныхъ бордонъ за свободу, были такіе дѣятели, какъ Франклинъ, который—

Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrannis *).

Въ общественномъ и экономическомъ отношеніи это общество состояло изъ однородныхъ демократическихъ элементовъ. Правда, на югѣ развилась рабовладѣльческая аристократія, но она такъ дисгармонировала со всѣмъ строемъ Соединенныхъ Штатовъ, что большинство народонаселенія считало рабство только временнымъ учрежденіемъ. Въ ряду піонеровъ сѣвера не было ни завоевателей, раздѣлившихъ землю между своими сотрудниками, не было богачей, покупавшихъ ее на деньги и потомъ раздававшихъ ее арендаторамъ: колонисты были всѣ равны; цѣною тяжкихъ страданій, лишеній и упорнаго труда они заняли эту землю и обработали ее. Каждый изъ нихъ боролся съ климатомъ, съ дикими звѣрями, съ индѣйцами, каждый строилъ свой домъ, обрабатывалъ свое поле, ловилъ рыбу, расчищалъ лѣса и жилъ совершенно независимо, безъ денегъ, безъ богатства, но въ довольствѣ и свободѣ.

Эти люди, независимые и нравственно, и экономически, не могли жить иначе, какъ на началахъ полнаго самоуправленія. Самая религія обязывала ихъ держаться республиканскихъ принциповъ. Когда первый корабль съ пуританскими пилигримами присталъ къ берегу Новой Англіи, колонисты, не выходя еще на землю, заключили между собой слѣдующій договоръ: «Да будетъ воля Господня! Аминь... Мы нижеподписавшіеся симъ актомъ соединяемся въ одно политическое и гражданское тѣло для поддержанія порядка среди насъ и достиженія предположенной цѣли. Въ силу настоящаго акта, мы установимъ такіе справедливые законы, правила, конституціи и должности, какіе сочтемъ нужными и полезными для общаго блага колоніи. Мы обязуемся этимъ оказывать установленному порядку полное послушаніе и покорность». Эмигранты, основавшіе Родъ-Эйландъ, первые граждане Нью-Гевена, Коннектикута и Провиденса начали свое устройство подобными же общественными договорами. Съ самаго перваго своего водворенія на новой почвѣ колонисты уже начали заявлять себя рѣшительными сторонниками тѣхъ американскихъ принциповъ, что «справедливость правительственной власти зависитъ отъ согласія управляемыхъ» и что «обложеніе податьми безъ представительства облагаемыхъ есть тиранія». Черезъ тридцать лѣтъ послѣ основанія первой колоніи въ ней устроилось представительное собраніе, а вскорѣ и всѣ самоуправляющіяся колоніи Новой Англіи составили изъ себя такую же федерацію, какую мы видимъ теперь во всей Америкѣ.

Въ 1656 г. колоніи составили уже свой кодексъ или конституцію, въ которомъ отражаются и ихъ строгій религіозный духъ, и ихъ широкіе политическіе принципы, которые могли развиться во всей своей полнотѣ только послѣ отдѣленія отъ метрополіи. «Такъ какъ мы всѣ—говорится во вступленіи къ этому кодексу—прибыли въ Америку по одиѣмъ и тѣмъ же причинамъ, чтобы увеличить царство Господа нашего Іисуса Христа и чтобы въ мирѣ наслаждаться вольностями, даваемыми священнымъ писаніемъ, но, по случаю нашей разбросанности вдоль морского берега и рѣкъ, не можемъ находиться подъ однимъ управленіемъ, то и заключили мы, къ нашей радости, союзъ, чтобы быть и оставаться соединенными какъ въ общественномъ и религіозномъ отношеніи, такъ и въ другихъ случаяхъ. Мы

*) Отнялъ молнію у неба и скипетръ у тиранновъ.

называемъ себя нынѣ и навсегда соединенными колоніями Новой Англіи; заключаемъ нынѣ и на вѣчныя времена союзъ для нападенія и защиты, для взаимнаго совѣта и помощи, для поддержанія и охраненія истины и вольностей св. писанія, для нашей общей безопасности и благосостоянія».

Этотъ кодексъ современному читателю покажется странною, пестрою смѣсью законовъ совершенно прогрессивныхъ и жестокихъ постановленій, порожденныхъ сектаторскою исключительностью:

«Кто богохульствуетъ, отрекается отъ Бога, обнаруживаетъ невѣріе, тотъ подлежитъ смерти.

«Если сынъ, достигшій разумнаго возраста, не слушаетъ родителей и ведетъ преступную жизнь, то долженъ быть казненъ смертью.

«Всѣ члены церкви въ гражданскихъ дѣлахъ подчиняются распоряженіямъ гражданскихъ властей, наравнѣ съ другими.

«Кто не явился на общинные выборы или не поставитъ вмѣсто себя другого, платитъ штрафъ въ 10 шиллинговъ.

«Намѣстникъ, вмѣстѣ съ другими правительственными лицами, соединенные въ общее собраніе, образуютъ послѣ Бога высшую и независимую власть. Намѣстникъ отвѣтственъ передъ народомъ. Общее собраніе не можетъ быть распущено или отсрочено намѣстникомъ, но только по своему собственному усмотрѣнію.

«Кто утверждаетъ, что кто-нибудь имѣетъ власть или юрисдикцію надъ территоріей Коннектикута, тотъ подвергается смертной казни и потерѣ имущества.

«Никто не считается полноправнымъ гражданиномъ, если онъ не принадлежитъ къ дозволенной въ странѣ церкви.

«Каждый полноправный гражданинъ долженъ поклясться передъ Богомъ, что онъ останется вѣренъ нашей державѣ и признаетъ І. Христа единственнымъ королемъ.

«Кто будетъ пытаться измѣнить или ниспровергнуть нашу державу, тотъ подлежитъ смертной казни.

«Кто для вреда сосѣда распространяетъ ложь, тотъ долженъ быть посаженъ въ колодку или подвергнутъ 15 ударамъ розгами. Давать болѣе 40 ударовъ не дозволяется; это число, опредѣляемое св. писаніемъ.

«Кто постоянно приноситъ съ собой въ общество карты или кости, тотъ подвергается штрафу въ 5 фунтовъ стерлинговъ.

«Если уполномоченные отъ общинъ найдутъ невоспитанныхъ дѣтей, то они имѣютъ право отобрать ихъ отъ родителей и отдать въ обученіе на счетъ послѣднихъ».

Такимъ образомъ религія, съ одной стороны, поддерживала и узаконила стремленія къ политической свободѣ, а съ другой — вводила строгіе библейскіе законы для поддержанія своего ученія и евангельскихъ добродѣтелей. Но строгіе законы, подъ вліяніемъ умственнаго развитія и гуманнаго чувства, постепенно смягчались или даже вовсе выходили изъ употребленія; смертная казнь въ колоніяхъ совершалась гораздо рѣже, чѣмъ въ Европѣ; религіозная вражда остывала и ко времени войны за независимость замѣнилась полною вѣротерпимостью; политическіе же принципы, передаваемые отъ поколѣнія къ поколѣнію, пускали глубокіе корни въ странѣ, росли, развивались и, переходя изъ религіозной формы въ чисто политическую и научную, прививались даже къ людямъ тѣхъ вѣроисповѣданій, въ основѣ которыхъ не лежало прогрессивныхъ началъ пуританства или квакерства. Духовенство принимало самое дѣятельное участіе въ умственномъ и политическомъ развитіи страны, и во время войны за независимость духовные всѣхъ вѣроисповѣданій служили дѣлу отечества и проповѣдями, и стихотвореніями, и публичными рѣчами, и даже оружіемъ — многіе изъ нихъ поступали въ войско простыми солдатами. О религіозной нетерпимости не было и рѣчи; всѣ они вѣрили въ Бога и стремились къ свободѣ. Но когда политическое развитіе Соединенныхъ Штатовъ было совершенно обезпечено, то политика вполнѣ отдѣлилась отъ церкви, и съ тѣхъ поръ все американское духовенство абсолютно воздерживается отъ всякаго непосредственнаго участія въ политическихъ дѣлахъ.

Такимъ образомъ съ самаго основанія американскихъ колоній началась та великая всемірно-историческая драма, послѣдніе акты которой должны разыграться въ недалекомъ будущемъ. Образовался молодой народъ, создавшій новую цивилизацію и осуществившій въ своей жизни великія общественныя идеи, которыя въ старой Европѣ принуждены были медленно развиваться и еще медленнѣе переходить въ практику. Этотъ первый актъ окончился декларацією независимости и войной за освобожденіе.

Какъ первые учрежденія и законы колонистовъ содержали въ себѣ начатки всѣхъ идей, осуществившихся въ войну за освобожденіе, такъ и декларація независимости служитъ и будетъ служить основой всего общественнаго развитія Соединенныхъ Штатовъ. По выраженію Куртиса, «она была не страстнымъ манифестомъ революціонной войны, а спокойнымъ, простымъ изложеніемъ политической философіи и практики». Дальнѣйшая исторія Союза есть не что иное, какъ только осуществленіе этой декларацін, общія истины которой служатъ основою прогрессивной реформы,—и освобожденія негровъ, и эмансипаціи женщины, и т. д.

«Мы—говорится въ этой декларацін—признаемъ неоспоримыми и очевидными слѣдующія истины: всѣ люди созданы равными между собой, всѣ они одарены Творцомъ извѣстными неотчуждаемыми правами, и среди этихъ правъ первое мѣсто занимаетъ право на жизнь, свободу и стремленіе къ счастію. Чтобы обезпечить себѣ пользованіе этимъ правомъ, люди создали правительства, власть которыхъ истекаетъ изъ согласія управляемыхъ».

Доказывая дальше, что британское правительство нарушило всѣ ихъ вольности и посягнуло на ихъ свободу, представители Америки проводятъ мысль, что «право на жизнь, свободу и счастіе» гарантируется главнымъ образомъ самоуправленіемъ и правомъ выбора, что наложеніе податей безъ представительства облагаемыхъ есть тиранія.

Эти истины, какъ мы уже замѣчали, служатъ основою всего дальнѣйшаго развитія штатовъ и, между прочимъ, женской равноправности. Освобожденіе рабовъ не только вытекало изъ общаго принципа равенства всѣхъ людей, но за него стояли всѣ герои революціи. Въ проектѣ деклараціи было, между прочимъ, сказано: «Парламентъ попралъ священнѣйшія права жизни и свободы свободнаго народа, который никогда не оскорблялъ его: онъ велъ самую жестокую войну даже съ человѣческой природой, онъ отправлялъ негровъ въ рабство въ отдаленное полушаріе. Это пиратство, позоръ языческихъ державъ, сдѣлалось занятіемъ парламента Великобританіи! Рѣшившись поддерживать рынокъ, на которомъ покупаютъ и продаютъ людей, онъ опозорилъ себя тѣмъ, что не пропускалъ ни одного закона, желавшаго ограничить или уничтожить эту позорную торговлю. И теперь этотъ самый парламентъ обѣщалъ свободу невольникамъ, если они умертвятъ насъ. Чудовищно!» Въ угоду «ложнымъ баронамъ» этотъ параграфъ былъ исключенъ изъ деклараціи, но тѣмъ не менѣе вопросъ объ освобожденіи негровъ былъ поднятъ уже въ то время. Что же касается эмансипаціи женщины въ современномъ значеніи этого слова, то о ней, конечно, не могло быть и рѣчи въ тѣ времена. Но при этомъ нельзя не признать, что основныя положенія деклараціи о равенствѣ людей, объ ихъ правѣ на жизнь, свободу и счастіе, равно относятся и къ мужчинамъ, и къ женщинамъ. Сначала никто и не думалъ оспаривать этого равенства, и американская исторія показываетъ, что женщины пользовались нѣкогда избирательнымъ правомъ, которое только впослѣдствіи отнято у нихъ мужчинами. Въ Нью-Джерсеѣ конституція 1776 г. допускала къ выборамъ всѣхъ жителей извѣстнаго возраста, живущихъ въ извѣстной мѣстности и имѣющихъ извѣстную собственность. Въ 1797 г., въ актѣ, регулировавшемъ выборы, говорилось: «каждый избиратель долженъ явно и въ виду всѣхъ класть *его* или *ея* билетъ съ написанными на немъ именами лицъ, за которыхъ *онъ* или *она* подаетъ голосъ». По свидѣтельству одного современника, «это право было общепризнаннымъ, и о немъ даже мало говорили и думали». Въ то же время религіи колонистовъ давала женщинамъ одинаковыя права съ мужчинами въ дѣлахъ церкви, хотя изъ-за этого нерѣдко подвергались гоненіямъ. Во время гоненія квакеровъ въ Массачусетсѣ двѣ квакерши, Мери Фестёръ и Анна Аустинъ, изъѣздили почти всю Европу, проповѣдуя свое ученіе. Мери писала противъ смертной казни. Ее изгнали изъ Бостона подъ страхомъ смерти въ случаѣ возвращенія. Она вернулась. Товарищей ея повѣсили, а ей объявили прощеніе, когда у ней была уже петля на шеѣ. Она отказалась отъ помилованія, громко закричавъ народу: «дайте мнѣ погибнуть съ братьями, или отмѣните свой злодѣйскій законъ!» Ее снова изгнали, но она снова вернулась и была повѣшена. Въ Массачусетсѣ же проповѣдывала Анна Гетчинсонъ, доказывая, что духъ, обитающій въ каждомъ истинномъ христіанинѣ, просвѣщаетъ его, дѣлая излишнимъ въ религіи всякій авторитетъ, кромѣ индивидуальнаго сознанія, просвѣщеннаго духомъ. Гетчинсонъ проповѣдывала эти мысли преимущественно женщинамъ, написала много сочиненій и пріобрѣла большое сочувствіе. Ея проповѣдь возбудила смятеніе во всей колоніи. На сторонѣ Анны, кромѣ ея послѣдователей изъ среды колонистовъ, былъ и губернаторъ Генри Вэнъ, благородный республиканецъ въ духѣ Мильтона, казненный во время реставраціи. Противъ же Анны было духовенство. Сначала хотѣли покончить дѣло путемъ миролюбивыхъ совѣщаній, потомъ назначили дни поста и молитвы, созвали общій соборъ и послѣ долгихъ споровъ, въ 1638 г., ученіе Анны было признано ересью, а она со своими послѣдователями изгнана изъ колоніи. Эмигранты, съ Анной Гетчинсонъ во главѣ, основали колонію Родъ-Эйландъ, заключивъ между собой такой же общественный договоръ, какъ и первые колонисты—пуритане. Кодингтонъ, одинъ изъ самыхъ пламенныхъ сторонниковъ пророчицы, былъ избранъ судьей этого новаго Израиля, а въ помощь ему придали трехъ старѣйшинъ. Но вскорѣ оказалось необходимымъ замѣнить эти библейскія формы управленія болѣе цѣлесообразными. Общее собраніе собственниковъ составило конституцію и постановило, что «правительство будетъ демократическое или народное, т. е. оно будетъ въ рукахъ всѣхъ собственниковъ, которые единогласно или большинствомъ голосовъ будутъ издавать справедливые законы для управленія страной и выбирать изъ своей среды людей, которые будутъ вѣрно исполнять ихъ». Кромѣ того, было постановлено, что никто не будетъ преслѣдуемъ за вѣру; свобода совѣсти и слова была провозглашена навсегда, а принципомъ общественнаго союза признано братство, гербомъ же колоніи эмигранты выбрали связку змѣиныхъ жалъ съ девизомъ amor vincit omnia (любовь побѣждаетъ все). Таковы были законы, установленные Анною Гетчинсонъ или подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ. Колонія процвѣтала. Правда, пуритане, не желавшіе имѣть сосѣдями людей, проповѣдывавшихъ свободу совѣсти, тревожили колонистовъ, но послѣдніе нашли себѣ поддержку въ правительствѣ. Что же касается самой основательницы Родъ-Эйланда, то, боясь своихъ приговоровъ—пасторовъ, обвинявшихъ ее въ чародѣйствѣ, что вело за собою смертную казнь, Анна бѣжала въ территорію Новой Бельгіи, гдѣ ее убили дикари.

Въ суровой школѣ религіозной жизни американка вырабатывала и энергію характера, и чувство самостоятельности, и благородное стремленіе быть дѣятельнымъ членомъ общества. Къ тѣмъ же результатамъ приводила ее и трудовая жизнь. Американскіе колонисты были люди мысли и труда; они жили и достигали самостоятельности только посредствомъ труда, а ихъ женщины были ихъ дѣятельными помощницами. Американкѣ невозможно было развиться въ барыню-кокетку, предназначенную для наслажденія мужчины и живущую на его содержаніи. Она работала столько же, сколько мужчина, и вносила въ общую сумму семейныхъ доходовъ свою долю. Она была лицомъ производительнымъ, и это поднимало ее какъ въ глазахъ мужа,

такъ и въ своихъ собственныхъ. Тяжелый трудъ развивалъ въ ней силу, энергію и сознаніе собственнаго достоинства. Эту трудовую школу до позднѣйшаго времени проходило большинство американокъ. «Колонисты западныхъ земель,—говоритъ Токвиль,—ведутъ съ собой сюда и своихъ женъ, раздѣляющихъ съ ними безчисленныя опасности и бѣдствія, всегда неразлучныя съ началомъ подобныхъ предпріятій. Я часто встрѣчалъ даже на границахъ пустынь молодыхъ женщинъ, которыя, получивъ образованіе среди богатства большихъ городовъ Новой Англіи, переходили непосредственно изъ богатыхъ домовъ своихъ родителей въ едва сколоченныя лѣсныя хижины. Лихорадка, уединеніе, тоска не побѣждали ихъ рѣшимости». Въ первыя времена, вслѣдствіе малонаселенности и дикости страны, на долю женщины выпадало еще больше труда, чѣмъ впослѣдствіи. Она пахала, ходила за скотомъ, готовила кушанье, обшивала всю семью, учила дѣтей и т. д. Когда же мужъ уходилъ на охоту, отправлялся на войну, умиралъ или пропадалъ безъ вѣсти, женщина становилась главой дома и работала за двоихъ. Ей приходилось и биться съ дикими звѣрями, и защищаться противъ враждебныхъ индѣйцевъ, въ мелкихъ войнахъ съ которыми старинныя американки являются своего рода амазонками. Вотъ, напр., на одну изъ пограничныхъ колоній напали индѣйцы; ихъ отбили, но они успѣли захватить въ плѣнъ одну женщину. Она сопротивлялась до послѣдней крайности; ее насильно протащили полмили, и ударъ въ голову томагаукомъ лишилъ ее сознанія. Когда она пришла въ себя, то увидѣла, что лежитъ совершенно голая и скальпированная. Она приподнялась, но, увидѣвъ по близости индѣйцевъ, приготовлявшихъ себѣ обѣдъ, снова легла, притворилась мертвою и, только когда дикари ушли, вышла изъ своей неподвижности и поплыла домой. Другая американка, Ненси Альстинъ, своимъ мужествомъ возбуждала благоговѣйное удивленіе даже среди этихъ храбрыхъ дикарей. У нея украли индѣйцы лошадей и еще многія другія вещи; она отправилась къ индѣйцамъ, когда мужчинъ не было дома, забрала назадъ свои вещи, лошадей и пріѣхала домой. На разсвѣтѣ около фермы показались индѣйцы въ военномъ строю, расписанные воинственнымъ рисункомъ; они шли, потрясая томагауками, и, приблизившись къ дому, издали пронзительный военный крикъ. Мужъ хотѣлъ возвратить имъ все, но Ненси рѣшительно не согласилась. Когда начальникъ индѣйцевъ подошелъ съ угрожающимъ видомъ къ двери конюшни, чтобы взять лошадей, Ненси загородила ему дверь и сказала, что она ни за что не отдастъ животныхъ. Индѣецъ оттолкнулъ ее отъ двери и схватилъ засовъ, но она вырвала его; тогда индѣецъ сталъ грозить ей ружьемъ, но она не сдвинулась съ мѣста и, подставивъ грудь, сказала: «стрѣляй, если смѣешь!» Индѣецъ опустилъ ружье и сказалъ товарищамъ, что она храбрая женщина и что ее не надотрогать. Воины отвѣтили крикомъ одобренія и ушли съ фермы. По дорогѣ они зашли въ домъ американскаго полковника и, разсказавъ ему про мужество Ненси, прибавили, что это мужество спасло бѣлую женщину и ея имущество, и что если бы въ Могаукской долинѣ были пятьдесятъ такихъ храбрыхъ женщинъ, какъ жена Большого-дерева, какъ они звали мужа Ненси, то они никогда не нарушили бы мира.

Подобныя женщины не способны были подчиняться игу рабства; онѣ были достойными подругами и дѣятельными сотрудницами мужчинъ, и послѣдніе необходимо должны были проникаться уваженіемъ къ нимъ и признавать ихъ достоинства.

Семейная жизнь колонистовъ была основана на суровыхъ началахъ библейской патріархальности. Отецъ признавался абсолютнымъ владыкой семьи, и сыновья за непослушаніе ему подлежали по закону смертной казни. Но эти суровыя правила постепенно смягчались подъ вліяніемъ гуманнаго чувства самихъ колонистовъ и особенно подъ благотворнымъ вліяніемъ женщины, пользовавшейся въ семейной жизни большимъ значеніемъ. Семья изъ патріархальной формы скоро перешла въ новую, вполнѣ согласную со всѣмъ демократическимъ строемъ общества. «Какъ только—говоритъ Токвиль—молодой американецъ начнетъ приближаться къ возмужалости, узы сыновняго повиновенія ослабѣваютъ съ каждымъ днемъ... Но отецъ не чувствуетъ никакого сожалѣнія, полнаго горечи и гнѣва, которое обыкновенно переживаетъ падшую власть. Онъ издали видитъ границы, гдѣ должна кончиться его власть, и, когда время приблизило его къ этимъ границамъ, онъ безъ труда отказывается отъ своей власти. Сынъ предвидитъ время, когда собственная его воля станетъ закономъ; онъ принимаетъ свободу не спѣша и безъ горячности, какъ должное ему благо, котораго у него никто не можетъ отнять... Когда отецъ семейства не богатъ, то онъ и сынъ живутъ вмѣстѣ и занимаются одинаковыми работами. Привычка и нужда сближаютъ ихъ, и между ними образуется та дружеская фамильярность, которая ограничиваетъ власть отца и плохо мирится съ внѣшними формами уваженія». О законѣ первородства никогда не было и рѣчи; не смотря на все свое уваженіе къ Моисееву закону, первые колонисты строго запретили его во всей Новой Англіи, что спасло ее отъ возникновенія аристократіи и содѣйствовало не только развитію республиканскаго образа мыслей, но и идеи равенства половъ. Наслѣдство дѣлилось поровну между всѣми, какъ дѣтьми мужескаго, такъ и женскаго пола.

Секганты изгоняли изъ общества всѣ грѣховныя прелести; они установили строгіе карательные законы противъ игры, пьянства, роскоши, танцевъ. Въ особенности они зорко слѣдили за женскимъ кокетствомъ, для котораго спеціально воспитывали женщину въ Европѣ, но которое преслѣдовалось въ Америкѣ, въ этой землѣ труда и строгихъ нравовъ. Бостонское общее собраніе 1624 г. запретило и женщинамъ, и мужчинамъ носить рукава болѣе, чѣмъ съ однимъ разрѣзомъ, золотыя и серебряныя цѣпи, пуховыя шляпы. Черезъ пятнадцать лѣтъ оно запретило дамамъ носить кружева и короткіе рукава, которые въ ширину должны быть не болѣе двухъ четвертей; широкіе панталоны, ленты, банты, воротнички, локоны—все это преслѣдова-

лось. Незаконная любовная связь каралась смертной казнью. Одного поцѣлуя или любовной записки было достаточно, чтобы привлечь виновнаго къ страшному судилищу и тяжкому наказанію. Въ Массачузетѣ одна замужняя женщина имѣла связь съ молодымъ человѣкомъ и, овдовѣвъ, въ 1643 г. вышла за него замужъ. Прошло нѣсколько лѣтъ мирной супружеской жизни, какъ вдругъ цензоры общественныхъ нравовъ возымѣли подозрѣніе, что эти супруги были нѣкогда любовниками; они были преданы суду, посажены въ темницу и едва не были подвергнуты смертной казни. Въ Нью-Гевенѣ одна женщина за то, что поддалась страстнымъ порывамъ влюбленнаго въ нее мужчины, была приговорена къ тѣлесному наказанію и къ брачному союзу со своимъ любовникомъ. Въ 1660 г. молодая дѣвушка, дозволившая поцѣловать себя, приговорена судомъ къ публичному выговору и денежному штрафу. Въ Бостонѣ одну барыню, произнесшую неприличныя слова, выставили съ завязанными ртомъ на улицѣ, у дверей ея дома. Другую отлучили отъ церкви за то, что она осуждала столяра за дороговизну его работы.

Всѣ подобныя строгости не были однакожъ унизительными для женщинъ; онѣ одинаково прилагались и къ мужчинамъ, и къ женщинамъ; женщина наказывалась не какъ восточная рабыня, но какъ самостоятельная нравственно личность, которая должна отвѣчать за всѣ свои дѣйствія. При всей своей строгости законы признавали за женщиной права личности, равной мужу. Она до извѣстной степени была равна ему и въ религіи, и въ семействѣ, и въ общественной жизни. Жена могла быть полнымъ свидѣтелемъ противъ своего супруга. Если мужъ прибилъ жену или жена мужа, то виновное лицо подвергалось или штрафу въ 10 фунтовъ стерлинговъ, или тѣлесному наказанію. Произволъ мужа во многихъ случаяхъ ограничивался судомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Въ Родъ-Эйлендѣ нѣкто Іошуа Верингъ былъ лишенъ гражданскихъ правъ за то, что не позволялъ своей женѣ посѣщать службу одного знаменитаго проповѣдника такъ часто, какъ ей того хотѣлось. Но при этомъ замужняя женщина была совершенно стѣснена въ своихъ имущественныхъ правахъ, которыя регулировались или, лучше сказать, отвергались правомъ старой Англіи. Вообще брачные законы, составленные подъ вліяніемъ англійскихъ и библейскихъ постановленій, были довольно строги, хотя съ самаго начала колонизаціи почти всюду былъ уже введенъ гражданскій бракъ. Законы о разводѣ либеральнѣе, чѣмъ въ другихъ колоніяхъ, были въ Пенсильваніи. Здѣсь разводъ допускался по слѣдующимъ причинамъ: 1) если супруги были неспособны производить дѣтей; 2) въ случаѣ двоеженства или двумужества; 3) если одинъ изъ супруговъ безъ достаточнаго основанія не живетъ дома не менѣе четырехъ лѣтъ; 4) въ случаѣ прелюбодѣянія; 5) если будетъ доказано, что мужъ жестоко обращается со своей женой, то ихъ разводятъ, а онъ обязуется давать ей содержаніе, впрочемъ, не свыше одной трети своего дохода. При этомъ мужъ, смотрѣвшій сквозь пальцы на прелюбодѣяніе жены, не можетъ требовать развода, а прелюбодѣй не можетъ жениться на своей любовницѣ, разведенной съ мужемъ.

Жестокость законовъ и строгость пуританскихъ нравовъ въ такомъ прогрессивномъ обществѣ, какъ американское, не могли оставаться неизмѣнными долгое время. Только въ тѣхъ сектантскихъ общинахъ, которыя проникнуты чисто аскетическимъ духомъ и держатся безбрачной жизни, общественные нравы и обычаи до сихъ поръ сохраняютъ суровый характеръ первыхъ дней. Въ остальномъ же обществѣ жестокіе законы, въ родѣ бичеванія за нарушеніе супружеской вѣрности, вышли изъ употребленія еще до революціи, а нравы значительно смягчились и патріархальныя добродѣтели ослабли. Малочисленность женщинъ, рабство неграмъ, стремленіе къ свободѣ чувства и бѣдность низшаго класса вели за собой развитіе проституціи, наложничество и другія формы половой развращенности. По свидѣтельству Де-ла-Рошфуко, бывшаго въ Америкѣ передъ самой французской революціей, «въ большихъ городахъ, особенно торговыхъ, развратъ дѣло самое обыкновенное. Бѣдность и любовь къ нарядамъ дѣйствуютъ на дѣвушекъ здѣсь, какъ и вездѣ. Изъ замужнихъ женщинъ болѣе всего предаются проституціи жены моряковъ, которыя во время долгаго отсутствія своихъ мужей часто не имѣютъ вѣрныхъ средствъ для своего пропитанія. Публичныя женщины въ Америкѣ не подвергаются такому презрѣнію, какъ въ Европѣ; на ихъ жизнь смотрятъ, какъ на промыселъ. Часто эти дѣвушки нанимаются въ услуженіе; часто изъ нихъ выходятъ очень хорошія жены. Полиція смотритъ на публичные дома сквозь пальцы; но если сосѣди жалуются на безпокойство отъ нихъ, то она тотчасъ закрываетъ ихъ, а дѣвушекъ отсылаетъ въ рабочій домъ». Развратъ и проституція были только однимъ изъ проявленій той реакціи, которая неизбѣжно должна была возникнуть противъ патріархальной строгости. Молодая американка, которая воспиталась въ понятіяхъ свободы и которая привыкла держаться моральныхъ правилъ не изъ страха или принужденія, а по собственному сознанію, по собственной инициативѣ, не могла долго сносить тѣхъ слишкомъ ригористическихъ ограниченій, которыя были совершенно излишни для ея внутренней добродѣтели. Свобода въ выборѣ себѣ мужа и вообще та свобода, какою пользуется нынѣ американская дѣвушка, развилась еще до революціи, о чемъ свидѣтельствуютъ путешественники и наблюдатели второй половины XVIII вѣка—Рошфуко, аббатъ Робенъ, Шепфъ и Боннетъ. По ихъ словамъ, въ Америкѣ, особенно въ Новой Англіи, молодые люди обыкновенно очень коротко сближались съ предметами своей любви или ухаживаньи и посѣщали ихъ по ночамъ, что нисколько не вредило доброму имени дѣвушекъ. Это дѣлалось не тайкомъ, а съ вѣдома родителей и съ тою цѣлью, чтобы влюбленные могли лучше узнать другъ друга. Молодой человѣкъ и дѣвушка проводили одни вечера и ночи передъ каминомъ и даже ложились въ постель, но не раздѣвались и не дозволяли себѣ никакихъ крупныхъ любезностей;

если же заботливая мать сомнѣвалась въ твердости добродѣтели своей дочери, то завязывала объ ея ноги въ одинъ большой чулокъ и утромъ осматривала, въ такомъ ли онъ положеніи, въ какомъ она оставила его вечеромъ. Но такія предосторожности были вообще излишни и упомянутое короткое знакомство молодежи обыкновенно оканчивалось бракомъ. Въ подобныхъ своеобразныхъ формахъ выражалась уже около ста лѣтъ назадъ та независимость и самостоятельность дѣвушки, которая служитъ одною изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ общественной жизни Соединенныхъ Штатовъ. Задолго еще до совершеннолѣтія молодую американку постепенно приготовляли къ свободѣ; ей показывали всю жизнь и давали полную возможность изучить въ ней все дурное и все хорошее. Она знала о порокахъ и опасностяхъ, существующихъ въ обществѣ, имѣла о нихъ свое сужденіе и пріучалась относиться къ нимъ вполнѣ самостоятельно. Если она и предавалась злу, то предавалась сознательно, а вовсе не въ качествѣ наивной и глупой овечки. Но эта свобода дѣвушки прекращалась, коль скоро она выходила замужъ: тогда она всю себя посвящала семьѣ, мужу и дѣтямъ. Она помогала мужу, читала съ нимъ, разсуждала объ его дѣлахъ или занимавшихъ ее вопросахъ, воспитывала дѣтей. Кромѣ религіи и труда, поднимавшихъ ее во мнѣніи мужчины, ея значеніе увеличивалось еще образованіемъ. Правда, въ первое время колонизаціи женское образованіе не было блестящимъ, школъ было мало; въ литературѣ мы видимъ одну только замѣчательную писательницу, Анну Бредстритъ (1612—1672 г.), имя которой, по выраженію Неймана, не должно быть пропускаемо ни въ одной исторіи американской литературы; но всѣ эти недостатки постепенно устранялись, и ко времени революціи уже выступило на сцену цѣлое поколѣніе серьезно образованныхъ женщинъ. Когда же школъ было мало и образованіе, получаемое въ нихъ, было недостаточнымъ, женщина все-таки развивалась умственно. Вмѣсто лекцій она слушала проповѣди, читала библію и вдумывалась въ нее, занималась религіозными и политическими вопросами, волновавшими общество. Когда же школы начали размножаться, то во многихъ мѣстахъ ради экономіи ихъ дѣлали общими для обоихъ половъ, а такая смѣшанная система, какъ увидимъ, чрезвычайно благотворно дѣйствуетъ и на нравственность, и на умственное развитіе. При этомъ мальчики выходили изъ школъ раньше, чѣмъ дѣвочки, чтобы заняться практической дѣятельностью, а дѣвушки продолжали учиться еще нѣсколько времени и перегоняли мужчинъ въ образованіи. Къ концу прошедшаго столѣтія уровень женскаго образованія поднялся уже до такой степени, что въ 1790 г. за женщинами признано было право быть школьными учителями. Но не въ школѣ, а въ семьѣ главнымъ образомъ женщина воспитывала гражданъ Америки. «Матери-патріотки вскормили дѣтство свободы; онѣ дали отечеству гражданъ, которые отстояли его независимость своею кровью», говоритъ въ своихъ мемуарахъ м-съ Эллетъ. Это совершенно справедливо и относительно народной массы, и относительно тѣхъ отдѣльныхъ героевъ, которыми гордится Америка. Вашингтонъ, напр., самъ сознается, что онъ обязанъ матери всѣми своими нравственными достоинствами, благодаря которымъ онъ сдѣлался такъ великъ, вовсе не будучи геніемъ, — своимъ мужествомъ, честностью, здравымъ смысломъ и твердостью характера. Когда Вашингтонъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ и отправлялся въ армію, то провожавшая его мать, не смотря на свою безпредѣльную любовь къ сыну, не уронила ни одной слезы, не испустила ни одного вздоха, показывая тѣмъ всѣмъ другимъ матерямъ, говоритъ м-съ Эллетъ, «что безплодный страхъ и слезы, какъ бы естественны они ни были, недостойны тѣхъ матерей, чьи сыновья сражались за драгоцѣнныя права человѣка, за свободу и счастіе всего міра». Получивъ извѣстіе о сдачѣ Корнваллиса, мать Вашингтона прежде всего подняла руки къ небу и воскликнула: «Благодарю небо! Теперь война кончится, миръ, независимость и счастіе осѣнятъ наше отечество», а потомъ уже спросила: «живъ ли ея сынъ?» Когда Лафайетъ съ энтузіазмомъ восхвалялъ ей подвиги и достоинства Вашингтона, она съ гордою простотою отвѣчала ему: «я не удивляюсь тому, что вы говорите: Джоржъ всегда былъ добрымъ мальчикомъ, и я знала, что онъ исполнитъ свой долгъ». Мать Вашингтона вовсе не была необыкновенной женщиной; такихъ женщинъ, такихъ матерей и женъ въ Америкѣ тысячи тысячъ. Жена Вашингтона была также самая обыкновенная женщина, но и она съ такимъ же сильнымъ негодованіемъ, какъ ея мужъ, отвергла предложеніе монархической партіи, желавшей сдѣлать Вашингтона королемъ Сѣверной Америки. Женщины, стоявшія за независимость родной земли, вдохновляли своихъ мужей, возлюбленныхъ, женіховъ, сыновей, братьевъ, карали трусовъ и эгоистовъ, возбуждали героическій патріотизмъ націи. «Я скажу вамъ,—писала одна американка,—что я сдѣлала: я послала своего единственнаго брата въ лагерь съ молитвами и благословеніями. Я надѣюсь, что мнѣ не придется краснѣть за него; я увѣрена, что онъ будетъ поступать честно и слѣдовать великимъ примѣрамъ, которые передъ его глазами. Будь у меня двадцать сыновей или братьевъ, они пошли бы всѣ до одного. Я съ радостью могу завѣрить васъ, что такъ поступаютъ всѣ мои сестры—американки. Онѣ готовы жертвовать всѣмъ для того великаго патріотическаго духа, который воодушевилъ всѣ классы народа въ нашемъ отечествѣ». И дѣйствительно, женщины всѣхъ классовъ дышали однимъ духомъ. Вотъ къ террасѣ стараго богатаго дома скачетъ офицеръ въ богато вышитомъ мундирѣ, въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ и отряда солдатъ. Хозяйка дома сидитъ на террасѣ съ ребенкомъ и молодой дѣвушкой; офицеръ приподнимаетъ шляпу и, низко кланяясь, говоритъ: «Я имѣю честь видѣть хозяйку этого дома и плантаціи?»—Да, это плантація моего мужа. — «Онъ дома?» — Нѣтъ, сэръ.—«Онъ бунтовщикъ?»—Нѣтъ, сэръ, онъ въ арміи нашего отечества и сражается противъ непріятеля, который хочетъ насъ поработить; слѣ-

дователью онъ не бунтовщикъ.—«Мнѣ очень жаль, леди, но мы съ вами не сойдемся во мнѣніи; хорошій патріотъ долженъ быть слугой короля, нашего господина».—«Только рабы признаютъ господина въ этой землѣ», было отвѣтомъ женщины на слова англичанина. А вотъ и простая, небогатая ферма. Нѣсколько англійскихъ офицеровъ заѣзжали на нее, чтобы отдохнуть. Одинъ изъ нихъ спрашиваетъ хозяйку, сколько у нея было дѣтей. «Девять человѣкъ», отвѣчала она. И на вопросъ, гдѣ же они всѣ, сказала, что семеро на службѣ отечества.—Ну,—замѣтилъ насмѣшливо офицеръ,—у васъ-таки ихъ порядочно. «Нѣтъ, сэръ,—отвѣчала фермерша,—теперь я желала бы имѣть ихъ пятьдесятъ». Когда этой же самой матери-патріоткѣ одинъ англійскій офицеръ привезъ извѣстіе о смерти ея сына, убитаго при осадѣ Аугусты, и, чтобы глубже задѣть ее, сказалъ, что видѣлъ мозгъ его, разбрызганный на полѣ сраженія, старая мать, не смотря на внезапность такой безчеловѣчной выходки, съ достоинствомъ отвѣчала: «Онъ немогъ умереть за лучшее дѣло». Женщины доставляли припасы, бѣлье, или пули, дѣлали порохъ, ходили за ранеными. Женщины Филадельфіи сформировали на свои средства цѣлый полкъ; женщины Пенсильваніи спасли армію, доставивъ ей свой обозъ съ припасами; во многихъ мѣстахъ дѣвушки самыхъ знатныхъ фамилій давали обѣтъ не выходить замужъ за тѣхъ, кто не пойдетъ защищать отечество. Своимъ присутствіемъ въ войскахъ женщины поддерживали духъ арміи. Нѣкоторыя изъ нихъ поступали въ солдаты, перенося всѣ трудности и опасности войны, какъ, напр., Дебора Семсонъ. Многія служили курьерами, лазутчиками. Вотъ двѣ молодыхъ женщины, узнавъ, что мимо ихъ дома поѣдетъ англійскій курьеръ съ важными депешами и подъ конвоемъ только двухъ солдатъ, одѣлись въ мужское платье, вооружились и, бросившись изъ засады на офицера и солдатъ, взяли ихъ въ плѣнъ, а депеши отправили американскому генералу. Женщины Виргиніи писали прокламаціи къ народу, которыя читались въ церквяхъ и возбуждали возстаніе. Въ ряду этихъ патріотокъ первое мѣсто принадлежитъ Мерси Уарренъ, сестрѣ знаменитаго адвоката Отиса и другу Джефферсона, обоихъ Адамсовъ, Нокса и др. Она имѣла большое вліяніе и своими совѣтами, и своимъ перомъ. Мерси первая подала мысль объ устройствѣ въ Массачусетѣ революціоннаго комитета. Ей принадлежатъ лучшіе гимны свободѣ, которые народъ пѣлъ въ тѣ дни. Въ ея драмахъ американцы почерпали также большую долю вдохновлявшаго ихъ героизма. Вотъ, напр., что говоритъ въ одной ея драмѣ героиня: «Насъ спасетъ мечъ или народъ нашъ падетъ и униженно надѣнетъ ярмо раба. Мы возстали за дѣло чести и славы. Мы вооружаемся, чтобы завоевать высшее благо, какое только возможно для человѣка. Не бунтъ, не феодальное междоусобіе увлекаютъ тысячи людей въ гражданскую войну и заражаютъ сердца жаждою крови... Насъ призываетъ геній свободы, взлелѣянный изъ вѣка въ вѣкъ, выросшій среди независимыхъ учрежденій и законовъ, передававшійся отъ отцовъ къ дѣтямъ на скрижаляхъ добродѣтели. Наши свободные предки не унижали себя рабскимъ поклоненіемъ!» Въ самые тяжкіе для американцевъ дни Мерси Уарренъ не теряла своей увѣренности въ торжествѣ ихъ дѣла и въ будущемъ небываломъ въ исторіи величіи Америки, которая начнетъ развиваться, «когда республика утвердится на широкихъ основаніяхъ, безсаконная власть отниметъ свою руку, корона и скипетръ сдѣлаются ненужными игрушками и низкіе пресмыкающіе не станутъ болѣе грабить насъ для королей».

Велика была энергія женщинъ, когда онѣ поддерживали войну за освобожденіе, но еще болѣе великъ былъ ихъ радостный энтузіазмъ, когда независимость была завоевана. Когда избранный президентомъ Вашингтонъ ѣхалъ въ Нью-Іоркъ, женщины дѣлали ему самыя восторженныя встрѣчи. Въ Трентонѣ на мосту женщины соорудили тріумфальные ворота, украшенныя цвѣтами, лаврами, и съ надписью: «26 декабря 1776 г. Защитникъ матерей будетъ и охранителемъ ихъ дочерей». Впереди стояли маленькія дѣвочки съ цвѣточными вѣнками на головахъ и съ корзинами цвѣтовъ въ рукахъ. За ними дѣвицы, а потомъ замужнія женщины всего околотка. Когда Вашингтонъ проходилъ въ тріумфальныя ворота, дѣвушки бросали цвѣты къ ногамъ героя и пѣли прекрасную пѣсню въ честь его доблестей. Это были не казенныя, а совершенно искреннія манифестаціи. Американки были проникнуты до глубины души гражданскимъ чувствомъ, унаслѣдованнымъ отъ ихъ отцовъ и матерей. Когда Америка сдѣлалась независимой, когда ея силы и учрежденія начали быстро развиваться на свободѣ, когда женщины получили возможность серьезнаго образованія, то ихъ семейное и общественное значеніе постепенно увеличивалось; поддерживая и развивая идеи и чувства свободы, равенства, прогресса, онѣ съ тѣмъ вмѣстѣ все сильнѣе и сильнѣе проникались сознаніемъ своей равноправности съ мужчинами и необходимости своей эманципаціи.

XX.

При грохотѣ наполеоновскихъ пушекъ и барабановъ Европа схоронила много вольностей, добытыхъ революціей. Наступило празднованіе тризны свободы и разума, вѣкъ Меттерниховъ, конгрессовъ, гнета и деспотизма, вѣкъ реакціи и возстановленія старины, сокрушенной революціонными погромомъ. Вмѣстѣ съ реставраціей королевской власти и абсолютнаго государства возстановлялись власть отца и мужа, а семейство снова принимало прежній патріархальный характеръ. Войны и смуты конца XVIII и начала XIX столѣтій разрушили множество европейскихъ семействъ, раскидавъ членовъ ихъ по всей Европѣ и истребивъ громадное количество людей; въ однѣхъ только наполеоновскихъ войнахъ погибло до 8.000.000 человѣкъ. Съ умиротвореніемъ Европы феодалы, буржуа, крестьяне, лишенные имуществъ и многихъ родственниковъ, собирали свои уцѣлѣвшія семей-

ства и старались о возстановленіи старинныхъ обычаевъ, о возрожденіи дореволюціонныхъ идей и чувствованій. Даже во Франціи, гдѣ патріархальное семейство было расшатано болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, различные писатели и юристы старались возстановить строгую отеческую власть и уничтожить расторженіе брака. Бональдъ, возводившій всякую общественную власть къ одному источнику—къ Богу, старается внушить законодателямъ, что отецъ есть представитель Бога въ семействѣ и поэтому долженъ имѣть абсолютную власть надъ всѣми домочадцами. По мнѣнію Реаля, дѣти должны не только уважать своихъ родителей, но и воздавать имъ *поклоненіе* (culte) въ теченіе всей своей жизни. Наполеонъ хотѣлъ опредѣлить закономъ всѣ мельчайшія отношенія дѣтей къ родителямъ, какъ ихъ должно воспитывать, какъ приготовлять къ извѣстной профессіи, при какихъ условіяхъ они могутъ жениться, отправляться въ путешествія, избирать себѣ занятіе и т. д. Къ счастію, судьба избавила Францію отъ такихъ законовъ, хотя наполеоновскій кодексъ все-таки успѣлъ возстановить и нѣкоторыя патріархальныя права отца, и многія патріархальныя обязанности дѣтей. Дѣти въ продолженіе всей своей жизни обязаны уважать и почитать своихъ родителей. Они остаются подъ родительскою властью до своего совершеннолѣтія или эманципаціи. До восемнадцатилѣтняго возраста или до эманципаціи дѣтей ихъ имущество находится въ пользованіи родителей. Родители руководятъ воспитаніемъ дѣтей и предназначаютъ ихъ къ извѣстной профессіи. До шестнадцатилѣтняго возраста отецъ можетъ безъ суда подвергать своихъ дѣтей тюремному одномѣсячному аресту. Если же дѣтямъ болѣе шестнадцати лѣтъ, то родительская жалоба на нихъ разбирается властью, и въ случаѣ признанія ее справедливою, виновные подвергаются заключенію не болѣе какъ на шесть мѣсяцевъ. Въ настоящее время государство содержитъ множество исправительныхъ заведеній, въ которыхъ заключаются дѣти по волѣ ихъ родителей. Въ 1830 г. было заключено такимъ образомъ 215 ч., въ 1850 г.—1607 ч., въ 1857 г.—9493 ч. Въ этомъ отношеніи французское законодательство хуже почти всѣхъ другихъ европейскихъ. Только въ Сардиніи отецъ имѣетъ право подвергать своихъ дѣтей до двадцатилѣтняго ихъ возраста дисциплинарному тюремному заключенію, да еще въ Пруссіи, съ согласія короля и министра юстиціи. Впрочемъ, въ другихъ отношеніяхъ отеческая власть строже всего въ Англіи. Здѣсь она почти такъ же абсолютна, какъ въ древнемъ Римѣ. По англійскому праву, даже содержаніе и воспитаніе дѣтей обязательно для отца только въ томъ случаѣ, если они рѣшительно неспособны сами добывать себѣ пропитанія. Отецъ не обязанъ оставлять дѣтямъ никакой доли въ наслѣдство. По прусскому праву, дѣти обязаны не только повиноваться родителямъ и уважать ихъ, но и работать въ ихъ пользу по своимъ силамъ и умѣнью. Отеческая власть прекращается не съ совершеннолѣтіемъ, а съ основаніемъ дѣтьми отдѣльнаго хозяйства. Согласіе родителей на бракъ неэманципированныхъ дѣтей требуется всѣми европейскими законодательствами, признающими также право родителей пользоваться доходами съ имущества дѣтей.

Реакція XIX в. коснулась и брачныхъ отношеній. Кодексъ Наполеона значительно ограничилъ возможность расторженія брака, дозволивъ его, во-первыхъ, вслѣдствіе прелюбодѣянія жены; во-вторыхъ, вслѣдствіе прелюбодѣянія мужа, *но въ томъ только случаѣ, если онъ держитъ наложницу въ одной квартирѣ съ женою*; въ-третьихъ, по причинѣ жестокаго обхожденія одного изъ супруговъ съ другимъ и, въ-четвертыхъ, вслѣдствіе присужденія одного изъ нихъ къ позорному наказанію. Въ 1816 г. расторженіе брака было вовсе запрещено, но послѣ іюльской революціи снова дозволено по наполеоновскому кодексу. Англійское законодательство до сихъ поръ еще враждебно относится къ расторжимости брака. И вообще брачные законы всей цивилизованной Европы до сихъ поръ сохраняютъ еще древній варварскій характеръ, хотя смягченіе нравовъ и даетъ возможность оставлять такіе законы въ бездѣйствіи. Англичанинъ имѣетъ право вывести свою жену на базаръ и продать ее. Жена, по англійскимъ законамъ, невольница мужа; она не имѣетъ собственности, не можетъ заключать договоровъ; все, что ни пріобрѣтаетъ она въ бракѣ, принадлежитъ мужу вмѣстѣ съ ея приданымъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, лордомъ Бругамомъ былъ внесенъ въ парламентъ билль объ отмѣнѣ этого закона и представлена о томъ же петиція отъ множества графовъ, лордовъ, писателей и извѣстныхъ женщинъ. Билль отвергнутъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что англійская практика выработала извѣстныя фикціонныя уловки, посредствомъ которыхъ жены могутъ сохранять за собою свое отдѣльное имущество, полученное ими въ приданое. Возмутительнѣе всего положеніе женщины по французскому законодательству. Относительно налоговъ, штрафовъ, тюремнаго заключенія, смертной казни она равна мужчинѣ; уголовный кодексъ признаетъ ее совершеннолѣтнею, а гражданскій—несовершеннолѣтнею, опекаемою личностью! Мужъ—полный владыка семейства, опекунъ жены и собственникъ ея имущества. Жена не можетъ ни покупать, ни продавать, ни дарить, ни принимать подарковъ, ни входить въ обязательства, ни приниматься за какое бы то ни было занятіе, ни приносить жалобы безъ дозволенія мужа. При его жизни она не имѣетъ власти надъ своими дѣтьми. «Опекунами и членами семейнаго совѣта не могутъ быть малолѣтніе, лишенные правъ, осужденные на позорное наказаніе и женщины». Смерть мужа дѣлаетъ его вдову главою семейства и правоспособною личностью. Прусское законодательство считаетъ незамужнихъ женщинъ относительно заключенія договоровъ равными мужчинамъ. Онѣ могутъ быть поручительницами, а матери и бабки—опекуншами. Австрійское право признаетъ оба пола равными въ частно-юридическихъ отношеніяхъ, только не допускаетъ женщинъ до опекунства и до свидѣтельства при завѣщаніяхъ. Вообще же въ

европейскихъ законодательствахъ о бракѣ и семейномъ положеніи женщины безпорядочно перемѣшаны между собою постановленія совершенно варварскія съ новыми, явившимися результатомъ стремленій къ уравненію половъ.

Мужъ—владыка жены, говорятъ европейскія законодательства, и большинство мужей дѣйствительно ведетъ себя, какъ подобаетъ деспотамъ. Въ низшихъ классахъ мужчины до сихъ поръ третируютъ женщину, какъ животное; сколько оскорбленій, брани, побоевъ, увѣчій выноситъ на своихъ многострадальныхъ плечахъ эта рабыня рабовъ, обезсмысленныхъ бѣдностью! Въ высшихъ и среднихъ классахъ гораздо меньше подобныхъ жестокостей, но зато и здѣсь сколько произвола, униженія, самодурства, деспотизма! Въ самыхъ высокообразованныхъ странахъ, въ Англіи и Франціи, мужъ можетъ совершенно безнаказанно промотать все имѣніе жены, истрачивать на свои прихоти всѣ ея доходы, держать ее при себѣ какъ невольницу; здѣсь до сихъ поръ мужья сохранили за собой возможность отдѣлываться отъ жены, заключая ее, только не въ монастырь, какъ бывало въ старину, а въ сумасшедшій домъ! Бракъ, въ большинствѣ случаевъ, есть не что иное, какъ коммерческая сдѣлка. Мужчина беретъ собственно деньги, а жену въ придачу. «Во Франціи около 3.000.000 женщинъ живетъ трудами или доходами своихъ мужей; *гораздо большее число мужчинъ* живетъ приданымъ или наслѣдствомъ своихъ женъ». (Daubié). Разореніе женъ мужьями сдѣлалось самымъ обыкновеннымъ явленіемъ *). Кромѣ богатства, бракъ сплошь и рядомъ доставляетъ мужчинѣ карьеру, протекцію, положеніе въ обществѣ. Наконецъ, большинство невѣстъ доживаетъ до свадьбы не зная мужчинъ, а изъ послѣднихъ, можно сказать, ни одинъ не удерживаетъ своихъ инстинктовъ до брака, въ который онъ вступаетъ нерѣдко только ради наслажденія чистотою и свѣжестью жены. Во Франціи—да не въ одной Франціи—браки сплошь и рядомъ заключаются мужчинами по одному лишь этому побужденію.

Женщины, лишенныя образованія и правъ, оттѣсненныя отъ производительнаго труда, испорченныя воспитаніемъ, не могутъ вести самостоятельной жизни,—бракъ для нихъ неизбѣжная необходимость, подчиниться которой ихъ заставляетъ весь строй общественной жизни. И вотъ весь смыслъ, все чувство женщины устремляется на ловлю жениховъ, на брачную карьеру, на пріисканіе выгоднаго жениха. Со стороны невѣсты здѣсь тотъ же коммерческій расчетъ, какъ и со стороны жениха. Такіе браки по расчету естественно водворяютъ въ домѣ адъ, — отвратительную жизнь, переполненную ссорами, взаимнымъ отвращеніемъ супруговъ, развратничаньемъ и лицемѣріемъ одного изъ нихъ или обоихъ, интригами, угнетеніемъ, преступленіями... Впрочемъ, все это хорошо извѣстно читательницѣ, и мы перейдемъ теперь къ общественному положенію женщины.

Паденіе феодализма съ его привилегіями и развитіе различныхъ отраслей труда вели за собой то обстоятельство, что множество мужчинъ, прежде праздныхъ, жившихъ на счетъ народа, вынуждено было теперь обратиться къ государственной службѣ, къ занятіямъ промышленнымъ, научнымъ и литературнымъ. Женщины были устранены отъ всѣхъ этихъ отраслей дѣятельности. «Прогрессъ нашего времени—писала нѣсколько лѣтъ назадъ ліонская академія — вмѣсто того, чтобы улучшить печальное положеніе женщинъ, старался, повидимому, только ухудшить его, ежедневно отнимая у женщинъ тѣ занятія и труды, которые прежде были ихъ неотъемлемымъ достояніемъ. Это постепенное отнятіе у женщины ея правъ, это постоянно возрастающее угнетеніе ея, столь противное справедливости и человѣческому достоинству, породило множество физическихъ и нравственныхъ золъ, которыя съ каждымъ днемъ обнаруживаются теперь все яснѣе и яснѣе». Еще въ 1817 г. Моршанжи горько жаловался, что «въ нашъ неблагодарный и эгоистическій вѣкъ за женщинами не хотятъ признавать никакихъ правъ. Согнаннымъ съ трона, отстраненнымъ отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, признаннымъ неспособными къ общественнымъ должностямъ, имъ дозволяютъ только продавать лотерейные билеты да торговать гербовой бумагой и табакомъ. Вотъ все, что считаютъ возможнымъ поручить имъ; вотъ мѣра ихъ способностей; вотъ до чего умалились ихъ права!» Имъ нѣтъ мѣста ни на студенческой скамьѣ, ни на профессорской каѳедрѣ; правительства употребили всѣ усилія, чтобы удалить ихъ даже отъ самыхъ незначительныхъ должностей. При Людовикѣ-Филиппѣ было постановлено, что «женщины не должны быть назначаемы на мѣста почтмейстеровъ въ главные города округовъ, а также въ тѣ города и селенія, гдѣ засѣдаетъ судъ первой инстанціи или коммерческій судъ». Подтвердивъ это постановленіе, правительство Наполеона III запретило давать женщинамъ мѣста съ окладомъ выше 1,000 франковъ; большинство почтмейстершъ получаетъ теперь отъ 250 до 350 франковъ, т.-е. $62^1/_2$—$87^1/_2$ руб. въ годъ. Чтобы еще болѣе затруднить женщинамъ доступъ къ службѣ, законъ постановилъ принимать въ почтовое вѣдомство только женщинъ не моложе 25 лѣтъ и не старше 35 лѣтъ, а ихъ мужья не должны заниматься при этомъ ни государственною службою, ни торговлею, ни какимъ бы то ни было ремесломъ! Въ XVIII в. множество женщинъ служило сборщицами косвенныхъ налоговъ; но въ 1815 г. на 350 сборщиковъ приходилось уже 30 женщинъ, а въ 1840 г. только 3. Мѣста хранителей и продавцовъ гербовой бумаги также почти всѣ отняты у женщинъ и занимаются

*) Когда г-жа Одуаръ недавно высказала это въ своей публичной лекціи, читанной въ Парижѣ, слушатели мужчины запротестовали, крича, что, напротивъ, всѣ они разорены женщинами (femmes). «Да, господа,—отвѣчала имъ Одуаръ,—извѣстнаго сорта мужья дѣйствительно разоряются женщинами, но только не своими женами» (sont ruinés par des femmes, mais pas par leurs femmes).

отставными военными; за женщинами оставлены лишь мѣста съ окладомъ въ 30 или 40 франковъ въ годъ. При складахъ гербовой бумаги на однѣхъ и тѣхъ же должностяхъ мужчина получаетъ отъ 1,000 до 1,700 франковъ, а женщина никакъ не болѣе 1,000. Въ императорской типографіи мужчина зарабатываетъ въ день 4—6, а женщина 2—$2^1/_2$ фр. Заболѣвшій рабочій получаетъ въ день пособія $1^1/_2$ фр., а работница только 80 сантимовъ. Чтобы отстранить женщинъ отъ должностей библіотекарей, архиваріусовъ и ихъ помощниковъ, постановлено опредѣлять на эти должности только лицъ, прослужившихъ трехгодичный курсъ въ École des Chartes, доступъ въ которую запрещенъ женщинамъ, или получившимъ степень баккалавра словесныхъ наукъ, степень, къ пріобрѣтенію которой женщины также не допускаются. Остальная Европа относится къ общественной дѣятельности женщинъ не менѣе враждебно, чѣмъ и французское общество. Въ германской общинѣ женщина несетъ всѣ обязанности и не имѣетъ права участвовать въ выборахъ и собраніяхъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напр., въ Баваріи, ей запрещено принадлежать къ политическимъ обществамъ, а законодательство Германскаго союза не дозволяетъ ей даже писать въ политическихъ газетахъ! Въ Саксоніи, Баваріи, Дармштадтѣ, Виртембергѣ, Баденѣ, Великомъ Герцогствѣ Гессенѣ, въ Ганноверѣ, въ Куррессенѣ, Нассау до 1848 г. женщинамъ запрещалось присутствіе на парламентскихъ, земскихъ и другихъ публичныхъ политическихъ собраніяхъ.

Еще во время революціи начала подниматься реакція, стремившаяся подавить или ограничить женское образованіе. Въ началѣ XIX в. эта реакція вошла въ полную свою силу. До чего доходило безуміе реакціонеровъ — можно видѣть изъ книги пламеннаго сторонника принциповъ революціи, Пьера Сильвена Марешала (1803 г.),— книги, носящей заглавіе: «*Женщины не должны быть грамотными, или проэктъ закона, воспрещающаго женщинамъ учиться читать*». Всѣ семейныя добродѣтели женщины, говоритъ авторъ, могутъ процвѣтать и безъ образованія; женскому полу природой назначено быть пассивнымъ и жить исключительно для семейства; къ чему же тутъ образованіе? Грамотная дѣвушка будетъ развращаться чтеніемъ романовъ и войдетъ въ любовную переписку! «Обыкновенно, чѣмъ женщина становится образованнѣе, тѣмъ болѣе лишается она своей граціи и *тѣмъ болѣе падаетъ нравственно*». «Женщина имѣетъ слишкомъ много занятій по хозяйству, и у ней нѣтъ лишняго времени, которое она могла бы тратить на чтеніе и письмо!» «Въ семействѣ, въ которомъ жена знаетъ столько же, сколько мужъ, или даже болѣе, происходятъ постоянные скандалы и раздоры». Приведши множество подобныхъ основаній, Марешаль дѣлаетъ выводы, въ родѣ слѣдующихъ: «§ 1. Разумѣ требуетъ, чтобы женщины никогда не совали носа въ книгу (ne mettent jamais le nez dans un livre), никогда не брали пера въ руки». «§ 7. Разумъ требуетъ запрещенія женщинамъ учиться читать, писать, печатать, гравировать, литографировать и т. д. Когда онѣ хоть немного умѣютъ дѣлать что-нибудь подобное, то отъ этого терпитъ ущербъ ихъ хозяйство». «§ 12. Мужья должны быть единственными книгами для своихъ женъ». Подобная ерунда высказывалась не однимъ Марешалемъ, а почти всѣми реакціонерами, хотя требованія ихъ не всегда доходили до такой крайности. Ученую женщину стали звать не иначе, какъ браннымъ названіемъ *синяго чулка*. Женщину снова старались превратить въ постельную куклу. «*Женщина должна учиться только, какъ угождать своему мужу и исполнять ньюжныя обязанности, налагаемыя на нее природой*», говоритъ книга «L'art de rendre les femmes fidèles». Никакого характера, никакой самодѣятельности реакціонеры не допускаютъ въ женщинѣ. «Застѣнчивость должна быть отличительнымъ свойствомъ женщинъ, она гарантируетъ ихъ добродѣтели». (M-me de Lambert). Не только образованіе, даже природный умъ излишенъ для женщины. «Умному человѣку въ женѣ необходимо только одно чувство—двухъ умовъ слишкомъ ужъ много для одного дома!» (Bonald). «Женщина тѣмъ выше, чѣмъ больше народила она ребятъ», по мнѣнію Наполеона. Самые либеральные изъ реакціонеровъ соглашались только на то мишурное образованіе, какое нынѣ получаетъ большинство европейскихъ барынь, употребляя его въ видѣ приправы къ своимъ половымъ прелестямъ. Противъ солиднаго женскаго образованія приняты были строгія мѣры. Женщины изгнаны изъ университетовъ. Имъ поставлены были всевозможныя препятствія, чтобы устранить ихъ отъ учительской профессіи. Въ 1820 г., напр., парижскій университетъ установилъ строжайшія испытанія для начальницъ и учительницъ пансіоновъ, изслѣдуя не только степень ихъ знаній, не только ихъ частную жизнь, но даже «нравъ, поведеніе и принципы ихъ мужей». Школы для взрослыхъ во Франціи долго были общими для обоихъ половъ, но женщинамъ, наконецъ, запретили посѣщать ихъ, не замѣнивъ ихъ другими. Съ заключеніемъ конкордатовъ, съ возстановленіемъ монастырей женское образованіе въ католическихъ странахъ снова перешло въ руки духовенства, и большинство женщинъ, фанатизированное и развращенное патерами, снова превратилось въ клику служительницъ суевѣрія и тупоумнаго консерватизма. Успѣшнѣе всего это отупленіе женщины, о которомъ такъ стараются всѣ темныя силы цивилизованныхъ обществъ, совершилось и поддерживается въ Южной Америкѣ, въ этой странѣ патеровъ, рабовладѣльцевъ и грубой солдатчины. Женщину здѣсь учатъ почти только одному чтенію и письму. Домашняя жизнь ея крайне однообразна, каждый шагъ обстановленъ ревнивымъ надзоромъ. Многіе бразильянцы, отправляясь въ путешествіе, запираютъ своихъ женъ и дочерей въ монастырь для сохраненія ихъ половой чистоты. Если бразильянецъ хочетъ взять

наложницу и жена мѣшаетъ ему въ этомъ, то онъ отправляетъ ее съ полицейскимъ чиновникомъ въ монастырь, внося плату за ея содержаніе. Немудрено, что женщины здѣсь тупы и невѣжественны до крайности; онѣ ничѣмъ не выше гаремныхъ затворницъ Востока. «Домашняя жизнь женщины такъ же безцвѣтна, какъ и жизнь монахини. Она проводитъ день за днемъ, не выходя изъ своихъ четырехъ стѣнъ, даже не смотря на улицу въ окно или двери и оставаясь постоянно въ небрежномъ дезабилье. Міръ книгъ совершенно закрытъ для нея, и она находится въ полномъ невѣжествѣ относительно всего, что выходитъ за предѣлы ея тѣснаго домашняго круга» (Agassiz). Отупленная до послѣдней степени, женщина здѣсь не только безпрекословно носитъ цѣпи своего рабства, но готова даже защищать права своихъ тирановъ. Чуди былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Одинъ боливіецъ немилосердно билъ свою жену на площади Лимы; стоявшій по близости мулатъ вступился за нее; но она бросилась на своего освободителя и исцарапала ему лицо, восклицая: «не зачѣмъ тебѣ мѣшаться въ мои дѣла, я принадлежу своему мужу, и онъ дѣлаетъ со мной, что хочетъ!»

Въ Испаніи, Португаліи, Италіи образованіе и воспитаніе женщинъ до послѣдняго времени стояли на той же низкой ступени, какъ и въ Южной Америкѣ. Даже во Франціи, въ передовой Франціи, эпоха реакціи дѣйствовала такъ успѣшно по средствомъ поповъ и монастырей, что милліоны женщинъ, получивъ монастырское воспитаніе, всецѣло поработившее ихъ католицизму, сдѣлались положительно вредными и для общественнаго развитія вообще, и для дѣла женскаго освобожденія въ частности. Реакція женскому образованію принесла немалую пользу всѣмъ ея творцамъ и поборникамъ. Невѣжество служитъ самыми крѣпкими основами для удержанія женщины въ рабствѣ. «Скифы — пишетъ Даніель Стернъ — вырывали глаза своимъ рабамъ, чтобы они ничѣмъ не развлекались при работѣ. Есть также люди, которые выкалываютъ глаза соловью, чтобы онъ лучше пѣлъ. Не подобная ли идея лежитъ и въ основѣ того образованія, которое дается женщинамъ? Боятся того, что если не ослѣпятъ ихъ разума, то онѣ не будутъ хорошими хозяйками или пріятными болтуньями».

Реакція женскому образованію вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности и машиннаго производства нанесла роковой ударъ женщинѣ народныхъ массъ и трудящагося средняго класса. Пониженіе задѣльной платы мужчины до минимума, достаточнаго только для поддержанія его жизни, разрушило семейство работника, заставивъ его жену и дѣтей идти на фабрики и заработывать тамъ кусокъ хлѣба. Улучшивъ и ускоривъ производство, машины произвели уменьшеніе спроса на женскія рабочія руки и вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіе задѣльной платы женщинъ, между тѣмъ какъ предложеніе женскаго труда не только не осталось въ прежнихъ размѣрахъ, но даже увеличилось. Мужчины, машины, мастерскія тюремъ и монастырей отняли у женщинъ множество такихъ ремеслъ, благодаря которымъ онѣ жили прежде, если не въ довольствѣ, то, во всякомъ разѣ, не подвергаясь опасности голодной смерти. Мастерства швейное, портняжное, парикмахерское и множество другихъ постепенно захватывались мужчинами, и задѣльная плата женщины, вслѣдствіе убійственной для нея конкуренціи съ мужчинами, упала наконецъ до $^1/_2$ и даже до $^1/_3$ мужской задѣльной платы. Причина этого явленія лежитъ, главнымъ образомъ, въ невѣжествѣ женщинъ, въ недостаточной подготовкѣ ихъ къ промышленному труду. «Мужчины — говоритъ Виргинія Пенни — начинаютъ учиться тому или другому занятію очень рано. Женщины же большею частію прибѣгаютъ къ нему уже вслѣдствіе необходимости и не имѣютъ времени ея достаточной подготовкѣ». Въ Парижѣ, на фабрикахъ химическихъ зажигательныхъ спичекъ нѣтъ ни одной грамотной работницы. На перчаточныхъ фабрикахъ работникъ получаетъ отъ 3 до 10 франковъ, а работница отъ 1 до 4. Низкость платы работницъ зависитъ отъ ихъ неприготовленности къ дѣлу, благодаря которой онѣ неспособны ни кроить перчатокъ, ни скоблить ихъ, и ограничиваются только ролью швей. Въ типографіяхъ и литографіяхъ мужчины получаютъ отъ $2^1/_2$ до 12 фр., а женщины — благодаря «низкой степени своихъ знаній, необходимыхъ для выполненія различныхъ спеціальностей этой профессіи, только отъ $1^1/_2$ до 6 франк. Недоступность для женщинъ школъ рисованія ведетъ за собой тотъ результатъ, что вся важная отрасль промышленнаго рисованія монополизирована мужчинами. Тотъ же недостатокъ образованія мѣшаетъ женщинамъ заниматься фотографіей наравнѣ съ мужчинами; во Франціи въ громадномъ большинствѣ фотографій работаютъ одни мужчины. Акушерки, не имѣющія права изучать медицину, убиваются конкуренціей акушеровъ-медиковъ. Еще болѣе страдаютъ учительницы, конкурирующія съ болѣе образованными, чѣмъ онѣ, учителями. «Словомъ, достаточно одного взгляда на наше экономическое положеніе, чтобы убѣдиться, что малообразованность женскаго труда есть естественный результатъ низкаго уровня женскаго образованія... Анализъ различныхъ родовъ промышленности достаточно доказываетъ, что женщина не имѣетъ спеціальныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для надлежащаго отправленія своей профессіи, сплошь и рядомъ она даже не умѣетъ ни читать, ни писать... На нашихъ провинціальныхъ мануфактурахъ превращенная въ машину работница не умѣетъ ни заштопать чулка, ни починить платья, ни разсчитать своего бюджета, ни приготовить пищи, — она незнакома съ тысячью этихъ полезныхъ и производительныхъ занятій, которыя нѣкогда были принадлежностью каждой хозяйки и матери семейства» (Daubié). Такимъ образомъ женская задѣльная плата упала до самой ничтожной суммы. Въ Англіи, напр., швея получаетъ въ день за 16—18 часовъ работы около 20 к.; за шитье рубашки 7 к.; во Франціи — 1 франкъ;

въ Германіи чулочная вязальщица зарабатываетъ въ день отъ 5 до 7½ к., а кружевница—1½ к.; на французскихъ шелковыхъ, льняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ женщина получаетъ въ день отъ 15 до 40 к.; въ Діеппѣ кружевница за 15 часовъ работы—не болѣе 6½ к. и т. д. На фабрикахъ, платя женщинѣ вдвое меньше, чѣмъ мужчинѣ, даютъ ей работу, которая даже тяжелѣе мужской. «Когда мужчины и женщины работаютъ вмѣстѣ въ одномъ заведеніи, то женщинамъ никогда не даютъ самой легкой, наименѣе вредной для здоровья и наиболѣе пріятной работы. Намъ стоитъ только указать на фабрики хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ издѣлій, на металлическіе заводы, на каменноугольныя копи; нѣтъ, женщинамъ достается самая тяжелая, скаредно-оплачиваемая и нездоровая работа. Ломовой трудъ и нищенская подачка—вотъ на что обречены работницы». (Virginia Penny). Низкость задѣльной платы женщины во всѣхъ отрасляхъ промышленности и множество женщинъ, остающихся безъ работы, ведутъ къ тому, что женская плата гораздо ниже мужской даже въ тѣхъ занятіяхъ, въ которыхъ трудъ мужчины и женщины совершенно равносильны и равнозначительны. Такъ, въ американскихъ кухмистерскихъ и трактирахъ прислужницы получаютъ отъ 6 до 10 долларовъ въ мѣсяцъ, а мужчины за ту же самую работу, которую они выполняютъ ничѣмъ не лучше женщинъ,—отъ 10 до 20 долларовъ*). Женская прислуга, которой вездѣ больше, во Франціи, напр., втрое больше, чѣмъ мужской, находится, сравнительно съ послѣдней, также въ самомъ плачевномъ положеніи. Во многихъ отношеніяхъ участь современной служанки гораздо хуже, чѣмъ древней рабыни. Въ Аѳинахъ, напр., рабы носили то же платье, какъ и господа, законъ запрещалъ бить ихъ, отъ жестокихъ господъ они могли бѣжать и находили убѣжище въ тезеевомъ храмѣ; въ Римѣ наложницы-рабыни и ихъ дѣти всегда содержались господами, жившими съ ними въ связи; по словамъ Цицерона, трудолюбивый и искусный рабъ въ продолженіе шести лѣтъ могъ скопить сумму, достаточную для выкупа на свободу, и завести самостоятельное хозяйство; римляне даже заботились объ образованіи своихъ рабовъ. Взгляните теперь на современную служанку. Цѣлую жизнь, пока хватаетъ силъ, она работаетъ на господъ, отказываясь совершенно отъ собственной воли, ея обязанность—угождать; она несетъ на себѣ всѣ физическія и нравственныя тяжести лакейской службы и, кромѣ того, подвергается еще такимъ ударамъ судьбы, отъ которыхъ вовсе избавленъ слуга-мужчина. Вспомните, что самая значительная часть проститутокъ и дѣтоубійцъ принадлежитъ къ служанкамъ, которыя соблазнены и затѣмъ прогнаны своими господами. Въ Парижѣ болѣе половины женщинъ, поступающихъ въ родильные дома, тоже изъ служанокъ, большинство которыхъ соблазнено хозяевами. Большая часть подкинутыхъ дѣтей принадлежитъ тому же классу женщинъ. Служанка это та же поденщица, которая ежедневно можетъ лишиться мѣста и подвергнуться опасности голодной смерти.

Женщина, такимъ образомъ, сдѣлалась нищею и вмѣстѣ паразитомъ, живущимъ на излишекъ задѣльной платы своего отца, мужа, любовника, сына. При этомъ женщины гораздо менѣе мужчины пользуются общественною благотворительностью. Во Франціи, при іюльской монархіи, женщины были исключены изъ обществъ взаимнаго вспоможенія. Изъ монтіоновскихъ пожертвованій для выздоравливающихъ бѣдняковъ мужчины получали въ годъ 253 фр., а женщины—195 фр. Въ заведеніи для глухонѣмыхъ мальчиковъ принимается втрое больше, чѣмъ дѣвочекъ; въ школы для слѣпыхъ—также вдвое больше первыхъ, чѣмъ послѣднихъ, между тѣмъ какъ бѣдныя слѣпыя дѣвушки берутся за проституцію, чтобы не умереть съ голода. Женщина вынуждена добывать посредствомъ разврата и воровства то, въ чемъ отказываетъ ей трудъ. Усиленіе нищеты ведетъ за собой усиленіе проституціи, дѣтоубійства и преступленій противъ собственности. Пролетаріатъ разрушаетъ всѣ слои общества. Между рабочими браковъ заключается всего менѣе. Они чувствуютъ даже отвращеніе къ продолжительнымъ связямъ съ любовницами и стараются мѣнять ихъ какъ можно чаще. Водворяется общность женщинъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Семейства и семейной жизни вовсе нѣтъ. Дѣти, едва начавшія ходить и лепетать, уже работаютъ на фабрикахъ, и если сходятся со своими родителями, то только на ночь. Поколѣнія вырастаютъ, не зная вовсе ни родственной любви, ни другихъ семейныхъ чувствованій. И такое воспитаніе народныхъ массъ въ анти-семейномъ духѣ началось давно. Въ Англіи въ XVII в. обычай прежде-временнаго употребленія дѣтей въ работу господствовалъ уже въ громадныхъ размѣрахъ. Въ Норичѣ, главномъ мѣстѣ суконнаго производства, шестилѣтнія малютки считались уже годными къ работѣ. Въ одномъ этомъ городѣ мальчики и дѣвочки самаго нѣжнаго возраста создавали ежегодно богатство, превышавшее на 12,000 фун. сумму, стерлинговъ необходимую для собственнаго ихъ пропитанія. Въ настоящее время всѣ дѣти пролетаріевъ въ первой же молодости принимаются за тяжкій трудъ, истощаясь и развращаясь, прежде чѣмъ достигнутъ зрѣлаго возраста. «Тѣлосложеніе рабочихъ—говоритъ докторъ Мичель—становится слабѣе и слабѣе; поколѣнія постоянно приближаются къ росту лилипутовъ,

*) Почти всѣ экономисты говорятъ, что рабочая плата опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Но въ очень многихъ случаяхъ это отношеніе вовсе не вліяетъ на плату, и она опредѣляется, по выраженію Торнтона, «молчаливой» (tacitum) стачкой нанимателей, какъ, напр., въ приведенныхъ случаяхъ или въ слѣдующемъ, о которомъ разсказываетъ «Петербургскій Листокъ». Въ одной петербургской редакціи смѣнился корректоръ, получавшій въ мѣсяцъ 50 руб. На его мѣсто просится дама, которую самъ редакторъ, по надлежащемъ испытаніи, признаетъ болѣе способною къ этому занятію, чѣмъ прежній корректоръ, но 50 рублей ей все-таки не даетъ на томъ основаніи, что *она женщина*. Редакторъ *хорошо* знаетъ, что женщинѣ, будь она хоть семи пядей во лбу, никто изъ нанимателей не дастъ столько же, сколько мужчинѣ, и, пользуясь выгодами этой молчаливой стачки, радъ былъ случаю пріобрѣсть превосходнаго корректора по цѣнѣ ниже обыкновенной.

старики ихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ молодые люди». И это вырожденіе человѣческой природы, это разрушеніе семьи современною промышленностью неизбѣжно при существующемъ соціально-экономическомъ строѣ. Безъ труда женщинъ и дѣтей семья рабочаго не можетъ существовать, она умретъ съ голода; трудъ же, при настоящихъ отношеніяхъ его къ капиталу, окончательно разрушаетъ семейство и вырываетъ съ корнемъ семейныя идеи и чувства. Это отрицаніе семейства, какъ извѣстно, возведено даже въ доктрину многими экономистами, доказывающими, что бѣднякамъ необходимо воспретить бракъ и рожденіе дѣтей. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напр., въ Виртембергѣ и Баденѣ, для вступленія въ бракъ былъ въ 30-хъ годахъ установленъ цензъ. Въ то же время Вейнгольдъ представилъ подробный проектъ, чтобы каждаго юношу, достигшаго 14 лѣтъ, инфибулировать извѣстнымъ образомъ и снимать инфибуляцію не прежде, чѣмъ онъ пріобрѣтетъ достаточныя средства для содержанія жены или любовницы и дѣтей!

Это разложеніе семейства и патріархальнаго быта не ограничивается однимъ рабочимъ классомъ, оно совершается и въ главномъ сѣдалищѣ патріархальности—въ крестьянствѣ. Здѣсь развивается пролетаріатъ земледѣльческій, который, вмѣстѣ съ вліяніемъ городовъ, фабрикъ, солдатъ, болѣе и болѣе искореняетъ въ деревняхъ патріархальные нравы и обычаи, отрываетъ у семейства его домочадцевъ, разбрасываетъ ихъ далеко отъ родительскаго очага, уменьшаетъ браки и до безобразія усиливаетъ развратъ. Въ высшихъ и среднихъ классахъ общества разнообразные факторы, о которыхъ мы уже говорили выше, также постепенно измѣняютъ старинное семейство. Современное семейство—вовсе уже не то, какимъ оно было у европейскихъ варваровъ, даже не то, какимъ оно было лѣтъ двѣсти назадъ.

Объемъ семьи постепенно съуживается. Въ древнемъ обществѣ къ семейству принадлежали не только всѣ кровные родственники, но и всѣ лица, состоявшія подъ властью домовладыки; рабы и слуги были также домочадцами; часто, не имѣя сами семейства, они были связаны тѣсными узами съ той семьей, которой служили; а если они сами были семьянинами, то подчинялись хозяину-домовладыкѣ тѣмъ же порядкомъ, какой существуетъ въ этомъ случаѣ въ чисто патріархальныхъ обществахъ. Въ изолированныхъ крестьянскихъ общинахъ Германіи работники до сихъ поръ называютъ хозяина «батюшкой», а хозяйку «матушкой». Въ старинномъ сельскомъ и городскомъ бытѣ прислуга очень рѣдко перемѣнялась, сплошь и рядомъ она служила пожизненно, привыкая къ хозяевамъ, какъ къ роднымъ, обѣдая съ ними за однимъ столомъ, участвуя въ общихъ семейныхъ молитвахъ, усвоивая себѣ общіе семейные интересы и наклонности. Образцы такой прислуги можно видѣть до сихъ поръ въ разныхъ россійскихъ захолустьяхъ, не сильно еще тронутыхъ современной цивилизаціей, а въ недавнія времена крѣпостного права ее можно было встрѣтить на каждомъ шагу. Одинаковое положеніе съ прислугой занимали въ старинномъ ремесленномъ семействѣ ученики и подмастерья; мастеръ былъ отцомъ, а они домочадцами. Въ настоящее время характеръ этихъ отношеній совершенно измѣнился; слуги и служанки превратились во временныхъ наемниковъ и изъ домочадцевъ сдѣлались лакеями. Въ Америкѣ прислугу обыкновенно нанимаютъ не болѣе, какъ на мѣсяцъ, по истеченіи котораго заключается снова наемный договоръ. Съ семействомъ хозяевъ у современной прислуги нѣтъ ничего общаго, и постоянно возрастающія жалобы на ея испорченность свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ антагонизмѣ между нею и хозяевами.

Въ древнемъ обществѣ семейство обнимало всѣхъ кровныхъ родственниковъ, на какихъ бы отдаленныхъ ступеняхъ родства они ни стояли. До папы Иннокентія III во всей западной Европѣ седьмая степень родства считалась до того близкою, что служила даже препятствіемъ къ браку. Нетронутый цивилизаціей крестьянинъ до сихъ поръ уважаетъ такія отдаленныя степени родства, даже названія которыхъ сплошь и рядомъ неизвѣстны цивилизованному горожанину. Независимо отъ этого, въ архаическомъ семействѣ считаются близкими родственниками не только кумовья, но даже иногда однофамильцы; сосѣди всегда стоятъ также въ чисто родственныхъ отношеніяхъ между собою. Къ такому семейству принадлежатъ еще люди одинокіе, неимущіе, изъ родни и изъ чужихъ,—разные паразиты и приживалки, которыхъ такъ много, напр., у нашихъ богачей стариннаго покроя. Въ новѣйшемъ семействѣ этихъ приживалокъ уже вовсе нѣтъ, онѣ удержались только въ однихъ аристократическихъ семействахъ подъ облагороженнымъ названіемъ компаньонокъ. Сосѣди и кумовья не принимаютъ уже никакого участія въ чужой семейной жизни. Отдаленные родственники не имѣютъ уже никакой взаимности между собой и большею частію даже теряютъ другъ друга изъ вида, позабывая о тѣхъ своихъ отношеніяхъ, которыя прежде постоянно сводили людей у одного и того же очага. Даже братья и сестры, родители и ихъ дѣти составляютъ одно семейство только до совершеннолѣтія послѣднихъ, съ наступленіемъ котораго родительскій домъ пустѣетъ: одни изъ дѣтей обзаводятся собственною семьей, а другіе начинаютъ холостую самостоятельную жизнь. Чрезвычайное развитіе разныхъ видовъ частной дѣятельности, постепенное усиленіе и улучшеніе средствъ сообщенія, постоянное передвиженіе людей по всему земному шару, лихорадочная, непосидчивая дѣятельность, развитіе индивидуализма—все это дѣлаетъ болѣе и болѣе невозможными семейства, которыми такъ увлекаются археофилы и въ которыхъ за однимъ столомъ обѣдаютъ родители со своими дѣтьми, внуками, правнуками, дядями и племянниками. Въ настоящее время болѣе и болѣе исчезаетъ даже тотъ обычай, въ силу котораго въ старину престарѣлые родители поселялись обыкновенно до смерти въ семействѣ дѣтей своихъ.

Старинное семейство жило общею патріархаль-

ною жизнію подъ деспотическою властью домовласыки, который былъ единственнымъ повелителемъ домочадцевъ и ихъ представителемъ передъ закономъ. Въ настоящее время государство сильно ограничило власть отца, сдѣлавъ его только опекуномъ дѣтей. Теорія договора и свободы личности прилагается теперь и къ семейнымъ отношеніямъ. Ребенокъ принадлежитъ уже не семейству и не отцу, а обществу, взрослый сынъ такой же самостоятельный гражданинъ, какъ и его отецъ. Единицею древняго общества была семья, единицею же современнаго общества служитъ лицо. Институтъ семейнаго имущества болѣе и болѣе падаетъ, и состояніе дѣлится между домочадцами. Отвѣтственность родственниковъ другъ за друга теперь уже немыслима. Древнее право отца проклинать и изгонять дѣтей, жестоко наказывать ихъ, силою женить и выдавать замужъ, лишать наслѣдства,— это право необузданнаго деспота имѣетъ нынѣ враговъ и въ законѣ, и въ общественномъ мнѣніи. Окончательное образованіе дѣтей, формирующее ихъ убѣжденія и характеръ мысли, не принадлежитъ уже болѣе семейству, какъ въ старинномъ обществѣ, въ которомъ ребенокъ съ колыбели до врѣлаго возраста пропитывался патріархальною рутиною и въ свою очередь передавалъ ее собственнымъ дѣтямъ. Въ старину дѣтей воспитывали въ семействѣ, въ своемъ или чужомъ; принцы и дворяне проводили свое дѣтство въ чужихъ благородныхъ семействахъ; искусству, ремеслу, торговлѣ, наукамъ дѣти и взрослые учились у наставниковъ, въ семействахъ которыхъ они большею частію и жили; теперь образованіе получается въ общественныхъ заведеніяхъ, люди достаточные стараются какъ можно скорѣе сдать своихъ дѣтей на руки гувернерамъ и учителямъ. Цивилизованныя женщины не занимаются не только воспитаніемъ, но даже первоначальнымъ питаніемъ своего семейства, и ребенокъ часто имѣетъ большую привязанность къ кормилицѣ, чѣмъ къ матери. Древній идеалъ чадородія и хозяйственности отрицается современною женщиною, которая въ большинствѣ случаевъ думаетъ только о наслажденіяхъ, играя роль содержанки мужа и его постельной куклы. При такомъ характерѣ матери, при отсутствіи вліяній отца, дѣла котораго совершенно отдаляютъ его отъ семейства, при общественномъ воспитаніи современныя поколѣнія вырастаютъ совершенно чуждыми старинной семейной морали и патріархальныхъ чувствованій. Они являются прежде всего индивидуумами, потомъ членами общества, а съ семействомъ уже не имѣютъ никакой неразрывной связи, ни моральной, ни юридической.

Старинное семейство имѣло свои фамильныя традиціи, свое богослуженіе, свои семейные праздники, на которые собирались въ извѣстное время всѣ родственники. Современный индивидуализмъ погубилъ всѣ эти проявленія патріархальныхъ чувствъ, служившія для поддержанія послѣднихъ. Обычай веденія семейныхъ хроникъ уже не существуетъ. Предметы, напоминающіе собою о жизни предковъ, ихъ мебель, книги, работы и т. п., уже не сохраняются потомками съ такою рачительностью и съ такимъ благоговѣніемъ, какъ прежде. Теперь, напр., дѣдовская или прадѣдовская мебель считается уже никуда негодною; а лѣтъ сто назадъ въ Германіи невѣста обыкновенно приносила съ собою въ приданое нѣсколько штукъ старинной фамильной мебели. Богослуженія, общаго для всѣхъ домочадцевъ и прислуги и совершаемаго отцомъ семейства по наслѣдственному старому молитвеннику или по фамильной библіи, вы теперь не встрѣтите ни въ одномъ цивилизованномъ домѣ: отецъ совершенно потерялъ свое древнее жреческое достоинство. Въ старинномъ семействѣ всѣ фамильныя событія, бракъ, родины, крестины, дни рожденія и именинъ, годовщины свадьбы, давали поводъ къ семейнымъ праздникамъ, на которые сходились всѣ родственники, сосѣди и друзья. Многіе изъ религіозныхъ праздниковъ, напр., рождество, новый годъ, пасха, у германскихъ народовъ были также семейными. Въ современномъ обществѣ семейные праздники исчезаютъ все болѣе и болѣе, американцы смѣются надъ европейскимъ празднованіемъ дней рожденія и именинъ. Праздники же религіозные изъ семейныхъ превратились въ чисто общественные, ихъ проводятъ не дома, а гдѣ-нибудь на публичномъ гуляньѣ, въ оперѣ, на балу. О старинномъ патріархальномъ гостепріимствѣ и хлѣбосольствѣ нѣтъ и помина. Вмѣсто того, чтобы посадить гостя за свой семейный столъ, теперь сплошь и рядомъ ведутъ угощать его въ трактиръ или кафе-ресторанъ. Въ старину гостей принимали въ жилыхъ семейныхъ покояхъ, и они могли видѣть всю жизнь семейства, его обстановку, его обычаи; теперь гостепріимство вовсе лишилось своего семейнаго характера, для гостей предназначается нарядный салонъ, въ которомъ хозяева являются такими же гостями, какъ и тѣ люди, которыхъ они принимаютъ. Салонъ посвященъ не семейству и его друзьямъ, а обществу и постороннимъ людямъ. Словомъ, семейная жизнь поглотилась общественною. Театры, концерты, гулянья, публичныя лекціи, выставки, скачки, пикники, путешествія, чрезвычайное развитіе клубной и трактирной жизни—отнимаютъ у современнаго человѣка все его свободное время, которое въ старину проводилось въ семейномъ кругу.

Патріархальная жизнь стариннаго общества много поддерживалась прочнымъ фамильнымъ поземельнымъ владѣніемъ, нераздѣльность котораго заставляла жить вмѣстѣ съ отцомъ его дѣтей и внуковъ. Въ настоящее время, когда массы народа лишены поземельной собственности, когда измѣнившіяся экономическія условія и владычество денегъ не требуетъ уже отъ зажиточныхъ семействъ той прочности, какая прежде необходима была для ихъ благосостоянія,—домочадцы ведутъ большею частью самостоятельную и совершенно отдѣльную другъ отъ друга жизнь. На вымираніе семейныхъ обычаевъ и чувствованій имѣетъ вліяніе еще и то обстоятельство, что въ старину большинство семей владѣло собственными домами, между тѣмъ какъ въ современныхъ городахъ, при постоянно усиливающемся передвиженіи народонаселенія, люди бо-

лье и болѣе отказываются отъ собственныхъ жилищъ и живутъ на квартирахъ. Фамильный домъ, въ которомъ живутъ попеременно цѣлыя чередующіяся поколѣнія, имѣетъ свои традиціи, свой духъ, которыя неизбѣжно вліяютъ на поддержаніе семейныхъ чувствованій. Фамильный домъ также сплачиваетъ семейство, какъ замокъ феодала или наслѣдственный земельный участокъ крестьянина. Современная культура, замѣняя фамильныя жилища перемѣнными квартирами, тѣмъ самымъ прерываетъ между смѣняющимися поколѣніями ихъ традиціонную связь и даетъ домочадцамъ возможность отрываться и отъ общаго семейнаго очага. Самая архитектура дома радикально измѣнилась, свидѣтельствуя тѣмъ о разложеніи архаическаго семейства и въ свою очередь содѣйствуя этому разложенію. Въ старинномъ домѣ большая часть помѣщенія предназначалась для всѣхъ домочадцевъ, обширныя залы, галлереи, внутренніе дворы, общія спальни постоянно держали вмѣстѣ всѣхъ членовъ семейства. Въ домѣ богатаго нѣмецкаго бюргера обширная и чистая кухня служила мѣстомъ собранія для семейства и его друзей. Въ новѣйшемъ же домѣ все приноравливается къ индивидуальной жизни; помѣщенія, служащія для собранія всего семейства, уничтожены или сокращены до крайности, на счетъ ихъ увеличены отдѣльныя комнаты для каждаго домочадца,—кабинеты, спальни, пріемныя. Общія супружескія спальни и кровати исчезли почти изо всей западной Европы. Мужъ, жена, дѣти, прислуга, гувернантка—всѣ имѣютъ свой уголокъ, свои занятія, часто даже свои отдѣльныя знакомства и своихъ гостей.

Такимъ образомъ въ теченіе какихъ-нибудь двухсотъ лѣтъ характеръ европейскаго семейства совершенно измѣнился. Отъ той семьи, о которой мечтаютъ славянофилы, германофилы и другіе поклонники старины, остались только однѣ развалины, и все убѣждаетъ насъ, что при современной цивилизаціи возстановленіе архаическаго семейства невозможно. Исторія Востока, Греціи, Рима, среднихъ вѣковъ несомнѣнно доказываетъ, что чѣмъ далѣе развивается цивилизація, тѣмъ болѣе она разлагаетъ патріархальное семейство, прочное существованіе котораго возможно только въ чисто патріархальномъ бытѣ и болѣе ни въ какомъ. Радикальная реформа семейной жизни настоятельно необходима для современнаго человѣчества, которое безъ этой реформы угрожаетъ дойти до самаго грубаго безсемейнаго состоянія.

Разложеніе патріархальнаго семейства необходимо ведетъ за собой разрушеніе сословій. Аристократія, буржуазія, крестьянство давно уже начали терять характеръ родовыхъ кастъ. Они постепенно разрушаются, болѣе и болѣе отдавая своихъ членовъ тому безсословному, вполнѣ демократическому классу, который Риль называетъ *четвертымъ сословіемъ* и который постепенно поглощаетъ всѣ остальныя сословія.

Разложеніе семейства, какъ мы уже говорили, совершается во всѣхъ классахъ общества, и вслѣдствіе этого, вмѣстѣ съ пролетаріатомъ фабричнымъ, земледѣльческимъ, чиновническимъ, литературнымъ и другими, постепенно возрастаетъ пролетаріатъ женскій. Старинное семейство покоило въ своихъ нѣдрахъ всѣхъ одинокихъ родственницъ—тетокъ, сестеръ, племянницъ и т. д. При господствѣ патріархальныхъ понятій всѣ такія личности мирились со своимъ зависимымъ положеніемъ и нисколько не возмущались тѣмъ, что онѣ — содержанки, приживалки, паразиты. Современное семейство отказалось содержать и кормить родственницъ, не успѣвшихъ поступить на содержаніе мужа. Въ современномъ обществѣ женщина, чтобы имѣть кусокъ хлѣба, должна вступить въ бракъ; безъ мужа она становится пролетаріанкою, и такихъ пролетаріатокъ множество во всѣхъ сословіяхъ. «Число ихъ — говоритъ Риль — угрожаетъ увеличиваться въ геометрической прогрессіи, между тѣмъ какъ число семейныхъ женщинъ возрастаетъ только въ ариѳметической». Этотъ женскій пролетаріатъ увеличивается вслѣдствіе уменьшенія браковъ, умноженія разводовъ, вслѣдствіе усиленія въ женщинахъ сознанія своей личности и отвращенія отъ жизни въ подневольномъ бракѣ и архаическомъ семействѣ. Старыя дѣвы, вдовы, дѣвушки, прогнанныя родителями или бѣжавшія отъ нихъ жены, брошенныя мужьями или сами бросившія ихъ, составляютъ главный контингентъ женскаго пролетаріата, который вмѣстѣ съ милліонами пролетаріата фабричнаго и земледѣльческаго все громче и громче оглашаетъ землю своими отчаянными воплями. Развитіе промышленности умножаетъ постепенно рабочій пролетаріатъ, а разложеніе семейства и стремленіе женщины къ самостоятельности быстро увеличиваютъ размѣры женскаго пролетаріата. Гувернантки, учительницы, писательницы, компаньонки, ремесленницы, торговки, служанки быстро умножаются; ихъ предложеніе въ нѣсколько разъ превышаетъ спросъ на нихъ, и эта дисгармонія между спросомъ и предложеніемъ постоянно возрастаетъ. Цивилизованный міръ находится въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ Римъ въ послѣднюю эпоху своей исторіи. Та же роскошь, тотъ же развратъ, то же разложеніе семейства, та же эксплуатація труда... Но при всемъ этомъ мы видимъ зачатки новой жизни, какихъ не было въ Римѣ, и современныя женщины, требующія эманципаціи, несравненно выше эманципированныхъ матронъ вѣчнаго города. Римлянки сдѣлались свободными варварами и вмѣстѣ съ варварами своимъ мотовствомъ и развратомъ, своею безчеловѣчною эксплуатаціей народныхъ массъ погубили націю и были покорены варварами. Новѣйшая женская эманципація не имѣетъ въ себѣ ничего варварскаго, дѣло современной женщины тѣсно связано съ дѣломъ народныхъ массъ, и въ этомъ заключается несомнѣнный залогъ успѣха.

XXI.

«Когда свободный и образованный народъ—говоритъ въ одной изъ своихъ блистательныхъ рѣчей американскій ораторъ Куртисъ—поднимаетъ какой-нибудь вопросъ о человѣческихъ правахъ, о

свободѣ, о развитіи, то онъ вопрошаетъ все громче и громче до тѣхъ поръ, пока не получитъ отвѣта. Сознаніе нашей націи, подобно сфинксу, сидящему на пути, предлагаетъ на разрѣшеніе свою загадку объ истинной демократіи. Президенты, партіи, собранія, кандидаты, будучи не въ силахъ разрѣшить ее, сходятъ со сцены одинъ за другимъ. Сорокъ лѣтъ назадъ это сознаніе спрашивало: «пользуются ли люди свободой въ этой странѣ?» Взрывъ презрительнаго смѣха былъ отвѣтомъ.— «Свободой!.. да вѣдь это настоящая страна свободы!»—и негодующая страна, упоенная своимъ благосостояніемъ и комфортомъ, повернулась спиной. Громче и громче раздавался вопросъ — и страна наконецъ открыла глаза. Еще громче — и она открыла уши. Все громче и громче, пока наконецъ вопросъ не превратился въ одинъ сплошной громовой раскатъ, заглушившій всѣ другіе вопросы; тогда вся страна увидѣла, что жизнь ея зависитъ отъ отвѣта, и, поднявшись во весь ростъ, встрепенувшись каждымъ нервомъ, она одною рукою освободила черныхъ рабовъ, а другою сплотила страну въ одну націю, положивъ этимъ новый залогъ своему могуществу. То же общественное сознаніе задаетъ теперь другой вопросъ: «пользуются ли женщины свободой въ этой странѣ?» И этотъ вопросъ будетъ звучать все громче и громче до тѣхъ поръ, пока на него не будетъ отвѣчено избирательными шарами въ рукахъ каждаго гражданина и полнымъ осуществленіемъ того основного американскаго принципа, что справедливая правительственная власть зависитъ отъ согласія управляемыхъ».

Дѣйствительно, послѣ освобожденія рабовъ и уравненія ихъ съ остальными гражданами женскій вопросъ сдѣлался вопросомъ первой важности, главнымъ вопросомъ внутренней политики Соединенныхъ Штатовъ. Куртисъ замѣчаетъ, что «это вопросъ существенно-американскій», въ томъ, конечно, смыслѣ, что Америка способна разрѣшить его лучше, скорѣе и полнѣе, чѣмъ это сдѣлаетъ рано или поздно Старый Свѣтъ. Въ Америкѣ женскій вопросъ тѣсно связанъ со всѣми основными учрежденіями этой страны, съ ея религіей, народнымъ образованіемъ, соціальнымъ и политическимъ устройствомъ. Въ Европѣ и Южной Америкѣ эманципація женщины встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе въ духовенствѣ; въ Сѣверной же Америкѣ въ настоящемъ столѣтіи знамя женской эманципаціи подняла прежде всего религія; почти всѣ американскія секты считаютъ въ числѣ своихъ догматовъ равенство половъ и предоставляютъ женщинѣ такія же права и такую же свободу, какими пользуется мужчина. Въ Старомъ Свѣтѣ народное образованіе находится въ рукахъ мужчинъ и служитъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ для поддержанія женской подчиненности; въ Соединенныхъ же Штатахъ народное образованіе составляетъ женскую спеціальность, и мы безъ всякаго преувеличенія можемъ сказать, что умственное и нравственное развитіе народа находится здѣсь въ рукахъ женщинъ. Наконецъ въ Америкѣ эманципація женщины логически вытекаетъ изъ основныхъ принциповъ конституціи; женская партія стремится здѣсь не къ измѣненію конституціонныхъ началъ, а только къ ихъ полному развитію, къ устраненію обычаевъ, нарушающихъ эти начала, къ возстановленію той справедливости, которая вытекаетъ изъ самаго духа политическихъ учрежденій Америки, изъ ея законовъ, изъ деклараціи независимости.

Послѣ войны за освобожденіе женщина сдѣлалась еще болѣе дѣятельнымъ членомъ общества, чѣмъ была прежде. Она много содѣйствовала тому умственному и политическому развитію народа, которое идетъ непрерывно и прогрессивно вплоть до нашихъ дней, выражаясь преимущественно въ наиболѣе доступной большинству религіозной формѣ. Народная масса Америки сознательно идетъ къ тѣмъ же цѣлямъ, къ которымъ стремятся и передовые, научно образованные люди націи; у послѣднихъ дѣло общественнаго прогресса тѣсно связано съ дѣломъ науки и разума, а у массы — съ дѣломъ религіи. Послѣ войны за независимость многочисленныя американскія секты съ особенною энергіею принялись за отысканіе той вѣчной истины, которая для нихъ служитъ и догматомъ вѣры, и принципомъ общественной жизни. Религіозныя движенія особенно усилились въ Америкѣ съ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, съ того періода, когда сознаніе націи обратилось на коренное, громадное зло, разъѣдавшее организмъ великой республики,—на рабство негровъ. Здравый смыслъ и гуманное чувство американскаго народа выразились въ полной силѣ въ этихъ разнообразныхъ религіозныхъ движеніяхъ. Правда, что въ американскихъ сектахъ есть черты смѣшныя, нелѣпыя, даже возмутительныя, какъ, напр., въ мормонствѣ; но эти темныя пятна на умѣ великаго народа, эти неестественные порывы народнаго чувства временны, преходящи; американскія секты болѣе и болѣе очищаются отъ старыхъ мистическихъ бредней и постепенно вырабатываютъ систему новыхъ, гуманныхъ началъ религіи и соціальной жизни. Всѣ онѣ проникнуты духомъ прогресса и, по сознанію самихъ учителей ихъ, находятся въ періодѣ бурной юности, стремящейся къ не совсѣмъ еще выработаннымъ идеаламъ. Трудъ, по ученію всѣхъ этихъ сектантовъ,—первая религіозная обязанность. «Я готова,—говоритъ Сузи Джонсонъ,— я готова работать со всякимъ мужчиной, женщиной или общиной, которые сдѣлаютъ первый практическій шагъ къ закладкѣ основъ высшей нравственности, строжайшей честности, лучшаго управленія и вообще высшаго существованія для всего рода человѣческаго. Я хочу работать, хочу видѣть другихъ готовыми идти на работу. Я знаю, что гораздо легче молиться за спасеніе человѣчества, чѣмъ работать для достиженія лучшихъ судебъ его». На конгрессѣ спиритовъ 1867 г., между прочимъ, было рѣшено, «что лишь въ рукахъ честнаго труда находится скипетръ цивилизаціи; что его права соразмѣрюются съ его характеромъ и важностью, и что, поэтому, честный трудъ долженъ быть такъ

справедливо вознагражденъ, чтобы доставить милліонамъ работниковъ средства, время и случай для воспитанія, образованія и удовольствія; чтобы равный трудъ мужчины и женщины получалъ равное вознагражденіе». Въ общинахъ шекеровъ, тункеровъ, перфекціонистовъ и другихъ американскихъ сектантовъ эти принципы экономической справедливости давно уже осуществлены на самомъ дѣлѣ. Всѣ упомянутыя общины представляются цвѣтущими колоніями, свободные и равноправные жители которыхъ съ гордостью смотрятъ на себя, какъ на піонеровъ новой жизни... Эти сектанты напоминаютъ собою средневѣковыхъ ученыхъ, которые посвящали всю свою жизнь страстному научному труду и, открывая великія истины, лежащія въ основѣ современныхъ наукъ, въ то же самое время увлекались бреднями о философскомъ камнѣ и съ энтузіазмомъ, достойнымъ лучшихъ цѣлей, занимались астрологіей и алхиміей. Американскіе спириты, напр., соединяютъ служеніе дѣлу «прогресса, свободы и разума» съ нелѣпою вѣрою въ невидимыхъ духовъ. Но какъ средневѣковая наука очистилась отъ всѣхъ суевѣрій и нелѣпостей, такъ и американское сектантство броситъ со временемъ всѣ свои мистическія доктрины и возьметъ за основы однѣ только истины положительной науки. Къ этому идутъ постепенно всѣ американскія секты. Наука мало-по-малу сокрушаетъ царство суевѣрія, и разумъ беретъ верхъ надъ фантазіей, создавшей цѣлыя системы галлюцинацій, иллюзій и другихъ патологическихъ состояній.

Всѣ эти секты, не смотря на все разнообразіе своихъ доктринъ, въ основаніи признаютъ полную равноправность женщины съ мужчиною, въ ихъ отношеніяхъ и къ божеству, и къ людямъ. Въ нѣкоторыхъ сектахъ, какъ, напр., въ школѣ ясновидящихъ, женщины даже преобладаютъ надъ мужчинами, но въ большинствѣ случаевъ сектанты поддерживаютъ полное равенство половъ и не понимаютъ, какимъ образомъ цивилизованный міръ до сихъ поръ ставитъ женщину ниже мужчины... Лѣтомъ 1871 г. старѣйшина Ливанской Горы, поселенія шекеровъ, былъ въ Лондонѣ и въ своей лекціи о шекеризмѣ говорилъ англичанамъ: «Когда я смотрю на христіанскія націи и ихъ соціальныя системы, то вижу всюду громадное зло; не всѣ люди благоденствуютъ, не всѣ они достаточно снабжены пищею, платьемъ и жильемъ. Почему же это? Не объясняется ли это чѣмъ-нибудь изъ основаній вашего управленія? Подумайте-ка. Это вѣдь управленіе мужчинъ; женскій элементъ не имѣетъ въ немъ представителей. Правда, у васъ есть королева, но она царствуетъ болѣе какъ король, чѣмъ какъ женщина. Вашъ парламентъ, ваша палата лордовъ, ваша палата общинъ вовсе не имѣютъ женскихъ представителей націи. Наконецъ цѣлая половина вашего народонаселенія состоитъ изъ женщинъ, которыя обладаютъ такими же чувствами и имѣютъ тѣ же самыя нужды, какъ и другая половина. Почему же онѣ подчиняются законамъ, въ составленіи которыхъ онѣ не участвуютъ, подлежатъ наказаніямъ за нарушенія этихъ законовъ и налогамъ, а между тѣмъ вовсе не имѣютъ представительства? Я только къ слову упомянулъ объ этомъ, какъ о предметѣ, способномъ занять умъ простого шекера въ свободное отъ работы время. Вы, конечно, извините меня, такъ какъ я не принадлежу къ міру. Мы же думаемъ, — и считаемъ это своей основной идеей, — что божество двойственно, что міромъ управляютъ небесный отецъ и небесная мать, и что поэтому всякое нормальное управленіе должно быть основано на томъ же началѣ, должно признать существованіе двухъ постоянныхъ элементовъ въ человѣчествѣ, мужского и женскаго. Я приписываю и войну, и соціальное зло, и много другихъ вещей, которыя можно указать въ вашихъ общественныхъ системахъ и организаціи, главнымъ образомъ отсутствію такого нормальнаго управленія».

Эта безыскусственная рѣчь простого мужика показываетъ, какъ глубоко коренится женскій вопросъ въ сознаніи американскаго народа. Сектанты Новаго Свѣта своимъ простымъ умомъ дошли до тѣхъ же широкихъ воззрѣній на эмансипацію женщины, какія выработали себѣ Миль, Женни д'Эрикуръ, Елисавета Стэнтонъ и другіе высокообразованные люди. Но, освободивъ женщину, поставивъ ее въ своихъ общинахъ наравнѣ съ мужчиной, новые американскіе сектанты далеко не съ такимъ успѣхомъ рѣшили тревожный вопросъ о возстановленіи семейной чистоты. Злоупотребленія въ сферѣ брака и семьи, порождающія столько пороковъ, преступленій и болѣзней,—проституцію, дѣтоубійство, всеобщій развратъ,—все это давно уже занимаетъ собою умы народа и приводитъ къ разнообразнымъ рѣшеніямъ, которыя, впрочемъ, всѣ сходятся къ одному пункту—къ полному отрицанію гнета, проявляется ли онъ во власти отца надъ дѣтьми, или въ деспотизмѣ мужа надъ женой. Мормоны думаютъ, что они нашли въ многоженствѣ радикальное средство противъ «соціальнаго зла», какъ принято называть въ Америкѣ упомянутыя явленія. Многіе другіе сектанты, напр., тѣ же шекеры, вовсе отказываются отъ брака, семейства, отъ половыхъ отношеній и живутъ, какъ факиры. Третьи, какъ, напр., перфекціонисты, проповѣдуютъ и осуществляютъ на практикѣ полную свободу любви. Перфекціонисты считаютъ вопросъ о бракѣ главнымъ національнымъ вопросомъ настоящаго времени. «Тайная исторія человѣческаго сердца—говорятъ перфекціонисты—ясно доказываетъ, что оно способно любить безконечное число разъ и безконечное число лицъ, и что чѣмъ болѣе оно любитъ, тѣмъ болѣе можетъ любить. Это законъ природы». «Въ противоположность сентиментальнымъ романистамъ,—говоритъ Нойесъ,—перфекціонистскія общины вѣрятъ, что любовь можно руководить и контролировать и что она даетъ гораздо лучшіе результаты, когда ею руководятъ и направляютъ. Они убѣждены, что все чувство любви и его выраженія должны быть подвергнуты просвѣщенному контролю самого человѣка и должны быть направлены къ наибольшей пользѣ.

Въ общинахъ любовь находится подъ спеціальнымъ наблюденіемъ отцовъ и матерей,—другими словами, мудрѣйшихъ и лучшихъ членовъ; объ этомъ вопросѣ часто разсуждаютъ на вечернихъ собраніяхъ, и онъ подлежитъ общей критикѣ. Отцы и матери руководятся въ своихъ сужденіяхъ нѣкоторыми общими принципами, выработанными и хорошо сознанными въ общинахъ. Такъ, они считаютъ слишкомъ исключительную любовь вредною и анти-соціальною любовью. Поэтому они утверждаютъ, что сердце должно быть открыто для всеобщей любви, что оно должно любить всѣхъ хорошихъ и достойныхъ людей; что въ немъ никогда не должны царить исключительность и эгоистическая любовь въ какой бы то ни было формѣ. Далѣе, они глубоко убѣждены въ томъ, что ничто такъ гибельно не дѣйствуетъ на семейную жизнь, какъ противоестественная связь одного лица съ другимъ, основанная не на взаимномъ влеченіи, не на нравственной симпатіи, а на какихъ-нибудь чисто внѣшнихъ расчетахъ... Общины обязаны охранять всѣхъ своихъ членовъ отъ непріятныхъ отношеній и столкновеній между собой. Каждая женщина вольна отказать каждому мужчинѣ. Подъ руководствомъ этихъ главныхъ принциповъ практическое примѣненіе теоріи перфекціонистовъ встрѣчаетъ мало трудностей. По мѣрѣ того, какъ члены общинъ развиваются, духовное сознаніе ихъ просвѣтляется и они сами руководятъ своими дѣйствіями, сообразно съ этими принципами. Главная цѣль—научить каждаго самовоздержанію. Это ведетъ къ величайшему счастію въ любви и къ величайшей пользѣ всѣхъ».

Попытки перфекціонистовъ реформировать общественныя отношенія нельзя считать плодомъ одного религіознаго движенія. Они въ религіозной формѣ работаютъ надъ разрѣшеніемъ той же задачи, надъ которою трудился въ свое время Оуэнъ и его послѣдователи, надъ которою работаютъ, въ другомъ направленіи, реформаторы молодой Америки. Такова, напримѣръ, колонія Новыя Времена. Въ «Новыхъ Временахъ» мы видимъ попытку преобразованія всего общественнаго строя Америки, ея политической, экономической и соціальной жизни. Женщина признается здѣсь вполнѣ равноправной мужчинѣ. По свидѣтельству постороннихъ и совершенно безпристрастныхъ наблюдателей, такая свобода соединяется въ колоніи съ самою строгою нравственностью, и вообще этотъ опытъ реформы, подобно многимъ другимъ такимъ же опытамъ, имѣетъ всѣ условія успѣха и дальнѣйшаго развитія. Но обязательныя отношенія къ правительству штатовъ,—въ родѣ воинской повинности, уплаты налоговъ и т. д.,—отношенія, отвергаемыя и нововременцами, и перфекціонистами, и другими подобными реформаторами, много стѣсняютъ и недавно заставили общину «Новыхъ Временъ» переселиться въ самую глушь Южной Америки.

Всѣ эти попытки шекеровъ, перфекціонистовъ, нововременцевъ и другихъ реформаторовъ служатъ яснымъ доказательствомъ того факта, что американскій народъ серьезно озабоченъ мыслію о положеніи женщины въ семьѣ и обществѣ. Народный умъ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, дѣятельно трудится надъ разрѣшеніемъ этой задачи: конечно, при этомъ онъ сбивается съ прямого пути, приходитъ къ нелѣпымъ выводамъ, въ родѣ безбрачія шекеровъ, многоженства мормоновъ или «свободной любви» перфекціонистовъ, но дѣло въ томъ, что онъ, хотя медленно, но упорно и постоянно подвигается къ разрѣшенію главнаго вопроса—общественной независимости женщины.

Мы уже говорили, что во всѣхъ религіозныхъ движеніяхъ Америки женщины играютъ почти первостепенную роль, или, по крайней мѣрѣ, имѣютъ такое-же вліяніе, какъ и мужчины. Американская женщина слишкомъ живо чувствуетъ тяжесть своего подневольнаго положенія въ семьѣ и обществѣ; она создастъ себѣ новую вѣру и новое общество, въ которыхъ можетъ жить и дѣйствовать не какъ подчиненная жена, а какъ самостоятельный и полноправный человѣкъ. Это недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ и стремленіе къ свободному положенію до того сильны въ женской массѣ, что породили нѣсколько самостоятельныхъ женскихъ сектъ, объявляющихъ открытую войну законамъ, теоріямъ и порядкамъ, которые созданы и поддерживаются мужчинами, и притомъ въ интересахъ ихъ личнаго эгоизма. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, секта ясновидящихъ, которая проповѣдуетъ, что мужчина во всѣхъ отношеніяхъ ниже женщины, что онъ уже окончилъ свою роль въ исторіи и женщина должна теперь занять подобающее ей первое мѣсто въ жизни человѣчества. Подъ вліяніемъ этой секты спиритовъ развилась и другая школа, основанная Элизою Фарнгеймъ.

Въ 1842 году эта бѣдная, необразованная, ничего не читавшая дѣвушка была внезапно озарена сознаніемъ «женской истины». Но она долго хранила ее въ тайнѣ, сообщая ее только немногимъ изъ самыхъ близкихъ людей. Чтобы изучить эту истину на дѣлѣ, она вышла замужъ, и судьба подвергла ее всѣмъ несчастіямъ и превратностямъ, которыя такъ часто постигаютъ женщинъ. Элиза сдѣлалась матерью, схоронила потомъ дѣтей и мужа; она наживала деньги и теряла ихъ; она работала изъ-за куска насущнаго хлѣба; переходила изъ города въ городъ, изъ штата въ штатъ; она наблюдала людей, читала книги, размышляла о главной цѣли своей жизни—о расширеніи круга «протестующихъ женщинъ». Когда она почувствовала, что ея многотрудная жизнь близится къ концу и что въ ея убѣленной сѣдинами головѣ женская истина находится во всеоружіи, вполнѣ готовою для борьбы съ мужскою ловкостью, тогда Элиза вышла на открытую проповѣдь, и ей сразу откликнулись тысячи женскихъ сердецъ. До сихъ поръ—говорятъ ея послѣдовательницы—женщины были рабами, но ихъ день насталъ, и Элиза возвѣстила ихъ искупленіе своимъ женскимъ евангеліемъ. По ученію Элизы, женщина во всѣхъ отношеніяхъ выше мужчины; она относится къ нему, какъ человѣкъ къ горилѣ. Это превосходство женскаго пола Элиза усматриваетъ во всемъ животномъ царствѣ, начиная съ самки молюска и кончая великосвѣтской

красавицей. Главное достоинство мужчины—его умъ, которымъ онъ создалъ всю цивилизацію и обратилъ ее противъ подруги своей жизни. Но умъ мужчины—грубый работникъ, который добирается до истины путемъ медленнаго, кропотливаго труда, подбирая и сортируя факты, года, числа, постоянно сбиваясь съ прямого пути и блуждая между грудами собраннаго имъ матеріала. Познавательная способность женщины неизмѣримо выше этого ума. Женщина постигаетъ истину сразу, непосредственно и всецѣло созерцаетъ ее, безъ усилій, безъ метода, безъ изслѣдованій. Это превосходство женщины началось еще въ раю. Мудрость, въ образѣ змія, обратилась къ женщинѣ, хорошо сознавая, что умъ мужчины слишкомъ слабъ для пониманія. Съѣденное яблоко было знаніемъ, открытымъ несчастному Адаму его женою. И что сдѣлалъ мужчина съ своимъ умомъ въ продолженіе стольких тысячелѣтій? Онъ не достигъ даже до сознанія очевидной истины о превосходствѣ женскаго пола!.. Его науки, его искусства, его законы, его теологическія системы полны лжи и неправды. Ни Цвингли, ни Кальвинъ, ни Лютеръ, ни Мильтонъ, ни Шекспиръ, ни Микель-Анджело не могли понять матери, были неспособны даже нарисовать изображеніе хорошей женщины. Бэкона Элиза бранитъ за недостатокъ истиннаго метода и точнаго пониманія вещей. Дарвина она считаетъ глубокимъ мыслителемъ, но изумляется слишкомъ очевиднымъ его ошибкамъ. Такъ, по мнѣнію Дарвина, мужскіе сосцы—остатки органовъ, которые нѣкогда были ближе къ женскимъ, чѣмъ теперь, и исполняли извѣстное отправленіе. Элиза же думаетъ, что это зачатки новыхъ органовъ, которые, благодаря развитію и усовершенствованію, будутъ со временемъ походить на женскіе. Такимъ образомъ, наука, не достигающая своей цѣли, должна уступить мѣсто непосредственному женскому знанію. Умъ мужчины, правда, можетъ кое-на-что пригодиться; онъ можетъ научить человѣка рубить деревья, строить лодки, садить картофель, огораживать поле и т. д.,—но весь авторитетъ, всякая власть, всякія инціативы должны отнынѣ принадлежать женщинѣ. «Мы требуемъ—говоритъ Элиза—не равенства, не власти, не эманципаціи, а владычества. Мы лучше, умнѣе, сильнѣе мужчинъ; вотъ истина, долженствующая спасти міръ!» Эта истина возвѣщается только женщинамъ; съ мужчиною толковать не стоитъ,—его слѣдуетъ подчинить и руководить.

Въ каждомъ значительномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ можно встрѣтить «протестующихъ женщинъ», какъ называются послѣдовательницы Элизы, число которыхъ замѣтно возрастаетъ. Нѣтъ спора, что крайности этихъ сектаторскихъ доктринъ—нелѣпы; но, во-первыхъ, какая же новая идея прививалась къ жизни человѣчества безъ крайностей? Во-вторыхъ, эти крайности и увлеченія объясняются, съ одной стороны, страстнымъ желаніемъ свободы, а съ другой—невѣжествомъ и ненормальнымъ умственнымъ развитіемъ тѣхъ простыхъ женщинъ, которыя составляютъ эту школу.

Въ средніе вѣка многіе мыслители обоего пола, искренно желавшіе женской эманципаціи, проповѣдывали въ сущности такое же точно превосходство и преобладаніе женщины, какъ и современныя намъ американки. Но эти увлеченія и нелѣпости скоро исчезли, а сущность дѣла осталась и до сихъ поръ составляетъ задачу всей мыслящей части человѣчества.

Идея женской свободы и равноправности такъ энергично растетъ и распространяется въ массѣ американскаго народа, что ее принимаютъ не только упомянутыя нами новыя секты, но къ ней начинаютъ относиться вполнѣ сочувственно почти всѣ другія церкви и религіозныя общины, которымъ нѣтъ числа въ Америкѣ. У мормоновъ, въ самой ихъ столицѣ на Соленомъ Озерѣ, у унитаріевъ, квакеровъ, баптистовъ, анабаптистовъ, тринитаріевъ, методистовъ и т. д., и т. д.—всюду уже слышится проповѣдь, что передъ Богомъ полы равны, что Его благодать равномѣрно нисходитъ на мужчину и женщину, что исключительное право мужчины учить, толковать библію, принимать свыше откровенія, пророчествовать, священнодѣйствовать—такъ же нераціонально и несправедливо, какъ и его исключительное право выбирать и быть избираемымъ. Вотъ что, напр., писалъ изъ Чикаго корреспондентъ «Revolution» отъ 21 іюня 1871 г.: «Въ продолженіе мая мѣсяца въ нашемъ городѣ перебывало до трехъ сотъ разныхъ женскихъ депутатовъ. Прежде всего методисты устроили митингъ по дѣламъ своего управленія иностранными миссіями. Засѣданія открылись молитвою, которую прочла женщина, женщина предсѣдательствовала на митингѣ, женщины докладывали дѣла, женщины же были и спикерами... На слѣдующей недѣлѣ подобный же митингъ устроили пресвитеріане; обширная церковь была полна народу, но не было допущено ни одного мужчины, даже ни одного священника и стенографа. За этимъ митингомъ слѣдовало собраніе баптистовъ въ томъ же родѣ...» Тысячи женщинъ посѣщали эти митинги, къ ужасу мужчинъ, видящихъ, что ихъ монопольное право на управленіе церковью, на проповѣдь и священнодѣйствіе отживаетъ свое время. Женщины самыхъ разнообразныхъ вѣроисповѣданій все болѣе и болѣе занимаютъ мѣста пасторовъ, проповѣдниковъ, пасторскихъ помощниковъ. Въ американскихъ газетахъ сплошь и рядомъ вы находите извѣстія въ родѣ слѣдующихъ: «Миссъ Целія Бурлей поступила на каѳедру унитаріанскаго проповѣдника въ Бруклинѣ. Всѣ хорошо знающіе ее люди единодушно утверждаютъ, что она обладаетъ особенными способностями для христіанскаго священнослуженія».—«Въ Южной Каролинѣ проповѣдуетъ одна извѣстная женщина, которая въ продолженіе пяти лѣтъ собрала столько денегъ, что построила на нихъ двѣ большія церкви и основала три воскресныя школы. Мѣстныя газеты отзываются о ней, какъ о превосходной проповѣдницѣ.»—«Миссъ Аугуста Чапингъ служитъ пасторомъ универсальной церкви въ городѣ Іовѣ. Она хорошо проповѣдуетъ и испол-

няетъ всѣ обязанности своего званія примѣрно». — «Миссъ Ботлеръ поступила помощницкомъ пастора троицкой церкви методистовъ въ Спрингфильдѣ».

Антоинета Броунъ была первая женщина, назначенная пасторомъ въ нью-іоркскомъ штатѣ. Сестра ея, Олимпія Броунъ, одна изъ главныхъ представительницъ эманципаціонной партіи, тоже служитъ пасторомъ въ Коннектикутѣ. Она исполняетъ всѣ обязанности священника, вѣнчаетъ браки, которые гражданская власть признаетъ дѣйствительными, совершаетъ богослуженіе, даже вмѣстѣ съ мистриссъ Генефордъ участвуетъ въ рукоположеніи въ священническій санъ. Во время войны съ Югомъ многія женщины исполняли должности полковыхъ капелановъ. Въ 1872 г. упомянутая уже Генефордъ назначена капелланомъ законохалтельнаго собранія въ Коннектикутѣ. Въ 1871 г. въ теологическихъ факультетахъ Америки училось больше двадцати женщинъ, приготовлявшихся въ пасторы, да шестьдесятъ восемь церковныхъ каѳедръ были заняты женщинами, официально утвержденными въ своихъ должностяхъ, не говоря о многихъ женщинахъ, проповѣдывавшихъ безъ официальнаго назначенія къ извѣстной церкви. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ изумляютъ своею дѣятельностью. Въ Бостонѣ одна баптистская миссіонерка въ продолженіе года сдѣлала 3.595 религіозныхъ визитовъ, собрала множество дѣтей въ воскресныя школы и оказала не мало другихъ столь же важныхъ услугъ своей церкви. Мистриссъ Фанъ Коттъ, женщина-пасторъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ изъѣздила 5.918 миль, сказала 341 проповѣдь, совершила 316 богослуженій, написала 543 религіозныхъ посланія и прочла 13 публичныхъ лекцій. Вообще всѣ церкви привлекаютъ женщинъ на должности пасторовъ, миссіонерокъ, проповѣдницъ, діакониссъ. Даже американскіе евреи начинаютъ допускать женщинъ къ дѣятельному участію въ богослуженіи синагоги!

Такимъ образомъ, въ Сѣверной Америкѣ духовенство и церковь совершенно иначе относятся къ эманципаціи, чѣмъ въ Южной Америкѣ и Европѣ. Въ послѣднихъ клерикалы, съ одной стороны, сильно сопротивляются освобожденію женщины, а съ другой стороны, когда оно состоится, готовы воспользоваться равноправностью женщинъ для того, чтобы усилить ими свою партію и свое вліяніе на государственныя дѣла. Это возбуждаетъ опасенія даже въ Англіи. На одномъ изъ митинговъ 1871 г. по поводу этихъ опасеній Милль говорилъ: «Многіе либеральные и просвѣщенные люди согласны были бы оказать женщинамъ справедливость, если бы только не боялись, что непосредственнымъ результатомъ дарованія имъ избирательныхъ правъ будетъ усиленіе клерикальнаго вліянія». Милль допускаетъ, что это возможно. «Но — говоритъ онъ — сильное вліяніе, какое въ настоящее время имѣетъ духовенство на умы женщинъ, зависитъ единственно отъ того обстоятельства, что послѣднія остаются внѣ другихъ вліяній, которыя стимулируютъ мышленіе мужчинъ и формируютъ ихъ мнѣнія... Духовенство было до сихъ поръ единственнымъ классомъ, который хоть сколько-нибудь старался культировать умъ женщинъ, который обращался къ нимъ, какъ къ существамъ самостоятельнымъ нравственно, какъ къ существамъ, душа и совѣсть которыхъ принадлежатъ имъ самимъ. Священники единственные люди, которые признаютъ, что мысли и чувствованія женщинъ могутъ дѣйствовать и внѣ домашней сферы. Оказывая такое уваженіе къ женщинамъ, они тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ громадное вліяніе на нихъ и будутъ имѣть его до тѣхъ поръ, пока люди другого рода не воспользуются тѣми же самыми средствами вліянія, какими пользуются они. Если бы отцы, братья, мужья этихъ женщинъ заботились такъ же объ ихъ умственномъ развитіи; если бы они возбуждали въ нихъ интересъ къ вопросамъ, которые занимаютъ ихъ, отцовъ, мужей и братьевъ, какъ это дѣлаетъ духовенство относительно предметовъ, которыми интересуется оно само; если бы они внушали имъ, давъ избирательное право, что выработка раціональныхъ мнѣній о вопросахъ общественныхъ служитъ для нихъ такимъ же правомъ и такою же обязанностью, какъ и для мужчинъ,—то женщины сдѣлались бы болѣе компетентными и лучшими судьями этихъ вопросовъ, чѣмъ клерикалы, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ вовсе избавились бы отъ опасности всецѣлаго подчиненія своей мысли авторитету своихъ клерикальныхъ наставниковъ. Все, что есть чрезмѣрнаго и предосудительнаго во вліяніи пасторовъ на женщинъ, должно уменьшаться въ прямой пропорціи къ размѣрамъ участія послѣднихъ въ общественныхъ дѣлахъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы считать клерикальное вліяніе препятствіемъ къ дарованію женщинамъ избирательныхъ правъ, я считаю послѣднія самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для освобожденія ихъ изъ-подъ слишкомъ ужъ исключительнаго вліянія пасторовъ. Но даже въ такомъ случаѣ, если бы эта опасность была гораздо больше, чѣмъ она есть въ дѣйствительности, то и тогда было бы дѣломъ недостойнымъ, ради подобныхъ опасеній, отказывать цѣлой половинѣ рода человѣческаго въ средствахъ, необходимыхъ для защиты своей личности, въ средствахъ, столь высоко цѣнимыхъ другою половиною. Всѣ люди подвержены опасности заблужденія, и тотъ, кто вздумалъ бы отказывать въ избирательномъ правѣ другимъ, опасаясь ихъ ошибокъ и заблужденій, нашелъ бы достаточныя основанія, чтобы лишить этого права всѣхъ, кромѣ самого себя...»

Въ Америкѣ же — другое дѣло. Здѣсь нечего опасаться усиленія клерикальнаго вліянія на женщинъ или хлопотать объ его ослабленіи. Здѣсь духовенство, какъ мужское, такъ и женское, проникнуто стремленіемъ къ равноправности половъ. Оно не мѣшаетъ эманципаціи, а помогаетъ ей. Здѣсь религія служитъ выраженіемъ прогрессивной мысли великаго народа. Даже самыя ретроградныя и консервативныя въ Европѣ вѣроисповѣданія въ Америкѣ скоро перемѣняютъ свой характеръ и подчиняются общему теченію народной жизни. Католицизмъ у насъ считается опорою нетерпимости, нравственнаго рабства, левитскаго деспотизма, жен-

ской неволи; а въ Америкѣ онъ имѣетъ совершенно другой характеръ. Объ этомъ писалъ еще Токвиль. Подъ вліяніемъ женщины американскій католицизмъ становится такою же опорою эманципаціи, какъ пуританство или шекерство. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, американка Мэри Никольсъ, набожная католичка: «Тридцать лѣтъ работала я для дѣла женщины и молилась за ея освобожденіе. Я требую для женщины всѣхъ человѣческихъ правъ; она должна быть свободна въ повиновеніи божественному закону своей собственной жизни; ее не слѣдуетъ подчинять ни необузданному деспотизму одного человѣка, ни своекорыстному и неразумному законодательству многихъ. Какъ римская католичка, я требую, чтобы женщинѣ была предоставлена возможность быть чистою дочерью матери нашего Господа, въ качествѣ дѣвицы или жены... Женщина—мать рода человѣческаго; развитіе и спасеніе человѣка зависятъ отъ нея. Кто же послѣ этого не захочетъ работать для освобожденія женщины!»

Американцы такъ горятся своимъ народнымъ образованіемъ, что для человѣка некомпетентнаго похвальбы ихъ могутъ показаться похожими на китайское самохвальство. Но «стоитъ только побывать въ Соединенныхъ Штатахъ, пожить нѣкоторое время въ городѣ, находящемся хотя бы въ какомъ-нибудь удаленномъ захолустьѣ, и вы убѣдитесь на самомъ дѣлѣ, что общій уровень образованности жителей много выше того, какой встрѣчаемъ въ любомъ изъ городовъ Европы съ равнымъ по числу населеніемъ», говоритъ Циммерманъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ расходы на народное образованіе огромны. Въ 1870 году, кромѣ денежныхъ суммъ, существовалъ еще капиталъ изъ пожертвованныхъ правительствомъ земель въ 130.000.000 руб. сереб. Частныя суммы, расходуемыя на народное образованіе, почти равняются казеннымъ. Въ 1871 г. на образованіе было пожертвовано частными лицами 8.000.000 долларовъ, въ 1872 году 9.950.000, въ 1873 г. 11.226.000 долларовъ. Неудивительно послѣ этого, что на каждые 200 челов. всѣхъ жителей приходится 1 школа; въ каждомъ городѣ средней величины есть университетъ или высшая коллегія, кромѣ 51 медицинской и 22 юридическихъ коллегій, существовавшихъ въ штатахъ въ 1867 г.

Въ 1867 г. въ 19 сѣверныхъ штатахъ было народонаселенія	23,000,000
Общественныхъ учебныхъ заведеній	108,000
Учащихъ	156,000
Учащихся	5,300,000
Въ томъ же году въ штатѣ Мичиганъ было жителей	900,000
Общественныхъ школъ	4,744
Учащихъ	5,384
Учащихся	243,161
Годовой расходъ на школы	2,310,000 дол.

Главная общеобразовательная сила американской школы заключается въ физико-математическихъ и естественныхъ наукахъ. Отношенія учителей и начальниковъ къ воспитанникамъ нисколько не напоминаютъ собою школьныхъ порядковъ Европы. Однажды въ Санъ-Франциско учитель ударилъ по щекѣ четырнадцатилѣтняго ученика. Газеты подняли шумъ во всемъ Союзѣ; педагогическій совѣтъ школы произвелъ изслѣдованіе, и городской судъ приговорилъ учителя къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ. Порядокъ школы поддерживается однимъ только нравственнымъ вліяніемъ наставниковъ, и это развиваетъ въ воспитанникахъ чувство человѣческаго достоинства и привычку самообладанія. Религіозное обученіе совершенно отдѣлено отъ школы, и духовнымъ лицамъ запрещено даже посѣщать нѣкоторыя учебныя заведенія. «Религія,—говоритъ въ своемъ посланіи конгрессу президентъ штатовъ Мадисонъ,—религія должна быть достояніемъ разума и убѣжденія, а не какой-либо власти или насилія. Она должна быть предоставлена убѣжденію и совѣсти каждаго человѣка». Ради этой-то свободы совѣсти школа и поставлена внѣ всякаго вліянія духовенства,—вліянія, котораго Америка, эта самая религіозная страна, опасается больше всего. Вотъ что говорилъ одинъ ораторъ по поводу домогательствъ духовенства проникнуть въ школы: «Католическое духовенство и распространяемое имъ въ школахъ ученіе—вотъ что подорвало силы европейскихъ народовъ... Эти массы бѣлыхъ рабовъ представляются намъ презрѣннѣе даже нашихъ безпомощныхъ и безграмотныхъ негровъ. Какія опасности могутъ со временемъ обрушиться на наше отечество по милости въ рабствѣ воспитанныхъ европейскихъ переселенцевъ! Дерзость ихъ священниковъ дошла до того, что они объявляютъ, будто бы наши учебныя заведенія подкапываютъ нравственность и вѣру. Всякій знаетъ, что это наглая ложь. Суевѣріе, деспотизмъ и клерикальныя притязанія ненавидятъ наши школы; разумъ, свобода и прогрессъ, напротивъ, любятъ эти опоры высшей гуманности». Вся система образованія устремлена къ той цѣли, чтобы дать учащимся возможность саморазвитія и не навязывать имъ никакихъ предвзятыхъ теорій. Американцы, по выраженію одного ихъ педагога, «исходя отъ народныхъ началъ самоуправленія и личной независимости, стараются по возможности скорѣе дать ученику средства для того, чтобы онъ могъ образовать самъ себя. То, что усвоивается имъ путемъ самостоятельности, дѣлаетъ его сильнымъ и независимымъ; то, что навязывается ему учителемъ, не имѣетъ для него никакого значенія».

Эта система, гармонирующая со всѣмъ строемъ великой республики, находится въ тѣхъ же рукахъ, которыя руководятъ и первоначальнымъ, семейнымъ воспитаніемъ дѣтей. Начиная съ конца прошлаго вѣка, женщины все болѣе и болѣе посвящали себя педагогической дѣятельности, и, по всей вѣроятности, лѣтъ черезъ двадцать учительскія должности будутъ занимаемы почти исключительно однѣми женщинами. Во всѣхъ штатахъ число учительницъ быстро и непрерывно увеличивается, а число учителей уменьшается. Такъ, напр., въ Чикаго до сороковыхъ годовъ учительскія мѣ-

ста занимались главнымъ образомъ мужчинами. А потомъ было:

	Въ 1846 г.	Въ 1860 г.	Въ 1867 г.
наставниковъ	3	17	25
наставницъ.....	6	106	292

Чѣмъ старше городъ или штатъ, тѣмъ значительнѣе численный перевѣсъ наставницъ. Въ молодомъ Санъ-Франциско, напр., въ 1867 г. было:

учителей 25
учительницъ 255

А въ старой Филадельфіи:

учителей..... 79
учительницъ.... 1,235

Въ томъ же году мы видимъ:

	Наставниковъ.	Наставницъ.
Въ штатѣ Мичиганъ	2,007	7,377
» » Массачузетъ..	1,020	6,739
» » Калифорнія ...	616	773
» » Огайо	8,348	13,220
» городѣ Нью-Іоркѣ...	176	2,806
Вообще въ 19 сѣверныхъ штатахъ.....	52,000	104,000

Въ 1871 году въ Массачузетѣ изъ 100 учительскихъ мѣстъ 90 были заняты женщинами, а во всѣхъ сѣверныхъ и южныхъ штатахъ изъ 100 учительскихъ должностей 75 были заняты женщинами. Женщины преподаютъ во всѣхъ школахъ, въ низшихъ, среднихъ и высшихъ, въ женскихъ, мужскихъ и смѣшанныхъ, и во многихъ случаяхъ не только преподаютъ, но и стоятъ во главѣ педагогическаго управленія. Такъ, напр., недавно миссъ Ева Мильсъ избрана ректоромъ одного изъ лучшихъ университетовъ въ Висконсинѣ. Миссъ Террей назначена ректоромъ вассаровой коллегіи. Іовскій университетъ составилъ изъ женщинъ свой экзаменаціонный комитетъ. Миссъ Линчъ опредѣлена профессоромъ риторики и литературы въ высшей школѣ въ Чикаго. Миссъ Элла Леджетъ избрана профессоромъ вашберновой коллегіи въ Топекѣ. Мистриссъ Формсъ—членомъ медицинской коллегіи въ Филадельфіи. Одна женщина занимаетъ каѳедру краснорѣчія въ университетѣ Броуна. Въ Іовѣ въ трехъ графствахъ главными инспекторами училищъ назначены женщины, и т. д., и т. д. То же самое положеніе занимаетъ женщина и въ частныхъ школахъ, которыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ великое множество.

Что педагогическая дѣятельность женщинъ не уступаетъ дѣятельности мужчинъ на томъ же поприщѣ, это доказывается уже однимъ тѣмъ фактомъ, что американскій народъ оставляетъ въ женскихъ рукахъ столько времени и такую важную профессію, какъ народное образованіе, которое онъ считаетъ главною основою своей свободы и главнымъ залогомъ своего дальнѣйшаго развитія.

Научное образованіе, благодаря которому американка успѣла забрать въ свои руки почти все народное просвѣщеніе, досталось ей не даромъ. Дѣвушки въ старину воспитывались большею частью дома. Женскихъ школъ было мало; а когда Америка начала усиленно заводить свои народныя школы, то онѣ сначала были предназначены для однихъ только мальчиковъ; но потомъ, уступая соображеніямъ экономіи и стремленіямъ женщинъ къ образованію, въ нихъ стали постепенно допускать и дѣвушекъ. Въ Массачузетѣ, напр., когда дѣвочекъ въ первый разъ допустили въ народныя школы, то позволили имъ учиться только «*по два часа въ день*!» Во время преобразованія бостонскихъ школъ въ 1790 г. дѣвушекъ пускали въ нихъ только въ тѣ мѣсяцы, когда мальчиковъ было не очень много, именно съ 20 апрѣля по 20 октября. Это продолжалось вплоть до 1822 г., когда въ смѣшанныхъ школахъ было уже 1,747 дѣвочекъ и 2,789 мальчиковъ. Въ послѣднее время система смѣшанныхъ школъ, сильно развившись въ Америкѣ, пользуется огромной популярностью, и не ради одной только своей дешевизны. Уже по одному тому, что народное образованіе находится въ рукахъ женщины, Соединенные Штаты должны поддерживать женское образованіе наравнѣ съ мужскимъ. Это лучше всего достигается системой смѣшанныхъ школъ. Почти во всѣхъ первоначальныхъ школахъ Америки мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ. Затѣмъ среднія и высшія учебныя заведенія устроены частію по смѣшанной системѣ, частію по раздѣльной. Въ Нью-Іоркѣ, Чикаго и Сенъ-Луи всѣ школы смѣшанныя; въ Бальтиморѣ всѣ классы раздѣлены по поламъ; въ Бостонѣ изъ 19 граматическихъ школъ въ 1869 г. было 7 мужскихъ, 6 женскихъ и 6 смѣшанныхъ. Во многихъ школахъ дѣвушки учатся въ одномъ этажѣ, а мальчики въ другомъ; въ другихъ они занимаются въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ. Въ высшихъ классахъ число дѣвочекъ часто превышаетъ число мальчиковъ; въ Провиденсѣ первыхъ вдвое больше; въ Спрингфильдѣ въ 1869 г. на 85 дѣвочекъ приходилось 45 мальчиковъ. Многіе изъ мужскихъ коллегій и университетовъ открыты для женщинъ, но послѣднія получили доступъ въ нихъ только послѣ долголѣтнихъ и настоятельныхъ хлопотъ. Въ 1850 г. во всемъ Союзѣ только двѣ коллегіи, оберлинская и антіохійская, принимали женщинъ на равныхъ правахъ съ мужчинами; но ни одной женщинѣ не дозволялось въ нихъ говорить или читать рѣчь, обыкновенно произносимую при возведеніи въ ученую степень. Присутствіе юбки на каѳедрѣ считалось неприличнымъ, и чтеніе женской рѣчи поручалось обыкновенно мужчинѣ. Въ 1853 г., подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, совѣтъ коллегіи дозволилъ дѣвушкамъ произносить упомянутыя рѣчи, но не иначе, какъ по тетрадкѣ. Одна молодая и смѣлая кандидатка взошла на каѳедру съ тетрадкой, но тотчасъ же спрятала ее и произнесла свою рѣчь наизусть. Съ тѣхъ поръ смѣшная консервативная формальность вышла изъ употребленія, и въ настоящее время въ оберлинской коллегіи на совершенно одинаковыхъ правахъ учатся около 1,500 студентовъ обоего пола. Вообще же женщины допускаются въ 50 коллегіяхъ. Въ мичиганскомъ смѣ-

шанномъ университетѣ слушаютъ лекціи больше 300 женщинъ. Кромѣ того, для женщинъ открыты университеты штатовъ Іовы, Миссури, Канзаса, Нью-Іорка, Иллинойса, Индіаны, Калифорніи, Говардовъ университетъ въ Вашингтонѣ и т. д. Въ 1874 г. въ мичиганскомъ университетѣ было 95 женщинъ, въ бостонскомъ 59 и т. д.

Смѣшанныя школы чрезвычайно благотворно дѣйствуютъ и на нравственное, и на умственное развитіе молодыхъ поколѣній. Это фактъ, доказанный на основаніи самыхъ точныхъ наблюденій надъ развитіемъ юношей и дѣвочекъ, выходящихъ изъ смѣшанныхъ школъ. Въ нихъ гораздо меньше проявляются тѣ преждевременныя болѣзненныя возбужденія полового инстинкта, которыя служатъ язвою раздѣльныхъ учебныхъ заведеній. Выдержанность характера, учтивость, вѣжливость, соревнованіе въ исполненіи обязанностей, совершенное отсутствіе столь обыкновенныхъ въ нашихъ заведеніяхъ привычекъ присвоивать чужія вещи, драться, курить,—вотъ прямые результаты постояннаго вліянія женскаго элемента. Изъ послѣдняго годового отчета о школахъ города Сенъ-Луи видно, что, кромѣ одной только нормальной коллегіи для женщинъ, всѣ школы въ немъ смѣшанныя. Въ нихъ учатся 12,175 мальчиковъ и 12,172 дѣвушки. Вотъ что говоритъ главный инспекторъ этихъ школъ: «Съ введеніемъ смѣшанныхъ школъ дисциплина непрерывно улучшалась. Въ Сенъ-Луи онѣ вводились постепенно, и поэтому мы имѣли полную возможность для самаго точнаго и всесторонняго сравненія обѣихъ системъ. Грубость и распущенность мальчиковъ, учащихся отдѣльно, тотчасъ замѣняется сдержанностью въ присутствіи дѣвочекъ. Чрезмѣрная сентиментальность, развиваемая въ дѣвочкахъ ихъ отдѣльнымъ воспитаніемъ, почти совсѣмъ исчезаетъ въ смѣшанныхъ школахъ. Въ нихъ водворяется совершенное самообладаніе. Ученіе также значительно улучшается. Когда полы раздѣлены, то методы образованія не уравновѣшены и постоянно стремятся къ двумъ противоположнымъ крайностямъ... Въ смѣшанныхъ же школахъ замѣчается болѣе быстрые успѣхи, и въ нихъ мы видимъ дѣвочекъ, оказывающихъ замѣчательные успѣхи даже въ математическихъ знаніяхъ, между тѣмъ какъ мальчики подъ вліяніемъ женской половины класса гораздо прилежнѣе занимаются литературой. Индивидуальное развитіе въ этихъ школахъ болѣе нормально и здраво, чѣмъ въ отдѣльныхъ. Каждый полъ здѣсь мѣряется съ другимъ своею умственною силою въ присутствіи учителя. Каждый видитъ слабость и силу другого и пріучается должнымъ образомъ оцѣнивать существенныя качества. Внезапныя симпатіи и антипатіи, капризныя фантазіи и романтическіе идеалы уступаютъ мѣсто здравому сужденію, которое не легко увлекается одною внѣшностью». Тѣ же самые результаты мы видимъ и въ смѣшанныхъ университетахъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады. Учебныя занятія идутъ здѣсь гораздо лучше, а нравственное развитіе гораздо выше, чѣмъ въ отдѣльныхъ университетахъ (см. «English Woman's Review», 1872, № 2, стр. 158—160). Въ этихъ же заведеніяхъ искореняются предразсудки и глупая гордость мужчинъ, какъ преобладающей силы. Способности и успѣхи учащихся совершенно одинаковы, и женскій умъ въ этихъ школахъ вовсе не проявляетъ недостатковъ, навязываемыхъ обыкновенно «слабому» полу. Вотъ что говоритъ по этому поводу Терчайльдъ, директоръ смѣшанной оберлинской коллегіи: «Въ продолженіе первыхъ шести лѣтъ моего пребыванія въ Оберлинѣ я преподавалъ греческій, латинскій и еврейскій языки, на девятый годъ чистую и прикладную математику и, наконецъ, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ занимался нравственными и философскими науками. По всѣмъ этимъ разнообразнымъ отраслямъ знаній я имѣлъ въ своемъ классѣ и дѣвушекъ, и молодыхъ людей, и не замѣчалъ между ними никакой разницы: какъ между тѣми, такъ и между другими была одинаковая доля сильныхъ и слабыхъ. Всякій разъ, когда тотъ и другой полъ прилагалъ свой умъ къ наукамъ одного и того же порядка, оба одинаково успѣвали въ своихъ занятіяхъ. Какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ одинаковую способность понять и выразить истину». Ректоръ мичиганскаго университета, д-ръ Энджелъ, говоритъ: «У насъ есть женщины на всѣхъ факультетахъ. На литературномъ и юридическомъ онѣ слушаютъ лекціи вмѣстѣ съ мужчинами, на медицинскомъ же—отдѣльно, кромѣ химіи. Онѣ такъ успѣваютъ по всѣмъ факультетамъ и во всѣхъ отрасляхъ знанія, что не имѣютъ причинъ бояться сравненія со студентами другого пола. Онѣ подвергаются точно такимъ же экзаменамъ, какъ и мужчины. Нѣтъ также никакихъ основаній утверждать, что ихъ здоровье страдаетъ отъ продолжительности нашихъ занятій. Взаимныя отношенія половъ въ высшей степени достойны похвалы. Опасенія, обнаруживаемыя многими относительно этого пункта, не имѣютъ никакихъ основаній». То же самое писалъ недавно Ричмондъ Фишъ о лаврентьевскомъ университетѣ, въ которомъ на каждые 10 студентовъ приходится 6 молодыхъ женщинъ. «Смѣшанная система образованія дѣйствуетъ превосходно. Молоденькія леди имѣютъ всестороннее и благотворное вліяніе, а ихъ успѣхи по всѣмъ отраслямъ знанія стоятъ на одинаковой высотѣ съ успѣхами молодыхъ людей... Сила прилежанія этихъ женщинъ, во все время строгаго дисциплинированія, совершенно одинакова съ прилежаніемъ ихъ братьевъ по ученію... Достойно замѣчанія, что въ настоящее время изъ трехъ факультетовъ—классическаго, точныхъ наукъ и смѣшаннаго—женщины, за исключеніемъ одной, занимаются или на факультетѣ точныхъ наукъ, или на смѣшанномъ». Серьезныя и продолжительныя учебныя занятія если и нѣсколько вредно дѣйствуютъ на женскій организмъ, то во всякомъ случаѣ нисколько не вреднѣе, чѣмъ на мужской. Изъ воспитанниковъ оберлинской коллегіи, получившихъ ученую степень по выходѣ изъ Оберлина, за тридцать четыре года было: 1 умершій изъ $9^1/_2$ мужчинъ и 1 умершая изъ 12 женщинъ. Въ смѣшанныхъ учебныхъ заведеніяхъ идея равенства половъ

сама собою прививается къ молодымъ умамъ и чувство равноправности дѣлается достояніемъ каждаго развитого человѣка. «Многія условія,—говоритъ одинъ іовскій корреспондентъ,—благопріятствовали успѣхамъ женскаго дѣла въ нашемъ штатѣ... Но ничто такъ не содѣйствовало равноправности половъ, какъ совмѣстное воспитаніе юношества. Въ общественныхъ и частныхъ школахъ братья и сестры обыкновенно учатся вмѣстѣ вплоть до окончанія курса въ іовскомъ университетѣ» *).

Система смѣшанныхъ школъ хотя и распространяется постепенно по всѣмъ штатамъ, однако ей еще далеко до полнаго торжества надъ системой раздѣльнаго воспитанія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Америкѣ, не смотря на очевидный для всѣхъ успѣхъ смѣшанныхъ школъ, многіе до сихъ поръ еще не рѣшаются держать вмѣстѣ послѣ пятнадцатилѣтняго возраста дѣвушекъ и юношей, учившихся до тѣхъ поръ въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ, отдыхавшихъ и забавлявшихся въ однихъ садахъ и рекреаціонныхъ залахъ. Въ 1871 г. правленіе корнелевскаго университета рѣшилось основать женское отдѣленіе, но съ тѣмъ, чтобы оба пола сходились только въ аудиторіяхъ, во все же остальное время были бы такъ раздѣлены между собой, какъ будто ихъ коллегіи отстоятъ другъ отъ друга на тысячи миль. Другіе университеты и коллегіи не допускаютъ даже и этого, запирая женщинамъ свои двери и отсылая ихъ для высшаго и средняго образованія въ особыя женскія школы. Въ 1871 г. общеобразовательныхъ женскихъ коллегій въ Соединенныхъ Штатахъ было шестьдесятъ восемь, кромѣ основанныхъ частными лицами и заведеній спеціальныхъ, особенно медицинскихъ, въ родѣ женскихъ медицинскихъ институтовъ въ Филадельфіи и Бостонѣ; всѣхъ же женскихъ коллегій 136. Изъ этихъ заведеній наиболѣе замѣчательны: Ваккеровъ коллегіальный институтъ въ Бруклинѣ, въ которомъ въ 1869 г. было 756 студентовъ; рутжерова женская коллегія въ Нью-Іоркѣ, съ шестилѣтнимъ курсомъ, по окончаніи котораго ученицы получаютъ патентъ, соотвѣтствующій степени бакалавра словесныхъ наукъ, и вассарова коллегія въ Паукипси. Послѣдняя основана въ 1861 г. на деньги (2,500,000 франковъ), пожертвованныя пивоваромъ Матью Вассаромъ. Внѣшнее устройство коллегіи великолѣпно и вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ школьной гигіены. Кабинеты—физическій, химическій, зоологическій, ботаническій, минералогическій, библіотека, обсерваторія, гимнастика, манежъ, сады и парки для прогулокъ—все это дѣлаетъ коллегію образцовымъ учебнымъ заведеніемъ. Въ ней 40 профессоровъ и 500 учащихся. Значительная часть каѳедръ занимается женщинами. Въ настоящее время женщины преподаютъ: одна—астрономію (она же завѣдуетъ обсерваторіей), одна—физіологію и гигіену (она же исполняетъ должность врача при коллегіи), одна—гимнастику, дѣ—латинскій языкъ, одна—математику, одна—естествознаніе, одна — музыку, одна — пѣніе, четыре — англійскій языкъ и литературу, дѣ—языки греческій, нѣмецкій и французскій, одна—ботанику, одна—завѣдуетъ библіотекой. Дѣвицы принимаются въ коллегію 15-ти лѣтъ и подвергаются вступительному экзамену изъ слѣдующихъ предметовъ: четырехъ книгъ Юлія Цезаря, четырехъ рѣчей Цицерона, шести книгъ Виргилія, латинской грамматики, высшей алгебры и всемірной исторіи. Курсъ въ коллегіи продолжается четыре года, по истеченіи которыхъ дѣвицы могутъ оставаться въ ней для спеціальныхъ занятій по выбраннымъ ими предметамъ. Коллегія раздѣляется на два факультета и программы ея курсовъ вполнѣ соотвѣтствуютъ мысли основателя—давать женщинамъ такое же высшее образованіе, какое получаютъ и мужчины. Кромѣ слу-

*) Система смѣшанныхъ школъ пріобрѣтаетъ большую популярность и въ Англіи. Лучшіе педагоги Англіи признали уже всѣ выгоды этой системы, которая понемногу начинаетъ входить и въ практику. Основанная въ Ньюкестлѣ коллегія физическихъ наукъ на совершенно одинаковыхъ условіяхъ открыта и для мужчинъ, и для женщинъ. Въ лондонской университетской коллегіи хотя и назначены для женскихъ классовъ особенныя комнаты, но нѣкоторые профессора положительно отказались тратить напрасно время на отдѣльное преподаваніе мужчинамъ и женщинамъ. Лекціи еврейскаго языка и юриспруденціи въ этой коллегіи читаются обоимъ поламъ вмѣстѣ. Система смѣшаннаго воспитанія прежде всего представляетъ экономическія выгоды и возможность на теперешнія суммы заводить гораздо больше школъ. Въ Америкѣ, при смѣшанной системѣ образовалія, каждый ученикъ въ элементарныхъ школахъ стоитъ въ годъ 10 шиллинговъ, а въ Англіи, при раздѣльной системѣ, не менѣе 30 шиллинговъ. Впрочемъ, въ настоящее время уже значительная часть первоначальныхъ школъ въ Англіи открыта для обоихъ половъ вмѣстѣ, и смѣшанная система оказываетъ самое благотворное вліяніе на успѣхи народнаго образованія. Вотъ что пишетъ о нихъ одинъ инспекторъ: «Смѣшанная система дѣйствуетъ удивительно хорошо. Я не слыхалъ, чтобы хотя въ одной такой школѣ замѣчалась опасность отъ соединенія въ ней половъ. Между учениками развиваются здѣсь братскія отношенія. Несомнѣнно также, что въ смѣшанныхъ школахъ дѣвочки заимствуютъ отъ мальчиковъ болѣе сильное расположеніе къ ариѳметикѣ, а мальчики, благодаря дѣвочкамъ, отличаются способностью хорошо говорить, ясными отвѣтами на вопросы и приличіемъ своего поведенія». Кромѣ нормальныхъ, въ Англіи есть уже нѣсколько среднихъ смѣшанныхъ школъ, какъ, напр., Aubrey Institut въ Ноттингамѣ и вечерніе классы въ Кэсбекѣ и Бирбекѣ. Бирбекскіе классы открыты для обоихъ половъ на совершенно одинаковыхъ условіяхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что за обученіе въ нихъ женщины платятъ менѣе, чѣмъ мужчины. Въ Шотландіи большая часть школъ смѣшанныя. Въ Италіи, гдѣ на 100 учащихся приходится 56 мальчиковъ и 44 дѣвушки, смѣшанныя школы въ послѣднее время начинаютъ входить въ большое употребленіе, и успѣхъ ихъ быстро разрушаетъ обычный предразсудокъ о необходимости изолировать дѣвушекъ,—предразсудокъ, доходящій въ той же Италіи до того, что, по свидѣтельству Габели, въ одномъ частномъ пансіонѣ положено не держать *даже котовъ и другихъ животныхъ мужескаго пола!* Смѣшанныхъ школъ открывается здѣсь довольно много. Еще въ 1868 г. изъ 1,910 вновь открытыхъ школъ было 647 мужскихъ, 715 женскихъ и 558 смѣшанныхъ. Въ институтахъ глухонѣмыхъ въ Цюрихѣ, Прагѣ, Мюнхенѣ, Берлинѣ мальчики и дѣвочки живутъ вмѣстѣ до 16 лѣтъ; они проводятъ вмѣстѣ цѣлый день и только къ вечеру расходятся по разнымъ комнатамъ, какъ это дѣлается и въ семьѣ. Опытъ цюрихскаго университета, въ которомъ въ зимній семестръ $187^2/_3$ г. учились вмѣстѣ со студентами до 100 женщинъ, большею частію русскихъ, привелъ къ тому же выводу, какъ и смѣшанные американскіе университеты. Подъ вліяніемъ цюрихскаго опыта для женщинъ открылись всѣ высшія учебныя заведенія Цюриха и Женевы и университеты: бернскій и низанскій.

жащихъ въ коллегіи профессоровъ, ежегодно приглашается въ нее для чтенія лекцій нѣсколько лучшихъ литераторовъ и ученыхъ на особую сумму, пожертвованную для этого Вассаромъ въ 1868 г.

Какъ ни гордятся американцы высокимъ образованіемъ своихъ женщинъ и заведеніями въ родѣ вассаровской коллегіи, но всѣ друзья женскаго дѣла въ Америкѣ недовольны этой системой раздѣльнаго образованія, этими непроизводительными затратами на отдѣльныя учебныя заведенія для женщинъ. Но при всемъ этомъ, какъ смѣшанная, такъ и раздѣльная система высшаго образованія даютъ американкѣ такую возможность къ уравненію съ мужчиной, какой не имѣютъ женщины самыхъ цивилизованныхъ странъ Европы. При обыкновенномъ, патріархальномъ положеніи женщины, при ея воспитаніи исключительно для мужа, кухни и гостиной, женскій умъ обыкновенно получаетъ тѣ недостатки, которые считаются прирожденными свойствами женской природы. Но солидное образованіе, получаемое американкой, особенно высшее, совершенно разбиваетъ этотъ предразсудокъ и дѣлаетъ женщину вполнѣ развитымъ человѣкомъ. «Revolution» совершенно справедливо замѣчаетъ, что главная заслуга высшаго образованія заключается въ воспитаніи ума и развитіи духа раціонализма. «Мужчины, кончившіе курсъ въ коллегіяхъ, не продолжаютъ же заниматься до конца своей жизни греческимъ языкомъ или проблемами Евклида. Три четверти изъ нихъ никогда не обращаются къ Ѳукидиду, никогда не вспоминаютъ о геометріи и вовсе не думаютъ о метафизикѣ. Уроки забываются, но направленіе, умственная дисциплина, моральные результаты этихъ утонченныхъ, серьезныхъ занятій остаются капиталомъ для будущаго производства и силою, которую можно приложить къ дѣлу при встрѣтившейся надобности. Такъ и образованная женщина не будетъ смѣшить людей, пускаясь въ разговоры по-латыни или приводя мѣста изъ греческой антологіи. У нея слишкомъ много здраваго смысла, чтобы не сдѣлаться посмѣшищемъ изъ-за такого педантства и тщеславія. Но полученное ею образованіе даетъ ей силу и солидность ума, даетъ направленіе ея способностямъ и волѣ, матеріалъ и мѣрило для разсужденія, которые оказываютъ ей неисчислимыя услуги во всѣхъ ея дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ».

Въ концѣ 1873 г. знаменитый бостонскій медикъ, д-ръ Клэркъ, издалъ книгу: Sex in education, or a fair chance for girls. Книга эта въ нѣсколько мѣсяцевъ выдержала семь изданій и возбудила чрезвычайно оживленную полемику, касающуюся одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ женскаго вопроса. Американки вообще не отличаются хорошимъ здоровьемъ; онѣ малокровны, блѣдны, тощи; женскія болѣзни въ Америкѣ гораздо распространеннѣе, чѣмъ въ Европѣ; американка въ большинствѣ случаевъ не можетъ даже исполнять какъ слѣдуетъ своихъ материнскихъ обязанностей, такъ какъ груди ея очень малы. Причины этого явленія Клэркъ указываетъ главнымъ образомъ въ истощающихъ американскую дѣвушку непосильныхъ трудахъ ученья и особенно въ системѣ совмѣстнаго образованія половъ, которое онъ называетъ «преступленіемъ передъ Богомъ и человѣчествомъ». Онъ энергически протестуетъ противъ этого «убійственнаго» просвѣщенія и образу жизни американки предпочитаетъ жизнь гаремной затворницы Востока. Онъ настаиваетъ, чтобы женщина со времени перваго появленія регулъ и до ихъ прекращенія, т.-е. приблизительно въ продолженіе тридцатилѣтъ своей жизни, пользовалась «восточнымъ уходомъ». Другими словами, въ періодъ менструацій, т.-е. въ теченіе семи дней въ мѣсяцъ, женщина должна абсолютно воздерживаться отъ всякаго физическаго и умственнаго труда.

Благодаря авторитетности Клэрка, книга его произвела въ Америкѣ ужасный переполохъ, который еще болѣе усилился, когда въ Fortnightly Review появилась статья знаменитаго психіатра Модсли, соглашавшагося со всѣми выводами Клэрка. Но противъ этихъ мужскихъ авторитетовъ не замедлили выступить доктора-женщины, Якоби въ Нью-Іоркѣ и Гарретъ-Андерсонъ въ Лондонѣ. Въ медицинскомъ мірѣ ихъ репутація равняется репутаціи Клэрка и Модсли, не говоря уже о томъ, что, какъ женщины и спеціалистки по женскимъ болѣзнямъ, онѣ болѣе компетентны въ этомъ вопросѣ, чѣмъ Модсли и Клэркъ. Вмѣстѣ съ Якоби и Андерсонъ противъ Клэрка возстали съ массою фактическихъ доказательствъ многіе другіе медики, директоры женскихъ школъ, матери семействъ, получившія высшее образованіе, и т. д. Мы изложимъ здѣсь главные пункты этой поучительной полемики.

Выводы Клэрка вполнѣ опровергаются школьною статистикой. Вотъ, напр., основанная въ 1837 г. женская семинарія въ Голейокѣ, выпустившая по 1873 г. 1,455 дѣвушекъ. По отзывамъ врачей, начальства и самихъ бывшихъ воспитанницъ, ученицы вообще пользуются хорошимъ здоровьемъ. Слѣдующія таблицы показываютъ размѣры смертности бывшихъ воспитанницъ этой семинаріи сравнительно съ смертностью бывшихъ воспитанниковъ мужскихъ коллегій за тридцатилѣтній періодъ, кончившійся 1867 годомъ.

	Кончило курсъ.	Изъ нихъ умерло.	Процентъ.
Женская семинарія въ Голейокѣ.....	1,213	126	10,39
Мужская коллегія Амгерстъ	1,199	135	11,26
» » Баудойнъ.	1,012	120	11,85
» » Браунъ...	972	120	12,34
» » Дартмутъ.	1,639	276	16,83
» » Гарвардъ.	2,326	268	11,52
» » Уильямсъ.	1,215	123	10,12
» » Йель.....	2,883	387	13,42 *)

Въ женской коллегіи Вассара здоровье дѣвушекъ не только не страдаетъ отъ занятій, но вообще даже улучшается, о чемъ свидѣтельствуютъ медицинскіе списки.

*) Изъ этой таблицы исключены годы усиленной смертности вслѣдствіе войны.

		Съ очень хорошимъ здоровьемъ.	Съ хорошимъ.	Съ слабымъ.
Выпускъ 1872 г.				
поступили.....	18	9	1	
онѣ кончили курсъ	27	1	0	
Выпускъ 1873 г.				
поступили.....	19	14	12	
онѣ кончили курсъ	24	16	5	
Выпускъ 1874 г.				
поступили.....	14	5	2	
онѣ кончили курсъ	13	7	1	

Въ оберлинской коллегіи совмѣстное образованіе юношества обоего пола практикуется съ полнымъ успѣхомъ уже болѣе сорока лѣтъ. Изъ кончившихъ курсъ въ ней—мужчинъ $10^0/_0$, а женщинъ $9,67^0/_0$. Подробныя свѣдѣнія собраны о 19 воспитанницахъ выпуска 1856 г. Изъ нихъ умерло между 1856 и 1873 гг. 2, замужемъ 8. На обращенные къ нимъ вопросы объ ихъ здоровьѣ и образѣ жизни онѣ отвѣчали: Одна: «вы спрашиваете, что я дѣлаю?—воспитываю своихъ сыновей!» Другая: «я вполнѣ здорова, равно какъ и шестеро моихъ мальчиковъ. Два старшихъ уже готовы къ поступленію въ коллегію. Они, естественно, желаютъ учиться тамъ же, гдѣ училась ихъ мать». Третья: «я наслаждаюсь толпою рѣзвыхъ дѣтей, хорошимъ здоровьемъ и счастливою семейною жизнью». Остальные отвѣты въ томъ же родѣ. Бывшій директоръ оберлинской коллегіи д-ръ Маганъ, свидѣтельствуетъ, что въ его время число юношей, здоровье которыхъ разстроилось въ продолженіе курса, относилось къ числу такихъ же дѣвушекъ, какъ 2:1. Почти та же самая пропорція замѣчается и въ адріанской коллегіи, которою Маганъ управляетъ въ настоящее время.

Изъ бывшихъ воспитанниковъ антіохійской коллегіи умерло мужчинъ $13^1/_2{}^0/_0$, женщинъ $9^3/_4{}^0/_0$; цифра погибшихъ на войнѣ исключена изъ этого числа. Три четверти бывшихъ воспитанницъ вышло замужъ, и $^4/_5$ изъ нихъ имѣютъ отъ 1 до 6 дѣтей.

Въ мичиганскомъ университетѣ слушаютъ лекціи студенты обоего пола, и университетскій отчетъ за 1873 г. свидѣтельствуетъ, что результаты совмѣстнаго обученія благопріятны во всѣхъ отношеніяхъ. «Занятія женщинъ ни мало не вредятъ ихъ здоровью. Напротивъ, едва ли молодыя женщины какой-нибудь другой профессіи пользуются такимъ прекраснымъ здоровьемъ». «Женщины мичиганскаго университета—говоритъ ректоръ его, д-ръ Таппанъ,—вполнѣ доказываютъ своимъ примѣромъ, что умственный трудъ вполнѣ полезенъ для здоровья».

Мы не будемъ болѣе приводить фактовъ и отзывовъ, направленныхъ противъ Кларка: всѣ они говорятъ одно и то же, всѣ они побиваютъ Кларка, у котораго почти вовсе нѣтъ фактическихъ доказательствъ. Онъ приводитъ всего семь случаевъ, гибельнаго вліянія школъ на здоровье женщины,—случаевъ, доказывающихъ только, что женщины, получившія образованіе, могутъ болѣть; связи же между школой и ихъ болѣзнью Кларкъ не выясняетъ.

Но хотя причины болѣзненности и слабости американки объяснены неудачно, самый фактъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ достовѣренъ и не подлежитъ никакому сомнѣнію. Здоровьемъ вообще не могутъ похвастаться ни американцы, ни американки, и это объясняется особенностями американскаго климата, съ которыми не успѣла еще окончательно освоиться раса янки. Воздухъ Америки чрезвычайно сухъ, онъ сильно раздражаетъ нервы и подъ его вліяніемъ железы развиваются плохо, вслѣдствіе чего груди американки вообще малы, и многія женщины не могутъ кормить своихъ дѣтей. Въ сѣверныхъ штатахъ, кромѣ того, стоятъ сильные холода зимой и сильные жары лѣтомъ, и переходы отъ тепла къ холоду бываютъ чрезвычайно рѣзки. Всѣ эти вліянія отражаются сильнѣе на женщинахъ, чѣмъ на мужчинахъ, вслѣдствіе того, что женщины впечатлительнѣе мужчинъ и меньше ихъ гарантированы отъ климата своимъ костюмомъ, обувью, головными уборами. Женскій костюмъ не только плохо защищаетъ отъ простуды, онъ вредитъ еще организму своими корсетами, туго стянутыми юбками и т. д. Это сознаютъ всѣ гигіенисты, и въ настоящее время во многихъ городахъ уже дѣйствуютъ «комитеты реформы женской одежды» и ведется дѣятельная пропаганда, имѣющая цѣлью замѣну юбокъ шароварами, гарибальдійскими рубашками и т. д. Многія американки уже ходятъ въ этомъ новомъ костюмѣ. Здоровью американской женщины сильно вредитъ еще образъ жизни ея. «Я думаю,—говоритъ одна писательница, — что ни въ какой странѣ, ни въ какую эпоху жизнь не была такъ невоздержна и не тратилась такъ беззаботно, какъ въ современной Америкѣ. Въ Сибирнѣ, въ Коринѣ, въ Парижѣ только немногіе богатые люди могли и могутъ вести такую неправильную жизнь, какую, благодаря необыкновенному процвѣтанію нашей страны, у насъ ведутъ очень многіе». Развлеченія, занятія политикой, «дѣла», которыми сплошь и рядомъ ворочаютъ женщины, вообще отсутствіе умственнаго отдыха, которымъ отличается американское общество, порождаютъ множество мозговыхъ и нервныхъ страданій, отъ которыхъ въ Массачузетѣ сходитъ въ могилу $11^0/_0$ изъ всего числа умирающихъ, между тѣмъ какъ въ Новой Шотландіи только $8^0/_0$. Домашнее воспитаніе въ Америкѣ ведется крайне плохо, и даже самъ д-ръ Кларкъ сознается, что «громадная доля женскихъ силъ теряется отъ нераціональнаго приготовленія пищи и ея неудобоваримости». Дѣтямъ обыкновенно позволяютъ ѣсть и пить все, что они хотятъ и сколько хотятъ. Дѣвочки восьми—десяти лѣтъ уже наряжаются, танцуютъ, кокетничаютъ, какъ взрослыя, и т. д.

Такимъ образомъ, полемика, возбужденная д-ромъ Кларкомъ, вполнѣ выяснила, что причины плохого здоровья американки не въ ея образованіи, а въ условіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ образованіемъ, — въ условіяхъ, для борьбы съ которыми нужно прежде всего образованіе.

Образованіе даетъ американкѣ возможность принимать участіе во всѣхъ отрасляхъ національнаго труда, содѣйствовать прогрессу страны и добывать себѣ средства для самостоятельной жизни.

Изъ всѣхъ профессій, для занятія которыми необходимо высшее образованіе, женщины всегда предпочитали въ особенности медицинскую. Но за право имѣть доступъ къ ней онѣ должны были вести долгую и упорную борьбу съ невѣжественными предразсудками и съ эгоистическими интригами медицинской корпораціи. Такъ было и въ древней Греціи, такъ было и въ Европѣ, такъ было и въ Америкѣ. Мы остановимся здѣсь на поучительныхъ біографіяхъ нѣкоторыхъ американокъ, которыя первыя вышли побѣдительницами изъ этой борьбы и проложили дорогу другимъ женщинамъ.

Клеменція Лозье, младшая изъ тринадцати дѣтей фермера Гарпера, родилась въ Пленфильдѣ въ 1813 г. Раньше это семейство жило въ Виргиніи, гдѣ тогда держались еще многочисленныя и довольно развитыя племена индѣйцевъ. Мать Клеменціи, ревностная квакерша, находилась въ короткихъ отношеніяхъ съ индѣйцами, многихъ обратила въ христіанство, познакомилась съ ихъ народной медициной, изучила нѣсколько научно-медицинскихъ сочиненій и съ успѣхомъ лѣчила болѣзни въ своемъ околоткѣ. Потомъ переселившись въ Нью-Іоркъ, она и здѣсь въ продолженіе семи лѣтъ занималась медицинскою практикой подъ руководствомъ двухъ врачей, своихъ родственниковъ. Старшій сынъ ея тоже былъ лѣкаремъ. Естественно, что и дочь вздумала пойти по той же дорогѣ. Клеменція, рано оставшаяся сиротой, воспитывалась въ пленфильдской женской академіи. Въ 1830 г. она вышла за Лозье. Здоровье мужа скоро совершенно разстроилось, и Клеменція открыла въ своемъ домѣ школу, которою она заправляла цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ. Она была одной изъ первыхъ учительницъ въ городѣ, которыя начали преподавать анатомію, физіологію и гигіену, какъ необходимые предметы женскаго образованія. Все это время она, подъ руководствомъ брата, изучала медицину теоретически и занималась практикой. Послѣ смерти мужа она слушала лекціи въ центральной коллегіи нью-іоркскаго штата, и только въ 1853 г. получила степень доктора медицины въ Сиракузахъ, между тѣмъ какъ коллегіи другихъ городовъ отказались допустить ее къ экзамену. Въ Нью-Іоркѣ она получила самую обширную практику, и ея доходы равнялись доходамъ лучшихъ врачей, хотя она и извѣстна своимъ безкорыстіемъ. Лозье была преимущественно хирургомъ; она сдѣлала 120 весьма трудныхъ и сверхъ 1.000 болѣе легкихъ операцій. Ученый медицинскій міръ Америки и Европы относился къ ней съ большимъ уваженіемъ. Еще въ 1860 г. въ своемъ домѣ Лозье открыла медицинскій курсъ для своихъ пацієнтовъ и подругъ и продолжала его три года, а потомъ основала формальную медицинскую коллегію для женщинъ. Достигнувъ такимъ образомъ цѣли своихъ желаній и надеждъ, она до сихъ поръ помогаетъ коллегіи и своими знаніями, и деньгами, вмѣстѣ со своимъ сыномъ, тоже извѣстнымъ докторомъ медицины. Замѣчательно, что Лозье, при всемъ своемъ умѣ, никакъ не хотѣла допустить, чтобы женщины изучали медицину вмѣстѣ съ мужчинами. И это напрасное опасеніе вытекало изъ той же совершенно безкорыстной ревности къ общему дѣлу, которая служитъ исключительнымъ мотивомъ всей ея жизни. Девизомъ Лозье была мысль, высказанная ею передъ одной самой трудной операціей, какую только доводилось дѣлать ей: «Я рѣшилась совершить ее ради добраго дѣла и въ интересахъ женщины». Дѣйствительно, чтобы доказать способность женщины къ трудной медицинской профессіи, необходими были такіе блестящіе примѣры, какъ Клеменція Лозье.

Миссъ Гарріоть Гёнтъ родилась въ зажиточномъ бостонскомъ семействѣ, въ 1805 г. По смерти отца она очутилась вмѣстѣ съ своей сестрой въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Сестра ея страдала болѣзнью, отъ излѣченія которой медики отказались. Объ сестры принялись за изученіе патологіи, заинтересовались другими отдѣлами медицины и естествознанія, стали изучать ихъ и пользоваться руководствомъ одного врача, у котораго Гарріоть служила секретаремъ и въ домѣ котораго она жила. Въ 1835 г. сестры начали уже медицинскую практику, а въ 1843 г. основали въ Чарльстоунѣ женское физіологическое общество, которое собиралось дважды въ мѣсяцъ для чтенія лекцій и научныхъ бесѣдъ. Въ 1847 г. Гарріоть, будучи уже 43 лѣтъ отъ роду, рѣшилась поступить въ говардову коллегію; но дозволеніе слушать здѣсь лекціи она получила только въ 1850 г., послѣ своей вторичной просьбы и послѣ того, какъ примѣръ женевскаго университета, допустившаго Елисавету Блэкуель къ изученію медицины, благопріятно подѣйствовалъ и на начальство говардовой коллегіи. Но студенты послѣдней отнеслись къ Гарріоть Гёнтъ столь враждебно, что она должна была покинуть заведеніе. Въ 1853 г. женская медицинская коллегія въ Филадельфіи поднесла Гарріоть степень доктора медицины. Кромѣ врачебной практики, Гарріоть Гёнтъ, какъ и Клеменція Лозье, посвящаетъ до сихъ поръ свои силы женскому дѣлу вообще. Она живетъ постоянно въ Бостонѣ, но нѣсколько лѣтъ назадъ она объѣхала многіе штаты и всюду говорила рѣчи на ту тему, что женщина должна быть врачомъ для своего пола.

Еще при болѣе трудныхъ условіяхъ, чѣмъ двѣ вышеупомянутыя женщины, начали свою медицинскую карьеру сестры Блэкуель. Въ 1853 г. онѣ основали въ Нью-Іоркѣ женскую и дѣтскую больницу, а черезъ нѣсколько лѣтъ, при сотрудничествѣ доктора медицины Маріи Закржевской, онѣ значительно улучшили ее, и она сдѣлалась надолго единственнымъ заведеніемъ, въ которомъ женщины могли практически заниматься медициной, между тѣмъ какъ имъ былъ закрытъ доступъ во всѣ другія больницы. Сестры Блэкуель изучали медицину въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и въ Америкѣ, и въ Европѣ. Вопреки м-съ Лозье, онѣ доказываютъ необходимость смѣшанныхъ медицинскихъ курсовъ и, только уступая общественному мнѣнію, согласились на основаніе особой врачебной коллегіи для женщинъ.

Такимъ образомъ, путемъ труднаго самообученія, тяжкой работы, упорной борьбы съ предразсудками, лѣтъ тридцать назадъ нѣсколько женщинъ достиг-

ли возможности появиться на медицинскомъ поприщѣ. Это возбудило ужасное негодованіе въ Америкѣ, а особенно въ Европѣ. Тогдашніе романисты и газетчики начали осыпать этихъ тружениць самою возмутительною бранью и подрывать ихъ репутацію самою наглою клеветою. Ихъ изображали и женщинами легкаго поведенія, и безбожницами, и вольнодумками. Между тѣмъ всѣ эти женщинами ведутъ самую скромную и религіозную жизнь; изъ нихъ Лозье набожная квакерша, а Гёнтъ искренно предана сведенборгизму. Энергія всѣхъ подобныхъ женщинъ была такъ велика, что, проложивъ для себя и для другихъ дорогу къ медицинской профессіи, онѣ очень скоро увидѣли обильные плоды своей дѣятельности. Въ 1850 г. въ Соединенныхъ Штатахъ не было еще ни одного медицинскаго училища для женщинъ и въ рядахъ практикующихъ медиковъ было лишь нѣсколько американокъ, познакомившихся съ врачебнымъ искусствомъ путемъ самообученія, какъ Лозье и Гёнтъ. Первая медицинская женская коллегія была открыта въ Нью-Іоркѣ въ 1853 г., а въ 1871 г. было семь такихъ коллегій, кромѣ нѣсколькихъ другихъ, которыя допускаютъ женщинъ заниматься вмѣстѣ съ мужчинами. Публика совершенно освоилась съ медиками-женщинами, которыхъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе 400. Многія изъ нихъ пользуются огромною популярностью, и ежегодный доходъ ихъ простирается отъ 2,500 до 25,000 рублей. Независимо отъ частной практики, женщины получаютъ должности городовыхъ врачей, врачей въ учебныхъ заведеніяхъ, богадѣльняхъ, сумасшедшихъ домахъ. Многія медицинскія общества считаютъ ихъ въ числѣ своихъ членовъ. Премія, объявленная въ 1870 г. «Медицинской Газетой», присуждена женщинѣ-медику. Нѣкоторыя женщины, получивъ медицинское образованіе, отправляются къ индѣйцамъ въ качествѣ медиковъ, учительницъ и миссіонерокъ, а другія ѣдутъ въ Индустанъ, въ которомъ мужчинамъ не дозволяется лѣчить женщинъ.

На ученомъ поприщѣ мы видимъ много женщинъ, съ честію занимающихъ университетскія каѳедры. Въ 1869, 1870, 1871 годахъ не мало женщинъ дѣйствовало въ роли членовъ разныхъ академій наукъ и искусствъ, американскаго общества соціальныхъ наукъ, международнаго тюремнаго конгресса въ Лондонѣ, конгресса соціальныхъ наукъ 1871 г. и т. д. Историческія общества въ Нью-Іоркѣ и Чикаго избрали нѣсколькихъ женщинъ своими членами. Въ Мичиганѣ, Іовѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ женщины опредѣляются директорами публичныхъ библіотекъ. Въ обществахъ научныхъ, художественныхъ, промышленныхъ, педагогическихъ мы также видимъ множество женщинъ въ качествѣ членовъ. Изъ ученыхъ знаменитостей мы укажемъ здѣсь на доктора философіи, члена американской академіи наукъ и искусствъ, и американскаго общества развитія наукъ, миссъ Марію Митчель, занимающую одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ ряду астрономовъ нашего времени.

Кто просматривалъ каталоги американскихъ книгъ, тотъ могъ замѣтить, что весьма значительная часть сочиненій, выходящихъ въ Сѣверной Америкѣ, пишется женщинами *). Въ области поэзіи и беллетристики американки и качественно, и количественно являются опасными соперницами мужчинъ. Имена Бичеръ-Стоу, миссъ Амеліи Эдвардсъ, двухъ сестеръ Кери, Норы Перри и другихъ стоятъ на ряду съ лучшими именами писателей.

Какъ быстро овладѣваютъ женщины литературой, особенно въ области поэзіи и романа, можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ «Учебникѣ американской литературы» Гарта замѣчательныхъ писателей значится—

	Въ 1800—1830 г.		1830—1850 г.		1850—1873 г.	
	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.
поэтовъ . .	22	4	39	14	55	30
романистовъ	17	1	55	23	50	95

Женщины теперь такъ же прочно утвердились въ литературѣ, какъ и въ педагогіи. «Двадцать лѣтъ назадъ онѣ участвовали въ литературѣ главнымъ образомъ по части составленія кухонныхъ книгъ; теперь же онѣ занимаютъ въ ней самыя передовыя мѣста и въ качествѣ издателей, редакторовъ, репортеровъ, корреспондентовъ, оказываютъ большое вліяніе на общественное мнѣніе», говоритъ Полина Девисъ. Въ ряду ихъ первое мѣсто принадлежитъ Лидіи Чайльдъ, которую называютъ «геніальной бабушкой женской журналистики въ Америкѣ». Чайльдъ стоитъ на ряду съ лучшими и честнѣйшими писателями своего отечества. Ея блестящіе фельетоны и передовыя статьи, писанныя лѣтъ тридцать назадъ, издаются и читаются до настоящаго времени, равно какъ и ея сочиненія для дѣтей. Ея «Исторія женщинъ», выдержавшая множество изданій, имѣла большое вліяніе на развитіе женскаго дѣла. Лидіи Чайльдъ принадлежитъ еще та заслуга, что она одна изъ первыхъ основала журналъ, спеціально посвященный освобожденію негровъ. Въ настоящее время многія женщины играютъ первостепенную роль въ періодической печати, не говоря уже о писательницахъ, спеціально посвящающихъ свои труды женскому вопросу. Такъ, напр., миссъ Найтъ издаетъ въ Чарльстонѣ «Saturday Chronicle»; восемнадцатилѣтняя и очень даровитая миссъ Дайотъ—редакторъ и издательница «New Rochelle Pioneer»; миссъ Мери Бутъ издаетъ «Harpers Bazar»; Цецилія Киллогъ въ Вашингтонѣ издаетъ «Capital»; миссъ Стевенсъ—«Pioneer» въ С.-Франциско; Фанни Гобартъ—«Times» въ Нью-Іоркѣ, и т. д.; Амелія Барръ, Мэри Эмсъ, м-съ Гамильтонъ, миссъ Дженъ, миссъ Энтони, Лукреція Моттъ, м-съ Стэнтонъ, м-съ Клевеландъ — принадлежатъ къ лучшимъ публицистамъ Америки. Ньюджерсейская газета «Guardian» и издается, и составляется, и печатается женщинами. Одна изъ нихъ, служащая смотрительницей типографіи, получаетъ въ годъ больше 5.000, а двѣ ея сестры—около 7.000 долларовъ.

Объ искусствахъ, конечно, нечего и говорить; эта

*) Почти то же самое и въ Англіи. Двѣ трети книгъ, вышедшихъ въ Англіи въ первые два мѣсяца 1872 г., написаны женщинами (Neue Bahnen, № 3, 5, 19).

сфера дѣятельности давно уже завоевана женщинами. Замѣтимъ только, что американки особенно отличаются въ скульптурѣ. Національная статуя Линкольна исполнена дѣвушкой, по порученію конгресса. Въ настоящее время около десяти американокъ занимаются скульптурой въ Римѣ. Изъ нихъ обращаетъ на себя особенное вниманіе миссъ Льюисъ, негритянка; для вѣнской всемірной выставки она приготовила работу, темой которой служитъ освобожденіе негровъ.

Женщины проникли уже во всѣ отрасли государственной и общественной службы, промышленности, торговли. Въ 1869 г. 1.400 почтмейстерскихъ должностей было занято женщинами. Въ 1874 г. въ одной только Пенсильваніи было 150 почтмейстершъ. Одна американка временно исправляла должность помощника министра финансовъ *). Многія женщины служатъ библіотекарями, акцизными чиновниками, мировыми судьями, бухгалтерами, телеграфистами, инспекторами школъ, шерифами, констеблями, клерками въ законодательныхъ собраніяхъ штатовъ и въ министерствахъ, нотаріусами, сборщиками податей, полицейскими сыщиками; женщина недавно построила желѣзную дорогу, двѣ другія женщины проводили телеграфную линію. Въ американскихъ газетахъ постоянно помѣщаются извѣстія въ родѣ слѣдующихъ: «Миссъ Елиза Дженнингсъ выбрана директоромъ банка въ Комфильдѣ, въ Огайо.—Національный банкъ Іоминга выбралъ въ директоры м-съ Брайтенъ.—М съ Коллинсъ въ Нью-Гемпширѣ взяла на себя по контракту постройку дороги, которую она ведетъ съ большою энергіей, лично распоряжаясь работами и еженедѣльно разсчитывая рабочихъ. — Миссъ Фанъ Лью служитъ почтмейстеромъ въ Ричмондѣ, и журналы говорятъ, что тамошній почтамтъ никогда не былъ лучше, чѣмъ подъ ея управленіемъ.—М-съ Моррисъ назначена мировымъ судьей графства Суитуатеръ, и вотъ уже годъ исполняетъ свои трудныя обязанности съ особеннымъ успѣхомъ.—Ида Нортъ опредѣлена директоромъ библіотеки штата въ Іовѣ. — На послѣднемъ митингѣ ассоціаціи мичиганскихъ издателей выбраны дѣйствительными членами м-съ Дженни, миссъ Крэнъ и миссъ Алисонъ.—М-съ Конвей дѣятельно занимается постройкой западной меридендской желѣзной дороги. О ней отзываются, какъ о дѣятельной и энергичной подрядчицѣ.—М-съ Сара Экенъ гоняетъ почту и содержитъ перевозы изъ Клинтона въ Іовѣ до Гарденъ Пленъ въ Иллинойсѣ. — Въ 1872 г. обнаружилось, что благопріятный исходъ междоусобной войны былъ основанъ на выполненіи стратегическаго плана, составленнаго нѣкоей Анной Карроль и принятаго правительствомъ, отступившимся, по разсмотрѣніи его, отъ своего прежняго плана». Вотъ еще новая отрасль труда, за которую впервые берется женщина. Экипажъ одного американскаго брига состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: капитанъ Апагностъ Андреасъ, комиссаръ—его жена, шкиперъ—ихъ сынъ Александръ, остальные—ихъ дочери Калліопа и Афродита и сыновья Ксенофонтъ, Альфредъ, Ахиллесъ и Гекторъ. Женщины управляютъ парусами и въ экстренныхъ случаяхъ на ряду съ мужчинами стоятъ на вахтѣ днемъ и ночью.—Въ земледѣльческой жизни все больше и больше появляется женщинъ въ качествѣ самостоятельныхъ фермеровъ. Въ Виландѣ, около Филадельфіи, многія женщины обзаводятся фермами и живутъ самостоятельно. Одна изъ нихъ была въ продолженіе шестнадцати лѣтъ учительницей въ Массачузетѣ, потомъ, переселившись въ Виландъ, купила здѣсь десять акровъ земли. Всѣ работы, кромѣ рубки лѣса, она совершаетъ сама, съ помощью десятилѣтняго нанятаго мальчика. Въ той же мѣстности многія одинокія женщины разводятъ большіе фруктовые сады. Около Сенъ-Поля есть одна ферма съ 160 акрами земли, управляемая и обрабатываемая 7 дѣвушками, которыя нѣсколько лѣтъ назадъ переселились сюда изъ Огайо съ своими, неспособными къ работѣ, родителями. Обширный, хорошо устроенный блокгаузъ, дворъ, помѣщенія для лошадей, коровъ, свиней, птицы и овесъ, превосходныя поля, изъ которыхъ на второй годъ уже было возлѣлано 45 акровъ и продано, за удовлетвореніемъ потребностей семейства, 900 бушелей картофеля, 500 бушелей маиса, 250 бушелей рѣпы, 1.100 кочановъ капусты и на 200 долларовъ разныхъ огородныхъ растеній,—все это сдѣлано упомянутыми семью хорошо образованными дѣвушками, изъ которыхъ младшей 15, а старшей 25 лѣтъ. Газеты сообщаютъ слѣдующее письмо одной изъ подобныхъ фермершъ: «Я разскажу вамъ, какъ я сдѣлалась фермеромъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Я взяла мотыку и, выкопавъ картофель, посѣяла пшеницу. На слѣдующую весну я выполола траву и посыпала пашню золой, солью и известью; когда пшеница поспѣла, я сжала ее, вымолотила, провѣяла и получила пять бушелей хорошей пшеницы. Этого было совершенно достаточно для моего годичнаго пропитанія... Моя бѣдная сосѣдка, ирландская работница, сказала мнѣ вчера, что я такъ много работаю, что меня можно продать на вѣсъ золота. Земледѣльческій трудъ чудотворно дѣйствуетъ на мою физическую натуру и имѣетъ особенное вліяніе на мой умъ. Часто, когда мое сердце готово разорваться отъ семейныхъ горестей, я работаю, и оно постепенно облегчается отъ давящей его тяжести. Имѣя отъ роду шестьдесятъ пять лѣтъ, я обладаю чудеснымъ здоровьемъ и бодростью духа. Я занимаюсь физическимъ трудомъ больше, чѣмъ въ состояніи перенести его многія молодыя женщины; кромѣ того, по временамъ я читаю и пишу. Я не изучала серьезно политики, но довольно хорошо ознакомилась съ вопросомъ о нашей равноправности», и проч. На берегу озера Канандеги находятся двѣ прекрасныхъ фермы, принадлежащія сестрамъ Фюллеръ. Отецъ ихъ, переселившись въ эту глушь лѣтъ пятьдесятъ назадъ, вскорѣ умеръ, и двѣ дочери его, Лаура и Электра, остались одинокими и съ землей, которая перешла къ нимъ по наслѣдству совершенно въ необработан-

*) Въ Англіи на государственной службѣ было въ 1871 г. 3.314 женщинъ.

номъ видѣ. Онѣ сдѣлались фермерами; каждая изъ нихъ своими руками расчистила мѣстность, воздѣлала землю, построила ферму и домъ, развела садъ. Лаура Фюллеръ, имѣющая теперь отъ роду за шестьдесятъ лѣтъ, ходитъ въ короткомъ платьѣ, шляпѣ и мужскихъ сапогахъ. Она хорошо образована и до сихъ поръ работаетъ безъ всякой посторонней помощи. Ея сестра, Электра, тѣхъ же лѣтъ, собственноручно очистила всю эту мѣстность отъ занимавшаго ее лѣса и очень долго вела рѣшительную борьбу съ гнѣздившимися въ окрестностяхъ дикими звѣрями. Объ эти труженицы живутъ въ довольствѣ и имѣютъ сбереженіе, достаточное для того, чтобы прокормиться то время, когда старость заставитъ ихъ прекратить работу. Въ штатѣ Висконсинѣ лѣтомъ 1871 г. занималось земледѣліемъ 20,000 женщинъ. Нью-іоркскій земледѣльческій клубъ, указывая на усиливающееся стремленіе женщинъ къ земледѣльческому труду, считаетъ это знаменіемъ времени и недавно пріискивалъ участокъ земли около города для одной женщины. Что земледѣльческій трудъ хорошо дѣйствуетъ на организмъ женщины, это доказывается опытомъ женской земледѣльческой школы въ Ньютонѣ, въ Массачузетѣ. Воспитанницы, которыя сначала не могли заниматься болѣе двухъ часовъ въ день, вскорѣ начали работать въ оранжереяхъ, въ саду и въ огородахъ по восьми часовъ; ихъ цвѣтущія щеки, хорошее здоровье, прекрасный аппетитъ служатъ яснымъ доказательствомъ благотворнаго вліянія земледѣльческихъ занятій на ихъ организмъ. Въ настоящее время сторонники женскаго дѣла въ Америкѣ сильно настаиваютъ на распространеніи земледѣльческихъ школъ для женщинъ. Земля въ Соединенныхъ Штатахъ, при своемъ обиліи и дешевизнѣ, служитъ первою основою независимости и благосостоянія массы народонаселенія. Поэтому, чѣмъ больше женщинъ сдѣлается самостоятельными фермерами, тѣмъ больше усилится число независимыхъ и энергическихъ сторонницъ женскаго дѣла, непосредственно заинтересованныхъ въ политической жизни республики и въ охраненіи своихъ интересовъ посредствомъ избирательнаго права. Женщины, не ограничиваясь земледѣліемъ, проникаютъ и въ другія отрасли сельскаго хозяйства. Лучшимъ знатокомъ скотоводства въ нью-іоркскомъ штатѣ считается одна женщина, на мнѣніе которой постоянно ссылается клубъ фермеровъ и которая пользуется огромнымъ авторитетомъ среди скотопромышленниковъ и скототорговцевъ. Первый пчеловодъ въ Соединенныхъ Штатахъ—тоже одна женщина, живущая въ Іовѣ. Она ведетъ во многихъ журналахъ пчеловодческій отдѣлъ, на пчеловодческихъ съѣздахъ ея мнѣнія пользуются первостепеннымъ значеніемъ и ея компетентность признана министерствомъ земледѣлія, которое въ 1865 г. выдало ей значительную премію за одно изъ ея сочиненій.

Мы видимъ женщинъ собственницами фабрикъ и заводовъ, банкирами, стенографами, граверами, фотографами, дрогистами, аптекарями, цырюльниками, агентами страховыхъ обществъ, канельмейстерами, содержательницами гостиницъ, театровъ и т. д.

Образованность американской женщины, довольно высокая сравнительно съ образованностью, напр., англичанки, даетъ ей возможность браться за всѣ отрасли труда и подниматься въ нѣкоторыхъ случаяхъ на такую высоту благосостоянія, о которой никогда и не грезилось европейской работницѣ. Нѣсколько уже лѣтъ прошло, какъ Европа была изумлена безпримѣрнымъ успѣхомъ лоуэльскихъ мастерскихъ въ Массачузетѣ. Въ нихъ живетъ до 9,000 работницъ, сошедшихся сюда изъ разныхъ мѣстъ Союза. Онѣ построили здѣсь церковь и академію, устроили публичныя лекціи, для чтенія которыхъ приглашаютъ извѣстныхъ профессоровъ, основали журналъ. Всѣ онѣ болѣе или менѣе образованы, и многія занимаются литературой. Незаконныхъ рожденій не бываетъ вовсе. Работница имѣетъ возможность откладывать около половины своего жалованья и года черезъ четыре скопить достаточное приданое.—Какъ извѣстно, во всемъ мірѣ задѣльная плата женщины вообще равняется только половинѣ мужской. Это зависитъ главнымъ образомъ отъ умственной неразвитости работницъ и недостаточности ихъ профессіональнаго образованія, хотя, какъ увидимъ ниже, утвердившаяся такимъ образомъ въ жизни норма женской платы крѣпко держится въ ней даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда упомянутое основаніе вовсе исчезаетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ, благодаря равенству обоихъ половъ по ихъ общему профессіональному образованію, женщина успѣла уже сравняться съ мужчиной и относительно задѣльной платы. Въ Калифорніи, напр., женщины получаютъ за всякій трудъ вообще справедливое вознагражденіе. Въ частности, во всѣхъ общественныхъ школахъ Санъ-Франциско наставники и наставницы получаютъ одинаковое жалованье. «Въ штатѣ Іова—говоритъ Пенни—трудъ женщинъ оплачивается почти наравнѣ съ мужскимъ трудомъ, и такъ какъ здѣшнія женщины вообще трудолюбивы и производительны, то онѣ и пользуются совершенною независимостью отъ другого пола».

Всѣ эти успѣхи женскаго дѣла достигнуты не вдругъ и не легко; они являются результатомъ упорной и продолжительной борьбы женщинъ съ обычаями, законами и суевѣріемъ... «Женщины Америки—говоритъ м-съ Доггетъ—научились не бояться мужскихъ возраженій; онѣ умѣютъ составлять и проводить собственныя убѣжденія во всемъ, что касается такихъ отраслей промышленности и тѣхъ ремеслъ, которыя онѣ изучили». Но конкуренція съ мужчинами до сихъ поръ тяжело отзывается и долго еще будетъ такъ отзываться на женщинахъ. Мужчины въ Америкѣ напрягаютъ всѣ свои усилія, чтобы отстѣснить женщинъ отъ занятій, составлявшихъ до сихъ поръ привилегію ихъ пола. Такъ, напр., недавно одна женщина, кончившая медицинскій курсъ въ салемской коллегіи, выдержала экзаменъ по всѣмъ предметамъ;

но одинъ изъ профессоровъ рѣшительно отказалъ въ своемъ согласіи на выдачу ей диплома, потому что онъ «*не впуститъ* въ женщинъ-медиковъ»!.. Правда, что перечисленные нами успѣхи женщины въ ея борьбѣ за право на трудъ многочисленны и блестящи; правда, что они ручаются за окончательное торжество справедливаго дѣла въ будущемъ, но—только въ будущемъ. Теперь же упомянутыя женщины являются побѣдоноснымъ, но сравнительно малочисленнымъ авангардомъ, пробившимся сквозь ряды непріятеля; но, кромѣ этого авангарда, есть еще громадная масса женщинъ, которая далеко не находится въ такихъ же благопріятныхъ условіяхъ и которая быстро увеличивается отъ новыхъ и новыхъ работницъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ на рынокъ труда.

Противники женскаго дѣла обыкновенно говорятъ, что женщина предназначена исключительно для семьи, скрывая тотъ несомнѣнный фактъ, что множество женщинъ вовсе не имѣютъ ни семействъ, ни мужей, что многое множество другихъ, замужнихъ и семейныхъ женщинъ, живутъ совершенно самостоятельно и даже содержатъ семейства своимъ трудомъ. Число такихъ совершенно самостоятельныхъ женщинъ очень велико, хотя статистика большей части государствъ, а между прочимъ и Америки, до сихъ поръ не позаботилась объ его опредѣленіи.

По переписи 1860 г. бѣлое мужское народонаселеніе превышало женское на 730.000 человѣкъ; но этотъ перевѣсъ дается не всѣми штатами; въ то время, какъ въ Калифорніи на 1 женщину приходится 3 мужчины, въ Вашингтонѣ—4, Невадѣ—8, Колорадо—20, во многихъ другихъ мѣстностяхъ женщины имѣютъ рѣшительный перевѣсъ надъ мужчинами. Передъ войной женщинъ было болѣе, чѣмъ мужчинъ, въ Массачузетѣ 37.000, въ Коннектикутѣ 8.000, Нью-Гемпширѣ—7.000, въ Нью-Іоркѣ—11.000. Постепенное размноженіе одинокихъ женщинъ страшно усилилось вслѣдствіе междоусобной войны, во время которой больше 1.000.000 женщинъ лишились своей собственности или тѣхъ мужчинъ, которые обезпечивали ихъ своимъ трудомъ. По переписи 1870 г. въ Массачузетѣ было 480.616 мужчинъ и 531.679 женщинъ; излишекъ послѣднихъ простирался на 51.000, а сравнительно съ 1860 г. увеличился на 14.000. Эти цифры относятся къ жителямъ свыше 15 лѣтъ; ниже этого возраста число мальчиковъ имѣетъ небольшой перевѣсъ надъ числомъ дѣвочекъ. Свыше же 70 лѣтъ число женщинъ особенно превышаетъ число мужчинъ. Въ Виргиніи, гдѣ до войны мужчинъ было болѣе, чѣмъ женщинъ, по переписи 1870 г. оказалось первыхъ 597.058, а послѣднихъ 628.105; въ возрастѣ же отъ 15 до 50 лѣтъ женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, на 41.748. Кромѣ этого излишка, который въ своей суммѣ значительно понизилъ излишекъ мужского народонаселенія во всѣхъ штатахъ, существуетъ и постепенно увеличивается несравненно большая масса женщинъ, которыя, будучи незамужними, живутъ исключительно своимъ трудомъ. Расположеніе къ браку, какъ увидимъ ниже, въ Америкѣ сильно ослабляется: изъ 100 женщинъ выходятъ замужъ 75 и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно увеличивается число женщинъ безсемейныхъ. Кромѣ того, многія живутъ розно съ своими мужьями, которые рыскаютъ по штатамъ или поселяются гдѣ-нибудь вдали отъ своихъ семействъ съ цѣлью удобнѣйшаго добыванія денегъ. Множество замужнихъ женщинъ поддерживаютъ своими трудами не только своихъ дѣтей и родственниковъ, но даже и мужей. Женщины все болѣе и болѣе проникаютъ въ такія сферы дѣятельности, которыя обыкновенно считаются особенно неподходящими къ ихъ природѣ и характеру. Цензъ 1870 г. показываетъ, напр., что въ западныхъ штатахъ многія женщины ведутъ крупное хозяйство въ поземельныхъ имѣніяхъ. Въ Техасѣ 45 женщинъ пасутъ стада, а эта профессія въ Техасѣ далеко не аркадскаго характера. Техасская пастушка должна умѣть скакать на полудикой туземной лошади, отлично владѣть арканомъ, кинжаломъ и револьверомъ. Далѣе, по этому цензу значится женщинъ—

Работницъ въ рудникахъ. .	152.061
» на пивоваренныхъ .	176
Занимающихся извозомъ . .	195
» выдѣлкой пороха . . .	7
Оружейницъ	33
Скотопромышленницъ . . .	46
Дантистокъ	24
Матросокъ	26
Цырюльницъ.	6
Могильницъ.	7
Звѣропромышленницъ . . .	2
Адвокатокъ	5
Женщинъ-пасторовъ . . .	67
» медиковъ	525
Корабельныхъ плотницъ . .	16 и т. д.

Вообще американки работаютъ чрезвычайно много, и трудовая жизнь женской массы самая незавидная. Возьмемъ, напр., женъ фермеровъ. Цѣлая половина ихъ трудится съ утра до ночи, какъ рабочія лошади, не зная отдыха. «Годъ за годомъ проходятъ въ этой египетской работѣ,—говоритъ м-съ Слекумъ.—И что же удивительнаго, если, состарѣвшись, фермерша оказывается невѣжественною и больною? Жизнь ея мужа не походитъ на ея жизнь. Правда, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ его труды тяжки и онъ ложится въ свою постель совершенно измученнымъ; но все-таки у него часто бываетъ свободное время. Зимою и въ дождливые дни онъ отправляется куда угодно, читаетъ газету, ѣдетъ въ ближайшую деревню, болтаетъ съ сосѣдями, разсуждаетъ о политикѣ и такимъ образомъ освѣжаетъ и свои физическія силы, и свой мозгъ». Жена же фермера все это время принуждена заниматься хозяйствомъ и семьей, даже въ томъ случаѣ, если у нея есть прислуга. «Но при всемъ томъ у подобныхъ женщинъ бываетъ иногда такая жажда знанія, что для удовлетворенія ея онѣ урѣзываютъ время, посвященное отдыху и сну. Я знаю одну фермершу, которая регулярно читаетъ съ 9

до 11 вечера, когда все остальное семейство уже спитъ; легши въ 11, она встаетъ лѣтомъ въ 4, а зимой въ 5 ч. утра и принимается за работу. Многія принуждены работать и часть ночи... И такимъ образомъ живетъ, по крайней мѣрѣ, $^3/_4$ женъ фермеровъ».

Обращаясь къ наемнымъ работницамъ всякаго сорта, мы видимъ обычное явленіе относительно ихъ задѣльной платы. «Женщина,—говоритъ «Нью-іоркская Трибуна»,—это такое созданіе, которое получаетъ половинную плату за все, что она дѣлаетъ, и платитъ полную цѣну за все, въ чемъ нуждается. Никакой содержатель гостиницы или домохозяинъ не принимаетъ женщины на квартиру съ уступкою 50%. Мясникъ, булочникъ, бакалейщикъ, разносчикъ—всѣ просятъ съ нея высшую цѣну. Никакой омнибусъ не повезетъ ее за половинную плату. Она зарабатываетъ какъ ребенокъ, а платитъ какъ взрослый человѣкъ. Кромѣ того, ея полъ, если только не грубый обычай, устраняетъ ее отъ хорошо оплачиваемыхъ занятій. Ея руки, ноги и мозгъ связаны». Половинная женская плата зависитъ главнымъ образомъ отъ недостаточности женскаго профессіональнаго образованія; мужчина вообще дольше, основательнѣе и лучше приготовляется къ труду, поэтому онъ и получаетъ больше, чѣмъ женщина. Но на этомъ справедливомъ основаніи развилась и утвердилась несправедливая, но истинѣ возмутительная стачка нанимателей, которые, пользуясь предразсудками противъ женщинъ и стѣсненнымъ положеніемъ послѣднихъ, оплачиваютъ женскій трудъ въ половину даже во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вполнѣ равняется мужескому. «Когда мужчины и женщины работаютъ вмѣстѣ, то женщинамъ никогда не даютъ самой легкой, наименѣе вредной для здоровья и наиболѣе пріятной работы. Намъ стоитъ только указать на фабрики хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ издѣлій, на металлическіе заводы, на каменноугольныя копи; нѣтъ, женщинамъ достается самая тяжелая, дурно оплачиваемая и нездоровая работа. Ломовой трудъ и нищенская подачка—вотъ на что обречены работницы» (V. Penny). Въ американскихъ кухмистерскихъ и трактирахъ прислужницы получаютъ отъ 6 до 10 долларовъ въ мѣсяцъ, а мужчины за ту же самую работу, ко торую они выполняютъ нисколько не лучше женщинъ,—отъ 10 до 20 долларовъ. Вся Америка согласна съ тѣмъ, что женщины въ роли учителей и профессоровъ столько же полезны, дѣятельны и производительны, какъ и наставники мужчины; но при всемъ этомъ, въ большинствѣ случаевъ, не только частные предприниматели, но даже само правительство платятъ наставницамъ гораздо меньше, чѣмъ наставникамъ!—Въ настоящее время американская пресса; особенно періодическая, больше и больше переходитъ въ руки женщинъ. «Въ Нью-Іоркѣ,—говоритъ «Revolution»,—множество женщинъ работаютъ въ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ періодическихъ изданіяхъ, но онѣ далеко не получаютъ той же платы, какъ мужчины, за одинаковый съ ними трудъ. Двѣ или три женщины только, которымъ удалось пріобрѣсть прочное положеніе въ литературѣ, могутъ получать отъ семи до восьми тысячъ дол. въ годъ; но это только исключенія изъ общаго правила; другія женщины, обладающія столь же талантливымъ перомъ, образованіемъ и такими же способностями къ веденію журнальнаго дѣла, получаютъ плату наравнѣ съ обыкновенными репортерами и достаточную для ихъ существованія только въ томъ случаѣ, если имъ удастся достать работу въ двухъ или трехъ газетахъ».

Во многихъ случаяхъ плата женщинамъ самая нищенская. На фабрикахъ манильскихъ сигаръ работаютъ 25,000 женщинъ и, среднимъ числомъ, каждая изъ нихъ получаетъ въ день около 9 копѣекъ. «New-York Herald» разсказываетъ объ одной женщинѣ, которая занялась починкою саноговъ и зарабатываетъ въ день не болѣе 3 копѣекъ. «Monthly Record» говоритъ о женщинахъ, которыя шьютъ суконныя дѣтскія фуражки, убранныя аграмантомъ, съ патентованнымъ кожанымъ козырькомъ, съ бантомъ и на хорошей подкладкѣ, по 3 коп. за штуку!.. И вообще, во всѣхъ отрасляхъ труда женская плата чрезвычайно низка, особенно сравнительно съ ужасною дороговизною жизни въ американскихъ городахъ. Вотъ, напр., какіе факты сообщаетъ послѣдній отчетъ массачузетскаго статистическаго бюро. Ученицы у ремесленниковъ обязаны полгода работать даромъ, а потомъ въ теченіе года или двухъ онѣ получаютъ около 2 долларовъ въ недѣлю (долларъ=1 р. 35 коп.). Когда ремесло изучено ими въ совершенствѣ, то самая искусная изъ нихъ не получаетъ больше 6 долларовъ въ недѣлю, изъ которыхъ дѣлается еще вычетъ за каждую сдѣланную ею ошибку. Работаютъ съ 7 утра до 6 вечера; но въ короткіе зимніе дни кончаютъ въ 5 и подвергаются вычету за 6-й часъ. Многія ремесла доставляютъ работу не постоянно, но только въ извѣстное время. Столъ стоитъ отъ 4 до 5 долларовъ въ недѣлю. Приказчицы получаютъ въ первый годъ отъ 2 до 3 дол., а опытныя отъ 4 до 10 дол. въ недѣлю. Женщина, управляющая хлѣбопекарней, работая съ 7 утра до $9^1/_2$ вечера, получаетъ 5 дол. въ недѣлю. Одна женщина, составившая себѣ репутацію лучшей торговли и служащая уже 8 лѣтъ въ одномъ магазинѣ, получаетъ мужскую плату—15 дол., а другая—12 дол. въ недѣлю. Но это рѣдкіе, исключительные случаи. Говоря вообще, приказчицы едва зарабатываютъ себѣ на кусокъ хлѣба. Главныя приказчицы получаютъ въ годъ 400 дол. Столъ стоитъ ежегодно 300 дол. Во всѣхъ магазинахъ занятія продолжаются вообще 10 часовъ, но въ тѣхъ, въ которыхъ производится раздробительная продажа, многія женщины работаютъ отъ 12 до 14 часовъ... Есть такія, которыя получаютъ въ недѣлю не больше $1^1/_2$ долларовъ. Вообще, весьма значительная часть занятій, къ которымъ имѣютъ доступъ женщины, даетъ имъ работу только въ теченіе полгода и даже меньше. Модистки, напр., зарабатываютъ иногда по 20 дол. въ недѣлю, но только въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ; послѣ этого сезона хозяева удерживаютъ у себя только весьма немногихъ, а всѣхъ остальныхъ разсчитываютъ. Въ другихъ занятіяхъ сезонъ женской работы продолжается 5, 6 и $7^1/_2$ мѣсяцевъ въ годъ.

Низкость женской платы, какъ мы уже говорили, падаетъ и на тѣхъ женщинъ, трудъ которыхъ совершенно равняется съ трудомъ мужчинъ, получающихъ вдвое больше. Это происходитъ отъ стачки нанимателей,—стачки, которую поддерживаетъ и въ которой участвуетъ само американское правительство. Почтмейстерши, учительницы и другія чиновницы получаютъ меньше, чѣмъ чиновники. Въ Вашингтонѣ женщины, занимающіяся въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, получаютъ въ годъ 900 долларовъ за то же самое, за что мужчинамъ правительство платитъ отъ 1,200 до 2,500 долларовъ въ годъ, хотя и само признаетъ, что женщины вообще работаютъ не хуже мужчинъ, а многія даже гораздо лучше и больше. До какого стѣсненія доходитъ эта стачка нанимателей, показываютъ слѣдующіе факты. Ида Пфейферъ встрѣтила въ одномъ пенитенціаріи молодую дѣвушку, приговоренную къ тюрьмѣ за то, что она въ мужскомъ платьѣ служила матросомъ на кораблѣ. Одна швея въ Цинциннати, находя невозможнымъ существовать на свой женскій заработокъ, переодѣлась мужчиной и явилась въ Ковингтонъ въ качествѣ портного. Но ея полъ вскорѣ открыли и привлекли ее къ суду. Въ Миннесотѣ одна молодая женщина, одѣвшись въ мужское платье, отправилась въ лѣса съ партіей дровосѣковъ въ качествѣ повара, съ платою 20 долларовъ въ мѣсяцъ. Но распорядитель работъ, узнавъ, что она женщина, тотчасъ же прогналъ ее. Въ послѣднюю войну много подобныхъ женщинъ, переодѣтыхъ мужчинами, поступали въ армію и служили наравнѣ съ солдатами, пока не открывался ихъ полъ. Нужно замѣтить еще, что въ этомъ заговорѣ противъ женщинъ участвуютъ не одни наниматели, но и конкурирующіе съ женщинами работники. Когда освобожденные негры южныхъ штатовъ начали работать за болѣе дешевую плату, чѣмъ бѣлые рабочіе, то послѣдніе приняли дѣятельное участіе въ рабовладѣльческихъ тайныхъ обществахъ, поставившихъ своею цѣлью истребленіе негровъ и бѣлыхъ защитниковъ ихъ равноправности. Конечно, конкурируя съ бѣлою работницей, мужчина не доходитъ до такого звѣрства, но онъ все-таки употребляетъ всѣ усилія, чтобы сжить ее съ выгоднаго мѣста; онъ, наприм., постарается изобличить женщину, которая скрываетъ свой полъ подъ мужскимъ платьемъ и, благодаря этому маскараду, получаетъ мужскую плату.

Американскіе рабочіе обезпеченнѣе европейскихъ; ихъ заработная плата выше, а число рабочихъ часовъ меньше; жилища, платье, пища лучше; они гораздо развитѣе своихъ европейскихъ собратовъ; большая часть рабочихъ стремится къ тому, чтобы, скопивъ деньжонокъ, сдѣлаться самостоятельными фермерами, въ чемъ они и успѣваютъ; но при всемъ этомъ ихъ положеніе далеко незавидно. Они работаютъ, какъ вьючный скотъ, и многіе изъ нихъ погибаютъ подъ этимъ египетскимъ игомъ. Между ними масса такихъ же невѣждъ, какими наполнена и Европа. Перепись 1861 года показала, что въ Соединенныхъ Штатахъ было безграмотныхъ 467,623 мужчины и 659,556 женщинъ. Большинство ихъ принадлежало къ новымъ переселенцамъ изъ Европы, число которыхъ постепенно увеличивается въ фабричныхъ центрахъ Союза; съ 1840 по 1850 г. это жалкое невѣжественное народонаселеніе увеличилось въ Нью-Гемпширѣ на 53, въ Массачузетѣ на 34, въ Родъ-Эйландѣ на 33%; съ того времени приращеніе еще болѣе усилилось. Но не одни только эти переселенцы подвергаются безжалостной эксплуатаціи и ужасамъ нищеты, а и многое множество натурализованныхъ американцевъ. Женщинамъ при этомъ естественно выпадаетъ наиболѣе тяжкая доля. Вслѣдствіе изложенныхъ выше причинъ, въ Америкѣ, какъ и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, бѣдныхъ женщинъ почти вдвое больше, чѣмъ бѣдныхъ мужчинъ; первыя относятся къ послѣднимъ, какъ 46:27. «Множество женщинъ находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ скотина, такъ какъ ихъ существованіе менѣе обезпечено, чѣмъ существованіе домашняго животнаго», говоритъ Пенни. Убійственная работа на фабрикахъ, не менѣе убійственная жизнь въ отвратительныхъ квартирахъ, нагота и голодъ при неимѣніи работы,—вотъ болѣе или менѣе общая участь женской рабочей массы. «Много разъ мы имѣли случай лично наблюдать,—говорится въ отчетѣ массачузетскаго статистическаго бюро за 1872 г.,—какъ недостатокъ питанія и одежды кончался голодною смертью. Многія признавались намъ, что онѣ продали свою дѣвственность, чтобы не умереть съ голода... Наши изслѣдованія убѣдили насъ въ одномъ,—что никакія увѣщанія проповѣдниковъ морали, никакія магдалинскія убѣжища не въ состояніи искоренить этого зла до тѣхъ поръ, пока заработная плата женщины не поднимется до такой степени, на которой она можетъ удовлетворять ея потребностямъ, доставлять ей извѣстныя удобства и избавлять ее отъ необходимости торговать своимъ тѣломъ и своей душой». Въ настоящее время особенно бѣдствуютъ несчастныя, невѣжественныя, незнакомыя со страною переселенки изъ Европы. Множество ихъ тотчасъ же по прибытіи въ Америку, иногда даже прямо съ корабля, завлекаются въ сѣти агентами проституціонныхъ домовъ и навсегда запродаетъ себя за кусокъ хлѣба. Проституція въ большихъ американскихъ городахъ имѣетъ ужасающіе размѣры, и Нью-Іоркъ справедливо считается самымъ развратнымъ городомъ цивилизованнаго міра. Бѣдность и безпомощность, какъ показываютъ всѣ американскіе изслѣдователи проституціи, служатъ главными и почти единственными причинами этого зла. Изъ нью-іоркскихъ проститутокъ $^1/_{10}$ принимается за промыселъ развратомъ потому, что вынуждены бѣжать изъ семей вслѣдствіе невыносимой тиранніи мужей и отцовъ, а $^3/_4$ торгуютъ собой по крайней бѣдности. Значительная часть этихъ женщинъ получила порядочное воспитаніе, знаетъ языки, музыку, но неимѣніе работы и вслѣдствіе этого бѣдность доводитъ ихъ до паденія.

Въ виду подобныхъ золъ, американскіе филантропы, и въ особенности женщины, хлопочутъ объ ихъ ослабленіи, составляютъ множество благотворительныхъ обществъ, строятъ богадѣльни, пріюты, дешевыя столовыя, пріискиваютъ женщинамъ работу и т. д. Но при всемъ томъ, что филантропы

тратятъ на это ежегодно десятки милліоновъ, пауперизмъ все усиливается, и будущее рисуется въ грозныхъ образахъ... Наиболѣе разумные эмансипаторы и не надѣятся на помощь филантропіи. Не милость, а справедливость, не нищенскія подачки, а полная политическая равноправность и раціональныя экономическія реформы—вотъ что нужно женщинамъ. Къ этому стремятся и американское «Общество женскаго труда», и «Ассоціація избирательныхъ правъ женщины», и многочисленная ассоціація работницъ, и «Общество національнаго труда». На конгрессѣ послѣдняго, собиравшемся въ половинѣ 1871 г. въ Сенъ-Луи, были приняты рѣшенія въ пользу совершенной равноправности половъ и уравненія женской заработной платы съ мужескою въ случаяхъ равнаго достоинства труда. Но всѣ подобные планы и стремленія могутъ осуществиться лишь тогда, когда женская масса получитъ дѣйствительно участіе въ управленіи и будетъ имѣть возможность посредствомъ своихъ представителей проводить реформы, клонящіяся къ существеннымъ улучшеніямъ женскаго быта. Г-жа Ценни совершенно справедливо замѣчаетъ, что «женщины рабочихъ классовъ гораздо болѣе заинтересованы въ политическихъ дѣлахъ, чѣмъ женщины, принадлежащія къ высшимъ состояніямъ. Взиманіе налоговъ, введеніе новаго тарифнаго устава, блокада портовъ, банкротство банковъ, закрытіе фабрикъ, размѣры задѣльной платы, количество рабочихъ часовъ—все это предметы, которые болѣе или менѣе непосредственно касаются ихъ». Размѣры женскаго пролетаріата въ Соединенныхъ Штатахъ быстро увеличиваются; но вмѣстѣ съ тѣмъ быстро увеличивается и число сторонницъ женскаго освобожденія, для которыхъ вопросъ о равноправности есть вопросъ о жизни и смерти. Идея эмансипаціи очень распространена въ той женской массѣ, которая выдвинула изъ своей среды Элису Фарнгеймъ, главу протестующихъ женщинъ, и эта масса, руководимая своими друзьями, въ непродолжительномъ времени рѣшитъ въ пользу женщины ту борьбу, которую ведетъ послѣдняя за свою равноправность и свободу. И только послѣ того, какъ женское дѣло пройдетъ черезъ конгрессъ, а женщины получатъ всѣ политическія права и примутъ дѣятельное участіе въ управленіи страной, вопросъ о женскомъ трудѣ будетъ поставленъ надлежащимъ образомъ. Напливъ женскихъ силъ на рынокъ труда значительно усилится, женщина, наконецъ, заставитъ платить за свою работу столько же, сколько получаетъ и мужчина; это, конечно, улучшитъ положеніе женской массы, но невыгодно отзовется на положеніи рабочаго люда вообще, задѣльная плата котораго неминуемо понизится съ появленіемъ многочисленнаго контингента новыхъ соперниковъ, одинаково съ нимъ способныхъ къ работѣ и получающихъ то же вознагражденіе. Но это, конечно, будетъ только временнымъ разстройствомъ, неизбѣжнымъ при великой великой реформѣ. Около столѣтія назадъ началась тяжба національной независимости, и Америка выиграла ее. Потери ея были значительны, но онѣ скоро вознаградились. Лѣтъ сорокъ назадъ началась тяжба рабства, и снова выиграна цѣною громадныхъ пожертвованій, которыя вознаградятся сторицею въ ближайшемъ будущемъ. Теперь идетъ тяжба женщины, а затѣмъ начнется великая тяжба труда, результаты которой устранятъ временныя экономическія неудобства, могущія возникнуть отъ освобожденія женщины...

Американка давно уже заставила мужчину уважать себя, и бракъ въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проникнутъ принципомъ равноправности. Жена вообще равна мужу по своему умственному развитію. Она читаетъ тѣ же газеты и книги, какъ и онъ, разсуждаетъ съ нимъ обо всѣхъ занимающихъ его вопросахъ, интересуется политикой и изучаетъ ее, посѣщаетъ политическіе и религіозные митинги, живетъ общественною жизнью и воспитываетъ своихъ дѣтей, какъ гражданъ отечества. Жена здѣсь гражданка, подруга и сотрудница гражданина. Несправедливость до сихъ поръ не дозволяетъ ей непосредственно участвовать въ политической дѣятельности; но ея вліяніе на соціальное развитіе республики, ея посредственное участіе въ политической жизни отечества сильны и важны. Это показала, напр., война за уничтоженіе рабства. «ЖенщиныЮга—говоритъ Куртисъ—поддерживали мятежъ, а безъ женщинъ Сѣвера не могло бы спастись государство. Съ перваго момента войны до послѣдняго, во всѣхъ шумныхъ городахъ, въ отдаленныхъ долинахъ, въ дремучихъ лѣсахъ, на сельскихъ холмахъ, въ открытыхъ лугахъ, вездѣ, гдѣ только были жены, матери, сестры, возлюбленныя, тамъ были и занятыя руки, которыя не переставали работать день и ночь въ продолженіе четырехъ тяжелыхъ лѣтъ. Мать бросала работу только для того, чтобы благословить своихъ сыновей, летѣвшихъ на битву; жена—чтобы поцѣловать уходившаго отца своихъ дѣтей; сестра улыбалась брату и молилась за возлюбленнаго, которые отправлялись туда же. Сколько сотъ тысячъ домовъ и сердецъ навѣки лишились ушедшихъ, но невозвратившихся! Но эти дома и сердца были и воодушевленіемъ, и утѣшеніемъ людей, сражавшихся на полѣ битвы. Они укрѣпляли руку, которая билась за нихъ. Когда сынъ или мужъ падали въ ужасной схваткѣ, доброе сердце женщины разрывалось въ тишинѣ, но ея пальцы не переставали работать. Когда милый братъ или возлюбленный страдали до сумасшествія, до отчаянія, любящее сердце женщины поддерживало ихъ духъ, а ея неусыпныя заботы возстановляли ихъ здоровье. Эта высшая моральная сила дѣйствовала посредствомъ безчисленныхъ путей, подобно солнечному свѣту, оживотворяющему природу, и безъ нея успѣшная война была бы невозможна». Независимо отъ этого, многія женщины принимали непосредственное участіе въ войнѣ. Одни служили солдатами, а нѣкоторыя богатыя леди Сѣвера формировали на свой счетъ отряды волонтеровъ и командовали ими. Миссъ Анна Карроль серьезно изучала ходъ войны и въ ноябрѣ 1861 г. представила президенту Линкольну свой собственный планъ военныхъ дѣйствій, совершенно измѣнившій планы, по которымъ

до тѣхъ поръ дѣйствовала сѣверная армія. Этотъ планъ былъ принятъ правительствомъ и повелъ къ полной побѣдѣ надъ Югомъ.

Хотя, по выраженію мистриссъ Пенни, «плохое здоровье американокъ вошло почти въ пословицу», но все-таки названіе «слабый полъ» идетъ къ нимъ менѣе, чѣмъ къ женщинамъ какой бы то ни было другой цивилизованной страны. «Самостоятельность, любовь къ отечеству и къ конституціи, твердость характера и гордое сознаніе своей свободы—вотъ свойства, которыми особенно отличаются американскія женщины», говоритъ Циглеръ. Въ семейной жизни женщина, въ большинствѣ случаевъ, занимаетъ видное положеніе. «Она госпожа въ домѣ,—говоритъ Леверъ,—она распоряжается всѣми расходами и сбереженіями. Когда семейство постигаетъ бѣдность, тогда особенно обнаруживается самостоятельный характеръ женщины: она не плачетъ, а работаетъ, для того, чтобы поддержать семейство. Она никогда не затруднится пріискать необходимыя для этого средства, ибо она развила свой умъ и вполнѣ ознакомилась съ практическою жизнью посредствомъ разнообразнаго чтенія и дѣятельнаго участія въ дѣлахъ школы, церкви, благотворительныхъ учрежденій и т. д.». Мы уже видѣли выше, что американки занимаются самыми разнообразными профессіями и живутъ своимъ трудомъ, независимо отъ средствъ мужа, сына или родителей. Это не только обезпечиваетъ нравственную самостоятельность женщины, но и содѣйствуетъ счастію семейной жизни. Статистическія данныя показываютъ, что на десять семей, гдѣ женщина обезпечена независимо отъ мужа, приходится не болѣе одного несчастнаго брака; напротивъ, на десять семей, въ которыхъ жена экономически зависитъ отъ мужа, приходится не болѣе одной счастливой брачной жизни. Въ штатахъ Массачузетѣ, Мэнѣ, Пенсильваніи, Нью-Іоркѣ, Огайо, Калифорніи и нѣкоторыхъ другихъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ женѣ даны полныя права распоряжаться своимъ имуществомъ. Въ другихъ штатахъ, какъ увидимъ ниже, хотя и удерживаются до сихъ поръ англійскіе законы о неправоспособности и опекаемости женщинъ, но житейская практика значительно смягчаетъ строгость этихъ законовъ и нерѣдко вовсе обходитъ ихъ; вступая въ бракъ, здѣсь часто даютъ торжественное обѣщаніе: мужъ—не командовать надъ женой, а жена—не быть пассивнымъ слугой мужа. При совершеніи вѣнчальнаго обряда давно уже очень многія женщины отказываются давать обѣщаніе «повиноваться» мужу, и вслѣдствіе этого многіе пасторы различныхъ вѣроисповѣданій выбрасываютъ изъ своихъ служебниковъ вопросъ о повиновеніи. «Я—пишетъ редакторъ «Revolution» одинъ пасторъ—благословилъ уже 180 браковъ, и во всѣхъ случаяхъ исключалъ слово: повиноваться». Американка еще съ дѣтства привыкаетъ къ свободѣ и независимости. «Большинство американскихъ туристовъ—говоритъ «Revolution»—состоитъ изъ дѣвушекъ». Безъ всякихъ провожатыхъ онѣ ѣздятъ по всѣмъ штатамъ, однѣ по цѣлымъ сезонамъ живутъ на водахъ, въ гостиницахъ,—словомъ, путешествуютъ ради удовольствія или разъѣзжаютъ по дѣламъ совершенно какъ мужчины; онѣ имѣютъ даже свои знакомства, отдѣльно отъ родителей, не только съ женщинами, но и съ мужчинами. Это въ Америкѣ совершенно въ порядкѣ вещей и никому не бросается въ глаза. Малѣйшее оскорбленіе, нанесенное женщинѣ, рѣдко остается ненаказаннымъ. Американка умѣетъ постоять за себя, умѣетъ заставить уважать себя. Въ крайнемъ случаѣ она не стѣснится пустить въ дѣло даже револьверъ и ножъ; обманувшаго ее мужчину она привлечетъ къ суду, не красня за свою любовь къ нему и очень хорошо понимая, что краснѣть слѣдуетъ не ей, любившей, а ему, обманщику и негодяю. Недавно одна дѣвушка, узнавъ, что ея возлюбленный дряннои человѣкъ, прекратила всѣ сношенія съ нимъ. Оскорбленный любовникъ вздумалъ угрожать ей черезъ газетныя объявленія, что если она рѣшительно броситъ его, то онъ напечатаетъ всѣ полученныя имъ отъ нея любовныя письма. Дѣвушка, нисколько не стѣсняясь, отвѣчала ему въ газетахъ же, что она можетъ стыдиться не за свои любовныя посланія къ нему, а только за тотъ адресъ, по которому они посылались. Самостоятельность и нравственная сила американки доставили ей то уваженіе, которымъ славятся Соединенные Штаты. Этимъ разумнымъ уваженіемъ къ женщинѣ проникнуты даже суды, не смотря на господство старинныхъ законовъ, основанныхъ на принципѣ порабощенія женской личности. Судебные приговоры въ родѣ двухъ слѣдующихъ дѣлаютъ великую честь общественному сознанію, органомъ котораго служатъ присяжные. Г. и г-жа Д. жили вмѣстѣ шестнадцать лѣтъ; г-жа Д. поѣхала во Францію, и въ ея отсутствіе г. Д. постарался не только разорвать эту связь, но даже очернить репутацію своей подруги. Оскорбленная обратилась къ суду, который и постановилъ: «хотя надъ ними и не было совершено никакого формальнаго обряда, ни церковнаго, ни гражданскаго, но такъ какъ брачное обязательство освящено уже однимъ шестнадцатилѣтнимъ сожительствомъ ихъ въ качествѣ мужа и жены, то одного этого достаточно, чтобы считать это сожительство фактомъ законнаго брака». Нѣкто Джонъ Бисселъ, принадлежащій къ высшему обществу, ухаживалъ за бѣдною дѣвушкой и обѣщалъ жениться на ней, хотя вовсе не желалъ исполнять своего обѣщанія. Дѣвушка настаивала. Наконецъ, Джонъ и его возлюбленная «передъ лицомъ неба» дали другъ другу слово считать себя мужемъ и женой. Черезъ пять недѣль Джонъ бросилъ дѣвушку. Судъ призналъ эту связь *законнымъ бракомъ*, далъ Беатрисѣ *Бисселъ* формальный разводъ и обязалъ ея *мужа* доставлять ей приличное содержаніе. Вступленіе въ бракъ безъ соблюденія извѣстныхъ формальностей или безъ согласія родителей слышь и рядомъ оправдывается судомъ. Недавно судили одного орегонца за то, что онъ тайно увезъ свою возлюбленную и обвѣнчался съ нею. Присяжные дали вердиктъ: «*противозаконно, но естественно*; *каждый человѣкъ съ сердцемъ сдѣлалъ бы то же самое*».

Американскую дѣвушку не выдаютъ, а она са-

ма выходить замужъ, сама выбираетъ себѣ мужа, и вовсе не скрываетъ этого. Даже самыя фешенебельныя дамы Нью-Іорка, говоритъ Диксонъ, «которыхъ признали бы за настоящихъ леди въ Гайдъ-Паркѣ, отличаются такими смѣлыми манерами и такой откровенностью, какихъ вы не встрѣтите у ихъ сестеръ въ Англіи. «Я сильно налегла на него, но во-время одумалась и бросила», говорила одна молоденькая и хорошенькая женщина въ Нью-Іоркѣ моему пріятелю, котораго она знала только два дня. *Онъ* былъ франтъ, на которомъ она, съ опытностью 16-ти-лѣтней дѣвушки, остановила свое вниманіе и котораго, если бъ ея капризъ продолжался еще немного, она могла бы сдѣлать своимъ мужемъ. Дѣвушка эта не была кокетка съ мѣднымъ лбомъ и дерзкою рѣчью, какую часто можно встрѣтить на пароходѣ или желѣзной дорогѣ, а прелестная дѣвушка, леди съ головы до ногъ, такое граціозное, умное и очаровательное созданіе, что каждой человѣкъ пожелалъ бы имѣть ее женой или сестрой. Ея странность состояла, во-первыхъ, въ томъ, что она говорила; во-вторыхъ, въ выборѣ выраженій; другими словами, эта странность состояла въ томъ различіи, какое существуетъ между понятіями англійской дѣвушки и американской объ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами. «Я сильно налегла на него, а потомъ бросила»—выражаетъ въ самыхъ простыхъ, искреннихъ словахъ такую мысль, которая едва ли когда-нибудь придетъ въ голову англійской дѣвушкѣ, а если даже и придетъ, то никогда не выразится такъ рѣзко. Эта фраза ясно выражаетъ основную черту американской жизни — власть выбирать и отвергать мужей». Американка выходитъ замужъ или исключительно по расчету, или исключительно по любви. Въ первомъ случаѣ женщина такъ же откровенна относительно своихъ побужденій, какъ и во второмъ. «Мы—пишетъ одна американка — стремимся прежде всего къ деньгамъ; имѣя ихъ, мы дѣлаемся независимыми, на деньги можно купить все необходимое—и пищу, и питье, и платье; поэтому мы должны предпочитать деньги мужчинамъ, т. е. прежде всего обезпечить для себя экономическую самостоятельность, а потомъ уже пріискивать себѣ мужей».

Самостоятельность и независимость американки, о которыхъ мы говорили, нельзя считать явленіями, безусловно и повсемѣстно утвердившимися въ жизни Соединенныхъ Штатовъ. Американская женщина энергически и очень успѣшно борется за свою свободу, за свою равноправность, но до сихъ поръ на ея пути много тормозовъ, задерживающихъ ея развитіе, много преградъ, отдѣляющихъ ее отъ цѣли ея стремленій, много враговъ. Юридически американская женщина до сихъ поръ стоитъ гораздо ниже, чѣмъ въ дѣйствительной жизни. Лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ семейная жизнь въ штатахъ регулировалась англійскимъ общимъ правомъ, которое считаетъ мужа и жену однимъ лицомъ. По этимъ законамъ вся личная собственность жены, даже ея бѣлье и платье принадлежатъ мужу, который дѣлается владѣльцемъ и ея недвижимаго имущества, получаетъ съ него доходы, беретъ себѣ всѣ пріобрѣтенія жены, сдѣланныя ею во время брачной жизни, безусловно распоряжается дѣтьми и абсолютно опекаетъ ея личность. Жена не можетъ ни заключать контрактовъ, ни составлять духовныхъ завѣщаній. Безъ согласія мужа она не имѣетъ права начинать иска противъ лицъ, причинившихъ вредъ ея личности, чести или имуществу. «Конечно,—говоритъ Сьюэлль, — огромное большинство англійскихъ и американскихъ женщинъ находились въ дѣйствительности въ несравненно выгодн҃йшемъ положеніи, чѣмъ то, которое опредѣлялось для нихъ закономъ. Но если варваръ-супругъ былъ расположенъ пользоваться тою тиранническою властью, какою облекалъ его законъ, то положеніе жены было, пожалуй, хуже, чѣмъ положеніе раба на южной плантаціи. Онъ могъ отнять у нея ея дѣтей, имѣлъ право завладѣть ея доходами, могъ даже не давать ей того содержанія, какое обязательно для него по закону». Хотя въ настоящее время почти во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ и въ нѣкоторыхъ южныхъ совершено много важныхъ законодательныхъ перемѣнъ въ пользу женщины, но до сихъ поръ и въ жизни, и въ законодательствѣ штатовъ еще не исчезъ окончательно тотъ архаическій взглядъ на женщину, въ силу котораго мужчина дозволяетъ себѣ господствовать надъ нею. Недавно въ Чарльстоунѣ, по жалобѣ жены, судился мужъ ея за нанесеніе ей побоевъ; защищавшій его адвокатъ доказывалъ, что онъ имѣлъ полное право бить свою законную жену и поступать съ нею какъ его душенькѣ угодно, на томъ основаніи, что жена—собственность мужа. Хотя судъ не вполнѣ согласился съ адвокатомъ и не оправдалъ мужа, но, подвергнувъ его штрафу въ 1 долларъ, тѣмъ самымъ какъ бы высказалъ мысль, что за такіе пустяки мужей и судить не стоитъ. Подобный же случай былъ недавно въ штатѣ Іовѣ, котораго законы о женщинахъ гуманнѣе и справедливѣе, чѣмъ законы другихъ штатовъ. Подсудимый былъ приговоренъ здѣсь къ 21 доллару штрафа. «Что же надо думать—говоритъ по этому поводу «Revolution»—о легальномъ положеніи женщинъ въ другихъ штатахъ, когда даже въ Іовѣ удовольствіе побить свою жену стоитъ только двадцать долларовъ!» Въ нѣкоторыхъ штатахъ собственность жены поступаетъ къ мужу, который имѣетъ полное право промотать все ея состояніе и совершенно разорить ее. Въ нѣкоторыхъ штатахъ замужняя женщина не можетъ безъ позволенія мужа завѣщать дѣтямъ собственность, пріобрѣтенную своими трудами или полученную ею въ наслѣдство. Она не имѣетъ даже права на свое платье, не имѣетъ даже права идти въ церковь, если ей запретитъ мужъ! Она не имѣетъ никакой достаточной возможности противодѣйствовать мужу въ томъ случаѣ, если онъ разлучаетъ ее съ дѣтьми или губитъ послѣднихъ своими дурными распоряженіями. Хотя въ большей части штатовъ всѣ подобные законы или отмѣнены, или значительно смягчены практикой, но все-таки современные законы о семейномъ положеніи женщины представляются далеко не раціональными. «Мы — говоритъ Сьюэлль —

оставили старую теорію общаго права (common law), въ силу которой замужняя женщина не можетъ распоряжаться ни своею личностью, ни своею собственностью, и должна состоять, подобно идіоту или ребенку, подъ постояннною опекою своего мужа. По законодательство еще не дало ей полной правоспособности, и вслѣдствіе своихъ недостатковъ оно часто не достигаетъ предположенныхъ имъ великихъ цѣлей подъ вліяніемъ еще присущаго ему духа общаго права». Мы остановимся здѣсь на законодательствѣ штата Массачузетъ, на которое болѣе или менѣе походятъ реформированные въ послѣднія двадцать лѣтъ законы большинства другихъ штатовъ.

Движимое и недвижимое имущество замужней женщины составляетъ теперь ея отдѣльную собственность. Все, что получаетъ она по наслѣдству или въ видѣ дара, все, что пріобрѣтаетъ она своей торговлею, ремесломъ, трудомъ, производимыми на ея собственныя средства,—всѣмъ этимъ женщина владѣетъ, пользуется и распоряжается, какъ своею отдѣльною собственностью. Она можетъ продавать, закладывать, дарить свою собственность, вступать въ договоры и т. д. Но въ большинствѣ случаевъ жена не имѣетъ права какимъ бы то ни было образомъ передать своей собственности безъ письменнаго дозволенія на то мужа, или, въ случаѣ его болѣзни, сумасшествія, отсутствія изъ штата,—безъ согласія судьи. Даже съ дозволенія мужа женщина не имѣетъ права ни занимать денегъ, ни вступать въ договоръ, ни начинать иска, если только это не относится къ ея отдѣльной собственности и основанному на ней занятію. До 1870 г. легальными поводами къ расторженію брака считались только: прелюбодѣяніе, импотенція, приговоръ къ каторжной работѣ или тюремному заключенію свыше пяти лѣтъ, пятилѣтнее безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ и принадлежность въ продолженіе трехъ лѣтъ къ сектѣ или обществу, которыя считаютъ бракъ учрежденіемъ пустымъ или незаконнымъ. Законодательное собраніе 1870 года присоединило къ этимъ мотивамъ еще слѣдующіе: жестокое обращеніе одного изъ супруговъ съ другимъ, грубое, постоянное пьянство, начавшееся послѣ заключенія брака, совершенное оставленіе однимъ изъ супруговъ другого и отказъ достаточнаго мужа давать своей женѣ необходимое содержаніе. Въ случаѣ развода вслѣдствіе прелюбодѣянія, виновной сторонѣ запрещается вступленіе въ бракъ до смерти другого изъ разведенныхъ супруговъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ виновная сторона можетъ жениться снова съ дозволенія верховнаго суда, который можетъ дозволить вступить въ бракъ даже разведенному прелюбодѣю черезъ три года послѣ расторженія прежняго брака. Судъ почти никогда не отказываетъ въ этомъ дозволеніи, очень хорошо сознавая всю несостоятельность вынужденнаго безбрачія,—является ли оно, какъ въ настоящемъ случаѣ, въ видѣ наказанія, или поддерживается по какимъ-нибудь другимъ причинамъ. При разводѣ, вслѣдствіе прелюбодѣянія мужа, жена получаетъ изъ его недвижимаго имущества ту часть, какая слѣдовала бы ей въ случаѣ его смерти. Но если разводъ состоялся вслѣдствіе прелюбодѣянія жены, то мужъ получаетъ гораздо больше—именно, все ея «движимое имущество навсегда» и недвижимое въ пожизненное владѣніе; судъ, впрочемъ, можетъ выдѣлить для жены извѣстную часть, необходимую для ея существованія. При разводѣ по всѣмъ другимъ побудительнымъ причинамъ, кромѣ прелюбодѣянія жены, послѣдняя дѣлается полною собственницею своего недвижимаго имущества, а судъ можетъ приговорить ей и движимое—все или только часть его. Такимъ образомъ, и законы имущественные, и законы о разводѣ далеко не одинаково третирують мужа и жену. Законы Массачузета, какъ и законы другихъ штатовъ, постепенно измѣняются въ пользу женщины, но до сихъ поръ, рядомъ съ новыми законами, гарантирующими независимость и самостоятельность женской личности, продолжаютъ дѣйствовать постановленія, проникнутыя архаическою идеей женской подчиненности.

Хотя строгость семейныхъ законовъ значительно смягчается въ дѣйствительной жизни, хотя семейныя отношенія въ Америкѣ справедливѣе и гуманнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, но такъ какъ большинство женщинъ здѣсь очень развито, то имъ кажутся невыносимыми даже тѣ слабые, сравнительно съ европейскими, узы, которыми до сихъ поръ стѣсняется самостоятельность женщины. Разложеніе архаическаго семейства идетъ въ Америкѣ гораздо сильнѣе и быстрѣе, чѣмъ въ Европѣ. Мы уже видѣли, что нѣкоторыя религіозныя секты и свѣтскія общины и словомъ, и дѣломъ проповѣдуютъ полную независимость взаимныхъ отношеній между мужемъ и женой, къ которой стремится и крайняя, очень немногочисленная, эманципаціонная партія. Большинство женщинъ и друзей эманципаціи недружелюбно относится къ этимъ крайнимъ тенденціямъ, но и это большинство, стремясь къ свободѣ и равноправности, подобно сейчасъ упомянутымъ радикаламъ, крайне недовольны тѣми архаическими идеями и учрежденіями, которыя еще держатся въ семейной жизни Новаго Свѣта. Домостроевскіе порядки все болѣе и болѣе колеблются подъ напоромъ рвущейся на свободу человѣческой личности. Женщина, которая при полной своей свободѣ и самостоятельности была бы главною охранительницею раціональной семейной жизни, теперь разрушаетъ ее, не находя въ семейномъ бытѣ двухъ первыхъ условій человѣческаго счастія—свободы и равноправности. Проституція и развратъ усиливаются, и послѣдній доходитъ до самаго безцеремоннаго безстыдства, до такого, ничѣмъ незамаскированнаго цинизма, что недавно въ законодательное собраніе была подана просьба отъ главнѣйшихъ гражданъ Оноидаги объ отмѣнѣ законовъ, карающихъ соблазнителей и женщинъ, и дѣвушекъ! Между женщинами, не только простыми и старыми, но даже между фешенебельными и молоденькими, болѣе и болѣе усиливается пьянство (The Revolution, 1871, № 10). Въ каждомъ патріархальномъ обществѣ люди желаютъ имѣть какъ можно болѣе дѣтей и чадородіе считается главнымъ достоинствомъ женщины; не то въ Америкѣ: здѣсь хо-

почутъ о томъ, чтобы имѣть какъ можно менѣе дѣтей. Самые передовые бойцы за свободу женщины, на основаніи физіологическихъ и гигіеническихъ данныхъ, утверждаютъ, что женщина должна родить не болѣе одного раза въ пять лѣтъ, что болѣе частыя рожденія очень невыгодно отражаются какъ на здоровьѣ женщины, такъ и на здоровьѣ, способностяхъ и воспитаніи дѣтей. У многихъ сектантовъ, напр., у библейскихъ коммунистовъ, супруги строго слѣдуютъ правилу «не распложаться свыше своего желанія». Это нежеланіе быть матерью или, по крайней мѣрѣ, нежеланіе имѣть много дѣтей особенно господствуетъ въ городскомъ народонаселеніи. «Всѣ замѣчанія о дѣтяхъ, которыя въ Англіи и Германіи приняты были бы молодыми матерями за любезности, здѣсь встрѣчаются съ презрительной улыбкой и пожиманіемъ плечъ. Вы никогда не должны пожелать американской леди на крестинахъ ея ребенка дожить поскорѣе до новаго такого же счастливаго дня; она можетъ принять такое пожеланіе за личное оскорбленіе. «Въ Провиденсѣ,—разсказываетъ Диксонъ,—образцовомъ городѣ во многихъ отношеніяхъ, центрѣ тысячи благородныхъ дѣятельностей, я разговаривалъ объ этомъ предметѣ съ одной дамой. Вотъ какимъ свѣтомъ она освѣщала эти факты. «Первая обязанность женщины—казаться прекрасной въ глазахъ мужчинъ, такъ, чтобы привлечь ихъ къ себѣ и заручиться вліяніемъ на нихъ для добрыхъ цѣлей; ея назначеніе не быть домашней вещью, рабой дѣтской, въ кухнѣ и въ классной. Все, что мѣшаетъ женщинѣ достигать этой цѣли, служитъ противъ ея интересовъ, и она имѣетъ право отказаться отъ этого, какъ мужчина отказался бы платить несправедливый налогъ на его доходъ. Первая мысль жены должна быть о мужѣ и о себѣ, какъ подругѣ его жизни. Никогда не нужно допускать, чтобы что-нибудь становились между мужемъ и женой». Я спросилъ у этой леди, мужъ которой сидѣлъ рядомъ, неужели дѣти составляютъ преграду между отцомъ и матерью? «Конечно,—отвѣчала она очень смѣло:—дѣти поглощаютъ все время у матери, портятъ ея красоту, расходуютъ ея жизнь. Пройдитесь по улицамъ: вы увидите сотни нѣжныхъ, хорошенькихъ дѣвушекъ, только что вошедшихъ въ лѣта зрѣлости; черезъ годъ онѣ выйдутъ замужъ, черезъ десять—онѣ будутъ отвратительными старыми уродами. Ни одинъ мужчина не посмотритъ тогда на нихъ. Онѣ принесутъ свою жизнь въ жертву дѣтямъ». Вслѣдствіе такой нерасположенности къ дѣторожденію, число дѣтей, рождающихся въ Соединенныхъ Штатахъ, быстро уменьшается. Общественное мнѣніе волнуется этимъ упадкомъ половой производительности, и въ десяти различныхъ мѣстахъ Союза основаны ежегодныя выставки дѣтей, на которыхъ присяжные эксперты изъ женщинъ присуждаютъ награды за лучшіе экземпляры будущихъ гражданъ.

Постепенно возрастающая нерасположенность къ семейной жизни заражаетъ собою не только женщинъ, но и мужчинъ. Разложеніе архаическаго семейства, замѣтное и въ Европѣ, въ Америкѣ чрезвычайно усилилось въ послѣднее пятидесятилѣтіе. Число браковъ постепенно уменьшается; то же самое видимъ мы и въ Европѣ; но въ Америкѣ это уменьшеніе браковъ и умноженіе одинокихъ женщинъ тѣмъ сильнѣе и поразительнѣе, что женщинъ здѣсь меньше, чѣмъ мужчинъ. Женщина, какая бы она ни была, всегда можетъ выйти здѣсь замужъ. Между тѣмъ, среднимъ числомъ, изъ 100 способныхъ къ браку американокъ, во всѣхъ штатахъ, замужъ выходитъ только 75, а остальныя 25 ведутъ самостоятельную жизнь, не налагая на себя брачныхъ узъ, хотя и имѣютъ полную возможность выйти замужъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мужское народонаселеніе имѣетъ сильный численный перевѣсъ надъ женскимъ, какъ, напр., въ Калифорніи, гдѣ на 1 женщину приходится 3 мужчины, или въ Колорадо, гдѣ на 1 женщину 20 мужчинъ.

Недовольство современными условіями брачной жизни проявляется не въ одномъ только уменьшеніи браковъ, а также въ увеличеніи формальныхъ и неформальныхъ разводовъ и судебныхъ процессовъ между супругами, показывающихъ, что архаическія основы американскаго семейства не удовлетворяютъ уже ни женщину, ни мужчину. Семейный вопросъ сталъ въ число главныхъ вопросовъ общественной жизни, и сознаніе народа дѣятельно работаетъ надъ его рѣшеніемъ, приходя то къ мормонскому многоженству, то къ аскетическому отрицанію брака, то къ полной половой свободѣ перфекціонистовъ, то къ «свободной любви» радикальныхъ эмансипаторовъ. Эта «свободная любовь», главною пропагандисткою которой въ настоящее время служитъ Викторія Удгелль, есть не что иное, какъ только полная возможность развода... Умѣренные эмансипаторы тоже вполнѣ сознаютъ необходимость реформировать брачныя отношенія и сдѣлать ихъ свободнымъ союзомъ двухъ равноправныхъ лицъ. Для ознакомленія читателя съ воззрѣніями этой умѣренной эмансипаціонной партіи мы изложимъ здѣсь рѣчь достопочтенной Елисаветы Стентонъ, сказанную ею въ Нью-Іоркѣ въ октябрѣ 1870 г.

«Политическая сторона женскаго движенія такъ всесторонно обсуждена уже и въ Англіи, и у насъ, и достигла стольких практическихъ результатовъ, что, кажется, битва за право голоса почти уже дана и выиграна. Давно уже лучшіе законовѣды признали, что по конституціи женщина имѣетъ избирательныя права. Женщины уже вотируютъ въ Іоминтѣ, Утахѣ и другихъ мѣстахъ; поэтому весь вопросъ о политической равноправности половъ сводится лишь къ вопросу о времени, когда этотъ обычай сдѣлается всеобщимъ».

Рядомъ съ политическимъ, уже почти рѣшеннымъ, стоитъ другой, не менѣе важный вопросъ—семейный.

«Мы живемъ среди переворота, болѣе великаго, чѣмъ всѣ бывшія соціальныя и политическія революціи, потому что онъ проникаетъ до самыхъ основъ общества. Намъ, въ нашей республиканской Америкѣ, предстоитъ рѣшеніе вопроса не о томъ, погрѣшимъ ли папа, или можетъ ли король дѣлать несправедливость,—намъ предстоитъ болѣе важный вопросъ—равны ли между собой мужчина и женщина,

или уже на вѣки предопредѣлено, чтобы одна изъ нихъ была въ подчиненіи у другого? Вопросъ о политическомъ и религіозномъ положеніи намъ рѣшить несравненно легче, чѣмъ нашъ, потому что въ первомъ случаѣ противъ одного лица стоятъ мнѣнія многихъ, мы же должны имѣть дѣло съ цѣлою половиною рода человѣческаго, притомъ съ сильнѣйшею половиною, которая владѣетъ цитаделью, держитъ у себя ключи казначейства, составляетъ законы и заправляетъ общественнымъ мнѣніемъ сообразно со своими эгоистическими интересами. Возможно ли измѣнить такой порядокъ безъ продолжительныхъ споровъ, столкновеній, злобы и борьбы? Можно ли надѣяться, что мужчина употребитъ меньше усилій на защиту своей власти надъ женщиной, чѣмъ папа въ борьбѣ за свои мнимыя права надъ подданными или рабовладѣльцы—надъ своими невольниками? Нѣтъ, нѣтъ. Джонъ Стюартъ Миль говоритъ, что мужчина вообще не можетъ помириться съ мыслью о домашнемъ равенствѣ супруговъ, и въ этомъ заключается весь секретъ сопротивленія женской равноправности въ государствѣ: мужчины не хотятъ признать ея въ домашней жизни. Поэтому-то и боятся дать женщинамъ избирательныя права; ибо пока одинъ мужчина составляетъ, толкуетъ и исполняетъ законы, до тѣхъ поръ онъ имѣетъ полную возможность поддерживать существующія отношенія. И когда онъ выражаетъ боязнь, что эманципація женщины ниспровергнетъ семейные порядки, то онъ при этомъ самъ сознается, что ея настоящее состояніе подчиненности зависитъ не отъ ея желанія и что если бы она могла, то совершила бы въ немъ существенныя перемѣны. Вотъ въ чемъ заключается сущность борьбы, при которой мы нынѣ присутствуемъ»...

«Консерваторы вопіютъ, что мы хотимъ разрушать семейство; боязливые реформаторы отвѣчаютъ имъ, что политическая равноправность женщины не произведетъ никакихъ перемѣнъ въ семейной жизни. И тѣ, и другіе ошибаются. Равноправность совершенно преобразуетъ семейство. Когда женщина сдѣлается равною мужу, то брачныя отношенія не могутъ оставаться такими же, какъ теперь. Но эта перемѣна не разрушитъ ихъ. Человѣческіе законы и государственныя конституціи не могутъ создать супружеской или материнской любви, не могутъ и уничтожить ея... Ужели нынѣ семейная жизнь въ массѣ человѣчества такъ счастлива и удовлетворительна, что не нуждается ни въ какихъ улучшеніяхъ? Перемѣна—не смерть, а прогрессъ—не разрушеніе». Америка измѣнила старую форму правленія на новую, и тѣмъ положила начало своему процвѣтанію и благоденствію. Американцы измѣнили начала старой церковной жизни, и получили въ результатѣ свободу совѣсти и мысли. «Введеніе свободы въ семейство необходимо должно возбудить споры, непріятности, распри; но изъ тѣхъ золъ, которыя мы нынѣ видимъ и оплакиваемъ, возникнетъ болѣе чистый, болѣе возвышенный и болѣе святой бракъ. Тотъ же самый законъ равенства, который преобразовалъ государство и церковь, стучится теперь въ двери нашихъ домовъ, и рано или поздно мы принуждены будемъ впустить его»...

«Въ настоящее время для улучшенія брачной жизни мы должны сдѣлать двѣ вещи. Мы должны, открывъ для дѣвушекъ всѣ безъ исключенія высшія школы и коллегіи, дать молодежи обоего пола возможность изучать вкусы, мнѣнія, способности, характеръ другъ друга въ ихъ нормальномъ положеніи. Въ обыденной жизни, въ классныхъ комнатахъ, во время игръ и отдыха обнаруживается весь характеръ молодежи, и результатомъ этихъ раннихъ и свободныхъ знакомствъ будутъ болѣе серьезные брачные союзы, чѣмъ тѣ, которые заключаются теперь подъ вліяніемъ искусственныхъ стимуловъ фешенебельнаго общества. Если дѣвушка будетъ проходить полный курсъ ученія въ коллегіи и университетѣ, то бракъ будетъ отлагаться до болѣе позднихъ годовъ жизни, когда ея характеръ и физическія силы совершенно созрѣютъ и разовьются. Вслѣдствіе этого исчезнетъ значительная доля тѣхъ болѣзней и недостатковъ, которые въ настоящее время такъ сильно подкапываютъ счастіе брачной жизни».

«Все, что можетъ дать женщинамъ здоровье и счастіе, силу и свободу тѣла и души, все это вноситъ въ домашнюю жизнь свѣтъ и утѣшеніе. Наполеонъ говорилъ, что «изъ больного человѣка невозможно сдѣлать солдата». Точно такъ и изъ больныхъ женщинъ невозможно сдѣлать счастливыхъ матерей, и пока наши дома будутъ оставаться больницами, до тѣхъ поръ черныя тѣни будутъ омрачать лучшіе дни нашей жизни. Отъ новой системы воспитанія нужно ждать еще и другого великаго результата. Когда всѣ мальчики и дѣвочки будутъ учиться вмѣстѣ, будутъ стремиться къ одинъмъ и тѣмъ же цѣлямъ, то они привыкнутъ смотрѣть другъ на друга, какъ на равныхъ себѣ, и надменное самомнѣніе мужчины превратится въ чувство глубокаго уваженія къ женщинѣ. Кромѣ того, когда молодежь обоего пола будетъ вмѣстѣ развивать свои душевныя способности, познакомится съ высшимъ наслажденіемъ взаимнаго обмѣна мыслей, будетъ возбуждать другъ въ другѣ возвышенныя идеи и благородныя чувствованія, тогда чувственныя побужденія займутъ свое второстепенное мѣсто, и бракъ, основанный не на однѣхъ физическихъ наклонностяхъ, но и на высшихъ чувствахъ, получитъ новую прелесть, очистится и возвысится».

«Дѣвушки, проникнутыя благороднымъ сознаніемъ, что онѣ должны жить своимъ трудомъ, будутъ стремиться къ имущественной самостоятельности; а когда ихъ умъ будетъ занятъ научными вопросами, ихъ руки — производительной работой, то бракъ перестанетъ быть единственною цѣлью ихъ честолюбія. Когда женщины будутъ такъ же независимы и самостоятельны, какъ мужчины, и трудъ сдѣлается равно производительнымъ для обоихъ половъ, тогда онѣ не будутъ выходить замужъ изъ одного только страха остаться старыми дѣвами или жить на счетъ чужой благотворительности»...

«Когда дѣвушки будутъ въ состояніи жить своимъ трудомъ, тогда отцы и матери не будутъ такъ часто, какъ теперь, оплакивать несчастныя замужества своихъ дочерей... Увы, сколько погибаетъ

несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ, выходящихъ за молодыхъ людей, которые пьянствуютъ, картежничаютъ, развратничаютъ, цѣлые дни проводятъ въ праздности, а ночи въ порокѣ, распространяя въ семействахъ раздоры, болѣзни и преступленія»... И мало того, что всѣ подобные браки дѣлаютъ изъ семейной жизни настоящій адъ для женщины, они крайне невыгодно отражаются на потомствѣ, которое постепенно вырождается и несетъ на себѣ естественную отвѣтственность за грѣхи отцовъ своихъ. Наука дала намъ право разсуждать о происхожденіи человѣка; съ такою же свободою слѣдуетъ поставить и ужасный вопросъ о томъ, должно ли наше потомство состоять изъ идіотовъ, уродовъ, мошенниковъ и сумасшедшихъ, а если нѣтъ, то посредствомъ какихъ соціальныхъ реформъ можно предотвратить эти угрожающіе результаты существующихъ отношеній?»

Кромѣ изложенныхъ уже выше улучшеній, необходима еще радикальная реформа брачнаго законодательства, которое должно быть едино для всѣхъ штатовъ. Узаконивъ полную равноправность мужа и жены, реформированное право должно вывести логическія послѣдствія изъ двухъ, уже признанныхъ всѣми штатами принциповъ:

«Во-первыхъ, что бракъ не есть союзъ нерасторжимый, но можетъ быть расторгаемъ посредствомъ судебнаго рѣшенія;

«Во-вторыхъ, что бракъ есть договоръ между двумя равными личностями».

Изъ этихъ принциповъ логически вытекаетъ идея развода, возбуждающая столько напрасныхъ опасеній и неосновательныхъ возраженій.

«Во-первыхъ, говорятъ, что дозволять расторженіе брака значитъ подрывать всѣ семейныя отношенія, какъ будто человѣческія чувства служатъ результатами, а не основаніями каноническихъ постановленій и законовъ государства. Любовь мужчинъ и женщинъ къ своимъ дѣтямъ и любовь къ родителямъ существовала задолго до основанія государства и установленія правительствъ. Стѣсняемая, извращаемая, угнетаемая, она пережила существованіе самыхъ деспотическихъ государствъ, монархій, республикъ, и, безъ сомнѣнія, она жила бы и въ томъ случаѣ, если бы исчезли всѣ формы правленія, потому что любовь безсмертна. Я никакимъ образомъ не могу согласиться, чтобы желаніе, которое я чувствую, оставляя свой домъ, мужа и дѣтей, и радость, когда я возвращаюсь къ нимъ, были производимы строгими законами о разводѣ, и что имъ же я обязана и своимъ появленіемъ на лицѣ земли. Открыть спасительный выходъ тѣмъ, которые живутъ въ постоянномъ взаимномъ антагонизмѣ—несчастнымъ женамъ пьяницъ, развратниковъ, негодяевъ и тирановъ—не значитъ разрывать отношенія между тѣми, которые живутъ довольно и счастливо; напротивъ, свобода можетъ только укрѣпить и очистить брачныя узы. Когда мужья и жены не будутъ собственностью одни другихъ, а будутъ соединены одною только любовью, то бракъ будетъ пожизненнымъ товариществомъ, а не тяжкимъ ярмомъ, подъ давленіемъ котораго люди безплодно мечтаютъ о свободѣ. Чѣмъ свободнѣе отношенія между людьми, тѣмъ они счастливѣе... И если бы мужчина, который при настоящихъ условіяхъ является деспотомъ, зналъ, что общественное мнѣніе возьметъ подъ свое покровительство оставившую его жену, то онъ постарался бы сдѣлаться кроткимъ и осторожнымъ. И если бы жена, капризная и своенравная, причиняющая постоянное безпокойство и надоѣдающая мужу, знала, что онъ можетъ освободиться отъ союза съ нею честнымъ и непредосудительнымъ способомъ, то это повліяло бы на измѣненіе ея права».

«Во-вторыхъ, говорятъ, что развратники, сластолюбцы и негодяи будутъ каждый годъ брать себѣ новую жену, если только получатъ возможность законнымъ и непредосудительнымъ способомъ отдѣлываться отъ старой... Это возраженіе основано на той мысли, что женщина всегда останется неимѣющею независимыхъ средствъ, безпомощною и неспособною къ сопротивленію жертвою каждаго встрѣчнаго мужчины, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ настоящее время. Но при новомъ порядкѣ вещей, при которомъ она займетъ свое мѣсто въ мірѣ труда, будучи воспитана для самостоятельной жизни, имѣя землю подъ своими ногами и крышу надъ своей головой, при соціальномъ, гражданскомъ и политическомъ равенствѣ съ мужчиной, она уже не будетъ хвататься за каждое брачное предложеніе, подобно утопающему, который ухватывается за соломинку. И хотя-бы мужчины остались такими же, какъ теперь, но все-таки начинающійся переворотъ въ положеніи женщины утвердитъ въ общественной жизни новый кодексъ нравственности. Къ тому же мужчины извѣстнаго сорта, которые стали бы при свободѣ развода дѣлать упомянутыя вещи, дѣлаютъ ихъ и теперь, да вдобавокъ еще тиранятъ своихъ законныхъ женъ, этихъ невинныхъ созданій, покорныхъ закону и общественному мнѣнію, что невозможно при справедливыхъ и либеральныхъ законахъ, при господствѣ которыхъ женщины будутъ воспитываться въ возвышенныхъ понятіяхъ долга, чистоты и добродѣтели».

«Въ-третьихъ, возражаютъ, что при законной свободѣ развода легкомысленные и непостоянные люди будутъ разводиться изъ-за пустяковъ, а сластолюбивые изъ одной любви къ перемѣнамъ. Но какъ въ матеріальномъ мірѣ центростремительная сила сдерживаетъ все около одного общаго центра, не смотря на всѣ другія стремленія, такъ и въ мірѣ нравственномъ любовь къ перемѣнамъ подчинена болѣе сильной любви къ окружающей насъ обстановкѣ. Опытъ доказываетъ несомнѣнность той исторической истины, что люди болѣе расположены страдать подъ игомъ зла, пока оно не сдѣлается нестерпимымъ, чѣмъ освобождаться отъ него посредствомъ уничтоженія формъ, къ которымъ они привыкли. Люди непостоянные, сумасбродные, сластолюбивые не уважаютъ закона и не повинуются ему; это кометы и метеоры, летающіе въ соціальной жизни по своимъ собственнымъ путямъ. И какое значеніе имѣютъ брачные и разводные законы нашего штата

для 20,000 проститутокъ города Нью-Іорка, для множества женатыхъ мужчинъ, посѣщающихъ притоны разврата, болѣзни и смерти, или для тѣхъ, которые легко могутъ освободиться отъ брачныхъ узъ, отправившись въ штаты Индіану или Коннектикутъ?.. Подобно тому, какъ Моисей позволилъ однажды сынамъ Израиля, такъ и государство позволяетъ людямъ порочнымъ, по причинѣ развращенности сердецъ ихъ, удовлетворять своимъ наклонностямъ. Почему же не дозволить людямъ нравственнымъ, образованнымъ, развитымъ удовлетворять своимъ наклонностямъ?»

«Въ-четвертыхъ, говорятъ, что разводъ былъ бы дѣйствительно облегченіемъ для несчастныхъ женъ и мужей, но что существенные интересы дѣтей требуютъ нерасторжимости брака. — Существенные интересы дѣтей, родителей, государства — все требуетъ свободнаго развода. Великое дѣло быть рожденнымъ какъ слѣдуетъ, и никакая любовь, никакія заботы, никакое воспитаніе не могутъ вознаградить ребенка за ту физическую и нравственную слабость, за тѣ недостатки, которые являются въ его организаціи, какъ результаты взаимнаго равнодушія его родителей, ихъ отвращенія или ненависти другъ къ другу. За несчастіемъ такого рожденія слѣдуетъ деморализирующее вліяніе на дѣтей постоянныхъ раздоровъ и взаимныхъ неудовольствій, порождаемыхъ между супругами ихъ неестественнымъ союзомъ. Кромѣ того, умная мать скорѣе согласится одна воспитывать своихъ дѣтей, чѣмъ подвергать ихъ власти и злоупотребленіямъ своего порочнаго, оскотинившагося мужа, и наоборотъ; когда нравственная и умственная природа мужчины и женщины подчинены чувственной, то порывы самодурства или страсти заглушаютъ всякую любовь къ дѣтямъ. Случается иногда, что и одинаково хорошіе мужъ и жена желаютъ развестись, потому что, какъ масло и вода, они не въ состояніи жить вмѣстѣ; если они разойдутся, что же станется съ дѣтьми? Въ подобныхъ случаяхъ неудачная супружеская любовь легко переходитъ въ дружбу, и разведшіеся супруги по взаимному согласію могутъ удовлетворительно рѣшить вопросъ о дѣтяхъ. При этомъ вѣрующіе въ спасительность либеральныхъ законовъ о разводѣ могутъ, въ свою очередь, спросить: что дѣлается съ дѣтьми въ настоящее время? Пусть ваши каторжныя тюрьмы, исправительные дома, пріюты и убѣжища отвѣчаютъ на этотъ вопросъ!.. Да, одно изъ главныхъ основаній свободы развода заключается въ самомъ вредномъ вліяніи на дѣтей неудачныхъ браковъ»...

«Въ-пятыхъ, возражаютъ, что мужчины и женщины будутъ вступать въ бракъ безъ той разсудительности и осмотрительности, какія мы видимъ теперь, если дурной бракъ не будетъ больше считаться преступленіемъ и вступившіе въ него не будутъ страдать подъ тяжестью пожизненнаго наказанія.—Надлежащей разсудительности и осмотрительности теперь-то именно и нѣтъ. Что же касается пожизненнаго наказанія за ошибочный бракъ, то вотъ что говоритъ объ этомъ Робертъ Дэль Оуэнъ:

«Труднѣе всего—даже при совершенной зрѣлости ума и полной житейской опытности—рѣшить вопросъ о томъ, есть ли любимое нами существо самое подходящее изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ людей въ нравственномъ, умственномъ и физическомъ отношеніяхъ, чтобы составить свое и наше семейное счастіе? Даже самое проницательное зрѣніе не всегда можетъ видѣть все, что нужно; многое остается скрытымъ даже для самыхъ мудрыхъ и опытныхъ людей; чего же слѣдуетъ ожидать отъ довѣрчивыхъ юношей, только что вступившихъ въ свѣтъ, исполненный лжи, и незнакомыхъ съ его кознями? Не будетъ ли имъ защитою ихъ честность? Наоборотъ. Въ подобныхъ случаяхъ самые благородные люди наиболѣе подвергаются несчастію. Чѣмъ лучше натура, тѣмъ большими опасностями она окружена. Человѣкъ черствый, бессердечный, разсчетливый имѣетъ наиболѣе шансовъ избавиться отъ бѣды, которой подвергаются обыкновенно люди добрые, довѣрчивые, великодушные... И по какому же праву, на основаніи какого принципа мы рѣшаемъ, что они вѣчно должны страдать отъ своего заблужденія, что однажды сдѣланная ими ошибка, самая роковая изъ всѣхъ, никогда не можетъ быть исправлена?..»

«Да, семейная жизнь даже лучшихъ мужчинъ и лучшихъ женщинъ въ настоящее время имѣетъ свои мрачныя стороны и свои печали»...

«Мы страдаемъ вмѣстѣ, будемъ же вмѣстѣ и работать для созданія новой цивилизаціи, которая уже начинаетъ озарять насъ своимъ свѣтомъ».

«Настаетъ день! Жизненныя бѣдствія не высыпались на насъ изъ какого-нибудь ящика Пандоры,—нѣтъ, они порождаются причинами, которыя мы можемъ ограничивать. Знаніе и соблюденіе законовъ природы открываетъ намъ дорогу къ здоровью и счастію, къ непзрѣченной радости и миру, къ возрожденному на землѣ раю. Когда бракъ будетъ основанъ на истинномъ союзѣ умовъ и сердецъ, когда матери и отцы будутъ такъ же приготовлены нравственно и физически къ исполненію своихъ священныхъ обязанностей, какъ приготовляется артистъ къ выполненію своей поэмы, статуи или картины,—тогда бракъ, материнство и отцовство пріобрѣтутъ новое значеніе, и благороднѣйшій типъ мужчины и женщины озаритъ собою родъ человѣческій».

Какъ видитъ читатель, женское движеніе въ Америкѣ стремится реформировать не только всѣ стороны женскаго быта — воспитаніе женщины, брачную и семейную жизнь, разводъ, условія труда и т. д.,—но оно стоитъ въ непосредственной связи съ общей жизнію страны и служитъ главнымъ вопросомъ внутренней политики Соединенныхъ Штатовъ. Но семейное и общественное, легальное и экономическое положеніе женщины можетъ измѣниться рѣшительнымъ образомъ лишь тогда, когда женщины примутъ дѣятельное и непосредственное участіе въ законодательствѣ и управленіи страны, которыя монополизированы теперь мужчинами.

Лѣтъ сорокъ назадъ въ Соединенныхъ Штатахъ

начали раздаваться смѣлые, но одинокіе голоса объ освобожденіи рабовъ и женщинъ. Въ 1828 г. образованная англичанка, мисъ Райтъ, вздумала сдѣлать опытъ организаціи свободнаго труда между неграми. Купивъ двѣ тысячи акровъ земли и нѣсколько семействъ негровъ, она освободила послѣднихъ, дала имъ землю и организовала ихъ трудъ на началахъ, которыя она считала самыми раціональными. Но болѣзнь скоро отклонила ее отъ непосредственнаго управленія этимъ дѣломъ, и попытка не удалась. Тогда мисъ Райтъ начала цѣлый рядъ блестящихъ публичныхъ лекцій о политическихъ учрежденіяхъ Америки, о природѣ знанія, о свободѣ изслѣдованія, о французской революціи, которую она съ полнымъ знаніемъ дѣла оправдывала отъ враждебныхъ и несправедливыхъ нареканій. Во всѣхъ своихъ лекціяхъ она указывала на униженное положеніе женщины и на недостатки ея умственнаго развитія. Эти лекціи производили сильное впечатлѣніе, но, говоритъ Полина Девисъ, «тогдашніе фарисеи готовы были побить камнями пророчицу свободы. Райтъ подвергалась всевозможнымъ клеветамъ, бранн, преслѣдованію, и все терпѣла за истину такъ же спокойно, какъ Сократъ. Взирая съ высоты своей философіи, она кротко сносила всѣ издѣвательства и насмѣшки толпы и безстрашно продолжала нападать на тиранію, невѣжество и ханжество. Противъ нея были вооружены и женщины, такъ что можно было подумать, что мужчины построили для нея висѣлицу и заставили женщинъ быть ея палачами».

Въ 1836 г. другая иностранка, полька Эрнестина Розе, начала въ Америкѣ свои лекціи о наукѣ управленія, политической экономіи и равноправности женщины. Она представила въ нью-іоркское законодательное собраніе петицію съ пятью подписями объ имущественныхъ правахъ женщины. Объявленія объ ея лекціяхъ возбуждали сначала одинъ только насмѣшки. Но энергія и смѣлость молодой женщины заинтересовали многихъ, ея лекціи стали посѣщаться, и она пріобрѣла нѣсколько самыхъ восторженныхъ послѣдовательницъ. Въ томъ же году, независимо отъ Розе, одна женщина послала въ законодательное собраніе петицію съ тридцатью подписями о расширеніи женскихъ имущественныхъ правъ.

Въ 1837 г. Мери Говъ прочла рядъ лекцій о правахъ женщины, въ особенности объ ея правѣ на медицинскую профессію. Эти чтенія имѣли большое вліяніе, усиливъ стремленіе женщинъ къ образованію.

Въ томъ же году прибыли въ Нью-Іоркъ изъ южной Каролины сестры Сарра и Энджелина Гримкъ. Онѣ освободили своихъ рабовъ и въ своихъ лекціяхъ начали проводить параллель между законами о рабствѣ и законами о женщинѣ. Въ 1839 г. въ Филадельфіи собрался національный женскій противорабовладѣльческій конвентъ, въ которомъ сестры Гримкъ приняли самое дѣятельное участіе и Энджелинѣ было поручено составить воззваніе къ рабамъ. На этомъ конвентѣ впервые заявила себя Эбби Келли, краснорѣчіе которой, вмѣстѣ съ краснорѣчіемъ Энджелины Гримкъ, возбудило такое любопытство между мужчинами что они добились своего допущенія на засѣда. Въ 1840 г. друзья Келли предложили противорабовладѣльческому обществу назначить ее членомъ комитета и требовали для женщинъ права говорить и вотировать. Это возбудило сильныя пренія, однакожъ, вопросъ рѣшенъ положительно.

Около того же времени въ Лондонѣ собрался всемірный противоневольническій конвентъ, на который отправились многія женщины депутатами отъ американскихъ аболиціонистскихъ обществъ. Но большинство членовъ конвента рѣшительно вооружилось противъ участія женщинъ въ своихъ засѣданіяхъ, и американскія депутатки отказались отъ исполненія возложенныхъ на нихъ порученій.

Въ 1843 г. Джонъ Ниль читалъ свои лекціи о женщинѣ, возбудившія большое вниманіе и разошедшіяся по странѣ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

Съ 1841 по 1843 г. Лидія Марія Чайльдъ издавала въ Нью-Іоркѣ «National Anti-Slavery Standart», имѣвшій огромную популярность. Ея талантливыя статьи во пользу рабовъ, ихъ освобожденія и равноправности оказывали сильное вліяніе и на развитіе идеи женской эманципаціи.

Около того же времени начали свою плодотворную дѣятельность уже упомянутыя нами женщины-медики Лозье и Гёнтъ. Въ 1844 г. Полина Девисъ начала свои лекціи объ анатоміи и физіологіи. Съѣздивъ въ Парижъ для окончанія своего образованія, она стала въ числѣ главныхъ руководительницъ женскаго движенія въ Америкѣ.

Въ 1845 г. вышла въ свѣтъ «Женщина въ XIX в.» Маргариты Фюллеръ, которая требовала, чтобы женщинѣ наравнѣ съ мужчиною былъ открытъ доступъ къ образованію, промышленной дѣятельности и законодательству. Книга эта не потеряла значенія даже до настоящаго времени.

Въ томъ же году появилась новая писательница и ораторша, м-съ Геджъ. Кромѣ журнальныхъ статей, она пропагандировала идеи эманципаціи посредствомъ публичныхъ лекцій, для чтенія которыхъ изъѣздила чуть не весь Союзъ.

Эти и другія піонерки женской эманципаціи скоро увидѣли плоды своей пропаганды. Въ концѣ сороковыхъ годовъ женское движеніе принимаетъ уже форму настоящей политической агитаціи; составляются одинъ за другимъ три женскихъ конвента, и на первомъ изъ нихъ, по предложенію Елисаветы Стэнтонъ, принята, между прочимъ, резолюція, что «женщины Америки должны хлопотать о пріобрѣтеніи себѣ избирательныхъ правъ». Всѣ благоразумные и разсудительные люди не мало потѣшались надъ этимъ заявленіемъ эксцентрическихъ «утопистокъ». Но послѣдніе продолжали агитировать все сильнѣе и сильнѣе. Въ 1848 г. въ Огайо собрался новый женскій конгрессъ, болѣе многочисленный, чѣмъ прежніе. Онъ состоялъ исключительно изъ женщинъ, и мужчины не имѣли права ни говорить на немъ, ни подавать своихъ голосовъ. Многіе изъ нихъ просили дозволенія сказать хоть слово, но предсѣдательница, Бетси Коульзъ, была неумолима и призывала ихъ къ порядку. Послѣ многихъ рѣчей

и преній здѣсь были приняты двадцать двѣ резолюціи, съ предисловіемъ, напоминающимъ собою начало декларацiи независимости.

«Такъ какъ всѣ люди созданы равными и одарены извѣстными, Богомъ данными правами, и такъ какъ каждое справедливое правительство основано на согласіи управляемыхъ; такъ какъ ученіе, что человѣкъ долженъ стремиться къ матеріальному благосостоянію, принято высшими авторитетами за великій принципъ природы; такъ какъ это ученіе не мѣстное, а всеобщее и внушенное человѣку самимъ Богомъ, то мы постановили—

«1) что всѣ законы, противные этимъ основнымъ принципамъ или враждебные этому великому естественному основанію, не имѣютъ никакого значенія;

«2) что всѣ законы, лишающіе женщину избирательныхъ правъ, недѣйствительны и необязательны;

«3) что всѣ общественныя, литературныя, экономическія и религіозныя различія между мужчиной и женщиной противны природѣ;

«4) что несправедливо и неестественно допускать различное нравственное мѣрило для мужчины и женщины».

Отъ имени этого конвента Мери Джонсонъ представила въ конституціонное собраніе Огайо петицію, въ заключеніи которой говорилось: «мы настоятельно просимъ, чтобы составляемая вами новая конституція для нашего штата даровала женщинамъ не только право голоса, но и всѣ права, какими пользуются мужчины».

Въ 1850 г. разосланы были приглашенія на общій женскій конгрессъ. На эти приглашенія одни отвѣчали грубымъ отказомъ, упреками, насмѣшками, даже бранью; но многіе другіе, и, между прочимъ, такіе замѣчательные дѣятели, какъ Чаннингъ и Эмерсонъ, заявили свое полное сочувствіе предпріятію. Въ октябрѣ 1850 г., въ Уорчестерѣ, въ Массачузетѣ, собрался этотъ первый національный конвентъ женскихъ правъ, открытый рѣчью Полины Девисъ, въ которой она заявила, что женская эманципація тѣсно связана съ преобразованіемъ всѣхъ соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ интересовъ и учрежденій, что освобожденіе женщинъ должно, между прочимъ, вести за собою постепенное прекращеніе войнъ и умиротвореніе земли. Конгрессъ этотъ постановилъ слѣдующія резолюціи, въ которыхъ формулирована вся программа американскихъ эманципаторовъ:

«Рѣшено, что каждое человѣческое существо, достигшее совершеннолѣтія, обязанное повиноваться законамъ, должно имѣть право голоса при ихъ составленіи; что каждое лицо, котораго трудъ или собственность облагаются налогами для поддержанія правительства, имѣетъ право непосредственно участвовать въ этомъ управленіи; поэтому—

«рѣшено, что женщины имѣютъ право избирать и быть выбираемыми, и что каждая партія, которая желаетъ быть представительницею гуманности, цивилизаціи и современнаго прогресса, должна начертать на своихъ знаменахъ равенство предъ закономъ безъ различія пола и цвѣта кожи;

«рѣшено, что гражданскія и политическія права не имѣютъ ничего общаго съ половъ, и слово *мужчина* (male) должно быть вычеркнуто изъ конституцій всѣхъ штатовъ;

«рѣшено, что такъ какъ лучшимъ стимуломъ для успѣховъ образованія служитъ надежда воспользоваться послѣднимъ, почетнымъ и выгоднымъ образомъ, въ послѣдующей жизни, и такъ какъ лучшею образовательною школою для насъ служитъ сама жизнь съ ея треволненіями, занятіями и дисциплиною, — то женщины до тѣхъ поръ будутъ не въ состояніи дѣлать надлежащаго употребленія изъ получаемаго ими образованія и ихъ карьера не будетъ имѣть справедливой соотвѣтственности съ ихъ способностями, пока для нихъ не будетъ открытъ доступъ ко всѣмъ гражданскимъ и профессіональнымъ занятіямъ;

«рѣшено, что всякое стараніе воспитывать женщинъ безъ признанія за ними ихъ правъ и безъ направленія ихъ совѣсти къ сознанію важности ихъ обязанностей—есть напрасная и безполезная трата труда;

«рѣшено, что законы о собственности, относящіеся до супруговъ, должны быть пересмотрѣны, съ цѣлью уравненія между ними всѣхъ правъ; жена должна имѣть равный контроль надъ имуществомъ, пріобрѣтеннымъ общимъ трудомъ и пожертвованіями обоихъ супруговъ; по смерти же мужа жена должна наслѣдовать изъ его состоянія такую же часть, какую онъ наслѣдуетъ послѣ ея смерти; наконецъ она должна имѣть право, какъ и мужъ, распоряжаться по завѣщанію одинаковой съ нимъ частью ихъ общаго имущества».

Этими и другими резолюціями тысяча американокъ, бывшихъ на конгрессѣ, заявила о тѣхъ требованіяхъ, къ выполненію которыхъ должна стремиться женщина Новаго Свѣта. Масса общества, особенно рабовладѣльческое народонаселеніе Юга, отнеслась къ конгрессу съ недовѣрчивостью, съ насмѣшками, со злобой. Особенное негодованіе и сарказмы этихъ консерваторовъ возбудило то обстоятельство, что нѣкоторыя женщины начали въ это время носить мужское платье. Площаднымъ шуткамъ, карикатурамъ, издѣвательствамъ конца не было. Противники эманципаціи издѣвались надъ ней, какъ надъ пустой, модной затѣей, обвиняли эманципированныхъ женщинъ въ развращенности, въ стремленіи разорвать всѣ узы семьи и брака, въ цинизмѣ и неприличіи. Но не одни только вражескія неистовства возбудилъ этотъ конгрессъ. По поводу его въ іюльской книжкѣ «Westminster Review» за 1851 г. появилась извѣстная статья г-жи Миль объ эманципаціи женщинъ, имѣющая историческое значеніе. Это была самая удачная, самая популярная прокламація, призывавшая женщинъ къ освобожденію, значительно усилившая женское движеніе и разошедшаяся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ по Европѣ и Америкѣ. Въ то же время вышло въ свѣтъ и другое сочиненіе, имѣвшее также огромное вліяніе, — «Женщина и ея нужды», Елисаветы Смитъ. Конгрессъ возбудилъ сочувствіе и въ далекой Франціи. Члены его въ 1851

г. получили посланіе отъ извѣстныхъ Жанны Деруань и Полины Роланъ, сидѣвшихъ уже тогда въ тюрьмѣ св. Лазаря, въ Парижѣ. Въ этомъ восторженномъ посланіи проводилась мысль, что только «посредствомъ труда, посредствомъ соединенія съ работающимъ классомъ женщина можетъ завоевать гражданское и политическое равенство, отъ котораго зависитъ счастіе міра».

Въ самой Америкѣ число сторонницъ и сторонниковъ женскаго освобожденія быстро возрастало. Національные женскіе конгрессы съ тѣхъ поръ сдѣлались ежегодными, и на каждомъ изъ нихъ выступали новые и новые таланты, посвящавшіе себя женскому дѣлу. На третьемъ конгрессѣ, въ октябрѣ 1852 г., явилась на сцену извѣстная миссъ Энтони, которая, имѣетъ съ своею задушевною подругою, Стэнтонъ, до сихъ поръ служитъ женскому дѣлу со всѣмъ энтузіазмомъ христіанки первыхъ вѣковъ и съ чисто апостольскою ревностью. Въ упомянутомъ году она изъѣздила весь нью-іоркскій штатъ, читая лекціи и собирая подписи къ петиціямъ о реформѣ юридическаго положенія женщины. Слѣдовавшія затѣмъ перемѣны въ законахъ объ имущественныхъ и семейныхъ правахъ женщины состоялись главнымъ образомъ подъ вліяніемъ г-жъ Энтони и Стэнтонъ. На этомъ же конвентѣ положено основаніе первому женскому журналу «Una», который и началъ выходить съ января 1853 г. подъ редакціей Полины Девисъ.

Кромѣ этихъ ежегодныхъ конгрессовъ, въ разныхъ мѣстахъ Союза все чаще и чаще устраивались женскіе митинги, публичныя лекціи, организовались женскія общества; г-жи Энтони, Стэнтонъ, Даль и Геджъ являлись въ законодательныхъ собраніяхъ Нью-Іорка, Массачузета и Огайо съ требованіями реформъ, благопріятныхъ для женщинъ, и ихъ настоянія не были безуспѣшными. Усиленіе средствъ для женскаго образованія все болѣе и болѣе умножало массу образованныхъ сторонницъ освобожденія. Настала война за освобожденіе рабовъ, за это святое дѣло, на служеніе которому, какъ мы уже видѣли, женщины въ продолженіе тридцати лѣтъ посвящали свои труды и способности. Послѣ окончанія войны, успѣхамъ которой такъ много содѣйствовали сѣверянки своими трудами и дома, и въ госпиталяхъ, и на полѣ битвы,—послѣ освобожденія чернаго раба вопросъ объ освобожденіи бѣлой рабыни усилился уже по одному тому, что война заставила около 1.000,000 женщинъ жить своимъ трудомъ, лишивъ ихъ отцовъ, мужей, сыновей, братьевъ, имущества.

Женское движеніе вступило въ новый фазисъ развитія, и на первомъ послѣ войны, девятомъ національномъ конвентѣ было положено начало систематической борьбы за дарованіе женщинамъ избирательныхъ правъ. Елисавета Стэнтонъ, миссъ Энтони, Олимпія Браунъ, миссъ Блэкуель, Лусія Стонъ и Джорджъ Франсизъ Трэнъ ѣздили по Союзу, собирая митинги, читая лекціи, агитируя въ пользу равноправности половъ. Въ Нью-Іоркѣ основана газета «Revolution». Мистрисъ Стэнтонъ, въ томъ же году, явившись въ судебный комитетъ законодательнаго нью-іоркскаго собранія, представила свою петицію объ избирательныхъ правахъ женщины. Въ то же время извѣстный ораторъ Куртисъ предложилъ слѣдующую поправку къ конституціи нью-іоркскаго штата: «исключить изъ перваго отдѣла ея слово *мужчина* и вездѣ, гдѣ стоитъ въ этомъ отдѣлѣ *онъ*, прибавить: *или она*; гдѣ—*его*, прибавить: *или ея*. Комитетъ, которому было поручено предварительное разсмотрѣніе этого вопроса, рѣшилъ его отрицательно. Въ своемъ докладѣ онъ далъ такой смыслъ одиннадцатому параграфу конституціи: «идіоты, сумасшедшіе, лица, состоящія подъ опекой, преступники, женщины и лица, уличенныя въ подкупности, не пользуются избирательными правами». Чтобъ показать читателю, съ какой логической необходимостью освобожденіе женщины вытекаетъ изъ конституціи американскаго союза и изъ всего строя американской жизни, мы приведемъ въ приложеніи превосходную рѣчь Куртиса, сказанную имъ въ защиту своего предложенія въ законодательномъ собраніи.

Эманципація женщины логически вытекаетъ изъ всего строя американской конституціи, которая безъ освобожденія женщины является зданіемъ недостроеннымъ, лишеннымъ тѣхъ частей, которыя необходимо должны быть въ немъ, чтобы была выполнена идея строителей. При этой конституціи особенно возмутительна политическая безправность женщинъ, платящихъ налоги. «Кто не имѣетъ правъ гражданина, тотъ не имѣетъ и его обязанностей; взиманіе налоговъ съ лицъ, не имѣющихъ своихъ представителей, незаконно»—вотъ основные принципы американской жизни, нарушеніе которыхъ британскимъ парламентомъ повело за собой войну за независимость. Но эти справедливые принципы самымъ вопіющимъ образомъ нарушаются, когда дѣло идетъ о женщинахъ, съ которыхъ берутъ налоги и не даютъ имъ никакихъ правъ. Въ Массачузетѣ женщины владѣютъ собственностью болѣе, чѣмъ въ 75,000,000 долларовъ, и платятъ болѣе 1,000,000 налоговъ; въ Нью-Бедфордѣ, по росписи налоговъ 1870 г., собственность женщинъ простиралась до 1,819,600 долларовъ; въ Сенъ-Луи женщины платятъ налоги съ собственности, оцѣненной въ 14,000,000 долларовъ, и т. д. Этотъ фактъ служитъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ въ пользу равноправности, и между американками идетъ уже сильная агитація, чтобы отказывать въ уплатѣ налоговъ тому «правительству, въ выборѣ котораго онѣ не участвуютъ, такъ какъ законность нашей правительственной власти основывается на согласіи управляемыхъ». Американки уплачиваютъ налоги не иначе, какъ съ сильнымъ протестомъ. Ихъ политическая безправность сдѣлалась явленіемъ совершенно ненормальнымъ, особенно послѣ того, какъ самый послѣдній негръ получилъ право голоса. Въ другихъ странахъ противники женской равноправности имѣютъ еще хотя какое-нибудь основаніе относиться съ пренебреженіемъ къ женскому вопросу, но въ Америкѣ политическая агитація женщинъ достигла уже такой силы и такихъ размѣровъ, что даже враги отно-

сятся къ ней вполнѣ серьезно. Богатыя леди, бѣдныя работницы, женщины всѣхъ партій и вѣроисповѣданій, всѣхъ классовъ и состояній соединяются въ одну партію и требуютъ себѣ однихъ правъ. Въ этомъ движеніи участвуютъ даже только что освобожденныя негритянки. На одномъ митингѣ 1872 г. двадцатилѣтняя негритянка, миссъ Натанъ, обратилась къ многочисленной публикѣ съ слѣдующею рѣчью: «Нѣсколько лѣтъ назадъ я была рабой, принадлежавшей на правахъ отчуждаемой и пріобрѣтаемой вещи одному кентукскому землевладѣльцу; я вынесла на себѣ всѣ оскорбленія моего подневольнаго положенія; мнѣ было семь лѣтъ, когда меня вывели на рынокъ и продали отъ моей матери; съ тѣхъ поръ я никогда не видѣла ея больше. Мнѣ было десять лѣтъ, когда я разсталась съ тѣмъ штатомъ, въ которомъ родилась, и до сихъ поръ я не могла побывать въ немъ. Много невзгодъ, лишеній и нужды я перенесла за это время, и, когда часъ нашей свободы насталъ, я благословила его всѣми благословеніями моего сердца. Поэтому мнѣ можно вѣрить, если я скажу, что ни въ чьей душѣ не отзывается такъ живо всякій честный голосъ за равноправность американки, за освобожденіе ея отъ старыхъ предразсудковъ, какъ въ душѣ подобныхъ мнѣ женщинъ. Когда дѣло шло объ эманципаціи негровъ, противники ея, обыкновенно, утверждали, что негры недостойны свободы, что они не созданы для нея, что освобожденіе должно развратить и унизить еще больше эту обиженную Богомъ и природой расу. То ли мы видимъ теперь, когда событіе совершилось и послѣдствія его вошли въ обычную практическую колею? Я и тысячи другихъ негритянокъ воспользовались своимъ новымъ положеніемъ для лучшей жизни, — озаботились своимъ образованіемъ, сдѣлались болѣе дѣятельными, нравственными и, слѣдовательно, болѣе полезными обществу. То же самое произойдетъ и съ тѣми женщинами, которыя освободятся отъ стѣснительныхъ общественныхъ условій, налагаемыхъ на нихъ прежними варварскими законами. Противники наши скоро убѣдятся,—если только желаютъ убѣдиться,—что расширеніе общественной дѣятельности женщинъ, свободный выборъ занятій, политическая равноправность и соціальное независимое положеніе облагородятъ женщину, а не уронятъ ее нравственно,—облагородятъ ее, какъ мать, какъ воспитательницу будущихъ гражданъ, какъ жену и вообще какъ человѣка. Теперь мы вѣмъ въ тягость: отцу, работающему ради нашего воспитанія; обществу, не извлекающему изъ насъ надлежащихъ выгодъ, какъ изъ своихъ членовъ; государству, охраняющему насъ на счетъ мужчинъ; наконецъ, мы въ тягость себѣ и близкимъ намъ, какъ мертвая сила, какъ въ землѣ зарытая способность. Это чувствуютъ наши противники и только изъ упорства или лицемѣрія не хотятъ признаться въ этомъ. Я знаю, не по слухамъ, а по опыту, какъ легко на душѣ женщины, когда она просыпается съ мыслію, что ея существованіе обезпечено не чужимъ трудомъ, а ея собственнымъ, что никто изъ ея домашнихъ не откажетъ себѣ ни въ кускѣ хлѣба, ни въ лишнемъ часѣ отдыха ради того, чтобы накормить и успокоить свою даровую нахлѣбницу. А какъ счастлива та дѣвушка, которая не имѣетъ крайности броситься въ объятія какого-нибудь негодяя изъ-за того только, чтобы не остаться на улицѣ безъ пріюта... Что бы ни говорили, но намъ нельзя отказать въ одномъ—въ правѣ нашемъ на общій трудъ и справедливое вознагражденіе за него. А чтобы осуществить это право, чтобы обезпечить за нами экономическую независимость, ни законъ, ни общественное мнѣніе не должны обрекать насъ на жалкую роль гаремныхъ невольницъ. Къ этому мы стремимся всѣми силами, къ этому мы призываемъ всѣхъ американокъ, ищущихъ выхода къ свѣту и полезной дѣятельности» (New-York Tribune, 4 Sept. 1872). У насъ, въ Россіи, да и въ западной Европѣ враги женскаго дѣла нападаютъ на него, какъ на ребяческое увлеченіе молодыхъ дѣвушекъ и юношей, но въ Америкѣ подобныя мнѣнія въ настоящее время не могутъ имѣть никакого хода. Правда, что къ эманципаціонной партіи принадлежитъ здѣсь множество молоденькихъ женщинъ и дѣвушекъ, но въ рядахъ ея мы видимъ много и сѣдовласыхъ старушекъ, и почтенныхъ матерей семейства. Въ сентябрѣ 1871 г. въ Нью-Іоркѣ умерла восьмидесятисемилѣтняя старушка Ливингстонъ, имя которой стояло во главѣ многочисленныхъ подписей подъ петиціей, поданной женщинами въ конституціонное собраніе. Она часто изъявляла желаніе быть освобожденной прежде, чѣмъ ей суждено будетъ лечь въ могилу. Во главѣ женскаго движенія до сихъ поръ стоятъ женщины самыхъ почтенныхъ лѣтъ. Клеменціи Лозье теперь 60 лѣтъ, Гарріотъ Гёнтъ 67, Лукреціи Моттъ 80, м-съ Сайкъ 46, Елисаветѣ Стэнтонъ 53, миссъ Энтони 55, Аннѣ Диккинсонъ 37, Целіи Вёрлей 46, Дженни Дженъ 49; Полина Дэвисъ тоже пожилая старушка. При всемъ томъ, въ Америкѣ не мало враговъ женскаго движенія, которые стараются заклеймить его своими клеветами. Подобно нашимъ инсинуаторамъ, эти господа продолжаютъ до сихъ поръ вредить женскому дѣлу посредствомъ клеветъ и возмутительныхъ сплетенъ, разсѣваемыхъ въ газетахъ. Главнымъ образомъ они стараются запугать общественное мнѣніе призракомъ той «свободной любви», къ которой будто бы стремятся всѣ эманципированныя женщины, хотя въ дѣйствительности, за весьма немногими исключеніями, всѣ друзья женскаго дѣла въ Америкѣ хлопочутъ единственно о томъ, чтобы посредствомъ раціональныхъ реформъ охранить семейство отъ окончательнаго разложенія, которымъ ему угрожаютъ современныя соціальныя условія. Недавно консервативныя газеты распространили, напримѣръ, сплетню, будто въ Іомингѣ женщины, засѣдавшія въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ по одному очень важному дѣлу, не кончивъ его, попросили отпустить ихъ домой—покормить грудью своихъ ребятъ. Этимъ анекдотомъ газеты воспользовались, какъ матеріаломъ для насмѣшки и разсужденій о непрактичности и вредныхъ послѣдствіяхъ для семейной жизни эманципаціонныхъ затѣй. Въ то же самое время была пущена газетная сплетня «о томъ, какими средствами добываетъ себѣ под-

писчиковъ одинъ очень распространенный органъ женскаго движенія. Одна хорошенькая и богато одѣтая леди вошла въ лавку одного бостонскаго купца и предложила ему подписаться на «нашу газету». Онъ отказался, говоря, что не сочувствуетъ дѣлу эмансипаціи; но когда она своими обворожительными и умоляющими взорами взглянула на него, обвила своими руками его шею и начала просить его не отказываться, то онъ не устоялъ и выложилъ деньги». «Revolution» замѣчаетъ, что если бы даже всѣ подобные анекдоты и сплетни были справедливыми, то ни она, ни женское дѣло вообще не могутъ быть отвѣтственными за выходки своихъ глупыхъ друзей.

Одно уже то обстоятельство, что противники женскаго дѣла вынуждены прибѣгать къ подобнымъ выходкамъ, показываетъ, какъ слабы ихъ доктрины и теоріи, на основаніи которыхъ они борются съ эмансипаторами. Что женщина создана для одного семейства, что ея общественная дѣятельность вредитъ благосостоянію семейной жизни и обязанностямъ материнства, что женщина неспособна къ общественной дѣятельности,—всѣ подобные предразсудки и измышленія пускаются въ ходъ врагами женщины въ Америкѣ. Но вся эта смѣсь лжи, лицемѣрія и глупости если и задерживаетъ ходъ женскаго дѣла, особенно въ тѣхъ слояхъ общества, въ которыхъ предразсудки мѣщанъ новой идеѣ пробиться въ человѣческую голову, то никого изъ честныхъ и умныхъ людей не убѣждаетъ своими доводами; практика самой жизни срываетъ съ нея маску на каждомъ шагу.

Женское дѣло въ Америкѣ располагаетъ огромными средствами. Большинство пропагандируетъ идею эмансипаціи. Около десяти журналовъ спеціально занимаются женскимъ дѣломъ, какъ, напр., «Переворотъ» въ Нью-Іоркѣ, «Женскій журналъ» въ Бостонѣ, «Новое Время», служащее органомъ американскихъ нѣмокъ. Тысячи книгъ и брошюръ преслѣдуютъ тѣ же самыя цѣли, какъ, напр., дешевыя брошюрки, издаваемыя «Американской ассоціаціей избирательныхъ правъ женщины», подъ общимъ заглавіемъ «Woman Suffrage Tracts». Публичныя лекціи и митинги, посвященные женскому дѣлу, устраиваются постоянно во всѣхъ мѣстностяхъ Союза, а въ большихъ городахъ, напр. въ Нью-Іоркѣ, подобныхъ собраній бываетъ по нѣскольку въ день. Какою неутомимою, совершенно непонятною для насъ дѣятельностью отличаются американскія эмансипаторы, можно судить по слѣдующему случаю. Въ концѣ 1869 г. извѣстный ораторъ Трэнъ получилъ слѣдующую телеграмму изъ Нью-Іорка отъ г-жъ Стэнни, Броунъ, Стэнтонъ и другихъ членовъ общества женской равноправности: «Не угодно ли вамъ говорить рѣчи: въ Омагѣ 19 ноября, въ Демуанѣ 21, въ Чикаго 22, въ Мильвуки 23, въ Сентъ-Луи 26, въ Луивиллѣ 27, въ Цинциннати 28, въ Клевеландѣ 29, въ Буффало 30, въ Рочестерѣ 1 декабря, въ Сиракузахъ 3, въ Альбани 4, въ Спрингфильдѣ 6, въ Уорчестерѣ 7, въ Бостонѣ 9, въ Гартфордѣ 10, въ Филадельфіи 12, въ Нью-Іоркѣ 14? Скажите *да*— и женщины будутъ съ вами! Да здравствуетъ право!»

И на всѣхъ этихъ митингахъ Трэнъ былъ и говорилъ рѣчи! Подобныхъ странствующихъ ораторовъ очень много. Во главѣ ихъ стоитъ неутомимая, сѣдовласая м-съ Стэнтонъ, которая успѣваетъ и хлопотать о своемъ семействѣ, и присутствовать на всѣхъ замѣчательныхъ женскихъ митингахъ, вести дебаты, читать лекціи, писать въ газеты, руководить дѣлами женскихъ ассоціацій. Лѣтомъ 1871 г. она вмѣстѣ съ миссъ Энтони проѣхала поперекъ всей территоріи Союза, побывала въ сотняхъ городовъ и поселеній, собирая митинги, читая лекціи, поучая женщинъ, собиравшихся отовсюду на голосъ ихъ лучшаго и благороднѣйшаго друга. «Журналы запада, говоритъ «Revolution»,— относятся къ м-съ Стэнтонъ и миссъ Энтони съ замѣчательнымъ уваженіемъ; ихъ поѣздка походитъ почти на тріумфальное шествіе». И въ большихъ городахъ, и въ новыхъ колоніяхъ, и у мормоновъ на Соленомъ озерѣ, и въ рудникахъ Калифорніи, и въ залахъ великолѣпныхъ отелей, и подъ открытымъ небомъ, среди бѣднаго рабочаго люда,— всюду проповѣдывали онѣ новую эпоху женской равноправности и повсюду находили сочувствіе. Въ развитыхъ и свободныхъ странахъ подобные митинги и чтенія имѣютъ чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ реформъ. Сначала они возбуждаютъ и просвѣтляютъ общественное мнѣніе, а потомъ поддерживаютъ общественную дѣятельность въ данномъ направленіи. Пропагандою, изданіемъ газетъ и брошюръ, устройствомъ митинговъ, составленіемъ и подачею петицій занимается главнымъ образомъ многочисленная «Американская ассоціація избирательныхъ правъ женщины», отдѣленія которой разсѣяны по всему Союзу. Кромѣ того, въ каждомъ штатѣ, въ каждомъ значительномъ городѣ есть свое эмансипаторское общество. Эта сильная и быстро увеличивающаяся армія вотъ уже четыре года ведетъ постоянную войну съ противниками женскаго дѣла и беретъ у нихъ съ боя одинъ пунктъ за другимъ. Въ этой борьбѣ нѣтъ ни адскихъ канонадъ, ни кровопролитныхъ сраженій, ни полей, усѣянныхъ трупами и упитанныхъ человѣческою кровью, какъ въ войнѣ съ Югомъ, но результатъ ея будетъ одинаковъ съ результатомъ послѣдней, и уже не далеко то время, когда бѣлая рабыня сравняется въ своихъ правахъ съ бывшимъ чернымъ невольникомъ. Мы остановимся здѣсь на главныхъ моментахъ этой борьбы за послѣднее время.

Въ 1868 и 1870 гг. многія женщины Нью-Джерсея являлись къ выборнымъ ящикамъ въ качествѣ избирателей; ихъ допускали, но съ замѣчаніемъ, что ихъ голоса не будутъ приняты въ счетъ.

Въ 1869 г. женщины Утаха и Іоминга получили всѣ политическія права; въ качествѣ избирателей, присяжныхъ, мировыхъ судей онѣ вскорѣ же заслужили общую похвалу всѣхъ безпристрастныхъ людей. «Женское дѣло въ территоріи Іоминга идетъ превосходно,—говоритъ одинъ корреспондентъ.—Въ послѣднюю сессію окружного суда главный судья, Гоу, отозвался въ самыхъ горя-

чихъ выраженіяхъ объ умѣ, разсудительности и честности женщинъ, бывшихъ присяжными, говоря что онѣ вполнѣ оправдали надежды своихъ избирателей».

Въ январѣ 1870 г. Елисавета Стэнтонъ была принята въ соединенномъ комитетѣ палаты представителей и сената Колумбіи со своей петиціей объ освобожденіи женщинъ дистрикта Колумбіи. Ея рѣчь въ защиту женскихъ правъ произвела большое впечатлѣніе.

Въ октябрѣ того же года собрался въ Нью-Іоркѣ двадцатый національный конвентъ женскихъ правъ. Это было величественное и вмѣстѣ трогательное зрѣлище, говоритъ «Revolution». «Святая красота Лукреціи Моттъ, серебряные локоны и изящная фигура Полины Дэвисъ, добродушная, материнская физіономія м-съ Стэнтонъ, серьезное, честное лицо Сусаны Энтони составляли контрастъ со множествомъ молодыхъ труженицъ, начавшихъ дѣятельность въ болѣе поздній періодъ и смотрѣвшихъ на этихъ матерей и піонерокъ женскаго движенія съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ въ древности ученики смотрѣли на пророковъ». Это былъ двадцатилѣтній юбилей женскаго движенія, имѣвшій въ особенности то значеніе, что онъ выяснилъ странѣ быстрый прогрессъ женскаго дѣла и вдохнулъ новую энергію въ души его сторонниковъ. Первая рѣчь на этомъ конвентѣ принадлежала молодой ораторшѣ, Адель Гаслитъ. Вотъ что, между прочимъ, говорила она:

«Конечно, немного странно, что я, столь молодая въ дѣлѣ женскаго освобожденія, рѣшилась говорить при такомъ случаѣ и въ присутствіи этихъ старыхъ бойцовъ за свободу женщины.

«Вспоминая, что на первомъ изъ этихъ собраній предсѣдательствовала та же, которая является нашей предсѣдательницей и сегодня (Н. Дэвисъ), и что она посвятила этому дѣлу не только всѣ свои симпатіи и упорный трудъ, но и свой блестящій талантъ; что рядомъ съ ней стояли тогда, какъ стоятъ и теперь, эти двѣ великія женщины, м-съ Моттъ и Стэнтонъ; что тогда и теперь непобѣдимая Сусанна (Энтони) является надежнѣйшей опорой нашего дѣла, о которую, какъ о гранитную скалу, разбиваются всѣ волны оппозиціи и бури враждебной злобы,—вспоминая это и видя передъ собою этихъ ветерановъ свободы, я чувствую, какъ блѣденъ мой свѣточъ подлѣ этихъ звѣздъ первой величины.

«Но при всемъ томъ, я такъ же предана дѣлу, какъ и онѣ, и поэтому осмѣливаюсь стоять на этой трибунѣ, чтобы вмѣстѣ съ ними привѣтствовать постепенное пробужденіе женщинъ нашей страны...

«До сихъ поръ эти неутомимыя труженицы старались вдохновить своихъ соотечественницъ; теперь же эти соотечественницы будутъ вдохновлять ихъ самихъ. Что бы онѣ ни думали, какъ бы онѣ ни чувствовали, какою бы жаждою свободы ни были исполнены сердца ихъ,—все это является лишь слабымъ выраженіемъ того чувства, которымъ исполнены теплыя сердца женщинъ Америки. Образованные и мыслящіе люди не могутъ оставаться въ рабствѣ. Они могутъ только презирать тѣхъ, которые недостойны уваженія. А достойны ли уваженія мужчины, которые, считаясь республиканцами, являются деспотами въ своихъ собственныхъ семействахъ и укрѣпляются въ этомъ положеніи посредствомъ законовъ, изданныхъ во имя свободы? Джентльмены, видите ли вы пропасть, въ которую вы стремитесь? Повѣрьте мнѣ, что придетъ время, и оно уже настаетъ, когда тотъ, кто хочетъ быть любимъ и уважаемъ женщиной, долженъ быть справедливъ къ женщинѣ... Гдѣ ваше хваленое равенство? Гдѣ ваша прославленная республика? Гдѣ гарантіи вашего семейнаго счастья? Вы говорите, что оно основано на любви. Хорошо, но развѣ любовь можетъ существовать безъ уваженія; развѣ уваженіе можетъ порождать несправедливость; развѣ это справедливость, если одинъ человѣкъ находится въ порабощеніи у другого? Увы, мы не имѣемъ ни домашняго очага, ни отечества, ни свободы, потому что все угнетаетъ насъ... Но берегитесь! Эти старые агитаторы и обвинители скоро сойдутъ со сцены, но изъ праха ихъ возникнетъ новое поколѣніе борцовъ, которое напомнитъ вамъ одинъ куплетъ изъ исторіи Джека, убійцы гиганта,—

«Хотя онъ и убитъ, но болѣе ужасный
Братъ его идетъ».

«Что для насъ конституція? Она ставитъ насъ наравнѣ съ преступниками и сумасшедшими. Что для насъ національный флагъ? Онъ не развѣвается надъ свободной женщиной... Говорятъ, что намъ даютъ содержаніе и мы должны быть довольны. Но *девять десятыхъ американскихъ женщинъ содержатъ сами себя*. Если же мужчины настаиваютъ, что они содержатъ насъ, то пусть всѣ женщины,—всѣ фабричныя работницы, жены фермеровъ, поденщицы и т. д.,—перестанутъ работать и передадутъ свои дѣла мужчинамъ, чтобы послѣдніе имѣли право называться ихъ содержателями; что будетъ тогда съ вами?.. Вспомните, что политическая логика абсолютна; что одно изъ двухъ слѣдуетъ выбирать намъ—или управленіе одного, или управленіе всѣхъ; что мы или должны возвращаться къ управленію одного, или же подвигаться впередъ къ управленію всѣхъ. Сомнѣваться во всеобщей подачѣ голосовъ—значитъ сомнѣваться въ демократіи. Если равенство будетъ отвергаемо, наша нація умретъ и должна умереть»...

Еще до этого конвента конгрессъ внесъ въ конституцію XIV и XV дополненія, которыя постановляютъ, что «*каждое лицо*, рожденное или натурализованное въ Соединенныхъ Штатахъ, пользуется въ нихъ гражданствомъ» и что «никакой штатъ не можетъ ограничить привилегій или правъ своихъ гражданъ». Главное изъ этихъ правъ—избирательное. Представители народа, утверждая эти дополненія, имѣли въ виду только негровъ; но эмансипаціонная партія стала утверждать, что они, сознательно или безсознательно, даровали права всѣмъ *лицамъ*, т.-е. мужчинамъ и женщинамъ, бѣлымъ и чернымъ. Составитель XIV дополненія, Бингамъ, заявилъ, что подъ словомъ «лицо» онъ дѣйствительно разумѣлъ и мужчинъ, и женщинъ. И двадцатый конвентъ перенесъ политическую борьбу на эту легальную почву, постановивъ, между прочимъ,

что слѣдуетъ хлопотать «о немедленномъ принятіи XVI дополненія къ федеральной конституціи, запрещающаго каждому штату ограничивать права своихъ гражданъ на основаніи ихъ пола».

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого конвента въ Вашингтонѣ собралось «Національное общество женскихъ правъ и воспитанія», которое также рѣшило добиться принятія конгрессомъ XVI дополненія и усилить агитацію посредствомъ сбора подписей подъ петиціей и разсылки даровыхъ сочиненій по женскому вопросу.

Въ это время, независимо отъ упомянутаго общества, выступила на сцену м-съ Удгелль, нѣсколько напоминающая собою Элизу Фарнгемъ. Осенью 1870 г. она представила въ конгрессъ записку, въ которой требовала признанія женскихъ правъ, уже данныхъ XIV и XV дополненіями къ конституціи. Депутатъ Джуліанъ прочелъ ее въ палатѣ, и по его предложенію она передана была въ юридическій комитетъ, въ засѣданіи котораго Викторія Удгелль лично защищала права женщинъ. Большинство комитета отвергло петицію, но меньшинство, въ лицѣ генерала Бутлера и судьи Лофриджа, признало, что въ силу конституціи и дополненій къ ней женщины должны пользоваться всѣми политическими правами наравнѣ съ гражданами мужескаго пола. Мнѣніе меньшинства, основанное на первостепенныхъ юридическихъ авторитетахъ и логически выведенное изъ принциповъ конституціи, хотя и не имѣло хода въ конгрессѣ, но зато, распространенное по Союзу въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, оно окончательно поставило вопросъ на юридическую почву и превратило женское движеніе въ такую же борьбу *за право*, какою была и борьба за національную независимость.

Между тѣмъ подоспѣли выборы 1871 г., и многія женщины заявили рѣшительное желаніе участвовать въ нихъ. Въ Мичиганѣ двѣ женщины вотировали, не встрѣтивъ никакого препятствія со стороны властей. Въ Титусвиллѣ нѣкто мистриссъ Бреттъ также участвовала въ выборахъ вмѣстѣ со своимъ мужемъ. Въ Филадельфіи миссъ Бернгемъ явилась къ выборамъ и, въ качествѣ гражданина Соединенныхъ Штатовъ, потребовала записать свое имя въ списки избирателей. Ей было отказали, какъ женщинѣ, но она начала объяснять, что, по духу конституціи и по смыслу XIV и XV дополненій къ ней, каждая женщина считается гражданиномъ и поэтому имѣетъ право представительства. Ее допустили къ выборамъ. Въ той же Филадельфіи была внесена въ избирательные списки докторъ медицины Елена Миллеръ; но на выборахъ ея голосъ былъ признанъ недѣйствительнымъ. Въ Нью-Іоркѣ только одна женщина допущена къ выборамъ инспекторомъ Гринвичской улицы; всѣ же другіе инспекторы отказали женщинамъ, являвшимся вотировать. Въ штатѣ Іовѣ, на территоріи котораго находится Іовингъ, женщины уже давно пользуются политическими правами; нѣсколько женщинъ были допущены къ выборамъ и въ другихъ мѣстностяхъ штата. Въ Колумбіи Сарра Спенсеръ и Сарра Вебстеръ были устранены отъ выборовъ и начали процессъ противъ отказавшаго имъ бюро избирательной регистраціи. Судъ призналъ ихъ жалобу неосновательною, и онѣ апеллировали въ верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ. Верховный судъ отказалъ имъ; очень вѣроятно, что конгрессъ отвергнетъ и предложенный ему билль о XVI дополненіи къ конституціи, но это только придастъ новую энергію настоящимъ эманципаторовъ, рѣшившихся возобновлять свое предложеніе конгрессу въ каждую сессію его до тѣхъ поръ, пока въ пользу реформы не получится законнаго большинства голосовъ. Содѣйствовать успѣху этого билля съ особенною энергіей взялся національный комитетъ о правахъ и воспитаніи женщинъ. Комитетъ этотъ началъ собирать изо всѣхъ штатовъ подписи женщинъ къ слѣдующей декларации:

«Мы, нижеподписавшіяся, будучи убѣждены, что священныя права и привилегія гражданства въ нашей республикѣ дарованы намъ основной конституціей, подтверждены и выяснены XIV и XV дополненіями къ ней,—обязуемся принять на себя гражданскія обязанности въ своихъ штатахъ, какъ скоро будутъ устранены всѣ легальныя препятствія къ тому.

«Будучи убѣждены, что нравственныя достоинства личности служатъ лучшею гарантіей національной свободы, мы обязуемся, при выборахъ кандидатовъ на общественныя должности, прежде всего обращать вниманіе на ихъ добросовѣстность и честность.

«И, наконецъ, будучи убѣждены, что самъ Богъ былъ верховнымъ авторомъ американской декларации независимости, мы обязуемся въ духѣ этого незабвеннаго акта дѣйствовать рука объ руку съ нашими отцами, супругами и сыновьями для поддержанія той равноправности, на которой съ самаго начала была основана республика, чтобы *согласіе управляемыхъ* вполнѣ сдѣлалось первымъ условіемъ справедливаго управленія».

Лишь только была напечатана эта декларація въ журналахъ, какъ въ комитетъ стало поступать множество сочувственныхъ писемъ и адресовъ со всѣхъ концовъ страны; по словамъ комитетскаго отчета, «къ слѣдующей сессіи конгресса составится не одинъ огромный томъ изъ этихъ заявленій». Комитетъ усиленно разсылаетъ вездѣ даровые экземпляры своей декларации и разныхъ брошюръ о женскомъ и другихъ политическихъ вопросахъ, собирая пожертвованія на эту даровую пропаганду. Но такъ какъ огромное большинство стремящихся къ эманципаціи женщинъ принадлежитъ къ бѣдному, трудящемуся классу, и имъ трудно жертвовать комитету даже какой-нибудь долларъ, то денежные сборы комитета въ послѣднее время оказались несоотвѣтствующими его широкимъ намѣреніямъ. «Мы убѣждены,—говорится въ отчетѣ,—что если бы могли вести свое дѣло какъ слѣдуетъ въ теченіе года, снабдить каждое семейство въ республикѣ разными трактатами и узнать имена всѣхъ женщинъ, желающихъ вотировать, то въ ближайшую сессію конгресса вопросъ былъ бы поставленъ на немъ какъ слѣдуетъ, и женщины признаны были

бы избирателями при наступающихъ выборахъ президента». Въ отвѣтъ на многочисленныя письма, комитетъ даетъ всѣмъ желающимъ правъ женщинамъ слѣдующую программу дѣятельности:

«1) Каждая женщина должна давать голосъ или добиваться до подачи голоса на всѣхъ муниципальныхъ выборахъ, на выборахъ штата и Союза, на основаніи майскаго акта 1870 г.

«2) Женщины должны составлять въ каждомъ городѣ клубы съ цѣлью приготовленія другъ друга къ этой обязанности». На суммы этихъ клубовъ должно вести иски противъ лицъ, устраняющихъ женщинъ отъ участія въ выборахъ.

«3) Каждая женщина, желающая вотировать, должна доставить въ комитетъ свой адресъ», съ приложеніемъ посильнаго денежнаго пожертвованія, предназначеннаго для даровой распространенія въ народѣ политическихъ трактатовъ.

«4) Женщины должны стараться защищать свое дѣло передъ законодательной комиссіей каждаго штата; организовать школы и публичныя лекціи въ каждомъ городѣ и каждомъ селѣ; привлекать на свою сторону мужей, отцовъ и братьевъ».

Между тѣмъ, какъ въ 1871 и началѣ 1872 года усиливалась такимъ образомъ дѣятельность эмансипаторовъ, враги женскаго освобожденія тоже не дремали. Многочисленныя петиціи, подаваемыя въ конгрессъ и въ національныя собранія отдѣльныхъ штатовъ, или оставлялись безъ отвѣта, или отвергались. Республиканская партія, стоящая во главѣ управленія и освободившая негровъ, не рѣшалась на XVI-е дополненіе къ конституціи и старалась по возможности обходить вопросъ. Верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ, на разсмотрѣніе котораго поступило дѣло, отложилъ его въ долгій ящикъ. «Нью-іоркская Трибуна» замѣтила тогда, что конгрессъ рѣшитъ его не раньше, какъ черезъ *два или три года*. Этою робостью и неловкимъ вліяніемъ республиканцевъ воспользовалась демократическая (бывшая рабовладѣльческая) партія, стремившаяся къ власти въ виду выборовъ 1871 и 1872 г. Демократическія газеты горячо приняли сторону женщинъ и засыпали республиканцевъ насмѣшками надъ ихъ безкорыстіемъ при освобожденіи чужихъ черныхъ рабовъ и надъ ихъ упорнымъ охраненіемъ власти надъ своими бѣлыми рабынями. Республиканцы въ свое оправданіе начали приводить то, что женщины стремятся не къ одной политической равноправности, но и къ свободѣ любви (free-lovism), къ разрушенію семейства и т. д. Многія женщины, преимущественно аристократки, пристали къ этой реакціонной оппозиціи и подъ руководствомъ адмиральши Дальгренъ и генеральши Шерманъ начали собирать подписи къ петиціи въ конгрессъ, протестующей противъ стремленій къ женской равноправности. Въ Филадельфіи онѣ основали свой журналъ, который борется противъ идей эмансипаціи, доказывая, что единственной сферой женской дѣятельности должна быть семья. Вотъ что говоритъ «Revolution» по поводу этой женской оппозиціи. «Женщины, которыя говорятъ и подаютъ петиціи противъ равноправности, вовсе не принадлежатъ къ тѣмъ, которыя наиболѣе страдаютъ подъ игомъ безправія. Женщины, окруженныя всѣми удобствами и роскошью, тратящія всѣ свои умственныя и физическія силы на удовольствія общественной жизни, мало или ничего не знающія о тяжкихъ условіяхъ бѣдности, о неимѣніи никакого положенія въ обществѣ, — такія женщины неспособны здраво судить объ этомъ вопросѣ... Жены извѣстныхъ людей, имена которыхъ помѣщены въ длинномъ спискѣ леди, протестующихъ противъ женской равноправности, могутъ быть компетентными судьями въ вопросахъ о вкусѣ, убранствѣ комнатъ, свѣтскомъ этикетѣ, но относительно нашего вопроса онѣ совершенныя невѣжды. Довольныя своимъ счастливымъ положеніемъ и не видя никакихъ выгодъ для себя отъ избирательнаго права, онѣ игнорируютъ угнетеніе и несправедливости, которыя внушаютъ столькимъ честнымъ и благороднымъ женщинамъ стремленіе къ свободѣ, при которой онѣ могли бы пользоваться и своими способностями, и правами, принадлежащими каждому человѣческому существу».

Реакціонныя выходки республиканскихъ газетъ и оппозиція аристократокъ создали не мало затрудненій эмансипаторамъ. Суды смѣлѣе, чѣмъ прежде, начали отказывать женщинамъ, жаловавшимся на устраненіе ихъ отъ выборовъ, и реакціонное большинство законодательнаго собранія территоріи Іомингъ рѣшило отмѣнить равноправность половъ, узаконенную въ 1869 г. Но 4 декабря 1871 г. губернаторъ Кемпбелль наложилъ на это рѣшеніе свое veto и въ своей рѣчи по этому поводу проводилъ ту совершенно справедливую мысль, что современное законодательство о женщинахъ имѣетъ всѣ признаки переходнаго состоянія, будучи смѣсью старыхъ патріархальныхъ законовъ и новыхъ, либеральныхъ, признающихъ женщину въ извѣстныхъ отношеніяхъ лицомъ самостоятельнымъ. «Если должна дѣйствовать патріархальная теорія опеки, то осуществите же ее вполнѣ, назначьте женщинамъ опекуновъ, отнимите у нихъ право заключать договоры и владѣть собственностью на основаніи законовъ, въ составленіи которыхъ онѣ не участвуютъ. Будьте же послѣдовательны и низведите ихъ въ то состояніе безправія и зависимости, въ какомъ мы видимъ ихъ у всѣхъ варварскихъ и необразованныхъ народовъ и изъ котораго онѣ вышли уже у всѣхъ націй, на которыя изливаетъ свои животворные лучи солнце цивилизаціи. Законъ, въ силу котораго женщины нашей территоріи пользуются избирательными правами, есть естественное и логическое послѣдствіе всѣхъ другихъ нашихъ законовъ. Наши законы даютъ вдовѣ право опеки надъ своими малолѣтними дѣтьми. Ужели вы хотите лишить ее права голоса относительно общественныхъ школъ, въ которыхъ будутъ воспитываться эти дѣти? По нашимъ законамъ женщина можетъ пріобрѣтать и имѣть собственность; можно ли устранять ее отъ участія въ обложеніи этой собственности налогами?..» Двухлѣтній опытъ доказалъ, что равноправность женщины можетъ имѣть одно только благодѣтельное вліяніе на политику страны. «Женщины этой территоріи обнаруживаютъ сильную, пламенную и

разумную преданность высшимъ интересамъ ея. Онѣ относятся къ общественнымъ дѣламъ съ такимъ яснымъ пониманіемъ и здравымъ сужденіемъ, которыя достойны величайшаго удивленія и выше всякой похвалы. Совѣсть женщинъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе разборчива и чувствительна, чѣмъ у мужчинъ; ихъ чувство справедливости чисто и строго: ихъ любовь къ порядку вытекаетъ прямо изъ сердца. Все это—превосходная совѣсть, возвышенное чувство справедливости и постоянная любовь къ порядку, вслѣдствіе освобожденія женщинъ, содѣйствуетъ хорошему управленію и благосостоянію нашей территоріи.—Въ первый разъ въ исторіи нашей страны мы установили управленіе, вполнѣ сообразное съ духомъ нашей великой хартіи свободы, ибо справедливая власть этого управленія дѣйствительно основана на согласіи всѣхъ управляемыхъ». О томъ же свидѣтельствовало и напечатанное въ то время въ американскихъ газетахъ письмо судьи въ территоріи Іомингъ. Онъ указываетъ на благодѣтельныя перемѣны въ соціальной жизни территоріи Іомингъ, происшедшія вслѣдствіе дарованія женщинамъ избирательныхъ правъ, которыми онѣ пользуются здѣсь уже четыре года. «Онѣ выбираются и назначаются на разныя должности, исполняютъ обязанности присяжныхъ и мировыхъ судей; онѣ вообще подаютъ свои голоса при всѣхъ нашихъ выборахъ и участвуютъ при назначеніяхъ въ должности. Хотя нѣкоторые изъ насъ не одобряютъ въ принципѣ такого вмѣшательства женщинъ, но я думаю, никто не откажется признать, что это вмѣшательство улучшило наши выборы, сдѣлало ихъ болѣе спокойными и правильными и доставило судамъ возможность преслѣдовать нѣкоторыя преступленія, которыя прежде оставались безнаказанными. Напр., когда территорія была организована, то не было почти человѣка, который бы не ходилъ съ заряженнымъ револьверомъ и не пускалъ его въ дѣло при малѣйшемъ столкновеніи съ другимъ лицомъ. И я не помню случая, чтобы присяжные, состоявшіе изъ однихъ мужчинъ, признали виновнымъ кого-нибудь изъ тѣхъ, которые такимъ образомъ подстрѣливали другъ друга; но коль скоро въ составѣ присяжныхъ есть двѣ-три женщины, то виновность этихъ лицъ бываетъ всегда признана ими. Далѣе. съ присяжными-мужчинами суды почти вовсе не могутъ поддерживать силу законовъ о пьянствѣ. игрѣ, домахъ непотребства и различныхъ формахъ разврата; въ этихъ случаяхъ нельзя разсчитывать ни на большое, ни на малое джюри; но женщины скоро измѣняютъ такое положеніе вещей... Онѣ внимательнѣе, чѣмъ мужчины, къ ходу процесса: онѣ лучше обсуждаютъ обстоятельства дѣла, менѣе подчиняются вліянію своихъ житейскихъ отношеній и постороннихъ соображеній; онѣ, наконецъ, съ большею добросовѣстностью относятся къ исполненію своей обязанности. Я не знаю ни одного примѣра, чтобы женщины-присяжные возбуждали противъ себя злобу, неудовольствіе или неуваженіе. Напротивъ, ихъ болѣе уважаютъ и болѣе цѣнятъ, чѣмъ мужчинъ... Участіе женщинъ въ нашихъ выборахъ также весьма полезно. Прежде выборы сопровождались шумнымъ пьянствомъ, азартными играми, дебоширствомъ. Но когда женщины явились вотировать, то ихъ встрѣтили съ тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ относятся къ нимъ на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ. Если вокругъ избирательнаго ящика была толпа, то она немедленно разступалась при приближеніи женщины, оставаясь спокойной и молчаливою все время, пока женщина подавала свой голосъ и удалялась. Пьяные мужчины избѣгали тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ могли видѣть женщины. Всякіе задорные споры прекращались при видѣ женщины. Если мужчины и пили, то въ кабакахъ, каждая партія отдѣльно; вслѣдствіе этого не было ни ссоръ, ни дракъ; мужчины подходили къ избирательнымъ ящикамъ и подавали свой голосъ спокойно, какъ въ церкви. Одно это — уже не маловажное улучшеніе для нашей мѣстности. Сначала многія женщины отказывались вотировать, но число такихъ уменьшалось съ каждыми выборами, и въ настоящее время едва ли найдется одна женщина, которая не пользовалась бы своимъ избирательнымъ правомъ. Многія женщины подаютъ голоса отдѣльно отъ своихъ мужей, но я не слыхалъ, чтобы вслѣдствіе такого различія мнѣній возникали домашнія смуты». Это письмо судьи Кингмена было послано «пенсильванской ассоціаціи для освобожденія женщины» и произвело большое впечатлѣніе въ Пенсильваніи. Между тѣмъ въ Америкѣ дѣйствовала крайняя женская партія и начала сливаться съ новой радикальной мужской партіей. Во главѣ этой соединенной партіи стала уже упомянутая нами Удгелль. Викторія Удгелль, седьмая изъ десяти дѣтей Роксаны и Бекмана Клеффлиновъ, родилась 23 сентября 1838 г., въ штатѣ Огайо. Такъ какъ въ это время короновалась королева Викторія, то родители и назвали этимъ именемъ свою дочь, не предчувствуя, конечно, что она со временемъ будетъ добиваться мѣста президента республики. Отецъ Викторіи былъ разорившійся адвокатъ и спекуляторъ. Онъ принадлежалъ къ спиритистамъ. Несчастія совершенно разстроили его голову. Часто онъ безъ всякой цѣли бѣгалъ по окрестностямъ и возвращался домой съ разодранною обувью, съ окровавленными ногами, усталый до изнеможенія. Онъ былъ грозой дѣтей, которыхъ билъ всѣмъ, что попадалось подъ руку, и постоянно держалъ въ водѣ размоченныя розги. Если онъ возвращался домой вечеромъ «одержимый духомъ», то начиналъ сѣчь всѣхъ своихъ дѣтей, уже легшихъ спать, и вплоть до утра въ домѣ раздавались вопли несчастныхъ дѣтей. Не мудрено послѣ этого, что, кромѣ Викторіи и ея сестры Тенни, всѣ остальныя дѣти этого семейства были полупомѣшанными, а одинъ сынъ тринадцати лѣтъ бѣжалъ изъ дома и поступилъ въ матросы. Мать Викторіи была крайняя спиритистка и имѣла видѣнія. Она то относилась къ своимъ дѣтямъ съ полною материнскою любовью и нѣжностью, то, безъ всякой видимой причины, начинала терзать и мучить ихъ до того, что они впадали въ эпилептическое состояніе, видъ котораго доставлялъ

матери большое наслажденіе: она хлопала въ ладоши и хохотала. Викторія еще въ дѣтствѣ поражала всѣхъ своими блестящими умственными способностями. Во время своего ученія въ школѣ, на восьмомъ, девятомъ и десятомъ году жизни, Викторія жила въ многочисленномъ семействѣ своей замужней сестры и работала за десятерыхъ,—рубила дрова, топила печи, стряпала, нянчилась съ дѣтьми, вставала раньше, а ложилась позже всѣхъ; всѣ любили этого чуднаго ребенка, эту «маленькую паровую машину», какъ ее называли. Съ раннихъ лѣтъ ее посѣщали видѣнія, и все, что ни дѣлала она, она дѣлала по совѣту духовъ, особенно своего демона-покровителя, который являлся ей въ видѣ прекраснаго мужчины въ древне-греческомъ платьѣ. На пятнадцатомъ году она вышла замужъ за лѣчившаго ее доктора Удгелля, который вскорѣ же оказался пьяницей, развратникомъ и негодяемъ; онъ заставлялъ ее сидѣть голодомъ, а самъ проматывался на вино и на любовницъ. Отъ него она родила ребенка-идіота. Для содержанія себя и мужа она была приказчицей, потомъ прачкой, наконецъ поступила на сцену и сдѣлалась замѣчательной актрисой. Но вскорѣ, по волѣ духовъ, она бросила театръ. Чаще и чаще она стала впадать въ состояніе такъ называемаго магнетическаго сна, во время котораго лѣчила больныхъ, рѣшала научныя задачи, открывала воровъ, сдѣлалась знаменитымъ медіумомъ и до 1869 г. получила съ этой практики 700,000 долларовъ. Около этого же времени ея духъ-руководитель, который внушаетъ ей всѣ ея дѣйствія, всѣ ея замѣчательныя рѣчи и лекціи, открылъ ей свое имя—*Демосѳенъ*. Вскорѣ послѣ войны Викторія развелась съ своимъ мужемъ и сошлась съ спиритистомъ, полковникомъ Блудомъ, который давно уже разошелся со своей женой. Докторъ Удгелль, фамилію котораго удержала за собой Викторія, продолжалъ знакомство и съ ней, и съ ея новымъ мужемъ. Однажды Блудъ и Викторія взяли его къ себѣ, когда онъ дошелся до чертиковъ, и держали до излѣченія, потомъ, снабдивъ его нѣсколькими сотнями долларовъ, отправили въ другой штатъ. Съ тѣхъ поръ несчастный Удгелль началъ жить на содержаніи у этой оригинальной четы: какъ только пропьется, является къ ней за деньгами и, получивъ ихъ, исчезаетъ до новаго пропоя. Сплетники сочиняли, что этотъ пьяница раздѣляетъ съ Блудомъ супружескія права на Викторію. Въ 1869 г., по повелѣнію духовъ, Викторія вмѣстѣ съ своей сестрой, Клеффинъ, и съ помощью милліонера Вандербильта, открыла въ Нью-Іоркѣ банкъ и основала журналъ «Woodhull and Claffin's Weekly», посвященный женскому и другимъ общественнымъ вопросамъ, лучшій изъ радикальныхъ журналовъ Америки. Въ 1870 г. она представила въ юридическій комитетъ конгресса свою записку о равноправности женщинъ и блистательно защищала ее. Имя Викторіи сдѣлалось однимъ изъ самыхъ популярныхъ и въ то же время самымъ ненавистнымъ для консерваторовъ. Частная жизнь Викторіи дала обильный матеріалъ для сплетенъ и обвиненій. Статьи и рѣчи Удгелль о свободѣ чувства и развода комментируются, какъ проповѣдь необуздавшаго разврата, и эти инсинуаціи пугаютъ даже многихъ образованныхъ мужчинъ и женщинъ. Въ концѣ 1872 г. одна изъ піонерокъ эмансипаціи написала противъ Викторіи цѣлую книгу подъ заглавіемъ: «*Отойди отъ меня, сатана!*» Когда Викторія захотѣла прочесть свою первую публичную лекцію о бракѣ и разводѣ, то многіе изъ ея вліятельныхъ знакомыхъ отказались предсѣдательствовать на собраніи и, по американскому обычаю, рекомендовать ее публикѣ. Эту не совсѣмъ безопасную обязанность принялъ на себя редакторъ «Золотого вѣка», Тильтонъ. «Что касается характера Викторіи,—говорилъ онъ,—то я знаю его и готовъ поручиться за него. Можетъ быть, она фанатичка; можетъ быть, я поступилъ глупо, взявшись не за свое дѣло, но клянусь небесами, что я лучше соглашусь быть вмѣстѣ съ фанатикомъ и дуракомъ, чѣмъ такимъ трусомъ, чтобы отнимать у женщины священное право свободнаго слова. Пять минутъ назадъ я вовсе не думалъ появиться въ качествѣ оратора на этой трибунѣ, а потому позвольте мнѣ окончить рѣчь и съ гордостью, которую я едва ли испытывалъ въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ, рекомендовать вамъ Викторію Удгелль, желающую прочесть лекцію объ общественной свободѣ». Эта радикальная лекція возбудила такой восторгъ однихъ, такую ярость другихъ и вообще такое безпорядочное движеніе въ залѣ, что могла быть окончена только при содѣйствіи полиціи, водворившей порядокъ. Даже нѣкоторые друзья Удгелль, самъ Тильтонъ и милліонеръ Вандербильтъ остались недовольны лекціей, а враждебныя газеты осыпали Викторію самыми циническими ругательствами. Зато и число сторонниковъ ея увеличилось. Изъ различныхъ мѣстъ Союза она начала получать одно за другимъ приглашенія читать лекціи. Самыя честныя изъ піонерокъ эмансипаціи явились на защиту ея. Квакерша Лукреція Моттъ, «святая женщина», какъ называютъ ее въ Америкѣ, на одной изъ лекцій Викторіи подошла къ ней и, публично поцѣловавъ ее, сказала: «ты мнѣ нравишься; мой домъ и мое сердце всегда открыты для тебя». Елисавета Стэнтонъ напечатала свое письмо въ защиту Удгелль, въ которомъ говоритъ, что если бы даже всѣ обвиненія противъ нея были справедливы, то и тогда было бы нелѣпо осуждать всю партію за поведеніе одного ея члена. «Мы только что окончили войну за великое, святое дѣло освобожденія. Почему мужчины, вербуя свои арміи, не прилагали къ себѣ той теоріи исключенія безнравственныхъ, которой они требуютъ теперь отъ женщинъ? Развѣ они спрашивали волонтеровъ, не пьютъ ли они водки, не играютъ ли въ карты, не измѣняютъ ли своимъ женамъ? Нѣтъ, они говорили только: всякій, кто годенъ драться, становись въ ряды, а наиболѣе способные будутъ начальниками. Только поэтому они могли набрать громадныя арміи и защитить великую идею свободы, хотя большая часть ея защитниковъ были весьма сомнительной репутаціи. Того же правила держится всякая партія, и нападки прессы на женщинъ за ихъ сообщичество съ Удгелль (чистой и безупречной женщиной, по моему убѣжденію) доказываютъ только безсиліе

консерваторовъ и невозможность найти серьезное обвиненіе». Еще въ 1871 г. количество сторонниковъ Удгелль возросло до того, что они составили «лигу Викторіи» съ цѣлью поддерживать ея кандидатуру на должность президента штатовъ. Конвентъ американскаго общества спиритуалистовъ избралъ ее своимъ предсѣдателемъ и обѣщалъ содѣйствовать ея избранію въ президенты Союза. Наступленіе президентскихъ выборовъ 1872 г. показало, что старыя политическія партіи уже отжили свое время. Программы соперниковъ, демократическаго кандидата Грили и республиканскаго—Гранта, были тожественны. Въ началѣ 1872 г. былъ собранъ конвентъ американскихъ радикаловъ и положилъ начало совершенно новой партіи равныхъ правъ (Equal Rights Party). Конвентъ этотъ выразилъ свое полное сочувствіе Викторіи Удгелль и призналъ ее своимъ кандидатомъ на должность президента Соединенныхъ Штатовъ. Удгелль, такимъ образомъ, является не только главою современнаго женскаго движенія, но и представительницей молодой политической партіи, которой въ недалекомъ будущемъ суждено начать новую эпоху исторіи американскаго Союза. Чтобы познакомить читателя съ этой замѣчательной личностью и съ характеромъ какъ ея партіи, такъ и того направленія, которое принимаетъ въ послѣднее время женское дѣло въ Америкѣ, мы изложимъ здѣсь одну ея рѣчь и ея политическую программу.

«Я имѣла случай близко познакомиться съ существующими политическими партіями и пришла къ глубокому убѣжденію, что если онѣ будутъ управлять страной въ теченіе слѣдующихъ двадцати лѣтъ такъ же дурно, какъ онѣ управляли прошедшія двадцать лѣтъ, то или наши вольности будутъ потеряны, или эти партіи будутъ залиты такими потоками крови, какихъ никогда не производила послѣдняя война. Я говорю это не безъ основаній, и я знаю людей, засѣдающихъ въ конгрессѣ, замѣчательныхъ людей, которые тоже убѣждены, что это будетъ такъ, если только не произойдетъ перемѣны къ лучшему.

«Вожаки республиканской партіи проституировали и проституируютъ всю правительственную власть въ пользу своихъ корыстныхъ цѣлей. Они выжимаютъ изъ производительныхъ силъ страны послѣдній долларъ и помѣщаютъ его въ подвалы казначейства. 130,000,000 долларовъ наличными деньгами — это большая сила, которая можетъ сдѣлаться опасною въ рукахъ недобросовѣстныхъ людей...

«Республиканская партія совершила великое дѣло, на которое будутъ съ уваженіемъ смотрѣть всѣ будущіе вѣка; она, хотя и безсознательно, открыла дверь нашему освобожденію; она сдѣлала ненавистнымъ самое имя рабства и придала новый блескъ нашей свободѣ.

«Но, освободивъ насъ отъ одного ига, должна ли она продавать насъ въ другое, еще худшее рабство? Республиканцы говорили намъ, что рабовладѣльческая олигархія южныхъ штатовъ въ теченіе многихъ лѣтъ господствовала надъ управленіемъ Союза и что страшная война, которую мы вынесли, была единственнымъ средствомъ, чтобы избавиться отъ этой власти.

«Но говорятъ ли они намъ о той болѣе сильной олигархіи, которая пожираетъ въ настоящее время жизненные соки страны? Говорятъ ли они намъ, что они отдали на созданіе этой новой тираннической системы 400,000,000 акровъ общественной земли, милліоны долларовъ и десятки милліоновъ кредита? Говорятъ ли они намъ, что и теперь уже этотъ тиранъ достаточно могущественъ, чтобы подкупать все законодательство страны, достигать утвержденія въ должностяхъ всѣхъ выбираемыхъ имъ лицъ и посредствомъ взятокъ держать въ своихъ рукахъ все чиновничество? Говорятъ ли они о дѣлахъ, которыя дошли до такого положенія, что всѣ доходы, какіе только можно извлечь изъ народа, идутъ въ пользу этой власти, постепенно поглощающей страну *)? Нѣтъ! Они предоставляютъ намъ извѣдать зло горькимъ опытомъ, подобно тому, какъ горькимъ опытомъ узнали мы плоды сорокалѣтняго заговора рабовладѣльческой олигархіи. Эта новая олигархія не дѣйствуетъ еще и десяти лѣтъ, а ужъ достигла самыхъ обширныхъ и угрожающихъ размѣровъ.

«Должны ли мы обратиться къ демократической партіи съ надеждой, что она можетъ спасти насъ отъ грядущей бѣды? Но демократическая партія начала послѣднюю войну. Демократы Юга не возстали бы, если бы имъ не обѣщали своей поддержки демократы Сѣвера. Можно ли ожидать отъ нихъ чего-нибудь лучшаго, чѣмъ отъ республиканской партіи? Въ настоящее время они не въ такой степени вредны истиннымъ интересамъ страны, какъ республиканцы, потому только, что власть не въ ихъ рукахъ. Но коль скоро они достигнутъ власти, то не замедлятъ воспользоваться ею для своего собственнаго усиленія.

«Поэтому, послѣ самаго серьезнаго и тщательнаго обсужденія, я пришла къ заключенію, что присоединеніе сторонниковъ женской равноправности къ той или другой изъ этихъ партій равнялось бы самоубійству. Они не должны оставаться простымъ отрицательнымъ элементомъ въ политической борьбѣ при наступающихъ выборахъ президента. Они должны принять въ ней положительное участіе, на основаніи принциповъ свободы,

*) Удгелль говоритъ здѣсь о тѣхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ администраціи, которыя составляютъ одно изъ главныхъ золъ штатовъ. Казнокрадство и взяточничество достигли при Грантѣ громадныхъ размѣровъ. Вся масса чиновниковъ, смѣняемая поголовно каждымъ новымъ президентомъ, старается нажиться какъ можно скорѣе. Губернаторъ одного штата укралъ 1,000,000 долларовъ, бѣжалъ въ другой штатъ и зажилъ тамъ припѣваючи. Во множествѣ муниципальныхъ управленій, особенно въ тѣхъ, гдѣ орудуютъ бывшіе рабовладѣльцы, въ послѣднее время открыты кражи на сотни милліоновъ долларовъ. При постройкѣ нью-іоркской ратуши многіе чиновники нажили по десяткамъ милліоновъ каждый. Даже нѣкоторые близкіе къ Грантѣ люди извѣстны за самыхъ безсовѣстныхъ казнокрадовъ и взяточниковъ. И этимъ расхищеніемъ національныхъ богатствъ занимаются и республиканцы, и демократы, но первые гораздо больше, потому что стоятъ въ настоящее время во главѣ управленія.

равенства и справедливости, которые будутъ вполнѣ осуществлены ихъ освобожденіемъ. Знаю, что мои слова противорѣчатъ желаніямъ многихъ, присутствующихъ здѣсь. Но я не исполнила бы своего долга, если бы умолчала о томъ, что я считаю истинными интересами женщинъ и всего человѣчества; ибо интересы человѣчества до тѣхъ поръ не будутъ поняты и оцѣнены, пока женщины не получатъ возможности показать, что онѣ такое и чѣмъ онѣ могутъ быть полезными. Поэтому съ возможною краткостью я коснусь здѣсь современнаго положенія женской партіи, ея силы, значенія, обязанностей и опасностей, угрожающихъ нашему отечеству, отъ которыхъ она можетъ спасти его.

«Если конгрессъ откажется выслушать и дать то, чего просятъ женщины, то для нихъ остается одинъ исходъ. Женщины не имѣютъ правительства. Правительство организовано мужчинами и поддерживается ими съ устраненіемъ отъ него женщинъ. Но женщины такіе же члены націи, какъ и мужчины, и имѣютъ то же самое человѣческое право самоуправленія, какимъ пользуются мужчины. Произвольная власть мужчинъ надъ женщинами есть не что иное, какъ узурпація. Свободныя, развитыя, мыслящія женщины не могутъ больше терпѣть, чтобы у нихъ отнимали ихъ общечеловѣческія права. Мужчины составили управленіе на основаніи ими же высказанныхъ принциповъ, что обложеніе податьми безъ представительства есть тиранія и что справедливое управленіе основано на согласіи управляемыхъ. Согласно съ этими началами они составили конституцію, которая объявляетъ, что всѣ лица—граждане, что одно изъ правъ гражданина есть право голоса и что никакая власть не можетъ издавать законовъ, нарушающихъ права гражданъ. И при всемъ этомъ мужчины не признаютъ за женщинами перваго и важнѣйшаго изъ гражданскихъ правъ—избирательнаго.

«При такой поразительной непослѣдовательности, при такой беззаконной тиранніи, при такомъ нагломъ деспотизмѣ женщинамъ остается только одно—сдѣлаться матерями новаго правительства.

«Мы добьемся своихъ правъ. Мы не будемъ болѣе просить мужчинъ. Мы умоляли ихъ, доказывали, убѣждали,—и терпѣли одни неудачи. Мы не намѣрены болѣе терпѣть ихъ.

«Мы испытаемъ справедливость мужчинъ еще одинъ разъ. Если слѣдующій конгрессъ не признаетъ за женщинами законныхъ привилегій гражданина; если онъ, по крайней мѣрѣ, не издастъ надлежащаго пояснительнаго акта (declaiory act), устраняющаго всѣ препятствія къ нашей равноправности, тогда мы будемъ совершенно свободны въ выборѣ дальнѣйшаго образа своей дѣятельности.

«Для насъ остается только одинъ исходъ, и мы рѣшились на него. Настоящій конвентъ собрался для того, чтобы заявить объ этомъ. Если черезъ годъ, начиная съ этого дня, наши права не будутъ признаны вполнѣ и безъ всякихъ ограниченій, то мы созовемъ другой конвентъ, съ цѣлью составить новую конституцію, положить основаніе новому правительству и принять рѣшительныя мѣры для его охраненія.

«Если самоуправленіе для людей не такъ важно, какъ утверждаютъ теперь мужчины, то они не должны вмѣшиваться въ наши дѣла. Если же, напротивъ, оно такъ важно, какъ утверждаемъ мы, то они должны будутъ только рукоплескать тому, что мы воспользовались своимъ правомъ.

«Мы замышляемъ государственную измѣну, мы замышляемъ мятежъ въ тысячу разъ большій, чѣмъ мятежъ Юга. Мы приготовляемъ переворотъ. Мы хотимъ уничтожить эту фальшивую республику и замѣнить ее справедливымъ управленіемъ, которое не въ одной теоріи, но на самомъ дѣлѣ будетъ основано на согласіи управляемыхъ.

«Мы возстаемъ, отвергаемъ и презираемъ произволъ, узурпацію и тиранію нынѣшняго управленія, которое составлено мужчинами и сдѣлано обязательнымъ для насъ безъ нашего согласія, даже безъ всякой мысли о томъ, какъ мы отнесемся къ нему или какъ будутъ затронуты имъ наши интересы, словно будто мы вовсе не существуемъ, исключая тѣ случаи, когда насъ находятъ виновными въ преступленіяхъ противъ этого правительства и когда оно караетъ насъ со всею строгостью своихъ законовъ, какъ будто мы согласились повиноваться ему!

«Новое правительство, если мы составимъ его, будетъ основано на тѣхъ идеяхъ, которыя имѣли въ виду отцы наши при составленіи нашей конституціи и отъ которыхъ такъ позорно отступили они сами и потомки ихъ при осуществленіи теоріи на практикѣ. Наше правительство должно существовать не для одинхъ женщинъ, но для всѣхъ, кто согласится подчиняться ему.

«Опытомъ горькой несправедливости мы узнали недостатки мужского управленія; мы должны избѣгать ихъ и создать правительство столь совершенное, чтобы мужчины сами стали присоединяться къ намъ. Когда же, вслѣдствіе нашего обращенія къ справедливости и нашей дѣятельности, старое и ложное будетъ замѣняться новымъ и истиннымъ, когда вмѣсто тиранніи и исключительности будутъ поставлены равенство и братство, — тогда будетъ приготовленъ путь къ быстрому пересозданію всей социальной жизни.

«Такъ какъ я приняла столь смѣлое и рѣшительное положеніе, явилась защитницей радикальной политической реформы, провозгласила существованіе новой партіи и предложила себя кандидатомъ на должность президента Соединенныхъ Штатовъ, то меня обвиняютъ за это въ необузданномъ честолюбіи. Хотя здѣсь бы и не мѣсто заниматься подобными вопросами, но, пользуясь этимъ случаемъ, я заявляю однажды и навсегда, что у меня нѣтъ никакого личнаго честолюбія. Все, что я ни дѣлаю, я дѣлаю только въ интересахъ человѣчества.

«Въ заключеніе позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на важность добытыхъ результатовъ, на необходимость быстрыхъ и рѣшительныхъ ударовъ для окончательной побѣды. Мы должны дѣйствовать посредствомъ суда, насколько это возможно,

и обратиться къ конгрессу въ слѣдующую его сессію. И я снова высказываю мое глубокое убѣжденіе, что если женщины хотя наполовину выполнятъ свои обязанности, конгрессъ вынужденъ будетъ уступить намъ и распространить на женщинъ дѣйствіе XIV и XV дополненій къ конституціи, гарантирующихъ равенство правъ для всѣхъ гражданъ.

«Если это не удастся, то мы уже знаемъ, что дѣлать».

Послѣ этой рѣчи, по предложенію Лукреціи Моттъ, Удгелль объявила слѣдующую программу провозглашенной ею новой политической партіи.

«Всѣ лица — мужчины и женщины — имѣютъ право голоса. Женщины не могутъ быть ни демократами, ни республиканцами. Онѣ должны быть болѣе, чѣмъ демократами и республиканцами, — гуманистами. Онѣ должны сдѣлаться положительнымъ элементомъ въ управленіи. Новая партія, составленная въ интересахъ женщинъ и мужчинъ, партія космополитическая, поставляетъ своею задачею слѣдующія реформы:

«Реформа представительства, посредствомъ которой всѣ законодательныя собранія и президентская избирательная коллегія должны составляться такъ, чтобы и меньшинство, и большинство имѣли въ нихъ своихъ прямыхъ представителей».

«Радикальная реформа исполнительной и министерской практики. Президента и министровъ, губернаторовъ и всѣхъ чиновниковъ необходимо поставить въ такое положеніе, чтобы они считали себя слугами народа и заботились объ его интересахъ, а не о закрѣпленіи за собой своихъ должностей, не о наживѣ своихъ политическихъ сторонниковъ и помощниковъ посредствомъ грабежа ввѣреннаго имъ національнаго достоянія.

«Радикальная реформа въ гражданской службѣ. Правительство должно имѣть честныхъ и исполнительныхъ чиновниковъ, а народъ—вѣрныхъ слугъ. При помощи этой реформы будетъ изгнана нынѣшняя безсовѣстная практика, основанная на томъ лозунгѣ настоящихъ политическихъ партій, что «побѣдителю принадлежитъ добыча».

«Реформа нашей финансовой системы съ цѣлью изгнать изъ нея всѣ отжившіе деспотическіе и феодальные принципы.

«...Въ своихъ практическихъ послѣдствіяхъ эта реформа приведетъ къ такому уравненію между нанимающими и трудящимися классами, что бѣдность со множествомъ производимыхъ ею золъ исчезнетъ изъ нашей страны...

«Полная реформа нашей внутренней промышленной системы, которая соединитъ и свяжетъ разные штаты въ одно промышленное цѣлое, чтобы разныя отрасли промышленной дѣятельности были направляемы къ пользѣ всего народа, ради которой они дозволены сначала и покровительствуются въ настоящее время.

«Реформа отношеній между нанимателемъ и работникомъ...

«Такая реформа, чтобы власть законодательныхъ собраній была ограничена во взиманіи налоговъ только дѣйствительными и законными потребностями управленія, имѣющими цѣлью защиту правъ личности, свободы и націи.

«Реформа уголовной системы, посредствомъ которой смертная казнь должна быть уничтожена, тюремное вѣдомство должно поддерживать семейство преступника во время его заключенія, а такъ называемыя тюрьмы должны быть превращены въ исправительныя заведенія, изъ которыхъ несчастные выходили бы полезными членами общества, а не отверженниками, какъ теперь.

«Учрежденіе попечительства надъ теперешнимъ низшимъ классомъ общества съ цѣлью пристроить его къ производительному труду, призрѣвать безпомощныхъ и искоренять пауперизмъ и нищенство, служащіе источникомъ стольнихъ преступленій и страданій.

«Организація системы народнаго просвѣщенія, которая доставляла бы каждому американскому ребенку такое общее и профессіональное образованіе, которое дѣлало бы изъ него производительнаго и полезнаго члена общества; всѣ доходы съ государственныхъ имуществъ должны быть посвящены этому дѣлу.

«Такая перемѣна нашей иностранной политики, которая бы показала, что мы сознаемъ и пользуемся особеннымъ положеніемъ, какое мы занимаемъ въ общемъ строѣ цивилизованнаго міра, которая бы имѣла цѣлью учрежденіе великаго международнаго трибунала для мирнаго рѣшенія международныхъ споровъ; этотъ трибуналъ, содержа только одну международную армію и флотъ, необходимые для исполненія его постановленій, доставитъ возможность 15,000,000 человѣкъ, служащихъ теперь въ войскахъ, возвратиться къ производительнымъ занятіямъ.

«Реформа, имѣющая цѣлью ограничить власть правительства только изданіемъ общихъ законовъ и безусловно запретить узаконеніе спеціальныхъ постановленій по какому бы то ни было случаю; всѣ законы, на основаніи которыхъ правительство можетъ вмѣшиваться въ права взрослыхъ людей относительно ихъ индивидуальной жизни, должны быть уничтожены... Наконецъ, всякая законодательная мѣра должна быть утверждена народомъ прежде, чѣмъ она сдѣлается закономъ.

«Итакъ, я желаю быть въ лучшемъ смыслѣ другомъ и осуществителемъ самаго полнаго равенства, какого только можетъ достигнуть человѣчество,— самой широкой индивидуальной свободы, какая только совмѣстима съ общимъ благомъ, и высшей справедливости, не знающей никакого различія между гражданами. Я желаю быть вѣрнымъ работникомъ въ дѣлѣ человѣческаго прогресса и въ особенности сотрудникомъ тѣхъ, которые стремятся къ улучшенію жизни людей бѣдныхъ и несчастныхъ; я желаю обезпечить массѣ рабочаго народа справедливое вознагражденіе за трудъ. И я требую отъ рабочихъ и отъ людей всѣхъ другихъ классовъ поддержки въ моемъ смѣломъ предпріятіи, которая дала бы мнѣ силу и положеніе, необходимыя для проведенія реформъ, имѣющихъ доставить имъ ве-

личайшее счастье, какое только суждено Творцомъ роду человѣческому.

«Если и получу эту поддержку, то женская сила и женская воля, при помощи Божіей, откроютъ нашей странѣ путь къ новому величію, достигнуть котораго можно только посредствомъ безстрашнаго слѣдованія за той истиной, отъ которой, подъ деспотическимъ управленіемъ мужчинъ, удалились всѣ народы міра».

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ можно составить понятіе какъ о главѣ новой радикальной партіи въ Америкѣ, Викторіи Удгелль, такъ и о характерѣ того направленія, какое приняло здѣсь женское дѣло.

Передъ президентскими выборами 1872 г. женская партія въ Америкѣ оказалась до того сильной, что президентъ Грантъ счелъ нужнымъ опереться, между прочимъ, и на нее въ избирательной борьбѣ противъ Гораса Грили. Въ своей программѣ онъ обязался, въ случаѣ своего вторичнаго избранія въ президенты, поддерживать дѣло женской равноправности и содѣйствовать проведенію закона объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Поддержка женской партіи была одною изъ главныхъ причинъ вторичнаго избранія Гранта. Въ то время, какъ кандидатуру Грили защищали публично только четыре женщины за Гранта агитировали и говорили рѣчи цѣлые десятки знаменитыхъ ораторовъ-женщинъ,—Марія Чайльдъ, Бичеръ-Стоу, Люси Стонъ, Елисавета Стэнтонъ, Грація Гринвудъ, Селія Бурлей, Олимпія Браунъ, Сусанна Энтони и др. Въ нью-іоркскомъ штатѣ на президентскихъ выборахъ 5 ноября участвовало 14 женщинъ и въ числѣ ихъ миссъ Энтони. Но поданные ими голоса объявлены недѣйствительными, а противъ Энтони начато судебное преслѣдованіе. Всѣ издержки этого судебнаго процесса приняло на себя нью-іоркское общество эманципаніи женщинъ.

Подсудимая была присуждена къ штрафу, но это нисколько не ослабило агитаціи, а, напротивъ, усилило ее. Въ 1872 и 1873 гг. женщины во многихъ мѣстахъ уже вотировали по вопросу о разрѣшеніи виноторговли. Въ Денбери въ Коннектикутѣ, напр., женщины подали голоса—

За разрѣшеніе виноторговли .	2
Противъ	457
На завтра вотировали мужчины—	
За	452
Противъ.	487

Законодательное собраніе Миссисипи въ 1874 г. постановило разрѣшать виноторговлю съ согласія большинства всѣхъ жителей, мужчинъ не моложе 21 года и женщинъ не моложе 18-ти. Ожесточенные крестовые походы женщинъ противъ кабаковъ приняли въ этомъ году небывалые размѣры и имѣли своимъ результатомъ закрытіе цѣлыхъ тысячъ питейныхъ заведеній. Вообще, говоритъ отчетъ американской ассоціаціи женскихъ правъ, «съ самаго начала женскаго движенія ни одинъ годъ не былъ такъ богатъ успѣхами и не давалъ столько фактовъ, свидѣтельствующихъ о перемѣнѣ общественнаго мнѣнія относительно женскаго вопроса, какъ 1874-й. Изъ событій, служащихъ верстовыми столбами на нашемъ пути, укажемъ прежде всего на женскій конгрессъ въ Нью-Іоркѣ, который собирался для обсужденія важныхъ вопросовъ нашего дѣла и былъ встрѣченъ всею печатью съ уваженіемъ и почтеніемъ. Тридцать лѣтъ назадъ подобный конгрессъ былъ даже немыслимъ. Одна публикація о томъ, что предполагается подобный съѣздъ, была бы осыпана градомъ насмѣшекъ. За конгрессомъ слѣдовали въ Бостонѣ и другихъ мѣстахъ «чайныя сходки» въ честь столѣтней годовщины потопленія въ бостонской гавани чая храбрецами, сопротивлявшимися до смерти обложенію податьми безъ представительства. На этихъ сходкахъ съ энергіей развивалась идея, что облагать женщинъ налогами и въ то же время отказывать имъ въ представительствѣ—значитъ поступать совершенно въ духѣ деспотизма Георга III. Въ Бостонѣ, какъ самое приличное мѣсто для этого празднества, была выбрана Faneil Hall, эта старая колыбель свободы. Здѣсь сто лѣтъ назадъ краснорѣчивыми устами были защищаемы права колонистовъ; а теперь въ этой залѣ снова собралась многочисленная толпа и тѣ же самыя права требовались для женщинъ; своды залы снова потрясались восклицаніями тысячъ голосовъ, воодушевленныхъ мыслью, что обложеніе безъ представительства такая же тиранія относительно женщинъ, какъ и относительно мужчинъ, что справедливая власть правительства основана столько же на согласіи женщинъ, сколько на согласіи мужчинъ. — Съ тою же самою цѣлью были устроены чайныя сходки въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи и др. мѣстахъ. Въ теченіе года было оказано многими женщинами энергическое сопротивленіе взиманію налоговъ. Первое мѣсто въ ряду этихъ женщинъ занимаютъ сестры Смитъ и Эбби Фостеръ. Сестры Смитъ—женщины хорошо образованныя и богатыя; онѣ платили налоговъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ жителей ихъ города. Болѣе и болѣе возмущаясь несправедливостью, благодаря которой онѣ не имѣютъ права голоса ни при опредѣленіи суммы налога, ни при назначеніи его употребленія, онѣ просили позволенія изложить свои взгляды на публичномъ митингѣ избирателямъ города. Но на рѣчи ихъ не было ни отвѣтовъ, ни возраженій со стороны мужчинъ. Тогда сестры Смитъ отказались платить налоги, взимаемые вопреки теоріи и принципамъ американскаго управленія. Сборщикъ захватилъ семь коровъ ихъ и продалъ за 100 долларовъ, поступая при этомъ крайне оскорбительнымъ для нихъ образомъ. Газеты, передавая объ этомъ постыдномъ событіи, говорили такимъ тономъ, что возбудили всеобщую симпатію къ пострадавшимъ женщинамъ и пролили новый свѣтъ на то положеніе, въ какомъ находятся женщины подъ властью нашего правительства. Смитъ явились въ коннектикутское законодательное собраніе съ требованіемъ дополненія къ конституціи штата о политической и гражданской равноправности половъ. Но законодательное собраніе выслало вонъ этихъ достопочтенныхъ женщинъ. Въ Мас-

сачузетѣ Эбби Фостеръ тоже отказалась платить налоги на томъ основаніи, что не имѣетъ права представительства. Имя м-съ Фостеръ почетнымъ образомъ связано съ однимъ изъ важнѣйшихъ періодовъ нашей исторіи. Во все продолженіе войны за освобожденіе невольниковъ Фостеръ принимала въ ней самое дѣятельное участіе, посвятивъ дѣлу свою молодость, здоровье, время, деньги,—все, что имѣла. Когда же оковы рабовъ были разбиты, Фостеръ приняла участіе въ борьбѣ за права женщинъ. Не смотря на это, ея домъ и земля проданы за неплатежъ налога! Въ члены бостонскаго училищнаго совѣта были выбраны три женщины, но мужчины отказались принять ихъ. Ихъ снова выбирали нѣсколько разъ, и члены совѣта снова отказывались допустить ихъ. Дѣло было представлено верховному суду, который рѣшилъ, что хотя служба этихъ женщинъ и не запрещается конституціей, но что по закону училищный совѣтъ имѣетъ право самъ повѣрять выборы своихъ членовъ и постановлять относительно ихъ окончательныя рѣшенія. Вслѣдъ за этимъ законодательное собраніе постановило, что членами училищныхъ совѣтовъ могутъ быть лица обоего пола. Великій судъ народа рѣшилъ этотъ вопросъ тоже въ пользу женщинъ, изъ среды которыхъ были выбраны члены училищныхъ совѣтовъ въ Иллиноисѣ, Массачузетѣ, Пенсильваніи и другихъ штатахъ. Во многихъ штатахъ онѣ назначены окружными инспекторами школъ, а въ Калифорніи получили доступъ ко всѣмъ должностямъ по народному просвѣщенію. Обсужденіе вопроса о совмѣстномъ воспитаніи юношества обоего пола, возбужденное книгою д-ра Клэрка, оказало большую услугу нашему дѣлу. Въ великомъ движеніи фермеровъ женщины имѣютъ право подавать свои голоса и быть выбираемыми на всѣ должности; предполагается даже три должности въ каждой фермерской ассоціаціи замѣщать женщинами. Добавочными законами о собственности законодательныя собранія Іовы, Массачузета, Коннектикута и Иллинойса признали полныя права личной собственности замужнихъ женщинъ. Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ снова обсуждался въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ; за равноправность подали голоса 22 республиканскихъ сенатора, а противъ 18 республиканцевъ и 13 демократовъ. Когда, семь лѣтъ передъ тѣмъ, женскій вопросъ въ первый разъ обсуждался въ сенатѣ, за равноправность было подано только семь голосовъ; въ семь лѣтъ, такимъ образомъ, наша сила увеличилась болѣе чѣмъ втрое; «пройдетъ десять лѣтъ,—сказалъ сенаторъ Стюартъ,—и противъ равноправности женщинъ не подастъ голоса ни одинъ сенаторъ. Мичиганъ, ставъ во главѣ всѣхъ другихъ штатовъ, повѣрилъ на рѣшеніе народа предложеніе своего законодательнаго собранія о дарованіи женщинамъ всѣхъ политическихъ правъ». Народное голосованіе происходило въ ноябрѣ 1874 года. За равноправность подано 40.077 голосовъ, противъ—135,954. «Оппозиція, встрѣченная нами (говоритъ въ «Woman's Journal» мичиганскій профессоръ Стонъ), происходитъ главнымъ образомъ изъ двухъ источниковъ. Во первыхъ, есть классъ очень хорошихъ мужчинъ и женщинъ, естественно консервативныхъ, которыхъ возбуждаетъ противъ женской равноправности ихъ совѣсть, а иногда и религія. Главный аргументъ ихъ состоитъ въ томъ, что ничего подобнаго не было до сихъ поръ, слѣдовательно, это несправедливо и опасно. Они почти такъ же враждебны къ намъ и къ нашимъ убѣжденіямъ, какъ были четверть вѣка назадъ враждебны противорабовладѣльческому движенію; одни изъ нихъ преслѣдовали тогда аболиціонистовъ, другіе—дѣти тѣхъ, которые убивали пророковъ свободы. Другой, болѣе многочисленный классъ оппонентовъ является совершенною противоположностью первому и состоитъ изъ подонковъ общества, изъ людей невѣжественныхъ и порочныхъ, изъ содержателей и завсегдатаевъ питейныхъ заведеній, игроковъ и т. д. Всѣ они дружно противятся равноправности женщинъ». Въ Іовѣ республиканская партія внесла эмансипацію женщины въ свою программу. Почти во всѣхъ другихъ штатахъ запада и сѣвера обсуждались въ законодательныхъ собраніяхъ билли о равноправности, и за нихъ подано гораздо больше голосовъ, чѣмъ прежде. Снова сдѣлана была попытка, въ видѣ предложенія двухъ сенаторовъ, лишить избирательныхъ правъ женщинъ Утаха, но была отвергнута палатой, и благодѣтельное вліяніе 4.000 женщинъ, вотирующихъ въ Городѣ Соленаго Озера, уже обнаружилось на новыхъ законахъ о пьянствѣ. Женщины Іоминга уже пользуются своимъ правомъ голоса и, по общему признанію, доказали еще разъ мудрость и благодѣтельность освободившаго ихъ закона. Выдающимся явленіемъ 1874 и первой половины 1875 г. было сильное размноженіе во всѣхъ штатахъ политическихъ клубовъ женской равноправности. Съ помощью ихъ во многихъ случаяхъ были избираемы въ депутаты законодательныхъ собраній друзья эманципаціи и были забаллотированы враги ея. Многія значительныя религіозныя корпораціи заявили себя въ пользу равноправности половъ. Общее собраніе пресвитеріанъ въ С.-Луи признало за женщиной право проповѣди. Конвентъ методистовъ мичиганскаго штата, конвентъ универсалистовъ Іовы и секта монашествующихъ дали свою санкцію программѣ эманципаторовъ.

Такъ, шагъ за шагомъ, но смѣло, упорно и съ возрастающей энергіей идетъ къ своей цѣли эманципаторская партія. Успѣхи, сдѣланные ею въ продолженіе тридцати лѣтъ, изумительны, и все убѣждаетъ насъ, что не пройдутъ еще другія тридцать лѣтъ, какъ женщины Соединенныхъ Штатовъ получатъ избирательныя права и затѣмъ вскорѣ добьются доступа ко всѣмъ государственнымъ должностямъ. Можетъ быть, еще наше поколѣніе увидитъ женщину на креслѣ президента американской республики.

XXII.

Конецъ XVIII и начало XIX в. были ознаменованы въ Европѣ развитіемъ слезливой чувствительности,

болѣзненной мечтательности, увлеченія идеалами среднихъ вѣковъ. Пораженный тѣмъ, что «кончившійся вѣкъ ознаменованъ грозой, а новый родился въ крови», что на землѣ до сихъ поръ нѣтъ еще ни одной страны свободной и счастливой, Шиллеръ восклицалъ:

Заключись въ святомъ уединеньи,
Въ мірѣ сердца, чуждомъ суеты,
Красота живетъ лишь въ пѣснопѣньи,
А свобода—въ области мечты!

И дѣйствительно, подавленное грубой реакціей, европейское общество старалось вознаградить свои лишенія хотя тою свободой, которая оставалась ему въ области чувства и фантазіи. Слезливые романы, мечтанія объ идеалахъ возлюбленной, клятвы въ вѣчной вѣрности, таинственная симпатія душъ, платоническое ухаживанье, увлеченіе идилліей, страданія отвергнутой любви, сентиментальная болтливость—овладѣли тогда и публикой, и литературой. Къ этому присоединялось стремленіе къ свободѣ чувства и къ преобразованію общественныхъ отношеній. «Въ сердцѣ міра—писалъ въ 1799 г. Жанъ-Поль—совершается духовная революція, бо́льшая, чѣмъ революція политическая и столь же смертоносная». Главною представительницею этого переворота въ Германіи была Шарлотта Кальбъ, *титанида*, какъ называлъ ее Жанъ-Поль. «Всѣ наши законы—говорила она — слѣдствіе самаго жалкаго безсилія, рѣдко благоразумія; любовь не нуждается ни въ какихъ законахъ». Но дѣйствительность слишкомъ уже рѣзко расходилась съ идеалами романтиковъ, и поэтому періодъ романтизма такъ богатъ самоубійствами, совершенными изъ-за неудовлетворенной любви. Лучшій изъ романтическихъ поэтовъ, Генрихъ Клейстъ, влюбившись въ замужнюю женщину, не находитъ другого выхода, какъ застрѣлиться съ нею вмѣстѣ. Въ 1808 году романтическая красавица Каролина Гюнтероде зарѣзалась отъ неудовлетворенной любви. Исторія несчастнаго гётевскаго Вертера повторялась въ жизни сплошь и рядомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь вызывала людей на такія жертвы, которыя ясно указываютъ на чрезвычайную силу этого чувства въ эпоху романтизма. Такъ, напр., въ 1834 г. Шарлотта Штиглицъ убила себя съ той единственною цѣлью, чтобы, поразивъ любящаго мужа своею смертью, пробудить въ немъ поэтическій геній, который, думала она, дремалъ въ немъ и требовалъ для своего обнаруженія какого-нибудь сильнаго потрясенія.

Чувство, такимъ образомъ, искало свободы, искало идеальной жизни и не находило ихъ. Оно изнывало по своимъ туманнымъ идеаламъ, жило въ мистицизмѣ или, полное недовольства всѣмъ окружающимъ, переходило въ байронизмъ и въ злѣйшую иронію Гейне.

Но вотъ снова поднимается во Франціи никогда неумолкавшій окончательно вопросъ о женскомъ освобожденіи.

Въ самый разгаръ европейской реакціи раздается проповѣдь Сенъ-Симона о томъ, что «всѣ соціальныя учрежденія должны имѣть своею цѣлью нравственное, умственное и физическое улучшеніе самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса». Сенъ-симонизмъ касался всѣхъ основныхъ принциповъ современной цивилизаціи и хотѣлъ совершить радикальныя реформы въ семействѣ. Отвергая общность имущества, онъ ставилъ «первымъ изъ нравственныхъ законовъ это положеніе, чтобы каждый человѣкъ занималъ мѣсто по своимъ способностямъ и вознаграждался по своимъ дѣламъ». На основаніи этого закона, сенъ-симонисты требовали отмѣны всѣхъ привилегій рожденія и уничтоженія самой важной изъ этихъ привилегій — наслѣдства. Имущества, оставшіяся послѣ смерти гражданина, должны поступать въ вѣдѣніе общественной власти, обязанной заботиться о воспитаніи осиротѣвшихъ дѣтей.

Отрицая католическій дуализмъ, борьбу плоти съ духомъ, вѣры съ разумомъ, сенъ-симонисты снимали съ женщины древнее проклятіе, коренящееся въ этомъ дуализмѣ. Въ своей брошюрѣ, адресованной въ 1830 г. палатѣ депутатовъ, они писали: «христіанство освободило женщинъ отъ рабства, но онѣ однакожъ остались осужденными на подчиненность, и повсюду въ Европѣ на нихъ лежитъ религіозная, политическая и гражданская отверженность».

«Сенъ-симонисты требуютъ ихъ окончательнаго освобожденія, ихъ полной эмансипаціи, не желая однако уничтожать провозглашеннаго христіанствомъ священнаго закона брака; они стремятся, напротивъ, къ тому, чтобы выполнить этотъ законъ, чтобы дать ему новую санкцію, чтобы поддержать силу и ненарушимость освященнаго имъ союза».

«Они, какъ христіане, требуютъ, чтобы одинъ мужчина соединялся съ одною женщиной; но они учатъ, что жена должна быть равна мужу и, по особенной благодати Божіей, дарованной ея полу, должна соединяться съ нимъ въ исполненіи троякой обязанности—религіи, государства и семейства, такъ чтобы общественнымъ индивидуумомъ, которымъ былъ до сихъ поръ одинъ мужчина, были отнынѣ мужчина вмѣстѣ съ женщиной».

«Религія Сенъ-Симона стремится только положить конецъ этому поносному торгу, этой легальной проституціи, которыя въ настоящее время часто освящаютъ чудовищный союзъ любви и эгоизма, образованія и невѣжества, юности и дряхлой старости».

Такимъ образомъ, сенъ симонисты стремились только къ искорененію несвободныхъ браковъ, служащихъ къ порабощенію женщины. Они хотѣли только реформировать этотъ союзъ, превратить его въ свободный союзъ двухъ равноправныхъ лицъ, дѣйствующихъ соединенными силами въ сферѣ семейства, религіи и государства. Но это было только сначала, и женскій вопросъ раздѣлилъ сенъ-симонистовъ на двѣ партіи, изъ которыхъ одна, съ Базаромъ во главѣ, осталась при вышеизложенныхъ понятіяхъ о женской эмансипаціи, а другая, подъ руководительствомъ Анфантена, пошла гораздо далѣе. 19-го и 21-го марта 1831 года были послѣднія общія собранія сенъ-симонистовъ, посвященныя женскому вопросу. Анфантенъ излагалъ на нихъ доктрину, отдѣлившую отъ него Базара. Сенъ-симонизмъ,—говорилъ онъ,—вооружаясь противъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ,

не можетъ ни допускать, ни терпѣть эксплуатаціи женщины мужчиной. Христіанство, освободивъ женщину отъ рабства, оставило ее въ зависимости; сенъ-симонизмъ долженъ окончательно эмансипировать ее и сдѣлать вполнѣ равноправною съ мужчиной. «Новый нравственный порядокъ призываетъ женщину къ новой жизни, пусть она откроетъ намъ все, что чувствуетъ, все, чего желаетъ она въ будущемъ. Мужчина, претендующій предписывать женщинѣ законъ, не можетъ быть сенъ-симонистомъ, истинный сенъ-симонистъ можетъ только объявить себя некомпетентнымъ въ судѣ надъ нею». Вмѣстѣ съ тѣмъ Анфантенъ провозглашалъ полную свободу чувства и реабилитацію плоти. Многихъ членовъ сенъ-симонистскаго семейства эти идеи заставили отдѣлиться отъ него. Оставшіеся съ особеннымъ рвеніемъ начали заниматься своимъ новымъ культомъ, освящать трудъ, освящать пищу, освящать плотскія страсти. Зимою 1832 года весь почти Парижъ съѣзжался на ихъ *религіозные балы* въ улицѣ Монсиньи; но молодыя, граціозныя, увѣнчанныя цвѣтами женщины танцовали и наслаждались здѣсь, не обращая даже вниманія на религіозное значеніе этихъ праздниковъ. А сенъ-симонисты, болѣе и болѣе погружавшіеся въ нелѣпый мистицизмъ, все ждали появленія новаго Мессіи женскаго пола, которому суждено возродить человѣчество. Они ѣздили даже на Востокъ отыскивать этого Мессію.

Современникъ первыхъ сенъ-симонистовъ, Фурье, пораженный не менѣе ихъ мрачными сторонами современной цивилизаціи, горестнымъ положеніемъ народныхъ массъ, роковой связью, соединяющей выгоды однихъ съ несчастіемъ и гибелью другихъ, положилъ всѣ силы ума своего на созданіе плановъ новаго общественнаго порядка, который, въ противоположность современной цивилизаціи, называется у него *гармоніей*. Считая современный бракъ несостоятельнымъ, Фурье объявляетъ себя противъ всякаго «нерасторжимаго и исключительнаго брака», и кладетъ полную свободу страсти въ основу половыхъ отношеній въ гармоніи. Наблюденія надъ жизнью и нравами дикарей вполнѣ убѣждаютъ его, что «счастіе мужчины въ любви пропорціонально той свободѣ, которою пользуется женщина». Желая искоренить пороки лицемѣрія, обмана, ревности, порождаемыя нерасторжимостью брака, и признавая вполнѣ законными желанія страсти, Фурье допускаетъ три рода половыхъ союзовъ,—союзъ любовниковъ и любовницъ, союзъ родителей и родительницъ, союзъ супруговъ. Эта безграничная свобода страсти была въ школѣ Фурье такимъ же яблокомъ раздора, какъ и въ сенъ-симонизмѣ. Принимая образы и фантазіи Фурье буквально, многіе съ отвращеніемъ отворачивались отъ его доктрины о половомъ союзѣ. Представительницею этого раскола въ фурьеризмѣ была мадамъ Гатти де-Гамонъ. Въ своихъ сочиненіяхъ «Fourier et son système» и «Réalisation d'une commune sociétaire» она признаетъ идеи Фурье, но водворяетъ въ фаланстерѣ строгую чистоту нравовъ и изгоняетъ вовсе изъ нея свободу половыхъ отношеній.

Робертъ Оуэнъ также сказалъ свое слово противъ рабства женщины и за ея освобожденіе.

Дѣло, начатое соціальною школою, стали продолжать поэты и бельетристы. Романы многочисленныхъ писателей, и въ особенности Авроры Дюдеванъ (Ж. Зандъ), изображая разныя степени и формы угнетенія женщины въ современной жизни, служили главными и самыми сильными средствами для пропаганды идей о свободномъ бракѣ и свободѣ чувства. Благодаря романистамъ, эти идеи вошли во всеобщее сознаніе образованнаго міра. Начиная съ 1830 г., со времени окончательнаго развитія сенъ-симонизма, женщины Франціи и другихъ странъ, не ограничивая своего дѣла реформою семейныхъ отношеній, начинаютъ требовать полнаго равенства съ мужчиной и одинаковаго участія съ нимъ въ общественныхъ дѣлахъ. Ла-буле издаетъ свою книгу о правѣ наслѣдованія женщины съ древности до нашихъ дней, и, не смотря на тѣсныя рамки этого сочиненія, оно имѣло громадное вліяніе на женщинъ, такъ какъ авторъ коснулся всѣхъ существенныхъ сторонъ ихъ положенія и вводилъ въ обоюдныя отношенія половъ принципъ равенства и справедливости. Въ 1848 г. вышла другая книга, которая, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣла однакожъ значительный успѣхъ,—это «Исторія женщинъ» Легуве. Авторъ требовалъ для женскаго пола высшаго образованія, публичныхъ курсовъ, допущенія ко всѣмъ занятіямъ, не превышающимъ его силъ. Въ 1834 г. возникаетъ спеціально посвященный женскому дѣлу журналъ «Женская трибуна»; въ 1848 г. извѣстная Жанна Деруанъ начинаетъ издавать другой—«Женское мнѣніе». Около того же времени Маццини въ своемъ сочиненіи «Объ обязанностяхъ человѣка» писалъ, что эмансипація женщинъ есть самая настоятельная потребность вѣка. «До сихъ поръ—говоритъ онъ—цѣлая половина человѣческой семьи—именно та, которая вдохновляетъ насъ и утѣшаетъ въ горькія минуты, которой ввѣрено воспитаніе дѣтей—по старинному противорѣчію лишена всякихъ правъ въ гражданскомъ, политическомъ и соціальномъ отношеніи; вы, ищущіе свободы, должны всѣми силами стремиться къ эмансипаціи женщины!» Послѣ 1830 года женщина проникла и въ литературу, и въ политику. Подъ градомъ насмѣшекъ, брани и преслѣдованій она проводила въ жизнь свои эмансипаціонныя идеи. Насталъ 1848 годъ. Начали организоваться женскіе клубы съ цѣлью агитаціи въ пользу дарованія женскому полу гражданскихъ и политическихъ правъ. Въ парижскій клубъ женской эмансипаціи принимались безъ права голоса только тѣ мужчины, которые отказывались отъ всякой власти надъ своими женами. Во Франціи и Германіи многія женщины и дѣвушки начали носить мужское платье, вести мужской образъ жизни, драться на баррикадахъ. Появилось много журналовъ по женскому вопросу. Полина Роланъ заставила внести свое имя въ избирательный спи-

сокъ, а Жанна Деруанъ заявила свою кандидатуру въ члены законодательнаго собранія. «Но—говоритъ г-жа д'Эрикуръ—республиканцы не только закрыли наши клубы, но даже запретили намъ входъ въ клубы мужчинъ. Жанна Деруанъ, Полина Роланъ и многія другія женщины были заключены въ тюрьмы; ассоціаціи лишились своихъ предводительницъ. Тогда негодующія женщины оставили республику и не позволили больше ни своимъ мужьямъ, ни своимъ сыновьямъ защищать ее. Такъ какъ не хотѣли равенства въ правѣ, то и сдѣлались равными въ безправіи!» На Францію сѣлъ Наполеонъ. Тяжелая всеобщая реакція наложила молчаніе на женскій вопросъ вплоть до 1857 г., когда появились «La Justice» Прудона, наполненная грубою бранью на женщину, и «L'Amour» Мишле, третирующая женщину съ точки зрѣнія волокитства. Но подъ гнетомъ реакціи женскій вопросъ продолжалъ вырабатываться въ частныхъ кружкахъ, изъ которыхъ, по свидѣтельству Женни д'Эрикуръ, имѣлъ наиболѣе значенія кружокъ редакціи Revue Philosophique. Къ этому кружку принадлежала основательница профессіонныхъ школъ для дѣвушекъ, умная и добрая Элиза Лемонье. Къ этому же кружку принадлежала и другая женщина, которая, своими четырнадцатью статьями, напечатанными въ туринскомъ журналѣ «Ragione», пробудила женщинъ сѣверной Италіи и начала полемику съ Прудономъ. «Антипрудоновскія идеи» Жюльетты Ламберъ и «Освобожденная женщина» Женни д'Эрикуръ бывшія серьезными отвѣтами Конту, Прудону, Мишле и всѣмъ другимъ отрицателямъ женской полноправности, имѣли большое вліяніе и во Франціи, и за-границей. «Работница» Жюль-Симона и «Бѣдная женщина въ XIX в.» дѣвицы Добіе обрисовали самыми мрачными красками нищету, умственное убожество и другіе ужасные результаты порабощенія женщинъ. Упомянутая уже нами писательница, много послужившая успѣхамъ женскаго дѣла, докторъ медицины Женни д'Эрикуръ, въ своихъ сочиненіяхъ «Библія и женскій вопросъ» и «Христіанство и женскій вопросъ» выяснила вліяніе католицизма на порабощеніе женщины и на держаніе ихъ въ неволѣ; патеры назвали ее за это «чертовой дочерью». Въ послѣднее время за пропаганду и развитіе идей эмансипаціи принялась молодая даровитая писательница, извѣстная подъ псевдонимомъ Андре Лео; не мало и другихъ женскихъ талантовъ служитъ тому же дѣлу своими публичными лекціями, журнальными статьями, книгами, устройствомъ школъ и т. д. Таковы, напр., Марія Деремъ, Амелія Боске, Олимпія Одуаръ. Съ апрѣля 1869 г. въ Парижѣ начала выходить еженедѣльная газета «Le Droit des Femmes», спеціально посвященная женскому вопросу и, при своей фельетонной популярности, проникающая во всѣ классы женскаго населенія, къ общему ужасу мужчинъ, отмачивающихъ разныя штуки, чтобы избавить своихъ женъ и дочерей отъ зараженія этимъ газетнымъ ядомъ. «Многія женщины изъ провинцій извѣщаютъ насъ,—пишетъ редакція,—что ихъ мужья сопротивляются выпискѣ нашего журнала... Въ Парижѣ то же самое. Одна изъ нашихъ пріятельницъ, покупая вечеромъ въ кіоскѣ послѣдній нумеръ «Droit des Femmes», спросила у торговки: многіе ли покупаютъ журналъ? «Женщины покупаютъ много, когда онѣ одни,—отвѣчала торговка,—но когда съ ними вмѣстѣ бываютъ мужчины, то непремѣнно рекомендуютъ дамамъ другой журналъ, а этотъ, говорятъ, глупость!» «Вопросъ о правѣ женщинъ — пишетъ г-жа Андре Лео—такъ сильно занимаетъ у насъ умы, такъ современенъ, что правомъ общественныхъ сходокъ воспользовались здѣсь прежде всего для преній о немъ». Эти сходки народны; въ нихъ участвуютъ преимущественно рабочіе, большинство которыхъ подъ гибельнымъ вліяніемъ вѣковыхъ предразсудковъ и прудоновской книги о семействѣ, обыкновенно горячо споритъ противъ равноправности половъ; но женщины находятъ себѣ защитниковъ и изъ мужчинъ, защищаютъ свои притязанія и сами. Перенесенный, такимъ образомъ, въ чисто народную сферу, вопросъ о женской эмансипаціи получаетъ нынѣ особенное значеніе и становится уже не аристократическимъ только вопросомъ *дамы*, но вполнѣ вопросомъ женщины, къ какому бы классу общества ни принадлежала она. Приверженцы женской эмансипаціи недавно составили въ Парижѣ лигу, которая хочетъ поставить женщину во главѣ народнаго образованія, и прежде всего основать образцовую школу для такого первоначальнаго образованія женщинъ, въ которомъ не было бы мѣста ни суевѣріямъ, ни предразсудкамъ. Лига эта напечатала въ разныхъ журналахъ нѣсколько манифестовъ, критикующихъ современное законодательство о женщинахъ и требующихъ полнаго ихъ освобожденія. Такіе манифесты, покрытые громаднымъ числомъ женскихъ подписей, часто появляются на столбцахъ французскихъ газетъ. Требуя себѣ гражданской равноправности и реформы своего семейнаго положенія, французскія женщины употребляютъ всѣ усилія къ повышенію уровня женскаго образованія и къ проложенію себѣ торнаго пути въ высшія учебныя заведенія. Сочувствующій женскому дѣлу, бывшій министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи отнялъ женское образованіе изъ рукъ духовенства. Публичные курсы для женщинъ распространяются все болѣе и болѣе; число женщинъ, получающихъ высшее образованіе, увеличивается. Въ 1860 г. Добіе получила степень магистра словесности, вслѣдъ за нею г-жа Шеніо—степень магистра словесности и кандидата математическихъ наукъ, въ 1868 г. наша соотечественница, г-жа Гончарова, получила въ Парижѣ дипломъ на магистра математики; такіе примѣры не рѣдки. Въ настоящее время слушаютъ медицинскій курсъ въ Парижѣ француженки, американки и русскія. Парижскій университетъ открылся для женщинъ. Духовенство возмущено, и старый попъ, сидящій въ Римѣ, писалъ епископу Монпелье, что онъ осуждаетъ всѣ эти хлопоты о женскомъ образованіи, потому что оно будетъ производить «не добрыхъ матерей, а жен-

щинъ надменныхъ тщеславнымъ и пустымъ знаніемъ». Въ средѣ самого общества находится не мало негодяевъ, которые, по своимъ корыстнымъ расчетамъ, употребляютъ всѣ средства для отстраненія женщинъ отъ образованія. Такъ, напр., недавно общество парижскихъ фармацевтовъ письменно ходатайствовало передъ министромъ земледѣлія, торговли и публичныхъ работъ о томъ, чтобы медицина, гигіена, ботаника, химія и фармація не были преподаваемы въ профессіональныхъ школахъ для дѣвушекъ, такъ какъ преподаваніе этихъ предметовъ создаетъ «конкуренцію, убійственную для фармацевтовъ и медиковъ». Читатель видитъ, что парижскіе фармацевты и медики ужасно глупы въ сравненіи съ тѣми изъ отечественныхъ врачей, которые, опасаясь соперничества женщинъ-медиковъ, употребляютъ противъ нихъ не просьбы къ начальству съ откровеннымъ признаніемъ страха передъ женской конкуренціей, а пользуются болѣе дѣйствительнымъ оружіемъ литературныхъ доносовъ. Война 1870 года и слѣдовавшія за ней смуты и бѣдствія временно отодвинули женскій вопросъ на задній планъ; но въ эту страшную годину женщины Франціи проявили столько героическаго патріотизма, что далеко превзошли императорскія арміи деморализированныхъ трусовъ, сдававшихся безъ боя. Женщины парижской коммуны трудились, страдали и сражались наравнѣ съ храбрѣйшими изъ мужчинъ, и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ революціонныхъ отрядовъ былъ женскій легіонъ, во главѣ котораго стояла наша соотечественница Ольга Дмитріева...

«Воздухъ затменъ разными проектами женскаго образованія», говоритъ «Quarterly Review» 1869 года, въ апрѣльской книгѣ.—«Права и несправедливости, достоинства и недостатки, настоящее и будущее женщинъ совершенно овладѣли сценой. Ими занимаются наши синія книги, наши литературные магазины, наши газеты. Въ ученыхъ собраніяхъ, въ адвокатскихъ корпораціяхъ, въ стѣнахъ парламента раздается эхо вопросовъ, поднимаемыхъ женщинами». Дѣйствительно, англійскіе журналы и газеты переполнены статьями по женскому вопросу; многія книги и брошюры посвящены тому же; издается особый эманципаціонный журналъ; на многочисленныхъ митингахъ и публичныхъ лекціяхъ тоже постоянно толкуютъ о женскомъ дѣлѣ. Главными цѣлями этой агитаціи служатъ распространеніе и улучшеніе женскаго образованія, равноправность семейная и равноправность политическая.

Для распространенія образованія основано нѣсколько обществъ, и въ 1869 г. университетскіе профессора читали уже публичные курсы для женщинъ въ Манчестерѣ, Бэдфордѣ, Іоркѣ. Шеффильдѣ, Ньюкэстлѣ, Ливерпулѣ, Лидсѣ, Брэдфордѣ, Клифтонѣ, Чельтенгэмѣ, Эдинбургѣ, Глазговѣ и Бельфэстѣ. Предметомъ чтеній были исторія, англійская литература, логика, физика, астрономія, химія, біологія, математика и т. д. Объ успѣхахъ женщинъ всѣ профессора даютъ самые лестные отзывы. Лекціи въ Соуть-Кенсингтонскомъ музеѣ читались смѣшанной аудиторіи слушателей обоего пола, которые подъ конецъ были подвергнуты общему экзамену. На этихъ испытаніяхъ положительный перевѣсъ остался за дѣвицами. Такіе же экзамены были произведены слушательницамъ и другихъ курсовъ въ различныхъ городахъ, и вездѣ, по общему отзыву, успѣхи ихъ превзошли всѣ ожиданія профессоровъ и общій уровень успѣховъ университетскихъ студентовъ. Вотъ что говоритъ, напр., въ журналѣ «Nature», 1870, № 33, проф. Фразеръ, преподающій женщинамъ логику и философію: «У меня было 65 слушательницъ. 48 изъ нихъ принимали участіе въ окончательныхъ экзаменахъ и всякаго рода испытаніяхъ. По мѣрѣ развитія моего курса, я все болѣе и болѣе убѣждался, что ученицы мои, по своимъ способностямъ и прилежанію, могли равняться только съ наиболѣе даровитыми и трудолюбивыми студентами, какимъ я когда-либо имѣлъ счастіе преподавать». Университеты лондонскій, дублинскій и кэмбриджскій открыли уже женщинамъ доступъ къ своимъ ученымъ степенямъ и экзаменамъ. Эдинбургскій университетъ уже принимаетъ женщинъ въ качествѣ студентовъ. Въ 1864 г. основано женское медицинское общество для образованія спеціалистокъ-акушерокъ, и съ этою цѣлью открыта съ довольно обширною программой женская медицинская коллегія. Идетъ самая сильная агитація въ пользу высшаго образованія женщинъ. Образовательная дѣятельность усиленно распространяется и на женщинъ низшихъ классовъ. Въ Геддерсефельдѣ, напримѣръ, въ 1867 году было уже 22 класса и 16 учителей обоего пола для обученія дѣвочекъ и взрослыхъ женщинъ грамотности, ариѳметикѣ, англійской исторіи, астрономіи; для нихъ же читается ежемѣсячно по одной публичной лекціи. Въ Брэдфордѣ слѣдуютъ той же системѣ образованія. Въ 1857 г. ученицъ было здѣсь 100, а въ 1864 г. число ихъ возросло до 858, онѣ имѣли отъ роду отъ 13 до 31 года; въ 1868 году ихъ было 959. Даже въ англійскія колоніи посылаются миссіи для распространенія тамъ женскаго образованія. Такъ, миссъ Карпентеръ отправилась въ Индустанъ съ намѣреніемъ основать нормальныя школы для дѣвушекъ въ Калькуттѣ, Мадрасѣ и Бомбеѣ. Нѣкоторые индусскіе аристократы поддерживаютъ ея дѣло своими пожертвованіями и готовностью обучать своихъ родственницъ.

Реформа брачныхъ законовъ служитъ второю цѣлью англійскаго женскаго движенія. Мужъ, по англійскому праву, полновластный повелитель жены и собственникъ всего ея имущества. Все приданое жены и всѣ заработки ея до послѣдняго гроша принадлежатъ супругу. Жизнь замужнихъ женщинъ, особенно въ низшихъ классахъ, сплошь и рядомъ исполнена величайшихъ страданій, и англійская пресса нерѣдко разсказываетъ такія семейныя трагедіи, отъ которыхъ просто волосы становятся дыбомъ. Послѣ этого понятно, что въ журналахъ и на митингахъ, въ публичныхъ рѣчахъ и въ петиціяхъ къ правительству англичанки тре-

бують себѣ имущественныхъ правъ и ограниченія мужниной власти. Даже принципы русскаго законодательства въ этомъ отношеніи кажутся достойными зависти, и «Englishwoman's Review» въ іюльской книгѣ 1869 г. въ поученіе своимъ читательницамъ говоритъ, что онѣ, вѣроятно, «изумятся, узнавъ, что по законамъ о правѣ голоса и собственности замужнихъ женщинъ Россія стоитъ впереди Англіи». Но нѣтъ сомнѣнія, что еще на нашихъ глазахъ Англія далеко перегонитъ Россію даже и въ этомъ отношеніи. Движеніе въ пользу имущественныхъ правъ женщины такъ сильно, а общественное мнѣніе такъ благосклонно къ нему, что не сегодня—завтра права жены будутъ признаны, тѣмъ болѣе, что число женщинъ, заинтересованныхъ въ этомъ, довольно велико; изъ 11,900,000 женщинъ Англіи и Шотландіи 3,800,000 живутъ своимъ трудомъ. Въ 1870 г. законъ, дозволяющій женщинамъ владѣть собственностью независимо отъ мужей, въ палатѣ общинъ, при вторичномъ чтеніи, принятъ безъ голосованія.

Этимъ требованія женщинъ не ограничиваются: по всему соединенному королевству онѣ устраиваютъ митинги, говорятъ рѣчи, подаютъ петиціи о признаніи за ними избирательнаго права наравнѣ съ мужчинами. Въ этомъ желаніи роскошныя лэди сходятся съ простыми бѣдными горничными и въ разныхъ мѣстахъ Британіи составляютъ «Общества женскаго избирательнаго права» (Society for Women's Suffrage). Женскія петиціи объ избирательномъ правѣ заваливаютъ собою парламентъ; отъ одного Лондона подана была петиція съ 21,783 подписями; въ 1869 г. въ парламентѣ было принято 260 женскихъ петицій отъ разныхъ мѣстъ и обществъ, съ 61,548 подписями, но и эта почтенная цифра далеко еще не полна. Въ 1870 г. эта агитація шла съ прежнею силою, и Брайтъ представилъ отъ женщинъ новую петицію, вполнѣ благосклонно принятую многими членами парламента. Женскія притязанія на политическія права далеко уже не встрѣчаютъ въ англійскомъ обществѣ того противодѣйствія, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, въ палатѣ общинъ 73 члена подали голосъ въ пользу предложенія Милля о признаніи за женщинами избирательныхъ правъ. Женщина дѣлается силой, и все начинаетъ льстить ей. И въ 1870 г. англичанки уже получили право на участіе въ муниципальныхъ выборахъ. 3 мая 1871 г. было снова представлено въ палату общинъ 420 петицій объ избирательныхъ правахъ женщинъ со 150,000 подписей. Билль, внесенный по этому поводу Брайтомъ, отвергнутъ большинствомъ 220 голосовъ противъ 161.

Въ Италіи вопросъ о женской эманципаціи доходитъ уже до парламента. Заботы о женскомъ образованіи, особенно высшемъ, занимаютъ здѣсь множество лицъ. Въ Венеціи открывается женскій лицей. Органомъ женскаго дѣла служитъ газета «La Donna», редактируемая г-жами Беккари, Мадзони и др. Не мало выходитъ книгъ и брошюръ, посвященныхъ этому вопросу. Въ одномъ изъ этихъ изданій г-жа Франкъ, выражая желаніе всей эманципаціонной партіи, требуетъ для женщинъ солиднаго образованія, научнаго и профессіональнаго, выражая надежду, что итальянки получатъ и избирательныя права. Онѣ давно уже достойны ихъ. «Когда итальянское юношество—говоритъ г-жа Франкъ—было призвано на битву за независимость отечества, тогда обратились также къ патріотизму и могучему вліянію женщины. Она со страстью принялась за дѣло и содѣйствовала всѣми своими силами возрожденію Италіи. Она участвовала въ общественныхъ демонстраціяхъ, возбуждавшихъ и поддерживавшихъ духъ народа, она собирала пожертвованія въ пользу раненыхъ; она помогала пѣшанникамъ; возбуждала людей нерѣшительныхъ, награждала храбрыхъ и наказывала трусовъ своимъ презрѣніемъ; она безбоязненно шла и подъ судъ, и въ тюрьму, и въ ссылку. Будучи призвана къ дѣлу, она явилась благородною и храброю».

Въ Германіи женскій вопросъ находится въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ въ Италіи; здѣсь для него давно уже приготовлена хорошая почва чрезвычайною распространенностью народнаго образованія. Сѣверная Германія, особенно Пруссія и Саксонія, славятся своими школами, изъ которыхъ пишія почти всегда общія для обоего пола. Пруссія въ послѣднее время имѣла 31,000 первоначальныхъ и 46,000 второстепенныхъ школъ для дѣвочекъ. Въ Берлинѣ одно только заведеніе Фридриха Вильгельма имѣетъ 2,200 учениковъ обоего пола. Недавно составилось общество для основанія въ Берлинѣ высшаго коммерческаго училища для женщинъ. Въ 1869 г. открыты женскій лицей въ Бреславлѣ и женская академія *Викторія* въ Берлинѣ, въ которую тотчасъ же поступило около 200 дѣвушекъ. Въ Лейпцигѣ съ 1804 года существуетъ высшая городская школа для 1,200 учениковъ обоего пола. Университеты вѣнскій и кенигсбергскій открылись для женщинъ. И хотя медицинскій дипломъ, о пріобрѣтеніи котораго хлопочетъ большинство студентокъ, не даетъ еще права на лѣченіе, но, по новому закону, медицинская практика объявлена совершенно свободною, и заниматься ею теперь могутъ нетолько женщины-медики, но и всѣ, кто хочетъ. Въ послѣднее время по всей Германіи начали основываться реальныя школы для женщинъ, дѣлью которыхъ служитъ обученіе ихъ разнымъ ремесламъ. Не только простолюдинки, но и множество дѣвушекъ изъ средняго сословія стремится въ эти школы и по выходѣ изъ нихъ начинаетъ жить своимъ честнымъ трудомъ. Такъ какъ женщинамъ должно открыть доступъ ко всѣмъ профессіямъ, то германскіе сторонники женскаго дѣла посредствомъ школъ и обществъ хотятъ подготовить ихъ ко всѣмъ профессіямъ, эманципировать женскій трудъ и тѣмъ положить прочныя основы экономической независимости женщины *).

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи женскій трудъ развитъ очень сильно. Въ Берлинѣ, напр., занимающихся чѣмъ-нибудь мужчинъ и женщинъ приходится относительно незанимающихся, какъ 1:1,45 для мужчинъ и 1:3,40 для женщинъ; мужской прислуги 5,596 чел., а женской—42,639; портныхъ приходится женщинъ по 1 на 31 жительни-

Постоянное стремленіе женщинъ къ расширенію ихъ образованія должно принести хорошіе плоды въ близкомъ будущемъ. Женское дѣло въ Германіи уже нѣсколько лѣтъ имѣетъ свои спеціальные органы, какъ, напр., «Allgemeine Frauenzeitung», «Neuen Bahnen», издаваемые Луизою Отто Петерсъ и др. *). Книги, брошюры, лекціи, митинги, общества по женскому дѣлу здѣсь также многочисленны и часты, какъ въ Англіи. Эта агитація имѣетъ самыя обширныя цѣли,—1) Основаніе стипендій для женщинъ въ гимназіяхъ и университетахъ. 2) Даровое образованіе бѣдныхъ дѣвушекъ въ низшихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. 3) Допущеніе женщинъ къ занятію государственныхъ должностей. 4) Учрежденіе вспомогательныхъ и пенсіонныхъ кассъ для заслуженныхъ учительницъ, гувернантокъ, нянекъ и всѣхъ вообще женщинъ, съ пользою трудящихся на поприщѣ воспитанія, науки или освобожденія женщины, и т. д. Женскія ассоціаціи, или ферейны, возникаютъ во всѣхъ мѣстахъ союза и, приготовляя женщинъ къ разнообразнымъ профессіямъ, значительно улучшаютъ условія женскаго труда, освобождая его отъ эксплуатаціи хозяевъ. Не отличаясь радикализмомъ, масса нѣмецкихъ женщинъ и ихъ сторонниковъ имѣетъ преимущественно практическое направленіе и устремляетъ всѣ свои усилія на расширеніе сферы женскаго труда и на его болѣе раціональную организацію.

Въ Швеціи женская эманципація также сильно волнуетъ общество; здѣсь также хлопочутъ о расширеніи гражданскихъ правъ женщины и о доставленіи ей новыхъ производительныхъ занятій въ области народнаго образованія и медицины.

Еще въ 1866 г. шведскому сейму былъ представленъ билль о допущеніи женщинъ «ко всѣмъ занятіямъ и должностяхъ» и объ открытіи для нихъ доступа въ университеты. Въ настоящее время женщинамъ открыть здѣсь Каролинскій институтъ, въ которомъ онѣ вмѣстѣ со студентами изучаютъ медицину, а также университеты упсальскій и лундскій и вновь открываемая медицинская коллегія въ Готенбургѣ. Медицинская практика дозволена женщинамъ на одинаковыхъ правахъ съ мужчинами. Журналъ, давно уже основанный извѣстною писательницею Фредерикою Бремеръ, пропагандируетъ въ этой странѣ въ пользу женскаго дѣла.

Даже въ Испаніи, въ этой изувѣрной странѣ поповъ, ревнивцевъ и женщинъ, запертыхъ въ терема,—даже въ Испаніи святое дѣло женскаго освобожденія нашло себѣ не мало горячихъ поборниковъ. Въ мадридскомъ университетѣ уже открылись публичныя лекціи для женщинъ, имѣющихъ цѣлью дать имъ возможность «подняться до уровня современнаго знанія и обязательствъ, налагаемыхъ настоящимъ временемъ», какъ выразился въ своей вступительной лекціи ректоръ университета Фернандо-де-Кастро. Испанскіе эманципаторы издаютъ свой журналъ, «Прогрессъ», который печатается въ Лиссабонѣ и замѣнилъ собою существовавшую въ этомъ городѣ газету «Женскій голосъ».

Въ Богеміи, Бельгіи, Голландіи, Греціи, Финляндіи—всюду женское движеніе находитъ отголоски. Въ Швейцаріи основана «женская международная ассоціація», въ члены которой приглашаются «всѣ дамы, воодушевленныя благороднымъ желаніемъ содѣйствовать улучшенію судьбы женщины, ея умственному развитію и равноправности». Цюрихскій университетъ открытъ для женщинъ съ 1864 г. До упомянутаго года съ самаго основанія университета въ немъ было дозволено слушать лекціи двумъ цюрихскимъ дамамъ, въ качествѣ «постороннихъ слушательницъ» (Auditoren). «Но—говоритъ профессоръ Бемертъ—присутствіе дамъ на лекціяхъ философіи, исторіи, литературы, древнихъ или новыхъ языковъ возбуждаетъ гораздо меньше смущенія, чѣмъ ихъ участіе въ анатомическихъ и клиническихъ упражненіяхъ и урокахъ». И университетъ, дѣйствительно, немного «смутился», когда въ 1864 г. г-жа К. изъ Россіи заявила желаніе слушать въ немъ медицину; но все-таки К. допустили въ качествѣ «посторонней слушательницы» и въ видѣ опыта. Въ 1865 г. на такихъ же условіяхъ дозволили поступить г-жѣ Сусловой. Но тотчасъ же въ университетѣ возникли недоумѣнія: прилично ли, не опасно ли для нравственности допущеніе женщинъ въ среду студентовъ? Можно ли зачислять женщинъ въ корпорацію студентовъ? Что дѣлать, если женщины будутъ учиться какъ слѣдуетъ и потомъ вздумаютъ держать экзаменъ на доктора? Какъ поступать на будущее время, принимать или не принимать женщинъ въ университетъ вообще и на медицинскій факультетъ въ особенности? Объ этомъ разсуждали и выбранная университетскимъ сенатомъ комиссія, и самъ се-

---

цу, а мужчинъ по 1 на 37 жителей; занимающихся прачечнымъ ремесломъ и пятномыводчествомъ женщинъ 1:108, мужчинъ 1:7473; торговлею женщинъ 1:115, мужчинъ 1:12; воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей женщинъ 1:206, мужчинъ 1:148, и т. д. Изъ 30,636 вдовъ живетъ собственнымъ трудомъ 20,124.—Благодаря такому развитію женскаго труда, въ Германіи теперь нерѣдко можно встрѣтить примѣры чисто американской независимости женщины, подобные тому, о которомъ разсказываетъ Фанни Левальдъ. «Дочь одного богатаго башмачника, работая на швейной машинѣ, наживаетъ до 300 талеровъ въ годъ. Я спросила его, работаетъ ли она у него въ мастерской?—Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—я не хочу имѣть денежные расчеты съ моими дѣтьми. Она работаетъ для большого магазина пальто и мантилій, и я никогда не спрашиваю, на что она держитъ заработанныя деньги. Ей теперь 22 года; съ пятнадцатилѣтняго возраста она начала зарабатывать для себя, и теперь имѣетъ около 1200 талеровъ. Но года три назадъ она познакомилась съ молодымъ студентомъ медицины очень бѣднаго происхожденія, который самъ проложилъ себѣ дорогу въ школѣ и въ университетѣ. Она мнѣ ничего не повѣрила и онъ также, но онъ часто ходитъ къ намъ, и я знаю, что она уже два года помогаетъ ему деньгами, чтобы онъ могъ давать менѣе частныхъ уроковъ и имѣлъ время скорѣе приготовиться къ выпускному экзамену, для котораго она тоже, вѣроятно, снабдитъ его нужными средствами. Когда дойдетъ до свадьбы, я дамъ приданое», и т. д. «Такихъ примѣровъ я могла бы привести множество», говоритъ Ф. Левальдъ.

*) Эти органы возбуждаютъ во многихъ такую сильную оппозицію, что редакторъ «Allg. Frauenzeitung» получилъ однажды изъ Граца письмо, въ которомъ ему грозятъ смертью, если онъ не перестанетъ агитировать въ пользу допуска женщинъ въ университеты!

нать университета, и, наконецъ, кантональный директоръ народнаго просвѣщенія; но результатомъ всѣхъ этихъ глубокомысленныхъ разсужденій было только то, что дѣло оставили, какъ оно было, въ видѣ опыта. Между тѣмъ г-жа К. оставила университетъ, а Н. П. Суслова продолжала свое образованіе съ такимъ успѣхомъ и съ такой энергіей, что пріобрѣла всеобщее уваженіе профессоровъ и студентовъ. Въ февралѣ 1867 г. она заявила желаніе держать экзаменъ на доктора медицины, хирургіи и акушерства, но получила отвѣтъ, что прежде этого она должна пріобрѣсть студенческій матрикулъ. Начались новыя глубокомысленныя соображенія объ иматрикуляціи. Тогдашній ректоръ университета не осмѣлился рѣшить этотъ вопросъ своимъ умомъ и обратился къ директору народнаго просвѣщенія, который и разрѣшилъ иматрикуляцію женщинъ. Суслова блистательно выдержала свой докторскій экзаменъ, и вскорѣ по ея дорогѣ пошли многія женщины, какъ увидитъ читатель изъ слѣдующей таблицы студентокъ цюрихскаго университета:

	Всѣхъ женщинъ въ университетѣ.	Швейцарокъ.	Нѣмокъ.		Австріекъ.	Англичанокъ.		Русскихъ.		Американокъ.	Вышло со степенью.	Вышло безъ экзамена.	
		По медицинскому фак.	По медицинскому фак.	По философскому фак.	По философскому фак.	По медицинскому фак.	По философскому фак.	По медицинскому фак.	По философскому фак.	По медицинскому фак.	По медицинскому фак.	По медицинскому фак.	По философскому фак.
Зимній семестръ 1864—65 г.	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Лѣтній семестръ 1865 г. .	2	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
Зимній семестръ 1865—66 г.	2	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
Лѣтній семестръ 1866 г. .	2	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
Зимній семестръ 1866—67 г.	2	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—
Лѣтній семестръ 1867 г. .	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Зимній семестръ 1867—68 г.	3	—	—	—	—	2	—	1	—	—	1	—	—
Лѣтній семестръ 1868 г. .	5	—	—	—	—	3	1	2	—	—	—	—	1
Зимній семестръ 1868—69 г.	8	1	—	—	—	3	—	3	1	1	—	—	—
Лѣтній семестръ 1869 г. .	9	1	—	—	—	3	—	5	—	1	—	1	—
Зимній семестръ 1869—70 г.	14	1	—	—	—	2	—	9	1	1	1	—	—
Лѣтній семестръ 1870 г. .	16	1	—	—	—	2	—	11	1	1	—	4	1
Зимній семестръ 1870—71 г.	22	1	1	—	1	2	—	13	3	1	1	1	1
Лѣтній семестръ 1871 г. .	19	1	1	—	1	2	—	11	2	1	1	2	2
Зимній семестръ 1871—72 г.	31	2	3	1	2	2	—	17	4	—	1	2	1
Лѣтній семестръ 1872 г. .	63	2	3	1	2	1	—	44	10	—	—	—	—

На зимній семестръ 1872—73 г. записалось до 100 женщинъ. Всего же изъ поступившихъ съ 1864 г. женщинъ оставило университетъ безъ экзамена 16, съ экзаменомъ и со степенью доктора 6. Первый докторъ-женщина, г-жа Суслова, практикуетъ теперь въ Петербургѣ. Вторая, англичанка М., поступила товарищемъ главнаго доктора въ лондонскую женскую больницу, которою управляетъ также докторъ медицины, г-жа Гарретъ-Андерсонъ. Третья, г-жа Бокова, въ январѣ 1871 г. примкнула къ цюрихскимъ медикамъ, отправившимся на поле военныхъ дѣйствій, и начальникъ этого медицинскаго отряда, д-ръ Розе, заявляетъ, что она при управленіи лазаретомъ въ Эрикурѣ «своимъ самопожертвованіемъ и дѣятельностью привлекла къ себѣ всѣ сердца». Г-жа Бокова оставила университетъ со степенью доктора. Четвертая, миссъ Демокъ, молоденькая американка изъ Бостона, получивъ степень доктора въ октябрѣ 1871 г., отправилась для окончательнаго образованія въ Вѣну, а оттуда въ Бостонъ, гдѣ для нея уже готово мѣсто въ одномъ госпиталѣ. Шестая женщина-докторъ поступила помощникомъ профессора Бирмера, завѣдывающаго медицинской клиникой въ Цюрихѣ.

Опытъ такимъ образомъ удался, и профессора цюрихскаго университета уже безъ всякаго «смущенія», какъ прежде, признаютъ способность женщинъ къ высшему образованію и къ медицинской дѣятельности. Забавно читать, какъ эти ученые мужи глубокомысленно излагаютъ свои доводы и разсказываютъ, какъ они открыли эту Америку, которая открыта уже сотни лѣтъ назадъ!

Суевѣровъ смущала въ особенности боязнь, какъ бы не вышло какого-нибудь худа изъ совмѣстнаго изученія обоими полами анатоміи и физіологіи. Они ожидали чортъ знаетъ чего, и въ этомъ отношеніи особенно внимательно наблюдали за своимъ опытомъ. Въ 1870 г. вюрцбургскій университетъ обратился «относительно этого деликатнѣйшаго пункта», по выраженію Бемерта, съ слѣдующимъ запросомъ къ цюрихскому медицинскому факультету: «существуютъ ли и какія именно неудобства при допущеніи особъ женскаго пола, особенно вмѣстѣ съ студентами мужескаго пола, къ

извѣстнымъ лекціямъ и демонстраціямъ, щекотливымъ для женскаго утонченнаго чувства?» На этотъ столь заковыристо выраженный вопросъ цюрихскіе медицинскіе профессора дали слѣдующій отвѣтъ: «Присутствіе женщинъ на теоретическихъ и практическихъ курсахъ не дѣлаетъ никакой помѣхи. Лекціи читаются и демонстраціи производятся, вовсе не обращая вниманія на присутствующихъ дамъ, равнымъ образомъ при анатомическихъ упражненіяхъ и клиническихъ обслѣдованіяхъ изучаемый предметъ исчерпывается такъ же глубоко, какъ и въ томъ случаѣ, если бы тутъ присутствовали одни мужчины. При всемъ этомъ никогда не было ничего дурного. Опираясь на свой шестилѣтній опытъ, нашъ факультетъ спокойно смотритъ на дальнѣйшее разрѣшеніе задачи, о которой идетъ рѣчь. Впрочемъ, факультетъ думаетъ, что упомянутому результату много содѣйствовали серьезная любовь къ труду и полное такта поведеніе учащихся здѣсь дамъ, равно какъ политическое образованіе и спокойный характеръ швейцарскаго студенчества». Въ частности, извѣстный физіологъ, профессоръ Германъ, даетъ въ своей брошюрѣ (Das Frauenstudium und die Interessen der Hochschule, Zürich, 1872) слѣдующее мнѣніе: «Не въ чемъ упрекнуть ни одной изъ учащихся у насъ женщинъ; многія своимъ трудолюбіемъ и энергіей внушили глубокое къ себѣ уваженіе и товарищамъ, и профессорамъ, даже такимъ, которые, подобно мнѣ, не сочувствуютъ ихъ общему направленію. Студенты-мужчины съ большимъ тактомъ избѣгали до сихъ поръ всего, чего можно было опасаться. Наконецъ, никто изъ профессоровъ не спускался ради слушательницъ съ высоты научнаго академическаго преподаванія на низшую ступень... Высота науки и серьезность преподаванія не давали ни малѣйшаго повода къ тѣмъ ощущеніямъ, которыхъ боится профессоръ Бишофъ». Другой профессоръ заявляетъ, что на его лекціяхъ и мужчины, и женщины ведутъ себя несравненно приличнѣе, чѣмъ на самыхъ приличныхъ балахъ и вечерахъ. Сами студентки вполнѣ подтверждаютъ эти наблюденія профессоровъ. Вотъ что разсказываетъ одна изъ нихъ: «Твердо рѣшившись достигнуть предположенной цѣли, я вступила въ первый разъ въ аудиторію нашего университета. Мысль о присутствіи тутъ юношей, только что покинувшихъ гимназіи, сначала возбуждала во мнѣ, равно какъ и въ другихъ слушательницахъ, непріятное чувство, которое, однакожъ, съ появленіемъ профессора и началомъ лекціи уступило мѣсто вниманію и интересу, вызваннымъ предметомъ чтенія. Та же самая аудиторія, которая сначала имѣла въ себѣ нѣчто страшное для меня, черезъ нѣсколько недѣль превратилась въ святилище, въ которомъ изслѣдованіе великихъ дѣлъ природы, возбуждая духъ къ развитію, подавляетъ въ зародышѣ малѣйшіе слѣды чувственности. Въ аудиторіи, состоящей исключительно изъ молодыхъ мужчинъ, важность дѣла можетъ еще уступать легкомыслію; но изъ смѣшанной аудиторіи, въ которой серьезность присутствующихъ женщинъ напоминаетъ и юношамъ о важности предмета, изгоняется все, что хотя сколько-нибудь оскорбительно для эстетическаго чувства; за это ручается опытъ здѣшняго университета. Здѣсь у мѣста выставить на видъ то обстоятельство, что особенно при тѣхъ анатомическихъ урокахъ, при которыхъ наиболѣе могло бы оскорбляться чувство женщины, тактъ профессора и его чисто научныя объясненія законовъ природы болѣе всего способны доказать, какъ передъ взоромъ мыслящаго человѣка совершенно исчезаютъ всѣ чувственныя возбужденія, когда онъ, какъ поучающій наблюдатель, представляетъ таинства природы, или, какъ усердный ученикъ, слѣдитъ за полною достоинствъ рѣчью профессора и его опытами».

Убѣдившись въ способности женщинъ къ высшему образованію, ученые мужи убѣдились и въ превосходствѣ смѣшанныхъ медицинскихъ курсовъ надъ отдѣльными для каждаго пола. Вотъ что говоритъ объ этомъ профессоръ Бемертъ: «Піонерки женскаго образованія въ Цюрихѣ не желаютъ налегать на себя нареканій въ томъ, что на отдѣльныхъ курсахъ науки преподаются имъ популярно и поверхностно. Онѣ хотятъ показать, что онѣ учатся совершенно такъ же, какъ и мужчины, и что онѣ способны овладѣть тѣмъ же матеріаломъ, какъ и послѣдніе. Масса публики не безъ справедливости ставила бы такія женскія школы ниже смѣшанныхъ. Въ области науки женщины могутъ ожидать надлежащей пользы и толка лишь при свободной конкуренціи съ мужчинами. Наука въ своихъ высшихъ цѣляхъ и задачахъ не можетъ быть дѣлима по разнымъ поламъ... Интересы самаго женскаго дѣла требуютъ, чтобы ни одна непризванная не проникала въ храмъ науки, чтобы дѣвушкамъ научная карьера не облегчалась искусственно посредствомъ отдѣльныхъ научныхъ женскихъ курсовъ, а, напротивъ, затруднялась бы посредствомъ смѣшанныхъ курсовъ, чтобы можно было своевременно убѣждаться въ недостаткахъ, мѣшающихъ сравняться съ учащимися мужчинами и своевременно перейти къ другой профессіи. Съ другой стороны, даровитымъ женщинамъ открывается при этомъ свободный доступъ во всѣ высшія мужскія учебныя заведенія». Это гораздо выгоднѣе и съ финансовой точки зрѣнія. «Государство можетъ основывать женскіе курсы или женскіе университеты не прежде, какъ появится въ нихъ дѣйствительная надобность; но ея нѣтъ еще ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи» (и нигдѣ, прибавляемъ мы отъ себя). «Только въ будущемъ, съ успѣхами женскаго образованія, можетъ развиться и извѣстное раздѣленіе медицинскаго труда. Тогда, вѣроятно, для отдѣльныхъ болѣзней будутъ и отдѣльные курсы мужскіе и женскіе, или профессора-женщины и медики-женщины будутъ, можетъ быть, спеціально заниматься болѣзнями своего пола; но общіе теоретическіе и практическіе предметы все-таки, безъ сомнѣнія, должны быть изучаемы на смѣшанныхъ курсахъ».

Опытъ цюрихскаго университета, убѣдивъ сначала его профессоровъ, подѣйствовалъ потомъ на

высшую политехническую школу Швейцаріи, открывшую женщинамъ свои аудиторіи. Въ 1872 г. бернскій университетъ началъ допускать женщинъ. Совѣтъ женевскаго кантона, разсматривая недавно новый законопроектъ о народномъ образованіи, выслушалъ петицію отъ пятидесяти матерей семействъ о допущеніи женщинъ къ высшему образованію наравнѣ съ мужчинами. Послѣ преній къ этому закону присоединенъ слѣдующій дополнительный параграфъ: «Условія поступленія въ академію (такъ называется въ Женевѣ университетъ) постановляются одинаковыя для лицъ обоего пола». Вообще, въ Швейцаріи женское дѣло имѣетъ много шансовъ на быстрый успѣхъ. Такъ, напр., въ 1874 г. въ кантонѣ Ури женщины признаны вполнѣ равноправными съ мужчинами и уже вотируютъ.

Даже въ Турціи основана женская эмансипаціонная газета, которая издается женщинами въ Константинополѣ на греческомъ языкѣ.

Такимъ образомъ, женское движеніе Европы и Америки имѣетъ цѣлью: 1) повышеніе женскаго образованія до одного уровня съ мужскимъ, 2) семейную и политическую равноправность половъ. Женскій вопросъ такъ настоятельно требуетъ отвѣта, что отъ него нельзя отдѣлываться словами, —это вопросъ жизни или смерти. Женщины «не просятъ уже болѣе милости, а требуютъ справедливости», восклицаетъ Женни д'Эрикуръ. И не только восторженныя эмансипированныя американки говорятъ, что «пѣсня мужчины уже спѣта, и очередь теперь за женщиной», но даже серьезнѣйшіе изъ современныхъ мужчинъ проникаются глубокимъ убѣжденіемъ того, что эмансипація женщины безусловно необходима для дальнѣйшаго общественнаго прогресса. Мы не говоримъ уже о Маццини и подобныхъ личностяхъ,—самый сдержанный, самый серьезный и, по крайней мѣрѣ у насъ, самый популярный европейскій мыслитель Д. С. Милль въ своемъ письмѣ къ петербургскимъ дамамъ высказываетъ свое «глубокое убѣжденіе въ томъ, что нравственный и умственный прогрессъ мужчинъ сильно рискуетъ остановиться или даже пойти обратнымъ ходомъ, если развитіе женщинъ останется далеко позади отъ мужского; и это не потому только, что при воспитаніи дѣтей ничто не можетъ замѣнить матери, но и потому, что на самого мужчину въ значительной степени вліяютъ характеръ и идеи его подруги; женщина если не толкаетъ его впередъ, то необходимо увлекаетъ назадъ».

XXIII.

По общему закону исторической жизни, изображенныя нами выше стремленія женщинъ должны были вызвать сильную реакцію противъ ихъ дѣла. И реакція не заставила ждать себя, она настала, она явилась во всеоружіи подъ формою религіи, науки, полиціи, общественнаго мнѣнія.

Самымъ рѣзкимъ и откровеннымъ изъ реакціонныхъ явленій, враждебныхъ женскому дѣлу, служитъ мормонство—эта грубая смѣсь суевѣрій и варварскихъ обычаевъ самыхъ разнообразныхъ религій, начиная съ правилъ магометанства и кончая обычаями американскаго дикаря. Мормонство болѣе всего выдается изъ уровня другихъ сектъ возстановленіемъ полигаміи. Понятно, что такая вѣра должна была сдѣлать быстрые успѣхи среди тѣхъ подонковъ новѣйшаго общества, для которыхъ клубничка и любовь на всѣ манеры служатъ высшею цѣлью жизни, а рабское положеніе женщины является священнымъ закономъ природы, по для которыхъ, въ то же время, необходима какая-нибудь внѣшняя санкція такого ихъ поведенія, чтобы успокоить ихъ совѣсть, привыкшую основываться не на софизмахъ, а на религіозныхъ предписаніяхъ. И дѣйствительно, въ рядахъ мормоновъ вовсе нѣтъ образованныхъ индифферентистовъ, для которыхъ въ дѣлахъ половой любви не существуетъ никакихъ правилъ, никакихъ нравственныхъ ограниченій, для которыхъ вовсе не требуется ни религіи, ни философской системы, освящающей ихъ пороки, и которые, поэтому, безнравственнѣе мормоновъ въ тысячу разъ. Мормоны всѣ почти принадлежатъ къ низшимъ въ умственномъ отношеніи слоямъ общества. Въ рядахъ ихъ не являлось до сихъ поръ сколько-нибудь замѣчательныхъ личностей. По уму, пророкъ ихъ Джозефъ былъ ниже всякой посредственности, а изъ другихъ учителей и «апостоловъ» нѣкоторые были даже безграмотны, что рѣдкость въ Америкѣ. На подобныхъ людей столь грубое ученіе должно было дѣйствовать увлекательно. Въ 1830 г. въ Америкѣ было только 6 мормоновъ, а въ 1866 г.—160,000 въ Америкѣ да 45,000 въ другихъ частяхъ свѣта. По ученію мормоновъ, «Богъ есть лицо съ видомъ и плотью человѣка». «*Мужчина принадлежитъ къ роду боговъ*, получаетъ посредствомъ женитьбы право на небесный престолъ; *его жены и дѣти составляютъ царство его* не только на землѣ, но и на небѣ». «Бракъ обязателенъ, потому что порознь ни мужчина, ни женщина не могутъ исполнить воли Бога, ибо каждое человѣческое существо обязано приготовить обиталище изъ плоти для ожидающихъ рожденія на свѣтъ безсмертныхъ духовъ». Многоженство, возвѣщенное откровеніемъ свыше и вошедшее въ законную силу съ 17 августа 1852 года, основывается на примѣрѣ Авраама и другихъ святыхъ ветхаго завѣта. Не имѣть много женъ значитъ не быть хорошимъ человѣкомъ, значитъ никогда не достичь виднаго мѣста въ мормонской іерархіи. У главы мормоновъ Юнга было двѣнадцать женъ, раздѣлявшихъ его ложе, кромѣ множества женщинъ, носившихъ только одно почетное названіе супругъ пророка. У апостоловъ отъ 3 до 7 женъ у каждаго. Бракъ раздѣляется на *временный*, заключаемый только на время земной жизни супруговъ, и *вѣчный*, имѣющій продолжаться и за гробомъ. Кромѣ того, существуетъ еще особенный, фиктивный бракъ живыхъ съ мертвыми. Чѣмъ святѣе мужъ, тѣмъ болѣе шансовъ для его женъ насладиться величайшими удовольствіями загробнаго блаженства. И вотъ фанатичныхъ женщинъ сластолюбивые мормоны соблазняютъ выйти за какого-нибудь умершаго святого

ихъ церкви, а сами вступаютъ въ роль земныхъ представителей покойнаго. Отвергнувъ моногамію, мормоны отвергли и существующія при ней запретительныя правила относительно брака между ближайшими родственниками, и здѣсь можно видѣть у одного мужа трехъ женъ — мать, дочь и внучку. Многоженство отразилось здѣсь на женщинахъ, какъ и вездѣ; онѣ во всѣхъ своихъ пріемахъ и движеніяхъ необыкновенно тихи, застѣнчивы, вялы, утомлены. Въ семейной жизни ни одна женщина не властвуетъ, ни одна не является полной хозяйкой. Когда вы сидите у мужа,—разсказываетъ Диксонъ,—то женъ приводятъ въ гостиную точь-въ-точь, какъ у насъ дѣтей; онѣ появятся на минуту, подадутъ руку и затѣмъ исчезнутъ, какъ будто чувствуя себя не на своемъ мѣстѣ между людьми. Большинство ихъ тяготится своимъ рабскимъ положеніемъ.

Мы совѣтовали бы вамъ, господа противники эманципаціи, распространять мормонство и хлопотать о возстановленіи въ Европѣ полигаміи,—для вашихъ рабовладѣльческихъ замысловъ и наклонностей это было бы несравненно полезнѣе всѣхъ вашихъ подвиговъ и инсинуацій, посредствомъ которыхъ вы думаете остановить развитіе женскаго вопроса!

Множество сектъ, новыхъ по происхожденію, но старыхъ по своимъ дуалистическимъ вѣрованіямъ, отвергаютъ бракъ и вообще удовлетвореніе половыхъ потребностей, хотя нѣкоторые изъ этихъ сектантовъ и признаютъ полное равенство обоихъ половъ. Сюда же нужно отнести и тѣ реформатскія секты, которыя хотя и не придерживаются аскетизма, но ведутъ такую ригористическую жизнь, такъ проникнуты чистѣйшими патріархальными началами, что ихъ общины надолго еще останутся внѣ эманципаціонныхъ вліяній современной жизни. Таковы, напр., многія колоніи гернгутеровъ.

Но упомянутыя нами явленія составляютъ лишь незначительную часть реакціонныхъ движеній противъ женской эманципаціи. Женское дѣло связано тѣснѣйшими узами со всѣми важнѣйшими соціальными вопросами, и изъ этого ты можешь понять, читательница, сколько у тебя противниковъ; изъ какихъ самыхъ разнородныхъ элементовъ состоитъ ихъ лагерь. Взгляни на диспозицію этой арміи и измѣрь ея силы.

Вотъ авангардъ... Бритыя макушки головъ, оригинальные костюмы католическаго духовенства, кардинальскія шапки и роскошная тіара святѣйшаго отца, заклятія и увѣщанія, кадильный дымъ, «ребро Адамово», неодобрительное поведеніе Евы, хвалы безбрачію, анаѳемы всѣмъ составляющимъ, исполняющимъ и уважающимъ законы о разводѣ и гражданскомъ бракѣ. Въ хвостѣ колонны идетъ нѣкій старецъ изъ предѣловъ россійскихъ и велегласно воспѣваетъ: «что есть жена? святымъ облажница, покоище змѣино, діаволь увѣтъ, безъ увѣта болѣзнь, спасаемымъ соблазнъ, безъисцѣльная злоба, купница бѣсовская, гостиница жидовская!»

Важно и медленно движется вторая колонна,—тяжелая артиллерія статутовъ, уложеній, сводовъ и кодексовъ. Стражи ветхихъ законовъ, жрецы престарѣлой Ѳемиды шествуютъ съ безстрастною серьезностью и только въ концѣ колонны какой-то россіянинъ горячится и кричитъ звычнымъ голосомъ: «ну, бабье ли это дѣло? розгачами ихъ!..»

Безъ фрунта, безъ порядка, въ допотопныхъ фракахъ и съ огромными фоліантами выступаютъ люди древніе, беззубые, плѣшивые, кривые и глухіе—то старая гвардія европейской науки. Что они шамкаютъ другъ другу своими старческими губами—разобрать невозможно. Идущая за ними молодая гвардія живѣе и разнообразнѣе; юристы, естественники, политико-экономы, историки—всѣ готовы задушить или одурманить новую женщину искусными софизмами и цитатами на всѣхъ языкахъ земного шара. Въ хвостѣ идетъ нѣсколько ученыхъ россіянъ, которые открыли способъ отдѣлываться отъ жаждущихъ знанія женщинъ, способъ, состоящій въ литературной инсинуаціи и въ томъ, чтобы елико-возможно болѣе усыпать свои лекціи непристойными шутками и сальными разсказами.

Далѣе волнуется пестрая толпа обывателей всѣхъ странъ,—англійскіе лорды, русскіе цѣловальники, французскіе банкиры, нѣмецкіе колбасники, ханжествующія барыни, Фамусовы и Скалозубы, Чичиковы и Ноздревы, Аѳанасьи Ивановичи и Пульхеріи Ивановны, Кирсановы и герои Островскаго. Титъ Титычъ Брусковъ замыкаетъ шествіе, угрожаетъ всѣмъ бабамъ превратить ихъ физіономіи въ чортовы перечницы.

Колонна жрецовъ любви и сладкой нѣги,—поэтовъ, нувеллистовъ, живописцевъ, музыкантовъ, воспѣвавшихъ любовь, пожалуй даже допускающихъ свободу чувства, но отвергающихъ свободу женщины. Хоръ пѣсенниковъ подъ дирекціей Всеволода Крестовскаго поетъ: «для любви одной природа насъ на свѣтъ произвела»... Позади ѣдутъ коляски съ камеліями, содержанками и гуляющими барынями; въ одной изъ нихъ Авдотья Никитична Кукшина съ компаніей пьетъ шампанское и кричитъ во все горло: vive l'amour! vive l'emancipation de la femme! И въ ея пустой головенкѣ нѣтъ даже и мысли о томъ, что при «emancipation» она должна будетъ трудиться, а въ ея бумажномъ сердцѣ не найдется и капли сочувствія къ труженицамъ женскаго дѣла и къ унылой, задавленной, многострадальной матери народа, положеніе которой требуетъ гораздо большихъ и скорѣйшихъ заботъ, чѣмъ положеніе барынь въ родѣ Кукшиной...

Какъ же дѣйствуетъ эта армія? Въ нашемъ любезномъ отечествѣ она дѣйствуетъ преимущественно страхомъ и сплетней. Наши консерваторы видятъ въ женскомъ дѣлѣ прежде всего попытку разорвать всѣ узы, налагаемыя закономъ, религіей и обычаемъ на половую страсть, и водворить въ современномъ обществѣ нравы Содома и Гоморры. Во всѣхъ выходящихъ изъ обыденной рамки дѣйствіяхъ женщины эти господа чуютъ клубничный букетецъ и вопіютъ о страшномъ распространеніи

разврата. Такихъ людей не мало на Западѣ, но особенно много у насъ въ Россіи, гдѣ въ крестовомъ походѣ противъ женщинъ новаго направленія соединились всѣ отжившія литературныя силы съ Аскоченскимъ въ хвостѣ. Писемскій, Стебницкій, Авенаріусъ стяжали себѣ неувядаемую славу, изобразивъ мнимую развращенность эманципированныхъ женщинъ такими красками, что при чтеніи ихъ романовъ у любителей клубники начинается нервная дрожь удовольствія и сладострастное слюнотеченіе. Возможность этихъ безсовѣстныхъ пасквилей объясняется прежде всего запросомъ извѣстной публики на скабрезныя книженки, нашимъ общественнымъ скудомыслiемъ, суевѣрною боязнью какихъ-то призраковъ и еще слѣдующими двумя обстоятельствами. И въ Европѣ, и въ Россіи всегда много было людей, вся жизнь которыхъ проходила въ служеніи Венерѣ. До распространенія идей о женской эманципаціи они развратничали втихомолку, прикидываясь передъ обществомъ Лукреціями и Іосифами. Нравственныя, общественныя и религіозныя понятія, въ которыхъ они воспитывались, расходились совершенно съ ихъ жизнію. Но вотъ появились признаки эманципаціи; упомянутые шалопаи ухватились за эти новыя идеи; не понявъ и исказивъ ихъ, они начали прикрывать модною формою ихъ свои грѣшки. Авдотья Никитична Кукшина со своей мужской компаніей развернулась во всю ивановскую, и пошелъ пиръ горой. «Развратъ, развратъ одинъ эта эманципація», затвердили доморощенные философы, и въ доказательство своей мысли приводили женщинъ кукшинскаго типа, приплетая тутъ же женщинъ, не имѣющихъ съ Авдотьей Никитичной ничего общаго, кромѣ нѣкоторыхъ чисто наружныхъ признаковъ,—дѣвушекъ, посѣщающихъ лекціи и анатомическій театръ, не носящихъ длинныхъ волосъ и кринолина, или осмѣлившихся полюбить чистою любовью, презирающею всѣ нелѣпые предразсудки; къ этой же кучѣ причисляясь и жены, разошедшіяся со своими негодными мужьями, и вообще всѣ женщины, чѣмъ-нибудь рѣзко возвышавшіяся надъ уровнемъ тѣхъ жалкихъ, забитыхъ рабынь, которыя однѣ только и могутъ удовлетворять рабовладѣльческіе, глуповскіе вкусы сикофантовъ и подъячихъ нашей литературы. Подъ вліяніемъ упомянутыхъ пасквилей на женщинъ новаго направленія общественное мнѣніе до того вооружилось противъ нихъ, что ихъ чуть-чуть не таскали въ чижовку за неношеніе кринолина, а нѣкоторые не прочь были надѣлить ихъ *желтыми билетами*... Но и на этомъ не остановились. Противники женскаго дѣла, воспользовавшись нѣкоторыми довольно сомнительными случаями, обвинили всѣхъ новыхъ женщинъ въ нигилизмѣ, а открывъ связь женскаго вопроса съ коммунизмомъ и соціализмомъ, провозгласили, что русскіе толки объ эманципаціи клонятся къ общности женъ и имуществъ и къ уничтоженію семейства. Мы видѣли, что на Западѣ, особенно въ средніе вѣка и въ эпоху классической цивилизаціи революціонные мыслители доходили иногда до этихъ утопій; но то были крайнія увлеченія, неизбѣжныя во всякомъ какъ соціальномъ, такъ и нравственномъ переворотѣ. Не за Платономъ или Кампанеллой, не за Бриссо-де-Варвиль или «библейскими коммунистами» Америки идутъ современные эманципаторы, и, какъ мы уже видѣли, разрушеніе семейства и водвореніе общности женъ производятъ не они, а совершенно враждебныя имъ начала. Утопическихъ стремленій, столь мало ходячихъ на Западѣ, вовсе не проявлялось у насъ. Самыя крайнія тенденціи, заявленныя въ нашей литературѣ относительно женскаго дѣла, принадлежатъ покойной г-жѣ Милль. Сочиненіе Милль. и вслѣдъ за нею и лучшія изъ русскихъ сочиненій по этому предмету требовали, во имя справедливости, *ради блага, общества, семьи и брачнаго союза* семейной и общественной равноправности половъ, открытія женщинамъ доступа къ солидному образованію и ко всѣмъ профессіямъ мужчинъ. Они толковали не объ уничтоженіи брака и семьи, а о внесеніи въ нихъ большей гармоніи и лучшихъ условій развитія. Той части публики, которая не далеко еще ушла отъ гоголевскаго Петрушки, извинительно, конечно, видѣть въ тенденціяхъ эманципаторовъ à la Милль поползновенія къ коммунизму и къ нелѣпой общности женъ, но чѣмъ могутъ быть извинены учители упомянутыхъ Петрушекъ, эти рыцари литературной ночи, ударившіе ложную тревогу и наускивавшіе недалекихъ обывателей на послѣдовательницъ г-жи Милль? Понятно, что *эти* надзиратели литературнаго благоустройства дѣйствовали не безъ задней мысли и сами не вѣрили въ опасность, по поводу которой били въ набатъ. Честно служа своему дѣлу, они должны были вести противъ враждебнаго имъ лагеря литературно-научную борьбу, дѣйствуя критикой, а не инсинуаціей. Если же это не ихъ ума дѣло, то обратились бы къ иностраннымъ литераторамъ, въ которыхъ нашли бы серьезныя сочиненія авторовъ, вполнѣ солидарныхъ съ ними по своимъ воззрѣніямъ. Книга Мишле «О любви», отдѣлъ о семействѣ прудоновскаго сочиненія «De la Justice», «Die Familie» Риля доставили бы имъ значительныя пособія. Но они не хотѣли пользоваться ими потому, что всѣ ихъ теоріи и аргументы тотчасъ были бы разбиты—такъ шатки они, а между тѣмъ выбранное упомянутыми сочинителями орудіе дѣйствовало успѣшнѣе всякой критики, потому что само оно вовсе не подлежитъ критикѣ...

Упомянутыя сочиненія Мишле, Прудона и Риля свидѣтельствуютъ, какъ сильна европейская реакція женскому дѣлу и какъ мало приготовлены мужчины къ неминуемому освобожденію женщинъ, если ужъ геніальнѣйшій и честнѣйшій изъ современныхъ мыслителей, Прудонъ, и даровитѣйшій изъ этнографовъ, Риль, братски лобзаются съ Титъ Титычемъ Брусковымъ, пропагандируя идеи «Домостроя», а талантливѣйшій и благороднѣйшій историкъ, Мишле, городитъ такую ерунду, которая подстать только волокитѣ-юнкеру, посвящающему все свободное

отъ казарменной науки время ухаживанью за прекраснымъ поломъ. Всѣ эти глубокомысленныя творенія такъ солидарны съ реакціонными взглядами толпы, что мы избавлены отъ необходимости разсматривать ихъ отдѣльно отъ послѣднихъ. Они дѣти одного отца—эгоизма мужчины; они пополняютъ и объясняютъ другъ друга. Необходимо замѣтить при этомъ, что всѣ новѣйшіе противники эманципаціи не говорятъ ничего новаго сравнительно съ древнѣйшими врагами женщины. Въ то время, какъ женскій вопросъ постепенно и прогрессивно развивался, а стремленія женщины къ свободѣ усиливались, раціонализировались, измѣнялись къ лучшему, консервативно рабовладѣльческія тенденціи мужчинъ въ теченіе долгихъ тысячелѣтій оставались однѣ и тѣ же, будучи неспособными къ прогрессивному развитію вслѣдствіе своей радикальной фальшивости. Убѣжденія и стремленія эманципированной женщины современной Европы и Америки совершенно другія, чѣмъ убѣжденія и стремленія китаянки, желающей тоже своего рода эманципаціи; между тѣмъ, убѣжденія и тенденціи враговъ женскаго дѣла совершенно одинаковы, принадлежатъ ли эти враги древнему Востоку или новѣйшей Европѣ. Сколько найдется мужчинъ, которые думаютъ о женщинѣ не только одинаково съ Конфуціемъ, Ману, Іеронимомъ, но даже хуже ихъ! Сколько знаменитыхъ ученыхъ совершенно согласны съ ними! Потье, напр., изложивъ рабовладѣльческое ученіе Конфуція о женщинѣ, восклицаетъ: «эти слова великаго китайскаго философа достаточно опровергаютъ обвиненіе его въ томъ, что будто бы онъ увѣковѣчилъ унизительное положеніе женщины, и въ то же время доказываютъ несостоятельность новѣйшаго ученія объ эманципаціи женщины, несвойственной истинной природѣ ея». Древняя китайская писательница Панъ-Хоэ-Панъ совѣтуетъ женщинамъ: «если бы вы были дѣйствительно учены, то притворяйтесь невѣждами и говорите о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ, потому что ученость въ женщинѣ не нравится, да и тщеславіе человѣческое не можетъ выносить чужого тщеславія, оскорбляющаго его». Одинъ изъ толантливѣйшихъ современныхъ писателей, Мишле, говоритъ женщинѣ то же самое: «если вы дѣйствительно обладаете высокимъ умомъ, то притворяйтесь глуповатою и неразвитою, потому что самолюбіе мужчины не можетъ выносить здраваго и солиднаго сужденія въ женщинѣ». Тотъ же Мишле, принижаясь еще до болѣе грубыхъ и первобытныхъ понятій, предлагаетъ, чтобы «*мужья* (въ случаѣ своей смерти) *завѣщали своихъ женъ кому-либо изъ друзей своихъ*»; это, дескать, будетъ «иллюзіей продолженія перваго брака въ интересахъ самой женщины!..» Подобныхъ параллелей можно привести множество. И хотя противники женскаго дѣла постепенно отступаютъ отъ прежнихъ своихъ рабовладѣльческихъ мнѣній, но ихъ уступки вынужденныя; а за этими уступками таится все та же рабовладѣльческая тенденція, которою одержимы были противники эманципаціи въ продолженіе всей исторіи и которую наиболѣе искренніе изъ нихъ поддерживаютъ и въ настоящее время совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ она является во времена глубокой древности.

«Соціальное неравенство—пишетъ Риль—есть законъ природы. Если бы человѣкъ былъ существомъ безполымъ, если бы не было мужчины и женщины, то можно было бы мечтать, что люди призваны къ свободѣ и равенству. Но сотворивъ мужчину и женщину, Господь Богъ положилъ основнымъ условіемъ всякаго человѣческаго развитія неравенство и зависимость... Это основное и въ буквальномъ смыслѣ органическое раздѣленіе рода человѣческаго на два различныхъ пола не только сохраняется, но даже постепенно и непрерывно развивается съ ходомъ цивилизаціи. На низшихъ ступеняхъ общественной жизни характеристическія черты мужчины и женщины еще не обнаруживаются въ своихъ полныхъ и опредѣленныхъ очертаніяхъ; но чѣмъ дальше развивается народъ, тѣмъ больше обрисовываются половыя отличія, тѣмъ болѣе женщина удаляется отъ мужчины по чертамъ физіономіи, по размѣрамъ тѣла, по силѣ мускуловъ и здоровости нервовъ, по тону голоса, платью, роду занятій, по степени умственнаго развитія». Мы уже видѣли, что все это совершенно справедливо и что причиною этого явленія служитъ особенное положеніе женщины во все продолженіе исторіи, а вовсе не ея прирожденные недостатки или естественныя качества. Подавленная рабствомъ и деспотизмомъ, правомъ и суевѣріемъ, женщина воспитывалась и содержалась такъ, что половая функція развилась въ ней на счетъ всѣхъ другихъ. Въ связи съ половою противоположностью Риль ставитъ и соціальное неравенство, какъ законъ природы. Но исторія доказываетъ, что общественное неравенство не есть категорія природы, а только историческая категорія; къ такого же рода категоріямъ относятся и всѣ отличія мужчины отъ женщины, кромѣ пола. Въ исторіи каждаго народа есть періоды, въ продолженіе которыхъ однородная и цѣлостная сначала народная масса постепенно разлагается на разныя сословія, взаимныя отличія и противоположности которыхъ постепенно усиливаются. Въ дикомъ или патріархальномъ племени родоначальникъ, его приближенные и остальные родичи ничѣмъ рѣзко не отличаются другъ отъ друга; у нихъ все одинаково—и пищъ, и размѣры тѣла, и платье, и родъ занятій, и физическая сила, и умственныя способности. Но слѣдите дальше за исторіей этого народа, и послѣ возникновенія кастъ или сословій, послѣ того, какъ это раздѣленіе народной массы окончательно совершится и выяснится, вы увидите картину, совершенно противоположную первой. Типическими чертами физіономіи, среднимъ размѣромъ и формами тѣла, цвѣтомъ волосъ и кожи, характеромъ мыслей и чувствъ, родомъ занятій и платьемъ, правами и обычаями—всѣмъ эти два клас-

са отличаются другъ отъ друга и часто съ такою же рѣзкостью, какъ два разныхъ народа. Но вѣдь этимъ дѣло не оканчивается, и у одного народа очень рано въ его исторіи, у другого позже начинается движеніе совершенно противоположнаго характера. Рабство падаетъ; народная жизнь подтачиваетъ и разрушаетъ перегородки кастальныхъ разграниченій, разнообразныя монополіи высшихъ классовъ уничтожаются и исторія идетъ твердыми, хотя медленными шагами къ водворенію первобытной формы только съ измѣненнымъ цивилизаціей содержаніемъ. Въ этомъ, а не въ кастальности заключается естественный законъ общественнаго развитія вообще и взаимныхъ отношеній половъ въ частности. Этотъ поворотъ давно уже начался, какъ мы видѣли, и въ исторіи женщинъ, которыя начинаютъ понимать, что упомянутая противоположность есть основаніе ихъ рабства, а постепенное развитіе ея было результатомъ постепеннаго порабощенія женщины.

До сихъ поръ единственнымъ назначеніемъ женщины считались обязанности жены и матери; всѣ дороги къ иной дѣятельности, кромѣ супружеской и семейной, были заперты для нея; красота и половыя отправленія остались у нея единственными орудіями къ соціальной борьбѣ за существованіе; продажею своего тѣла проститутка добываетъ себѣ кусокъ хлѣба и спасается отъ голодной смерти; огромное большинство женщинъ, лишенныхъ всякой возможности жить самостоятельно, вынуждено ловить жениховъ и отдаваться имъ на всю жизнь ради того же куска хлѣба; всѣ соціальныя отношенія устроены такъ, что превращаютъ *любовь женщины въ средство для ея существованія*. Въ продолженіе тысячелѣтій женщину воспитывали на утѣху мужчины и, подавляя въ ней всякую умственную самодѣятельность, улучшали ея породу только въ одномъ половомъ отношеніи. На усовершенствованіе красоты и любовнаго искусства былъ обращенъ до сихъ поръ почти весь умъ женщины. Этими средствами она удерживалась отъ окончательнаго общественнаго униженія; ими поднималась она по временамъ и, будучи рабыней, все-таки владычествовала надъ мужчиною. Обобщая въ своемъ умѣ эти факты, обращая особенное вниманіе на кокетство и другіе пороки, порожденные такимъ положеніемъ, и въ то же время чувствуя всю выгодность этихъ условій для себя, противники женскаго дѣла говорятъ, что «женщина создана для любви». Всѣхъ откровеннѣе и рѣзче высказался въ этомъ отношеніи Прудонъ. «У женщины—пишетъ онъ—нѣтъ иной наклонности, иной способности, кромѣ любви... У звѣрей самка ищетъ самца и подаетъ ему знакъ; надо сознаться, что то же самое мы видимъ и въ женщинѣ въ ея естественномъ состояніи, въ которомъ застаетъ ее общество. Вся разница между нею и другими самками состоитъ въ томъ, что время любви у нея не прерывается, а иногда продолжается всю жизнь. Она кокетка, — не все ли сказано этимъ словомъ? И не лучшее ли средство понравиться ей, снять съ нея трудъ объясненія. — такъ глубоко сознаетъ она свою похотливость!.. Посмотрите на женщинъ Востока и всѣхъ странъ полуцивилизованныхъ или варварскихъ; вспомните исторію Сарры, Ревекки, Руѳи. Виргаліи и всѣхъ этихъ пригожихъ самокъ (gentes femelles), которыя ложатся, только что взглянетъ на нихъ мужчина; перечитайте, наконецъ, учителей первыхъ вѣковъ нашей эры, и вы поймете побудительную причину отверженія, такъ долго тяготѣвшаго надъ женскимъ поломъ... А отчего, независимо отъ причинъ экономическихъ и политическихъ, проституція несравненно значительнѣе у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ; отчего въ общей жизни народовъ многоженство встрѣчается такъ часто, а многомужество такъ рѣдко? Оттого, что естественное назначеніе женщины прежде всего дѣторожденіе, и она всѣми силами существа своего стремится къ этой единственной цѣли». Мало того, что женщина всецѣло предана грубой, чувственной любви, она и въ самой то этой любви ведетъ себя, по мнѣнію Прудона, какъ нельзя хуже. «Распущенность характера лучше всего видна въ любви женщинъ. Говорятъ, что по какому-то инстинкту самки животныхъ преимущественно выбираютъ старыхъ самцовъ, самыхъ злыхъ и безобразныхъ: женщина, слѣдуя своему влеченію, ведетъ себя также. Мы уже не говоримъ о внѣшнихъ качествахъ, въ выборѣ которыхъ женщины обнаруживаютъ самую странную причудливость; посмотримъ, что предпочитается ими въ качествахъ нравственныхъ. Женщина всегда предпочтетъ хорошенькаго манекена, сладенькаго любезника человѣку честному. Женщина— это сокрушеніе человѣка справедливаго. Какой-нибудь волокита, негодяй можетъ всего добиться отъ нея. Преступленіе, совершенное для нея, трогаетъ ее въ высшей степени; и, наоборотъ, у нея не найдется ничего, кромѣ презрѣнія, къ человѣку, способному любовь свою принести въ жертву совѣсти. Это Венера, изъ всѣхъ боговъ избирающая Вулкана, хромоногаго, запылившаго жиромъ, покрытаго грязью, а потомъ утѣшающаяся съ Марсомъ или съ Адонисомъ.

Мы увѣрены, что опроверженіе этихъ нелѣпостей совершенно излишне, и читательница можетъ сама обнаружить всю ихъ внутреннюю пустоту, основываясь на данныхъ, изложенныхъ въ нашихъ предыдущихъ статьяхъ; она уже знаетъ, что многоженство коренится въ скотской похотливости мужчинъ и отчасти въ экономическихъ условіяхъ, а вовсе не въ чувственности женщинъ. Проституція свирѣпствуетъ между женщинами въ силу той же нищеты, необезпеченности, отверженности и нравственной неразвитости, которыя порождаютъ столько пороковъ и преступленій въ средѣ пролетаріевъ. Проститутки ненавидятъ свою жизнь,—гдѣ же тутъ удовлетвореніе чувственности, и кто изъ двухъ развратнѣе, мужчина ли, покупающій женщину, или женщина, отдающаяся ему съ отвращеніемъ? А кто соблазняетъ, кто насилуетъ—женщины мужчинъ, или наоборотъ? А кто разбойнически захватываетъ себѣ дражайшую половину, кто умыкаетъ, кто продаетъ «товаръ»

для брака,—не мужчины ли? Въ своемъ рвеніи доказать грубую развращенность женщинъ Прудонъ совершенно зарапортовывается и приписываетъ женской чувственности то обстоятельство, что «многоженство встрѣчается такъ часто, а многомужество такъ рѣдко». Не трудно понять, кто чувственнѣе, мужчина ли, имѣющій много женъ, или женщина, дѣлящая ложе своего мужа съ десятками, съ сотнями другихъ женъ! Если бы перевѣсъ одной изъ этихъ брачныхъ формъ зависѣлъ отъ степени похотливости котораго-нибудь изъ половъ (что несправедливо), и если бы при этомъ, какъ увѣряетъ Прудонъ, женщина была бы чувственнѣе мужчины, то многомужество всюду преобладало бы надъ многоженствомъ. Нельзя не согласиться, конечно, что громадное большинство женщинъ кокетки, что главную цѣль своей жизни онѣ видятъ на постели... Но кто же виноватъ въ этомъ? Не сами ли мужчины тверднтъ постоянно, что женщина создана для любви; не заставляютъ ли ее впитывать въ себя это чувство съ молокомъ матери; что такое женское образованіе, какъ не кокетство на разныя манеры; не осуждена ли на неудовольствія со стороны родныхъ, на насмѣшки, отверженность, часто на совершенную безпомощность та дѣвушка, которая не сумѣла поймать себѣ жениха? Но и при всемъ томъ, что женщину развращаютъ систематически, число развратныхъ женщинъ всегда было несравненно менѣе развратныхъ мужчинъ. Мужчины даже оградили свой развратъ законами; въ древности и въ средніе вѣка государство строило публичные дома, чтобы дать имъ возможность, кромѣ наслажденія женинымъ ложемъ, позабавиться и другими женщинами. Въ продолженіе всей извѣстной намъ исторіи человѣчества рѣдкій мужчина женился что называется *невинными*, и рѣдкій не требовалъ невинности отъ своей невѣсты; Миніе хвалитъ современныхъ матерей за то, что онѣ «желаютъ, чтобы дочь ихъ вошла подъ кровлю мужа чистой и дѣвственной, даже *ничего не знающей*, если можно, и чтобы мужъ былъ счастливъ, встрѣчая въ ней такую дѣвочку. И это удивляетъ его,—*онъ зналъ только павшихъ женщинъ*,—удивляетъ до того, что онъ подозрѣваетъ ее въ лицемѣріи». Не окажись невѣста невинною,—ее ожидаютъ упреки, бранъ, презрѣніе, нерѣдко побои и истязанія, а въ прежніе вѣка ее побивали даже каменьями. Между тѣмъ требующій невинности мужъ не только самъ давно потерялъ ее, но нерѣдко похитилъ нѣсколько дѣвичьихъ невинностей, пожалуй, даже близокъ къ импотенціи, вслѣдствіе истощенія развратомъ,—всѣ знаютъ это, и никто не укоритъ его. Во имя чего же онъ требуетъ невинности отъ невѣсты,—вѣдь не во имя же добродѣтели! Такой развратникъ требуетъ этой невинности въ силу той же наклонности къ наслажденію дѣвственностью, которая такъ часто заставляетъ подобныхъ людей покупать себѣ дѣвственность... Кто тутъ развратнѣе, женихъ или невѣста? Далѣе, блудъ и прелюбодѣяніе, совершаемое мужчиною, считаются вполнѣ извинительными шалостями, даже подвигами или, во всякомъ разѣ, удовлетвореніемъ «естественной потребности»; но тѣ же акты, совершенные женщиной, считаются преступленіями, пороками, покрываютъ ее безчестіемъ и позоромъ. Не развратнѣе ли тотъ полъ, который узаконилъ развратъ за собою, сдѣлалъ его своимъ правомъ! Защитники status quo доказываютъ обыкновенно раціональность упомянутой несправедливости тѣмъ соображеніемъ, что жена, невѣрная мужу, рискуетъ ввести въ его семейство своего незаконнаго ребенка и поэтому, дескать, должна быть наказана за свой преступокъ строже невѣрнаго мужа. Сколько скудоумія и низости въ этомъ столь ходячемъ измышленіи! И здѣсь, какъ и вездѣ, берутся во вниманіе только интересы семьи мужа, а не интересы женщины, любовницы невѣрнаго мужа. Вѣдь онъ тоже вводитъ своего ребенка въ чужое семейство, наказывайте же его за это; мало того, онъ сплошь и рядомъ любится съ одинокой, безпомощной дѣвушкой и, сдѣлавъ ее матерью, подвергаетъ ужаснымъ несчастіямъ не только ее, но и своего незаконнаго ребенка. Такимъ образомъ, приведенное выше возрѣніе есть не что иное, какъ софизмъ, созданный эгоизмомъ мужчины.

Ужели же, спросите вы, читательница, такой даровитый и честный мыслитель, какъ Прудонъ, не видитъ въ исторіи женщинъ ничего, кромѣ «самокъ», ужели онъ не знаетъ многочисленныхъ примѣровъ того, какъ женщины отрекались отъ своихъ половыхъ инстинктовъ, какъ онѣ старались выбраться на поле общественной дѣятельности, дѣйствуя въ качествѣ жрицъ, филантропокъ, государынь, писательницъ, художницъ и т. д. Конечно, Прудонъ и ему подобные враги женщины знаютъ все это, но они видятъ въ упомянутыхъ примѣрахъ только доказательство умственной женской слабости, только доказательство того, что внѣ своей природной сферы — любви женщина не годится никуда.

«Женщина отъ природы дура», говоритъ Жоржъ Зандъ, выражая этою фразою одно изъ главныхъ правилъ того катехизиса, по которому учились всѣ противники женскаго дѣла. Женщина, изволите ли видѣть, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни въ общественно-политическихъ дѣлахъ не создавала никогда и не можетъ создать ничего новаго, самостоятельнаго, геніальнаго; она можетъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ только помогать и подражать мужчинѣ. Но мы уже видѣли, что въ разные періоды исторіи и во всѣхъ сферахъ жизни женщины дѣйствовали не только наравнѣ съ мужчинами, но сплошь и рядомъ превосходили ихъ въ искусствѣ государственнаго управленія, въ дѣлахъ филантропіи, въ наукѣ, въ литературѣ. Способность ихъ ко всѣмъ родамъ общественной дѣятельности давно уже доказана исторіей. Что же касается геніальности, то если бы женская природа и вовсе была лишена ея, и въ такомъ случаѣ глупо было бы устранять женщину на этомъ основаніи отъ какой-нибудь почтмейстерской или адвокатской должности. Но дѣло еще въ томъ, что отсутствіе геніальной самостоятельности и подражательный характеръ женской дѣятельности въ наукѣ и въ искусствахъ кладутъ вину не на тупость женской при-

роды, а на дурацкое воспитаніе женщины въ продолженіе долгихъ тысячелѣтій. Въ ней развивали только чувствительность да физическую красоту и обезсиливали ея умъ, удаляя его отъ всякой серьезной дѣятельности; ей не даютъ никакого солиднаго образованія, связываютъ ее по рукамъ и по ногамъ, и потомъ недостатками, развившимися вслѣдствіе такой системы, доказываютъ ея умственную низкость. «Скопы—говоритъ Даніель Стернъ—вырывали глаза своимъ рабамъ, чтобы они не развлекались, сбивая масло; есть люди, которые выкалываютъ глаза соловью, чтобы онъ лучше пѣлъ. Не подобный ли же умыселъ лежитъ въ основѣ женскаго воспитанія? Повидимому, боятся, что если не ослѣплять ихъ ума, то онѣ будутъ менѣе хорошими хозяйками и менѣе пріятными болтушями». Риль справедливо замѣчаетъ, что женщины-литераторы своею подражательностью очень походятъ на русскихъ писателей, которые, не создавая ничего самобытнаго, слѣдуютъ литературнымъ образцамъ и научнымъ идеямъ Запада. Въ томъ и въ другомъ случаѣ виноваты не природные недостатки, а отсутствіе солиднаго образованія, младенческая неразвитость ума, разныя преграды, положенныя вѣками и препятствующія свободному развитію способностей. Какой-нибудь русскій литераторъ, въ родѣ Бѣлинскаго или Добролюбова, принужденъ истощать всѣ свои силы не на открытіе новыхъ истинъ, а на усвоеніе и распространеніе идей, уже выработанныхъ опередившей насъ Европой. Да и это ему не удается. Такъ и женщина. Уже не говоря о томъ, что на пріобрѣтеніе однихъ и тѣхъ же знаній, одинаковой степени навыка въ дѣлахъ извѣстной профессіи, женщина, вслѣдствіе разныхъ, независящихъ отъ нея обстоятельствъ, должна потратить гораздо больше, чѣмъ мужчина, и силъ, и времени,—она должна прежде всего силою своего ума и характера проложить себѣ дорогу къ желанной профессіи, преодолѣвая злоумышленно устроеныя ей препятствія, подвергаясь глумленію умственной черни, семейнымъ непріятностямъ, проискамъ мужчинъ, напуганныхъ женской конкуренціей, и т. д. Нужно удивляться не тому, что на аренѣ наукъ и искусствъ вовсе нѣтъ геніальныхъ женщинъ, а тому, какъ успѣваютъ пробраться на нее цѣлыми тѣ даровитыя и достойныя всякаго уваженія женщины, первыми представительницами которыхъ въ Россіи служатъ г-жи Суслова и Кашеварова.

Упорство мужчинъ, съ которымъ они стараются доказать умственную низкость женскаго пола, напоминаетъ собою то презрѣніе, какое питали римляне къ своимъ рабамъ изъ европейскихъ варваровъ; вѣдь весь цивилизованный міръ считалъ тогда аксіомой, что природа лишила варваровъ всѣхъ качествъ ума, необходимыхъ для самостоятельной жизни, и осудила ихъ на вѣчное рабство. Эта теорія держалась долго, не смотря на то, что постоянно опровергалась фактами, не смотря на многочисленныхъ рабовъ, не только равнявшихся съ римлянами своимъ умственнымъ развитіемъ, но даже воспитывавшихъ и учившихъ цѣлыя поколѣнія барченковъ, которые съ молодыхъ ногтей начинали уже презирать отверженную породу своихъ наставниковъ. Прошли сотни лѣтъ, и презрѣнная раса дала міру Шекеспировъ, Ньютоновъ, Гетелей, Дарвиновъ. И мы увѣрены, что такая же эпоха настанетъ и для отверженной нынѣ женской породы.

Но, говорятъ противники женскаго дѣла, вся исторія доказываетъ, что женщина служитъ воплощеніемъ охранительнаго начала; она сохраняетъ и народныя вѣрованія, и древніе обычаи, и старинные костюмы и національныя пѣсни. Большинство женщинъ не стремится къ эманципаціи и вполнѣ довольствуется своею судьбою; самыя лучшія женщины, въ родѣ Сталь, Рахели Фарнгагенъ фонъ-Энзе, Авроры Дюдеванъ (Ж. Санда), вовсе не считаютъ нужною и раціональною ту эманципацію, о которой хлопочутъ адвокаты женскаго дѣла. «Когда въ 1848 г. г-жѣ Дюдеванъ была предложена кандидатура во французскомъ національномъ собраніи, то съ естественнымъ тактомъ женщины знаменитая поэтесса отвергла эту *безсмысленную выдумку мужчинъ*». (Riehl). А теперь въ Англіи, въ Америкѣ, во Франціи за эту «выдумку мужчинъ» стоятъ цѣлыя толпы женщинъ, трактуя о ней на бурныхъ митингахъ и осаждая нетиціями правительство! Что же касается большинства женщинъ, не заинтересованныхъ вовсе этими вопросами, то справедливое мнѣніе объ этомъ мы можемъ составить лишь тогда, *когда, познакомивъ обстоятельно этихъ женщинъ съ упомянутыми вопросами*, мы спросимъ ихъ мнѣнія о нихъ. Настоящее положеніе женщинъ очень схоже въ этомъ отношеніи съ моральнымъ состояніемъ восточныхъ народовъ, изнывающихъ подъ игомъ безобразной тиранніи, и въ то же время не только не завидующихъ самостоятельныхъ притязаній на лучшую участь, но даже готовыхъ, въ яростномъ припадкѣ своего рабскаго ослѣпленія, растерзать каждаго желающаго имъ добра реформатора. Вспомнимъ разсказъ Чуди, какъ одинъ создатъ билъ свою жену на площади Лимы; стоявшій по близости мулатъ вступился за нее; но она кинулась на своего освободителя и исцарапала ему лицо, восклицая: «не за чѣмъ тебѣ мѣшаться въ мои дѣла, я принадлежу своему мужу, и онъ дѣлаетъ со мною, что хочетъ!» Подобныхъ женщинъ можно встрѣтить нерѣдко. Большинство ихъ не сознаетъ всей тяжести своего рабства, всей глубины своего униженія, потому что всѣ онѣ воспитаны въ тѣхъ понятіяхъ, что сама природа осудила ихъ на подчиненіе мужчинамъ. Мальчики, которые растутъ вмѣстѣ съ ними, съ молокомъ всасываютъ убѣжденіе, что безъ всякихъ заслугъ съ своей стороны, по одному только тому, что родились мужчинами, они выше каждаго существа женскаго пола; доктрина подчиненія, такимъ образомъ, начинаетъ вбиваться въ голову дѣвушки еще въ дѣтской, и ее проповѣдуютъ не только взрослые, но даже и мальчуганы, только-что надѣвшіе свои первые штанишки. При своей неразвитости, нравственной испорченности, нелѣпомъ воспитаніи многія женщины, особенно изъ высшихъ классовъ, даже дорожатъ своей золотой

неволей и готовы загнать до смерти каждую эманципированную сестру свою, потому что эманципація нарушаетъ покой этихъ откормленныхъ и отупѣвшихъ барынь, потому что она призываетъ ихъ къ труду и налагаетъ на нихъ обязанности. Вѣдь освобожденіе женщины есть не только дѣло ея интереса, но и дѣло ея чести, совѣсти; она стремится къ свободѣ и самостоятельности не потому только, что онѣ необходимы для улучшенія ея судьбы, но и потому, что рабство унизительно, а житье на чужой счетъ постыдно для нея. Когда солидное образованіе и нравственное развитіе проникнутъ въ массу женщинъ, тогда, конечно, мало найдется между ними такихъ уродовъ, которые бы стали лобызать свои цѣпи и проклинать своихъ освободителей. Нужно также замѣтить, что мнѣніе о пассивной покорности женщинъ и ихъ всегдашней консервативности должно быть принимаемо съ большими ограниченіями. Не смотря на то, что большинство женщинъ не требуетъ освобожденія, потому что ничего не знаетъ о немъ или же считаетъ ее утопіей, женщины всетаки во всѣ времена и у всѣхъ народовъ хорошо чувствовали тяжесть своего положенія и *никогда вполнѣ не мирились съ нимъ*. Въ первобытныхъ лѣсахъ, въ хижинахъ самыхъ грубыхъ дикарей, въ шатрахъ патріархалонъ, въ гаремахъ Востока, въ гинекеяхъ Эллады и Рима, въ замкахъ феодаловъ, въ домахъ бюргеровъ и крестьянъ, во дворцахъ и въ землянкахъ—всегда и вездѣ, черезъ всю исторію идетъ борьба женщины съ мужчиной; эти семейные раздоры, этотъ домашній адъ, эти измѣны, отравы, мужеубійства, бѣгства съ любовниками, разводы и супружескіе процессы, поджоги родительскаго или мужниного дома, наконецъ, эти самоубійства—показываютъ на исконную древность и нескончаемость упомянутой борьбы. Въ тѣ періоды исторіи, когда эта борьба озарялась свѣтомъ знанія и дѣлалась борьбою за сознанное право, женщины совершенно теряли свой характеръ узкой консервативности и дѣлались ревностными служительницами прогресса, какъ, напр., въ XVIII в. или въ настоящее время, послѣ 1848 г. Консервативность женщины есть такой же результатъ ея порабощенія, какъ слабость ея ума, нервовъ и мускуловъ. Консервативны не одни женщины, но и цѣлые народы, изолированные отъ всѣхъ вліяній мірового прогресса и живущіе только одними традиціями своихъ предковъ. Удаленная отъ разнообразныхъ вліяній, дѣйствующихъ на мужчину и постепенно измѣняющихъ его характеръ и убѣжденія, проникнутая исключительною атмосферой семейства, женщина всѣмъ сердцемъ привязывается къ своимъ богамъ, своимъ традиціоннымъ вѣрованіямъ, своимъ праотческимъ обычаямъ. Какой-нибудь переворотъ въ общественной жизни совершается мужчиною, помимо ея воли, безъ ея участія; она не понимаетъ этого переворота, не привыкла къ его новизнамъ и потому не сразу подчиняется ему, поклоняясь своимъ старымъ божествамъ, распѣвая старинныя пѣсни, слѣдуя прадѣдовскимъ обычаямъ.

Физическая слабость женщины служитъ однимъ изъ главныхъ аргументовъ противниковъ женскаго дѣла. По расчету Прудона, физическая сила мужчины относится къ женской силѣ, какъ 3 къ 2; слѣдовательно, производительность и воля мужчины должны превышать производительность и волю женщины, какъ 3 : 2; т.-е. при равномъ числѣ мужчины должны управлять женщинами, какъ это мы видимъ въ акціонерныхъ обществахъ, гдѣ дѣла рѣшаются большинствомъ акцій, а не большинствомъ голосовъ; таковъ законъ политическій. «При всѣхъ возможныхъ условіяхъ воспитанія, развитія, инціативы, мужчина долженъ господствовать, а женщина повиноваться. Dura lex, sed lex!» *)

Сколько можно сказать противъ этого!

Во-первыхъ, приведенное вычисленіе Прудона чисто гипотетическое, и болѣе точное вычисленіе объ относительной силѣ мужчины и женщины пока невозможно. При этомъ нужно замѣтить, что упомянутое исчисленіе должно основываться на данныхъ, взятыхъ изъ жизни низшихъ классовъ общества и нецивилизованныхъ народовъ, такъ какъ здѣсь женщина работаетъ наравнѣ съ мужчиной и посредствомъ труда развиваетъ свои силы до ихъ естественныхъ размѣровъ. И есть данныя, дозволяющія предполагать, что при одинаковости труда физическая сила мужчинъ и женщинъ почти одинакова. Сколько этнографія и исторія представляютъ примѣровъ того, какъ отдѣльныя женщины и цѣлые женскіе отряды несли наравнѣ съ мужчинами всѣ труды и лишенія войны, бились и умирали на ряду съ лучшими солдатами. У дикарей, принявшихся за земледѣліе, оно ведется исключительно женщинами. Въ Англіи, по изслѣдованіямъ комиссіи, назначенной въ 1868 г. для изученія женскаго и дѣтскаго труда, оказалось, что физическая сила женщинъ почти одинакова съ мужскою, по крайнѣй мѣрѣ крестьянки работаютъ нисколько не меньше, не медленнѣе и не безуспѣшнѣе крестьянъ. Женщины, напр., постоянно таскаютъ здѣсь по лѣстницамъ въ житницы мѣшки вѣсомъ отъ 112 до 126 фунтовъ. «По общему мнѣнію и сознанію ихъ труды благодѣтельно дѣйствуютъ на здоровье». Во многихъ крестьянскихъ обществахъ Германіи женщина, повидимому, также равняется мужчинѣ и по росту, и по силѣ; между крестьянками здѣсь можно встрѣтить настоящихъ гренадеровъ, замѣчаетъ Риль. Нама крестьянка работаетъ нисколько не меньше, а во многихъ мѣстахъ даже больше мужчины; никто не укоритъ ее въ физическомъ безсиліи,—

> Въ игрѣ ее конный не словитъ,
> Въ бѣдѣ не сробѣетъ,—спасетъ,
> Коня на скаку остановитъ,
> Въ горящую избу войдетъ!

По нашимъ цивилизованнымъ барынямъ, получившимъ отъ своихъ родительницъ всѣ слабости и недостатки женской породы, «прирученной и воздѣланной» эгоизмомъ мужчинъ,—по нимъ вовсе нельзя судить о силѣ женщины. Барыня искалѣчена убійственнымъ воспитаніемъ, корсетами, ничегонедѣланьемъ; ей трудно даже поднять уро-

*) «Жестокій законъ, но все-таки законъ!»

ненный на полъ платокъ, и требуется для этого услуга лакействующаго любезника, и если бы ее бросить въ крестьянскую жизнь, то она не въ силахъ была бы даже бить тѣхъ вшей, которыми награждается баба за ея труды и лишенія. Цивилизованную женщину необходимо перевоспитать не только умственно, но и физически, и гимнастика въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ должна быть введена во всѣ женскія учебныя заведенія. Только уравнявъ воспитаніе и жизнь половъ, мы можемъ судить объ ихъ относительной силѣ.

Но предположимъ, что женская организація дѣйствительно менѣе сильна, чѣмъ мужская, слѣдуетъ ли отсюда, что мужчина долженъ владычествовать надъ своею подругою и владычествовать на основаніи права сильнаго? «Таковъ законъ политическій», говоритъ Прудонъ; онъ таковъ, это извѣстно каждому, но таковъ ли онъ долженъ быть, не свидѣтельствуетъ ли исторія объ его постепенномъ вытѣсненіи другими, совершенно противоположными ему началами! Вѣдь сила мускуловъ все болѣе и болѣе замѣняется силою машины, усовершенствованіе орудій и оружія быстро уравновѣшиваютъ силы разныхъ индивидуумовъ, и недалеко то время, когда слабосильный человѣкъ будетъ въ состояніи производить столько же, сколько и богатырь. За мужчиной тогда останется одно только право кулака! Да и теперь, если женщина производитъ меньше мужчины въ промышленности, то она вознаграждаетъ свой дефицитъ воспитаніемъ дѣтей и святыми муками рожденія, отнимающими у нея не мало силы. Она терпитъ больше мужчины и имѣетъ полное право пользоваться наравнѣ съ нимъ всѣми выгодами общественной жизни. Обыкновенно возражаютъ, что, требуя себѣ всѣхъ правъ мужчины, женщины должны принять на себя и всѣ обязанности его, а въ числѣ ихъ находится обязанность солдата (и палача, прибавимъ мы отъ себя), которой женщина исполнять не можетъ, а слѣдовательно, не можетъ и требовать себѣ всѣхъ правъ. Допускаемъ, что женщина не можетъ быть солдатомъ, особенно при существовавшихъ у насъ шпицрутенахъ или при линькахъ, не уничтоженныхъ до сихъ поръ даже на англійскомъ флотѣ,—не можетъ не только по трудности военной службы которую нерѣдко несла она и несетъ до сихъ поръ, въ Дагомеѣ, напр., сколько по своей натурѣ, менѣе испорченной въ этомъ отношеніи и менѣе привыкшей къ рѣзнѣ, чѣмъ натура мужчины. Миссія женщины есть миссія мира, а не войны и разрушенія, и нужно желать, чтобы, по своемъ освобожденіи, она оставалась въ сторонѣ отъ всѣхъ вліяній войны и при своей полноправности содѣйствовала бы умиротворенію земли, которую мужчины упитывали и упитываютъ человѣческою кровью. Но и при существованіи войнъ, избавленіе женщинъ отъ военной службы, при ихъ совершенной полноправности, вовсе не будетъ несправедливой привилегіей; вѣдь мужчинъ, оказавшихся по своимъ физическимъ недостаткамъ неспособными къ военной службѣ, не лишаютъ же за это правъ, и никто не считаетъ этого несправедливостью.

«Женщина—существо больное», говорятъ вмѣстѣ съ Мишле противники женскаго дѣла. Причисляя физіологическое отправленіе менструаціи къ періодически-болѣзненнымъ припадкамъ, возвышая продолжительность ихъ до 8 сутокъ въ мѣсяцъ, утверждая, что въ это время женщина находится въ такомъ положеніи, что ей положительно невозможно заниматься какой-нибудь работой, они насчитываютъ такимъ образомъ 96 сутокъ въ году, въ которые сама природа будто бы удерживаетъ ее отъ труда. Относя затѣмъ къ такимъ же временамъ необходимаго бездѣлья для женщины 9 мѣсяцевъ ея беременности, 40 дней для возстановленія силъ послѣ родовъ, 12 мѣсяцевъ на кормленіе ребенка грудью,—эти господа хотятъ убѣдить своими расчетами, что женщину сама природа удерживаетъ отъ всякой другой дѣятельности, кромѣ чисто половой. «Устраивайте, какъ хотите,—говоритъ Прудонъ,—отношенія половъ, вы все-таки придете къ убѣжденію, что женщина, своею органическою слабостью и своимъ *интереснымъ положеніемъ*, въ которое она не замедлитъ попасть, лишь было бы на то желаніе мужчины, неизбѣжно и справедливо должна быть исключена изъ всякаго управленія политическаго, административнаго, ученаго и промышленнаго». Если же она не можетъ трудиться сама, то несправедливо было бы поручать ей управленіе трудомъ другихъ; «если мужчина остается единственнымъ производителемъ, то какъ можетъ онъ подчиниться контролю и управленію женщины; какимъ образомъ существо, не работающее, живущее трудомъ другого, будетъ управлять трудомъ въ теченіе своихъ постоянныхъ родовъ и беременностей?» А какимъ образомъ крестьянка, поденщица, фабричная работница «въ теченіе своихъ постоянныхъ трудовъ и беременностей» трудится до кроваваго пота нисколько не въ ущербъ для своего здоровья, трудится не только не меньше, но часто даже больше мужчины? Если роды, беременности и менструаціи очень не долго мѣшаютъ женщинѣ жать, косить, ходить за скотомъ и т. д., то еще менѣе они могутъ помѣшать ей быть адвокатомъ, профессоромъ, членомъ парламента, учителемъ. И въ настоящее время въ Европѣ и Америкѣ десятки тысячъ женщинъ служатъ медиками, профессорами, наставницами, телеграфистками, всѣ онѣ исполняютъ свою работу не хуже мужчинъ, и въ прессѣ, насколько намъ извѣстно, не было даже попытокъ доказать, что ихъ общественныя занятія вредно вліяютъ на ихъ семейныя дѣла. Далѣе, есть множество женщинъ безплодныхъ въ замужествѣ, безсемейныхъ вдовъ, женъ, разошедшихся съ мужьями, одинокихъ дѣвушекъ; къ нимъ разбираемые доводы не шли бы и въ томъ случаѣ, если бы они были справедливы. Кромѣ того, много женщинъ выходитъ замужъ и дѣлается матерями единственно потому, что имъ закрытъ доступъ ко всякой общественной дѣятельности и онѣ могутъ обезпечить себя только бракомъ. «Ни необходимость, ни справедливость—

говоритъ г-жа Милль—не оправдываютъ требованія, чтобы женщина была или матерью, или ничѣмъ; или, если она однажды была матерью, то не должна быть ничѣмъ другимъ во все остальное время своей жизни. Ни для женщинъ, ни для мужчинъ не нужно закона, который бы отстранялъ отъ какого-либо занятія, если они взялись въ то же время за другое занятіе, несовмѣстное съ первымъ. Никто еще не предлагалъ устранить мужчинъ изъ парламента потому, что мужчина можетъ быть солдатомъ или морякомъ въ дѣйствительной службѣ, или купцомъ, дѣла котораго требуютъ всего его времени и всей его энергіи. Девять десятыхъ изъ числа всѣхъ мужескихъ занятій устраняютъ мужчинъ de facto изъ публичной жизни столь же дѣйствительно, какъ если бы ихъ устранялъ законъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что нужно составить законъ, который исключалъ бы даже эти $^{9}/_{10}$, не говоря уже объ остальной $^{1}/_{10}$. Это примѣняется равнымъ образомъ и къ женщинамъ, и къ мужчинамъ. Не для чего предписывать закономъ, чтобы женщина, занимаясь веденіемъ домашняго хозяйства или воспитаніемъ дѣтей, не смѣла въ то же время заниматься никакою профессіей или не могла быть выбрана въ парламентъ. Если занятія дѣйствительно несовмѣстны, она и безъ того выберетъ одно изъ нихъ, но не большая ли несправедливость, ради несовмѣстности какихъ-нибудь занятій, отстранять отъ нихъ тѣхъ, для которыхъ она не существуетъ!» Да, современная безправность женскаго пола въ высшей степени несправедлива относительно громаднаго и постепенно возрастающаго множества женщинъ безсемейныхъ, одинокихъ и тѣхъ матерей, на рукахъ которыхъ лежитъ содержаніе ихъ семействъ. Но предполагаютъ, что царованіе женщинамъ всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ должно подѣйствовать на многихъ изъ нихъ такъ увлекательно, что онѣ, ради новыхъ своихъ занятій, будутъ пренебрегать своими материнскими обязанностями, подобно тому, какъ аристократки, предаваясь свѣтской жизни, и знать не хотятъ о своихъ семействахъ. Конечно, такое увлеченіе возможно, но лишь для нѣкоторыхъ, а не для всѣхъ, предполагать послѣднее крайне глупо—и что же, развѣ безъ эманципаціи женщинъ множество ихъ не пренебрегаетъ своими семейными обязанностями, принося ихъ въ жертву свѣту, разгулу или свинской лѣни. Между тѣмъ, при равноправности и хорошемъ воспитаніи эти же самыя женщины должны были бы трудиться если не для семейства, то для общества. Нужно еще замѣтить, что современное понятіе о родительскихъ обязанностяхъ крайне несовершенно. Всѣ предписываютъ женщинѣ исполненіе ея *материнскихъ* обязанностей и проходятъ молчаніемъ *отцовскія* обязанности мужчины; по справедливости онъ также долженъ воспитывать дѣтей, ухаживать за ними, наблюдать за ихъ развитіемъ, какъ и мать. И нерѣдко можно встрѣтить такихъ образцовыхъ отцовъ, которые, при всѣхъ своихъ общественныхъ занятіяхъ, находятъ не мало времени и для воспитанія своихъ дѣтей, хотя большинство мужчинъ всегда уклоняется отъ этого отцовскаго долга. Въ развитомъ семействѣ будущаго мужчина, конечно, лишится такой привилегіи и будетъ раздѣлять съ матерью труды воспитанія дѣтей. Наконецъ, трактуя объ эманципаціи женщинъ, никогда не должно забывать, что полное, окончательное рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ будущему, хотя женская равноправность можетъ утвердиться въ жизни и при современныхъ условіяхъ. Воспитаніе же дѣтей все болѣе и болѣе начинаетъ получать характеръ общественный. Будучи одной изъ самыхъ трудныхъ профессій, оно требуетъ отъ воспитателей спеціальныхъ знаній и спеціальной опытности; оно требуетъ такихъ средствъ и издержекъ, которыя для большинства семействъ даже и немыслимы. Поэтому образованіе юношества давно уже перенесено изъ семьи въ публичную школу, а воспитаніе дѣтей въ достаточныхъ классахъ передано гувернерамъ и гувернанткамъ. Никто не споритъ, что современные гувернеры и гувернантки, въ большинствѣ случаевъ, никуда негодны, но настанетъ время, что ихъ замѣнятъ вполнѣ годные воспитатели-спеціалисты и гувернерство организуется такъ, что будетъ доступно каждому семейству, подобно школѣ. Уже и въ настоящее время значительная доля первоначальнаго воспитанія дѣтей начинаетъ поручаться такъ называемымъ «дѣтскимъ садамъ»... Что же касается мнѣнія о невозможности и вредности общественныхъ занятій для женщины во время ея менструаціи, беременности и послѣ родовъ, то очень компетентные въ этихъ дѣлахъ люди доказываютъ, что трудъ и разнообразіе занятій очень благотворно дѣйствуютъ на женщину и при ихъ беременности и *помогаютъ ей надлежащимъ образомъ выполнять ея материнское назначеніе—производить здоровыхъ и хорошихъ дѣтей*. Порода горожанъ постепенно мельчаетъ, страдаетъ слабостью нервовъ и мускуловъ и другими недостатками, изъ которыхъ очень многіе унаслѣдованы отъ больныхъ и чахлыхъ родительницъ, болѣзнь и чахлость которыхъ считаются обыкновенно естественными свойствами женщины, но въ сущности развиты въ нихъ ихъ праздною, бездѣльною жизнью въ узкой сферѣ, опредѣленной для нихъ вѣковыми традиціями. Извѣстный авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, Андрью Комбъ, въ своей «Physiologie applied to Health and Education» говоритъ, что «недѣятельность ума и чувства весьма часто служитъ причиною разныхъ формъ нервныхъ болѣзней. Чтобы убѣдиться въ этомъ съ очевидностью, стоитъ только посмотрѣть на многочисленныя жертвы этихъ болѣзней въ среднихъ и высшихъ классахъ,—на женщинъ, которыя вовсе не занимаются пріобрѣтеніемъ средствъ для своего существованія и не имѣютъ никакихъ предметовъ, которые бы интересовали ихъ и на которыхъ онѣ могли бы упражнять свои умственныя способности; вслѣдствіе этого онѣ впадаютъ въ состояніе умственной лѣности и нервной слабости, не только лишающихъ ихъ многихъ наслажденій, но и подвергающихъ ихъ, при малѣйшей причинѣ, и духов-

нымъ, и тѣлеснымъ страданіямъ... Онѣ тратятъ буквально ни на что половину той нервной силы, которою природа одарила ихъ для лучшихъ цѣлей... Подверженность ихъ меланхоліи, истерикѣ, ипохондріи и разнымъ другимъ душевнымъ болѣзнямъ зависитъ отъ того состоянія бездѣятельности, въ какомъ находится ихъ мозгъ». Въ частности о вліяніи труда на беременность говоритъ французскій врачъ Руссель въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Système physique et morale de la femme». «Самки животныхъ и женщины, не искаженныя нѣгой, обыкновенно не больны во время плодоношенія. Беременность служитъ болѣзнью лишь для тѣхъ женщинъ, обезсиленнымъ органамъ которыхъ тягостно каждое отправленіе, лишь для тѣхъ хрупкихъ и нѣжныхъ созданій, для которыхъ и каждое пищевареніе есть краткая болѣзнь. Всѣ прочія достигаютъ обыкновенно предѣла беременности, не чувствуя никакой хворости, кромѣ тягости, неизбѣжной при этомъ состояніи». Женщины простонародья во время своей беременности «извлекаютъ для себя большую пользу изъ труда, къ которому обязываетъ ихъ общественное положеніе; онѣ находятъ въ нихъ потребное и необходимое упражненіе, отстраняемое отъ себя по ложнымъ соображеніямъ женщинами богатыми, ибо осторожность запрещаетъ во время беременности одни только чрезмѣрныя усилія. Одно изъ великихъ благъ труда состоитъ въ томъ, что онъ спасаетъ насъ отъ господства страстей, которыя зрѣютъ и кипятъ въ спокойствіи и праздности. Смущая жизненныя отправленія вообще, они не менѣе пагубны и для того отправленія, которое служитъ для сохраненія рода. Въ нихъ причина большей части случающихся выкидышей: оттого-то эти случаи болѣе обыкновенны тамъ, гдѣ окружающее общество или положеніе въ немъ женщины способствуютъ сильной игрѣ страстей. Выкидыши въ сельскомъ населеніи происходятъ почти всегда отъ чрезмѣрныхъ усилій или паденій и рѣдко вслѣдствіе нравственныхъ причинъ. Животныя, будучи еще болѣе охраняемы отъ этого вліянія, выкидываютъ лишь вслѣдствіе насилій человѣка».

«Положимъ, — говорятъ противники женскаго дѣла, — что беременность и материнскія обязанности не могутъ быть основаніемъ политической безправности женщинъ; но допущеніе ихъ до всѣхъ родовъ общественной дѣятельности неминуемо должно огрубить ихъ натуру и лишить ихъ благотворно дѣйствующей на мужчинъ женственности». «Счастье женщинъ — говоритъ Кабани — всегда будетъ зависѣть отъ впечатлѣнія, производимаго ими на мужчинъ, и едва ли тотъ, кто ихъ дѣйствительно любитъ, будетъ особенно доволенъ при видѣ ихъ маршрирующими съ ружьемъ въ рукахъ, или поучающими съ высоты каѳедры, а тѣмъ болѣе съ трибуны, на которой обсуживаются интересы цѣлаго народа». Даже теперь люди, смотрящіе на женщину, какъ на сладостный сосудъ любви, изъ котораго мужчина можетъ упиваться наслажденіемъ, какъ на утѣху жизни человѣческой, какъ на какую-то реторту, предназначенную исключительно для приготовленія людей, сторонятся отъ женщинъ, занятыхъ сколько-нибудь серьезными предметами, позоря ихъ названіемъ *синихъ чулокъ* и восклицая съ поэтомъ—

> Избави Богъ сойтись на балѣ,
> Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ
> Съ семинаристомъ въ желтой шали,
> Иль съ академикомъ въ чепцѣ!

И не ужасно ли, въ самомъ дѣлѣ, будетъ, если женщина потеряетъ граціозную шаловливость кокетки, наивность и сентиментальность институтки, если, занятая серьезно какимъ-нибудь дѣломъ, она не будетъ искать развлеченія въ томъ, чтобы находиться въ положеніи крѣпости, обложенной войскомъ поклонниковъ и обстрѣливаемой ихъ любезностями, въ томъ, чтобы съ честью выдержать эту осаду или, если осаждающіе милы для ея тряпичнаго сердца, сдаться имъ и потомъ, смотря по обстоятельствамъ, или вѣрно служить своему побѣдителю и владыкѣ, или ловить новыхъ обожателей и затѣмъ самой попадаться въ новыя сѣти. Что будетъ тогда съ вами, маленькіе рыцари свѣтской жизни, съ вами, двадцатилѣтніе импотенты, съ вами, мышиные жеребчики! Вѣдь пріятная штука имѣть въ женѣ или любовницѣ существо ангельски-незлобное, скромное и покорное, дѣтски-наивное, не понимающее жизни, не сознающее своихъ человѣческихъ достоинствъ и обязанностей, слитое съ существомъ мужчины и исчезающее въ немъ. Слабый умъ въ слабомъ тѣлѣ,—вотъ существенный смыслъ женственности, о которой мы говоримъ. Да погибнетъ такая женственность! Она искусственно развита въ женщинахъ рабствомъ ихъ, да погибнетъ же она вмѣстѣ съ этимъ рабствомъ! Умъ, чувство, воля женщины разнятся отъ ума, чувства и воли мужчины только вслѣдствіе историческихъ и соціальныхъ вліяній; эманципація женщинъ должна уравнять ихъ съ мужскими и превратить въ единые для обоихъ половъ; женщина будетъ добрымъ, честнымъ, умнымъ, сильнымъ волею *человѣкомъ*, всѣ существующія половыя отличія превратятся въ общечеловѣческое единство и ограничатся только поломъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, что есть теперь хорошаго у каждаго пола въ отдѣльности, то сдѣлается тогда общимъ ихъ достояніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ любовь и брачныя отношенія неминуемо перейдутъ въ новую, высшую форму своего развитія. Любовь до сихъ поръ почти исключительно основывалась на сочетаніи противоположностей — мужественности и женственности, силы и слабости, властительности и преданности, мужского ума и женскаго чувства; она пополняетъ недостатки мужчины достоинствами женщины, и наоборотъ. Такія отношенія могутъ существовать только при порабощеніи женщины, по освобожденіи которой и по достиженіи ею равенства съ мужчиной любовь будетъ уже не взаимнымъ пополненіемъ недостатковъ, а союзомъ достоинствъ, не сочетаніемъ противоположностей, не допускающихъ равенства, а единеніемъ равной красоты, равнаго ума, равнаго чувства, по возможности одинаковыхъ достоинствъ и убѣжденій.

Тогда, и только тогда любовь соединится со взаимнымъ уваженіемъ свободныхъ и равныхъ супруговъ и не будетъ уже страстью чисто животною.

Но, пожалуй, нѣкоторые поборники женственности укорятъ насъ въ извращеніи смысла этого слова и скажутъ, что они опасаются не исчезновенія женскихъ слабостей, а огрубѣнія женскаго чувства, доброты, сострадательности, безкорыстія, зараженія женщинъ тѣми страстями и пороками, которые такъ часто обезображиваетъ нравственный характеръ дѣловыхъ мужчинъ; эманципація, скажутъ они, ослабивъ семейныя узы, ограничивъ семейную дѣятельность женщины, должна отнять значительную долю силы изъ ея любви къ мужу и къ дѣтямъ, а соперничество, интриги, дѣловыя столкновенія, исполненіе какихъ-нибудь грубыхъ обязанностей, напр., полицейскихъ, превратятъ женщину въ честолюбку, въ существо, преслѣдующее только свои личныя цѣли, сдѣлаютъ ее равнодушною къ горю и къ счастію людей, и она будетъ относиться къ явленіямъ жизни—

> Какъ дьякъ, въ приказѣ посѣдѣлый,
> Добру и злу внимая равнодушно,
> Не вѣдая ни радости, ни гнѣва.

Дѣйствительно, всеобщая конкуренція силъ и способностей, ожесточенная борьба за существованіе, интриги и попираніе ногами человѣческой личности идутъ черезъ весь строй соціальной жизни и дѣйствуютъ пагубно на человѣка. Но вѣдь дѣло въ томъ, что, съ другой стороны, и люди дѣйствуютъ на смягченіе упомянутыхъ отношеній, а женщины, допущенныя во всѣ сферы общественной жизни, непремѣнно во многомъ облагородятъ ее. Далѣе, борьба индивидуальныхъ интересовъ и пожираніе людьми другъ друга постепенно ведутъ къ миру, къ уравновѣшенію эгоизмовъ, къ водворенію солидарности; допущеніе же къ общественной дѣятельности устраненной теперь отъ нея цѣлой половины человѣческаго рода необходимо должно ускорить тѣ соціальныя реформы, которыя будутъ основами мира. Съ другой стороны, женщины и теперь нисколько не избавлены отъ вліянія на нихъ грязи жизни не только семейной, но и общественной. Онѣ за кулисами публичной арены являются помощницами своихъ мужей, отцовъ, братьевъ, любовниковъ; сплошь и рядомъ общественные дѣятели, какъ высшаго, такъ и самаго низшаго разбора, являются только орудіями женщинъ, подстрекающихъ ихъ на дѣло, участвующихъ въ ихъ подвигѣ, наслаждающихся ихъ успѣхами и страдающими отъ ихъ неудачъ. Развѣ все это не очерствляетъ сердца женщины, не превращаетъ ее въ эгоистку, интриганку и т. д... Того же самаго результата достигаетъ ея семейная обстановка, столкновенія и борьба съ мужьями и родственниками, ловля женіховъ и любовниковъ, споры и ссоры за имущественные интересы, наконецъ, эти глуповскія междоусобицы семей и личностей, эта безконечная цѣпь сплетенъ и ссоръ, лжи и наушничества, эта остервенѣлая вражда обывателей между собою за свои грошовые интересы, которая наполняетъ собою всю жизнь неразвитыхъ обществъ и особенно русскихъ городовъ.—развѣ все это менѣе огрубляетъ натуру женщины, чѣмъ любая изъ общественныхъ профессій!.. Да и какое противорѣчіе самимъ себѣ вы обнаруживаете, милые защитники женственности. Отъ погибели, вслѣдствіе занятій, вы даже и не думаете предохранять крестьянокъ, изнывающихъ подъ тяжестью труда, фабричныхъ работницъ, поденщицъ, торговокъ, шатающихся по улицамъ городовъ съ утра до глубокой ночи, и вопіете о погибели женственности, коль скоро дѣло коснется дарованія правъ вашимъ женамъ и дочерямъ. Очевидно, что въ вашихъ измышленіяхъ говоритъ не теплое участіе къ женскому полу, а рабовладѣльческій расчетъ. Да и чему, какой это женственности грозитъ опасность огрубленія въ современномъ обществѣ, особенно французскомъ, гдѣ бракъ превратился въ чисто коммерческую сдѣлку, гдѣ силы женскаго ума уходятъ на безплодное кокетство, гдѣ супружеская измѣна подвигъ, а любовь—удовлетвореніе чувственности или дѣло расчета, гдѣ проституція заражаетъ собою все? Да покажите же эту, прославляемую вами, женственность въ высшихъ слояхъ европейскаго общества; мы не видимъ ея, если только она состоитъ въ чемъ-нибудь другомъ, а не въ слабости тѣла и ума, не въ нѣжности кожи, не въ болѣзненной раздражительности нервовъ, не въ кокетствѣ и салонной сентиментальности. Покажите эту женственность и въ низшихъ классахъ, гдѣ бракъ является скорѣе дѣломъ хозяйственнаго расчета, чѣмъ любви, гдѣ женщина сплошь и рядомъ унижена и забита до такой степени, что становится совершенно безчувственною къ своему положенію, гдѣ вы часто встрѣтите развратъ въ самыхъ циническихъ проявленіяхъ, гдѣ семейная жизнь порождаетъ столько убійствъ, отравленій, поджоговъ, гдѣ матери убиваютъ дѣтей, чтобы поживиться суммою, на которую была застрахована жизнь малютокъ, и т. д. Конечно, имѣютъ полное право возразить намъ, что мы указываемъ только на мрачную сторону народной жизни, оставляя безъ вниманія свѣтлыя черты ея; что въ аристократіи очень естественно женственность развилась до крайности, до такой Ueberweiblichkeit, по выраженію Риля, что пришла къ отрицанію самой себя, а въ низшихъ классахъ, подавленныхъ бѣдностью, не пользующихся плодами цивилизаціи, женственность находится еще въ зародышѣ, въ той едва замѣтной формѣ, въ которой она сливается еще съ формами свойствъ мужской натуры. «Не здѣсь, — скажутъ намъ,—а въ среднихъ классахъ вы найдете ту женственность, за которую мы стонмъ и которая дорога для мужчины, какъ животворный дождь и небесная роса для производительности земли». Мы совершенно согласны, что въ среднихъ классахъ болѣе всего достойныхъ уваженія женщинъ, что здѣсь бракъ и семья болѣе свободны, а любовь болѣе чиста и разумна, чѣмъ въ высшемъ сословіи. Но вѣдь здѣсь и болѣе образованныхъ женщинъ, вѣдь отсюда-то и выходятъ почти всѣ притязанія женщинъ на солидное образованіе и

на равноправность съ мужчинами; крестьянки и пролетаріатки не занимаются женскимъ вопросомъ, большинство ихъ не знаютъ даже и о самомъ существованіи его, а въ аристократической сферѣ эмансипаціей если и увлекаются, то увлекаются большею частію въ духѣ Жоржъ Занда. Слѣдовательно, женственность сама протягиваетъ руку эмансипаціи, нисколько не опасаясь мнимо-пагубныхъ вліяній ея. Да и чего опасаться? Столкновеніе съ дѣйствительною жизнію можетъ не столько огрубить, сколько укрѣпить, возвысить и наполнить новыми чувствами впечатлительную натуру женщины, чувствованія и мысли которой рѣдко теперь выходятъ за предѣлы своего дома и семейства. И отстаиваемое нами расширеніе сферы женской дѣятельности представляется необходимымъ не только для дальнѣйшаго прогресса человѣчества, но и для спасенія семьи, слѣдовательно и для спасенія общества, если только оно не желаетъ дойти до состоянія во сто кратъ худшаго, чѣмъ то, которое положило конецъ существованію древняго Рима. Въ высшихъ классахъ, какъ мы уже говорили, отъ семьи и брака остались только однѣ пустыя, безсодержательныя формы; въ низшихъ классахъ семейство и бракъ также постепенно разрушаются, проституція усиливается, дѣтоубійства увеличиваются. Вспомните при этомъ, что какъ обычаи и жизнь высшаго круга все больше и больше распространяются въ среднихъ классахъ, такъ жизнь и обычаи европейскаго пролетарія, вмѣстѣ со многими другими факторами, постепенно разрушаютъ патріархальную жизнь крестьянства и губятъ то, что, повидимому, такъ дорого для общества. А въ среднемъ классѣ между тѣмъ идетъ дѣло женской эмансипаціи, увлекая все болѣе и болѣе женщинъ какъ высшаго, такъ и низшаго сословій. И поклонники старины и защитники существующаго statu quo сознаютъ всю критичность такого положенія вещей, всю важность совершающагося переворота, но сваливаютъ всю вину на тѣхъ именно дѣятелей, программа которыхъ наиболѣе полезна и тенденціи которыхъ наименѣе разрушительны. Вмѣсто стараній приготовить потоку народной жизни надлежащее русло, мы видимъ усилія вовсе остановить его и принудить къ обратному теченію. Растерявшіеся консерваторы хотятъ искусственно внушить людямъ тѣ чувствованія, которыя или вымерли въ нихъ, или совершенно видоизмѣнились. Такія попытки мы видимъ во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности. Знаменитый дрезденскій живописецъ Людвигъ Рихтеръ во множествѣ своихъ картинъ старается выразить прелесть семейной жизни и воплотить тотъ старинный семейный духъ, котораго уже нѣтъ болѣе въ обществѣ. Беллетристъ Іеремія Готтхельфъ, подобно сомненному ему еврейскому пророку, горько плакавшему на развалинахъ Іерусалима, оплакиваетъ разрушенное святилище древне-нѣмецкаго семейства, самыми радужными красками рисуетъ его прелести и громитъ все, что содѣйствуетъ его паденію. Даже знаменитый этнографъ, Риль, не довольствуясь книжною пропагандою, взялся для воспитанія семейнаго чувства за музыку и, переложивъ на ноты много пѣсенъ нѣмецкихъ поэтовъ, издалъ ихъ подъ заглавіемъ Hausmusik — «Домашняя музыка». И не въ одной Германіи,—въ другихъ странахъ есть также свои Рихтеры, свои Готтхельфы, свои Риги. Чтобы понять ихъ растерянность въ виду совершающихся явленій и комичность ихъ затѣй, мы приведемъ здѣсь планы и стремленія Риля, имѣющіе цѣлью реставрацію старинной семьи, воспламенившіе негасающихъ семейныхъ чувствованій и охраненіе женщины отъ окончательной потери женственности. Кромѣ чисто литературной и музыкальной пропаганды, онъ не прочь прибѣгнуть къ мѣрамъ уголовнымъ и полицейскимъ; онъ не прочь, напр., эмансипированныхъ и неспокойныхъ дамъ посылать для «соціально-политическаго лѣченія» куда-нибудь въ родѣ Сибири. Онъ говоритъ, что женщина, дѣйствующая по своему естественному призванію въ семействѣ и для семейства, должна требовать не своего допущенія ко всѣмъ отраслямъ общественной дѣятельности, а «государственнаго признанія семьи», того, чтобы «государство въ дѣлахъ народнаго представительства и управленія обращало большее вниманіе, чѣмъ нынѣ, на громадную политическую силу семейства». Отвергая недавно предлагавшійся въ нѣкоторыхъ германскихъ парламентахъ законъ о налогѣ на безбрачіе, Риль совѣтуетъ, чтобы «при выборахъ обращали вниманіе не только на сословіе, имущество, занятія избирателей и избираемыхъ, но также и на то, холостяки ли они или отцы семействъ. Только отецъ семьи можетъ быть избирателемъ, а выбираемыми могутъ быть и холостяки, но только въ небольшомъ числѣ, такъ, чтобы въ палатѣ на двухъ отцовъ семействъ приходилось не болѣе одного холостяка». Цензъ онъ предлагаетъ вовсе уничтожить, такъ какъ при существованіи теоріи, доказывающей его рациональность, каждая женщина, живущая своимъ доходомъ, имѣетъ полное основаніе требовать права голоса наравнѣ съ мужчиной. Впрочемъ, онъ сознаетъ, что однѣхъ государственныхъ мѣръ тутъ недостаточно, а что нужна прежде всего апостольская ревность и дѣятельная пропаганда реставраціи семейства. Государство можетъ помогать только разгорѣться яркимъ пламенемъ тѣмъ искрамъ народнаго духа, которыя тлѣютъ еще подъ развалинами семейства. Онъ убѣждаетъ распространять по возможности кругъ семейства, включая въ него, по патріархальному, не только дальнихъ родственниковъ, но даже и прислугу; онъ проповѣдуетъ реставрацію всѣхъ старинныхъ семейныхъ обычаевъ, старинной архитектуры домовъ и горько оплакиваетъ исчезновеніе старинныхъ домашнихъ предразсудковъ и суевѣрій. «Высшая задача въ перестройкѣ наполовину уже разрушеннаго общества заключается въ возобновленіи семейныхъ обычаевъ. Даже женщинамъ открывается здѣсь поле политической дѣятельности. Вмѣсто того, чтобы фантазировать о новыхъ конституціяхъ, постараемся лучше водворить въ своихъ семействахъ дисцип-

лину и порядокъ, а потомъ уже будемъ политиками. Кто хочетъ изгнать чертей, тотъ долженъ очиститься самъ. Прежде всего мы должны очиститься въ собственномъ домѣ»... «Каждое семейство должно имѣть свою аристократическую гордость, быть своеобразнымъ. Поэтому, оно должно заботливо собирать и сохранять все, чѣмъ обрисовывается его особенный характеръ... Семейная хроника должна быть въ каждомъ домѣ, въ которомъ умѣютъ читать и писать». И подобными-то проповѣдническими разглагольствіями думаютъ остановить ходъ соціальной жизни, сознавая въ то же время если не непобѣдимую, то во всякомъ случаѣ громадную силу и многочисленность враждебныхъ имъ факторовъ, начиная съ теоріи индивидуальной свободы и оканчивая трактиромъ. Какъ остановить дѣйствіе этихъ факторовъ, разрушающихъ архаическую семью и патріархальныя отношенія — никто не говоритъ, а забавникъ Риль, во имя спасенія общества посредствомъ реставраціи семейства, совѣтуетъ только «послать къ чорту всю новѣйшую политическую экономію». И, нагородивъ въ своей пропагандирующей книжкѣ («Die Familie») такой ерунды, онъ предсказываетъ полное осуществленіе своихъ принциповъ въ XX столѣтіи. Дома, изволите ли видѣть, будутъ строиться тогда вполнѣ постаринному: въ домѣ будетъ жить все семейство,—дѣдушка, бабушка, отецъ, мать, сыновья, внуки и т. д.; прислуга снова войдетъ въ семейный кругъ; молиться будутъ всѣ вмѣстѣ и дома, и въ церкви; возстановятся во всей своей патріархальности семейные праздники, и общественность приметъ совершенно семейный характеръ. «Въ долгіе зимніе вечера будутъ заниматься домашнею музыкой, старою домашнею музыкой Гайдна, а въ особенно торжественные и священные дни— Себастіана Баха»... «Сидя у теплой печки», родственники и друзья ихъ будутъ забавляться надъ нашимъ вѣкомъ, надъ нашими стремленіями и теоріями, либералами и консерваторами, политической экономіей, педагогіей и т. д. «Авторитетъ и уваженіе къ нему» водворятся вполнѣ. «Законы о бракѣ будутъ гораздо строже, чѣмъ въ настоящее время».

Нѣтъ, господа, не вашимъ ртомъ ловить мышей, не вашего ума дѣло разсуждать о реформѣ семейныхъ институцій, о развитіи семейныхъ чувствованій! Поймите, что безъ истинной любви ни бракъ, ни семейство непрочны; а эта любовь убивается экономическою зависимостью, денежными расчетами, стѣсненіемъ свободы, неравенствомъ сторонъ, состоящихъ, повидимому, въ договорномъ союзѣ. Ужели вы не знаете, что чѣмъ свободнѣе и независимѣе чувство, тѣмъ оно глубже и сильнѣе. Любовь собаки къ хозяину или раба къ господину вовсе не то, что любовь развитой и свободной женщины къ избраннику ея сердца, но почти одно и то же съ любовью какой-нибудь китаянки или турчанки къ своему повелителю мужу. Рабская преданность и женственная покорность, абсолютность власти патріарха, возсѣдающаго у домашняго очага, нераздѣльность интересовъ всѣхъ членовъ семейства, поглощеніе семьей и въ особенности отцомъ ея всѣхъ подвластныхъ личностей,—всѣ эти pia desideria консерваторовъ возможны только на зарѣ народной исторіи, а гдѣ они остаются въ окаменѣломъ состояніи долѣе, тамъ вся народная жизнь останавливается въ своемъ теченіи и люди дѣлаются ходячими машинами, какъ, напр., въ Китаѣ. Совмѣстное существованіе развитой, прогрессивной общественной жизни и патріархальныхъ порядковъ положительно невозможно, равнымъ образомъ невозможно и возстановленіе послѣднихъ тамъ, гдѣ они уже разрушены. Это доказываетъ исторія. Послѣ паденія Рима и Греціи патріархальное семейство могло быть возстановлено на европейской почвѣ только полудикими германцами и турками, да и то не надолго; послѣ реформаціи оно было, но также лишь на короткое время, реставрировано подъ вліяніемъ буржуазіи, крестьянства и религіи; но буржуазія и крестьянство теперь сами выходятъ уже изъ сферы патріархальнаго міросозерцанія, а религія—это замѣчаютъ даже всѣ теологи и указываютъ, какъ на исполненіе евангельскихъ пророчествъ—религія болѣе и болѣе теряетъ власть надъ умами. Поэтому, реставрація патріархальной жизни возможна только въ томъ случаѣ, если Европу покорятъ какіе-нибудь монголы или киргизы, подобно германцамъ, покорившимъ Римскую имперію. Да, соціальный прогрессъ существовавшихъ до сихъ поръ обществъ состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что патріархальное общество, единицею котораго служитъ семья, всюду, гдѣ только жизнь идетъ прогрессивно, превращается въ новое общество, единицею котораго служитъ лицо. Сообразно съ этимъ переворотомъ измѣняются мысли и чувствованія. Рабъ семьи превращается въ гражданина. Кругъ соціальныхъ предметовъ, занимающихъ собою сердце и умъ, постепенно расширяется; на ряду съ семействомъ, сердце и умъ заняты общиной, націей, человѣчествомъ; узкій эгоизмъ патріархальности облагораживается. Чувство, отданное въ первобытной цивилизаціи исключительно семейству, необходимо должно раздѣлиться теперь между нѣсколькими объектами и потерять значительную долю силы, присущей ему въ его прежнемъ состояніи. Положимъ, что въ современномъ человѣкѣ ослабѣваютъ многія семейныя чувства, но вѣдь онъ не остается же бездушнымъ истуканомъ, вѣдь они замѣняются другими чувствами, болѣе прочными и болѣе просвѣтленными разумнымъ сознаніемъ. «Да оставитъ человѣкъ отца своего и мать свою и идетъ за мной», говорилъ Іисусъ, такъ какъ его ученіе не дозволяло вѣрующему отдаваться исключительно семейству. Въ новѣйшей жизни происходитъ подобное же движеніе. Семейство должно быть первоначальнымъ воспитательнымъ заведеніемъ человѣка для него самого и для общества. Любовь къ женщинѣ и другія семейныя чувствованія необходимо должны раздѣлить свое монопольное владычество надъ сердцемъ съ болѣе обширными чувствами общественными. Этотъ переворотъ еще не совершился, но окончательный исходъ его уже виденъ, и понятно, на чьей сторонѣ будетъ побѣда въ этой борьбѣ домаш-

няго очага съ общественнымъ форумомъ. Исходъ этой борьбы должна ускорить женская эмансипація, потому что изолированность женщины отъ общества служитъ одною изъ главныхъ преградъ воспитанію въ народахъ гражданскихъ чувствъ. Занятая исключительно мелкими интересами дома, не заинтересованная въ ходѣ общественной жизни, лишенная всякаго солиднаго образованія, женщина, при своемъ громадномъ вліяніи на мужа и дѣтей, задерживаетъ ходъ общественнаго развитія, и въ своемъ отупѣніи воспитываетъ дѣтей въ чувствахъ покорности злу и равнодушія къ пороку. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ, напр., въ рабствѣ или крѣпостномъ бытѣ, по словамъ поэта, для женщины,

Три тяжкія доли имѣла судьба,
И первая доля—съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая—быть матерью сына раба,
А третья—до гроба рабу покоряться,—

даже во всѣхъ подобныхъ положеніяхъ женщина оказываетъ немаловажное вліяніе на сохраненіе status quo. Она постоянно вовлекаетъ мужчину въ сферу своихъ ограниченныхъ и суетныхъ интересовъ, ослабляя, даже вовсе истребляя въ немъ любовь къ дѣятельности болѣе возвышенной и разумной, чѣмъ та, которой посвящаетъ себя женщина. При своей жалкой неразвитости и семейной исключительности она необходимо дѣлаетъ мужчину семейнымъ эгоистомъ. Пресловутое самооправданіе взяточниковъ—«жена... дѣти»... имѣетъ глубокое и обширное значеніе. «Какъ рѣдко—говоритъ г-жа Милль—вліяніе жены клонится къ поддержкѣ гражданскихъ добродѣтелей, какъ рѣдко возбуждаетъ въ ней что-нибудь, кромѣ неодобренія, каждый рѣшительный шагъ, отъ котораго можетъ пострадать частный интересъ или суетное значеніе семьи». И сколько общественныхъ пороковъ и недостатковъ зарождается и воспитывается у домашняго очага; сколько пороковъ рабской изворотливости развивается въ женщинѣ и пороковъ власти въ мужчинѣ; сколько гибнетъ силъ и дарованій въ тѣсной и душной атмосферѣ деспотическаго патріархальнаго семейства. Какъ часто тѣ формы семейныхъ отношеній, поддержку которыхъ консерваторы считаютъ необходимостью, приводятъ людей къ полному отрицанію семейства, вырывая изъ ихъ сердца всѣ семейныя чувства и привязанности и заставляя ихъ отрясать прахъ отъ ногъ своихъ при бѣгствѣ изъ домашняго ада. Кромѣ того, безправное, исключительное положеніе женщины, воспитывая въ ней тѣ слабости и недостатки, которые входятъ въ понятіе женственности, сильно вліяютъ и на мужчину. Онъ, по мѣрѣ развитія упомянутой женственности, все болѣе и болѣе впадаетъ въ ту слабость, которую такъ долго воспитывалъ въ своей подругѣ. На глазахъ современныхъ поколѣній совершается эпидемическое зараженіе мужчинъ болѣзненною чувствительностью, кокетствомъ, дамскимъ легкомысліемъ, упадкомъ энергіи и самостоятельности и другими недостатками, которые столько столѣтій считались въ ряду достоинствъ женщины и которые усвоялись всегда мужчинами въ мрачные періоды паденія государствъ и народовъ.

Оставляя въ сторонѣ всѣ другія возраженія противъ женской эмансипаціи, мы въ заключеніе приведемъ еще одно, которое отличается незамѣтною въ другихъ серьезностью. По вычисленію Вильерме, до пятнадцатилѣтняго возраста рабочая плата мужчинъ и женщинъ почти одинакова, затѣмъ женская плата становится постепенно незначительнѣе мужской и, начиная съ двадцатилѣтняго возраста, равняется только половинѣ мужской рабочей платы. Объявленіе женщинъ самостоятельными тотчасъ усилитъ на промышленномъ рынкѣ предложеніе рабочихъ рукъ, увеличитъ число конкурентовъ и, слѣдовательно, понизитъ и безъ того крайне скудную задѣльную плату.

Это возраженіе относится собственно не къ женскому, а къ рабочему вопросу; оно нисколько не извиняетъ устраненія женщинъ отъ семейной равноправности съ мужемъ, отъ высшаго образованія, отъ профессіи медицинской, адвокатской и ученой, отъ участія въ судѣ, законодательствѣ, администраціи, народномъ представительствѣ. Въ промышленномъ же отношеніи освобожденіе женщинъ, если только оно совершится раньше разрѣшенія рабочаго вопроса, дѣйствительно должно произвести паденіе задѣльной платы. Но что же изъ этого? Вѣдь вопросъ о трудѣ, объ его справедливомъ вознагражденіи, объ освобожденіи труда отъ вліянія фальшивыхъ понятій о капиталѣ имѣетъ всѣ шансы на раціональное рѣшеніе. А женщины могутъ только ускорить это рѣшеніе, хотя бы и цѣною временнаго ухудшенія рабочаго быта, вслѣдствіе пониженія задѣльной платы.

Всѣ приведенныя нами и многія другія возраженія противниковъ женскаго дѣла, равно какъ и ихъ враждебные этому дѣлу поступки не въ силахъ побороть великую идею, увлекающую все болѣе и болѣе честныхъ сердецъ и проникающую въ самые отдаленные уголки цивилизованнаго міра. Что значатъ анаѳемы католическаго духовенства, доводы безсубой науки, инсинуаціи Стебницкихъ, вопіющіе романы Писемскаго? «Ихъ громкій лай свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что мы ѣдемъ», дорогая читательница. За успѣхъ твоего дѣла ручается одно то, что сила женскаго движенія уже принудила противниковъ его къ значительнымъ уступкамъ. Конституціонный компромиссъ совершился не только между политическими партіями, но и между обими полами или, вѣрнѣе, между адвокатами обоихъ половъ. Самая консервативная фракція этой конституціонной партіи требуетъ такой организаціи женскаго воспитанія, чтобы женщина была достойною, развитою подругою и помощницей мужчины, не рабой, а подругой, не невѣжественной, а образованной. Она можетъ принимать участіе въ умственной и политической жизни окружающаго ее общества, но не иначе, какъ при посредствѣ мужа. Даже самъ патріархолюбивый Риль готовъ на такія уступки. «Я далеко не такой варваръ,—пишетъ онъ,—чтобы желать устраненія женщинъ отъ всякаго высшаго образованія и ограниченія сферы ихъ дѣятельности однимъ только хозяйствомъ. Женщина можетъ полнѣйшимъ обра-

зомъ развивать свой умъ изученіемъ наукъ и искусствъ; но это образованіе должно быть для нея самостоятельною цѣлью только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ; только въ видѣ исключенія женщина можетъ дѣлать изъ него свою профессію. Ужели же, поэтому, такое образованіе должно быть только праздничнымъ украшеніемъ ума? Вовсе нѣтъ. Мужъ, семейство, друзья, всѣ окружающіе женщину будутъ пожинать роскошные плоды благородной, просвѣщенной женственности. Женщина должна владычествовать, услуживая; должна исторгать мужа изъ его ограниченности, ограничивая себя; должна вліять тамъ, гдѣ, повидимому, она только подвергается вліяніямъ. Самый блистательный примѣръ такой вполнѣ женской дѣятельности въ высшихъ сферахъ умственной жизни даетъ намъ новѣйшая культурная исторія въ отношеніяхъ къ Гёте его подруги Шарлотты фонъ-Штейнъ, воспламенявшей для друга и съ другомъ свѣточи своихъ мыслей и вдыхавшей въ душу поэта тотъ примирительный, кроткій, гармоническій духъ благородной женственности, который поставилъ его такъ высоко надъ всѣми». Въ другомъ мѣстѣ Риль приводитъ въ примѣръ жену живописца Пармиджіано, которая участвовала въ экскурсіяхъ мужа и помогала ему, и еще Доротею Шлецеръ, дочь знаменитаго историка. Сія благонравная дѣвица, имѣвшая степень доктора, хотя и могла бы самостоятельно трудиться надъ наукой, но все дѣлала лишь для отца и только для того, чтобы порадовать его родительское сердце, обработала и написала свою исторію русскихъ монетъ. «Когда же она надѣла чепчикъ замужней женщины, то вовсе оставила свою докторскую шляпу и начала жить для одного семейства». Не многимъ дальше Риля идетъ знаменитый ученый и прусскій конституціонистъ Рудольфъ Вирховъ, съ брошюрой котораго читательница, конечно, знакома по ея русскому переводу. Если формулировать всѣ идеи о реформѣ женскаго быта, принадлежащія къ наиболѣе прогрессивному отдѣлу упомянутой конституціонной партіи, то ихъ можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ:

Необходимо радикально реформировать женское воспитаніе, какъ домашнее, такъ и общественное, уравнявъ его съ мужскимъ и доставивъ желающимъ женщинамъ полный доступъ къ высшему образованію.

Не ограничиваясь допущеніемъ женщинъ къ литературной дѣятельности, чего онѣ давно уже добились, открыть всѣмъ желающимъ свободный путь къ профессіямъ ученой, педагогической, медицинской, адвокатской, чиновничьей.

Вполнѣ признать бракъ договоромъ двухъ свободныхъ и равныхъ между собою лицъ, со всѣми послѣдствіями, вытекающими изъ такого понятія.

Узаконить имущественную независимость женщины и ея самостоятельныя занятія всѣми видами промышленной и торговой дѣятельности.

Вы, русская читательница, конечно, вполнѣ удовольствовались бы такими скромными уступками. Мы съ вами такъ мало требовательны, что готовы радоваться, какъ небесной маннѣ, тому, что на Западѣ недостаточно не только для такихъ образованныхъ женщинъ, какъ г-жа Милль, но и для простыхъ горничныхъ, подающихъ петиціи въ англійскій парламентъ о дарованіи имъ избирательнаго права. Но вѣдь насъ это пока не касается, и поэтому, у насъ легче, чѣмъ на Западѣ, сравняться женщинѣ съ мужчиной во всѣхъ правахъ: различіе между ними не такъ велико, какъ тамъ. Но и при всей умѣренности твоихъ желаній, ты не воображай, что успѣешь удовлетворить имъ безъ безсмысленнаго издѣвательства надъ тобой умственной черни, безъ настойчивой борьбы съ общественными предразсудками и растленіемъ. Ты уже успѣла испытать все это: ученые намѣренно говорили тебѣ на лекціяхъ сальныя мерзости; эскулапы, боясь твоей конкуренціи, инсинуировали на тебя въ газетахъ; случалось нерѣдко, что при твоей работѣ на телеграфѣ, со всѣхъ станцій телеграфисты посылали тебѣ похабныя телеграммы; бельетристы обливали тебя вонючими помоями своей фантазіи; надъ тобой издѣвались за твое пренебреженіе китайскими приличіями, тебя преслѣдовали за неношеніе кринолина. Ты не отступила передъ этими пошлостями, и честь тебѣ. Не отступай же никогда и при каждой своей удачѣ, какъ бы значительна она ни была, не забывай опасностей, отъ которыхъ твое дѣло можетъ погибнуть такъ же, какъ погибло дѣло женской эманципаціи при паденіи Греціи, Рима, въ эпоху реформаціи, въ началѣ XIX столѣтія. Бойся тѣхъ элементовъ, которые въ упомянутые періоды губили женское дѣло, а главное, бойся основывать свою свободу на какой бы то ни было неволѣ другихъ. Вспомни о томъ первичномъ періодѣ женской исторіи, когда не было еще ни патріархальной іерархіи, ни привилегій рожденія, ни кастъ, ни подчиненія женщины; когда въ жизни царили принципы материнства и равенства. Мужчина своею физическою силою поработилъ женщину, а созданная имъ патріархальная система осудила ее на вѣчное рабство, ознаменовавъ періодъ своего господства развитіемъ привилегій рожденія, кастъ, семейнаго деспотизма и общественной тиранніи. Въ Греціи, въ Римѣ, въ новой Европѣ женщина вела почти непрерывную борьбу за свое освобожденіе и, достигая нерѣдко значительныхъ успѣховъ, не могла однакожъ долго пользоваться ими и снова падала подъ напоромъ реакціи. Главная причина этого заключалась въ аристократическомъ характерѣ тогдашней эманципаціи. Эманципированныя барыни заражались всѣми пороками и недостатками тунеядной и выродившейся аристократіи; онѣ пользовались свободой только для того, чтобы кутить напропалую и проматывать богатства, созданныя трудомъ рабовъ ихъ. Когда же низшіе классы, вовсе непричастные ни къ цивилизаціи аристократіи, ни къ освобожденію барынь, принуждали аристократію къ уступкамъ и дѣлались общественною силою, то при возстановленныхъ ими патріархальныхъ порядкахъ женщина снова и надолго лишалась уже достигнутой ею свободы. Таковы были результаты развитія въ Европѣ бур-

жуазіи и крестьянства, а Римъ, если бы его не покорили варвары, возстановившіе патріархальное семейство, по всей вѣроятности, перешелъ бы въ руки своихъ рабовъ и разоренныхъ массъ народа, а тогда реставрація патріархальности и новое порабощеніе женщины были бы такъ же неизбѣжны. Эманципація женщины будетъ успѣшна вполнѣ лишь тогда, когда она распространится на всѣхъ женщинъ. Но развѣ возможно эманципировать невольницу отъ мужа, оставивъ ее въ рабствѣ у господина или кулака эксплуататора; развѣ возможно, освободивъ женщину отъ мужа, оставить послѣдняго въ нищенской неволѣ или кабалѣ!.. Да, женское дѣло связано тѣснѣйшими узами со всѣмъ соціальнымъ прогрессомъ человѣчества. Это обстоятельство, увеличивая число враговъ женщины, въ то же время даетъ ей многихъ и сильныхъ союзниковъ, подъ общимъ напоромъ которыхъ должны постепенно исчезать разныя виды общественныхъ золъ и напастей. Много тормозовъ, препятствующихъ нашему развитію, много преградъ на пути къ нашему благоденствію; но эти тормозы сокрушимы, эти преграды уже ветхи. Передъ умомъ, просвѣщеннымъ наукою, передъ знаніемъ, разумнымъ трудомъ и любовью, онѣ должны пасть, и падутъ одна за другой, и ужъ падаютъ!..

ДѢТОУБІЙСТВО.

Съ тѣхъ поръ, какъ статистика, вооруженная цифрами и строго логическими выводами, основанными на цифрахъ, бросила свѣтъ на явленія общественной жизни, дѣтоубійство, въ различныхъ своихъ формахъ и проявленіяхъ, сдѣлалось предметомъ величайшаго интереса для современной литературы. Экономическое значеніе этого вопроса имѣетъ громадную важность для общества; оно не можетъ оставаться равнодушнымъ къ дѣтоистребленію, если хоть сколько-нибудь заботится о своемъ благосостояніи. Мы увидимъ ниже, что бѣдность служитъ главнымъ источникомъ дѣтоубійства и прямо вліяетъ на его развитіе. Чѣмъ бѣднѣе общество, тѣмъ ниже уровень его матеріальнаго существованія, тѣмъ слабѣе любовь родителей къ дѣтямъ и тѣмъ выше цифра дѣтоубійствъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ гнетущей нужды. Дѣти—первая жертва такого ненормальнаго порядка вещей. Кромѣ того дѣтоубійство имѣетъ непосредственное отношеніе къ организаціи брака, семейства, къ воспитанію, и вообще къ тѣмъ основнымъ принципамъ, на которыхъ установлена политическая и общественная форма народной жизни. Исторія поясняетъ этотъ вопросъ во многихъ отношеніяхъ, и потому мы обратимся прямо къ ней, говоря о дѣтоубійствѣ.

I.

Основная форма общественной жизни—брачный союзъ у народовъ дикихъ и полудикихъ вовсе не имѣетъ того значенія, какое придается ей новѣйшимъ правомъ; это не свободный союзъ мужчины и женщины, а безусловное подчиненіе жены мужу. Жена относится здѣсь къ своему супругу, какъ вещь къ владѣльцу, какъ раба къ господину.

Сообразно съ такими отношеніями мужа къ женѣ устроены на первыхъ ступеняхъ человѣческой культуры и отношенія дѣтей къ родителямъ. Дѣти, какъ существа слабыя, представляютъ собою рабовъ, собственность ихъ сильнаго отца. Они стоятъ къ нему точно въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ находится дикій человѣкъ къ своимъ грознымъ божествамъ. Какъ боги сотворили міръ, такъ и отецъ сотворилъ своихъ дѣтей. Какъ боги—властители вселенной, такъ и отецъ—властитель своихъ дѣтей. Какъ личность человѣка совершенно отрицается грозными своимъ необузданнымъ всемогуществомъ божествами, такъ и личность дѣтей совершенно исчезаетъ передъ ихъ отцомъ, передъ ихъ земнымъ, домашнимъ, видимымъ божествомъ. Онъ полный ихъ господинъ; онъ можетъ продать, бросить, убить ихъ; у нѣкоторыхъ народовъ, напр., у китайцевъ, характеръ такого отношенія отца къ дѣтямъ, какъ къ собственности, выясняется еще тѣмъ обычаемъ, по которому не имѣющій своихъ дѣтей отецъ можетъ *купить* чужихъ и усыновить ихъ. У дикаго народа положеніе дѣтей самое несчастное: отецъ дѣлаетъ съ ними что хочетъ, и никто не можетъ да и не думаетъ вмѣшиваться въ его домашнія дѣла, въ его распоряженія своею собственностью. Любовь къ матери также не можетъ служить дѣтямъ защитою и охраною отъ отцовскаго деспотизма и самодурства: мать такая же раба, какъ и дѣти, она также безусловно зависитъ отъ того человѣка, котораго они называютъ своимъ отцомъ. Отецъ иногда убиваетъ здѣсь ребенка такъ же не стѣсняясь, какъ человѣкъ цивилизованный разбиваетъ иногда въ гнѣвѣ чашку. Дарвинъ въ своемъ путешествіи, напр., разсказываетъ: «Байронъ былъ свидѣтелемъ въ Огненной Землѣ, какъ несчастная мать поднимала своего окровавленнаго и умирающаго ребенка, котораго отецъ швырнулъ о камни за то, что онъ уронилъ корзину съ морскими яйцами». Съ переходомъ дикаго народа къ общественной жизни, такой порядокъ вещей не только не прекращается, но даже санкціонируется писаннымъ правомъ. Отецъ попрежнему остается верховнымъ владѣльцемъ и судьей своего дитяти; онъ можетъ наказывать его и казнить смертью, т.-е. убивать. И даже въ довольно развитыхъ государствахъ, напр., въ Китаѣ, законы вполнѣ утверждаютъ за отцомъ такое право жизни и смерти надъ своимъ ребенкомъ. Дѣтоубійство здѣсь не преступленіе закона, а только его выполненіе. У другихъ же народовъ, болѣе развитыхъ соціально, законъ предписываетъ отцу передавать совершеніе этого юридическаго дѣтоубійства судебной власти. Такъ у древнихъ евреевъ отецъ передавалъ своего провинившагося сына судьямъ, которые и назначали ему наказаніе, часто весьма жестокое, напр., смертную казнь черезъ побіеніе камнями. Убійство ребенка, совершенное самимъ отцомъ при господствѣ такого закона, считается, однакожъ, не столько уголовнымъ преступленіемъ, сколько нравственнымъ проступкомъ. При этомъ отцовскія права собственности на ребенка нисколько не отвергаются

закономъ, и послѣдній налагаетъ на дѣтоубійцу-отца самое легкое наказаніе, въ родѣ христіанскихъ церковныхъ покаяній. Въ древнемъ Египтѣ, напр., отецъ, убившій своего ребенка, былъ обязанъ въ наказаніе продержать на своихъ рукахъ его трупъ три дня и три ночи, подъ надзоромъ стражи.

При такомъ покровительствѣ преступленіямъ, совершаемымъ родителями противъ личности своихъ дѣтей, право варварскихъ народовъ строго, жестоко наказываетъ каждый проступокъ дѣтей по отношенію къ родителямъ. Такъ, напр., по китайскому праву дѣти подвергаются смертной казни «за недостатокъ уваженія къ своимъ родителямъ» и за самыя незначительныя ихъ оскорбленія. Если же сынъ обругаетъ отца, замахнется или ударитъ его, то онъ осуждается на ужасную смерть, на такъ называемое «разсѣченіе на 10.000 частей»; его жилище сравнивается съ землею, всѣ чиновники той области, въ которой совершено столь ужасное преступленіе, лишаются своихъ мѣстъ; объ этомъ злодѣяніи немедленно докладывается самому Сыну Неба, и скоро по всему Китаю разносится о преступленіи вѣсть и раздаются народныя проклятія противъ ужаснаго злодѣя. И что всего хуже, судъ, во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ, не требуетъ отъ отца никакихъ доказательствъ, а казнитъ обвиняемаго по одному голословному доносу родителя.

При такомъ отсутствіи нравственныхъ и юридическихъ обязанностей родителей къ дѣтямъ, при такой безконтрольности отцовскаго произвола не можетъ быть вовсе или можетъ быть, но чрезвычайно мало, причинъ, которыя задерживали бы преступныя стремленія къ дѣтоубійству, вызываемыя разнообразными побудительными обстоятельствами.

Самымъ сильнымъ изъ этихъ обстоятельствъ является исконный и заклятый врагъ человѣка—бѣдность. Въ дикой жизни люди не дѣлаютъ, да и не могутъ дѣлать большихъ сбереженій, значительныхъ запасовъ; живя охотою или рыболовствомъ, они добываютъ себѣ только насущное пропитаніе. Малѣйшая неудача въ промыслахъ подвергаетъ ихъ голоду, со всѣми ужасными его послѣдствіями. Значительная прибыль непроизводительныхъ лицъ въ семьѣ или племени — дѣтей, стариковъ и больныхъ — ведетъ за собою тѣ же результаты. И въ томъ и другомъ случаѣ является потребность уравновѣсить число потребляющихъ пищу лицъ съ количествомъ самой пищи. Средствомъ для такого уравновѣшиванія служитъ истребленіе лишнихъ, непроизводительныхъ членовъ семьи. Если голодъ достигаетъ высшей степени, то эти непроизводительные члены истребляются *производительно*, т.-е. съѣдаются тѣми, кто ихъ убиваетъ. Голодъ служитъ самою сильною и, у большинства антропофаговъ, единственною причиною людоѣдства. Одна древняя сѣверная легенда, приводимая Клеммомъ въ его Allgemeine Culturwissenschaft, говоритъ, что какое-то семейство въ своихъ отдаленныхъ странствованіяхъ встрѣтилось съ дикими людьми, которые, въ случаѣ голода, пожирали своихъ престарѣлыхъ родственниковъ, *убивая охотнѣе этихъ безполезныхъ людей, чѣмъ своихъ полезныхъ собакъ.* Такимъ же расчетомъ руководятся, въ случаѣ голода, и другіе дикари. Почти всѣ дикіе жители острововъ Южнаго океана, въ случаѣ крайности, убиваютъ и ѣдятъ своихъ женъ, дѣтей и родителей. То же самое говоритъ Дарвинъ въ своемъ путешествіи о дикаряхъ Южной Америки, а многіе другіе путешественники о варварахъ Австраліи, Африки и Азіи. Между инородцами Сибири также не разъ проявлялось людоѣдство, до котораго ихъ доводилъ голодъ — родители пожирали своихъ дѣтей, дѣти родителей, какъ было, напр., въ Туруханскомъ краѣ въ 1816 году *).

Мы сказали выше, что бѣдность и вообще плохія условія варварской и полуварварской жизни принуждаютъ часто людей, посредствомъ убійства непроизводительныхъ членовъ семьи, возстановлять равновѣсіе между скуднымъ количествомъ пищи и числомъ ея потребителей. Горестный опытъ жизни скоро научаетъ людей предупреждать нарушенія такого равновѣсія посредствомъ дѣтоубійства и плодоизгнанія. Всѣ народы употребляютъ эти ужасныя средства, чтобы избавиться отъ чрезмѣрнаго увеличенія народонаселенія. Само собою понятно, что при этомъ долженъ дѣлаться выборъ между убиваемыми; расчетъ заставляетъ истреблять только тѣхъ, которые или уродливы, или больны и поэтому всегда будутъ непроизводительными потребителями и тягостью своихъ семействъ, обязанныхъ ихъ пропитывать. Далѣе, тотъ же расчетъ заставляетъ истреблять преимущественно дѣвушекъ, а мальчиковъ оставлять и воспитывать. Мальчикъ будетъ помощникомъ отца, работникомъ семьи, ея защитникомъ и мстителемъ въ смутахъ варварской жизни. Онъ съ лихвой вознаградитъ за свое воспитаніе. Дѣвушку же нужно воспитывать, тратиться на нее, а потомъ отдать ее замужъ, и, у многихъ народовъ, непремѣнно съ приданымъ. Слѣдовательно, ея жизнь—чистый убытокъ для ея родителей. Кромѣ того, это предпочтеніе сыновей дочерямъ имѣетъ еще и религіозное основаніе, тѣсно связанное съ институтомъ первобытнаго наслѣдства. Умираетъ отецъ патріархальнаго семейства, и его власть, его имущество, всѣ его прерогативы и семейныя обязанности переходятъ къ сыну. Сынъ становится главою осиротѣвшаго семейства и обязанъ кормить душу своего умершаго родителя—обычай, превращающійся, съ дальнѣйшимъ развитіемъ народа, въ принесеніе жертвъ съ цѣлью искупленія души покойника отъ мученій ада. Яснѣе всего это первобытное воззрѣніе выражается въ индійскомъ наслѣдственномъ правѣ, которое Гансъ справедливо называетъ *наслѣдственнымъ правомъ жертвъ по усопшемъ.* Женщина же, по воззрѣнію дикихъ народовъ, недостойна такой роли; это существо отверженное, хотя и прекрасное, источникъ зла и осквернія, хотя въ то же время и

*) Подробности объ этомъ см. въ моей статьѣ: «Сибирскіе Инородцы въ XIX столѣтіи», въ журналѣ «Дѣло» 1867 г., книжка VIII.

источникъ высочайшихъ чувственныхъ наслажденій. Поэтому у всѣхъ дикихъ и культурныхъ народовъ, стоящихъ внѣ европейской цивилизаціи, рожденіе сына считается благословеніемъ неба и наполняетъ весь домъ радостью; рожденіе же дочери, напротивъ, считается бѣдствіемъ и повергаетъ всѣхъ въ уныніе. Такъ было, напр., у старинныхъ арабовъ. Магометъ, описывая впечатлѣніе, производимое на араба рожденіемъ его дочери, говоритъ въ своемъ Коранѣ: «когда его извѣщаютъ о рожденіи дѣвушки, его лицо дѣлается мрачнымъ и онъ впадаетъ въ глубокую печаль; онъ скрывается отъ людей, размышляя про себя — долженъ ли онъ держать рожденную съ безчестіемъ или погребсти ее во прахѣ». И до сихъ поръ у арабовъ рожденіе мальчика сопровождается шумными празднествами, а рожденіе дѣвушки, «ничтожнаго ребенка», по ихъ выраженію, повергаетъ всѣхъ въ печаль. То же самое мы видимъ у индѣйцевъ, индусовъ, персовъ, негровъ, японцевъ и у другихъ древнихъ и новыхъ народовъ, въ особенности же у китайцевъ. «Спрашивать китайскаго мандарина,—говоритъ Гецлафъ,—есть ли у него дочери, значитъ наносить ему жестокую обиду». Неимѣніе сыновей и постоянное рожденіе дочерей считается величайшимъ бѣдствіемъ для отца китайскаго семейства. Въ книгѣ Гюка «l'Empire Chinois» разсказывается, что такіе отцы иногда перерѣзываютъ горло своимъ дочерямъ, хладнокровно наблюдая за стремительностью и направленіемъ кровавой струи, такъ какъ по этимъ признакамъ, вѣрятъ они, можно узнать, скоро ли у нихъ родится сынъ.

Всю силу и роковое значеніе приведенныхъ выше причинъ показываютъ страшные размѣры и сильная распространенность производимаго ими дѣтоубійства.

По словамъ Діодора, въ Табропанѣ (вѣроятно, на о. Цейлонѣ) всѣ безобразныя дѣти предавались смерти. То же самое было, по свидѣтельству Кв. Курція, въ Сапитскомъ царствѣ. Въ настоящее время на Цейлонѣ и Мадагаскарѣ убиваются всѣ дѣти, рожденіе которыхъ астрологи объявляютъ несчастливымъ. Ребенокъ обыкновенно выбрасывается на съѣденіе звѣрямъ и муравьямъ или же умираетъ отъ холода и голода. Всѣ мальчики оставляются въ живыхъ, и кромѣ того первая дѣвочка; всѣ слѣдующія истребляются, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ дѣтоубійство, рѣдко можно встрѣтить въ семействѣ больше одной дочери.

Гагасы, жившіе до 1540 г. въ Сіерра-де-Леонѣ, убивали своихъ дѣтей при самомъ ихъ рожденіи, погребая ихъ живыми. Они не воспитывали ни одного своего ребенка, но захватывали у враждебныхъ народовъ въ плѣнъ взрослыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ и присоединяли ихъ къ своимъ семействамъ.

У нѣкоторыхъ племенъ языческихъ арабовъ дочерямъ позволяется жить только до шестилѣтняго возраста. Когда наступитъ этотъ возрастъ, и когда отецъ рѣшается убить свою дочь, онъ приказываетъ нарядить ее и умастить благоуханіями; затѣмъ онъ ведетъ ее къ глубокому колодцу и, поставивъ ее передъ собой, приказываетъ наклониться и посмотрѣть въ колодезь. Сильнымъ ударомъ въ затылокъ онъ сталкиваетъ ее внизъ головой; затѣмъ колодезь забрасывается и сравнивается съ землей. По другимъ извѣстіямъ, лишь только женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, тотчасъ выкапывается глубокая яма и, если родится дочь, ее немедленно погребаютъ живою въ этой ямѣ.

Въ Новой Голландіи матери, обыкновенно, убиваютъ больныхъ и уродливыхъ дѣтей. Если мать умираетъ вскорѣ послѣ родовъ, ребенокъ живымъ погребается вмѣстѣ съ нею, такъ какъ кто-нибудь кормить грудью. Изъ новорожденныхъ близнецовъ одинъ также убивается, въ особенности, если это дѣвочка.

Въ Новой Зеландіи дѣтоубійство чрезвычайно распространено. Матери, всосывая свои пальцы въ слабые швы черепа новорожденныхъ, разворачиваютъ имъ голову.

На Отаити, по словамъ Тернбулля, до введенія христіанства истреблялось около двухъ третей новорожденныхъ, и этому ужасному обычаю путешественники приписываютъ, главнымъ образомъ, быструю убыль отаитскаго народа, котораго въ 1746 г. считалось около 20.000, а въ началѣ нынѣшняго вѣка только 5.000. Дѣтоубійство здѣсь не считалось ни преступленіемъ, ни безнравственнымъ дѣломъ, и племенные начальники не имѣли никакого права вмѣшиваться въ то, какъ отецъ семьи «распоряжается своею собственностью». Если мужъ прогонялъ отъ себя жену, то могъ убить и рожденнаго отъ нея ребенка. Если вождь имѣлъ сожительство съ женщиною низшаго сословія, то всѣ дѣти, бывшія результатомъ такой связи, предавались смерти; равнымъ образомъ истреблялись всѣ незаконнорожденныя дѣти женщинъ высшаго сословія. Могила для ребенка была готова еще до его рожденія, и сплошь и рядомъ изъ утробы матери онъ переходилъ прямо въ эту могилу Дочерей своихъ отаитяне отдавали въ кортомъ для разврата; въ случаѣ выбора себѣ новой любовницы мужъ могъ бросить прежнюю и убить рожденныхъ отъ нея дѣтей. Сильное распространеніе между жителями разврата вело за собою и усиленіе дѣтоубійства.

На Сандвичевыхъ островахъ дѣтоубійство было также всеобщимъ. Но съ недавняго времени оно значительно уменьшилось, по крайней мѣрѣ, не совершается открыто, такъ какъ законъ объявилъ его уголовнымъ преступленіемъ. Зато усилилось плодоизгнаніе, какъ это всегда бываетъ въ варварскихъ странахъ, лишь только законъ и религія начинаютъ преслѣдовать дѣтоубійство; дѣти выбрасываются на четвертомъ или пятомъ мѣсяцѣ беременности, съ большимъ вредомъ для здоровья и жизни ихъ матерей.

На о-вѣ Формозѣ женщинамъ не дозволяется родить до 35-ти-лѣтняго возраста; въ случаѣ беременности до этого срока, жрецы производятъ выстрѣленіе плода.

На Парагоѣ, одномъ изъ Филиппиновъ, дѣти несовершеннаго тѣлосложенія, которыя не могли бы впослѣдствіи сами добывать себѣ пропитаніе, закапываются живыми въ землю.

Въ Камчаткѣ, послѣ завоеванія и разоренія ея казаками, дѣтоубійство приняло громадные размѣры. Изъ двухъ близнецовъ одного непремѣнно убивали. Часто отцы семействъ взбунтовавшагося рода избивали своихъ женъ и дѣтей и шли на смертельную битву съ русскими. По словамъ Крашенинникова, камчадалки часто стараются сдѣлаться безплодными или вытравить плодъ посредствомъ пріема травъ и кореньевъ.

На Курильскихъ островахъ дѣтоубійство также въ ходу, и изъ двухъ близнецовъ въ живыхъ оставляется обыкновенно одинъ. Этому, между прочимъ, слѣдуетъ приписать то, что съ многочисленнаго нѣкогда племени курильцевъ въ 1860 г. осталось въ живыхъ только 66 человѣкъ обоего пола.

Въ Гренландіи, если умершая мать оставляетъ младенца, и если у отца некому воспитывать его, то онъ завертываетъ его живого вмѣстѣ съ трупомъ матери въ звѣриныя шкуры и, отнесши ихъ на высокій холмъ, заваливаетъ ихъ тяжелыми каменьями.

Эскимосы, кочующіе по берегамъ Гудсонова залива, часто заставляютъ своихъ женъ производить плодоизгнаніе посредствомъ принятія годныхъ для того травъ.

Хотя, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, нѣкоторыя племена сѣверо-американскихъ индѣйцевъ имѣютъ благородное отвращеніе отъ дѣтоубійства; хотя индѣйцы Кри вѣрятъ въ загробное наказаніе за это преступленіе, думая, что дѣтоубійца никогда не будетъ въ состояніи взобраться на *горы*,—какъ они называютъ свой рай,—а будетъ вѣчно блуждать около мѣста совершенія преступленія, съ множествомъ древесныхъ вѣтвей, опутавшихъ его ноги,—тѣмъ не менѣе дѣтоубійство распространено и между сѣверными индѣйцами. О старинныхъ индѣйцахъ авторъ Исторіи Америки, Робертсонъ, говоритъ, что бѣдность и постоянныя лишенія заставляли ихъ женъ избавляться отъ дѣтей еще до ихъ рожденія посредствомъ плодоизгнанія. Женщины обыкновенно кормили ребенка грудью въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а такъ какъ трудно кормить заразъ нѣсколькихъ дѣтей, то всѣ зачатые въ этотъ періодъ или вытравлялись, или убивались послѣ рожденія. Одинъ изъ родившихся близнецовъ убивался. Вмѣстѣ съ умершею матерью погребался и оставленный ею младенецъ. У нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ эти обычаи сохранились до позднѣйшаго времени. Такъ чоктавы иногда погребаютъ своихъ дѣтей живыми, удавляютъ или удушаютъ ихъ. По свидѣтельству Дениза, плодоизгнаніе также до сихъ поръ въ большомъ употребленіи у индѣйцевъ, а Шарльвуа говоритъ, что малютки, потерявшія свою мать, погребаются вмѣстѣ съ нею, если только, по другому извѣстію, ихъ не берутъ себѣ на воспитаніе ближайшіе родственники. Положеніе женщинъ у многихъ племенъ такъ несчастно, что матери избиваютъ дочерей изъ любви къ нимъ, считая *благодѣяніемъ* избавить ихъ такимъ образомъ отъ угрожающей имъ участи. По тѣмъ же самымъ побужденіямъ, жены южныхъ индѣйцевъ на Ориноко убиваютъ своихъ дочерей при самомъ ихъ рожденіи. Дѣтоубійство очень распространено и между другими племенами Южной Америки; оно господствуетъ у абипоньяновъ, ароканокъ и т. д. Женщины Гвіаны, не желая подвергать своихъ дочерей той же судьбѣ, какую терпятъ сами, убиваютъ ихъ тотчасъ послѣ рожденія. Одного изъ близнецовъ убиваютъ, чтобы избавить семейство отъ позора, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, обычаю многимъ дикарямъ, два близнеца имѣютъ не одного, а двухъ отцовъ; только крысы, опоссумы и т. п. животныя, говорятъ они, рождаютъ разомъ отъ одного отца нѣсколько дѣтей, а не человѣкъ. Безобразныя и больныя дѣти также истребляются.

Тѣ же самыя причины—бѣдность, непропорціональность народонаселенія матеріальнымъ средствамъ и несчастное положеніе женщины—дѣлаютъ дѣтоубійство необходимою принадлежностью жизни не однихъ дикихъ, но и культурныхъ народовъ. У народовъ Востока, достигшихъ извѣстной степени цивилизаціи, упомянутыя причины дѣйствуютъ даже сильнѣе, чѣмъ въ дикой жизни. Съ осѣдлостью, съ развитіемъ промышленности и съ образованіемъ немногочисленнаго класса богачей многочисленныхъ нищенствующихъ массъ, съ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ народонаселенія, какъ, напримѣръ, въ Китаѣ, дѣтоубійство необходимо усиливается. Но, съ другой стороны, въ культурной жизни является реакція этому преступленію, хотя довольно слабая. Мы видѣли выше, что даже нѣкоторые дикари чувствуютъ отвращеніе отъ дѣтоубійства, облекаемаго ими въ форму религіознаго вѣрованія. Съ развитіемъ же народа постепенно усиливается и сознаніе преступности дѣтоубійства. Такъ китайское право запрещаетъ дѣтоубійство, считаетъ его преступленіемъ, и Гюкъ говоритъ, что китайскіе администраторы часто издаютъ указы, подтверждающіе упомянутый законъ и грозящіе за его нарушеніе. Индѣйское право въ *Брема-Вивантa-Пурана* запрещаетъ даже плодоизгнаніе; оно говоритъ, что это—великое преступленіе, равнозначительное убійству брамина, и что преступникъ будетъ мучиться за него на днѣ ада *Нарка* столько лѣтъ, сколько необходимо для того, чтобы на тѣлѣ ребенка выросли волосы. Магометъ въ Коранѣ также вооружается противъ дѣтоубійства: «не убивайте своихъ дѣтей, ибо убійство ихъ есть великій грѣхъ!» Послѣ принятія магометанства арабами господствовавшее между ними дѣтоубійство уменьшилось, а у нѣкоторыхъ племенъ даже вовсе прекратилось. То же было замѣчено и въ другихъ странахъ, гдѣ магометане вводили свою религію. Но магометанство, какъ и всякая другая религія, ослабляло дѣтоубійство только на первыхъ порахъ, въ тотъ короткій періодъ религіознаго увлеченія новообращенныхъ, типомъ котораго можетъ служить первое время христіанства, съ его мучениками, братскими общинами, аскетами и подвижниками. Обыкновенно этотъ періодъ продолжается недолго. Религіозное увлеченіе остываетъ, на религію ложится печать обыденности, и сдержанные ею на время инстинкты проявляются съ прежнею силою, хотя, иногда, и въ отличной отъ прежняго формѣ. Во многихъ странахъ, гдѣ, подъ вліяніемъ новой религіи, законъ началъ вооружать-

ся противъ дѣтоубійства, усилилось плодоизгнаніе или потому, что законъ данной страны не считалъ его преступленіемъ, или потому, что его легче скрывать, чѣмъ дѣтоубійство. Кромѣ того, съ переходомъ народа къ осѣдлой жизни у него является еще другой суррогатъ дѣтоубійства—подкидываніе или выбрасываніе дѣтей. Въ дикой, кочевой жизни выбросить ребенка значитъ накѣрное подвергнуть его смерти или отъ холода и голода, или отъ животныхъ; выбрасывая же его въ осѣдлой, населенной странѣ, можно надѣяться, что его подберетъ какой-нибудь сострадательный человѣкъ и сохранитъ ему жизнь. А для большинства родителей, конечно, легче, выбрасывая ребенка, утѣшаться этою надеждою, чѣмъ прямо своими руками душить или рѣзать его. Выбрасываніе и продажа дѣтей особенно свирѣпствовали всегда въ Китаѣ. Родители здѣсь съ древности продаютъ мальчиковъ въ рабство, а дочерей содержателямъ проституціонныхъ домовъ; Марко-Поло говоритъ, что при немъ въ одномъ какомъ-то городѣ такихъ проституткъ было 25,000. Стаунтонъ, Дюгальдъ, Гюкъ и др. свидѣтельствуютъ, что дѣти выбрасываются по всему Китаю ежегодно десятками тысячъ, и выбрасываются не только на улицы городовъ, но и на большія дороги, гдѣ они погибаютъ или отъ животныхъ, или подъ колесами экипажей. «Въ Кантонской провинціи—напр., говоритъ губернаторскій приказъ 1848 г.—существуетъ гнусный обычай бросать маленькихъ дѣвочекъ,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ потому, что семья бѣдна и не въ состояніи прокармливать многихъ дѣтей; въ другихъ же случаяхъ потому, что родители желаютъ мальчика». Въ Пекинѣ и другихъ большихъ городахъ дѣтей бросаютъ въ общія могилы, устраиваемыя правительствомъ для бѣдныхъ покойниковъ, родственники которыхъ не имѣютъ средствъ на ихъ погребеніе. Кромѣ того ребятъ бросаютъ въ рѣки, привязывая ихъ часто къ тыквѣ, чтобы они не утонули и чтобы сострадательные люди могли спасти ихъ. Баррау, основываясь на лучшихъ авторитетахъ, говоритъ, что въ одномъ только Пекинѣ ежегодно выбрасывается родителями 9,000 дѣвочекъ. Такое громадное выбрасываніе дѣтей вело за собою въ Китаѣ, какъ и во всѣхъ культурныхъ странахъ, учрежденіе домовъ для найденышей. Одинъ вельможа въ провинціи Манги ежегодно спасалъ отъ смерти до 20, 000 найденышей, выброшенныхъ ихъ бѣдными родителями. Онъ обучалъ мальчиковъ ремесламъ и потомъ женилъ ихъ на дѣвочкахъ-найденышахъ, воспитанныхъ имъ же. Около 1720 г. домъ для найденышей былъ основанъ въ Пекинѣ. Еще есть такой же домъ въ Макао, основанный португальцами.

Но ни угрозы закона, ни обычай выбрасыванья дѣтей, ни дома для найденышей—ничто не уменьшаетъ размѣровъ дѣтоубійства. По словамъ аббата Бержье, въ Китаѣ ежегодно около 30,000 дѣтей предается смерти; Баррау считаетъ ихъ отъ 10,000 до 20,000 въ годъ. Ихъ топятъ, душатъ, закапываютъ живыми въ землю, рѣжутъ. Кромѣ того весьма распространенъ обычай плодоизгнанія. Въ Тонкинѣ, напр., существуетъ цѣлый классъ женщинъ, занимающихся исключительно этою выгодною профессіей.

Въ Японіи, которая, подобно Китаю, страдаетъ чрезвычайною густотою населенія, дѣтоубійство, по словамъ Неймана, также въ большомъ ходу, особенно у бѣднаго класса.

То же самое видимъ и въ странахъ магометанскихъ, не смотря на запрещеніе Корана и основаннаго на немъ закона. Въ этихъ странахъ въ особенности свирѣпствуетъ плодоизгнаніе. Блакеръ говоритъ, что триполитскіе паши заставляли дѣлать это своихъ беременныхъ женъ. Докторъ Брайсъ пишетъ, что турчанки очень склонны къ этому преступленію, частію по своему отвращенію къ частой беременности, частію побуждаемыя своими мужьями, которые боятся чрезмѣрнаго увеличенія гаремнаго населенія, сидящаго на ихъ содержаніи. Вытравленіемъ плода и лишеніемъ женщинъ способности производить въ Турціи занимаются повивальныя бабки, нѣкоторыя изъ нихъ наживаютъ этимъ искусствомъ и богатство, и славу. Въ Египтѣ дѣтоубійство и плодоизгнаніе также распространены, особенно послѣднее; имъ занимаются арабскіе медики. Дѣтоубійство здѣсь рѣдко наказывается, такъ какъ виновнымъ легко избѣжать уличенія. Дѣвушка, вытравившая плодъ, должна въ наказаніе освободить одного невольника. Замужняя женщина, убившая своего новорожденнаго ребенка, можетъ быть наказана только въ томъ случаѣ, если при самомъ убійствѣ присутствовали два свидѣтеля. Если она уличена, то мужъ долженъ или оштрафовать ее деньгами, или посадить въ тюрьму. Поклявшись въ своей невинности, она тотчасъ освобождается отъ дѣла.

Въ Индустанѣ дѣтоубійство существовало еще до завоеванія его индусами и удержалось между туземцами до сихъ поръ. Гонды, по словамъ Неймана, истребляютъ своихъ дочерей въ огромномъ числѣ. «Этотъ обычай основывается частію на ихъ религіозныхъ возэрѣніяхъ, частію на ихъ общественныхъ отношеніяхъ. Женщины, подобно богинѣ земли, считаются виновницами всякаго зла. За каждый проступокъ своей замужней дочери отецъ долженъ отвѣчать ея мужу, семейству или роду. Распутная женщина считается позоромъ и проклятіемъ для всѣхъ ея родственниковъ, для всей общины. Поэтому дѣвушки убиваются массами, обыкновенно въ седьмой день послѣ ихъ рожденія. Въ трехъ общинахъ гондовъ и шеріевъ, слѣдовательно только на одномъ небольшомъ клочкѣ великой индійской земли, ихъ убивается ежегодно до 1,300». На полуостровѣ Гуджератѣ число ежегодно истребляемыхъ дѣтей полагается въ 5,000, а въ Кучъ-Галлярѣ и Матсинъ-Канта до 30,000 ежегодно. Истребляются вездѣ преимущественно дѣвочки. Мотивы этого истребленія различны. У племенъ раджъ-кумаръ, рагуванса, раджпутъ, джамъ, міазе и др. дѣвушки убиваются главнымъ образомъ по невозможности составить имъ приличную партію и дать имъ приданое; недача приданаго дочери считается несмываемымъ позоромъ для отца семейства. Поэтому всѣ почти дѣвушки у этихъ племенъ истребляются, а жены берутся изъ другихъ племенъ. Въ нѣко-

торыхъ семействахъ, впрочемъ, одна оставляется въ живыхъ, если нѣтъ сыновей. Кромѣ того, незаконнорожденныя дочери большею частію избавляются отъ избіенія, такъ какъ народный обычай не обязываетъ ихъ отцовъ давать имъ такое же приличное приданое, какъ законнымъ. Кастовая гордость раджей заставляетъ ихъ также убивать своихъ дочерей, такъ какъ они считаютъ неприличнымъ своему званію выдавать ихъ за кого бы то ни было изъ жителей своей страны. Кромѣ того были еще сильныя историческія причины, содѣйствовавшія усиленію дѣтоубійства. По словамъ Кармака и полковника Уокера, обычай дѣтоубійства между джареджами особенно усилился послѣ магометанскаго завоеванія Синде, когда большая часть жителей были принуждены перемѣнить свою вѣру и джареджи были поставлены въ невозможность отдавать своихъ дочерей за окружавшихъ ихъ иновѣрцевъ. Они переселились въ Кучъ, гдѣ и сохранили свою прежнюю религію. Между тѣмъ отдавать дочерей все-таки было не за кого изъ ихъ единовѣрцевъ и въ новомъ мѣстѣ ихъ жительства. Тогда жрецы, раджгуры, предложили убивать дѣвочекъ и взяли на себя религіозную отвѣтственность за этотъ грѣхъ. И съ тѣхъ поръ въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ въ ихъ семействахъ вовсе не было дочерей,—всѣ онѣ убивались. Этотъ обычай крѣпко утвердился въ народѣ и упорно продолжалъ держаться даже тогда, когда джареджи нашли возможность отдавать замужъ своихъ дочерей въ родственныя и единовѣрныя имъ племена. Даже индіянки, вышедшія замужъ за магометанъ, вопреки религіи и желаніямъ своихъ супруговъ, продолжаютъ совершать это преступленіе. Способы дѣтоубійства въ Индіи разнообразны; дѣтей топятъ въ вазѣ, наполненной молокомъ, задушаютъ ихъ тотчасъ послѣ рожденія, заткнувъ имъ ротъ плацентой, отравляютъ опіемъ и т. д. Кромѣ того сильно распространено плодоизгнаніе, и на базарахъ британской Индіи открыто продаются средства и даются совѣты для совершенія этого преступленія.

Мы уже говорили выше, что религія и право индусовъ вооружаются противъ разсматриваемаго преступленія, и поэтому мѣры, принимаемыя противъ него англичанами, не могли не найти себѣ партизановъ въ средѣ самихъ индусовъ. И, благодаря этимъ мѣрамъ, размѣры индійскаго дѣтоубійства уменьшаются; конечно, этому содѣйствуетъ не законъ, кары котораго были всегда безсильны противъ этого зла, а просвѣтительное вліяніе англійскаго управленія, разрушающаго постепенно тѣ предразсудки, въ силу которыхъ избиваются новорожденныя дѣвушки и вообще дѣти. Дѣтоубійство же, производимое вслѣдствіе бѣдности, продолжаетъ существовать подъ англійскимъ владычествомъ, какъ и прежде. Еще въ декабрѣ 1789 г., вслѣдствіе мѣръ и настоянія губернатора Дункана, племя раджъ-кумаръ составило и передало губернатору слѣдующій замѣчательный актъ. «Такъ какъ домыо до свѣдѣнія достопочтенной англійской остъ-индской компаніи, что мы не терпимъ у себя своихъ дѣтей женскаго пола; такъ какъ это великое преступленіе, по словамъ Брема-Вивапта-Пурана, въ которой даже вытравленіе плода считается такъ же преступнымъ, какъ убійство брамина; такъ какъ за убійство дѣвушки или женщины преступникъ долженъ страдать въ наказаніе въ *Наракѣ*, или адѣ, называемомъ *Шутала*, столько лѣтъ, сколько необходимо для того, чтобы на тѣлѣ женщины выросли волоса; такъ какъ послѣ того онъ долженъ родиться снова и преемственно подвергнуться проказѣ и джакхимъ; такъ какъ британское управленіе Индіи, подданными котораго мы состоимъ, ненавидитъ этотъ убійственный обычай, и мы сами, не смотря на господство этого обычая между нами, сознаемъ всю его грѣховность,—то мы рѣшаемся не совершать впредь столь постыдныхъ дѣяній. и кто изъ насъ окажется виновнымъ въ этомъ или не будетъ воспитывать и выдавать своихъ дочерей замужъ за членовъ своей касты, тотъ будетъ изгнанъ изъ нашего племени, не будетъ ни ѣсть, ни имѣть общенія съ нами, кромѣ перенесенія того наказанія, которое опредѣлено въ *Пурана* и *Шастре*». Къ подобной же цѣли и не безъ нѣкотораго успѣха стремился полковникъ Уокеръ (Walker). Принятыя имъ мѣры дѣйствительно уменьшили число избиваемыхъ дѣвочекъ; «естественная привязанность и родительскія чувства начали брать такой перевѣсъ надъ предразсудками и суевѣріемъ, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ искорененіи этого безчеловѣчнаго обычая». Такъ же успѣшно дѣйствовалъ въ Аудѣ вице-король Индіи лордъ Каннингъ. Подъ его вліяніемъ британско-индійская ассоціація объявила дѣтоубійство важнымъ и гнуснымъ преступленіемъ. Виновный въ немъ лишается своей касты и изгоняется изъ общества равныхъ. Точно также общественное мнѣніе туземцевъ Лагора было возбуждено противъ дѣтоубійства Джономъ Лауренсомъ. Племена, у которыхъ оно господствовало, были приглашены на совѣщаніе по этому поводу, и здѣсь англичане довели ихъ до сознанія великой грѣховности дѣтоистребленія. Здѣсь, съ общаго согласія ихъ, было положено, что размѣры приданаго дочерямъ не должны быть велики, и дѣвушка, вышедшая за члена низшей касты, не теряетъ привилегій своей касты; такимъ образомъ были устранены двѣ самыя сильныя причины убійства дочерей.

До сихъ поръ мы выставляли только тѣ факты дѣтоубійства, которые проистекаютъ или изъ бѣдности, или изъ уродливыхъ общественныхъ отношеній. Но есть еще факторъ, производящій это преступленіе, факторъ, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, столь же сильный, какъ и бѣдность. Религіозныя вѣрованія и суевѣрія сплошь и рядомъ оказываютъ столь сильное вліяніе на всю жизнь, на всѣ дѣйствія народа, что заставляютъ людей идти противъ законовъ своей природы и извращаютъ самыя лучшія чувствованія человѣческаго сердца. Timor fecit deos, говоритъ Цицеронъ, и это изреченіе древняго мыслителя вполнѣ подтверждается изслѣдованіями новѣйшихъ ученыхъ о первобытныхъ религіяхъ, особенно восточныхъ. Сущность отношеній людей къ этимъ жестокимъ божествамъ со-

стоитъ въ жертвоприношеніяхъ. Боги эти требуютъ жертвъ за исполненіе просьбъ вѣрующихъ въ нихъ, и тѣмъ цѣннѣе жертвы, тѣмъ божества благосклоннѣе къ людямъ. Слѣдовательно, во время великихъ общественныхъ бѣдствій или предъ началомъ важныхъ предпріятій, словомъ, при обращеніи къ богамъ съ молитвою о какой-нибудь милости, человѣкъ долженъ приносить въ жертву не телятъ или барановъ, а самую цѣнную свою собственность, т.-е. *своихъ дѣтей* или, по крайней мѣрѣ, своихъ рабовъ. Кромѣ того, суевѣрія часто заставляютъ истреблять дѣтей въ силу какихъ-нибудь примѣтъ, показывающихъ, что или смерть дѣтей принесетъ пользу, или ихъ жизнь повлечетъ за собою бѣдствіе.

По свидѣтельству историковъ, древніе египтяне приносили въ жертву своихъ дѣтей. «У древнихъ— говоритъ Санхоніатонъ.—былъ обычай, въ силу котораго правители города или народа, во время великихъ бѣдствій и чтобы отвратить погибель всѣхъ, приносили въ жертву мстительнымъ божествамъ самыхъ любимыхъ своихъ дѣтей, какъ цѣну искупленія». Далѣе историкъ говоритъ, что этотъ обычай былъ введенъ Крономъ, «котораго финикіяне называютъ Иль, и который послѣ своей смерти былъ обоготворенъ и помѣщенъ на планетѣ, носящей его имя. Будучи царемъ, онъ прижилъ съ нимфой Анобретъ одного сына. Во время великой опасности отъ войны, объявшей страну, онъ украсилъ алтарь и, облекши своего сына эмблемами царства, принесъ его въ жертву». Діодоръ разсказываетъ, что «старинные египетскіе цари на могилѣ Озириса приносили въ жертву людей, имѣвшихъ одинъ цвѣтъ кожи съ Тифономъ». Манетонъ подтверждаетъ это извѣстіе, говоря, что «египтяне людей *тифонеянъ* сожигали живыми въ городѣ Идифіа и развѣвали ихъ прахъ по вѣтру; это они дѣлали публично и въ опредѣленное время, въ дни собаки». Ювеналъ, въ одной изъ своихъ сатиръ, удивляется тому, что египтяне, считая даже лукъ *божествомъ*, ѣдятъ человѣческое мясо. По словамъ Унстона, еще задолго до Авраама, человѣческія жертвоприношенія существовали и въ Египтѣ, и въ Финикіи; и во многихъ мѣстахъ, хотя и не въ Египтѣ, они продолжались до III, если не до V вѣка по Р. Х.

Исторія Авраама содержитъ въ себѣ всѣмъ извѣстное свидѣтельство о существованіи у евреевъ жертвоприношенія дѣтей и, какъ кажется, объ уничтоженіи этого обычая. Іегова останавливаетъ ножъ Авраама, велитъ ему пощадить Исаака и заколоть вмѣсто него овна. Въ послѣдующіе періоды еврейской исторіи мы вовсе не встрѣчаемъ фактовъ жертвеннаго дѣтоубійства. Іегова постоянно предостерегаетъ свой народъ отъ этого преступленія и сильно осуждаетъ за него язычниковъ. «Кто изъ сыновъ Израиля или изъ иностранцевъ, живущихъ во Израилѣ, принесетъ въ жертву Молоху свое сѣмя (дѣтей), будетъ наказанъ смертью, народъ страны побьетъ его камнями» (*Левитъ XX, 2*). Подобныя строгія предписанія были направлены не противъ дѣйствительныхъ, а только противъ возможныхъ фактовъ; они шли не противъ стремленій народа, а совершенно согласовались съ ними, по крайней мѣрѣ, въ извѣстный періодъ еврейской исторіи. Израиль чувствовалъ отвращеніе отъ этой религіозной рѣзни дѣтей. Когда царь моавитскій былъ разбитъ, то онъ принесъ въ жертву всесожженія своего старшаго сына, наслѣдника престола; узнавъ объ этомъ, евреи пришли въ сильное негодованіе и покинули страну. Особенное благоговѣйное уваженіе къ чадородію и вѣра въ пришествіе Мессіи объясняютъ такое отвращеніе ихъ отъ дѣтоубійства. Но лишь только они отступали отъ своей вѣры, тотчасъ воздвигали алтари жестокимъ божествамъ и обагряли ихъ кровью своихъ дѣтей. Объ Ахазѣ разсказывается, что онъ дѣлалъ истуканови Ваала, сожигалъ благоухапія въ долинѣ Бенномонской и приносилъ въ жертву дѣтей, по обычаю сосѣднихъ язычниковъ. Пророки часто вооружаются противъ этихъ языческихъ обычаевъ и говорятъ, что «израильтяне проливали невинную кровь, кровь своихъ сыновей и своихъ дочерей, приносимыхъ въ жертву идоламъ Ханаана»; что «они сожигали огнемъ» своихъ дѣтей, «чего Іегова не повелѣлъ и не помышлилъ въ сердцѣ своемъ». Обычай былъ нѣсколько времени сильно распространенъ по Палестинѣ. Долина сыновъ Гиномовыхъ, вблизи Іерусалима, названа такъ отъ крикова жертвоприносимыхъ тутъ дѣтей; названіе *Тафетъ* также заимствовано отъ шума, которымъ старались заглушить вопли малютокъ, убиваемыхъ на этой горѣ. Царь Іосія положилъ конецъ идолопоклонству и соединенному съ нимъ дѣтоубійству, и «осквернилъ Тафетъ, чтобы никто не могъ приносить тамъ своихъ сыновей и дочерей въ жертву Молоху». Въ послѣдующее время жертвоприношенія дѣтей вовсе не было у евреевъ; въ этомъ ихъ не обвиняютъ даже ихъ жестокіе враги.

Въ древней Мексикѣ этотъ варварскій обычай былъ въ большомъ употребленіи. Въ концѣ каждаго мѣсяца приносилось въ жертву нѣсколько плѣнниковъ. Когда начиналъ созрѣвать хлѣбъ, мексиканцы рѣзали въ честь бога водъ трехлѣтнихъ мальчика и дѣвочку. Когда хлѣба поднимались на корнѣ выше двухъ футовъ, приносилось въ жертву четыре шести или семилѣтнихъ ребенка. Кромѣ того, дѣтей топили еще въ озерахъ, жертвуя ихъ озернымъ божествамъ. Въ 1338 г. по Р. Х. одинъ царь пожертвовалъ свою дочь въ жены какому-то богу, и она была зарѣзана. По словамъ Торквемады и перваго мексиканскаго епископа Зумурраги, въ одной столицѣ Мексики приносилось въ жертву *ежегодно 20,000* человѣкъ. Акоста говоритъ, что въ одинъ день по всему царству должно было приноситься въ жертву *50,000*, а въ другой день *20,000* человѣкъ. При освященіи главнаго храма въ Мексикѣ въ 1486 г. зарѣзано жрецами на жертвенныхъ алтаряхъ *72,344* ч.! Отъ мексиканцевъ не отставали и подвластные имъ народы. Самое жертвоприношеніе сопровождалось ужасными жестокостями. Приносимому въ жертву человѣку разрѣзывали грудь, вырывали трепещущее сердце и ложкою клали его въ пасть идола. Мясо съѣдалось людьми. Отомисы даже на базарахъ продавали человѣческое мясо.

Въ жертву приносились плѣнники и преступники; въ случаѣ оскудѣнія этого запаса, дѣлался походъ, и налаживались новые плѣнники.

Хотя Робертсонъ въ своей исторіи и прославляетъ кротость перуанскихъ нравовъ, однакожъ говоритъ, что «перуанцы въ праздники приносили въ жертву хлѣбныя лепешки, намоченныя кровью, добытою изъ рукъ, бровей и носовъ своихъ дѣтей». По другимъ извѣстіямъ, больной отецъ, чтобы избавиться отъ болѣзни, приносилъ въ жертву солнцу своего сына. Въ случаѣ болѣзни инки, или какого-нибудь общественнаго бѣдствія, также рѣзали дѣтей. При коронаціи одного инки было принесено въ жертву 200 ребятъ.

Въ Китаѣ разсматриваемый обычай, существующій тамъ съ глубокой древности, не вывелся до сихъ поръ. Въ надеждѣ получить хорошій урожай, китайскіе простолюдины разсѣкаютъ на двое или отравляютъ своихъ дѣтей; часто ихъ бросаютъ въ воду, какъ жертву водянымъ божествамъ. По словамъ Гюка, религіозное дѣтоубійство особенно сильно между китайцами, вѣрующими въ переселеніе душъ. Каждый человѣкъ, вѣрятъ они, имѣетъ трехъ *гуановъ*, особаго рода духовъ. Послѣ смерти человѣка, одинъ изъ этихъ духовъ избираетъ себѣ для жительства трупъ, другой остается въ семьѣ, а третій поселяется на могилѣ умершаго. Для умилостивленія послѣдняго ему приносятся жертвы. Но эти жертвы могутъ быть приносимы только гуану взрослаго человѣка, а не ребенка. Гуанъ послѣдняго не совершенно еще развитъ и поэтому недостоинъ жертвы. Но онъ такъ же золъ, какъ и взрослый гуанъ, и заблаговременно нужно принимать мѣры, чтобы онъ не могъ вредить семейству. «Поэтому отъ большихъ дѣтей отдѣлываются такимъ образомъ, чтобы гуаны, при своемъ выходѣ изъ тѣла, не знали семейства умершаго. Малютку бросаютъ въ воду или выбрасываютъ подальше или закалываютъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ. Въ такомъ случаѣ, гуаны, негодующіе на то, что имъ не воздается поклоненія, привязываются къ рыбамъ или къ лѣснымъ звѣрямъ, и семейство спасено отъ нихъ. Обыкновенно человѣкъ, уносящій больного малютку, нейдетъ по прямой линіи, но зигзагами, то возвращаясь назадъ, то завертывая въ сторону, описывая множество треугольниковъ, чтобы въ этомъ лабиринтѣ ломаныхъ линій гуаны никогда не могли узнать дороги, если бы они захотѣли вернуться на прежнее мѣстожительство своего хозяина. Таково основаніе, по которому истребляется столько дѣтей; и тѣ, которыя только выбрасываются—еще самыя счастливыя». Далѣе Гюкъ разсказываетъ такой случай: «у одного китайца по сосѣдству заболѣлъ ребенокъ, и онъ зарубилъ его, такъ какъ, по его мнѣнію, гуанъ этого ребенка могъ броситься на другихъ и такимъ образомъ умертвить всѣхъ его дѣтей». При совершеніи этого вида дѣтоубійства у нѣкоторыхъ китайцевъ требуется исполненіе двухъ правилъ: «1) должно разсѣчь ребенка на три части и 2) разрубить его должны или отецъ, или мать».

«До самаго послѣдняго времени—говоритъ Боркъ Рэйанъ—въ Индіи совершаются секретно (отъ европейцевъ) человѣческія жертвоприношенія. Мой покойный другъ Коль, служившій въ остъ-индской компаніи, разсказывалъ мнѣ, что вплоть до его времени (*до* 1855 г.) женщины, находящіяся внѣ европейскаго вліянія, убивали своихъ дѣтей. Сликманъ говоритъ то же въ своемъ послѣднемъ сочиненіи объ Ауде, гдѣ дѣтей травятъ декоктомъ datura stramonium... Въ Ганго-Сагорѣ женщины имѣютъ обыкновеніе бросать своихъ дѣтей въ воду, во *исполненіе* какого-нибудь торжественнаго обѣта; онѣ считаютъ это жертвоприношеніе удачнымътолько въ томъ случаѣ,если акула или другое морское животное пожретъ дѣтей передъ ихъ глазами». У туземцевъ Индустана, гондовъ, ежегодно сотни взрослыхъ дѣтей приносятся въ жертву богинѣ земли. «Богиня земли!» поютъ при этомъ гонды,—«ты источникъ всякаго зла, твоя праведная месть угнетаетъ насъ! Мы недостаточно почитаемъ тебя! О, прости насъ, великая богиня, нашъ запасъ такъ малъ! Богиня, научившая человѣка смерти посредствомъ растеній, смерти посредствомъ желѣза и стали, прости, прости насъ, и мы впредь никогда не замедлимъ *обагрять* человѣческою кровью алтари твои! Вотъ принесенная тебѣ жизнь, это искупительная жертва *тебѣ*!»

Подобно этимъ гондамъ, того же обычая держатся и многія другія расы дикарей.

Въ Аравіи думаты ежегодно жертвоприносили ребенка. Африканское племя гилановъ ежегодно приноситъ въ жертву истокамъ Нила своихъ дѣтей, или дѣтей, похищенныхъ у сосѣднихъ народовъ. Гагасы, предпринимая какое-нибудь важное дѣло, рѣжутъ для боговъ мальчика. Африканское же племя кваква добываетъ себѣ посредствомъ войнъ взрослыхъ и дѣтей для жертвъ; если этихъ плѣнниковъ недостаточно, то рѣжутъ своихъ единоплеменниковъ; эта рѣзня принимаетъ особенно огромные размѣры при смерти князя. Отантяне до введенія христіанства приносили такія жертвы своему богу *Этіу*. Бельтрами говоритъ, что у индѣйцевъ Сѣверной Америки вплоть до его путешествія (1827 г.) были въ обычаѣ человѣческія жертвы, въ особенности богу войны Маниту. Такой же обычай былъ у дикарей Флориды; жертвовали обыкновенно мальчиковъ.

Кромѣ этихъ жертвоприношеній, дѣти у дикарей погибаютъ еще вслѣдствіе суевѣрнаго страха, внушаемаго ими родителямъ. Убиваются уроды или дѣти, родившіяся подъ неблагопріятными предзнаменованіями. Въ Камчаткѣ, напримѣръ, убиваютъ или, по крайней мѣрѣ, убивали прежде дѣтей, родившихся во время грозы.

Въ государствахъ первоначальной культуры очень силенъ еще особый, *политическій*, такъ сказать, видъ дѣтоубійства. Въ постоянныхъ династическихъ раздорахъ правителей Востока побѣдитель сплошь и рядомъ истребляетъ все племя побѣжденнаго. Такъ царица Аталія перебила своихъ внуковъ, чтобы царствовать самой. Такъ въ Турціи, по словамъ Торнтона, дѣти принцевъ королевской крови умерщвляются при самомъ ихъ рожденіи. Иногда политическій расчетъ заставляетъ истреблять не однихъ только дѣтей знатныхъ фамилій. Египетскій фара-

онъ, желая положить предѣлы быстрому и опасному для него размноженію евреевъ, велѣлъ повивальнымъ бабкамъ убивать всѣхъ новорожденныхъ еврейскихъ мальчиковъ. Къ этому библейскому сказанію Іосифъ Флавій прибавляетъ еще, что родителей, спасшихъ, вопреки этому повелѣнію, своихъ сыновей, фараонъ велѣлъ убивать вмѣстѣ съ ихъ дочерьми. Другой подобный примѣръ представляетъ также исторія евреевъ—это избіеніе младенцевъ во время Ирода, когда «онъ смутился и весь Іерусалимъ съ нимъ» вѣстью о рожденіи Мессіи. Иродъ «велѣлъ тогда избить въ Виѳлеемѣ и на его территоріи всѣхъ дѣтей мужескаго пола, начиная съ двухлѣтнихъ и ниже». Подобныя дѣтоубійства en grand совершаются особенно во время тѣхъ кровопролитныхъ войнъ, которыми наполнена тысячелѣтняя исторія внѣевропейскихъ странъ. Осаждающіе, напримѣръ, берутъ городъ, избиваютъ всѣхъ мужчинъ, насилуютъ женщинъ, «а младенцевъ ихъ разбиваютъ о камни», какъ выражается одинъ еврейскій псаломъ. Или вотъ идетъ грозная армія восточнаго владыки; зарево и дымъ пожаровъ всюду сопровождаютъ ее; поля вытоптаны, скотъ истребленъ, селенія сожжены, и между грудами труповъ хищныя птицы находятъ молодыя, вкусныя тѣла умерщвленныхъ дѣтей. Иногда такая рѣзня производится съ расчетомъ: завоеватели хотятъ обезсилить побѣжденную страну и истребляютъ ея будущихъ гражданъ, питающихся еще материнскимъ молокомъ. Но въ большинствѣ случаевъ, здѣсь дѣйствуетъ звѣрская вражда къ побѣжденнымъ и варварскій инстинктъ разрушенія. «Счастливѣе всѣхъ на землѣ тотъ,—говорилъ Чингисханъ,—кто гонитъ разбитыхъ имъ непріятелей, грабитъ ихъ добро, скачетъ на коняхъ ихъ, любуется слезами людей имъ близкихъ и ласкаетъ ихъ женъ и дочерей!» Удивительно ли, что при такихъ инстинктахъ варварскіе и полуварварскіе народы находятъ наслажденіе въ истребленіи вражескихъ дѣтей, особенно въ тѣхъ случаѣ, если они хотятъ тѣмъ отомстить ихъ родителямъ. «Однажды жители города, навлекшаго на себя гнѣвъ Тимура, выслали для умилостивленія его дѣтей своихъ. При видѣ этихъ малютокъ, шедшихъ съ пѣснями изъ корана ему на встрѣчу, въ Тимурѣ разыгрался духъ истребленія. Онъ помчался на нихъ на конѣ своемъ и приказалъ своей конницѣ слѣдовать за нимъ. Несчастные родители, стоявшіе на городскихъ стѣнахъ, были свидѣтелями гибели дѣтей своихъ, потоптанныхъ татарскими конями. Случай этотъ, вѣроятно, повторился нѣсколько разъ. Шильдергеръ разсказываетъ его объ Испаганѣ, магометанскіе историки объ одномъ изъ городовъ Малой Азіи».

Обобщая все сказанное нами о дѣтоубійствѣ у народовъ, стоящихъ внѣ европейской цивилизаціи, мы находимъ, во-первыхъ, что причины его—абсолютизмъ отцовской власти, бѣдность, тѣснота народонаселенія и подобныя общественныя бѣдствія, религіозныя суевѣрія, общественные предразсудки, политическіе расчеты и жестокость нравовъ. Во-вторыхъ, вліяніе магометанства, христіанства и европейской цивилизаціи уменьшаетъ дѣтоубійство лишь настолько, насколько оно содѣйствуетъ устраненію моральныхъ причинъ его, насколько онъ смягчаетъ нравы, ограничиваетъ отцовскій абсолютизмъ, разбиваетъ вредные предразсудки. И, какъ мы видѣли изъ примѣровъ успѣшнаго дѣйствія англичанъ противъ индусскаго дѣтоубійства, Европа въ этомъ отношеніи можетъ оказать дѣйствительныя услуги варварскимъ націямъ и полуварварскимъ государствамъ Востока. Но дѣтоубійство, проистекающаго изъ бѣдности, современная Европа все-таки уничтожить не въ состояніи. Кромѣ того, съ постепеннымъ усиленіемъ на Востокѣ христіанско-цивилизованныхъ элементовъ, будетъ усиливаться тамъ новый для Востока, но старый для Европы видъ дѣтоубійства: убійство незаконнорожденныхъ дѣтей изъ стыда или страха стыда.

II.

Какъ бы ни прославляли классическую Элладу поклонники ея, какъ бы дѣйствительно не были привлекательны ея миѳы и поэзія, архитектура и скульптура, глубокомысленная философія и развитая общественная жизнь, доблесть ея государственныхъ мужей и патріотизмъ ея гражданъ,—но при безпристрастномъ и всестороннемъ взглядѣ на древне-эллинскую жизнь, рядомъ съ этими свѣтлыми чертами, предъ нами встанетъ много тѣней, помрачающихъ блескъ родины Перикловъ, Аристидовъ, Софокловъ, Аристотелей. Къ числу такихъ мрачныхъ чертъ относится и сильное развитіе дѣтоубійства, въ особенности характеръ тѣхъ причинъ, которыми оно вызывалось.

Отецъ, особенно въ началѣ греческой жизни, былъ абсолютнымъ владѣльцемъ и верховнымъ судьею своихъ дѣтей. До Солона отецъ имѣлъ право продавать своихъ дѣтей и отдавать ихъ въ залогъ, а нецѣломудренную дочь казнить смертію; послѣднее Солонъ замѣнилъ продажей ея. Жизнь или смерть новорожденнаго ребенка также была въ рукахъ отца. Едва только дитя показалось на свѣтъ, его клали къ ногамъ родителя. Если онъ бралъ ребенка на руки, значитъ позволялъ ему жить; но если онъ не имѣлъ средствъ воспитывать его или находилъ въ немъ тѣлесные недостатки, то отвертывался отъ него,—и малютку тотчасъ убивали или выбрасывали. Въ Спартѣ, гдѣ, болѣе чѣмъ въ остальной Элладѣ, человѣкъ служилъ только орудіемъ для достиженія цѣлей государства и всецѣло принадлежалъ ему,—въ Спартѣ дѣти были собственностью государства, и дѣтоубійство новорожденныхъ совершалось его чиновниками. Тотчасъ послѣ рожденія ребенка, родители были обязаны нести его на извѣстную площадь (λέσχη), гдѣ его свидѣтельствовали назначенные для того старцы; если ребенокъ оказывался здоровымъ и хорошо сложеннымъ, то власть дозволяла ему жить; въ противномъ случаѣ его бросали въ пропасть съ Тайгетской горы, такъ какъ его жизнь не могла принести пользы отечеству, которому нужны были только сильныя мышцы и здоровыя тѣла. Этотъ обычай былъ распространенъ по всей Греціи, за исключеніемъ однихъ Ѳивъ. Столь же распростра-

нено было выбрасываніе новорожденныхъ, особенно дѣвочекъ. что не только дозволялось, но даже поощрялось законодателями. Въ Аѳинахъ мѣстомъ для выбрасыванія дѣтей служила одна изъ гимназій, *киносаргъ*. Иногда дѣти выбрасывались отцами съ надеждою, что кто-нибудь подберетъ и воспитаетъ ихъ; иногда же при выбрасываніи прямо разсчитывали на ихъ смерть, при чемъ старались совершить надъ ребенкомъ такое истязаніе, послѣ котораго не могла бы спасти его никакая случайность. Плодоизгнаніе въ Греціи было такъ же всеобщее, такъ же терпимо, какъ дѣтоубійство и дѣтовыбрасываніе. Даже объ Гиппократѣ разсказываютъ, что онъ доставлялъ желающимъ средства для плодоизгнанія, хотя, по другимъ извѣстіямъ, онъ далъ клятву никогда не содѣйствовать столь преступному дѣлу. Одни только сиваиты, какъ мы уже замѣтили, были противъ дѣтоистребленія. Запрещая плодоизгнаніе, сиваискій законъ наказывалъ за дѣтоубійство, какъ за уголовное преступленіе. Это было единственное исключеніе. Даже самые лучшіе умы Эллады защищали истребленіе дѣтей и старались доказать его раціональность. Этому отчасти содѣйствовало и состояніе тогдашней науки о человѣкѣ и обществѣ. Плодоизгнаніе, въ большинствѣ случаевъ, не могло быть преступленіемъ, какъ дѣйствіе, объектомъ котораго, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, было не *живое лицо*. Плутархъ говоритъ, что, по мнѣнію стоиковъ, ребенокъ начинаетъ жить и принимаетъ душу въ моментъ рожденія, въ моментъ перваго вдыханія воздуха. Гиппократъ утверждалъ, что foetus мальчика одухотворяется въ 30-й, а дѣвочки въ 40-й день послѣ зачатія. По Аристотелю, зародышъ мальчика получаетъ душу въ 40-й, а дѣвочки въ 80-й день по зачатіи. Понятно, что истребленіе зародыша до той поры, которая считалась эпохой начала его жизни, не могло считаться преступленіемъ. Даже Аристотель считалъ плодоизгнаніе вполнѣ законнымъ, если оно совершалось до времени одухотворенія зародыша и не подвергало опасности жизни или здоровья матери. Дѣтоубійство также оправдывалось лучшими философами, какъ одно изъ средствъ къ сохраненію и преуспѣянію государства. Въ Элладѣ государство значило все, а личность цѣнилась только какъ государственная единица. Даже высокія и нѣжныя незапятнанныя личности, коль скоро онѣ стояли выше окружавшихъ ихъ, подвергались изгнанію посредствомъ остракизма, съ цѣлью предупредить нарушеніе государственнаго равновѣсія и равенства. Поэтому, коль скоро государству грозила опасность отъ чрезмѣрнаго увеличенія народа или отъ появленія въ средѣ его уродливыхъ, безобразныхъ, больныхъ или безполезныхъ личностей, то философы указывали на дѣтоубійство, какъ на противоядіе этому злу. Платонъ, напримѣръ, допуская плодоизгнаніе въ своей *Республикѣ*, говоритъ, что мужчины низшаго класса должны жениться на женщинахъ того же класса, и рожденныхъ отъ нихъ дѣтей, въ случаѣ государственной надобности, онъ велитъ закапывать живыми въ одномъ мѣстѣ съ дѣтьми уродливыми или больными. Поставляя половыя отношенія подъ строгій полицейскій надзоръ, онъ дозволяетъ большую свободу ихъ только съ того времени, когда совокупляющаяся пара достигла возраста, въ которомъ трудно ожидать отъ нея способности къ дѣторожденію. Но если, сверхъ ожиданія, у такой пары родится ребенокъ, то философъ-законодатель предписываетъ выбросить его.

Если философія и право покровительствовали и допускали дѣтоубійство, то греческая религія прямо вызывала его. Эта религія, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не была избавлена и отъ тѣхъ мрачныхъ началъ, которыя такъ отталкиваютъ насъ отъ религіи мексиканцевъ или индусовъ. Въ прекрасной Элладѣ алтари ея человѣчныхъ божествъ такъ же обагрялись кровью человѣческихъ жертвъ, какъ и алтари Востока. Нелаги, во времена общественныхъ бѣдствій, приносили своимъ богамъ человѣческія жертвы. Спартанцы убивали своихъ дѣтей въ честь Діаны. Виргилій, въ своей Энеидѣ, говоритъ о принесеніи въ жертву Ифигеніи, дочери Агамемнона и Поликсены, и дочери Пріама; а Овидій о жертвоприношеніи Поликсены на могилѣ Ахиллеса. Геродотъ разсказываетъ, что когда греки не нашли Елены во взятой ими Троѣ, то съ Менелаемъ отправились преслѣдовать ее въ Египетъ. Менелай былъ хорошо принятъ фараономъ и получилъ Елену со всѣми ея сокровищами. Но онъ долго не могъ выѣхать изъ Египта по причинѣ противныхъ вѣтровъ; чтобы вымолить у боговъ устраненіе этого препятствія, онъ принесъ имъ въ жертву двухъ туземныхъ дѣтей, но обычаю, распространенному тогда въ Греціи. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что принесеніе въ жертву дѣтей омрачало собою только разсвѣтъ греческой жизни и постепенно исчезало съ ея развитіемъ. Но зато постепенно увеличивалось дѣтоубійство, совершаемое вслѣдствіе другихъ причинъ,—густоты народонаселенія, бѣдности низшихъ классовъ, распущенности нравовъ.

Переходя къ исторіи Рима, мы, на первыхъ же шагахъ, въ легендѣ о Ромулѣ, встрѣчаемся съ фактомъ, доказывающимъ если не дѣтоубійство, то, во всякомъ случаѣ, дѣтовыбрасываніе въ самую раннюю эпоху римской исторіи.

Абсолютизмъ отцовской власти у римлянъ получилъ вполнѣ легальный характеръ и былъ доведенъ до высшей степени. Какъ полный и неограниченный владѣлецъ ребенка, отецъ могъ убить его при самомъ рожденіи. XII таблицъ позволяли убивать и уродливыхъ новорожденныхъ дѣтей, какъ это было въ Греціи, подъ вліяніемъ которой составленъ этотъ кодексъ. Новорожденнаго клали къ ногамъ родителя, и если онъ поднималъ его, то это служило знакомъ, что онъ даруетъ ему жизнь; въ противномъ случаѣ, его убивали или выбрасывали. Отецъ былъ также верховнымъ судьей своихъ дѣтей и совершенно безконтрольно могъ осуждать ихъ на смерть. Онъ не имѣлъ этой власти только въ то время, когда его сынъ исправлялъ какую-нибудь общественную должность. Но коль скоро онъ смѣнялся съ этой должности, отецъ снова пріобрѣталъ надъ нимъ право жизни и смерти. Такъ Спурій Кассій, по словамъ Т. Ливія, по сложеніи съ себя

должности консула, былъ приговоренъ своимъ отцомъ къ смерти и казненъ имъ. Такъ былъ казненъ отцомъ одинъ изъ участвовавшихъ въ заговорѣ Катилины, А. Фульвій. Въ то время, какъ законы такъ покровительствовали дѣтоубійству, они были варварски жестоки къ отцеубійцамъ. Отцеубійцу римляне сажали въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакою, обезьяною и пѣтухомъ, зашивали этотъ мѣшокъ и бросали его въ воду. По ихъ мнѣнію, вода была бы осквернена, если бы отцеубійцу бросить въ нее незашитымъ въ мѣшокъ; они боялись его и отдать на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, чтобы послѣдніе, напитавшись его мясомъ, не сдѣлались еще болѣе хищными. Отцеубійцы должны были умирать такъ, чтобы ихъ кости не осквернили земли своимъ прикосновеніемъ.

Постепенно усилившіяся въ Римѣ бѣдность народныхъ массъ и крайняя развращенность нравовъ постоянно поддерживали и увеличивали размѣры дѣтоубійства, плодоизгнанія и дѣтовыбрасыванья. Всѣ эти преступленія были самыми обыкновенными явленіями въ Римѣ. Они совершались иногда изъ побужденій самыхъ варварскихъ. По словамъ Ювенала, очень нерѣдко дѣти убивались изъ какихъ-нибудь денежныхъ расчетовъ. Сатирикъ совѣтуетъ дѣтямъ беречь свою жизнь и не садиться съ довѣрчивостью за обѣденные столы, блюда которыхъ *отравлены матерями*. Чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ выдумкѣ, Ювеналъ указываетъ на жену Веттія Болана, Поппію, которая отравила за ужиномъ двухъ своихъ дѣтей и была осуждена Неропомъ на смертную казнь. «Ужели ты, лютая ехидна, отравила двухъ за однимъ ужиномъ? двухъ?» спрашиваетъ сатирикъ, и потомъ, оправившись отъ своего изумленія, восклицаетъ: «ты отравила бы семерыхъ, если бы у тебя ихъ было семь!» Къ этому Ювеналъ прибавляетъ, что такія дѣла совершались и прежде, но *не изъ-за денегъ*. На могилѣ Поппіи было написано: «здѣсь положена я, Поппія, дочь Тита Поппія, которая отравила двухъ своихъ сыновей». Минуцій Феликсъ говоритъ, что римляне выбрасываютъ своихъ дѣтей звѣрямъ и птицамъ, а иногда удавляютъ ихъ. Другой обличитель римскаго общества, Тертулліанъ, защищая христіанъ отъ нелѣпаго обвиненія въ дѣтоубійствѣ во время ихъ ночныхъ религіозныхъ собраній, говоритъ своимъ обвинителямъ, что они сами секретно и публично совершаютъ страшное дѣло дѣтоубійства, въ которомъ обвиняютъ христіанъ. Тертулліанъ говоритъ, что въ римской Африкѣ, при одномъ изъ проконсуловъ Тиверія, дѣти публично приносились въ жертву Сатурну, и что это продолжалось секретно до его времени. Способы дѣтоубійства, по Тертулліану, были очень разнообразны: дѣдей задушали, топили въ водѣ, выбрасывали собакамъ или на холодъ; смерть отъ меча была для нихъ самою лучшею.

Плодоизгнаніе было также чрезвычайно распространено въ Римѣ и находило себѣ защитника даже въ старшемъ Плиніѣ, который говоритъ, что есть такія плодовитыя женщины, что онѣ непремѣнно погибали бы отъ множества своихъ дѣтей, если бы не прибѣгали къ помощи упомянутаго средства. Законъ не обращалъ вниманія на этотъ обычай. Только дважды женщины были наказаны за плодоизгнаніе, и то не за самое плодоизгнаніе, а за злостную цѣль его; одна римлянка, изъ ненависти къ отцу своего ребенка, хотѣла лишить его тѣхъ выгодъ, которыя онъ получилъ бы съ рожденіемъ сына; она была присуждена къ изгнанію. Цицеронъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, говоритъ о другой женщинѣ, приговоренной къ смерти за то, что, будучи подкуплена отдаленными родственниками своего мужа, она вытравила свой плодъ, чтобы доставить этимъ родственникамъ то наслѣдство мужа, которое иначе перешло бы къ ребенку. Минуцій Феликсъ свидѣтельствуетъ о сильной распространенности плодоизгнанія, говоря, что римляне убиваютъ тѣхъ, которыхъ они еще не родили. По словамъ Ювенала, даже дѣвушки, едва только достигшія половой зрѣлости, знаютъ уже средства для плодоизгнанія. А другія, «будучи беременными и лежа на разолоченномъ ложѣ, посылаютъ за наемниками, умѣющими истреблять то, что находится въ ихъ чревѣ». Дѣтовыбрасываніе совершалось также постоянно. Для этого выбирались обыкновенно торговыя площади, храмы, перекрестки дорогъ, мѣста около фонтановъ и морскихъ купаленъ,—словомъ, большею частію мѣста, часто посѣщаемыя людьми; большинство родителей, повидимому, желало спасенія жизни выбрасываемыхъ дѣтей. Когда ихъ бросали въ воду, то привязывали ихъ къ чему-нибудь, чтобы они не утонули. Часто надѣвались на нихъ драгоцѣнныя украшенія, чтобы привлечь людей взять ихъ. Но тѣмъ не менѣе ихъ бросали иногда и въ такія мѣста, гдѣ ихъ могла спасти только баснословная волчица Ромула, да, пожалуй, еще римскія барыни. Ювеналъ говоритъ, что матроны иногда пріобрѣтали себѣ этихъ выброшенныхъ дѣтей и обманывали ими своихъ супруговъ, выдавая ихъ за своихъ новорожденныхъ. У грязныхъ озеръ, говоритъ онъ, куда выбрасываются эти несчастныя, нагія малютки, по временамъ появляется Фортуна; прижавъ малютокъ съ улыбкою къ своей груди, она уноситъ ихъ въ знаменитыя семейства.

Столь сильное и распространенное зло не могло не возбудить противъ себя реакціи и въ законодательствѣ, и въ народномъ сознаніи. Императоры и общественное мнѣніе, въ эпоху упадка, начали сильно оппонировать противъ абсолютизма отцовской власти. При Августѣ, одинъ отецъ, засѣкшій до смерти своего сына, только благодаря заступничеству императора, былъ избавленъ отъ разъяреннаго народа. Александръ Северъ ограничилъ судебную власть отца, предоставивъ ему только маловажныя исправительныя наказанія своихъ дѣтей. Извѣстный юристъ Павелъ считалъ убійцею отца, умерщвлявшаго, моривша голодомъ или выбрасывавшаго своего ребенка. «Но уроки юриспруденціи и христіанства—говоритъ Гиббонъ—оказались недостаточными для искорененія безчеловѣчнаго обычая, и ихъ кроткое вліяніе было усилено ужасами уголовнаго наказанія». Законы Константина, Ва-

лентиніана и др. старались мученіями и кровью родителей остановить пролитіе крови дѣтей. Такъ Константинъ смертную казнь черезъ утопленіе въ мѣшкѣ, налагавшуюся прежде только на отцеубійцъ, распространилъ и на дѣтоубійцъ. Но дѣтоубійство все-таки усилилось и не только вслѣдствіе возраставшей бѣдности, но и вслѣдствіе столкновенія народной развращенности съ новыми идеями христіанства. Самое уже рожденіе незаконныхъ дѣтей навлекало на родителей позоръ и отлученіе отъ церкви за блудодѣяніе. А между тѣмъ развращенности нравовъ и внѣбрачнаго сожитія христіанство не могло изгнать даже изъ среды тѣхъ лицъ, которыя выставляли себя его лучшими поборниками. Благодаря такимъ правамъ, количество незаконнорожденныхъ дѣтей было очень велико, а такъ какъ родители однимъ уже рожденіемъ ихъ навлекали и на себя, и на дѣтей позоръ и преслѣдованія, то изъ этого затрудненія представлялся одинъ выходъ—плодоизгнаніе, дѣтоубійство и дѣтовыбрасываніе. Увеличенію дѣтоубійства содѣйствовало также и окончательное разореніе народныхъ массъ передъ нашествіемъ варваровъ. Скопленіе земель въ рукахъ немногихъ, варварская эксплуатація низшихъ классовъ общества высшими, безсовѣстность властей и продажность судовъ, безчеловѣчные налоги и междоусобицы — все это разорило и Восточную, и Западную имперіи. «Всѣ упали духомъ,—говоритъ Мишле,—мертвящая недѣятельность распространилась во всемъ обществѣ. Народъ распростерся по землѣ отъ усталости и отчаянія, какъ вьючная скотина ложится подъ ударами и отказывается подняться. Поля необработаны, всюду бѣдность, голодъ; ужасныя болѣзни ходятъ по лицу умирающаго міра, усѣвая трупами людей путь свой. И люди были рады смерти. Ничто не возбуждало народа, отупѣвшаго подъ тяжестью бѣдствій, онъ болѣе не безпокоился объ императорахъ, онъ умолялъ только о смерти». И въ это-то несчастное время множество матерей рождало дѣтей только для того, чтобы убивать или выбрасывать ихъ: иначе, рано или поздно, они умерли бы съ голода. Но этимъ число жертвъ не ограничивалось, и рядомъ съ убитыми малютками законъ клалъ обезглавленные трупы ихъ убійцъ. Печальное заблужденіе: желали уменьшить число убитыхъ, а вмѣсто того только прибавляли новыхъ!...

Но древнее общество доживало свои послѣдніе дни; на него двигались уже легіоны варваровъ; послѣднія вакханаліи умирающей древности заглушались дикими, воинственными кликами пришельцевъ; для римской имперіи насталъ день смерти, и вмѣстѣ со взрослыми, подъ ударами варваровъ, погибали массы дѣтей. «Одни,— пишетъ Сальвіанъ,—покрытые ранами, влачили жалкую жизнь; другіе, полуобгорѣлые, долго чувствовали на себѣ жестокія послѣдствія обжога; одни погибали отъ голода, другіе отъ наготы; огромное число людей погибло отъ болѣзней или отъ суровости холода. Вездѣ валялись перемѣшанные трупы мужчинъ и женщинъ, нагіе, истерзанные и брошенные на съѣденіе собакамъ и птицамъ». Варвары воевали вполнѣ по-варварски. Туринги, напр., по словамъ Григорія Турскаго, «обрушившись на отцовъ, похитили у нихъ все. Затѣмъ они вѣшали ихъ дѣтей по деревьямъ за ноги. Они умертвили ужасною смертью болѣе 200 молодыхъ дѣвушекъ: однѣхъ привязывали за руку къ шеѣ лошадей и потомъ гнали животныхъ рожномъ и разрывали жертву на куски; другихъ растягивали на дорогѣ и прибивали кольями къ землѣ; потомъ проѣзжали по нимъ съ нагруженными телѣгами, раздробляли имъ кости и наконецъ бросали ихъ на съѣденіе воронамъ и собакамъ». Въ Метцѣ гунны умертвили всѣхъ жителей, даже *всѣхъ дѣтей*, которыхъ епископъ поспѣшилъ окрестить. Въ Африкѣ, по словамъ Августина, при нашествіи варваровъ, вмѣстѣ со взрослыми часто погибали и дѣти. Въ Италіи—то же опустошеніе, и уцѣлѣвшіе жители съ голоду дѣлались людоѣдами. «Женщины — говоритъ Іеронимъ—не щадили даже дѣтей, которыя лежали на ихъ груди, и *возвращали назадъ въ утробу свой плодъ, который только что вышелъ оттуда*». Варвары — сарацины, скиѳы, будины, гелоны и др.—также часто ѣли побѣжденныхъ ими взрослыхъ и дѣтей и пили иногда кровь изъ ранъ, нанесенныхъ ими въ бою непріятелю. «Если я — восклицаетъ Сальвіанъ — не могу сожалѣть объ истребленіи безъ разбора цѣлыхъ народовъ или людей, которые, быть можетъ, получили справедливое возмездіе за свои преступленія, то, по крайней мѣрѣ, мнѣ будетъ позволено спросить, что сдѣлали дурного дѣти, подвергшіяся той же участи, дѣти, которыя по возрасту своему неспособны были совершить преступленіе!»

Древній міръ погибъ, завѣщавъ новому только два средства противъ дѣтоубійства—кару закона и дома найденышей. Ему понадобились цѣлыя тысячелѣтія, чтобы додуматься до этихъ средствъ. Новому міру также предстояло прожить долгій періодъ,—и онъ еще не совсѣмъ пережилъ его,—чтобы убѣдиться въ ничтожности и недѣйствительности этихъ мѣръ, выдуманныхъ въ первый разъ умирающею древностью.

III.

Варвары, пришедшіе въ Европу и разрушившіе древній міръ, далеко не были такъ непорочны и благодушны, какъ ихъ стараются изобразить многіе археофилы. Выше мы уже видѣли, какую звѣрскую жестокость они проявляли надъ побѣжденными народами. Не менѣе жестоки бывали они и со своими единоплеменниками, даже со своими домочадцами. Ихъ междоусобицы были такъ же кровавы и разрушительны, во время ихъ такъ же часто истреблялись вмѣстѣ со взрослыми и дѣти, какъ и въ ихъ войнахъ противъ римлянъ. «Въ случаѣ же пораженія—говорятъ римскіе писатели—они обращали ярость противъ самихъ себя! Ихъ жены, вооружившись мечами и копьями, воя, скрежеща зубами отъ бѣшенства и отчаянія, окровавленныя, съ распущенными волосами, входили въ повозки затѣмъ, чтобы избить своихъ мужей, братьевъ, отъ-

ковъ, сыновей, задушить новорожденныхъ, бросить ихъ подъ ноги лошадей и наконецъ заколоть себя. Одна изъ нихъ повѣсилась на дышлѣ телѣги, предварительно привязавъ къ каждой изъ своихъ ногъ по ребенку». И это было результатомъ германскихъ понятій объ отцовской власти. У германскихъ племенъ отецъ былъ полнымъ собственникомъ своихъ дѣтей; онъ могъ принять новорожденнаго въ свое семейство, убить или бросить его; новорожденное дитя лежало на полу у ногъ отца до тѣхъ поръ, пока онъ рѣшалъ—бросить его или принять въ семейство. Въ послѣднемъ случаѣ его поднимали съ земли, подавали отцу, который обливалъ его водой и нарекалъ ему имя *). Но если отецъ по чему-нибудь не хотѣлъ принять новорожденнаго, то приказывалъ выбросить его или умертвить. Главнымъ побужденіемъ къ этому была бѣдность, особенно, если дѣтей въ семьѣ было очень много. Но бѣдность была не единственною причиною: самые богатые люди убивали или выбрасывали дѣтей или за ихъ уродливость, или потому, что мать ихъ была нелюбима, или же потому, что ребенокъ былъ рожденъ незаконно, и поэтому его жизнь дѣлалась постояннымъ позоромъ для семейства. Дѣтоубійство большею частію поручалось рабамъ. Нельзя сказать, чтобы столь варварскій обычай не возмущалъ добрыхъ чувствъ народа: они высказывались противъ него и въ легендахъ, и въ поступкахъ людей. Объ одномъ изъ первыхъ поселенцевъ Исландіи легенда говоритъ, что при рожденіи онъ былъ обреченъ на смерть своимъ богатымъ и жестокимъ отцомъ. «Рабъ уже точилъ заступъ для копанья могилы; дитя лежало на полу; вдругъ всѣ услышали, что оно заговорило: «пустите меня къ матери, мнѣ холодно на полу; гдѣ безопаснѣе для ребенка, какъ не въ объятіяхъ матери! Зачѣмъ же точить желѣзо, зачѣмъ рѣзать дерновую землю! Оставьте ваше жестокое дѣло, я могу жить съ храбрыми людьми!» Тогда подняли на ребенка воду и назвали его Торстейнъ. «Онъ выросъ и сдѣлался великимъ человѣкомъ». «Часто—говоритъ Стрингольмъ—человѣколюбивые рабы, изъ сожалѣнія къ невиннымъ покинутымъ дѣтямъ, относили ихъ въ лѣсъ и, выбравъ близкое къ какому-нибудь жилью мѣсто или на большой дорогѣ, клали ихъ между каменьями или въ древеснихъ дуплахъ, тщательно ограждая это убѣжище отъ птицъ и звѣрей, и тамъ оставляли малютокъ съ кускомъ мяса во рту, чтобы онѣ не умерли съ голода. Нерѣдко такія дѣти, оставшись въ живыхъ, были заботливо воспитаны тѣми, кто находилъ ихъ». Право также вооружалось противъ убійства не только признанныхъ уже отцомъ дѣтей, но у нѣкоторыхъ племенъ и вообще противъ дѣтоубійства и плодонзгнанія. Вильде, въ своемъ «Strafrecht der Germanen», говоритъ, что «выстрадніе плода у древнихъ германцевъ считалось дѣяніемъ наказуемымъ». Тацитъ также свидѣтельствуетъ, что дѣтоубійство у германцевъ было однимъ изъ сильно наказуемыхъ преступленій, разумѣя, вѣроятно подъ дѣтоубійствомъ убійство уже принятыхъ отцомъ дѣтей. Противъ распространенныхъ у визиготовъ дѣтоубійства и плодонзгнанія король ихъ Киндасвинтъ издалъ строгіе карательные законы. Всякаго, кто давалъ женщинѣ плодонзгоняющій напитокъ, законъ присуждалъ къ смерти, а беременную женщину, принявшую такое питье—рабу къ бичеванью, а свободную къ рабству. Не смотря на эти законы, дѣтоубійство было сильно развито и такъ сохранено въ народныхъ нравахъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ препятствовало распространенію христіанства, требовавшаго его всецѣлаго уничтоженія. Въ Исландіи, по словамъ Стрингольма, введеніе христіанства встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны тѣхъ, которые никакъ не могли понять, какъ можно, и почему должно, и богатымъ, и бѣднымъ воспитывать всѣхъ рождающихся у нихъ дѣтей. Они приняли христіанство только подъ условіемъ сохраненія этого обычая. Когда же совѣтъ вождей, съ общаго согласія народа, запретилъ выбрасывать малютокъ, то въ то же время постановилъ, чтобы, подъ страхомъ изгнанія съ острова, не смѣлъ жениться ни одинъ бѣднякъ, не имѣвшій средствъ воспитывать дѣтей. Проповѣдники христіанства принуждены были также щадить на первыхъ порахъ религіозное чувство ужаса, внушаемое варварамъ новорожденными уродами. Уродовъ тогда рождалось гораздо больше, чѣмъ теперь, вѣроятно, вслѣдствіе условій варварской жизни, неблагопріятныхъ для развитія плода въ чревѣ матери. Рожденіе урода считалось предзнаменованіемъ бѣды; суевѣрному взгляду уродъ представлялся неестественнымъ чудовищемъ, а молва еще болѣе увеличивала его безобразіе. Такъ, напр., русскій лѣтописецъ подъ 1065 годомъ пишетъ: «въ Кіевѣ рыболовы ловяще рыбы, выволокша въ неводѣ дѣтищь, его же сходящеся позоровахомъ до вечера, дивящеся, и паки ввергоша его въ воду: бяше бо у него на лицѣ срамніи удове, иного же нельзе сказати срама ради». Далѣе лѣтописецъ упоминаетъ о нѣсколькихъ подобныхъ чудовищахъ, появлявшихся у иностранцевъ,—о ребенкѣ безъ глазъ, безъ рукъ и съ рыбьимъ хвостомъ, о дѣтяхъ съ четырьмя ногами, двумя головами и т. п. Уродовъ, которыхъ такъ разрисовывали фантазія и молва, европейскіе варвары убивали даже послѣ принятія христіанства, но только въ присутствіи священника. Какъ бы то ни было, но христіанство взяло перевѣсъ, ограничило абсолютизмъ отцовской власти и объявило дѣтоубійство сильнымъ преступленіемъ. Постановленія папъ и соборовъ, правила отцовъ церкви и римскіе законы—все это одинаково побуждало варварскихъ законодателей наказывать дѣтоубійцъ. Но въ началѣ, при господствовавшей у европейскихъ народовъ системѣ композицій, эти наказанія большею частью были легки и ограничивались денежнымъ штрафомъ.

Религіи варваровъ также доводили ихъ до дѣтоубійства съ цѣлью умилостивленія боговъ кровью малютокъ. Кромѣ прямыхъ свидѣтельствъ о жертвоприношеніи дѣтей, на это указываютъ и извѣстія

*) Поэтому и повивальныя бабки называются у шведовъ Jordegumma(Erdmutterchen), у нѣмцевъ Hebamme, отъ heben; шведское *foren* и нѣмецк. *geboren* означаютъ собственно не рожденнаго, но *принесеннаго* къ отцу.

о приношеніи въ жертву взрослыхъ людей, съ которымъ почти всегда неразлучны и жертвенныя дѣтоубійства.

Тацитъ говоритъ, что германцы приносили человѣческія жертвы своему главному богу, котораго онъ называетъ Меркуріемъ. Хотя этому извѣстію и противорѣчитъ свидѣтельство Юлія Цезаря, однакожъ несомнѣнно извѣстно, что человѣческія жертвоприношенія были очень обыкновенны на германскомъ сѣверѣ. «Обычай приносить въ жертву людей,—говоритъ Рейно въ своей «La Religion d'Odin»,—постоянно возрастая, сдѣлался рѣшительнымъ, такъ что храмы превратились наконецъ въ человѣческія бойни. Въ нихъ закалаемо было до 99 жертвъ разомъ. Кровью обмывались и храмы, и идолы и окроплялся народъ. Для того, чтобы умилостивить своихъ боговъ, они не отступали передъ самыми ужасными преступленіями. Случалось, что или короли приносили въ жертву своихъ подданныхъ, или подданные своихъ королей». Приносились и дѣти; по свидѣтельству лѣтописцевъ, короли, желая одержать побѣду, нерѣдко приносили въ жертву и собственныхъ дѣтей. У древнихъ германцевъ, кромѣ того, существовалъ обычай сожигать вдовъ вмѣстѣ съ трупами ихъ мужей и убивать рабовъ на могилахъ ихъ господъ.

У литовцевъ слѣды человѣческихъ жертвоприношеній сохранялись до XV вѣка. Шайноха въ своей «Jadwiga i Jagello» разсказываетъ, что въ августѣ 1382 г. умеръ Кейстутъ, братъ великаго князя литовскаго. Трупъ его повезли въ Вильно, гдѣ на Святогорской горѣ, надъ глубокою могилою, былъ сложенъ костеръ. На него положили одѣтый по-княжески трупъ Кейстута, съ оружіемъ, охотничьимъ рогомъ, когтями медвѣдя и рыси; затѣмъ взвели на костеръ любимаго слугу покойнаго и четыре пары собакъ. Послѣ молитвы и погребальной пѣсни, въ которой прославлялись всѣ великія дѣянія усопшаго, костеръ былъ зажженъ, и все, что было на немъ, превратилось въ прахъ.

Въ V в. часть жителей Верхняго Норика отреклась отъ христіанства, возстановила язычество, и человѣческая кровь снова начала обагрять алтари боговъ.

Русскіе, по словамъ Ибнъ Фоцлана и другихъ древнихъ географовъ, приносили въ жертву и людей вообще, и дѣтей въ частности. Этотъ обычай существовалъ вплоть до принятія христіанства Владиміромъ.

Съ развитіемъ европейской цивилизаціи, двѣ упомянутыя причины дѣтоубійства—юридическій абсолютизмъ отцовской власти и религіозное суевѣріе—постепенно исчезали. Съ ними вмѣстѣ исчезали и приношеніе дѣтей въ жертву, и смертныя казни дѣтей, совершаемыя отцами. Но такъ какъ это были не единственныя причины дѣтоубійства, то оно и не прекращалось.

Массы европейскаго народа во все продолженіе среднихъ вѣковъ и начала новой исторіи находились, какъ извѣстно, въ бѣдности, разоряемыя феодалами, духовенствомъ, королями, безпрерывными войнами, чрезмѣрными налогами, всевозможными грабительствами, частыми голодовками и ужасными эпидеміями. Бѣдность сплошь и рядомъ заставляла европейцевъ бросать и убивать своихъ малютокъ. Хотя мы не имѣемъ изъ тѣхъ временъ даже самыхъ скудныхъ статистическихъ данныхъ, но многія свидѣтельства убѣждаютъ насъ, что дѣтоубійство въ тѣ времена было не слабѣе современнаго. До какихъ крайностей европейцевъ доводили тогда общественныя бѣдствія, мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго разсказа монаха Радульфа Глабера (ум. 1050 г.). «Въ 1027 г. земло началъ опустошать голодъ, и роду человѣческому грозила близкая погибель. Вся земля была залита постоянными дождями до того, что въ теченіе трехъ лѣтъ невозможно было имѣть ни одной удобной для посѣва пяди земли. Этотъ мстительный бичъ начался на Востокѣ, опустошилъ Грецію, потомъ Италію, всю Галлію и наконецъ Англію. Сильные земли, люди средніе и бѣдняки равно испытывали голодъ, и чело у всѣхъ покрылось блѣдностью; насилія и жестокости бароновъ смолкли передъ всеобщимъ голодомъ... Но свирѣпство голода породило примѣры жестокости, столь рѣдкой въ исторіи, и люди ѣли мясо людей! Путники, подвергшись нападенію на дорогѣ, падалъ подъ ударами убійцъ, они разрывали его члены на части, жарили ихъ и пожирали. Другіе, убѣгая изъ своей страны, чтобы избавиться отъ голода, были принимаемы въ дома, и хозяева душили ихъ ночью, чтобы послѣ съѣсть. Нѣкоторые показывали дѣтямъ яйца или фрукты, заманивали ихъ въ сторону и пожирали... Одинъ злодѣй въ г. Турнюсѣ выставилъ на рынкѣ для продажи вареное человѣческое мясо, какъ это обыкновенно дѣлается съ мясомъ животныхъ. Его арестовали, судили и сожгли. Близъ Макона, въ лѣсу Шатене, какой-то злодѣй построилъ хижину, гдѣ онъ рѣзалъ всѣхъ, которые искали у него убѣжища на ночь. Одинъ путникъ, зайдя къ нему со своей женой, увидѣлъ въ углу комнаты головы мужчинъ, женщинъ и дѣтей... По его доносу въ хижинѣ сдѣланъ обыскъ, и найдено 48 головъ зарѣзанныхъ и пожранныхъ жертвъ. Злодѣя привезли въ городъ и сожгли». Крестовый походъ на альбигойцевъ, усмиреніе крестьянскихъ возстаній въ разныхъ странахъ, кулачное право, грабежи феодаловъ и поповъ, тридцатилѣтняя война—все это вело за собою голодъ, нищету, эпидеміи, дѣтоубійства. Матери очень часто отнимали у своихъ дѣтей жизнь, желая этимъ только прекратить муки голода, терзавшаго малютокъ, и предварить ихъ голодную смерть. Во время голода, сопровождавшаго обыкновенно войны, убійство родителями своихъ дѣтей было даже благодѣяніемъ для послѣднихъ: если бы которыя дѣти и не умерли голодною смертью, то они могли погибнуть отъ оружія разсвирѣпѣвшихъ солдатъ. Въ тогдашнихъ войнахъ солдаты были не только жестокими врагами взрослыхъ, но и отвратительными дѣтоубійцами. Такъ, напримѣръ, во время междоусобицъ въ Византіи, враждующія партіи, по словамъ Шлоссера, «не щадили ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ, ни больныхъ». То же самое мы видимъ въ походѣ на альбигойцевъ, въ войнѣ католиковъ съ гугенотами во Франціи и т. п. Солдаты посту-

пали равно жестоко и съ дѣтьми своихъ единоплеменниковъ, и съ дѣтьми дикарей внѣ Европы. Русскіе, даже во второй половинѣ XVIII в., въ своихъ войнахъ съ инородцами южной Сибири, «у бабъ обрѣзывали титьки, а малыхъ ребятъ на огнѣ жгли». Подобнымъ же образомъ воевали въ XVII в. англичане съ сѣверо-американскими индѣйцами, какъ разсказываетъ Вашингтонъ Ирвингъ въ своей Sketch-Book. Чтобы дать понятіе объ этой варварской рѣзнѣ, мы укажемъ на три примѣра изъ русской исторіи. Изъ «Ливонской войны» г. Костомарова мы видимъ, что «у нѣмцевъ русскіе сожигали до тла всѣ поселенія, истребляли хлѣбъ и скотъ; малыхъ дѣтей моложе десяти лѣтъ прикалывали копьями и втыкали на плетни; беременныхъ женщинамъ вырѣзывали утробы и вытаскивали изъ нихъ младенцевъ; у дѣтей вырывали сердца, вѣшали ихъ на деревьяхъ и стрѣляли изъ лука». Авторъ еврейской книги: «*Бѣдствія времени* (1648—1649 г.) *въ Украйнѣ, Подоліи и Бѣлоруссіи отъ бунтовщиковъ подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго*» говоритъ, что казаки, при взятіи крѣпостей, кололи живыхъ младенцевъ, варили и жарили на коньяхъ и преспокойно съѣдали въ присутствіи отчаянно плачущихъ матерей-евреекъ. Убивая еврейскихъ младенцевъ, они предварительно ощупывали ихъ, чтобы убѣдиться, жирны они или нѣтъ, а потомъ уже насмѣшливо осматривали внутренности ихъ, разрѣзывали на куски и продавали какъ говядину... Въ Томашевѣ мальчики еврейскіе сидѣли за учебнымъ столомъ; враги, прибывъ туда, придавили ихъ къ стѣнѣ такъ, что ни одинъ изъ нихъ не остался въ живыхъ... Въ другихъ мѣстахъ дѣтей топили въ грязи. Даже начало XIX в. не свободно отъ позора такихъ дѣтоубійствъ. Разсказъ некрасовскаго мужика о своихъ подвигахъ противъ французовъ въ 1812 г. имѣетъ историческую вѣрность.

Внутреннія смуты европейскихъ государствъ и царившій въ нихъ деспотизмъ производили также не мало дѣтоубійствъ. На первомъ планѣ выходятъ здѣсь дѣтоубійства изъ-за наслѣдства. Наслѣдники королей, герцоговъ, бароновъ и другихъ потентатовъ; наслѣдники вельможъ, богачей и даже обыкновенныхъ смертныхъ постоянно враждуютъ другъ съ другомъ и, часто убивая своихъ соперниковъ еще въ колыбели, тѣмъ стараются избавиться отъ тревогъ и опасностей, которымъ они непремѣнно подверглись бы отъ убитыхъ впослѣдствіи. Иногда, съ этою цѣлью, истреблялись цѣлыя семейства, и судьба малютки-наслѣдника, жизнь котораго подвергается опасности отъ преслѣдующихъ соперниковъ, сдѣлалась одною изъ любимыхъ темъ европейскихъ романистовъ. Иногда короли самолично совершали дѣтоубійство. Григорій Турскій разсказываетъ, напримѣръ, что короли Гильдебертъ и Лотарь, опасаясь малолѣтнихъ дѣтей Клодомира, жившихъ въ Парижѣ съ королевою Кротекильдою, рѣшились умертвить ихъ. Они послали къ Кротекильдѣ своихъ агентовъ и просили ее отправить къ нимъ этихъ дѣтей для возведенія ихъ на престолъ. «Она, исполненная радости и не подозрѣвая коварства, напоила, накормила внучатъ и отправила ихъ. Но дѣти были немедленно схвачены, разлучены со своими служителями и воспитателями и отданы подъ стражу. Тогда Гильдебертъ и Лотарь послали къ королевѣ Аркадіи съ ножницами и съ обнаженнымъ мечомъ. Аркадій показалъ Кротекильдѣ ножницы и мечъ, говори: «что ты предпочитаешь, преславная королева,—твои сыновья, наши властители, спрашиваютъ тебя, какъ ты думаешь относительно тѣхъ дѣтей—прикажешь ли имъ жить съ остриженными волосами, или предать смерти?» Королева, пораженная такимъ вопросомъ, не одумавшись же, отвѣчала, что хотѣла бы видѣть дѣтей лучше мертвыми, чѣмъ остриженными. Аркадій передалъ этотъ отвѣтъ королямъ. Тотчасъ Лотарь схватываетъ старшаго ребенка за руку, съ лютостью бросаетъ его на полъ и убиваетъ, вонзая ему ножъ подъ мышки. При крикѣ дитяти, братъ его падаетъ къ ногамъ Гильдеберта и, обнимая его колѣни, умоляетъ о спасеніи. Гильдебертъ сталъ просить за него Лотаря, но Лотарь отвѣчалъ ему съ яростью: «или оттолкни его отъ себя, или ты самъ умрешь за него». Гильдебертъ оттолкнулъ ребенка къ Лотарю, который, схвативъ его, поразилъ ножемъ въ то же мѣсто, какъ его брата, и убилъ. Королевство Клодомира, принадлежавшее этимъ дѣтямъ, Лотарь и Гильдебертъ раздѣлили между собою». Но такая расправа была только въ началѣ европейской цивилизаціи. Позднѣе, вельможные дѣтоубійцы, оставаясь сами за ширмами, дѣйствовали обыкновенно посредствомъ наемныхъ злодѣевъ, какъ, напримѣръ, поступилъ нашъ царь Борисъ съ царевичемъ Дмитріемъ, или какъ въ трагедіи Шекспира маленькому Глочестеру выжигаютъ глаза и убиваютъ его.

Ссоры между собою сильныхъ фамилій и деспотизмъ королей часто вели также къ дѣтоубійству. Сильный или богатый человѣкъ, желая поразить своего врага, истребляетъ вмѣстѣ съ нимъ и его дѣтей; такъ погибли, напримѣръ, вмѣстѣ со своимъ отцомъ въ башнѣ Голода дѣти графа Уголино. Или король, гнѣваясь на своихъ подданныхъ, убиваетъ вмѣстѣ съ ними и ихъ дѣтей. Самые разительные примѣры дѣтоубійства послѣдняго рода мы находимъ въ русской исторіи. Корбъ, напримѣръ, разсказываетъ много подобныхъ случаевъ объ Іоаннѣ IV. Въ 1568 г., вернувшись въ Москву изъ польскаго похода и подозрѣвая въ измѣнѣ одного боярина, котораго Корбъ называетъ Иваномъ Петровичемъ, царь призвалъ его во дворецъ и собственноручно поразилъ его въ сердце нѣсколько разъ длиннымъ ножемъ. Дворяне и стрѣльцы вытащили трупъ на площадь и изрубили въ куски. Они, по приказанію царя, истребили всѣхъ домашнихъ боярина, даже всѣхъ его животныхъ. 3,000 его служителей, съ друзьями и родными погибли горькою смертью. Всѣ его деревни были выжжены, а крестьяне съ ихъ женами и дѣтьми или перебиты, или разсѣяны. Его беременная жена и дочери сначала опозорены палачами, а потомъ изрублены въ куски. Князю Аѳанасію Вяземскому царь выломалъ руки и затѣмъ посадилъ на колъ. Его жена, дѣти и вся челядь, въ числѣ 60 человѣкъ, были казнены. 150 дво-

рянъ, испуганныхъ казнями, задумали бѣжать въ Польшу; ихъ поймали и растоптали лошадьми; ихъ служители и дѣти были также казнены. Однажды Іоаннъ заподозрилъ въ измѣнѣ нѣсколькихъ бояръ и послалъ на нихъ цѣлый военный отрядъ, приказавъ ему истребить этихъ бояръ *со всѣмъ ихъ родомъ, съ женами, съ дѣтьми, прислугою, крестьянами, рогатымъ скотомъ, собаками, кошками, даже съ рыбою въ прудахъ*. Приказъ былъ исполненъ въ точности, и все истреблено безъ всякаго сожалѣнія. Только эти палачи были тронуты въ одномъ домѣ красотою и улыбками одного ребенка. Они пощадили его и спрятали. Но Іоаннъ узналъ объ этомъ; притворясь сострадательнымъ и нежелающимъ зла этому ребенку, онъ велѣлъ принести его къ себѣ. Принесли. Іоаннъ взялъ его на руки и осыпалъ нѣжными ласками. Между тѣмъ онъ потихоньку досталъ ножъ и, пронзивъ имъ сердце ребенка, выбросилъ трупъ въ окно на съѣденіе собакамъ.

Народная фантазія въ средніе вѣка сильно преувеличивала число суевѣрныхъ дѣтоубійствъ, хотя такія и существовали дѣйствительно. Сюда относятся прежде всего убійства дѣтей вѣдьмами и колдунами, какъ, напримѣръ, убійство малютки пани Катерины колдуномъ, отцомъ послѣдней, въ повѣсти Гоголя «Страшная месть». Папа Иннокентій VIII, въ своей знаменитой буллѣ, служившей инструкціей для слѣдователей и судей по вѣдовскимъ дѣламъ, говоритъ, между прочимъ, что вѣдьмы, «посредствомъ призываній, пѣсенъ, заклинаній и другихъ средствъ, портятъ, удушаютъ и губятъ плодъ женщинъ и животныхъ». Убійство дѣтей также входило иногда въ число обвиненій противъ колдуновъ и вѣдьмъ. Нѣтъ спора, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти обвиненія были гнусными выдумками судей или нелѣпыми фантазіями народа, но все-таки въ основаніи ихъ лежали дѣйствительные факты. Женщины, которыхъ обвиняли какъ вѣдьмъ и волшебницъ, занимались иногда и практикой плодоизгнанія, обставляя его разными суевѣрными обрядами, какъ это дѣлаютъ наши знахари.

Въ средневѣковой Европѣ было сильно распространено пришедшее съ Востока вѣрованіе о цѣлебности въ сильныхъ болѣзняхъ дѣтской крови. У евреевъ есть преданіе, что фараонъ, не отпускавшій евреевъ изъ Египта, страдалъ проказою и велѣлъ приносить къ себѣ еврейскихъ мальчиковъ съ тѣмъ, чтобы выпускать изъ нихъ кровь и обмываться ею. Въ одной еврейской книгѣ XVI в., *Чинъ Пасхи*, есть рисунокъ, изображающій царя, который съ короною на головѣ стоитъ въ ваннѣ; кругомъ его дѣти, изъ отворенныхъ жилъ которыхъ кровь брыжжетъ фонтанами на покрытое язвами тѣло царя; вдали изображены плачущія матери. Въ числѣ обвиненій на орденъ тампліеровъ было и то, что его члены въ своихъ тайныхъ собраніяхъ закалывали дѣтей. То же обвиненіе часто взводилось и на евреевъ, при чемъ говорили, что они убиваютъ дѣтей съ цѣлью лечиться ихъ кровью. Дѣйствительно, бывали случаи, что потерянныя дѣти были находимы съ выпущенною изъ нихъ кровью. И достаточно было нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ, чтобы болѣзненная фантазія народа распространила это обвиненіе на всѣхъ евреевъ и поддерживала его въ теченіе столѣтій. Этотъ обычай существовалъ даже между французами. Коллетъ говоритъ, что при жизни св. Винцента де-Поля (1576—1660 гг.) въ Парижѣ дѣти были убиваемы для магическихъ операцій и для полученія дѣтской крови для ваннъ, принимавшихся съ цѣлью полученія долголѣтія. Кажется, что тотъ же обычай существовалъ и въ Россіи. Игнатій, митрополитъ тобольскій, говоритъ, что онъ встрѣчался у раскольниковъ. Въ одной русской легендѣ XVI в. разсказывается, что нѣкій разорившійся купецъ былъ пораженъ «язвою злою отъ ногъ и до головы». Всѣ средства были безуспѣшны противъ его болѣзни, хотя объ излѣченіи его сильно старался одинъ богачъ, нажившійся прежде, благодаря этому больному купцу. Но вотъ приходитъ къ упомянутому богачу нѣкій врачъ и говоритъ ему: «ничѣмъ нельзя болѣзни той исцѣлить, кромѣ какъ кровью зарѣзаннаго младенца-первенца». У богача былъ младенецъ-первенецъ и онъ рѣшился зарѣзать его «здравія ради недужнаго». «Обрѣте же часъ, егда жена его въ баню идетъ мытися, видѣ младенцасвого на ложѣ спяща покровенна, и съ тщаніемъ притече, закла его и источи кровь въ лоханъ, и паки вложи мертваго младенца и покры его»; затѣмъ, взявъ больного въ сокровенное мѣсто, раздѣлъ его донага и помазалъ все тѣло его кровью своего убитаго сына. «И абіе здравъ бысть больной, якоже исперва».

Далѣе существуетъ еще довольно легендъ о существованіи въ старинной Европѣ цивилизованнаго людоѣдства изъ гастрономическихъ побужденій. Было нѣсколько случаевъ, что люди убивались для того, чтобы полакомиться ихъ мясомъ. Это случалось и со взрослыми, и съ дѣтьми. Одинъ трактирщикъ въ старинномъ Парижѣ прославился своими необыкновенно вкусными пирожками, которые съ жадностью пожирались парижанами, пока не открылось, что они приготовляются изъ человѣческаго мяса *). 26 октября 1553 года, въ Бреттенбургѣ одна беременная женщина зарѣзала ночью своего мужа и, съѣвъ его грудь и лѣвую руку, остальное посолила. Во время этого пира она родила трехъ сыновей. Въ 1562 г. одна беременная женщина въ Драйссигѣ убила своего мужа, отрубила ему голову, руки и ноги, сварила ихъ и съѣла, а остатки посолила и прокоптила. Въ Шотландіи одинъ мужчина съ своею женою и ребенкомъ былъ осужденъ на смертную казнь черезъ сожженіе за то, что онъ заманивалъ въ свой домъ молодыхъ людей и дѣтей, убивалъ ихъ, варилъ и съѣдалъ со своею семьею ради лакомства. Отъ казни избавили только одну маленькую дѣвочку. Но едва она достигла двѣнадцатилѣтняго

*) Подобную же легенду я слышалъ въ Казани объ одномъ тамошнемъ трактирщикѣ, который жилъ уже въ настоящемъ столѣтіи и котораго мнѣ называли, если не ошибаюсь Щербаковымъ.

возраста, какъ начала обнаруживать страстное желаніе полакомиться человѣчиной. Приведенная въ судъ, она вскричала: «зачѣмъ вы такъ гнушаетесь мною? Нужно только однажды испытать, какъ вкусно человѣческое мясо, и послѣ этого никто не удержался бы, чтобы не съѣсть даже своихъ дѣтей!»

Всѣ упомянутые виды дѣтоубійствъ, совершаемыхъ разъяренными солдатами, знахарями и колдунами, жестокими тиранами и людьми, вѣрующими въ цѣлебность дѣтской крови, постепенно исчезали въ Европѣ съ развитіемъ ея цивилизаціи. И эти виды дѣтоубійства составляютъ вездѣ принадлежность не разврата, какъ думаютъ, а суевѣрнаго варварства. Особенный же, развитый въ Европѣ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь видъ дѣтоубійства—есть убійство незаконныхъ дѣтей, совершаемое большею частію вслѣдствіе позора и отверженности, навлекаемыхъ на мать ея незаконною связью, а на ребенка—его незаконнымъ рожденіемъ. Развитію этого вида дѣтоубійства въ старинной Европѣ, какъ и въ современной намъ, содѣйствовали, во-первыхъ, бѣдность и гнетъ брачной жизни, а во-вторыхъ, преслѣдованіе церковью, законодательствомъ и общественнымъ мнѣніемъ незаконныхъ половыхъ связей.

Развращенность всѣхъ классовъ старинной европейскаго общества всегда находила себѣ жестокихъ оппонентовъ. Законодатели и администраторы принимали противъ нея строгія мѣры. Уже Карлъ Вел. запрещалъ женатому человѣку держать наложницу, подъ страхомъ наказанія за нарушеніе брака. Церковное законодательство со временъ Латеранскаго собора также вооружалось противъ конкубината, считая его грѣховнымъ дѣломъ и для мірянъ, и для духовныхъ. Имперскій полицейскій уставъ 1530 г. и одинъ изъ полицейскихъ эдиктовъ Карла V 1548 г. рекомендовали духовнымъ и свѣтскимъ властямъ неусыпно слѣдить за людьми, живущими въ конкубинатѣ, и наказывать ихъ. Сильное распространеніе проституціи также не разъ вооружало правительства и противъ проститутокъ, и противъ ихъ посѣтителей. Даже половыя отношенія, происходившія тайно, часто раскрывались полицейскимъ надзоромъ и навлекали на виновныхъ наказанія, которыя состояли иногда въ публичномъ церковномъ покаяніи, а чаще въ варварскомъ истязаніи и безчещеніи прелюбодѣевъ. Вотъ что разсказываетъ, напр., объ этихъ наказаніяхъ кобургская лѣтопись: «2 апрѣля 1658 г. тюрингенскій извозчикъ Гансъ Виртъ за то, что соблазнилъ двухъ дѣвокъ и обѣщалъ на нихъ жениться, послѣ церковнаго благовѣста былъ поставленъ у колокольни, съ цѣпнымъ кольцомъ на шеѣ, и тутъ съ обѣими дѣвками, на головахъ которыхъ были вѣнки изъ соломы, онъ былъ обязанъ простоять всю обѣдню». Но чаще, соблазненныя дѣвушки съ позоромъ изгонялись изъ мѣста ихъ жительства; съ барабаннымъ боемъ водили ихъ по улицамъ и вокругъ базарной площади, затѣмъ наказывали ихъ розгами и выгоняли за городскія ворота. Даже въ концѣ XVIII в. Марія Терезія учредила особыя *Комиссіи о цѣломудріи*, Keuschheits-Komissarien, закрытыя потомъ, какъ рѣшительно не достигавшія своей цѣли. Въ Россіи блудники и прелюбодѣи подвергались и денежному штрафу, и тѣлесному наказанію. Прелюбодѣйныя дѣла до Петра В. были въ вѣдѣніи духовной власти, и архіереи, разъѣзжая для обозрѣнія своихъ епархій, иногда публично наказывали прелюбодѣекъ кнутами. Не менѣе каралась падшая женщина и въ семействѣ. Патріархальный деспотизмъ царилъ въ европейскомъ семействѣ во всей своей грубости вплоть до XIX в. Понятно, что при такомъ устройствѣ семьи, незаконная любовная связь, а тѣмъ болѣе незаконная беременность дочери или жены должны были вести къ страшнымъ семейнымъ трагедіямъ, карамъ, физическимъ и нравственнымъ истязаніямъ виновной, должны были навлекать позоръ и возбуждать негодованіе общества не только противъ нея, но и противъ всей семьи, къ которой она принадлежала. Участь незаконнаго ребенка, въ большинствѣ случаевъ, была также печальна; ему грозили въ жизни отверженность, бѣдность, скитальчество. Результатъ ясенъ: мать незаконнаго ребенка избавлялась и сама, избавляла и ребенка отъ позора, умертвивъ его, и такимъ образомъ скрывъ слѣды своихъ преступныхъ связей. Нерѣдко, впрочемъ, замужнія женщины имѣли возможность выдавать своихъ незаконорожденныхъ дѣтей за законныхъ. Но достаточно было малѣйшаго подозрѣнія со стороны ревниваго мужа—и ребенокъ, и мать подвергались его гнѣву, часто даже находилась въ опасности самая жизнь ихъ. Даже при дворахъ крупныхъ и мелкихъ потентантовъ, гдѣ царилъ самый необузданный развратъ, отцы, мужья и любовники, покровительствуя этому разврату, однакожъ карали его послѣдствія. Сами они могли распутничать, сколько хотѣли, но женщинъ обязывали быть вѣрными себѣ, а иногда позволяли и имъ развратничать, только не беременѣть. Такъ, напр., распутный ландграфъ кассельскій Морицъ узналъ отъ своего гофмаршала, что жена его Юліана поцѣловалась съ однимъ придворнымъ. Ландграфъ сдѣлалъ сцену. Придворный отомстилъ гофмаршалу тѣмъ, что застрѣлилъ его. Преступника осудили на смертную казнь. Сначала ему отрубили правую руку, потомъ живому распороли грудь и вырвали сердце, которое было показано палачомъ присутствовавшему при казни ландграфу. Мать и невѣста казненнаго сошли съ ума со страха. Вскорѣ вдова убитаго гофмаршала забеременѣла отъ одного офицера. Ландграфъ и тутъ вмѣшался. Онъ предложилъ ей на выборъ, или, что онъ живую заложитъ ее вмѣстѣ съ ребенкомъ въ каменную стѣну, или, чтобы она уѣхала изъ его владѣній. Она уѣхала.

При такой развращенности, и вмѣстѣ при такой фарисейской строгости закона и нравовъ множество незаконорожденныхъ дѣтей было убиваемо. О громадномъ числѣ убиваемыхъ свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя историческія извѣстія, и строгіе законы, которыми думали остановить это

преступленіе, и частыя описанія казней дѣтоубійцъ. А сколько дѣтоубійствъ оставалось вовсе неоткрытыми! Въ женскихъ монастыряхъ были даже особые могильные склепы, въ которыхъ хоронились умершія и убитыя дѣти монахинь, и о существованіи которыхъ узнавали только въ позднѣйшее время. Въ старинной Россіи, также какъ въ Европѣ, много незаконныхъ дѣтей истреблялось матерями, и ихъ трупы бросались или въ воду, или въ отхожія мѣста. Особенно развито было дѣтоубійство въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ монастыряхъ, по свидѣтельству раскольничьихъ же писателей. Количество выброшенныхъ и подкинутыхъ было еще громаднѣе числа убиваемыхъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ и прямыя извѣстія; и дома для найденышей, возникавшіе во многихъ концахъ Европы. Въ Парижѣ, напр., во время жизни Винцента Поля, церкви и публичныя мѣста были усѣяны выброшенными дѣтьми, а въ Сенѣ плавали трупы убитыхъ. При Людовикѣ XIV участь этихъ дѣтей была особенно несчастна, вслѣдствіе разоренія народа и голода. И во второй половинѣ XVIII в., какъ мы увидимъ ниже, дѣтоубійство и дѣтовыбрасываніе достигли такой степени, что возбудили и въ законодателяхъ, и въ публицистахъ серьезную тревогу и дѣятельное стараніе объ отысканіи средствъ для прекращенія этого зла.

IV.

Мы видѣли, что главнѣйшая причина дѣтоубійства у всѣхъ народовъ, стоявшихъ и стоящихъ внѣ европейской цивилизаціи, заключается въ бѣдности, суевѣріи, деспотизмѣ отцовской власти, жестокости войнъ, самодуствѣ тирановъ и въ страхѣ стыда отъ незаконнаго рожденія. При этомъ мы видѣли, что съ постепеннымъ развитіемъ цивилизаціи исчезаютъ мало-по-малу нѣкоторыя изъ этихъ причинъ и производимые ими виды дѣтоубійства,—принесеніе дѣтей въ жертву, казнь дѣтей отцами и т. д. Но, не смотря на то, что современная Европа достигла небывалой еще высоты цивилизаціи, не смотря на то, что въ ней уже не существуетъ болѣе нѣкоторыхъ видовъ дѣтоистребленія, свойственныхъ только варварству, дѣтоубійство въ ней не только существуетъ, но даже во многихъ странахъ замѣтно усиливается.

Причины распространенія и усиленія дѣтоубійства въ современной Европѣ заключается главнымъ образомъ въ постепенномъ обѣднѣніи народныхъ массъ.

Извѣстно, что съ конца XVIII в. въ Европѣ и преимущественно въ Англіи начинается великій общественный переворотъ. Быстрое развитіе промышленности и введеніе машинъ увеличило суммы богатства европейскихъ націй и подняло ихъ на вершину матеріальнаго прогресса. Но съ тѣмъ вмѣстѣ явились на сцену массы неизвѣстныхъ старинной Европѣ пролетаріевъ, людей безъ собственности, полунагихъ, голодныхъ, истощенныхъ, тупыхъ и испорченныхъ нравственно. Ихъ вопіющая бѣдность и безпомощность тотчасъ дали себя почувствовать и классамъ, пользующимся всѣми благами цивилизаціи, такъ что отъ несчастнаго положенія, въ которое ввергнуты пролетаріи, должны страдать и выше ихъ лежащіе общественные слои,—страдать не только отъ страха грозящихъ въ будущемъ событій, но и отъ преступленій, порождаемыхъ отчаянною судьбою пролетаріевъ. Нѣкоторыя преступленія, и преступленія очень крупныя, начали усиливаться именно съ того времени, какъ пролетаріатъ сталъ возрастать и обхватывать Европу. Въ числѣ этихъ постоянно усиливающихся преступленій мы видимъ дѣтоубійство и дѣтовыбрасываніе.

Первая причина громадной распространенности двухъ послѣднихъ преступленій—нищенство народныхъ массъ. Въ то время, какъ совершалось быстрое индустріальное развитіе Европы, массы рабочаго народа стягивались изъ селъ въ центры городской промышленности, лишались своихъ хозяйственныхъ обзаведеній, бросали земледѣліе и поступали въ работу къ буржуазіи изъ-за куска хлѣба. Вонючія, сырыя и темныя квартиры, биткомъ набитыя голодными и изнуренными рабочими, ничтожная задѣльная плата, совершенная неувѣренность въ томъ, что завтра можно имѣть кусокъ хлѣба, произволъ и стачки фабрикантовъ, болѣзни, быстро разрушающія организмъ,—вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ современное положеніе рабочаго класса. И вспомните, что въ этомъ омутѣ живутъ не одни мужчины, но и женщины, и безпомощныя дѣти. Промышленный прогрессъ, въ настоящей его формѣ, не довольствуется пожираніемъ взрослыхъ и сильныхъ мужчинъ,—бурный потокъ его увлекаетъ и губитъ всѣхъ людей, не различая ни пола, ни возраста. Но мы считаемъ излишнимъ и неудобнымъ входить здѣсь въ подробности о современномъ положеніи рабочаго класса; мы представимъ здѣсь только тѣ данныя, которыя ближе другихъ относятся къ нашему предмету.

Поразительно число неимущихъ, содержимыхъ на общественный счетъ. Въ Англіи, по даннымъ, сообщаемымъ Цезаремъ Контини, содержалось на общественныя суммы:

	Въ рабочихъ домахъ.	На своихъ квартирахъ.	Всего.
Въ 1857 г.	121,669	737,287	858,956
» 1858 »	120,140	751,031	871,171
» 1859 »	110,703	705,590	816,293
» 1860 »	110,603	687,763	798,366
» 1861 »	122,600	720,366	842,966
» 1862 »	130,974	820,953	951,927

Во Франціи на счетъ «благотворительныхъ бюро», bureaux de bienfaisance, получали содержаніе или помощь въ 1833—1837 г. среднимъ числомъ 731,311 человѣкъ ежегодно, въ 1848 г.—982,516 человѣкъ, а въ 1853 г. 1,022,996 человѣкъ.

Въ Пруссіи, по вычисленію Бокка, въ 1849 г. на общественный счетъ получали вспоможенія 567,659 чел. и содержалось въ благотворительныхъ учрежденіяхъ 219,277 чел. Затѣмъ получало содержаніе на общественный счетъ отцовъ семействъ:

въ 1852 г.	1855	1858	1861
290,070	288,225	399,459	327,667

По замѣчанію Бокка, ни въ Швеціи, ни въ Даніи, ни даже въ Англіи нѣтъ такого громаднаго числа лицъ, содержащихся на общественный счетъ, какъ, въ Пруссіи. Въ округѣ Бромбергѣ 1 такой нищій, содержимый общественною благотворительностью, приходится на 116 жителей, въ Маріенвердерѣ 1 на 73 жителя, въ Познани 1 на 52, въ округѣ Кельнѣ 1 на 9, въ округахъ потстдамскомъ, берлинскомъ, штральзундскомъ и бреславльскомъ 1 на 12—13 жителей; въ городѣ Берлинѣ 1 на 6, въ г. Бреславлѣ 1 на 2, въ Грейфсвальдѣ и Пренцлау 1 на 3, въ Магдебургѣ, Кельнѣ, Трирѣ, Мюльгаузенѣ 1 на 4!

Въ Бельгіи, по указаніямъ Аренса, въ 1839 г. состояло на общественномъ содержаніи 587,095 чел.; 1 такой неимущій приходился на 7 жителей. Въ 1853 г. число это возросло до 1,489,488 ч.; т.-е. около $^1/_4$ всего населенія, а во Фландріи около $^1/_3$ состояло на общественномъ пропитаніи и вспомоществованіи.

Приведенныя цифры краснорѣчивѣе всякихъ описаній говорятъ о горестномъ положеніи европейскихъ народныхъ массъ. И нужно замѣтить, что призрѣваются на счетъ общественной благотворительности еще не самые несчастные: хотя бѣдность и лишенія сокращаютъ на нѣсколько лѣтъ ихъ жизнь, хотя имъ и приходится умирать очень рано, но все-таки они имѣютъ шансы не умереть вдругъ голодною смертью, не погибнуть въ теченіе нѣсколькихъ дней отъ недостатка пищи. Они счастливѣе, поэтому, тѣхъ своихъ собратовъ по несчастію, извѣщая о смерти которыхъ, полиція цивилизованной Европы безстрастно отмѣчаетъ: *умерли голодною смертью!* И это случается чаще и болѣе всего въ самой богатой и развитой странѣ, съ ея громадною столицею. Въ Лондонѣ *умирало голодною смертью*:

	1851 г.	1852	1853	1854	1855	1856 г.
Взросл.	28	23	34	32	35	28
Дѣтей.	252	267	302	325	358	366
	1857 г.	1858	1859	1860	1861 г.	
Взросл.	29	38	26	27	27	
Дѣтей.	363	372	445	381	453	

Въ Англіи, кромѣ Лондона, умерло съ голода:

	мужчинъ.	женщинъ.	дѣтей.
1862 г.	37	36	1126
1863 »	93	47	(нѣтъ цифры).

Само собою понятно, что тамъ, гдѣ обстоятельства такъ давятъ человѣка, гдѣ бѣдность доводитъ его до голодной смерти, гдѣ нѣтъ для него никакой надежды на улучшеніе своей участи, тамъ жизнь не очень привязываетъ человѣка, и является сильная наклонность къ самоубійству изъ-за бѣдности и экономическихъ лишеній. Приводимъ цифры изъ уголовной статистики Бельгіи за 1840—1849 и Франціи за 1856—1861 г.

	Бельгія.	Франція. мужчинъ.	женщинъ.
Всѣхъ самоубійствъ.	2428	18,713	5749
Изъ этого числа причиною самоубійствъ были:			
а) бѣдность.....	110	897	171
b) разстройство состоянія.....	66	1108	74
c) потеря состоянія	10	153	16
d) потеря мѣста и занятія.....	7	88	19
e) недостатокъ работы.....	4	»	»
	197	2246	280

Люди, находящіеся въ столь безотрадномъ состояніи, люди, которые умираютъ сами съ голода, видятъ муки своихъ дѣтей, тоже умирающихъ голодною смертью, и не ожидаютъ для своего потомства ничего, кромѣ тѣхъ же страданій, той же мучительной жизни, бремя которой влачатъ они сами,—такіе люди естественно дѣлаются дѣтоубійцами и дѣтовыбрасывателями. Если въ нихъ осталось еще чувство состраданія къ своимъ малюткамъ, если ихъ сердце болѣзненно сжимается при каждомъ стонѣ голоднаго ребенка, при каждомъ взглядѣ на его увядающую, мертвенно-блѣдную фигуру, при каждой мысли объ ожидающихъ его въ жизни страданіяхъ, то они легко доходятъ до рѣшенія убить ребенка, или, по крайней мѣрѣ, выбросить его, съ надеждою, что какой-нибудь сострадательный человѣкъ или домъ для найденышей пріютятъ его. Если же обстоятельства убили въ родителяхъ всѣ чувства, кромѣ холоднаго расчета; если, размышляя о судьбѣ своего ребенка, они находятъ, что держать его для нихъ *невыгодно*, а отдѣлаться отъ него, напротивъ, *выгодно*,—то что можетъ остановить ихъ отъ осуществленія этого справедливаго расчета? Законныя дѣти выбрасываются почти исключительно по бѣдности или расчету. А выбрасывается ихъ очень много; это покажетъ, напр., слѣдующая таблица, въ которой числа найденышей больше числа внѣ-брачныхъ рожденій, и при этомъ цифра избытка должна быть ниже цифры выброшенныхъ законныхъ дѣтей, такъ какъ довольно незаконныхъ дѣтей остается невыброшенными.

Департаменты Франціи.	Годы.	Число незаконныхъ рожденій.	Число найденышей.
Устьевъ Роны.....	1832	1219	825
Нижне-шарантскій..	1824	582	573
Корсиканскій.....	1824	141	143
Шерскій.....	1827	391	411
Дордонскій.....	1829	578	755
Илль и Вилленъ...	1832	312	465

Что степень бѣдности, степень дороговизны предметовъ первой необходимости имѣютъ сильное вліяніе на усиленіе разсматриваемыхъ явленій, показываютъ, между прочимъ, и цифры найденышей въ разные года. Такъ 1816 и 1817 г. были годами большихъ бѣдствій въ Европѣ, годами голода и дороговизны, и число найденышей въ нихъ значительно возросло, сравнительно съ предыдущими годами. Найденышей было:

	Въ Парижѣ, въ Hospice des enfants trouvés.	Въ Миланѣ, въ домѣ св. Екатерины.	Цѣна 1 мюйда хлѣба.
Года: 1815	10,739	2280	59 лиръ
— 1816	11,116	2625	75

— 1817	11.829	3082	63
— 1818	12,813	»	»
— 1819	13,248	»	»

Въ парижскомъ домѣ для найденышей мы видимъ и за другіе года сильное возрастаніе подкидываемыхъ, особенно въ бѣдственные и слѣдующіе за ними года. Цифры эти мы приведемъ ниже, а теперь посмотримъ на причины этого явленія. Знатокъ французскихъ дѣлъ, Вепуастонъ де-Шатонефъ, говоритъ, что «истинными причинами увеличенія числа выбрасываній и съ тѣмъ вмѣстѣ числа найденышей служатъ, безъ сомнѣнія, бѣдность, безнравственность и злоупотребленія. За это говоритъ и то обстоятельство, что въ теченіе десяти лѣтъ, за исключеніемъ двухъ несчастныхъ годовъ 1831 и 1832, число подкидываній мало измѣнялось. Недостатокъ, голодъ, общественныя смуты, промышленные кризисы, конечно, увеличиваютъ число выбрасываній, но ихъ вліяніе преходящее; пока они существуютъ, они содѣйствуютъ только усиленію причины, которую создали не они, которая уже существовала раньше, которая будетъ существовать даже и тогда, когда они прекратятся—это *бѣдность*, ужаснѣйшее изъ всѣхъ золъ, такъ какъ она источникъ всѣхъ ихъ... И когда видишь, съ одной стороны, постепенное увеличеніе дѣлъ милосердія, обществъ благотворительности, раздавателей милостыни, сборы и налоги въ пользу бѣдныхъ, помощь, оказываемую 2,000,000 нищихъ, а съ другой стороны, видишь постепенное умноженіе банкротовъ, воровъ и найденышей, то невозможно сомнѣваться въ сильномъ значеніи всюду царящей бѣдности, невозможно, по крайней мѣрѣ, не приписать ей существеннаго вліянія на увеличеніе числа дѣтовыбрасываній». Къ этому нужно прибавить, что бѣдность имѣетъ еще и посредственное вліяніе на увеличеніе дѣтоубійствъ и дѣтовыбрасываній. Извѣстно, что чѣмъ изобильнѣе и дешевле годъ, тѣмъ больше заключается браковъ, и наоборотъ. Въ послѣднемъ случаѣ, когда въ дурной годъ меньше заключается браковъ, увеличивается число внѣ-брачныхъ сожительствъ и, слѣдовательно, число незаконныхъ рожденій. А чѣмъ больше незаконныхъ дѣтей, тѣмъ больше дѣтоубійствъ и дѣтовыбрасываній. Поэтому, въ годы усиленной бѣдности усиливается и дѣтовыбрасываніе. И вообще, этихъ преступленій больше въ бѣдномъ классѣ, чѣмъ въ богатомъ: въ послѣднемъ дѣти убиваются и выбрасываются не по имѣнію средствъ для ихъ пропитанія, а по другимъ причинамъ.

Что же касается дѣтоубійства въ особенности, то изысканіе причинъ его почти всегда показываетъ, что или убитыя дѣти были незаконнорожденными, или *ихъ родители находились въ крайней бѣдности*. Почти всѣ законныя дѣти убиваются и почти всѣ законные зародыши истребляются изъ-за бѣдности. А законныхъ дѣтей истребляется очень много. По даннымъ криминальной статистики Англіи за 1863 г., въ ней обслѣдовано найденныхъ мертвыми дѣтей:

	Законныхъ. Малъч.	Дѣвоч.	Незаконныхъ. Малъч.	Дѣвоч.	Всего.
Моложе 1 года.	1455	1224	507	478	3664
Отъ 1 г. до 7 л.	1569	2259	645	578	5051
Итого	3024	3483	1152	1056	8715

Хотя коронерами и признано изъ этого количества только 28% насильственныхъ смертей, но, какъ мы увидимъ ниже, на приговоры коронеровъ полагаться нельзя, число дѣтоубійствъ, выставляемое ими, всегда ниже дѣйствительнаго. И всѣ убійства законныхъ дѣтей, какъ мы уже замѣтили, имѣютъ свои причины въ бѣдности родителей. «Въ Англіи — говоритъ Контини—дѣтоубійство совершается не одними только матерями-дѣвушками, старающимися спасти тѣмъ свою честь, но и замужними женщинами, которыхъ гнусный расчетъ или бѣдность заставляютъ истреблять плодъ своего чрева. Въ послѣднемъ случаѣ дѣтоубійство (въ большинствѣ случаевъ) не бываетъ смертоубійствомъ (l'assasinat), т.-е. дѣйствіемъ быстрымъ и насильственнымъ, оставляющимъ послѣ себя внѣшніе и очевидные признаки: оно совершается иначе. Родители даютъ своимъ дѣтямъ постепенными дозами питье съ опіемъ, которое оказываетъ на ихъ организмъ дѣйствіе медленное, но вѣрное, или постепенно уменьшаютъ пищу, необходимую для поддержанія жизни дѣтей... Дитя медленно погибаетъ. И хотя эти ужасныя комбинаціи не избѣгаютъ вниманія сосѣдей, но *тертимость касательно этого пункта здѣсь всеобщая*». Тотъ же авторъ говоритъ, что въ низшихъ классахъ англійскаго общества та мать считается *счастливою*, которой удастся или изгнать свой плодъ, или убить ребенка, и тѣмъ избавиться отъ большихъ хлопотъ и лишеній, которыя соединяются съ его воспитаніемъ.

Разительные примѣры, до чего доводитъ бѣдность родителей, какъ она дѣлаетъ ихъ положительно помѣшанными и заставляетъ ихъ въ этомъ состояніи убивать своихъ дѣтей, представляютъ слѣдующіе два случая изъ англійской жизни.

Въ январскую полночь 1862 г. въ Лондонѣ къ одному констэблю подходитъ на улицѣ какая-то женщина и спрашиваетъ: «гдѣ полицейскій домъ?» —«Что вамъ такъ нужно?» спросилъ ее констэбль. —«Мнѣ нужно отдать себя подъ стражу, потому что я умертвила своего ребенка».—«Когда, гдѣ и какъ?»—«Сегодня вечеромъ въ Ребека-Коуртъ я задавила его черной тесемкой». —«Почему же вы это сдѣлали?»—«Изъ нужды: я не могла долѣе видѣть, какъ онъ мучился отъ голода!»—Констэбль отвелъ ее въ полицейскій домъ, а самъ пошелъ къ ней на квартиру. Въ комнатѣ онъ нашелъ всего только одинъ матрацъ, на которомъ лежали двое дѣтей—дѣвочка лѣтъ двухъ, живая, и мальчикъ мѣсяцевъ 10, удавленный тесьмою. Констэбль отвезъ обоихъ въ рабочій домъ, и когда вернулся къ подсудимой въ полицію, она снова подтвердила свой разсказъ, прибавивъ, что не убила дѣвочки потому, что она была въ параличѣ. Виновной было 37 лѣтъ, имя ея—Мэри Гамильтонъ. Изъ свидѣтелей глав-

нѣйшимъ была свекровь Мэри, показавшая, что ея мужъ ремесломъ портной, человѣкъ очень трудолюбивый; но послѣдніе два года, за неимѣніемъ работы и за болѣзнію старшаго ихъ ребенка, они жили въ крайней нищетѣ. Мэри всегда была тихая и смирная женщина, но въ послѣднее время вела себя довольно странно, впадала въ меланхолію и отчаяніе, такъ что отъ нея нельзя было добиться отвѣта. Разъ она отправилась съ умершимъ малюткой въ Сиденгамъ и бродила всю ночь, неизвѣстно зачѣмъ. Въ послѣднее время часто она по цѣлымъ днямъ ничего не ѣла, и это усиливало ея отчаяніе и меланхолію. Адвокатъ подсудимой, Слей, обращалъ вниманіе присяжныхъ на отчаянную нищету, которая была причиною совершенія преступленія, и говорилъ, что, нѣтъ никакого сомнѣнія, разсудокъ Мэри былъ поврежденъ, вслѣдствіе ужаснаго ея положенія, и что поэтому нельзя вмѣнить ей совершеннаго ею преступленія. Присяжные оправдали ее, а судья объявилъ, что подсудимая будетъ задержана нѣкоторое время (during Her Majesty's pleasure) и что о будущности ея позаботятся.

Другой случай еще трагичнѣе. Въ Дублинѣ, въ южной кемберландской улицѣ, въ четвертомъ этажѣ, жилъ нѣкто Джонъ Моллей съ женою, двумя дѣтьми и невѣсткой. Прежде онъ былъ сторожемъ въ гостиницѣ въ Брейѣ, но нѣсколько времени тому назадъ лишился этой должности и остался безъ мѣста. Слѣдствіемъ этого была крайняя бѣдность, такъ что имъ приходилось закладывать бѣлье и другія вещи, чтобы не умереть съ голода. Въ числѣ прочаго были заложены и воротнички отъ рубашекъ. Одѣваясь однажды, Моллей не находилъ воротничка, который, по его соображеніямъ, долженъ былъ быть у него. Вслѣдствіе нищеты и несчастныхъ обстоятельствъ Моллей сдѣлался до такой степени раздражительнымъ, что когда невѣстка сдѣлала ему какое-то замѣчаніе насчетъ воротничковъ, то онъ мгновенно пришелъ въ ярость, схватилъ кочергу и нанесъ ею невѣсткѣ глубокую рану въ лѣвый високъ. Она бросилась отъ него вонизъ по лѣстницѣ. Жена старалась успокоить его, но онъ и ее сталъ бить кочергою и нанесъ ей раны въ голову и въ другія части тѣла. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, она вырвалась на улицу съ крикомъ: «рѣжутъ!» Этимъ не ограничилось бѣшенство Моллея. Двое его дѣтей, изъ которыхъ младшему было два года, попались ему подъ руку. Онъ схватилъ младшаго и перерѣзалъ ему горло, такъ что голова совсѣмъ отдѣлилась отъ туловища. Потомъ бросился на старшаго и хотя нанесъ ему смертельную рану, но смерть послѣдовала не въ ту же минуту. Вслѣдъ затѣмъ, несчастный сталъ на порогѣ комнаты, звалъ кого-нибудь на помощь, громко плакалъ, умолялъ помочь ребенку и, ломая свои руки, восклицалъ: «ахъ, несчастный, несчастный!» Полиція скоро явилась и взяла его подъ стражу безъ всякаго съ его стороны сопротивленія. Находясь въ полиціи, Моллей былъ очень блѣденъ, но въ совершенно нормальномъ состояніи духа, записывалъ показанія свидѣтелей и самъ спрашивалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Присяжные освободили его отъ суда, какъ подверженнаго по временамъ помѣшательству. Миттермайеръ, въ своемъ сочиненіи о судебной психіатріи (переводъ въ Ж. Мин. Юстиціи 1867 г., № 4, 5), приводитъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Такъ, онъ говоритъ, что совершеніе дѣтоубійства стоитъ нерѣдко въ связи съ стремленіемъ къ самоубійству. Одинъ индивидъ, наприм., былъ мучимъ влеченіемъ лишить себя жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и убить своихъ дѣтей, такъ какъ онъ представлялъ себѣ, что они послѣ его смерти были бы принуждены вести несчастную жизнь. Покушеніе на самоубійство не удалось, но дѣтей онъ лишилъ жизни.

Другой случай: женщина Соммеръ убила нѣсколькихъ дѣтей. Она умерла въ заведеніи умалишенныхъ и при вскрытіи ея трупа оказалось, что мозгъ ея находился въ весьма болѣзненномъ состояніи. Одинъ почтенный отецъ семейства впалъ въ глубокую меланхолію, вызванную тяжелою потерею имущества, такъ что онъ ничего не могъ оставить послѣ себя своимъ дѣтямъ. Болѣзнь усилила его тоску, и онъ рѣшился убить и дѣтей, и себя.

Въ Австріи былъ такой же случай: одной женщинѣ было отказано отъ той фабрики, гдѣ она работала, и она это до того приняла къ сердцу, что вознамѣрилась сама лишить себя жизни и о своемъ рѣшеніи сообщила своей матери и дѣтямъ. Послѣ того, какъ они ее отговаривали отъ самоубійства, она рѣшилась убить мать и дѣтей. Она исполнила умыселъ, но всѣ были спасены. Основательное мнѣніе врача-эксперта доказываетъ, что эта женщина, ко времени совершенія преступленія, страдала душевнымъ разстройствомъ и помѣшательствомъ. Въ одномъ обсуждавшемся въ Кальмарѣ случаѣ, стояла передъ судомъ женщина Лекомтъ, обвиняемая въ утопленіи своего ребенка. По совершеніи преступленія, она призналась въ томъ своей матери, потомъ снова возвратилась на мѣсто дѣянія и, увидѣвъ, что ребенокъ еще живъ, еще разъ погрузила его въ воду, и затѣмъ сама сообщила полиціи о совершенномъ ею убійствѣ. По показанію всѣхъ свидѣтелей, подсудимая, трудолюбивая и честная женщина, постоянно терпѣла дурное обращеніе отъ своего распутнаго и расточительнаго мужа, который, за дурное съ нею обращеніе, содержался въ тюрьмѣ. Предвидя, что по выходѣ мужа изъ тюрьмы, она подвергнется еще болѣе жестокому отъ него обращенію, Лекомтъ рѣшилась убить любимаго ею ребенка, чтобы такимъ образомъ самой попасть въ тюрьму. Присяжные оправдали ее.—Въ другомъ случаѣ, одна женщина была предана суду за убійство своихъ трехъ дѣтей. Подсудимая оказалась весьма честнаго поведенія. Взволнованная рядомъ несчастныхъ случаевъ, мучимая мрачными мыслями, она въ отчаяніи рѣшилась было на самоубійство, но затѣмъ убила своихъ дѣтей. Врачъ объявилъ ее дѣйствовавшею въ душевномъ разстройствѣ. Въ судѣ она не обнаружила никакого раскаянія, а напротивъ радовалась, что ея дѣти теперь ангелы. Она оправдана. Но бѣдность не всегда дѣлаетъ людей такими полупомѣшанными преступниками. Очень часто, заглушая въ нихъ всѣ человѣческія чув-

ства, кромѣ расчетливости и корысти, она заставляетъ ихъ совершать преступленія не въ припадкѣ бѣшенаго отчаянія, а съ хладнокровнымъ сознаніемъ выгодъ, которыя могутъ быть извлечены изъ преступленія. Много дѣтоубійствъ совершается благодаря такимъ расчетамъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ въ деревнѣ Швебдѣ, въ великомъ герцогствѣ Гессенъ-Кассельскомъ, жило семейство Миллеръ, состоявшее изъ престарѣлыхъ супруговъ, ихъ дочери Христины и незаконнорожденнаго ея четырехлѣтняго сына Фридриха, прижитаго ею съ жителемъ той же деревни Бютемейстеромъ, человѣкомъ женатымъ и небѣднымъ. Въ 1846 г. Бютемейстеръ соблазнилъ Христину обѣщаніемъ жениться на ней, коль скоро онъ успѣетъ выхлопотать разводъ со своею женою. Когда родился Фридрихъ, то Бютемейстеръ убѣдилъ Христину не объявлять его отцомъ ребенка, хотя обѣщался содержать его и, дѣйствительно, издержалъ на него 200 таллеровъ. Но ему было очень жаль этихъ денегъ, тратимыхъ имъ на маленькаго Фридриха, жаль тѣмъ болѣе, что въ то время дѣла его начали разстраиваться. Онъ рѣшился отдѣлаться отъ ребенка, и съ упорною настойчивостью старался объ этомъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Черезъ восемь недѣль послѣ рожденія Фрица, Бютемейстеръ посѣтилъ Христину. Она была въ комнатѣ одна съ ребенкомъ, который спокойно спалъ въ своей колыбели. Бютемейстеръ послалъ ее затворить дверь, какъ вдругъ она услышала крикъ ребенка. Прибѣжавъ назадъ, она увидѣла, что ребенокъ высунулъ языкъ, и на языкѣ, и на губахъ у него было что-то бѣлое и сухое, какъ-будто толченый сахаръ. Христина поспѣшила стереть этотъ порошокъ какъ можно лучше. Черезъ нѣсколько времени ребенокъ имѣлъ сильную рвоту, и Христина начала бранить Бютемейстера, говоря ему: «видишь, ты далъ ему чего-то нехорошаго!» На другой день на губахъ ребенка видны были пузыри, какіе бываютъ отъ мышьяка. За неудачею этой попытки, Бютемейстеръ повторилъ ее въ 1850 г. Фридрихъ заходилъ къ отцу, который далъ ему выпить пива; вернувшись домой, ребенокъ заболѣлъ, и Христина была убѣждена, что отецъ пытался снова отравить его. Черезъ годъ, 2 октября 1851 года, Фридрихъ прибѣжалъ очень веселый къ своей бабушкѣ, которая въ то время была занята работою, и закричалъ ей: «бабушка, я былъ у отца, и онъ мнѣ что-то далъ!»— «Что такое, дитя, пирожекъ или сахару?» спросила старуха.—«Нѣтъ».—«Такъ онъ далъ тебѣ выпить чего-нибудь изъ завернутой бумажки». Затѣмъ мальчикъ побѣжалъ къ дѣду, чтобы и ему сообщить о счастливомъ событіи, послѣ чего онъ ушелъ играть на улицу со своими товарищами. Но очень скоро онъ вернулся къ бабушкѣ, жалуясь на боль въ желудкѣ. Ей не было времени съ нимъ заняться, и она отослала его къ дѣду. Вслѣдствіе распросовъ ребенка и вспомнивъ прежніе поступки съ нимъ Бютемейстера, дѣдъ наведенъ былъ на подозрѣніе, что ребенокъ отравленъ своимъ отцомъ. Онъ далъ Фридриху молока, какъ противоядія. Но боль усиливалась, началась сильная рвота, дыханіе ребенка сдѣлалось тяжелымъ, голосъ слабымъ, страшная жажда мучила его. Черезъ два часа онъ умеръ. Медицинское свидѣтельство заключило, что онъ умеръ отъ отравы мышьякомъ, котораго открыто въ желудкѣ, посредствомъ химическаго разложенія его внутренностей, около 8 грановъ. Бютемейстеръ былъ тотчасъ же арестованъ, но не сознавался въ дѣтоубійствѣ почти до своей казни, послѣдовавшей 22 октября 1852 года.

Дѣтоубійства, подобныя сейчасъ разсказанному, очень часто встрѣчаются въ европейской судебной практикѣ. И повидимому, они совершаются отцами болѣе, чѣмъ матерями; это и понятно: холодный расчетъ гораздо легче овладѣваетъ всецѣло душою мужчины, чѣмъ женщины; кромѣ того, обязанность пропитанія ребенка лежитъ не столько на матери, сколько на отцѣ, слѣдовательно, послѣдній гораздо больше первой чувствуетъ на себѣ тяжесть этого воспитанія. Часто въ этихъ дѣлахъ преступники проявляютъ поразительное хладнокровіе, отсутствіе всякаго сожалѣнія о своей жертвѣ, и руководятся однимъ только сознаніемъ невыгоды кормить ребенка и выгоды убить. Такъ, напримѣръ, стаффордскій городской клеркъ разсказываетъ о слѣдствіи, произведенномъ надъ трупомъ дѣвушки 16 лѣтъ, отравленной отцомъ потому, что *по причинѣ своего слабаго сложенія она не могла принесть ему никакой пользы*. Разслѣдовавшій дѣло коронеръ призналъ ее умершею естественною смертью, но черезъ три мѣсяца трупъ былъ вырытъ изъ земли, и въ желудкѣ нашли значительное количество мышьяку. Судья Кольриджъ былъ за осужденіе преступника, но присяжные, по своему отвращенію отъ смертной казни, объявили его *невиновнымъ*. Подобные мужья часто заставляютъ женъ производить изгнаніе своего плода. Такъ въ 1811 г. въ Стаффордѣ одинъ мужчина былъ казненъ за убійство своей законной жены. Она была беременна, а преступникъ хотѣлъ произвести выкидышъ разными насильственными мѣрами,—онъ колотилъ ее въ животъ локтями, катался черезъ нее и т. д. Несчастная умерла, не выкинувъ ребенка. Въ октябрѣ 1861 г. производилось судебное слѣдствіе надъ трупомъ Елизаветы Гэрретъ, 34 лѣтъ, которая погибла отъ средствъ, испытанныхъ надъ нею, съ цѣлью плодоизгнанія, медикомъ Вэлемъ. Законный мужъ Елизаветы былъ соучастникомъ преступленія и приговоренъ къ тюремному заключенію за предумышленное убійство. Такіе процессы, часто встрѣчаемые въ европейской судебной практикѣ, указываютъ на многочисленность дѣтоубійствъ и плодоизгнаній, совершаемыхъ родителями по бѣдности и по расчету. На вліятельность этихъ причинъ указываетъ и то обстоятельство, что чѣмъ мѣстность населеннѣе пролетаріями, тѣмъ въ ней сильнѣе дѣтоубійство. Во всей же ужасной наготѣ вліяніе бѣдности на дѣтоубійство обнаружила исторія англійскихъ burial clubs, *погребальныхъ клубовъ*. Въ этихъ обществахъ, которыя очень распространены въ Англіи, застра-

ховывается жизнь взрослыхъ и дѣтей. Послѣ шестнадцати незначительныхъ взносовъ, застрахованное лицо, послѣ своей смерти, погребается на счетъ клуба. Небогатые похороны въ Англіи стоятъ 1 фунтъ стерлинговъ; погребальные же клубы выдаютъ на похороны отъ 3 до 5 фунтовъ стерлинговъ. Слѣдовательно, родственники умершаго, получивъ изъ клуба похоронную премію и издержавъ 1 фунтъ на похороны, имѣютъ въ барышахъ отъ 2 до 4 фун. стерл. Результатъ этого: *родители застраховываютъ своихъ дѣтей въ погребальныхъ клубахъ, затѣмъ умерщвляютъ ихъ и берутъ погребальную премію, чтобы сколько-нибудь поправить свое состояніе.* «Никто не можетъ сказать,— пишетъ Клей,— сколько дѣтей падаетъ жертвою желанія получить погребальную премію» (изъ клуба). Авторъ утверждаетъ, что *въ сотняхъ или тысячи случаевъ* перспектива погребальной преміи дѣлаетъ родителей незаботливыми о здоровьѣ своихъ застрахованныхъ дѣтей и доводитъ ихъ до преступленія. Если дѣти дѣлаются больными, то они оставляются въ добычу смерти. Доказано, напр., что въ Престонѣ застрахованныя дѣти подвергаются отъ родителей серьезной и предумышленной небрежности, доводящей ихъ до смерти. Одинъ изъ агентовъ погребальнаго клуба въ Манчестерѣ говоритъ: «я имѣю сильныя основанія думать, что такая небрежность предумышленна и что единственнымъ побужденіемъ къ ней служитъ для родителей надежда полученія страховыхъ премій». Джозефъ Кей, въ «Social Condition and Education of the people», говоритъ, что существованіе погребальныхъ клубовъ служитъ однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ смертности дѣтей». Кей объясняетъ далѣе, что дѣтей предумышленно подвергаютъ небрежности ради полученія изъ клуба похоронныхъ денегъ; что родители обѣщаютъ уплатить свои долги послѣ смерти кого-нибудь изъ ихъ семьи, обыкновенно ребенка, и т. д. «Одна служанка, ребенокъ которой былъ нездоровъ, отказалась подать ему медицинскую помощь, говоря: «нечего объ этомъ и думать, онъ застрахованъ въ двухъ погребальныхъ клубахъ!» Даже кормилицы спекулируютъ такимъ образомъ жизнію дѣтей, ввѣренныхъ ихъ попеченію. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ Кейемъ, смертность дѣтей, застрахованныхъ въ погребальныхъ клубахъ, *на 8% больше смертности дѣтей незастрахованныхъ*.... Дѣтоубійство застрахованныхъ такъ распространено, что въ умахъ родителей уже одинъ фактъ застрахованія ребенка вызываетъ мысль о необходимости или неизбѣжности его смерти. По свидѣтельству Эдвина Чодвикка, въ Манчестерѣ и Стаффордѣ пасторы нерѣдко слышатъ отъ женщинъ низшаго класса подобныя выраженія о застрахованномъ въ клубѣ дитяти: этотъ ребенокъ не будетъ жить, онъ застрахованъ въ погребальномъ клубѣ! И чѣмъ больше такихъ клубовъ въ городѣ, тѣмъ родителямъ выгоднѣе убивать своихъ дѣтей, потому что они могутъ записывать ихъ не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ клубахъ, и, убивъ застрахованнаго, брать съ каждаго клуба похоронную премію. Ребенка обыкновенно записываютъ въ четырехъ или пяти клубахъ, а нѣкто застраховалъ ребенка *въ девятнадцати различныхъ похоронныхъ клубахъ Манчестера*, слѣдовательно, этотъ нѣкто долженъ былъ получить преміи отъ 57 до 95 ф. ст., т. е. до *598 р. сер.*!—Осенью 1848 г. одна женщина изъ графства Эссексъ была обвиняема въ отравленіи одного изъ своихъ дѣтей; присяжные оправдали ее. За годъ передъ тѣмъ она была подозрѣваема въ отравленіи двухъ другихъ дѣтей, но освобождена отъ дѣла по недостатку уликъ. Въ 1851 г. умеръ ея мужъ, она была признана виновною въ его отравленіи. Разслѣдованія, произведенныя по этому дѣлу, открыли, что между женщинами округа Торнъ существуетъ что-то въ родѣ тайнаго общества съ цѣлью отравленія мужей и дѣтей и полученія за послѣднихъ страховыхъ премій изъ погребальныхъ клубовъ! Боркъ Рэйанъ приводитъ много подобныхъ случаевъ. Такъ одинъ отецъ былъ обвиняемъ въ умерщвленіи своего ребенка посредствомъ голода. Этотъ ребенокъ былъ застрахованъ въ десяти погребальныхъ клубахъ. Присяжные не нашли возможнымъ обвинить отца, и тотчасъ же по освобожденіи отъ дѣла, онъ получилъ изъ клубовъ 34 ф. ст. преміи. Раньше онъ имѣлъ еще шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ каждое было застраховано; за одного изъ этихъ дѣтей родители получили погребальной преміи 20 ф. ст. Упомянутый нами выше отецъ, отравившій мышьякомъ свою шестнадцатилѣтнюю дочь, бывшую «совершенно безполезною для него» по слабости своего здоровья, получилъ за нее изъ разныхъ клубовъ 8 ф. ст. Въ то же время Робертъ и Джорджъ Сандисы были обвиняемы въ убійствѣ своихъ дѣтей, также застрахованныхъ въ погребальныхъ клубахъ. Въ Ливерпулѣ одна женщина обвинялась въ убійствѣ одного и въ отравленіи двухъ другихъ своихъ дѣтей; тотчасъ послѣ смерти ихъ, она отправилась по клубамъ собирать похоронныя преміи, и т. д.

Что можетъ быть ужаснѣе этихъ фактовъ и что можетъ лучше ихъ указать на вредность филантропіи: филантропы желаютъ доставить бѣднякамъ приличное погребеніе, и вмѣсто того, только содѣйствуютъ усиленію дѣтоубійства!..

Рядомъ съ обѣдненіемъ народныхъ массъ, идетъ постепенное огрубѣніе общественныхъ нравовъ, какъ необходимый результатъ безпомощной жизни. Въ этомъ страшномъ круговоротѣ постоянной человѣческой борьбы за насущный кусокъ хлѣба и теплый уголъ семейныя связи дѣлаются гнетущимъ бременемъ, и деспотизмъ мужа въ отношеніи жены и дѣтей достигаетъ размѣровъ чистаго варварства. Вмѣстѣ съ тѣмъ проституція въ семействѣ и внѣ его развивается очень быстро.

Необходимымъ результатомъ, и вмѣстѣ хорошею мѣркою такого явленія служитъ большое число внѣ-брачныхъ дѣтей. По даннымъ, сообщаемымъ въ одномъ изъ отчетовъ англійскаго генералъ-ре-

гистратора, на 100 родившихся дѣтей оказывается процентовъ:

	Законныхъ.	Незаконныхъ.
Въ Баваріи	79,402	20,598
— Саксоніи	85,003	14,997
— Виртембергѣ . .	88,260	11,740
— Австріи	88,620	11,380
— Ганноверѣ . . .	90,124	9,876
— Даніи	90,649	9,351
— Пруссіи	92,848	7,122
— Франціи	92,885	7,114
— Бельгіи	93,228	6,772
— Англіи	93,279	6,721
— Норвегіи	93,322	6,678
— Швеціи	93,438	6,562
Въ Ломбардіи . . .	96,100	3,900
— Сардиніи	97,909	2,091
— Венеціи	97,500	2,500
— Россіи *). . . .	97,050	2,950
— Петербургской губерніи	88,110	11,890

Эти процентныя отношенія законныхъ рожденій къ незаконнымъ, само собою, измѣняются, если брать не цѣлыя страны, а только города и округи. Во многихъ мѣстахъ число незаконныхъ дѣтей гораздо больше, а во многихъ меньше приведенныхъ среднихъ цифръ. Во Франціи, по сообщенію «Journal de Société de Statistique de Paris» 1865 г., № 8, было:

	Въ 1862 г. Всѣхъ рожденій.	Незаконныхъ.	Незаконныхъ на 100 рожденій. Въ 1862 г.	1861 г.	въ 1860 г.
Въ департаментахъ Сены	60,203	15.655	26,08	26,53	26
— городахъ	254,730	28,469	11,18	12	11,36
— деревняхъ	680,414	29,795	4,38	4,38	4,04
Всего	995,167	73,919	7,43	7,63	7,24

Приведенныя цифры показываютъ, что незаконныхъ рожденій гораздо болѣе въ мануфактурныхъ, чѣмъ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ. Кольбъ, въ своей статьѣ: «Fabrikwesen» вполнѣ подтверждаетъ это, говоря, что внѣ-брачныхъ рожденій особенно много въ фабричныхъ мѣстностяхъ. Напр., во Франціи, въ сенскомъ департаментѣ незаконныхъ рожденій 27,21, въ роноскомъ 14,18, нижнесенскомъ 11,10, верхнерейнскомъ 8,91. Департаменты же съ наименьшимъ числомъ незаконныхъ рожденій тѣ, которые ближе всего къ земледѣльческому быту и при этомъ не имѣютъ ни большихъ городовъ, ни сильныхъ гарнизоновъ. Послѣдніе даже болѣе фабрикъ вліяютъ на число внѣ-брачныхъ рожденій.

Теперь посмотримъ, какъ то же самое общество, которое порождаетъ и поддерживаетъ это печальное явленіе соціальной жизни, давитъ своими законами незаконнорожденныхъ дѣтей и покрываетъ позоромъ и ихъ самихъ, и ихъ матерей.

По римскому праву—pater est, quem nuptiae demonstrant, т. е. отецъ рожденнаго въ законномъ бракѣ ребенка есть мужъ его матери. Поэтому, только въ законномъ бракѣ рожденныя дѣти считались *законно* или *справедливо* рожденными, jure или legitime quaesiti или legitimi liberi. Незаконными же дѣтьми были дѣти, родители которыхъ находились въ недозволявшей брака степени родства, или прижитыя отцомъ съ женою другого или съ публичною женщиною; равнымъ образомъ—незаконны тѣ дѣти, которыя «не могутъ указать своего отца». Незаконный ребенокъ не имѣлъ права требовать отъ отца содержанія. Только при императорахъ, когда конкубинатъ былъ дозволенъ и сдѣлался нѣкоторымъ образомъ равносиленъ браку, незаконныя дѣти получили значительныя права и даже участіе въ наслѣдствѣ.

Когда римское право начало переходить на почву новыхъ варварскихъ государствъ, то у нѣкоторыхъ народовъ долго не могли привиться упомянутыя постановленія римскаго императорскаго права, и незаконныя дѣти не имѣли правъ ни на почетныя мѣста, ни правъ обыкновеннаго и леннаго наслѣдованія. Въ другихъ же странахъ постановленія римскаго права одержали верхъ надъ туземными законами. Долго шла борьба двухъ элементовъ—варварскаго принципа отверженности незаконныхъ дѣтей и принципа римскаго. Римскія воззрѣнія путемъ судебной практики и путемъ законодательнымъ постепенно облагораживали законы европейцевъ. Наконецъ, европейскія законодательства пришли, относительно незаконныхъ дѣтей, къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1) Законный отецъ тотъ, кто въ періодъ времени отъ 182 до 300 дней до рожденія ребенка имѣлъ съ его матерью совокупленіе; но ребенокъ будетъ незаконнымъ, если доказано, что въ упомянутый періодъ съ его матерью имѣлъ совокупленіе не мужъ ея, а другой мужчина, или что мужъ не имѣлъ съ нею совокупленія. Незаконны также всѣ дѣти дѣвушекъ и вдовъ, родившихъ болѣе, чѣмъ черезъ 300 дней послѣ смерти мужа.

2) Отецъ незаконнаго ребенка обязанъ давать ему до извѣстнаго возраста содержаніе, *сумма котораго равняется стоимости содержанія дѣтей низшаго класса.* При этомъ отецъ не обязанъ держать его въ своемъ домѣ или семьѣ, а средства содержанія онъ передаетъ лицу, подъ опекой котораго состоитъ его незаконный ребенокъ. При несостоятельности отца, обязанность содержанія переходитъ на мать, при несостоятельности послѣдней—на родителей матери или отца, затѣмъ на общину или на мѣстную кассу бѣдныхъ. Во многихъ странахъ родители отца не обязываются содержать незаконнаго ребенка своего сына. Всѣ незаконныя дѣти состоятъ подъ покровительствомъ государства, которое назначаетъ имъ опекуна, даетъ

*) По даннымъ «Статистическаго Временника» 1866 г., изд. центр. статистическаго комитета.

вспомоществованія, наблюдаетъ, чтобы ихъ отецъ выполнялъ въ отношеніи къ нимъ свои обязанности, и т. п.

3) Незаконный ребенокъ принадлежитъ только матери, носитъ ея фамилію, состоитъ подъ ея властью, а подъ властью отца не состоитъ, не можетъ получать отъ послѣдняго наслѣдственной части безъ завѣщанія; онъ наслѣдникъ своихъ *кровныхъ* родственниковъ—матери и ея родни.

Такимъ образомъ, отецъ немногимъ обязывается относительно своего незаконнаго ребенка. Но къ исполненію и этихъ немногихъ обязанностей ребенокъ или его мать могутъ принуждать отца только съ большимъ трудомъ. Въ этомъ случаѣ законы болѣе потворствуютъ отцамъ, чѣмъ помогаютъ ихъ несчастнымъ дѣтямъ.

Прусскій законъ 24 апрѣля 1854 г. въ § 13 говоритъ, что притязанія незаконнаго ребенка на исполненіе отцомъ его родительскихъ обязанностей состоятельны только въ двухъ случаяхъ: 1) когда, по §§ 1, 2, 6, 8 и 9, притязанія на этого мужчину его матери основательны, и 2) если ребенокъ можетъ представить ясное признаніе того мужчины, котораго онъ называетъ своимъ отцомъ, что онъ дѣйствительно отецъ этого ребенка. Притязанія же матери несостоятельны, и незаконныя дѣти не имѣютъ права на полученіе содержанія отъ своихъ отцовъ, дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если мать ребенка въ періодъ его зачатія совокуплялась не съ однимъ мужчиной; 2) если она личность позорная въ половомъ отношеніи, особенно, если она a) за половую связь брала деньги или подарки, b) или извѣстна своею развратною жизнію, или c) раньше была беременна внѣ брака отъ мужчины, считаемаго родителемъ ребенка, или d) раньше была виновна въ нарушеніи брачныхъ обязанностей, въ прелюбодѣяніи, или e) если предполагаемый отецъ ребенка не имѣетъ еще 20 лѣтъ отъ рода и ею соблазненъ къ совокупленію.

Баденское законодательство до 1851 г., въ подражаніе французскому, допускало состоятельность притязаній матери на пропитаніе своего незаконнаго ребенка его отцомъ только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если истица обольщена этимъ мужчиной, или 2) онъ совокуплялся съ нею, доведя ее предварительно до временной невозможности обладать своими чувствами, посредствомъ вина, напр., или 3) держалъ ее, какъ наложницу. Въ остальныхъ случаяхъ мать незаконнаго ребенка не могла требовать ему содержанія отъ мужчины, котораго она называла отцомъ его. Но баденскій кодексъ 21 февраля 1851 г. предоставилъ нѣсколько болѣе возможности незаконнымъ дѣтямъ доказывать *родительство* (Vaterschaft, paternité) своихъ отцовъ, и обязалъ послѣднихъ выдавать имъ на содержаніе отъ 10 крейцеровъ до 1 флорина въ недѣлю.

По цюрихскому кодексу 1862 г. отецъ незаконнорожденнаго ребенка не обязанъ содержать его, если во время совокупленія съ его матерью ему не было еще 16 лѣтъ; если забеременѣвшая отъ него знала, что онъ женатъ; если въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ она была проституткой и т. д. Если отецъ или мать ребенка не въ состояніи воспитывать его, то эта обязанность возлагается на ихъ родителей, затѣмъ на общину.

Подобнымъ же образомъ распоряжается судьбою незаконнорожденныхъ и граубюнденскій кодексъ 1862 г. «Большинство же швейцарскихъ законодательствъ — говоритъ Зиргъ — примыкаютъ къ принципу материнства», т.-е. предоставляютъ заботы о незаконномъ ребенкѣ одной его матери.

Англійскій парламентскій актъ 14 августа 1838 г. возлагаетъ обязанность воспитанія незаконнаго ребенка только на его мать, а въ случаѣ ея несостоятельности — на мѣстное благотворительное учрежденіе, при чемъ она вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ поступаетъ во владѣніе рабочаго дома, workhouse. Управленіе благотворительнаго учрежденія можетъ отыскивать и доказывать родительство незаконному ребенку, требуя отъ отца ему пропитаніе, размѣръ котораго—$1^1/_2$ шиллинга въ недѣлю и которое отецъ обязанъ выдавать до семилѣтняго возраста ребенка. Положеніе незаконныхъ дѣтей въ Англіи особенно ухудшилось со времени акта 1844 г., которымъ опекуну ребенка запрещено преслѣдовать его отца, доказывая его родительство.

Жестче всѣхъ въ этомъ отношеніи французское законодательство. Code Civil, art. 340, возлагаетъ всѣ заботы о незаконномъ ребенкѣ на его мать и защищаетъ его отца отъ всѣхъ притязаній на полученіе отъ него содержанія, даже на признаніе его родительства: la recherche de la paternité est interdite» (отысканіе родительства запрещается),— кромѣ случаевъ соблазненія или изнасилованія, ведущихъ за собою рожденіе незаконнаго ребенка. Того же принципа держатся кодексы бельгійскій, гессенъ-дармштадтскій, саксенъ-веймаръ-эйзенахскій, сардинскій 1837 г. *). Само собой понятно, что всѣ эти кодексы не устраняютъ добровольнаго признанія отцомъ своего родительства и добровольнаго принятія имъ на себя обязанности воспитывать своего незаконнаго ребенка.

Такимъ образомъ, европейскія законодательства

*) Введеніе этого принципа въ законодательства произошло вслѣдствіе слѣдующихъ соображеній: 1) Притязанія незаконнаго ребенка на полученіе содержанія отъ своего отца основаны на простой фикціи, именно: отцомъ ребенка и поэтому лицомъ, обязаннымъ содержать его, считается человѣкъ, имѣвшій съ его матерью совокупленія за нѣсколько времени, опредѣленнаго закономъ, до рожденія ребенка. 2) Соображаютъ, будто бы дозволеніе отыскивать родительство и получать незаконнымъ дѣтямъ содержаніе отъ ихъ отцовъ, необходимо содѣйствуетъ усиленію народной развращенности, такъ какъ женщины, вступая въ недозволенныя половыя связи, надѣются, что рожденныя ими незаконныя дѣти не останутся безпомощными. 3) Дозволеніе отыскивать родительство ведетъ ко многимъ ошибкамъ и обманамъ. 4) Оно ведетъ также къ умноженію ложныхъ присягъ. 5) Это дозволеніе не приводитъ къ существеннымъ результатамъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ отцы не могутъ давать на содержаніе ребенка требуемой суммы. Наконецъ, 6) статистическія данныя показываютъ, что запрещеніе отыскивать родительство и требовать незаконнымъ дѣтямъ содержаніе отъ ихъ отцовъ «не увеличиваетъ дѣтоубійства». Читатель видитъ, какъ пошлы и несостоятельны всѣ эти соображенія юристовъ.

или вовсе отказываютъ незаконному ребенку въ отысканіи его отца и въ принужденіи его воспитывать ребенка, или затрудняютъ это и назначаютъ самую незначительную цифру отцовскаго содержанія, или возлагаютъ всѣ заботы о ребенкѣ на его мать, женщину, въ большинствѣ случаевъ, бѣдную или развратную, или наконецъ, поручаютъ незаконныхъ дѣтей благотворительнымъ учрежденіямъ, средства которыхъ ограничены и не могутъ удовлетворять потребностямъ всѣхъ незаконныхъ. Плохи эти законы!

По русскому праву незаконныя дѣти суть: 1) рожденныя внѣ брака, хотя бы ихъ родители и вступили впослѣдствіи въ законный бракъ; 2) прижитыя отъ прелюбодѣянія; 3) рожденныя болѣе чѣмъ черезъ 360 дней послѣ смерти отца или по расторженіи брака разводомъ; 4) всѣ прижитыя въ бракѣ, который на основаніи законовъ будетъ, по формальному приговору духовнаго суда, признанъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ; 5) рожденныя въ бракѣ, который расторгнутъ по совершенной, надлежащимъ образомъ доказанной, импотенціи мужа (Св. Зак. изд. 1857 г., т. X, ч. I, ст. 132—134). Хотя отецъ незаконнаго ребенка обязанъ доставлять ему содержаніе, но такой ребенокъ не можетъ ни носить фамиліи своего отца, ни получать наслѣдство не только отъ отца, но и отъ матери своей. Только по особой «монаршей милости» такому ребенку можетъ быть предоставленъ удѣлъ въ родительскомъ имѣніи, но черезъ это онъ «не пріобрѣтаетъ правъ на наслѣдство послѣ другихъ своихъ родственниковъ» (ст. 136, 137).

Постановленія объ общественномъ положеніи незаконныхъ дѣтей въ Россіи заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ: «Незаконнорожденныя отъ женъ, вдовъ и дѣвокъ городского или сельскаго свободнаго состоянія, также отъ солдатскихъ женъ, вдовъ и дѣвокъ и ихъ дочерей, равно и подкидыши, воспитываемые состоящими въ службѣ нижними воинскими чинами,—по достиженіи совершеннолѣтія причисляются въ городское или сельское состояніе, въ которое сами поступить пожелаютъ» (ст. 138). «Воспитанниковъ воспитательнаго дома изъ незаконнорожденныхъ или неизвѣстнаго происхожденія дѣтей запрещается опредѣлять въ гражданскую службу съ присвоеніемъ права на полученіе классныхъ чиновъ, хотя бы они были воспитаны Приказами Общественнаго Призрѣнія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-то: въ уѣздныхъ училищахъ, гимназіяхъ, въ С.-Петербургскомъ Коммерческомъ училищѣ и другихъ имъ подобныхъ. По достиженіи ими 21 года, они причисляются къ городскимъ или сельскимъ податнымъ обществамъ, по ихъ избранію». (Св. Зак., т. XIII, статья 557). Такой незаконнорожденный можетъ избавиться отъ податнаго состоянія, только пріобрѣтя ученую степень и неразлучныя съ нею права. Такимъ образомъ, если *мать незаконнаго ребенка принадлежитъ къ одному изъ свободныхъ сословій, то ребенокъ, не наслѣдуя ея званія, поступаетъ въ податное состояніе.* Но относительно незаконныхъ дѣтей, матери которыхъ принадлежатъ къ несвободнымъ сословіямъ, законъ держится совершенно противоположнаго принципа: *такія дѣти непремѣнно наслѣдуютъ званіе своей матери.*—Прежде незаконныя дѣти крѣпостныхъ женъ и дѣвокъ признавались «по матерямъ крѣпкими владѣльцу ихъ послѣднихъ». «Незаконнорожденныя дѣти казачихъ вдовъ, женъ и дѣвокъ зачисляются въ казачье сословіе. Незаконнорожденные сыновья женъ и дочерей башкирцевъ, мещеряковъ, тептерей и бобылей оренбургскаго и уральскаго, отдаваемыхъ за проступки въ военную службу, оставляются навсегда въ ихъ сословіяхъ но принадлежности. Незаконнорожденныя отъ женъ и дочерей нижнихъ почтовыхъ служителей, равно и младенцы, подкидываемые почтальонамъ, причисляются къ почтовому вѣдомству. А таковыя же дѣти, рожденныя отъ женъ, вдовъ и дочерей военныхъ и заводскихъ нижнихъ чиновъ, мастеровыхъ, состоящихъ или состоявшихъ въ горномъ вѣдомствѣ... и вообще всѣхъ придворныхъ вѣдѣній, причисляются къ тѣмъ вѣдомствамъ, къ которымъ матери принадлежали. Незаконнорожденныя отъ женъ, вдовъ и дочерей крестьянъ удѣльныхъ причисляются къ удѣльному вѣдомству» (т. X, ч. I, ст. 139—143).

Изъ обозрѣнія европейскихъ законовъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ мы видимъ, что они уже при самомъ рожденіи осуждены на горькую участь. Большинству ихъ предстоитъ жизнь, полная изнурительнаго труда, голода, мученій, отверженности, жизнь, нагоняющая на нихъ болѣзни и сводящая ихъ въ преждевременную могилу. Какъ не велика смертность законныхъ дѣтей въ Европѣ, но смертность незаконныхъ еще больше. Кетле (Sur l'homme, I, 240) говоритъ, что по вычисленіямъ Бауманна и Зюсмильха, смертность дѣтей представляетъ слѣдующія отношенія:

	Законныхъ.	Незаконныхъ.
1-го мѣсяца отъ рожденія	1	2,0
2— 3 » » »	1	2,4
4— 6 » » »	1	1,7
6—12 » » »	1	1,5
2-хъ лѣтъ » »	1	1,4
6—4 » » »	1	1,3

По дальнѣйшимъ вычисленіемъ Бауманна только $^1/_{10}$ незаконнорожденныхъ дѣтей достигаетъ зрѣлаго возраста.

Такая смертность незаконныхъ объясняется, главнымъ образомъ, безпомощностью большинства ихъ. Законъ не столько принуждаетъ отцовъ заботиться объ ихъ содержаніи и воспитаніи, сколько предоставляетъ это совѣсти и добровольному согласію отцовъ. А совѣсть не только отцовъ, но даже и матерей оказывается слишкомъ растяжимою въ этомъ отношеніи. Множество незаконныхъ дѣтей отвергаются не только отцами, но и матерями. Во Франціи, напримѣръ, по словамъ журнала парижскаго статистическаго общества 1865 г., «незаконнорожденные раздѣляются на два различныхъ класса: 1) тѣ, которые признаны или отцомъ,

или матерью, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. 2) тѣ, которые не признаны». Численное отношеніе между этими двумя классами представляется въ слѣдующемъ видѣ.

	Незаконныхъ въ 1862 г. Признанныхъ.	Непризнанныхъ.	Признанныхъ на 100 незаконныхъ. 1862 г.	1861 г.	1860 г.
Въ департаментѣ Сены.	4.009	11,646	25,61	26,29	26,66
» городахъ.	7,242	21,227	25,44	23,51	22,97
» деревняхъ.	12,608	17,187	42,33	38,65	37,23
Всего.	23,859	59,060	32,28	29,84	32,50

Такимъ образомъ, около $^2/_3$ незаконнорожденныхъ дѣтей (62,82) остаются непризнанными своими родителями и, слѣдовательно, брошенными на произволъ судьбы.

Въ Англіи, по словамъ Б. Рэйана, незаконнымъ дѣтямъ «часто очень трудно найти своихъ отцовъ, и они поступаютъ на содержаніе приходовъ». По свидѣтельству Тьюбса, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, 85 человѣкъ получали ежедневно по шиллингу каждый отъ мэрильбонскаго прихода (st. Marylebone), потому что они были не въ состояніи открыть своихъ отцовъ. По той же причинѣ къ 1 января 1858 г. въ Англіи состояло на содержаніи приходовъ 14,427 незаконныхъ дѣтей.

Ниже, когда мы будемъ говорить о дѣтовыбрасываніи и найденышахъ, мы приведемъ еще другія цифры, которыя яснѣе вышеприведенныхъ покажутъ, что огромное большинство незаконныхъ дѣтей отвергается и бросается на произволъ судьбы ихъ родителями.

Куда же идутъ эти дѣти? Они закабаляются на фабрики, они плутуютъ въ городахъ, входятъ въ общества воровъ и другихъ преступниковъ и, не достигши еще зрѣлаго возраста, сами попадаются за свои преступленія въ руки полиціи и суда. Слѣдующая таблица отлично выясняетъ, что огромное большинство малолѣтнихъ преступниковъ состоитъ изъ незаконнорожденныхъ дѣтей, а остальная часть изъ дѣтей, участь которыхъ одна и та же съ незаконнорожденными. Цифры этой таблицы относятся къ Франціи.

Годы.	Общее число малолѣтнихъ преступ.	Изъ нихъ было дѣтей преступниковъ же.	Незаконнорожден. дѣтей.	Дѣтей публичныхъ женщ., брод. и нищ.
1853	7,715	753	(нѣтъ цифры).	2,220
1854	9,158	785	5,646	1,775
1855	8,095	(нѣтъ цифры)		1,963
1856	9,758	1,075	6,148	2,186
1858	9,336	1,015	5,687	2,208
1859	8,921	1,065	5,584	2,103

Слѣдовательно, почти $^7/_{10}$ малолѣтнихъ преступниковъ были незаконными дѣтьми, родители которыхъ бросили ихъ на произволъ судьбы; $^2/_{10}$ были дѣтьми публичныхъ женщинъ, бродягъ и нищихъ; $^1/_{10}$ были дѣтьми преступниковъ.

Относительно Англіи мы приведемъ другую таблицу, которая также разъясняетъ судьбу множества дѣтей, родители которыхъ принадлежатъ къ низшимъ классамъ общества. Въ Англіи было:

	Въ 1861 г. Мальчиковъ.	Дѣвушекъ.	Всего.	Въ 1862 г. Мальчиковъ.	Дѣвушекъ.	Всего.
Воровъ и грабителей: моложе 16 лѣтъ.	3,149	1,053	4,202	3,347	1,260	4,607
16 лѣтъ и старше	18,396	5,447	23,843	19,474	5,715	25,189
моложе 16 лѣтъ	42	25	67	50	20	70
16 лѣтъ и старше	2,876	678	3,554	2,940	773	3.713
Проститутокъ: моложе 16 лѣтъ.	—	1,389	1,389	—	1,507	1,507
16 лѣтъ и старше		(нѣтъ цифры).				
Подозрѣваемыхъ лицъ: моложе 16 лѣтъ.	2,977	999	3,976	3,040	1,083	4,123
16 лѣтъ и старше	23,472	5,049	28,521	24,625	5,264	29,889
Бродягъ: моложе 16 лѣтъ.	4,162	3,145	7,307	4,074	2,886	6,990
16 лѣтъ и старше		(нѣтъ цифры).				
Всего: моложе 16 лѣтъ.	10,230	6,611	16,945	10,511	6,756	17,267
16 лѣтъ и старше	62,361	46,837	109,198	62,279	47,505	109.784

Большинство англійскихъ малолѣтнихъ преступниковъ, какъ и французскихъ, были или незаконнорожденными, или происходили изъ тѣхъ подонковъ общества, въ которыхъ участь и законныхъ, и незаконныхъ дѣтей одинаково несчастна.

Такимъ образомъ, незаконнорожденнаго ребенка, при самомъ его появленіи на свѣтъ, поражаютъ бѣдность, болѣзни, смерть, а если онъ переживетъ первый періодъ своего дѣтства, если ему удастся достигнуть того возраста, когда онъ будетъ въ состояніи ходить на своихъ ногахъ, дѣйствовать своими руками, соображать своей головой,— то бурный потокъ жизни несетъ его прямо въ тюрьму, на каторгу или на висѣлицу. Его мать, хотя и незнакома со статистикой, но по горькому опыту жизни знаетъ, какая судьба предстоитъ ея дѣтищу. Не лучше ли убить его и тѣмъ спасти его отъ ужасной жизни, а себя отъ хлопотъ и мученій, причиняемыхъ его воспитаніемъ и видомъ постоянныхъ страданій его? И мать убиваетъ ребенка.

Но вотъ другая, еще болѣе сильная причина убійства незаконнорожденныхъ,—это позоръ, которымъ общество покрываетъ и незаконнорожденнаго ребенка, и его мать. Оно отвергаетъ падшихъ женщинъ, платитъ за грѣхъ матерей ни въ чемъ невиноватымъ дѣтямъ и, въ то же время, считаетъ совершенно безразличными поступками не только развратъ мужчинъ, за который оно жестоко караетъ женщинъ, но и похожденія мужчинъ, соблазняющихъ невинныхъ дѣвушекъ. И то, что женщинѣ вмѣняется въ позоръ и въ преступленіе, ея соблазнителю или любовнику поставляется нерѣдко въ честь. Часто развратникъ пріобрѣтаетъ себѣ репутацію «ловкаго человѣка» по числу соблазненныхъ имъ женщинъ. И при этомъ, общество караетъ падшую женщину съ какимъ-то чисто восточнымъ тупоумiемъ,—оно караетъ самое преступленіе, не обращая вниманія на родъ и степень силы его мотивовъ, вовсе упуская изъ виду принципъ индивидуальной вмѣняемости. Для него падшая женщина—существо отверженное, пала ли она вслѣдствіе вопіющей бѣдности, соблазнена ли гнуснымъ развратникомъ, хотѣвшимъ на ней жениться, или отдалась разврату вслѣдствіе нравственной испорченности и корысти. Но взгляните на тѣ общественные слои, изъ которыхъ летятъ эти перуны на падшихъ женщинъ; посмотрите на этихъ замужнихъ женщинъ, головы супруговъ которыхъ украшены десятками роговъ, на этихъ вдовъ, нанимающихъ себѣ постельныхъ франтовъ, на этихъ содержанокъ и великосвѣтскихъ львицъ, у которыхъ

Брилліанты, цвѣты, кружева,
Доводящіе умъ до восторга,
И на лбу роковыя слова:
«Продается съ публичнаго торга!»

Нѣтъ словъ, чтобы достаточно обрисовать это лицемѣріе, эту бездну противорѣчій и безсмыслицы! И не ищи, падшая женщина, участія, состраданія, терпимости въ томъ нравственномъ мракѣ, который, какъ бы въ насмѣшку, называется свѣтомъ.

Но верхъ непослѣдовательности — это отверженность незаконныхъ дѣтей за то, что согрѣшила ихъ мать. И это дѣлаетъ общество, которое смѣется надъ китайцами, что они казнятъ дѣтей за преступленія ихъ родителей! И эти люди считаютъ себя христіанами, они безъ всякаго зазрѣнія совѣсти называютъ себя послѣдователями Того, Кто защитилъ отъ судей и благословилъ блудницу, Кто такъ любилъ дѣтей и такъ милостиво относился къ падшимъ женщинамъ!

Такіе нравы нерѣдко доводятъ падшую женщину до самоубійства. Такъ, по даннымъ криминальной статистики Франціи 1856—1861 г., всѣхъ женскихъ самоубійствъ въ этой странѣ было 5,749, изъ этого числа причиною 97-ми самоубійствъ была внѣбрачная беременность и 18-ти—стыдъ и страхъ стыда... И вообще, по статистическимъ даннымъ, стыдъ внѣбрачной беременности и незаконнорожденнаго рожденія — одна изъ самыхъ сильныхъ причинъ женскаго самоубійства, наклонность къ которому вообще у женщинъ въ 3—4½ раза слабѣе, чѣмъ у мужчинъ.

Но не у всѣхъ, даже не у большинства падшихъ женщинъ достаетъ духу предпочесть свою смерть жизни ребенка. Такая женщина часто еще живетъ надеждою на лучшіе дни, или имѣетъ сильную привязанность къ жизни или не обладаетъ достаточною храбростью, чтобы наложить на себя руку. Между тѣмъ ее проклинаетъ отецъ, мать постоянно плачетъ и разбиваетъ сердце виновной своими стонами объ ея безчестіи; ее бранятъ братья, чуждаются сестры; иногда ее выгоняютъ изъ дома, а за дверьми своего дома она встрѣчаетъ только презрѣніе и насмѣшки. Ее страшитъ несчастная будущность ребенка и тотъ отчетъ, который онъ можетъ потребовать въ ея поведеніи, когда онъ вырастетъ. Прибавьте къ этому ненормальное состояніе женщины при беременности и въ первое время послѣ родовъ. У беременной является тошнота, рвота, головная боль, прекращеніе менструаціи. Даже просто неправильная менструація можетъ подвергнуть женщину ипохондріи, меланхоліи, сумасшествію, пляскѣ св. Витта, каталепсическому экстазу и другимъ нервнымъ болѣзнямъ. У беременной появляются капризы, прихоти, неестественныя желанія, суевѣріе, меланхолія, жестокость. Часто характеръ женщины измѣняется во время беременности въ самыхъ существенныхъ чертахъ своихъ. Послѣ родовъ женщина не менѣе подвержена болѣзнямъ—разлитіе молока можетъ вогнать ее въ лихорадку, даже въ сумасшествіе... При этомъ нужно еще вспомнить, что сплошь и рядомъ внѣбрачно-беременныя женщины принуждены скрывать свою беременность и родить гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, въ сортирѣ, хлѣвѣ, на улицѣ, на вѣтру или на морозѣ, безъ всякой посторонней помощи. Это еще болѣе усиливаетъ тѣ патологическіе припадки, которымъ подвержена родильница. Страхъ, стыдъ, борьба эгоизма и материнской любви, постоянныя заботы о скрытіи своего положенія, безсонныя ночи, муки рожденія, физическая слабость и нервное разстройство послѣ того,—все это дѣлаетъ психическое состояніе незаконнородившей дѣтоубійцы исключительнымъ, патологическимъ. Она дѣйствуетъ въ умопомраченіи, въ истерикѣ, часто рѣшается на дѣтоубійство моментально, вслѣдствіе сильнаго и скоропроходящаго аффекта, какъ дѣвушка Уланда въ его стихотвореніи «Des Pfarrers Tochter», она держитъ на рукахъ своего незаконнаго ребенка, размышляя о своей горестной участи: «о, горе! ты сдѣлалъ меня матерью, не сдѣлавъ сначала женою! и, вырвавъ изъ волосъ серебряную булавку, она воткнула ее въ сердце мальчика» [1]). Мы уже видѣли выше, что дѣтоубійцы изъ бѣдности часто дѣйствуютъ

[1]) O, weh mir, dass du mich zur Mutter gemacht,
Bevor du mich machtest zum Weibe!..
Da riss sie die silberne Nadel vom Haar,
Und stiess sie dem Knaben in's Herze...

въ полномъ умственномъ разстройствѣ; то же нужно сказать и о незаконнорождившихъ или незаконно-беременныхъ женщинахъ, рѣшающихся на плодоизгнаніе и дѣтоубійство.

Такъ въ Инсвичѣ одна дѣвушка судилась за дѣтоубійство. Она все скрывала свою беременность и, наконецъ, родила ребенка, котораго ея сестра нашла въ ихъ общей спальнѣ *съ горломъ, перерѣзаннымъ отъ уха до уха*. Сестра тотчасъ сказала объ этомъ отцу, который, увидя виновную, обратился къ ней со словами: «Боже мой! Джэнъ, что ты надѣлала!» Дѣвушка была такъ разстроена, что отъ однихъ этихъ словъ она упала на полъ, словно подстрѣленная, и *оставалась безъ языка и безъ сознанія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль*». Лордъ Кэмпель направлялъ присяжныхъ «оправдать подсудимую, какъ дѣйствовавшую безъ сознанія». Присяжные оправдали ее.

Въ подобномъ же психическомъ разстройствѣ находилась Мэри Ньюэлль, 20 лѣтъ. Она была звѣрски прогнана своимъ обольстителемъ, лишена всякой матеріальной помощи; пораженная горемъ и отчаяніемъ, она положила своего ребенка въ мѣшокъ, наполненный камнями, и ночью бросила его въ рѣку. Мэри осуждена на *вѣчную* каторгу... *Вѣчный* позоръ европейскому обществу и правосудію за такія жертвы!..

На нравственное разстройство и умопоступленность указываютъ и частые факты совершенно излишней и неразумной жестокости, учиняемой надъ ребенкомъ. Такъ, напримѣръ, Ханна Кукъ убила своего незаконнаго ребенка, и убила его съ чисто-безумною жестокостью: *изломала ему руку, проломила черепъ, переломила челюсть и разодрала ротъ!*.. Чѣмъ возможно объяснить такое глупое звѣрство, какъ не состояніемъ, близкимъ къ сумасшествію? А такіе случаи встрѣчаются постоянно и ведутъ къ вѣрному заключенію, что большинство незаконнорождившихъ дѣтоубійцъ дѣйствуютъ въ истерикѣ, умопоступленіи, словомъ, въ состояніи невмѣняемости. Близорукое же правосудіе часто принимаетъ эти факты «жестокости», какъ обстоятельства, отягчающія вину подсудимой!.. Часто преступница является существомъ крайне тупымъ, глупымъ и совершаетъ дѣтоубійство въ состояніи полной невмѣняемости. Такова была, напримѣръ, Марія Шпе, судившаяся въ 1819 г. въ Веймарѣ. Съ шестилѣтняго возраста способности ея отупѣли, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ нею родителей. Въ школѣ она положительно ни чему не научилась; ея тупоумье было столь велико, что наставникъ не могъ научить ее даже основнымъ началамъ вѣры. Эту идіотку соблазнилъ одинъ молодой развратникъ. Она забеременѣла, родила и убила ребенка. Въ судѣ Марія обнаружила совершенное равнодушіе, и на вопросъ, зачѣмъ она убила дитя, отвѣчала: «я этого не знаю».—Ее приговорили къ *десятилѣтнему заключенію въ рабочемъ домѣ*! Впрочемъ, такое рѣшеніе судей за поличка назадъ не должно удивлять насъ, когда оно возможно и въ наше время. Въ 1857 году во Франціи Марія Форъ была осуждена въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Она родила ребенка, бывши одна въ комнатѣ, хотѣла звать на помощь, но ей сдѣлалось дурно и слабость не позволила ей кричать. Дитя родилось живымъ, и Форъ, *въ припадкѣ горячечнаго бреда*, схватила его за ноги и разбила ему голову о подоконникъ. Даже мужчины, убивающіе незаконныхъ дѣтей своихъ женъ, совершаютъ иногда это преступленіе въ полномъ умопомѣшательствѣ. Такъ, въ бытность мою въ Красноярскѣ я видѣлъ въ тамошнемъ сумасшедшемъ домѣ помѣшаннаго Калачова, поселенца частоостровской волости, енисейской губерніи. Живя въ деревнѣ, онъ зарѣзалъ ночью двухъ незаконныхъ дѣтей своей жены, пробрался съ трупами въ церковь, положилъ ихъ обоихъ на престолъ, отворилъ царскія двери, зажегъ всѣ свѣчи и напикадило и, отправившись на колокольню, ударилъ въ набатъ. Его арестовали, и съ тѣхъ поръ онъ уже нѣсколько лѣтъ сидитъ въ упомянутомъ сумасшедшемъ домѣ. Бываетъ даже особая манія дѣтоубійства. «Droit des Femmes», 1869, № 21, разсказываетъ слѣдующій случай. Къ полицейскому комиссару является учитель Л. и проситъ помѣстить его въ убѣжище св. Анны. «Я не сумасшедшій,—говоритъ онъ,—но мономанъ, одержимый непреклоннымъ желаніемъ убить ребенка. Въ дортуарѣ коллегіи Х. я уже дѣлалъ нѣсколько покушеній на убійство воспитанниковъ, ввѣренныхъ моему попеченію, но успѣвалъ преобороть свою манію. Теперь я не могу болѣе бороться»... Въ это время къ комиссару привели пятнадцатилѣтняго мальчика, пойманнаго на воровствѣ. Учитель пришелъ въ жатацію и сдѣлалъ движеніе, чтобы броситься на него, но былъ удержанъ.

Само собою понятно, что разсматриваемый нами видъ дѣтоубійства чаще всего встрѣчается въ среднемъ и въ высшемъ классѣ общества. Въ низшихъ же классахъ, гдѣ семейная жизнь обставлена самыми грустными картинами бѣдности и гнета, дѣтоубійство изъ стыда, ради сохраненія половой чести, случается гораздо рѣже. Между русскими крестьянами такое дѣтоубійство также не очень распространено. «Взгляните на наши сельскія общества,—пишетъ г. Филипповъ въ статьѣ о специфическихъ преступленіяхъ женщинъ,—молодой парень уходитъ въ солдаты или на оброкъ въ дальнюю сторону; жена его каждый годъ рожаетъ безъ него; а онъ, всякій разъ, получая отъ нея цидулку о рожденіи и крещеніи ребенка, напивается пьянъ съ радости, что ему Богъ послалъ работника». Въ двухъ деревняхъ самарской губерніи я встрѣтилъ въ 1861 году нѣсколько солдатокъ и крестьянокъ, имѣвшихъ дѣтей, въ рожденіи которыхъ ихъ мужья не принимали никакого участія. И эти матери нисколько не безпокоились за свое поведеніе, нисколько не боялись ни ревности мужей, ни общественнаго мнѣнія крестьянъ, совершенно равнодушныхъ къ этому. Въ западной Сибири и въ енисейской губерніи я старался распрашивать объ этомъ крестьянъ и солдатъ изъ сибирскихъ уроженцевъ; всѣ мнѣ говорили, что, не смотря на сильный развратъ, царящій въ деревняхъ, на большое количество незаконнорожденныхъ дѣтей, дѣтоубійство случается чрезвычайно рѣдко. Крестьянинъ при рожденіи незаконнаго ребенка его

дочерью, часто даже женою, радуется ему точно такъ же, какъ и законному. Напротивъ, въ той же Сибири, въ городскомъ населеніи, дѣтоубійство и плодоизгнаніе случаются довольно часто и почти всегда изъ страха, стыда и ради охраненія половой чести.

Мы видѣли, что много незаконнорожденныхъ дѣтоубійцъ дѣйствуютъ въ истерикѣ, въ умопомѣшательствѣ и т. п. состояніяхъ невмѣняемости. Но если даже такая женщина и можетъ управлять своими дѣйствіями, если она не до такой степени больна, чтобы не могла удержаться отъ преступленій, то ее окружаетъ иногда такое сцѣпленіе побудительныхъ обстоятельствъ къ совершенію дѣтоубійства, что она необходимо дѣлается если не виновницею, то, по крайней мѣрѣ, соучастницею преступленія. Такія обстоятельства мы находимъ, напр., въ убійствѣ дѣтей, являющихся плодомъ кровосмѣшенія. Этотъ видъ разврата довольно распространенъ въ низшихъ слояхъ европейскаго общества, гдѣ жилища такъ тѣсны, развращенность такъ сильна, что братъ легко соблазняетъ сестру, свекоръ невѣстку, вотчимъ падчерицу, отецъ дочь. Представьте себѣ, что отъ такой связи рождается ребенокъ, и связь, слѣдовательно, открывается. Это вноситъ въ семейство несравненно больше раздора, чѣмъ обыкновенная преступная связь, на которую часто родные смотрятъ даже благосклонно. Сами виновные стыдятся своего поступка несравненно сильнѣе, чѣмъ простого прелюбодѣянія. При этомъ, въ одномъ семействѣ не одинъ, а два виновныхъ, не одна, а двѣ воли, наклонныя и стремящіяся къ преступленію. Наконецъ, множество дѣтей, являющихся плодомъ кровосмѣсительной связи, бываетъ идіотами, уродами, больными,—слѣдовательно, мало возбуждаютъ къ себѣ любви и сострадалія: если бы они и остались жить, то жили бы только на муку и себѣ, и другимъ. Приводимъ здѣсь одинъ такой случай изъ французской юридической практики.

Дѣло было въ 1866 году, въ департаментѣ Верхнихъ Пиринеевъ. Обвинительный актъ содержалъ въ себѣ слѣдующее: Пьеръ Порталь живетъ въ Либаросѣ съ женою своею Маріею Анти, пятнадцатилѣтнимъ сыномъ и незаконною дочерью Анти, Магдалиною. Эта послѣдняя уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ услуженіи у землевладѣльца сосѣднихъ приходовъ и часто посѣщаетъ свою мать и ея мужа, съ которымъ, какъ говорили, она была въ преступной связи.—Прошлымъ лѣтомъ процесся въ Бетпокрѣ, гдѣ она тогда находилась, слухъ объ ея беременности. Хозяева ея, взволнованныя этимъ, просили 23 іюня младшаго лѣкаря освидѣтельствовать ее. Лѣкарь нашелъ несомнѣнные признаки четырехмѣсячной беременности. На другой день ей было отказано, и она вернулась въ Либаросъ, гдѣ всѣ замѣтили ея болѣзненный видъ. Предшествовавшая молва объ ея беременности стала болѣе достовѣрною. Къ концу августа уже никто не сомнѣвался въ ея положеніи. Черезъ нѣсколько дней стали говорить, что она родила, и съ первой же минуты общественное мнѣніе подозрѣвало преступленіе. Порталь и Магдалина долго запирались: сначала они говорили о большой потерѣ крови, потомъ о мертворожденномъ ребенкѣ, котораго Порталь унесъ и спрягалъ сперва въ хлѣвъ, а потомъ въ дупло каштанноваго дерева. Когда Порталь указалъ въ рощѣ это дерево и его разсѣкли топоромъ, то между обломками нашли три маленькія косточки, которыя, по изслѣдованію эксперта, признаны косточками ребенка, *давно умершаго* и давно уже находившагося въ дуплѣ. Слѣдовательно, эти останки относятся къ необъясненному случаю, который остался тайною. 17 сентября Магдалина показала, что она родила на своей кровати; на ея крики прибѣжалъ Порталь и, взявъ ребенка изъ-подъ одѣяла, задушилъ его. Она приказала его похоронить. 18 сентября и Порталь, и Магдалина признались, что они давно уже согласились во что бы то ни стало скрыть послѣдствія беременности Магдалины, и что дѣлали много попытокъ произвести выкидышъ, которыя остались тщетными. Когда попытки обоихъ обвиненныхъ не произвели желаннаго результата, то Порталь обратился къ женщинѣ, давно извѣстной своимъ искусствомъ производить выкидыши. Встрѣтясь съ нею однажды на рынкѣ въ Три, они уговорились на счетъ этого дѣла. Эта женщина, Марія Маулусъ, получившая отъ Портала за свои услуги 40 франковъ, привела беременную Магдалину въ деревню Антинъ, гдѣ старая женщина, съ которою свели эту дѣвушку, сдѣлала ей операцію, вслѣдствіе которой послѣдняя должна была выкинуть. Эта старуха—акушерка Дешунъ, уже давно извѣстная тѣмъ, что занималась преступною практикою плодоизгнанія. Такъ какъ ея операція не удалась, то Магдалина Анти пришла къ ней снова въ сопровожденіи Маріи Маулусъ, и повивальная бабка снова сдѣлала ту же операцію. Послѣ этого было рѣшено, что Порталь убьетъ ребенка, если только онъ родится. Что ребенокъ родился живымъ, доказывается тѣмъ, что онъ кричалъ послѣ рожденія и черезъ полчаса былъ живъ, послѣ чего Порталь лишилъ его жизни, задушивъ его, по собственному его показанію, руками, а по словамъ Магдалины—растоптавъ его ногами. Послѣ того тѣло ребенка было снесено Порталемъ въ хлѣвъ, и ночью онъ отдалъ его на съѣденіе свиньямъ. Какъ при совершеніи самаго преступленія, такъ во время слѣдствія и суда, Магдалина дѣйствовала подъ вліяніемъ того ужаса, который всегда внушалъ ей жестокій Порталь. Онъ имѣлъ надъ нею безграничную власть. Присяжные оправдали ее. Порталь присужденъ къ галерамъ навсегда, а Жанна Дешунъ и Марія Маулусъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію.

Но и кромѣ подобныхъ случаевъ, падшая родильница можетъ найти въ своемъ семействѣ не только укрывателей и пособниковъ, но даже подстрекателей къ дѣтоубійству и плодоизгнанію. Мать или сестра несчастной, часто сами совершавшія такое преступленіе надъ своими дѣтьми, берутъ на себя скрыть ея проступокъ отъ остальной семьи, особенно отъ отца, и совершаютъ дѣтоубійство или побуждаютъ къ тому родившую или, наконецъ, скрываютъ уже содѣянное ею преступленіе.

Въ концѣ 1864 г. одна англійская дѣвушка, въ отсутствіе своего отца, почувствовала приближеніе родовъ, и родила при своей матери и сестрѣ, которыя помогали ей при этомъ. «Какъ намъ скрыть это рожденіе отъ нашего отца?» въ испугѣ говоритъ несчастная.—«А вотъ какъ!» отвѣчаетъ мать родильницы, и при этомъ садится на новорожденнаго, который и умираетъ подъ тяжестью ея тѣла.

Боркъ Рэйанъ разсказываетъ, что въ Іоркшайрѣ одна старуха 82 лѣтъ съ своею внучкою 22 лѣтъ обожгли и потомъ удавили ребенка послѣдней.

Часто любовникъ, не имѣя возможности или не желая ни жениться на беременной отъ него дѣвушкѣ, ни воспитывать ребенка, или помогаетъ дѣтоубійству, или самъ совершаетъ его. Чаще же всего любовники являются подстрекателями, пособниками или совершителями плодоизгнанія, и иногда дѣйствуютъ съ ужасающей жестокостью.

8 сентября 1856 г. дѣвушка Іоанна Пейперюкъ, 18 лѣтъ, нанялась въ горничныя къ богатымъ землевладѣльцамъ общины Турнеръ, супругамъ Ге. Семейство Ге, состоявшее изъ отца (80 л.), матери и двухъ сыновей, пользовалось репутаціей крайней безнравственности. Іоанна завела любовную связь съ сосѣднимъ лакеемъ Донисомъ и Ге отцомъ. Въ началѣ 1857 г. она забеременѣла и открыла свою тайну сосѣдкѣ и родственницѣ семейства Ге, Маріи Руде, которая давала ей микстуру для плодоизгнанія, но послѣдняго не совершилось. Беременность Іоанны сдѣлалась между тѣмъ замѣтною, и *мэръ общины призвалъ ее къ себѣ и началъ допрашивать*, но Іоанна отпиралась. Эти допросы, сдѣланные безтактнымъ мэромъ, конечно, еще болѣе утвердили въ несчастной дѣвушкѣ страхъ стыда и тѣмъ послужили отдаленною причиною дѣтоубійства. Замѣтимъ при этомъ, что французскіе мэры довольно часто выказываютъ свою рачительность о нравственности общины въ такой вредной формѣ. Іоанна согласилась съ старикомъ Ге и Маріей Руде убить ребенка, когда онъ родится, и сжечь въ печи; *Ге обѣщалъ дать ей 2,000 франковъ*, если она это скроетъ. Она задушила ребенка; приговорена въ каторгу на 20 л., Ге въ тюрьму на 20 лѣтъ, а Руде объявлена невинной.

Д-ръ Беккъ, со словъ вермонтскаго судьи Гутчинсона, разсказываетъ о дѣлѣ Нормана Клевеланда, сужденнаго за убійство Ханны Розъ. Ханна была беременна отъ Клевеланда, и онъ употреблялъ разныя средства, чтобы произвесть выкидышъ, но тщетно. Тогда онъ ввелъ въ матку острый инструментъ, и беременная умерла почти мгновенно. На шейкѣ матки было сдѣлано имъ шесть ранъ. Подвздошная вена была ранена и желудокъ наполненъ кровью. Клевеландъ приговоренъ къ повѣшенію, но помилованъ пятью годами каторжной работы въ тюрьмѣ.

Берлинскій профессоръ Вагнеръ разсказываетъ другой случай, замѣчательный, между прочимъ, тѣмъ, что, не смотря на жестокія средства, женщина, подвергнутая этимъ операціямъ, осталась не только живою, но и здоровою. На седьмомъ мѣсяцѣ своей беременности она рѣшилась произвести выкидышъ посредствомъ нѣкоторыхъ медикаментовъ, но не успѣла. Тогда она стянула свой животъ широкимъ ремнемъ, но и это не помогло. Тогда ея любовникъ встаетъ колѣнами на ея животъ и давитъ его изо всей силы. Но выкидыша все нѣтъ. Любовникъ начинаетъ топтать животъ беременной; наконецъ, онъ беретъ острыя ножницы и старается проткнуть uterus черезъ вагину. Кровь льется ключомъ, но выкидыша не было долго и послѣ этого. Наконецъ родился мальчикъ, умершій черезъ четыре дня; мать же осталась жива и здорова.

Выше мы говорили, что въ Англіи между женщинами низшаго класса открыта была нѣсколько лѣтъ тому назадъ тайная ассоціація, основанная съ цѣлью помогать другъ другу въ отравленіи своихъ мужей и дѣтей. Это дѣлалось съ корыстною цѣлью. Но и падшія женщины, желая скрыть свой позоръ, нерѣдко обращаются къ своимъ знакомымъ и подругамъ за совѣтами и пособіями для совершенія дѣтоубійства, въ особенности же плодоизгнанія; если эти послѣднія женщины опытны въ такихъ дѣлахъ, то онѣ помогаютъ первымъ или даже сами совершаютъ то, о чемъ у нихъ просятъ совѣта. Случается, что дѣвушка, повѣряя подругѣ тайну своей беременности, узнаетъ, что и эта подруга также беременна. Въ виду угрожающей имъ будущности, въ виду ожидающаго ихъ позора, обѣ подруги рѣшаются общими силами совершить дѣтоубійство или плодоизгнаніе. Иногда въ такомъ заговорѣ участвуетъ даже нѣсколько дѣвушекъ. Такъ въ 1860 г. въ Дудлеѣ забеременѣли четыре дѣвушки—Ньюсель, Уилеръ, Гюнтъ и Бонтъ,—всѣ дочери уважаемыхъ родителей. Онѣ, съ общаго согласія, рѣшились произвесть плодоизгнаніе. Разъясненія этого дѣла Саррою Гюнтъ, шестнадцатилѣтнею дѣвушкою изъ числа заговорщицъ, полны возмутительныхъ, неудобныхъ для печати подробностей, хотя всѣ виновныя отличались прежде благонравіемъ и приличнымъ поведеніемъ. Всѣмъ этимъ дѣвушкамъ удалось произвесть выкидышъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ дѣлается яснымъ, что частое вытравленіе зародышей порождаетъ необходимость въ прінсканіи искусныхъ къ тому пособниковъ, порождаетъ особый классъ спеціалистовъ - плодоизгнателей. Гэлардъ, со словъ Morning Chronicle, говоритъ, что «плодоизгнаніе — вещь обыкновенная въ Англіи, и употребляемыя для него средства всѣмъ извѣстны». Но такъ какъ эти средства подвергаютъ опасности здоровье, даже самую жизнь беременной женщины; такъ какъ дѣвушки, выросшія въ порядочныхъ семействахъ и потомъ забеременѣвшія, не имѣли раньше случая узнать этихъ средствъ, то и является необходимость обращаться для произведенія выкидыша къ спеціалистамъ. Деверджи говоритъ, что англійскія акушерки занимаются этимъ искусствомъ. Въ Манчестерѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, существовалъ особый домъ, въ которомъ плодоизгнаніе производилось по всѣмъ правиламъ искусства, и въ который почти открыто обращались желавшія того

беременныя женщины. Нѣкоторые плодоизгнатели пользуются особенною славою и приглашаются даже на практику въ другіе города. «Одна изъ моихъ паціентокъ—пишетъ докторъ Воркъ Рэйанъ—увѣряла меня, что извѣстными медицинскими средствами она можетъ произвесть плодоизгнаніе въ пять дней. Она также говорила мнѣ, что есть очень извѣстные люди, которые производятъ выкидышъ фунтовъ за 5 стерлинговъ, и она сама ѣздила изъ Лондона въ Манчестеръ совѣтоваться съ однимъ изъ нихъ. По возвращеніи, она начала принимать привезенные ею медикаменты; въ одну ночь меня позвали къ ней, и я нашелъ ее въ страшныхъ мукахъ. Ночью она выкинула».

На винчестерскихъ ассизахъ 1861 г. нѣкто Гукеръ и двѣ женщины, его соучастницы, судились за изгнаніе плода одной молодой женщины. За работу Гукеръ получилъ 20 шиллинговъ, половину впередъ, другую послѣ выкидыша. Онъ производилъ плодоизгнаніе посредствомъ инструментовъ, и въ судѣ признался, что *живетъ этою практикою уже шестнадцать лѣтъ*. Онъ былъ приговоренъ къ каторжной работѣ на 7 лѣтъ, а объ соучастницы къ шестимѣсячному заключенію.

Въ Лейчестерѣ, въ мартѣ 1853 г., Чарльзъ Ашеръ былъ судимъ за произведеніе выкидыша замужней женщинѣ, Елисаветѣ Флетчеръ, мужъ которой жилъ въ Америкѣ; она отправлялась къ нему и хотѣла предварительно истребить свой плодъ, пріобрѣтенный отъ любовника. Ашеръ обѣщался произвесть выкидышъ за 2 соверена. Флетчеръ ходила къ нему три раза, но его средства были безуспѣшны. Сосѣди хотѣли отговорить Елисавету отъ ея намѣренія, но она отвѣчала: «если Ашеръ не успѣетъ, то есть одинъ человѣкъ въ Ноттингэмѣ, пойду къ нему». Послѣ одной изъ операцій Ашера Флетчеръ сильно заболѣла. Послали за Ашеромъ. При этомъ извѣстіи онъ задрожалъ, сказавъ, что это *первый случай его неудачи*. Онъ сосланъ на 14 лѣтъ; Флетчеръ умерла.

Въ Страудѣ, въ 1860 г., былъ осужденъ нѣкто Гайдъ, выдававшій себя за медика и производившій посредствомъ инструмента выкидышъ одной беременной дѣвушкѣ, которая и умерла отъ этой операціи. Ей *посовѣтовали знакомые* идти къ Гайду, и она говорила, что *къ нему часто пріѣзжаютъ разныя лэди въ каретахъ* и что онъ плодоизгнаніемъ добываетъ себѣ хлѣбъ.

Эти примѣры, особенно послѣдній, хорошо выясняютъ, что плодоизгнаніе сильно распространено, и что въ самомъ обществѣ есть люди, которые за деньги всегда готовы произвесть то, чего нѣкоторыя изъ беременныхъ женщинъ никогда бы не рѣшились сдѣлать сами собою. Въ средѣ плодоизгнателей, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, находятся акушерки, даже медики. Кромѣ упомянутыхъ пособій, которыя задумавшая плодоизгнаніе личность находитъ въ окружающемъ ее обществѣ, это преступленіе поддерживается существующими воззрѣніями на него въ томъ же обществѣ. На него смотрятъ или безразлично, или, по крайней мѣрѣ, не такъ строго, какъ на убійство дѣтей и взрослыхъ, отравленіе и т. п. Объектомъ преступленія, по общераспространенному убѣжденію, здѣсь является не дѣйствительная человѣческая личность, а только человѣческая личность въ возможности. И эта недѣйствительность личности объекта преступленія увеличивается соразмѣрно со степенью ранней беременности. Изгоняемый плодъ вовсе не человѣкъ, а только зародышъ человѣка; въ ранній періодъ своего развитія онъ не почувствуетъ никакихъ насильственныхъ мѣръ противъ него, какъ бы жестоки онѣ ни были. Такое теченіе идей можно сравнить съ тѣмъ, напр., что человѣкъ, который не только самъ не рѣшится зарѣзать курицу, но не можетъ вынести и одного вида этой операціи, безъ малѣйшаго смущенія разбиваетъ и уничтожаетъ куриное яйцо,—*эту курицу въ возможности*, какъ foetus—человѣкъ въ возможности. До какой степени распространены въ цивилизованныхъ обществахъ такія понятія, можно видѣть, напр., изъ декларацій медицинскаго общества въ Іовѣ (въ Соед. Штатахъ), выдержки изъ которой мы сообщаемъ здѣсь.

«Такъ какъ извѣстно, что преступленіе криминальнаго плодоизгнанія *страшно распространено и увеличивается во всѣхъ классахъ общества*; такъ какъ прогрессъ цивилизаціи и религіозная пропаганда, повидимому, не содѣйствуютъ уменьшенію этого преступленія, то рѣшено:

1) «Что члены этого общества вмѣстѣ съ Американскимъ Медицинскимъ Обществомъ и другими подобными организаціями будутъ употреблять всѣ усилія для распространенія понятій о криминальномъ характерѣ обычаевъ, *которые очень часто считаются безвредными и часто употребляются многими изъ такихъ людей, которые содрогаются даже при одной мысли о разрушеніи человѣческой жизни*».

2) «Члены этого общества, согласно съ мнѣніями лучшихъ и умнѣйшихъ людей медицинской профессіи во всѣхъ странахъ, думаютъ, что foetus есть живое существо съ самаго перваго времени своего существованія; что преднамѣренное уничтоженіе его—кромѣ случаевъ, въ которыхъ это необходимо для сохраненія жизни—есть преступленіе, столь же чудовищное, какъ и дѣтоубійство, и его совершители должны считаться уголовными преступниками (felons), по законамъ человѣческимъ, какъ и по всѣмъ заповѣдямъ нравственности».

3) «Каждый членъ этого общества, подавшій совѣтъ для совершенія упомянутаго поступка, будетъ изгнанъ изъ членовъ и будетъ считаться недостойнымъ быть товарищемъ всякаго почтеннаго медика».

4) «Мы объявляемъ, что *распространенный между собственниками газетъ обычай дѣлать публикаціи, поддерживающія криминальное плодоизгнаніе*, служитъ важною причиною распространенія этого преступленія и безнравственности, за что такіе издатели и собственники газетъ въ высшей степени отвѣтственны».

5) «Столь же вреднымъ мы объявляемъ *обыкновеніе многихъ аптекарей, которые держатъ для продажи и распространенія пре-*

наратъ, обыкновенно употребляемые для плодоизнанія».

Кромѣ исчисленныхъ обстоятельствъ, содѣйствующихъ совершенію разсматриваемыхъ преступленій, дѣтоубійству, какъ незаконныхъ, такъ и законныхъ дѣтей, много содѣйствуютъ притупленность чувствительности и жестокость нравовъ, замѣчаемыя въ низшихъ классахъ народонаселенія многихъ европейскихъ странъ. По свидѣтельству компетентныхъ людей, въ низшемъ слоѣ населенія большихъ городовъ нравы чрезвычайно грубы, и чувствительность притуплена бѣдностью, жизнью, въ которой люди принуждены часто относиться другъ къ другу, какъ голодныя собаки, дерущіяся за брошенную имъ кость. Къ этому нужно прибавить еще впечатлѣнія, получаемыя отъ такихъ варварскихъ зрѣлищъ, какъ бой быковъ въ Испаніи, бокъ въ Англіи, смертная казнь и т. п. Послѣднее зрѣлище почти всюду привлекаетъ къ себѣ густыя толпы народа; зрители глазѣютъ, пьютъ, курятъ, закусываютъ, хохочутъ, шутятъ надъ палачомъ и преступникомъ, держатъ пари—струситъ или нѣтъ преступникъ передъ лицомъ смерти и т. д. Люди, такъ хорошо чувствующіе себя при видѣ казни своего ближняго, легко рѣшаются на дѣтоубійство и часто на жестокое. Эта жестокость проявляется иногда въ самой возмутительной формѣ: мать, напримѣръ, убиваетъ ребенка не изъ бѣдности, не ради сохраненія своей репутаціи, а чтобы навлечь на своего врага подозрѣніе въ убійствѣ. Такой случай былъ въ 1867 г., во Франціи, въ дѣлѣ Августы Марке, 23 лѣтъ. Она утопила своего ребенка въ колодцѣ, и затѣмъ, явясь къ мэру, объявила, что заклятый врагъ ея, сосѣдка, воспользовавшись ея отсутствіемъ изъ дому, взяла ночью ея дитя и бросила его въ колодезь. Обвиняемая сосѣдка кое-какъ оправдалась отъ этой лжи. Если такъ дѣйствуетъ чувство мести, то удивительно ли, что гораздо сильнѣе должны дѣйствовать разнообразныя чувства и душевныя волненія, обуревающія душу матери незаконнаго ребенка!

Пьянство, распространенное особенно въ массахъ городского населенія, пьянство, которому въ средѣ пролетаріевъ предаются и мужчины, и женщины, и дѣти, часто также доводитъ людей до дѣтоубійства. «Оно—говоритъ Цезарь Контини—играетъ важную роль въ печальной драмѣ дѣтоубійства, во-первыхъ, по тѣмъ несчастнымъ случайностямъ, которыя оно ведетъ за собою, какъ, напримѣръ, запаніе ребенка въ постели; потомъ по нравственному и умственному паденію, въ которое оно повергаетъ родителей». Напившійся до бѣшенства отецъ нерѣдко убиваетъ въ этомъ изступленіи своего ребенка, а пропившійся до нитки бросаетъ его на произволъ судьбы.

Наконецъ, невѣжество, царящее въ низшихъ классахъ европейскаго общества, сильно благопріятствуетъ этому, какъ и всякому другому преступленію. Во Франціи изъ 810 человѣкъ, подвергнутыхъ слѣдствію за дѣтоубійство, 697 не умѣли ни читать, ни писать. Это показываетъ, что во Франціи, какъ и въ Англіи, *дѣтоубійство господствуетъ преимущественно въ самомъ низшемъ классѣ народа.* Безграмотность же и неимѣніе ни малѣйшаго понятія ни о требованіяхъ гуманности, ни о правилахъ человѣческой нравственности, какъ это часто замѣчается между пролетаріями, составляютъ условія, сильно благопріятствующія развитію разсматриваемыхъ преступленій.

Къ числу причинъ убійства незаконныхъ дѣтей принадлежитъ еще ревность. Жена имѣетъ незаконную связь; рождаетъ отъ нея ребенка; мужъ, знающій или подозрѣвающій эту связь, изъ бѣшенства ревности, изъ мести своей невѣрной женѣ и ея любовнику, убиваетъ этого ребенка.

Наконецъ, извѣстное количество дѣтоубійствъ совершается въ тѣхъ случаяхъ, когда разбойники или воры убиваютъ вмѣстѣ со взрослыми и дѣтей, или когда семейные расчеты заставляютъ истреблять дѣтей изъ какихъ-нибудь корыстныхъ видовъ, напр., въ надеждѣ получить черезъ ихъ смерть наслѣдство. Такъ, напр., въ 1831 г., казнили женщину Геше Маргариту Готфридъ изъ Бремена, которая въ разное время отравила 15 человѣкъ, въ томъ числѣ своихъ дѣтей, мать, отца и двухъ мужей, да 15 другихъ попытокъ ей не удались. Такъ въ 1866 г. былъ арестованъ проживавшій въ деревнѣ Фулью собственникъ Мартенъ Рео. Въ продолженіе тринадцати лѣтъ онъ отравилъ своего шурина Пьера Рео, первую свою жену Марію и вторую жену Жюли. Все это онъ дѣлалъ съ цѣлью завладѣть ихъ наслѣдствами. А чтобы имѣніе женъ не могло ускользнуть отъ него, перейдя къ ихъ дѣтямъ, онъ старался сдѣлать женъ безплодными, пичкая ихъ какими-то зельями. Не смотря на это, у него родился отъ второй жены сынъ Абель. Въ началѣ 1866 г. онъ отравилъ и сына, смерть котораго, такимъ образомъ, передавала ему долю изъ материнскаго наслѣдства, слѣдовавшую отравленному.

V.

Выяснивъ причины современнаго дѣтоубійства въ Европѣ, перейдемъ къ статистическимъ даннымъ, которыя могутъ намъ дать понятіе о движеніи этого преступленія, его распространенности и т. д.

По общему голосу компетентныхъ въ этомъ вопросѣ лицъ, *количество дѣтоубійствъ постепенно увеличивается.* Судьи, особенно англійскіе, высказываютъ постоянно то же мнѣніе, равно какъ и журнальная пресса. Такъ, при обсужденіи одного дѣла о дѣтоубійствѣ въ январѣ 1860 г., судья Китингъ говорилъ: «этотъ классъ преступленій постоянно увеличивается». «Daily News» 27 февраля 1864 г. пишетъ: «Не перестаютъ повторять, что мы живемъ во времена прогресса, и, въ доказательство нашего шествія впередъ по пути цивилизаціи, показываютъ храмы, учебныя заведенія, музеи, ученыя учрежденія, возникающіе вокругъ насъ со всѣхъ сторонъ. Но если мы взглянемъ на статистику преступленій, то увидимъ *страшное возрастаніе числа дѣтоубійствъ.* Значитъ, вопреки увѣреніямъ нашихъ реформато-

ровъ, нравственность страны не идетъ впередъ наравнѣ съ другими улучшеніями, и что въ низшихъ и въ среднихъ классахъ нравы остаются тѣмъ же, чѣмъ они были пятьдесятъ лѣтъ назадъ».

Въ Англіи въ 1810—1833 было 337 обвиненій въ дѣтоубійствѣ, т.-е. среднимъ числомъ по 14 въ годъ. А такъ какъ населеніе Англіи и Уэльса по тремъ счисленіямъ 1810, 1828 и 1830 г. среднимъ числомъ было 12,000,000, то, слѣдовательно, 1 дѣтоубійство приходилось на 850,000 жителей. Въ послѣднее же время ежегодное число дѣтоубійствъ далеко превышаетъ прежнюю цифру 14. Даже количество убиваемыхъ *дѣтей моложе 1 года* въ десять — въ двадцать разъ больше прежняго числа 14, подъ которымъ подразумѣваются дѣти и моложе, и старше 1 года. Въ Англіи убивалось дѣтей моложе 1 года:

		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
Въ 1858 г.	Лондонъ	16	21	168
» — »	Англія	67	64	
» 1859 »	Лондонъ	36	42	237
» — »	Англія	77	82	
» 1860 »	Лондонъ	57	53	316
» — »	Англія	97	109	
» 1861 »	Лондонъ	26	41	214
» — »	Англія	60	87	
» 1862 »	Лондонъ	39	36	242
» — »	Англія	88	79	

Даже по этимъ цифрамъ, за пять лѣтъ, можно видѣть постепенное увеличеніе дѣтоубійствъ. Но если мы возьмемъ изъ этихъ цифръ цифру 1861 года, когда дѣтоубійствъ сравнительно съ ближайшими предыдущими годами было мало, и потомъ вышеприведенную цифру за начало столѣтія, то получимъ:

Годы.	Число жителей.	Число преступленій въ годъ.	1 дѣтоубійство на
1810—1833 г.	12,000,000	14	850,000 ж.
1861 »	20,061,725	214	93,746 —

Во Франціи обвиненій въ дѣтоубійствѣ было: 1816—1825 г. 983, т.-е. среднимъ числомъ въ годъ 98; въ 1836—1840 г. 157 обвиненій, т.-е. около 31 въ годъ; въ 1841 г. 180 обвиненій, въ 1846 г.—167, 1850 г. 164, въ 1851 г. 198, въ 1855 г. 173, въ 1856 г. 190, въ 1857 г. 208, въ 1858 г. 224. Что замѣчаемаго изъ этихъ цифръ увеличенія числа дѣтоубійствъ нельзя приписывать увеличенію народонаселенія, это видно, во-первыхъ, изъ того, что народонаселеніе во Франціи прибываетъ весьма медленно, по Кольбу всего около 40,000 въ годъ; во-вторыхъ, это видно изъ слѣдующаго исчисленія:

Годы.	Число жителей.	Число дѣтоуб.	1 дѣтоуб. на
1841 .	34,230,178	180	190,167 жит.
1851 .	35,783,170	198	180,713 «
1857 .	36,121,288	208	173,660 «

Въ Швеціи въ 1749—1778 г. было 342 дѣтоубійства, среднимъ числомъ по 12 въ годъ; въ 1847—1850 г. 168 дѣтоубійствъ, среднимъ числомъ 28 въ годъ. Народонаселеніе же въ Швеціи было въ 1751 г. 1,785, 726 челов., а въ 1850 г. 3,482,541 человѣкъ: слѣдовательно, въ теченіе столѣтія народонаселеніе почти на 100,000 человѣкъ не дорогло до цифры удвоенія, а число дѣтоубійствъ болѣе чѣмъ удвоилось. Докторъ Вебстеръ, путешествовавшій по Швеціи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашелъ заключенныхъ по суду въ тюрьмы 1,183 человѣка, изъ нихъ 106 за дѣтоубійство и 26 за плодоизгнаніе. Обвиненій въ плодоизгнаніи было въ 1845 г. 8, 1846 году—7, 1847 г. 7, 1848 г. 5, 1849 г. 4, 1850 г. 4.

Относительно другихъ странъ, къ сожалѣнію, нѣтъ цифръ за большіе періоды времени. Разсматривая же цифры за небольшіе періоды, мы видимъ чрезвычайно сильныя колебанія ежегодной цифры дѣтоубійствъ. Впрочемъ, при этомъ нельзя не замѣтить постепеннаго, хотя и съ уклоненіями, увеличенія числа дѣтоубійствъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время.

Въ Пруссіи обвиненій въ дѣтоубійствѣ было въ 1833 г. 134, въ 1834 г.—145, 1835 г.—154, въ 1836 г. — 57, въ 1838 г.—51, въ 1839 г.—38, 1840 г. — 36, 1841 г. — 50, 1855 г. — 38, 1856 г.—61, 1857 г.—70. Такимъ образомъ, возрастая сильно до 1835 г., въ этомъ году дѣтоубійство разомъ сильно уменьшилось, и затѣмъ, постепенно уменьшаясь до 1840 г., съ этого года начало увеличиваться, и къ 1857 г. почти удвоилось. Пропорціональное отношеніе дѣтоубійствъ къ жителямъ было такое въ упомянутый періодъ уменьшенія:

Годы.	Число жителей.	Число дѣтоуб.	1 дѣтоуб. на
1834 . .	13,509,927	145	93,178 жит.
1837 . .	14,098,125	59	238,951 »
1840 . .	14,928,501	36	414,680 »

Въ плодоизгнаніи въ Пруссіи обвинялось въ 1854 г. 0, въ 1855 г.—7, въ 1856 г.—24, въ 1857 г. —13.

Въ великомъ герцогствѣ Гессенъ было обвиненій въ дѣтоубійствѣ въ 1847 г. 3, въ 1848 г.—1, въ 1850 г.—5, въ 1851 г.—4, въ 1852 г.—1, 1853 г. — 6, 1854 г.—3, 1855 г.—4, 1856 г.—5, 1857 г.—7, 1858 г.—2, 1859 г.—3. Пропорціональное отношеніе къ жителямъ:

1852 г. 854,314 жит. 1 дѣтоуб. 1 дѣтоуб. на 854,314 жит.
1855 « 836,424 » 4 » 1 » » 209,106 »
1858 « 845,424 » 2 » 1 » » 422,712 »

Въ плодоизгнаніи обвинялось въ 1847, 1848 и 1851 г. 0, въ 1849 г.—2, 1850 г.—3, въ 1852 и 1853 г.—7, въ 1854 г.—1, въ 1856 г.—3. 1858 г.—5.

Въ Баваріи въ судебный годъ 1850—51 было 18 обвиненій въ дѣтоубійствѣ, въ 1854—55 г.—12, въ 1855—56 г.—13, въ 1856—57 г.—24.—Пропорціональное отношеніе къ жителямъ:

	Жители.	Дѣтоуб.		Жители.
1850—51 г.	4,520,751 *)	18	1 дѣтоуб. на	251,152
1856—57 «	4,541,556 **)	24	1 » »	189,282

Въ Виртембергѣ обвиненій въ дѣтоубійствѣ было въ 1829—1830 г. 31, съ іюля 1832 по январь 1834 г. такихъ обвиненій было 20, въ 1834—36 г.—4, въ 1852—53 г.—8. Жителей въ этомъ ко-

*) 1849 г.
**) 1855 г.

ролевствѣ считалось въ 1832 г. 1,578,147, а въ 1858 г. 1,690,898. Слѣдовательно, въ 1832—34 г. 1 дѣтоубійство приходилось на 78,557 жителей.

Въ австрійской имперіи въ 1856 г. было 222 обвиненія въ дѣтоубійствѣ, а жителей по переписи 1857 г. было 37,939,000, слѣдовательно, 1 дѣтоубійство приходилось на 170,896 жителей; обвиненій въ плодоизгнаніи было въ томъ же году 46.

Въ герцогствѣ Брауншвейгъ обвиненій въ дѣтоубійствѣ было въ 1853—54 г.—4, 1860 г.—3; а жителей было въ 1852 г. 271,208, въ 1857 г. 269,915, слѣдовательно, 1 дѣтоубійство приходилось тысячъ на 90 жителей.

Въ Ирландіи въ 1826—32 г. было 176 дѣтоубійствъ, при населеніи среднимъ числомъ въ 7,500,000 душъ, т.-е. 1 дѣтоубійство приходилось на 300,000 жителей.

Въ Испаніи въ 1843 г. было 116 обвиненій въ дѣтоубійствѣ.

Въ кантонѣ Бернъ съ 1 іюля 1851 по 31 декабря 1852 г. было 8 обвиненій, а жителей было около 460,000, слѣдовательно, 1 дѣтоубійство приходилось почти на 57,000 человѣкъ.

Въ Сардиніи въ 1853 г. было 5 дѣтоубійствъ, изъ нихъ 2 «для спасенія чести и 3 по неразумѣнію».

Вышеприведенными цифрами мы только хотѣли показать, что дѣтоубійство очень распространено въ Европѣ, а въ нѣкоторыхъ странахъ, напр, въ Англіи, Франціи, Швеціи, оно несомнѣнно усиливается все болѣе и болѣе. Относительно другихъ странъ мы не можемъ привести столь же несомнѣнныя доказательства его постепеннаго усиленія, какъ относительно трехъ поименованныхъ. Изъ приведенныхъ цифръ статистики нѣкоторыхъ странъ можно даже сдѣлать совершенно противоположный выводъ, именно о постепенномъ ослабленіи въ этихъ странахъ дѣтоубійства. Но такое заключеніе было бы черезчуръ поспѣшнымъ и поверхностнымъ. Приведенныя цифры относятся только къ небольшимъ періодамъ времени, а даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ постепенное возрастаніе дѣтоубійства несомнѣнно, въ нѣкоторые изъ небольшихъ періодовъ времени замѣчается его уменьшеніе, наверстываемое съ излишкомъ въ послѣдующее затѣмъ время. При этомъ, нужно еще принять во вниманіе несовершенство статистическихъ свѣдѣній о дѣтоубійствѣ, несовершенство, которое всѣ сознаютъ даже относительно французскихъ и англійскихъ статистическихъ данныхъ. И вышеприведенныхъ цифръ никто не считаетъ цифрами дѣйствительнаго количества дѣтоубійствъ: это только цифры дѣтоубійствъ, открытыхъ полиціей и признанныхъ такими судомъ. На самомъ же дѣлѣ, количество этихъ преступленій несравненно больше. Много убитыхъ дѣтей заносятся въ вѣдомости по другимъ статьямъ, а не по дѣтоубійству, и значится, напр., *мертворожденными, заспанными, найденными мертвыми, умершими отъ неизвѣстной причины* и такъ далѣе.

Что въ числѣ дѣтей, считаемыхъ мертворожденными, находится довольно убитыхъ, въ этомъ свидѣтельствуютъ многіе знатоки дѣла. Мидльсекскій коронеръ говорилъ въ 1859 г.: «удивляюсь, что такое множество мертворожденныхъ дѣтей доставляется въ разные рабочіе дома столицы и погребаются безъ всякаго разслѣдованія! Должно ли удивляться при этомъ множеству дѣтоубійствъ, о которыхъ извѣщается отъ времени до времени!» Отъ 1 января до конца ноября, говоритъ Medical Times and Gazette, — 93 мертворожденныхъ ребенка были представлены для погребенія въ мерильбанскій рабочій домъ; нѣкоторыя изъ нихъ возбуждали столь сильное сомнѣніе въ своей мертворожденности, что ихъ отказались принять. 15 сентября 1859 года въ Лондонѣ, въ приходѣ св. Панкратія, производилось слѣдствіе надъ трупомъ одного ребенка. Медикъ рабочаго дома объявилъ при этомъ, что въ мертвецкой лежатъ 7 дѣтскихъ труповъ, записанныхъ мертворожденными, но 2 изъ нихъ, по его изслѣдованію, были живорожденными и подверглись смерти уже впослѣдствіи.

Во Франціи мы видимъ то же самое. По словамъ Journal de la Société de statistique de Paris 1865 г., «подъ именемъ мертворожденныхъ разумѣются не только умершія до или во время акта рожденія, но еще и *всѣ тѣ дѣти*, которыя представляются мертвыми гражданскому чиновнику и безъ свидѣтельства о рожденіи. Въ число же мертворожденныхъ вписывается и небольшое количество дѣтей, найденныхъ мертвыми на улицѣ и о происхожденіи которыхъ, поэтому, узнать нельзя».

На прикрытіе мертворожденіемъ дѣтоубійства указываетъ также постепенное возрастаніе количества мертворожденныхъ и численный перевѣсъ мертворожденныхъ незаконныхъ надъ законными. Во Франціи съ 1841 по 1860 г. число мертворожденныхъ возросло отъ 3,27 до 4,40% на 100 рожденій, по исчисленію вышеупомянутаго статистическаго журнала. И при этомъ нужно замѣтить, что возрастаетъ преимущественно количество мертворожденныхъ незаконныхъ. Между ними и законными были слѣдующія отношенія:

Годы.	Мертворожденныхъ законныхъ на 100 рожденій.	Мертворожденныхъ незаконныхъ на 100 рожденій.
1857	4.05	7.47
1858	4.02	7.15
1859	4.11	7.05
1860	4.16	7.69
1861	4.03	7.34
1862	4.02	7.82

Въ Пруссіи, по Кетле, въ 1827 г. 1 мертворожденный приходился на 29 рожденій; въ послѣднее время, по Бекку, среднимъ числомъ за десять лѣтъ, мертворожденные составляли 3.90 на 100 рожденій. Въ Берлинѣ по Касперу, въ послѣднюю половину предыдущаго столѣтія, мертворожденныхъ на 100 незаконныхъ рожденій было *втрое больше*, чѣмъ мертворожденныхъ на 100 законныхъ рожденій. Въ 1819—1822 году считалось:

	Рожденій.	Мертворожденныхъ.	Мертворожденныхъ на 100 рожденій.
Законныхъ . . .	22,643	937	4,14
Незаконныхъ. .	4,002	317	7,92

Въ Геттингенѣ Касперъ считалъ на 100 рожденій 3 мертворожденныхъ законныхъ и 15 незаконныхъ.

Въ Бельгіи въ 1856 г. на 123,653 законныхъ рожденій приходилось мертворожденныхъ 5,495, т. е. 4,44%, а на 10,524 незаконныхъ рожденій приходилось мертворожденныхъ 641, т. е. 6,08%.

Разсматривая далѣе отношеніе смертности законныхъ или незаконныхъ, мы видимъ, что послѣднихъ умираетъ больше, чѣмъ первыхъ. Въ Австріи, напр., по даннымъ пятидесятыхъ годовъ, на 1000 родившихся живыми умирало на 1 году:

	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
Законныхъ. . .	248	212	460
Незаконныхъ. .	361	342	703

Касперъ свидѣтельствуетъ, что изъ 28,705 дѣтей, умершихъ въ Берлинѣ до пятнадцатилѣтняго возраста, въ 1813—1822 г. было 5,508 незаконныхъ; слѣдовательно, ежегодно умирало 2,311 законныхъ и 160 незаконныхъ; рождалось же первыхъ 5,663, вторыхъ 1,080; итакъ законныхъ умирало 1 на 2.5, незаконныхъ 1 на 1.9.

Конечно, этотъ перевѣсъ смертности незаконныхъ надъ законными долженъ быть приписанъ не одному неоткрытому полиціей дѣтоубійству, а и другимъ причинамъ, напр., болѣзнямъ, наслѣдованнымъ отъ развратныхъ и истощенныхъ родителей; но все-таки встрѣчающіеся въ европейской юридической практикѣ случаи показываютъ, что въ числѣ предполагаемыхъ умершихъ естественною смертью дѣтей, въ особенности незаконныхъ, находится извѣстное число предумышленно лишенныхъ жизни.

То же нужно сказать и о дѣтяхъ, смерть которыхъ приписывается разнымъ случайностямъ, напр. нечаянному *заспанію* (overlaying etouffement dans un lit). Говоря о громадной смертности дѣтей, въ своей «Sudden Death», д-ръ Гренвилль замѣчаетъ: «какъ ни ужасно это преждевременное разрушеніе человѣческой жизни, но я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что по мѣрѣ нашего приближенія къ настоящему времени, не только сумма этихъ потерь, несомыхъ обществомъ, замѣтно возрастаетъ, но, кромѣ того, это возрастаніе сопровождается обстоятельствами, очень заставляющими вѣрить въ его неестественность. Такъ, смертность дѣтей больше въ дистриктахъ мануфактурныхъ, чѣмъ въ мѣстностяхъ чисто земледѣльческихъ». Далѣе Гренвилль говоритъ, что почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ, по приговорамъ, дѣти найдены мертвыми», «заспаны случайно въ постели», «задохлись отъ большого пріема молока матери», спавшей въ то время, какъ дитя сосало грудь,— *«почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ или дѣти были незаконныя, или ихъ родители находились въ бѣдности»*.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ чрезвычайно трудно узнать причину смерти даннаго ребенка. Какъ доказать, умышленно или неумышленно онъ задавленъ матерью въ постели; обжегся ли ребенокъ самъ или его обожгла мать съ цѣлью умерщвленія; отчего умеръ ребенокъ, найденный мертвымъ на улицѣ, и т. д. Поэтому слѣдователи и не въ состояніи во множествѣ случаевъ рѣшить—убитъ ли изслѣдуемый ребенокъ, или умеръ отъ другихъ причинъ. Между тѣмъ, умершихъ отъ этихъ *другихъ причинъ* такъ много, что, припомнивъ прочія наводящія подозрѣніе обстоятельства, необходимо приходишь къ убѣжденію, что дѣтей убивается несравненно больше, чѣмъ признается убитыми. Докторъ Ланкастеръ въ Economist, 12 August, 1865, утверждаетъ, что въ Англіи есть *отъ 12,000 до 13,000 матерей, ежегодно совершающихъ дѣтоубійства*, большая часть которыхъ относится или къ насильственнымъ видамъ смерти, или остается вовсе неизвѣстною, такъ какъ много дѣтскихъ труповъ пропадаетъ безъ всякаго слѣда въ рѣкахъ, клоакахъ, закопанными въ землю и т. д. Относительно Мидльсекса въ частности, Ланкастеръ говоритъ, что *число дѣтоубійцъ, избѣгающихъ такимъ образомъ слѣдствія и суда, по крайней мѣрѣ, равно числу подвергающихся слѣдствію дѣтоубійцъ»*.

Численность же находимыхъ мертвыми дѣтей, изъ числа которыхъ многія остаются безъ опредѣленія истинной причины смерти ихъ, громадна. Въ 1861 г. въ восточной части Мидльсекса подвергся изслѣдованію 421 трупъ дѣтей моложе 2 лѣтъ, и только относительно 17 труповъ присяжные объявили предумышленное убійство. Въ западномъ отдѣленіи Мидльсекса подверглось изслѣдованію 316 труповъ, и въ большинствѣ случаевъ приговоръ гласилъ—«найденъ мертвымъ», найденъ мертвымъ въ ящикѣ» и т. д. Въ Уэстминстерѣ съ его областью было 91 слѣдствіе; въ городѣ Лондонѣ и Бургѣ Саутверкѣ—84. Всѣхъ же слѣдствій въ упомянутыхъ дистриктахъ столицы было 1104. Въ Lancet приводится слѣдующая классификація этихъ случаевъ, по приговорамъ о причинахъ смерти:

	Число дѣтскихъ труповъ.
Предумышленное убійство	66
Непредумышленное убійство	5
Найдено мертвыми	141
Удушеніе, неизвѣстно какъ причиненное	131
Удушеніе случайное	147
Умершихъ отъ небреженія, голода, холода, выброшенія и болѣзни	614

«Трудно—говоритъ Daily Neius 26 Apr. 1864—анализировать эти цифры такъ, чтобы показать, сколько изъ этихъ дѣтей было умерщвлено; вѣроятно, что *по крайней мѣрѣ цѣлая половина ихъ и даже гораздо больше* были секретно преданы смерти при обстоятельствахъ, не оставившихъ на нихъ никакихъ признаковъ для доказательства

причины ихъ смерти. *Большая часть этихъ дѣтей была незаконнорожденными».*

Число дѣтей, найденныхъ мертвыми и подвергнутыхъ слѣдствію во всей Англіи, было:

	Трупы дѣтей моложе 1 года.	Отъ 1 до 7 лѣтъ.	Всего.
Въ 1862 г.	3239	2763	6,002
» 1863 »	3664	2843	6,507

Уэлей (Whaley), коронеръ столичнаго мидльсекскаго дистрикта, и его преемникъ докторъ Лан-кастеръ производили слѣдствія надъ трупами дѣтей, найденными мертвыми въ числѣ:

Въ 1857 г.	1858 г.	1859 г.	1860 г
146	42	68	87
1861 г.	1863 г.	1864 г. *).	
84	68	74	

Изъ слѣдующихъ таблицъ читатель можетъ познакомиться какъ съ приблизительнымъ количествомъ умерщвленныхъ дѣтей въ Англіи, такъ и съ самыми средствами умерщвленія. Цифры эти относятся къ 1862 году.

Причины смерти.			Менѣе 1 года.	1 года.	2 лѣтъ.	3 лѣтъ.	4 лѣтъ.	Всего.
Переломы и ушибы.	Англія	мальчиковъ	33	36	43	42	42	440
		дѣвочекъ	30	40	38	28	20	
	Лондонъ	мальчиковъ	16	6	6	14	6	
		дѣвочекъ	15	10	6	5	4	
Порѣзы и уколы	Англія	мальчиковъ	2	2	1	5	1	14
		дѣвочекъ	—	—	1	—	—	
	Лондонъ	мальчиковъ	1	—	—	1	—	
		дѣвочекъ	—	—	—	—	—	
Обжоги.	Англія	мальчиковъ	47	221	237	203	150	1733
		дѣвочекъ	70	192	150	152	109	
	Лондонъ	мальчиковъ	5	27	32	27	15	
		дѣвочекъ	9	30	23	18	16	
Ядъ	Англія	мальчиковъ	40	9	8	2	7	141
		дѣвочекъ	35	4	7	5	2	
	Лондонъ	мальчиковъ	7	2	1	—	2	
		дѣвочекъ	7	—	2	—	1	
Асфиксія вслѣдствіе погруженія.	Англія	мальчиковъ	14	69	63	74	47	416
		дѣвочекъ	16	33	48	22	15	
	Лондонъ	мальчиковъ	5	2	—	2	1	
		дѣвочекъ	4	1	1	—	—	
Убійство (meurtre).	Англія	мальчиковъ	88	3	2	1	1	258
		дѣвочекъ	79	3	1	1	1	
	Лондонъ	мальчиковъ	39	1	—	—	—	
		дѣвочекъ	36	1	—	—	1	
Всего			598	692	669	602	441	3002

Двѣ слѣдующихъ таблицы дополняютъ вышеприведенную и даютъ возможность точнѣе опредѣлить нѣкоторыя обстоятельства дѣтоубійства.

Въ теченіе пяти лѣтъ, 1852—1856, въ Англіи было:

Дѣтоубійствъ	608
Заспанныхъ дѣтей.	530
Удушенныхъ пищею ниже 5 лѣтъ.	129
Удушенныхъ постельными принад.	965
Убитыхъ неизвѣстными средствами и умершихъ не отъ вышеприведенныхъ причинъ	моложе 1 г. 936
	» 5 л. 137
Удавленныхъ	ниже 1 года . . 49
»	» 3 лѣтъ . 3
Повѣшенныхъ	» 1 года . . 5
»	» 5 лѣтъ . . 1

Слѣдующая таблица, какъ и таблица предшествующая послѣдней, относится къ 1862 г.

Причины смерти.			Моложе 1 года.	1 года.	2 лѣтъ.	3 лѣтъ.	4 лѣтъ.	Всего.
Удушеніе.	Англія	мальчиковъ	381	25	7	1	—	1101
		дѣвочекъ	339	14	8	7	13	
	Лондонъ	мальчиковъ	154	11	1	—	—	
		дѣвочекъ	132	4	2	2	—	

*) Въ Лондонѣ, какъ и въ остальной Англіи, дѣтоубійство постепенно возрастаетъ; между тѣмъ, эти цифры показываютъ, что, не смотря на то, въ теченіе нѣкоторыхъ небольшихъ періодовъ оно *временно* уменьшается такъ же быстро и сильно, какъ было, напр., въ Пруссіи въ 1836—1840 г. (см. выше). Вотъ еще основаніе не довѣрять кажущемуся уменьшенію дѣтоубійства въ нѣкоторыхъ странахъ, цифры которыхъ мы приводили выше.

Неклассифированные случаи и небрежность.	Англія	мальчиковъ	128	7	6	6	4	310
		дѣвочекъ	91	9	7	1	2	
	Лондонъ	мальчиковъ	24	1	1	1	—	
		дѣвочекъ	22	—	—	—	—	
Другая неклассифированная насильственная смерть.	Англія	мальчиковъ	4	2	—	1	—	16
		дѣвочекъ	3	—	2	3	1	
	Лондонъ	мальчиковъ	—	—	—	—	—	
		дѣвочекъ	—	—	—	—	—	
Внезапная смерть отъ неизвѣстной причины.	Англія	мальчиковъ	389	41	14	9	4	1047
		дѣвочекъ	357	36	12	6	6	
	Лондонъ	мальчиковъ	78	1	3	2	—	
		дѣвочекъ	82	5	2	—	—	
Причины, точно не обозначенныя или плохо опредѣленныя.	Англія	мальчиковъ	1387	186	79	37	27	3235
		дѣвочекъ	1054	170	77	44	25	
	Лондонъ	мальчиковъ	66	4	1	1	1	
		дѣвочекъ	60	9	2	2	3	
	Всего		4751	525	224	123	86	5709

Изъ этихъ таблицъ мы видимъ:

1) Больше чѣмъ половина дѣтскихъ смертей (3,235) остается безъ точнаго опредѣленія ихъ причины, кромѣ того, 1,047 внезапныхъ смертей отнесено къ «неизвѣстнымъ причинамъ».

2) Изъ общаго числа выясненныхъ слѣдствіями причинъ смерти дѣтей болѣе всего погибаетъ: a) отъ обжоговъ, затѣмъ b) отъ удушенія, c) переломовъ и ушибовъ, d) асфиксіи вслѣдствіе погруженія, e) неклассифированныхъ случаевъ и небрежности, f) убійства, g) яда, h) удавленія, i) повѣшенія; наконецъ отъ неупоминаемыхъ въ этихъ таблицахъ, но иногда случающихся k) обезглавленія и l) погребенія заживо.

3) Изъ общаго числа дѣтскихъ смертей огромное большинство относится къ возрасту ниже 1 года, затѣмъ слѣдуютъ дѣти 1 года, 2 лѣтъ, 3 л., 4 л.

4) Изъ дѣтей же, насильственная смерть которыхъ доказана, болѣе всего погибаетъ 1 года, затѣмъ 2 лѣтъ, 3 лѣтъ, ниже 1 года, 4 лѣтъ.

5) Въ нѣкоторыхъ цифрахъ, относящихся къ неизвѣстнымъ или точно неопредѣленнымъ причинамъ смерти, мы видимъ численный перевѣсъ дѣвочекъ надъ мальчиками; это заставляетъ насъ предполагать, что тутъ есть нѣсколько случаевъ насильственной смерти дѣвочекъ, такъ какъ естественною смертью дѣвочекъ вообще умираетъ меньше, чѣмъ мальчиковъ.

Къ этому мы должны прибавить еще нѣсколько словъ о средствахъ плодоизгнанія, которыя раздѣляются на два главныхъ класса: a) средства механическія и b) медикаменты. Средства механическія состоятъ въ стягиваніи живота беременной ремнями, въ давленіи его локтями, топтаніи ногами и т. п. Также употребляютъ нѣкоторые инструменты, вводимые въ uterus для совершенія операціи, а иногда для той же цѣли пользуются просто деревянными спицами или лучинами. Медикаменты же состоятъ большею частью изъ микстуръ или декоктовъ нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ медицинскихъ средствъ, перечислять которыя мы не будемъ, такъ какъ распространеніе подобныхъ свѣдѣній можетъ быть вреднымъ.

Дѣтоубійство и плодоизгнаніе суть преступленія, почти исключительно совершаемыя женщинами. Женщина гораздо ближе къ ребенку, чѣмъ мужчина, и поэтому имѣетъ и болѣе возможности, и болѣе побужденій убить его. Незаконный ребенокъ причиняетъ страданія почти только одной матери; законный ребенокъ бѣдной матери болѣе всего наноситъ безпокойства и страданій ей же. По даннымъ французской криминальной статистики за нѣсколько лѣтъ, количество дѣтоубійцъ-мужчинъ относится къ числу дѣтоубійцъ-женщинъ, какъ $^1/_{14} : ^{13}/_{14}$, а число плодоизгнателей къ числу плодоизгнательницъ, какъ $^1/_4 : ^3/_4$.

По французскимъ же даннымъ составлена и слѣдующая таблица о вліяніи на совершеніе дѣтоубійства и плодоизгнанія возрастовъ человѣческой жизни:

Возрастъ.	Число дѣтоубійствъ.	Число плодоизгнаній.
1— 16 лѣтъ	2	0
16— 21 »	331	46
21— 25 »	492	102
25— 30 »	487	114
30— 35 »	276	106
35— 40 »	200	80
40— 45 »	100	94
45— 50 »	62	65
50— 55 »	44	45
55— 60 »	39	43
60— 65 »	50	23
65— 70 »	21	15
70— 80 »	11	13
80—100 »	1	1

Такимъ образомъ, maximum дѣтоубійства и плодоизгнаній относится къ 21—30 г. жизни, т.-е. къ періоду полнаго развитія физическихъ силъ, половыхъ страстей и способности дѣторожденія; къ періоду, когда въ человѣкѣ надъ чувствомъ и фантазіей начинаетъ преобладать холодная расчетли-

вость, когда, поэтому, выгодность дѣтоубійства болѣе, чѣмъ въ предыдущій возрастъ, способна подвигнуть его на преступленіе.

Слѣдующій затѣмъ возрастъ по количеству дѣтоубійцъ есть 16—21 г.,—періодъ наибольшаго числа обольщеній женщинъ, которыя, впрочемъ, по своей физической недоразвитости, менѣе способны къ дѣторожденію, чѣмъ женщины послѣдующаго возраста. Въ этомъ возрастѣ женщина хотя и гораздо впечатлительнѣе, гораздо подверженнѣе страху стыда, чѣмъ въ послѣдующее время, зато въ этомъ возрастѣ много благороднаго самоотверженія въ человѣкѣ и слабѣе тѣ корыстные расчеты, которые часто заставляютъ совершать дѣтоубійство.

Слѣдующіе затѣмъ возрасты отъ 30 лѣтъ и далѣе представляютъ собою періодъ постепеннаго ослабленія и половыхъ страстей, и способности дѣторожденія; соразмѣрно съ этимъ уменьшается число дѣтоубійствъ и плодоизгнаній.

Такимъ образомъ, европейское общество носитъ въ своихъ нѣдрахъ сильныя причины, производящія одно изъ самыхъ ужасныхъ преступленій. Причины эти и обстоятельства, усиливающія разсматриваемое зло—бѣдность, развращенность и грубость нравовъ, невѣжество, несчастное положеніе незаконныхъ дѣтей и ихъ матерей. Преступленіе это громадно по своимъ размѣрамъ, какъ громадны и производящія его причины; оно постепенно возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ усиливаются эти причины, напр. половой развратъ. Хотя многія изъ причинъ, производившія особые виды дѣтоубійства въ средніе вѣка и производящія ихъ до сихъ поръ у народовъ нецивилизованныхъ, давно уже не существуютъ въ Европѣ, хотя въ ней нѣтъ ни Молоховъ, ни Одиновъ, въ честь которыхъ закалалось, а въ нѣкоторыхъ странахъ еще до сихъ поръ закалается столько дѣтей,—хотя европейскія женщины уже не питаются мясомъ своихъ дѣтищъ, а европейскіе солдаты не разбиваютъ о камни непріятельскихъ младенцевъ,—но все-таки дѣтоистребленіе существуетъ, постепенно усиливается и, можетъ быть, скоро поставитъ Европу въ этомъ отношеніи на ряду съ Китаемъ и Индустаномъ!

Какія же мѣры принимала и принимаетъ Европа для искорененія этого зла?

Мѣры эти—кара закона и дома для найденышей.

VI.

Выше мы видѣли, что у нѣкоторыхъ варваровъ Европы, еще до введенія христіанства, существовали наказанія за дѣтоубійство и плодоизгнаніе. Въ началѣ европейской исторіи, при существованіи такъ называемой системы композицій, эти наказанія ограничивались большею частью вирою. Но вслѣдствіе постепенно увеличивавшагося вліянія христіанства и послѣднихъ законовъ объ этомъ преступленіи римскихъ императоровъ, законы европейцевъ становятся все строже и строже. Законодатели и судьи употребляли эту строгость, съ одной стороны, какъ результатъ ихъ личнаго негодованія противъ дѣтоубійства, а съ другой стороны, съ цѣлью напугать народъ и удержать его отъ преступленія. А такъ какъ подъ вліяніемъ христіанства и римскаго права, въ понятія и нравы европейцевъ вошла идея о различіи законнаго рожденія отъ незаконнаго, то убійство дѣтей, какъ мы уже говорили въ началѣ этой статьи, распалось на двѣ категоріи: убійство законныхъ дѣтей и убійство незаконныхъ, или въ тѣсномъ смыслѣ *дѣтоубійство*. За каждый изъ этихъ видовъ преступленія полагалось и полагается особое наказаніе. Интересно, что постепенное измѣненіе соотношенія между наказаніями за эти преступленія идетъ рука объ руку съ постепеннымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ Европы. Въ эпоху варварства въ народномъ представленіи власть родительская надъ законнымъ ребенкомъ, какъ освященная правомъ, простирается до всевѣлаго, абсолютнаго господства надъ такимъ ребенкомъ. Между тѣмъ, власть родители надъ внѣбрачнымъ дитятей не освящена, не утверждена закономъ, и поэтому родитель не можетъ поступать съ нимъ такъ же произвольно, какъ онъ могъ бы поступать съ законнымъ ребенкомъ. Поэтому убійство ребенка въ первомъ случаѣ признается болѣе *грѣхомъ*, чѣмъ уголовнымъ преступленіемъ; дѣтоубійство во второмъ случаѣ признается страшнымъ преступленіемъ, тяжесть котораго увеличивается еще предшествовавшимъ рожденію убитаго блудодѣяніемъ. Поэтому на низшей степени общественнаго развитія первое преступленіе наказывается *гораздо легче*, чѣмъ второе, на которое обрушиваются всѣ кары, изобрѣтенныя варварскимъ уголовнымъ искусствомъ. Дольше всѣхъ европейскихъ народовъ на этой степени юридическаго развитія стояли русскіе. По уложенію Алексѣя, гл. XXII, 53—«буде отецъ или мать (законные) сына или дочь убіетъ до смерти, и *ихъ за то посадити въ тюрьму на годъ*, а, отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви Божіи, у церкви Божіи объявлять *тотъ свой грѣхъ* всѣмъ людямъ вслухъ, а смертію отца или матери за сына и за дочь не казнити». Такимъ образомъ, убійство законныхъ дѣтей считается здѣсь просто *грѣхомъ*. Между тѣмъ, убійство незаконныхъ, по уложенію, одно изъ самыхъ ужасныхъ преступленій... XXII глава, § 26: «а буде которая жена учнетъ жити блудно и скверно и въ блудѣ приживетъ съ кѣмъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей сама или иной кто по ея повелѣнію погубитъ, и сыщется про то допряма, и такихъ беззаконныхъ женъ и кто по ея велѣнью дѣтей ея погубитъ—*казнити смертію безъ всякія пощады*».

Въ Германіи до XVII в. убійство законныхъ дѣтей также наказывалось легче убійства незаконныхъ,—самое большое за первое—отсѣченіе головы или колесованіе. Между тѣмъ убійцу незаконнаго ребенка ожидало погребеніе заживо, усиленное еще терзаніемъ раскаленными щипцами, вогнаніемъ кола въ тѣло и т. д. Одинъ люцернскій лѣтописецъ такъ описываетъ эту казнь: «Была вырыта глубокая могила, дно которой усыпали терновникомъ, положили туда убійцу, снова насыпали на нее терновнику и набросали земли, такъ однакожъ, что былъ оставленъ проходъ для трубки,

вставленной въ ротъ, черезъ которую она дышала, и ей давали по временамъ молока, чтобы продлить ея жизнь и мученія на много часовъ или дней». Даже послѣ изданія Каролины эта ужасная смерть не выходила еще нѣкоторое время изъ употребленія. Такъ въ 1570 г. въ Энзигхеймѣ, въ Альзасѣ, одна женщина была приговорена за дѣтоубійство къ погребенію заживо: «дно могилы велѣно было устлать терновникомъ, а другой слой терновника набросать на обнаженное тѣло преступницы; лицо ея покрыть платкомъ, съ отверстіемъ для вставленія ей въ ротъ трубки для дыханія, чтобы она дольше прожила и могла раскаяться въ совершенномъ ею гнусномъ злодѣяніи». Но это были уже послѣдніе отголоски отживающей старины, и преступница была помилована утопленіемъ. Въ Тургау въ 1596 г. одна дѣтоубійца была также приговорена къ погребенію заживо и помилована отсѣченіемъ головы. Впрочемъ, и послѣ изданія Каролины судьи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не отмѣняли нѣсколько времени этого наказанія. Въ Лаузицѣ, напр., дѣтоубійцы погребались заживо въ 1537, 1540, 1559 г.—Кромѣ того, было еще обыкновеніе сожигать дѣтоубійцъ живыми.

Constitutio criminalis Carolina (1532 г.), не смотря на всю свою жестокость, все-таки была менѣе жестока, чѣмъ предыдущіе законы. Кромѣ того, въ ней уже замѣтны слѣды готовности положить болѣе тяжелое наказаніе за убійство законныхъ и менѣе тяжелое за убійство незаконныхъ дѣтей. Въ послѣднемъ случаѣ были приняты во вниманіе тѣ побудительныя причины, которыя дѣлаютъ убійство незаконнаго ребенка гораздо извинительнѣе, чѣмъ убійство законнаго. Слѣдовательно, приняты во вниманіе побужденія къ преступленію, а не законность или незаконность родительской власти, съ точки зрѣнія которыхъ прежде опредѣлялась степень жестокости наказанія. По 130-й статьѣ Каролины за убійство законныхъ дѣтей слѣдуетъ смертная казнь черезъ колесованіе, квалифицированная предварительнымъ терзаніемъ тѣла раскаленными клещами. Между тѣмъ, по 133 ст., за вытравленіе плода слѣдовало мужчинѣ отсѣченіе головы, а женщинѣ утопленіе. По 131 ст. за убійство незаконнаго ребенка положено замѣнять погребеніе преступницы заживо и вогнаніе кола въ ея тѣло утопленіемъ ея въ водѣ. «Но гдѣ такія злодѣянія случаются часто, пусть тамъ употребляютъ обычное погребеніе заживо и вогнаніе кола въ тѣло, чтобы больше было страха; или же передъ утопленіемъ терзать тѣло раскаленными клещами». Послѣ изданія Каролины не только это жестокое наказаніе постепенно исчезало, но практика замѣняла даже утопленіе простымъ отсѣченіемъ головы. Впрочемъ, все здѣсь зависѣло отъ степени судейскаго сострадавія, и сообразно съ нею назначалась казнь. Въ 1635 г. въ Цейтцѣ одна дѣтоубійца была «утоплена подъ мостомъ». Въ 1648 г. другая приговоренная къ утопленію въ мѣшкѣ, была помилована отсѣченіемъ головы. Въ 1573 г. въ Наумбургѣ «дѣвушка, погубившая своего ребенка, была казнена мечомъ». Въ Лейпцигѣ, въ 1570, 1576, 1591, 1610, 1650 г. употреблялась казнь утопленія. Къ началу XVIII вѣка входитъ почти во всеобщее употребленіе квалифицированное отсѣченіе головы и колесованіе. Терезіана (1764 г.) повелѣваетъ дѣтоубійцу «казнить мечомъ и, по обезглавленіи тѣла, положить его въ могилу, вколотить колъ въ сердце и потомъ зарыть». Если преступница причинила смерть ребенку только тѣмъ, что бросила его на произволъ судьбы, то кола въ сердце не вгонять. Но если преступница, «въ извиненіе покинутій ребенка, будетъ представлять, что она не знала, какъ обходиться съ новорожденными дѣтьми или будетъ дѣлать другія подобныя увертки, въ особенности, если скрытіе беременности навлекаетъ на нее сильное подозрѣніе въ злостномъ намѣреніи, то подвергнуть ее пыткѣ; если она и на пыткѣ будетъ говорить то же, то, смотря по обстоятельствамъ дѣла, «наказывать ее сильнѣе или легче». Если виновная совершила нѣсколько дѣтоубійствъ, «или если *убитое дитя умерло некрещенымъ*», то преступницѣ отсѣчь руку и ногу и положить ихъ на колесо; если она совершила дѣтоубійство «съ особенною жестокостью», то ее должно терзать раскаленными клещами или иначе усилить казнь.—За плодоизгнаніе, по этому кодексу, предписывалось отсѣченіе головы, равно какъ и за выбрасываніе ребенка, подвергающее опасности его жизнь. Прусское Земское Право (1791—1794), въ § 874, предписываетъ за убійство законныхъ дѣтей колесованіе, начиная съ нижнихъ членовъ, а за убійство незаконныхъ, § 965, казнь мечомъ, какъ главной виновницѣ, такъ и пособникамъ. По Земскому Праву смертная казнь слѣдуетъ въ крайнихъ случаяхъ и за дѣтовыбрасываніе.

Ходъ развитія уголовныхъ законовъ о дѣтоубійствѣ и въ остальной Европѣ былъ тотъ же самый, что и въ Германіи.

Во Франціи въ средніе вѣка судьи были до того жестоки, что уголовныя комиссіи Франца II получили назначеніе chambres ardentes, такъ какъ подсудимаго онѣ отсылали большею частью на костеръ. Предъ революціей смертная казнь слѣдовала *за 115 различныхъ преступленій!* Понятно, что съ дѣтоубійцами здѣсь не церемонились,—имъ предстояло «искуплять свои злодѣянія» погребеніемъ заживо, сожиженіемъ на кострѣ, колесованіемъ и т. д. Эдиктомъ Генриха II въ 1556 г. даже *женщина, скрывшая свою беременность, если послѣ этого ребенокъ умеръ, осуждалась на смертную казнь*, хотя смерть дитяти могла послѣдовать безъ всякой вины со стороны матери. По этому милому образчику былъ составленъ и англійскій 21 *Актъ Іакова I*, по которому мать ребенка, найденнаго мертвымъ, должна была доказать, что онъ родился мертвымъ, въ противномъ случаѣ, она подлежала смертной казни. Это скрытіе беременности долго было несамостоятельнымъ преступленіемъ, а только поступкомъ, навлекающимъ подозрѣніе въ дѣтоубійствѣ. Но юридическая практика наложила на него штемпель самостоятельнаго преступленія, какимъ оно признано, даже очень недавно, и тѣми законодательствами, которыя раньше не шли по слѣдамъ упомянутыхъ эдикта Генриха II-го и акта

Іакова I. Такъ изданный уже въ половинѣ XVIII в. баварскій кодексъ, повелѣвавшій передъ казнію терзать дѣтоубійцу раскаленными щипцами, постановилъ: мать должна непремѣнно доказать, что ея ребенокъ, найденный мертвымъ, родился «безъ всякихъ признаковъ жизни»; въ противномъ случаѣ, она судится за дѣтоубійство и подлежитъ обезглавленію. Сколько невинныхъ жертвъ должно было падать подъ ударами такихъ тупоумныхъ законовъ!..

Не смотря на столь строгіе законы и жестокія казни, дѣтоубійство сильно возрастало и особенно въ концѣ XVIII в. такъ усилилось, что обратило на себя особенное вниманіе и государственныхъ людей, и всѣхъ друзей человѣчества. Ослабить его прежде всего старались съ помощью законодательства, и находилось много головъ, которыя стояли не только за удержаніе существовавшихъ тогда жестокихъ казней, но даже за ихъ усиленіе. Когда въ Германіи въ концѣ XVIII в. начали предлагаться преміи за лучшія сочиненія о мѣрахъ противъ дѣтоубійства, то множество изъ этихъ сочиненій говорило, что единственно вѣрное средство искоренить зло состоитъ въ усиленіи наказаній. Одинъ ученый мужъ предлагалъ квалифицировать смертную казнь колесованіемъ и терзаніемъ тѣла раскаленными клещами. Сервинъ, въ 1786 г., рекомендовалъ «обрѣзывать преступницѣ верхнюю губу или носъ и выжигать раскаленнымъ желѣзомъ знакъ на лбу, обозначающій преступленіе».

Но все это были отголоски старыхъ понятій. Новые люди XVIII в. стояли за смягченіе наказаній. Беккаріа въ своей знаменитой книгѣ говоритъ: «если кто находится въ такомъ положеніи, что ему необходимо сдѣлать выборъ между своимъ позоромъ и смертью существа, которое не можетъ еще чувствовать потери жизни, то какъ можетъ такое лицо не предпочесть смерть тому жалкому положенію, которое предстоитъ и ему, и его несчастному плоду?» Много другихъ писателей во всѣхъ странахъ говорили въ одинъ голосъ съ Беккаріа. Даже въ Россіи князь Щербатовъ писалъ объ отмѣнѣ за дѣтоубійство смертной казни: «дѣва, погубившая свое дитя, прикрывая тѣмъ стыдъ свой, хотя, конечно, достойна смертнаго наказанія, но, взирая на обстоятельства ея, и что стыдъ и страхъ въ ней превозмогъ и материнскую любовь, и человѣчество, кажется, требуетъ пощады, а единственно да осудится на нѣсколько лѣтъ въ работу и приноситъ покаяніе Господу, коего она поступкомъ своимъ сугубо прогнѣвала». Общественное мнѣніе Европы возбуждалось еще противъ казни дѣтоубійцъ многими возмутительными процессами и трагическими зрѣлищами самыхъ казней. Такъ, напр., огромное впечатлѣніе на публику произвела судьба одной дѣтоубійцы, изображенная Гиппелемъ въ его Beiträge über Verbrechen und Strafen (2 изданіе 1797 г.). Кажется, эта исторія дала Шиллеру сюжетъ для его знаменитой и имѣвшей большое вліяніе баллады «*Дѣтоубійца*». Стихи великаго поэта, проникнутые такимъ сочувствіемъ къ несчастной преступницѣ, находили себѣ множество партизановъ. Другіе поэты и беллетристы также много содѣйствовали возбужденію сочувствія къ женщинамъ, убивающимъ или бросающимъ своихъ дѣтей. Таково, напр., стихотвореніе Уланда «Des Pfarrers Tochter von Taubenhain», отрывокъ изъ котораго приведенъ нами выше. Таково и популярное въ Россіи до пошлости стихотвореніе Пушкина:

Подъ вечеръ осени ненастной
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ и т. д.

Въ то же время агитація противъ смертной казни вообще поддерживала общественное мнѣніе противъ казни дѣтоубійцъ. А во многихъ тогдашнихъ сочиненіяхъ о дѣтоубійствѣ не только требуется смягченія наказаній за него, но и выясняется, что никакія наказанія—ни жестокія, ни кроткія,—не въ силахъ задержать гибельнаго потока преступленія, уносящаго ежегодно тысячи дѣтскихъ жизней; выясняется, что причины дѣтоубійства—не въ степени жестокости наказаній, а въ недостаткахъ общественнаго устройства и нравовъ. Учредители домовъ для найденышей, возникавшихъ въ Европѣ, руководились въ сущности вѣрною идеей, что причины дѣтоубійства въ бѣдности и въ тѣхъ нравственныхъ мукахъ, которымъ общество подвергаетъ мать незаконнаго ребенка; они ясно понимали, что противъ этого зла можно бороться только уничтожая его причины, но средства они выбрали фальшивыя. Какъ мы уже говорили выше, въ концѣ XVIII в. въ Германіи выходило множество книгъ и брошюръ о средствахъ противъ дѣтоубійства. Въ 80-хъ годахъ, напр., въ Мангеймѣ одинъ филантропъ задалъ на премію тему: «въ чемъ состоитъ лучшее, выполнимое средство остановить дѣтоубійство?» Въ отвѣтъ на это вскорѣ появилось *400 сочиненій*! Хотя во многихъ изъ нихъ проводилась мысль, что искомое средство состоитъ въ усиленіи наказаній, но все-таки большинство высказалось противъ наказаній, указывая такія причины преступленія, которыя нельзя уничтожить самыми ужасными карами закона, Таково, напр., сочиненіе Фелькерзама (1779 г.): «Политическій Опытъ о прекращеніи дѣтоубійства безъ всякихъ наказаній и безъ обремененія государства заведеніемъ домовъ для найденышей». Нѣкоторые предлагали съ той же цѣлью «учрежденіе нравственныхъ судовъ и высшаго Трибунала Совѣсти». Многіе стояли, какъ за самое лучшее средство, за дома для найденышей. Въ шлецеровской «Briefwechsel» одинъ сочинитель предлагалъ принуждать всѣхъ соблазнителей жениться на соблазненныхъ дѣвушкахъ, а при неравенствѣ общественнаго положенія обезпечивать послѣднихъ; кромѣ того, составить особые фонды для воспитанія незаконнорожденныхъ дѣтей. Въ томъ же изданіи другой писатель совѣтовалъ уничтожать посредствомъ образованія то понятіе о позорѣ, отъ котораго такъ страдаютъ незаконныя дѣти и ихъ матери, и воспитывать этихъ дѣтей на общественный счетъ. Ратлевъ въ своемъ со-

чиненіи «О духѣ уголовнаго права» (1790 г.) считаетъ лучшимъ средствомъ открытіе больницъ съ предоставленіемъ въ нихъ родильницамъ полной возможности скрывать свой позоръ. Знаменитый докторъ Франкъ въ своей «Системѣ медицинской полиціи» (1791 г.) совѣтуетъ уничтожить церковныя покаянія, и вмѣсто того, чтобы карать несчастныхъ женщинъ,—подавать имъ сострадательную помощь и всѣми мѣрами удалять отъ нихъ тотъ позоръ, который такъ гибеленъ и для ихъ дѣтей; Франкъ требуетъ, поэтому, домовъ для найденышей и родильныхъ больницъ для беременныхъ женщинъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. въ Европѣ поняли безуспѣшность карательныхъ мѣръ для прекращенія или ослабленія дѣтоубійства; поняли, и въ чемъ заключаются главныя причины этого преступленія. Но, указывая на эти причины, люди не видѣли еще, или не хотѣли видѣть, дѣйствительныхъ средствъ для устраненія этихъ причинъ, все дѣло хотѣли поправить только путемъ благотворительности—домами для найденышей и родильными больницами. Противъ этого направленія выступилъ Мальтусъ. Доказывая не только безполезность, но и положительную вредность благотворительности, онъ запрещалъ большинству людей браковъ, который при страшной дисгармоніи между количествомъ народонаселенія и количествомъ пищи необходимо ведетъ за собой вымираніе всѣхъ лишнихъ членовъ человѣчества и громадное дѣтоубійство. «Человѣкъ, который родится въ занятомъ уже мірѣ,—говоритъ Мальтусъ, если ни его семейство не имѣетъ средствъ для его пропитанія, ни общество не имѣетъ надобности въ его трудѣ,—*такой человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права на какую бы то ни было долю пищи, онъ совершенно лишній на землѣ.* На великомъ банкетѣ природы для него поставлено прибора. Природа высылаетъ его вонъ, и она не замедлитъ сама исполнить это свое приказаніе». Мальтусъ, наблюдавшій дѣтоубійство не только въ Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта, вывелъ изъ этихъ наблюденій заключеніе о совершенной неизбѣжности этого зла, коль скоро допущена дисгармонія между количествомъ пищи и числомъ ея потребителей. И конечно, ни Мальтусъ, ни его послѣдователи не могли быть защитниками уголовныхъ каръ противъ этого преступленія. Они, напротивъ, старались скорѣе содѣйствовать дѣтоубійству, чѣмъ противодѣйствовать ему. Мальтусъ, рекомендуя запретить неимущимъ людямъ вступленіе въ бракъ, въ то же время предлагалъ слѣдующій законъ: «Никакое дитя, родившееся отъ брака, заключеннаго черезъ годъ послѣ изданія этого закона, ни одно незаконнорожденное дитя, родившееся черезъ два года съ того же времени не имѣютъ никакого права на приходскую помощь». Хотя ложная въ своей сущности, теорія Мальтуса, однакожъ, имѣетъ въ отношеніи къ нашему предмету ту долю справедливости, что указываетъ на неизбѣжность дѣтоубійства, долженствующую существовать до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать бѣдность и другія производящія его причины. Понятно, что такой выводъ подрывалъ въ самомъ корнѣ теорію устрашенія.

Подъ такими вліяніями законы, карающіе дѣтоубійство, начали понемногу смягчаться, хотя не во всѣхъ странахъ разомъ и хотя въ нѣкоторыхъ государствахъ такого смягченія не послѣдовало до сихъ поръ.

«Нѣмецкіе уголовные кодексы, — говоритъ Бонпъ,—выходя изъ психологическихъ основаній, принимая во вниманіе достойное само по себѣ желаніе охранить половую честь, бѣдность и безпомощность, доводящія до этого преступленія, равно какъ и сопряженное съ совершеніемъ послѣдняго нервное возбужденіе, ослабляющее вмѣняемость,—отступаютъ отъ угрозъ смертной казни и предписываютъ временное лишеніе, сообразно со степенью виновности и съ количествомъ смягчающихъ обстоятельствъ». То же нужно сказать и о большинствѣ другихъ европейскихъ кодексовъ. При этомъ нужно замѣтить, что большинство европейскихъ присяжныхъ оказывается крайне нерасположеннымъ подвергать дѣтоубійцъ не только смертной казни, но даже и другимъ менѣе жестокимъ наказаніямъ. Поэтому много дѣтоубійцъ совершенно оправдывается присяжными, согласными лучше вовсе отпустить виновныхъ, чѣмъ жестоко наказать ихъ.

Первый уголовный кодексъ XIX в., австрійскій, отмѣнилъ за дѣтоубійство смертную казнь и замѣнилъ ее тюремнымъ заключеніемъ на время отъ 5 до 20 лѣтъ. Въ 1856 г. въ Австріи обвинялось за дѣтоубійство 222 челов., изъ нихъ наказано только 142. За плодоизгнаніе — также временное тюремное заключеніе, которому въ 1856 г. подвергнуто 27 человѣкъ изъ 46 обвинявшихся. Въ томъ же году посажено въ тюрьму за дѣтовыбрасываніе 55 человѣкъ изъ 65 обвинявшихся.

Уголовный кодексъ Виртемберга въ статьѣ 249 говоритъ: «мать, отнимающая жизнь у своего незаконнаго новорожденнаго ребенка, если она это дѣлаетъ съ намѣреніемъ, обдуманнымъ еще до родовъ, подвергается тюремному заключію на 15—20 лѣтъ, въ противномъ случаѣ на 10—15 лѣтъ; если же ребенокъ, вслѣдствіе преждевременнаго рожденія, неспособенъ продолжать жизнь внѣ чрева матери, то преступница наказывается, какъ за покушеніе».

Кодексъ в. г. Гессенъ (1841 г.) за дѣтоубійство въ тѣсномъ смыслѣ и дѣтовыбрасываніе, совершаемое съ цѣлью погубить ребенка, полагаетъ тяжкое заключеніе въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus) на время до 16 л.

По прусскому кодексу, мать, умышленно убившая при рожденіи или вскорѣ послѣ него своего незаконнаго ребенка, подлежитъ цухтгаузу на время отъ 5 до 20 лѣтъ; за плодоизгнаніе—на первый разъ временное, а за рецидивъ—пожизненное тюремное заключеніе. За выбрасываніе ребенка моложе 7 лѣтъ виновный подлежитъ не менѣе, какъ трехмѣсячному тюремному заключенію. Если же ребенокъ выбрасывается съ цѣлью лишить его

жизни, то выбрасыватель судится, какъ дѣтоубійца. Впрочемъ, смертная казнь за дѣтоубійство въ Пруссіи оставлена для особенно крайнихъ случаевъ, но она почти никогда не налагается. Въ 1818—1854 г. за дѣтоубійство осуждено на смерть 124 ч., изъ нихъ казнено только 2, и то за убійство законныхъ дѣтей. И вообще изъ обвиняемыхъ за дѣтоубійство очень много совершенно оправдывается. Такъ въ 1857 и 1859 г. за дѣтоубійство осуждено только 70 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ одинъ только 1857 г. обвинялось за него 70 ч. Въ Пруссіи несчастная судьба дѣтоубійцъ возбуждаетъ большое сочувствіе и въ присяжныхъ. «Въ послѣдніе годы — пишетъ Б. Райанъ — было нѣсколько случаевъ дѣтоубійства въ штральзундскомъ округѣ. Въ восьми случаяхъ беременность и роды были скрыты и дѣти умерщвлены. Въ одномъ случаѣ мать умерла; въ двухъ случаяхъ процессъ былъ остановленъ; въ трехъ дѣтоубійцы объявлены невиновными; въ одномъ случаѣ былъ произнесенъ приговоръ, равнозначительный невиновности, и только въ одномъ случаѣ преступницъ найденъ виновнымъ. Какъ бы ни казалась парадоксальною мысль, что дѣтоубійство дозволяется прусскими законами, но, тѣмъ не менѣе, она справедлива». Далѣе Райанъ ораторствуетъ все въ томъ же тонѣ, возмущаясь гуманнымъ чувствомъ прусскихъ присяжныхъ, очень часто объявляющихъ невиновными дѣйствительныхъ дѣтоубійцъ.

Баденскій кодексъ 1841 г. за дѣтоубійство, на которое преступница рѣшилась еще до разрѣшенія отъ бремени, опредѣляетъ заключеніе въ цухтгаузѣ на время отъ 6 до 15 лѣтъ, въ противномъ случаѣ—не свыше 8 лѣтъ. И здѣсь, какъ и въ Пруссіи, очень много подсудимыхъ освобождается отъ дѣла. Въ 1829 г. было 10 обвиненій съ 6-ю освобожденіями отъ дѣла и 3-мя смертными приговорами; въ томъ же году обвинялось въ плодоизгнаніи 12 человѣкъ, изъ нихъ 10 освобождено отъ дѣла.

Другіе германскіе кодексы также не полагаютъ за дѣтоубійство смертной казни, кромѣ ганноверскаго, который, слѣдуя старому баварскому закону 1813 года, назначаетъ смертную казнь за рецидивъ.

Въ Нидерландахъ и Португаліи за рецидивное дѣтоубійство также полагалась до послѣдняго времени смертная казнь, и въ 1847—1857 г. казнено за это 3 человѣка.

На скандинавскомъ полуостровѣ смертная казнь назначена за повтореніе дѣтоубійства, вытравленіе плода изъ чрева матери, произведенное кѣмъ-нибудь противъ ея воли и подвергшее опасности ея жизнь, а также за выбрасываніе дѣтей, ведущее за собою смерть ихъ. Смертные приговоры рѣдко утверждаются королемъ.

Во Франціи за дѣтоубійство—смертная казнь, за вытравленіе плода—временное тюремное заключеніе. Почти во всѣхъ случаяхъ суды, прінскавъ смягчающія обстоятельства, отмѣняютъ дѣтоубійцамъ смертную казнь, и смертные приговоры почти исключительно слѣдуютъ за убійство законныхъ дѣтей. Слѣдующія таблички покажутъ, какъ благородное чувство французскихъ судей и присяжныхъ борется съ варварскимъ закономъ, осуждающимъ на смерть несчастныхъ дѣтоубійцъ.

	въ 1855 г.	1856 г.	1857 г.	1858 г.	1859 г.
Дѣтоубійцъ приговорено къ смерти	2	2	2	2	2
Избавлено отъ смерти вслѣдствіе смягчающихъ обстоятельствъ	110	126	140	158	140

Слѣдовательно, изъ 682 дѣтоубійцъ, подлежавшихъ по закону смертной казни, приговорено къ ней только 8 человѣкъ. Интересно, что въ случаѣ всѣхъ другихъ преступленій смертная казнь назначается гораздо чаще, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	въ 1855 г.		1856 г.		1857 г.		1858 г.		1859 г.	
	Приговорено къ смерти.	Избавлено отъ смерти.	Приговорено.	Избавлено.	Приговорено.	Избавлено.	Приговорено.	Избавлено.	Приговорено.	Избавлено.
За покушеніе на жизнь императора	1	1	—	—	—	—	3	1	—	—
» квалифицированное убійство	5	15	2	15	2	14	3	10	2	9
» убійство	44	91	35	89	37	85	21	78	28	73
» отцеубійство	4	7	5	6	5	5	3	7	4	10
» поджогъ жилыхъ строеній	7	66	3	59	5	78	4	53	2	56
» отравленіе	—	29	1	24	5	27	2	30	2	17
» самовольное лишеніе свободы	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—
Всего	61	329	46	193	56	210	36	179	38	165

Такимъ образомъ, преступниковъ, подлежавшихъ по закону смертной казни, приговорено къ смерти въ слѣдующемъ процентномъ отношеніи:

По итогу	13%
За отцеубійство	32,7
» отравленіе	7,3
» поджогъ	6,3
» дѣтоубійство	1,1

Въ тюремномъ заключеніи въ 1857 г. содержалось за дѣтоубійство, плодоизгнаніе, покушеніе на нихъ и пособничество — мужчинъ 38, женщинъ 688, всего 727.

Въ Бельгіи, гдѣ за дѣтоубійство полагается смертная казнь, въ 1833—1844 г. послѣдовало за это преступленіе 7 смертныхъ приговоровъ. Изъ 184 смертныхъ приговоровъ за разныя преступле-

нія въ 1850—55 годахъ на долю дѣтоубійства выпало 24.

Въ Англіи дѣтоубійство отнесено къ разряду преступленій felony и подлежитъ смертной казни. Но, по словамъ Борка къ Рэйана, сострадание къ дѣтоубійцамъ и отвращеніе отъ смертной казни ведутъ къ тому, что дѣтоубійцы или вовсе освобождаются отъ дѣла, или осуждаются не за дѣтоубійство, а за скрытіе беременности, ведущее за собою только два года тюремнаго заключенія. Для обвиненія въ дѣтоубійствѣ законъ требуетъ доказательства, что ребенокъ *рожденъ вполнѣ*, wholly born, и имѣлъ существованіе, независимое отъ тѣла матери. Между тѣмъ, доказать, что ребенокъ *вполнѣ рожденъ*, чрезвычайно трудно. Въ доказательство не можетъ идти даже присутствіе воздуха въ его легкихъ, ибо ребенокъ можетъ дышать во время самаго акта рожденія. «Недостаточно медицинскаго свидѣтельства», говоритъ Рэйанъ,—«что дитя дышало во время совершенія надъ нимъ злодѣянія, что оно было живо дѣйствительно и было убито. Это доказательство должно быть, повидимому, окончательнымъ, но не такъ на дѣлѣ; здѣсь-то и начинаются главныя трудности. Безусловно необходимо, при настоящихъ законахъ, доказать, что во время совершенія злодѣянія дитя было вполнѣ рождено, что оно существовало независимо отъ своей матери. Отсюда слѣдуетъ, что убійство ребенка во время самаго акта рожденія не есть убійство по закону». Дѣйствительно, при отсутствіи или недостаточности этого доказательства, англійскіе присяжные объявляютъ обвиняемыхъ въ дѣтоубійствѣ лицъ невиновными. Часто даже при имѣніи такого доказательства, присяжные даютъ тотъ же приговоровъ, руководимые чувствомъ сожалѣнія къ несчастной преступницѣ и по особымъ обстоятельствамъ дѣла. Такъ, по словамъ Б. Рэйана, одна женщина, по недоказанности полнаго рожденія, была объявлена невиновной, хотя она перерѣзала у ребенка дыхательное горло. Въ Глочестерѣ въ 1855 г. женщина, по фамиліи Пэрри, была обвиняема въ убійствѣ своего ребенка. При входѣ въ ея комнату полицейскаго медика, она лежала въ постели, головой на подушкѣ, подъ которой найденъ трупъ ребенка съ перерѣзаннымъ горломъ. Медикъ не могъ положительно сказать, было ли дитя рождено живымъ, а присяжные объявили, что не имѣютъ основаній признать Пэрри виновною въ дѣтоубійствѣ, и нашли ее, какъ сплошь и рядомъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, виновною въ скрытіи беременности. Подобный же случай мы видимъ въ дѣлѣ Шарлотты Гюббль (въ январѣ 1860 г.). Докторъ Кингъ и его помощникъ присягнули, что ребенокъ былъ *рожденъ живымъ*; тѣло этого мальчика было найдено въ ящикѣ подсудимой еще теплымъ съ тесьмой, нѣсколько разъ обвитой вокругъ его шеи и сильно затянутой; присяжные объявили Шарлотту невиновной въ убійствѣ. Въ Ливерпулѣ, въ августѣ 1860 г., Анна Биллингтонъ судилась за предумышленное убійство своего новорожденнаго ребенка. Она скрывала свою беременность. Родивъ же, она спрятала ребенка подъ ступеньками лѣстницы. Медикъ нашелъ его съ перерѣзаннымъ горломъ, но не могъ сказать: «былъ ли онъ вполнѣ рожденъ и имѣлъ ли независимое отъ матери существованіе во время нанесенія ему этой раны». Подсудимая, поэтому, осуждена за скрытіе беременности на 18 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія безъ работы. И такъ бываетъ во множествѣ случаевъ,—присяжные берутъ на себя облегченіе участи тѣхъ, которыхъ не хочетъ щадить законъ. Иногда подобные приговоры присяжныхъ публика встрѣчаетъ громкими аплодисментами. Даже состоявшіеся уже приговоры надъ дѣтоубійцами значительно смягчаются органами власти, облеченными этимъ правомъ. Такъ въ 1853 г. Анна Парръ приговорена къ смертной казни, а наказана пожизненной ссылкой. Въ Линкольнѣ въ 1855 г. Елисавета Лаундъ за предумышленное дѣтоубійство сослана на 15 лѣтъ. Въ Дерби Элиза Бесталь за то же преступленіе заключена на 2 года въ тюрьму съ тяжкою работой. Джанна Джили приговорена къ смерти, а наказана пожизненной ссылкой и т. д. Поборники карательныхъ мѣръ, какъ цѣлебнаго средства противъ преступленій, сильно негодуютъ на «такія насмѣшки надъ правосудіемъ», какъ выражается Рэйанъ. Одни изъ нихъ проповѣдуютъ, что нужно отмѣнить за дѣтоубійство смертную казнь, непріязнь къ которой такъ часто заставляетъ присяжныхъ, вопреки очевидности, изрекать—*невиновенъ*, и замѣнить ее не столь ужаснымъ наказаніемъ; идеалъ этихъ господъ въ томъ, чтобы ни одинъ дѣтоубійца не могъ избѣгнуть кары правосудія и чтобы «вопли несчастныхъ дѣтей не призывали на великую націю бездны золъ отъ праведнаго Судьи!»

По прежнимъ законамъ о плодоизгнаніи (43 George III), преступникъ подлежалъ смертной казни въ томъ случаѣ, если женщина, изъ которой выстраивался плодъ, была уже «quick with child», т.-е. чувствовала уже движеніе ребенка въ маткѣ. Въ противномъ случаѣ, преступникъ избавлялся отъ смертной казни и подлежалъ одному изъ слѣдующихъ высшихъ наказаній. Послѣдній же законъ о плодоизгнаніи (1 Victoria c. LXXXV, 5, 6) гласитъ, что всякій, кто будетъ стараться произвести выкидышъ посредствомъ ли ядовитыхъ и вредныхъ снадобій, или инструментами, или другими средствами, «виновенъ въ фелоніи, и, будучи уличенъ въ этомъ, подлежитъ ссылкѣ за море на срокъ его или ея жизни, или на другой срокъ, не менѣе, впрочемъ, пятнадцатилѣтняго, или же тюремному заключенію не свыше трехъ лѣтъ».

Вліяніе Европы хотя и смягчило немного русскіе законы о дѣтоубійствѣ, но все-таки они далеки еще даже отъ того состоянія, въ какомъ находятся европейскіе кодексы относительно этого предмета. Мы приведемъ слѣдующіе законы въ томъ видѣ, какъ они дѣйствовали до изданія указа 17 апрѣля 1863 г., отмѣнившаго тѣлесное наказаніе. По статьямъ 21, 1999 и 2000 XV т. Св. Законовъ, изд. 1857 г., виновный въ убійствѣ родного сына или дочери, внука или внуки, какъ и всѣхъ родственниковъ восходящей и нисходящей линіи въ какой бы то ни было степени, подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудъ-

никахъ безъ срока, а до указа 17 апрѣля,—еще и наказанію 100 ударами плетей. Тому же наказанію, по ст. 2000, подлежитъ и убійца незаконнорожденнаго ребенка, если только нѣтъ облегчающихъ вину обстоятельствъ. Если убійство незаконнорожденнаго сына или дочери совершено матерью отъ стыда или страха «*при самомъ рожденіи младенца*», то упомянутый срокъ каторжной работы сокращается на три степени. «Когда же дѣтоубійство онаго рода было *непредумышленное*, то виновная въ ономъ женщина, *особенно если она незамужняя и разрѣшилась отъ бремени въ первый разъ*», подвергается только лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ Сибири», а до указа 17 апрѣля еще отъ 30 до 10 ударамъ плетей! Вспомните, что это *за непредумышленное* дѣтоубійство!.. За изгнаніе плода женщины, безъ ея вѣдома и согласія,—каторжная работа на заводахъ отъ 4 до 6 л., а прежде еще 30—40 ударовъ плетьми. Если при этомъ беременная женщина умерла, то срокъ работъ увеличивается до 8 лѣтъ, а количество плетей до 50—60 ударовъ. Если же кто совершаетъ плодоизгнаніе съ согласія самой беременной, то подлежитъ ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а прежде еще 20 до 30 ударамъ плетей. Если же беременная сама, по собственному произволу или по согласію съ другими, *употребляетъ какое-либо средство для изгнанія плода*, то лишается всѣхъ правъ состоянія и ссылается въ Сибирь, а прежде еще получала отъ 10 до 20 ударовъ плетей (т. XV, ст. 2011 и 22). Такимъ образомъ, и за совершенное плодоизгнаніе, и за простое принятіе средствъ, по буквальному смыслу закона, и плодоизгнательницѣ замужней, и плодоизгнательницѣ незамужней, совершающей это преступленіе въ первый, во второй или въ третій разъ, въ первый періодъ зачатія или передъ самымъ рожденіемъ, и дѣйствовавшей въ состояніи болѣзненномъ или здоровомъ,—все равно, всѣмъ одно наказаніе!...

По русскому праву даже скрытіе рожденія незаконнорожденнаго ребенка есть самостоятельное преступленіе, предусматриваемое 2009 статей XV тома. «Если будетъ доказано, что младенецъ родился мертвымъ, и *мать, волнуемая стыдомъ или страхомъ, только скрыла его тѣло*, вмѣсто того, чтобы объявить о томъ кому слѣдуетъ, подлежитъ заключенію въ тюрьмѣ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года». За что же?

Такимъ образомъ въ настоящее время почти всѣ европейскіе народы смягчили наказанія за дѣтоубійство и отмѣнили закономъ или практикой смертную казнь за это преступленіе. Присяжные и судьи часто желаютъ лучше вовсе освободить преступника, чѣмъ подвергнуть его заслуженному наказанію. Нѣкоторые господа, даже изъ тѣхъ, которые требуютъ наказаній за другія преступленія, желаютъ вовсе оставить безъ наказанія если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя дѣтоубійства. Такъ, по мнѣнію лорда Джона Росселя, законъ не долженъ подвергать уголовному наказанію убійцу ребенка, которому не исполнилось еще 6 мѣсяцевъ, а за убійство ребенка свыше 6 мѣсяцевъ должно налагать уголовное наказаніе.

Но, не смотря на то, что общественное мнѣніе, присяжные, судьи и голоса благородныхъ ученыхъ высказываются за уничтоженіе жестокихъ наказаній дѣтоубійцъ,—все-таки еще не мало есть во всѣхъ странахъ Европы головъ, которыя не могутъ придумать противъ дѣтоубійства ничего лучшаго, кромѣ висѣлицы и каторги.

Дѣтоубійство не только не прекращается, но даже увеличивается. «Для всякаго,—говоритъ «Журналъ Министерства Юстиціи», 1862 г., № IV,—кто слѣдитъ за количествомъ совершаемыхъ ежегодно преступленій и за уголовной статистикой, несомнѣннымъ дѣлается тотъ фактъ, что преступленіе дѣтоубійства сдѣлалось явленіемъ постояннымъ и повсемѣстнымъ. Преступленія этого рода не только не уменьшаются, а, напротивъ, годъ отъ году увеличивалось и тогда, когда судьи и присяжные, не задумываясь много, отправляли преступниковъ на висѣлицу и подъ топоръ палача; оно увеличивается и теперь, когда смертная казнь за него почти всюду отмѣнена или закономъ, или практикой. Не ясно ли, что тутъ законъ ни при чемъ! Да и что можетъ сдѣлать законъ тамъ, гдѣ множество лицъ совершаютъ преступленіе въ такомъ патологическомъ состояніи, что, опомнившись, сами не рады бываютъ своей жизни, навсегда отравленной воспоминаніями о совершенномъ дѣтоубійствѣ? Что можетъ сдѣлать законъ тамъ, гдѣ тѣ же самыя причины, которыя доводятъ до дѣтоубійства, заставляютъ людей налагать руки даже на самихъ себя, или подвергаютъ ихъ голодной смерти? Большинство такихъ людей не побоится не только тюрьмы и ссылки, но даже и висѣлицы. Кромѣ того, огромное большинство дѣтоубійцъ имѣютъ всегда вѣрные шансы избѣжать наказанія. Въ Англіи, какъ мы видѣли, полагается около 12,000 женщинъ, ежегодно совершающихъ дѣтоубійство, между тѣмъ, уличается въ этомъ преступленіи ежегодно только около 200 человѣкъ, слѣдовательно, болѣе 11,500 дѣтоубійцъ ежегодно совершаютъ это преступленіе совершенно безнаказанно! Для чего же, и справедливо ли, наказывать ту ничтожную часть преступниковъ, которые менѣе осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ и которыхъ слѣпой случай бросаетъ въ руки полиціи? Но представимъ себѣ, что лучшую теперь въ Европѣ англійскую полицію удастся довести до идеальнаго совершенства, и всѣ 12,000 дѣтоубійцъ будутъ непремѣнно схвачены ею. На сколько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ это увеличитъ расходы государственнаго казначейства?... И что же получится за эти деньги? 12,000 лицъ, виновныхъ въ дѣтоубійствѣ, Англія будетъ терять ежегодно, заключая ихъ въ тюрьмы и отправляя ихъ въ ссылку. А такъ какъ полиція должна преслѣдовать всѣ преступленія, то въ сильной степени должно увеличиться и количество людей, ежегодно

изгоняемыхъ обществомъ за другія преступленія, изъ которыхъ многіе теперь остаются безъ наказанія. Расходы, потраченные на это, обѣдняютъ страну, и при томъ она лишится огромнаго числа производительныхъ людей. И при этомъ, нѣтъ основанія ожидать ни совершеннаго искорененія дѣтоубійства, ни его значительнаго ослабленія. Дѣтоубійцы, дѣйствующіе въ истерикѣ изступленія, умопомѣшательствѣ, отчаяніи, не удержатся отъ преступленія неизбѣжною перспективою суда и каторги. Для многихъ дѣтоубійцъ, для которыхъ каторга и тюрьма вовсе не страшны въ сравненіи съ ихъ жизнью, неизбѣжность наказанія также не можетъ быть помѣхою. Они всегда будутъ извлекать выгоды изъ преступленія. Вѣдь большинство разбойниковъ не уходитъ отъ рукъ суда, но это развѣ прекращаетъ разбой? Есть и другіе роды преступниковъ, изъ которыхъ почти ни одинъ не избѣгаетъ наказанія, и при этомъ, такія преступленія не только существуютъ, но даже иногда увеличиваются. Но, можетъ быть, наказаніе приноситъ огромную пользу, какъ средство исправительное? Положимъ, что даже всѣ посаженные въ тюрьмы и сосланные на каторгу преступники исправляются, что совершенно невѣроятно, такъ какъ большинство ихъ остается такими же, какими были и до своего вступленія въ эту острожную академію. Но представимъ себѣ, что всѣ они исправляются. Выйдетъ вотъ что: въ извѣстный періодъ времени вы исправили всѣхъ захваченныхъ преступниковъ, но та же самая жизнь, которая создала и приготовила преступника, вырабатываетъ новыхъ и снова отдаетъ ихъ въ вашу острожную школу, и т. д. до безконечности. Въ отношеніи же къ большинству дѣтоубійцъ въ особенности, теорія исправленія оказывается еще болѣе несостоятельною, чѣмъ въ отношеніи вообще къ преступникамъ. Въ чемъ состоитъ по этой теоріи исправленіе преступника?

Въ томъ, чтобы уничтожить въ его душѣ тѣ наклонности, инстинкты и желанія, которые доводятъ его до преступленія. А множество дѣтоубійцъ доводится до преступленія стыдомъ и чувствомъ чести, слѣдовательно, чтобы исправить ихъ, необходимо уничтожить въ нихъ стыдъ и чувство чести!.. Нѣкоторыя матери, какъ мы видѣли, убиваютъ своихъ дѣтей единственно по любви къ нимъ, чтобы избавить ихъ отъ неизбѣжныхъ и ужасныхъ страданій бѣдности; слѣдовательно, чтобы исправить этихъ дѣтоубійцъ, необходимо подавить въ нихъ чувство материнской любви! Слѣдовательно и стыдъ, и чувство чести, и материнская любовь суть порочныя, преступныя наклонности, которыя необходимо искоренять въ человѣкѣ, чтобы они не довели его до преступленія! Какъ много дѣтоубійцъ дѣйствуетъ въ состояніи сильнаго нервнаго разстройства, въ бѣшенствѣ отчаянія, въ истерикѣ, умопомѣшательствѣ. Ужели и ихъ наказывать для исправленія? Но это окончательно нелѣпость,—ихъ нужно лѣчить, а не наказывать! Возьмите еще тѣхъ дѣтоубійцъ, которые осуждаются на пожизненное тюремное заключеніе, или которые, совершивъ два - три рецидивныхъ дѣтоубійства, должны за нихъ сидѣть въ тюрьмѣ до самой смерти. Ужели и ихъ наказываютъ съ цѣлью исправленія? Но кому нужно, кому полезно исправленіе этихъ заживо похороненныхъ людей? Оно не приноситъ никакой пользы обществу, такъ какъ заживо зарытый въ тюрьмѣ преступникъ вовсе не участвуетъ въ общественной жизни; правда, онъ лишенъ возможности совершить преступленіе, но его совершаетъ кто-нибудь другой, и количество преступленій нисколько не уменьшается оттого, что нѣкоторыхъ преступниковъ на всю жизнь сажаютъ въ каменный мѣшокъ. Если же въ разсматриваемомъ случаѣ имѣется въ виду только личное исправленіе преступника, то и это оказывается несостоятельнымъ. Исправленіе преступника имѣетъ только практическую цѣну; его исправляютъ для того, чтобы сдѣлать его полезнымъ и честнымъ гражданиномъ, чтобы научить его, какъ должно противостоять тѣмъ обстоятельствамъ, которыя вовлекаютъ человѣка въ преступленіе. Но если преступникъ долженъ просидѣть въ тюрьмѣ всю жизнь, то къ чему его исправленіе, гдѣ онъ можетъ приложить привитыя къ нему тюремною жизнію правила? А пока онъ не покажетъ себя исправившимся на дѣлѣ, въ жизни, на свободѣ, до тѣхъ поръ никто не можетъ сказать, что онъ дѣйствительно исправился. Онъ можетъ обманывать насчетъ своего нравственнаго исправленія, обманываться и самъ, считая себя способнымъ прожить честно. Такъ и въ дѣлѣ дѣтоубійства корни соціальнаго зла лежатъ гораздо глубже, чѣмъ думаютъ юристы. А чтобы уничтожить извѣстное явленіе, надо уничтожить самую причину, порождающую его. Тутъ никакія полумѣры не помогутъ исправленію зла. Если мать убиваетъ свое дитя въ большинствѣ случаевъ изъ страха, голода и холода, то надо всѣхъ матерей накормить и одѣть, и т. д.

VII.

Мы уже видѣли, что древній міръ передалъ въ наслѣдство новому, кромѣ каръ закона, еще дома для найденышей, какъ средство, предваряющее дѣтоубійство и плодоизгнаніе. Мы разсмотримъ здѣсь въ общихъ чертахъ исторію этой мѣры и степень ея цѣлесообразности.

Колыбелью домовъ для найденышей была Италія. Въ 787 г. такой домъ былъ основанъ въ Миланѣ, а въ 1096 г. основанъ сиротскій домъ въ Константинополѣ. Въ 1198 г. папа Иннокентій III обратилъ въ домъ для найденышей часть госпиталя св. Духа, основаннаго въ 728 г. однимъ саксонскимъ королемъ.

Въ средневѣковой Европѣ, вскорѣ послѣ введенія христіанства, является обычай, въ силу котораго дѣти подкидывались на земли церквей и поступали на ихъ попеченіе. Этотъ обычай въ однѣхъ странахъ превратился послѣ въ общинное и приходское попеченіе о найденышахъ, а въ другихъ странахъ содѣйствовалъ появленію воспитательныхъ домовъ въ очень раннее время. Кромѣ того, въ періодъ крестовыхъ походовъ основалось нѣсколько орденовъ госпитальеровъ, главною обязанностью которыхъ было посѣщеніе бѣдныхъ, уходъ

за больными, заботы о сиротахъ и найденышахъ. Одинъ изъ этихъ орденовъ, именно св. Духа, состоявшій преимущественно изъ мірянъ, существовалъ со спеціальною цѣлью призрѣвать и воспитывать сиротъ и найденышей. Это братство было утверждено папой въ 1204 г., и знаменитый своею благотворительностью Guy de Montpellier былъ назначенъ магистромъ госпиталя св. Духа. Богатыя приношенія изъ всѣхъ христіанскихъ странъ стекались въ Римъ для поддержанія этого госпиталя и воспитанія помѣщавшихся въ немъ найденышей. Основавъ первые воспитательные дома, Италія съ тѣмъ вмѣстѣ первая изобрѣла и развила систему безразличнаго принятія дѣтей, не обращая вниманія на законность или незаконность ихъ рожденія. Здѣсь было сочтено необходимымъ также доставлять беременнымъ женщинамъ такое мѣсто для разрѣшенія, гдѣ бы онѣ могли скрыть свой стыдъ и сохранить свое инкогнито. Для принятія дѣтей изобрѣтены особаго рода пустые деревянные цилиндры, однимъ концомъ выходящіе на улицу, а другимъ внутрь убѣжища. Принесшее ребенка лицо можетъ положить его въ этотъ *туръ* и незамѣтно удалиться; звонокъ даетъ знать въ убѣжище, что въ туръ положенъ ребенокъ. Въ настоящее время въ госпиталь св. Духа дѣти доставляются не только изъ Рима и его окрестностей, но и изъ отдаленныхъ провинцій, даже изъ сосѣднихъ государствъ. Ежегодно поступаетъ около 900 дѣтей, изъ которыхъ двѣ трети незаконнорожденныя, а остальная треть состоитъ изъ законныхъ дѣтей бѣдныхъ родителей. Найденышей почти всегда отсылаютъ изъ госпиталя въ деревни къ кормилицамъ. Госпиталь Санъ-Роккa служитъ вмѣстѣ и домомъ для найденышей, и родильною больницею, въ которой несчастныя женщины могутъ разрѣшаться отъ бремени съ сохраненіемъ своего полнаго инкогнито; онѣ не только не разпрашиваются объ ихъ имени, фамиліи и званіи, но даже во все время своего пребыванія въ госпиталѣ онѣ могутъ никому не показывать своего лица. По выздоровленіи онѣ оставляютъ госпиталь, а дѣти отдаются на попеченіе кормилицъ, состоящихъ подъ надзоромъ сестеръ милосердія. Оставляющее въ госпиталѣ ребенка лицо даетъ запечатанное въ конвертѣ письменное свѣдѣніе объ его имени и происхожденіи; конвертъ распечатывается въ томъ случаѣ, если ребенка потребуютъ обратно изъ госпиталя.

Во Франціи при Людовикѣ XIII огромное количество выбрасываемыхъ дѣтей и сильное развитіе дѣтоубійства побудили одну набожную женщину, мадамъ Легуа, основать домъ для найденышей. Но этого дома было далеко недостаточно для всѣхъ выбрасываемыхъ малютокъ, сотни которыхъ постоянно виднѣлись на площадяхъ и улицахъ Парижа! Въ началѣ XVII в. эти дѣти подбирались полиціей и помѣщались въ улицѣ Saint Landri на воспитаніе къ одной вдовѣ, которая не имѣла средствъ для прокормленія ихъ и у которой они умирали часто съ голода. Двѣ служанки, ходившія за ними, чтобы не слышать ихъ криковъ и держать ихъ въ состояніи сна, давали имъ обычныя снотворныя средства, отъ которыхъ дѣти также часто умирали. Дѣтей изъ этого убѣжища даже *продавали по 2 су за штуку!*... Въ такомъ положеніи были дѣла до св. Винцента Поля († 1660 г.). Этотъ филантропъ сначала подбиралъ найденышей на улицахъ Парижа и спасалъ ихъ, но скоро понялъ непригодность такой благотворительности. Онъ постарался составить изъ нѣкоторыхъ дамъ филантропическое общество и посовѣтовалъ имъ посѣтить убѣжище найденышей въ улицѣ S. Landri. Дамы ужаснулись и большого количества помѣщавшихся тамъ дѣтей, и ихъ несчастнаго положенія. Но средствъ на содержаніе всѣхъ дѣтей онѣ не имѣли; поэтому было выбрано по жребію только 12 малютокъ, которые и помѣщены въ особомъ домѣ подъ надзоромъ мадамъ Легуа. Участь оставшихся въ прежнемъ убѣжищѣ дѣтей побудила Винцента обратиться съ просьбою о помощи къ Аннѣ Австрійской; она выхлопотала отъ короля въ пользу найденышей ежегодный доходъ съ пяти большихъ фермъ, до 12,000 ливровъ. Но эта сумма была далеко недостаточна, и требовалось на содержаніе найденышей до 40,000 ливровъ въ годъ. Въ 1640 году король пожертвовалъ въ ихъ пользу Бисетръ, затѣмъ были куплены еще два дома. Смерть Винцента не остановила этого дѣла. Это было время дѣятельности Кольберта, а благотворительныя учрежденія составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ его заботъ. Эдиктъ 1662 г. предписывалъ основать въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ королевства госпиталь для бѣдныхъ больныхъ, нищихъ и сиротъ, которыя въ этихъ убѣжищахъ должны были учиться ремесламъ, къ какимъ они окажутся способными. Мужчинамъ, желавшимъ жениться на сиротахъ изъ госпиталя Милосердія, были назначены денежныя вспоможенія. «Въ то же время—говоритъ Бланки въ своей Histoire de l'économie politique — были основаны первые дома для найденышей, сдѣлавшіеся съ тѣхъ поръ убѣжищами, болѣе убійственными для дѣтей, чѣмъ самое дѣтовыбрасываніе». Въ 1670 г. Hospice des enfants trouvés былъ сдѣланъ однимъ изъ парижскихъ госпиталей. Дѣти тысячами посылались сюда со всѣхъ концовъ Франціи, и ихъ число постоянно возрастало. Съ 1540 года, когда основано въ Парижѣ первое убѣжище и, до 1783 г. принято было 405,744 ребенка; въ 1540—61 г.—7668; въ 1662—63 г.—14,101; въ 1684—1705 г.—38,382; въ 1706—1727 г.—40,437; въ 1728—49 г.—64,143; въ 1750—71 г.—114,729; въ 1772—93 г.—129,143 ребенка. Національный конвентъ распорядился соединить домъ для найденышей съ родильнымъ отдѣленіемъ и назначилъ для помѣщенія ихъ два пустыхъ монастыря, куда и поступало ежегодно около 4.000 дѣтей. Другимъ своимъ декретомъ конвентъ обязалъ всѣ госпитали принимать найденышей или дѣтей, брошенныхъ своими родителями. Наполеонъ еще болѣе конвента благоволилъ къ этимъ убѣжищамъ, такъ какъ онъ разсчитывалъ комплек-

товать найденышами свою армію. Въ этихъ видахъ онъ ввелъ итальянскую систему туровъ и безразличнаго принятія дѣтей. Эта система, впрочемъ, сочтена необходимою и по большому количеству дѣтей, бросаемыхъ своими законными родителями; на 10 бросаемыхъ дѣтей считается въ Парижѣ 1, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи даже 2 законныхъ. Термъ и Монтфальконъ считаютъ до 3,400 законныхъ дѣтей, ежегодно бросаемыхъ родителями во Франціи. Въ Ліонѣ, въ Hôtel-Dieu, матери также часто приносятъ своихъ законныхъ дѣтей и оставляютъ ихъ тутъ навсегда. Й нужно замѣтить, что причиною покиданія законныхъ дѣтей бываетъ не одна только бѣдность, а также и нѣкоторыя дурныя наклонности родителей, выработанныя въ нихъ грубою жизнью въ развратѣ, преступленіяхъ и невѣжествѣ. Монтфальконъ и Термъ показали, что общественныя бѣдствія и дороговизна въ Ліонѣ въ 1836 г. нисколько не имѣли вліянія на количество выбрасываемыхъ дѣтей, между тѣмъ, тѣ же самыя причины, какъ мы уже видѣли, въ другихъ мѣстахъ производятъ совершенно обратное дѣйствіе. Слѣдовательно, бѣдность не всегда служитъ причиною дѣтовыбрасыванья, и, слѣдовательно есть дѣти, выбрасываемыя не по необходимости, не изъ бѣдности. При такой расположенности нѣкоторыхъ родителей отдѣлываться отъ своихъ дѣтей, дома для найденышей необходимо должны не столько предварить дѣтоубійство, сколько усиливать дѣтовыбрасываніе. Родители, которые хотѣли бы отдѣлаться отъ ребенка, часто не выбрасываютъ его на улицу только потому, что боятся подвергнуть опасности его жизнь, если его не подберетъ какой нибудь сострадательный человѣкъ. Но коль скоро они видятъ, что само общество готово помочь имъ въ ихъ намѣреніи, то, не задумываясь, относятъ ребенка въ домъ для найденышей. Этимъ только и можно объяснить постоянное и быстрое возрастаніе числа найденышей, подкидываемыхъ въ воспитательные дома, какъ во Франціи, такъ и во всѣхъ другихъ странахъ. Выше мы видѣли, какъ быстро увеличивалось это число въ Парижѣ до революціи. Въ первые годы реставраціи оно достигало 80,000, съ ежегоднымъ расходомъ въ 14,000,000 франковъ; въ 1824 г. принятыхъ дѣтей было уже 116,000, а въ 1833 г. 127,000. Быстрое увеличеніе найденышей подняло шумъ и въ обществѣ, и въ средѣ ученыхъ. Начали трактовать, какъ бы пресѣчь продолженіе этого явленія. Одни предлагали строго наказывать дѣвушекъ-матерей; другіе предлагали наказывать и штрафовать холостыхъ мужчинъ, ведущихъ развратную жизнь, и т. д. Бенуастонъ-де-Шатонефъ указывалъ, какъ на главную причину этого явленія, на увеличеніе бѣдности, развращенности и *на самые дома для найденышей*, въ особенности на ихъ систему туровъ и безразличнаго принятія. Дома для найденышей при своемъ учрежденіи были назначены для принятія брошенныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Но вскорѣ стали приниматься и законныя дѣти. По невозможности держать въ самыхъ домахъ огромное число дѣтей, начали пріискивать для нихъ кормилицъ внѣ этихъ убѣжищъ. Деревенскія дѣвушки и женщины, подкидывающія своихъ дѣтей, начали ихъ брать къ себѣ въ качествѣ кормилицъ, и черезъ эту спекулянію нашли возможность получать плату за воспитаніе собственныхъ своихъ малютокъ. Карусъ говоритъ, что въ парижскій госпиталь для бѣдныхъ больныхъ дѣтей часто доставляются дѣти съ обозначеніемъ фамилій и адресовъ ихъ родителей; но когда ребенокъ выздоравливаетъ и когда начинаютъ отыскивать его родителей, то и фамиліи, и адресы оказываются ложными: родители сдѣлали это, чтобы избавиться отъ своего ребенка. Въ виду такихъ обстоятельствъ и ужаснувшись постояннаго возрастанія расходовъ на найденышей, правительство рѣшилось употребить репрессивныя мѣры. Туры и система безразличнаго принятія въ большей части госпиталей были уничтожены. Для принятія же женщинъ въ родильныя отдѣленія Парижа было постановлено непремѣннымъ условіемъ брать съ поступающей обязательство не бросать ребенка и взять его съ собой при выпискѣ изъ госпиталя. Но при этомъ были приняты мѣры для того, чтобы помогать бѣднымъ женщинамъ воспитывать ихъ дѣтей дома. Въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ послѣ принятія этихъ мѣръ, матери 458 дѣтей взяли ихъ къ себѣ вслѣдствіе убѣжденій начальства госпиталя и выдачи имъ денежнаго вспоможенія, между тѣмъ какъ раньше онѣ были расположены отдѣлаться отъ этихъ дѣтей.

Примѣръ Франціи и Италіи и вмѣстѣ серьезныя безпокойства, причиненныя дѣтоубійствомъ и дѣтовыбрасываньемъ, возбудили и въ Великобританіи мысль о необходимости домовъ для найденышей. Еще въ 1713 г. поэтъ Аддисонъ агитировалъ въ пользу этихъ учрежденій, но только въ 1738 г. основанъ въ Лондонѣ капитаномъ Карамомъ Foundling Hospital, поддерживаемый сначала богатыми благотворителями, въ особенности знаменитымъ нѣмецкимъ композиторомъ Генделемъ. Правительство также давало на этотъ домъ значительныя суммы; парламентъ ассигновалъ для него ежегодно по 10,000 ф. ст., но съ тѣмъ, чтобы принимать всѣхъ дѣтей, возрастъ которыхъ былъ сначала опредѣленъ не свыше 2, потомъ 6 и наконецъ 12 мѣсяцевъ. Число приносимыхъ дѣтей и здѣсь постоянно возрастало; въ первый годъ ихъ было 3,296, во второй 4,085, въ 1756 г. 5,510, въ 1760 г. 6,000, а ежегоднаго расхода на нихъ было уже 45,000 ф. стерл. Дѣти свозились со всѣхъ концовъ государства, и скоро для нихъ не стало мѣста въ госпиталѣ. Такъ же, какъ и во Франціи, сюда доставлялись не одни незаконнорожденныя, но и законныя дѣти, отъ которыхъ родители желали почему-нибудь отдѣлаться; сюда приносили и больныхъ дѣтей для излѣченія, и умирающихъ для погребенія. Кромѣ родителей, незаконныхъ дѣтей сбывали сюда еще общины, желавшія свалить съ своихъ плечъ заботы объ ихъ воспитаніи. Поэтому уже въ 1759 г. парламентъ издалъ болѣе строгія правила для принятія дѣтей. и съ тѣхъ поръ лондонскій воспитательный домъ предназначенъ только для незаконныхъ дѣтей; для опредѣ-

ленія же ихъ незаконнорожденности существуетъ особая комиссія. Послѣ крещенія, ребенокъ, какъ это дѣлается и во Франціи, отсылается въ деревню къ кормилицѣ; но достиженіи же имъ пятилѣтняго возраста, онъ возвращается въ воспитательный домъ для ученія. Если мать пожелаетъ взять его обратно, то должна, во-первыхъ, усыновить его, а во-вторыхъ, доказать, что она имѣетъ средства для его содержанія. Этотъ домъ получаетъ ежегодно доходовъ 11,000 ф. ст. и кромѣ того 40,000 ф. ст. благотворительныхъ суммъ. Воспитаніе каждаго ребенка стоитъ 360 ф. ст., кромѣ экстраординарныхъ расходовъ, напр. на лѣченіе. Ежедневно принимается только 37 дѣтей, а приносится больше 200. Дѣтей, воспитываемыхъ здѣсь съ дѣтства до пятнадцатилѣтняго возраста, въ настоящее время 460.

Кромѣ лондонскаго, домъ для найденышей существовалъ еще въ Дублинѣ; здѣсь въ самомъ домѣ содержалось около 2,000 дѣтей, да около 7,000 въ деревняхъ у кормилицъ. Кромѣ благотворительныхъ суммъ, онъ потреблялъ ежегодно казенныхъ до 40,000 ф. ст. Этотъ домъ, какъ убыточный для казны и недостигающій своей цѣли, закрытъ въ 1835 г. Вообще, въ Великобританіи очень неблагосклонно относятся къ домамъ для найденышей, находя, что они приносятъ только одинъ денежный ущербъ и вовсе «несогласны съ геніемъ націи». Незаконныя дѣти состоятъ на попеченіи приходскихъ общинъ и помѣщаются въ рабочихъ домахъ.

Въ Германіи воспитательные дома возникаютъ съ начала XVIII в. Въ 1709 г. такой домъ основанъ въ Гамбургѣ, съ цѣлью предупрежденія дѣтоубійства. «Но вскорѣ—говоритъ Бопп—число приносимыхъ новорожденныхъ и даже взрослыхъ дѣтей оказалось столь громаднымъ, что это заведеніе принуждены были сначала ограничить, а потомъ и вовсе закрыть. Для него было недостаточно даже дохода въ 100,000 марокъ ежегодно. Вмѣсто этого заведенія открытъ сиротскій домъ, въ который принимаются дѣти, найденныя брошенными внутри города». Подобный же сиротскій домъ основанъ въ Баденѣ маркграфомъ Карломъ Фридрихомъ. Во время французскаго владычества въ Майнцѣ тамъ основанъ домъ для найденышей. Въ 1829—1833 г. здѣсь было 1,106 дѣтей, воспитаніе которыхъ до 14 лѣтъ обходилось вообще до 47,490 флориновъ. Въ Австріи Іосифъ II основалъ благотворительныя заведенія для принятія не только незаконныхъ, но и законныхъ дѣтей, брошенныхъ своими родителями. Эти дома содержатся казною; въ 1849 г. ихъ было въ имперіи 33, въ томъ числѣ 12 въ Ломбардіи. Въ этомъ году въ нихъ было 25,420 дѣтей, да внѣ ихъ, на воспитаніи у кормилицъ, 81,465 дѣтей. Въ остальныхъ государствахъ Германіи домовъ для найденышей нѣтъ, и попеченіе о нихъ возлагается на общины. Въ в. г. Гессенъ, напр., «найденыши, пока они не будутъ въ состояніи пропитываться сами, полиціей или попечительствомъ о бѣдныхъ того мѣста, гдѣ они найдены, отдаются за опредѣленное вознагражденіе на воспитаніе частнымъ людямъ». Вообще же, Германія, какъ и Англія, не благопріятствуетъ учрежденію домовъ для найденышей.

Въ Россіи первый воспитательный домъ основанъ въ Петербургѣ Петромъ Великимъ. Здѣсь держатся системы безразличнаго принятія, и есть родильное отдѣленіе для беременныхъ женщинъ. Здоровыхъ дѣтей обыкновенно отдаютъ въ деревни кормилицамъ. Въ этотъ домъ въ настоящее время поступаетъ ежегодно около 3,000 дѣтей. Въ московскомъ воспитательномъ домѣ въ 1831 г. было 22,028 ребятъ, содержаніе которыхъ стоило больше 17,000,000 р. асс. въ годъ. Кромѣ этихъ двухъ, другихъ домовъ для найденышей въ Россіи нѣтъ. Въ сиротскіе дома принимаются только сироты, оставшіяся послѣ родителей въ положеніи, требующемъ призрѣнія (Св. Зак. т. XIII. ст. 373). «Воспитательные же дома для призрѣнія незаконнорожденныхъ младенцевъ, по дознаннымъ крайнимъ неудобствамъ существованія ихъ въ губерніяхъ», въ 1834 г. основывать подъ вѣдѣніемъ приказовъ общественнаго призрѣнія запрещено. Еще заранѣе, въ 1828 г., постановлено,—«въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сіи дома уже существуютъ, свободный пріемъ въ оные младенцевъ прекратить, а допускать только въ уважительныхъ и неизбѣжныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ случаѣ поднятія полиціею младенца, не имѣющаго родственниковъ, могущихъ и обязанныхъ воспитывать его». Доставленные въ пріюты общественнаго призрѣнія младенцы отдаются или на воспитаніе благотворителямъ безъ платы, «или же съ платою, сколь можно умѣренною» (Полн. Собр. Зак. № 2125 и 6759; Св. Зак. т. XIII, ст. 542—545).

Послѣ этихъ историческихъ замѣтокъ о домахъ для найденышей, мы должны разсмотрѣть степень ихъ полезности.

Прежде всего насъ поражаетъ во всѣхъ этихъ заведеніяхъ такая громадная смертность дѣтей, что можно заподозрить прислугу и надзирателей — не стряпаютъ ли они изъ дѣтскаго мяса пирожковъ, подобно одному старинному трактирщику въ Парижѣ!—Въ дублинскомъ домѣ для найденышей въ теченіе 1791—1797 г. было:

принято дѣтей	12,786
изъ нихъ умерло	12,561
осталось на слѣдующіе годы .	225!...

Въ петербургскомъ воспитательномъ домѣ въ 1770—1796 г. принято 25,158, изъ нихъ умерло 20,878; въ 1811 г. принято 2,699, умерло 1,348, или около 50%; въ послѣдующіе годы изъ 3,650 принимаемыхъ умирало до 1,200.—Въ московскомъ воспитательномъ домѣ въ 1770—1798 г. принято 37,607 дѣтей, изъ нихъ умерло 30,507. Въ Архангельскѣ въ 1812 г. изъ 417 принятыхъ умерло 377.—Въ домахъ для найденышей другихъ государствъ смертность также велика. Въ вѣнскомъ домѣ въ концѣ XVIII вѣка умирало дѣтей, даже въ самые благопріятные годы, *70 изъ 100*. И, не смотря на то, что правительство принимало всѣ возможныя заботы объ этомъ домѣ, а Іосифъ II самъ часто посѣщалъ его, все-таки въ 1822 г., по совершеніи

всѣхъ улучшеній, смертность дѣтей составляла 22¼ на 100. Въ настоящее время также, не смотря на всѣ заботы и пособія, едва одинъ ребенокъ изъ двѣнадцати остается въ живыхъ.—Въ Палермо въ 1823 г. изъ 597 принятыхъ дѣтей умерло 429. Въ Метцѣ умираетъ ихъ 7/8. Относительно Франціи мы находимъ слѣдующія официальныя данныя въ Annuaire de l'économie politique et de la statistique Гильомена. «Я имѣлъ случай—говоритъ авторъ—показать въ своемъ отчетѣ 1851 г. по серьезнымъ изслѣдованіямъ и положительнымъ вычисленіямъ, что *половина, или 50% подкидываемыхъ дѣтей погибаетъ въ первый годъ по рожденіи*... Изъ 3,507 дѣтей, рожденныхъ и принятыхъ въ 1844 г., въ теченіе двѣнадцати лѣтъ умерло 2,659, т.-е. 75,81 на 100. Изъ 3,563 дѣтей, рожденныхъ и принятыхъ въ 1845 г., въ теченіе двадцати лѣтъ умерло 2,700, т.-е. 75,77 на 100. Средняя же смертность въ общемъ населеніи Франціи до двѣнадцатилѣтняго возраста только 42 на 100, по таблицамъ Дювиллярда».—Въ Гренобль изъ 100 принятыхъ умираетъ *въ первый годъ* 25, въ Ліонѣ 36, а ранѣе, въ 1820 г.,—50; въ Монпелье—60; въ Руанѣ достигаетъ совершеннолѣтія 1 изъ 27, и большая часть «изъ оставшихся живыми такъ несчастны, что *только 2 изъ 108* могутъ быть полезными людьми»!.. Въ Нантезѣ, по Б. Рэйану, умираетъ въ первый годъ изъ 100 дѣтей 35, а въ Х. *)—80, въ Мюнхенѣ—57, въ Кассель *только 10 изъ 741 достигали четырнадцатилѣтняго возраста!* Въ Лондонѣ умирающихъ до десятилѣтняго возраста 16²/₃%; но такого благопріятнаго отношенія вовсе не встрѣчается между дѣтьми, состоящими на попеченіи приходскихъ общинъ. Въ Мэрильбонѣ въ пять лѣтъ до 1 января 1850 г. было записано 1.109 незаконныхъ дѣтей, и изъ нихъ умерло 516, или около 46%. Въ дистриктѣ Всѣхъ-Усопшихъ (All-Souls) изъ 145 родившихся умерло 87, или около 53%. Въ дистриктѣ Христовой Церкви изъ 233 родившихся умерло 209, или 93,7%! Въ дистриктѣ св. Іоанна изъ 148 родившихся умерло 129, или 81%. Въ дистриктѣ Кавендишскаго сквера изъ 40 родившихся умерло 36, или 90%, и т. д.

Само собою понятно, что если такая громадная смертность составляетъ неизбѣжное зло домовъ для найденышей, если эти дома губятъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гораздо больше дѣтей, чѣмъ ихъ избавляется, то они приносятъ не пользу, а положительный вредъ, machen Kindermord, какъ выражается д-ръ Гуфеландъ. Для разъясненія этого важнаго вопроса необходимо познакомиться съ причинами такой громадной смертности и узнать—устранимы онѣ или нѣтъ.

Мы уже говорили выше, что дѣти часто доставляются въ воспитательные дома не только больными, но даже умирающими. Эти заболѣвшія еще дома дѣти въ спертой атмосферѣ госпиталя, подъ небрежнымъ надзоромъ наемныхъ надзирателей, умираютъ вскорѣ же послѣ ихъ принятія въ домъ. Для этихъ дѣтей домъ для найденышей служитъ только погребальнымъ клубомъ, и его существованіе приноситъ только одну пользу упомянутому разряду дѣтей—приличное погребеніе. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи дома для найденышей совершенно излишни, такъ какъ приличное погребеніе можно доставлять и другими путями, а упомянутая причина смертности найденышей въ воспитательныхъ домахъ будетъ неустранимымъ и неизбѣжнымъ зломъ до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать бѣдность и всѣ связанныя съ нею невзгоды.

Вторая причина смертности найденышей сходна съ первою. Дѣти сплошь и рядомъ приносятся въ воспитательные дома издалека; въ Іонскомъ, напр., домѣ можно встрѣтить дѣтей не только изъ Франціи, но и изъ Фрейбурга, Женевы, Савойи. А такъ какъ занятія ихъ бѣдныхъ родителей не позволяютъ имъ отлучаться надолго изъ ихъ мѣстожительства, то малютки большею частью отправляются въ воспитательные дома съ оказіей, и есть люди, которые обращаютъ въ промыселъ эту доставку дѣтей. Наемные доставщики обращаются съ ними очень небрежно и, подвергая ихъ голоду, холоду, жару, кладутъ въ организмъ ихъ зерно болѣзней, которыя мѣшаютъ ихъ жизни въ госпиталѣ. Случается даже, что доставщики избавляются отъ хлопотъ доставленія своей ноши тѣмъ, что или бросаютъ ребенка, или убиваютъ. Такъ Б. Рэйанъ разсказываетъ, что одна женщина съ двумя своими дочерьми промышляла доставкою дѣтей изъ своего мѣстожительства, за 300 миль отъ Лондона, въ лондонскій воспитательный домъ. Дѣти доставлялись крайне небрежно и чрезвычайно страдали отъ дурного обращенія съ ними доставщицы. Другой доставщикъ, странствующій мѣщникъ, былъ осужденъ за убійство ребенка, который былъ порученъ ему своимъ отцомъ, за извѣстную плату, для доставки въ лондонскій воспитательный домъ; мѣщникъ дорогой убилъ его.—Понятно, что и эта вторая причина смертности дѣтей въ домахъ для найденышей неустранима до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать въ общественной жизни элементы, поддерживающіе ее, или пока такіе дома не будутъ основаны не только въ каждомъ городѣ, но и въ каждой деревнѣ, чтобы устранить упомянутую доставку дѣтей и занимающихся ею людей.

Третья причина это — эпидеміи, *необходимо появляющіяся во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ скучены въ большомъ количествѣ дѣти*, и особенно въ домахъ для найденышей. Первая изъ этихъ эпидемій — отвердѣніе клѣточатой ткани—встрѣчается исключительно только въ этихъ заведеніяхъ. «Muguet,—говоритъ Рэйанъ,—или афтозное (молочное) изъязвленіе рта есть другая форма болѣзни, поражающей и быстро разрушающей этихъ бѣдныхъ найденышей». Кромѣ того, они «сильно страдаютъ отъ воспаленія легкихъ, поистинѣ рокового характера». Слѣдовательно, содержаніе найденышей въ домахъ необходимо влечетъ за собой эпидеміи до того смертоносныя, что даже самые рьяные защитники этихъ домовъ давно уже постара-

*) Мы не понимаемъ, почему Б. Рэйанъ, словно россійскій сочинитель-обличитель, обозначаетъ какой-то городъ такимъ алгебраическимъ знакомъ!

лись выдумать особую систему воспитанія найденышей, по которой ихъ, при первой возможности, удаляютъ изъ воспитательнаго дома и отдаютъ въ частные дома кормилицамъ, большею частью деревенскимъ бабамъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи несостоятельность и смертоносность домовъ для найденышей признаны самыми пламенными ихъ апологистами!

Четвертая причина несчастнаго положенія найденышей въ воспитательномъ домѣ и ихъ громадной смертности есть необходимо связанная съ такими учрежденіями небрежность ухода за дѣтьми. Уходъ за дѣтьми требуетъ большой внимательности, заботливости, искусства, а что можетъ побудить наемныхъ нянекъ и кормилицъ къ постоянной заботливости, къ постояннымъ хлопотамъ о дѣтяхъ! Онѣ дѣлаютъ лишь настолько, насколько ихъ обязываетъ незначительное жалованье и насколько необходимо, чтобы ихъ не лишили мѣста. Естественной привязанности къ этимъ ребятамъ, материнской любви въ нихъ нѣтъ, слѣдовательно, не можетъ быть и материнской заботливости о нихъ. Помѣщать же не только всѣхъ, но даже большую часть матерей въ воспитательный домъ невозможно, какъ невозможно довести наемныхъ прислужницъ до необходимой степени заботливости и исправности. Контроль надъ ними будетъ тоже наемный и поэтому болѣе или менѣе равнодушный къ интересамъ ребенка. Да и каковъ долженъ быть по числу этотъ контроль надъ цѣлою ордою прислуги, какую видимъ, напр., въ московскомъ воспитательномъ домѣ, гдѣ служитъ 233 мужчины, 279 женщинъ и 539 кормилицъ, всего 1051 человѣкъ!

Наконецъ, самою главною причиною смертности найденышей, по свидѣтельству всѣхъ знакомыхъ съ этимъ дѣломъ медиковъ, служитъ отсутствіе материнскаго молока и въ особенности кормленіе дѣтей изъ рукъ, тюрей, коровьимъ молокомъ и т. п. Послѣднее гораздо смертоноснѣе даже кормленія грудью деревенской, небрежной, бѣдной и истощенной кормилицы. Виллерме приводитъ слѣдующія данныя, хорошо объясняющія различіе результатовъ разныхъ системъ кормленія. Въ Лионѣ, гдѣ дѣти всѣ кормятся грудью, смертность ихъ составляетъ 33,7; въ Парижѣ, гдѣ не всѣ кормятся грудью, смертность 50,3; въ Реймсѣ, гдѣ всѣ дѣти кормятся не грудью, а изъ рукъ, смертность ихъ 60,9. Въ лондонскомъ домѣ въ 1741 г. кормившихся грудью умирало 20%, а кормившихся изъ рукъ—54%.

Въ силу этого, во всѣхъ домахъ для найденышей, гдѣ только позволяютъ средства, давно уже принята система кормленія дѣтей грудью наемныхъ кормилицъ. А такъ какъ достать потребное число кормилицъ, которыя согласились бы жить въ самомъ домѣ, невозможно, и такъ какъ одно уже пребываніе въ стѣнахъ воспитательнаго дома смертоносно для дѣтей, то найденышей обыкновенно отдаютъ на прокормленіе деревенскимъ бабамъ. Хотя сельскій воздухъ нѣтъ и благотворно дѣйствуетъ на дѣтскій организмъ, но это дѣйствіе совершенно парализируется тою небрежностью, съ какою хотятъ за ребенкомъ наемная кормилица, почти всегда обремененная собственными дѣтьми. Часто одна кормилица ухитряется, вопреки правиламъ, кормить двухъ, трехъ, четырехъ найденышей, и кормить ихъ не грудью, а чѣмъ попало—жеваннымъ хлѣбомъ, кашей, картофелемъ и т. д. Прибавьте къ этому еще неудобства и лишенія, необходимо связанныя съ бѣдною крестьянскою обстановкою, неудобства и опасности для здоровья дѣтей, сопряженныя съ переносомъ ихъ въ деревню и обратно, – и окажется, что прокормленіе найденышей деревенскими бабами, не имѣющими возможности надлежащимъ образомъ заботиться даже о своихъ дѣтяхъ, очень немногимъ лучше кормленія ихъ изъ рукъ въ госпиталѣ. Въ XXII книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1865 года мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о прокормленіи деревенскими бабами найденышей изъ петербургскаго воспитательнаго дома. Крестьянки берутъ себѣ *воспитанниковъ* за 2—3 рубля въ годъ. У крестьянокъ такой уговоръ положенъ: которая баба родитъ, та беретъ воспитанниковъ для себя и для другихъ; нынѣ беретъ одна, на будущій годъ другая, и т. д. Баба отправляющаяся за воспитанниками, беретъ, кромѣ своего, еще нѣсколько паспортовъ отъ другихъ бабъ. Сначала получитъ одного ребенка по одному паспорту, потомъ другого по другому и т. д... У кого есть коровы, тѣ кормятъ молокомъ, а если нѣтъ, то калиной, звѣроболемъ, хлѣбомъ жеваннымъ и т. д. Такимъ образомъ, если воспитываемые въ деревнѣ умираютъ нѣсколькими процентами менѣе воспитываемыхъ въ домѣ для найденышей, то это нужно отнести почти исключительно къ дѣйствію сельскаго чистаго воздуха.

Апологисты воспитательныхъ домовъ, признавая существованіе всѣхъ упомянутыхъ смертоносныхъ для найденышей обстоятельствъ, относятъ ихъ къ злоупотребленіямъ, къ явленіямъ, которыя можно устранить. Но ни одинъ изъ этихъ апологистовъ не указалъ еще до сихъ поръ никакихъ дѣйствительныхъ средствъ для устраненія этихъ обстоятельствъ.

Какъ мы видѣли, система безразличнаго принятія законныхъ и незаконныхъ дѣтей усиливаетъ дѣтовыбрасываніе, развращаетъ родителей и обременяетъ государство огромными расходами на содержаніе найденышей, большинство которыхъ въ первые годы жизни погибаетъ. Поэтому и въ Англіи, и во Франціи, и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ бросили наконецъ эту вредную и крайне убыточную систему и стали принимать только незаконныхъ дѣтей. Но что принесенный ребенокъ—незаконнорожденный, это нужно доказать; слѣдовательно, все поведеніе его матери, которое она такъ ревностно старается скрыть, что выбрасываетъ или даже убиваетъ своего любимаго ребенка,—все поведеніе его матери, въ такомъ случаѣ, обнаруживается передъ совершенно посторонними людьми, въ лондонскомъ воспитательномъ домѣ, напр., передъ цѣлой комиссіей. Глупо предполагать, что въ домѣ, устроенный по такой системѣ, понесутъ своихъ не-

законныхъ дѣтей тѣ матери, которыя убиваютъ или выбрасываютъ ихъ по единственному побужденію скрыть свой стыдъ. А между тѣмъ, заводя такіе дома, устроители ихъ имѣютъ цѣлью прекратить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить дѣтоубійство!—Слѣдовательно, и первая, и вторая системы несостоятельны, а третьей нѣтъ и быть не можетъ.

Далѣе, даже защитниками воспитательныхъ домовъ признаны смертоносными какъ самое пребываніе дѣтей въ этихъ домахъ, такъ и кормленіе ихъ изъ рукъ; повтому ихъ не держать въ самомъ домѣ, а отдаютъ въ деревню, гдѣ положеніе почти нисколько не улучшается. Слѣдовательно, и та, и другая система смертоносны. И никто не скажетъ, что есть средства, не подвергая ребенка явной опасности смерти, кормить его изъ рукъ или держать въ госпиталѣ; равнымъ образомъ, никто не укажетъ дѣйствительныхъ средствъ, могущихъ заставить деревенскихъ кормилицъ кормить ребенка какъ слѣдуетъ; этого невозможно сдѣлать уже по одному тому, что въ окрестныхъ съ домомъ деревняхъ кормилицъ недостаточно, и крестьянки берутъ найденышей только потому, что надѣются не слѣдовать обязательному для нихъ правилу кормить ихъ своею грудью. Слѣдовательно, и пребываніе въ деревнѣ смертоносно для найденышей. Равнымъ образомъ смертоносны переносы найденышей въ воспитательный домъ отъ родителей и изъ воспитательнаго дома въ деревню. Конечно, мы согласны съ апологистами домовъ для найденышей, что если принять дѣятельныя мѣры, то можно значительно уменьшить вредность упомянутыхъ обстоятельствъ. Но для этого, прежде всего, необходимо, такъ сказать, усѣять страну домами для найденышей и употреблять на нихъ почти всѣ государственные доходы. Въ Англіи, напр., существуетъ только одинъ воспитательный домъ въ Лондонѣ; въ него ежедневно принимается 37 дѣтей и на нихъ расходуется 51.000 ф. ст. въ годъ; приносится же дѣтей ежедневно 200; если принимать всѣхъ ихъ, то расходы возвысятся до 275,675 фунтовъ стерлинговъ; это—на 2,800,000 лондонскихъ жителей; если же дома для найденышей учредить равномѣрно по всей Великобританіи, имѣвшей въ 1861 г. болѣе 29,000,000 жителей, то расходы увеличатся до 28,562,658 ф. ст., между тѣмъ какъ ежегодный доходъ Англіи только 64,340,000 ф. ст. *). Московскій воспитательный домъ тратитъ больше 17,000,000 р. асс., существуя главнымъ образомъ для московской губерніи, въ которой въ 1858 г. жителей было 1,599,808 ч.; въ россійской же имперіи въ томъ же году было жителей 66,510,226 человѣкъ; слѣдовательно, если бы дома для найденышей, подобные московскому и съ такимъ же отношеніемъ къ числу жителей, распространить по всей имперіи, то расходовъ на нихъ было бы около 250 милліон. руб. сер., между тѣмъ Россія имѣетъ ежегодныхъ доходовъ только около 400,000,000 рублей! Конечно, представленное нами исчисленіе не совсѣмъ правильно, такъ какъ, во-первыхъ, не по всей Англіи и Россіи такъ же много найденышей, какъ въ Лондонѣ и Москвѣ, во-вторыхъ, въ лондонскій и московскій дома поступаютъ найденыши не изъ однихъ только Лондона и московской губерніи,—но мы все-таки считаемъ выше приведенныя цифры расходовъ по устройству и содержанію воспитательныхъ домовъ во всей Великобританіи и Россіи не только не превышающими ихъ возможной дѣйствительности, но даже стоящими ниже ея. Нужно вспомнить, что въ приведенныя нами цифры не вошли суммы, потребныя на первоначальное устройство домовъ; суммы на ихъ необходимое улучшеніе, напр., на увеличеніе жалованья деревенскимъ кормилицамъ, которыя, напр., изъ петербургскаго воспитательнаго дома получаютъ за каждаго ребенка только по 2—по 3 р. въ годъ; суммы, необходимыя для устройства контроля надъ кормилицами и нянъками и т. д. Слѣдовательно, если бы и возможно было сдѣлать требуемыя улучшенія въ институтѣ домовъ для найденышей, то это стоило бы такихъ громадныхъ денегъ, какихъ европейскія государства дать рѣшительно не въ состояніи.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, мы имѣемъ полное право сказать словами Гуфеланда: «keine Findelhäuser, denn Findelhäuser machen Kindermord!» Ибо какое слово приличнѣе *дѣтоубійства* для того истребленія дѣтей, какому они подвергаются въ домахъ для найденышей! И почему же предпочитать этотъ моръ дѣтей въ воспитательномъ домѣ ихъ смерти на улицѣ?.. Да къ тому же, какъ ни много принимается найденышей въ воспитательные дома, количество выбрасываемыхъ и погибающихъ на улицѣ не убываетъ замѣтнымъ образомъ.

Главная цѣль воспитательныхъ домовъ—уменьшеніе размѣровъ дѣтоубійства. Но эта цѣль или совершенно не достигается, или достигается въ степени, почти равной нулю. Когда во Франціи были уничтожены дома въ 23 департаментахъ, то дѣтоубійство немного *увеличилось въ 9 департаментахъ, въ 13-ти уменьшилось, а въ 2-хъ осталось на прежней степени.* «Опытъ этотъ — говоритъ Б. Рэйанъ—«былъ повторенъ въ другихъ департаментахъ, и *въ результатѣ не оказалось увеличенія дѣтоубійства*». Точно тотъ же результатъ получился и при закрытіи туровъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Бельгіи. Во Франціи въ три года, предшествовавшіе введенію туровъ, было 82 слѣдствія о дѣтоубійствѣ, а въ три года, слѣдовавшіе за ихъ введеніемъ, 117 слѣдствій. Теперь, если взять страны съ турами, какъ Ирландію, Францію и нѣкоторыя провинціи Бельгіи, и затѣмъ страны безъ туровъ, какъ Англію, Баденъ, Пруссію, нѣкоторыя провинціи Бельгіи, то въ первыхъ оказывается больше дѣтоубійствъ, чѣмъ въ послѣднихъ; 1 дѣтоубійство приходится на 351.321 жителя, а въ послѣднихъ 1 на 426.861 жителя. Эти цифры взяты нами изъ книги Б. Рэйана, яраго защитника воспитательныхъ домовъ и въ то же время против-

*) Петербургскій домъ стоитъ въ годъ до 900,000 руб. сер.

ника туровъ и системы безразличнаго принятія. Этими цифрами онъ хочетъ доказать, что туры вліяютъ на увеличеніе дѣтоубійства, и въ то же время изъ кожи лѣзетъ, стараясь убѣдить читателя, что воспитательные дома безъ туровъ — лучшее средство для уменьшенія дѣтоубійствъ! Ужъ если кто признаетъ цѣлесообразность воспитательныхъ домовъ, тотъ необходимо долженъ стоять за туры и за систему безразличнаго принятія, какъ за единственное средство, доставляющее незаконнородившей матери возможность скрыть свой позоръ, изъ страха открытія котораго она убиваетъ или бросаетъ на улицу своего незаконнаго ребенка. Но, по моему мнѣнію, изъ вышеприведенныхъ цифръ нельзя сдѣлать никакого вывода ни за, ни противъ туровъ. Что въ странахъ съ турами больше дѣтоубійства, чѣмъ въ странахъ безъ туровъ, это, во-первыхъ, зависитъ, по всей вѣроятности, не отъ туровъ, а отъ большей или меньшей силы элементовъ и отношеній, порождающихъ дѣтоубійство: вѣдь и въ разныхъ странахъ, вовсе неимѣющихъ туровъ, количество дѣтоубійствъ различно,— въ одной больше, въ другой меньше; во-вторыхъ, приведенное положеніе не совсѣмъ вѣрно, какъ основанное не на цифрѣ дѣйствительныхъ дѣтоубійствъ; въ различныхъ же странахъ необходимо существуютъ и различныя численныя отношенія между количествомъ дѣйствительныхъ преступленій и количествомъ преступленій, подвергнутыхъ суду и слѣдствію,—различіе этихъ отношеній зависитъ отъ степени развитія общественной жизни и, въ особенности, отъ степени совершенства полиціи; слѣдовательно, сравненіе упомянутыхъ цифръ не можетъ привесть къ вѣрному результату. Итакъ, этотъ статистическій пріемъ не годится въ настоящемъ случаѣ ни для доказательства pro, ни для доказательства contra. Повидимому, мы можемъ получать болѣе достовѣрные результаты изъ статистическихъ данныхъ одной и той же страны за время, когда въ ней не было туровъ. Такія свѣдѣнія представлены выше относительно Франціи; но изъ нихъ также нельзя ничего вывести — въ одномъ случаѣ увеличеніе дѣтоубійствъ совпадаетъ со временемъ открытія туровъ, въ другомъ — со временемъ ихъ закрытія, въ третьемъ случаѣ, со временемъ закрытія туровъ совпадаетъ уменьшеніе дѣтоубійствъ. Изъ этихъ данныхъ можно сдѣлать только одинъ логическій выводъ, что увеличеніе или уменьшеніе дѣтоубійства вовсе не зависитъ отъ существованія или несуществованія туровъ. Что же касается вообще домовъ для найденышей и ихъ вліянія на движеніе дѣтоубійства, то современное состояніе статистики и здѣсь не позволяетъ намъ сдѣлать сколько-нибудь вѣрнаго вывода. Если читатель взглянетъ еще разъ на приведенныя за нѣсколько страницъ предъ симъ цифры дѣтоубійствъ въ разныхъ странахъ, то увидитъ, что, напр., во Франціи и въ Австріи, въ странахъ, имѣющихъ дома для найденышей, дѣтоубійствъ *больше*, чѣмъ въ Пруссіи и герцогствѣ Гессенъ, въ странахъ, не имѣющихъ упомянутыхъ домовъ. Но заключать отсюда, что дома для найденышей увеличиваютъ дѣтоубійства, невозможно уже по одному тому, что въ Англіи, обходящейся безъ воспитательныхъ домовъ, *гораздо болѣе* дѣтоубійствъ, чѣмъ въ странахъ снабженныхъ такими учрежденіями. И ни одинъ защитникъ этихъ домовъ не доказалъ еще цифрами, что они уменьшаютъ размѣры дѣтоубійства. Мы же думаемъ, что существованіе воспитательныхъ домовъ не уменьшаетъ количества дѣтоубійцъ и плодоизгнателей, какъ богадѣльни не уменьшаютъ количества нищихъ. И безъ всякихъ цифръ, совершенно a priori, можно доказать, что существованіе такихъ домовъ нисколько не уменьшаетъ дѣтоубійства, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ его видовъ. Люди, убивающіе своихъ дѣтей съ цѣлью получить за нихъ премію изъ погребальнаго клуба, не имѣютъ никакихъ основаній не совершать дѣтоубійства потому, что въ ихъ городѣ или дистриктѣ есть домъ для найденышей, — въ этомъ согласится съ нами всякій. Далѣе, существованіе такого дома не можетъ нисколько помѣшать совершенію дѣтоубійства такими лицами, которыя дѣйствуютъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ болѣзненныхъ припадковъ, какъ, напр., всѣ незаконнородившія женщины и дѣвушки, люди, доведенныя бѣдностью до отчаянія; дѣтоубійцы отцы, совершающіе преступленіе подъ вліяніемъ ревности; люди, убивающіе дѣтей въ пьяномъ видѣ, и т. д. Далѣе, незаконнородившія матери, убивающія своихъ дѣтей при самомъ ихъ появленіи на свѣтъ или вскорѣ послѣ того, стараются только о томъ, чтобы никто не зналъ объ этомъ фактѣ; поэтому, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, такія дѣтоубійцы скрываютъ и беременность, и роды. Если же мать захочетъ отдать своего незаконнаго новорожденнаго ребенка въ воспитательный домъ, то она почти всегда не въ состояніи сдѣлать этого тотчасъ послѣ рожденія; ребенокъ долженъ пробыть у ней нѣсколько времени, и поэтому фактъ его рожденія сдѣлается извѣстнымъ не только семейству родильницы, но и постороннимъ людямъ. Послѣ этого, мать хоть не отдавай его въ домъ для найденышей,—все равно, ея жизнь уже опозорена, ея честь отнята у ней начально толпою фарисеевъ-обывателей!—Слѣдовательно, если бы и удалось довесть дома для найденышей до желанной степени совершенства, то и тогда они не могли бы не только искоренить дѣтоубійства, но даже уменьшить его въ сколько-нибудь значительной степени.

VIII.

Обобщая все сказанное нами о дѣтоубійствѣ въ современной Европѣ, мы видимъ, что главная и основная причина широкой распространенности и постепеннаго возрастанія этого ужаснаго преступленія заключается въ *бѣдности*. Мы видимъ, что эта основная причина дѣйствуетъ весьма разнообразно, даетъ непосредственные и посредственные результаты. Люди убиваютъ дѣтей потому, что ни имъ самимъ, ни этимъ дѣтямъ ѣсть нечего, и

родителямъ невыносимо смотрѣть на страданія малютокъ,—страданія, быстро приближающія ихъ къ смерти. И родители сокращаютъ эти мученія ребенка, предупреждаютъ его смерть отъ голода или болѣзней, нераздучныхъ съ ихъ нищенскимъ образомъ жизни. Далѣе—бѣдная мать, вѣчно занятая работою, не имѣетъ времени много ходить за ребенкомъ, и, чтобы избавить его отъ безпомощныхъ криковъ и мученій, она даетъ ему разныя снотворныя средства, которыя погружаютъ его въ вѣчный сонъ. Такая мать совершаетъ непредумышленное убійство и совершаетъ его по *бѣдности*. Другой чрезвычайно распространенный видъ непредумышленнаго дѣтоубійства, заспаніе дѣтей въ постелѣ, имѣетъ свою причину также въ бѣдности,—въ тѣснотѣ квартиръ, въ истомленности матерей отъ работы, истомленности, нагоняющей на нихъ мертвецкій сонъ, и т. д. Дѣтоубійцы, совершающіе преступленіе изъ корысти, напр., тѣ, которые, убивая своихъ дѣтей, желаютъ разжиться преміей изъ погребальныхъ клубовъ,—отцы незаконныхъ дѣтей, убивающіе ихъ, чтобы не тратиться на ихъ прокормленіе, отцы и матери, изгоняющія свой плодъ потому, что содержаніе многочисленной семьи имъ не подъ силу,—всѣ такіе и имъ подобные дѣтоистребители доводятся до своихъ злодѣяній ничѣмъ инымъ, какъ бѣдностью. Кромѣ такого непосредственнаго вліянія на распространеніе и усиленіе дѣтоубійства, бѣдность имѣетъ еще громадное вліяніе въ томъ же направленіи. Она усиливаетъ и доводитъ до безобразныхъ размѣровъ пьянство, притупленность нравственныхъ и физическихъ чувствъ, производитъ болѣзненную раздражительность, жестокость характера, даже повергаетъ людей въ сумасшествіе,—а все это сильно содѣйствуетъ совершенію разсматриваемыхъ злодѣяній. Далѣе, бѣдность усиливаетъ половой развратъ, разрушаетъ семейную жизнь, производитъ громадное число незаконныхъ рожденій,—а все это ведетъ за собою дѣтоубійство, и ведетъ широкими путями. Во-первыхъ, чѣмъ болѣе нищенское состояніе народа производитъ незаконныхъ дѣтей, тѣмъ болѣе ихъ убивается по недостаточности, особенно въ чрезвычайно многочисленныхъ случаяхъ, когда незаконныя дѣти отвергнуты своими отцами и ихъ воспитаніе лежитъ на заботѣ ихъ неимущихъ матерей. Во-вторыхъ, много незаконныхъ дѣтей, явившихся на свѣтъ результатомъ бѣдности, умерщвляется ихъ матерями изъ страха стыда и ради спасенія своей половой чести. Дѣтоубійство послѣдняго рода совершается, правда, и достаточными людьми, но все-таки такихъ дѣтоубійствъ больше въ бѣдныхъ, чѣмъ въ зажиточныхъ классахъ. Имущему человѣку менѣе представляется необходимости замѣнять браки внѣбрачными связями, у имущихъ людей, поэтому, и менѣе незаконныхъ дѣтей. При этомъ, впрочемъ, нужно замѣтить, что убійствъ незаконнорожденныхъ дѣтей потому только больше въ низшихъ, чѣмъ въ высшихъ классахъ, что въ первыхъ гораздо больше этихъ дѣтей, чѣмъ въ послѣднихъ. Если же бы незаконныхъ дѣтей было равное число и въ высшемъ, и въ низшемъ классѣ, и при этомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ эти классы сохранили бы нынѣшнее *status quo*, то въ высшемъ классѣ убійствъ незаконныхъ дѣтей было бы гораздо больше, чѣмъ въ низшемъ. Въ высшихъ слояхъ европейскаго общества несравненно сильнѣе развиты чувство стыда, зависимости отъ общественнаго мнѣнія, чѣмъ въ тѣхъ подонкахъ общества, которые у нашихъ предковъ назывались *подлымъ народомъ*.

Такимъ образомъ, бѣдность и отверженность, позорность внѣбрачнаго рожденія исчерпываютъ собою всѣ причины современнаго дѣтоубійства, которое такъ пугаетъ Европу своимъ постепеннымъ возрастаніемъ. Великъ этотъ ужасъ, это смущеніе, нагоняемое дѣтоубійствомъ. О немъ разсуждаютъ на конгрессахъ соціальныхъ наукъ, ежегодно пишутъ сотни статей, брошюръ и книгъ; въ Англіи начали даже основывать особыя общества для противодѣйствія ему. Но во всемъ этомъ мало толку. Люди не видятъ, по своему тупоумію, или не хотятъ показать другимъ, по своимъ расчетамъ, истинной причины зла. Одни указываютъ, какъ на причину—на ослабленіе каръ закона, напр., докторъ Боркъ Райанъ; другіе указываютъ на отсутствіе домовъ для найденышей; третьи—на существованіе этихъ домовъ, и т. д. Всѣ эти господа, представляя такія причины усиленія дѣтоубійства, конечно, не задумываются въ изобрѣтеніи ему противоядій... Мы же не хотимъ быть такими изобрѣтателями, не хотимъ, подобно шарлатанамъ-медикамъ, прописывать пластырь для заживленія ранъ, являющихся результатомъ патологическихъ страданій всего общественнаго организма. Пока не измѣнятся соціальныя отношенія, пока народныя массы не поднимутся изъ бѣдности и не разовьются нравственно, пока не освободится женщина, пока современная цивилизація не вступитъ на болѣе высокую ступень своего развитія,—до тѣхъ поръ ужасная болѣзнь дѣтоистребленія неизбѣжна, неизлѣчима, неискоренима, какія бы пожертвованія ни дѣлала филантропія для ея предваренія и какихъ бы мѣръ ни выдумывали юристы для борьбы съ нею.

ПРОСТИТУЦІЯ.

I.

Промыселъ развратa, или проституція, есть одно изъ ужаснѣйшихъ золъ, разъѣдающихъ общество. Эта торговля живымъ человѣческимъ мясомъ возмущаетъ душу и своимъ характеромъ, и своими причинами, и своими губительными результатами. Ненормальныя условія жизни порождаютъ въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ и отдѣльныхъ личностяхъ неестественное, чрезмѣрное раздраженіе полового инстинкта, страсть разврата, постепенно возрастающую и требующую постояннаго разнообразія удовольствій. Этимъ одержимы преимущественно богатые, хорошо обстановленные, мало занятые классы. Рядомъ съ ними стоитъ въ этомъ отношеніи масса неимущихъ бѣдняковъ и пролетаріевъ, забитыхъ нищетой, сплошь и рядомъ лишенныхъ возможности наслаждаться радостями брачной жизни и стремящихся утопить свое вопіющее горе въ винѣ или заглушить его въ оргіяхъ конѣчнаго разврата. Кромѣ того, во всѣхъ почти культурныхъ обществахъ есть цѣлые, часто чрезвычайно многочисленные классы лицъ, на которыхъ религія или государственный законъ налагаютъ обязанность постояннаго или временнаго безбрачія, таковы, напр., духовенство буддійское и католическое, таковы многія арміи. Природа, да вдобавокъ еще развращенная природа, беретъ свое, и эти классы становятся однимъ изъ самыхъ главныхъ возбудителей и покупателей разврата. Сюда же слѣдуетъ отнести и тѣхъ людей, которыхъ разныя обстоятельства и самый родъ ихъ занятій лишаютъ на долгій и, во всякомъ случаѣ, на непривычный для нихъ срокъ возможности удовлетворять половой потребности, а затѣмъ, поставивъ ихъ на время въ благопріятную для этого обстановку, снова до удобнаго случая принуждаютъ ихъ къ воздержанію. Это матросы, странствующіе купцы, путешественники, выпущенные на свободу послѣ долговременнаго заключенія арестанты и т. д. По той же дорогѣ идетъ и большинство лицъ, которыя почему-нибудь не могутъ или не хотятъ устроить себѣ брачную жизнь, а также тѣ, кого бракъ не удовлетворяетъ. Наконецъ—и это относится преимущественно къ женщинамъ—развратъ и незаконная половая связь являются болѣзненной реакціей природы нѣкоторымъ условіямъ общественной и семейной жизни. Законъ и обычай всегда строже къ поведенію женщинъ, чѣмъ къ поведенію мужчинъ. У грубыхъ, неразвитыхъ народовъ женщина—вещь, которую, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, продаютъ, отдаютъ на подержаніе, выбрасываютъ на улицу, какъ негодную собаку, принуждаютъ во всемъ повиноваться чужой волѣ, нисколько не соображаясь ни съ ея чувствами, ни съ ея желаніями. Какъ дочь,—она рабыня отца, какъ жена—рабыня мужа, какъ наложница—рабыня своего содержателя, какъ женщина—рабыня всѣхъ мужчинъ, составляющихъ государство, издающихъ законы, заправляющихъ дѣлами религіи. Женихъ или захватываетъ ее силою, или покупаетъ у ея родителей, и она обязана жить съ нимъ, какъ бы невыносимъ онъ ни былъ для нея. Родительская власть въ такомъ архаическомъ семействѣ заправляетъ брачными дѣлами дѣтей, удерживаетъ ихъ отъ браковъ по любви, часто соединяетъ съ лицами, ненавистными для нихъ, или же, по какимъ-нибудь соображеніямъ, а нерѣдко по одному глупому самодурству, ставитъ ихъ въ невозможность удовлетворять развившейся уже половой склонности посредствомъ какого бы то ни было брака. У женщины естественно возникаетъ реакція противъ такихъ правилъ; она стремится къ свободѣ чувства, хочетъ во что бы то ни стало быть *любящимъ лицомъ*, а не *любимою только вещью*. Нелюбящая мужа жена увлекается преступною любовью посторонняхъ, нравящихся ей мужчинъ, нерѣдко поступая такъ по одному только желанію отомстить мужу или за его неосновательную ревность, или за свою унизительную неволю. Дочь, желающая выйти замужъ и недопускаемая до этого родителями или обстоятельствами, будучи не въ силахъ удерживать порывы своей страстной натуры, отдается секретно любовнику. Конечно, связь по любви съ однимъ мужчиной не развратъ еще; но громадное большинство подобныхъ женщинъ съ дѣтства поставлено въ такія условія, которыя или прямо развиваютъ въ нихъ одно только наклонности къ грубымъ половымъ удовольствіямъ, не соединеннымъ ни съ какой нравственной симпатіей къ любовнику, или же вынуждаютъ ихъ изливать неудовлетворенную надлежащимъ образомъ страсть на каждаго мужчину, сколько-нибудь подходящаго къ ихъ вкусу. Во всякомъ случаѣ, если при развитіи такихъ стремленій между женщинами, упомянутыя стѣснительныя для нихъ условія архаическихъ порядковъ не измѣняются къ лучшему, то увеличивается женскій развратъ, по-

даетъ руку безнравственности мужчинъ, и вмѣстѣ, соединенными усиліями, они потрясаютъ основы архаическаго семейства и проникнутой его принципами общественной жизни. Точно такъ же вѣдь и въ другихъ соціальныхъ сферахъ извѣстное зло производитъ другое, разрушительное для него зло, которое и заставляетъ людей исправить прежніе порядки. Прогрессъ не всегда состоитъ въ созданіи новаго, а часто ограничивается пока одною только порчею отжившей старины, и зло часто служитъ неизбѣжнымъ спутникомъ являющагося на свѣтѣ блага. Исторія представляетъ намъ нѣсколько эпохъ, отличающихся особенными успѣхами женской эманципаціи. Но большая часть этихъ эпохъ отмѣчена въ то же время сильною развращенностію нравовъ и крайнею шаткостью семейныхъ началъ. Никогда въ древности развратъ не достигалъ такихъ отвратительныхъ размѣровъ, какъ въ послѣднюю эпоху Рима, и съ тѣмъ вмѣстѣ, никогда въ древности женщина не пользовалась такими правами и такой свободой. Въ средніе вѣка и въ періодъ Возрожденія развратъ былъ развитъ въ высшей степени, а женщины имѣли значительную долю самостоятельности. Въ XVII и XVIII в. Европа была развращена до мозга костей, и въ то же время женщины управляли государствами, вліяли на политику и литературу, дамскіе салоны были центрами разума и прогресса. Да не подумаетъ проницательный россіянинъ, что все это говорится нами въ защиту разврата, ради разрушенія семейства и тому подобныхъ нелѣпостей, или что мы считаемъ развратъ неразлучнымъ спутникомъ женской эманципаціи. Мы только указываемъ на несомнѣнные историческіе факты, свидѣтельствующіе, что если естественныя и законныя стремленія человѣка вообще лишены возможности выйти на свободу путемъ мира и чести, то они вырываются путемъ порока и преступленія.

Такъ возникаетъ и развивается *спросъ* на половой развратъ. Какія же причины порождаютъ *предложеніе*, производятъ проституцію? За рѣшеніемъ этого вопроса мы обратимся сначала къ исторіи.

Проституція есть результатъ извѣстныхъ соціальныхъ порядковъ; у народовъ, стоящихъ на низшей степени общественнаго развитія, нѣтъ и проституціи, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ какой она появляется съ началомъ цивилизаціи. Представьте себѣ племя, разбитое на отдѣльныя семейства, постоянно переходящія съ мѣста на мѣсто, отдѣленныя пустынями отъ другихъ людей, круглый годъ занятыя заботами о своемъ пропитаніи. Кто и съ кѣмъ будетъ тутъ проституктничать? У каждаго мужчины есть жена, которая постоянно при немъ, и которою онъ вполнѣ удовлетворяется. У такихъ изолированныхъ дикихъ племенъ, которыхъ, нужно замѣтить, очень немного, замѣтна и первобытная чистота нравовъ, и слабость половыхъ возбужденій, какъ результатъ постоянныхъ физическихъ трудовъ и нѣкоторыхъ особенностей первобытной женщины, которая ни по физіономіи, ни по голосу, ни по размѣрамъ тѣла, ни по платью почти вовсе не отличается отъ мужчины; а извѣстно, что въ исторіи развитіе половой любви идетъ параллельно съ развитіемъ половыхъ отличій. Когда же семьи соединяются въ роды и племена, когда усовершенствованія матеріальной культуры окружаютъ людей извѣстнымъ довольствомъ, когда мужчина получаетъ возможность добывать и содержать много женъ и, наслаждаясь лѣнью, сваливать всѣ труды на ихъ спину, когда начинаются войны, торговля и другія сношенія съ чуждыми племенами и народами, когда развивается рабство и господамъ выпадаютъ на долю праздность, довольство и одна забота о наслажденіяхъ,—тогда являются развратъ и проституція, замѣчаемыя въ настоящее время у большинства дикихъ народовъ. «Пьянство и половой развратъ развиты вообще у нихъ въ высшей степени», говоритъ Вайцъ. У множества дикарей незамужняя женщина не только можетъ распутничать сколько ей угодно, но даже тѣмъ больше у нея любовниковъ, тѣмъ больше чести ей. Въ языкѣ бушменовъ и бечуановъ нѣтъ даже отдѣльныхъ словъ для выраженія отдѣльныхъ понятій женщины и дѣвушки. У многихъ племенъ очень распространены скандалезные танцы, и европейскій канканъ, какъ извѣстно, заимствованъ отъ полинезійцевъ. Онанизмъ, педерастія и скотоложство также не рѣдкость. Такое развитіе полового разврата стоитъ въ непосредственной связи съ развитіемъ международныхъ сношеній. Такъ, педерастія и другіе пороки этого рода, неизвѣстные прежде у негровъ, только недавно введены къ нимъ турками. У индійцевъ Сѣверной Америки развращенность и проституція появились съ особенною силою только послѣ нашествія европейцевъ. И въ Америкѣ, чѣмъ ближе къ морю живутъ индійскія племена, тѣмъ они развращеннѣе, чѣмъ дальше отъ него, тѣмъ цѣломудреннѣе. Грубый развратъ, въ которомъ обвиняютъ южно-американцевъ, развитъ между ними главнымъ образомъ испанцами. Въ Африкѣ, чѣмъ удаленнѣе негры отъ вліянія бѣлыхъ, тѣмъ менѣе между ними половыхъ излишествъ и всякой развращенности. Такое вліяніе производитъ на дикарей не одно только столкновеніе съ какимъ-нибудь болѣе цивилизованнымъ народомъ, напримѣръ, съ европейцами или турками, но и со всякимъ чужимъ племенемъ. Военная шайка, охотникъ, купецъ, бездомный странникъ, удалившіеся надолго изъ своего семейства и попавшіе къ чуждому народу, нуждаются въ женщинахъ. Патріархальное гостепріимство извѣстно: хозяинъ радушно принимаетъ каждаго чужестранца, даже своего кровнаго врага, предлагая ему все лучшее, что есть у него. Поступая такимъ образомъ, онъ надѣется, что если и самъ будетъ когда-нибудь находиться въ подобномъ положеніи, то и ему будутъ оказаны точно такія же услуги. Кромѣ того, у многихъ племенъ путешественниковъ даритъ хозяевъ за свое угощеніе. И мнѣ кажется, что однимъ изъ главнѣйшихъ основаній пресловутаго патріархальнаго гостепріимства служитъ то обстоятельство, что большинство путешественниковъ отправляется въ чужую землю

съ торговыми дѣлями, или, во всякомъ случаѣ, не прочь поторговать съ жителями мѣстностей, въ которыхъ имъ приходится останавливаться. Въ первичныя эпохи цивилизаціи купецъ является благодѣтелемъ народа, къ которому онъ пріѣзжаетъ издалека съ товарами. При всей тогдашней ненависти къ иностранцамъ и подозрительной боязни ихъ, купца всюду принимаютъ съ распростертыми объятіями, стараясь доставить ему всевозможныя удобства и тѣмъ побудить его къ торговымъ поѣздкамъ на будущее время. Однимъ изъ главнѣйшихъ удобствъ служитъ тогда возможность половыхъ удовольствій, особенно для тѣхъ, которые подолгу принуждены жить на чужбинѣ, какъ, напр., торговцы, пріѣзжавшіе къ норманнамъ и остававшіеся у нихъ цѣлую зиму, пользуясь гостепріимствомъ хозяевъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, обычай гостепріимства, а съ другой, нужда и расчетъ заставляютъ дикаря отдавать свою жену, дочь и сестру путешественнику. Такой обычай мы видимъ у большинства дикихъ народовъ, напр. у гренландцевъ, сибирскихъ тунгусовъ и т. д. У жителей Африки угощеніе женами своихъ гостей и пріятелей въ очень большомъ ходу, и эта проституція развита особенно въ странахъ, много посѣщаемыхъ европейцами. Сильнѣе всего она въ Конго и на Золотомъ берегу. Существовала она также у европейскихъ варваровъ и часто носила характеръ настоящаго промысла, такъ какъ развратомъ дочери или жены кормились ея родители или мужъ. Въ большинствѣ случаевъ побужденіемъ къ такому торгу является бѣдность, но часто также и желаніе родителя или мужа добыть отъ гостя водки, табаку или какую-нибудь бездѣлушку. Сами женщины не всегда остаются безучастными въ этомъ промыслѣ; извѣстна страсть дикарокъ къ разнымъ блестящимъ украшеніямъ, въ родѣ зеркальцевъ, бусъ, мишуры и т. д. Пріученныя семейною властью къ промыслу развратомъ, онѣ скоро начинаютъ заниматься имъ и самостоятельно, и секретно отъ семьи, или съ ея вѣдома и для ея пользы. Такъ, напр., на островахъ Южнаго океана и у мальгашскихъ племенъ «женщины въ высшей степени нецѣломудренны и продажны», что однако не возстановляетъ противъ нихъ семействъ, пользующихся выгодами такого промысла. Такъ, у американскихъ индійцевъ проституція замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ, подъ вліяніемъ бѣлыхъ и изъза денегъ, достигла большихъ размѣровъ. У нѣкоторыхъ бразильцевъ странника, тотчасъ послѣ его прихода, окружаютъ женщины и поютъ: «ты взялъ на себя такъ много труда, чтобы придти къ намъ! Ты добрый, храбрый человѣкъ, и ты принесъ съ собой такія прекрасныя вещицы!» Эти прекрасныя вещицы всегда производятъ свое дѣйствіе на женщинъ, если только того пожелаетъ гость. Возникшая такимъ образомъ домашняя проституція постепенно расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій, и родители или мужья начинаютъ предлагать своихъ женъ не однимъ только гостямъ и иностранцамъ, и не изъ-за однихъ только денегъ. Какой-нибудь завоеватель или могущественный родовой князекъ нуждается въ женщинахъ; отцы и мужья предлагаютъ ему своихъ супругъ и дочерей, желая или пріобрѣсть тѣмъ его милость, или оградить себя отъ его произвола. Въ библіи разсказывается нѣсколько фактовъ, какъ родители избавляются отъ враговъ, откупаясь невинностью своихъ дочерей. Такъ, когда два чужестранца остановились переночевать у жившаго въ Содомѣ Лота и когда жители города, окруживъ его домъ, начали съ враждебнымъ намѣреніемъ требовать, чтобы гости вышли и показались имъ, то Лотъ отвѣчалъ обывателямъ: «умоляю васъ, не дѣлайте зла этимъ чужестранцамъ! У меня есть двѣ невинныя дочери; я приведу вамъ ихъ, дѣлайте съ ними что угодно, только оставьте въ покоѣ моихъ гостей!» (Бытія XIX, 7). Въ другомъ подобномъ случаѣ, отданная такимъ образомъ на жертву, для избавленія гостя отъ опасности, дѣвушка, подвергшись половымъ злоупотребленіямъ въ теченіе цѣлой ночи, къ утру умерла. У многихъ народовъ проституція связана съ бракомъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что за прелюбодѣяніе жены мужъ имѣетъ право взыскивать денежную виру съ ея любовника. И нерѣдко мужья превращаютъ этотъ обычай въ промыселъ, поощряютъ женъ къ разврату, ловятъ любовниковъ и, на основаніи закона, обираютъ ихъ. Многіе негры сильно спекулируютъ своими женами. Негръ посылаетъ жену въ такую мѣстность, гдѣ ее не знаютъ. Она окружаетъ себя любовниками. Черезъ нѣсколько времени приходитъ мужъ, ловитъ этихъ любовниковъ и беретъ съ нихъ штрафъ. Нерѣдко голый бѣднякъ дѣлается, благодаря такой спекуляціи, богачомъ. Если любовнику нечѣмъ откупиться отъ мужа, то онъ поступаетъ къ нему въ рабство. Наконецъ, одною изъ причинъ домашней проституціи служитъ суевѣріе. У всѣхъ народовъ въ періодъ ихъ младенчества боги и полубоги разгуливаютъ по землѣ въ образахъ человѣческихъ и нерѣдко ухаживаютъ за земнородными женщинами. Отъ такихъ связей происходитъ часто потомство, превосходящее другихъ людей необычайною силою и тому подобными достоинствами, составляющими идеалъ человѣка въ первобытномъ обществѣ. А такъ какъ всякій мужъ и всякая жена желаютъ имѣть по возможности хорошихъ дѣтей, то хозяйки, съ согласія своихъ владыкъ, а иногда самовольно стараются завести интрижку съ чужестранцемъ, который на время пріютился въ ихъ жилищѣ, и въ которомъ они почему-нибудь подозрѣваютъ бога, героя или богатыря. У всѣхъ народовъ есть сказанія о подобныхъ связяхъ и хорошихъ результатахъ ихъ для тѣхъ семействъ и племенъ, женщины которыхъ приходились по вкусу упомянутымъ божественнымъ странникамъ. У норманновъ была легенда, свидѣтельствующая о сильной распространенности этой проституціи между варварами и приписывавшая такой связи высшихъ существъ съ женщинами происхожденіе общественнаго строя. Гримдалль, странствуя по землѣ, приходитъ къ старымъ супругамъ Ай и Эддѣ; черезъ девять мѣсяцевъ послѣ

его посѣщенія, Эдда родила мальчика Треля (рабъ), съ черною и грубой кожей, горбатаго и безобразнаго, сдѣлавшагося родоначальникомъ рабовъ. Приходитъ Гримдаль въ другой домъ, и хозяйка его Амма рождаетъ черезъ девять мѣсяцевъ сына, здороваго и веселаго, который быстро растетъ, обуздываетъ быковъ, дѣлаетъ плуги, телѣги, дома, амбары, обрабатываетъ землю и становится родоначальникомъ крестьянъ. Идетъ Гримдаль дальше и приходитъ къ третьимъ супругамъ. Хозяйка черезъ девять мѣсяцевъ рождаетъ сына Ярла, который благополучно растетъ, учится употребленію оружія, объѣзжаетъ лошадей, охотится, завоевываетъ страну и дѣлается родоначальникомъ дворянъ *).

Такимъ образомъ, прежде всего возникаетъ семейная проституція; антрепренерами ея вмѣстѣ съ родителями и мужьями являются рабовладѣльцы. Съ рабынею, пріобрѣтенною путемъ войны или купли, церемонятся не больше, чѣмъ съ дочерью или женою. Коль скоро сношенія съ иностранцами и запросъ на развратъ достигаютъ значительныхъ размѣровъ, рабовладѣльцы тотчасъ пускаютъ въ ходъ своихъ рабынь, угощая ими гостей и предлагая ихъ за извѣстную плату всѣмъ желающимъ. Въ Дагомеѣ даже самъ король содержитъ такіе непотребные дома, выручая съ нихъ значительныя суммы. Такимъ же промысломъ занимаются и повелители уаксавовъ въ южной Каролинѣ, а въ древности за него брались иногда даже блистательные фараоны Египта. Рамзесъ торговалъ своей дочерью; царь Хеопсъ, совершенно промотавшись на постройку пирамиды, не могъ найти другого средства для поправленія финансовъ, кромѣ красоты своей дочери. Она принуждена была проституктничать и выручкою обогащать своего папашу. Когда такимъ образомъ сильные міра забираютъ въ свои руки промыселъ разврата, то проституція семейная начинаетъ переходить въ публичную, существуя, однакожъ, все-таки для иностранцевъ главнымъ образомъ, а не для туземцевъ, достаточно снабженныхъ женщинами. Съ развитіемъ государственной власти она беретъ на себя главное попеченіе о чужеземцахъ и старается доставить имъ возможность половыхъ удовольствій, подобно тому, какъ въ первичную эпоху народной жизни главы семей угощаютъ путешественниковъ своими женами, дочерьми или рабынями. Гостепріимная проституція обращается въ общественный обычай, даже въ государственный законъ. Въ торговыхъ городахъ Африки, въ Средней Азіи—купцу или путешественнику даютъ женщинъ на все время его пребыванія въ этихъ мѣстностяхъ. Въ Персіи эта чисто-проституціонная форма брака получила даже религіозный характеръ; здѣсь можно жениться не только на нѣсколько мѣсяцевъ или дней, но даже на нѣсколько минутъ, и муллы, благословляющіе подобные браки, какъ настоящіе сводни, имѣютъ у себя особыя комнаты, отдаваемыя новобрачнымъ за извѣстную плату. Даже у персидскихъ несторіянъ родители сплошь и рядомъ предлагаютъ иностранцамъ на извѣстное время своихъ дочерей, и такіе проституціонные браки заключаются въ присутствіи священниковъ. У кафровъ, готтентотовъ, индійцевъ, у жителей Мекки, словомъ, у большинства нецивилизованныхъ народовъ мы видимъ то же самое явленіе. У дикарей женщины доставляются родителями; въ обществахъ же, обладающихъ какою-нибудь государственною организаціею, о проституціонномъ продовольствіи иностранцевъ часто заботится само правительство. Такимъ образомъ, возникаетъ проституція публичная, которая у многихъ народовъ появляется очень рано въ ихъ исторіи, и которою занимаются вдовы, рабыни, отпущенницы, сироты, подкидыши и тому подобныя поднебольныя или совершенно безпомощныя личности, вынуждаемыя нищетою продавать свое тѣло. Такъ, на европейскомъ сѣверѣ публичныя женщины появляются еще въ древности; сначала онѣ были изъ рабынь и отпущенницъ, а потомъ и изъ свободныхъ. Въ Алжиріи, гдѣ проституція развита съ древности въ высшей степени, этимъ промысломъ занимаются преимущественно замужнія женщины, прогнанныя своими мужьями или торгующія собой

*) Къ Жаколю, почевавшему у индуса, пришла дочь послѣдняго, возмужалость которой только что была отпразднована въ тотъ день, хотя она и считалась уже замужемъ. «Кто тебя прислалъ ко мнѣ?» — «Kasianna. Отецъ сказалъ мнѣ: снеси эти пинды (пироги) съ имбиремъ и анисомъ чужеземцу, который почуетъ въ казѣ у пруда, и проведи съ нимъ ночь». — «Зачѣмъ ты послушалась его?» — «Устами главы семейства говоритъ Будда»... — «Нѣтъ ли кого между молодыми людьми вашей деревни, который нравился бы тебѣ своею силою и красотою, такого, на котораго ты часто смотришь изъ-за таттисовъ веранды, когда онъ проходитъ мимо дома твоего отца?» — «Да, есть много такихъ, на которыхъ я люблю смотрѣть». — «И ты охотно выбрала бы котораго-нибудь изъ нихъ въ мужья себѣ?» — «Я не могу себѣ выбирать мужа, я замужемъ». — «Замужемъ!» — вскричалъ я съ удивленіемъ: — «но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же ты здѣсь? Вѣдь тебя, по вашимъ обычаямъ, слѣдовало бы отвести въ домъ къ твоему мужу». — «Да, и если бъ ты не пріѣхалъ, такъ бы и было. Но сегодня поутру, когда Виреснъ-Амори узналъ, что ты долженъ быть на празднествѣ и ночевать здѣсь, онъ прислалъ къ Kasiannѣ и сказалъ ему: «Отецъ, вели проводить только завтра жену мою въ мой домъ; вѣдь надо оказать почесть чужеземцу». — «Такъ ты пришла сюда съ согласія твоего мужа?» — «Онъ и отецъ мой велѣли мнѣ идти сюда». — «Богъ Кувера, моя милая Вайраши, сказалъ я, оцѣнитъ твое добрее намѣреніе. Пойдемъ со мною, я самъ сведу тебя въ домъ къ твоему мужу, онъ очень обрадуется тому, повѣрь мнѣ». — «Ты этого не сдѣлаешь; зачѣмъ ты хочешь обезчестить меня?» — «Обезчестить тебя?» — «Конечно; всѣ завтра станутъ говорить въ околоткѣ: гость Kasiannы пренебрегъ его дочерью, и всѣ подумаютъ, что я больна слоновою проказою или простою проказою». — «Но вѣдь я могу сказать имъ, что это неправда». — «Тебѣ не повѣрятъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ это значитъ, что ты нанесъ оскорбленіе дочери твоего хозяина; всѣ станутъ говорить тебѣ: отчего ты пренебрегъ ею? И самъ Виреснъ оттолкнетъ меня; онъ скажетъ: что мнѣ въ такой женщинѣ, которую прогналъ чужеземецъ; и на всю жизнь останусь пирнатою (незамужнею женщиною)». — «Если таковы понятія твоей касты, такъ оставайся здѣсь до утра; пусть твой мужъ и всѣ въ деревнѣ думаютъ, что хотятъ». — «Я не могу остаться, не раздѣливъ твоего ложа». — «Теперь, я въ свою очередь не понимаю тебя». — «Ты знаешь, какіе обряды совершили сегодня. Вотъ мой запонъ... это бѣлый запонъ новобрачной; на другой день его прячутъ на память»...

съ ихъ согласія, вдовы, сироты, отпущенницы и т. д. Каждое племя имѣетъ извѣстное число проститутокъ, обложенныхъ данью. Въ большинствѣ случаевъ, причиною продажнаго разврата служитъ здѣсь, какъ и везлѣ, бѣдность; нѣкоторыя проститутничаютъ для того, чтобы составить себѣ приданое и затѣмъ выходятъ замужъ. У большинства же культурныхъ народовъ Востока, на шеѣ которыхъ сидятъ сильныя жреческія касты, публичная проституція превращается въ религіозную и эксплуатируется духовенствомъ. Непотребный домъ отъ семейнаго очага переносится въ храмъ божества. Выше мы уже указали одну точку соприкосновенія проституціи съ вѣрованіями первобытныхъ народовъ. Вѣра въ возможность половой любви между богами и прельстившими ихъ женщинами не умираетъ съ возникновеніемъ цивилизаціи; подобные миѳы лежатъ даже въ основаніи нѣкоторыхъ религій. Половая любовь не только служитъ однимъ изъ главныхъ предметовъ миѳическихъ сказаній, но и имѣетъ свои спеціальныя божества, очень сильныя и вліятельныя, богослуженіе которымъ состоитъ въ извѣстныхъ обрядахъ, изображающихъ любовную страсть, и въ принесеніи величайшихъ женскихъ сокровищъ, — дѣтей и дѣвственности, въ жертву этимъ божествамъ. Въ Перу, Индустанѣ, Тибетѣ и др. странахъ, независимо отъ вышеупомянутой жертвы, но на томъ же основаніи, возникаетъ институція весталокъ, — дѣвушекъ, посвященныхъ на служеніе богамъ и связанныхъ обѣтомъ вѣчнаго цѣломудрія. Но въ большинствѣ случаевъ это цѣломудріе существуетъ только въ легендахъ. Перуанскія весталки, напримѣръ, выбирались изъ красивѣйшихъ дочерей дворянъ для поддержанія вѣчнаго огня на алтаряхъ солнца и давали обѣтъ пожизненнаго цѣломудрія; но изъ ихъ же числа инка выбиралъ для своего гарема наложницъ, число которыхъ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ. Въ Индустанѣ тысячи невинныхъ дѣвушекъ, часто изъ лучшихъ фамилій страны, посвящаются богамъ, растлеваются браминами, и затѣмъ остаются при храмахъ, сколько для религіозныхъ услугъ, столько же и для утѣхи жрецовъ. Толпы этихъ баядерокъ съ музыкой, пѣснями и танцами шатаются по странѣ, возбуждая сладострастіе и удовлетворяя его за деньги; нѣкоторыя изъ нихъ выручаютъ большія суммы. «Первоначально,— говоритъ Жаколіо,—онѣ не должны были отдаваться никому, кромѣ браминовъ, и тѣ, которыя строго исполняли это правило, слыли вѣчными дѣвственницами. Брамины первые проституировали свой сераль, чтобы имѣть въ немъ обильный источникъ доходовъ. Дѣти, рождающіяся отъ этихъ женщинъ, не принадлежатъ ни къ какой кастѣ: дочери становятся баядерками, какъ и ихъ матери, а сыновья — музыкантами; отецъ же всегда неизвѣстенъ. Жизнь, которую ведутъ баядерки, располагаетъ ихъ къ безплодію, и онѣ быстро перевелись бы, если бъ число ихъ не увеличивалось ежедневно жертвами, которыя приносятъ родители нѣкоторыхъ кастъ, имѣющихъ обыкновеніе представлять въ пагоду третью дочь ранѣе пятилѣтняго возраста; старше 5 лѣтъ не принимаютъ, такъ какъ необходимы физическія и моральныя доказательства дѣвственности для того, чтобъ дѣвочка была допущена внутрь храма. Какъ скоро молодая дѣвушка вступитъ въ пагоду, она навсегда погибла для своего семейства: оно никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не имѣетъ права требовать ея выдачи; она лишается своей касты, и до той поры, когда старость обезобразитъ ея лицо и станъ, все ея время должно быть посвящено на служеніе храму и на любовь. Учителя, опытные въ пластическихъ позахъ, изъ которыхъ состоятъ главнымъ образомъ восточные танцы, приготовляютъ молодую дѣвушку къ церемоніямъ, а пожилая матрона, также бывшая баядерка, знакомитъ ее съ самыми постыдными тайнами разврата. Баядерки въ особенности должны быть искусны во всѣхъ утонченностяхъ порока, чтобы возбудить чувственность разслабленныхъ, старыхъ браминовъ и богатыхъ индусовъ, пользующихся ими для удовлетворенія своихъ страстей. Какъ скоро баядерка, посвященная съ дѣтства пагодѣ, достигнетъ юности, дѣвственность ея буквально продается съ аукціона. Цѣны иногда доходятъ до баснословныхъ суммъ, 10 и 15 рупій, смотря по красотѣ дѣвушки, но богатству конкурентовъ и потому, сколько лѣтъ и мѣсяцевъ она должна оставаться во власти того, кто купитъ ее. Брамины чрезвычайно ловко умѣютъ возвышать цѣны на этихъ торгахъ, гдѣ гордость кастъ, вліяніе или богатство играютъ большую роль, чѣмъ страсть. Раджа не хочетъ, чтобы набобъ одержалъ въ этомъ случаѣ верхъ надъ нимъ, а набобъ въ свою очередь не хочетъ допустить того же въ отношеніи лицъ, стоящихъ ниже его касты. Оттого-то, большею частью, молодая дѣвушка становится добычею какого-нибудь хилаго старика, который не можетъ пользоваться ею, а только тщательно хранитъ ее въ своемъ дворцѣ, какъ какой-нибудь предметъ роскоши... Общественное мнѣніе относительно баядерокъ также проникнуто подобною несообразною двойственностью. Съ одной стороны, баядерку окружаютъ почетомъ и осыпаютъ подарками даже самые почтенные люди, никогда не прибѣгающіе къ ея искусству, съ другой же — ее презираетъ послѣдній кули, который никогда не позволитъ ей ни ѣсть съ его законной женой, ни сѣсть съ ней рядомъ. Когда баядерка умираетъ, въ погребеніи ея проявляется та же странность. Тѣло ея сожигаютъ съ такимъ же церемоніаломъ и великолѣпіемъ, какъ тѣла индусовъ самыхъ высшихъ кастъ, но прахъ ея раскидываютъ по вѣтру на другомъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ верхняго Бенгала сожигаютъ только половину ея тѣла, другую же предоставляютъ на съѣденіе шакаламъ и коршунамъ... Танцы этихъ жрицъ любви всегда кончаются полнѣйшимъ истощеніемъ силъ; если онѣ устоятъ противъ первой экзальтаціи, противъ спазмъ, которыя, вслѣдствіе привычки, почти могутъ вызывать по произволу, то начинаютъ кружиться на одномъ мѣстѣ съ неимовѣрною быстротою до тѣхъ поръ, пока закружатся до безпамятства и упадутъ полунагія на циновки, покрывающія полъ. Я не рѣшился бы упомянуть о слѣдующей чертѣ нравовъ индусовъ, если

бы она не служила краснорѣчивымъ мѣриломъ ихъ нравственнаго уровня: они выбираютъ этотъ самый моментъ для удовлетворенія своего сладострастія. Для возбужденія чувственности имъ нужно трепещущее тѣло женщины, находящейся почти въ безсознательномъ состояніи и вѣчно печальной...» Въ древнемъ Вавилонѣ жрецы дѣйствовали еще лучше, захвативъ здѣсь всю проституцію въ свои руки; по закону, сочиненному, конечно, ими, каждая вавилонянка была обязана однажды въ своей жизни проводить извѣстное время въ храмѣ Милиты, или Венеры, отдаваясь за деньги каждому желающему изъ иностранцевъ, толпы которыхъ постоянно тѣснились на этомъ религіозномъ базарѣ порока. Деньги, вырученныя этими временными проститутками, поступали на алтарь богини, а оттуда въ карманы жрецовъ. Такой же проституціонный культъ существовалъ еще въ Египтѣ, Финикіи, Карѳагенѣ, Арменіи, Персіи, по временамъ въ Палестинѣ, словомъ, во всѣхъ странахъ, гдѣ международныя сношенія были развиты, а духовенство достаточно сильно для того, чтобы захватить въ свои руки выгодный промыселъ разврата. На всемъ обширномъ пространствѣ Востока, на разныхъ нарѣчіяхъ пѣлись гимны божествамъ половыхъ наслажденій, и каждое такое богослуженіе сопровождалось или тѣлеснымъ самоистязаніемъ молящихся, или свальнымъ грѣхомъ *). Жреческія касты сильнѣе всего содѣйствовали развращенію народа и развитію проституціи. Онѣ умѣли пользоваться половыми инстинктами людей ради своихъ интересовъ. Въ качествѣ лѣкарей они давали средства противъ полового безсилія, помогали женщинамъ въ родахъ, устрояли возбудительныя, сладострастныя мистеріи и т. п. Суевѣрные поклонники доставляли имъ безпрекословно своихъ дочерей и своихъ женъ. На малабарскихъ островахъ невѣста раджи до сихъ поръ отдается сначала на три дня верховному жрецу, а потомъ уже поступаетъ къ своему мужу. Магометанинъ съ радостью открываетъ дервишу двери своего гарема и крайне доволенъ, если святой мужъ обезчеститъ его жену. Особенно развратительное вліяніе имѣетъ безбрачное буддійское духовенство.

У дикарей, стоящихъ на низшей степени общественнаго развитія и занятыхъ постоянно тяжелыми трудами, половая возбудительность слаба; нѣтъ у нихъ, съ одной стороны, богатыхъ, мало занятыхъ или вовсе ничего не дѣлающихъ людей, покупающихъ развратъ, а съ другой стороны, нѣтъ и такой сплошной бѣдности, которая въ культурныхъ обществахъ заставляетъ женщину или ея собственника торговать порокомъ. Но лишь только среди дикаго племени возникаетъ какая-нибудь аристократія, какъ тотчасъ же ходъ дѣла совершенно измѣняется. Распространяется многоженство, заводятся гаремы, которые въ сущности не что иное, какъ непотребные дома, содержимые исключительно для ихъ владѣльцевъ,—развратъ усиливается и скоро дѣлается промысломъ. Богатство, праздность и власть, не соединенныя ни съ какимъ нравственнымъ развитіемъ, развращаютъ высшіе классы. Полудикіе аристократы и королики не спускаютъ ни одной смазливенькой женщинѣ, захватывая всѣхъ красавицъ въ свои гаремы и растлевая народные нравы. Въ извѣстной рѣчи Самуила, желавшаго отвратить евреевъ отъ набранія царя, выяснена эта черта, общая всѣмъ государямъ нецивилизованныхъ народовъ: «Царь отберетъ у васъ и дочерей вашихъ, и рабынь вашихъ» (I Сам., VIII, 11). Послѣдующія событія вполнѣ оправдали это пророчество. И не на одномъ пламенномъ Востокѣ происходитъ такое развращеніе высшихъ классовъ. Взгляните на холодный туманный сѣверъ съ его грубыми воинами—норманнами, жизнь которыхъ проходитъ въ кровавыхъ сѣчахъ и постоянномъ плаваніи по морямъ. Короли и аделунги этихъ желѣзныхъ людей вовсе не изнѣжены и не такъ праздны, какъ восточные государи и аристократы, но и они постоянно бросаются на подвластныхъ и неподвластныхъ имъ женщинъ, «какъ голодные волки на стада овецъ и захватываютъ все, что имъ нравится». Эти насилованія и соблазны, это разрушеніе семейства, это искусственное размноженіе публичныхъ женщинъ, посредствомъ вывоза ихъ изъ-за границы, это превращеніе дворцовъ въ дома порока—все это растлеваетъ и массы народа. Иногда развращеніе совершается такъ быстро, что не успѣетъ еще дворъ выйти изъ полудикаго состоянія, а аристократія не совѣмъ бросить еще первобытную моду ходить нагишомъ, какъ вся страна уже давно превратилась въ сплошной непотребный домъ, общество разрушено, а населеніе быстро вымираетъ отъ излишествъ разврата и дѣтоубійствъ. Такую картину представляютъ собою Сандвичевы острова.

Развитіе деспотическаго управленія, черезъ горнила котораго проходили всѣ народы, успѣвшіе сложиться въ государства, сопровождается обѣдненіемъ массъ. Деспоты душатъ народъ поборами, налогами, повинностями; тысячи, сотни тысячъ людей отрываются отъ своихъ хозяйствъ, и подъ ударами палокъ принуждаются строить для своихъ уже немного цивилизованныхъ повелителей дворцы и крѣпости, водопроводы и мосты, храмы и пирамиды. Первобытныя эпохи исторіи всѣ ознаменованы такими громадными постройками, что умъ современнаго наблюдателя теряется въ исчисленіи количества человѣческихъ силъ, употребленныхъ на эти гигантскія сооруженія. Даже рожденіе такого ничтожнаго государства, какъ, напр., Сандвичевы острова, такъ дорого обходится массамъ народа, что опѣ съ трудомъ переживаютъ его. Задавленные чрезмѣрными налогами и повинностями, сандвичане принуждены были бросать земледѣліе и дошли до такой нищеты, что толпы способныхъ работниковъ не могли найти другого выхода, кромѣ эмиграціи

*) Относительно упомянутаго самоистязанія и его связи съ развратомъ можетъ дать отвѣтъ только человѣкъ, обладающій спеціальными свѣдѣніями въ физіологіи. Я же укажу только на тотъ общеизвѣстный фактъ, что розги возбудительно дѣйствуютъ на нѣкоторыя личности, производя даже сладострастное сѣмяистеченіе. Люди компетентные, въ родѣ популярнаго у насъ пошляка д-ра Дебэ, рекомендуютъ сѣченіе, какъ одно изъ самыхъ сильныхъ возбудительныхъ средствъ, особенно, если оно производится женщинами или въ присутствіи женщинъ.

въ Калифорнію, Колумбію и Южную Америку. Голодъ, проституція и дѣтоубійство достигли высшей степени. Во что же обходится народу созданіе болѣе блестящей цивилизаціи, чѣмъ сандвичанская, созданіе, напр., Вавилона, пирамидъ Египта, храмовъ и дворцовъ Индустана, содержаніе утопающихъ въ роскоши султанскихъ дворовъ, жреческихъ кастъ! Вся первичная цивилизація, съ ея государственными порядками, искусствами, науками, создавалась до сихъ поръ не иначе, какъ на милліонахъ труповъ людей, погибавшихъ въ битвахъ, отъ голода, отъ истощенія чрезмѣрными работами. И если, напр., постройка пирамидъ доводила даже самихъ фараоновъ до такой бѣдности, что ихъ дочери принуждены были проститутничать, то что же удивительнаго, если массы голоднаго народа начинали гуртами выводить своихъ женъ и дочерей на рынки разврата. Для цѣлыхъ рядовъ поколѣній проституція дѣлается наслѣдственнымъ промысломъ (Iезекіиль, XVI, 45, XXIII, 10) и принимаетъ характеръ кастальности.

Первобытная цивилизація создается и развивается при несмолкаемомъ шумѣ битвъ. Сотни тысячъ, милліоны народа забираются въ войско, и это отрываніе ихъ отъ производительнаго труда убиваетъ промышленность, поддерживая въ странѣ постоянную нищету, доводимую до крайнихъ предѣловъ войнами, во время которыхъ самыя цвѣтущія страны превращаются въ безплодныя, безплодныя пустыни, усѣянныя грудами развалинъ и пепла отъ пожарищъ, да человѣческими трупами. А за каждымъ усиленіемъ народной нищеты неминуемо слѣдуетъ и усиленіе проституціи, которую, кромѣ того, войны и арміи развиваютъ еще другимъ, непосредственнымъ способомъ. Сборища солдатъ, оторванныхъ отъ своихъ семействъ, всегда крайне развратительно *дѣйствуютъ на массу народа, даже во время мирныхъ стоянокъ. А во время походовъ и войнъ эти полчища опустошителей насилуютъ одинокихъ женщинъ* и уводятъ домой толпы другихъ для проституціи. Жены же и дочери солдатъ, предоставленныя надолго, если не навсегда, на волю судьбы, лишенныя опоры мужей и отцовъ, ушедшихъ на войну и часто погибающихъ тамъ, по необходимости принимаются за тотъ же промыселъ разврата.

Востокъ—классическая страна всевластныхъ и роскошныхъ деспотовъ, опустошительныхъ войнъ, всесильнаго духовенства и самой отчаянной бѣдности народныхъ массъ; все это, при помощи жаркаго климата и возбудительной пищи, во всѣ времена производило тамъ такой развратъ и столь обширную проституцію, какихъ Европа никогда не видывала у себя, развѣ только въ предсмертную эпоху Рима. Менѣе другихъ ориенталовъ были развращены евреи, такъ заботливо изолированные отъ чужестранцевъ и долго не имѣвшіе на своей шеѣ деспотовъ. Публичная проституція была у нихъ еще во время патріарховъ. Онанизмъ, скотоложество, мужеложество (Исх. XXII, Левитъ XVIII), кровосмѣшеніе даже дѣтей съ родителями, не говоря уже объ обыкновенномъ развратѣ,—пятнаютъ собою множество страницъ еврейской исторіи. Часто сталкиваясь съ сирійскими племенами, евреи заводили у себя сладострастные культы Молоха и Ваала, состоявшіе въ жертвоприношеніи дѣтей и въ разныхъ постыдныхъ церемоніяхъ, кончавшихся обыкновенно свальнымъ грѣхомъ. Жрецы Ваала-Вильфегора были все юноши, безбородые, красивые, умащенные благовоніями, въ храмахъ же своего бога они продавали себя на содомію всѣмъ желающимъ. При тѣхъ же храмахъ состояло и промышляло развратомъ множество женщинъ. На вершинахъ горъ, въ тѣни лѣсовъ, окружавшихъ храмы Ваала, на перекресткахъ дорогъ, на улицахъ городовъ, даже въ самомъ храмѣ Іеговы, всюду были разсыпаны публичныя женщины.—сирійянки, египтянки, вавилонянки, аравитянки. Палестина, по выраженію пророковъ, была величайшею блудницею и «прелюбодѣйствовала на каждомъ холмѣ, подъ каждымъ деревомъ въ полѣ». При всемъ этомъ, Палестина была развращена менѣе, чѣмъ другія восточныя государства, менѣе, чѣмъ Вавилонъ, этотъ громадный публичный домъ, въ которомъ отцы продавали для разврата своихъ дочерей, а мужья женъ, чтобы на выручку купить себѣ духовъ и помады; она была не такъ развращена, какъ Египетъ, съ его густымъ народонаселеніемъ, предававшимся разврату въ публичныхъ процессіяхъ, любодѣйствовавшимъ въ новалку у многочисленныхъ алтарей Паиды и нерѣдко удовлетворявшимъ свое сладострастіе трупами дѣвушекъ вскорѣ или черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ смерти; Палестина была менѣе развращена, чѣмъ Финикія, это царство богатыхъ купцовъ, сладострастной Астарты, центръ роскоши и морской торговли, изъ котораго во всѣ страны древняго міра мореплаватели привозили вмѣстѣ съ товарами и религію порока. Нужно замѣтить, что какъ на древнемъ, такъ и на новомъ Востокѣ чрезвычайно мало аристократическихъ проститутокъ, живущихъ исключительно для высшаго класса, богатыхъ и вліятельныхъ. Только въ Египтѣ были три такихъ, изъ которыхъ одна даже управляла всѣмъ царствомъ, но это было не при египетской, а при греческой династіи птоломеевъ, да и сами-то куртизанки происходили изъ Европы. Это отсутствіе аристократической проституціи объясняется тѣмъ, что у всѣхъ знатныхъ и богатыхъ людей есть домашніе непотребные заведенія, гаремы; промыселъ разврата, поэтому, существуетъ здѣсь почти исключительно для народной массы и для иностранцевъ. Поэтому всѣ проститутки находятся въ крайней бѣдности, по временамъ только успѣвая пожить въ нѣкоторомъ довольствѣ. Выручаютъ онѣ съ своего промысла очень мало; въ крымскую войну европейскіе солдаты въ Турціи обыкновенно добывали себѣ женщинъ не дороже какъ за кусокъ хлѣба! И до такого положенія въ концѣ своей дѣятельности доходитъ каждая проститутка. Бѣдность родила ее, бѣдность продала ее, бѣдность же сведетъ ее и въ могилу. Въ государствахъ Востока проституція имѣетъ ужасающіе размѣры, благодаря крайней нищетѣ народныхъ массъ. Большинство домовъ терпимости содержатся рабовладѣльцами, а большинство проститутокъ состоитъ изъ невольницъ. Въ Китаѣ сотни тысячъ дѣвушекъ продаются родите-

лями содержателямъ публичныхъ домовъ; дѣвушки, брошенныя своими родственниками на произволъ судьбы, также подбираются торговцами женскаго тѣла и воспитываются ими для проституціи. Въ Японіи родители тоже сплошь и рядомъ продаютъ своихъ малолѣтокъ женскаго пола въ непотребные дома, гдѣ ихъ воспитываютъ и потомъ, по достиженіи ими двѣнадцатилѣтняго возраста, пускаютъ въ оборотъ.—«Бѣдныя армянскія матери,—говоритъ Портеръ,—живущія въ предмѣстьяхъ персидскихъ городовъ, воспитываютъ своихъ дочерей для разврата и лѣтъ двѣнадцати продаютъ ихъ тому, кто больше заплатитъ». Проституція служитъ здѣсь наслѣдственнымъ промысломъ. Проданныя такимъ образомъ дѣвушка почти всегда родилась отъ проститутки и, въ свою очередь, также продаетъ впослѣдствіи дочерей, рожденныхъ ею въ развратѣ.—«Въ Абиссиніи—говорятъ путешественники Комбъ и Тамизье—всѣ готовы доставлять вамъ женщинъ,—мать приводитъ свою дочь, братъ сестру, цари и царицы нисколько не стѣсняются предлагать вамъ своихъ служанокъ или придворныхъ дамъ, даже священники не лучше мірянъ въ этомъ отношеніи».

II.

Средиземное море, эту колыбель древней цивилизаціи, можно вполнѣ справедливо назвать и колыбелью европейской проституціи. Вся торговля, всѣ сношенія Европы съ другими странами шли по водамъ этого моря, на греческихъ, итальянскихъ и малоазіатскихъ берегахъ котораго раньше всего возникли густо населенные города и колоніи, служившіе центрами торговли и промышленности, принимавшіе въ своихъ стѣнахъ тысячи заѣзжихъ иностранцевъ и посылавшіе свои торговые флоты въ отдаленныя страны. Въ этихъ-то центрахъ прежде всего возникала и сильнѣе, чѣмъ въ болѣе континентальныхъ мѣстностяхъ, развилась проституція, которая въ первую эпоху своего существованія была предназначена исключительно для заѣзжихъ чужеземцевъ. Въ Коринѳѣ, напр., этомъ приморскомъ центрѣ древней торговли, проститутокъ было гораздо больше, чѣмъ въ Аѳинахъ; путешественникъ могъ найти въ этомъ городѣ публичныхъ женщинъ всѣхъ странъ и состояній; законъ и администрація здѣсь вовсе не контролировали разврата, почти всѣ коринеянки занимались проституціей, почти въ каждомъ домѣ торговали любовью, а въ храмахъ Венеры были заведены школы для обученія дѣвушекъ всѣмъ тайнамъ порока. Греки ѣздили и посылали назначенныхъ для проституціи дѣвушекъ учиться разврату въ Коринѳъ и въ Египетскій городъ Навкратисъ. На коринѳскихъ возвышенностяхъ проститутки, глядя на море, сторожили прибытіе иностранныхъ кораблей; и лишь только судно входило въ гавань, лишь только пассажиры высаживались на берегъ, какъ тотчасъ окружали ихъ толпы прелестницъ, до того очаровательныхъ и вмѣстѣ разорительныхъ, что въ Греціи составилась пословица: *въ Коринѳъ безнаказанно не съѣздишь!* Изъ приморскихъ же городовъ и, главнымъ образомъ, изъ Малой Азіи, Финикіи, съ Лесбоса, Кипра, Тенедоса, Милета, Абиноса и другихъ острововъ Средиземнаго моря Греція и Италія получали самое большое количество проститутокъ. Изъ волнъ того же моря вышла и сама Венера, которая была не только богинею любви и красоты, а также богинею проституціи, даже, можно сказать, проституткою. Прилившая въ Элладу по морю, какъ всѣ куртизанки, она въ двадцати мѣстностяхъ Греціи называлась именами, въ переводѣ означающими гетера, или камелія. Главными поклонниками ея были публичныя женщины съ своими любовниками, и не одинъ изъ ея храмовъ былъ выстроенъ и украшенъ проститутками на деньги, выработанныя развратомъ. Соблазнительные мины, статуи и пѣсенопѣнія, фаллосы и циническія церемоніи, бѣшеныя оргіи сладострастія и растлѣніе невинностей—вотъ въ чемъ состояли такъ долго державшійся въ Греціи культъ Венеры, этой родной сестры восточныхъ Милитъ, Астартъ, Изидъ и т. д. Нѣкоторые изъ ея храмовъ буквально были непотребными домами, въ которыхъ жили посвященныя богинѣ дѣвушки; въ коринѳскомъ, напр., ихъ было болѣе тысячи. Сначала эта храмовая проституція существовала исключительно для иностранцевъ, а доходы ея шли въ пользу духовенства. Дѣвушки, посвященныя богинѣ родителями, клали на алтарь ея всю выручку, а постороннія женщины только часть; Венера была покровительницей половой любви, а съ тѣмъ вмѣстѣ и продажнаго разврата; поэтому, проститутки, отправляясь на свой промыселъ, испрашивали у нея помощи и благословенія, а въ случаѣ успѣха, обыкновенно приносили на алтарь ея благодарственную жертву, что дѣлали, кромѣ того, и любовники, когда имъ удавалась какая-нибудь трудная интрига. Нѣкоторыя бѣдныя дѣвушки, особенно жительницы Кипра и Лидіи, проституткичали въ храмахъ Венеры до тѣхъ поръ, пока изъ платы за развратъ не составляли себѣ достаточнаго приданаго, и затѣмъ преспокойно выходили замужъ. Подобный же характеръ носили культы Адониса и Вакха, которые, вмѣстѣ съ венеринымъ культомъ, продолжали существовать даже тогда, когда въ народѣ оскудѣла самая вѣра въ своихъ боговъ, когда религіозная проституція перестала эксплуатироваться духовенствомъ и осталась только въ культовыхъ обрядахъ, придавая разврату колоритъ религіозной приличности, и своими праздествами доставляя удобные случаи для ярмарокъ порока. Но хотя эта проституція и была только созданіемъ народной жизни, все-таки каждому понятно, что вмѣстѣ съ тѣмъ она была и школою разврата. Не менѣе сильна и вредоносна была она у римлянъ, даже въ періодъ полнаго паденія ихъ вѣры. Исторія римскаго народа начинается въ непотребномъ домѣ и его родоначальницей была, по преданію, публичная женщина Акка Лауренція, которая занималась своимъ ремесломъ въ храмѣ съ такимъ успѣхомъ, что пріобрѣла обширныя земли, которыя были ею завѣ-

щаны римскому народу, и на которыхъ онъ построилъ свой вѣчный городъ *). Въ честь ея ежегодно совершались вплоть до V в. по Р. Х. особыя празднества, душою которыхъ былъ религіозный развратъ, и которыя обыкновенно сопровождались самыми циническими зрѣлищами въ циркѣ. При звукахъ трубъ стекались въ него многочисленныя толпы проститутокъ, раздѣвались здѣсь донага, и съ наглымъ безстыдствомъ показывались зрителямъ. Подобными же результатами сопровождалось и введеніе въ Римъ культа Венеры. Ея храмы служили центрами разврата, ея алтари заваливались жертвоприношеніями проститутокъ и ихъ покупателей, ея празднества сопровождались оргіями и мистеріями, въ которыхъ актеры разыгрывали разныя миѳологическія сцены съ такимъ возмутительнымъ цинизмомъ, что, по выраженію Арнобія, Венера превращалась въ пьяную вакханку, которая предается всѣмъ безстыдствамъ и всѣмъ гнуснотамъ разврата. Въ томъ же родѣ были культы Купидона, Пріапа, Бахуса. Но безобразнѣе всѣхъ былъ культъ Озириса и Изиды. Храмы и часовни въ честь послѣдней богини были всюду, и служили вмѣстѣ съ тѣмъ домами непотребства, достойными настоятелями которыхъ были жрецы, преданные всевозможнымъ порокамъ и способные на всякое преступленіе, первые пьяницы, первые развратники, первостепенные сводники и самые наглые обольстители дѣвушекъ.

И въ Греціи и въ Римѣ жрецы, конечно, были не послѣдними насадителями разврата, хотя религіозную проституцію и невозможно считать исключительно ихъ созданіемъ. Въ античномъ мірѣ, какъ и на востокѣ, развратъ развивался всѣмъ, что было богато, праздно и самовластно. Дворы греческихъ тирановъ, македонскихъ царей, преемниковъ Александра, дѣйствовали на подвластныя имъ націи такъ же развратительно, какъ и дворы Дарія, Сарданапалова, Соломоновъ. Дворъ же римскихъ императоровъ былъ въ полномъ смыслѣ исходною точкою того ужаснаго разврата, въ оргіяхъ котораго погибла имперія вѣчнаго города. Нужно много бумаги, чтобы описать всѣ подвиги этихъ владыкъ вселенной. Посмотрите на лучшаго изъ нихъ, на Юлія Цезаря, и вы съ негодованіемъ отвернетесь отъ такого безнравственнаго человѣка, который, пользуясь своею властью, не спускаетъ ни одной смазливенькой женщинѣ, то и дѣло растлеваетъ невинныхъ дѣвушекъ, проматываетъ на развратъ громадныя суммы трудовыхъ народныхъ денегъ, платитъ Сервиліи за одинъ только визитъ 1,500,000 франковъ, предлагаетъ сенату проектъ закона о введеніи многоженства и получаетъ отъ Свѣтонія вполнѣ заслуженное имъ прозвище *мужа всѣхъ женщинъ*. Посмотрите теперь на юношу Октавія, который не перестаетъ развращать женщинъ, попирая изданные имъ же самимъ строгіе законы противъ прелюбодѣянія. Августу его друзья доставляютъ со всѣхъ сторонъ женщинъ и невинныхъ дѣвушекъ, раздѣваютъ ихъ донага, и сама жена его ведетъ ихъ на смотръ къ своему повелителю, который оставляетъ у себя однѣхъ и отправляетъ назадъ другихъ, забракованныхъ. Его развратныя оргіи, сопровождаемыя разыгрываньемъ соблазнительныхъ сценъ изъ греческой миѳологіи, такъ дорого стоили бѣдному народу, что въ Римѣ начался голодъ, и жители съ горькою ироніей говорили, что *боги съѣли весь хлѣбъ*, намекая на упомянутыя мистеріи, раздражавшія похоть старика Августа во время его празднествъ. Пьяница Тиверій, такъ жестоко наказывавшій другихъ за каждый проступокъ противъ половой нравственности, казнилъ смертью мужчинъ и женщинъ, не соглашавшихся быть жертвами его скотскаго сладострастія, и часто наполнялъ покои своего дворца толпами женщинъ, чтобы видомъ наготы ихъ возбуждать свои унавшія силы. Калигула былъ еще хуже. Онъ держалъ цѣлую стаю содомитовъ, насиловалъ и растлевалъ самыхъ знатныхъ римлянокъ, приглашаемыхъ на его банкеты, силою власти изъ своихъ сладострастныхъ видовъ расторгалъ браки, и наконецъ открылъ въ своемъ дворцѣ *непотребный домъ*, въ буквальномъ значеніи слова. Посѣтители этого заведенія принуждены были, чтобы не прогнѣвить тирана, платить гораздо дороже, чѣмъ въ другихъ проституціонныхъ домахъ, и тѣмъ пополнять промотанную на развратъ казну его. Геліогабалъ впослѣдствіи явился въ этомъ отношеніи достойнымъ подражателемъ Калигулы. Неронъ дошелъ до той степени разврата, на которой красота и изящная обстановка уже не удовлетворяютъ человѣка, испытавшаго весь разнообразіе порока, и могутъ раздражать его только безобразіе и грязь. Неронъ обыкновенно шатался инкогнито по улицамъ Рима, по кабакамъ, харчевнямъ и другимъ мѣстамъ самаго отвратительнаго разврата, предаваясь всевозможнымъ безобразіямъ, вступая въ драки и часто унося во дворецъ слѣды сильныхъ побоевъ на своемъ царственномъ тѣлѣ. Онъ составилъ что-то въ родѣ министерства изъ разныхъ сводниковъ и содомитовъ, рачительно доставлявшихъ ему живое мясо. Коммодъ сдѣлалъ изъ своего дворца кабакъ и проституціонный домъ, въ который привлекались женщины лучшихъ фамилій цѣлыми сотнями. — Любезнѣйшими друзьями и сподвижниками развратныхъ дѣяній Геліогабала были три кучера, Протогенъ, Гордій и Гіероклъ. Иногда онъ приглашалъ на свои вечера всѣхъ до одной проститутокъ Рима, катался по городу въ колесницѣ, запряженной нагими женщинами, а въ его путешествіяхъ за нимъ слѣдовали шестьсотъ колесницъ, наполненныхъ своднями, содомитами и проститутками. Царственныя женщины Рима немногимъ лучше мужчинъ, матери развращаютъ своихъ дѣтей, дѣти насилуютъ матерей; одна императрица шатается ночью по улицамъ города и самымъ грязнымъ домамъ, продаваясь каждому встрѣчному мужчинѣ, другая изъ проститутокъ дѣлается женою цезаря и ужасомъ народа. По-

*) По другимъ легендамъ, эта *волчица*, Іара—такъ называлась въ Римѣ проститутка низшаго сорта—воспитала Ромула и Рема.

велители Греціи не доходили до такихъ безобразій, какъ владыки Рима, но не доходили единственно потому, что не имѣли такой власти и такихъ громадныхъ средствъ, какія сосредоточивались въ рукахъ цезарей, какъ львиная часть добычи римскаго народа, ограбившаго весь міръ. Власть надъ жизнью и имуществомъ милліоновъ людей, не смягчаемая никакимъ контролирующимъ вліяніемъ, праздная жизнь среди скоро наскучающихъ удовольствій, рабская угодливость окружающихъ,—все это дѣлало дворы Эллады такими же центрами народнаго развращенія, какими были дворы Востока и Рима. Когда Греція покорила Азію, когда республику покорилъ деспотизмъ, когда побѣжденные народы грабились своими новелителями, не удовлетворявшимися трудами ихъ кормителей-рабовъ, когда лѣнивое и сытое барство потеряло вкусъ ко всему, кромѣ пѣги и разврата, когда Демосѳенъ, напрасно вызывавшій для спасенія отечества хоть одного доблестнаго эллина, пропѣлъ свою лебединую пѣснь на развалинахъ греческой свободы, уступившей мѣсто тиранніи и нищетѣ народныхъ массъ,—тогда развращенность высшихъ греческихъ классовъ достигла высшей своей степени. А такъ какъ дворы и аристократія обращали на служеніе своей роскоши и своему разврату преимущественно массы простого народа, который, кромѣ того, принимался за промыселъ порока отъ голода и бѣдности, то въ концѣ концовъ развращались и массы. Впрочемъ и въ Греціи, и въ Римѣ народъ иногда глубоко возмущался безнравственнымъ развратомъ своихъ новелителей-эксплуататоровъ и тѣмъ, что эти господа отнимали у него такъ много женщинъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ или силою власти, или силою капитала. Возьмемъ хоть высшіе классы того же римскаго общества въ эпоху основанія вселенской монархіи, и мы увидимъ, что каждая страница изъ исторіи занятнана развратомъ; непотребные дома—любимѣйшее мѣсто пребыванія аристократовъ, жены которыхъ въ то же время толпами стекаются требовать отъ полиціи своей записи въ проституціонныя книги на свободное занятіе промысломъ разврата и заработываютъ себѣ послѣднимъ деньги на роскошныя платья, на экипажи и лошадей, на лакомства и благовонія, на пиры и содержаніе наемныхъ любовниковъ; развратъ въ домахъ, развратъ въ храмахъ, развратъ въ театрѣ, самый циническій развратъ въ циркѣ и на улицахъ. «Порокъ дошелъ до своего зенита», восклицаетъ Ювеналъ. Римская аристократія, съ своими полководцами и цезарями во главѣ, разоритъ міръ, воздвигаетъ храмъ *Юпитеру-Грабителю*, захватываетъ силою или покупаетъ женщинъ всѣхъ странъ для проституціи, вводитъ въ Римъ сладострастные культы Востока, и на свой развратъ высасываетъ изъ народа послѣдніе жизненные соки, доводя его до такой бѣдности, до такого остервѣненія, что принуждена постоянно давать «*хлѣба и зрѣлищъ*», чтобы онъ въ припадкѣ голодной ярости, подобно Самсону, не разрушилъ зданія ея несмолкающихъ праздностей разврата. Всѣ, у кого только были власть и золото, кончали тѣмъ, что вмѣсто закона ставили анархическій произволъ, а вмѣсто прежней строгой, чрезмѣрно уже патріархальной, нравственности создавали религію порока. Конечно, упомянутыя отношенія класса новелителей къ массамъ подданныхъ не единственная, хотя въ сущности главная причина разврата и проституціи, но это единственная причина того, что развратъ и проституція доходятъ до такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ въ Римѣ. Чѣмъ разнообразнѣе, изысканнѣе, распространеннѣе развратъ, тѣмъ дороже онъ стоитъ, тѣмъ богаче должны быть его потребители, тѣмъ бѣднѣе народъ; а чѣмъ больше бѣдности, тѣмъ болѣе развращенности въ народныхъ массахъ, тѣмъ болѣе продается на рынкахъ порока женщинъ, которыя, или сами, или по волѣ ихъ родителей, доходятъ до этого промысла путемъ голода, наготы и безпріютности. Нужно еще замѣтить, что римская и греческая аристократіи рѣдко подвергались необходимости дожидаться, пока голодные пролетаріи приведутъ имъ своихъ дочерей на продажу за кусокъ хлѣба,—они могли всегда накупить сколько угодно рабынь и тѣшить ими свою откормленную плоть. Рабство было матерью древней проституціи. Государства античной древности были основаны на рабствѣ, были обществами существенно аристократическими и строго національными; для свободнаго и цивилизованнаго гражданина Эллады и Рима рабъ, иностранецъ, плебей были не людьми, а животными, обязанными пропитывать, обогащать и увеселять своихъ новелителей. Семейство у такихъ народовъ носитъ тотъ же самый характеръ, служитъ прототипомъ рабовладѣльческаго государства; жена и дѣти—рабы отца, онъ ихъ собственникъ, новелитель, первосвященникъ и верховный судья, имѣющій надъ ними право жизни и смерти. Вслѣдствіе этого, когда античныя правительства брались за проституцію съ цѣлью обратить ее въ статью дохода и организовать такъ, чтобы по возможности предохранить общественные нравы отъ губительныхъ вліяній разврата, то они дѣйствовали вполнѣ согласно съ растленными нравами и грубо-эгоистическими тенденціями *мужескаго аристократическаго населенія страны*. Мужчины, даже развращенные до мозга костей и не видящіе въ этомъ ничего дурного, всегда чрезвычайно строги къ поведенію своихъ женъ, запертыхъ въ гинекси, не имѣющихъ доступа ни къ общественнымъ занятіямъ, ни къ многимъ изъ публичныхъ увеселеній, которыя совершенно монополизированы мужчинами. Въ подобныхъ обществахъ, гдѣ нравственность обязательна только для женщины, гдѣ развращенное мужское населеніе зорко слѣдитъ за каждымъ шагомъ своихъ рабынь, заключенныхъ въ гаремы, незаконныя связи любовныя чрезвычайно трудны и опасны. Религія, правительство, каждый мужчина ревниво охраняютъ и поддерживаютъ въ своей странѣ институцію архаическаго семейства, этотъ фундаментъ первобытнаго общества. Прелюбодѣяніе всегда жестоко наказывается не только государствомъ, но и самовольною властью мужа провинившейся жены. У Горація и другихъ римскихъ поэтовъ часто упоминаются случаи, какъ любовники замужнихъ жен-

щинъ, застигнутые мужьями, умираютъ подъ розгами, сбрасываются съ высокой кровли, подвергаются увѣчьямъ и ограбленію догола, мужья обрѣзываютъ имъ носъ, уши, половыя части и т. д. «Подвергаясь ярости мужа,—говоритъ Горацій такому любовнику,—ты рискуешь всѣмъ своимъ благополучіемъ, своею жизнію, своею честію». «Не нужно трогать матронъ, а лучше имѣть дѣло съ проституткой», продолжаетъ поэтъ. — «Когда я творю любовь съ нею, то не боюсь, что вотъ-вотъ вернется ея мужъ, заскрипятъ ворота, залаетъ собака, и мнѣ придется тотчасъ же бѣжать нагишомъ и босикомъ,—ибо горе тому, кого поймаетъ мужъ матроны!...» Такимъ образомъ и чувство собственной безопасности, и желаніе сохранить выгодный для нихъ характеръ національной семьи заставляли мужчинъ держать гражданокъ—пока послѣднія не разбили своихъ цѣпей и не предались такому же разврату, какъ ихъ достойные супруги—держать этихъ самокъ въ рабской подчиненности и строгой нравственности, а свои разнузданныя страсти удовлетворять исключительно иностранными рабынями и отпущенницами, а если и туземными женщинами, то, во всякомъ случаѣ, плебейками. Они хотѣли наслаждаться вмѣстѣ и скромнымъ цѣломудріемъ своихъ женъ, и развратомъ проституютокъ, и предаваться шумнымъ оргіямъ непотребныхъ домовъ, и отдыхать въ тиши своего жилища, среди рабски-покорнаго ихъ волѣ семейства. Принимаясь регулировать проституцію, государство, съ одной стороны, преслѣдовало свои финансовыя цѣли, а съ другой, имѣло въ виду сейчасъ изложенныя интересы мужчинъ высшихъ классовъ. Извѣстнѣйшимъ учредителемъ государственной проституціи въ древности былъ Солонъ. Желая обратить въ казну республики доходы духовенства, получаемые послѣднимъ съ промысла разврата, и въ то же время, *предохранивъ семейную жизнь отъ вліяній порока*, дать удовлетвореніе развратнымъ наклонностямъ мужчинъ, Солонъ основалъ казенный непотребный домъ, населявшія который женщины были рабынями, купленными и содержимыми на счетъ государства, а доходы съ ихъ промысла поступали въ казну республики. Въ тѣхъ же интересахъ и соображеніяхъ была развита римлянами доктрина о необходимости проституціи. «Очень жестоко—говоритъ Цицеронъ—было бы запретить юношамъ всякое сношеніе съ проститутками. Кто осуждаетъ за это нашъ вѣкъ въ развращенности, тотъ осуждаетъ также обычаи нашихъ предковъ и ихъ уступчивость. Когда же люди воздерживались отъ этого, когда осуждали это, когда не позволяли этого?» Даже Катонъ, самъ строго-нравственный Катонъ, проповѣдывалъ, что «молодые люди, вмѣсто того, чтобы волочиться за чужими женами, должны ходить къ проституткамъ». Послѣ нашихъ вышеизложенныхъ объясненій читатель пойметъ смыслъ этой доктрины о необходимости проституціи.

Такъ вліяла развращенность общества на мыслителей и законодателей; не менѣе пагубное вліяніе имѣла она и на литературу. Мы не будемъ говорить о греческихъ писателяхъ; объ этихъ Сафо, пѣвицахъ лесбійской любви, объ этихъ импотентныхъ, отвратительныхъ старикашкахъ Анакреонахъ,—ради краткости, мы упомянемъ только о золотомъ вѣкѣ римской литературы. Горацій, Овидій, Тибуллъ, Катуллъ, Проперцій, Ювеналъ, Петроній, Марціалъ, — словомъ, всѣ геніи и таланты римской поэзіи были развѣ только немногимъ лучше той сгнившей въ развратѣ аристократіи, для которой они писали и которую хлестали бичами своихъ сатиръ. Одинъ служитъ при дворѣ оберъ-сводникомъ, другой умираетъ отъ полового истощенія, третій пишетъ для однихъ только пламенныхъ любителей непотребныхъ домовъ, четвертый на старости лѣтъ всецѣло отдается пороку содоміи и т. д., и все это каждый изъ нихъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти разсказываетъ публикѣ въ превосходныхъ стихахъ! Цари римской поэзіи были тѣмъ же въ своей жизни и сферѣ, чѣмъ были въ своей владыки имперіи. Театръ имѣлъ то же направленіе. Напр., въ пьесахъ Плавта и Теренція почти нѣтъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, кромѣ сводней и проститутокъ. Соблазнительность содержанія увеличивалась еще жестами актеровъ и актрисъ, а въ самыхъ театрахъ и около нихъ были мѣста, гдѣ зритель могъ всегда удовлетворить возбужденную спектаклемъ страсть. Понятна послѣ этого ненависть къ театрамъ первыхъ христіанъ и ихъ учителей. Да и не только отцы церкви,—даже Овидій не совѣтуетъ «посѣщать театровъ, гдѣ нельзя видѣть ничего, кромѣ любовниковъ». На ряду съ актерами въ этомъ отношеніи и въ Греціи, и въ Римѣ стояли пѣвицы, танцорки и музыкантши, толпы которыхъ привлекали взоры и услаждали слухъ на общественныхъ гуляньяхъ, при религіозныхъ церемоніяхъ, на свадьбахъ и національныхъ торжествахъ. Какое вліяніе имѣли эти артистки, показываетъ слѣдующій случай. Царь Антигонъ давалъ блестящій праздникъ аркадскимъ посланникамъ, серьезнымъ, скромнымъ и почтеннымъ старикамъ. Пришли въ залъ полунагія танцорки и начали танецъ, который такъ расшевелилъ суровыхъ аркадскихъ стариковъ, что они не могли усидѣть на мѣстѣ и, забывъ о присутствіи царя, бросились на танцовщицъ... «Молодая дѣвушка,—говоритъ Горацій,—которая забавляется сладострастными танцами Іоніи, уже съ самаго нѣжнаго возраста мечтаетъ о преступной любви». Ко всѣмъ этимъ возбужденіямъ прибавьте еще бани, роскошныя и многочисленныя, въ которыхъ моются вмѣстѣ мужчины и женщины, сводни соблазняютъ дѣвушекъ, любовники устроютъ tendez-vous, цезари и патриціи высматриваютъ новыя жертвы для своего сладострастія, между тѣмъ какъ ихъ жены развратничаютъ съ банщиками или кучерами. Порокъ доходитъ до того, что, не удовлетворяясь обыкновенными способами удовлетворенія, выражается въ самыхъ противоестественныхъ формахъ педерастіи и лесбійской любви, которыя въ античномъ мірѣ пользовались полными правами гражданства *).

*) Педерастія санкціонировалась даже греческой рели-

Небывалое въ исторіи Европы развитіе разврата въ Римѣ стоитъ въ самой тѣсной связи съ развитіемъ основанной на силѣ войскъ вселенской власти вѣчнаго города. Арміи, по обыкновенію, развращали населеніе покоренныхъ странъ, военныя и другія колоніи римлянъ пропагандировали развратъ между пришельцами, варварами; Римъ, разорявшій вселенную, получалъ отовсюду не только громадныя суммы на свой развратъ, но и наполнялъ свои непотребные дома толпами прекрасныхъ плѣницъ, приведенныхъ изъ разныхъ земель, захваченныхъ желѣзными когтями римскихъ орловъ. Идеаломъ римскаго воина долго считалась совершенно воздержная, пѣломудренная жизнь въ лагерѣ, особенно во время войны. «Я иду подъ знамена, прости Венера, прости любовь!» поетъ Тибуллъ. Военачальники, обладавшіе древне-римскими доблестями, всегда строго слѣдили за поведеніемъ солдатъ; Сципіонъ, напримѣръ, принявшись за дисциплинированіе арміи, выгналъ изъ лагеря 2000 публичныхъ женщинъ. Но наконецъ развращенность взяла свое, и римская армія всюду возила за собой походные дома непотребства. Нравы, развившіеся въ арміяхъ во время походовъ и завоеваній, сохранялись ими и во время мирныхъ стояноекъ въ Италіи, быстро прививаясь къ жизни ея обитателей. Возвращеніе арміи изъ похода было всегда праздникомъ разврата. Когда Цезарь тріумфально входилъ въ Римъ послѣ завоеванія Галліи, то его солдаты пѣли: «Граждане, берегите женъ,— мы ведемъ къ вамъ плѣшиваго развратника! Цезарь, въ Галліи ты промоталъ на любовь все золото, взятое тобою въ Римѣ!» Въ этомъ совѣтѣ гражданамъ заключается самая грубая солдафонская иронія: кто могъ уберечь тогда женщину отъ цезарей, солдатъ и золота?

Рабство поило, кормило, одѣвало, няньчило древнюю цивилизацію, рабство же главнымъ образомъ доставляло и проституткъ. Большинство публичныхъ женщинъ Эллады и Рима были рабынями, которыя или покупались, или силою захватывались въ непріятельскихъ странахъ во время войнъ и походовъ. Особенно силенъ былъ этотъ промыселъ въ Римѣ, куда, послѣ каждаго завоеванія римскихъ войскъ, приводились многочисленныя толпы рабынь, назначенныхъ для проституціи, и рабовъ-мальчиковъ, которыхъ скопили и дѣлали евнухами. «Дѣвушки, взятыя въ плѣнъ морскими пиратами, также подвергались продажѣ и покупались для проституціи» (Seneca). Въ Римѣ, при храмѣ Венеры, существовалъ даже рынокъ, спеціально предназначенный для продажи и покупки рабынь-проститутокъ. Кромѣ того, въ Италіи, особенно въ самомъ Римѣ, было не мало антрепренеровъ разврата, которые воровали римскихъ дѣвушекъ и мальчиковъ, затѣмъ продавали ихъ для проституціи сводницамъ, или же сами, развративъ этихъ дѣтей, начинали эксплуатировать ихъ порочность (Plaut. у Jeannel, 12—15). Продажа дѣтей родителями на проституцію была также въ ходу, и большею частію отцы и матери дѣлали это, какъ говоритъ Плавтъ, «не по жестокосердію, *«а для того, чтобы не умереть съ голода»*. Часто, впрочемъ, родители сами развращали своихъ дѣтей и продавали ихъ единственно для того, чтобы получить денегъ на пьянство и другія удовольствія. «Возможно ли было желать,—скажемъ словами Ювенала,—чтобы не была блудницею молодая дѣвушка, которая никогда не могла, не переводя дыханія, пересчитать любовниковъ своей матери!» Такія мамаши, не задумываясь, развращали и продавали своихъ дочерей. То же дѣлало не мало мужей съ своими женами, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Свѣтоній, Ювеналъ, Горацій и др. Случалось даже такъ, что *«мужъ выручалъ разратомъ деньги отъ любовника жены, а жена отъ любовницы мужа!»* Безпомощныя, одинокія сироты и найденыши, которыхъ было такое множество и въ Греціи, и въ Италіи, захватывались своднями и другими эксплуататорами разврата, обращались въ рабство и отдавались на публичную проституцію. Кромѣ того, въ Римѣ государственная власть сама бросала многихъ женщинъ въ безвыходный омутъ продажнаго порока. Прелюбодѣйныя жены сначала отдавались на публичное половое поруганіе всѣмъ желающимъ мужчинамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ осуждались на пожизненную проституцію. Во время же гоненій на христіанъ, множество мученицъ и исповѣдницъ, приговоренныхъ къ смертной казни, до совершенія послѣдней, отводились въ публичный домъ и тамъ отдавались на поруганіе всѣмъ желающимъ развратникамъ, которыхъ находилось всегда множество, такъ какъ государственная власть предлагала имъ это подлое удовольствіе безплатно. Рабовладѣльцы, сводни, пираты, государство, богатые родители продавали дѣвушекъ и мальчиковъ развратникамъ, конечно, не по бѣдности; но мы уже приводили свидѣтельство, что многіе родители отдавали на развратъ дочерей своихъ лишь потому, чтобы не *умереть съ голода*. Марціалъ то же говоритъ о нищихъ матеряхъ. И женщины, пускавшіяся въ проституцію самовольно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ вынуждались къ тому той же бѣдностью. Такъ, греческія диктеріады, если только онѣ были не рабынями, купленными спекуляторомъ, а женщинами свободными, доходили до своего промысла путемъ бѣдности и нищеты, и только кое-какъ поддерживали свою жизнь скудною платою, получаемою съ своихъ столь же бѣдныхъ, какъ онѣ сами, любовниковъ,—матросовъ, отпущениковъ, безработныхъ бродягъ. Многія изъ нихъ почти вовсе не имѣли даже платья, а съ тѣла никогда не могли смыть и соскрести покрывавшихъ его вшей. Въ Римѣ одинъ проститутки развратничаютъ потому, что «безъ визитовъ мужчинъ въ ихъ домѣ долженъ

гіей; самъ Зевсъ жилъ съ Ганимедомъ. Мореплаватели и поэты прославляли эту страсть, какъ крѣпкій союзъ дружбы. Ей приносили въ святое воодушевленіе, съ которымъ 300 ѳиванскихъ героевъ съ Эпаминондомъ во главѣ умерли геройскою смертью при Херонеѣ. Эта страсть считалась чѣмъ-то до того сильнымъ, что въ плутарховой біографіи Агезилая нѣкто за обузданіе своей любви къ одному мальчику восхваляется, какъ великій герой и ставится на ряду съ Леонидомъ. Діогенъ Лаэрдій прославляетъ Зенона за то, что онъ умѣренно предавался педерастіи.

водвориться голодъ» (Plaut.); другія потому, что «для нихъ нѣтъ другого дѣла» (Hor.); третьи для того, чтобы «содержать себя и свое семейство» (Plaut.); большинство ихъ страдаетъ въ такой ужасной нищетѣ, что продаетъ себя, чтобы имѣть «кусокъ чернаго сухаря, размоченнаго въ бульонѣ» (Terent.) или «фунтъ муки въ день» (Horat.). Впрочемъ, римскіе авторы, какъ подобаетъ аристократическимъ проповѣдникамъ морали, а вслѣдъ за ними и собравшій ихъ мнѣнія многоученый докторъ Жанель, хотя и говоритъ, что большинство проститутокъ происходило въ Римѣ изъ нищихъ, крестьянокъ, работницъ, отпущенницъ и сиротъ, но ихъ развратъ приписываютъ не бѣдности, а лѣности! А сущность дѣла, между тѣмъ, такъ осязательна, что въ приведенныхъ нами выше мѣстахъ, изъ тѣхъ же авторовъ, они сами забываются и указываютъ причину разврата въ вопіющей бѣдности народныхъ массъ, разоренныхъ войнами, налогами, взятками, умиравшихъ голодною смертью, забитыхъ и униженныхъ, и только по временамъ оглашавшихъ столицу міра дикими, отчаянными криками—«*крови или хлѣба!*» Однакожъ, въ упомянутыхъ замѣчаніяхъ римскихъ писателей о лѣности и отвращеніи отъ труда, какъ о причинахъ проституціи, есть извѣстная доля правды. Деспотизмъ и безсовѣстная эксплуатація народныхъ массъ, разоряя ихъ, съ тѣмъ вмѣстѣ убиваютъ въ нихъ всякую энергію, всякое желаніе трудиться *въ пользу другихъ*, а самимъ оставаться все въ той же нищетѣ. Но такъ какъ трудъ для другихъ при усердіи работника даетъ ему кусокъ негоднаго хлѣба, то при уменьшеніи этого рабскаго усердія естественно уменьшается и самый кусокъ, увеличивается нищета и смертность, усиливаются преступленія и проституція. Что же касается причинъ, заставляющихъ проститутничать женщинъ высшихъ и среднихъ классовъ, то историческая критика ничего не можетъ сказать противъ мнѣній объ этомъ римскихъ писателей. Плавтъ, съ обычнымъ своимъ цинизмомъ, говоритъ: «Кобыла ничего не требуетъ отъ жеребца, корова отъ быка, и баранъ соблазняетъ овцу не подарками. Одна только женщина обираетъ мужчину; одна только она отдаетъ въ кортомъ свое тѣло и свои ночи, продавая удовольствіе, раздѣляемое съ другимъ». Причинами, заставлявшими достаточныхъ женщинъ торговать собой, были искусственныя наклонности къ блеску, роскоши и комфорту, не могшія быть удовлетворенными другими средствами, кромѣ промысла развратомъ. Подобными же соблазнами увлекалось и не мало бѣдныхъ дѣвушекъ. Соблазнители были на каждомъ шагу. Дѣвушекъ совращали даже ихъ собственныя матери. «Небольшая бѣда—говоритъ своей дочери гречанка Кробила—отдаться богатому человѣку; небольшая бѣда перестать быть дѣвушкой и получить за одинъ только разъ *мину* (около 25 руб. сер.), на которую я куплю тебѣ ожерелье». Дочь послушалась и мать радуется, что она своимъ ремесломъ избавитъ и се, и себя отъ угнетающей ихъ бѣдности. Сводни и имъ подобные соблазнители, «эта язва общества, эти губители юности», по выраженію Теренція, всюду сторожили дѣвушку и, посредствомъ самыхъ разнообразныхъ уловокъ, вовлекали ее въ западню порока. Особенно легко доставались имъ дѣти, которыхъ они съ 5—6 лѣтъ начинали воспитывать спеціально для проституціи и между тѣмъ малолѣтнія были самымъ ходкимъ и самымъ прибыльнымъ товаромъ. Въ Греціи, особенно въ Аѳинахъ, были даже особыя школы, въ которыхъ открыто обучали дѣвушекъ всѣмъ тайнамъ порока, и послѣ такого воспитанія, завлеченная въ сѣти малютка переставала, конечно, и думать о порядочной жизни. Наконецъ, причиною продажнаго разврата было также положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ. Много женщинъ, даже мужчинъ проститутничали для того, чтобы, скопивъ извѣстную сумму, выкупиться отъ своего рабовладѣльца на свободу; «они освобождались продажнымъ развратомъ и при помощи его дѣлались гражданами». Мало того, проституція была тогда для женщины единственнымъ средствомъ освободиться отъ стѣсняющихъ ее архаическихъ порядковъ и принять дѣятельное участіе въ общественной жизни. И въ Греціи, и въ Римѣ жена долго была безусловною рабыней мужа, удаленною не только отъ общественныхъ занятій, но даже и отъ общественныхъ удовольствій и лишенною всякой возможности образованія; мужчины даже старались лишить ее послѣдней утѣхи,—забавы модами, и, оставляя себѣ всѣ излишества комфорта, издавали строгіе законы противъ женской роскоши и женскихъ модъ. И въ то время, какъ свободная гражданка была невольницей, рабыня-проститутка, избавленная отъ власти семейства, пользовалась полною общественною свободою. Проститутки были законодательницами модъ, онѣ занимались науками и искусствами, блестѣли остроуміемъ, вокругъ нихъ собирались дружескіе кружки Сократовъ, Платоновъ, Анеллесовъ, Гораціевъ, Плиніевъ; черезъ государственныхъ людей онѣ нерѣдко двигали судьбами народовъ; въ римскомъ сенатѣ засѣдала въ теченіе всей его исторіи только одна женщина, проститутка-императрица Семирамида. Такая свобода и соединенныя съ нею достоинства, благодаря которымъ гетеры такъ успѣшно привязывали мужчинъ, не могли не увлечь и невольницъ-гражданокъ. И вотъ, въ послѣднюю эпоху Рима, передъ эдилами являются густыя толпы матронъ, женъ и дочерей самыхъ знатныхъ патриціевъ, записываются въ проституціонныя книги, сливаютъ семейную женщину съ публичной и путемъ порока добываютъ себѣ такую свободу, о которой не могли даже и грезить во времена строгихъ семейныхъ добродѣтелей.

Само собою понятно, что не всѣ проститутки были въ состояніи достигать богатства и виднаго общественнаго положенія, освобождаться отъ рабовладѣльцевъ и нищеты. Для этого нужны были красота, умъ, даже образованіе; обладавшія ими въ значительной степени получали кучу денегъ и пріобрѣтали самыхъ вліятельныхъ поклонниковъ, служили украшеніемъ общества, при-

нимали у себя царей и посланниковъ, поэтовъ и художниковъ, генераловъ и философовъ, комфортабельно жили въ аристократическихъ кварталахъ, не смотря на частыя репрессивныя мѣры администраціи, блистали нарядами и модами, соблазняя матронъ на общественныхъ гуляньяхъ, въ театрахъ, на домашнихъ праздникахъ. Это были Помпадуръ и Ментенонъ своего времени, и, подобно имъ, также разоряли богачей и народъ. Въ Греціи онѣ возвели даже свое ремесло на степень науки и создали *философію проституціи*, распадавшуюся на школы лесбійскую, сократическую, циническую и эпикурейскую, въ чемъ имъ помогали ихъ друзья философы. Нѣкоторыя изъ нихъ получали всемірную извѣстность, и люди всѣхъ странъ стекались, чтобы только взглянуть на нихъ. Фрина была такъ богата, что предлагала еивянамъ выстроить на свой счетъ весь ихъ городъ, разрушенный врагами; Лаиса своими богатствами равнялась съ царями; нѣкоторыя изъ геторъ брали за разъ съ любовниковъ не менѣе таланта, т.-е. около 2,000 р. сер. Веспасіанъ однажды заплатилъ такой куртизанкѣ 400,000 сестерцій, Матонъ 100,000, и т. д. Множество аристократовъ совершенно проматывались на нихъ, а цари и правители выжимали изъ народа послѣдніе соки на подарки этимъ женщинамъ. Такъ любовница македонскаго царя Дмитрія Поліоркета (за 300 л. до Р. Х.) Ламія пользовалась безграничнымъ вліяніемъ на своего любовника. Однажды, во время своей власти надъ Аѳинами, Дмитрій обложилъ аѳинянъ налогомъ, съ безжалостною строгостью содралъ съ нихъ 250 талантовъ, около 500,000 руб. сер., и отдалъ это своей Ламіи «*на мыло*!» Но куртизанки, нажившія состояніе и потомъ бросившія свое ремесло, были исключеніемъ, и почти всѣ этого сорта женщины были богаты лишь до тѣхъ поръ, пока могли получать большіе доходы за свои прелести, доходы, которые проживались ими тотчасъ же по полученіи. Общая участь этихъ куртизанокъ состояла въ томъ, что сначала онѣ поднимались на высшую степень счастія и репутаціи геторы, видѣли у своихъ ногъ поэтовъ, генераловъ, царей, потомъ, быстро опускаясь по лѣстницѣ проституціи, въ старости онѣ дѣлались презираемыми, забытыми, оставленными. Одинъ только публичный домъ низшаго сорта принималъ тогда эти развалины красоты. Нищета и соединенная съ нею отверженность были общею долею публичныхъ женщинъ древняго міра, какъ и новаго. Большинство ихъ, обитая въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ, проводя жизнь въ грязныхъ кабакахъ и харчевняхъ, подъ портиками храмовъ или просто на улицѣ, не имѣя ни платья, ни опредѣленной квартиры, получая самую ничтожную плату,—кое-какъ перебивалось со дня на день на счетъ матросовъ, пролетаріевъ, рабовъ, отпущениковъ. Эти массы несчастныхъ женщинъ дѣлятся древними писателями на многія категоріи, изъ которыхъ мы упомянемъ только о нѣсколькихъ. Римскія *булочницы* (alicariae) были уличныя проститутки, сидѣвшія обыкновенно у дверей булочныхъ и продававшія особыя хлѣбы разнообразныхъ соблазнительныхъ формъ: онѣ были рабынями и служанками хлѣбопродавцевъ и въ ихъ пользу проституткичали въ булочныхъ день и ночь. *Могильщицами* назывались публичныя женщины, жившія на кладбищахъ и ночевавшія всегда подъ открытымъ небомъ, имѣвшія любовниками только такихъ же бѣдняковъ, какъ и онѣ сами, намимавшіяся въ похоронныя плакальщицы и этимъ пополнявшія свою скудную проституціонную выручку. Третья категорія, такъ называемыя bilidae имѣли самый безобразный, дикій, идіотическій видъ, и были такъ презираемы всѣми, что не смѣли показываться на улицахъ города, а бродили по окрестнымъ полямъ и въ ночной темнотѣ успѣвали иногда прельщать прохожихъ, да и то преимущественно пьяныхъ. *Лачужницы* были аристократки сравнительно съ ними, потому что имѣли квартиры въ *лачугахъ* (casae), бывшихъ не лучше собачьихъ конуръ. *Кабачницы* (copa!) проституткичали по дешевымъ цѣнамъ въ кабакахъ и таверпахъ низшаго сорта. *Двухоболовыя* получали за визитъ не болѣе 2 оболовъ. *Площадныя* были дѣвушки, пришедшія изъ деревень и блуждавшія по городскимъ улицамъ безъ пристанища, безъ обуви, голодомъ, въ грязныхъ лохмотьяхъ. Въ томъ же родѣ были и *волчицы*. Изъ такихъ-то несчастныхъ созданій состояла самая большая часть проституціоннаго контингента. Онѣ имѣли связи только съ подобными же имъ бѣдняками, которые часто не могли платить даже и двухъ оболовъ и брали ихъ силою, застигнувъ гдѣ-нибудь на пустырѣ; такихъ бѣдняковъ было много, и въ Римѣ они носили техническое названіе semitrarii. Толпы этихъ женщинъ подвергались крайнему презрѣнію со стороны всѣхъ. Богатая и красивая гетера, пока была молода, управляла царями, народами, служила украшеніемъ избраннаго общества; но то же самое общество, выжавъ изъ нея всѣ жизненные соки, выбрасывало ее въ помойную яму нищеты и съ омерзеніемъ отворачивалось отъ своей бывшей богини.

Мы уже говорили, что большею частью древнія проститутки были рабынями, развратничали по волѣ своихъ господъ и обогащали ихъ своимъ промысломъ; случалось даже, что, освобождая такую невольницу, господинъ давалъ ей свободу только подъ условіемъ содержать его доходами своего разврата. Въ томъ и другомъ случаѣ промыселъ проститутки былъ для нея неизбѣжною необходимостью, отъ которой она не могла избавиться. Изъ свободныхъ проститутокъ большинство, какъ и нынѣ, жило у содержателей и содержательницъ публичныхъ домовъ, въ такой же зависимости отъ своихъ хозяевъ, какъ и проститутки-невольницы. Въ Греціи и Римѣ содержаніе публичныхъ женщинъ было однимъ изъ распространеннѣйшихъ занятій; содержатель, lenо, встрѣчался во всѣхъ общественныхъ состояніяхъ и подъ всѣми масками; содержательницами же

были преимущественно ex-проститутки, успѣвшія сколотить своимъ промысломъ копѣйку, или наживіпіяся, благодаря какому-нибудь случаю. Иногда публичный домъ приносилъ такіе огромные доходы, что даже почтенные граждане, въ Аѳинахъ, напр., давали свой капиталъ на основаніе такого заведенія, открытаго на чужое имя, и обогащались доходами съ него. Рабыни или кабальныя должницы своихъ содержателей, проститутки подвергались со стороны послѣднихъ самой возмутительной, безжалостной эксплуатаціи; ихъ заставляли развратничать безъ отдыху, то побуждая ложными обѣщаніями освобожденія, то за недостаточную выручку подвергая ихъ столь жестокому биченаію, что спина ихъ обливалась кровью. Когда же содержатель видѣлъ, что женщина такъ истощена своимъ ремесломъ, что отъ нея нельзя уже ожидать выгоды, то онъ продавалъ ее или выгонялъ отъ себя навсегда.

Порокъ эксплуатировали не одни только содержатели формальныхъ публичныхъ домовъ, а также и тысячи сводней. У трактирщиковъ, банщиковъ, цырюльниковъ, кабачниковъ, булочниковъ, парфюмеровъ и т. д. всегда были рабы и рабыни, слуги и служанки, развратомъ которыхъ они торговали. Эти же господа доставляли желающимъ силою захваченныхъ или хитростью соблазненныхъ невинностей. Развращенное общество равнодушно смотрѣло на эти мерзости, и администрація вовсе не думала ни ограничивать этихъ пропагандистовъ разврата, ни контролировать деспотическаго тиранства содержателей надъ женщинами и мальчиками. Хотя содержатели проституткокъ и презирались, хотя законъ и подвергалъ ихъ многимъ ограниченіямъ, но это было лишь по временамъ, и въ концѣ концовъ они всегда брали верхъ надъ репрессивными мѣрами правительства. Такъ, напр., сначала во всѣхъ городахъ для публичныхъ домовъ были отведены только самые отдаленные и самые грязные кварталы; но мало-по-малу эти дома подвигаются все къ центру города и наконецъ прочно водворяются въ лучшихъ частяхъ его. Въ Римѣ эти заведенія гнѣздились около цирковъ, театровъ, рынковъ. Вокругъ большого цирка стояли ряды конуръ (cellae et fornices), служившихъ для проституцій чернаго народа до и послѣ игръ. Большинство подобныхъ заведеній было грязно и бѣдно. Многочисленныя толпы проститутокъ наполняли не только города, но даже ихъ окрестности; многія изъ нихъ были независимы отъ содержательницъ и составляли, такъ сказать, летучіе отряды, рыскавшіе всюду, чтобы найти покупателя и добыть себѣ кусокъ хлѣба. Изъ этихъ независимыхъ проститутокъ однѣ никогда не бывали въ кабалѣ у содержателей, другія выкупались отъ нихъ, третьи были выкуплены ихъ любовниками, четвертыя,—и кажется, составлявшія большинство, — были старухи и больныя, сдѣлавшіяся невыгодными для содержателей и поэтому прогнанныя ими. Общее число проститутокъ было громадное. Въ Аѳинахъ гетеръ высшаго класса бывало около 150, а публичныхъ женщинъ другихъ сортовъ, по словамъ Атенея, «такое множество, что ни одинъ городъ, равнонаселенный, никогда не имѣлъ ихъ столько». Въ Римѣ впослѣдствіи ихъ было больше, чѣмъ въ Аѳинахъ и даже самомъ проституціонномъ городѣ Греціи — Коринѳѣ. По траяновской переписи ихъ оказалось 32,000, но многія уклонились отъ этой ревизіи, производившейся съ фискальною цѣлью. Существованіе проституціоннаго налога заставляло всегда женщинъ избѣгать записи въ полицейскія книги, и поэтому сейчасъ приведенная цифра далеко не обнимаетъ всего числа проститутокъ Рима, этого непотребнаго дома вселенной.

По нѣкоторымъ поверхностнымъ замѣткамъ древнихъ писателей и болѣе точнымъ свѣдѣніямъ о современной проституціи, мы совершенно вправѣ заключить, что для древнихъ публичныхъ женщинъ ихъ ремесло и ихъ жизнь были невыносимымъ, сплошнымъ страданіемъ. Подобно новѣйшимъ, древнія проститутки постоянно предавались пьянству, чтобы забываться и не чувствовать такого отвращенія къ разврату, которое обыкновенно убиваетъ трезвую публичную женщину. На то же отвращеніе къ своему ремеслу указываетъ и то обстоятельство, что почти всѣ онѣ имѣли постоянныхъ любовниковъ; значеніе этого факта читатель совершенно пойметъ, когда мы будемъ говорить о новѣйшей проституціи. У древнихъ, какъ у современныхъ продавщицъ порока, одна и та же лживость, перемѣна именъ, скрытіе своего званія, мѣста родины,—результаты стыдливости и общественной отверженности. Презираемыя, гонимыя, угнетаемыя, онѣ отличались, подобно современнымъ, солидарностью между собой и чувствомъ братской дружбы. Горька была участь ихъ. Не говоря уже о тяжелыхъ налогахъ, которые часто взыскивались съ жестокостью и лишали ихъ послѣдняго куска хлѣба, онѣ страдали много отъ разныхъ пропсковъ, интригъ и распоряженій партіи, стоявшей за чистоту общественныхъ нравовъ, а иногда дѣйствовавшей подъ вліяніемъ семейныхъ женщинъ, ненавидѣвшихъ ихъ мужьямн, такъ увлекавшимися красотою публичныхъ. Въ Греціи на нихъ нерѣдко взводились ложныя обвиненія вслѣдствіе мести, корысти или ревности, и, безъ особенно счастливаго случая, обвиненная проститутка погибала: ее могли осудить, не выслушавъ даже оправданій. По временамъ имъ запрещалось носить извѣстныя одежды, жить въ извѣстныхъ кварталахъ, ѣздить въ экипажахъ и т. д. Въ Греціи дѣти не только проститутокъ, но даже наложницъ оставались навсегда также безправными и отверженными, какъ и ихъ матери; они не имѣли права ни наслѣдовать, ни говорить передъ народомъ, ни сдѣлаться гражданами; а матери не могли требовать отъ нихъ исполненія сыновнихъ обязанностей. Въ римской республикѣ гражданину запрещенъ бракъ съ проституткою и послѣдняя оставалась отверженной даже и въ томъ случаѣ, когда бросала свое ремесло. Всѣ агенты проституціи подвергались здѣсь какъ бы гражданской смерти, по-

добно рабамъ, гладіаторамъ и гистріонамъ; они не имѣли права ни наслѣдовать, ни завѣщевать, ни опекать своихъ дѣтей, ни занимать общественныхъ должностей, ни быть свидѣтелями въ судѣ, ни присутствовать на торжественныхъ религіозныхъ праздникахъ, ни жаловаться на личныя обиды; они были предоставлены полному произволу администраціи, которая, впрочемъ, дѣлала имъ много незаконныхъ послабленій, столь частыхъ, что они, на основаніи своей давности, нерѣдко входили въ обычай. Поэты, обыватели, развратныя матроны, даже доктора всѣхъ пороковъ—цезари презирали и ругали ихъ. Какъ же помирить эту общественную отверженность проституткъ съ античною терпимостью, даже любовью къ проституціи, съ доктриною объ ея необходимости и спасительности, съ развращенностью общества, съ громаднымъ вліяніемъ гетеръ? — Во-первыхъ, такое разногласіе древнихъ мнѣній зависитъ въ извѣстной степени отъ личностей и партій, имѣвшихъ эти мнѣнія. Во-вторыхъ, презиралась и гонялась только масса проститутокъ, этихъ бѣдныхъ, грязныхъ, истощенныхъ рабынь, оскорблявшихъ и зрѣніе, и обоняніе патриція, и его понятіи о мнимомъ благородствѣ крови. Но даже и послѣ этого упомянутое противорѣчіе все-таки остается очень рѣзкимъ. Древняя проститутка, при всей терпимости къ ней, даже иногда протекціи государства, при всемъ увлеченіи ею лучшими и всякими людьми общества, была однакожъ презираемою, нечистою тварью и передавала свой позоръ всему своему потомству. Въ древнемъ мірѣ женщина была не лицомъ, а орудіемъ,—орудіемъ сладострастія, труда и продолженія рода; проститутка, въ частности, была орудіемъ разврата и, какъ всякое орудіе, цѣнилась до тѣхъ поръ, пока исполняла свое назначеніе, не ею самою опредѣленное. Прибавьте къ этому, что она была или рабыней, или происходила не отъ благородной крови, почти всегда отъ иностранцевъ; а по античному воззрѣнію и праву, рабъ не былъ человѣкомъ, каждый рабъ былъ иностранцемъ въ дѣйствительности, а каждый иностранецъ считался рабомъ въ возможности. Матроны, не только развратничавшія секретно съ какими-нибудь кучерами или гладіаторами, но даже продававшія себя публично, вовсе не были такъ отвержены, какъ проститутки. И параллельно съ этимъ послѣднія не награждались презрѣніемъ, не были отверженицами въ средѣ низшихъ классовъ народа, ненавидѣвшихъ и развратъ, и проституцію патриціевъ... Высшіе классы, такимъ образомъ, силою своей власти или своего богатства, захватывали бѣдныхъ красавицъ, наслаждались ими, пожирали ихъ жизнь, и затѣмъ съ презрѣніемъ выбрасывали въ мрачную, зловонную яму пролетаріата, изъ которой былъ одинъ выходъ—смерть, смерть отъ холода, смерть отъ голода, смерть отъ руки исполнителя патриціанскаго правосудія, палача, смерть отъ болѣзней, имѣющихъ въ упомянутой ямѣ главное свое обиталище. Такова была общая участь проститутокъ, за весьма немногими исключеніями.

Въ то время, какъ древнее общество справляетъ свои предсмертные пиры, любуется гибелью тысячъ народа въ циркахъ и упивается запахомъ человѣческой крови, грабитъ вселенную, заводитъ непотребные дома во дворцахъ цезарей, убиваетъ своимъ деспотизмомъ массы народа и, съ обычною наглостью тупого деспота, топчетъ ногами и презираетъ всѣхъ имъ ограбленныхъ, избитыхъ, развращенныхъ, сведенныхъ съ ума, превращенныхъ въ безсмысленныхъ животныхъ,—съ береговъ Іордана раздается кроткій, любвеобильный голосъ: «идите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и я успокою васъ!» Всѣ отверженные и задавленные древней цивилизаціей идутъ на голосъ учителя, унижающаго гордыхъ, возвышающаго смиренныхъ, проповѣдывающаго равенство и братство. Нищіе, рыбаки, рабы, отпущеники, римскіе могильщики, проводящіе въ катакомбахъ всю свою жизнь и никогда не видящіе солнца, нагіе поденщики, самая грязная чернь. всѣ отверженники стекаются къ реформатору и водою крещенія смываютъ печать своей отверженности. Проститутки были самыми горячими проселитками евангелія и усердными спутницами цѣломудреннаго Іисуса, проповѣдывавшаго такую терпимость къ нимъ и такъ человѣчно прощавшаго всѣ ихъ прежніе грѣхи. Но отцы первыхъ вѣковъ церкви, считая бракъ священнымъ только потому, что цѣлью его было «христіанское рожденіе и воспитаніе дѣтей», всякое половое удовольствіе, не сопровождаемое такою цѣлью и не освященное церковью, считали смертнымъ грѣхомъ; проститутки были для нихъ отверженными грѣшницами и подвергались строгимъ церковнымъ покаяніямъ. Христіанскіе законодатели Византіи собираютъ въ свои сундуки значительные налоги «со всѣхъ нищихъ, со всѣхъ проститутокъ, рабовъ, отпущениковъ», запрещаютъ патриціямъ жениться на публичныхъ женщинахъ, предписываютъ послѣднимъ носить платье съ извѣстными условными признаками ихъ отверженности, кладутъ печать позора на дѣтей ихъ, жестоко наказываютъ какъ растлителя дѣвушки, такъ и послѣднюю, не обращая вниманія, согласилась она или нѣтъ отдаться своему соблазнителю, и т. д. Но, ухудшая такимъ образомъ положеніе несчастныхъ публичныхъ женщинъ, христіанскіе законодатели нисколько не достигали своей главной цѣли—искорененія разврата. «Развратъ не былъ промысломъ, приносящимъ выгоды народу, напротивъ, онъ возбуждался и поддерживался страстями вельможъ и богачей», говоритъ Діофуръ, и поэтому всѣ усилія ослабить его оставались тщетными: наказывая съ примѣрною жестокостью простой народъ, императоры не смѣли такъ же безцеремонно поступать съ главною опорою разврата—высшими классами, и, не смотря на всѣ ихъ репрессивныя мѣры, византійская имперія была и умерла такою же развратною, какъ и Римъ. Самъ Ѳеодосій въ одной изъ своихъ новеллъ (Nov. 14, authent. col. 2, tit. 1, De lenon) признается, что развратъ и проституція пожираютъ имперію, не смотря на всѣ законы и жестокія наказанія. «Извѣстные люди употребляютъ для своего обогащенія жестокія и гнусныя средства; разъѣзжая по

провинціямъ и отдаленнымъ странамъ, они обманываютъ несчастныхъ дѣвушекъ разными обѣщаніями, привозятъ ихъ въ этотъ великолѣпный городъ (Византію), помѣщаютъ въ своихъ домахъ. даютъ имъ платье и дурную пищу, потомъ предаютъ ихъ на публичный развратъ и берутъ себѣ ихъ выручку. Они заставляютъ эти несчастныя жертвы подписывать обязательства, по которымъ тѣ, въ теченіе опредѣленнаго срока, принуждены заниматься своимъ преступнымъ и нечестивымъ промысломъ; и преступленія этого рода умножаются въ такой степени, что совершаются всюду, и въ нашемъ императорскомъ городѣ, и въ странахъ забосфорскихъ, и, что всего ужаснѣе, эти обиталища порока открываются подлѣ церквей и самыхъ почтенныхъ домовъ... Есть злодѣи, лишающіе невинности дѣвочекъ, не достигшихъ еще десятилѣтняго возраста, и человѣколюбивые люди едва могутъ выкупать этихъ несчастныхъ дѣтей на вѣсъ золота»... Новелла заключается угрозами жестокихъ наказаній, бывшихъ совершенно недѣйствительными въ странѣ, разоряемой деспотами и развращаемой тою аристократіей, которая, не краснѣя, слушала громовыя рѣчи Златоуста, смѣло обличавшаго ее во всевозможныхъ порокахъ и злодѣяніяхъ. Провинціи погибали отъ анархіи, опустошались администраторами, вымирали отъ голода, и удивительно ли, что они вели на рынки Византіи своихъ женъ и дочерей продавать богатымъ развратникамъ! Такою же жалкою попыткою, какъ кары закона, оказались и магдалинскія убѣжища, впервые заведенныя въ Константинополѣ ех-проституткою, императрицею Ѳеодорою. Основавъ убѣжище, она велѣла силою забрать въ него съ улицъ 500 публичныхъ женщинъ, которымъ было такъ хорошо въ этомъ благотворительномъ заведеніи, что большинство ихъ утопилось въ морѣ въ первую же ночь!..

III.

Роскошь и утонченный развратъ — вотъ что прежде всего заимствовала отъ римлянъ аристократія европейскихъ варваровъ. Грубая, необузданная, страстная, она продолжала предсмертныя оргіи Рима, сопровождая ихъ всевозможными злодѣяніями и безпорядками, столь обыкновенными въ несложившемся еще обществѣ. Сила дала ей власть, а власть дала возможность выжимать изъ народа послѣдніе жизненные соки и въ частности формировать для своей утѣхи гаремы изъ дѣвушекъ низшихъ классовъ. Захватываніе и насилованіе женщинъ были такъ обыкновенны, что создали юридическій обычай: *право первой ночи*, узаконенное, впрочемъ, впервые императоромъ Максиминомъ, постановившимъ, что рабъ не можетъ жениться безъ согласія господина, который долженъ быть «предвкусителемъ на всѣхъ свадьбахъ» (ut ipse in omnibus nuptiis praegustator esset). И въ теченіе вѣковъ этимъ гнуснымъ правомъ пользовались феодалы Европы, пока, наконецъ, оно не было уничтожено подъ вліяніемъ женщинъ, преимущественно порядочныхъ королевъ. Но право первой ночи, какъ оно ни отвратительно, все-таки не составляло главнаго зла того анархическаго произвола, которому долго подвергались всѣ женщины, подвластныя и даже неподвластныя феодаламъ, постоянно растлевавшимъ ихъ, забиравшимъ ихъ для своего наложничества, составлявшимъ изъ нихъ цѣлые гаремы. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда публичные дома не были еще распространены въ Европѣ и существовали лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, ихъ замѣняла домашняя проституція. Короли, аббаты, епископы, бароны имѣли въ своихъ домахъ родъ сераля или непотребныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ вассаловъ; по выраженію одного писателя XI в., каждый ленный владѣлецъ кормилъ въ своемъ гинекеѣ столько же проститутокъ, сколько было собакъ въ его псарнѣ. Иногда этихъ наложницъ набиралось такъ много подъ одной кровлей, что хозяинъ не имѣлъ средствъ содержать ихъ и былъ принужденъ освобождать нѣкоторыхъ, чтобы не умерли съ голода всѣ. Хотя эти гинекеи и имѣли характеръ промышленныхъ заведеній, такъ какъ запертыя въ нихъ женщины занимались въ пользу своихъ господъ, но уже съ X вѣка ихъ названіе дѣлается синонимомъ публичнаго дома, чѣмъ они и были въ сущности. У сильныхъ владѣльцевъ ихъ было даже по нѣскольку у каждаго. У Меровинговъ и Каролинговъ они были разсѣяны по разнымъ мѣстамъ ихъ владѣній, занимались приготовленіемъ льна, мыла, посуды, масла и т. п., и въ то же время поставляли наложницъ для своихъ господъ. Феодалы даже заманивали въ нихъ посторонніхъ мужчинъ и брали деньги за ихъ визиты. Феодальные же гаремы для собственной утѣхи ихъ владѣльцевъ продолжали существовать по мѣстамъ вплоть до временъ новой исторіи. Крѣпостныя женщины въ средніе вѣка также продавались и вымѣнивались своими господами, и желающіе могли покупать ихъ для наложничества. Независимо отъ наложницъ, рабыни, служанокъ, дѣлу домашней проституціи служили также собственныя жены и дочери владѣльцевъ; многіе родители и мужья или угощали ими своихъ гостей, или предлагали ихъ даже за деньги; многія жены и дочери дѣлали то же, независимо отъ своихъ семейныхъ владыкъ. Ничѣмъ неограниченный произволъ, огромныя богатства, пріобрѣтаемыя посредствомъ грабежа, разбоя, войны и поборовъ съ народа, праздная жизнь, вліяніе развращенной Италіи и Востока—все это растлило до корня феодальное общество, заразившееся вскорѣ послѣ своего возникновенія самыми грубыми пороками. Мы не будемъ говорить уже о томъ, какъ феодалъ развратничалъ въ своемъ замкѣ, какъ, разъѣзжая по деревнямъ, онъ соблазнялъ и насиловалъ крестьянокъ, какъ портилъ женщинъ своего класса, какъ онъ, подобно Ченчи, лишалъ невинности своихъ дочерей, или, подобно Жану де-Тройе († 1468 г.), прижитыхъ со своею дочерью дѣтей убивалъ всѣхъ съ ея согласія; какъ онъ, подобно меровингскимъ королямъ, не отступалъ ни передъ убійствами, ни передъ войной, чтобы только завладѣть приглянувшейся женщиной, какъ онъ дѣлалъ отдаленныя пу-

тешествія и спалъ въ женскихъ объятіяхъ въ замкахъ барoновъ, въ хижинахъ крестьянъ, въ кельяхъ монахинь, въ непотребныхъ домахъ сладострастной Италіи. Размѣры этой развращенности могутъ быть опредѣлены распространеніемъ противоестественныхъ пороковъ, являющихся лишь результатомъ полнаго пресыщенія женщинами. Мужеложество, соединенное иногда съ кровосмѣшеніемъ, доходило до ужасныхъ размѣровъ, такъ что, по словамъ де-Витри (Histoire occidentale, ch. VII), «человѣкъ, содержащій нѣсколько наложницъ, отличался сравнительно примѣрною нравственностью!» Одинъ изъ первыхъ вельможъ Франціи, Жиль де-Рецъ (Retz), сожженный на кострѣ въ 1440 г., проводилъ все свое время въ растлѣніи дѣтей, которыхъ доставляли ему со всѣхъ сторонъ его слуги и камердинеры; наслаждались ими разъ или два, онъ душилъ ихъ, и въ подземельяхъ его замковъ было найдено множество остововъ этихъ несчастныхъ жертвъ; ему было даже пріятнѣе перерѣзывать горло малютказмъ, чѣмъ удовлетворять на нихъ свою животную страсть; часто оба эти наслажденія онъ соединялъ вмѣстѣ, и злоупотреблялъ ими до тѣхъ поръ, пока они не умирали. За каждаго доставленнаго ему ребенка онъ платилъ отъ 2 до 3 экю. Уголовныя лѣтописи тѣхъ временъ показываютъ, какъ часто совершались тогда насилованія малолѣтнихъ дѣвочекъ, не говоря уже о взрослыхъ, насилованія мальчиковъ и т. д. Количество преступленій скотоложства было особенно значительно во Франціи, гдѣ оно постепенно увеличивалось до конца XVI в. и гдѣ казнили смертью не только скотоложцевъ, но даже и животныхъ. Такъ въ 1546 г. былъ сожженъ Гюго Видъ за сожительство съ коровою, которая прежде сожженія была убита; въ 1556 г. Жанъ де-ла-Сель сожженъ съ ослицею за сожительство съ нею; въ 1601 г. былъ повѣшенъ и потомъ сожженъ Клоденъ-де-Кюланъ за связь съ собакою и т. д. Этотъ гнусный порокъ доходилъ до ужасающихъ размѣровъ. Итальянцы, участвовавшіе въ осадѣЛіона въ 1562 г., привели съ собой изъ Италіи разряженныхъ и богато украшенныхъ козъ, но не удовольствовались ими; всѣ почти дѣти и козы въ деревняхъ Дельфината подверглись ихъ скотскому злоупотребленію, и крестьяне нашлись вынужденными сожечь своихъ опоганенныхъ животныхъ... Сытое, сильное, тунеядное феодальное дворянство, развращаясь само, развращало до мозга костей и всю народную массу. Средневѣковая безнравственность предетавляетъ ужасную картину. Матери растлѣваютъ своихъ сыновей, отцы дочерей, братья сестеръ, самые ближніе родственники содомитствуютъ другъ съ другомъ, рыцари угощаютъ посѣтителей если не своими женами и дочерьми, то во всякомъ случаѣ служанками, феодальныя дамы поощряютъ другъ друга къ разврату, дочери графовъ проникаютъ въ спальни чужихъ мужчинъ и принуждаютъ послѣднихъ къ любви съ собою, дамы одѣваютъ и раздѣваютъ гостя, даже провожаютъ его въ баню и помогаютъ ему мыться, въ церквахъ, на турнирахъ, на балахъ женщины являются полунагими: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ распространяется даже обычай гулять совершенно нагишомъ по улицамъ, въ баняхъ и купальняхъ мужчины и женщины купаются вмѣстѣ безъ всякихъ костюмовъ, актеры и актрисы иногда являются на сцену въ одеждѣ Адама и Евы, трубадуры, воспѣвая любовь, также мало стѣсняются въ выраженіяхъ и въ выборѣ сюжетовъ, какъ и поэты золотого вѣка римской литературы.

Вмѣстѣ съ дворянствомъ дѣйствовало и католическое духовенство. Безбрачіе монаховъ и бѣлаго духовенства, при власти и богатствахъ, которыми обладали они, принесло такіе развратительные плоды, которые портили народъ едва ли не больше, чѣмъ дворянство. Патеры заводятъ цѣлые гаремы, монахи, какъ голодные волки, бросаются на женщинъ и, часто силою увлекая ихъ въ свои монастыри, держатъ здѣсь въ заключеніи; духовники совлазняютъ своихъ исповѣдницъ; іезуиты проповѣдуютъ, что женщина не грѣшитъ, если говоритъ своему любовнику: «я отдаюсь тебѣ во имя І. Христа». Развратъ приходскаго духовенства простирался до того, что ради охраненія своихъ женъ и дочерей отъ сластолюбія попа, прихожане сплошь и рядомъ формально обязывали его содержать наложницу. Громадная власть духовенства надъ народомъ давала ему возможность наживать огромныя богатства и наполнять свои гаремы лучшими женщинами. Какъ развратительно дѣйствовало духовенство на народъ, можетъ показать слѣдующая исторія, разсказанная по подлиннымъ актамъ Дюлоромъ въ его «Histoire de Paris». «Шарль де-Сенектеръ, сеньоръ города д'Орильяка и аббатъ монастыря, два его племянника, въ томъ числѣ одинъ бывшій аббатомъ въ монастырѣ св. Іоанна, его племянница Марія, настоятельница женскаго д'орильякскаго монастыря, монахи и монахини обоихъ монастырей предавались всѣмъ крайностямъ разврата (и это было въ половинѣ XVI столѣтія). Каждый монахъ жилъ въ монастырѣ съ одной или нѣсколькими наложницами,—дѣвушками, совлазненными имъ и уведенными изъ родительскаго дома, или женщинами, похищенными отъ мужей. Въ саду у аббата было особое зданіе, спеціально предназначенное для разврата и украшенное совлазнительными картинами; патеры были обыкновенными поставщиками женщинъ въ это убѣжище, на племянникахъ аббата лежала та же постыдная обязанность. Они облагали этою натуральною данью не только городъ, но и всѣ окрестныя деревни; они вырывали дѣвушекъ изъ объятій ихъ матерей, при полномъ дневномъ свѣтѣ, въ виду жителей, они презирали общественное мнѣніе, крики и плачъ своихъ жертвъ, которыхъ пинками и ударами гнали въ монастырь, гдѣ онѣ и предавались растлѣнію аббата, его племянниковъ и другихъ монаховъ». Мало того, что духовенство предавалось всевозможнымъ оргіямъ, посѣщало публичные дома, развращало своихъ духовныхъ дочерей, пользовалось правомъ первой ночи, занималось нерѣдко сводничествомъ,—оно, кромѣ всего этого, водворяло въ Европѣ много-

женство и педерастію, которая извѣстна также подъ именемъ *кардинальской любви*. Во Франціи въ 1581 г. была составлена статистическая таблица о духовенствѣ, въ которой всего духовенства съ церковными служителями показано 1.018.782, наложницъ духовенства 1.151.754, содомитовъ 39.583. Еще св. Бонифацій писалъ, что «нѣкоторые изъ поповъ и монаховъ имѣютъ по *пяти* и *болѣе наложницъ*.» Монастыри были постоянными притонами пьянства и разврата. Отъ мужскихъ не отстали и женскіе. Сюда съѣзжались, кутить и развратничать окрестные дворяне и монахи. Стѣны монастырей сплошь и рядомъ оглашались криками дѣтей, прижитыхъ монахинями со своими любовниками. Для солдатъ во время ихъ походовъ женскія обители были публичными домами. Этотъ поповскій развратъ, разъѣдавшій всю Европу, сосредоточивался, главнымъ образомъ, при дворѣ тѣхъ, которые претендовали быть божественными повелителями неба и земли. Дворцы папъ сплошь и рядомъ превращались въ настоящіе непотребные дома, а подъ именемъ непогрѣшимыхъ первосвященниковъ правили ихъ любовницы. Здѣсь, какъ и при всѣхъ тогдашнихъ дворахъ, развратъ не ограничивался однимъ конкубинатомъ,—здѣсь развратничали во вся тяжкая, соблазняли, насиловали... По словамъ Луитпранда, въ Римѣ женщины и дѣвушки иногда «вовсе не ходили молиться надъ гробомъ св. апостоловъ», потому что попы насиловали ихъ даже въ церкви!... Доходило до того, что папа жилъ съ собственною дочерью... Такой ужасный развратъ сопровождался всегда интригами и злодѣйствами. Папы и другія духовныя особы были не просто развратниками, но развратными тиранами. Въ Авиньонѣ, напр., въ 1509 г. незаконный сынъ папскаго легата обезчестилъ жену одного дворянина и былъ за это убитъ ея мужемъ. Легатъ задумалъ дьявольскую месть. Онъ пригласилъ къ себѣ все высшее общество Авиньона, и въ то время, какъ гости спокойно сидѣли за столомъ, всѣ выходы изъ залы были заперты, легатъ поджегъ домъ и вся авиньонская аристократія сгорѣла заживо, въ томъ числѣ погибъ, конечно, и убійца легатскаго сына.

Вся исторія Европы вплоть до новѣйшаго времени проходитъ въ непрерывныхъ войнахъ, а каждая старинная война сопровождалась почти поголовнымъ растленіемъ женщинъ, попадавшихся солдатамъ. Холостые или оторванные отъ семей, они дѣйствовали развратительно и во время своихъ мирныхъ стоянокъ, насилуя однѣхъ, соблазняя другихъ, уводя съ собою третьихъ. Въ лагеряхъ всѣхъ европейскихъ войскъ всегда были толпы публичныхъ женщинъ, безъ которыхъ солдаты не ходили въ кампаніи и число которыхъ равнялось численности арміи. Отъ нихъ не могли и не хотѣли избавиться ни короли, ни военачальники. Когда Генрихъ II принялъ свои репрессивныя мѣры противъ всякой проституціи, то осмѣлился только ограничить число лагерныхъ женщинъ, постановивъ, чтобы ихъ было не болѣе 1 на 3 солдатъ. Иногда эти проститутки зазнавались и возвышали свою плату. Во Франціи походные непотребные дома существовали до XVII в. Иногда ихъ содержали сами военачальники, эксплуатировавшіе, такимъ образомъ, и проститутокъ, и офицеровъ, и солдатъ. Развращенность войскъ, особенно нерегулярныхъ, была такъ велика, что во время крестовыхъ походовъ ей изумлялись даже магометане. Возвращаясь изъ походовъ, крестоносцы заводили у себя формальные гаремы.

Три упомянутыхъ фактора — феодальное дворянство, католическое духовенство и солдатство—сходились въ одномъ общемъ центрѣ, при королевскомъ гинекеѣ, который, поэтому, и шелъ въ теченіе стольнихъ столѣтій во главѣ европейскаго разврата. Мы не будемъ говорить о полудикихъ меровингахъ, о карловингахъ и ихъ великомъ родоначальникѣ, въ глазахъ котораго его дочери превратили королевскій дворецъ въ непотребный домъ; мы подвинемся дальше и взглянемъ на дворы болѣе новые, въ особенности на французскій. «Если взглянуть на старинную Европу,—говоритъ Тэккерей въ своихъ Four Georges,—ландшафтъ ужасенъ: пустыни, несчастныя и ограбленныя, полусожженныя хижины и дрожащіе крестьяне, собирающіе ничтожную жатву. Поодаль отъ крика и шума стоитъ Вильгельмслусть, или Лудвигсруэ, или Монбижу, или Версаль, возлѣ города, скрытый лѣсомъ отъ обнищалой деревни,—огромный позолоченный, чудовищный дворецъ. Можетъ ли дворъ быть великолѣпнѣе, вельможи и кавалеры храбрѣе и величавѣе, дамы прелестнѣе? Но въ самомъ этомъ центрѣ власти какія ужасныя пятна, низость, преступленія, позоръ! Цѣну несчастной провинціи король повязываетъ на бѣлую шею своей любовницы... Каждый князь подражаетъ французскому королю, и имѣетъ свой версаль, свой дворъ и свое великолѣпіе, свои сады со статуями, свои фонтаны и своихъ тритоновъ, своихъ актеровъ, своихъ пѣвцовъ, свой гаремъ, свои бриллианты и разные титулы для обитательницъ гарема, свои празднества, картежные столы, турниры, маскарады и банкеты, которые продолжаются по цѣлымъ недѣлямъ и за которые народъ платитъ своими деньгами, если они есть у несчастныхъ бѣдняковъ, а когда нѣтъ, то своимъ тѣломъ, своею кровью, и ихъ тысячами продаютъ ихъ господа и повелители, которые весело ставятъ на карту цѣлые полки, вымѣниваютъ батальоны солдатъ на бриллиантовыя ожерелья для танцовщицъ, словомъ, забираютъ въ карманъ свой народъ!» Развратъ при германскихъ дворахъ доходилъ до невообразимаго скотства. Августъ Саксонскій, напр., имѣлъ любовницей свою дочь Оржельскую, которая сначала была въ связи съ своимъ братомъ, графомъ Рутовскимъ, однимъ изъ 354 побочныхъ дѣтей ихъ общаго отца. «Съ какимъ цинизмомъ—говоритъ Шерръ въ своей «Исторіи цивилизаціи Германіи»—онъ попиралъ всякій стыдъ и всякую нравственность, можно видѣть изъ того, что

въ 1767 г. онъ держалъ пари съ тогдашней своей любовницей Козель, что можетъ выпустить монеты съ изображеніемъ ея дѣторождныхъ частей, и выигралъ это пари, велѣвъ вычеканить гульдены, извѣстные нумизматикамъ подъ именемъ гульденовъ Козель». При дворѣ курфиреста-архіепископа майнцскаго Эрталя безстыдство доходило до того, что священники носили ленты своихъ крестовъ въ видѣ женскихъ секретныхъ членовъ! Императоръ Леопольдъ II (1790—1792) превратилъ дворецъ въ непотребный домъ и умеръ отъ постояннаго возбужденія своихъ истощенныхъ силъ химическими средствами. Кабинетъ императора, разобранный послѣ его кончины, представлялъ настоящій арсеналъ сладострастія.

При дворахъ королей съ самаго начала европейской исторіи были десятки, сотни проститутокъ, содержавшихся изъ королевской казны и не отставшихъ отъ двора даже во время его путешествій. Для управленія ими во Франціи былъ назначенъ roi des ribauds, родъ министра, должность котораго при Франциск I была передана дамѣ и существовала до конца XVI вѣка. Съ развитіемъ придворной утонченности измѣнился и характеръ дворцовой проституціи. *Публичныя женщины* исчезаютъ со сцены и снова являются на нее въ качествѣ *дамъ*, утонченныхъ, образованныхъ, изящныхъ. Одна изъ нихъ и живутъ при дворѣ, другія только временно украшаютъ его своимъ присутствіемъ, соединяя въ одну компанію и дворъ, и высшее общество, къ которому онѣ принадлежатъ. Главнымъ совершителемъ этой перемѣны былъ Франциск I, говорившій, что «дворъ безъ дамъ—это садъ безъ цвѣтовъ и скорѣе похожъ на дворъ турка или сатрапа, чѣмъ на дворъ всехристіаннѣйшаго короля». И украшенъ былъ дворъ прелестными дамами, которыми, по словамъ Брантома, Франциск хотѣлъ замѣнить прежнихъ проститутокъ. Наборъ этихъ дамъ и королевскихъ метрессъ производился разными способами. При многихъ дворахъ были, напр., вельможныя и невельможныя сводни. При Карлѣ VI эту должность исполняли два августинскихъ монаха, жившіе во дворцѣ, при Франциск I кардиналъ де-Лорренъ не только промышлялъ женщинъ, но и «собственноручно дрессировалъ ихъ для короля»; при Генрихѣ IV всѣ придворные наперерывъ старались угодить по этой части не только королю, но и принцамъ, и вельможамъ. Итальянецъ Заметъ за это искусство изъ простого картонщика сдѣлалъ барономъ, королевскимъ совѣтникомъ, фонтенблоскимъ губернаторомъ и богачомъ. Помощниками его были герцогъ де-Бельгардъ и маркизъ Варренъ. Самыя знатныя дамы не пренебрегали этимъ выгоднымъ промысломъ, какъ это бывало и при другихъ дворахъ, напр., при берлинскомъ, гдѣ даже «знатныя дворянки дѣлались сводницами, соблазняли дѣвушекъ и обучали ихъ, какъ нужно избавляться отъ беременности». Милости королей, богатства и титулы, расточаемые ими и вельможами на любовницъ, дѣйствовали такъ развратительно, что родители вели во дворецъ на поруганіе своихъ дочерей, а мужья покупали себѣ чины и должности на своихъ женъ. Феодалы, превратившись въ придворныхъ вельможъ и чиновниковъ, считали за счастіе видѣть своихъ женъ и дочерей наложницами государей. Въ старинной Европѣ толпы дворянокъ постоянно переѣзжали отъ двора къ двору, отыскивая занятія; и если онѣ обращали на себя милостивое вниманіе государей, то оставались при дворѣ, дѣлались фаворитками его величества или его высочества, получали огромныя суммы, дѣлались герцогинями, маркизами и т. п., не теряя общественнаго уваженія за тотъ способъ, какимъ онѣ достигли своего повышенія. Эти-то блудницы нерѣдко и посылались королями къ другимъ дворамъ, *«съ особыми порученіями»*. Катерина Медичи организовала при французскомъ дворѣ изъ знатныхъ проститутокъ такъ называемый *«летучій эскадронъ королевы»*; входившія въ составъ его женщины, разъѣзжая по Франціи и за границей, соблазняли государей и знатныхъ людей, выѣдывали отъ нихъ политическія тайны, отклоняли ихъ отъ дѣйствій, не согласныхъ съ планами королевы и т. д. Та же королева съ политическою цѣлью развратила, говорятъ, своихъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей.

Читателю, можетъ быть, покажется страннымъ, что развратъ старинныхъ дворовъ Европы мы называемъ проституціей; но въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакого преувеличенія, — это былъ не развратъ, а промыселъ развратомъ. Всѣ придворныя любовницы получали деньги, содержаніе, титулы, награды своимъ родственникамъ и т. д. Даже не получая денегъ, онѣ могли наживаться, благодаря своему положенію. Такъ, когда въ Англіи, послѣ казни мятежниковъ 1685 года, было приступлено къ конфискаціи ихъ имуществъ, дворъ имѣлъ въ этихъ конфискаціяхъ свою долю; болѣе всего отличались здѣсь хищностью и жестокостью дамы. Королева упросила, чтобы ей отдали сто мятежниковъ, и выручила за продажу ихъ 1.000 гиней. Дамы содрали 1.000 ф. стерл. съ купца, сдѣлавшаго взносъ въ кассу мятежной арміи. Но главная добыча получена ими не съ него. Въ Тонтонѣ нѣсколько дѣвицъ поднесли Монмуту знамя. Двѣ изъ нихъ умерли въ тюрьмѣ, одна отъ эпидеміи, другая отъ страха жестокаго суда; но большая часть были живы; нѣкоторымъ изъ нихъ не было еще и десяти лѣтъ отъ роду. Фрейлины выпросили позволеніе выпудить и отдать имъ, фрейлинамъ, выкупъ съ родственниковъ этихъ дѣвочекъ; онѣ просили 7.000 фунт., но имъ могли уплатить менѣе, чѣмъ $^1/_3$ этой суммы. Нерѣдко даже придворныя проститутки брали за отдѣльный визитъ. Главный смотритель Версаля ухаживалъ за одной принцессой, но сначала встрѣчалъ отъ нея только отказы и презрѣніе; наконецъ, она согласилась продать ему свою ночь за прельстившую ее вышивную работу по канвѣ! Это ли не проституція!.. Старинные дворы, особенно французскій, мало чѣмъ уступали въ этомъ отношеніи двору римскихъ цезарей. Та же безобразная жизнь, всецѣло посвященная оргіямъ и сладострастію; тѣ же сцены гряз-

наго цинизма, тѣ же насилія, то же содержаніе мальчиковъ, этихъ прелестныхъ *миньоновъ* Генриха III, которыми такъ восхищается Капефигъ; то же развращеніе всѣхъ классовъ общества, и наконецъ—чего не было въ Римѣ—множество могилъ, въ которыя безвременно ложились жертвы сифилиса. Сколько однихъ французскихъ королей погибло отъ этой ужасной болѣзни!..

Искусства, состоявшія въ старину подъ милостивымъ покровительствомъ потентатовъ, заражались послѣдними и слѣдовали общему настроенію. Какъ у древнихъ римлянъ, дворцы и сады ихъ были наполнены самыми соблазнительными барельефами, статуями, группами, картинами, преимущественно миѳологическаго содержанія. Искусство оскверняло, такимъ образомъ, болѣе всего французскій дворъ, угождая вкусамъ котораго, самые великіе артисты Возрожденія—Леонардо Винчи, Бенвенуто Челлини и др., творили похабщину, изображая и рѣзцомъ, и кистью сцены самаго грязнаго разврата, мужеложства, скотоложства и т. п., и такія-то произведенія не таились подъ спудомъ, какъ дѣлается нынѣ развратниками, а украшали собою залы, салоны, кабинеты и сады дворцовъ. Литература и театръ носили тотъ же характеръ. Въ Англіи, напр., вся толпа драматурговъ, слѣдующихъ за реставраціей, изображаетъ исключительно прелюбодѣяніе, и изображаетъ его, какъ главное достоинство и призваніе благовоспитаннаго джентльмена. «Это міръ, въ которомъ женщины подобны самымъ развратнымъ, безстыднымъ и безчувственнымъ мужчинамъ, а мужчины слишкомъ скверны для какого-нибудь другого мѣста, кромѣ Пандемоніума или острова Норфолька».(Маколей, IV, 135—189). Въ Германіи съ половины XVII в. царитъ «самая безнравственная литература», а оперныя пѣвицы и актрисы, играя безстыдныя пьесы, сопровождаютъ ихъ похабными жестами и являются на сцену не только въ соблазнительныхъ костюмахъ, но иногда даже и нагишомъ. О Франціи ужъ и говорить нечего. Если бы пересчитать сочиненія исключительно сальнаго, и притомъ самаго сальнаго содержанія, услаждавшія собою дворъ и высшіе классы Франціи въ XIV—XVIII в., то для однихъ заглавій ихъ не хватило бы цѣлой нашей статьи. Даже мистеріи священнаго содержанія состояли здѣсь почти изъ однихъ площадныхъ выраженій и сценъ самаго циническаго разврата. Самая жизнь художниковъ, натуръ страстныхъ и впечатлительныхъ, была фривольна до безобразія. Прочтите, напр., записки знаменитаго Бенвенуто Челлини, и чуть не на каждой страницѣ вы найдете разсказы о томъ, какъ «завелась у него интрижка съ прехорошенькой дѣвочкой». Заговоривъ о какой-нибудь натурщицѣ, Челлини обыкновенно ведетъ рѣчь въ такомъ тонѣ: «она служила мнѣ моделью, и я развлѣялъ съ нею чувственныя удовольствія». Особеннымъ развратомъ отличались актеры и актрисы. Актрисы не только развратничали, но были нерѣдко еще *общими женами* для всѣхъ мужчинъ своей труппы.

Торговля, какъ это бываетъ вездѣ, была однимъ изъ главныхъ возбудителей проституціи въ старинной Европѣ. Во Франціи, даже во времена гоненій на всякую проституцію, итальянскимъ купцамъ дозволялся не только обыкновенный развратъ, но даже мужеложство, или «кардинальская любовь». Столь же сильнымъ факторомъ были университеты: въ средніе вѣка и въ періодъ Возрожденія въ нихъ бывало по десяти, по пятнадцати тысячъ студентовъ разомъ; понятно, что такія сборища холостой молодежи должны были развратительно дѣйствовать на женское населеніе. Въ средневѣковомъ Парижѣ школьный кварталъ былъ населенъ исключительно профессорами, учителями и студентами всѣхъ націй, число которыхъ простиралось до 15,000 и которые состояли въ тѣсной дружбѣ со множествомъ проститутокъ, не только содержали ихъ, но даже защищали отъ разныхъ репрессивныхъ мѣръ правительства. Нравы стариннаго студенчества, его оргіи и волокитства, необузданность и корпоративная сила,—все это вело за собою то, что университеты были одними изъ главныхъ факторовъ женскаго развращенія и центрами, около которыхъ собирались прос[illegible]

Наконецъ, немаловажными проявленіями разврата служили и многія религіозныя секты, хотя развращенность нѣкоторыхъ изъ нихъ и положительно сочинена ихъ безчестными врагами, католическими патерами. Тампліеры обвиняются въ самомъ грубомъ мужеложствѣ; булгары, беггарды, анабаптисты и множество другихъ еретиковъ отличались повальнымъ развратомъ; адамиты ходили нагишомъ и творили блудъ публично; мистики XVIII в. доходили часто до скотства и т. д. Католицизмъ тоже принесъ свою дань общему настроенію нравовъ. Монашескій орденъ «братцевъ», напр., разсѣянный по всей Европѣ, считая грѣхомъ всякую постоянную связь, и въ теоріи, и въ практикѣ держался полной общности женщинъ. Во многихъ мѣстахъ вплоть до революціи существовала католическо-религіозная проституція. Языческія божества половыхъ отношеній превращены были въ несуществовавшихъ никогда католическихъ святыхъ, капеллы и неприличныя языческія статуи которыхъ исчезли только во время революціоннаго погрома. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проститутки имѣли даже свои церкви, построенныя во имя Маріи Магдалины.

Мы уже говорили выше, что въ средніе вѣка, какъ это было и въ древности, господа формировали изъ своихъ рабынь публичные дома или заставляли ихъ проститутничать въ одиночку. То же дѣлали и родители, власть которыхъ въ средніе вѣка была громадна. Уже первые европейскіе кодексы, такъ называемые leges barbarorum, сильно нападаютъ на эту гнусную торговлю дѣтьми, которыя, будучи проданы для проституціи родителями, содержали ихъ доходами своего промысла. И въ продолженіе долгихъ столѣтій непрестанно раздаются голоса законодателей, проповѣдниковъ, путешественниковъ, свидѣтельствующіе о громадныхъ размѣрахъ этого злоупотребленія семейной властью. «Множество матерей,—все-

клицаетъ Мэллярдъ, французскій средневѣковой проповѣдникъ, — множество матерей продаютъ и сводничаютъ своихъ дочерей, заставляя ихъ развратомъ наживать себѣ приданое». Мужья, какъ и въ древности, торговали иногда своими женами. Государственная власть, подъ вліяніемъ римскихъ традицій, нѣкоторое время осуждала женщинъ на публичную проституцію. Такъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ средневѣковой Франціи дѣвушку, изобличенную въ незаконной любви, отводили въ публичный домъ и отдавали въ полное распоряженіе его содержателей.

Разбои феодаловъ, кулачное право, крестовые походы, постоянныя войны, опустошительныя эпидеміи и голодовки, разорительный деспотизмъ, постоянные поборы и вяточничество, религіозныя гоненія, бароны и короли, рыцари и солдаты, паперы и приказные—все это разоряло, угнетало, убивало народы старинной Европы и постоянно повергало ее во всѣ ужасы неисходной бѣдности. Бѣдность сплошь и рядомъ заставляла родителей убивать и продавать своихъ дѣтей и женъ; такая продажа не считалась преступленіемъ, и Гейлеръ, знаменитый нѣмецкій проповѣдникъ XV в., говоритъ, что «отцу дозволительно, въ случаѣ голода, продавать своихъ дѣтей». Лишившіяся семейства или мужей, погибшихъ на войнѣ, бѣжавшія отъ домашняго деспотизма, прогнанныя или проданныя супругами, сироты, найденыши—словомъ, всѣ бѣдныя, безпомощныя женщины не имѣли часто никакого другого средства пропитанія, кромѣ разврата. Служанки, работницы, крестьянки, принужденныя бросить деревни, любовницы, покинутыя своими соблазнителями, разныя ремесленницы, какъ-то: перчаточницы, золотошвейки, пляпочницы, базарныя торговки, колбасницы, —вотъ кто принимался преимущественно за промыселъ разврата. Рутебефъ, разсказывая объ учрежденіи Людовикомъ IX магдалинскаго убѣжища, говоритъ, что въ него поступило «множество женщинъ, *доведенныхъ до разврата бѣдностью*». Проституція всегда усиливалась во время голода, послѣ войнъ и эпидемій, когда цѣлыя цвѣтущія провинціи превращались въ пустыни, отъ городовъ и деревень оставались только груды пепла, сотни тысячъ народа оставались безъ пищи, крова и, разбредясь въ разныя стороны, одни погибали съ голода, другіе шли въ разбой, третьи отдавались проституціи. Не развращенность, не желаніе богатства, а только неимѣніе куска хлѣба доводило до этого промысла, о чемъ свидѣтельствуетъ уже низкость платы, за которую продавалась женщина. Въ 1357 г. герцогъ Карлъ Блуа, увидѣвъ сидящую около его замка на дорогѣ бѣдную женщину, спросилъ ее, что она тутъ дѣлаетъ? «Добываю себѣ хлѣбъ продажею своего тѣла», отвѣчала незнакомка. Герцогъ началъ распрашивать объ ея жизни и узналъ, что она занимается порокомъ лишь для того, чтобы не умереть съ голода. «Воздержись отъ грѣха, по крайней мѣрѣ, въ теченіе св. недѣли», посовѣтовалъ ей герцогъ. «Я воздержалась бы мѣсяцъ, если бы у меня было 20 су», отвѣчала несчастная. Герцогъ далъ ей 40 су, и съ помощью ихъ только она вовсе бросила развратъ и, вышедши замужъ, повела правильную жизнь. Въ Австраліи въ половинѣ XV в., говоритъ лѣтописецъ, «*можно было имѣть четырехъ женщинъ за одно куриное яйцо*, яйцо стоило грошъ (gros), а женщина только 4 деньё (deniers), даже дешевле». Во Франціи 3 су была самая обычная плата проституткѣ въ средніе вѣка. Въ XVIII в. женскій трудъ во Франціи стоилъ не болѣе 10 или 12 су въ день; женскую работу сильно начали отбивать мужчины, отчаянная бѣдность начала сильнѣе, чѣмъ прежде, толкать женщину въ порокъ. Въ Парижѣ считали тогда отъ 40 до 60 тысячъ проститутокъ (Goncourt, La femme au XVIII siècle, 249). Самая жизнь большей части проститутокъ, жизнь, исполненная лишеній, страданій, гоненій, также свидѣтельствуетъ о томъ, что женщины брались за промыселъ разврата вовсе не для наживы или удовольствій. А такая жизнь была удѣломъ почти всѣхъ проститутокъ. Мы не можемъ опредѣлить даже приблизительно ихъ численности въ старину, но имѣемъ совершенно достаточныя основанія утверждать, что въ большихъ городахъ тогда ихъ было больше въ нѣсколько разъ, чѣмъ теперь, и больше не относительно только, а даже абсолютно. Въ Парижѣ, напр., въ XV в. ихъ было записныхъ 13,000, между тѣмъ какъ гораздо лучше устроенной полиціи современнаго Парижа извѣстно ихъ никакъ не болѣе 6,500. Въ нынѣшнемъ Страсбургѣ публичныхъ домовъ 27, проститутокъ записанныхъ около 300, а въ концѣ XV и началѣ XVI в. домовъ для легальной проституціи было 100, проститутокъ же такое множество, что имъ не доставало жилищъ. Въ Римѣ въ 1542 г. было 45,000 публичныхъ женщинъ, платившихъ проституціонный налогъ (Avé-LaHement. Das deutsche Gaunerthum. I, 47). Изъ этой громады несчастныхъ женщинъ нужно, конечно, исключить проститутокъ аристократіи, знавшихся съ магнатами, кардиналами, богачами и ведшихъ зажиточную, часто даже роскошную жизнь. Но почти всѣ онѣ, подобно гетерамъ древности и камеліямъ нашихъ дней, что наживали, то и проживали немедленно и, по мѣрѣ изнашиванья своего тѣла, постепенно падали въ цѣнѣ, пока не принуждены были вступать въ грязный омутъ плебейской проституціи, съ ея безпріютностью, наготою и голодомъ. Поэтъ XVI в., Дюбеллуа, довольно удачно изобразилъ превратности жизни аристократической куртизанки. Шестнадцати лѣтъ, «по примѣру безстыдной матери», она лишается невинности, потомъ продается преимущественно тремъ дворянамъ и кардиналу, въ качествѣ дѣвственницы; кардиналъ полюбилъ и обогатилъ ее; наконецъ выдалъ замужъ за одного дженгельмена, который ограбилъ ее донага и заставилъ снова заняться промысломъ разврата. Она пріобрѣла трехъ любовниковъ и, получая съ нихъ сжемячно девяносто экю, зажила припѣваючи. Про-

ходятъ года, красота увяла, молодость пролетѣла,—и вмѣсто кардиналовъ и дворянъ куртизанка принимаетъ, за самую низкую цѣну, палача, который черезъ нѣсколько дней, по распоряженію начальства, публично наказываетъ ее на площади. Нищіе, пролетаріи, бродяги, наполнявшіе собою старинную Европу, воры и мошенники—вотъ въ какомъ обществѣ жило большинство проститутокъ, отверженное, презираемое, гонимое всѣми сытыми и чистыми людьми, коль скоро послѣдніе находили, что соблазненныя, купленныя, изнасилованныя ими женщины уже поизносились или надоѣли и ихъ нужно замѣнить другими жертвами. Въ низшихъ же слояхъ народа, среди бездомныхъ бродягъ и мошенниковъ, проститутки находили хоть какое-нибудь покровительство. Воры, пролетаріи, бродяги всегда были родными братьями публичныхъ женщинъ по ихъ общей матери—бѣдности; изъ нихъ же проститутки выбирали себѣ постоянныхъ любовниковъ и защитниковъ и награждали ихъ такою привязанностью, ради которой любовнику прощалось рѣшительно все. Въ Парижѣ въ XVII в. публичные дома были главными пристанищами воровъ, бродягъ и разбойниковъ. Многіе изъ нихъ, какъ и нынѣ, будучи любовниками проститутокъ, жили совершенно на ихъ счетъ. Самые грязные кварталы и захолустья городовъ служили центрами для нищихъ, бродягъ, проститутокъ, цыганъ, мошенниковъ. Среди этихъ пристанищъ первое мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, парижскому «Двору Чудесъ», такъ хорошо изображенному у В. Гюго, въ его «Notre Dame de Paris». Занимая въ городѣ обширное пространство со множествомъ закоулковъ, лачугъ, старыхъ брошенныхъ домовъ, заваленный всевозможными нечистотами, дворъ чудесъ служилъ для всѣхъ отверженниковъ общества вѣрнымъ убѣжищемъ, въ которое боялись проникать не только граждане, но даже полиція. Женщины здѣсь всѣ были проститутки, грязныя, покрытыя лохмотьями, продававшія себя за 3 су, а многія еще дешевле, и участвовавшія во всѣхъ мошенническихъ подвигахъ мужского населенія двора чудесъ. Дѣти развращались здѣсь уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ и продавались для проституціи родителями или самовольно, будучи брошены всѣми на произволъ судьбы. Дороговизна припасовъ, плохая выручка, войны и голодъ, старость и болѣзни, полицейскія гоненія—все это порождало множество безпріютныхъ женщинъ, не имѣющихъ пристанища даже и въ такихъ вертепахъ, какъ дворъ чудесъ. Въ проституціонной арміи была тьма бѣдныхъ женщинъ, не имѣвшихъ даже самой дрянной квартиры и жившихъ при дорогахъ, на поляхъ, виноградникахъ. Въ Страсбургѣ въ XV и XVI в. стекались многочисленныя толпы женщинъ, не имѣющихъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ разврата, и другихъ жилищъ, кромѣ улицы и церковныхъ колоколенъ. По всей Европѣ шатались банды такихъ женщинъ, голодныхъ, оборванныхъ, больныхъ, во множествѣ умиравшихъ; ихъ не пускали въ города, дозволяя останавливаться только за ихъ стѣнами, и то не долѣе сутокъ; голодъ заставлялъ ихъ хитрость обходить подобныя распоряженія, проникать въ городъ и оставаться въ немъ; но если такую несчастную ловили, то, послѣ жестокихъ наказаній рукою палача, иногда съ отрѣзаннымъ носомъ и ушами, ее выпроваживали за городскія ворота. Никакія жестокости не могли остановить этихъ, порожденныхъ бѣдностью и разливавшихся по всей Европѣ, потоковъ нищенской проституціи. Вмѣстѣ съ нищими рыскали всюду и толпы болѣе зажиточныхъ женщинъ, посѣщая ярмарки, коронаціи, рейхстаги, турниры, церковные праздники, соборы и др. общественныя собранія; на констанцскомъ соборѣ, напримѣръ, ихъ было до 1,500. Постоянными же центрами, привлекавшими этихъ странницъ, были столичные, военные, торговые, университетскіе и съ многочисленнымъ духовенствомъ города, большинство жителей которыхъ принадлежало, однакожъ, обыкновенно къ бѣднымъ классамъ.

Къ странствующимъ самостоятельнымъ проституткамъ, къ этимъ несчастнымъ созданіямъ, не имѣвшимъ и крова и жившимъ по городамъ вмѣстѣ съ собаками, принадлежали, главнымъ образомъ, тѣ, которыя почему-нибудь ходили по очень ужъ низкой цѣнѣ и не могли давать никакихъ барышей содержателямъ публичныхъ домовъ. Всѣ же цѣнныя женщины забирались послѣдними и держались въ кабалѣ до тѣхъ поръ, пока были выгодны. Эти содержатели, вмѣстѣ съ многочисленными своднями, вербовали женщинъ для своихъ заведеній и исполняли особыя порученія, очень выгодныя, разныхъ богачей, магнатовъ, принцевъ, кардиналовъ, аббатовъ и т. п. Агенты проституціонныхъ эксплуататоровъ разъѣзжали по разнымъ странамъ набирать проститутокъ, соблазняя неопытныхъ дѣвушекъ хитростью, предлагая умирающимъ съ голода кусокъ хлѣба и задатокъ, закабалявшій ихъ навсегда, покупая дочерей у родителей, рабынь у господъ, силою овладѣвая беззащитными женщинами, особенно одинокими сиротами, и доставляя этотъ товаръ своимъ антрепренерамъ. Весьма значительное число проститутокъ добывалось изъ женскихъ монастырей, этихъ гаремовъ епископовъ и монаховъ. Многіе непотребные дома приносили громадные доходы ихъ хозяевамъ. Въ Парижѣ, напримѣръ, въ XVI в. славилась своимъ огромнымъ богатствомъ «матушка Кардинъ», имѣвшая нѣсколько большихъ домовъ терпимости въ разныхъ частяхъ столицы; нѣкоторые содержатели нажились до того, что дѣлались банкирами. Соблазнъ такою фортуною и бѣдность порождали тьму сводней, не смотря на варварскія наказанія, которымъ онѣ часто подвергались въ Европѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Иногда ихъ предавали смертной казни, чаще всего ихъ публично и жестоко сѣкли, конфисковали имущество, обрѣзывали носъ и уши, выгоняли за городъ, заключали навѣчно въ тюрьму и т. д. Но сводни все-таки существовали, и нуждавшееся въ нихъ развращенное общество доставляло имъ защиту и оборону отъ строгости закона.

То же самое было и съ проституцией вообще: подъ вліяніемъ христіанскихъ ригористовъ, многіе законодатели, государи и парламенты запрещали проституцію вовсе, подъ страхомъ жесточайшихъ наказаній, но она все-таки продолжала существовать и развиваться. Вмѣстѣ съ гоненіями на евреевъ, еретиковъ, мыслителей, средніе вѣка опозорены еще и жестокими преслѣдованіями проститутокъ. Въ Германіи дѣвушку, обличенную въ развратѣ, сѣкли публично розгами, съ барабаннымъ боемъ проводили по улицамъ города и изгоняли изъ него навсегда, не понимая, что, лишивъ ее куска хлѣба и пристанища, вынуждаютъ ее навсегда отдаться промыслу развратомъ. Во Франціи такихъ женщинъ штрафовали деньгами, сажали въ тюрьму, бичевали, изгоняли, и администрація дѣйствовала при этомъ съ самымъ возмутительнымъ произволомъ. Проститутокъ сажали здѣсь на деревянную лошадь, нещадно дули кнутомъ и затѣмъ при колокольномъ звонѣ изгоняли изъ города; если онѣ возвращались, то, отрубивъ имъ одну руку, изгоняли снова. Иногда ихъ клеймили раскаленнымъ желѣзомъ, или, привязавъ къ хвосту дикой лошади, угоняли ее въ поле. Сплошь и рядомъ всѣ эти варварскія жестокости творились ради забавы или изъ желанія ограбить публичные дома и поживиться отъ проститутокъ зажиточныхъ. Иногда публичныя женщины гибли цѣлыми сотнями за разъ; такъ, при Генрихѣ III маршалъ Строцци «распорядился бросить въ рѣку Луару 800 публичныхъ дѣвушекъ, слѣдовавшихъ за его лагеремъ». Такъ, въ 1560 г., подъ вліяніемъ протестантскаго ригоризма въ Парижѣ былъ предпринятъ крестовый походъ на проституцію, полиція, вмѣстѣ съ чернью, разрушала публичные дома, конфисковала найденныя въ нихъ имущества, изгоняла проститутокъ изъ города, бичевала ихъ, клеймила, словомъ, употребляла всевозможныя жестокости, чтобы стереть ихъ съ лица парижской земли. Но все напрасно; прошло какихъ-нибудь сто лѣтъ, и проститутки отомстили за себя, сѣвши на шеи королей Франціи и забравъ ее въ свои руки въ лицѣ Ментенонъ, Помпадуръ и другихъ царственныхъ метрессъ. Точно также, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій проституткамъ запрещали носить дорогія украшенія и платья, носимыя богатыми и знатными обывательницами; много притѣсняли и наказывали ихъ за постоянное ослушаніе подобныхъ постановленій; но и тутъ проститутки взяли верхъ и сдѣлались первыми модницами Европы. Наконецъ, ихъ постоянно старались держать вдали отъ городскихъ центровъ и аристократическихъ кварталовъ, изгоняя въ кварталы, назначенные для всѣхъ отверженниковъ общества. Упорно боролась противъ этого проституція и кончила тѣмъ, что распослалась и крѣпко усѣлась на всѣхъ запрещенныхъ для нея до тѣхъ поръ мѣстахъ. Не разсказывая о подробностяхъ этой вѣковой борьбы проституціи съ правительствомъ, замѣтимъ только, что она сопровождалась часто насиліями, обыкновенными при всякой средневѣковой борьбѣ; проститутки большею частію упорствовали и добровольно не оставляли, хотя и занятыхъ ими, но все-таки запрещенныхъ кварталовъ, и поэтому изгонялись изъ нихъ силою; иногда онѣ находили защитниковъ и противопоставляли силу силѣ; такъ, напримѣръ, парижскіе студенты не разъ защищали ихъ отъ солдатъ и полиціи. Въ глазахъ большинства онѣ были всегда существами отверженными, погибшими навѣки. Буржуазія, дворянство и духовенство лицемѣрно презирали ихъ, а народъ ненавидѣлъ и часто осыпалъ ихъ не только бранью, но даже каменьями. Женитьба честнаго человѣка на ex-проституткѣ считалась безнравственностью со стороны жениха и достойнымъ жестокаго наказанія преступленіемъ со стороны невѣсты.

Если городскія общины покупали себѣ за деньги у королей и феодаловъ свою муниципальную свободу, то тѣмъ легче короли и феодалы давали за деньги свободу разврата. Во всей Шампани, напр., проститутки всегда имѣли право заниматься своимъ ремесломъ, уплативъ налоги феодальнымъ владѣльцамъ. Въ Монтлюсонѣ каждая публичная женщина платила единовременно 4 денье. Въ Нормандіи налогъ тоже не превышалъ 4 денье; въ Парижѣ онъ былъ различенъ, смотря по сорту проститутокъ: отъ нѣсколькихъ денье онъ возвышался здѣсь до 40 соль. Хотя денежная выгода, получаемая отъ проституціи государствомъ, феодалами и городами, была одною изъ главныхъ причинъ терпимости публичнаго разврата, но дѣло не ограничивалось этимъ финансовымъ расчетомъ. Развращенность мужчинъ и боязнь за сохраненіе въ чистотѣ нравовъ семейства —вотъ что заставляло терпѣть проституцію и поддерживало ученіе о ней, какъ о «спасительномъ средствѣ, охраняющемъ дѣвическую и женскую честь». Силою заставляя женщину слѣдовать правиламъ половой нравственности, мужчина оставлялъ за собою и наслажденіе ея цѣломудріемъ, и утѣху порочностью проститутки. Спасительность проституціи доказывали даже текстами католическіе патеры, напр. испанскій монахъ Хуанъ Дель Ольмо, издавшій въ 1680 г. особое объ этомъ сочиненіе. И за это-то выгодное и спасительное ремесло брались феодалы и городскія общины. Въ Германіи публичные дома считались собственностью городовъ и отдавались ими въ аренду содержательницамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ главный надзоръ за проститутками поручался палачу, и онѣ погребались на живодернѣ; въ другихъ же мѣстностяхъ публичнымъ женщинамъ, «за ихъ служеніе общественному *благу*», давались права гражданства. Ремесло ихъ было регулировано до мелочей, и, какъ всѣ ремесленники, онѣ составляли особый цехъ, обладавшій нѣкоторыми привилегіями. Въ 1462 г. въ Нюрнбергѣ проститутки подали въ городской совѣтъ жалобу на нарушеніе ихъ цеховой привилегіи обывательницами, которыя, сформировавъ публичный домъ, завлекали въ него многихъ мужчинъ. Резолюція совѣта на эту просьбу неизвѣстна; но по другому такому же заявленію проститутокъ въ 1508 г. совѣтъ предоставилъ имъ разрушить отбивавшій у нихъ доходы публичный домъ. Во Франціи городскія общины протежировали проституціи изъ-за тѣхъ же интересовъ. Жители

Систерона завели въ 1424 г. на городской счетъ публичный домъ; вступавшая въ него женщина платила 4 соль въ пользу женскаго монастыря, монахини котораго должны были отмаливать грѣхи проститутокъ. Вильгельмъ IX, герцогъ Аквитаніи и Пуатье, построилъ въ Піортѣ публичный домъ по образцу женскихъ монастырей. Въ Тулузѣ съ незапамятныхъ временъ существовалъ публичный домъ, открытый на счетъ города и приносившій ему большіе доходы. Главными посѣтителями и защитниками этого «аббатства» были студенты университета, который, вмѣстѣ съ городомъ, эксплуатировалъ проституцію, получая свою долю изъ ея доходовъ. Когда женщины аббатства упросили Карла VI дозволить имъ ношеніе всѣхъ нарядовъ, запрещавшихся тогда проституткамъ, то большинство городскихъ жителей, возмущенное такимъ уравненіемъ публичныхъ женщинъ съ семейными, начало цѣлый рядъ гоненій на первыхъ, забрасывая ихъ на улицахъ грязью и каменьями, выживая ихъ изъ «честныхъ» улицъ, нападая толпами на аббатство, подвергая его жительницъ побоямъ и оскорбленіямъ, и наконецъ довели ихъ до того, что онѣ всѣ до одной бѣжали изъ аббатства. Городъ, лишившійся такимъ образомъ важной статьи доходовъ и будучи не въ силахъ обуздать своеволіе черни, обратился съ просьбою о помощи къ королю. Карлъ VI завернулъ во время своего путешествія въ Тулузу, лично изслѣдовалъ все дѣло, возстановилъ аббатство и взялъ проститутокъ подъ свое особенное покровительство. Въ 1525 г. университетъ отнялъ у нихъ занимаемыя ими зданія; онѣ снова были изгнаны за городъ, но граждане снова построили имъ домъ еще лучше прежняго. Въ Монпелье промыселъ разврата былъ отдаваемъ городомъ въ аренду, въ началѣ XV вѣка имъ занимался Кларъ Пана, платившій городу большія суммы. Послѣ его смерти публичные дома перешли по наслѣдству къ двумъ его сыновьямъ, которые, даже сдѣлавшись банкирами, не переставали эксплуатировать проституцію и приняли къ себѣ въ долю дворянина Делакруа. Городъ далъ этой честной компаніи вѣчную привилегію на промыселъ разврата, подтвержденную за извѣстную ежегодную дань королемъ, и Карлъ VIII въ своей грамотѣ даже назвалъ упомянутыхъ эксплуататоровъ разврата «служителями общественныхъ интересовъ и блага». Во множествѣ другихъ французскихъ городовъ были подобные же привилегированные дома непотребства, обогащавшіе своихъ содержателей и приносившіе значительные доходы городамъ и феодальнымъ владѣльцамъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ. И лѣтописи старинной Европы наполнены проституціонными тяжбами между разными эксплуататорами разврата, между арендаторами домовъ, напр., и городомъ, между привилегированными проститутками и женщинами, отбившими у нихъ доходы своимъ секретнымъ ремесломъ, между лицами и сословіями, присвоившими себѣ исключительное право проституціонной юрисдикціи, и т. д. Такъ, въ 1273 г. жители Шарлье жаловались на аббата, завладѣвшаго ихъ привилегіей суда любодѣйныхъ дѣлъ; аббатъ не уступалъ и ссылался на старинныя преимущества своего монастыря; началась продолжительная тяжба. Въ 1304 г. возникли споръ и процессъ между жителями Сенъ-Кентена и монахами; послѣдніе хотѣли выгнать изъ городскихъ предѣловъ проститутокъ, но горожане отстаивали ихъ; королевскій совѣтъ рѣшилъ въ пользу монаховъ. Одинъ изъ подобныхъ процессовъ въ Парижѣ продолжался болѣе ста лѣтъ, и его никакъ не могли покончить ни короли, ни парламентъ. Людовикъ Св. сдѣлалъ улицу Bailleheé привилегированнымъ мѣстомъ проституціи, какъ одну изъ самыхъ худшихъ улицъ. Но со временемъ она обстроилась, и многіе буржуа, жившіе въ ней, получали огромные доходы отъ отдачи въ кортомъ проституткамъ своихъ домовъ. Но духовенство Сенъ-Мери вздумало изгнать проституткъ изъ Bailleheé. Началась болѣе чѣмъ столѣтняя тяжба. Проститутки и буржуа указывали на данныя имъ грамоты Людовика Св.; хотя они были юридически совершенно правы, но въ 1388 г. духовенство взяло верхъ, и префектъ приказалъ всѣмъ проституткамъ немедленно очистить Bailleheé. Поддерживаемыя домохозяевами, проститутки не повиновались; высланная противъ нихъ команда изгнала ихъ силою. Но онѣ вскорѣ опять поселились въ той же улицѣ, и тяжба духовенства съ буржуа кончилась не ранѣе царствованія Генриха IV, короля англійскаго и французскаго.

Такъ порождался и эксплуатировался развратъ въ старинной Европѣ. Деспотизмъ, праздность и богатство порождали его, а рабство и нищета доставляли ему средства удовлетворенія. Покормившись недолго, пожалуй, даже покутивъ съ богатыми развратниками, бѣдная женщина снова впадала въ ту же бездну нищеты и преступленій, изъ которой ее на время вытащила рука сводни или прельстившагося ею мужчины. Въ награду же за свою вынужденную жертву она получала общее презрѣніе. Отношенія къ ней государства, общества и духовенства были полны варварства и лицемѣрія. Патеры, забывая ученіе Христа, патеры, бывшіе, благодаря своей праздной роскоши и безбрачію, однимъ изъ главныхъ факторовъ проституціи, эксплуатировали публичныхъ женщинъ, бичевали и вѣшали однѣхъ, ведя крайне безобразную жизнь съ другими. Нѣкоторые изъ самыхъ развращенныхъ государей являлись самыми ревностными проповѣдниками нравственности и самыми яростными гонителями проституціи. Буржуа, предписывая правила нравственности для женщинъ своего класса, считали дѣломъ дозволеннымъ не только развращать женщинъ простонародья, но даже торговать ими. И въ теченіе столѣтій ни одного гуманнаго слова за жертвъ порока! Заводили, правда, по мѣстамъ Магдалининскія убѣжища, да что въ нихъ! Въ однихъ убѣжищахъ проститутки заваливались работой, кормились плохо и мерли, какъ мухи, въ другихъ онѣ вели прежнюю жизнь со своими наставниками нравственности. Такъ французское аббат-

ство Фонтевро, основанное съ цѣлью принятія раскаявшихся публичныхъ женщинъ, было превращено его настоятелемъ и основателемъ въ непотребный домъ, и большинство монахинь забеременѣло отъ благочестиваго аббата.

Настала революція, и съ одной стороны, вслѣдствіе усилившейся бѣдности, съ другой, вслѣдствіе паденія всѣхъ старыхъ порядковъ, проституція во Франціи, особенно въ Парижѣ развернулась съ небывалою силою. Проститутки наполняли собою улицы, сады, площади, танцуя съ нѣсенями, хохоча, отпуская неприличныя шутки, зазывая прохожихъ. Ихъ считалось не менѣе 60,000, но явными проститутками не ограничилось число женщинъ, торговавшихъ собою: швеи, модистки, актрисы, буфетчицы, горничныя наперерывъ предлагали мужчинамъ свои прелести и превращали столицу въ лупанаръ. Въ театрахъ—закрытыя ложи и даже будуары съ постелями, полуобнаженныя актрисы, циническія выходки актеровъ; повсюду сладострастные эстампы, барельефы, скабрезныя брошюры, изображенія похоти даже въ конфектахъ и печеніяхъ; въ Тюльери, Люксенбургѣ, винныхъ погребахъ, ресторанахъ, баняхъ—всюду женщины въ коротенькихъ юбкахъ, съ обнаженною грудью. Въ саду Равенства, гдѣ одинъ антрепренеръ показываетъ за деньги самыя скотскія зрѣлища, съ 9 вечера до глубокой ночи промышляютъ сотни дѣвочекъ 12—14 лѣтъ и цѣлая компанія куртизанокъ, увлекающихъ мужчинъ, особенно иностранцевъ, своею роскошью, граціей и наружнымъ приличіемъ. Многихъ патріотовъ пугало это страшное развитіе порока, и они съ энергіей настаивали на необходимости искорененія проституціи. Въ октябрѣ 93 г. прокуроръ коммуны во имя свободы и революціи вооружился противъ этого «порожденія роялизма и аристократіи». По его предложенію, совѣтъ коммуны, желая «спасти отечество, очистить атмосферу свободы отъ заразительнаго дыханія порока и истребить послѣдніе остатки монархической развращенности», началъ энергически бороться съ проституціей. Онъ распорядился очистить отъ проститутокъ улицы, площади и сады, предписывая полиціи арестовать ихъ и предавать суду, какъ развратительницъ нравовъ; онъ запретилъ продажу нескромныхъ изображеній, установилъ надзоръ за домами терпимости, просилъ содѣйствія себѣ всѣхъ «честныхъ республиканцевъ»,—но ничто не въ состояніи было искоренить порока, и одинъ изъ тогдашнихъ писателей съ горечью сознавался: «внимательно изучивъ наши учрежденія, наши предразсудки, наши браки, видѣвъ опыты абсолютнаго запрещенія проституціи двумя такими непохожими другъ на друга людьми, какъ Іосифъ II въ Австріи и Шометъ, прокуроръ коммуны, я пришелъ къ роковому выводу, что публичныя женщины неизбѣжны!»...

IV.

Въ то время, какъ нѣкоторыя опасенія задерживаютъ совершеніе разумныхъ, вовсе не коммунистическихъ, соціальныхъ реформъ, разрушеніе семействъ и общность женщинъ развиваются въ Европѣ съ ужасающей быстротой. Взгляните на жизнь европейскаго пролетаріата, и вы увидите, что въ ней осталось отъ брака и семьи только одно развалины, увидите здѣсь самую возмутительную общность женщинъ, отъ которой съ омерзѣніемъ отвернулись бы и Платонъ, и Кампанелла, и всѣ другіе мыслители, мечтавшіе введеніемъ ея облагодѣтельствовать человѣчество. Въ высшихъ, зажиточныхъ классахъ замѣчается подобное же явленіе, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Европейская семья не имѣетъ уже нынѣ того характера, какимъ она отличалась лѣтъ двѣсти назадъ. Почти вездѣ въ Европѣ количество браковъ постепенно уменьшается, а количество разводовъ и холостяковъ постепенно увеличивается. Такъ идутъ дѣла въ Римѣ, напр., какъ свидѣтельствуетъ докторъ Жако. Въ Англіи на 100,000 женщинъ:

	Браковъ.
Съ 1796 по 1805 г. ежегодно заключалось	1,716
» 1806 » 1815 » » »	1,637
» 1816 » 1825 » » »	1,607
» 1826 » 1835 » » »	1,588
» 1836 » 1845 » » »	1,533

Во Франціи замѣтно такое же уменьшеніе, хотя и съ сильными колебаніями, которыя объясняются или экономическими кризисами, или особенно хорошимъ сравнительно положеніемъ промышленныхъ дѣлъ въ данное время. Въ этой странѣ было заключено браковъ:

Въ 1848 году	293,552
» 1851 »	286,884
» 1852 »	281,460
» 1853 »	280,609
» 1854 »	270,906
» 1855 »	283,846

Количество разводовъ и реакцій противъ строгихъ правилъ о нерасторжимости брака также постепенно возрастаетъ, даже въ такихъ окаменѣлыхъ обществахъ, какъ австрійское. Въ Парижѣ, напр., законно доказанныхъ нарушеній супружеской вѣрности было:

въ 1854 г.	501
» 1866 »	685.
Разводовъ въ 1854 г.	1682
» » 1866 »	2570.
Незаконныхъ дѣтей на 38,775 законныхъ:	
въ 1864 г.	14,868
» 1866 »	15,510.

Въ Петербургѣ изъ 79,388 замужнихъ женщинъ живетъ съ мужьями только 52,274, слѣдовательно 27,114 или $^1/_3$ живетъ розно. Число женщинъ, не выходящихъ замужъ, гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Въ 1864 г. на 1000 женщинъ старше 40 лѣтъ приходилось въ Вѣнѣ 459 незамужнихъ и 408 замужнихъ; въ Парижѣ 264 незам. и 592 зам.; въ Лондонѣ 303 незам. и 551 зам.; въ Берлинѣ 373 незамужнихъ и 503 замужнихъ.

Безбрачіе усиливается, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно усиливается и запросъ на развратъ. Пролетарій, которому не на что содержать семью и

который часто теряетъ даже всякій вкусъ къ семейной жизни; солдатъ, которому не дозволяютъ жениться или котораго необходимость заставляетъ жить розно со своей семьей; католическій духовный, которому не приказано и думать о женщинѣ; матросъ, принуждаемый своими путешествіями къ долгому и непривычному для него воздержанію; горожанинъ, не вступающій въ бракъ по недостаточности средствъ для такъ называемой «приличной» семейной обстановки; праздный, беззаботный, ничѣмъ незанятый, кромѣ удовольствій своего тѣла, свѣтскій шалопай,—все это родители и возбудители разврата, пожирающаго Европу и угрожающаго довести ее до того же состоянія, въ какомъ находился древній Римъ въ послѣднюю эпоху своей исторіи. Излагаемыя мною ниже подробности покажутъ читателю, что, по своей развращенности, Европа и теперь немногимъ отстала отъ Рима. Не смотря на покровъ лицемѣрія, на сдерживающую силу обычаевъ, законовъ и полиціи, на свѣтскую позолоту, прикрывающую развратъ, онъ развивается и съ упорною настойчивостью подтачиваетъ основы современнаго общества. На всей жизни разныхъ классовъ общества, на театрѣ, литературѣ, даже на извѣстнаго сорта наукѣ,—на всемъ лежатъ слѣды его глубокаго вліянія. Это неустанное волокитство и ухаживанье за прекраснымъ поломъ, эти возбудительные для большинства балеты, эта беллетристика, воспѣвающая на всѣ манеры одну только половую любовь, эти канканы, это распространеніе соблазнительныхъ картинъ и фотографій, эти quasi-ученыя книги о женщинѣ, въ родѣ «Физіологіи брака» Дебэ, съ такимъ остервенѣніемъ читаемой въ нашихъ провинціяхъ, наконецъ, это сочиненіе о любви одного изъ геніальнѣйшихъ людей Франціи, Мишле,—что такое все это, какъ не подкрашенное проявленіе самаго глубокаго разврата! Законодательство, судъ и администрація Франціи покровительствуютъ всему этому, не обязывая мужчинъ содержать своихъ законныхъ дѣтей, запрещая даже ходатайство матерей объ этомъ, освобождая развратниковъ отъ обѣщаній жениться на соблазненныхъ ими дѣвушкахъ. Недавно въ числѣ присяжныхъ, судившихъ дѣвицу, убившую своего ребенка, былъ отецъ этого ребенка и на ряду съ другими призналъ подсудимую виновной!.. Случается, что мужчина, растлившій дѣвушку, самъ же представляетъ ее въ полицію для записи въ проституціонную книгу!.. Мало этого, реакціонные политики давно уже пользуются систематическимъ развращеніемъ нравовъ, какъ средствомъ для успокоенія тревожныхъ умовъ, покровительствуя шницъ-балямъ, канкану, піапической живописи, клубничной литературѣ, заводя даже на казенный счетъ образцовые дома разврата, какъ это дѣлали, напр., въ Парижѣ Наполеонъ III и Гауссманъ. Къ этимъ факторамъ развращенія принадлежитъ не только балетъ, но и опера. Изъ итальянскихъ донесеній кавалера Менца Меттерниху — говоритъ Гервинусъ—видно, что развитіе сенсуализма намѣренно поддерживалось въ Австріи, какъ существеннѣйшее средство для развлеченія неспокойныхъ умовъ. Для осуществленія этого плана нельзя было придумать ничего лучше (оперы), этой музыкальной шумихи, которой древніе придавали, на ряду съ танцами, сномъ и пиршествами, значеніе забавы, располагающей людей къ замѣнѣ серьезныхъ жизненныхъ интересовъ игрою и удовольствіями; это для взрослыхъ дѣтей что-то въ родѣ хлопушки Архотаса, которую въ древности давали маленькимъ дѣтямъ для того, «чтобы они ничего не ломали въ домѣ». Благодаря этой системѣ развращенія, погибало всегда не мало опасныхъ личностей, какъ прежевременно погибъ, напр., сынъ Наполеона I. Благодаря этой системѣ, Вѣна сдѣлалась самымъ привольнымъ городомъ Европы. Наложничество, покровительствуемое законами, не налагающее на мужчину никакихъ обязательствъ, болѣе и болѣе замѣняетъ собою бракъ, стоящій гораздо дороже наложничества. Многочисленныя арміи солдатъ, для которыхъ бракъ затрудняется или запрещается, и безбрачное католическое духовенство болѣе всего содѣйствуютъ этому коренному развращенію Европы. Давно ли, напр., во Франціи судилось нѣсколько поповъ за насиліе и растлѣніе, и два монаха за педерастированье въ своей школѣ 42 мальчиковъ. Духовенство даже и не скрываетъ своей развращенности. Въ Перу, напр., въ 1854 г. одинъ приходскій священникъ хвастался извѣстному ученому Бастіану, что онъ «имѣетъ 28 дѣтей и въ скорости надѣется окончить третью дюжину» *). Но гдѣ же мужчины зажиточныхъ классовъ ищутъ удовлетворенія своимъ постоянно возбуждаемымъ и развивающимся страстямъ? Вѣдь женщины этихъ общественныхъ слоевъ если не гораздо нравственнѣе, то, во всякомъ случаѣ, гораздо сдержаннѣе мужчинъ, и послѣднимъ нельзя развернуться какъ слѣ-

*) Для развращенія женщинъ духовенство пользуется исповѣдью и проповѣдью. Вотъ что, напр., въ пятидесятыхъ годахъ въ Марсели проповѣдывалъ женщинамъ одинъ іезуитъ. Похваливъ ихъ ревностную дѣятельность на пользу общества Іисусова, онъ продолжалъ: «Употребляйте всевозможныя средства, чтобы убѣждать вашихъ отповъ, вашихъ братьевъ, вашихъ мужей, и тѣхъ, которые *милы вамъ въ другихъ отношеніяхъ* (à d'autres titres). Работайте въ вертоградѣ Господнемъ во всѣ мгновенія своей жизни; работайте днемъ, работайте вечеромъ, *работайте ночью, и въ особенности ночью, гдѣ ночь—ваша сила*, возлюбленныя сестры!» Во французскомъ молитвенникѣ, одобренномъ архіепископомъ, руанскимъ много молитвъ и кантъ, которыя въ монастырскихъ воспитанницахъ неизбѣжно пробуждаютъ половую страсть. Вотъ выдержки. «Ахъ, возлюбленный моего сердца, радость моя, наслажденіе мое, любовь моя, богъ мой, все мое!.. Наконецъ-то, я счастлива, обладая тобою! Обнимай меня, сожигай, поглощай мое сердце своею любовью. Возлюбленный мой со мною! Іисусъ отдался мнѣ! Я люблю тебя всею душою, я люблю тебя за любовь твою!» Въ набожной книгѣ *Палата Божественной любви* любовь описывается подъ образомъ мужчины, что по-французски не бросается въ глаза, такъ какъ слово *l'amour* мужескаго рода. «Его станъ благороденъ и роскошенъ, губы румяны, волосы русы, откинуты назадъ» и т. д. Извѣстный аббатъ, авторъ романа «Монахиня», свидѣтельствуетъ, что всѣ подобныя средства вполнѣ успѣшно дѣйствуютъ на монахинь и монастырскихъ воспитанницъ.

дуетъ въ средѣ своего прекраснаго пола. То же самое было и у древнихъ народовъ, которые поэтому и покупали для проституціи рабынь съ иностранныхъ рынковъ. Въ современной Европѣ совершить такую операцію несравненно легче, чѣмъ въ древнемъ мірѣ. Для подобныхъ закупокъ вовсе не нужно ѣздить ни въ Азію, ни въ Африку, а стоитъ только выйти на улицу многолюднаго цивилизованнаго города и спросить живого человѣческаго мяса. Предложите только деньги, и вамъ тотчасъ доставятъ его умирающая съ голоду бѣдность.

Мы не будемъ повторять тѣхъ подробныхъ статистическихъ данныхъ о бѣдности, которыя приведены уже нами въ «Дѣтоубійствѣ», не будемъ говорить, какъ въ Европѣ люди умираютъ голодною смертью, какъ они избавляются отъ своей адской жизни посредствомъ самоубійства, какъ въ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ странахъ *цѣлая четверть*, даже *цѣлая треть* всего народонаселенія живетъ только на средства общественной помощи и не можетъ существовать безъ нихъ. Здѣсь мы будемъ только доказывать, что главная, почти единственная причина европейской проституціи заключается въ ужасной бѣдности народныхъ массъ. Передъ нами болѣе двадцати ученыхъ монографій о промыслѣ разврата, и почти всѣ ихъ авторы въ одинъ голосъ утверждаютъ, что законная мать проституціи—бѣдность. Одно уже такое единство мнѣній, котораго вовсе не замѣчается при рѣшеніи другихъ соціальныхъ вопросовъ, свидѣтельствуетъ о самой несомнѣнной достовѣрности факта.

Извѣстно, въ какомъ жалкомъ, несчастномъ состояніи находятся массы фабричныхъ рабочихъ и большей части крестьянъ западной Европы. Тяжкій трудъ нисколько не обезпечиваетъ ихъ, и у сколько-нибудь зажиточнаго хозяина скотъ живетъ, пожалуй, лучше и пользуется большимъ комфортомъ, чѣмъ эти бѣднаки, втоптанные въ грязь и раздавленные колесами колесницы гордой европейской цивилизаціи. Но положеніе женщины здѣсь еще вдвое хуже, чѣмъ положеніе мужчины. По извѣстнымъ изслѣдованіямъ Вильерме, до пятнадцатилѣтняго возраста рабочая плата мужчинъ и женщинъ почти одинакова. Затѣмъ женская плата все постепенно уменьшается и, начиная съ двадцатилѣтняго возраста, равняется только половинѣ мужской платы. Во Франціи, въ земледѣльческомъ быту женщина получаетъ лишь нѣсколько сантимовъ въ день; въ фабричной работѣ женщина добываетъ 1 франкъ, многія швеи не болѣе 75 сантимовъ, а заработокъ кружевницъ часто не превышаетъ 30 сант. въ день, за 16 часовъ работы. Въ Англіи еще хуже. «Работа иглой такъ мало обезпечиваетъ, что занимающіяся ею молодыя дѣвушки съ трудомъ могутъ получать отъ 3 до 5 франковъ въ недѣлю, работая ежедневно по 16 и 18 часовъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе жизни этихъ бѣдняжекъ! Онѣ должны вставать въ 4 или 5 часовъ утра и тотчасъ садиться за работу или бѣжать къ купцамъ за заказами. Работаютъ онѣ вплоть до полночи безъ отдыха, въ тѣсныхъ комнатахъ, въ которыхъ собираются онѣ по 5 и по 6, ради экономіи въ огнѣ и свѣтѣ. Эта сидячая и непрерывно трудовая жизнь до времени старитъ ихъ, если только еще раньше не пожретъ ихъ чахотка». (Rayan). Вдобавокъ ко всему, въ Англіи множество женщинъ лишены возможности, вслѣдствіе конкуренціи мужчинъ, добыть себѣ даже самую утомительную и самую дешевую работу. Мужчины не только на фабрикахъ захватываютъ въ свои руки тѣ отрасли труда, которыя въ другихъ странахъ исполняются женщинами, они овладѣли даже работами иглы, а также мѣстами въ разныхъ конторахъ и публичныхъ учрежденіяхъ. И не мало найдется мѣстностей, въ которыхъ женщина не можетъ имѣть рѣшительно никакого промысла, кромѣ разврата. Такъ, въ приморскихъ городахъ, напр., въ Ливерпулѣ, самый характеръ мѣстнаго простонароднаго труда устраняетъ отъ него женщинъ и дѣтей. Разными морскими, весьма тяжелыми работами занимаются здѣсь исключительно мужчины, а женщинамъ и дѣтямъ остается только проститутничать и воровать.

Статистическія данныя несомнѣнно доказываютъ, что *всѣ почти безъ исключенія* публичныя женщины происходятъ изъ класса рабочихъ или бѣдныхъ крестьянъ. Мы могли бы завалить читателя десятками подобныхъ статистическихъ таблицъ, доказывающихъ этотъ въ высшей степени поучительный фактъ. Вотъ, напр., 3,332 парижскихъ публичныхъ женщины, представившихъ въ полицейскую префектуру полныя копіи со своихъ метрическихъ свидѣтельствъ. Почти всѣ онѣ происходятъ отъ отцовъ, принадлежащихъ къ рабочему классу, въ томъ числѣ 454 отъ поденщиковъ, занимающихся самыми тяжкими работами, 325 отъ земледѣльцевъ, 100 отъ бывшихъ въ домашней прислугѣ, 65 отъ портныхъ и т. д. Замѣчательно, что у 3 изъ этихъ женщинъ, родившихся въ Парижѣ, и у 31, родившейся въ департаментахъ, отцы были *учителями*. Для объясненія этого страннаго, повидимому, факта, нужно знать, въ какомъ положеніи находится во Франціи школьные учителя, особенно отставные. Въ одномъ изъ номеровъ газеты «Siècle» напечатано: «во Франціи оказываютъ почетъ и уваженіе только военачальникамъ и безполезнымъ администраторамъ, между тѣмъ какъ въ бюллетеняхъ читаемъ извѣстія въ родѣ слѣдующихъ: годичная пенсія г-ну Ф. Р., отставному учителю, родившемуся въ 1794 г., *за 48 лѣтъ службы, 100 франковъ*», или: «годичная пенсія г-ну Д., отставному учителю, *за 60 л. службы, 61 франкъ!*» Это хуже положенія самаго послѣдняго рабочаго.

Занятія родителей почти всегда бываютъ и занятіями самихъ женщинъ, пока онѣ не отдадутся проституціи. Требюше и Пуара Дюваль сдѣлали слѣдующіе выводы изъ своихъ изслѣдованій о профессіи парижскихъ проституткъ:

	На 1,000 женщинъ.
1) Женщинъ безъ опредѣленныхъ занятій	87,40

2) Служанокъ 81,69
3) Жилетницъ 52,22
4) Поденницъ 45,08
5) Башмачницъ 31,41
6) Бѣлошвейкъ 22,95
7) Гладильницъ 22,30
8) Линейницъ 21,73
9) Швей 19.65
10) Золотошвейкъ 17,11
11) Позументницъ 16,69
12) Модистокъ 13,69
13) Актрисъ 13,59
14) Корсетницъ 13,30
15) Прачекъ 13,08
16) Пуговочницъ 12,52
17) Перчаточницъ 12,20
18) Цвѣточницъ 11,29
19) Плюмажницъ 10,13
20) Шапочницъ 10,00

Остальныя—тоже разныя ремесленницы, за немногими исключеніями, напр. 2 повивальныя бабки и т. п. У Паранъ-Дюшатле въ числѣ 3,120 проституткъ помѣщено 3 повивальныхъ бабки, 7 лавочницъ, довольно зажиточныхъ, 6 музыкантшъ, 16 актрисъ, наконецъ 3—рѣдкое, чрезвычайное исключеніе—получающихъ ренту въ 200, 500 и 1000 франковъ. Ниже мы объяснимъ, изъ-за чего проституткичаютъ небѣдныя женщины, а теперь обратимся къ разсмотрѣнію профессій этихъ несчастныхъ созданій въ другихъ городахъ, кромѣ Парижа. Въ Брестѣ, по изслѣдованіямъ д-ра Рошара, многія изъ проституткъ, до вступленія въ этотъ промыселъ, вовсе не имѣютъ опредѣленныхъ занятій, а остальныя происходятъ изъ служанокъ, швей, прачекъ, гладильницъ и т. д. Въ Лионѣ изъ 3,884 публичныхъ женщинъ 1,554 жили шитьемъ разнаго рода, 775 занимались разными работами на фабрикахъ, стиркою бѣлья, дѣланіемъ игрушекъ, шапокъ и т. д.; 732 не имѣли опредѣленныхъ занятій, а были то поденщицами, то служанками, то сидѣльщицами въ кабакахъ и т. д.; 410 занимались шелковыми работами, 228—торговлею разнаго рода, 161—обработкою полей, 54 изъ актрисъ, пѣвицъ, учительницъ, дочерей родителей, бывшихъ когда-то зажиточными, но потомъ разорившихся. Въ Нантѣ изъ 264 проституткъ 127 были изъ крестьянокъ, принужденныхъ бросить обработку полей, остальныя—разнаго рода ремесленницы. Въ Эдинбургѣ на 1,160 публичныхъ женщинъ приходилось 660 работницъ, 300 служанокъ, 200 вдовъ или женъ, оставленныхъ мужьями. Въ Алжирѣ изъ 319 европейскихъ проституткъ было 278 швей, 11 прачекъ и т. д. Въ Берлѣ, по изслѣдованію д-ра д'Эрлаха, почти всѣ проститутки принадлежатъ къ классу поденщицъ и служанокъ, и только немногія—изъ швей или женщинъ, ведущихъ на свой счетъ какое-нибудь маленькое дѣло.

Но для полнаго освѣщенія предмета—цифръ недостаточно; нужно взглянуть на положеніе этихъ женщинъ въ своихъ семействахъ и внѣ ихъ.

Въ «Дѣтоубійствѣ» мы уже разсказывали, какъ бѣдность нерѣдко доводитъ этихъ несчастныхъ до того, что онѣ убиваютъ своихъ дѣтей, отравляютъ мужей и родственниковъ, чтобы немного поправиться на деньги, выдаваемыя на ихъ похороны изъ такъ называемыхъ «погребальныхъ обществъ». Послѣ этого, что же удивительнаго въ томъ, если онѣ, ради куска хлѣба, продаютъ свое тѣло сначала богатымъ людямъ, людямъ съ эстетическими требованіями, а потомъ когда оно познопится и одряхлѣетъ,—своему же брату, пролетарію! У Некрасова такая женщина вынуждена выйти на Невскій, чтобы заработать на «гробикъ ребенку и ужинъ отцу». А сколько есть матерей, промышляющихъ развратомъ ради избавленія своего семейства отъ голодной смерти; сколько дочерей торгуетъ своимъ тѣломъ для пропитанія больной, престарѣлой матери! Подобные факты можно встрѣтить очень часто, особенно въ большихъ городахъ. «Нерѣдко - говоритъ Паранъ—можно встрѣтить замужнихъ женщинъ, лишившихся мужей или брошенныхъ ими, которыя отдаются проституціи единственно для того, чтобы не допустить свое многочисленное семейство до голодной смерти; еще чаще можно видѣть молодыхъ дѣвушекъ, которыя, будучи не въ состояніи заработать трудомъ сумму, необходимую для своихъ престарѣлыхъ и дряхлыхъ родителей, начинаютъ по вечерамъ промышлять развратомъ, чтобы пополнить свой дефицитъ, не покрываемый трудомъ. Этотъ классъ проститутокъ многочисленнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ». Въ Англіи—то же самое, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ превосходной книгѣ «The great sin of great cities». Одна англійская проститутка, которую положительно нельзя было заподозрить въ лживости, разсказываетъ о себѣ: «Пока мужъ мой былъ живъ, я оставалась вѣрна ему. Онъ умеръ, и я съ ребенкомъ находилась въ такой крайней нищетѣ, что вынуждена была, во избѣжаніе нашей голодной смерти, зарабатывать хлѣбъ развратомъ. Если бы я могла жить трудомъ, то никогда не пошла бы промышлять на улицу. Къ сожалѣнію, я должна сказать, что очень много женщинъ находится въ такомъ же положеніи, какъ я; сотни замужнихъ и незамужнихъ женщинъ дѣлаютъ то же самое и по тому же побужденію». Очень часто матери промышляютъ развратомъ, хотя могли бы жить трудомъ, но любви къ своему ребенку, по нежеланію разстаться со своимъ милымъ дѣтищемъ, которое, между тѣмъ, не даетъ имъ работать.

Положеніе женъ и дочерей въ семействахъ еще хуже. Семья пролетарія—это не только сѣдалище самой возмутительной бѣдности, сценъ постоянныхъ ссоръ, дракъ, пьянства, но и школа половыхъ пороковъ. Да здѣсь, собственно говоря, и нѣтъ семьи, а царитъ сплошной развратъ всѣхъ со всѣми. Напр. въ общинѣ Кросвилль чрезвычайная раздробленность поземельной собственности произвела нищенство, къ которому сначала прибѣгали только какъ къ крайнему средству болѣе несчастные, обѣдиѣвшіе жители, и которое теперь обратилось въ общій промыселъ. Эта деревня представляетъ какую-то республику нищихъ, живущихъ, подобно цыганамъ. Браковъ въ ней вовсе нѣтъ. Жители предаются

кровосмѣшенію и всѣмъ случайностямъ совокупленія. Отсюда произошелъ цѣлый разсадникъ дѣтей, которыя съ малолѣтства пріучаются своими родителями къ нищенству. Нарушившій общій обычай и вступившій въ бракъ подвергается палочнымъ ударамъ въ возмездіе за невѣрность. Семьи также нѣтъ въ средѣ того многочисленнаго класса, который, ведя полукочевую жизнь и занимаясь всевозможными темными дѣлами, составляется изъ всевозможныхъ отверженниковъ общества и называется у нѣмцевъ «Gaunerthum». Здѣсь случается, что отцы живутъ съ дочерьми, братья съ сестрами; здѣсь дѣвушки начинаютъ распутничать лѣтъ съ 12; здѣсь есть не только многоженцы, содержащіе по 10 и 12 наложницъ, но и женщины, содержимыя цѣлой компаніей мужчинъ. У фабричныхъ рабочихъ, особенно у французскихъ, тоже постепенно усиливаются отвращеніе къ прочной, не только брачной, но даже любовной связи (connubium) и стремленіе къ возможно частой перемѣнѣ любовницъ. 12—14 лѣтъ дѣвушки уже начинаютъ предаваться разврату. «Эти достойные сожалѣнія нравы—говоритъ г-жа Добіе—изгоняютъ бракъ изъ среды рабочихъ классовъ. Развращенность Парижа проникла во всѣ наши города и теперь губитъ деревни. Развратные и грубые работники Эльзаса выдумали даже нѣмецкое слово для обозначенія распущенности, освобождающей ихъ отъ всѣхъ обязанностей. Пьянствовать, мѣнять женщинъ чаще, чѣмъ платье, бросать на улицу своихъ дѣтей,—всѣ эти дѣйствія, возбуждающія одинъ только хохотъ, обозначаются словомъ parisieren, т. е. *жить по-парижски*. У многихъ фабрикантовъ вошло въ обычай не давать дѣвушкѣ работы, не лишивъ предварительно ее невинности. Законъ и администрація смотрятъ на все это сквозь пальцы. «Достаточно сказать,—говоритъ г-жа Добіе,—что одинъ смотритель дома слѣпыхъ могъ растлевать молодыхъ дѣвушекъ, ввѣренныхъ его попеченію,—его только смѣнили за это!» Понятно, какіе уроки даетъ дѣвушкамъ подобная жизнь. Даже тамъ, гдѣ сохранились еще остатки семейства, онѣ постоянно должны подвергаться половымъ соблазнамъ и искушеніямъ. Въ темныхъ, сырыхъ и чрезвычайно тѣсныхъ помѣщеніяхъ, на кучкахъ гнилой соломы спятъ здѣсь истомленныя трудомъ, а подчасъ и отуманенныя винными парами семейства; родители, взрослыя дѣти, полупагіе братья и сестры, дѣвушки, посторонніе мужчины—все это растянулось въ повалку и проводитъ ночи другъ подлѣ друга и развратничаетъ. Во Франціи это бываетъ сплошь и рядомъ, какъ свидѣтельствуетъ Паранъ-Дюшатле и др. Но это общій неизбѣжный обычай всѣхъ странъ, обладающихъ блестящею цивилизаціей и при современныхъ условіяхъ труда неразлучнымъ съ ней пролетаріатомъ. Въ низшихъ классахъ англійскаго народа, напр., давно уже господствуетъ въ семейной жизни ужасное смѣшеніе половъ. Дѣти и родители, братья и сестры, родственники и родственницы, свои женщины и чужіе мужчины,—набивающіеся для ночлега въ тѣсную конуру, какъ сельди въ бочку,—естественно должны терять всякое чувство деликатности и цѣломудрія. Не старый еще отецъ спитъ на одной постели со своей взрослой дочерью, мужъ, жена и свояченица лежатъ на одной узкой соломенной постилкѣ, мать принимаетъ любовника въ присутствіи своихъ дочерей,—вотъ сцены, которыя постоянно можно встрѣтить въ кварталахъ пролетаріевъ. Вотъ что разсказываетъ, напр., о себѣ одна четырехлѣтняя парижская дѣвочка, приведенная въ тюрьму вмѣстѣ со своей матерью. «Дома по вечерамъ я постоянно одна въ комнатѣ, мама спозаранку укладываетъ меня въ постель и идетъ *искать папу*. *Папы* и никогда не видала, но каждый вечеръ я слышу, какъ онъ разговариваетъ, хохочетъ и плящетъ съ мамой». И эта еще не изъ самыхъ возмутительныхъ сценъ,—не такія бываютъ! Паранъ весьма справедливо говоритъ, что молодыя дѣвушки, подвергнутыя на болѣе или менѣе продолжительное время тюремному заключенію, со всей его развратительной обстановкой, развращаются гораздо менѣе, чѣмъ въ домахъ своихъ родителей, ведущихъ нищенскую и скотскую жизнь. Нерѣдко родители просто торгуютъ своими дочерьми, силою отдавая ихъ въ руки богатымъ развратникамъ или хозяйкамъ публичныхъ домовъ. Такъ, въ Лондонѣ Давидъ Роснетъ (27 л.) вмѣстѣ съ женою жилъ на проституціонную выручку своихъ трехъ дочерей, имѣвшихъ около 15 лѣтъ. Вечеромъ онъ обыкновенно посылалъ одну изъ дочерей на улицу, она приглашала трехъ мужчинъ, достойный родитель бралъ съ нихъ деньги и въ своей же квартирѣ отдавалъ имъ дочерей. Въ Италіи, и особенно въ Римѣ, по свидѣтельству д-ра Жако, простолюдинка продаетъ свою дочь, только бы дали за нее подороже, хотя, «подобно хлѣбу, дѣвушки гораздо дороже въ Парижѣ, чѣмъ въ Римѣ». И не въ одной Италіи, а положительно во всей Европѣ власть и сила родителей нерѣдко употребляются ими на такую гнусную торговлю тѣломъ и душой своихъ дѣтей. Ужъ если промотавшійся аристократъ, некрасовскій «Папаша», выводитъ на продажу свою молоденькую дочь, чтобы на выработанныя ею развратомъ деньги задавать блестящія пирушки гусарамъ и рисоваться передъ камеліями, то чего же ждать отъ обезсмысленныхъ нищетою и порокомъ пролетаріевъ!.. Еще чаще можно найти мужей или отдающихъ своихъ женъ въ кортомъ, съ ихъ, конечно, согласія, или силою и побоями заставляющихъ ихъ рыскать ночью по улицамъ и добывать деньги посредствомъ самой грубой проституціи. И если въ англійскомъ законодательствѣ до сихъ поръ еще не уничтожена статья, дозволяющая мужу *отвести жену на веревкѣ на базаръ и продать ее тамъ*, то почему же такому автократному супругу и не отдавать своей жены другимъ за деньги во временное пользованіе!... Докторъ Жако говоритъ, что онъ «долго отказывался вѣрить въ существованіе столь постыдной отвратительной и унизительной торговли мужей своими женами, но теперь окончательно убѣдился въ ней». При такомъ характерѣ семейной жизни, при этой постоянной нищетѣ и даже голодной смерти, такъ часто угрожающей семейству пролетарія, понятно, почему нерѣдко цѣлыя семьи не знаютъ другого про-

мысла, кромѣ проституціи. Паранъ-Дюшатле говоритъ, что въ бывшихъ у него спискахъ публичныхъ женщинъ онъ встрѣчалъ 16 разъ мать и дочь, вмѣстѣ промышлявшихъ развратомъ, 4 раза—тетку и племянницу, 22 раза двоюродныхъ сестеръ; кромѣ того, въ числѣ 5,183 проститутокъ фигурировали 164 раза по двѣ сестры, 4 раза три сестры и 3 раза четыре сестры. Докторъ Тэтъ сообщаетъ слѣдующую таблицу объ эдинбургскихъ проституткахъ:

	дочерей.
2 матери съ четырьмя дочерьми каждая. . .	8
5 матерей съ тремя дочерьми каждая.	15
10 матерей съ двумя дочерьми каждая	20
24 матерей съ одной дочерью каждая	24
41 мать.	67

Кромѣ того, въ Эдинбургѣ же въ теченіе одного года было записано вмѣстѣ 1 разъ 6 сестеръ, 1 разъ 5 сестеръ, 3 раза 4 сестры, 10 разъ 3 сестры, 18 разъ 2 сестры. «Случается»,—говоритъ Тэтъ,—«что въ Эдинбургъ прибываютъ цѣлыя семейства, и всѣ члены ихъ вмѣстѣ предаются проституціи».

Хотя защита, доставляемая дѣвушкѣ или женщинѣ семействомъ, слаба, хотя вліяніе семьи сплошь и рядомъ развратительное, но положеніе женщины одинокой, бессемейной, вообще гораздо хуже ея жизни въ семействѣ. Тысячи превратностей, несчастій, болѣзней, соблазновъ ждутъ ее на каждомъ шагу и отдаютъ въ руки разврата. А промышленная современная жизнь самыми разнообразными путями разбиваетъ семью и разбрасываетъ въ разныя стороны ея членовъ. Особенно печально положеніе несовершеннолѣтнихъ, слабыхъ и неопытныхъ сиротъ изъ рабочаго класса. Онѣ доставляютъ проституціи самый значительный контингентъ. Въ Ліонѣ, напр., по изслѣдованіямъ Поттона, изъ *3884* публичныхъ женщинъ *3484* или были круглыми сиротами, или по разнымъ обстоятельствамъ не могли жить вмѣстѣ со своими родителями, или же имѣли только больныхъ, дряхлыхъ родителей и принуждены были пропитывать ихъ. Вмѣстѣ съ сиротствомъ на голову дѣвушекъ часто падаетъ еще нравственная обязанность пропитывать своихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ или одного изъ своихъ овдовѣвшихъ родителей, больного и негоднаго ни для какой работы. И такая сирота проситъ у разврата хлѣба, котораго ей не даетъ трудъ. Мы приведемъ здѣсь глубоко-трагическій, потрясающій разсказъ о себѣ одной лондонской шестнадцатилѣтней дѣвушки. «Я сирота. Десяти лѣтъ я поступила служанкою къ одному мелкому торговцу. Это была ужасная служба! Хозяйка обходилась со мной жестоко и часто била. Черезъ три недѣли, проведенныхъ мною въ этомъ мѣстѣ, *я потеряла свою мать*. Отецъ же мой умеръ еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Я терпѣла ужасное обхожденіе хозяйки цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Она била меня и руками, и палкой. Я была вся покрыта синяками. Наконецъ, я убѣжала. Имѣя 3 шиллинга, я поступила на дешевую квартиру къ одной мистриссъ». Это была квартира самаго грязнаго разврата. Сирота насмотрѣлась здѣсь всякой гадости. Когда три шиллинга были издержаны ею, ее выгнали на улицу. Здѣсь ее встрѣтилъ понравившійся ей юноша лѣтъ пятнадцати и, уговоривъ ее жить съ собой, привелъ ее обратно на прежнюю квартиру. Черезъ три мѣсяца этого любовника посадили въ тюрьму. «Я была огорчена, хотя онъ и заразилъ меня». Сирота нарочно сдѣлала покражу, чтобы, попавъ на тюремное содержаніе, не умереть съ голода. Ее посадили на мѣсяцъ. «И жила я такимъ образомъ три года, то съ деньгами, то безъ гроша. Все это время я жила на Kent Street, въ домѣ, наполненномъ ворами и погибшими женщинами. Въ одной комнатѣ здѣсь спало около пятидесяти взрослыхъ мальчиковъ и дѣвушекъ. Постели—ужасно грязныя и наполненныя вшами. Цѣлую ночь здѣсь горѣла свѣча. Многіе мужчины и женщины спали совершенно нагими или плясали тоже нагишомъ. Нѣкоторые изъ нихъ были еще дѣти». Развратъ здѣсь былъ на распашку. Каждую ночь драка. «Послѣ трехъ лѣтъ такой жизни я украла у мясника кусокъ говядины, чтобы попасть въ тюрьму. Такая жизнь опротивѣла мнѣ, и я не знала, какъ изъ нея выйти. Послѣ моего освобожденія я провела на улицѣ два дня и одну ночь». Затѣмъ новое преступленіе съ тою же цѣлью. «Я думала о своей постыдной жизни, о разрушеніи своего здоровья, и мнѣ казалось лучше постоянно оставаться въ тюрьмѣ, чѣмъ снова начинать прежнюю жизнь. Меня продержали въ заключеніи шесть мѣсяцевъ. При освобожденіи я нарочно, съ прежней цѣлью, разбила лампу, и меня продержали еще пятнадцать дней. Это было мое послѣднее заключеніе». Сирота вернулась къ прежней жизни, отвращеніе отъ которой, хотя и не искорененное вовсе, было на время побѣждено въ ней страхомъ голодной смерти и невозможностью найти другой выходъ.

Рядомъ съ этимъ многочисленнымъ классомъ сиротъ нужно поставить и тѣхъ дѣтей, которыхъ почему-нибудь родители прогоняютъ отъ себя, предоставляя имъ жить какъ и чѣмъ угодно. Безконтрольность родительской власти и силы, не смягчаемая въ низшихъ, загрубѣлыхъ классахъ народа никакими нравственными правилами, сплошь и рядомъ приводитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Полуголодные, пьяные, обезсмысленные дикою злобою на свою судьбу, бѣдняки изливаютъ свою злость на собственныхъ дѣтей и деспотствуютъ въ семействахъ такъ же, какъ восточные деспоты въ своихъ владѣніяхъ. Прочтите романъ Гринвуда «Исторія маленькаго оборвыша», и вы познакомитесь съ ужасною жизнью этихъ семействъ, изъ которыхъ дѣти такъ часто эмигрируютъ и съ малолѣтства начинаютъ жизнь уличнаго бродяги, умирающаго съ голода, принужденнаго жить воровствомъ, преслѣдуемаго полиціей, проводящаго дни въ бѣготнѣ и работѣ, когда она навернется, а ночи гдѣ-нибудь въ сырой и вонючей канавѣ. И нужно замѣтить, что огромная часть дѣтей бѣднаго класса богатыхъ городовъ подвержена подобной участи, которая прямо ведетъ къ преступленію и пороку. Если ребенка не прогоняютъ отъ себя родители, если онъ не эмигрируетъ

изъ семьи самъ, то родители продадутъ его на базарѣ. Въ Лондонѣ, напримѣръ, есть дѣтскій рынокъ, на который по утрамъ родители выводятъ своихъ дѣтей обоего пола, начиная съ семилѣтняго возраста, и отдаютъ ихъ въ наймы каждому встрѣчному на недѣлю, на мѣсяцъ и т. д. Понятно, къ чему можетъ вести такая продажа. Вмѣстѣ съ сиротами, вмѣстѣ съ бѣжавшими отъ родителей или брошенными ими несовершеннолѣтними дѣвушками, проданныя такимъ образомъ родителями захватываются разными агентами проституціи и продаются ими въ качествѣ невинностей. Если, для достиженія этой подлой цѣли, ласки и соблазны оказываются недѣйствительными, то прибѣгаютъ къ силѣ или наркотическимъ средствамъ, парализующимъ въ дѣвушкѣ всякое сопротивленіе. Это вполнѣ организованный промыселъ, съ многочисленными агентами, съ большимъ сбытомъ, установившимися цѣнами; главнымъ рынкомъ его служитъ Лондонъ, получающій этотъ живой товаръ чуть не въ цѣлой Европѣ и дающій за каждую невинность отъ 500 до 2500 франковъ; второй громадный рынокъ — Парижъ. Содержательницы публичныхъ домовъ часто вступаютъ въ договоръ съ разными извозчиками, которые и привозятъ имъ обманомъ молоденькихъ дѣвушекъ, получая извѣстную плату за каждую доставляемую голову. То же самое дѣлаютъ разные агенты, рыскающіе не только по улицамъ своего города, но разъѣзжающіе по всей Европѣ за добычею невинностей и доставляющіе ихъ на главные рынки разврата.

Рядомъ съ одинокими, безпомощными дѣтьми и несовершеннолѣтними дѣвушками увлекаются на арену проституціи вдовы и женщины, брошенныя своими мужьями или любовниками. О вдовахъ мы уже говорили, и проститутокъ дѣлается изъ нихъ гораздо меньше, чѣмъ изъ брошенныхъ любовницъ. Множество разнаго сорта мужчинъ—студентовъ, солдатъ, приказчиковъ и т. д., соблазняютъ въ провинціяхъ неопытныхъ дѣвушекъ, привязываютъ ихъ къ себѣ, обѣщаютъ жениться, увлекаютъ ихъ съ собою въ большіе города и здѣсь скоро бросаютъ. Не имѣя ни знакомыхъ, ни хлѣба, ни квартиры, окруженныя на каждомъ шагу обольстителями, такая дѣвушка скоро увлекается потокомъ разврата. Кромѣ того, многія, потерявшія невинность на родинѣ, гонимыя позоромъ или нуждою, идутъ въ большіе города искать работы и, не находя ее, выходятъ на публичную продажу. Очень много служанокъ подвергаются той же участи. Такъ часто обольщаютъ ихъ хозяева, такъ часто теряютъ онѣ мѣста за свое «безпутство» и остаются безъ хлѣба и крова, что въ спискахъ проституціи онѣ составляютъ одно изъ самыхъ большихъ чиселъ. Мы приведемъ здѣсь интересную таблицу парижскихъ проститутокъ, отлично выясняющую громадную важность упомянутыхъ причинъ.

Побудительныя причины.	Число проституток.
1) Крайняя бѣдность и голодъ.....	1,441
2) Потеря отцовъ и матерей, изгнаніе изъ родительскаго дома, полное одиночество и безпомощность.....	1,255
3) Необходимость пропитывать престарѣлыхъ и слабыхъ родителей....	37
4) Старшихъ дочерей въ семьѣ, не имѣющихъ ни отца, ни матери и содержащихъ своихъ малолѣтнихъ сестеръ и братьевъ, а иногда племянниковъ и племянницъ.....	29
5) Женщинъ, овдовѣвшихъ или брошенныхъ мужьями и пропитывающихъ многочисленное семейство.....	23
6) Пришедшихъ изъ провинцій искать въ Парижѣ работы.....	280
7) Привезенныхъ въ Парижъ и брошенныхъ солдатами, офицерами, студентами и т. п.....	404
8) Служанокъ, обольщенныхъ и потомъ прогнанныхъ своими хозяевами...	289
9) Наложницъ, брошенныхъ своими любовниками и не нашедшихъ дѣла...	1,425
	5,183

Къ этому нужно еще прибавить, что въ числѣ одинокихъ, безпомощныхъ женщинъ находится довольно значительное количество незаконныхъ дочерей, не признанныхъ отцами или вовсе не знающихъ своихъ родителей. Такъ, на 1183 публичныхъ дѣвушки, рожденныхъ въ Парижѣ и о происхожденіи которыхъ въ рукахъ полиціи находились подробныя, точныя свѣдѣнія, приходилось:

законныхъ	незаконныхъ	слѣдовательно
946	237	1 незак. на 3,98 зак.

Французскіе департаменты представляютъ относительно этого слѣдующія данныя: на 3,667 публичныхъ женщинъ 2,997 законныхъ, 385 незаконныхъ, слѣдовательно 1 незаконная на 7,78 законныхъ. Въ числѣ проститутокъ не мало также дѣвушекъ, воспитанныхъ въ домахъ для найденышей и потомъ выпущенныхъ на вольный свѣтъ работать, а больше голодать и бѣдствовать.

Трудно представить себѣ положеніе всѣхъ этихъ женщинъ, лишенныхъ труда или занимающихся крайне плохо вознаграждаемой работой,—положеніе, которое такъ часто доходитъ до крайнихъ предѣловъ страданія во время голода, закрытія фабрикъ, промышленныхъ кризисовъ и подобныхъ общественныхъ бѣдствій. Все это увеличиваетъ число безпомощныхъ, безработныхъ женщинъ и усиливаетъ проституцію; это замѣчено всѣми основательными наблюдателями. Такъ, напр., въ 1816 и 1817 г. Европу угнеталъ сильный голодъ, и въ Парижъ, этотъ всемірный рынокъ проституціи, пріѣзжало изъ за-границы вдвое, втрое, даже вчетверо больше проститутокъ, чѣмъ въ предыдущіе и послѣдующіе годы. То же самое явленіе замѣчается во время революцій, имѣющихъ вообще такое гибельное вліяніе на ходъ промышленной жизни. Но жизнь бѣдныхъ классовъ ужасна и безъ этихъ кризисовъ. Въ Лондонѣ около 70,000 людей не имѣютъ даже самой дрянной кварти-

ры и ночуютъ въ канавахъ, водосточныхъ трубахъ, подъ лодками, арками мостовъ и т. д. «Въ Парижѣ есть тысячи индивидуумовъ, не имѣющихъ никакого жилища и проводящихъ ночи, гдѣ придется» (Parent). Въ Страсбургѣ много женщинъ, пришедшихъ въ городъ за работой и не находящихъ ее, «спятъ подъ воротами, въ дилижансахъ, въ бочкахъ». (Strohl). Да и гдѣ иначе въ большихъ городахъ! Чтобы дать читателю какое-нибудь понятіе о такой жизни, мы сообщимъ слѣдующій разсказъ, извлеченный Леономъ Фоше изъ англійской газеты «Examiner». «Сторожа парка и полисмены приводятъ въ послѣдніе дни въ полицейское бюро много молодыхъ дѣвушекъ, находимыхъ спящими подъ деревьями Гайдъ-Парка и Кенсингтонскихъ садовъ. Эти несчастныя, всѣ безъ исключенія, находятся въ такой ужасной бѣдности и такъ заражены болѣзнями, что власть дѣлаетъ имъ благодѣяніе, отсылая ихъ въ тюрьму, гдѣ онѣ найдутъ и убѣжище, и медицинскую помощь. По сообщенію сторожей, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ около пятидесяти человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ не имѣютъ ночью другого пристанища, кромѣ деревьевъ парка и отверстій въ откосахъ. Большинство изъ нихъ—молодыя дѣвушки, отъ 14 до 17 лѣтъ, приведенныя солдатами изъ провинціи, развращенныя ими и потомъ предоставленныя своей ужасной судьбѣ. Эти несчастныя созданія ведутъ такую жизнь съ самаго дѣтства, не имѣя но почамъ другого пристанища, кромѣ парковъ, гдѣ онѣ буквально спиваютъ въ нищетѣ, грязи и болѣзняхъ». Но и общія квартиры въ большихъ городахъ для ночлега бѣдняковъ не менѣе грязны и развратительны, чѣмъ ночлеги въ канавахъ, подъ мостами или открытымъ небомъ. Въ Лондонѣ, напримѣръ, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ городахъ, эти квартиры каждую ночь набиты сотнями человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. «Невозможно описать сценъ разврата, происходящихъ въ этихъ логовищахъ; онѣ такъ ужасны, что публика не понѣритъ описанію», говоритъ Фоше.

Такими-то путями бѣдность ведетъ къ промыслу порокомъ, къ промыслу, отъ котораго съ негодованіемъ, большею частію лицемѣрнымъ, отвертываются моралисты. Мы видѣли, что женщинамъ часто приходится выбирать между своею смертью, или смертью своего семейства, и нравственностью. Находятся и такія, которыя предпочитаютъ смерть, но только положительный глупецъ или человѣкъ съ сердцемъ дикаго звѣря можетъ требовать отъ всѣхъ этихъ женщинъ такой *нравственности самоубійства*. Что же дѣлать и чѣмъ помочь? Жизнь поставила ихъ такъ, что инстинктъ самосохраненія неизбѣжно ведетъ ихъ къ пороку; а помочь... но о помощи имъ нечего и думать.

Выше мы уже говорили, что въ рядахъ проституткъ есть весьма незначительный процентъ женщинъ, принадлежащихъ къ болѣе или менѣе зажиточнымъ состояніямъ,—актрисъ, повивальныхъ бабокъ, учительницъ и т. д. Сплошь и рядомъ, онѣ далеко не составляютъ даже и 1% общаго числа проститутокъ въ данной мѣстности. Большинство ихъ состоитъ или изъ дочерей совершенно разорившихся родителей, или изъ женщинъ, лишившихся своихъ занятій и, слѣдовательно, подверженныхъ всѣмъ страданіямъ нищенской жизни. Одни изъ нихъ увлечены и обмануты любовниками, обѣщавшими жениться, другія увлеклись подарками волочащейся молодежи и перспективой комфорта, который доставитъ имъ любовная связь. Обманувшись въ своихъ надеждахъ, большинство этихъ дѣвушекъ и желало бы вернуться къ прежней жизни, но уже поздно!.. Не только общественное мнѣніе, но даже семья и знакомые считаютъ ихъ *обезчещенными*, безнравственными и бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ чумы. Для женщинъ у насъ составленъ особый нравственный кодексъ, другой, чѣмъ для мужчинъ. И за то, что въ мужчинѣ считается поступкомъ безразличнымъ и естественнымъ, безжалостное и несправедливое общественное мнѣніе казнитъ павшую женщину, силою толкая ее въ преступленіе и стая въ невозможность вернуться къ порядочной жизни. Павшая, но раскаявшаяся Магдалина съ тяжкими рыданіями валяется въ ногахъ нашихъ; но мы не хотимъ слышать ея воплей, и, вмѣсто того, чтобы подать ей руку помощи и освободить ее отъ порока, въ которомъ всѣ мы столько же виноваты, сколько и она, мы въ припадкѣ безчеловѣчно-моральнаго негодованія пинками сталкиваемъ ее въ бездну, изъ которой нѣтъ возврата. «Если такая женщина принадлежитъ къ низшимъ классамъ», говоритъ одинъ англійскій авторъ,—«то какой другой промыселъ открытъ передъ ней, кромѣ проституціи? Если она работница, то какая хозяйка пуститъ ее въ свою мастерскую? Если она служанка, то какая женщина дастъ ей у себя мѣсто? Если она принадлежитъ къ болѣе высокому состоянію, то можетъ ли она найти убѣжище въ своемъ семействѣ? Чего ей ожидать? Оттолкнутъ ли ее съ гнѣвомъ и презрѣніемъ, или примутъ со слезами радости? Увы, кто не знаетъ, что на сотню отцовъ, привѣтствующихъ возвращеніе блуднаго сына и охотно прощающихъ его, едва ли найдется одинъ, который, поднявшись надъ варварской моралью свѣта, открылъ бы свои объятія павшей, но раскаявшейся дочери!» (The great sin of gr. cit., p. 19)...

Нѣтъ, тебѣ состраданья не встрѣтить,
Нищеты и несчастія дочь!
Свѣтъ тебя прекаетъ порукою
И охотно прощаетъ другой,
Что торгуетъ собой по призванью,
Безъ нужды, безъ борьбы роковой!

А такихъ торговокъ не мало, но онѣ имѣютъ честь принадлежать къ зажиточнымъ классамъ, торговлю ведутъ контрабандой, въ полицейскихъ книгахъ не записаны,—и свѣтъ смотритъ на ихъ шалости сквозь пальцы. Мы не говоримъ объ этихъ упитанныхъ кобылицахъ, увѣшенныхъ шелками и украшенныхъ золотомъ, роскошные будуары которыхъ посѣщаются десятками любовниковъ, наслаждающихся не за деньги, а pour amour; мы не говоримъ объ этихъ полуразвалившихся богатыхъ старушонкахъ, обезьянья похотливость которыхъ за-

ставляетъ ихъ содержать разныхъ постельныхъ гайдуковъ и франтовъ,—мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о женщинахъ высшаго и средняго классовъ, промышляющихъ развратомъ, по примѣру дочери царя Хеопса, которая торговала собою въ пользу своего папаши, промотавшагося въ пухъ на постройку пирамиды. Такія женщины есть во всѣхъ большихъ городахъ Европы, и случается, что онѣ торгуютъ собой даже съ вѣдома и согласія своихъ мужей. Бѣдная дѣвушка продаетъ себя часто лишь для того, чтобы получить кусокъ хлѣба и не умереть съ голода, а зажиточная красавица покупаетъ себѣ на свои ласки и прелести роскошные дома и виллы, кружева и бриллианты, блестящіе экипажи и тысячныхъ рысаковъ. Но не будемъ говорить объ этихъ придворныхъ фаворитахъ, о любовницахъ потентатовъ; спустимся немного пониже и приведемъ нѣсколько фактовъ. «Въ Эдинбургѣ свѣтскія женщины, по хладнокровному расчету, для покрытія своихъ безалаберныхъ расходовъ или по изысканному вкусу къ роскоши, принимаются за проституцію. То же самое замѣтно и въ другихъ городахъ Шотландіи. Дамы, пользующіяся въ своихъ постоянныхъ мѣстопребываніяхъ незапятнанной репутаціей и отлично принятыя въ лучшемъ обществѣ, подъ разными ложными предлогами посѣщаютъ Эдинбургъ и секретно торгуютъ здѣсь своими прелестями. Чрезвычайныя суммы, выманиваемыя у увлеченныхъ ими мужчинъ, доказываютъ, что цѣль такого ихъ постыднаго поведенія состоитъ въ поправленіи разстроенныхъ финансовъ» (Tait и Richelot). Въ Италіи и особенно въ Римѣ также довольно подобныхъ барынь, зарабатывающихъ развратомъ кареты и наряды. «Люди, хорошо знакомые съ римскими нравами, увѣряютъ, что вмѣстѣ съ такимъ развратомъ, эти женщины имѣютъ сильную привязанность, даже любовь, къ своимъ мужьямъ» (Jacquot). О французскомъ обществѣ и говорить нечего,—здѣсь много подобной сволочи. Кромѣ того, встрѣчаются еще въ высшихъ европейскихъ классахъ разныя Мессалины, т.-е. женщины, предающіяся публичному, часто очень грязному разврату, ради наслажденія; но ихъ мало, и почти всѣ онѣ ведутъ такую жизнь вслѣдствіе нимфоманіи.

Мы видѣли, что доводить женщинъ до рѣшимости торговать своимъ тѣломъ. Но къ чести благородной женской природы необходимо сказать, что весьма многія изъ этихъ несчастныхъ созданій, убиваемыхъ бѣдностью и развращаемыхъ окружающею ихъ обстановкою, предаются пороку только тогда, когда мужчина, воспользовавшись ихъ безвыходнымъ и беззащитнымъ положеніемъ, увлечетъ ихъ силою, хитростью или обманомъ. По всей Европѣ раскинута обширная и хорошо организованная система коммерціи разврата, съ многочисленными агентами, со множествомъ интригъ, хитростей, уловокъ, даже съ газетными объявленіями о покупкѣ и продажѣ женскаго тѣла *). Многочисленныя сводни обоего пола распространены повсюду, существуютъ въ тысячѣ формъ, то въ грязныхъ лохмотьяхъ нищеты, то окруженныя всѣмъ блескомъ роскоши. Многія изъ нихъ принадлежатъ даже къ высшимъ классамъ или, по крайней мѣрѣ, приняты въ нихъ за свое богатство или за свои нечистыя услуги. Одѣ изъ нихъ рыскаютъ по всей Европѣ и разными обманами увозятъ на главныя рынки разврата дѣвушекъ, подъ предлогомъ работы, соблазняя ихъ высокою платою и выдавая впередъ значительныя суммы. Другіе агенты, преимущественно женщины, сторожатъ добычу на извѣстныхъ улицахъ, въ конторахъ общественныхъ дилижансовъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. Здѣсь они ловятъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, стекающихся въ большіе города изъ провинцій искать какой-нибудь работы. Подъ предлогомъ руководительства этихъ провинціалокъ въ незнакомомъ городѣ, доставленія квартиръ и работы, упомянутыя сводни втираются къ нимъ въ довѣріе, а затѣмъ силою или хитростью отдаютъ ихъ въ руки развратникамъ или же доставляютъ содержательницамъ публичныхъ домовъ, получая съ нихъ во Франціи отъ 10 до 25 фр. за штуку. Ришло говоритъ, что въ Лондонѣ часто попадаются въ подобную западню даже молодыя, неопытныя и незнакомыя со столицей дамы. И много подобныхъ козней. Легче всего достается сводницамъ самый дѣшный въ ихъ ремеслѣ товаръ—несовершеннолѣтнія, невинныя дѣвочки, соблазняемыя угощеніями и подарками, завлекаемыя въ мѣста разврата и здѣсь растлеваемыя. Въ благочестивомъ Лондонѣ охота сводней за этими малютками производится въ особенно обширныхъ размѣрахъ по воскресеньямъ, такъ какъ въ эти дни по улицамъ проходятъ огромныя толпы дѣтей въ общественныя школы и обратно. Заманенную въ публичный домъ дѣвочку иногда удерживаютъ въ немъ силой, а если она особенно молода и наивна, то послѣ растлѣнія ее отпускаютъ домой. Одна десятилѣтняя дѣвушка, ходившая каждое воскресенье въ школу, была сманена такимъ образомъ сводницею и продана какому-то развратнику. Каждое воскресенье приходила она въ мѣсто своего паденія, ее продавали и затѣмъ отпускали къ родителямъ. Конфекты и другіе подарки заставляли ее продолжать свои воскресные визиты къ своднѣ. Еще не выросши, она уже развратилась. Другая, пятнадцатилѣтняя дѣвушка поступила швеей къ какой-то жилетницѣ. Недѣли черезъ двѣ хозяйка завлекла ее въ домъ терпимости, который содержала сама, и сдѣлала ее публичной женщиной. (Rayan). Здѣсь кстати разскажу еще одинъ, извѣстный мнѣ случай изъ петербургской жизни. Одна бѣдная дѣвушка, по выходѣ изъ Смольнаго института, долго жила на квартирѣ своего брата, студента, терпя всевозможныя лишенія. Нѣсколько разъ объявляла она въ Полицейскихъ вѣдомостяхъ о своемъ желаніи заняться швейною работою. Въ одинъ прекрасный день къ ней является какая-то очень приличная пожилая дама и, говоря, что ей нужно готовить приданое своимъ двумъ дочерямъ, предлагаетъ ей у себя квартиру и шитье за выгодную плату. Институтка переѣхала.

*) Одно подобное объявленіе изъ Гамбурга, кажется, я встрѣтилъ однажды въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; женщины названы въ немъ «*ходкимъ товаромъ*».

Хозяйка взяла у нея для прописки въ полиціи институтскій аттестатъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ другіе документы, сказавъ, что это необходимо. Когда швея-квартирантка пришла вечеромъ въ великолѣпное помѣщеніе хозяйки, то была познакомлена съ нѣсколькими ея «дочерьми» и нѣсколькими «племянницами». Въ гостяхъ было нѣсколько мужчинъ. Институтка скоро поняла, куда попала она. Къ ней навязался одинъ изъ посѣтителей и ее взяли бы силой, если бы во-время не пріѣхала въ этотъ публичный домъ компанія студентовъ и офицеровъ. Институтка обратилась къ нимъ за защитой. Содержательница начала увѣрять посѣтителей, что эта дѣвушка продалась ей и, задолжавъ много денегъ, отдала ей въ залогъ свои документы. Но посѣтители нагнали на содержательницу такого страха, что она принуждена была тотчасъ же освободить свою плѣнницу. Въ большинствѣ подобныхъ случаевъ, европейскія сводни употребляютъ для овладѣнія обманутой дѣвушкой или силу, или извѣстныя одуряющія и усыпляющія средства, приготовленіе и торговля которыми, вмѣстѣ съ разными конфертативами, составляютъ одну изъ непослѣднихъ статей проституціонной промышленности. Въ Англіи, и во многихъ другихъ странахъ, есть еще два особенныхъ способа увлекать женщинъ въ развратъ. Это предсказанія и торговля соблазнительными картинами и книгами. Множество молодыхъ женщинъ, особенно служанокъ и работницъ, сильно вѣрятъ въ предсказателей и часто ходятъ къ нимъ, отдавая за ихъ пророчества послѣдній пенни. Во время этихъ женскихъ сборищъ, разные мужчины, скрытые гдѣ-нибудь за перегородкой или драпировкой, смотрятъ, не придется ли имъ по вкусу какая-нибудь изъ посѣтительницъ. О своемъ выборѣ они сообщаютъ предсказателю, который своимъ суевѣрнымъ вліяніемъ заставляетъ бѣдную женщину отдаться развратнику, такъ какъ она безусловно вѣритъ его совѣтамъ и предсказаніямъ. Подобное же вліяніе имѣетъ и продажа соблазнительныхъ картинъ, фотографій и книгъ, продажа, столь прибыльная въ Англіи, что ею занимаются большіе торговые дома. До учрежденія въ Лондонѣ Общества для обузданія разврата, эта промышленность приняла наконецъ чрезвычайные размѣры. Многочисленные разносчики наводняли всѣ Соединенныя королевства упомянутыми картинами, книгами. Учебныя заведенія, мужскія и женскія, были завалены ими. Даже въ настоящее время, послѣ враждебныхъ и успѣшныхъ дѣйствій упомянутаго антипроституціоннаго общества противъ этой промышленности, ею занимаются въ Англіи до 4,000 человѣкъ. Во Франціи, Германіи и другихъ странахъ эти произведенія грязнаго искусства также очень распространены, и служатъ не только для возбужденія стариковъ, но соблазняютъ и молодежь, которая, заразившись ихъ вліяніемъ и смотря по своей житейской обстановкѣ, при существованіи еще многихъ другихъ подобныхъ факторовъ, тѣмъ легче рѣшается или покупать развратъ, или продавать себя для разврата.

При объясненіи причинъ, заставляющихъ публичныхъ женщинъ приниматься за свое ремесло, необходимо обратить вниманіе на возрастъ и степень умственнаго развитія проститутокъ.

Относительно возраста мы замѣтили слѣдующее, чрезвычайно замѣчательное совпаденіе статистическихъ данныхъ. По изслѣдованіямъ Вильерме, какъ мы уже говорили, до пятнадцатилѣтняго возраста рабочая плата мужчинъ и женщинъ почти одинакова; затѣмъ женская плата постепенно понижается и, *начиная съ двадцатилѣтняго возраста, равняется половинѣ мужской*. Такимъ образомъ, въ первые двадцатые годы вполнѣ развившаяся уже женщина чувствуетъ и гораздо больше потребностей, и гораздо большую нужду, чѣмъ когда-нибудь раньше. Замѣтьте же теперь, что *въ рядахъ проституткъ и дѣтоубійцъ гораздо больше женщинъ, только что начавшихъ второе десятилѣтіе своей жизни, чѣмъ женщинъ всякаго другого возраста*. За справкою о дѣтоубійцахъ совѣтую обратиться къ «Дѣтоубійству», довольно щедро снабженному цифрами, а здѣсь приведу только данныя о возрастѣ проститутокъ. Въ числѣ 3248 парижскихъ публичныхъ женщинъ было, по одной изъ таблицъ Паранъ-Дюшатле, и мѣвшихъ при запискѣ въ проституціонные реестры:

10	лѣтъ	2	дѣвушки	21	годъ	303	дѣвушки.
11	»	3	»	22	»	300	»
12	»	3	»	23	»	215	»
13	»	6	»	24	»	179	»
14	»	20	»	25	»	136	»
15	»	51	»	28	»	101	»
16	»	111	»	35	»	26	»
17	»	149	»	40	»	11	»
18	»	279	»	49	»	12	»
19	»	322	»	62	»	1	»
20	»	389	»				

Для сокращенія нѣкоторые возрасты мы выбросили, какъ сдѣлано и въ слѣдующей таблицѣ о другихъ проституткахъ, на общее число которыхъ, 3235, приходилось:

лѣтъ		лѣтъ		лѣтъ		лѣтъ	
12	1	20	216	25	193	49	10
13	3	21	204	27	151	51	8
14	8	22	246	30	113	55	4
15	18	23	240	37	43	57	3
19	115	24	207	41	25	64	2

Вообще же, на 1000 французскихъ проститутокъ приходится женщинъ:

лѣтъ		лѣтъ		лѣтъ		лѣтъ	
10	0,20	23	74,18	36	15,07	49	3,09
11	0,30	24	63,98	37	13,28	50	1,54
12	0,30	25	60,27	38	12,05	51	2,47
13	0,92	26	63,39	39	11,43	52	0,92
14	2,44	27	49,14	40	9,58	53	0,92
15	5,20	28	46,67	41	7,72	54	0,60
16	13,60	29	38,94	42	6,49	55	1,23
17	17,00	30	34,93	43	7,10	56	0,30
18	31,22	31	39,25	44	4,63	57	0,92
19	35,54	32	33,69	45	4,32	58	0,61
20	66,76	33	24,14	46	3,40	59	0,30
21	63,06	34	24,14	47	4,01	64	0,30
22	76,97	35	19,81	48	1,85	65	0,30

Въ Ліонѣ изъ 3884 публичныхъ женщинъ 942 имѣли менѣе 21 года, 2476 имѣли отъ 21 до 31 года, 386 отъ 31 до 41 г.; 80—болѣе 41 года. Въ Лондонѣ изъ 2196 проститутокъ 3 имѣли менѣе 15 лѣтъ, 414 отъ 15 до 20 лѣтъ, 872 отъ 20 до 25 лѣтъ, 525 отъ 25 до 30, 273 отъ 30 до 40 лѣтъ, 88 отъ 40 до 50 лѣтъ, 19 отъ 50 до 60 лѣтъ. Въ Петербургѣ изъ 493 проститутокъ цѣлая половина, 246, принадлежитъ къ 20—26 лѣтнимъ.

Такимъ образомъ, проститутокъ болѣе въ возрастѣ 20, 21, 22, 23 лѣтъ, въ слѣдующіе возрасты число ихъ постепенно уменьшается, особенно начиная съ 30 лѣтъ. Почему же это? Вѣдь у женщины 27, 30, 32 и т. д. лѣтъ рѣшительно тѣ же потребности, страсти, та же половина мужской платы, какъ и у двадцатилѣтней. Это зависитъ оттого, что большинство женщинъ, принявшись за промыселъ развратомъ 20—23 лѣтъ, можетъ выносить это пагубное занятіе, какъ увидимъ, лишь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ исчезаетъ съ этого рынка порока. Рѣдкія исключенія изъ этого правила такъ втягиваются въ свое занятіе, что продолжаютъ его даже до 50—65 лѣтъ, продавая изрѣдка свои сгнившія и увядшія прелести какому-нибудь пьяному матросу, рабочему или совершенно одурѣвшему отъ своего безпутства богатому развратнику, который находитъ иногда высшее наслажденіе въ уродливой, грязной и старой женщинѣ. Контингентъ слабыхъ, неопытныхъ дѣтей, моложе 20 лѣтъ, весьма значителенъ, особенно въ Англіи, гдѣ особенно падки на молоденькую невинность *). Въ Москвѣ изъ 957 проститутокъ начали промышлять развратомъ—1 съ 11 лѣтъ (0,10%), 5 съ 12 л. (0,52), 26 съ 13 л. (2,71), 93 съ 14 л. (9,71), 150 съ 15 л. (15,75), 180 съ 16 л. (18,80). Д-ръ Тэтъ разсказываетъ, что въ Эдинбургѣ одинъ джентльменъ заключилъ съ содержательницей публичнаго дома условіе доставлять ему регулярно каждую недѣлю по двѣ несовершеннолѣтнихъ невинности. Выше мы видѣли, что въ проституціонныхъ спискахъ значатся даже десятилѣтнія дѣти, но эти дѣти попали въ инрегистрацію уже послѣ того, какъ они нѣсколько времени занимались своимъ ремесломъ тайкомъ отъ полицейскаго контроля. Въ скрытной проституціи живутъ развратомъ дѣвочки не только 10, но даже *9, 8 и 7 лѣтъ!* Докторъ Рэйашъ и другіе медики разсказываютъ, что имъ нерѣдко приходится лѣчить подобныхъ малютокъ отъ сифилиса. Многія изъ этихъ дѣвочекъ имѣютъ даже, какъ большинство проститутокъ, любовниковъ-мальчугановъ **). Многія изъ малолѣтнихъ проститутокъ обращаются сами къ полиціи съ просьбою о запискѣ ихъ, «онѣ оказываются уже знакомыми со всею отвратительною практикою разврата и весьма часто не имѣютъ ни жилища, ни родителей», говоритъ Паранъ-Дюшатле. Полиція чаще всего отказываетъ имъ въ инрегистраціи; онѣ уходятъ, но затѣмъ полицейскіе агенты ловятъ ихъ снова на ихъ скрытномъ промыслѣ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока полиція не вынуждена будетъ дать имъ дозволеніе на занятіе легальной проституціей.

Умственное и нравственное развитіе вступающихъ въ проституцію женщинъ крайне плохо, несмотря на такую распространенность въ западной Европѣ народнаго образованія. *Большинство проститутокъ даже безграмотно.* Напр., изъ 4,470 публичныхъ женщинъ, *родившихся въ Парижѣ*, 2,332 не умѣли подписать своей фамиліи, 1,780 подписывались, но плохо, 110 подписывались хорошо, о 248 нѣтъ свѣдѣній. Въ то же время изъ парижскихъ проститутокъ, рожденныхъ въ сѣверной полосѣ Франціи, 3,497 не умѣли писать, 2,212 подписывались, но худо, 75 подписывались хорошо. То же самое относительно женщинъ средней и южной полосы.

Въ Ліонѣ, изъ 3,884 проститутокъ, 2,577 были совершенно невѣжественны и безграмотны, 1,307 умѣли только читать, 792 могли читать и писать, и въ томъ числѣ 62 получили порядочное образованіе.

Въ Манчестерѣ въ 1840—1855 г. приходилось на 10,000 проститутокъ:

1) Неумѣющихъ ни читать, ни писать.	5,761
2) Умѣющихъ только читать, или читать и писать, но плохо	4,760
3) Умѣющихъ хорошо читать и писать	78
4) Получившихъ хорошее образованіе.	1

Въ Лондонѣ изъ арестованныхъ публичныхъ женщинъ было на 10,000

	Неумѣющ. ни читать, ни писать.	Умѣющ. читать, или читать и писать, но плохо.	Умѣющ. хорошо читать и писать.	Образованныхъ.
Въ 1837—1842 г.	4,524	5,031	432	13
» 1843—1848 »	3,672	5,893	425	10
» 1849—1854 »	2,306	7,444	212	39

Какъ видите, все это народъ невѣжественный, потому что даже и умѣнье читать и писать не соединено у проститутокъ съ образованіемъ, и Паранъ говоритъ, что почти всѣ онѣ находятся въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ не только относительно научныхъ свѣдѣній, но даже относительно религіи и нравственныхъ правилъ. Бѣдность мортъ ихъ голодомъ, лишаетъ образованія и возможности освободиться отъ грубыхъ вліяній своей среды, бѣдность принуждаетъ ихъ къ пороку, и многія изъ нихъ, при своемъ кругломъ невѣжествѣ, при своей грубой развращенности съ колыбели, отдаются ему безъ угрызеній совѣсти, хотя жизнь проституткн скоро поселяетъ въ нихъ полное отвращеніе, какъ увидимъ ниже. О множествѣ проститутокъ можно сказать, что онѣ никогда не падали, что онѣ родились проститутками и были спеціально воспитаны для промысла развратомъ.

Мы избавимъ читателя отъ излишняго утомленія и не будемъ утруждать его вниманія цифрами, доказывающими, что проститутки доставляются болѣе всего тѣми городами и округами, въ которыхъ сильно развита промышленная жизнь или крестьяне находятся въ жалкомъ положеніи. Послѣ нашей преды-

*) Въ Лондонѣ есть даже публичные дома, въ которыхъ не держатъ дѣвочекъ старше 14 лѣтъ.

**) Чадвикъ и Майнъ говорятъ, что въ числѣ посѣтителей лондонскихъ публичныхъ домовъ ежегодно бываетъ до 100,000 мальчиковъ!

дущей трактаціи это понятно само собою. Болѣе подробное вниманіе мы обратимъ здѣсь на то вліяніе, какое имѣетъ на усиленіе и сосредоточеніе проституціи на извѣстномъ пунктѣ сильная скученность въ немъ извѣстныхъ классовъ народонаселенія, солдатъ, моряковъ, разныхъ рабочихъ, католическаго духовенства, купцовъ, богатой и праздной свѣтской молодежи и т. д. Все это люди или холостые, или разлученные со своими семействами и не привыкшіе къ долговременному воздержанію, притомъ люди, для которыхъ кутежи и волокитство—первѣйшія и часто единственныя удовольствія. Благодаря имъ, во-первыхъ, развращается сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, малонаселенныхъ мѣстахъ, женское населеніе тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они живутъ. Первыми изъ такихъ сѣятелей разврата и неразлучнаго съ нимъ сифилиса служатъ арміи. Гдѣ квартируетъ войско, тамъ всегда очень много портится женщинъ и очень много рождается незаконныхъ дѣтей. Эти соблазненныя солдатами женщины, какъ мы уже говорили, весьма часто уводятся ими съ мѣстъ родины и, будучи брошены своими любовниками на чужбинѣ, принимаются за проституцію. Подобное же вліяніе имѣютъ и другіе упомянутые нами классы. Во-вторыхъ, въ мѣстахъ густого народонаселенія сплошь и рядомъ существуетъ такой сильный запросъ на проститутокъ, что мѣстное предложеніе не можетъ удовлетворять его, и сюда стекаются женщины съ разныхъ другихъ пунктовъ, въ которыхъ сильно предложеніе, но почти вовсе нѣтъ сбыта. Такъ, напримѣръ, изъ таблицъ о французскихъ публичныхъ женщинахъ видно, что въ нѣкоторыхъ департаментахъ туземныхъ проститутокъ очень мало, а между тѣмъ въ Парижѣ тѣ же самые департаменты доставляютъ ихъ очень много. Такимъ образомъ возникаютъ и поддерживаются главные рынки разврата—столицы, города промышленные, приморскіе и военные. И не только вся извѣстная страна, но и вся Европа, часто даже другія части свѣта высылаютъ сюда дочерей своихъ на продажу и поруганіе. Иногда здѣсь бываютъ ярмарки разврата; въ извѣстное время и по извѣстнымъ нуждамъ скопляется здѣсь больше народонаселенія, чѣмъ его бываетъ обыкновенно; вмѣстѣ съ этимъ пріѣзжаютъ сюда и проститутки для временнаго промысла. Такъ бываетъ при всѣхъ торговыхъ ярмаркахъ, при всемірныхъ выставкахъ, при скопленіяхъ войскъ, даже при собраніяхъ дипломатовъ; на вѣнскій конгрессъ, напримѣръ, съѣхалось проститутокъ чуть ли не больше, чѣмъ было тутъ придворныхъ посланниковъ, министровъ, государей и войскъ.

V.

Численности публичныхъ женщинъ не знаетъ никто, даже самыя лучшія статистическія бюро. Извѣстно только количество проститутокъ, записанныхъ въ полицейскіе реестры; но это весьма незначительная доля женщинъ, занимающихся промысломъ разврата; вездѣ есть проституція скрытная, избѣгающая контроля самой усердной полиціи и наблюденій самаго зоркаго изслѣдователя. Впрочемъ, на основаніи нѣкоторыхъ, довольно достовѣрныхъ данныхъ, можно сказать, что, смотря по мѣстности и обстоятельствамъ, проститутокъ скрытныхъ *впятеро—вдесятеро* больше, чѣмъ проститутокъ явныхъ; если такое исчисленіе и невѣрно, то во всякомъ случаѣ, количество скрытныхъ проститутокъ въ немъ не преувеличено.

Въ Лондонѣ, по вычисленіямъ Рэйана и Тальбота, до *80,000* проститутокъ.

Но это еще не все. Проституціей живутъ не однѣ публичныя женщины, а и множество другихъ лицъ—содержательницъ публичныхъ домовъ, ихъ семей, сводней и т. п. агентовъ и прислужниковъ порока. «Вычислено»,—говоритъ д-ръ Рэйанъ,—«что въ Лондонѣ живетъ проституціей посредственно или непосредственно *400,000* человѣкъ и ежегодно расходуется на нее *200,000,000* франковъ».

О проституціи другихъ городовъ нѣтъ даже и такихъ гипотетическихъ исчисленій, а есть только цифры публичныхъ женщинъ, записанныхъ въ полицейскія книги. Изъ этихъ цифръ нельзя сдѣлать рѣшительно никакихъ выводовъ. Какъ много въ Европѣ публичныхъ женщинъ, усиливается проституція или уменьшается, какъ велики доходы ея,—эти и подобные вопросы изслѣдователь, боящійся впасть въ серьезную ошибку, долженъ оставить безъ всякаго отвѣта. Приведемъ примѣръ невозможности какихъ бы то ни было прочныхъ выводовъ на основаніи упомянутыхъ цифръ. Положимъ, что въ извѣстномъ городѣ число записныхъ проститутокъ уменьшилось; изъ этого отнюдь нельзя заключить, что въ немъ ослабъ промыселъ разврата,—извѣстно, что многія публичныя женщины, выписавшись изъ полицейскихъ книгъ, продолжаютъ заниматься проституціей тайно. Даже если бы достовѣрно извѣстно было, что выписанныя изъ проституціонныхъ книгъ женщины обратились къ другимъ промысламъ, а не къ разврату, то и отсюда еще нельзя заключить объ уменьшеніи въ этомъ городѣ проститутокъ,—можетъ быть, на мѣсто выбывшихъ явилось столько же, даже болѣе тайныхъ промышленницъ. Если же, напротивъ, въ полицейскихъ книгахъ число проститутокъ увеличилось, съ торговою справедливостью можно предполагать, что увеличилось или количество публичныхъ женщинъ вообще, или же только количество записныхъ; можетъ быть, полиція рачительнѣе занялась открытіемъ тайныхъ проститутокъ, или многія изъ нихъ почему-нибудь нашли нужнымъ явиться самимъ для записи,—онѣ вѣдь часто дѣлаютъ это.

Вотъ цифры записныхъ проститутокъ въ разныхъ городахъ въ 1858 году:

Лондонъ	30,015	Ліонъ	1,060
Нью-Іоркъ	13,000	Брюссель	866
Парижъ	6,500	Берлинъ	840
Ливерпуль	2,900	Эдинбургъ	800
Москва	2,000	Гамбургъ	786
Петербургъ (въ 1867 г.)	1,823	Манчестеръ	710
Глазговъ	1,475	Лейпцигъ	564
Марсель	1,229	Бордо	563
Мадридъ	1,175	Нантъ	498
		Страсбургъ	497

Гага	380	Копенгагенъ	260
Роттердамъ	362	Римъ	56
Швейцарскія гор.	352		

Ни одной изъ этихъ цифръ довѣрять нельзя; въ Лондонѣ, напр., показано проститутокъ 30,015, а по другой таблицѣ за тотъ же 1858 г., ихъ считается 40,000; по официальнымъ же свѣдѣніямъ лондонской полиціи за 1867 г. въ столицѣ Великобританіи показано публичныхъ женщинъ «около 10,000!» Въ Берлинѣ показано 840, а по официальнымъ свѣдѣніямъ 1867 года—10,860. Разбирайте, гдѣ тутъ правда. Можно только вообще принять за совершенно достовѣрное, что число проститутокъ, сосчитанныхъ официальными или частными статистиками, всегда гораздо ниже дѣйствительнаго числа ихъ. Возможно ли, напр., чтобы въ такомъ большомъ, развратномъ и постоянно наполненномъ пріѣзжающими городѣ, какъ Римъ, ихъ было только 56.

Попытаемся теперь взглянуть на тайную проституцію, насколько доступно наблюденію это мрачное ужасное море порока, глухо ревущаго подъ ногами цивилизованнаго общества, разрушающее семью и увлекающее въ свои бездны тысячи жертвъ. Въ этомъ темномъ царствѣ—главная фабрика сифилиса, главное сѣдалище разврата, который гораздо обширнѣе и ужаснѣе какой угодно записной проституціи. Всѣ почти безъ исключенія женщины, предающіяся потомъ проституціи, теряютъ свою невинность въ этомъ омутѣ и промышляютъ порокомъ сначала всѣ тайно, а потомъ уже часть ихъ записывается въ проституціонныя книги. Въ числѣ являющихся добровольно къ полицейской записи или приводимыхъ содержательницами публичныхъ домовъ и полисменами не бываетъ почти никогда невинныхъ дѣвушекъ.

Контингентъ тайныхъ проститутокъ чрезвычайно разнообразенъ по своему составу. Въ него входятъ служанки семейныхъ и холостыхъ людей, модистки, повивальныя бабки, женская прислуга трактировъ, гостиницъ, кабаковъ, одинокія и безпомощныя вдовы, оставленныя мужьями жены и дочери, преимущественно солдатскія, наконецъ даже цѣлыя семейства.

Причины, заставляющія этихъ женщинъ скрывать свое ремесло, также очень различны. Многія изъ нихъ промышляютъ скрытно лишь для того, чтобы избавиться отъ стыда, неразлучнаго для нихъ съ явкой въ полицію и съ церемоніей періодическаго медицинскаго освидѣтельствованія ихъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ государство взимаетъ съ нихъ пошлины за право заниматься развратомъ, проститутки скрываются часто изъ желанія избавиться отъ этихъ сборовъ, уплата которыхъ обременительна для ихъ нищенскаго кармана. Многія не отдаются вѣдѣнію полиціи потому, что не рѣшаются потерять реноме у своихъ родственниковъ и знакомыхъ, боятся подвергнуть себя общественному позору и отверженности, отъ которыхъ такъ страдаетъ несчастная записная проститутка; и вотъ онѣ принимаютъ всевозможныя мѣры, чтобы окончательно скрыть это всѣхъ свой промыселъ. Замужнія женщины, дочери строгихъ отцовъ, служанки щекотливыхъ и взыскательныхъ хозяевъ необходимо должны проституцничать тайкомъ, если только не хотятъ подвергнуться гнѣву и взысканіямъ людей, имѣющихъ власть надъ ними. Наконецъ,—и это одна изъ самыхъ главныхъ причинъ,—тайная проституція не выходитъ на свѣтъ потому, что главный ея промыселъ состоитъ въ добычѣ и продажѣ дѣвической невинности, за которыя законъ наказываетъ виновныхъ очень строго. Равнымъ образомъ, мужья, торгующіе своими женами, и родители, промышляющіе тѣломъ своихъ дѣтей, ради собственной безопасности отъ уголовной кары, должны скрывать отъ власти какъ свой собственный, такъ и промыселъ своихъ женъ и дѣтей. Законъ наказываетъ за это строго.

Въ тайной проституціи, какъ и въ явной, какъ и во всякой промышленности, дѣло не обходится безъ эксплуатаціи слабаго сильнымъ. По всей вѣроятности, какъ и въ промыслѣ записнаго разврата, большинство тайныхъ проститутокъ получаетъ изъ своей выручки только самую незначительную часть, а всѣмъ остальнымъ наживаются ихъ эксплуатантки-содержательницы. Не безъинтересно познакомиться нѣсколько съ тѣми хитростями и уловками, которыя употребляютъ эти торговки-женщины для скрытія своего промысла отъ полиціи. Въ Парижѣ двѣ такихъ женщины, назвавшись акушерками, имѣющими ученицъ, поселились въ самыхъ богатыхъ кварталахъ столицы и начали торговлю невинностями; извѣстно, что за одну изъ нихъ было заплачено 500 франковъ. Одна старуха, которую по костюму и характеру ея рѣчи обыкновенно принимали за благотворительную даму, водила часто съ собой по улицамъ двухъ или трехъ дѣвочекъ, хотя и скромно одѣтыхъ, но всегда такихъ миленькихъ, что прохожіе невольно засматривались на нихъ. Подъ предлогомъ доставленія помощи этимъ дѣтямъ, она водила ихъ въ разные отели, особенно же къ богатымъ англичанамъ, вкусы которыхъ были хорошо знакомы ей. Эта старушонка такъ ловко скрывала свое ремесло, что пользовалась общимъ уваженіемъ знавшихъ ее. Многія изъ этихъ сводней торгуютъ дѣвушками подъ предлогомъ доставленія имъ разныхъ занятій или просто держатъ ихъ въ какомъ-нибудь своемъ заведеніи, нарочно для этого открытомъ, напр., въ швейной, подъ видомъ работницъ. Одна изъ такихъ артисткъ считалась хорошею дергальщицею зубовъ, и подъ видомъ пацієнтокъ къ ней приводили молодыхъ дѣвушекъ, и сходились лакомые до нихъ мужчины. Нѣкоторыя открываютъ у себя мастерскую живописи и набираютъ нѣсколько «ученицъ». Другія заводятъ съ той же цѣлью рестораны, въ которыхъ сходятся обѣдать мужчины и дѣвушки, и т. д.

Этотъ родъ проституціи особенно вреденъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ промыселъ разврата хотя и освященъ обычаемъ, но запрещается закономъ, какъ въ Испаніи и Папской области. Усиленное распространеніе развращенности и сифилиса, сводничество, достигающее безобразныхъ размѣровъ, тиранія содержательницъ надъ дѣвушками, сосредоточеніе прости-

туціи въ семействахъ вмѣсто гласныхъ публичныхъ домовъ—вотъ результаты запрещенія явной проституціи. Фарисействующая власть, желая избавиться отъ упрека въ поблажкѣ пороку и въ то же время не рѣшаясь признаться въ своемъ положительномъ безсиліи искоренить его, старается удалить его съ глазъ и занавѣсить покровомъ запретительныхъ законовъ.

Проституція раздѣляется вездѣ на два главныхъ вида—аристократическую и плебейскую; лучшій сортъ женщинъ захватывается всемогущимъ капиталомъ, низшіе сорта остаются на долю бѣднымъ классамъ. Само собой понятно, что число проститутокъ того и другого сорта соразмѣрно съ числомъ мужчинъ, принадлежащихъ къ каждому изъ этихъ двухъ главныхъ подраздѣленій современнаго общества, т.-е. проститутокъ плебейскихъ гораздо больше, чѣмъ аристократическихъ. Въ Брестѣ, напр., 20 явныхъ домовъ терпимости; изъ нихъ 19 посѣщаются солдатами, матросами, ремесленниками и вообще людьми низшаго класса, и только 1 служитъ исключительно для мужчинъ высшаго полета. Въ Нантѣ изъ 31 дома 6 существуютъ для высшихъ и среднихъ сословій, а 25 для низшихъ. Въ Страсбургѣ 27 домовъ, — 7 аристократическихъ и 20 плебейскихъ. Подобное же отношеніе и въ другихъ мѣстахъ. Всюду лучшія женщины покупаются богачами, проводятъ нѣсколько времени въ комфортабельной обстановкѣ, затѣмъ опѣ быстро спускаются въ ряды плебейскаго разврата, а вмѣсто нихъ богачи закупаютъ свѣжій товаръ. Нищенское, пролетарное состояніе можно назвать поэтому нормальною жизнію публичныхъ женщинъ.

Этотъ громадный контингентъ проститутокъ раздѣляется въ свою очередь на нѣсколько сословій. Одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ въ немъ солдатскія женщины, которыя въ большихъ городахъ, особенно въ Парижѣ, не имѣютъ даже квартиръ, а таскаются всю свою жизнь по кабакамъ, отдаленнымъ бульварамъ, преимущественно же наводняютъ собою городскія окрестности и пригородныя деревни, гдѣ большинство ихъ ночуетъ или просто подъ открытымъ небомъ, или много-много гдѣ-нибудь въ темномъ подвалѣ или въ углу сарая. Паранъ видѣлъ одинъ погребъ, расположенный на пять метровъ ниже земной поверхности и снабженный только одной отдушиной; въ немъ квартировали до тридцати этихъ несчастныхъ женщинъ. Нѣкоторые спекуляторы устраиваютъ для нихъ досчатые бараки, имѣющіе 1 метръ длины и $1/2$ метра ширины, и отдаютъ ихъ въ кортомъ; въ каждой изъ этихъ сырыхъ, грязныхъ, холодныхъ конуръ проводятъ ночь не менѣе двухъ дѣвушекъ, на гнилой, вонючей, уєьянной вшами и блохами соломѣ. Нѣкоторыя снятъ подъ мостами, въ канавахъ, въ строющихся домахъ и т. д. Многія проводятъ большую часть своего времени гдѣ-нибудь около казармъ въ кабакахъ, харчевняхъ и другихъ мѣстахъ, часто посѣщаемыхъ солдатами. Большинство этихъ женщинъ приходитъ въ Парижъ и подобные города вмѣстѣ съ солдатами, въ качествѣ ихъ любовницъ, а здѣсь нужда заставляетъ ихъ дѣлаться публичными проститутками и часто продавать себя буквально за *ломоть хлѣба* или *кусокъ мяса*. Почти всѣ онѣ больны, безобразны, постоянно голодны, одѣты въ отвратительныя лохмотья, едва прикрывающія ихъ истощенное, грязное, усыпанное насѣкомыми тѣло; ихъ не берутъ даже въ самые бѣдные публичные дома. Ихъ очень много, въ нѣкоторыхъ городахъ не менѣе одной на трехъ солдатъ. Въ своемъ поведеніи онѣ не стѣсняются ничѣмъ, и, по словамъ Парана, не обращая никакого вниманія на прохожихъ, при полномъ дневномъ свѣтѣ публично амурничаютъ съ солдатами и совершаютъ самые грязные акты.—Въ приморскихъ городахъ подобную же роль играютъ проститутки, спеціально существующія для военныхъ и купеческихъ матросовъ. Впрочемъ онѣ не такъ многочисленны, по крайней мѣрѣ, въ приморскихъ городахъ Англіи ихъ недостаточно для удовлетворенія всѣхъ моряковъ. Когда въ портѣ ожидаются какія-нибудь торговыя и военныя суда, то содержательницы публичныхъ домовъ выписываютъ на время женщинъ изъ Лондона, которыя тотчасъ и высылаются имъ по желѣзной дорогѣ на опредѣленный срокъ и за извѣстную плату. Лишь только корабль входитъ въ гавань, какъ она покрывается лодками, наполненными публичными дѣвушками и вмѣстѣ съ ними содержательницами или ихъ агентами. Каждая лодка на перерывъ предлагаетъ свой товаръ. Матросы просятъ у офицеровъ дозволенія принять на корабль «своихъ женъ». Дозволяется. Корабль наполняется женщинами, и пошла безобразная оргія.

Для фабричныхъ рабочихъ, поденщиковъ, извозчиковъ, разныхъ воровъ и мошенниковъ, простолюдиновъ безъ опредѣленныхъ занятій также есть особый, весьма многочисленный классъ проститутокъ. Большинство ихъ такъ отвратительно, что онѣ принимаются только въ дома терпимости, посѣщаемые ворами и мошенниками всякаго рода. Большинство этихъ женщинъ не можетъ уже заработывать себѣ пропитаніе однимъ развратомъ,—такъ онѣ истаскались, одряхлѣли,—и онѣ принимаются за воровство, не оставляя, впрочемъ, и проституціи. Цинизмъ ихъ, нищета, одежда, самая наружность—ужасны. Въ Мадридѣ «каждый вечеръ бродятъ эти бѣдныя, дурно одѣтыя женщины по улицамъ, площадямъ и отдаленнымъ закоулкамъ столицы. Большинство ихъ доведено до такого унизительнаго состоянія бѣдностью, отверженностью или послѣдствіями первоначальнаго паденія. Это служанки, не имѣющія мѣста, часто обольщенныя и потомъ прогнанныя своими хозяевами, сироты, женщины безъ занятій, словомъ, всѣ несчастныя, не имѣющія ни источниковъ, ни средствъ существованія. Онѣ занимаются своимъ промысломъ или въ публичныхъ садахъ, или въ отдаленныхъ аллеяхъ гульбищъ и разныхъ закоулкахъ, смотря по степени отверженности, до которой доводитъ бѣдность». (D-r Guardia). Въ Брюсселѣ этотъ классъ женщинъ помѣщается преимущественно въ городскихъ предмѣстьяхъ, гдѣ проституція, соединяемая часто съ мошенничествомъ, «развертывается вполнѣ свободно и дѣйствуетъ съ возмутительнымъ цинизмомъ».

(Marinus). Въ Эдинбургѣ для этихъ вполнѣ отверженныхъ обществомъ созданій проституція служитъ большею частью только пособіемъ для совершенія воровства. Онѣ живутъ въ ужасныхъ захолустьяхъ High Street и Grassmarket, и внушаемый ими страхъ такъ великъ, что никто не рѣшается квартировать въ сосѣдствѣ. Онѣ почти никогда не моются и носятъ свою одежду до тѣхъ поръ, пока не развалилась отъ гнилости. Часто онѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней не съѣдаютъ ни одного куска хлѣба и нерѣдко, получивъ деньги, пропиваютъ ихъ, а потомъ голодаютъ опять до новой получки. Квартиры ихъ отвратительны. Доктора Тэта пригласили однажды къ такой больной, умиравшей женщинѣ. Онъ вошелъ въ комнату, наполненную почти нагими женщинами и двумя мужчинами въ лохмотьяхъ. Три изъ этихъ женщинъ лежали на полу недвижимо-пьяныя. Другія дрались, и кровь текла ручьями по ихъ щекамъ. Въ квартирѣ не было ни постелей, ни стульевъ. Въ углу лежала груда соломы. Единственною утварью оказались стаканъ и бутылка водки. Съѣстного не было ни у кого ни крошки, и больная лежала голодная въ одномъ углу, на грязномъ обрывкѣ кожи безъ одѣяла, безъ бѣлья и платья, въ одной только старой юбкѣ. Въ Англіи, особенно въ ея столицѣ, этотъ классъ женщинъ не имѣетъ большею частью квартиръ, какъ мы уже говорили раньше, и живутъ онѣ то въ кабакахъ и тавернахъ, то въ разныхъ мѣстахъ разврата, куда онѣ уводятся купившими ихъ мужчинами, то подъ открытымъ небомъ, на вѣтру и холодѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ. Почти всѣ англійскія проститутки низшихъ сортовъ или сами воровки, или имѣютъ связь съ ворами и мошенниками. Въ Лондонѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, почти $^2/_3$ преступниковъ, ведущихъ открытую войну съ обществомъ и законами, имѣютъ связи съ содержательницами публичныхъ домовъ, служащихъ любимымъ мѣстопребываніемъ разныхъ бродягъ, стекающихся въ столицу со всѣхъ сторонъ. Здѣсь собираются сходки воровъ, отсюда они расходятся на промыселъ во всѣ части города, сюда же возвращаются и съ добычею, изъ которой содержательницы получаютъ извѣстную долю. Проститутки нерѣдко принимаютъ сами участіе въ этихъ экспедиціяхъ и, заманивая мужчинъ въ засады, предаютъ ихъ въ руки воровъ. Даже мужчины, посѣщающіе публичные дома этого сорта, нерѣдко подвергаются не только грабежу и увѣчьямъ, но даже смерти. Въ кварталѣ Fleet-ditch, наполненномъ такими домами, есть громадный водопроводъ, которой сообщается съ Темзой. «Содержатели и сподвижники публичныхъ женщинъ бросаютъ въ него трупы своихъ жертвъ, которые далеко уносятся рѣкой, и полиція, такимъ образомъ лишается возможности открыть мѣсто преступленія». Въ 1843—1854 г. въ Лондонѣ на 10,000 человѣкъ обоего пола, арестованныхъ за воровство, приходилось 3,605 проститутокъ. «Въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Глазговѣ также нѣтъ ни одного публичнаго дома низшаго сорта, который въ то же время не былъ бы вертепомъ разбойниковъ». (Leon Faucher).—Развратъ болѣе и болѣе усиливается, особенно въ Германіи. Еще Кинэ писалъ: «Я былъ свидѣтелемъ того, какъ грубыя куртизанки, воспитанныя на грубыхъ произведеніяхъ современныхъ поэтовъ, оскорбляли цѣломудренные лики Теклы, Клары, Маргариты и Женевьевы. Пьяный смѣхъ оргій замѣнилъ собою святыя слезы безсмертныхъ душъ; тщеславные пороки сами надѣли на себя короны добродѣтелей». Докторъ Фаустъ покинулъ свою келью, свои книги, свой тигель; онъ далеко отбросилъ отъ себя голову мертвеца, надъ которой перемѣнивались въ его разгоряченномъ мозгу могильныя думы съ мечтательными идеями. Докторъ оживился, онъ посѣщаетъ балы въ шитой золотомъ ливрѣ, онъ любезенъ, ловокъ, изысканъ. Но вмѣстѣ съ своимъ философскимъ плащемъ онъ забылъ дома свою душу, свое воображеніе». Семейная жизнь въ Пруссіи совершенно распатана. Мужъ никогда не ужинаетъ дома; уже въ 5 часовъ онъ отправляется въ пивную или клубъ, гдѣ нерѣдко встрѣчаетъ трехъ, трехъ и четырехъ своихъ бывшихъ женъ и сидитъ тамъ до 9 часовъ. Онъ ѣстъ тамъ лучшія блюда, въ то время, какъ его жена и дѣти довольствуются неизмѣннымъ кофе. О крайнемъ усиленіи развращенности свидѣтельствуетъ и пресса, въ которой порокъ находитъ свои спеціальные органы, какъ, напр.. «Общая нѣмецкая газета брака» и «Фоссова газета». Онѣ постоянно загромождены подобными объявленіями: «Я врагъ танцевъ и не имѣю претензіи на молодую. Я охотнѣе помирюсь съ женщиной, у которой есть какой-нибудь органическій порокъ, съ горбатой, хромой, кривой и даже слѣпой, но у которой вмѣстѣ съ тѣмъ есть и приданое въ 40,000 таллеровъ. Адресуйте въ редакцію газеты. Безполезно посылать карточку».—«Если господинъ среднихъ лѣтъ и хорошаго положенія въ обществѣ хочетъ познакомиться съ почтенной вдовой, достигшей 30-ти лѣтняго возраста, то онъ можетъ прислать свой адресъ. Она можетъ раздѣлить съ нимъ свое жилище».—«Молодая и восхитительная приказчица магазина проситъ стараго господина ссудить ей 25 таллеровъ.»—«Молодой и уважаемый коммерсантъ умоляетъ богатую даму ссудить ему небольшую сумму денегъ». Между проститутками, число которыхъ невозможно опредѣлить, встрѣчаются даже дѣвочки 10 и 8 лѣтъ. Въ портовыхъ городахъ, а также въ тѣхъ, въ которыхъ квартируетъ много войскъ, въ Любекѣ, Бременѣ, Данцигѣ, Мемелѣ, Кенигсбергѣ, Штетинѣ, даже одинъ записанныя въ полицейскія книги проститутки составляютъ $10^0/_0$ всего женскаго населенія. Въ Магдебургѣ въ 1868 г. при 90,000 жителей было 76,000 случаевъ сифилиса! Въ мужской тюрьмѣ Кельна постоянно находится въ заключеніи около 15 учителей и директоровъ школъ, приговоренныхъ за развращеніе своихъ учениковъ. Такихъ господъ не мало въ тюрьмахъ и другихъ городовъ Германіи. Отличительной чертой берлинской проституціи служитъ молодость. «И это неудивительно,—говорилъ Тиссо въ одномъ танцклассѣ полицейскій комиссаръ:—тутъ нѣтъ дѣвушки старше 20 лѣтъ. Въ нашей великой столицѣ жизнь скоропѣшна». Тиссо изумился роскоши туалетовъ и

спросилъ, неужели это ремесло такъ выгодно въ Берлинѣ?—«Нѣтъ,—отвѣчалъ комиссаръ,—Берлинъ не такое злачное мѣсто, какъ Парижъ. Вы видѣли на лѣстницѣ старыхъ вѣдьмъ; всѣ эти шелковыя платы, атласныя ботинки, ажурные чулки, золотые браслеты, жемчугъ—ихъ собственность. Онѣ отдаютъ дѣлый костюмъ въ наемъ и являются сюда для надзора за своими клиентками. Онѣ получаютъ самый большой доходъ изъ всѣхъ лицъ, эксплуатирующихъ порокъ». Нѣмецкій развратъ ужасенъ. «Я—говоритъ Жюль Кларети — подробно на мѣстѣ изучилъ этихъ пуританъ, набѣжавшихъ на Парижъ, чтобы стереть съ лица земли «новый Содомъ». Я самъ своими глазами видѣлъ *сѣверный Парижъ*, какъ его нѣкогда называли, и вполнѣ убѣдился, что пруссакамъ нечего громить насъ за нашу безнравственность. У насъ много пороковъ, и большихъ, но я не боюсь возраженій, если скажу, что Берлинъ перещеголялъ Парижъ относительно разврата, который въ эпохъ *Авантахъ на Шпрее* грубъ, тупъ, уродливъ и омерзителенъ, тяжелъ, какъ кирасирскіе ботфорты, и боекъ, какъ барабанный бой. Парижскія трущобы самой дурной репутаціи кажутся приличными и скромными сравнительно съ берлинскими танцклассами, въ которыхъ не пляшетъ веселье, а ломается необузданный порокъ. Въ одномъ изъ подобныхъ заведеній веселится весь Берлинъ, если только это можно назвать весельемъ. Соотвѣтствуя парижскому Мобилю, Орфеумъ гораздо богаче; блестящія залы украшены мраморными колоннами и громадными зеркалами, сады съ фонтанами иллюминованы, на стѣнахъ красуются такіе вольные фрески, что сравнительно съ ними помпейская обнаженная живопись кажется скромной, а рядомъ съ ними висятъ портреты Бисмарка и Мольтке. Въ этой роскошной обстановкѣ берлинскіе прикащики, въ уродливыхъ модныхъ костюмахъ, танцуютъ бѣшеныя кадрили съ полуобнаженными проститутками, которымъ нечего завидовать своимъ парижскимъ соперницамъ въ болѣзненной распущенности. И на все это спокойно смотрятъ, попивая шампанское, люди серьезные, занятые, дѣловые». «Нищета Берлина,—говоритъ Тиссо,—подобно огромной отвратительной язвѣ, покрываетъ весь городъ», но въ особенности она сосредоточивается въ обширныхъ паркахъ, Тиргартенѣ и другихъ, кишащихъ рабочими безъ мѣста, проститутками, мазуриками, разбойниками. Чтобы опѣнить подобный паркъ, нужны значительныя силы, и полиція рѣшается на это только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда нужно поймать убійцу или убѣжавшаго каторжника. Зимою положеніе этихъ бродягъ ужасно, и они поневолѣ ищутъ ночлега въ разныхъ пріютахъ, напр., въ старинномъ рабочемъ домѣ, извѣстномъ у народа подъ названіемъ «Бычачьей головы». Въ продолженіе болѣе чѣмъ 50 лѣтъ это обширное зданіе служило и полицейскимъ депо, и пріютомъ для нищихъ, и мѣстомъ заключенія для проститутокъ и молодыхъ преступниковъ и домомъ сумасшедшихъ. «Ни въ Лондонѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ Мадридѣ, ни даже въ дикой Валахіи,—говоритъ Рашъ,—нигдѣ я не видалъ ничего болѣе мерзкаго, болѣе грязнаго, болѣе заразительнаго; здѣсь свалена въ кучу вся нищета, вся гнусность, весь гной столицы. На небольшомъ дворѣ проститутки дрожатъ отъ холода подъ пристомромъ жандармовъ; на другомъ—человѣкъ кладетъ себѣ на плечи сосновый гробъ и уноситъ его, какъ сундукъ; на третьемъ—преступники, привязанные другъ къ другу, какъ слѣпыя лошади, ворочаютъ жерновъ. Здѣсь есть также столбъ, къ которому привязываютъ замужнихъ женщинъ и сѣкутъ ихъ, если онѣ дурно ведутъ себя или бьютъ своихъ мужей. У входа въ пріютъ ползаютъ истощенные старики, голодныя женщины, явившіеся сюда искать послѣдняго убѣжища, темнаго уголка, гдѣ бы можно было преклонить голову и умереть. Самцы, самки, новорожденные, юноши, старики, всѣ полы и возрасты,—все это перемѣшалось между собой. Слышится какое-то урчаніе животныхъ съ человѣческимъ лицомъ; изъ этой массы вылетаютъ жалобы, вздохи, ругательства, угрозы и проклятія. И, подобно адскому хору, всю ночь раздаются крики сумасшедшихъ, вой помѣшанныхъ женщинъ, которыя бьются о двери своихъ компатъ. Отъ всего этого можно самому сойти съ ума». Наконецъ, берлинская печать слишкомъ громко заговорила объ этихъ безобразіяхъ; но все, чего она могла добиться, заключалось только въ томъ, что сумасшедшихъ перевели въ другое зданіе, а женщинъ отдѣлили отъ мужчинъ, да устроили два новыхъ полицейскихъ пріюта, мужской и женскій. У дверей послѣдняго каждый вечеръ толпятся десятки несчастныхъ женщинъ, однѣ съ полумертвыми ребятами на рукахъ, другія съ какимъ-нибудь обручемъ,—все, что осталось у нихъ послѣ описи судебнаго пристава, молодыя дѣвушки, укутанныя въ истаскапныя шали, и старухи съ раздирающимъ чахоточнымъ кашлемъ. Переночевавъ въ пріютѣ, всѣ женщины поголовно подвергаются медицинскому осмотру.—Въ Парижѣ есть особенный разрядъ публичныхъ женщинъ, называемыхъ на административномъ языкѣ pertenses и femmes de terrain. Это все пожилыя бабы, иногда 40, 50, 60 лѣтъ, состарившіяся въ занятіяхъ своимъ ремесломъ и такъ сродившіяся съ нимъ, что имъ трудно бросить его, даже если представится случай получить честный трудъ и за него кусокъ хлѣба, чтобы не умереть съ голода. Живутъ онѣ большею частію на пустыряхъ, гдѣ-нибудь среди камней и бревенъ, наваженныхъ для построекъ, на отдаленныхъ рынкахъ, подъ колоннадами старинныхъ зданій, на берегу рѣки, на лѣстницахъ набережной. Онѣ такъ невыносимы, что самый грязный пролетарій увлекается. ими только съ пьяныхъ глазъ, да и то ночью. Ихъ цинизмъ не можетъ быть описываемъ. Большею частью онѣ въ союзѣ съ ворами или служатъ агентами и поставщиками педерастовъ. Изъ другихъ, низшихъ разрядовъ проституткъ также многія имѣютъ связи съ ворами и мошенниками, а для нѣкоторыхъ проституція служитъ только покровомъ ихъ воровскихъ дѣйствій. Нерѣдко онѣ толпами нападаютъ на какого-нибудь прохожаго, заводятъ съ нимъ скандалъ и во время суматохи обираютъ его. Особенно страдаютъ отъ нихъ одинокіе ходящіе пьяницы.

Описанныя нами отношенія проституткъ къ низшимъ классамъ народа имѣютъ въ себѣ слѣдующую поучительную черту.

Цивилизованное общество, для утѣхи котораго, между прочимъ, и существуютъ проститутки, награждаетъ ихъ презрѣніемъ и полною отверженностью. Этому подвергаются особенно женщины, потерявшія цѣну между развратниками высшаго класса и поэтому перешедшія на базары пролетарнаго разврата. Одинокія, безпомощныя, презираемыя, онѣ находятъ здѣсь и помощниковъ, и любовниковъ, и защитниковъ. Грубый создатъ, развращенный бѣдностью пролетарій относятся къ нимъ гораздо гуманнѣе, чѣмъ какой-нибудь высокообразованный англійскій лордъ, чувствующій дрожь омерзѣнія при одномъ взглядѣ на такую женщину. Общество довело ее до порока, позабавилось ею и потомъ выбросило вонъ, какъ негодную тряпку, и она естественно ищетъ себѣ защиты въ той грязи, въ какую упала, хотя бы это была защита разныхъ злодѣевъ, воровъ и тому подобныхъ враговъ отринувшаго ее общества. Въ рядахъ преступниковъ, солдатъ, пролетаріевъ публичная женщина не только получаетъ иногда въ кредитъ, даже даромъ, временный пріютъ, какое-нибудь платье, кусокъ хлѣба, но мужчины здѣсь сплошь и рядомъ покровительствуютъ ей, спасая ее отъ разныхъ преслѣдованій и нападеній. Въ особенности этимъ отличаются солдаты. Въ Парижѣ нѣсколько разъ случалось, что солдаты силою противились выполненію административныхъ мѣръ, клонившихся къ искорененію или ограниченію промысла разврата между низшимъ классомъ проститутокъ. Эти сопротивленія были всеобщи въ 1815—1825 г., и въ армейскихъ, и въ гвардейскихъ полкахъ. Особенно замѣчательно сопротивленіе, оказанное королевской гвардіей въ 1818 г., когда администрація хотѣла изгнать упомянутыхъ женщинъ съ нѣкоторыхъ площадей и другихъ мѣстъ, на которыхъ онѣ обыкновенно сходились съ солдатами.

Между читателями несомнѣнно найдется такой добродѣтельный человѣкъ, который, узнавъ отъ меня о тѣсной связи проституціи низшаго сорта съ воровствомъ и мошенничествомъ, окончательно проникнется благороднымъ негодованіемъ противъ этихъ «скверныхъ мерзавокъ», которыхъ онъ всегда презиралъ ужъ за одно ихъ спеціальное ремесло. Я негодую вмѣстѣ съ тобою, о добродѣтельный россіянинъ! Въ самомъ дѣлѣ, не возмутительно ли видѣть, какъ сотни тысячъ женщинъ, молодыхъ, неопытныхъ, умирающихъ съ голода, иногда развращенныхъ родителями и воспитанныхъ на принципахъ порока и преступленія,—продаются, покупаются, лишаются наконецъ своихъ цѣнныхъ прелестей, выбрасываются въ самую среду преступленій и голодной смерти, и здѣсь еще но физической или нравственной, но во всякомъ случаѣ неизбѣжной необходимости, продаютъ себя сплошь и рядомъ *за 2 су* или *кусокъ солдатскаго хлѣба*, и при своей наготѣ, при постоянной перспективѣ голодной смерти рѣшаются на воровство! Я негодую, читатель, но знаешь-ли на кого и на что? Не на этихъ созданій, физическая и нравственная отвратительность которыхъ достойна одного только сожалѣнія, а на тѣ обстоятельства, которыя довели ихъ до этого, на то соціальное колесо, которое разбило ихъ и вдавило въ грязь.

Но оставимъ эти ужасныя трущобы и отправимся туда, гдѣ развратъ ходитъ не нагимъ или въ лохмотьяхъ, а въ шелкахъ, бархатѣ, золотѣ и брилліантахъ. Мы, впрочемъ, не долго пробудемъ здѣсь, среди этихъ femmes galantes, femmes à parties и другихъ проститутокъ высшихъ сортовъ, по-дѣломъ разоряющихъ богатыхъ развратниковъ, иногда сколачивающихъ деньги и выгодно выходящихъ замужъ, даже за важныхъ персонъ. Онѣ блестятъ богатствомъ и красотой, украшаютъ собою общественныя гулянья, театры, пикники самой отборной аристократической молодежи, ихъ не презираютъ, не гоняютъ на медицинское освидѣтельствованіе, не оскорбляютъ на улицахъ. Но не прельщайтесь, читатель, такимъ, повидимому, сносимымъ положеніемъ ихъ. Каждая изъ этихъ красавицъ или продана родителями, или кинулась въ развратъ по бѣдности, или вовлечена въ него негодяемъ, котораго любила, или, получивъ пошлое, безсмысленное воспитаніе, не имѣя другихъ идеаловъ, кромѣ внѣшняго комфорта, купила его цѣною своего тѣла. Все это крайне грустныя соціальныя явленія. Еще грустнѣе судьба этихъ женщинъ. Весьма немногія изъ нихъ, накопивъ извѣстную сумму, бросаютъ свой промыселъ, или посредствомъ своего ума, особенной энергіи, хитростей, интригъ пробиваютъ себѣ дорогу къ брачной карьерѣ. Большинство же ихъ, бросаемое любовниками, спускается по лѣстницѣ проституціи все ниже и ниже, пока не упадетъ на самое дно общественнаго ада, гдѣ женщина стоитъ лишь 2 су!

VI.

Въ экономическомъ отношеніи публичныя женщины раздѣляются на два главныхъ класса; одинъ изъ нихъ живутъ самостоятельно и сами пользуются всею выручкою своего промысла, другія же находятся въ зависимости отъ своихъ эксплуататоровъ, относящихся къ нимъ, какъ ко всякому другому товару.

Само собою понятно, что положеніе самостоятельныхъ проститутокъ лучше положенія зависящихъ отъ содержательницъ публичныхъ домовъ. Многія изъ нихъ, кромѣ проституціи, занимаются еще какимъ-нибудь ремесломъ, подспорьемъ которому служитъ выручка за развратъ. Днемъ онѣ работаютъ, шьютъ, вяжутъ, моютъ бѣлье и т. д., а вечеромъ стараются пополнить свою скудную задѣльную плату посредствомъ проституціи. Онѣ гораздо порядочнѣе и трудолюбивѣе, чѣмъ женщины, живущія у содержательницъ въ ихъ «аббатствахъ». Иногда случается, что онѣ дѣлаютъ кой-какое денежное сбереженіе и, порядочно устроившись при помощи его, бросаютъ свое порочное ремесло. По словамъ Лекура, нѣкоторыя одиночки ведутъ даже приходныя книги своего ремесла въ такомъ родѣ:

10 января	русскій	40 франковъ.
11 »	англичанинъ	100 »

12 января спала одна	0	франковъ.
13 » Шарль.....	0	»
14 » пріятель Шарля ..	0	»

Но для женщины нужно очень много благопріятныхъ условій и обстоятельствъ, чтобы она могла при своемъ промыслѣ быть самостоятельною. Основная причина проституціи—бѣдность, слабая, униженная, голодная бѣдность. Послѣ того, что мы уже разсказывали о жалкомъ положеніи женщинъ, вынужденныхъ продавать себя, и о раскинутой для погибели ихъ системѣ интригъ и козней, понятно, что большинство проститутокъ должно попадать въ экономическое рабство эксплуататоровъ порока, и только меньшинство въ состояніи избѣгнуть этой экономической кабалы. Статистическія данныя вполнѣ подтверждаютъ это. Въ Нантѣ, напр., въ 1856 г. было записано 234 проститутки, живущихъ въ домахъ терпимости, и только 30 самостоятельныхъ. Въ Эдинбургѣ на 600 зависимыхъ публичныхъ женщинъ приходится около 200 самостоятельныхъ. Въ Берлинѣ было въ 1844 г. 287 женщинъ въ публичныхъ домахъ и 18 самостоятельныхъ. Въ Копенгагенѣ въ 1852 г. было въ домахъ 139 проститутокъ, а самостоятельныхъ 56. Въ Гамбургѣ 334 въ домахъ и 178 самостоятельныхъ. Въ Брюсселѣ въ 1846—1856 г. самостоятельныхъ было почти столько же, сколько и въ публичныхъ домахъ. Въ Парижѣ записныхъ проститутокъ было:

	Въ публ. домахъ.	Одиночекъ.	Всего.
Въ 1872 г.	1126	3116	4242
» 1873 »	1143	3460	4603
» 1874 »	1152	3412	4564
» 1875 »	1160	3420	4580
» 1876 »	1170	3216	4386

Замѣчательно, что статистическія данныя обнаруживаютъ борьбу, которая должна идти между содержательницами-эксплуататорами и независимыми отъ нихъ проститутками. Въ Берлинѣ въ такой борьбѣ перевѣсъ на сторонѣ содержательницъ, потому что здѣсь—

Въ 1796 г. было 54 проститутки въ публичныхъ домахъ и 67 самостоятельныхъ.

Въ 1808 г.— 230 въ домахъ и 233 самостоятельныхъ.

Въ 1809 г.— 198 въ домахъ и 113 самостоятельныхъ.

Въ 1844 г.— 287 въ домахъ и 18 самостоятельныхъ.

Въ Берлинѣ, слѣдовательно, побѣдили содержательницы. Но бываетъ иногда и наоборотъ. Въ Страсбургѣ, напр., ежемѣсячно записывалось среднимъ числомъ:

	Женщинъ въ публичные дома.	Самостоятельныхъ.
1853 года, послѣдняя треть.	112,5	34
1854 » 1 четверть.....	113,0	28
— » 2 »	118,7	38
— » 3 »	119,7	47
— » 4 »	105,0	59
1855 » 1 »	108,7	59
— » 2 »	114,7	63
1855 года 3 четверть.....	115,0	70
— » 4 »	133,7	67
1856 » 1 »	110,3	77
— » 2 »	121,0	88
— » 3 »	125,0	104
— » 4 »	147,6	99

Такимъ образомъ, втеченіе четырехъ лѣтъ число зависимыхъ проститутокъ почти одно и то же, между тѣмъ, какъ число самостоятельныхъ увеличилось болѣе, чѣмъ вчетверо, хотя самостоятельныя и не достигли еще численнаго перевѣса надъ зависимыми, какъ это видимъ, напр., въ Брестѣ, гдѣ въ публичныхъ домахъ живетъ 131 женщина, а самостоятельныхъ 213. Но такой перевѣсъ самостоятельности — только счастливое исключеніе. Въ большинствѣ же мѣстностей и случаевъ проститутки не въ состояніи сохранить свою независимость и попадаютъ въ когти тѣмъ торговкамъ женскою плотью, для которыхъ въ нашей цѣломудренной литературѣ нѣтъ даже приличнаго названія, такъ что постоянно затрудняетесь, какъ титуловать этихъ женщинъ и содержимые ими дома.

Содержательницы публичныхъ домовъ, по своему происхожденію, раздѣляются на нѣсколько классовъ. Большинство ихъ состоитъ изъ пожилыхъ проститутокъ, сдѣлавшихъ съ молодости сбереженіе или получившихъ отъ какого-нибудь благодѣтеля сумму, необходимую для открытія публичнаго дома. Въ Англіи такими благодѣтелями нерѣдко являются богатые развратники, ревнующіе о лучшемъ устройствѣ и развитіи проституціи. Во-вторыхъ, между этими эксплуататорками не мало женщинъ, принадлежащихъ къ порядочнымъ фамиліямъ и припявшимся за такое гнусное ремесло ради барышей; иногда содержательницы служатъ только официальными хозяйками заведенія, а въ сущности онѣ приказчицы настоящихъ собственниковъ, остающихся за ширмами и пользующихся хорошей репутаціей въ обществѣ. Въ Эдинбургѣ, напр., одна изъ этихъ женщинъ—вдова *секретаря печати*, получающая ежегодную пенсію; три другихъ—жены или вдовы людей также почтенной профессіи. Одинъ публичный домъ содержался здѣсь нѣсколько времени *протестантскимъ пасторомъ съ женою*; два—женами финансовыхъ чиновниковъ; одинъ—супругою полицейскаго сержанта... «Почтенныя дамы, даже священники шотландской церкви принимаютъ участіе въ этой постыдной торговлѣ. Одинъ изъ этихъ пасторовъ, хозяинъ дома, занятаго публичными женщинами, отвѣчалъ сосѣдямъ, недовольнымъ такимъ его промысломъ: «я получаю хорошій доходъ съ дома, и мнѣ все равно, кто бы ни жилъ въ немъ» (Richelot и Tait). Подобные содержатели, обладая значительными средствами, ведутъ иногда свое дѣло на очень большую ногу; нерѣдко устраиваются для этого промышленныя компаніи изъ бандоршъ, домовладѣльцевъ, виноторговцевъ, продавцевъ мебели и т. д. Случается, что одна бандорша содержитъ нѣсколько домовъ, въ Парижѣ—иногда до восьми, одинъ на свое имя, остальные же на имя другихъ женщинъ, состоящихъ у нея управительницами, въ полиціи записанными, какъ само-

стоятельныя содержательницы. Бандоршами часто дѣлаются служанки содержательницъ, или успѣвшія сколотить деньгу, или заводящія публичный домъ на средства своей хозяйки, или получившія отъ нея такое заведеніе по наслѣдству, послѣ ея смерти. Наслѣдственныя дома терпимости существуютъ даже въ семействахъ. «Въ Парижѣ есть нѣсколько семей, которыя въ теченіе многихъ поколѣній не имѣютъ другого занятія, кромѣ управленія домами проституціи; мать занимается своимъ промысломъ въ одномъ кварталѣ, а дочь въ другомъ; дома переходятъ по наслѣдству отъ матери къ дочеримъ, отъ тетокъ къ племянницамъ и т. д.» (Parent-Duchâtelet).

Не смотря на разнообразіе общественныхъ положеній, достатковъ, образованности этихъ содержательницъ, онѣ имѣютъ очень много чертъ, общихъ всѣмъ ихъ классамъ. Все это женщины энергическія, съ властительнымъ характеромъ, предпріимчивыя спекуляторши съ черствымъ сердцемъ, которому нѣтъ дѣла ни до чести, ни до страданій человѣка, были бы только хорошіе барыши. Отъ проституткъ своихъ онѣ требуютъ не только безотвѣтной покорности, но и уваженія, считая ихъ своими рабочими скотинами, обязанными «*выработывать*» (терминъ) для нихъ по стольку-то въ день. Дома бандорша привыкаетъ быть госпожею и барынею; очень естественно, что она старается держать ту же роль и въ общественной жизни. Въ Англіи и Франціи, въ Бордо, напр., бандорши высшаго сорта задаютъ тонъ въ модахъ своимъ изысканнымъ и богатымъ туалетомъ. Онѣ блестятъ на гуляньяхъ, въ театрахъ, концертахъ, даютъ у себя балы, большіе обѣды, музыкальные вечера и т. д. Въ Эдинбургѣ—то же самое, и на общественныхъ гуляньяхъ бандорши, нисколько не стѣсняясь, смѣшиваются съ лицами высшей аристократіи. Онѣ имѣютъ хорошія связи и знакомства, часто пользуются полнымъ уваженіемъ родовитыхъ джентльменовъ и начиненныхъ золотомъ буржуа. Имъ дѣлаются даже общественныя оваціи, съ подарками, хвалебными спичами и *благодарственными адресами!* Однажды, напр., богатые обычные посѣтители первокласснаго дома терпимости въ Эдинбургѣ, принадлежаще къ лучшимъ фамиліямъ Шотландіи, подпесли содержательницѣ великолѣпный подарокъ *«въ знакъ своей признательности за ея образцовое управленіе заведеніемъ и за расчетливость, съ которою она удовлетворяла требованія посѣтителей»*. И нечего удивляться этому, пустые и развратные шалопаи — родные братья бандоршамъ; не естественно ли имъ чувствовать къ посѣднимъ самое дружеское расположеніе! Другое дѣло—люди низшихъ классовъ, люди хотя грубые и невѣжественные, но своимъ горькимъ опытомъ знающіе тяжесть всякой экономической эксплуатаціи,—они презираютъ и глубоко ненавидятъ содержательницъ, этихъ тварей, залятыхъ превращеніемъ въ золото высасываемой ими женской крови... Но многія бандорши богаты, привлечены, полированы, угождаютъ вкусамъ высшей публики, и почему же ей не уважать ихъ!.. Такое уваженіе дѣлаетъ ихъ часто до того надменными, что онѣ даже при сношеніяхъ съ властями принимаютъ тонъ, приличный развѣ какой-нибудь дѣйствительно солидной дамѣ, а ужъ никакъ не содержательницѣ публичнаго дома. У Парана приведено много образцовъ ихъ прошеній къ префектамъ. Одна, напр., пишетъ: «Доживъ до 82 лѣтъ и будучи матерью многочисленнаго семейства, я умоляю васъ, г. префектъ, о помощи и покровительствѣ. Вы—отецъ бѣдныхъ, опора вдовицъ и сиротъ, поддержка скорбящихъ, прибѣжище несчастныхъ—не откажете, вѣроятно, въ моей просьбѣ. Будучи въ столь престарѣломъ возрастѣ и чувствуя приближеніе часа, когда, предавъ духъ мой Господу Богу, я должна буду предстать передъ моимъ Создателемъ, я обязана позаботиться объ обезпеченіи дѣтей своихъ» и т. д. Она проситъ префекта дозволить ей дочери и внучкѣ промыселъ развратомъ. Другая, ходатайствуя о разрѣшеніи ей содержать публичный домъ, пишетъ: «Желая сохранить незапятнанною свою репутацію честности и изящности, пріобрѣтенную мною въ нашемъ кварталѣ, и вынуждена, для исполненія *моихъ священныхъ обязанностей и дома чести*, открыть домъ терпимости»... Третья проситъ о томъ же, увѣряя префекта, что она останется «всегда достойною его протекціи, уваженія и почтенія». Многія говорятъ въ своихъ просьбахъ, что онѣ «всегда пользовались уваженіемъ всѣхъ добрыхъ людей». Одна пишетъ, что она «уже 14 лѣтъ добываетъ себѣ такимъ образомъ (содержаніемъ дома терпимости) средства *для честнаго существованія*»... и т. д. Для составленія подобныхъ просьбъ и вообще для своей дѣловой переписки богатыя бандорши содержатъ особыхъ *секретарей*, которыми нерѣдко бываютъ ихъ мужья и любовники, между тѣмъ какъ отцы и матери, своею неотесанностью могущіе компрометировать подобную барыню, держатся гдѣ-нибудь на кухнѣ или въ людской, исполняя самыя черныя и тяжелыя работы. Въ Парижѣ около $^1/_4$ всѣхъ содержательницъ замужнія. Мужья ихъ большею частію содержатъ гдѣ-нибудь по сосѣдству съ заведеніями своихъ супругъ кофейни, гостинницы, рестораны, въ которые они, посредствомъ зависящихъ отъ женъ ихъ дѣвушекъ, привлекаютъ много посѣтителей. Большая часть этихъ мужей пьяницы, воры и живутъ съ наложницами. Супруги ихъ въ свою очередь обзаводятся любовниками, нерѣдко нѣсколькими за разъ. Многіе изъ любовниковъ состоятъ на содержаніи у этихъ почтенныхъ дамъ, хотя и занимаютъ иногда «*прекрасное положеніе въ свѣтѣ или арміи*», какъ говоритъ Паранъ-Дюшатле. Дѣти содержательницъ въ странахъ, гдѣ законъ запрещаетъ матерямъ держать ихъ при себѣ, часто воспитываются въ хорошихъ школахъ и пансіонахъ, и съ помощью образованія да капитала своихъ маменекъ нерѣдко составляютъ хорошую карьеру, въ особенности дочери, приданое которыхъ доходитъ иногда до 50 и 100 тысячъ франковъ. Женская прислуга публичныхъ домовъ по преимуществу набирается изъ бывшихъ проститутокъ—на старости это ихъ спеціальное занятіе. Неспорченныя жен-

щины, само собою разумѣется, не долго могутъ сохраниться въ этихъ притонахъ разврата. Мужская прислуга—кучера, лакеи, музыканты—не имѣютъ особенностей.

Въ проституціонной, какъ и во всякой промышленности, судьба далеко не одинаково благопріятна къ предпринимателямъ,—нѣкоторые изъ нихъ обогащаются, большинство перебивается кое-какъ, а многіе разоряются въ конецъ. Выручка публичныхъ домовъ крайне разнообразится не только по ихъ достоинству, но и по времени, болѣе или менѣе благопріятному для этого промысла. Нѣкоторые изъ парижскихъ публичныхъ домовъ выручаютъ въ день 500—600 франковъ, а въ простонародныхъ публичныхъ домахъ каждая проститутка обязывается иногда «зарабатывать» для хозяйки отъ 10 до 15 франковъ въ день. Многія аристократическія содержательницы наживаютъ въ Парижѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сумму, которая даетъ имъ отъ 5 до 30 тысячъ франковъ годового дохода. Въ Лондонѣ онѣ сплошь и рядомъ могутъ платить за одну только квартиру отъ 500 до 12,000 франковъ. Въ Петербургѣ одинъ домъ платитъ только за помѣщеніе 6,000 р. въ годъ, а устройство въ немъ такъ называемой зеркальной спальни стоило содержательницѣ до 7,000 р. Въ Эдинбургѣ нѣкоторые дома терпимости выручаютъ каждую ночь до 500 франковъ. Кромѣ упомянутыхъ выше условій, степень выручки зависитъ также отъ искусства и распорядительности содержательницы. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы заманить какъ можно болѣе мужчинъ. И, не смотря на строгія преслѣдованія полиціи, для этого употребляются сплошь и рядомъ запрещенныя средства,—напримѣръ, зазываніе прохожихъ прислугою, ходящею по улицамъ или стоящею у парадныхъ дверей дома. Въ Англіи содержательницы часто распространяютъ въ публикѣ адресы и рекламы о своихъ заведеніяхъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно магазины и торговые дома. Въ Парижѣ то же самое. Проститутки, высылаемыя содержательницами промышлять на улицу, нерѣдко обязаны непремѣнно приводить каждый вечеръ извѣстное число мужчинъ,—иначе ихъ ждутъ жестокіе побои и истязанія. Есть содержательницы, которыя часто, для возбужденія своихъ женщинъ къ «работѣ», даютъ имъ разные конфертативы, столь сильные, что нерѣдко происходитъ отравленіе. Иногда случается, что женщинъ въ домѣ не достаетъ для посѣтителей, въ такихъ случаяхъ ихъ *занимаютъ* у другихъ содержательницъ за извѣстную плату и часто выписываютъ даже на время изъ другихъ городовъ.

Не менѣе возмутительны и всѣ остальныя отношенія хозяекъ къ проституткамъ. Мы уже говорили отчасти о тѣхъ хозяйкахъ, которыя всюду устраиваются для неопытныхъ и бѣдныхъ дѣвушекъ бандоршами съ ихъ многочисленнымъ штабомъ сводней. Много женщинъ вербуютъ онѣ въ больницахъ, въ которыхъ постоянно находятся ихъ тайные агенты, соблазняющіе легкомысленныхъ и нищихъ дѣвушекъ подарками, задатками и обѣщаніями. Для большинства ихъ больница служитъ единственнымъ пріютомъ, за воротами котораго ихъ ожидаетъ голодъ, нагота и постоянное пребываніе подъ открытымъ небомъ; естественно, что онѣ хватаются за проституцію, какъ утопающій за соломинку. Содержательницы домовъ средняго и низшаго сорта рекрутируютъ женщинъ даже въ тюрьмахъ, часто поджидая у воротъ выхода ихъ, истомленныхъ, босыхъ, полунагихъ, и великодушно предлагая имъ содержаніе, платье и квартиру. Сироты, вдовы, неопытныя малолѣтнія дѣвочки, брошенныя любовницы, прогнанныя служанки, голодающія безъ дѣла работницы—все это дичь, которая легко попадаетъ въ сѣти этихъ достоуважаемыхъ dames des maisons. Агенты ихъ рыскаютъ по всей Европѣ и посредствомъ разсказанныхъ уже нами обмановъ и хитростей привозятъ женщинъ куда слѣдуетъ.

Переступивъ однажды порогъ публичнаго дома, завербованная женщина попадаетъ въ жестокую неволю, освободиться отъ которой ей чрезвычайно трудно, часто даже невозможно. Огромное большинство этихъ женщинъ наги, босы, голодны; получая отъ содержательницы платье, часто дорогое, разныя цѣнныя украшенія, хорошій столъ, денежныя задатокъ,—онѣ такъ задалживаютъ ей за все это, что при извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ всякой кабалы, не въ состояніи никогда расплатиться съ хозяйкою, которая между тѣмъ постоянно старается увеличивать сумму ихъ фиктивнаго долга, покупая имъ разныя бездѣлушки, наряды, билеты въ театры и концерты и т. д. или даже—это верхъ благородства—помогая немного ихъ изнывающимъ въ бѣдности семействамъ. Всѣ деньги, выручаемыя проститутками, идутъ въ карманъ содержательницѣ, а сами онѣ постоянно остаются ея вѣчными кабальными должницами. Посѣтители публичныхъ домовъ очень хорошо знаютъ о такомъ безвыходномъ положеніи ихъ обитательницъ, и нѣкоторые, сверхъ опредѣленной платы содержательницѣ, дѣлаютъ еще подарки принимающимъ ихъ дѣвушкамъ. Но и эти подарки, особенно если они значительны, часто отнимаются всемогущими въ стѣнахъ своей квартиры бандоршами. Такіе порядки, конечно, возмущаютъ всѣхъ проститутокъ; всѣ онѣ ненавидятъ содержательницъ и мстятъ имъ; между закабаленными и кабалительницами постоянно идетъ борьба, и въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ результатомъ этой борьбы, склонившейся на сторону проститутокъ, явилось новое распредѣленіе дохода, пополамъ между содержательницей и выработавшей его дѣвушкой.—Въ дѣлѣ управленія женщинами всѣ ихъ «мамаши», какъ проститутки обыкновенно титулуютъ содержательницъ, являются строгими до жестокости, самодурными до варварства. Побои, плеть, лишеніе пищи и тому подобныя средства—все пускается ими въ ходъ для того, чтобы проститутки благоговѣйно дрожали передъ ними и рабски выполняли всѣ ихъ приказанія и капризы. Пикнуть никто не смѣй! Требованія полиціи, невыполненіе которыхъ можетъ повлечь за собою закрытіе дома, требованія о под-

держаніи въ немъ тишины и порядка заставляютъ содержательницъ еще болѣе усиливать свое нечистивѣ террорное управленіе.

Проституткы, какъ мы уже сказали, ненавидятъ содержательницъ и стараются мстить имъ всѣми мѣрами, какія находятъ возможными. Большею частію онѣ эмигрируютъ изъ дома терпимости, унося съ собою платья и другіе цѣнные предметы. Ихъ обыкновенно ловятъ, и содержательница подвергаетъ ихъ наказаніямъ, а для предупрежденія новаго побѣга держитъ ихъ полунагими въ теченіе цѣлаго дня, выдавая имъ платье только по вечерамъ, когда онѣ должны принимать посѣтителей.

Въ большихъ городахъ, гдѣ тысячи, десятки тысячъ народа не имѣютъ опредѣленныхъ жилищъ, существуютъ предназначенныя для нихъ квартиры, maisons garnies, или гостиницы, большею частію крайне грязныя, съ гнилой соломой вмѣсто постелей, съ кучами сора на полу, темныя и дурно снабжаемыя воздухомъ. Это пристанища всевозможныхъ бродягъ, мошенниковъ, безквартирныхъ рабочихъ, уличныхъ комедіантовъ, разносчиковъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это квартиры проститутокъ, хотя и сохранившихъ свою независимость отъ содержательницъ публичныхъ домовъ, но вырабатывающихъ такую ничтожную сумму, которая едва достаточна для ихъ ежедневнаго пропитанія, и поэтому не могущихъ занимать болѣе порядочныхъ помѣщеній. Выше мы уже говорили о жизни въ этихъ притонахъ нищеты и порока. Не смотря однакожъ на всю ея невыносимую гадость, проститутки предпочитаютъ ихъ публичнымъ домамъ. Хозяева этихъ квартиръ обыкновенно доставляютъ имъ у себя небольшой кредитъ и покровительство, желая удерживать ихъ у себя и тѣмъ привлекать болѣе квартирантовъ. Среди грязи и нищеты этихъ квартиръ проститутки пользуются независимостью, которой онѣ должны окончательно лишиться, вступивъ въ публичные дома, ненавистные для нихъ, какъ тюрьмы.

Кромѣ этихъ квартиръ, проститутки имѣютъ пристанища въ кабакахъ, харчевняхъ, винныхъ погребкахъ, табачныхъ лавкахъ и т. п., хозяева которыхъ, понимая прибыльность разврата, держатъ для него особыя сокровенныя помѣщенія.

Существуетъ еще другой родъ такихъ притоновъ: это maisons de passe—квартиры, отдаваемыя на короткое время, на нѣсколько часовъ или минутъ, всѣмъ приходящимъ лицамъ обоего пола. Сюда приводятъ своихъ посѣтителей тѣ проститутки, которыя или вовсе не имѣютъ своей квартиры, или почему-нибудь не могутъ принимать въ ней. Сюда приходятъ съ любовниками замужнія и другія женщины, которымъ необходимо скрывать свое поведеніе. Въ Парижѣ нѣкоторые изъ этихъ домовъ существуютъ спеціально для актрисъ и вообще для женщинъ, служащихъ при театрахъ.

Аристократическая проституція имѣетъ подобные же притоны въ такъ называемыхъ maisons à parties. Высшаго сорта бандорши даютъ въ этихъ домахъ обѣды и вечера, на которыхъ собираются развратники всѣхъ классовъ общества, встрѣчаясь здѣсь съ лучшими проститутками и великосвѣтскими Мессалинами.

Наконецъ сотни тысячи проститутокъ каждый вечеръ наполняютъ собою улицы, мосты, бульвары, площади большихъ городовъ, продаваясь встрѣчнымъ мужчинамъ.

VII.

Христіанскія общества, отвергая примѣръ и ученіе Христа, презираютъ публичныхъ женщинъ съ такимъ злобнымъ негодованіемъ, что невольно задаешь себѣ вопросъ: въ чемъ же состоятъ ихъ христіанскія чувства? И нужно замѣтить, что проститутки вообще, при всей своей неразвитости и порочности, обладаютъ нѣкоторыми очень рельефными нравственными достоинствами, которыхъ въ извѣстныхъ слояхъ отвергающаго ихъ «добродѣтельнаго» общества гораздо меньше, чѣмъ въ рядахъ этихъ жертвъ бѣдности и порока.

Отверженныя всѣми, проститутки относятся другъ къ другу обыкновенно съ чувствомъ братской, безкорыстной солидарности. Больная, голодная, несчастная женщина всегда можетъ ожидать отъ своихъ порочныхъ соремесленницъ посильной помощи, ухода и утѣшенія. «Множество публичныхъ женщинъ въ трудныя времена каждую недѣлю, даже каждый день доставляютъ пропитаніе живущимъ по сосѣдству съ ними старикамъ, больнымъ людямъ и многочисленнымъ семействамъ». (Parent-Duchâtelet). Такою взаимною симпатіей и сострадательностью отличаются не только крайне впечатлительныя француженки, но и проститутки всѣхъ другихъ народностей, даже холодныя англичанки. Въ Лондонѣ, напр., по свидѣтельству самыхъ достовѣрныхъ наблюдателей, онѣ никогда не замедляютъ помогать одна другой въ несчастіяхъ и страданіяхъ. «Одна молодая дѣвушка, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ развратной и нищенской жизни, дошла до крайне несчастнаго положенія, вслѣдствіе разстройства своего здоровья, не имѣя въ то же время для своего существованія никакихъ другихъ средствъ, кромѣ промысла развратомъ. Сострадательныя проститутки, ея подруги, желая избавить ее отъ необходимости умереть отъ разврата, составили изъ своихъ скудныхъ доходовъ сумму, необходимую для того, чтобы больная могла провести остатокъ своей жизни въ покоѣ и раскаяніи». (Richelot). При такой возвышенной сострадательности другъ къ другу, большинство проститутокъ отличается взаимной солидарностью и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Хотя Требюше и замѣчаетъ, что «въ проституткахъ полиція имѣетъ справедливѣйшихъ доносчиковъ», но это относится только къ тѣмъ исключительнымъ случаямъ, когда ссоры и интриги поселяютъ въ проституткѣ бѣшенную ненависть къ своему врагу и жажду мести, удовлетворяемую доносомъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онѣ никогда не шпіонничаютъ и не доносятъ. Это тоже одно не изъ послѣднихъ нравственныхъ достоинствъ во многихъ современныхъ государствахъ.

Общепризнанный фактъ, что всѣ проститутки не только не находятъ рѣшительно никакого удоволь-

ствія въ развратѣ, но даже чувствуютъ всегда *непобѣдимое отвращеніе къ нему*,—новое доказательство, что ихъ загоняетъ въ проституцію и удерживаетъ въ ней только одна крайняя необходимость. Поэтому большинство ихъ только въ пьяномъ видѣ и можетъ заниматься своимъ ремесломъ. Вино спасаетъ ихъ отъ изнеможенія и лишаетъ сознанія ихъ дѣйствій. «Ни одна дѣвушка —говорятъ онѣ — не можетъ вести такую жизнь, не пьянствуя» (The gr. sin of gr. cities, p. 5). «Всѣ свѣдѣнія, собранныя объ этомъ порокѣ, доказываютъ, что проституткы начинаютъ пьянствовать ради одного только самозабвенія; нечувствительно онѣ такъ привыкаютъ къ винѣ, что для нихъ дѣлается уже невозможнымъ возвращеніе къ трезвости». (Parent-Duchâtelet). Нѣкоторыя даже и развратничаютъ только для пріобрѣтенія средствъ на пьянство. При такомъ отвращеніи отъ разврата съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, всѣ проституткы имѣютъ сильное стремленіе къ прочной и постоянной связи, основанной на любви. Характеръ и состояніе такихъ любовниковъ очень разнообразны,—тутъ есть и генералы, и литераторы, и банкиры, и студенты, и приказчики торговыхъ домовъ, а проституткы низшаго сорта отдаются исключительно рабочимъ всякаго рода—солдатамъ, бродягамъ и мошенникамъ. Эти женщины не только ничего не получаютъ отъ своихъ любовниковъ, но большею частью сами же и содержатъ ихъ, вырабатывая имъ на пищу, платье и квартиру. «*Въ Парижѣ множество молодыхъ людей*—говоритъ Паранъ-Дюшатле—*не имѣютъ никакихъ другихъ средствъ существованія*», кромѣ этого содержанія, доставляемаго имъ любовницами. Страсть проституткъ къ этимъ господамъ неистова и безпредѣльна. У большей части изъ нихъ любовники—грубые, жестокіе, пьяные мошенники и пролетаріи, щедро награждающіе ихъ за любовь бранью, побоями, увѣчьемъ; въ госпиталяхъ часто приводятъ этихъ женщинъ, избитыхъ до полусмерти своими возлюбленными; но только что успѣютъ онѣ вылѣчиться, какъ снова спѣшатъ соединиться съ жестокими избранниками своего сердца. Единственная польза проституткамъ отъ любовниковъ — это доставляемая послѣдними защита. Оскорбляетъ ли кто публичныхъ женщинъ на улицѣ, преслѣдуетъ ли и задерживаетъ ихъ полиція, бьетъ ли ихъ содержательница публичнаго дома,—любовники, если они случатся по близости, тотчасъ спѣшатъ на выручку своихъ подругъ. Эта страсть къ любовникамъ есть только одно изъ проявленій замѣчаемой въ большинствѣ проституткъ сильнѣйшей наклонности къ семейной жизни. Быть матерью—это ихъ завѣтный идеалъ, о которомъ онѣ мечтаютъ и говорятъ съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ. «Одна изъ нихъ со слезами говорила мнѣ,—разсказываетъ Паранъ,—что достоинство матери подняло бы ее въ собственныхъ ея глазахъ изъ того униженія, въ какое она попала, и что она возбудила бы уваженіе къ себѣ во всѣхъ, кто увидѣлъ бы, съ какою заботою она выполняетъ обязанности, возложенныя на женщинъ законами природы». Другая такая же дѣвушка сошла съ ума отъ печали, что изъ трехъ рожденныхъ ею дѣтей не было ни одного живого. Случается, что проституткы, которымъ не удается имѣть собственныхъ дѣтей, *воруютъ чужихъ*, лишь бы найти только существо, на которое можно было бы изливать всѣ чистѣйшія чувства своего сердца. Если проституткѣ случится забеременѣть и родить, то нѣтъ предѣловъ нѣжности и предупредительности, съ которыми наперерывъ услуживаютъ ей ея подруги. Одна ходитъ за матерью, другія нянчатъ ребенка, третьи моютъ дѣтское бѣлье,—онѣ рады отдать родильницѣ свою послѣднюю рубашку. Большинство родившихъ всегда заботится о воспитаніи своихъ дѣтей, а небрежную, недобрую къ дѣтямъ мать публичныя женщины презираютъ и доносятъ на нее. «Большинство этихъ матерей старается воспитывать своихъ дѣтей такъ, чтобы сохранить ихъ отъ порока», говоритъ Паранъ.—Здѣсь представляется любопытный, но плохо изслѣдованный вопросъ, на сколько природа удовлетворяетъ этимъ страстнымъ желаніямъ проституткы быть матерью? Многіе думаютъ, что публичныя женщины не имѣютъ дѣтей; но это неправда: изъ имѣющихся у насъ подъ руками цифръ и наблюденій разныхъ изслѣдователей видно, что проституткы способны къ дѣторожденію, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ женщины неразвратныя. Въ большинствѣ случаевъ проституткы приписываютъ причину своей беременности не случайнымъ своимъ посѣтителямъ, а любовникамъ. Въ Парижѣ однажды 620 публичныхъ женщинъ были спрашиваемы, имѣли ли онѣ дѣтей и любовниковъ; изъ нихъ—

Отказалось отвѣчать на эти вопросы 217
отвѣчали, что у нихъ были любовники, но не было дѣтей 213
— что онѣ имѣли любовниковъ, которые сдѣлали ихъ матерями 125
— что любовниковъ у нихъ не было, но дѣти были 26
— что любовниковъ не было, и дѣтей не было 31
— что имѣли дѣтей, но, будучи замужними, онѣ приписываютъ произведенія ихъ своимъ мужьямъ 8

Слѣдовательно, изъ 403 отвѣчавшихъ проститутокъ, 159 имѣли дѣтей. Въ парижскихъ родильныхъ больницахъ помѣщалось проститутокъ-родильницъ:

Въ 1817 г.	33	13,6	1823 г.	60	22,1
» 1818 »	44	17,0	1824 »	64	22,6
» 1819 »	60	23,0	1825 »	55	20,9
» 1820 »	56	20,0	1826 »	39	16,0
» 1821 »	54	18,5	1827 »	41	16,5
» 1822 »	66	22,7	1828 »	48	18,0

Но такъ какъ не всѣ беременныя проститутки родятъ въ больницахъ, то выставленные сейчасъ проценты нужно считать ниже дѣйствительныхъ.

Въ Ліонѣ изъ 3,884 проститутокъ имѣли дѣтей 1,161, но въ томъ числѣ 619 родили до своей записки въ проституціонныя книги, что, конечно, еще не освобождаетъ ихъ отъ подозрѣнія въ томъ, что онѣ занимались развратомъ и до своей беременности. Въ Страсбургѣ, по изслѣдованіямъ Штроля,

самостоятельныхъ проституткъ, рождавшихъ дѣтей, приходится 33 на 100, а проституткъ публичныхъ домовъ—22 на 100. Наблюденія же, сдѣланныя въ Брюсселѣ, далеко не соотвѣтствуютъ только что приведеннымъ; по словамъ Маринуса, здѣсь 1 беременная проститутка приходится на 40 небеременныхъ. Во всякомъ случаѣ, обо всѣхъ сейчасъ приведенныхъ нами цифрахъ должно сказать, что онѣ далеко не обнимаютъ количества проститутокъ, оказавшихся способными къ дѣторожденію. Цифры, доставляемыя больницами, не заключаютъ въ себѣ числа публичныхъ женщинъ, рождающихъ внѣ больницъ. Остальныя данныя основаны на показаніяхъ самихъ проститутокъ, изъ которыхъ множество, какъ мы уже видѣли, отказывается отвѣчать на подобные вопросы, да и отвѣчающимъ нельзя довѣрять вполнѣ: виновность въ дѣтоубійствѣ и плодоизгнаніи, а также нѣкоторыя другія причины часто заставляютъ ихъ давать совершенно ложныя показанія.

Неудовлетворяемая потребность любви, при постоянномъ возбужденіи развратомъ, нерѣдко принимаетъ у этихъ женщинъ совершенно противоестественное направленіе.

Такъ страстная, впечатлительная натура отверженной и осужденной на адское существованіе женщины всюду ищетъ отрады или забвенія,—то въ любви къ дѣтямъ, то въ водкѣ, то въ помощи несчастнымъ, то въ противоестественныхъ порокахъ, то въ обжорствѣ и лакомствѣ, которыя замѣчаются у всѣхъ проститутокъ. Но нѣтъ ей отрады на землѣ, а для забвенія при помощи вина часто нѣтъ денегъ или до него не допускаетъ содержательница. Нищенство, рабство, необходимость промышлять развратомъ, отвратительнымъ для всякой проститутки, побои любовниковъ, преслѣдованія полиціи—все это дѣлаетъ жизнь публичной женщины ненавистною для нея. Она вполнѣ сознаетъ свою отверженность, она презираетъ себя, она употребляетъ часто всѣ усилія, чтобы бросить свой постыдный образъ жизни, но напрасно—общественный потокъ уноситъ ее къ неизбѣжной погибели. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ того, что умъ и сердце публичныхъ женщинъ обезображены порокомъ вовсе не до такой степени, какъ можно бы думать, судя по ихъ внѣшнему поведенію во время ихъ занятій своимъ промысломъ,—однимъ изъ сильныхъ доказательствъ этого служитъ ихъ деликатная приличность внѣ сферы разврата. При медицинскихъ освидѣтельствованіяхъ, при всѣхъ столкновеніяхъ съ благосклонными къ нимъ и непорочными людьми большинство ихъ обнаруживаетъ совѣстливость и держитъ себя въ высшей степени прилично. «Всѣ изучившіе публичныхъ женщинъ Парижа свидѣтельствуютъ, что внѣ своего промысла онѣ отличаются приличіемъ, скромностью и стыдливостью,—говоритъ Паранъ,—а между книгами, которыя онѣ читаютъ, никогда не встрѣчается соблазнительныхъ и похабныхъ». Та же совѣстливость, вмѣстѣ съ боязнію разныхъ преслѣдованій, служитъ источникомъ извѣстной лживости проститутокъ. Желаніе сохранить незапятнанной репутацію своего семейства, боязнь, какъ бы не узнали объ ихъ порочности родные и знакомые, часто просто ребяческое, шаловливое желаніе спутать администрацію и посмѣяться надъ нею—все это заставляетъ проститутокъ измѣнять или вовсе перемѣнять свои имена и фамиліи. Это всюду дѣлаетъ цѣлая половина ихъ, если не больше, и такимъ образомъ, постоянно говоря ложно о своемъ происхожденіи, онѣ естественно привыкаютъ къ лживости и относительно другихъ предметовъ. Та же проклятая обстановка, та же безвыходность положенія пріучаютъ ихъ не только къ пьянству и картежной игрѣ, но также и къ лжи. Можно безъ всякаго преувеличенія и согласно съ авторитетнымъ свидѣтельствомъ Парана сказать, что $^9/_{10}$ публичныхъ женщинъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ, особенно изъ живущихъ въ публичныхъ домахъ. Рядомъ съ этимъ недостаткомъ нужно поставить и ихъ страшную неряшливость въ своей квартирѣ, въ платьѣ, ихъ крайнюю нечистоплотность, вшивость, очень обыкновенную даже у самыхъ элегантныхъ проститутокъ, небрежность въ хозяйствѣ, беззаботное проматываніе денегъ на пустяки и т. д. Конечно, у большинства эти недостатки зависятъ отъ крайней бѣдности, въ которой онѣ находятся или находились прежде, но тому же самому содѣйствуетъ и вся жизнь, убивающая всякую энергію, всякую любовь къ работѣ, которая не въ состояніи освободить ихъ. Излишество половыхъ отправленій и крѣпкихъ напитковъ, истощая женщинъ, довершаетъ это окончательное разслабленіе характера, которое, впрочемъ, замѣчается только у проститутокъ, долго занимавшихся своимъ убійственнымъ ремесломъ. Въ первое же время онѣ отличаются крайнею впечатлительностью, легкомысліемъ, подвижностью, непостоянствомъ во всемъ,—что составляетъ также неизбѣжные результаты ихъ жизни, въ которой нѣтъ ничего прочнаго, все постоянно измѣняется, въ которой каждый день и часъ женщина должна ожидать какой-нибудь бѣды, какой-нибудь перемѣны и перемѣны большею частью къ худшему. Кромѣ того, легкомысленность, въ которой упрекаютъ проститутокъ всѣ наблюдатели ихъ жизни, часто служитъ только послѣдствіемъ неумолкающаго инстинкта самосохраненія, который заставляетъ тонущую въ соціальномъ морѣ несчастную проститутку хвататься за каждую встрѣчную соломинку и ждать спасенія отъ плывущей мимо щепки. Надежда, хотя и слабая, но все-таки увлекающая ихъ впечатлительную натуру, заставляетъ ихъ, напр., постоянно переѣзжать изъ города въ городъ, изъ одного квартала въ другой, или мѣнять публичные дома, что дало происхожденіе французской поговоркѣ: elles sont, sous ce rapport, des véritables filles publiques. Всюду ищутъ, бѣдныя, выхода и погибаютъ въ этихъ поискахъ!

Немногія натуры могутъ долго выдерживать такую жизнь, и, говоря вообще, проститутка не долго занимается своимъ отвратительнымъ и убійственнымъ промысломъ. Вотъ, напр., лондонскія публичныя женщины; изъ нихъ:

1	занималась	развратомъ		27	лѣтъ.
4	»	»		15	»
17	»	»		10	»
248	»	»	отъ 5 до	10	»
915	»	»	» 3 »	5	»
1672	»	»	» 1 »	3	»
1027	»	или менѣе, или болѣе		1	года.

Въ Страсбургѣ изъ 262 женщинъ—

	лѣтъ.		лѣтъ.
1 жила проституціей	24	8 жили проституціей	8
1 » »	18	16 » »	7
1 » »	17	15 » »	6
4 жили »	13	25 » »	5
4 » »	12	38 » »	4
4 » »	11	57 » »	3
3 » »	10	44 » »	2
8 » »	9	22 » »	1

Подобные же сроки и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, т. е. большая часть проститутокъ занимается своимъ промысломъ *отъ 1 до 3 лѣтъ только*.

Куда же онѣ исчезаютъ?

Во-первыхъ, ихъ пожираютъ болѣзни и истребляетъ смерть, не говоря уже о сифилисѣ (о которомъ см. ниже), проституткамъ губитъ множество всевозможныхъ болѣзней, изъ которыхъ однѣ являются спеціальнымъ результатомъ ихъ промысла, другія—результатомъ нищенской жизни, съ ея лишеніями и невзгодами, наконецъ, третьи служатъ послѣдствіемъ непомѣрныхъ трудовъ, угнетавшихъ этихъ женщинъ до ихъ вступленія въ проституцію.

Глубокія нравственныя страданія, которымъ такъ подвергаются проститутки, нерѣдко производятъ у нихъ истерическіе припадки и конвульсіи. Многихъ поражаетъ умопомѣшательство. Въ Парижѣ съ 1811 по 1815 поступило въ Сальпетріеръ 105 спѣдшихъ съ ума проститутокъ,—процентъ значительный; изъ этого числа около $^2/_3$ помѣшалось, имѣя отъ роду 25—40 лѣтъ (отъ 15 до 20 лѣтъ—4, отъ 20 до 25—15, отъ 25 до 30—26, отъ 30 до 35—25, отъ 35 до 40—18, отъ 40 до 45—10, отъ 45 до 50—5, отъ 50 до 55—0, отъ 55 до 60—1, отъ 60 до 65—1); слѣдовательно, и здѣсь двадцатые годы женской жизни гораздо убійственнѣе, чѣмъ другіе возрасты. Изъ этихъ 105 сумасшедшихъ помѣшалось отъ причинъ неизвѣстныхъ—37, отъ страха 3, отъ излишества разврата 3, послѣ родовъ 8, отъ крайней бѣдности 11, отъ меркуріальнаго лѣченія 3, отъ пьянства 13, отъ сильныхъ моральныхъ страданій 27. Въ числѣ болѣзненныхъ страданій, которымъ подвергаются публичныя женщины, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ побои, увѣчья и раны, нерѣдко смертельныя, получаемыя ими отъ содержательницъ, любовниковъ, уличныхъ дебошировъ и т. д. Вслѣдствіе этого многія остаются уродами и калѣками на всю жизнь—вмѣсто выткнутаго глаза, напр., съ искусственнымъ, вмѣсто сломанной и потомъ отнятой хирургомъ ноги съ деревяшкой, *и т. д.* Требюше замѣчаетъ, что подобное безобразіе и уродство часто не только не уменьшаетъ дохода проститутки, но даже доставляетъ ей большіе барыши, чѣмъ красота»!... Слѣдующая таблица больныхъ парижскихъ проститутокъ познакомитъ насъ съ родомъ ихъ болѣзней.

Больныхъ катаррами и чахоткой	87
» пневмоніей и острою плеврезіей	15
» апоплексіей и страданіями мозга	5
» ревматизмомъ	13
» нарывами	2
» раковидными завалами почекъ	1
» офтальміей	11
» страданіями утеруса	41
» воспаленіемъ и другими страданіями желудка	58
» ранами и ушибами	90
» лихорадками	46
» рожами и сыпями	23
Всего	392

Кюлерье и Расье въ своемъ Dictionnaire de médecine говорятъ, что большинство проститутокъ не въ состояніи долго выносить своей жизни и скоро умираетъ отъ болѣзней сердца, чахотки, органическихъ поврежденій печени и др. внутренностей. Чахотка чаще всего убиваетъ проститутокъ, равно какъ и болѣзненные результаты постояннаго пьянства. О другихъ болѣзняхъ мы распространяться не будемъ; мы уже видѣли, какъ бѣдна и несчастна жизнь этихъ женщинъ, и само собою понятно, что онѣ изъ первыхъ должны падать жертвами холеръ, тифовъ, лихорадокъ и тому подобныхъ бичей человѣчества.

Болѣе всего поражаетъ смерть проститутокъ отъ 20 до 30 лѣтъ. «Эти женщины говорятъ сами, что въ проституціи низшаго класса женщина совершенно изнашивается въ три года» (Parent), а такъ какъ большинство принимается за промыселъ развратомъ съ двадцатилѣтняго возраста, то понятно, что этотъ же возрастъ болѣе всего долженъ страдать и отъ нападеній смерти. Къ сожалѣнію, мы почти вовсе не имѣемъ цифръ смертности публичныхъ женщинъ и должны поэтому ограничиваться только безцифренными показаніями разныхъ докторовъ. Въ Нантѣ «много проститутокъ погибаетъ отъ чахотки» (Baré). Въ Лондонѣ средняя жизнь публичной женщины по однимъ 4, по другимъ 7 лѣтъ (Clarke и Rayan); многія изъ нихъ сходятъ съ ума, множество погибаетъ отъ лихорадокъ (Rayan). Въ Эдинбургѣ ежегодно умираетъ $^1/_7$, даже $^1/_5$ проститутокъ; немногія изъ нихъ живутъ долѣе 25 лѣтъ (Richelot). Весьма крупная цифра изъ тѣхъ, которыхъ не убиваетъ болѣзнь, гибнетъ отъ собственныхъ рукъ. Наклонность къ самоубійству чрезвычайно развита между ними, и проститутка очень часто, подобно ея сестрѣ, «Утопленницѣ» Томаса Гуда, до того доводится своей жизнью, что у ней остается одно только желаніе—

Гдѣ бы то ни было, какъ бы то ни было,
Только бъ изъ міра ей прочь!...

Въ Эдинбургѣ, напр., *ежегодно четверть, даже третъ* проститутокъ покушаются на самоубійство и около $^1/_{12}$ успѣваютъ предать себя смерти! (Tait). Въ Лондонѣ также «многія» кончаютъ самоубійствомъ. (Rayan). Въ Парижѣ «самоубійство

гораздо чаще между проститутками, чѣмъ между другими женщинами. Это зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ занятія ихъ своимъ ремесломъ и отвращенія, возбуждаемаго имъ въ нихъ». (Trebuchet и Poirat-Duval). Нужно вспомнить при этомъ, что по статистическимъ даннымъ, женщины весьма рѣдко рѣшаются на самоубійство, и только одна невыносимость проституціонной жизни порождаетъ большое количество самоубійцъ-женщинъ.

Итакъ, значительная часть проститутокъ безвременно сходитъ въ могилу. Другія во множествѣ выбываютъ постоянно съ проституціоннаго рынка, или вычеркиваясь изъ полицейскихъ книгъ, или исчезая безслѣдно. Въ Парижѣ, въ которомъ въ разные годы настоящаго столѣтія считалось отъ 2 до 5 тысячъ записныхъ проститутокъ,—

	было выписано изъ списковъ по ихъ желаніямъ или по волѣ власти.	выписано вслѣдствіе ихъ исчезновенія изъ вида полиціи.	всего.
Въ 1817 г.	485	575	1060
» 1818 »	477	582	1059
» 1819 »	469	571	1040
» 1820 »	415	716	1131
» 1821 »	433	733	1166
» 1822 »	417	739	1156
» 1823 »	502	605	1107
» 1824 »	442	602	1044
» 1825 »	456	527	983
» 1826 »	486	554	1040
» 1827 »	490	542	1032
» 1828 »	572	415	987
» 1829 »	298	536	834
» 1830 »	234	502	836
» 1831 »	284	452	736
» 1832 »	449	618	1167

Относительно болѣе чѣмъ половины выписанныхъ вслѣдствіе ихъ безслѣднаго исчезновенія, Паранъ-Дюшатле говоритъ, что «крайне трудно получить точныя свѣдѣнія о томъ, что сдѣлалось съ ними». Но во всякомъ случаѣ можно сказать, что одинъ изъ нихъ принялись за новыя занятія или продолжаютъ гдѣ-нибудь скрытно старое ремесло, а другія—сошли въ могилу.

Много проститутокъ бросаетъ свой промыселъ, поступая на содержаніе; часто онѣ привязываются къ старымъ холостякамъ, преимущественно изъ рабочихъ, поселяются у нихъ, хозяйничаютъ, работаютъ и живутъ съ ними, какъ законныя жены. Когда же эти друзья ихъ умираютъ, то онѣ, лишенныя пріюта, помощи и всѣхъ средствъ къ жизни, сплошь и рядомъ снова должны приниматься за свое прежнее ремесло. Въ Парижѣ большинство тряпичниковъ и чистильщиковъ улицъ живетъ съ такими женщинами. Лучшихъ часто берутъ разные аристократы, въ спискахъ которыхъ, помѣщенныхъ у Парана, фигурируютъ между прочимъ 16 богатыхъ французовъ, 8 англичанъ, 7 богатыхъ американцевъ, 3 полковника, одинъ русскій адмиралъ и «*3 персоны, занимающія столь видныя мѣста, и съ такими извѣстными именами, что ихъ нельзя обозначить здѣсь!!*» Вѣроятно, что-нибудь въ родѣ министровъ или лицъ королевской крови. Понятно, что такая завидная сравнительно доля достается немногимъ: для достиженія ея нужны какъ физическія, такъ и извѣстныя умственныя достоинства; этотъ выходъ изъ проституціи такое же исключеніе, какъ и счастливый бракъ. На проституткахъ женятся большею частію фигляры, кабачные сидѣльцы, слуги гостинницъ и публичныхъ домовъ, иногда рабочіе. Въ Парижѣ бываетъ ежегодно отъ 20 до 25 такихъ браковъ. Не мало проститутокъ, какъ увидимъ изъ нижеслѣдующихъ таблицъ, возвращается въ свои семейства по волѣ родственниковъ или родителей. Другія принимаются за работу, если могутъ добыть ее. Третьи поступаютъ въ прислуги, преимущественно къ трактирщикамъ, виноторговцамъ, содержательницамъ публичныхъ домовъ и подобнымъ личностямъ, которыя не пренебрегаютъ ими за ихъ прежнее поведеніе. Нѣкоторыя, какъ уже сказано, дѣлаются «аббатисами», какъ во Франціи называютъ содержательницъ публичныхъ домовъ. Есть и такія, которыя, скопивъ малую толику деньжонокъ, берутся за какой-нибудь самостоятельный промыселъ, но ихъ очень немного, и ни одна изъ нихъ не принадлежитъ къ женщинамъ, освобождающимся отъ содержательницъ. Упомянутую экономію, освобождающую проституткъ отъ необходимости продолжать свой промыселъ, однѣ изъ нихъ дѣлаютъ обыкновенно посредствомъ труда, а нѣкоторыя при помощи подарковъ отъ привязанныхъ къ нимъ или сострадательныхъ людей. Большинство же проститутокъ идетъ въ шайки воровъ, мошенниковъ, бродягъ, попадая затѣмъ въ тюрьму или ссылку. Тюрьма для многихъ остается единственнымъ прибѣжищемъ, и, выпущенныя на свободу, онѣ дѣлаютъ новыя преступленія, чтобы опять поступить на острожное содержаніе. Большинство этихъ заштатныхъ проститутокъ почти совершенно наги, постоянно голодны, спятъ на площадяхъ, подъ мостами, въ канавахъ, и заключеніе въ тюрьму—настоящее благодѣяніе для нихъ. Для удержанія ихъ въ острогѣ не нужно ни замковъ, ни карауловъ. Въ революцію 1830 г. въ Парижѣ толпа любовниковъ подобныхъ женщинъ овладѣла тюрьмою, въ которой онѣ сидѣли и возвратила имъ свободу; одинъ изъ нихъ наотрѣзъ отказался покинуть свое обычное пристанище, другія ушли, но черезъ два же дня явились обратно! Выше мы уже говорили о говорливѣ проститутокъ, а теперь приведемъ нѣсколько цифръ о другихъ совершаемыхъ ими преступленіяхъ. Въ Парижѣ въ 1821—1827 г. обвинялись передъ судомъ 603 проститутки, въ томъ числѣ за воровство 477, за самоуправство и насиліе 43, за нанесеніе ранъ 26, за публичную неблагопристойность 19, за сопротивленіе властямъ 19, за пособничество развращенію малолѣтнихъ 7, за возмутительные (séditieux) крики и продажу соблазнительныхъ сочиненій 7, за поддѣлку монеты и ассигнацій 2, за поджогъ 1, за прелюбодѣяніе 1, за содержаніе азартной игры 1, за убійство 1. Изъ нихъ осуждено на тюремное заключеніе 323, въ томъ числѣ 3 навѣчно, 1 на 8 лѣтъ, 1 на 7 л., 8 на 6 л., 27 на 5 л., 2 на 4 года, 5 на

3 г., 18 на 2 г., 10 на 1½ г., 11 на 15 мѣсяцевъ, 1 на 14 м., 14 на 13 м., 84 на 12 м., 7 на 8 м., 38 на 6 м., 2 на 5 м., 8 на 4 м., 38 на 3 м., 10 на 2 м., 35 на 1 мѣсяцъ. Число арестованныхъ въ Парижѣ проститутокъ гораздо больше числа записанныхъ проститутокъ вообще, т.-е. каждая ежегодно арестуется болѣе одного раза. Въ 1853 г. было арестовано ихъ 5,094, а въ 1854 г. 5,756. Въ тюрьмѣ св. Лазари постоянно сидятъ ихъ отъ 450 до 600. Въ тюрьму или тюремную богадѣльню св. Діонисія ежегодно присылается на житье отъ 8 до 10 публичныхъ женщинъ, арестованныхъ за нищенство. Тюрьма дѣйствуетъ на нихъ не только убійственно, но и развратительно. «По единодушному мнѣнію всѣхъ, *онѣ выходятъ изъ тюремъ и больницъ болѣе развращенными и порочными, чѣмъ какими поступаютъ въ нихъ*». (Parent-Duchâtelet). «Здѣсь,—говоритъ въ своемъ рапортѣ 1854 г. ревизоръ парижскихъ тюремъ—проститутки самаго низшаго сорта развращаютъ окончательно заключенныхъ съ ними молодыхъ дѣвушекъ 12 — 18 лѣтъ». Изъ многочисленныхъ наказаній, которымъ подвергаются проститутки независимо отъ тюремнаго заключенія, мы упомянемъ о двухъ слѣдующихъ. Уставъ о проституціи въ швейцарскомъ кантонѣ Бернѣ полагаетъ, если проститутка, отдавшись мужчинѣ при условіи помощи, будетъ требовать отъ него денегъ—должныхъ или недолжныхъ, все равно,—осуждать ее къ заключенію въ рабочій домъ или къ наказанію кнутомъ чересъ палача! Въ Англіи долго употреблялось наказаніе проститутокъ посредствомъ tread mill; это огромный барабанъ на утвержденной оси, внутрь котораго засаживаются осужденныя, обязанныя ходить тамъ непрерывно по одному направленію и своимъ движеніемъ вертѣть этотъ барабанъ—убійственное для здоровья занятіе, выдуманное «просвѣщенными мореплавателями!» И при всѣхъ-то подобныхъ мученіяхъ и лишеніяхъ множество проститутокъ стремится въ тюрьму, какъ въ лучшее свое пристанище!

Извѣстная часть проститутокъ поступаетъ въ разныя заведенія, спеціально устроенныя для исправившихся публичныхъ женщинъ. Но такихъ «магдалинскихъ убѣжищъ» мало, да и проститутки охотнѣе идутъ въ тюрьмы, чѣмъ въ эти дома покаянія, съ ихъ полумонастырскими уставами, работами, добродѣтельными дамами, наставляющими нравственности, и т. д. Въ парижскій домъ «Добраго пастыря» въ 1821—1833 г. поступило всего только 245 проститутокъ, изъ которыхъ 50 умерло, 87 выпущено по ихъ просьбѣ, 40 выслано за неповиновеніе, 26 поступило въ больницы, и т. д. По свидѣтельству компетентныхъ наблюдателей, у множества поступившихъ въ эти дома проститутокъ зарождаются серьезныя болѣзни, часто влекущія за собою смерть. Въ четырехъ лондонскихъ домахъ—Magdalen Hospital, Lock Asylum, London female Penitentiary и Guadrian Society—съ 1758 по 1843 г. было принято проститутокъ 12,601, изъ нихъ 7,529 возвратились въ свои семьи или приходы, или поступили къ разнымъ занятіямъ, 176 умерло, *2,024 выслано за неповиновеніе, 49 бѣжало* и т. д.; въ Magdalen Hospital 107 были поражены сумасшествіемъ и др. неизлѣчимыми болѣзнями. Нравственная, полумонастырская атмосфера убѣжищъ невыносима для большинства проститутокъ, привыкшихъ совершенно къ другой жизни. «Я многихъ изъ нихъ распрашивалъ объ этомъ,—пишетъ Паранъ—и вотъ, что онѣ отвѣчали мнѣ: «намъ говорятъ тамъ только объ адѣ да объ умерщвленіи плоти; намъ постоянно напоминаютъ нашу прежнюю жизнь; насъ третируютъ и наказываютъ, какъ дѣтей!»... Читатель, конечно, понимаетъ, какъ безтактна такая метода; онъ понимаетъ, вѣроятно, и то, что всѣ подобныя убѣжища приносятъ пользу только въ тѣхъ случаяхъ, когда они доставляютъ ex-проституткамъ возможность существовать посредствомъ труда; но и эта польза личная, а не общая, и мѣрами благотворительности невозможно ни искоренить, ни уничтожить проституцію, соціальные факторы которой на мѣсто раскаявшихся и пристроившихся къ честнымъ занятіямъ проститутокъ будутъ постоянно высылать на базары порока новыя и новыя жертвы. Когда пораженъ весь организмъ, когда всѣ условія жизни содѣйствуютъ развитію болѣзни, покрывающей его отвратительными язвами, тогда не помогутъ никакіе пластыри, налѣпляемые сострадательными руками на эти вонючія язвы. Нужно общее, радикальное лѣкарство, которое могло бы уничтожить внутреннія причины болѣзни.

Чтобы читатель могъ судить о томъ, какъ много проститутокъ выписывается по каждой изъ сейчасъ упомянутыхъ причинъ, мы приведемъ нѣсколько статистическихъ данныхъ. Въ Ліонѣ, изъ 3,884 проститутокъ:

Вышло замужъ	37
Взято родителями	160
Принялись за свои прежнія занятія	114
Умерли въ больницахъ	76
Осуждены исправительной полиціей	31
Преданы ассизному суду	4
Поступило въ убѣжища, благотворительныя заведенія и исправительныя дома	234
Высланы администраціей на родину	212
Исчезли, оставили промыселъ разврата	2226
Остались въ проституціи	690

Въ Парижѣ съ 1845 по 1854 г. выписано:

Вышедшихъ замужъ	205
Умершихъ	953
Пріобрѣтшихъ средства къ жизни	141
Занявшихся трудомъ	1091
Исчезнувшихъ изъ виду полиціи	7452
Осужденныхъ въ тюрьмы	153
Поступившихъ въ убѣжища	89
Получившихъ livre de tolerance	91

Надъ этими цифрами стоитъ только немного поразмыслить, и мы поймемъ, что *громадное большинство выписанныхъ, если только не помышаетъ смерть, скоро должны возвращаться къ тому же промыслу разврата и даже падать на болѣе низкую ступень проституціи, чѣмъ прежде.*

Начнемъ хотя съ поступившихъ въ тюрьмы и

исправительные дома. Пройдетъ срокъ ихъ заключенія, и выйдутъ онѣ на свободу еще болѣе развращенными, чѣмъ прежде, какъ мы уже говорили, полунагими, голодающими, безпріютными. У самыхъ воротъ тюрьмы ихъ ожидаютъ агенты проституціи, даютъ имъ обувь и платье и уводятъ въ публичные дома. Избѣгнувшія этой сѣти, на завтра же, а во всякомъ случаѣ черезъ нѣсколько дней, вынуждены будутъ голодомъ или убить себя, или совершить новое преступленіе, чтобы попасть въ тюрьму, или начать прежній промыселъ... Исправили!

Число выписанныхъ проститутокъ, занявшихся трудомъ, довольно значительно въ однихъ спискахъ и гораздо меньше въ другихъ. Такая разность указываетъ на извѣстныя колебанія, постоянно происходящія въ промышленной жизни. Разные кризисы, остановка и закрытіе фабрикъ и т. п., оставляя безъ дѣла множество рабочихъ, всегда увеличиваютъ число проститутокъ; «*но всѣ эти дѣвушки бросаютъ разврат и возвращаются къ труду, коль скоро трудъ возобновляется*». (Richelot). Но каждый день съ ними можетъ повториться та же исторія, и, лишившись работы, онѣ снова вынуждены будутъ приняться за продажу единственной собственности—своего тѣла. Та же бѣдность, которая заставила ихъ продаться въ первый разъ, заставитъ и во второй, и въ третій и т. д.

Самая большая цифра приходится на долю исчезнувшихъ изъ виду полиціи и высланныхъ ею на родину. Огромное большинство ихъ продолжаетъ заниматься проституціей,—однѣ явной, другія тайной; остальныя же топятся, отравляются, вѣшаются или поступаютъ на какую-нибудь работу до тѣхъ поръ, пока безработность и голодъ снова не обратятъ ихъ къ проституціи.

Взятыя приходами, родственниками и родителями, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, получаютъ возможность жить безразвратно. Но характеръ и положеніе ихъ семей, о которыхъ мы уже говорили, заставляютъ предположить, что такіе случаи исключительны и что взятая въ семейство проститутка должна продолжать свой промыселъ; иногда даже родители только затѣмъ и берутъ ее, чтобы пользоваться ея выручкой.

Множество мужей, женившихся на проституткахъ, торгуютъ своими женами; другія жены проституткичаютъ сами собой, для пополненія своихъ скудныхъ семейныхъ расходовъ.

Поступившія въ магдалинскія убѣжища также выходятъ изъ нихъ къ родителямъ, пристраиваются къ мѣсту, множество вскорѣ же послѣ поступленія выгоняются за неповиновеніе дисциплинѣ, и т. д. Всѣхъ ихъ ожидаетъ та же участь, какъ и тѣхъ, которыя выписываются, не поступая въ убѣжища. Мораль магдалинскихъ пріютовъ, какъ бы она ни была вліятельна, остается безсильною тамъ, гдѣ возвышаетъ свой голосъ убійственная нищета.

И безъ магдалинской морали, какъ мы видѣли, большинство проститутокъ чувствуетъ такое отвращеніе къ своему промыслу, какого навѣрно не имѣютъ всѣ эти нравственные учителя убѣжищъ, не испытавшіе, что значитъ торговать порокомъ...

Наконецъ извѣстный процентъ выписанныхъ изъ проституціонныхъ книгъ женщинъ поступаетъ въ ряды содержательницъ публичныхъ домовъ.

Итакъ, выписка проститутокъ, какъ бы она ни была значительна, отнюдь не говоритъ объ оставленіи разврата не только всѣми выписанными, но даже значительною ихъ частью. Изложенныя нами сейчасъ априорныя разсужденія вполнѣ подтверждаются статистическими данными, свидѣтельствующими, что выписанныя публичныя женщины вскорѣ же послѣ своей выписки находятся вынужденными снова приняться за проституцію. Пусть читатель взглянетъ на приведенную нами выше таблицу о парижскихъ проституткахъ, выписанныхъ въ 1845—1854 г.; всѣхъ ихъ выписано 9,983; исключимъ изъ этого числа умершихъ и пріобрѣтшихъ средства къ жизни, т.-е. лицъ, отъ которыхъ; нельзя уже ждать возвращенія къ проституціи останется 8,889. Изъ нихъ въ теченіе того же періода уличены въ проституціи полиціей и снова записаны въ проституціонныя книги 4,507, т.-е. болѣе половины! А зная, какъ безсильна самая лучшая полиція въ дѣлѣ выслѣживанья тайной проституціи, мы имѣемъ полное право предполагать, что и изъ остальной половины если не всѣ, то во всякомъ случаѣ большая часть обращаются къ тайной проституціи. Въ особенности это нужно сказать о той самой многочисленной категоріи выписанныхъ, которыя значатся исчезнувшими изъ виду полиціи. Онѣ рыскаютъ по разнымъ мѣстностямъ, и на родинѣ, и за границей, промышляя по прежнему развратомъ. Около половины ихъ скоро попадаетъ снова подъ контроль полиціи. Изъ 5,433 женщинъ, исчезнувшихъ такимъ образомъ изъ виду парижской полиціи, уличено въ продажномъ развратѣ и поэтому снова внесено въ проституціонныя книги:

Въ первый же годъ по исчезновеніи				1,415
Во второй	»	»	»	526
Въ третій	»	»	»	125
» четвертый	»	»	»	48
» пятый	»	»	»	3
» шестой	»	»	»	4
» седьмой	»	»	»	3
» восьмой	»	»	»	2

И самое большое число ихъ (260) поймано на развратѣ въ первые же четыре мѣсяца.

Нѣкоторыя выписываются очень часто, но такъ оплошны, что попадаются снова каждый почти разъ послѣ ихъ выписки. Это нужно сказать въ особенности о тѣхъ проституткахъ, которыя выписываются вслѣдствіе ихъ высылки администраціей на родину. Многія изъ нихъ возвращаются тотчасъ же въ городъ, только другою дорогою и снова попадаются полиціи на своемъ промыслѣ; въ Парижѣ, такимъ образомъ,

4	были арестов.		6	разъ	5	были арестов.	11 разъ
6	»	»	7	»	7	»	12 »
6	»	»	8	»	1	»	13 »
2	»	»	9	»	2	»	14 »
10	»	»	10	»	1	»	15 »

5 были арестов.	16 разъ	3 были арестов.	19 разъ
3 » »	17 »	1 » »	23 »
4 » »	18 »	1 » »	32 »

Слѣдовательно, изъ выписанныхъ проститутокъ перестаютъ заниматься своимъ промысломъ одинъ только умершія, да развѣ еще крайне незначительное число изъ выписанныхъ по всѣмъ другимъ причинамъ, кромѣ смерти. Для громаднаго же большинства проституціи служитъ какимъ-то заколдованнымъ кругомъ, въ которомъ должна вѣкъ свой вращаться женщина, по временамъ и только на короткіе сроки вырываясь изъ него, затѣмъ снова возвращаясь въ него же и продолжая такимъ образомъ влачить до окончанія своей многострадальной жизни.

VIII.

Всѣ современные и прежніе законы, изданные съ цѣлью искорененія или ограниченія проституціи, вся энергическая дѣятельность европейской администраціи, клонящаяся къ тому же,—все это въ большинствѣ случаевъ безсильно противъ зла, порождаемаго глубокими соціальными причинами. Многочисленные законы и распоряженія, спеціально посвященные проституціи, стремятся по возможности противодѣйствовать распространенію порока и сифилиса. Но ихъ попытки большею частію не удаются да и не могутъ удаваться. Напр., во всѣхъ почти государствахъ признается безнравственнымъ выдавать проституціонные билеты на право промысла развратомъ малолѣтнимъ дѣвушкамъ и замужнимъ женщинамъ. И не выдаютъ: но изъ этого выходитъ только вотъ что. Малолѣтней отказали въ записи, черезъ нѣсколько дней ее ловятъ на продажномъ развратѣ, подвергаютъ аресту, увѣщеваютъ исправиться; она снова проситъ проституціонный билетъ, ей снова отказываютъ, снова ловятъ за тайную проституцію и т. д., до тѣхъ поръ, пока полиція не выдастъ ей билета. Это случается постоянно. Другія мѣры—уже чисто репрессивныя—имѣютъ цѣлью затруднить какъ самое вступленіе въ проституцію, такъ и занятіе ею. Таковы налоги на проститутокъ,—этотъ остатокъ старины, когда государство обращало порокъ въ статью дохода. Въ Гамбургѣ, напр., проститутка ежемѣсячно должна платить, смотря по своему классу, отъ 5 франковъ и 70 сант. до 1 фр. 90 сант.; общій доходъ Гамбурга отъ проституціи 22,560—26,320 фр. въ годъ. Въ Брюсселѣ содержатели публичныхъ домовъ ежемѣсячно вносятъ въ казну отъ 5 до 78 франковъ и т. д. При бѣдности большинства публичныхъ женщинъ подобные налоги безчеловѣчны, столь же безчеловѣчны, какъ и поступокъ французской администраціи, которая, ревнуя о нравственности, запретила въ Парижѣ устроенную нѣкоторыми филантропами вспомогательную кассу, которая могла бы поддерживать проститутокъ *во время ихъ болѣзни и старости*. Помогать больной и безсильной старухѣ, изволите ли видѣть, безнравственно, и такую мысль высказываетъ правительство, называющее себя христіанскимъ!... Чтобы можно было судить о стѣсненіяхъ, которымъ, большею частію, напрасно подвергаются проститутки, мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ французскаго устава о проступкахъ и преступленіяхъ публичныхъ женщинъ, влекущихъ за собою наказаніе виновныхъ. Преступленія: 1) Находиться въ запрещенныхъ для проституціи мѣстахъ. 2) Показываться на улицѣ въ недозволенные часы. 3) Лежать въ пьяномъ видѣ на улицахъ и вообще публичныхъ мѣстахъ. 4) Просить пристанища въ военныхъ постахъ. 5) Прогуливаться по улицамъ днемъ тихими шагами и пристально смотрѣть на мужчинъ. 6) Не быть въ публичномъ домѣ въ часы, для визитовъ назначенные. 7) Просить милостыню. 8) Ходить съ открытой головой и шеей и т. д. При несуществованіи большей части подобныхъ правилъ общественная нравственность нисколько не страдала бы, а между тѣмъ они гнетутъ проститутокъ и, возбуждая въ нихъ постоянныя сопротивленія и нарушенія, плодятъ только число наказуемыхъ проступковъ и нисколько не уменьшаютъ разврата. Эти мѣры такъ же дѣйствительны, какъ и мѣры, принимавшіяся прежде и еще недавно противъ сифилиса. ВъЛіонѣ, напр., до начала нынѣшняго столѣтія, женщины, заболѣвшія сифилисомъ, подвергались вмѣстѣ съ лѣченіемъ въ больницѣ и жестокимъ наказаніямъ, бритью головы и т. п. То же самое было и въ другихъ городахъ, а у насъ въ Россіи до настоящаго царствованія зараженныхъ сифилисомъ солдатъ сначала пороли, а потомъ начинали лѣчить! Даже въ современной Европѣ до сихъ поръ сохранилось какое-то нелѣпое предубѣжденіе противъ сифилиса; напр., во Франціи администраціи часто представляются проекты частныхъ людей о мѣрахъ для предупрежденія венерической заразы; но давать ходъ такимъ проектамъ администраціи считаетъ «скандальнымъ и безнравственнымъ», и потому отвергаетъ всѣ ихъ! (Parent, II, 340—356). А между тѣмъ эта болѣзнь, трудно излѣчимая, съ каждымъ годомъ распространяется все больше и больше, и обществу даже не подозрѣваетъ, до какой степени проѣла его венера... Въ Великобританіи, по всѣмъ достовѣрнымъ вычисленіямъ д-ра Голланда, *ежегодно заражаются сифилисомъ 1,652,500 человѣкъ!*... Главное сѣдалище сифилиса —большіе города, особенно приморскіе, посредствомъ которыхъ Европа постоянно мѣняется своей венерой съ Азіей и Америкой. Жаннель вычисляетъ, что на 28,395 иностранныхъ кораблях, ежегодно приплывающихъ во Францію, находится не менѣе 15,000 сифилитиковъ, распространяющихъ заразу во французскихъ гаваняхъ. Въ 1862 и 1863 годахъ англійская армія ежегодно имѣла на 1.000 человѣкъ 318 сифилитиковъ, въ 1864 году—390, а до 1851 года въ ней было на 1,000 только 181 сифилитикъ. Въ англійскомъ флотѣ, стоящемъ у береговъ, на 1,000 чел. сифилитиковъ до 1851 г., ежегодно было 134, а въ 1862 г.—143. Во французской арміи въ 1864 г. на 1,000 чел. сифилитиковъ было 108. Рабочіе страдаютъ отъ сифилиса не менѣе солдатъ и матросовъ, а въ нижнихъ слояхъ проституціи нерѣдко случается, что 1 зараженная приходится не болѣе какъ на 3, даже на 2

публичныхъ женщины. Въ Бордо въ 1852 г. на 100 проституткъ приходилось 24 сифилитки, а на 307 тайныхъ проституткъ, уличенныхъ полиціей въ 1863—1866 г., 241, т.-е. *78 на 100*, еще до своей записи были больны венерой по одному или по нѣсколько разъ. Тайныхъ проституткъ заражается и болѣетъ венерой гораздо больше, чѣмъ записныхъ, а проституткъ непотребныхъ домовъ гораздо больше, чѣмъ проституткъ самостоятельныхъ. Вотъ таблица, относящаяся къ Парижу:

Годы.	Проституткъ въ домахъ Парижа.	Проституткъ въ домахъ его окрестностей.	Самостоятельныхъ.	Незаписанныхъ.
1845	1 сифилитка на 142	1 сиф. на 59	1 сиф. на 261	1 сиф. на 6
1846	1 » » 151	1 » » 53	1 » » 183	1 » » 6
1847	1 » » 154	1 » » 51	1 » » 350	1 » » 6
1848	1 » » 125	1 » » 37	1 » » 181	1 » » 5
1849	1 » » 128	1 » » 44	1 » » 200	1 » » 5
1850	1 » » 148	1 » » 47	1 » » 142	1 » » 5
1851	1 » » 198	1 » » 60	1 » » 180	1 » » 5
1852	1 » » 184	1 » » 75	1 » » 349	1 » » 5
1853	1 » » 183	1 » » 122	1 » » 402	1 » » 5
1854	1 » » 176	1 » » 102	1 » » 376	1 » » 4

Слѣдовательно, бѣдныя проститутки окрестностей заражаются почти втрое больше, чѣмъ женщины болѣе зажиточныхъ кварталовъ. Деспотизмъ содержательницъ, заставляющихъ своихъ дѣвушекъ «работать» безъ устали, производитъ то, что послѣднія заражаются почти вдвое больше, чѣмъ проститутки самостоятельныя. Изъ такихъ же проститутокъ, арестованныхъ въ Парижѣ въ 1816—1828 г., на 3,110 приходилось сифилитокъ 814, т.-е. 1 на 3,82, а въ 1857—1866 г. на 19,560 арестованныхъ было 4,370 больныхъ сифилисомъ. Въ Страсбургѣ (1853 г.) на 100 тайныхъ проститутокъ было 83 сифилитки. Въ Бордо было:

	Въ 1858 г.	Въ 1863 г.	Въ 1866 г.
На 100 проститутокъ больныхъ венерой изъ записанныхъ..	2,26	1,77	1,63
На 100 проститутокъ больныхъ венерой изъ незаписанныхъ или тайныхъ.....	49,26	23,06	27,24

Въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ Британской имперіи, по Жаннелю, число зараженныхъ проститутокъ превосходитъ 50 на 100.

Дѣти страдаютъ отъ сифилиса въ очень значительномъ количествѣ. Въ Парижѣ въ луринскомъ госпиталѣ въ 1835—1844 г. лежало венерой—644 мальчика и 1,054 дѣвочки, въ 1845—1855 г.—мальчиковъ 556, дѣвочекъ 878.

Сифилисъ, какъ доказываютъ несомнѣнно статистическія свѣдѣнія, которыхъ, однакожъ, ради краткости, мы приводить не будемъ, заѣдаетъ преимущественно бѣдныя массы народа, которымъ лѣчиться отъ него и некогда, и не на что, среди которыхъ иногда на 3 здоровыхъ проститутки приходится 1 больная, въ которыхъ мы видимъ дѣтей, заразившихся отъ полового сношенія съ дѣтьми же, и цѣлыя поколѣнія, которыя зачаты, рождены и въ свою очередь зачинаютъ и рождаютъ дѣтей въ сифилисѣ... Если бы эта болѣзнь была смертоносна, то Европа скоро превратилась бы въ безлюдную пустыню; но отъ сифилиса умираютъ мало. Въ луринскомъ госпиталѣ, въ Парижѣ, умирало сифилитиковъ:

Въ 1792—IX г. ..... 1 на 48 больныхъ.
» 1805—1814 г..... 1 » 67,24 »
» 1815—1824 » ... 1 » 57,46 »
» 1825—1834 » ... 1 » 88,58 »
» 1835—1844 » ... 1 » 97,35 »
» 1844—1865 » ... 1 » 71,69 »

Въ Марселѣ въ 1852—1856 г. изъ 3,547 проститутокъ, лѣчившихся отъ сифилиса, въ больницѣ умерло 29. Въ Нантѣ въ 1845—1855 г. изъ 2,484 больныхъ умерло 26.

Но эта несмертоносная болѣзнь тѣмъ не менѣе распространяется съ ужасающею быстротою и въ сотняхъ своихъ видоизмѣненій болѣе и болѣе разрушаетъ и физическое, и нравственное здоровье народовъ. И если современное теченіе дѣлъ не измѣнится, то что будетъ съ Европой лѣтъ черезъ пятьсотъ, не будетъ ли ея народонаселеніе поголовно зараженно венерой, не будутъ ли женщины рождать дѣтей, страдающихъ съ перваго же своего появленія на свѣтъ разнымъ худосочіемъ, золотухой, слабостью всего организма, англійскою болѣзнью, наслѣдственнымъ сифилисомъ? Много пишется проектовъ и книгъ объ искорененіи сифилиса и ограниченіи порождающей его проституціи, но все это остается безплоднымъ толченіемъ воды *). И лучшіе изъ писателей, изслѣдовавшихъ этотъ предметъ, говоритъ, вмѣстѣ съ Паранъ-Дюшатле, что «проституція неизбѣжна, что она существовала и *всегда будетъ существовать* въ большихъ городахъ, потому что, подобно нищенству, подобно игрѣ, она служитъ промысломъ и спасительнымъ средствомъ отъ голода».

Все убѣждаетъ насъ въ томъ, что цивилизованный міръ не можетъ остановиться на современной ступени своего соціальнаго прогресса. Бѣдность и

*) Въ № 7 «Отечественныхъ Записокъ» 1869 года въ анонимной статьѣ о проституціи авторъ рекомендуетъ вернуться ко временамъ «мудраго Солона», уничтожить частные непотребные дома и, открывъ *казенные*, подъ управленіемъ спеціальныхъ чиновниковъ, сдѣлать проституцію государственнымъ учрежденіемъ!..

невѣжество народныхъ массъ, рабство женщины, войны и другіе подобные факторы народнаго разоренія—рано или поздно должны исчезнуть съ лица цивилизованной земли; тогда, и только тогда проституція будетъ невозможной, а сифилисъ и другіе бичи человѣчества сданы будутъ въ архивъ исторіи. Въ Европѣ нѣтъ уже ни такого суевѣрія, ни такого всевластнаго духовенства, какъ въ древности, поэтому въ ней нѣтъ и религіозной проституціи. Власть родителей и мужа значительно ослаблена, рабовладѣльцы уничтожены,—и меньше проституціи домашней. Вселенскій деспотизмъ римлянъ, Клавдіи и Нероны невозможны болѣе почти ни въ одной европейской странѣ, равно какъ невозможно, подобно Риму, ограбить весь міръ; поэтому Европа и не видѣла никогда у себя ни разврата, ни проституціи въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ они были созданы всевластнымъ деспотизмомъ вѣчнаго города и нищетою умиравшаго съ голода, покореннаго и ограбленнаго міра. Человѣчество, слѣдовательно, мало-по-малу побораетъ принципы, служащіе врагами и разрушителями его счастія...

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СОЧИНЕНІЮ

«ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ»:

О РАВНОПРАВНОСТИ ЖЕНЩИНЫ.

Рѣчь, произнесенная Д. У. Куртисомъ въ нью-іоркскомъ конституціонномъ собраніи.

(Куртисъ предложилъ слѣдующую поправку къ конституціи штата: «исключить изъ перваго отдѣла слово «мужчина», и вездѣ, гдѣ стоитъ въ этомъ отдѣлѣ «онъ» прибавить: «или она»; гдѣ—«его», прибавить: «или ея»).

Предлагая перемѣну, столь новую въ нашей политической практикѣ, но столь согласную съ духомъ и принципами нашего управленія, я долженъ только показать, что она не противна разуму и не опасна для государства. Однакожъ, я чувствую себя въ нѣсколько затруднительномъ положеніи, ибо въ то время, какъ существенныя основанія предлагаемой перемѣны вполнѣ ясны для меня, возраженія на нихъ представляются пустыми и неопредѣленными. Съ формальнаго открытія дебатовъ по этому вопросу въ нашей странѣ, на конвентѣ 1848 г., и вплоть до настоящаго времени, оппозиція этому движенію, насколько я знакомъ съ нею, была только повтореніемъ извѣстныхъ традиціонныхъ предразсудковъ или протестомъ одной сентиментальности, а спорить съ ними все равно, что сражаться съ зараженнымъ воздухомъ или состязаться съ восточнымъ вѣтромъ. Я, право, не понимаю, почему комитетъ измѣнилъ фразу: «жители мужского пола, или граждане», которая обыкновенно употребляется въ конституціонныхъ оговоркахъ, ограничивающихъ избирательныя права. Въ настоящемъ случаѣ слово «человѣкъ» темно; оно, безъ сомнѣнія, относится и къ женщинамъ, точно также, какъ и слово «родъ человѣческій». Но цѣль оговорки очевидна, и докладъ комитета дѣлаетъ ее несомнѣнною. Если бы члены комитета захотѣли сказать прямо то, что они выразили не прямо, то одиннадцатый параграфъ читался бы такъ: «идіоты, сумасшедшіе, лица, состоящія подъ опекой, преступники, женщины и лица, уличенныя въ подкупности, не пользуются избирательными правами». Въ своемъ докладѣ комитетъ не объясняетъ намъ, почему онъ женщинъ Нью-Іорка въ политическомъ отношеніи ставитъ въ одинъ разрядъ съ идіотами и преступниками. Онъ утверждаетъ только, что общее освобожденіе женщины было бы нововведеніемъ, — что справедливо относительно каждаго шага политическаго прогресса и поэтому говоритъ въ его пользу; далѣе, комитетъ выражается такъ, что хочетъ сказать, будто бы такое освобожденіе несогласно съ женственностью, — это только предвзятое предположеніе и предразсудокъ. Я желаю знать, господа, и спрашиваю во имя политической справедливости и благосостоянія этого штата, почему цѣлая половина взрослыхъ жителей, которая столь же жизненно заинтересована въ хорошемъ управленіи, какъ и другая половина, которая владѣетъ собственностью, управляетъ своимъ имуществомъ, платитъ налоги, которая освобождена отъ всѣхъ обязанностей добрыхъ гражданъ, хотя и обладаетъ полнымъ разумомъ и способностями,—почему она безусловно лишена политическихъ правъ и поставлена въ одинъ разрядъ съ сумасшедшими и преступниками? Мальчикъ сдѣлается мужчиною и избирателемъ; сумасшедшій можетъ выздоровѣть и получить свои права; идіотъ, способный къ развитію подъ благотворнымъ вліяніемъ новѣйшей науки, можетъ образоваться въ полноправнаго гражданина; преступникъ, руки котораго обагрены кровью его страны и свободы, можетъ быть прощенъ и возстановленъ въ правахъ: но ни возрастъ, ни мудрость, ни особенныя способности, ни общественныя заслуги, ни усилія, ни пламенное желаніе—ничто не можетъ избавить женщину отъ этой ненормальной и чрезвычайной неправоспособности! На какихъ же разумныхъ основаніяхъ утверждается это? Да ни на какихъ! Это противно естественной справедливости, общепризнаннымъ традиціоннымъ началамъ американскаго управленія и раціональной политической философіи. Абсолютное лишеніе женщины политическихъ правъ въ этомъ штатѣ есть просто узурпація. «Въ каждомъ вѣкѣ, въ каждой странѣ»—говоритъ около ста лѣтъ назадъ историкъ Гиббонъ—«мудрѣйшій или, по крайней мѣрѣ, сильнѣйшій изъ двухъ половъ, узурпировавъ себѣ государственныя права, предоставлялъ другому полу одни только заботы и удовольствія домашней жизни».

Исторія показываетъ намъ, что узурпирующій классъ, какъ его называетъ Гиббонъ, всегда регулировалъ положеніе женщины на основаніи собствен-

ныхъ своихъ теорій и интересовъ. Варваръ-персъ, напр., наказывалъ смертью обиду, нанесенную его женѣ, но поступалъ такъ не ради ея самой. Она была частью *его*. И цивилизованный англичанинъ Блекстонъ только повторяетъ этого варвара-перса, когда говоритъ, что мужъ и жена составляютъ одно лицо—супруга. Господа, было бы чрезвычайно забавно, если бы только не было грустно, прослѣдить результаты, вытекающіе изъ этой теоріи для человѣческаго общества и несчастное вліяніе на прогрессъ цивилизаціи этого болѣзненнаго предпочтенія мужескаго пола. Гиббонъ приводитъ одинъ интересный примѣръ этого, а о другомъ примѣрѣ до сихъ поръ напоминаетъ духъ англійскихъ законовъ о разводѣ. Въ Римѣ былъ храмъ, посвященный богинѣ покровительницѣ мира брачной жизни. «Но уже одно ея названіе Virilaca—умилостивительница мужей—показываетъ», говоритъ историкъ, «что раскаяніе и подчиненіе всегда требовалось отъ жены», какъ будто только она одна подавала поводъ къ раздорамъ. Въ изданной въ 1632 г. книгѣ: «Law's Resolution of Women's Rights» анонимный и пріятный авторъ говоритъ въ нѣсколько насмѣшливомъ тонѣ: «Несомнѣнно, что мужчина и женщина составляютъ одно лицо, но нужно знать, какимъ образомъ. Когда небольшой ручей или маленькая рѣчка впадаютъ въ Роданъ, Гумберъ или Темзу,то бѣдный потокъ теряетъ свое названіе: онъ вполнѣ соединяется со своимъ новымъ товарищемъ, у него нѣтъ своей отдѣльной силы, онъ не имѣетъ ничего своего, будучи *покрытъ* рѣкою. Женщина, коль скоро она выйдетъ замужъ, называется *covert*, по-латыни *rupta*, т. е. *покрытая*, какъ будто она закрывается облакомъ и обволакивается тѣнью; она теряетъ свое собственное теченіе; ея господинъ дѣлается ея новымъ *я*, ея спутникъ—ея владыкой. Вотъ основаніе тому, что женщины не имѣютъ голоса въ парламентѣ, не участвуютъ въ составленіи законовъ, ничего не утверждаютъ своимъ согласіемъ, ничего не отвергаютъ своимъ несогласіемъ. Всѣ онѣ считаются или женами, или кандидатками въ жены и всѣ ихъ желанія принадлежатъ ихъ мужьямъ».

Изъ этой теоріи древняго общества, что женщина въ соціальномъ отношеніи составляетъ низшую и подчиненную часть мужчины, вытекаетъ та система законовъ о женщинахъ, которая теперь такъ быстро измѣняется въ каждой цивилизованной странѣ; между тѣмъ, упомянутая теорія, какъ традиціонный предразсудокъ, упорно держится въ нашихъ политическихъ обычаяхъ. Но государство, которое, подобно нью-іоркскому штату, признаетъ за всѣми своими членами равенство индивидуальныхъ правъ, объявляя, что никто не можетъ быть лишенъ ихъ иначе, какъ закономъ страны или судомъ своихъ равныхъ,—которое признаетъ женщинъ собственниками и плательщиками налоговъ, отвѣтственными гражданами, — такое государство уже совершенно отказалось отъ старой феодальной и языческой теоріи и поэтому не имѣетъ ни малѣйшаго права поддерживать основаннаго на ней вредоноснаго порядка вещей. Достопочтеный и краснорѣчивый джентльменъ отъ Онондаги сказалъ, что онъ согласенъ на всякое расширеніе свободы, если только оно безопасно для государства. Я совершенно согласенъ съ нимъ, господа, и комитетъ, предполагая сохранить исключительное положеніе женщинъ, обязанъ былъ показать, что безправность женскаго пола необходима для благосостоянія безопасности государства. Комитету нечего спрашивать у меня о тѣхъ основаніяхъ, въ силу которыхъ я требую расширенія свободы. Я указываю, господа, на тотъ фундаментъ, на которомъ основана эта свобода, и я требую освобожденія женщинъ на томъ основаніи, что какія бы то ни было политическія права, которыми владѣютъ мужчины, должны равнымъ образомъ принадлежать и женщинамъ.

Я не желаю вдаваться въ интересный вопросъ о происхожденіи управленія. Если нѣкоторые утверждаютъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ джентльменомъ отъ Брума, что естественныхъ политическихъ правъ вовсе нѣтъ и что никто не родился избирателемъ, то я не буду останавливаться, чтобы спорить съ ними; но такъ какъ достопочтенный джентльменъ отъ Брума по своей профессіи медикъ и хирургъ, то я напомню ему, что если никто не родится избирателемъ, то никто не рождается и взрослымъ человѣкомъ, ибо каждый человѣкъ родится ребенкомъ. Но *онъ* рожденъ съ правомъ безпрепятственно сдѣлаться взрослымъ человѣкомъ, и я спрашиваю почтеннаго джентльмена, какъ американскаго гражданина и политическаго мыслителя,—если никто не рождается избирателемъ, то ужели не рождается каждый человѣкъ съ правомъ сдѣлаться избирателемъ на одинаковыхъ правахъ съ другими людьми? Какой же другой смыслъ можетъ имѣть фраза, которую я нахожу въ попедѣльничномъ номерѣ нью-іоркской «Трибуны» и которая такъ часто раздается здѣсь: «главною основою управленія служитъ равенство правъ всѣхъ гражданъ».

Я думаю, всѣ мы согласны, что есть нѣкоторыя естественныя права. Этотъ лѣтній воздухъ, который такъ благораствореннно дышитъ на наше ежегодное національное собраніе, звучитъ еще тѣмъ краснорѣчіемъ, съ какимъ упомянутыя права были провозглашены нашими отцами. Изъ всѣхъ пламенныхъ рѣчей того времени я приведу слова Александра Гамильтона, сказанныя имъ въ отвѣтъ одному тори: «Священныхъ правъ человѣческаго рода нечего искать въ старыхъ пергаменахъ или покрытыхъ пылью грамотахъ. Они написаны рукою самого Божества во всей книгѣ человѣческой природы и не могутъ быть изглажены или затемнены никакою силою смертнаго». Въ слѣдующемъ году Томасъ Джефферсонъ изложилъ политическій символъ вѣры нашихъ отцовъ въ Великой Деклараціи, слова которой звучатъ во всю исторію тѣхъ дней. Какъ лира Амфіона воздвигала стѣны города, такъ подъ музыку этихъ словъ американская цивилизація подвигается постепенно на свою настоящую арену. Наши отцы стояли на технической легальной почвѣ, когда началось столкновеніе съ Великобританіей; но когда тиранія завладѣла этой почвой,

они естественно поднялись, какъ бы въ болѣе чистые слои воздуха, въ сферу основныхъ истинъ. Угнанный бурею изъ виду земли морякъ правитъ по звѣздамъ; и наши отцы, будучи принуждены изслѣдовать всю совокупность соціальныхъ правъ и обязанностей, основали свое управленіе на томъ, что называлось у нихъ очевидными истинами, и Декларація независимости была не страстнымъ манифестомъ революціонной войны, но спокойнымъ и простымъ изложеніемъ новой политической философіи и практики.

Права, которыя они объявили неотчуждаемыми, обыкновенно называются естественными, въ отличіе отъ политическихъ правъ, но они не ограничиваются ломъ. Женщина имѣетъ такое же точно право на свою жизнь, свободу и собственность, какъ и мужчина, а слѣдовательно, она имѣетъ такое же право, какъ онъ, и на равное покровительство; въ этомъ-то, по моему, и заключается смыслъ словъ «право голоса». Если я имѣю естественное право на эту руку, то я имѣю такое же естественное право на все, что содѣйствуетъ мнѣ пользоваться ею; если я имѣю естественное право на свою жизнь и свободу, то я имѣю точно такое же право на все, что покровительствуетъ этой жизни и свободѣ и чѣмъ пользуются другіе люди. Я прошу моего уважаемаго друга, докладчика комитета, указать на какое-нибудь право, которое Богъ даровалъ ему, и мнѣ, и на гарантію этого права, которую бы Богъ далъ ему, но не далъ мнѣ. Тотъ же самый вопросъ я предлагаю и за всѣхъ женщинъ нашего штата. Ужели онѣ имѣютъ менѣе естественныхъ правъ на жизнь, свободу и собственность, чѣмъ мой достопочтенный другъ, докладчикъ комитета, и можетъ ли онъ отказать послѣдней изъ этихъ женщинъ въ той гарантіи этихъ правъ,на которую онъ притязаетъ самъ? Нѣтъ, господа, естественное, или, какъ мы называемъ, гражданское право и его политическая гарантія неразрывно связаны между собою. Такова была строгая логика революціи. Лордъ Гоуеръ зубоскалилъ въ парламентѣ надъ американскими колонистами: «пусть американцы болтаютъ о своихъ естественныхъ и божественныхъ правахъ... Я стою за насильственное введеніе этихъ мѣръ». Д-ръ Джонсонъ ревѣлъ намъ черезъ Атлантическій океанъ, что «обложеніе налогами еще не тиранія». Джемсъ Отисъ говорилъ за Америку, за здравый смыслъ, за вѣчную справедливость: «Нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній, въ силу которыхъ бы каждый человѣкъ, обладающій здравымъ умомъ, не долженъ имѣть голоса при выборѣ представителей. Если извѣстное лицо имѣетъ слишкомъ собственности, чтобы нуждатся въ особенномъ покровительствѣ и защитѣ ея, однакожъ его жизнь и его свобода что-нибудь да значатъ!..» И еще задолго до Джемса Отиса лордъ Соммерсъ говорилъ въ палатѣ общинъ, что право голоса есть единственно вѣрная гарантія, которая обезпечиваетъ жизнь и собственность англичанина.

Каждый человѣкъ, такимъ образомъ, рождается со справедливымъ притязаніемъ на такую же гарантію своихъ естественныхъ правъ, какою пользуются другіе люди. Практическій вопросъ тутъ заключается только въ томъ, какимъ наилучшимъ способомъ можетъ быть достигнута эта гарантія, и это вопросъ управленія, которое, согласно Деклараціи, установлено для огражденія упомянутыхъ правъ. Но британской теоріи они могутъ быть гарантированы гораздо лучше развитымъ меньшинствомъ, чѣмъ невѣжественною и страстною массой. Всякій, конечно, согласенъ, что управленіе лучшихъ есть лучшее управленіе; вопросъ только въ томъ, какъ найти этихъ лучшихъ? Наши отцы на вопросъ о лучшемъ и вѣрнѣйшемъ обезпеченіи естественныхъ правъ отвѣчали своею знаменитою фразою—«согласіе управляемыхъ». То-есть, коль скоро каждый человѣкъ рождается съ одинаковыми естественными правами, то онъ имѣетъ и право на обезпеченіе ихъ, одинаковое со всѣми другими людьми; и коль скоро это обезпеченіе заключается въ правительствѣ, то здравый смыслъ и опытъ требуетъ, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ свой голосъ въ управленіи на совершенно одинаковыхъ и цѣлесообразныхъ условіяхъ, которыя бы не были необходимо и безусловно недостижимы для какой бы то ни было части народонаселенія.

По справедливости, эти условія не могутъ быть произвольными. Но аргументъ достопочтеннаго джентльмена отъ Шенектади и аргументы другихъ, которые отдѣляютъ правительство отъ общества, клонятся къ тому, что государственные дѣятели могутъ принимать и исключать по своему произволу, что они могутъ установлять совершенно произвольныя различія, основанныя на цвѣтѣ кожи, полѣ, ростѣ, вѣсѣ и т. д. Такова сущность теоріи мистера Дугласа о главенствѣ скуаттеровъ, утверждающей, что большинство бѣлыхъ поселенцевъ мужескаго пола на извѣстной территоріи можетъ лишать всѣхъ правъ меньшинство цвѣтныхъ жителей, и что она имѣетъ полное право такъ дѣйствовать... Грубая сила, господа, можетъ кое-что сдѣлать; но мы говоримъ здѣсь о правахъ, и при томъ о правахъ, гарантируемыхъ нашимъ управленіемъ, и я отрицаю, что народъ нью-іоркскаго штата можетъ по справедливости, т.-е. согласно съ здравымъ разумомъ и вытекающими изъ него принципами нашего управленія, — что онъ можетъ *навсегда* лишать голоса въ управленіи извѣстный классъ лицъ или какое бы то ни было лицо, если только не будетъ ясно доказано, что ихъ участіе въ политической власти опасно для государства. «Въ средѣ развитого и цивилизованнаго народа—говоритъ Джонъ Стюартъ Миллъ—не должно быть никакихъ паріевъ, никакихъ лицъ, которые были бы лишены правъ иначе, какъ по ихъ собственной винѣ... Каждое лицо лишается правъ,—сознаетъ оно это или нѣтъ,—коль скоро другіе люди присвояютъ себѣ неограниченную власть распоряжаться его судьбою. Поэтому не можетъ быть достаточно удовлетворительнымъ тотъ порядокъ народнаго голосованія, который устраняетъ извѣстное лицо или извѣстный классъ, и въ которомъ избирательное право не предоставлено всѣмъ желающимъ совершеннолѣт-

нимъ людямъ». Томасъ Геръ, одинъ изъ даровитѣйшихъ политическихъ мыслителей нашего времени, говоритъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда женщина удовлетворяетъ требованіямъ, налагаемымъ на мужчину,—«нѣтъ никакого достаточнаго основанія лишать ея правъ народнаго представительства. Это лишеніе является остаткомъ феодальныхъ законовъ и не гармонируетъ съ другими гражданскими учрежденіями страны».

Докладчикъ комитета спрашиваетъ у мисъ Энтони, если избирательное право есть право естественное, то можно ли отрицать его у дѣтей? Ея отвѣтъ кажется мнѣ вполнѣ удовлетворительнымъ. Она сказала только: «мы не просимъ ничего, кромѣ справедливаго, а не произвольнаго регулированія. Если *вы* имѣете право, то и *мы* имѣемъ его». Уважаемый докладчикъ едва ли будетъ отвергать, что одно дѣло регулировать пользованіе извѣстнымъ правомъ, согласно съ требованіями здраваго разума и опыта, а другое дѣло отрицать это право безусловно и навсегда. Надежное практическое правило нашего управленія, какъ оно выражено Джемсомъ Мадисономъ, гласитъ, что это управленіе «происходитъ отъ всей массы народа, а не отъ какой-нибудь незначительной части его или привилегированнаго класса». Когда Гладстонъ въ своей знаменитой рѣчи, которая привела въ смятеніе Англію, говорилъ, что никто не можетъ быть по справедливости лишенъ правъ иначе, какъ на основаніи его личной неспособности или ради общественной безопасности, то онъ только повторилъ мысль Джозефа Уаррена, принадлежащую къ разряду мудрѣйшихъ и самыхъ практическихъ истинъ политики: «я желалъ бы такого управленія, которое предоставляло бы каждому человѣку самую полную свободу дѣлать, что ему угодно, но въ то же время удерживало бы его отъ причиненія зла другимъ людямъ». Не такого ли же управленія, господа, мы желаемъ для этого штата? И если каждый человѣкъ въ Нью-Іоркѣ имѣетъ естественное право на жизнь, свободу и собственность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на извѣстное участіе въ охраняющемъ ихъ управленіи, то на какихъ же практическихъ основаніяхъ предполагается удерживать безусловную и безнадежную неправоспособность цѣлой половины взрослаго народонаселенія?

Утверждаютъ, что женщины имѣютъ уже своихъ представителей въ мужчинахъ. Гдѣ же послѣдніе представительствуютъ за нихъ? когда они избираются? Если мнѣ скажутъ, что женщины имѣютъ представителей по долгу чести (are virtually represented), то я, вмѣстѣ съ Отисомъ, отвѣчу, что «ни законъ, ни конституція ничего не говорятъ о представительствѣ по долгу чести. Это и уловка, и иллюзія, совершенно неосновательныя и нелѣпыя». Если онѣ имѣютъ представителей, то когда же выбираютъ ихъ? спрашиваю я снова. Никто не рѣшится утверждать, чтобы онѣ когда-нибудь совѣщались объ этомъ. Утверждать, что интересы и привязанность мужчинъ заставляютъ ихъ хлопотать о справедливомъ и мудромъ законодательствѣ для женщинъ такъ же ревностно, какъ бы они старались о самихъ себѣ,—утверждать это значитъ только бить на одинъ эффектъ. Это старая увертка, имѣющая въ виду политическія привилегіи извѣстнаго класса. Британскій парламентъ сто лѣтъ назадъ говорилъ то же самое нашимъ колоніямъ: «мы всѣ находимся подъ властью одного и того же правительства, наши интересы тожественны; мы всѣ британцы; Боже храни короля! долой мятежъ и сыновъ свободы!» Колоніи возмутились этимъ и протестовали съ негодованіемъ, потому что притязаніе парламента на дѣйствительность изданныхъ имъ законовъ было несправедливо, потому что онѣ дошли до той истины, которая въ настоящее время потрясаетъ Англію и которая уже обагряла кровью нашу страну, до той истины, что никакой классъ гражданъ и никакой отдѣльный гражданинъ не могутъ быть облекаемы постояннымъ и исключительнымъ обладаніемъ политическою властью. «Нѣтъ примѣра въ исторіи,—говоритъ Бокль,—чтобы какой-нибудь классъ, обладая властью, не злоупотреблялъ ею». Это также справедливо по отношенію къ мужчинамъ, какъ къ классу, какъ справедливо относительно наслѣдственной аристократіи или класса помѣщиковъ. Мужчины недостаточно мудры, недостаточно благородны, недостаточно честны для того, чтобы законодательствовать какъ слѣдуетъ для женщинъ. Законы самыхъ цивилизованныхъ народовъ угнетаютъ и унижаютъ женщинъ. Законодательство имѣетъ въ виду интересы законодательнаго класса. Въ Англіи, во время знаменитыхъ преній по поводу перемѣнъ въ законахъ о бракѣ, Гладстонъ сказалъ, что «когда евангеліе пришло въ міръ, то женщина была поднята до одного уровня со своимъ сильнѣйшимъ спутникомъ». Но въ то самое время, какъ онъ говорилъ это, англійское право развода, составленное мужчинами для регулированья ихъ домашнихъ отношеній къ женщинамъ, провозглашалось «омерзительнымъ и деморализирующимъ», «варварскимъ», «непристойнымъ», «позоромъ для страны», «оскорбительнымъ для чувства справедливости». Если бы равенство, о которомъ говорилъ Гладстонъ, было настолько же политическимъ, насколько оно представляется сентиментальнымъ, то могъ ли бы онъ или другой какой государственный человѣкъ предположить, чтобы право развода было тѣмъ, что оно есть, или чтобы современное англійское право могло отдавать мужу всѣ заработки жены, или чтобы законы Франціи запрещали женщинѣ принимать какой бы то ни было подарокъ безъ позволенія ея супруга?

Мы просимъ женщинъ довѣриться намъ, такъ какъ мы имѣемъ одинаковые съ ними интересы. Но развѣ какой угодно деспотъ не говоритъ то же самое? Онѣ знаютъ, и мы всѣ знаемъ, и собственный нашъ опытъ учитъ насъ, что единственная гарантія правъ заключается въ избирательномъ шарѣ. Онѣ знаютъ, и цѣлая страна знаетъ, что когда мы уничтожили рабство, то эманципація могла быть окончена и гарантирована только посредствомъ избирательныхъ шаровъ въ рукахъ освобожденнаго класса. Гражданскія права были только насмѣшливою фразою, пока политическая власть не дала имъ существованія. Годъ тому назадъ губернаторъ южной Каро-

лины, Орръ, говорилъ намъ, что права освобожденныхъ будутъ гораздо *безопасные* въ рукахъ ихъ прежнихъ господъ. «Не угодно ли вамъ прогуляться въ моей гостиной, сказалъ паукъ мухѣ!..» Нью-Орлеанъ, Мемфисъ, безчисленныя и постоянныя преступленія показали, что значила эта *безопасность*. Тогда нація, не медля долѣе, вручила освобожденнымъ избирательные шары и сказала: «защищайтесь сами!» И теперь губернаторъ Орръ проповѣдуетъ, что мудрость южной Каролины заключается въ отреченіи отъ всѣхъ партій и въ сердечномъ союзѣ съ цвѣтными гражданами. Губернаторъ Орръ знаетъ, что человѣкъ съ одними гражданскими правами есть не болѣе, ни менѣе, какъ холостой зарядъ. Дайте ему избирательный шаръ, и вы вложите пулю и сдѣлаете зарядъ дѣйствительнымъ. Въ этой части страны, которая кипитъ старою ненавистью и оскорбленною гордостью, и въ которой ея соціальная система сдвинута со своего основанія, никакая другая мѣра во сто лѣтъ не привела бы къ такому дѣйствительному умиротворенію, какое достигнуто въ одинъ годъ однимъ только обѣщаніемъ избирательнаго права. Единственная существенная опасность во всемъ дѣлѣ этого преобразованія заключалась только въ томъ, если бы конгрессъ вздумалъ оставить въ южныхъ штатахъ политическую власть въ рукахъ одного класса, какъ это предлагаетъ теперь для Нью-Іорка докладъ комитета.

Если меня спросятъ, зачѣмъ женщинамъ понадобилось избирательное право, то я отвѣчу въ свою очередь вопросомъ: а зачѣмъ оно нужно мужчинамъ? Почему въ настоящее время британскіе работніе такъ упорно требуютъ его? Взгляните на англійскіе законы, регулирующіе трудъ, и вы увидите, почему они нуждаются въ избирательныхъ шарахъ, потому что законы о трудѣ и капиталѣ составлены однимъ классомъ капиталистовъ, и поэтому несправедливы. Я не забываю о прогрессивныхъ законахъ Нью-Іорка относительно женскихъ правъ. Биллъ о собственности 1860 года со своими дополненіями, по свидѣтельству «Нью-Іоркской Трибуны», спасъ отъ пауперизма 5000 женщинъ. Въ слѣдующемъ году Иллинойсъ уравнялъ женщинъ съ мужчинами относительно правъ собственности. Я упоминаю объ этихъ фактахъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ читаю, что Луи-Наполеонъ хочетъ, на извѣстныхъ условіяхъ, дозволить французамъ говорить то, что они думаютъ. Но если подобныя реформы желательны, то они совершились бы гораздо скорѣе и разумнѣе въ томъ случаѣ, если бы у женщинъ были политическія права.

Не правда, г. докладчикъ, что женщины имѣютъ своихъ представителей въ общепринятомъ и настоящемъ значеніи слова. Законы составляются для нихъ другимъ классомъ на основаніи теорій, которыя, не страшась никакой политической оппозиціи, поддерживаютъ этотъ классъ, и въ прямомъ нарушеніи тѣхъ самыхъ принциповъ, которыхъ онъ такъ упорно держится, коль скоро дѣло идетъ о собственныхъ его интересахъ. Я живу, господа, въ графствѣ Ричмондъ. Въ немъ 27.000 жителей. Они владѣютъ собственностью и управляютъ ею. Они обложены налогами и платятъ ихъ; вообще, они какъ слѣдуетъ исполняютъ обязанности гражданъ. Но представьте себѣ, что комитетъ вводитъ слѣдующую оговорку въ предлагаемое имъ постановленіе: «идіоты, сумасшедшіе, лица, состоящія подъ опекой, преступники, жители графства Ричмондъ и лица, изобличенныя въ подкупности, не должны имѣть избирательныхъ правъ». Это была бы самая чудовищная несправедливость, величайшее нарушеніе всякаго основного права и американскаго принципа. И какъ бы вы на меня посмотрѣли, господа, если бы въ этомъ случаѣ я обратился къ своимъ друзьямъ и сосѣдямъ и сказалъ имъ: «собраніе думаетъ, что вы по долгу чести (virtually) представляетесь избирателями Уэстчестера и Чотоки?»

Я не имѣю, г. докладчикъ, никакихъ суевѣрій относительно избирательнаго права. Я не думаю, чтобы оно тотчасъ же избавило женщинъ отъ всѣхъ несправедливостей, отъ которыхъ оно не совсѣмъ избавляетъ и мужчинъ. Но какой политическій факторъ спасаетъ столь многихъ? Мы видимъ вокругъ себя тысячи бѣдныхъ мужчинъ; но передъ ними открыты всѣ пути. У нихъ есть свои защитники, свои голоса, они составляютъ законы и наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, у нихъ есть для защиты сильныя руки. И здѣсь же мы видимъ тысячи бѣдныхъ женщинъ, которыя маленькою иголкою отбиваются отъ смерти и безчестья; но вотъ хитрая рука науки воруетъ у нихъ эту маленькую иголку. Право голоса не дѣлаетъ упомянутыхъ мужчинъ ни счастливыми, ни уважаемыми, ни богатыми, ни благородными; но они все-таки съ неусыпною заботливостью охраняютъ его, очень хорошо зная, что это—золотыя ворота, ведущія ко всякому благу. Преимущество, даваемое этимъ правомъ одному полу, необходимо должно быть предоставлено и другому. Оно вооружило бы послѣдній самымъ сильнымъ оружіемъ, какое только извѣстно въ политическомъ обществѣ; оно поддержало бы естественное равновѣсіе половъ въ людскихъ отношеніяхъ и доставило бы каждому возможность свободнаго дѣйствія въ своей сферѣ.

Но, господа, комитетъ говоритъ намъ, что избирательное право женщины было бы опаснымъ нововведеніемъ, что оно поколебало бы уважаемыя традиціи. Хорошо!—Въ 1790 г. женщины въ первый разъ были признаны школьными учителями въ Массачузетѣ, и это было революціоннымъ нововведеніемъ! Съ тѣхъ поръ оно распространилось всюду и сдѣлалось однимъ изъ великихъ цивилизующихъ факторовъ въ этой странѣ. Нововведеніе! Изъ боязни его, господа, когда Самуэль Ромилы предложилъ отмѣнить смертную казнь за кражу носового платка, коронные блюстители законовъ говорили, что это подвергнетъ опасности все уголовное право Англіи. Когда биллъ объ уничтоженіи торговли невольниками прошелъ черезъ палату лордовъ, то лордъ Сентъ-Винцентъ всталъ и выступилъ впередъ, объявляя, что онъ умываетъ руки въ разрушеніи Британской имперіи. Когда гринвичскіе пенсіонеры увидѣли въ первый разъ пароходъ на Темзѣ, то они тоже протестовали, говоря, что они не при-

знаютъ пароходства, какъ дѣла, противнаго природѣ. Когда въ концѣ царствованія Карла II-го Лондонъ имѣлъ уже полмилліона жителей, то уличные фонари встрѣтили въ немъ ожесточенную оппозицію,—до такой степени уважаемыя традиціи враждебны усиленію свѣта! Пятьдесятъ лѣтъ назадъ канцлеръ Ливингстонъ писалъ, что предположеніе о желѣзной дорогѣ для передвиженія тяжестей по четыре мили въ часъ—проектъ остроумный, можетъ быть, даже «основательный теоретически», но что все-таки желѣзная дорога не можетъ быть столь дешевою и удобною, какъ каналъ. Въ нашей странѣ, господа, уважаемыя традиціи существуютъ для того, чтобы быть нарушаемыми. Америка уже несомнѣнно рѣшилась нарушать традиціи и взамѣнъ ихъ вводить болѣе благоразумныя учрежденія. Такъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, то, что комитетъ называетъ революціоннымъ нововведеніемъ, было предложено въ дистриктѣ Колумбія,—именно дарованіе избирательныхъ правъ освобожденнымъ невольникамъ. Ужасные результаты такого переворота были подробно предсказаны въ одномъ изъ мириады посланій президента Соединенныхъ Штатовъ, которымъ онъ объявлялъ свое veto. Но они все-таки вотировали. Если кто и покушался нарушать порядокъ выборовъ, то уже отнюдь не новые избиратели. Выборы совершились совершенно спокойно, и ни одно изъ опасеній президента не оправдалось. Дарованіе правъ, долго отрицаемыхъ или задерживаемыхъ, никогда не поведетъ къ общественнымъ смутамъ, которыя порождаются только отказами въ этихъ правахъ. Вестъ-индскіе рабы приняли свое освобожденіе съ молитвою и на колѣняхъ: освобожденіе женщины совершится такъ же мирно, какъ утро переходитъ въ день.

Ужели мнѣ будутъ возражать еще, что если женщины и не участвуютъ въ выборахъ, то все-таки оказываютъ громадное вліяніе на политику, и поэтому не нуждаются въ избирательномъ правѣ? Если бы серьезно стали опираться на этотъ аргументъ, то мнѣ достаточно было бы пробѣжать глазами по этой залѣ, и я увидѣлъ бы многихъ достопочтенныхъ джентльменовъ, политическое вліяніе которыхъ признается всѣми. Могутъ ли они, въ силу этого основанія, законнымъ и справедливымъ образомъ, быть лишены правъ? Ужели почтенный докладчикъ комитета думаетъ, что извѣстный гражданинъ не долженъ имѣть права голоса потому, что онъ имѣетъ вліяніе? А что даетъ это вліяніе? Его даютъ способности, умъ, честность. Ужели и они должны быть устранены отъ выборовъ? Ужели политическая власть должна принадлежать только глупости, невѣжеству и подлости?

Или, можетъ быть, скажутъ, что женщины не нуждаются въ правѣ голоса и ихъ необходимо спросить объ этомъ? А на какомъ основаніи ихъ должно спрашивать?.. Необходимо предполагать, что и мужчины, и женщины также желаютъ пользоваться своими естественными правами, какъ глаза нуждаются въ свѣтѣ, а легкія въ воздухѣ. Развѣ мы откладывали эмансипацію рабовъ въ ожиданіи того времени, *когда они сами станутъ просить объ освобожденіи?* Нѣтъ, господа, когда война дала намъ легальное право разбить ихъ оковы, мы не спрашивали ихъ, не предпочитаютъ ли они оставаться рабами. Мы знали, что они люди, что люди по природѣ своей должны ходить прямо, и, видя ихъ согбенными и пресмыкающимися, мы нашли такое положеніе неестественнымъ, не обращая вниманія на то, признаютъ ли они его такимъ или нѣтъ. Относительно женщинъ мы признаемъ, что онѣ имѣютъ тѣ же естественныя права, какъ и мы. Мы видимъ, что онѣ владѣютъ собственностью и платятъ налоги, и мы необходимо должны предполагать, что онѣ желаютъ пользоваться и всякою гарантіей этихъ правъ, какою обладаемъ мы. Когда въ этомъ штатѣ каждый годъ тысячи юношей достигаютъ совершеннолѣтія, то мы вѣдь не дѣлаемъ же имъ торжественнаго вопроса о томъ, желаютъ ли они вотировать. Мы естественно предполагаемъ, что они желаютъ, и говоримъ имъ: «идите и на одинаковыхъ условіяхъ со всѣми нами подавайте свои голоса». Но нѣкоторые джентльмены говорятъ, что имъ извѣстно множество женщинъ, которыя не желаютъ вотировать и которыя считаютъ это «*не женственнымъ*» (not ladylike). Я, господа, тоже знаю многихъ мужчинъ, которые обыкновенно держатся въ сторонѣ отъ политики, какъ отъ дѣла «*не джентльменскаго*». И что достопочтенные джентльмены,—которые знаютъ множество женщинъ, не желающихъ вотировать,—подумали бы о предложеніи лишить меня права голоса на томъ основаніи, что мои сосѣди не желаютъ подавать своихъ голосовъ? Были рабы, предпочитавшіе оставаться рабами,—но развѣ это аргументъ противъ освобожденія? Если даже предположить, что большинство женщинъ этого штата не желаетъ вотировать, то развѣ это можетъ служить основаніемъ тому, чтобы лишать правъ представительства даже *одну* женщину, платящую налоги, отнимать даже у одного ни въ чемъ *невиновнаго лица* гарантію его жизни и свободы?

Мнѣ говорятъ, что, выражаясь языкомъ комитетскаго доклада, наше предложеніе явно противорѣчитъ распредѣленію функцій и обязанностей между полами. Если выразиться какъ слѣдуетъ по-англійски, то это значитъ, г. докладчикъ, что по дача голоса дѣло неженственное. Я знаю, господа, что при одномъ только упоминаніи о политическихъ правахъ женщины, во многихъ головахъ тотчасъ возникаетъ ужасное видѣніе того, какъ весь женскій полъ бросится изъ своихъ дѣтскихъ и кухонь къ избирательнымъ урнамъ. Думаютъ, что если женщины примутъ дѣятельное участіе въ политической жизни, то въ домѣ водворится хаосъ изъ незаштопанныхъ чулковъ, непочиненныхъ рубашекъ и покинутыхъ въ люлькахъ ребятъ, раздирающихъ воздухъ своими дикими воплями. Но какъ же управляются мужчины? Ужели они бросаютъ свои лавки, свои плуги, свои должности и проводятъ время у избирательныхъ урнъ? Житейскія занятія мужчинъ также чужды политической дѣятельности, какъ и занятія женщинъ. Въ пригото-

вленіи пищи и въ уходѣ за дѣтьми рѣшительно нѣтъ ничего болѣе несовмѣстимаго съ политическими обязанностями, чѣмъ, напр., въ рытьѣ каналовъ, шитьѣ сапоговъ или другомъ какомъ необходимомъ занятіи. Въ Англіи женщина, имѣющая акціи въ остъ-индской компаніи, можетъ вотировать. Она можетъ также вотировать въ качествѣ желѣзнодорожнаго акціонера. Но если она продастъ свои акціи и купитъ домъ, то она не имѣетъ права подать голоса при проведеніи мимо ея дверей дороги, на содержаніе которой взимается налогъ съ ея дома. Скажите же, во имя здраваго смысла, почему отвѣтственная человѣческая личность, подающая свой голосъ о спеціальныхъ промышленныхъ проектахъ, не можетъ вотировать, когда дѣло идетъ о промышленномъ законодательствѣ? Точно съ такою же основательностью, съ какою мужчины признаютъ неженственнымъ участіе женщинъ въ политикѣ, женщины могутъ рѣшить, что участіе въ ней мужчинъ дѣло немужское. Мы не можемъ знать, что женственно и что нѣтъ до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ будетъ рѣшаться по теоріямъ, созданнымъ мужчинами. Теперь мы знаемъ только, что считается женственнымъ по понятіямъ и въ интересахъ мужчинъ. Мы узнаемъ, что женственно на самомъ дѣлѣ, только тогда, когда женщины получатъ то же самое равенство развитія и ту же самую свободу, какія имѣютъ и мужчины. Предлагаемая мною поправка есть только просьба о томъ, чтобы вы избавили женщинъ отъ ихъ неправоспособности и предоставили имъ такую же свободу выбора, какою пользуемся мы.

Когда, поэтому, комитетъ объявляетъ, что вотированіе несовмѣстимо съ распредѣленіемъ функцій между полами, то какой смыслъ заключается въ этомъ? Ужели женщины менѣе заинтересованы въ хорошемъ управленіи, чѣмъ мужчины? Мы видимъ неправду въ законодательствѣ, злоупотребленія въ судахъ; у насъ есть госпитали, смирительные дома, тюрьмы, игорные дома, билліардныя залы; у насъ на каждомъ углу кабаки, и я не знаю, какое громадное число преступленій въ штатѣ порождается ими; у насъ въ штатѣ 40.000 пьяницъ и сотни тысячъ дѣтей ихъ,—все это предметы, которыми занимается законодательство; но при исключительно мужскомъ законодательствѣ преступленіе, соединенное со всѣми этими явленіями, становится громаднымъ и сложнымъ. Ужели жены, матери и сестры нью-іоркскихъ жителей имѣютъ менѣе жизненныхъ интересовъ въ этомъ и менѣе практическаго знанія, чѣмъ ихъ мужья и отцы. Никто не дойдетъ до такого безумія, чтобы утверждать это. Или женщины отъ природы неспособны понимать политическія дѣла? Но и этого никто не утверждаетъ. Или у нихъ не хватаетъ необходимаго для политики разума? Но коль скоро вы пользуетесь этимъ мѣриломъ разума для исключенія женщинъ, какъ пола, то вмѣстѣ съ ними, на томъ же самомъ основаніи, должно лишить избирательныхъ правъ и большинство мужчинъ. Или, можетъ быть, имъ нельзя бывать на общественныхъ политическихъ митингахъ? Но мы сами же приглашаемъ ихъ. Или имъ не слѣдуетъ ходить въ мѣста выборовъ? Конечно, нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ, въ большихъ городахъ, грязны и опасны; но долгъ полиціи устранить эти недостатки. Вѣдь никакой же порядочный мужчина не желаетъ вотировать въ кабакѣ или получить въ это время проломъ своей головы. Опусканіе избирательнаго шара въ ящикъ —актъ самый простой, краткій и невинный, какой только можно себѣ представить. Прошедшей зимой сенаторъ Фрелингтейзенъ, повторяя обычныя риторическія фразы, говорилъ о возвышенной и святой миссіи женщинъ. Но если люди съ возвышенною и святою миссіей могутъ безъ ущерба для своей нравственности, съ обнаженными грудями, сидѣть до полночи въ театрахъ, подвергаясь изученію каждаго посредствомъ бинокля, то какимъ образомъ ихъ возвышенная и святая миссія можетъ пострадать отъ опусканія въ ящикъ избирательнаго шара? Въ чемъ въ другомъ состоитъ эта возвышенная и святая миссія женщины, какъ не въ томъ, чтобы быть по возможности лучшимъ, дѣятельнѣйшимъ, человѣчнымъ существомъ? Расширять сферу долга и степени отвѣтственности, при соотвѣтствующихъ этому способностяхъ и разумѣ, значитъ возвышать, а не ослаблять святость жизни.

Но если женщины будутъ вотировать, то онѣ должны засѣдать и на скамьѣ присяжныхъ. Почему же и нѣтъ? У насъ обыкновенно каждый годъ тысячи женщинъ подвергаются слѣдствію, какъ преступники, и не судятся судомъ своихъ равныхъ. И если извѣстная женщина достаточно дурна для того, чтобы совершить гнусное преступленіе, то не нелѣпо ли съ нашей стороны предполагать, что женщины слишкомъ хороши для того, чтобы знать, что есть на свѣтѣ подобныя преступленія? Если онѣ не могутъ быть присяжными, то, конечно, не должны быть и свидѣтелями. Въ одной старой книгѣ сэра Джорджа Маккензи говорится: «Женщины устраняются отъ свидѣтельства или потому, что онѣ слишкомъ уже подвержены чувству сострадательности, и поэтому не должны быть принимаемы въ уголовныхъ дѣлахъ болѣе, чѣмъ въ гражданскихъ; или же потому, что законъ не хотѣлъ безпокоить ихъ и ставить ихъ въ слишкомъ уже фамильярныя отношенія съ чужими мужчинами, что естественно случилось бы, если бы женщины постоянно появлялись въ судахъ». По свидѣтельству Юма, этого правила держались вплоть до начала XVIII вѣка. Но если слишкомъ уже фамильярныя отношенія къ мужчинамъ такъ пагубны, то ужели эти мужчины столь чисты, что они одни могутъ составлять законы для женщинъ, ужели они столь честны, что одни могутъ судить женщинъ за нарушеніе этихъ законовъ? Нѣсколько лѣтъ на ливерпульскихъ ассизахъ, при обсужденіи дѣла, по которому давались особенно важныя свидѣтельскія показанія, м-ръ Россель говорилъ, что «свидѣтельство женщинъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше мужского. Ихъ способность къ обсужденію мельчайшихъ подробностей лучше, и когда на лицо болѣе двухъ фактовъ и

кое-чего не достаетъ, онѣ своими догадками дополняютъ этотъ недостатокъ». «Качества же, которыя дѣлаютъ ихъ способными давать свидѣтельское показаніе, дѣлаютъ ихъ способными и разбирать или изслѣдовать его,»—говоритъ миссисъ Даль.

Но—продолжаютъ оппоненты—вы хотите, чтобы женщины поступали на государственную службу? Почему же и нѣтъ, если онѣ способны къ ней и желаютъ этого? Въ моемъ сосѣдствѣ есть почтмейстерша, которая вотъ уже семь лѣтъ извѣстна за такого превосходнаго чиновника, что когда прошелъ слухъ объ ея смѣнѣ, то это затронуло за живое все общество. «Антикваріи» Скотта показываетъ, что примѣры подобной службы бывали въ Шотландіи. Александръ Андрью говоритъ, что «не было дѣломъ необыкновеннымъ, что женщины занимали должности смотрителей въ сельскихъ приходахъ». Графиня Ричмондъ, мать Генриха VII, была мировымъ судьей. Леди Бартлетъ также была мировымъ судьей и въ Глочестершейрѣ обыкновенно засѣдала на скамьѣ вмѣстѣ съ судьями; она была назначена королевой Маріей. Графиня Пемброкъ была наслѣдственнымъ шерифомъ въ Уэстморлендѣ и отправляла свои обязанности. Генрихъ VIII поручилъ одно судебное слѣдствіе леди Аннѣ Беркелэ, которая открыла его въ Глочестерѣ и постановила приговоръ. Дочь Генриха VIII, Елисавета Тюдоръ, была королевою Англіи, по имени и на самомъ дѣлѣ, въ самый блестящій періодъ англійской исторіи. Была ли Елисавета неспособна? Поступала ли она несообразно со своимъ поломъ? Или вы скажете, что это была исключительная женщина? Да, она была исключительная женщина, но не болѣе, чѣмъ Альфредъ, Маркъ Аврелій или Наполеонъ были исключительными мужчинами. Нѣкоторые изъ старинныхъ англійскихъ писателей держатся того мнѣнія, что женщина можетъ исполнять почти всѣ важнѣйшія должности въ королевствѣ И дѣйствительно, если Викторія можетъ разсуждать въ совѣтѣ со своими министрами, то почему же другая какая-нибудь способная англичанка не можетъ разсуждать въ парламентѣ или американская женщина въ конгрессѣ?... Если не женственно для женщины вотировать или занимать должность, то не женственно и для Викторіи быть королевой Англіи. Для составленія законовъ не нужно никакихъ такихъ талантовъ и никакой премудрости, которые были бы исключительно свойственны мужескому полу. Тутъ нужны только умъ да опытность.

Способность составлять законы необходимо предполагается, коль скоро женщинамъ дозволяютъ владѣть и управлять собственностью и подлежать обложенію налогами. Какъ часто женщина, вдовая, замужняя или одинокая, является руководящимъ геніемъ семейства—воспитываетъ дѣтей, управляетъ имѣніемъ, даетъ инициативу, совѣтуетъ, рѣшаетъ. Развѣ есть какое-нибудь существенное различіе между подобными обязанностями и способностью исполнять ихъ и законодательною дѣятельностью. Въ Нью-Джерсеѣ конституція 1776 г. допускала къ выборамъ всѣхъ жителей извѣстнаго возраста, живущихъ въ извѣстной мѣстности и имѣющихъ извѣстную собственность. Въ 1797 г., въ актѣ, регулировавшемъ выборы, говорилось: «каждый избиратель долженъ явно и въ виду всѣхъ класть *его или ея* билетъ съ написанными на немъ именами лицъ, за которыхъ *онъ или она* подаетъ голосъ». Одинъ нью-джерсейскій старожилъ говоритъ, что «это право было вполнѣ признаннымъ, и о немъ даже мало говорили и думали». Но въ 1807 г. право голоса было ограничено только бѣлыми гражданами мужескаго пола извѣстнаго возраста, состоянія и мѣстожительства, а въ 1844 г. былъ уничтоженъ имущественный цензъ. Не показываетъ ли такое устраненіе женщинъ, что ихъ вотированье найдено неудобнымъ или нежелательнымъ? Вовсе нѣтъ. Это показываетъ только, что мужчины собственники забаллотировали женщинъ, что нисколько не касается права и способности женщины вотировать. М-ръ Дугласъ, какъ я уже говорилъ, составилъ теорію, въ силу которой бѣлые совершеннолѣтніе колонисты извѣстной мѣстности имѣютъ право рѣшать, должно или нѣтъ обращать въ рабство цвѣтныхъ жителей. Они, конечно, могутъ рѣшать такъ и даже, при имѣніи необходимой для того силы, могутъ осуществлять свои рѣшенія. Но это ни мало не будетъ говорить въ пользу рабства на ихъ территоріи. Мужчины, занимаясь практическимъ вопросомъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ, имѣютъ въ виду только свои собственныя цѣли. Двадцать пять лѣтъ назадъ канадское управленіе въ ясныхъ и строгихъ выраженіяхъ запретило женщинамъ вотировать. Но въ 1850 г., ради извѣстной сектаторской цѣли, имъ дозволили участвовать въ выборахъ школьныхъ попечителей. Мнѣ совѣстно даже касаться столь пошлаго пункта. Если въ чемъ и нуждается политическая практика нашего штата, такъ это въ *совѣсти*, а женщина—совѣсть расы. Если мы въ этомъ собраніи должны составить мудрую конституцію, если другіе послѣ насъ въ этой залѣ будутъ исправлять законы и наблюдать за должнымъ ихъ выполненіемъ, то намъ необходимо постепенно пріучаться къ той утонченной нравственной и умственной атмосферѣ, въ которой обыкновенно вращается женщина. Это собраніе обязано принимать мѣры къ улучшенію государственнаго управленія. Но если законодательство и администрація унизились до оправданія политическаго мазурничества и къ нимъ не можетъ прикоснуться, не замаравшись, ни одна чистая рука, то, начиная дѣло своего очищенія, не должны ли мы вспомнить, что политикою до сихъ поръ всецѣло заправляли одни только мужчины. Какъ же очистить ее? Ужели нѣтъ для этого никакого радикальнаго средства, никакой неиспытанной еще силы, не одной только силы искуснаго надзора, но и силы контролирующаго характера? Если бы мы сидѣли въ этой залѣ съ закрытыми окнами до тѣхъ поръ, пока воздухъ сдѣлался бы сгущеннымъ и удушливымъ, то не были ли бы мы глупцами, если бы, забывъ о великомъ очистителѣ, начали вспрыскивать залу растворомъ хлористой извести и

жечь ассафетиду? Для освѣженія комнаты намъ стоило бы только открыть настежь окна, и благорастворенный лѣтній воздухъ тотчасъ выгналъ бы всѣ нечистые газы и далъ бы новую жизнь нашимъ легкимъ. И если мы хотимъ очистить политику, то стоитъ только пустить на нее мощный потокъ чистѣйшаго гуманнаго вліянія, какое только извѣстно намъ.

Нѣкоторые говорятъ, что если женщины будутъ вотировать, то онѣ должны также отбывать и военную службу. Нѣтъ сомнѣнія, что когда нація идетъ на войну, то она имѣетъ полное право требовать услугъ ото всѣхъ своихъ гражданъ, мужчинъ и женщинъ. Но война не ограничивается однимъ только нанесеніемъ ударовъ. Важная задача ея заключается въ томъ, чтобы сдѣлать удары дѣйствительными. Ужели храбрый англичанинъ, бросавшійся въ челюсти смерти подъ Балаклавой, вѣрнѣе сослужилъ на полѣ битвы свою службу, чѣмъ Флоренсія Найтингаль? То, что поддерживаетъ, сохраняетъ, возобновляетъ физическую силу, точно также существенно важно, какъ и самая сила. Законъ, въ виду нравственныхъ услугъ, оказываемыхъ духовными, избавляетъ ихъ отъ военной повинности; да и на войнѣ-то десять человѣкъ изъ ста не носятъ оружія и не сражаются, а только служатъ остальному войску. Женщины, какъ граждане, всегда участвовали и всегда желаютъ участвовать, нисколько не менѣе мужчинъ, въ этой общей защитѣ отечества. Уходъ за ворнами, безвѣстные и безчисленные труды въ госпиталяхъ и дома точно также важны для національной безопасности, какъ и участіе въ битвахъ. Но если физическія услуги во время войны равно распредѣляются между полами, то моральныя силы оказываются болѣе значительными у женщинъ. Женщины Юга поддерживали мятежъ, а безъ женщинъ Сѣвера не могло бы спастись государство. Съ перваго момента войны до послѣдняго, во всѣхъ шумныхъ городахъ, въ отдаленныхъ долинахъ, въ дремучихъ лѣсахъ, на сельскихъ холмахъ, въ открытыхъ лугахъ, всюду, гдѣ только были жены, матери, сестры, возлюбленныя, тамъ были и занятыя руки, которыя не переставали работать ночь и день, въ продолженіе четырехъ длинныхъ лѣтъ. Мать бросала работу только для того, чтобы благословить своихъ сыновей, летѣвшихъ на битву; жена,—чтобы поцѣловать уходившаго отца своихъ дѣтей; сестра улыбалась брату и молилась за возлюбленнаго, которые отправлялись туда же. Сколько сотъ тысячъ домовъ и сердецъ на вѣки лишились ушедшихъ, но не возвратившихся! Но эти дома и сердца были и воодушевленіемъ, и утѣшеніемъ людей, сражавшихся на полѣ битвы. Они укрѣпляли руку, которая билась за нихъ. Когда сынъ или мужъ падали въ ужасной свалкѣ битвы, храброе сердце женщины разбивалось въ тишинѣ, но ея пальцы не переставали работать. Когда милый братъ или возлюбленный страдали до сумасшествія, до отчаянія, любящее сердце женщины поддерживало ихъ духъ, а ея непрестанныя заботы возстановляли его здоровье. Это высшая моральная сила дѣйствовала посредствомъ безчисленныхъ каналовъ, подобно солнечному свѣту, оживотворяющему природу, и безъ нея успѣшная война была бы невозможна. И вотъ, тысячи и тысячи этихъ женщинъ просятъ теперь права голоса въ томъ управленіи, которое онѣ защищали. Можно ли отказать имъ?

Я снова обращаюсь къ моему достопочтенному другу, докладчику комитета. Онъ рыскалъ по странѣ съ воплями о всеобщей подачѣ голосовъ и полной амнистіи. Право голоса и амнистію кому же? Тѣмъ, которые старались утопить государство въ крови его благороднѣйшихъ гражданъ, тѣмъ, которые разрушили столько семейныхъ счастій и разбили столько женскихъ сердецъ. Господа, я не осуждаю его воплей. Я не противорѣчу его политикѣ. Я не болѣе, чѣмъ онъ, жажду мести и также сильно, какъ мой благородный другъ, желаю видѣть жатву мира на поляхъ битвъ. Но, господа, въ Нью-Іоркѣ есть одна мать, воспитавшая своего сына въ вѣрности Богу и отечеству. Когда страна сдѣлала воззваніе, оба они отвѣчали на него. Мать и сынъ, по своему каждый, содѣйствовали защитѣ отечества. Злая судьба войны сразила юношу въ страшный день при Андерсонвиллѣ. Умирая отъ жажды, онъ поползъ, чтобы напиться изъ тинистаго пруда; но его застрѣлилъ часовой, убилъ за вѣрность отечеству. «Я требую амнистіи этому часовому, я требую, чтобы онъ вотировалъ»,—вопіетъ достоуважаемый докладчикъ комитета. И я не говорю, что его требованіе неразумно. Но я спрашиваю его, спрашиваю васъ, спрашиваю каждаго честнаго и патріотическаго гражданина въ этомъ штатѣ, на какомъ достаточномъ основаніи справедливости, опыта или здраваго смысла мы дадимъ избирательный шаръ убійцѣ нью-іоркскаго юноши и откажемъ въ немъ его матери?

Я изложилъ всѣ существенныя основанія предлагаемой мною поправки. Не добро человѣку быть одному. Онъ соединяется съ женщиной въ созданіи человѣческаго общества; ихъ право и интересы въ управленіи имъ тожественны; общество до тѣхъ поръ не въ состояніи достичь высшей ступени своего дѣйствительнаго развитія, пока одинъ полъ не перестанетъ предписывать границы свободѣ и дѣятельности другого пола. Высота цивилизаціи измѣряется положеніемъ женщинъ. Гдѣ онѣ совершенныя рабыни, тамъ мужчина совершенный варваръ; мѣрою перехода отъ варварства къ цивилизаціи служитъ признаніе за женщиной равныхъ съ мужчиною правъ на свободное развитіе. Поэтому, когда м-ръ Милль вноситъ въ парламентъ свою петицію о политической равноправности женщинъ, то мы видимъ подъ нею подписи тѣхъ англійскихъ мужчинъ и женщинъ, идеи которыхъ служатъ предтечами дальнѣйшихъ успѣховъ цивилизаціи. Мѣру, которую докладъ комитета объявляетъ совершенно революціонною и опасною для истинныхъ функцій пола, мудрѣйшій изъ современныхъ политическихъ мыслителей считаетъ разумною, охранительною, необходимою и неизбѣжною. Разсвѣтъ въ Англіи скоро превратится въ ясный день у насъ. Передъ американскимъ принципомъ равноправности падаютъ пре-

града за преградой на пути человѣческаго прогресса. И если мы еще далеки отъ его полнаго усвоенія и отъ совершеннаго согласованія съ нимъ законовъ, то онъ въ этомъ случаѣ испытываетъ такую же судьбу, какъ и духъ христіанства, къ полной славѣ котораго медленно приближаются христіане. Отъ шумной и хлопотливой политики мы обращаемъ свои взоры къ вѣчному сіянію этого принципа, и видимъ, что узурпація пола — послѣдняя форма касты, которая гнѣздится еще въ нашемъ обществѣ.

КНИГА ВТОРАЯ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская женщина до сихъ поръ не имѣетъ своего историка. Какихъ-нибудь два-три опыта изслѣдованій объ историческихъ судьбахъ ея, въ родѣ книжки г. Добрякова, не стоятъ даже и того, чтобы упоминать о нихъ.

Между тѣмъ, въ виду вопросовъ эмансипаціи, волнующихъ современныя женскія поколѣнія, знаніе былыхъ судебъ русской женщины представляется не только интереснымъ, но и практически-полезнымъ для дѣла освобожденія. Настоящее есть результатъ прошедшаго и постоянно находится подъ вліяніемъ традиціоннаго авторитета; мы убѣждаемся на каждомъ шагу, что въ современной жизни дѣйствуетъ такъ много архаическихъ принциповъ, что о прошедшемъ нельзя говорить, не задѣвая, въ то же время, жизненныхъ вопросовъ дня. Цѣлые отдѣлы современной жизни принадлежатъ вовсе не нашему времени, а служатъ только остатками того стариннаго быта, отъ котораго цивилизованное меньшинство давнымъ-давно уже отдѣлалось навсегда. Брачная и семейная жизнь крестьянства, мѣщанства, купечества, духовенства, мелкаго чиновничества, напр., по своимъ основнымъ характеристическимъ чертамъ имѣетъ такъ мало общаго съ современными понятіями и формами, что мы имѣемъ полное основаніе разсматривать ее въ связи съ жизнью русскаго общества XVI и XVII столѣтій. Такая классификація историческихъ данныхъ кажется намъ не только полезною въ практическомъ отношеніи, но и необходимою для большаго уясненія прошлаго посредствомъ тѣхъ остатковъ его, которые продолжаютъ существовать до сихъ поръ, вслѣдствіе того обстоятельства, что низшіе и частію средніе классы все еще остаются чуждыми того умственнаго и соціальнаго движенія, которое совершается въ средѣ европейски-образованныхъ слоевъ націи. Поэтому, разсматривая семейную и брачную жизнь среднихъ и низшихъ классовъ XVIII и XIX столѣтій, въ связи съ исторіей до-петровской женщины, мы, начиная съ XVIII вѣка, будемъ слѣдить только за судьбами женщины цивилизованнаго общества.

Тяжка и незавидна была судьба русской женщины: много слезъ пролито ею на пути ея историческаго существованія; много горя, униженія и рабства вынесла она въ семейной и общественной жизни, не искупивъ своихъ страданій ничѣмъ, что могло бы возвысить и отмѣтить ее въ исторіи человѣчества. Мало того, что, по словамъ поэта,—

Три тяжкія доли имѣла судьба:
И первая доля—съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая—быть матерью сына-раба,
А третья—до гроба рабу покориться,—
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли...

Мало этого. Независимо отъ полнѣйшаго политическаго рабства и безусловной подчиненности семейству, идея женской отверженности проникла собою всю старинную жизнь, освящаясь религіей, закономъ, обычаями и всѣми гражданскими и общественными учрежденіями. Съ этимъ согласно большинство нашихъ историковъ. Но ни одинъ изъ нихъ не обратилъ должнаго вниманія на то обстоятельство, что женщина старалась освободиться изъ этого положенія, что она боролась съ враждебными ей началами и улучшала постепенное свою незавидную долю. Правда, что въ большинствѣ случаевъ это была борьба глухая, пассивная, едва замѣтная для посторонняго зрителя, но, тѣмъ не менѣе, самый фактъ борьбы не подлежитъ сомнѣнію. И противодѣйствіе русской женщины всему, что давило и порабощало ее, было достаточно сильнымъ, чтобы доставить ей нѣсколько такихъ правъ, за пріобрѣтеніе которыхъ до сихъ поръ еще борется современная женщина самыхъ развитыхъ странъ Европы.

Да, русскія женщины, позади васъ лежатъ цѣлыя столѣтія, ознаменованныя тяжкими страданіями вашихъ прародительницъ и ихъ борьбою за свое освобожденіе. Наше время, продолжая эту борьбу, придало ей другой характеръ, поставило для нея болѣе существенныя и возвышенныя цѣли. Старая, тысячелѣтняя борьба въ нашихъ дни не только продолжается, но и значительно усиливается. Твердо же пойдемъ впередъ съ полною надеждою на будущее освобожденіе женщины, и если даже намъ не суждено дожить до дня окончательной побѣды, то мы все-таки можемъ насладиться хотя постепеннымъ осуществленіемъ своихъ идей и умереть—

Съ вѣрой, что вызовутъ наши гробы
Новое племя для новой борьбы!...

Настоящій очеркъ въ первый разъ былъ напечатанъ подъ другимъ заглавіемъ въ журналѣ «Дѣ-

ло». Исправивъ и значительно дополнивъ его, авторъ рѣшился издать его отдѣльною книгою, хотя и сознавалъ всѣ его недостатки, зависящіе сколько отъ неразработанности предмета, столько же и отъ того обстоятельства, что авторъ писалъ его въ одномъ изъ самыхъ глухихъ медвѣжьихъ уголковъ провинціи, лишенный многихъ важныхъ пособій, доступныхъ столичному писателю. Но при всемъ этомъ авторъ думалъ, что какъ первый и единственный опытъ обзора исторіи русской женщины и какъ дополненіе къ его книгѣ: «Историческія судьбы женщины, Дѣтоубійство и Проституція» — настоящій трудъ его будетъ не безполезнымъ для развитія у насъ женскаго самосознанія.

Успѣхъ книги и необходимость новаго изданія оправдали его надежды.

Авторъ пользовался слѣдующими источниками и пособіями:

1. Полное собраніе русскихъ лѣтописей.
2. Акты историческіе, 5 томовъ.
3. Дополненія къ актамъ историческимъ. 9 т.
4. Полное собраніе законовъ россійской имперіи, первые 18 т.
5. Памятники старинной русской литературы, изд. подъ редакціей Костомарова и Пыпина, 4 т.
6. Русскія пѣсни изъ собранія Якушкина.
7. Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ.
8. Этнографическій сборникъ русскаго географическаго общества, 5 т.
9. Терещенко. Бытъ русскаго народа, 7 ч. 1848.
10. Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, 2 т.
11. Кулишъ. Записки о южной Руси, 2 т.
12. В. Шульгинъ. О положеніи женщинъ до Петра В., 1850.
13. Добряковъ. Русская женщина въ домонгольскій періодъ, 1866.
14. Забѣлинъ. Бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст., 1869.
15. Спасовичъ. Объ отношеніяхъ супруговъ по древнепольскому праву, 1857.
16. Кошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.
17. Крижаничъ. Русское государство въ половинѣ XVII в.
18. Домострой, 1867.
19. Стоглавъ, 1863.
20. Книга Пчела, во Временникѣ общества исторіи, томъ 25-й.
21. Нильскій. Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ, 2 ч., 1869.
22. Соловьевъ. Исторія Россіи, 20 т.
23. Костомаровъ. Историческія монографіи, 8 т.
24. Костомаровъ. Очеркъ жизни великорусскаго народа въ XVI и XVII ст., 1861.
25. Неволинъ. Исторія русскихъ гражданскихъ законовъ, 3 т. 1858.
26. Калачовъ. О значеніи Кормчей книги въ системѣ древнерусскаго права, 1850.
27. Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, 3 т., 1866—1869.
28. Макушевъ. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ, 1861.
29. Иконниковъ. О культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, 1869.
30. Буслаевъ. Историческіе очерки русской словесности и искусства, 2 т., 1862.
31. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи, Калачова, 3 тома.
32. Архивъ историко-практическихъ свѣдѣній о Россіи, его же, 6 книгъ.
33. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ за годы 1858—1869.
34. «Русскій Архивъ» за годы 1864—1875.
35. Восемнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ Бартенева, 4 т.
36. Архивъ кн. Воронцова, 1870.
37. «Русская Старина» за годы 1870, 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 г.
38. Сборникъ русскаго историческаго общества, 6 т., 1867—1871.
39. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ синода, 1868.
40. Филаретъ. Исторія русской церкви, 5 частей.
41. Щаповъ. Расколъ старообрядства, 1859.
42. Записки Г. Р. Державина, 1859.
43. Записки Нащокина, 1842.
44. Записки Грибовскаго, 1862.
45. Записки Энгельгарта, 1867.
46. Записки Храповицкаго.
47. Записки Лопухина.
48. Записки адмирала Шишкова.
49. Записки Мертваго, 1867.
50. Воспоминанія Вигеля, 3 т., 1866.
51. Взглядъ на мою жизнь—И. И. Дмитріева, 1866.
52. Мелочи изъ запаса моей памяти—М. Дмитріева, 1869.
53. Записки современника, Жихарева, 1856.
54. Записки гр. Блудовой, въ «Зарѣ», 1871, III т.
55. Записки Е. А. Хвостовой, 1871.
56. Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи, 2 т. 1869.
57. Галаховъ. Исторія русской словесности, 2 т., 1863—1868.
58. Аѳанасьевъ. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 г., 1859.
59. Поповъ. Татищевъ и его время, 1861.
60. Пекарскій. Маркизъ де-ла Шетарди въ Россіи, 1862.
61. Барсовъ. Русскій простонародный мистицизмъ, 1869.
62. Анучинъ. Матеріалы для уголовной статистики Россіи, 1865.
63. Мордовцевъ. Самозванцы и понизовая вольница, 2 т., 1867.
64. Шашковъ. Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири, въ «Отечеств. Запискахъ», 1867, кн. XX—XXII.

65. Муравьевъ. Житія святыхъ россійской церкви, 12 т.

66. Аксаковъ. Семейная хроника и воспоминанія, изд. 4-е, 1870.

67. Труды архангельскаго статистическаго комитета за 1865—1868 г., 3 т.

68. Путешествіе Олеарія.

69. Исторія о великомъ княжествѣ московскомъ—Петрея.

70. Дневникъ Корва.

71. Дневникъ Берхгольца, 6 ч., 1863.

72. Статьи Семевскаго: «Слово и дѣло», «Фрейлина Гамильтонъ», «Семейство Монсовъ», и др.

73. Мордовцевъ. Русскіе чародѣи и чародѣйки конца прошлаго вѣка. «Заря», 1871, I.

74. Филипповъ. Взглядъ на русскіе гражданскіе законы. «Современникъ», 1861.

75. Чины свадебные, во «Временникѣ», т. 25.

76. По поводу женскихъ характеровъ въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ. «Современникъ», т. CXIII.

77. Жалоба женщины, id., LXIII.

78. Добролюбовъ. Сочиненія.

79. Бѣлинскій. Сочиненія.

80 Лядовъ. Историческій очеркъ Смольнаго института, 1864.

81. Нина Р. Хроника Смольнаго монастыря въ царствованіе Екатерины II, 1864.

82. Крыловъ. Слѣдователь въ Сибири, сборникъ «Лучъ», 1866.

83. Головачовъ. О женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, «Русск. Вѣстникъ», т. XXVIII.

84. Кузнецовъ. Историко-статистическій очеркъ проституціи и сифилиса въ Москвѣ. «Архивъ Судебн. Медиц.», 1870, IV.

85. Ольга Алексѣева. Женскій трудъ въ теоріи и жизни. «Недѣля», 1870, № 18, 19, 20.

86. Португаловъ. Женскій и мужской вопросъ въ провинціи, id., № 42.

87. Женщины въ Казанскомъ университетѣ, id., № 49.

88. Любавскій. Объ уравненіи наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ. «Журн. Министерства Юстиціи», т. XX.

89. Кавелинъ. Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія.

90. Мулловъ. Значеніе народныхъ юридическихъ обычаевъ. «Журн. Мин. Юст.», т. XI.

91. Мулловъ. Женщина, какъ подсудимая и преступница, id., т. VII.

92. Мулловъ. О вліяніи ссылки на бракъ по русскимъ законамъ, id., т. VIII.

93. Карновичъ. О женскомъ трудѣ въ Петербургѣ, 1865.

94. Кузнецовъ. Проституція и сифилисъ въ Россіи, 1871.

95. Медико-топографическій Сборникъ, 2 т. 1869—1871.

96. А. Чужбинскій. Очерки прошлаго, 4 т.

97. Состояніе Россіи при Петрѣ В. — капитана Перри, 1871.

98. Записки Добрынина, изд. 2-е, 1872.

99. Кавелинъ. Сочиненія, 4 т., 1859.

100. Граціанскій. О степени распространенія секретныхъ болѣзней въ Петербургѣ, 1871.

101. Назарьевъ. Въ глушн. «Вѣстникъ Европы», 1872, II.

102. Третьяковъ. Туруханскій край, 1871.

103. Записки князя Шаховского, 1872.

104. Костомаровъ. Великорусская нѣсенная поэзія. «Вѣстникъ Европы», 1872, VI.

105. Благовѣщенскій. Средибогомольцевъ. 1872.

106. А. Ефименко. Крестьянская женщина. «Дѣло», 1873.

107. Костомаровъ. Екатерина I. «Древи. и Нов. Россія», 1877, I.

108. Забѣлинъ. Исторія русской жизни, т. I, 1876.

109. Щаповъ. Положеніе женщины въ Россіи по до-петровскому воззрѣнію. «Дѣло», 1872.

1879 г.

Въ настоящемъ изданіи сочиненіе это печатается безъ перемѣнъ со 2-го изд. 1879 г.

I.

Въ сочиненіи моемъ «Историческія судьбы женщины» читатель найдетъ много данныхъ, доказывающихъ, что въ первобытной жизни народовъ женщина была гораздо свободнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ при дальнѣйшемъ развитіи человѣческихъ обществъ. Она успѣшно боролась противъ своего гнета, она не только могла держаться наравнѣ съ мужчиной, но даже нерѣдко достигала полнаго преобладанія надъ нимъ; она была главою семьи и родство по матери служило основнымъ принципомъ зачаточной общественной жизни.

Остатки такихъ первобытныхъ порядковъ мы видимъ и въ жизни древнихъ славянъ.

Если бы не достовѣрныя историческія свидѣтельства, то, зная характеръ современныхъ славянскихъ народовъ, трудно было бы повѣрить, что ихъ предки отличались такою сильною любовью къ свободѣ и независимости, что возбуждали изумленіе въ грекахъ и римлянахъ эпохи паденія. «Даже рабы, по словамъ Маврикія, содержались у славянъ въ неволѣ не всю жизнь, какъ это бываетъ у другихъ народовъ, но, по прошествіи извѣстнаго времени, имъ предоставлялось на выборъ: или возвратиться на родину, заплативъ выкупъ, или остаться у славянъ людьми свободными и друзьями». Любовь славянъ къ свободѣ была столь общеизвѣстною, что въ законодательныхъ памятникахъ встрѣчаются выраженія: «свободенъ, какъ славянинъ», или: «свободолюбивъ, какъ славянинъ».

Эту черту, столь естественную у первобытнаго и воинственнаго народа, мы замѣчаемъ и въ характерѣ древне-славянской женщины. Она еще не окончательно покорена мужчиною, не превратилась еще въ служанку семьи и въ подневольную одалиску мужа, безотвѣтную и безсильную передъ своимъ владыкой. Узы брака еще не окрѣпли, а у нѣкоторыхъ народовъ остатки первобытной по-

ловой свободы доходили до полнаго гетеризма. Въ языческой Чехіи, по словамъ лѣтописца Козьмы Пражскаго, «какъ свѣтъ солнца, какъ влага водъ, общимъ достояніемъ всѣхъ были и луга, и нажити, и даже самые браки были общими. Бракъ продолжался одну ночь. На утро разрывались цѣпи любви. Тогда позволялось мужу имѣть чужую жену и женѣ выходить за чужого мужа». Это отсутствіе брака и полная общность женщины, которыя мы встрѣчаемъ въ первобытной жизни всѣхъ народовъ, исчезли у славянъ уже въ самомъ началѣ той эпохи, когда на это племя было обращено вниманіе иностранцевъ, оставившихъ намъ свѣдѣнія объ ихъ жизни и нравахъ. Хотя мы уже видимъ въ это время у славянъ и сильную отеческую власть, и бракъ, основанный на умыканіи невѣсты, но въ то же самое время остатки первобытной половой свободы продолжаютъ держаться въ славянской жизни, благодаря усиліямъ женщинъ. Самое умыканіе дѣвушекъ сплошь и рядомъ превращалось изъ насилія въ дѣло свободнаго договора жениха и невѣсты. «Славяне—разсказываетъ Несторъ—сходились на игрища, устроенныя между селеніями, и тутъ умыкали себѣ въ жены дѣвушекъ, съ которыми сговаривались прежде». Въ Архангельской губерніи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири такіе порядки существуютъ и до сихъ поръ. Здѣсь женихи сплошь и рядомъ воруютъ любимыхъ ими невѣстъ, родители которыхъ несогласны на ихъ замужество. Сговоръ объ уходѣ между парнемъ и дѣвушкой, какъ и во времена Нестора, совершается чаще всего на игрищахъ. Въ этихъ хороводныхъ играхъ и пѣсняхъ, уцѣлѣвшихъ отъ древнихъ временъ, мы также видимъ ясные слѣды тѣхъ свободныхъ сговоровъ и обоюднаго выбора женіховъ и невѣстъ, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ. Мало того, что въ этихъ играхъ парни выбираютъ себѣ дѣвушекъ, а дѣвушки парней и составляютъ *пары*, и что въ хороводахъ выборъ пары предоставляется дѣвушкамъ наравнѣ съ парнями,—часто мужчины и женщины составляютъ двѣ отдѣльныя партіи, которыя сходятся затѣмъ, чтобы договариваться о свадьбахъ. Женщины поютъ:

«Бояре, вы зачѣмъ пришли,
«Молодые, вы зачѣмъ пришли?»

Мужчины отвѣчаютъ:

«Княгини, мы невѣстъ смотрѣть,
«Молодыя, мы невѣстъ смотрѣть!»

Затѣмъ идутъ дальнѣйшіе переговоры. На дѣйствительность подобныхъ сходбицъ партіи невѣстъ и партіи женіховъ указываютъ и чешскія хроники. Козьма Пражскій, разсказавъ легенду о борьбѣ дѣвушекъ съ юношами, говоритъ, что обѣ стороны заключили перемиріе и устроили трехдневное общее празднество. «Вступаютъ юноши на пиръ съ дѣвицами, какъ хищные волки, ищущіе добычи. Весело проводятъ они первый день въ питьѣ и ѣдѣ. Чѣмъ больше пьютъ, тѣмъ больше возрастаетъ жажда. Едва къ ночи затихаетъ пиршество. Настала ночь. На ясномъ небѣ сверкнула луна. Вдругъ затрубилъ одинъ юноша и, подавъ этимъ знакъ, закричалъ: «Полно пить, ѣсть, играть! Вставайте, зоветъ васъ любовь!»—Юноши тотчасъ бросаются на дѣвушекъ и умыкаютъ ихъ. Все это напоминаетъ намъ разсказы объ амазонкахъ, о гинейократическихъ первобытныхъ народахъ, о современныхъ папуасахъ сѣверной Австраліи, у которыхъ до сихъ поръ можно встрѣтить общества женщинъ, живущія совершенно особо отъ мужескихъ обществъ. Весною, когда половой инстинктъ пробуждается, самцы начинаютъ гоняться за самками, полы сходятся тоже на своего рода *игрища*, на которыхъ и совершаются *умыканія*. Дѣтей, рожденныхъ отъ этихъ связей, матери выкармливаютъ грудью и затѣмъ, если они не принадлежатъ къ женскому полу, выпроваживаютъ изъ своего общества. Конечно, игрища временъ Нестора и Козьмы Пражскаго не имѣли уже столь грубаго, чисто животнаго характера, но все-таки они указываютъ своими чертами на тѣ первобытные порядки, изъ которыхъ они развились до формъ, извѣстныхъ намъ *). Умыканіе и бракъ были далеко не единственною цѣлью этихъ сборищъ, которыя устраивались прежде всего для празднества въ честь боговъ полового наслажденія, для любви и веселья. На нихъ царила полная свобода: это были оргіи любви. Здѣсь допускались свободныя объясненія въ любви, поцѣлуи, объятія, и матери охотно посылали своихъ дочерей *поневѣститься* на игрищахъ. «Тутъ—говоритъ христіанскій обличитель этихъ празднествъ—стучатъ въ бубны, и гласъ сопѣлій, и гудутъ струны, женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе, и главамъ ихъ наклоненіе, устамъ ихъ кличъ и вопль, всесквернымъ пѣсни, и хребтамъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе, тутъ же мужамъ и отрокамъ великое прельщеніе и паденіе и женамъ и мужатымъ беззаконное осквернѣніе и дѣвамъ растлѣніе». Переяславскій лѣтописецъ говоритъ, что при этомъ «отъ плясанія, и отъ очнаго воззрѣнія, и отъ обнаженія мышцъ, и отъ перстовъ ручныхъ показанія и отъ перстней возлаганія на персты чужіе, также посредствомъ цѣлованія», мужчины «познавали, которая жена или дѣвица къ юношамъ похотѣніе имать, и плотію съ сердцемъ разжегшися, слагахуся, иныхъ поимающе, а другихъ, поругавше, метаху на посмѣяніе».

Половою свободою, проявлявшеюся, между прочимъ, на этихъ игрищахъ, пользовались въ особенности дѣвушки, какъ о томъ свидѣтельствуютъ древнія хроники и путешественники. Независимость незамужнихъ женщинъ простиралась въ древности до такой степени, что породила саги объ амазонкахъ,—саги, которыя, при всей своей фантастичности, имѣли, безъ сомнѣнія, нѣкоторое историческое основаніе. «Дѣвушки—говоритъ Козьма Пражскій — свободно росли въ чешской землѣ, упражнялись въ военномъ дѣлѣ, избирали себѣ предводительницъ, ходили на войну, занимались охотою въ лѣсахъ — однимъ словомъ, въ образѣ

*) См. объ этомъ новое изслѣдованіе Кулишера. D. Zuchtwahl bei d. Menschen in Urzeit, «Zeitschrift für Ethnographie», 1876, H. II.

жизни мужчинъ и женщинъ не было различія. Оттого смѣлость дѣвушекъ возросла до такой степени, что онѣ недалеко отъ Праги построили на одной скалѣ городъ, укрѣпленный самой природой; ему дано было имя *Дѣвинъ*. Возмущенные этимъ юноши, собравшись во множествѣ, построили себѣ на противоположной скалѣ, среди лѣса, другой городъ, который теперь зовется Вышгородъ, а тогда, отъ кустарниковъ, кругомъ его росшихъ, назывался Тростень. И то дѣвушки брали верхъ надъ юношами своею ловкостью, то юноши одолѣвали дѣвушекъ силою; были между ними то миръ, то война». Начальницею этихъ амазонокъ была одна изъ дѣвушекъ знаменитой Любуши, Власта, которой легенды приписываютъ намѣреніе превратить всю Чехію въ женское государство, лишивъ мужчинъ ихъ власти и значенія. Власта постановила закономъ воспитывать изъ дѣтей только дѣвочекъ, а мальчиковъ дѣлать неспособными къ владѣнію оружіемъ, выкалывая имъ правый глазъ и отрубая на обѣихъ рукахъ большіе пальцы. Мужчины побѣдили амазонокъ, и Власта была убита. Въ этомъ сказаніи, какъ и во всѣхъ подобныхъ, не смотря на миѳичность общаго, сгруппировано, какъ въ этомъ убѣдимся ниже, много чертъ изъ дѣйствительной жизни. Славянскія дѣвушки были воинственны и независимы по своему характеру до такой степени, что нерѣдко могли успѣшно сопротивляться хищническимъ притязаніямъ мужчины и, охраняя свою независимость, поддерживать свободный характеръ любовнаго союза. Былины сохранили намъ древніе образы богатырши, паленицы, вольной наѣздницы. Она совершенно свободно располагаетъ своимъ сердцемъ, выбирая себѣ возлюбленныхъ и по произволу мѣняя ихъ. Прекрасная королевна, къ которой однажды заѣхалъ Илья Муромецъ, спрашиваетъ его:

У тя есть ли охота, горитъ ли душа
Со мной со дѣвицей позабавиться?

Тому же Ильѣ жена Святогора предлагаетъ «сотворить съ ней любовь». Марина сама предлагаетъ Добрынѣ свою руку и сердце:

Ты Добрыня, Добрынюшка, сынъ Никитьевичъ,
Возьми-ка, Добрыня, меня замужъ за себя!

Нерѣдко подобная дѣвица ищетъ себѣ такого жениха, который былъ бы сильнѣе и могущественнѣе ея. Будущая жена Дуная, бывшая первымъ стрѣлкомъ въ Кіевѣ, отправляется во чисто поле искать себѣ супротивниковъ, съ тѣмъ, чтобы выйти замужъ за человѣка, который сумѣетъ побѣдить ее. Если предметъ страсти не поддается добровольно, то такая женщина, подобно современному ей мужчинѣ, умыкавшему невѣсту, умыкаетъ себѣ жениха. Вотъ, напримѣръ, встрѣчаетъ Добрыня «паленицу женщину великую», нападаетъ на нее, бьетъ ее «въ буйну голову своей палицей булатною»; но паленицѣ это рѣшительно ни по чемъ:

Она схватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ

и увезла къ себѣ съ тѣмъ, что «если онъ въ любовь ей придетъ», то она сдѣлаетъ его своимъ мужемъ. Такъ и вышло. Выборъ жениха невѣстою и даже слѣды умыканія жениховъ до сихъ поръ сохраняются въ малорусской жизни. Бопланъ, составившій описаніе Малороссіи въ XVII в., говоритъ, что здѣсь дѣвушки сами выбираютъ себѣ своихъ будущихъ мужей, сами сватаются за нихъ. По словамъ Терещенко, если малороссійская дѣвушка любитъ какого-нибудь мужчину, то сама упрашиваетъ родителей выдать ее за него. Со времени засватанья до свадьбы помолвленные видятся между собой почти каждый день; они ходятъ вмѣстѣ не только день, но и ночь. Невѣста появляется жениха рушникомъ, что, по словамъ сватовъ, значитъ *вязать приводна* (т.-е. приведеннаго), *чтобы онъ не убѣжалъ изъ хаты*. Это нѣсколько намекаетъ на то умыканье жениховъ, о которомъ говорятъ былины и на которое указываетъ сохраняющійся до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи свадебный обрядъ *ловли жениха*. «Родственники невѣсты выходятъ на улицу съ палками въ то время, когда женихъ подъѣдетъ къ воротамъ; они забѣгаютъ и гонятъ его палками на дворъ къ невѣстѣ; онъ бьетъ плетью своего коня и ускакиваетъ съ боярами; это дѣлается до трехъ разъ. Когда загонятъ его во дворъ, то мать невѣсты беретъ у него лошадь и привязываетъ ее къ столбу. Женихъ входитъ въ сѣни, гдѣ встрѣчаетъ его невѣста, у сестры или свахи которой дружки должны выкупать женихову шапку». Если свадебные обряды умыканія невѣсты признаются за доказательство дѣйствительнаго существованія въ древности этого обычая, то обрядъ ловли жениха, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими данными, можетъ служить основаніемъ гипотезы, что въ древности не одни мужчины умыкали женщинъ, а также и женщины умыкали и захватывали мужчинъ для брака, хотя, по всей вѣроятности, это удавалось имъ далеко не такъ часто и легко, какъ первымъ. Противодѣйствіе женщины насильной выдачѣ замужъ и стремленіе къ свободному выбору мужа были достаточно сильны, чтобы заставить уважать склонности или антипатіи невѣсты даже въ такомъ бытѣ, который совершенно враждебенъ женской свободѣ. Такъ, отецъ Рогнѣды спрашиваетъ, хочетъ ли она идти за Владиміра. «Не хочу разуть сына рабыни, но за Ярополка хочу»,—отвѣчаетъ она, и цѣлое семейство гибнетъ потому, что не хотѣло насиловать ея свободы. Такъ, князь галицкій Владиміръ Васильевичъ, предвидя свою близкую смерть, заставилъ брата своего пѣловать крестъ, чтобы «не отдавать дочери его неволею ни за кого же, но гдѣ будетъ ей любо, тутъ ее и отдати». Подобное уваженіе свободы дѣвушки не могло однакожъ прочно утвердиться въ жизни при томъ крайнемъ развитіи патріархальныхъ началъ, которое характеризуетъ собою послѣдующія эпохи нашей исторіи.

Воинственная, сильная, незадавленная еще патріархальнымъ гнетомъ славянка сохраняла значительную долю свободы и въ брачной жизни, противодѣйствуя деспотическимъ поползновеніямъ мужа. Хотя нѣкоторые иностранные писатели и говорятъ, что «жены славянъ были чрезвычайно

цѣломудренныя», но, съ другой стороны, мы имѣемъ много данныхъ, свидѣтельствующихъ, что наши древнія праородительницы не такъ охотно сносили наложенныя на нихъ брачныя узы и старались удержать за собою въ бракѣ ту же свободу, какою онѣ пользовались до замужества. И до христіанства, и долго послѣ введенія его, расторженіе брака было легко не только для мужа, но и для жены. Жены сплошь и рядомъ бросали своихъ мужей, выходили за другихъ, утѣшались съ посторонними любовниками. «Знаю я ваши умы-разумы женскіе»,—говоритъ Добрыня о современной ему женщинѣ: — «мужъ пойдетъ за дровами въ лѣсъ, а жена пойдетъ въ замужество». Если отъ мужа или любовника нельзя освободиться добромъ, женщина прибѣгаетъ къ преступленію, къ ножу, къ волшебнымъ чарамъ. Отстаивая свою свободу отъ притязаній своего нелюбимаго мужа, женщина въ то же время оказывала мощную, безграничную привязанность къ человѣку любимому. Бонифаній говоритъ, что «славяне, будучи народомъ мерзѣйшимъ и самымъ дурнымъ, соблюдаютъ однакожъ съ такою вѣрностью взаимную любовь въ супружескомъ союзѣ, что жена, по смерти мужа, сама отрекается отъ жизни, и та считается у нихъ доблестною, которая своею рукою убьетъ себя, чтобы сгорѣть съ мужемъ на одномъ кострѣ». Конечно, Бонифаній въ этомъ случаѣ сильно ошибается, приписывая обычай вдовосожженія исключительно жениной любви; но все-таки наша старина свидѣтельствуетъ, что самоубійство пережившей супруги, изъ-за любви къ покойному мужу, тогда не было рѣдкостью. Вотъ, напр., Василиса Никулишна, мужа которой погубилъ кн. Владиміръ изъ желанія обладать ею, отправляется къ трупу своего мужа.

Беретъ Василиса булатный ножъ,
Вспорола себѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла себѣ Василиса очи ясныя

и умерла рядомъ съ своимъ любимымъ Даниломъ. При такой сильной любви женщина естественно доходила до самой демонической мести за измѣну, и въ этой мести, при всей ея безчеловѣчности и отвратительности, насъ невольно увлекаетъ та мощная сила характера, которой мы почти вовсе не замѣчаемъ въ русской женщинѣ послѣдующихъ эпохъ. Вотъ дѣвушка, которой измѣнилъ ея милый, говоритъ ему:

Надсмѣялся же ты надо мной, отсмѣю и я тебѣ:
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота.
У меня ли у младой есть два братца родныхъ,
Есть два братца родныхъ—два булатныхъ ножа;
Я изъ рукъ твоихъ и ногъ кроватку смощу,
Я изъ крови твоей пиво пьяно сварю,
Изъ буйной головы ендову сточу,
Я изъ сала твоего сальныхъ свѣчъ намачу...

А послѣ того, она хочетъ созвать гостей, близкихъ убитому, и загадать имъ загадку: «я на миломъ сижу, объ миломъ говорю, изъ милаго я пью, милымъ подчую, а и милъ предо мною свѣчою горитъ».

Въ брачной и семейной жизни мы замѣчаемъ нѣкоторые слѣды стремленій къ равенству половъ. Въ былинахъ женихъ ищетъ себѣ такой невѣсты, которая была бы ему достойною «супротивницей», совѣтницей и помощницей, знала бы грамоту и «четье-пѣнье церковное». Невѣста тоже хочетъ имѣть мужемъ хорошаго «супротивника», ровню. Мужъ сплошь и рядомъ обезпечивалъ свою жену извѣстнымъ имуществомъ. Семья невѣсты, взамѣнъ ея наслѣдственной доли, давала ей приданое. При неимѣніи братьевъ, дочь была наслѣдницей всего отцовскаго имущества. Жена могла имѣть независимое отъ мужа имущество, землю, села и свободно распоряжаться имъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жена считалась даже чѣмъ-то въ родѣ главы дома. По древнѣйшему чешскому праву, жена принималась за представительницу семейства, и мужъ считался дома только тогда, когда онъ находился подлѣ своей жены. Если начинался процессъ, то отвѣтчикъ могъ быть вызванъ къ суду только въ той мѣстности, гдѣ была его жена. То же самое было въ обычаѣ и у сербовъ. Не смотря на то, что у славянъ, какъ и у всѣхъ полудикихъ народовъ, вступленіе въ бракъ вдовъ считалось въ большинствѣ случаевъ дѣломъ крайне нехорошимъ, такъ какъ женщина должна принадлежать своему мужу даже и мертвому, мы все-таки видимъ не мало примѣровъ того, какъ, вслѣдствіе женскаго вліянія, конечно, сами мужья отступаются отъ этого варварскаго обычая и, умирая, предоставляютъ своимъ вдовамъ полную свободу. Добрыня говоритъ женѣ: «хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди; хоть за князя поди, хоть за боярина, хоть за могучаго богатыря, а хоть за полномочнаго крестьянина». Князь Владиміръ Василькович въ своемъ завѣщаніи также предоставляетъ женѣ полную свободу поступать «какъ ей будетъ любо; мнѣ не смотрѣть же, вставши изъ могилы, кто что будетъ дѣлать послѣ меня». Вдова, если не выходила замужъ, дѣлалась полною главою своего семейства и безусловно распоряжалась дѣтьми, которыя своимъ воспитаніемъ были обязаны главнымъ образомъ ей же, а не отцу: всѣ герои и героини нашихъ былинъ воспитаны своими матерями.

«Въ древнія времена—говоритъ Козьма Пражскій — женщины ходили на войну, занимались охотою въ лѣсахъ и образомъ своей жизни не отличались отъ мужчинъ». Византійскіе историки разсказываютъ, что въ войнахъ съ греками славянки, одѣтыя въ мужское платье, храбро дрались на ряду съ своими мужьями. Женщины былинъ, какъ мы уже отчасти видѣли, не уступаютъ самымъ могучимъ богатырямъ своей силой, ловкостью и самостоятельностью характера, ведя такую же, полную приключеній, жизнь, какъ и мужчины. Жена Ставра, нарядившись посломъ, побѣждаетъ борцовъ Владиміра,—одному изъ плеча руку выдернетъ, другому ногу выломитъ, третьяго хватитъ хребтомъ о землю посреди двора. Она силою освобождаетъ своего мужа изъ подземелья, въ которое, за похвальбу, посадилъ его Владиміръ. Жена Дунай — первый стрѣлокъ въ Кіевѣ. Пелька, дочь Соловья Разбойника, является достойною супротивницей Ильи Муромца. Паленица «женщина ве-

ликая» побѣждаетъ Добрыню. Когда на Кіевъ напалъ Тугаринъ и гонецъ, посланный Владиміромъ за Ильей Муромцомъ, не нашелъ его дома, жена Ильи велитъ сѣдлать коня, одѣвается въ платье богатырское, вооружается и, принимаемая всѣми за своего мужа, скачетъ къ Кіеву и обращаетъ въ бѣгство Тугарина, который «бѣжалъ въ свои улусы загорскіе, проклинаючи Илью Муромца, а богатырь Илья Муроменъ знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ, кто за него бился съ Тугариномъ». Подобную же амазонку видимъ мы и въ легендѣ о Перепетовомъ курганѣ. «Въ незапамятныя времена около Кіева жилъ предводитель одного племени, Перепетъ. Однажды, услышавъ о приближеніи непріятеля къ своимъ областямъ, онъ собралъ дружину и, оставивъ женѣ управленіе, отправился противъ врага. Жена долго не получала никакихъ извѣстій о немъ, наконецъ увидѣла сонъ, предвѣщавшій гибель ея мужа. Чтобы спасти мужа или отомстить за его смерть, она собрала войско и отправилась по слѣдамъ мужа. Рано утромъ, когда туманъ покрывалъ поля, она встрѣчаетъ какое-то войско. Принявъ его за непріятельское, убившее ея мужа и истребившее его дружины, она нападаетъ съ яростью и въ первомъ пылу сраженія убиваетъ своего мужа. Послѣ сраженія, узнавъ свою ошибку, жена Перепета съ отчаянія сама лишила себя жизни. Дружина насыпала надъ ихъ тѣлами двѣ высокія могилы и назвала одну изъ нихъ Перепетомъ, другую — Перепетовою».

Но не одною физическою силою женщина поддерживала въ древности свое значеніе, которое она потеряла при дальнѣйшемъ ходѣ исторіи. Подобно германцамъ и большинству другихъ полудикихъ народовъ, славяне, выражаясь словами Тацита, «видѣли въ женщинѣ нѣчто священное», сверхъестественное. Она обладаетъ вѣщею силою, знаніемъ тайнъ природы, всесильными чарами волшебства. Любовь къ женщинѣ, по древнему и современному воззрѣнію народа, есть не что иное, какъ результатъ дѣйствія волшебныхъ чаръ ея. По малорусскимъ вѣрованіямъ, даже мать, купая своего ребенка въ извѣстныхъ зельяхъ, можетъ приворожить ему долю. Въ пѣсняхъ сплошь и рядомъ намекается на эту волшебную, непобѣдимую силу любви и говорится, что «безъ прилуки молодецъ къ красной дѣвушкѣ не ходитъ». И если у современныхъ русскихъ не только низшаго, но частію даже и средняго класса любовь не можетъ быть объяснена ничѣмъ другимъ, кромѣ волшебства и приворачиванья, то совершенно понятно, что въ древности эта могущественнѣйшая изъ страстей могла быть приписана одному только дѣйствію сверхъестественныхъ силъ. «По народному воззрѣнію,—говоритъ Афанасьевъ,—чувство любви охватываетъ человѣка, какъ внутреннее пламя, возжигаемое въ его сердцѣ стрѣлою громовника и раздуваемое буйными вихрями. Желая возбудить это страстное чувство, волшебницы вынимаютъ изъ груди юноши или дѣвицы сердце, жарятъ его и наговариваютъ любовную тоску». Заговоры, присушки, заклинанія въ любви составляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ дѣятельности древней женщины. И вслѣдствіе чаръ ея, «тѣ же вѣтры буйные, которые весною пригоняютъ дождевыя облака, раздуваютъ пламя грозы и разсыпаютъ по землѣ сѣмена плодородія, приносятъ и любовь на своихъ крыльяхъ, навѣваютъ ее въ тѣло бѣлое, зажигаютъ въ ретивомъ сердцѣ. Кто влюбленъ, тотъ очарованъ». Эта чарующая сила женщины употребляется ею не на одно только внушеніе любимому человѣку страстнаго вожделѣнія къ себѣ, но и для наказанія его за измѣну, для погибели своихъ соперницъ, для мести за свое неудовлетворенное чувство и оскорбленное самолюбіе. Пылающая любовною местью женщина, посредствомъ своихъ чаръ, насылаетъ на кого слѣдуетъ разныя несчастія, причиняетъ смерть, превращаетъ въ животныхъ, отравляетъ всю жизнь страданіями. Волшебная сила женщины обращена не на одну только любовь. Она обладаетъ даромъ пророчества и высшей судейской мудрости, какъ увидимъ ниже: она можетъ посредствомъ травъ, кореньевъ и разныхъ зелій исцѣлять болѣзни, избавлять людей отъ страданій, насланныхъ на нихъ злою волшебною силою. Искусство врачеванія, толкованіе сновъ и примѣтъ, отыскиваніе пропавшаго или украденнаго, предсказаніе о будущемъ, приворачиванье и отворачиванье въ любовныхъ дѣлахъ были преимущественно въ рукахъ женщины, равно какъ и родовспомогательное искусство, также соединенное съ знахарствомъ. Въ послѣдующую эпоху, подъ вліяніемъ византизма и вѣрованій азіятскихъ инородцевъ, всѣ эти свойства и профессіи женщины получили характеръ злостнаго, враждебнаго, дьявольскаго вѣдовства; но нѣтъ сомнѣнія, что въ первобытной славянской жизни женщина имѣла болѣе свѣтлое и благотворное значеніе, слѣды котораго до сихъ поръ можно видѣть въ народныхъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ. Въ ряду божествъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало Матери-Землѣ, щедрой кормительницѣ и покровительницѣ всѣхъ людей. Главною служительницею и представительницею этой богини была женщина, которая своимъ участіемъ въ религіозныхъ торжествахъ въ честь Земли преклоняла послѣднюю на милость къ людямъ, побуждала ее къ плодородію, парализировала дѣйствіе силъ, враждебныхъ благодѣтельной силѣ Земли, которая относится къ людямъ, какъ любящая мать,—плачетъ объ ихъ бѣдствіяхъ, радуется при видѣ ихъ счастія. Воспоминаніе объ этомъ благодѣтельномъ значеніи женщины до сихъ поръ сохранилось во многихъ мѣстахъ въ обрядѣ опахиванья; напр., во время повальныхъ болѣзней людей или скота, крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по приговору мірской сходки, рѣшаютъ остановить посредствомъ этого обряда ходъ эпидеміи. Старуха-повѣщалка выходитъ ночью въ одной рубахѣ на околицу и съ дикимъ воплемъ бьетъ въ сковороду; на ея призывъ со всѣхъ сторонъ собираются бабы и дѣвки съ ухватами, кочергами, косами, серпами, поме

*

лами и дубинами. Ворота во всѣхъ домахъ запираются, скотъ загоняется въ хлѣвы, собакъ привязываютъ. Сбросивъ съ себя рубаху, повѣшалка клянетъ смерть; другія женщины привозятъ соху и запрягаютъ въ нее эту голую бабу; потомъ начинается троекратное опахиванье вокругъ села, при чемъ сопровождающая толпа держитъ въ рукахъ лучины или горящіе пуки соломы. Впереди несутъ иконы. Затѣмъ ѣдетъ старуха на помелѣ, въ одной рубахѣ и съ распущенными волосами; за нею двигается соха, а за сохой дѣвка, съ кузовомъ собраннаго со всѣхъ домовъ разнаго зернового хлѣба, который она сѣетъ по пролагаемой бороздѣ. Слѣдующая за тѣмъ толпа пляшетъ, вертится, кривляется, размахиваетъ по воздуху принесенными орудіями, бьетъ въ тазы чугуны, заслонки, косы, свиститъ, хлопаетъ кнутами. Останавливаясь передъ каждымъ дворомъ, бабы и дѣвки стучатъ въ ворота и бѣшено кричатъ: «бей, сѣки, руби смерть; сгинь, пропади, черная немочь; запалу, заколю, загребу, засѣку, замету!» При этомъ поются разныя заклинательныя пѣсни. Благодѣтельное вѣдовское значеніе женщины выражалось такимъ образомъ въ ея содѣйствіи къ избавленію отъ разныхъ частныхъ и общественныхъ золъ и напастей. Независимо отъ этого, подобно своей богинѣ Землѣ, женщина въ первобытной жизни была представительницею человѣческой любви, благотворительности и мира. Материнская любовь, служащая первичною формою всѣхъ развивающихся впослѣдствіи гуманныхъ чувствованій, всегда представляется сильнѣе, глубже, и беззавѣтнѣе любви отцовской. Равнымъ образомъ, первобытная женщина изображается гораздо сострадательнѣе мужчины и къ чужимъ людямъ. Эта сострадательность и сердечная мягкость простираются до того, что, въ русскихъ сказкахъ, сидящія въ жилищѣ чорта его бабушка, мать или сестра, въ большинствѣ случаевъ, оказываются благосклонными къ странствующему герою, прячутъ его отъ чорта и помогаютъ ему въ нуждѣ. У германцевъ женщина называлась «ткущею миръ»; у всѣхъ народовъ, въ первобытную эпоху ихъ исторіи, она служила дѣлу человѣколюбія и упрочивала своимъ вліяніемъ благоденствіе какъ семьи, такъ и общества. То же самое видимъ мы и въ жизни древнихъ славянъ. По древнему праву чеховъ, напр., если убійцу находили подлѣ его жены и она обнимала его и прикрывала своимъ подоломъ, то мститель обязанъ былъ оставить его въ покоѣ. Въ связи съ этимъ миротворящимъ, гуманизирующимъ вліяніемъ женщины стоитъ еще ея поэтическая дѣятельность. «*Женскія* пѣсни славянскихъ племенъ,—справедливо замѣчаетъ Буслаевъ,—безспорно, говорятъ въ пользу той мысли, что народные обычаи, вѣрованія и вообще эпическая старина наполовину обязаны своимъ происхожденіемъ душевнымъ способностямъ женщины, которыхъ быстроту и воспріимчивость объясняла себѣ сусвѣрная старина *вѣщею силою*».

Воинственность древне-славянской женщины, ея равносильность съ мужчиною и особенно ея вѣщая сила были основою ея общественнаго значенія и равноправности, на которыя мы имѣемъ немало указаній исторіи. Первыми знаменитыми правительницами славянъ, первыми ихъ законодательницами, судьями, устроительницами мира и порядка являются великія, мудрыя, вѣщія жены. Славянская цивилизація начинается женщинами, и пока женщина, особенно у русскихъ, не была окончательно оттѣснена на задній планъ, не обращена въ полное рабство, до тѣхъ поръ эта первичная цивилизація имѣла въ себѣ такіе хорошіе задатки, которые могли поставить славянъ наряду съ западными европейцами и едва ли допустили бы до того, чтобы названіе народа, бывшее синонимомъ свободолюбія, получило значеніе *раба* *).

Древняя сага, изукрасившая своими фантазіями дѣйствительность, говоритъ о Вандѣ, дочери Крока, правителя ляховъ и основателя Кракова. Необыкновенная красавица, мудрѣйшая и цѣломудренная дѣва Ванда избирается въ правительницы всѣмъ народомъ; она царствуетъ мирно, счастливо и благодѣтельно для подданныхъ. Одинъ нѣмецкій князь, пораженный молвою объ ея красотѣ, долго и напрасно хлопочетъ, чтобы жениться на ней, наконецъ, рѣшается завладѣть ею силою и ведетъ въ Польшу большое войско. Ванда выходитъ противъ него съ своею арміей и обращаетъ въ бѣгство враговъ однимъ только видомъ своей волшебной красоты. Князь въ отчаяніи отъ пораженія и неудовлетворенной любви восклицаетъ: «Ванда повелѣваетъ землей, водой и воздухомъ! Ванда приноситъ себя въ жертву за народъ свой! И я, товарищи, обрекаю себя въ жертву подземнымъ богамъ, чтобы всѣ потомки ваши и потомки потомковъ вашихъ сострарѣлись подъ властью женщины!» Сказавъ это, онъ закололся. Ванда же, вернувшись домой, благодаритъ боговъ за побѣду и сама приноситъ себя въ жертву имъ, бросаясь въ воды Вислы.

Конечно, частности этой саги принадлежатъ къ области миѳа, вѣроятно, еще испорченнаго записавшими его хроникерами; но основной фактъ, фактъ владычества мудрой женщины, не подлежитъ сомнѣнію. Онъ, въ формахъ болѣе историческихъ, встрѣчается въ традиціяхъ чеховъ, а у русскихъ имѣетъ несомнѣнную историческую достовѣрность.

Чехами въ древности правила вѣщая дѣва Любуша. Она обладала высшею государственною мудростью, ея старшая сестра отличалась постройкою городовъ, а средняя занималась медициной. Эти намеки на равное съ мужчиной участіе женщины, даже на преобладаніе ея въ общественной жизни, дополняются подробностями знаменитаго отрывка изъ чешскаго народнаго эпоса, въ которомъ женщина является и государыней, и судьей, и вѣщею жрицею. Два брата ссорятся о наслѣдствѣ. Для рѣшенія дѣла Любуша созываетъ народное собраніе, «кметовъ, лѣховъ и владыкъ великихъ», а вмѣстѣ съ ними и братьевъ соперниковъ. Собрались всѣ они въ Вышеградѣ, заняли свои мѣста, и — говоритъ извѣстный отрывокъ чешскаго эпоса—

Къ нимъ тогда княжна въ одеждѣ бѣлой
Вышла, сѣла на престолѣ отчемъ,

*) Sclave—рабъ, славянинъ.

На престолѣ отчемъ, въ главномъ сеймѣ.
Вышли двѣ разумныя дѣвицы
Съ мудрыми судейскими рѣчами;
У одной въ рукахъ скрижали правды,
У другой же мечъ, каратель кривды.
Передъ ними пламень правдовѣстникъ,
А за ними воды очищенья.

Любуша постановляетъ свой приговоръ, а двѣ дѣвы собираютъ голоса народа. Любуша постановляетъ: «по закону вѣчно-живущихъ боговъ, братья должны владѣть имѣньемъ вмѣстѣ или раздѣлить его поровну». Большинствомъ голосовъ было рѣшено, что они должны владѣть вмѣстѣ. Но въ народѣ оказалась уже партія, стоявшая за первородство и крайне недовольная женскимъ владычествомъ. «Поднялся лютый Хрудошъ отъ крутой Отавы,—

«Весь во гнѣвѣ лютомъ онъ затрясся,
Закипѣла желчь въ его утробѣ,
И махнувъ могучею рукою,
Заревѣлъ къ народу ярымъ туромъ:
«Горе, горе молодымъ птенятамъ,
Коль ехидна къ нимъ въ гнѣздо вотрется;
Горе мужу, если онъ допуститъ
Управлять собой женѣ строптивой!
Мужу должно управлять мужами,
Первородному идетъ наслѣдство»!

Оскорбленная такимъ протестомъ, Любуша, отказываясь отъ престола, предложила народу выбрать князя; но народъ объявилъ, что онъ признаетъ княземъ того, кого она сама выберетъ себѣ въ мужья. Она выбрала Пржемысла, который, по словамъ хроники, «подчинилъ законамъ народъ необузданный, укротилъ его властью и вмѣстѣ съ Любушею далъ чехамъ права и законы». Женщина, такимъ образомъ, лишилась политической равноправности съ мужчиной, какъ это было и въ Польшѣ, гдѣ, при выборѣ князя послѣ баснословнаго Попела, народъ положилъ выбрать того, кто первымъ переправится изъ-за озера Гопла, *кромѣ женщинъ*. Водвореніе этой патріархальной привилегированности мужчинъ возбудило въ женщинахъ сильное недовольство, какъ видно изъ приведенной выше легенды о Властѣ.

Первоначальная русская исторія представляетъ намъ типическій образъ Ольги, этой женщины, бывшей великимъ мужемъ своего вѣка. Ольга, по лѣтописи, обладаетъ государственною мудростью, которая ставитъ ее выше всѣхъ окружающихъ. Она правитъ государствомъ, какъ князь, предводительствуетъ войскомъ, мститъ древлянамъ за смерть своего мужа, покоряетъ ихъ Кіеву, путешествуетъ въ Грецію, покровительствуетъ распространенію христіанства, ѣздитъ на охоты, ходитъ по странѣ, опредѣляя дани и оброки, давая законы, наводя порядокъ. Ея значеніе въ исторіи русской культуры видно уже изъ одного того обстоятельства, что народъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сохранялъ благодарную память о ней, а въ Псковѣ долго хранились сани, въ которыхъ ѣздила эта энергическая правительница. Ни одинъ изъ князей не имѣлъ такой популярности и не жилъ такъ долго въ народномъ преданіи, какъ Ольга.

«Дѣятельность Ольги — говоритъ Забѣлинъ— представляетъ намъ типическій образъ всей княжеской дѣятельности перваго вѣка. Ольга дѣлаетъ то же, что дѣлали всѣ первые князья, воевавшіе и торговавшіе съ Цареградомъ, покорявшіе сосѣднія племена, уставлявшіе уставы, оброки и дани. Все это было обычнымъ княжескимъ дѣломъ въ то время. Необычайно только то, что Ольга, женщина, совершаетъ эти мужскія и мужественныя дѣла. Но казалось ли это необычайнымъ для ея современниковъ? Мы полагаемъ, что общее убѣжденіе находило дѣянія Ольги очень обыкновенными и естественными. Въ сущности, она не дѣлаетъ ничего такого, что могло бы противорѣчить ея положенію. Въ ея дѣяніяхъ ничего нѣтъ зазорнаго для ея положенія, какъ женщины вообще, какъ вдовы въ особенности». Женщина въ то время обладала многими правами, а *матерая* вдова, т.-е. вдовая, имѣвшая дѣтей, была почти совершенно равноправна съ мужчиной. Женщина владѣетъ и управляетъ имѣніемъ и семействомъ; жены князей принимаютъ посланниковъ и ведутъ переговоры; въ договорѣ Игоря съ греками въ числѣ русскихъ пословъ упоминаются и послы отъ женъ; княгини владѣютъ городами и имѣютъ даже свое отдѣльное войско, содержащееся на ихъ счетъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ сага объ Олафѣ, а въ одной изъ русскихъ былинъ жена Владиміра, княгиня Апраксѣевна, даже соперничаетъ съ мужемъ въ этомъ отношеніи и хочетъ набрать въ свою дружину болѣе храбрыхъ и сильныхъ богатырей; женщины, иногда по крайней мѣрѣ, участвуютъ на вѣчахъ и имѣютъ право самостоятельно вести процессы. Онѣ выходятъ и на судебные поединки, при чемъ, по обычаю, утвержденному псковской судной грамотой, если судебное поле будетъ присуждено «женкѣ съ женкою», то наемнаго бойца не должно быть ни съ которой стороны. За обиду женщины платилась большая вира, чѣмъ за обиду мужчинъ, а по древнечешскому и польскому праву, за изнасилованіе женщины, какъ за убійство, полагалась смертная казнь.

Многія изъ этихъ правъ и преимуществъ, какъ увидимъ ниже, удерживались женщинами въ теченіе нѣкотораго времени и въ послѣдующую эпоху постепеннаго женскаго порабощенія. Но и въ первичный періодъ исторіи слегка очерченныя нами вольности и права женщины далеко не имѣли такого безусловнаго значенія въ жизни, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Все это были частію отживающіе остатки первобытной женской свободы, частію же плоды борьбы женщины съ враждебными ей началами, подъ вліяніемъ которыхъ совершалось ея постепенное порабощеніе. Въ жизни каждаго первобытнаго общества наблюдателя обыкновенно поражаетъ множество самыхъ радикальныхъ противорѣчій, какая-то чудовищная смѣсь добродушія и звѣрской жестокости, братства и ненависти, честности и безнравственности, апатіи и страстности, суевѣрнаго страха передъ богами и дерзкаго кощунства, доходящаго до наказанія идоловъ плетьми и розгами,

семейныхъ добродѣтелей и антисемейныхъ пороковъ, женской свободы и женскаго рабства и т. д. Это значитъ, что въ такомъ обществѣ идетъ еще процессъ его соціальнаго броженія, совершается борьба разнообразныхъ элементовъ, долженствующихъ впослѣдствіи слиться въ одну болѣе или менѣе солидарную массу. То же самое видимъ мы, въ частности, и въ исторіи женщины. Принципъ свободы и равенства борется съ патріархальнымъ началомъ ея подчиненности семьѣ и мужу. Поэтому-то въ первобытной славянской жизни, на ряду съ указанными нами правами и преимуществами женщины и съ свѣтлыми народными воззрѣніями на нее, мы видимъ цѣлый рядъ идей и явленій совершенно противоположнаго характера.

Славяне живутъ отдѣльными независимыми семействами, разрастающимися въ роды. У нѣкоторыхъ племенъ семейный союзъ еще не окрѣпъ, и внутри его идутъ постоянные раздоры между домочадцами. У поляковъ отеческая власть не успѣла еще утвердить своихъ абсолютныхъ правъ. Отношеніе отца къ взрослымъ сыновьямъ было основано скорѣе на равенствѣ, чѣмъ на подчиненности. Отецъ отчуждалъ семейное имущество не иначе, какъ съ согласія жены и дѣтей. Когда родитель старѣлся и дряхлѣлъ, то сыновья ipso facto этого одряхлѣнія вступали во владѣніе семейнымъ имуществомъ. Непрочность семейной связи видна и изъ того обстоятельства, что, по свидѣтельству арабскихъ путешественниковъ, отецъ былъ обязанъ кормить и воспитывать своего сына только до совершеннолѣтія. Тогда отецъ давалъ ему лукъ со стрѣлами, говоря: «ступай, промышляй самъ о себѣ». Не смотря на это, у большинства славянскихъ племенъ семейный союзъ является уже прочной институціей и независимыя одно отъ другого семейства, разбросанныя по странѣ, представляются небольшими государствами. Такой бытъ отчасти сохранился до сихъ поръ въ Сербіи. «Жилища въ Сербіи»—говоритъ Мармье—«разсѣяны по долинамъ и холмамъ; каждое жилище составляетъ свой отдѣльный, небольшой міръ; въ немъ соединены всѣ ремесла, а поля и лѣса, окружающіе эту колонію, удовлетворяютъ всѣмъ ея потребностямъ. Сообщенія между этими земледѣльческими колѣнами довольно затруднительны. Пройдя лѣсомъ по неровнымъ тропинкамъ, извивающимся по отлогости холмовъ, и перейдя въ бродъ нѣсколько рѣчекъ, доходишь до одной изъ обширныхъ фермъ, обитаемыхъ тремя или четырьмя поколѣніями. Сербскія семейства никогда не разлучаются. Каждый сынъ, который женится, приводитъ свою жену подъ отцовскій кровъ. Имъ даютъ въ одномъ изъ флигелей отдѣльную комнату, но для всѣхъ, для старыхъ и для молодыхъ, очагъ и столъ одинъ. Тамъ раздѣлы неизвѣстны; тамъ дѣды видятъ вокругъ себя выростающихъ внуковъ. Всѣ члены живутъ, какъ рой пчелъ въ одномъ ульѣ». У племенъ, жившихъ подобными семействами, отеческая власть имѣла уже такой абсолютный характеръ, что въ сравненіи съ нею кажется мягкою даже римская patria potestas. Отецъ семьи или рода былъ государемъ, собственникомъ, судьею и жрецомъ *). Онъ имѣлъ право надъ жизнію и смертью своихъ дѣтей, особенно женскаго пола. Подъ жертвенными ножами отцовъ дѣтская кровь сплошь и рядомъ обагряла собою домашніе алтари славянъ. Родительская власть основывалась не на одной только физической силѣ, но имѣла свойства сверхъестественнаго божественнаго значенія. Воля отца или матери опредѣляла всю будущность дѣтей. Ихъ благословеніе приносило съ собою всевозможныя блага, избавляло отъ всякихъ бѣдъ, отъ болѣзней, преждевременной смерти, кораблекрушенія. Родительское проклятіе всемогуще въ такой же степени. Дѣти, проклятыя отцомъ или матерью, немнуемо подвергаются ужаснымъ бѣдствіямъ; они дѣлаются добычею водяныхъ и лѣшихъ. Злое, неосторожно сказанное въ сердцахъ, слово, хотя бы и вовсе безъ желанія, чтобы оно сбылось, никогда не останется безъ дурныхъ послѣдствій для проклятыхъ дѣтей. Самая религія, въ своей первичной формѣ, носила домашній, семейный, родовой характеръ и состояла въ поклоненіи предкамъ. Миѳическая личность дѣдушки-домового была главнымъ божествомъ семьи, домашній очагъ его алтаремъ, а отецъ семейства—жрецомъ-жертвоприносителемъ. Въ лицѣ домового чествовался начальный основатель рода, первый устроитель домашняго очага. Каждое семейство, поэтому, имѣло своего бога; каждый домъ славянина, каждая *храмина* была въ то же время и *храмомъ* для своихъ обитателей. Домовой—это идеалъ патріархальнаго *хозяина*, какъ онъ называется еще до сихъ поръ. Онъ заботится обо всякой мелочи домашняго обихода, за всѣмъ наблюдаетъ, помогаетъ работникамъ, даже воруетъ изъ чужихъ домовъ въ пользу своего семейства. Когда изъ домочадцевъ кто-нибудь умираетъ, домовой всетъ по ночамъ, выражая тѣмъ свою глубокую печаль о такомъ семейномъ горѣ. Но въ то же время, какъ настоящій грубый патріархалъ, онъ требуетъ отъ семьи и почтенія и всякаго уваженія, иначе, становится злымъ и мстительнымъ. Иногда онъ даже ни съ того, ни съ сего вдругъ начинаетъ самодурить, *проказить*, дѣлать разныя пакости и подрывать благосостояніе дома. Независимо отъ культа домовому, у славянъ до сихъ поръ сохраняются еще довольно крупные остатки ихъ первобытнаго поклоненія всѣмъ вообще своимъ умершимъ родственникамъ. Во всѣхъ почти нашихъ губерніяхъ до сихъ поръ въ извѣстное время совершаются въ разныхъ формахъ праздники въ честь мертвыхъ, которыхъ угощаютъ не только на ихъ могилахъ, но и устроютъ для нихъ дома обѣды, на которыхъ они будто бы невидимо присутствуютъ. Тотъ же семейный, патріархальный характеръ мы видимъ и въ общенародныхъ божествахъ. Главнымъ сюжетомъ этой общественной религіи и соединенныхъ съ нею обрядовъ служитъ бракъ Неба съ Землею, при чемъ послѣдняя почти

*) *Князь* значитъ родоначальникъ, отецъ семейства и жрецъ (сравни *ксендзъ*).

вовсе теряетъ свой древній, самостоятельный характеръ и является только патріархальною матерью, оплодотворяемою *отцомъ* — Небомъ. «Не земля родитъ, а небо» — гласитъ народная пословица, выражающая собою идею полнаго преобладанія въ религіи патріархально-отцовскаго принципа надъ материнскимъ. Вся твердь небесная, всѣ свѣтила являются въ этомъ міросозерцаніи одною громадною семьею—

Красно солнце—то хозяинъ въ дому,
Свѣтелъ мѣсяцъ—то хозяйка въ дому,
Часты звѣзды—то малы дѣтушки.

Въ этой религіи мы видимъ религіозное признаніе родительскаго права надъ жизнію и смертью своихъ дѣтей. Есть явные слѣды древняго обычая—при переходѣ въ новое жилище умилостивлять боговъ его принесеніемъ въ жертву дѣтей. Общенародныя божества также любили дѣтскую кровь, которая и проливалась на алтаряхъ ихъ.

Личность домочадцевъ совершенно исчезала передъ лицомъ домовладыки; всѣ они были рабами его, и названіе подчиненнаго члена семейства было тожественно съ именемъ раба *). Правъ первородства не было, и по смерти родителя дѣти дѣлили его имущество поровну или владѣли имъ сообща, выбравъ «изъ рода своего владыку», «въ отца мѣсто», какъ выражались наши предки. Союзъ семей или родовъ образовалъ общину семей, отцы которыхъ избирали себѣ *князя*, или родоначальника, вокругъ котораго мы видимъ совѣтъ изъ *старцевъ*, превратившійся впослѣдствіи въ вѣче. Идеи родительской власти, родительской опеки, кровнаго родства, какъ единственной основы общества и сыновняго повиновенія *младшихъ старшимъ*, уже въ первичную эпоху исторіи славянъ лежали въ основѣ всего ихъ быта. Говоря о послѣдующей эпохѣ, въ которую эти принципы развились до своего апогея, мы ближе ознакомимся съ этимъ основнымъ началомъ нашей старинной жизни, сообщавшимъ ей характеръ грубаго, неподвижнаго варварства.

Отдѣльныя, независимыя семьи были разсѣяны по дикой, необработанной странѣ, покрытой болотами и непроходимыми лѣсами. Они жили въ дрянныхъ избахъ, построенныхъ на большомъ разстояніи одна отъ другой. Эти избы или *дворы* были царствами, владыки которыхъ вмѣстѣ съ своими подданными-домочадцами постоянно ссорились и воевали другъ съ другомъ. Родовыми раздорами и усобицами начинается, какъ извѣстно, наша достовѣрная исторія.

При такой изолированности семей и при ихъ взаимной враждебности заключеніе браковъ между разнородцами было чрезвычайно трудно. Поэтому и были въ ходу кровосмѣсительныя связи между мужчинами и женщинами одной и той же семьи, о чемъ свидѣтельствуетъ и Несторъ, говоря о древлянахъ **). Понятно, что такія связи естественнѣе и чаще всего возникали между братьями и сестрами, что можно встрѣтить даже до сихъ поръ въ разныхъ полудикихъ захолустьяхъ нашего отечества. Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ этнографовъ передавалъ мнѣ слѣдующую сцену изъ крестьянской жизни Вятской губерніи. Парень лежитъ на печи и стонетъ. Мать разспрашиваетъ его, отчего онъ стонетъ. Оказывается, что онъ боленъ вслѣдствіе несчастнаго любовнаго похожденія. Мать читаетъ ему нотацію за то, что онъ связывается съ разными посторонними потаскухами; «вонъ, вѣдь, есть свои кобылы», говоритъ она, указывая на дочерей. Воспоминаніе объ этихъ кровосмѣсительныхъ связяхъ, бывшихъ въ большомъ ходу въ древности, сохраняется и въ нашихъ былинахъ. Когда, напр., Илья Муромецъ спрашиваетъ у Соловья Разбойника, отчего у него «дѣти во единой ликъ», то Соловей отвѣчаетъ:

«Я сына-то вырощу—за него дочь отдамъ,
«Дочь-то вырощу—отдамъ за сына,
«Чтобъ соловейкинъ родъ не переводился».

Въ народныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ обрядахъ мы находимъ новыя подтвержденія въ пользу той гипотезы, что исторія брака началась именно такими кровосмѣсительными связями сестеръ и братьевъ. Въ народной поэзіи братъ и сестра постоянно представляются соединенными между собой самыми тѣсными узами любви, которая иногда, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, переходитъ въ такую ненависть и порождаетъ такую месть, которыя въ другихъ случаяхъ обыкновенно представляются слѣдствіями любовной измѣны и ревности. Въ дѣвушкѣ нашихъ пѣсенъ, которая—

Зѣлй печетъ, зелье дѣлаетъ...
Сестра брата извести хочетъ,—

мы видимъ не что иное, какъ воспоминаніе о древней сестрѣ-любовницѣ, о той эпохѣ, когда—

Было беззаконство великое,
Братъ на брата съ боемъ ходилъ,
Братъ сестру за себя ималъ.

Въ свадебныхъ обрядахъ братъ болѣе всѣхъ домочадцевъ сторожитъ свою сестру отъ жениха-умыкателя: онъ болѣе всѣхъ недоволенъ ея выходомъ въ замужество; онъ сопротивляется притязаніямъ жениха; онъ отражаетъ его наѣздъ. Женихъ платитъ за невѣсту выкупъ ея брату и занимаетъ подлѣ нея его мѣсто. Между женихомъ или дружкой и братомъ идетъ формальный и продолжительный торгъ за невѣсту, родители которой играютъ при этомъ второстепенную роль, а главная принадлежитъ брату, интересы котораго представляются наиболѣе затронутыми выходомъ замужъ его сестры, въ которой онъ терялъ въ древности не только соработницу, но и любовницу. На это же указываетъ, кажется, и выкупъ невѣстиной косы: женихъ платитъ брату невѣсты, *чтобы онъ не обрѣзывалъ ей косу;* обрѣзываніе косы у женщины или дѣвушки было знакомъ мести или наказанія за ея

*) Что рабъ значило *малый, юный*, доказательствомъ служитъ *робенокъ* или *ребенокъ*. Отрокъ означало также и *мальчика*, и *раба*.

**) Такіе кровосмѣсительные браки мы видимъ и въ исторіи другихъ народовъ. См. объ этомъ выше, въ сочиненіи: «Историческія судьбы женщины».

половую измѣну или любовную связь, непріятную для того, кто совершалъ это обрѣзываніе.

Такіе кровосмѣсительные браки, главнымъ образомъ вслѣдствіе своей предосности для потомства, не могутъ долго удерживаться въ общемъ употребленіи и по необходимости замѣняются насильственнымъ захватомъ чужихъ женщинъ, умыканіемъ. Всѣ данныя убѣждаютъ насъ, что исторія брака началась именно такимъ насильственнымъ захватомъ женщинъ. Филологія, напр., показываетъ, что слова *поняти жену*, родс zonc, *понятыи женкy* означаютъ буквально *поймать*, изловить себѣ жену. Но свѣдѣнія, сообщаемыя нашимъ лѣтописцемъ объ этой первичной формѣ заключенія брачнаго союза, далеко не отличаются полнотою и точностью. Несторъ говоритъ, что женихи умыкали своихъ невѣстъ, которыхъ они предварительно подговаривали и которыя сами согласались на такое похищеніе. Но тѣ же лѣтописи свидѣтельствуютъ, что этотъ обычай далеко не былъ всеобщимъ, а исключительнымъ, и что какъ дѣвушки, такъ и замужнія женщины сплошь и рядомъ умыкались и содержались въ брачной неволѣ безъ всякаго съ ихъ стороны согласія. Упоминаемая Несторомъ форма умыканія была уже значительнымъ смягченіемъ въ исторіи брачнаго союза, который сначала всегда основанъ на насиліи, на побѣдѣ жениха надъ невѣстой, а иногда и наоборотъ Эта форма, развивающаяся вслѣдствіе успѣшной борьбы первобытной женщины за свою независимость, является уже переходною ступенью къ браку, какъ къ свободному союзу двухъ независимыхъ личностей. Такое насильственное, повидимому, умыканіе даже болѣе прогрессивно, чѣмъ смѣнившая его совершенно мирная купля-продажа невѣсты.

Мы можемъ составить себѣ ясное представленіе о первичной формѣ брака, основаннаго на разбойничьемъ захватѣ невѣсты женихомъ ея. Народныя пѣсни и свадебные обряды даютъ намъ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ, изъ раціональной группировки которыхъ можно составить довольно полную картину древней русской свадьбы. Волхъ Всеславьевичъ говоритъ своей дружинѣ:

«Гой еси вы, дружина храбрая!
«Пойдемъ мы ко царству индѣйскому,
«Рубите стараго, малаго,
«Не оставьте въ царствѣ на сѣмена,
«Оставьте только вы по выбору,
«Не много, не мало семь тысячей
«Душечки красны дѣвицы».—
И та его дружина храбрая
На тѣхъ дѣвицахъ переженилася.

Наѣзды жениховъ для умыканія дѣвушекъ сопровождались нерѣдко грабежомъ, разореніемъ жилья, полономъ всего семейства, покореніемъ всего невѣстина рода. Эта первобытная форма брака до сихъ поръ существуетъ еще у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, у черногорцевъ, сербовъ и болгаръ. Въ Болгаріи и Сербіи молодежь охотно идетъ на умыканіе. Юнаки умыкатели, или *отмичари*, собираясь на похищеніе дѣвушки, вооружаются какъ въ походъ, подкарауливаютъ ее и умыкаютъ. Иногда они нападаютъ на домъ дѣвицы, завязываютъ настоящій бой, и на выстрѣлы сбѣгается все село съ ружьями, пистолетами и кинжалами. Не мало стыда отмичарямъ, если они возвратятся безъ дѣвушки, и поэтому они всѣ готовы лучше сложить головы, нежели упустить ее изъ рукъ. Похищенную уводятъ въ лѣсъ, гдѣ попъ обручаетъ ее съ женихомъ, и затѣмъ ведутъ въ домъ послѣдняго. Иногда цѣлое село, изъ котораго похищена дѣвушка, идетъ за нею въ погоню, а навстрѣчу ему выходятъ односельцы жениха. Начинаются переговоры, которые оканчиваются или мировою и свадьбою, или же ссорою и тяжбою. Въ древности подобныя столкновенія имѣли болѣе ожесточенный характеръ, и положеніе невѣсты-плѣнницы было самое печальное. Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста до сихъ поръ оплакиваетъ эту горестную судьбу своей прародительницы:

Быть саду полоненному,
Всему роду покоренному!..
Пріѣдутъ ко батюшкѣ
Съ боемъ да со грабежомъ;
Ограбятъ же батюшку,
Полонятъ мою матушку,
Повезутъ меня молоду
На чужую на сторонушку!

Въ другихъ пѣсняхъ невѣста упрашиваетъ «своихъ подруженекъ схоронить ее отъ *лихого наѣзника*», т.-е. жениха, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до сихъ поръ удерживается обрядъ этого прятанья. Подруги прячутъ невѣсту въ уголъ и завѣшиваютъ платкомъ. Женихъ срываетъ платокъ и насильно цѣлуетъ невѣсту. При старинной враждебности семей, при отдаленности ихъ другъ отъ друга, при общемъ безмиріи страны, при насильственномъ захватѣ дѣвушекъ, свадебныя свиты по необходимости должны были состоять изъ вооруженныхъ наѣздниковъ, способныхъ къ защитѣ и къ нападенію, и они до сихъ поръ сохраняютъ свой древній воинственный характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ бралось множество предосторожностей противъ вѣдовскихъ чаръ злыхъ людей, которые всегда стараются разстроить свадьбу или *испортить* молодыхъ, причинивъ имъ какое-нибудь существенное зло. Эта боязнь чаръ, эта крайняя подозрительность при свадьбахъ, легко объясняемыя тогдашнею враждебностью родовъ, сдѣлали присутствіе на свадьбѣ колдуна столь же необходимымъ, какъ и присутствіе свиты жениха. У донскихъ казаковъ, напримѣръ, вѣдунъ, заблаговременно прінсканный дружкой, не отлучался отъ жениха до окончанія брака, наблюдая, чтобы на порогахъ и на притолкахъ не было чародѣйства и чтобы въ пищу и питье не примѣшалъ кто-нибудь порчи.

Само собою понятно, что набѣги съ цѣлью умыканія невѣстъ не всегда оканчивались удачно для жениха и его пособниковъ. Есть много свадебныхъ обрядовъ, показывающихъ, что часто набѣгъ жениха, встрѣченный достаточнымъ отпоромъ со стороны родичей невѣсты, оканчивался полюбовною сдѣлкою съ послѣдними. Въ Саратовской губерніи, напр., дружка сначала ссорится и даже де-

рется съ братомъ невѣсты, охраняющимъ ее, а потомъ между ними начинаются переговоры, кончающіеся продажею дѣвушки. Въ другихъ мѣстахъ по обѣ стороны невѣсты сидятъ два мальчика съ палками, изображающими мечи. Когда женихъ приближается къ невѣстѣ, то они начинаютъ бить его и дружку. Дружка вынимаетъ деньги и даетъ имъ. Начинается ряда, и невѣсту запродаютъ. По мѣрѣ ослабленія міродовой враждебности, по мѣрѣ умиротворенія земли, брачъ постепенно переходилъ изъ своей разбойничьей формы умыканія въ мирную форму купли-продажи, которая удержалась вплоть до нашего времени. Женихъ вездѣ называется *купцомъ*, а невѣста — *товаромъ*, и смотрины есть не что иное, какъ осмотръ этого товара покупателями, т.-е. женихомъ и его родственниками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣсту выводятъ на средину избы и сажаютъ на скамейку. Женихъ и его родственники подходятъ и осматриваютъ ея лицо, шею, уши, руки, и если это бываетъ вечеромъ, то со свѣчею въ рукахъ. Затѣмъ, какъ и при продажѣ всякаго другого товара, бьютъ по рукамъ, просватываютъ, или, по выраженію крестьянъ Архангелской губерніи, *пропиваютъ дѣвку*, подобно тому, какъ пропиваютъ лошадь или корову. Дѣятельную роль при этомъ играютъ покупатели—женихъ или его родственники, роль же невѣсты съ ея роднею совершенно пассивная *). Но такіе порядки не могли долго держаться, и невѣстинъ родъ, въ виду собственныхъ своихъ интересовъ, долженъ былъ остерегаться продажи дочери каждому встрѣчному, выбирая жениха получше. Такимъ образомъ продажа дѣвушки переходила въ обоюдный торговый договоръ семьи жениха и семьи невѣсты, во время которыхъ послѣдній подвергается такому же осмотру и такой же оцѣнкѣ его родственниками, какіе испытываетъ и невѣста со стороны жениховой родни.

Въ большинствѣ случаевъ, при такихъ порядкахъ не могло быть и рѣчи о свободномъ выборѣ со стороны невѣсты, хотя въ то же время и выборъ жениха нерѣдко опредѣлялся вкусами и разсчетами его семейства. Невѣста же продавалась отцомъ, братомъ, родоначальникомъ или княземъ и семейнымъ совѣтомъ, который, подъ именемъ *совѣтливаго слова*, до сихъ поръ заправляетъ этимъ дѣломъ во многихъ мѣстностяхъ. На страдательную роль невѣсты въ этомъ случаѣ указываютъ и тѣ ея жалобы и укоры продающей ее роднѣ, которыми наполнены свадебныя пѣсни. Даже при отсутствіи принужденія со стороны родителей, какъ женихъ, такъ и невѣста въ древности имѣли гораздо меньше возможности совершенно свободнаго выбора, чѣмъ въ послѣдующее время. При анархіи первобытной жизни, при родовыхъ усобицахъ, при трудности заключенія браковъ, мужчина, въ большинствѣ случаевъ, довольствовался женщиною, которую обстоятельства бросали въ его руки и которой до тѣхъ поръ онъ не зналъ, не *вѣдалъ*, отчего произошло и самое названіе *невѣсты*. Но случай, опредѣлявшій столь важный моментъ жизни, какъ бракъ, для первобытнаго человѣка былъ не просто случаемъ, а таинственнымъ, сверхъестественнымъ рокомъ, проявленіемъ божественной воли, сводившей жениха и невѣсту посредствомъ воли родителей, или при другихъ условіяхъ. Бракъ—опредѣленіе судьбы, *судъ божій*, откуда названіе жениха *суженымъ*, а невѣсты *суженою*. И деспотизмъ семейства, и эта вѣра въ рокъ очень рано въ исторіи начали принижать женскую личность, у которой отнималась всякая воля при выборѣ мужа и которой оставалось только одно утѣшеніе—посредствомъ зеркала и многихъ гадательныхъ средствъ узнать своего *суженаго* господина прежде, чѣмъ онъ пріобрѣтетъ ее посредствомъ захвата или купли. Вѣра въ рокъ, въ судьбу, въ опредѣленную сверхъестественнымъ образомъ долю постепенно убивала въ женщинѣ энергію противодѣйствія, хотя и никогда не могла заглушить тѣхъ женскихъ воплей отчаянія и жалобъ на свою неизбѣжную долю, которые въ продолженіе десятковъ столѣтій оглашаютъ собою русскую землю въ произведеніяхъ народной поэзіи.

Одною изъ самыхъ главныхъ причинъ невѣстиныхъ причитаній и жалобъ служитъ то обстоятельство, что ее повезутъ въ «чужую, дальнюю сторону», «къ чужому роду-племени», среди котораго ей придется жить и отъ котораго зависѣть. При древней разрозненности семей и родовъ, при ихъ враждебности и отдаленности другъ отъ друга—всѣ эти тревоги и опасенія невѣсты были со-

*) Въ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ степныхъ губерніяхъ плата за невѣсту опредѣляется простою конкуренціею: кто больше дастъ кладки (такъ называется плата за невѣсту), за тѣмъ и остается дѣвушка. Если ужъ ей чрезчуръ противенъ покажется ея суженый и она, паче чаянія, заявитъ какой-либо протестъ, то ее выталкиваютъ просто-напросто въ шею къ сватамъ, отъ которыхъ она, для соблюденія формальности, обязана принять палицу, выталкиваютъ подъ угрозою жестокаго наказанія за неповиновеніе. Семьи такъ твердо вѣрятъ въ непреложность своихъ правъ на личность дѣвушки, что ни слезы несчастной, ни угрозы ея сжить себя со свѣту не имѣютъ никакого вліянія на рѣшеніе. Сдѣлка заключена, деньги получены — чего же еще? Вѣдь и корова, которую ведутъ со двора, можетъ заартачиться въ воротахъ, такъ неужто жъ нарушать изъ-за этого сдѣлку? И, странное дѣло, этотъ дикій обычай, вмѣсто того, чтобъ ослабѣвать, распространяется въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ его прежде вовсе не было; напримѣръ, въ Казанской губерніи, между бывшими крѣпостными, возникъ этотъ обычай послѣ освобожденія. Въ замѣткахъ одного мирового судьи встрѣчаемъ мы слѣдующее любопытное мѣсто, передающее собственныя мнѣнія крестьянъ объ этомъ предметѣ. «Теперь пошло заведеніе на кладку; это, какъ лошадь продаютъ, торгуются, какъ хорошіе цыгане, съ недѣлю торгуются, разъ-другой изъ избы-то выдутъ, да помаленьку, по гривенкѣ сбавляютъ, а женихъ-то зачастую и не видитъ невѣсты. Одинъ у насъ этакимъ манеромъ взялъ чистую дуру: загнетъ палецъ въ ротъ, да и сосетъ. Прежде безъ кладки отдавали, да лучше было; я самъ въ бѣленькой рубашкѣ женился, а нынѣ все красныя рубахи пошли, а кладки менѣе 25 или 50 рублей и не думай. Мы своего женили, такъ одной кладки 75 рублей отдали, да шелки, да кумачи—сотъ семь уложили на разные подарки и угощенья: одно разоренье и грѣхъ! Сейчасъ и говоритъ свекровь ли, деверь ли: «Ты и сама того не стоишь, что мы за тебя заплатили! и дальше и больше — словомъ-то ей въ лобъ, да въ лобъ — глядишь и до святыхъ волосъ дошло, а тутъ и къ мировому пригнѣло». (Ефименко).

вершенно естественны. Родственники жениха встрѣчали ее враждебно, какъ чужую, и третировали ее безжалостно, какъ рабыню. Уже въ извѣстномъ обрядѣ встрѣчи невѣстки ея свекровью, вопреки совершенно неосновательному мнѣнію всѣхъ нашихъ этнографовъ, кромѣ Кавелина, ясно выражается непріязнь свекрови не только къ новобрачной, но и къ молодому, введшему ее, чужестранку, въ свой домъ. (Впрочемъ, нужно замѣтить, что такое объясненіе идетъ только къ нѣкоторымъ варіаціямъ этого обряда, между тѣмъ какъ другія варіаціи и сами по себѣ, и по возэрѣнію народа выражаютъ желаніе свекровью благополучія новобрачнымъ. Можно предположить, что первыя варіаціи относятся къ древнѣйшему періоду враждебности семей, а послѣднія развивались подъ вліяніемъ смягченія отношеній свекрови къ невѣсткѣ). Названія *лютый свекоръ*, *лютая свекровь*, *золовка*—сдѣлались поговоркой, и народная поэзія говоритъ объ этихъ личностяхъ не иначе, какъ о воплощеніи зла относительно невѣстки, какъ объ ея безжалостныхъ тиранахъ и ехидныхъ угнетателяхъ. Въ пѣсняхъ родственники мужа такъ рекомендуются его молодою женою: «что медвѣдь съ медвѣдицей—богоданный-то батюшка съ богоданною матушкой; шишицы колючія—богоданны милы братцы; крапива жгучая—богоданныя сестрицы!!..»

Свекоръ на палатѣ,
Точно кобель на капатѣ,
Свекровушка на печи,
Точно сука на цѣпи.
Вы, деверья, вы, деверья,
Вы—борзые кобеля,
У васъ жены таковы...
Мужъ на лавкѣ сидитъ,
На жену косо глядитъ:
Ты косись, не косись,
Не боюся я тебя,
Не ударишь ты меня!
Мужъ руку отвелъ,
Жену по уху опелъ;
Жена руку отвела,
По всей харѣ оплела.

Жизнь невѣстки, по малорусскимъ пѣснямъ, настоящая каторга:

А жиночкамъ та не-ма волі:
У за пічку та воркунъ ворчить,
У колыски та дитя крычить,
Підъ порогомъ та свиня хрючить,
А у печі та горщокъ бѣжитъ.
Дитя каже: «Похитай мене!»
Горщокъ каже: «Помішай мене!»
Свиня каже: Погодуй мене!»
Воркунъ каже: «Поцілуй мене!»

У малороссовъ Волынской губерніи есть одна поговорка, очень характеристичная: «А хто воды принесе? Невістка. А кого бьютъ? Невістку. А за що бьютъ? За то, що невістка».

Независимо отъ этихъ непріязненныхъ отношеній къ невѣсткѣ родичей ея мужа, она страдала въ особенности отъ той личности, которая, въ качествѣ семейнаго главы или родоначальника, властвовала надъ ея мужемъ. Мы говоримъ о родовомъ правѣ первой ночи, слѣды котораго въ древнерусской жизни указалъ еще Эверсъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Ольга первая, кажется, начала уничтожать это право, замѣняя его данью, извѣстною подъ именами: куничной, свадебной, повалешной, новоженной, повѣнечной. Общины, постепенно избавляясь отъ натуральнаго характера этой повинности, ежегодно уплачивали, по выраженію былины, «съ молодицъ повѣнечное, со дѣвицъ повалешное». Обычай, въ силу котораго домовладыка или родоначальникъ пользовался первой ночью невѣсты, приведенной подвластнымъ ему женихомъ, отчасти до сихъ поръ удерживается во многихъ мѣстностяхъ Россіи въ формѣ *снохачества*. У задунайскихъ и адріатическихъ славянъ мы также находимъ слѣды его въ томъ свадебномъ обрядѣ, по которому выбранный изъ жениховой родни *деверь*, послѣ вѣнчанья, три ночи спитъ въ одной комнатѣ съ невѣстой; послѣ того только женихъ вступаетъ въ свои супружескія права. Наконецъ на это родовое право брачнаго предвкушенія указываетъ и Несторъ, говоря о тѣхъ славянскихъ племенахъ, которыя, въ противоположность полянамъ, не имѣли «стыдѣнья къ *снохамъ* своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и отцамъ своимъ, къ свекровямъ и деверямъ».

Но послѣ паденія этихъ кровосмѣсительныхъ порядковъ, частію оставшихся только въ родовомъ правѣ предвкушенія и въ снохачествѣ, какъ въ половомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, главнымъ и непосредственнымъ владыкою жены былъ мужъ. Власть его была или, по крайней мѣрѣ, стремилась быть столь же абсолютною, какъ и власть отца. Еще женихъ облекался званіемъ родоначальника и былъ дѣйствительнымъ *княземъ* по отношенію къ своей невѣстѣ и будущему потомству *). Рабское положеніе жены выражалось во многихъ обрядахъ, до сихъ поръ уцѣлѣвшихъ въ свадебныхъ церемоніяхъ простонародья. Женихъ послѣ вѣнчанія получалъ плеть отъ отца невѣсты и трижды билъ ею новобрачную въ знакъ своей власти надъ нею. Самая плеть называлась *державою*. Унизительный обрядъ разуванія жениха невѣстою при брачномъ ложѣ, при чемъ въ одномъ сапогѣ новобрачнаго лежали деньги, а въ другомъ плетка,—этотъ обрядъ, существующій до сихъ поръ и у русскихъ, и у инородцевъ финскаго племени, и у галиційскихъ русиновъ, имѣетъ тысячелѣтнюю древность и служитъ выраженіемъ вполнѣ рабской покорности жены своему властителю. Жена прежде всего должна быть пассивнымъ орудіемъ, удовлетворяющимъ похоть мужа и производящею потомство. Самое слово *жена*, по-санскритски *джана*, собственно значитъ рождающая, отъ *джан*—рождать. Затѣмъ жена—работница или, по позднѣйшему выраженію, хозяйка семьи, верховнымъ повелителемъ которой является ея мужъ. Она—собственность мужа, и послѣдній тщеславится ею точно такъ же, какъ какою-нибудь дорогою вещью. Герои нашихъ эпическихъ пѣсенъ нерѣдко, подгу-

*) *Князь* значитъ собственно родоначальникъ; поэтому новобрачные и называются *княземъ* и *княгинею*, какъ основатели новаго рода или семейства.

ливши на веселомъ пиру, начинаютъ превозноситься другъ передъ другомъ разнымъ своимъ имуществомъ—

Иной хвастаетъ конями добрыми,
Другой хвастаетъ золотой казной,
Третій хвастаетъ молодой женой.

Въ качествѣ абсолютнаго владыки, власть котораго основана на фактѣ захвата или покупки, во всякомъ случаѣ на правѣ собственности, мужъ стремится быть господиномъ не только тѣла, но и души своей жены. Ея мысли, чувствованія, ея любовь во что бы то ни стало должны принадлежать одному ему, какъ законному хозяину. Поэтому-то дѣвушки у славянъ ходили съ непокрытою головою, такъ, чтобы всякій могъ видѣть ихъ; когда же дѣвушка дѣлалась невѣстою, когда, слѣдовательно, переходила въ исключительную собственность одного мужчины, то женихъ набрасывалъ ей покрывало на голову, которое имѣло одно и то же значеніе съ восточною чадрой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже въ первичную эпоху русской исторіи, мы видимъ начатки основаннаго на ревности гаремнаго заключенія женщинъ въ теремахъ. Не смотря на половую свободу, которою отличалась древнеславянская жизнь, мы находимъ въ ней нерѣдко самыя варварскія проявленія мужниной ревности, основанной, впрочемъ,—какъ это бываетъ у всѣхъ полудикихъ народовъ,— не столько на чувствѣ оскорбленной любви, сколько на уязвленномъ самолюбіи самодура-деспота. Подобно Дунаю, который убиваетъ свою беременную жену за то только, что она унизила его передъ богатырями, показавъ свое превосходство надъ нимъ въ стрѣльбѣ изъ лука, древніе патріархалы и въ половой измѣнѣ видѣли не что иное, какъ *безчестье* себѣ. Они нерѣдко мстили за него ужасною смертью измѣнницы, и славянскія легенды передаютъ намъ страшную картину казни несчастныхъ женъ, которыя, будучи привязаны за ноги къ хвосту дикой лошади, размыкиваются ею по полю. Вотъ, напримѣръ, какъ поступаетъ былинный богатырь съ своей женой, увезенной царемъ Афромеемъ:

Остался онъ во бѣломъ шатрѣ,
Сталъ онъ, Иванъ, жену свою учить,
Онъ душку Настасью Дмитревну:
Онъ перво ученье—то руку отсѣкъ ей,
Самъ приговариваетъ:
«Эта мнѣ рука не надобна,
Трепала она, рука, Афромея царя».
А второе ученье—ноги ей отсѣкъ:
«А и та де нога мнѣ не надобна:
Оплеталася съ Афромеемъ царемъ».
А третье ей ученье—губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:
«А и эти губы мнѣ не надобны:
Цѣловали они царя невѣрнаго».
Четверто ученье — голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
«Эта голова мнѣ не надобна,
И этотъ языкъ мнѣ не надобенъ,
Говорилъ со царемъ невѣрнымъ,
И сдавался на его слова прелестныя».

Само собою понятно, что у нашихъ предковъ, какъ и у всѣхъ народовъ, мужчина, предписывая женщинѣ строгія правила половой рабской нравственности, не только избавлялъ самого себя отъ обязанности слѣдовать имъ, но даже присвоивалъ себѣ привилегію легальной развращенности, встрѣчавшей оппозицію только въ одной женщинѣ, которая, въ видахъ улучшенія своей семейной жизни, всегда во имя моногаміи боролся противъ наложничества и многоженства. Многоженство у славянъ было въ большомъ ходу. У Мечислава I было 7 женъ, у Вратислава поморскаго—5 женъ и 24 наложницы, у нашего Владиміра—6 женъ и 800 наложницъ; обыкновенные смертные, по Нестору, имѣли по двѣ и по три жены, а по свидѣтельству Казвини, по двадцати и болѣе. «Въ каждомъ домѣ»,—говоритъ Ибнъ-Фоцланъ о русскихъ, видѣнныхъ имъ на Волгѣ,— «живетъ человѣкъ по десяти и по двадцати. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою кровать, на которой сидитъ со своими дѣвушками и красавицами. Во дворцѣ царя руссовъ живетъ 400 храбрѣйшихъ и преданныхъ ему мужей; каждый изъ нихъ имѣетъ дѣвушку, которая ему прислуживаетъ, моетъ, готовитъ пищу и питье, и, сверхъ того, другую, которая служитъ ему наложницей. На диванѣ вмѣстѣ съ царемъ сидятъ сорокъ его наложницъ, которыхъ онъ не стыдится ласкать въ присутствіи своей дружины». Развратъ былъ страшный, особенно при дворахъ князьковъ, которые, какъ видно изъ лѣтописнаго разсказа о Владимірѣ, не довольствуясь сотнями своихъ любовницъ, силою захватывали въ свой гаремъ каждую смазливую бабенку или дѣвушку. Въ былинахъ Владиміръ «красное солнышко» тоже нерѣдко зарится на чужихъ женъ, захватываетъ ихъ, убиваетъ ихъ мужей и поощряетъ своихъ дружинниковъ къ такимъ же насиліямъ. Содержаніе многихъ женъ и наложницъ стоило дорого и было поэтому не для всякаго возможно. Мужской похотливости въ этомъ случаѣ помогала легкость расторженія брака, противъ которой такъ сильно вооружаются первые наши вѣроучители и законодатели. Состарѣвшуюся или надоѣвшую ему жену мужъ прогонялъ отъ себя и бралъ другую. Его въ этомъ отношеніи, до развитія законодательства и прочной администраціи, могла ограничивать только одна боязнь родственниковъ обезчещенной жены, да и то въ томъ только случаѣ, если они были достаточно сильны для того, чтобы наказать его. Развитію мужниного самовластія и женина пассивности, кромѣ родового начала и византизма, о которыхъ мы будемъ подробно говорить въ слѣдующихъ главахъ, не мало содѣйствовало и то обстоятельство, что родители сплошь и рядомъ выдавали дочерей еще въ дѣтствѣ, и мужья такимъ образомъ имѣли полную возможность воспитывать ихъ въ понятіяхъ и чувствованіяхъ безотвѣтнаго рабства.

Бракъ въ первобытной жизни считался необходимымъ условіемъ для человѣческаго благодѣнствія, а многочисленное и хорошее потомство—небеснымъ благословеніемъ. Сыновья нужны патріархалу не только въ земной жизни, какъ помощники, работники, защитники семейства, но и въ загробной, какъ *кормители* душъ своихъ умершихъ пред-

ковъ, какъ приносители искупительныхъ жертвъ за нихъ. Жена и мужъ также необходимы другъ другу въ загробной жизни, которая, по первобытному представленію, есть не что иное, какъ продолженіе настоящей. Поэтому въ древности людей, умершихъ холостыми, вѣнчали при погребеніи съ людьми живыми, которые, послѣ своей смерти, и соединялись съ супругами въ «мѣстѣ злачнѣ». У славянъ мужчину, умершаго холостымъ, женили по смерти, и находились женщины, которыя охотно обрекали себя на сожженіе вмѣстѣ съ трупомъ женившагося. По вѣрованію малороссовъ, умирающимъ безъ пары нѣтъ мѣста на томъ свѣтѣ, и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи похороны парней, особенно дѣвушекъ, походятъ на свадьбу. По смерти дѣвушки, для нея на тотъ свѣтъ назначается женихъ, который провожаетъ покойницу до могилы и считается затѣмъ въ семействѣ умершей. Вдовы въ древности также сплошь и рядомъ кончали самоубійствомъ и сгорали на кострѣ вмѣстѣ съ трупами своихъ мужей. Жизнь вдовы была чрезвычайно тягостна и бѣдственна, и кромѣ того, по вѣрованію руссовъ, женщина могла войти въ рай не иначе, какъ только вмѣстѣ съ своимъ мужемъ; поэтому рѣдкія женщины переживали своихъ мужей и погибали на погребальныхъ кострахъ совершенно добровольно, какъ утверждаютъ иностранные свидѣтели, хотя нужно предположить, что этотъ убійственный обычай, какъ и въ Индустанѣ, не оставался безъ реакціи со стороны русскихъ женщинъ и поддерживался главнымъ образомъ эгоизмомъ мужчинъ, нуждавшихся въ служкѣ и хозяйкѣ для своей замогильной жизни. Въ былинахъ есть даже указаніе на то, что за умершей женщиной слѣдовалъ въ могилу ея мужъ. Настасья, жена Потока, говоритъ ему: «хотя ты на мнѣ и женишься, но кто изъ насъ прежде умретъ, второму за нимъ живому во гробъ идти». Потокъ исполнилъ это требованіе. Не смѣемъ утверждать, чтобы это было въ дѣйствительной русской жизни, но подобное явленіе до сихъ поръ можно встрѣтить у нѣкоторыхъ племенъ Африки. Ибнъ-Фоцланъ такъ описываетъ этотъ обычай. «По смерти знатнаго мужа, родные его спросили у его дѣвушекъ: кто изъ васъ желаетъ умереть съ нимъ? Одна изъ нихъ отвѣчала: я. Тогда приставили къ ней двухъ женщинъ, чтобы всюду ходить за нею и даже мыть ей ноги, а родные начали кроить платье умершему и готовить все нужное. Въ день сожженія дѣвушку подвели къ чему-то, сдѣланному на подобіе колодезнаго сруба; она стала на руки мужчинъ, заглянула въ срубъ и произнесла какія-то слова. Ее спустили съ рукъ и снова подвели въ другой и въ третій разъ. Ей подали пѣтуха; отрѣзавъ ему голову, она кинула его, а другіе, поднявъ его, бросили въ ладью умершаго (стоявшую на берегу). По объясненію переводчика, въ первый разъ дѣвушка сказала: «я вижу здѣсь отца и мать мою»; во второй: «теперь вижу всѣхъ моихъ родственниковъ»; въ третій разъ: «тамъ господинъ мой; онъ сидитъ въ раю, и рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ! Подлѣ него вся дружина его и дѣти. Онъ зоветъ меня, пустите меня къ нему!» Ее подвели къ ладьѣ. Она сняла съ себя запястье и отдала старухѣ, называемой *ангеломъ смерти;* снявъ кольца съ ногъ, отдала ихъ дѣвушкамъ, которыхъ называютъ *дочерями ангела смерти.* Послѣ этого ее понесли на ладью и ввели въ сдѣланную тамъ комнату. Пришли мужчины со щитами и палицами и дали ей стаканъ меду. Она взяла его, запѣла и выпила, въ знакъ прощанія со своими милыми. Ей дали другой стаканъ; она, взявъ его, запѣла длинную пѣсню, но старуха велѣла ей скорѣе выпить и войти въ комнату, гдѣ лежалъ мертвый господинъ ея. Дѣвушка перемѣнилась въ лицѣ и не хотѣла идти. Старуха схватила ее за голову и втащила въ комнату. Тутъ мужчины стали бить палицами въ щиты, чтобы другія дѣвушки не услыхали ея крика и не устрашились бы также въ свою очередь умирать вмѣстѣ со своими господами. Послѣ этого вошли въ комнату шесть мужчинъ для совокупленія съ нею... Наконецъ, положили дѣвушку подлѣ умершаго господина. Двое взяли ее за ноги, двое за руки, а старуха надѣла ей петлю на шею и подала веревку двумъ мужчинамъ, чтобы тянуть за нее, взяла широкій ножъ и вонзила въ бокъ между ребрами, а мужчины тянули за веревку, пока дѣвушка испустила духъ. Тогда явился ближайшій изъ родственниковъ, подошелъ къ ладьѣ и зажегъ лежавшія подъ нею дрова. Другіе пришли также съ пылающими отрубками и бросили ихъ на костеръ. Вскорѣ все запылало,—костеръ, ладья, комната, тѣла господина и дѣвушки и все бывшее въ ладьѣ».—Обычай вдовосожженія, вслѣдствіе нѣкотораго смягченія нравовъ и женской реакціи, совершенно палъ еще до того времени, съ котораго начинаютъ свой разсказъ наши историческіе источники. Но отъ вдовы все-таки требовалось, чтобы она, не вступая въ другой бракъ, принадлежала только своему умершему мужу и ожидала естественной смерти, долженствовавшей соединить ее съ нимъ. Въ послѣдующую эпоху, подъ вліяніемъ византизма, на этомъ воззрѣніи развился нравственно-обязательный обычай пострижения вдовъ.

Положеніе бездѣтной вдовы было крайне плачевно. Это была беззащитная, жалкая личность, подверженная насилію каждаго встрѣчнаго. Бездѣтная вдова считалась какъ бы негодною вещью, неудовлетворившею своему назначенію и выброшенною за ненадобностью на улицу. Женщина для патріархала есть не что иное, какъ орудіе для продолженія рода; цѣль ея жизни—рожденіе дѣтей, особенно сыновей, которыми только держится и продолжается родъ. Дочь, предназначенная для отдачи въ чужой родъ, мало интересуетъ патріархала и онъ ненавидитъ женщину, которая рождаетъ ему однѣхъ только дочерей. Даже до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи, напримѣръ, замужнія женщины нерѣдко совершаютъ дѣтоубійство единственно изъ страха родить строгому мужу ребенка женскаго пола. Напротивъ того, *матерая* вдова, какъ женщина, достойно выполнившая свое назначеніе, дѣлалась главою семейства, самостоя-

тельнымъ и правоспособнымъ лицомъ въ обществѣ.

Развитіе родовой патріархальной системы порабощало женщину и непосредственно, и посредствомъ того народнаго міросозерцанія, которое всегда развивается вмѣстѣ съ этой системой. Идея подчиненности женщины и низшей степени ея природы естественно возникаетъ и входитъ въ полную силу тамъ, гдѣ дѣятельною личностью и владыкою старается быть только одинъ мужчина. Женщина въ патріархальномъ быту должна быть пассивною самкой и рабыней, но такъ какъ она никогда вполнѣ не мирится съ этимъ положеніемъ и въ той или другой формѣ заявляетъ свою человѣческую личность, не имѣя въ то же время достаточно силы, на которой въ первобытной жизни основывается всякое право и которая доставляетъ уваженіе, то, по мѣрѣ развитія патріархальныхъ принциповъ, значеніе женщины постепенно падаетъ: она дѣлается существомъ слабымъ и презираемымъ. Это дикое презрѣніе къ женскому полу всегда было особенно сильнымъ у инородческихъ племенъ алтайской расы и, при сліяніи съ ними русскаго народа, постепенно переходило къ нему вмѣстѣ съ обычаями, утварью, легендами, миѳами. Еще въ то время, когда обры завоевали славянъ, азіятское презрѣніе къ женщинѣ высказалось въ такой формѣ, которая долго возмущала собою народную память и воспоминаніе о которой занесено въ лѣтопись. Обры не ѣздили ни на лошадяхъ, ни на волахъ, а непремѣнно на славянскихъ женщинахъ, запрягая ихъ по три и по четыре въ телѣгу. Физіологическія отправленія менструаціи и выдѣленія при родахъ—у всѣхъ дикарей рождаютъ идею о ношлости и нечистотѣ женской природы. Нечистоплотность дикарскихъ женщинъ, ведущая за собою болѣзненные припадки у мужчинъ послѣ извѣстнаго акта, еще болѣе усиливаетъ такое воззрѣніе на женщину, которое, безъ сомнѣнія, развилось у русскихъ самостоятельно и чрезвычайно усиливалось подъ вліяніемъ сливавшихся съ ними азіятскихъ племенъ. Но у этихъ инородцевъ женщина въ извѣстныя намъ историческія времена вовсе не имѣла того высокаго значенія, какое приписывали ей германцы и славяне, «видѣвшіе въ ней нѣчто священное», высшую силу вѣщей мудрости. Благодаря этой вѣщей силѣ, женщина въ первобытной славянской жизни далеко не находилась въ томъ унизительномъ состояніи, въ какомъ мы видимъ ее въ послѣдующую эпоху. Но при развитіи презрѣнія къ женщинѣ, какъ къ существу нечистому, при утвержденіи патріархальной системы, порабощавшей ее, женщина естественно оказывала сопротивленіе рабовладѣльческимъ тенденціямъ мужчины; она боролась съ нимъ и главными орудіями были для нея: хитрость, вѣдовское искусство, смертоносныя зелья. Въ умѣ патріархаловъ, поэтому, она постепенно превращалась въ представительницу злого начала, въ нечистое существо, къ которому особенно благоволитъ нечистая, дьявольская сила. Миѳическій змѣй, какъ извѣстно, особенно падокъ до женщинъ; онъ соблазняетъ ихъ, живетъ съ ними, награждаетъ ихъ богатствомъ, и при этомъ овладѣваетъ ими не всегда насильно, а нерѣдко привязываетъ ихъ къ себѣ любовью. Лѣшій также любитъ женщинъ, похищаетъ ихъ и заставляетъ жить съ собою въ любовномъ союзѣ. Отъ существа, которое вступаетъ въ такія интимныя связи съ нечистою силою, нечего ждать добра. И древняя вѣщая женщина превращается въ злую вѣдьму, въ орудіе злыхъ духовъ, дѣйствующихъ на погубу рода человѣческаго. Вѣдьма мѣшаетъ плодородію земли и женщинъ, воруетъ дождь и росу, насылаетъ бури и болѣзни, травитъ людей, превращаетъ ихъ въ животныхъ и т. д. Этихъ вѣрованій отнюдь нельзя приписывать одному только вліянію византизма; они возникли задолго до него и нерѣдко подвергали женщинъ ужаснымъ гоненіямъ, благодаря въ особенности инспираціямъ волхвовъ, боровшихся съ вѣдуньями, какъ съ конкурентами по профессіи. Эти обвиненія и клеветы на женщинъ встрѣчали полную вѣру въ мужскомъ населеніи,—такъ было всеобщее мнѣніе о враждебности женской природы. Въ 1024 г., по случаю голода въ Суздальской области, явились кудесники и начали «избивать старую чадь бабы», объясняя народу, что бабы держатъ у себя «гобино и жито» и сводятъ на землю голодъ. Народъ началъ поголовное истребленіе бабъ, и эту бойню кое-какъ остановилъ Ярославъ. Въ 1071 г. въ Ростовской области былъ страшный голодъ. Явились два волхва и пошли по Волгѣ, разглашая всюду, что «они знаютъ, кто обильe держитъ. Куда ни придутъ въ погостъ и называютъ имена зажиточныхъ женщинъ, говоря, что такія-то жито держатъ, а эти—рыбу, а эти—мѣха. И приводили къ нимъ жители сестеръ своихъ, матерей и женъ своихъ; они же, обмарочивая зрителей, разрѣзывали тѣло этихъ женщинъ за плечами и вынимали либо жито, либо рыбу; множество женщинъ они убили, а имущество ихъ взяли себѣ».

Такимъ образомъ, уже въ первую эпоху русской исторіи, женщина хотя и пользуется еще нѣкоторыми правами и вольностями, которыхъ она лишается въ послѣдующее время, но жизнь уже ясно идетъ къ утвержденію тѣхъ порядковъ, при которыхъ полное рабство является нормальнымъ и общепризнаннымъ положеніемъ женской личности. Въ слѣдующихъ главахъ мы подробно разсмотримъ, какъ совершилось ея полное подчиненіе подъ вліяніемъ родового начала и византизма.

II.

Патріархальные родовые принципы, которыхъ мы уже коснулись въ предыдущей главѣ, нашли въ русской землѣ такую удобную почву для своего полнаго развитія, какой они не имѣли нигдѣ въ западной Европѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, благодаря выгоднымъ для нихъ историческимъ условіямъ, они пустили такіе глубокіе корни въ народной жизни, что Русь XVI и XVII столѣтій является обществомъ столь же патріархальнымъ, какъ Японія, Китай, патриціанскій Римъ и т. д. Мало того, даже въ настоящее время эти принципы безусловно заправляютъ семей-

ною и общественною жизнію нашего крестьянства, мѣщанства, купечества и духовенства. Въ западной Европѣ, начавшей свое развитіе подъ вліяніемъ римской цивилизаціи, послѣдняя эпоха которой была ознаменована разложеніемъ архаическаго семейства и почти совершеннымъ паденіемъ патріархальныхъ началъ его,—въ западной Европѣ очень рано начала развиваться человѣческая личность и родовые принципы были не въ силахъ удерживать ее въ полномъ порабощеніи, тѣмъ болѣе, что этому препятствовалъ и антисемейный духъ католической религіи. У насъ же дѣла шли иначе. Русскіе смѣшивались не съ цивилизованными римлянами, а съ полудикими азіятскими патріархалами. Меря, чудь, мурома, половцы, берендеи, монголы, татары и другія инородческія племена алтайской расы, постепенно сливаясь съ русскими, смѣшивая свою кровь съ кровью славянскою, вліяли на нашъ языкъ, на наши нравы, обычаи, понятія, характеръ, вѣрованія, поддерживали и развивали въ русской жизни тотъ патріархально-родовой порядокъ, подъ которымъ они въ теченіе тысячелѣтій жили сами въ своихъ грязныхъ улусахъ.—Съ характеромъ этихъ основныхъ элементовъ слагавшагося русскаго общества вполнѣ гармонировало мощное вліяніе Византіи съ ея полуазіятскою цивилизаціей. Азіятскіе идеалы брака, семейства, общественныхъ отношеній, патріархальныхъ добродѣтелей имѣли самыхъ ревностныхъ поборниковъ въ нашихъ древнихъ моралистахъ и представителяхъ общественной и частной жизни, школы, закона и церкви. При помощи этой многовѣковой пропаганды крѣпли и достигали полнаго развитія уже выработанныя народною жизнію родовыя начала и слагалось то міросозерцаніе, которое всевластно царитъ въ нашей жизни вотъ уже второе тысячелѣтіе, выражаясь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, въ правахъ и обычаяхъ, въ народныхъ пословицахъ и пѣсняхъ, въ сильвестровскомъ «Домостроѣ» и въ комедіяхъ Островскаго.

Единицею древняго общества была семья, которая, оставаясь нераздѣльною, заключая въ себѣ не только родителей и дѣтей, но и всѣхъ кровныхъ родственниковъ, кромѣ женщинъ, выданныхъ замужъ, превращалась въ родъ. Тогда несравненно чаще, чѣмъ теперь, подъ властью родоначальника группировались и его дѣти, и братья, и племянники, и даже отдаленные родственники съ своими семействами. Такіе многочисленные семьи-роды, которые до сихъ поръ можно встрѣчать во множествѣ мѣстностей Великороссіи, владѣли, на условіяхъ общаго пользованія, своимъ родовымъ имуществомъ, дворомъ. «Дворъ былъ средою родового быта, выразителемъ родового устройства жизни, былъ экономическимъ, хозяйственнымъ типомъ рода». Сохраненію за дворомъ его родового характера въ древности способствовало множество причинъ; напр., самый поборъ дани съ двора, съ дыма, отъ плуга, отъ рала, слѣдовательно, съ хозяйства, что практически должно было единить родство на одномъ мѣстѣ, принуждало жить въ одномъ дворѣ цѣлыя племена: «живяху кождо съ своимъ родомъ». У людей зажиточныхъ въ составъ такого семейства, кромѣ кровныхъ его родственниковъ, входило еще много посторонихъ лицъ—рабовъ, холоповъ, кабальниковъ, призрѣваемыхъ вдовъ и сиротъ. Знатные господа, кромѣ цѣлой орды слугъ, имѣли еще особыхъ тѣлохранителей, вооруженныхъ луками, стрѣлами и самопалами, въ татарскихъ шапкахъ, въ бѣлыхъ и сѣрыхъ епанчахъ. У людей, имѣвшихъ домовыя церкви, жили на дворѣ дьячокъ и священникъ, который считался также какъ бы членомъ хозяйскаго семейства.

Дворъ, населенъ ли онъ былъ семьею, въ тѣсномъ значеніи этого слова, или же родомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ семей, подчиненныхъ старѣйшему лицу,—принадлежалъ ли онъ бѣдному земледѣльцу, богатому купцу или же роскошному и сильному вельможѣ,—во всякомъ случаѣ дворъ представлялъ изъ себя какъ бы отдѣльное царство, находившееся подъ абсолютною властью своего родоначальника или отца, который дѣйствительно и назывался *государемъ*. Отеческая власть въ древней Россіи и по закону, и на практикѣ, и по народному воззрѣнію, и по ученію церкви—была почти безграничною. Въ продолженіе вѣковъ наши предки употребляли всѣ усилія, чтобы утвердиться самодержцами въ своихъ семействахъ: въ продолженіе вѣковъ ихъ поддерживали въ этомъ стремленіи проповѣдники византійской школы, которые, опираясь на патріархальные идеалы семейной жизни, превращали родительское самодержавіе въ религіозную обязанность для каждаго отца или родоначальника. Въ церковной проповѣди, въ домашнихъ бесѣдахъ, во множествѣ поучительныхъ сочиненій, изъ которыхъ постепенно формировался «Домострой», отцу внушалось, что онъ «государь», «настоятель», «игуменъ», «апостолъ» своего дома, что онъ одинъ за всѣхъ домочадцевъ дастъ отвѣтъ въ день страшнаго суда и что, поэтому, онъ долженъ руководить всѣми членами семейства, направляя ихъ дѣйствія къ одной предначертанной имъ цѣли. Его воля должна быть закономъ для дѣтей, которыя обязаны ему безусловнымъ повиновеніемъ. «Имѣй чадо, говоритъ старинное поученіе—отца своего, *аки Бога*»... «Чтите родителей своихъ, яко Бога, и поклоняйтеся имъ,—проповѣдуется въ одной изъ древнѣйшихъ редакцій «Домостроя»,—аще бо человѣкъ чтитъ родителей своихъ, то онъ весь законъ свершилъ есть». Такимъ образомъ у человѣка, подчиненнаго отеческой власти, отрицалась всякая воля, всякая возможность свободнаго дѣйствія; вмѣсто своей воли онъ долженъ былъ руководствоваться волею отца даже въ религіозномъ отношеніи, и чтобы «свершить весь законъ», выполнить всѣ заповѣди вѣры, ему достаточно было безусловно повиноваться родителю, какъ Богу. Отецъ же, для правильнаго содержанія своихъ домочадцевъ въ религіозномъ законѣ, обязывался какъ можно чаще обращаться за совѣтами къ духовникамъ и монахамъ. «Домострой» предписываетъ «часто призывать ихъ въ домъ свой, совѣтоваться съ ними, какъ учить жену и дѣтей своихъ», при чемъ прибавляетъ: «слушайте отца духовнаго во всемъ, чтите

его и бейте челомъ предъ нимъ низко и повинуйтесь ему со страхомъ, потому что онъ вашъ учитель и наставникъ». И нужно замѣтить, что, стараясь всѣми силами развить и поддержать абсолютную отеческую власть, духовенство заботилось не объ одномъ только осуществленіи священныхъ для него патріархальныхъ идеаловъ семейнаго быта, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло въ виду сдѣлать изъ родительскаго авторитета орудіе для пропаганды своихъ доктринъ и обрядовъ. Таковъ смыслъ многочисленныхъ «поученій отца къ дѣтямъ» — этихъ важныхъ памятниковъ нашей древней письменности. Отецъ является здѣсь не только господиномъ своихъ домочадцевъ, но и ихъ религіознымъ учителемъ, ихъ руководителемъ въ дѣлѣ спасенія. Въ тѣсной сферѣ семейства онъ выполнялъ для церкви ту же миссію, апостолами которой на широкомъ поприщѣ великой Россіи были Кириллъ бѣлозерскій, Стефанъ пермскій, Зосима и Савватій соловецкіе. Ему предписывалось быть «игуменомъ и апостоломъ въ дому своемъ», а домочадцы, какъ монахи, прежде всего обязывались исполнять добродѣтель самоотреченія, не имѣть своей воли и быть рабами настоятеля своего домашняго монастыря. Для воспитанія молодыхъ поколѣній въ духѣ такой пассивности и зависимости, учители затрогивали самые разнообразные мотивы души человѣческой. Составитель «Домостроя» въ своихъ, повидимому, проникнутыхъ христіанскимъ духомъ поученіяхъ преслѣдовалъ чисто-житейскія цѣли и училъ добродѣтели во имя грубой выгоды. «Подражай мнѣ,—говоритъ онъ сыну:—смотри, какъ я отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ, потому что всѣмъ уноровилъ». Въ частности, та же самая матеріальная выгода выставлялась мотивомъ и въ дѣлѣ повиновенія родителямъ. Дѣти должны были *уноровить* имъ, чтобы быть взысканными ихъ милостями. «*Чадо, отца своего почти, да имѣніе свое тебѣ оставитъ*», говоритъ древнее поученіе. Въ практической жизни это расчетливое правило всегда служило одною изъ главныхъ основъ сыновняго повиновенія, пріучая людей къ лицемѣрной угодливости и къ самому безнравственному рабству. Проповѣдуя отцамъ, что они за надлежащее «наказаніе сыновъ своихъ» получатъ награду на землѣ и на небѣ, древнерусская доктрина, обращаясь къ дѣтямъ, утѣшала ихъ тѣмъ, что они въ свою очередь также будутъ отцами и домовладыками и за всѣ лишенія и стѣсненія своей пассивной жизни подъ отеческою властью будутъ вознаграждены такимъ же безусловнымъ повиновеніемъ дѣтей своихъ. Молодому рабу за его добровольное подчиненіе произволу старшаго обѣщалось въ награду полное самовластіе надъ рабами, которыхъ народитъ ему жена... Страхъ родительскаго проклятія и адскихъ мукъ за неповиновеніе и надежда на родительское благословеніе и небесную награду за послушаніе—были также сильными мотивами, заставлявшими людей держаться правилъ о безусловной сыновней покорности. Утвержденію въ жизни этихъ патріархальныхъ идей и порядковъ много содѣйствовало и то обстоятельство, что общественныхъ школъ, общественнаго образованія юношества въ старинной Россіи почти вовсе не было, и въ этомъ отношеніи она стояла даже ниже тогдашней Турціи (Мордовцевъ, о Школьн. книг. XVII в., 81—84). Какъ въ Китаѣ, развитіе семейныхъ добродѣтелей по идеаламъ «Домостроя» было главною цѣлью древнерусскаго воспитанія. Первымъ и, въ большинствѣ случаевъ, даже единственнымъ воспитателемъ своихъ дѣтей былъ самъ отецъ. Страхъ былъ основою этой грубой педагогической системы, и самое воспитаніе до такой степени отожествлялось съ побоями, плетью и розгами, что называлось *наказаніемъ*. Всѣ домостройныя сочиненія *) рекомендовали непремѣнно дѣйствовать на дѣтей посредствомъ запугиванья:

Внимайте словамъ моимъ учительскимъ,
Да не будете повинны ранамъ мучительскимъ,

говоритъ, обращаясь къ дѣтямъ, одно старинное педагогическое стихотвореніе. Панегириками розгамъ, плети и палкамъ наполнены всѣ подобныя сочиненія. Они проповѣдуютъ, что безъ розги нѣтъ спасенія; что сѣчь дѣтей розгами велитъ самъ духъ святой, что только розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ на небо, что розга остритъ умъ и возбуждаетъ память:

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте,
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте,

восклицаетъ одна азбука XVII в. Другой азбуковникъ даже обращается къ Богу съ молитвою объ изобильномъ урожаѣ розогъ,—

Благослови, Боже, оные лѣса,
Иже розги добрыя родятъ, на долги времена!

Въ многочисленныхъ наставленіяхъ отцамъ, какъ они должны учить дѣтей и устроять домъ свой, этотъ духъ непреклонной строгости и безсердечной жестокости доходитъ до крайности. Поученія эти заимствованы большею частью изъ византійскихъ источниковъ; но русскіе переводчики и составители ихъ обыкновенно пропускали всѣ тѣ мѣста греческаго подлинника, въ которыхъ говорится о любви къ дѣтямъ, о кроткомъ обхожденіи съ ними, о любезномъ обращеніи отца семейства со всѣми домочадцами. (Лавровскій, Памят. старин. воспитанія, 18). Они выбирали только тексты, толкующіе о необходимости суровой строгости и совѣтующіе отцу «не щадить жезла», «сокрушать ребра», «учащать раны», «держать имя свое грозно». Въ дѣлѣ воспитанія и домоправленія «первая вещь есть жезлъ, его же потребу самъ Богъ всемогущій показалъ есть», говорится въ поученіяхъ. «Не ослабляй ударовъ надъ младенцемъ, учитъ «Домострой»,—ибо если ты учишь его жезломъ, то онъ не умретъ, а только здоровѣе будетъ; бія его по тѣлу, ты избавляешь тѣмъ его душу отъ смерти. Изъ

*) До сильвестровскаго «Домостроя» и послѣ него въ нашей литературѣ было множество сочиненій въ томъ же родѣ, преимущественно переводныхъ и компилятивныхъ. Они успѣшно распространялись въ публикѣ, заучивались наизусть и входили въ составъ того патріархальнаго міросозерцанія, которое попъ Сильвестръ изложилъ въ своемъ «Домостроѣ».

любви къ сыну учащай ему раны, чтобы послѣ порадоваться о немъ. Наказывая его въ младости, ты будешь веселиться о немъ въ его мужествѣ, и среди знакомыхъ можешь похвастаться имъ, и враги твои позавидуютъ тебѣ. Не давай ему власти въ юности, но сокрушай ему ребра, пока онъ растетъ. На дочь положи грозу свою—и сохранишь ея тѣлесную чистоту; пусть будетъ послушна и не имѣетъ своей воли». Та же палочная система рекомендуется по отношенію къ женѣ, рабамъ и рабынямъ, которыя, по Домострою, «Богомъ созданы суть и намъ отъ Бога поручены на послугу». «Домострой» и другія поучительныя сочиненія запрещаютъ даже сильно любить дѣтей, потому что неумѣренная любовь къ нимъ такъ же пагубна, какъ и «вино, безмѣрно піемое». Не любовь, а страхъ долженъ лежать въ основѣ отношеній отца къ дѣтямъ. Ему запрещается даже играть и шутить съ ними. «Накажи чадо, и удивитъ тя; не играй съ нимъ, да не сотворитъ печали; не смѣйся съ нимъ, да не поболиши о немъ».

При всемъ томъ, что большинство подобныхъ правилъ и наставленій заимствовано было изъ чуждыхъ, византійскихъ источниковъ, это заимствованіе было чисто формальное, и русская жизнь совершенно самостоятельно приготовила почву, на которой безпрепятственно и сразу акклиматизировались эти домостройныя, византійскія доктрины. Старинный отецъ, какъ и современный намъ Титъ Титычъ Брусковъ, державъ свой домъ въ такомъ рабскомъ подчиненіи и страхѣ, о которыхъ невозможно составить себѣ понятія даже по «Домострою». Дѣйствительность не только выполняла домостройные идеалы, но даже далеко превосходила ихъ. Семья была чѣмъ то въ родѣ арестантской команды, сдерживаемой въ повиновеніи только страхомъ палки и плети, а отецъ—грозою всѣхъ домочадцевъ, владыкой, который «въ своемъ домѣ что хочетъ, то и дѣлаетъ, и никто ему не указъ», какъ выражается Титъ Титычъ. Воспитанный подъ игомъ отеческаго самовластія, видѣвшій вокругъ себя только отношенія рабовъ и деспотовъ и вѣрившій въ священную непреложность такихъ порядковъ, русскій человѣкъ, освободившись изъ-подъ родительской опеки и сдѣлавшись самостоятельнымъ домовладыкой, естественно, превращался въ такого же деспота и самодура, какимъ былъ и воспитавшій его тятенька. Воцарившись въ своей семьѣ, онъ не хотѣлъ знать никакихъ другихъ законовъ, кромѣ своей воли, дикой своимъ невѣжествомъ и необузданной въ своихъ животныхъ инстинктахъ. Проникая собою и всю общественную жизнь, патріархальные принципы и здѣсь утверждали такой же точно режимъ самодурства, какой мы видимъ въ семействѣ. Иванъ Грозный и Титъ Титычъ Брусковъ являются каждый въ своей сферѣ порожденіями и представителями однихъ и тѣхъ же принциповъ...

По общему народному убѣжденію, отецъ могъ сдѣлать съ своими дѣтьми все, что ему было угодно. «Мое дѣтище,—хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю», говоритъ такой отецъ у Островскаго, и эта идея безграничной отеческой власти проходитъ черезъ всю нашу исторію. Надъ жизнью и смертью дѣтей отцы хотя и не имѣли права, но, съ другой стороны, за убійство ихъ законъ налагалъ на нихъ столь легкое сравнительно наказаніе, что тѣмъ самымъ какъ бы признавалъ необузданность родительскаго произвола, и самое дѣтоубійство считалъ только *грѣхомъ*, а не преступленіемъ. «Буде отецъ или мать—говоритъ Уложеніе Алексѣя—сына или дочь убіетъ до смерти, и ихъ за то посадити въ тюрьму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви Божіей и объявлять тотъ свой грѣхъ людямъ вслухъ, а смертью отца или матери за сына и за дочь не казнити». Что же касается побоевъ, увѣчій, самыхъ варварскихъ истязаній, то ни законъ, ни общественное мнѣніе нисколько не охраняли отъ нихъ дѣтей, хотя сплошь и рядомъ случалось, что, по «Домострою», «учащая роны», «не щадя жезла», «сокрушая ребра», домовладыка медленно убивалъ своихъ домочадцевъ, доводилъ ихъ до отчаянія, вгонялъ въ смертельную болѣзнь, засѣкалъ до смерти. Смотря сквозь пальцы на подобныя проявленія домашней тиранніи, законъ строжайше преслѣдовалъ всѣ покушенія дѣтей противъ отеческой личности, малѣйшія оскорбленія родительскаго авторитета. Мало того, что за убійство родителей виновные подвергались жесточайшей смертной казни,—стоило только отцу или матери пожаловаться, что дѣти не слушаютъ или не почитаютъ, или же оскорбляютъ ихъ, и власть обязана была, основываясь на однихъ только родительскихъ показаніяхъ, «чинити дѣтямъ жестокое наказаніе, бити ихъ кнутомъ нещадно и приказати имъ быть у отца и у матери во всякомъ послушаніи, безо всякаго прекословія». Такіе порядки еще очень недавно господствовали въ мѣщанскомъ сословіи, а у крестьянъ они продолжаютъ существовать даже до сихъ поръ, и міръ или общественная власть, по просьбѣ родителей *поучить* ихъ дѣтище, нитѣмъ не стѣсняясь, подвергаютъ несчастнаго раба тѣлесному наказанію. Жалобы же дѣтей на родителей считались преступленіемъ, но нимъ запрещено было всякое дѣлопроизводство, а за принесеніе ихъ дѣтей велѣно было драть кнутомъ и затѣмъ возвращать родителямъ, которые, конечно, въ свою очередь повторяли на тѣлѣ непокорныхъ челобитчиковъ нравоученіе, данное имъ начальствомъ.

Судьбою и карьерою своихъ дѣтей отецъ распоряжался совершенно неограниченно; онъ женилъ сына, выдавалъ замужъ дочь, лишалъ дѣтей наслѣдства, изгонялъ ихъ изъ дому, отдавалъ ихъ въ услуженіе или, поступая самъ въ кабальную зависимость, вмѣстѣ съ тѣмъ закабалялъ и все свое потомство. Родители имѣли право отдавать своихъ дѣтей въ рабство, и этимъ правомъ отцы пользовались въ широкихъ размѣрахъ, особенно во время общественныхъ бѣдствій, такъ часто доводившихъ страну до ужасной нищеты и голода. По свидѣтельству иностранцевъ, отецъ могъ до четырехъ разъ продавать своего сына, но послѣ четвертой продажи онъ терялъ всѣ свои права надъ нимъ. Продавать

и закладывать своихъ дѣтей иногда побуждала родителей одна только нужда денегъ ради пьянства, и эта дѣтоторговля продолжалась по мѣстамъ вплоть до настоящаго вѣка. Такъ, напримѣръ, въ 1760 году въ Омскѣ пшенникъ Бекишевъ насчиталъ на разночинцѣ Оконечниковѣ 25 р., при пріемѣ отъ него мірскихъ денегъ. Бекишевъ пожаловался на него управителю Куличкину, который «началъ стращать Оконечникова плетьми». «И убоясь такихъ угрозовъ, за неимѣніемъ своихъ, заложа сына своего родного поручику Меншикову въ 25 рубляхъ», Оконечниковъ отдалъ ихъ Бекишеву. Такъ, въ то же время крестьянинъ Малышевъ заложилъ какимъ-то киргизамъ двухъ своихъ племянниковъ. Такая дѣтоторговля, въ измѣненной нѣсколько формѣ, продолжается вплоть до настоящаго времени. Въ низшихъ классахъ сплошь и рядомъ отецъ входитъ въ долги и отдаетъ кредитору своего сына для отработки этихъ долговъ, или же, отдавая сына въ работу, беретъ себѣ его вознагражденіе и т. д.

Семья была единицею общества, юридическою личностью, а отецъ—ея владыкою и представителемъ. Семья сообща владѣла своимъ имуществомъ, но отецъ, бывшій въ сущности только управителемъ этого имущества, въ силу своей неограниченной власти сплошь и рядомъ распоряжался имъ, какъ своею полною собственностью. Его волю въ этомъ отношеніи не ограничивали никакія институціи, въ родѣ маіоратовъ. Дѣдъ Грознаго, Иванъ Васильевичъ, говорилъ псковичамъ: «чи не воленъ язъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? Кому хочу, тому и дамъ княжество!» Такая свобода, предоставленная родителямъ въ дѣлѣ назначенія наслѣдниковъ и распредѣленія наслѣдства, была одною изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ поддержанію и развитію ихъ суровой власти. Заботясь, подобно всѣмъ патріархалямъ, о продолженіи своего рода и о лучшемъ устройствѣ своей загробной жизни, древнерусскій человѣкъ, естественно, предпочиталъ наслѣдницамъ наслѣдниковъ, которые продолжатъ его генерацію и посредствомъ искупительныхъ жертвъ спасутъ его душу гораздо успѣшнѣе, чѣмъ это могутъ сдѣлать женщины. «Устройство души» умершаго было главною заботою наслѣдника, и если это дѣло велось съ толкомъ, то достигало вполнѣ своей цѣли. Поминальныя жертвы сына могли спасти самаго отчаяннаго грѣшника. Когда умеръ новгородскій посадникъ Щила, бывшій ростовщикомъ, то онъ былъ посаженъ на томъ свѣтѣ на самое дно адово. Архіерей въ поученіе православнымъ велѣлъ изобразить на иконѣ адъ и горящаго въ немъ Щилу, всего объятаго пламенемъ, а наслѣднику его посовѣтывалъ служить по немъ сорокоусть 40 дней у 40 церквей. Послѣ сорокоуста голова Щилы на упомянутой картинѣ чудеснымъ образомъ очутилась внѣ огня; послѣ второго сорокоуста онъ поднялся изъ адскаго пламени до пояса, а послѣ третьяго—совсѣмъ освободился. Оставляя наслѣднику наслѣдство и обязывая его заботиться объ устройствѣ души своей, русскій человѣкъ обыкновенно старался не только устроить остававшихся отъ него домочадцевъ, но и силою своего священнаго родительскаго авторитета предписывалъ имъ правила дальнѣйшей жизни. Родительская власть стремилась быть безсмертною и управлять подвластными ей людьми даже тогда, когда ея носитель ея лежалъ уже въ могилѣ. Со старинной точки зрѣнія, убѣжденія и мнѣнія отца были нравственно-обязательными для всего его потомства. Составъ членовъ семейства мѣнялся вслѣдствіе смертности и нарожденія, но юридическая личность семьи оставалась безсмертною и духъ ея, выражавшійся въ праотческихъ традиціяхъ, долженствовалъ пребывать неизмѣннымъ.

Каждый членъ старинная семейства былъ не лицомъ, а только составною частью коллективной личности—того семейства, къ которому онъ принадлежалъ. Лицо совершенно поглощалось и подавлялось семьей и родомъ. Вмѣняемость, какъ нравственная, такъ и юридическая, носила родовой характеръ и за дѣйствія лица отвѣчало не одно оно, а вмѣстѣ съ своими кровными родственниками. Увѣщевая отца устроить домъ свой въ законѣ божіемъ, «Домострой» говоритъ: «если небреженіемъ и нерадѣніемъ твоимъ ты самъ или жена твоя твоимъ ненаказаніемъ согрѣшитъ, или домочадцы твои, мужи и жены и дѣти, каковъ грѣхъ сотворятъ,—брань, или блудъ, или татьбу, или другое зло,—то *всѣ вы имѣсте* по дѣламъ своимъ прімите, зло сотворшіе—муку вѣчную, а добро сотворшіе и иже съ тобою вкупѣ—жизнь вѣчную». Идея такой круговой семейной отвѣтственности проникала собою и юридическую жизнь народа. Вплоть до Уложенія царя Алексѣя дѣти и жены отвѣчали за долги своихъ отцовъ и мужей; у дѣтей вора и измѣнника конфисковалось имущество; разбойники выдавались «на потокъ и разграбленіе», а преступники вообще посылались въ ссылку и заточеніе вмѣстѣ съ своими женами и дѣтьми; несостоятельныхъ должниковъ били на привязѣ палками, и если даже послѣ этого они не могли уплатить своего долга, то ихъ заставляли продавать свое семейство, отъ жены до послѣдняго ребенка, пока они не уплачивали всего долга до копѣйки; если помѣщикъ убивалъ крестьянина другого владѣльца, то послѣдній бралъ изъ имѣнія убійцы лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми, вовсе не спрашивая о желаніи ихъ идти къ другому господину; въ случаѣ бѣгства крестьянина, бросали въ тюрьму жившихъ не въ раздѣлѣ съ нимъ его родственниковъ и подсосѣдниковъ и т. д. *). При безграничномъ произволѣ, господствовавшимъ надъ обществомъ, такая коллективная отвѣтственность доходила нерѣдко до ужасающихъ размѣровъ, особенно въ царствованіе Грознаго, который, казня мнимыхъ или дѣйствительныхъ злоумышленниковъ, сплошь и рядомъ

*) Отвѣтственность домочадцевъ другъ за друга не исчезла и въ новѣйшей, преобразованной Россіи. Вотъ что, напр., разсказываетъ аббатъ Шапъ: «Заѣздили въ одинъ домъ въ Петербургѣ для того, чтобы найти квартиру, я увидѣлъ тамъ отца, прикованнаго къ столбу среди своего семейства. Его сынъ былъ назначенъ въ солдаты и безъ его вѣдома бѣжалъ; отецъ былъ узникомъ у себя дома, дѣти были его стражею и съ каждымъ днемъ ожидали суда». Въ административной практикѣ подобный способъ взысканій нерѣдко употреблялся вплоть до начала царствованія императора Александра II.

истреблялъ вмѣстѣ съ ними и весь ихъ родъ безъ остатка. Убивъ, напримѣръ, одного боярина, онъ не велѣлъ оставлять въ живыхъ ни одного человѣка изъ его домашнихъ, даже ни одного животнаго. «Три тысячи его служителей, говоритъ Петрей, съ ихъ друзьями и родственниками, всѣ погибли горькою смертью; всѣ крестьяне съ женами и дѣтьми перебиты или разсѣяны; его жена, бывшая тогда беременною, и дочери сначала опозорены палачами, а потомъ изрублены въ куски». Въ другой разъ, заподозривъ нѣсколькихъ бояръ въ заговорѣ съ польскимъ королемъ, онъ велѣлъ истребить ихъ со всѣмъ ихъ родомъ, съ женами, дѣтьми, прислугою, крестьянами, рогатымъ скотомъ, собаками и кошками, даже съ рыбою въ водѣ.

Подобныхъ жестокостей нельзя объяснять однимъ только самодурнымъ сумасшествіемъ тирана; въ нихъ выражалась та же идея родовой вмѣняемости, которая породила и дикую виру, и круговую поруку, и вообще отвѣтственность рода за дѣйствія каждаго его члена. Подавленная родомъ человѣческая личность не имѣла никакого самостоятельнаго значенія, и люди, выдѣлявшіеся изъ рода, пользовавшіеся личною независимостью и носившіе названіе *гулящихъ*, считались какими-то несчастными отверженниками, грѣшниками, нарушившими священныя правила общественнаго строя. Своеволіе было преступленіемъ, а личная независимость, по ученію древнерусскихъ моралистовъ, служила источникомъ всевозможныхъ бѣдъ для того человѣка, который дерзнулъ отдѣлиться отъ своего рода-племени. Достоинство и значеніе человѣка заключалось не въ его личныхъ достоинствахъ, заслугахъ и доблестяхъ, а въ его старшинствѣ въ своемъ родѣ или въ старшинствѣ его рода, что такъ рѣзко выражается въ древнерусскомъ мѣстничествѣ. Честь личности лежала также на идеѣ достоинства *отечества*, рода; самое слово *честь*, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ слова *отецъ*; *чтить* образовалось изъ *отчить*—относиться къ человѣку, какъ къ отцу, воздавать ему отеческое уваженіе. Поэтому-то, чтобы обезчестить русскаго человѣка, чтобы оскорбить его, нужно было задѣвать не его личность, а его родъ, его родовую честь; вотъ почему у насъ, какъ и у всѣхъ народовъ, жизнь которыхъ сильно проникнута патріархально-родовыми началами, самая сильная брань—матерная.

Тѣ же порядки, та же родовая идея, то же подавленіе личности, какія мы видимъ въ семействѣ, характеризуютъ собою и всѣ другія общественныя отношенія древней Россіи. Наша древняя община была общиною родовъ или семей, а не свободныхъ и равныхъ личностей. Вездѣ—и въ первичной формѣ сельской общины, и въ величавой формѣ новгородской республики—общинная жизнь постоянно создавала аристократію богатства, выдвигала на передній планъ нѣсколько *лучшихъ*, богатыхъ родовъ (все-таки не лицъ), которые и заправляли всею общинною жизнью, держа въ подчиненіи у себя другіе роды. Эта тиранія меньшинства, это вотчинное самовластіе богатыхъ родовъ, эта суровая власть старшихъ надъ младшими выражаются и въ вѣчевомъ представительствѣ, которымъ такъ восторгаются славянофилы и которое, по справедливому замѣчанію г. Забѣлина, «по духу своихъ совѣщаній и рѣшеній и по формѣ людскихъ отношеній походило на собравшуюся родню, которая совѣтуется о семейномъ дѣлѣ... Таковъ былъ смыслъ и характеръ нашего народнаго представительства въ теченіе всего періода нашей исторіи и на вѣчахъ, и на сборахъ, и на мірскихъ сходкахъ: *«что старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и меньшіе станутъ»*. Тотъ же семейный, родовой характеръ носила и личная княжеская власть. Рюриковскій родъ относился къ русской землѣ, какъ къ своей родовой собственности, точно такъ же какъ, крестьянское семейство относилось къ своему хозяйству. Родовыя княжескія междоусобицы кончились основаніемъ царской власти, отеческой власти, единой для всѣхъ дѣтей русской земли. «Идеалъ родительской опеки былъ основателемъ и устроителемъ всего нашего быта», говоритъ Забѣлинъ въ прекрасномъ введеніи къ своей книгѣ о бытѣ русскихъ царицъ. «По этому идеалу создалось наше общество и государство. По этому идеалу наше общество представлялось совокупностью семьи или родни, такъ что его разряды и ступени, особенно низменные, иначе и не представлялись, какъ малолѣтними и постоянно обозначались именами родства, какъ, напримѣръ, *отроки, пасынки, дѣтскіе, молодежь*. Самые низменные въ общественномъ смыслѣ именовались *сиротами*, т. е людьми несчастными въ смыслѣ родства, а стало быть и въ общественномъ смыслѣ, каково было вообще неслужилое земледѣльческое и промышленное сословіе, не обладавшее властнымъ положеніемъ въ обществѣ». На всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни лежалъ родовой, семейный характеръ. Отеческая власть была прототипомъ всякой власти, а семейство—прототипомъ государства.

При такихъ порядкахъ для женщинъ возможно было только одно состояніе—состояніе полнаго рабства. Родовое начало, какъ увидимъ, совершенно отрицало въ женщинѣ личность и дѣлало ее пассивнымъ орудіемъ рода. Вторымъ, не менѣе сильнымъ факторомъ этого порабощенія женщины былъ византизмъ.

III.

Византизмъ наложилъ на всю древнерусскую жизнь печать мрачной, суровой замкнутости. Русь представляла собою картину обширной, необработанной и бѣдной страны, населенной невѣжественными обитателями; не было въ ней ни университетовъ, ни школъ, ни медиковъ, ни юристовъ, ни ученыхъ, ни поэтовъ; произведенія искусствъ не украшали собою русской почвы, свободное мышленіе считалось преступленіемъ, Европа—страною отверженныхъ еретиковъ. Зато безчисленное множество юродивыхъ, блаженныхъ, кликушъ и божіихъ людей всякаго рода спуталъ по всѣмъ направленіямъ русской земли; длинныя вереницы пилигримовъ, знахарей и кудесниковъ блуждаютъ изъ одного конца страны въ другой, милліоны нищихъ осажда-

ютъ монастыри, паперти церквей и двери всякаго зажиточнаго дома; колокольный звонъ днемъ и ночью; всюду запахъ ладона. Это европейскій Тибетъ, для котораго идеаломъ жизни служитъ сподвижничество и въ которомъ пустыня считается земнымъ раемъ. Малолѣтніе дѣти отъ родителей, жены отъ мужей, мужья отъ женъ, юноши отъ своихъ невѣстъ,—всѣ стремятся въ монастырь или въ пустыню на подвиги, достигая посредствомъ ихъ святости. Начиная почти съ самаго введенія христіанства, въ обществѣ развивается убѣжденіе, что, живя въ мірѣ и имѣя семейство, спастись невозможно. Обѣтъ цѣломудрія и отреченія отъ міра считается обязательнымъ для каждаго, желающаго быть полнымъ, истиннымъ христіаниномъ. Но такъ какъ невозможно было всѣхъ сдѣлать монахами и запереть въ монастыри, то каждый старался ввести монастырскую жизнь въ свой домъ и до извѣстной степени подчинить семейство правиламъ монастырскаго устава. «Домострой» не даромъ говоритъ домовладыкамъ, что они «*игумены* домовъ своихъ». Эти «игумены», подъ руководствомъ своихъ духовниковъ, которые оказывали самое дѣятельное вліяніе на ходъ домоправленія и которымъ даже сами «игумены» кланялись обыкновенно до земли, вводили въ своихъ семействахъ такіе порядки, которые могли помирить съ семейною жизнью даже аскетическаго врага ея, если только въ немъ не умерли еще всѣ общественныя чувства. «Домострой» предписываетъ каждому православному «по вся дни, утромъ вставъ, Богу молитися и отнѣти заутреню и часы, а въ воскресенье и праздникъ—молебенъ и святымъ каѳеніе. Вечеромъ же отнѣти вечерню, повечерницу, полунощницу съ молитвами и поклонами». Послѣ этой вечерней службы «отнюдь не пити, ни ѣсти, ни молвы творити. А ложася спать, три поклона въ землю положити. А въ полуночи всегда, тайно вставъ, со слезами прилежно Богу молитися, елико вмѣстимо. Всегда четки въ рукахъ держати и молитву Іисусову во устахъ непрестанно имѣти,и въ церкви, и дома и въ торгъ ходя, и стоя, и сидя, и на всякомъ мѣстѣ». Принимаясь за какое-нибудь дѣло, уходя за чѣмъ-нибудь изъ дому, садясь за обѣдъ и ужинъ, должно, «устроивъ себя, прежде святымъ поклонитися трижды въ землю, проговорить «Достойно» да молитву Іисусову да *благословится у настоятельствующаго*», и потомъ уже приступать къ дѣлу. Водворяя въ домѣ эти и многіе другіе монастырскіе обряды, «Домострой» старался поселить въ немъ и монастырскій духъ, проповѣдуя безусловное послушаніе домовладыкѣ-игумену, запрещая всякія игры и забавы, предписывая домочадцамъ «имѣть душевную чистоту, тѣлесное безстрастіе, походку кроткую, голосъ умѣренный, слово благочинное; передъ старшими хранить молчаніе, сильнымъ оказывать повиновеніе, не смѣяться, избѣгать споровъ и возраженій, говорить меньше, а слушать больше, зрѣніе имѣть долу, а душу горѣ» и т. д., и т. д. Тотъ же самый монастырскій духъ распространялся и на всю общественную жизнь. Неподвижность была идеаломъ умственной и общественной жизни и рутина тормозила жизнь даже въ мелочахъ. Для всего было дано правило, и «Вождь по жизни» говоритъ: «всему есть обычай испоконъ вѣка и дѣло то должно вернуться безъ всякой поруки». Всѣ удовольствія, развлеченія, игры были дѣломъ дьявола, бѣсоугодіемъ, языческой мерзостью. Народныя пѣсни, сказки, поговорки относились къ той же категоріи, а сочиненія, исполненныя «небылицъ и вымысла», сожигались на тѣлѣ ихъ авторовъ и распространителей. Игры, хороводы, качели предавались проклятію и преслѣдовались властью. Пляска, особенно женская, возбуждала въ правовѣрныхъ ужасъ и отвращеніе. «О, злое, проклятое плясаніе,—говоритъ одинъ моралистъ, —о, лукавыя жены многовертимое плясаніе! Плящущая жена—любодѣйница дьявола, супруга ада, невѣста сатанина; всѣ любящія плясаніе осуждены мученіямъ неугасимаго огня и неусыпающихъ червей»; даже всѣ смотрящія на танцы и на другія «бѣсовскія, злыя и прелестныя игры, суть сатанины любовницы». И «Стоглавъ», и «Домострой», и церковныя поученія, и правительственные указы—все старалось изгнать изъ русской жизни бѣсовскую прелесть и регулировать ее по монастырскому уставу. Ни въ домахъ, ни на улицахъ, ни при свадьбахъ, ни при какихъ другихъ случаяхъ пѣсенъ не пѣть, игръ и хороводовъ не затѣвать, не плясать, загадокъ не загадывать, сказокъ не сказывать, глумотворцовъ, органниковъ, пѣсельниковъ, гусельниковъ не слушать, празднословіемъ и смѣхотвореніемъ душъ своихъ не губить, на святкахъ личинъ и платья скоморошескаго на себя не накладывать, олова и воску не лить, кулачныхъ боевъ не дѣлать, въ бабки не играть, на качеляхъ не качаться, скоморохомъ не быть, медвѣдей не водить, съ бубнами, сурнами, домрами, волынками, гудками не ходить, музыкой не заниматься, на доскахъ не скакать, зерныо, въ шахматы и карты не играть, табаку не курить и т. д., и т. д. Рутина на все налагала свою руку, поддерживаемая и правительствомъ, и даже самимъ народомъ. Послѣ умерщвленія Дмитрія Самозванца народная ярость обратилась прежде всего на музыкантовъ и пѣсельниковъ, и всѣ они, человѣкъ до 100, были перебиты въ Кремлѣ. Въ царствованіе Михаила, патріархъ распорядился собрать и свезти въ Москву всѣ музыкальные инструменты, которые и были сожжены на мѣстѣ казни преступниковъ; однимъ только нѣмцамъ оставлено было дозволеніе заниматься музыкой, и то не иначе, какъ дома. Въ 1648 г. всюду были разосланы царскія грамоты съ повелѣніемъ читать ихъ въ церквахъ и на базарахъ, въ городахъ, волостяхъ, станахъ, погостахъ, читать не по одиножды и всѣмъ въ слухъ. Царь повторялъ въ нихъ изложенныя выше запрещенія, обязывалъ воеводъ строго слѣдить за ихъ выполненіемъ, ослушниковъ же въ первый и второй разъ бить батогами, а въ третій и четвертый—посылать въ ссылку; скомороховъ въ первый разъ—батогами, а въ другой—кнутомъ и брать штрафъ по 5 р. съ человѣка; маски, наряды, музыкальные инструменты отбирать, ломать и жечь безъ остатка. Такія же грамоты были разосланы и отъ митрополитовъ, которые грозили ослушникамъ

наказаніемъ безъ пощады и отлученіемъ отъ церкви.

Запрещая всѣ мірскія удовольствія, отрицая всякое свободное проявленіе чувства, проповѣдуя умерщвленіе плоти, восточный аскетизмъ съ особенною силою вооружался противъ всего, что имѣло отношеніе къ половой страсти. Человѣкъ, по его идеалу, можетъ быть только въ томъ случаѣ вполнѣ совершеннымъ, если умертвитъ въ себѣ половые инстинкты. Эта аскетическая доктрина пустила столь глубокіе корни въ народномъ міросозерцаніи, что породила многочисленную секту скопцовъ, которые появляются очень рано въ нашей исторіи. Ту же самую идею пропагандировала и древнерусская живопись, изображавшая ангеловъ евнухами. Даже самый бракъ, по понятіямъ того времени, имѣлъ въ себѣ нѣчто грѣховное, быть только снисхожденіемъ къ развращенной человѣческой природѣ. Въ извѣстномъ народномъ стихѣ, Алексѣй, человѣкъ Божій, не противорѣча приказанію родителей жениться, молитъ про себя Бога избавить его отъ *грѣха супружества*—

Не допусти до грѣха до большаго,
До тяжкаго преступленія!...

Въ то же самое время, онъ замаливаетъ и *грѣхъ* родителей своихъ,—грѣхъ, результатомъ котораго было его появленіе на свѣтъ Божій. Супружескія ласки наканунѣ праздниковъ, въ посты, въ среду и пятницу считались непростительнымъ грѣхомъ и за нихъ наказывались не только супруги, но даже ихъ потомство. «Если кто *согрѣшитъ* съ женою въ пятницу, субботу и воскресенье, говоритъ одно поученіе,—и родится у него сынъ, то будетъ воръ, разбойникъ или блудникъ». Подобныя мнѣнія вытекали столько же изъ идеи грѣховности полового дѣла даже въ законобрачной его формѣ, сколько и изъ оріенталнаго воззрѣнія на женщину, какъ на существо нечистое. Въ комнату, гдѣ разрѣшилась женщина, по правилу, никто не долженъ былъ входить въ продолженіе трехъ дней; комнату слѣдовало вымыть и прочитать надъ нею очистительныя молитвы. Только черезъ шесть недѣль послѣ родинъ и не иначе, какъ по молитвенномъ очищеніи, женщина могла быть въ церкви. Въ церкви женщина становилась на лѣвую руку и пріобщалась не изъ царскихъ дверей, какъ мужчина, а «изъ другихъ дверей, что противу жертвенника». Благочестивые люди сомнѣвались, можетъ ли попъ служить въ ризѣ, въ которую вшитъ женскій платъ. Печь просфоры позволялось только старухамъ. Женщинѣ не дозволялось рѣзать животное: думали, что мясо его не будетъ тогда вкуснымъ. Въ дни менструацій женщина считалась недостойною, чтобы вмѣстѣ съ нею ѣсть. Эта идея о мерзости женской природы дошла до своего апогея въ расколѣ у брачоборцевъ, утверждающихъ, что при зачатіи младенца душу даетъ сатана,—

Что къ зачатью человѣка,
Нынѣ въ жизни душу вѣка,
Богъ творецъ не посылаетъ,
Самъ діаволъ помѣщаетъ,
Сатана вкладетъ людей
Множество числомъ семей.

Вслѣдствіе такого ученія, дѣвственники безчеловѣчнѣйшимъ образомъ относились и къ женщинѣ, рождавшей дѣтей, смотря на нее, какъ на скверное, богомерзкое орудіе сатаны. По словамъ Андрея Сергѣева, «дѣвственныхъ согласіевъ духовныя особы уставами соборными и частными приносили новоженамъ знаменитыя отличія, въ числѣ коихъ: въ чадородіяхъ новоженскихъ женщинъ христіанамъ не пособствовати и повиванію не служити; новоженскихъ дѣтей христіанамъ не нестовати; новоженскаго младенца, крещеная матерью, новоженкѣ не кормить, а поить молокомъ коровьимъ, и изъ горшка, а не изъ рожка». Или, по словамъ извѣстнаго защитника «брачной тайны» Ивана Алексѣева, — дѣвственники, «какъ звѣри, немилосерды были къ женщинѣ, страдавшей муками родовъ, положили уставъ, дабы отъ всякаго христіанскаго общенія и отъ домовъ, родители и служащіе родамъ отгоними были», запретили «бабамъ помоществовати тому нужному дѣлу (родамъ), подъ угрозою отлученія отъ молитвъ и яденія за ослушаніе, не токмо сами не сожалѣли, но и пристоящимъ на то женамъ въ бѣдствѣ родовъ не велѣли сострадати родильницѣ, напротивъ, толико страждущей рожденіемъ женѣ требовательно заповѣдали своимъ, да не помоществуютъ, и повелѣли оставляти умереть той рождавшей женѣ, нежели осквернитися, прикоснувшися болѣзнямъ оныя».

Дьяволъ, вовлекая людей въ грѣхопаденіе, чаще всего дѣлаетъ орудіемъ соблазна женщину. Монаху запрещалось ѣсть и пить съ женщиною, имѣть съ нею какое-нибудь дѣло, даже думать о ней. Нѣкоторые монастырскіе уставы не дозволяли имѣть въ монастырѣ даже животныхъ женскаго пола, а «Стоглавъ» нашелъ соблазнительнымъ и запретилъ обычай погребать вмѣстѣ на одномъ и томъ же монастырскомъ кладбищѣ покойниковъ обоего пола *). Русская, какъ и всякая патріархальная жизнь, выработала много самыхъ невыгодныхъ понятій о низкости и злостности женской природы. Она освятила эти понятія своимъ авторитетомъ и, пользуясь греческими источниками, развила и насадила въ русской землѣ дѣлую доктрину «*о женской злобѣ*». Русскіе моралисты, презиравшіе даже тѣхъ греческихъ мыслителей, которыхъ уважали отцы ихъ церкви, въ своихъ нападкахъ на женщину извлекали матеріалы не только изъ Сираха, Соломона, Златоуста, изъ аскетическихъ сочиненій, но не брезговали даже Эврипидомъ, Іпполитомъ и другими представителями «лжемненной эллинской мудрости», выбирая все, что находили противъ женщинъ, и оставляя въ сторонѣ хорошія мнѣнія о нихъ. У Златоуста, напр., есть не мало мѣстъ, въ которыхъ этотъ ораторъ относится къ женщинамъ очень благосклонно; но наши состави-

*) На Аѳонѣ до сихъ поръ не дозволяютъ жить даже животнымъ женскаго пола, а монахи досадуютъ, что на неприступныхъ твердыняхъ горы все еще водятся дикія козы и кабаны съ самками и, попадаясь навстрѣчу отшельникамъ, смущаютъ ихъ помыслы. Истые аѳонскіе отшельники даже не поминаютъ женщинъ за проскомидіей. (Благовѣщенскій, Среди богомольцевъ, стр. 46—47).

тели «Пчелы», «Притчи о женской злобѣ» и другихъ подобныхъ сочиненій оставляли эти мѣста безъ вниманія и выбирали только желчныя нападки Златоуста на развращенныхъ и безнравственныхъ матронъ современной ему Византіи. Однако, дѣлая уступку здравому смыслу, даже и пресловутый «Домострой» счелъ нужнымъ посвятить цѣлую главу «похвалѣ женамъ», наполненную разными текстами и изображающую идеалъ супруги въ восточно-патріархальномъ вкусѣ. Но, восторгаясь своимъ идеаломъ, онъ проповѣдывалъ, что «добрыхъ женъ» почти вовсе не встрѣчается въ жизни и что женщины вообще несравненно ниже мужчины во всѣхъ отношеніяхъ. «Умъ женскій не твердъ, аки храмъ непокровенъ; аки оплотъ неокопанъ до вѣтру стоитъ, такъ и мудрость женская до прелестнаго глаголанія и до сладкаго увѣщанія тверда есть. Немощнѣйшіе суть разумы женскіе: въ нечувственныхъ (*т.-е. въ сверхъестественномъ*) ничтоже могуще умное постигнути». Еще въ XI в. Святославовъ Изборникъ началъ пропагандировать доктрину о «женской злобѣ». «Жена, соблазнившая Адама, положила начало всякому грѣху. Не слушай злой жены; медъ каплетъ изъ устъ ея, но онъ скоро будетъ горчѣе желчи и полыни и острѣе ножа обоюдоострагo. Женщина уловляетъ души честныхъ людей и низводитъ въ адъ; пути адовы—пути ея. Добраго мужчину найдешь одного въ тысячѣ, а женщины ни одной не встрѣтишь и въ десяткѣ тысячъ... Женщина заключила въ темницу Іосифа Прекраснаго; она совѣтовала самоубійствомъ покончить жизнь Іову; жена была виновницей убійства Уріи и паденія мудрѣйшаго Давида и Соломона; она ослѣпила сильнѣйшаго изъ людей, Самсона; она умертвила Навуфея, злоумышляла на жизнь пророка Иліи и добилась головы Іоанна Крестителя. Злая жена, это—зло дьявольское и острое оружіе!...» Женская природа до того испорчена, что, по мнѣнію «Пчелы», злой мужчина все-таки лучше доброй женщины, а злая женщина злѣе всевозможныхъ золъ, лютѣе льва, ехидніе змѣи и всякой гадины. «Отъ жены начало грѣху и тою всѣ мы умираемъ». «Что есть злая жена? Сѣть, дьяволомъ сотворенная! Прельщаетъ лестью, свѣтлымъ лицомъ; высокими очами поводитъ, лаиты складываетъ, языкомъ поетъ, гласомъ скверное глаголетъ, словами чаруетъ, одѣяніи повлачаетъ, злыми дѣлами обаятъ, многихъ язвитъ и губитъ. Отъ красоты женской многіе погибли!.. Что есть злая жена? Источникъ злобы, смертоносная бесѣда, душамъ пагуба, хоругвь адова, проказливая на святыхъ клеветница, сатанинъ праздникъ, покощe змѣиное, увѣтъ дьявольскій, спасающимся соблазнъ, неисцѣлимая болѣзнь, денная бл..., бѣшеная сука, коза неистовая, вѣтеръ сѣверный, день ненастный, гостиница жидовская! Что есть злая жена? Око дьявольское, воевода неправдамъ, стрѣла сатанинская, торгъ адовъ, неукротимый звѣрь, грѣхамъ пастухъ, ослѣпленіе уму, неукротимая ехидна, неумолимая скорпія, злообразный скименъ, неудержимый аспидъ, ненасытная похоть. Что есть злая жена? Лютый морозъ, колодезь смрадный, первый врагъ, пустота дому. Лучше видѣть въ дому своемъ вола, нежели жену злообразную. Лучше лихорадкою болѣть, нежели женою обладаемому быть: лихорадка потрясетъ, да и отпуститъ, а злая жена до смерти изсушитъ. У одного человѣка умерла жена злая. Онъ же сталъ продавать дѣтей, а люди клянутъ его за это. Онъ же сказалъ: боюсь, чтобы дѣти не были въ свою мать,—вырастутъ, такъ и меня самого продадутъ. Нѣкто плакалъ о женѣ, приговаривая: не объ этой плачу, а о томъ, если и другая будетъ такая же. Нѣкто убилъ свою жену, потому что была зла, и сватался за себя другую, но ему сказали: какъ же мы за тебя отдадимъ, когда ты убилъ первую жену. Онъ же отвѣчалъ: если такова же будетъ и другая, и третья, то и ихъ убью!.. Жена злая кротима вмѣстѣ, а бѣсима бѣсится. Если имѣетъ мужа боярина, то не перестаетъ день и ночь острить слова на убійство, какъ Іродіада; если имѣетъ мужа убогаго, то на пиръ и ссору поостритъ его. Если вдова, то сама собою всѣхъ укоряетъ и истязаетъ. Всякаго зла злѣе злая жена. И Бога не боится, и священника не уважаетъ, и сѣдины не почитаетъ. Если и убога, то злобою богата. Всякаго укоряетъ и осуждаетъ, клянетъ и понираетъ».

Вся эта брань, эти притчи, эти глупые анекдоты живо распространялись въ народѣ и, встрѣчая самый благосклонный пріемъ у патріархальныхъ обитателей «темнаго царства», сливались съ тою «народною мудростью», которая, въ свою очередь, клеймила женщину ничѣмъ не хуже мрачныхъ орієнталовъ и ихъ вѣрныхъ русскихъ послѣдователей. Народныя пословицы относятся къ женщинѣ такъ же враждебно, какъ и древніе моралисты-книжники. «Отъ нашего ребра намъ не ждать добра.—Баба да бѣсъ, одинъ у нихъ вѣсъ.—Кто бабѣ повѣритъ, трехъ дней не проживетъ.—Собака умнѣй бабы, на хозяина не лаетъ.—Передъ злой женой—сатана младенецъ непорочный.—Дважды жена мила бываетъ—какъ въ избу введутъ, да какъ вонъ понесутъ». Во всѣхъ этихъ пословицахъ вліяніе Востока очевидно; очень многія изъ нихъ—не что иное, какъ переведенныя народнымъ языкомъ изреченія «Пчелы», «Притчи о женской злобѣ» и другихъ подобныхъ сочиненій. Восточное умонастроеніе противъ женщины господствовало во всѣхъ классахъ народа и разбивало всѣ сомнѣнія въ своей справедливости. Памятникомъ этихъ неудачныхъ сомнѣній служитъ «Притча о женской злобѣ», изложенная въ формѣ спора отца съ сыномъ. Отецъ собираетъ все, что говорилось тогда худого о женщинѣ, онъ осыпаетъ ее бранью, клеймитъ презрѣніемъ, старается убѣдить сына въ низкости и сатанинской злостности женской природы; сынъ же робко и боязливо защищаетъ женщину, опираясь главнымъ образомъ на изреченія евангелія, но въ концѣ концовъ вполнѣ соглашается съ отцомъ, убѣжденный его аргументами, и высказываетъ одну только надежду, что Богъ дастъ ему все-таки хорошую жену; но отецъ

старается разбить и эту надежду, замѣчая, что «въ нынѣшнихъ лѣтахъ развѣ едина жена изъ тысячи таковая, яко глаголеши, обрящется».

Убѣжденные въ исконной злобѣ женщины, въ ея нечистотѣ, въ наклонностяхъ ко всякому грѣху, наши предки не только поддерживали древнее вѣрованіе въ тѣсную связь женщины съ демоническимъ міромъ, но и развивали его. Старинныя легенды то и дѣло разсказываютъ о женской бѣсноватости, о любовной связи чертей съ женщинами, и т. п. Такъ, напр., къ женѣ муромскаго князя Павла постоянно леталъ, въ образѣ змія, дьяволъ. Такъ, въ окрестностяхъ Устюга къ дочери одного священника. Соломоніи, вскорѣ послѣ выхода ея замужъ, навязался дьволъ; «пришелъ къ ней звѣрскимъ образомъ, мохнатый, съ когтями, и ляже къ ней на одрѣ и оскверни ее блудомъ... И съ того дня окаяннїи демони начала къ ней приходити, кромѣ великихъ праздниковъ, по пяти и по шести человѣческимъ зракомъ, яко прекрасные юноши, и тако нападаху на нее и оскверняху ее». Соломонія начала рождать чертенятъ, и въ качествѣ повивальной бабки за ней ухаживала при этомъ «жена отъ тѣхъ темнозрачныхъ демоновъ», которая и уносила новорожденныхъ. Погибель Соломоніи была неизбѣжна, если бы ее не спасли чудеснымъ образомъ во время сна ея Прокопій и Іоаннъ Устюжскіе. «Іоаннъ»,—разсказывала Соломонія—«разрѣзалъ утробу мою, взялъ изъ меня демона и подалъ его св. Прокопію, который положилъ его, окаяннаго, на помостѣ и заклалъ кочергами. Св. же Іоаннъ паки нача изымати изъ утробы моей по единому и давати св. Прокопію, онъ же заклаша ихъ по единому, меташе ихъ на помостѣ церковный и давляше ихъ ногою своею». Древнія языческія повѣрья, предразсудки, обряды, ворожба, знахарство, пѣсни удерживались преимущественно женщинами. Считая дьявольскимъ все языческое, старинное міросозерцаніе указывало на такихъ женщинъ, какъ на вѣдьмъ, какъ на приспѣшницъ служительницъ сатаны. Древнерусская жизнь была исполнена всевозможныхъ суевѣрій Волхвы, чародѣи, чаровницы, зелейщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звѣздочеты, облакопрогонники, облакохранительники, вѣдуны, вѣдуньи, лихія бабы, знахарки-лѣкарки, гадальщицы, клишуки, бѣсноватыя были безчисленны. Они предсказывали будущее, находили потерянное, привораживали, отвораживали, разстраивали свадьбы, лѣчили болѣзни, портили людей и т. д., и т. д. Ихъ боялись, но къ ихъ помощи постоянно прибѣгали всѣ, начиная съ царей и царицъ, а духовные нерѣдко сами были въ связи съ ними и занимались тѣмъ же вѣдовскимъ искусствомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ лица, занимавшіяся волшебствомъ, составляли какъ бы особые цехи и передавали другимъ тайны своего ремесла. Иногда этимъ занимались и мужчины, но чаще всего пожилыя и старыя женщины. Невѣжественная, суевѣрная, страдавшая подъ невыносимымъ деспотизмомъ семьи и общества и не находившая выхода изъ своего рабства—женщина имѣла въ вѣдовствѣ самое сильное, по тогдашнему воззрѣнію, орудіе для огражденія своей личности и для осуществленія своихъ желаній. Женщина, по старинному воззрѣнію, гораздо способнѣе мужчины входить въ короткую связь съ нечистою силою. «Паче же женами бѣсовская волшенія бываютъ»,—говоритъ лѣтописецъ:—«искони бо бѣсъ жену прельсти, сія же мужа; тако и въ наши дни много волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и иными бѣсовскими козними». Воздвигая гоненія на игрища, хороводы, пѣсни, музыку, старая мораль строжайшимъ образомъ преслѣдовала все, что посило на себѣ характеръ волшебства. У насъ привыкли хвалиться тѣмъ, что въ древней Россіи не было тѣхъ вѣдовскихъ процессовъ и казней, которыми католицизмъ столько вѣковъ позорилъ западную Европу. Но это чистѣйшая ложь. Недовольствуясь церковною анаѳемой, ссылкой, пожизненнымъ заключеніемъ въ монастырѣ, кнутомъ и батогами, наши предки силошь и рядомъ казнили волшебниковъ, еретиковъ и вѣдьмъ смертью, и самою употребительною казнью за это было сожженіе. Въ 1227 году въ Новгородѣ сожгли четырехъ волхвовъ. Въ 1411 году пековичи сожгли двѣнадцать вѣщихъ жонокъ. Князь Иванъ Можайскій сжегъ за волшебство мать Григорья Мамона. Во время Кошихина мужчинъ за богохульство, святотатство, волшебство, чернокнижество и ересь сожигали живыми, а женщинамъ отрубали голову. Ѳеодоръ Алексѣевичъ повелѣвалъ «сожигать безъ всякаго милосердія» всѣхъ, имѣющихъ у себя «волшебныя, чародѣйныя, гадательныя и всякія церковью возбраняемыя книги и писанія». Въ 1497 г. великій князь велѣлъ утопить въ Москвѣ-рѣкѣ нѣсколько бабъ, приходившихъ съ зельемъ волхвовать къ женѣ его по ея просьбѣ. Даже по воинскому уставу 1716 г. чародѣямъ и чернокнижникамъ, входящимъ въ обязательство съ дьяволомъ, полагалась смертная казнь черезъ сожженіе; и вѣдовскіе процессы не прекращались до конца XVIII в.: они возникали при каждомъ почти народномъ бѣдствіи, при малѣйшемъ несчастіи въ царскомъ семействѣ, вслѣдствіе личныхъ ссоръ, при малѣйшемъ подозрѣніи со стороны невѣжественной и суевѣрной власти и т. д. Когда въ 1547 г. выгорѣла Москва, то взволнованный народъ приписалъ причину пожара родственницѣ царя, Аннѣ Глинской, которая, будто бы, «со своими дѣтями и съ людьми волхвовала, вынимала сердца человѣческія, клала ихъ въ воду, да тою водою, ѣздячи по Москвѣ, кропила,—и оттого Москва выгорѣла». Одинъ изъ Глинскихъ погибъ, а Анну кое-какъ спасло отъ разъяреннаго народа правительство. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ былъ большой розыскъ надъ вѣдунами, сгубившими въ Астрахани крымскаго царевича. Ихъ обвинилъ лѣкарь арапъ, приглашенный къ больному царевичу. Вѣдуновъ подвергли жесточайшимъ пыткамъ, на которыхъ они признались, что «портили царевича и царицу, пили изъ нихъ изъ сонныхъ кровь»; послѣ пытокъ ихъ всѣхъ сожгли. Розыски надъ вѣдунами и вѣдьмами сопровождались обыкновенно ужасными пытками, подъ которыми умирало множество обвиненныхъ. Кромѣ смертной казни, подсудимыхъ подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ, раз-

грабляли имущество и затѣмъ «выбивали» ихъ изъ города или деревни, чаще же всего ссылали въ какой-нибудь монастырь и морили ихъ здѣсь въ ужасной келѣ, прикованными на цѣпь. Иногда чародѣевъ, которые, по извѣстному народному повѣрью, могутъ уходить изъ тюрьмы посредствомъ воды и нарисованной на стѣнѣ лодки, истомляли жаждою, предписывая вовсе не давать имъ воды. Противъ суевѣрія правительство начало бороться кнутомъ и ссылкою. Со времени Петра кликушъ хватали вездѣ, держали въ тюрьмахъ, пытали, сѣкли, наконецъ разсылали въ работу по придильнымъ дворамъ и фабрикамъ. Со второй же половины столѣтія точно также начали преслѣдовать и вѣру въ вѣдовство. Только въ XVIII в., подъ вліяніемъ европейскаго просвѣщенія, начинается сильная реакція этому мрачному вѣрованію въ волшебство. Въ 1770 году въ Яренскомъ уѣздѣ нѣсколько кликушъ, по злобѣ на разныхъ лицъ, начали обвинять ихъ въ вѣдовской порчѣ. Оговоренные были арестованы, привезены въ городъ и подъ плетьми признали себя вѣдунами и вѣдьмами. Одна изъ нихъ созналась, что напускала порчу по вѣтру посредствомъ червей, полученныхъ ею отъ дьявола: она представила судьямъ и самыхъ червей, а тѣ препроводили ихъ въ сенатъ. Но сенатъ за это дѣло отрѣшилъ отъ мѣстъ городскія власти, кликушъ велѣлъ наказать плетьми и впредь подобныхъ кликальщицъ предписалъ наказывать, а наговорамъ ихъ не вѣрить. Въ 1786 г., въ Саратовскомъ намѣстничествѣ, въ деревнѣ Глотовой, крестьянская сходка пытала въ вѣдовствѣ женку Козыреву: привязанную къ жерди, ее били плетьми, палками и кнутомъ, подвѣшивали къ воротному столбу, съ колодками на шеѣ и на рукахъ, и т. д. Козырева призналась, что она «чародѣйка и что чрезъ чародѣйство разные люди ею заражены припадочною болѣзнію»; что она блудница, еретица, отреклась отъ Сына Божія, отъ Пресвятой Богородицы, отъ сырой земли, отъ солнца, отъ луны, отъ неба, отъ лѣса, отъ травы, отъ воды и отъ своихъ родителей, и, скидая съ себя крестъ, клала его подъ пяту. Она призналась, что въ ея распоряженіи состоитъ десятка три дьяволовъ, которыхъ она «посылаетъ на работу—бить песокъ и разсѣвать оный и въ разныхъ людей для мученія». Вольскій судъ нашелъ все это «ни мало вѣроятія недостойнымъ», однакожъ не рѣшилъ дѣла и передалъ его саратовскому совѣстному суду. Послѣдній нашелъ Козыреву виновною въ томъ, что она «для своей корысти отъ глупости похвалялась выдуманными чародѣйствами, чего для, въ страхѣ другимъ, отослалъ ее въ рабочій домъ на два мѣсяца». Крестьянъ же и крестьянокъ, которые объявили, что «они чувствуютъ во внутренности у себя дьяволовъ, что никакъ неестественно, за таковую нелѣпую выдумку» судъ приговорилъ къ рабочему же дому на двѣ недѣли. Но исчезнувшая въ образованныхъ классахъ вѣра въ «лихихъ бабъ» до сихъ поръ живетъ въ нашемъ простонародьѣ, по временамъ доводя его до ужасныхъ злодѣяній. Въ 1861 году одинъ русскій туруханскій мѣщанинъ принесъ въ жертву землѣ дѣвушку. Въ 1855 г. крестьяне Новгородскаго уѣзда, для прекращенія холеры, закопали живою въ землю семидесятилѣтнюю старуху Манькову (Журналъ Мин. Юст., т. XX).

Восточный аскетизмъ мирился съ женщиною только въ томъ случаѣ, если она служила его идеѣ и умерщвляла въ себѣ тѣ половыя свойства, за которыя главнымъ образомъ онъ отвергалъ ее,—если она дѣлалась отшельницей, дѣвственницей, аскеткой, подвижницей. Увлекая множество женщинъ въ монашество, воздвигая многочисленные женскіе монастыри, создавая цѣлые классы странницъ-богомолокъ, посвящавшихъ себя исключительно религіозному дѣлу, византизмъ въ своемъ чистомъ видѣ, не смѣшанный съ родовыми патріархальными принципами русской жизни, расходился даже съ «Домостроемъ» и требовалъ отъ женщины одного, чтобы, не будучи ни женою, ни матерью, она была подвижницей. Монашескій идеалъ увлекалъ собою женщинъ княжескаго рода уже при внукахъ Владиміра, а въ послѣдующихъ поколѣніяхъ онъ быстро распространяется въ средѣ всѣхъ классовъ народа. Дѣвицы, нерѣдко даже малолѣтнія, жены отъ мужей, вдовы—всѣ стремятся въ монастырь, и многія изъ нихъ ведутъ здѣсь такую жизнь, которая могла примирить съ ними самаго строгаго аскета, не смотря на ихъ полъ. Вотъ какъ напр., въ XIV в. вдова нижегородскаго князя Андрея Константиновича. «Быть ей тогда отъ рожденія лѣтъ сорокъ, и роздала все имѣніе свое церквямъ и монастырямъ и нищимъ, а слугъ своихъ, рабовъ и рабынь распустила на свободу, а сама стала жить въ монастырѣ у св. Зачатья, который сама создала еще при жизни князя Живя же въ молчаніи, тружаяся рукодѣльемъ, постомъ, поклоны творя, молитвами и слезами, стояніемъ ночнымъ и неспаніемъ; многажды и всю ночь безъ сна пребываше; овогда день, овогда два, иногда же и пять дней не ядяше; въ баню не хожаше, но власяницу на тѣлѣ своемъ ношаше; пива и меду не пьяше, на пиршествахъ и на свадьбахъ не бываше, изъ монастыря не схожаше, злобы ни на какого не держаше, ко всѣмъ любовь имѣяше. Таковое доброе и чистое житіе ея видѣвше, многи боярыни, жены и вдовицы и дѣвицы постригашеся у ней, яко быть ихъ числомъ до девяноста, и всѣ общимъ житіемъ живяху». Но не въ однихъ только монастыряхъ можно было встрѣтить подобные примѣры женскаго благочестія, а и въ семейныхъ домахъ. Многія женщины, въ родѣ, напр., Юліаніи Лазаревской, съ дѣтства начинали подвижничать, налагали на себя обѣтъ дѣвства и даже, выходя замужъ по приказу родителей, не имѣли съ мужьями супружескихъ отношеній, постоянно молились, постились, изнуряли свое тѣло власяницами и веригами, кормили нищихъ, помогали бѣднымъ и т. д. То же самое мы видимъ и въ исторіи раскола. Женщины

здѣсь не только подвижничаютъ, не только осуществляютъ въ своей жизни аскетическіе идеалы, но претерпѣваютъ и мученія, и смерть.

Но при всемъ томъ, что патріархальная доктрина относится благосклонно ко всѣмъ подобнымъ женщинамъ, послѣднія все-таки не могли стать на одинъ уровень съ мужчинами даже въ религіозномъ отношеніи. Святыхъ женщинъ было чрезвычайно мало сравнительно съ числомъ святыхъ мужчинъ, и всѣ онѣ были княжескаго происхожденія, да кромѣ того было нѣсколько мѣстночтимыхъ женщинъ тоже княжескаго рода, за столь немногими исключеніями, что они кажутся чистою случайностью. Чудесъ въ женскихъ житіяхъ гораздо меньше, чѣмъ въ мужскихъ, да и вообще въ женщину вѣровали и почитали ее меньше, чѣмъ мужчину. Находились даже люди, которые не признавали святыхъ потому только, что послѣдніе принадлежали къ женскому полу. Когда Петръ Могила открылъ мощи Юліаніи Ольшанской, то игуменъ Ѳеодосій Сафоновичъ не хотѣлъ поклониться ей до тѣхъ поръ, пока она не явилась ему во снѣ и не обличила его въ непочитаніи. Въ Москвѣ патріархъ Іоакимъ не признавалъ мощей и житія Анны Кашинской.

Такимъ образомъ аскетическій взглядъ содѣйствовалъ всѣми силами своего религіознаго вліянія тому подчиненію женщины, въ которомъ старался удержать ее родовой патріархальный характеръ русской жизни. Въ томъ же самомъ направленіи дѣйствовало и вліяніе инородцевъ алтайской расы. Еще до монгольскаго ига торки, берендеи, половцы и другіе азіаты хозяйничаютъ въ Россіи, смѣшиваются съ русскими посредствомъ браковъ, оставляютъ замѣтное вліяніе на всей нашей культурѣ. Двухсотлѣтнее монгольское иго также не мало содѣйствовало огрубенію Россіи и порабощенію женщины. При нашествіи татаръ, женщины нерѣдко оказывали имъ самое энергическое сопротивленіе и рѣшались лучше убить себя, чѣмъ отдаться въ руки врагамъ. Зарайская княгиня Евпраксія, напримѣръ, стояла въ высокомъ своемъ теремѣ во время битвы своего мужа Ѳедора съ Батыемъ и держала на рукахъ сына своего Ивана. При первомъ же извѣстіи о смерти мужа и о побѣдѣ Батыя, она «ринуся съ превысокаго храма своего на среду земли съ сыномъ своимъ и зарашся до смерти». При татарскомъ владычествѣ, по словамъ Степенной Книги, «матери плакали о дѣтяхъ, растоптанныхъ татарскими конями передъ ихъ взорами; дѣвы плакали о своей невинности, и сколь многія изъ нихъ, желая спасти ее, кидались на острые ножи или въ глубокія рѣки! Жены боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя золотыми монистами и шелковыми одеждами, всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались рабынями поганыхъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновами и бѣлыя свои руки опаляли у печки, готовя кушанье невѣрнымъ». Развивая въ мужчинѣ деспотическія привычки азіатскаго домовладыки, татарское иго не мало содѣйствовало развитію въ русской женщинѣ характеризующихъ ее недостатковъ пассивности. За сверженіемъ этого ига началось покореніе Казани, Астрахани, Сибири, Кавказа, Киргизскихъ степей. Всюду русскіе смѣшивались съ инородцами, и результатомъ этого скрещиванья породъ являлась новая раса, развитіе которой постоянно задерживалось и задерживается до сихъ поръ новымъ приливомъ инородческой крови, инородческихъ воззрѣній, вѣрованій, обычаевъ *). Это несомнѣнное и всестороннее вліяніе азіатовъ замѣтно не только въ низшихъ, но и въ высшихъ классахъ народонаселенія; большинство нашихъ дворянскихъ родовъ иноземнаго и, преимущественно, азіатскаго происхожденія. При такомъ смѣшеніи расъ, дикіе восточные взгляды на нечистоту и низкость женщины, азіатскіе нравы, обычаи, обряды, вѣрованія, семейные порядки легко утверждались на русской почвѣ, приготовленной уже для нихъ византизмомъ и родовымъ началомъ.

Такимъ образомъ, всѣ условія древнерусской жизни дружно стремились къ полному порабощенію женщины. На нее смотрѣли, какъ на существо низшее мужчины, ее ставили въ полную зависимость отъ семейной власти, ее дѣлали служанкою и рабынею семьи и орудіемъ, служащимъ для продолженія рода. Вся жизнь, вся дѣятельность женщины была ограничена тѣсною сферою семейства. Правда, что до XIV, частію даже до XV вѣка женщина еще удерживала за собою право появляться въ общественной жизни и нѣкоторыя другія вольности, которыми она пользовалась въ первичную эпоху нашей исторіи. Въ Новгородѣ женщины являлись иногда даже на вѣчахъ. Марѳа Борецкая въ томъ же Новгородѣ, великія княгини Евдокія и Софья въ Москвѣ, Евдокія и Настасья въ Твери, Анна въ Рязани, Елена въ Суздалѣ и др. принимали дѣятельное участіе въ мужскомъ общежитіи, давали аудіенціи посламъ, даже обѣдали и пировали вмѣстѣ съ мужчинами. Но всѣ эти остатки древней женской свободы постепенно падали подъ давленіемъ трехъ упомянутыхъ факторовъ, и только тамъ, гдѣ вліяніе послѣднихъ, какъ въ Западномъ краѣ, было наиболѣе слабымъ, женщина была болѣе свободна. Грубыхъ москвитянъ, даже одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, кн. Курбскаго, возмущала относительная вольность, которою пользовались женщины западной Россіи, а многіе изъ литовскихъ мужчинъ завидовали русско-татарскому семейному быту. «Ни татары, ни москвитяне,—писалъ литовецъ Михалонъ,—не даютъ своимъ женамъ никакой свободы, говоря, что кто даетъ свободу женѣ, тотъ отнимаетъ ее у самого себя. Онѣ у нихъ не имѣютъ власти, а у насъ нѣкоторыя владѣютъ многими мужчинами»: Конечно, и въ западной Россіи, и въ Польшѣ женщина находилась въ томъ же рабскомъ состояніи, въ какомъ была она и въ остальной Европѣ; но здѣсь ея рабство все-таки было несравненно сноснѣе, чѣмъ въ Московіи: она пользовалась здѣсь большими, о которыхъ не смѣла даже и мечтать великорусская женщина; довольно уже одного, что она не

*) Болѣе подробно объ этомъ говорится въ моей ст. «Восточныя окраины», въ «Дѣлѣ», 1870 г., кн. 3.

гонялась здѣсь изъ общества и не содержалась, какъ рабыня, въ домашней тюрьмѣ. Что же касается Московіи, то здѣсь и въ силу восточныхъ доктринъ, желавшихъ избавить общество отъ величайшаго соблазна, отъ женской «прелести», и въ силу родовыхъ принциповъ, ревниво охранявшихъ ее, какъ самку, предназначенную для продолженія рода, и, наконецъ, въ силу вліянія сливавшихся съ русскими азіатовъ—женщину настойчиво и рѣшительно удаляли изъ общественной жизни и запирали въ теремѣ. Затворничество женщинъ окончательно утвердилось еще въ началѣ XVI вѣка, и Герберштейнъ говоритъ, что въ Россіи «женщина считается честною тогда только, когда живетъ дома, взаперти, и никуда не выходитъ; напротивъ, если она позволяетъ видѣть себя чужимъ и постороннимъ людямъ, то ея поведеніе становится зазорнымъ... Весьма рѣдко позволяется ей ходить въ церковь, а еще рѣже—въ дружескія бесѣды, развѣ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, когда она не можетъ навлекать на себя подозрѣнія». Въ половинѣ XVI столѣтія заключенность женщинъ сдѣлалась еще строже, и, по свидѣтельству Бухау, знатные люди не показывали своихъ женъ и дочерей не только посторонними, но даже братьямъ и другимъ близкимъ родственникамъ, а въ церковь позволяли имъ выходить лишь во время говѣнья да иногда въ самые большіе праздники. Какъ дѣвушки, такъ и замужнія женщины были окружены надсмотрщиками и шпіонами. «При нихъ,—пишетъ Петрей,—держатъ мальчика, который не только исправляетъ ихъ надобности, подаетъ имъ кушанья и напитки, но и долженъ также доносить мужьямъ, что дѣлали безъ нихъ ихъ жены; зато эти мальчики пользуются въ домахъ такимъ почетомъ и значеніемъ, что женщины безъ всякихъ отговорокъ дозволяютъ имъ разныя шалости, даютъ имъ подарки, если хотятъ отъ нихъ молчанія о своихъ дѣлахъ, чтобы не быть высѣченными или наколоченными отъ мужей. Женамъ мужья не дозволяютъ даже и обѣдать съ собой: сами обѣдаютъ или одни, или съ гостями, а жены особо, въ своихъ покояхъ, съ горничными, и никто изъ мужчинъ не можетъ входить туда, кромѣ мальчиковъ, назначенныхъ для услуги». Женщины жили обыкновенно въ дальнихъ покояхъ, въ особомъ отъ мужчинъ помѣщеніи. Лѣтомъ и зимою женщины выѣзжали изъ дома не иначе, какъ въ совершенно закрытыхъ экипажахъ, по бокамъ которыхъ или скороходы и въ числѣ ихъ аргусы, которымъ поручено было отъ мужа наблюдать за госпожею во время ея выѣздовъ и путешествій. Въ низшихъ классахъ женщину, принужденную трудиться и работать наравнѣ съ мужчиной, не было никакой возможности держать въ подобномъ тюремномъ заключеніи, въ положеніи тюремнаго узника; у казаковъ женщины пользовались еще большею свободой; жены казаковъ были ихъ помощницами и даже ходили съ ними въ походы; но чѣмъ выше было общественное положеніе рода, къ которому принадлежала женщина, тѣмъ строже держали ее въ домашней темницѣ, тѣмъ крѣпче запирали ее въ теремѣ. Положеніе царицъ и царевенъ, особенно послѣднихъ, было самое плачевное. «Сестры царскія и дочери,—говоритъ Котошихинъ,—имѣя свои особые покои, живутъ, какъ пустынницы, мало видятъ людей и ихъ люди, но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываютъ и лица свои слезами омываютъ, потому что, имѣя удовольство царственное, не имѣютъ того удовольства, которое отъ всемогущаго Бога дано человѣкамъ совокуплятися и плодъ творити. За князей и бояръ своего государства замужъ ихъ не выдаютъ, потому что князья и бояре ихъ холопы и въ челобитныхъ пишутся холопами, а если за раба выходитъ госпожа, то это становится вѣчный позоръ; а за королевичей и князей другихъ государствъ ихъ также не выдаютъ, для того, что не одной вѣры и для того, что иныхъ государствъ языка и политики не знаютъ, и оттого имъ былъ бы стыдъ». Царевны, такимъ образомъ, были вѣчными затворницами. Но немногимъ лучше было и положеніе царицы. Она жила совершенно изолированно отъ мужа и его двора, окруженная своей многочисленной женской прислугой и разными приживалками. Очень рѣдко, только въ дни большихъ праздниковъ, у царицы, въ присутствіи ея мужа, бывали кратковременные торжественные пріемы патріарха, духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Выѣзжала она не иначе, какъ въ закрытомъ экипажѣ, въ церкви стояла за занавѣсомъ, даже при выходѣ изъ экипажа или при входѣ въ него, чтобы укрыться отъ постороннихъ взоровъ, она принуждена была проходить между ширмами, которыя нарочно становились для этого. Даже врачъ никогда не могъ видѣть государыни. Когда однажды къ больной царицѣ рѣшились призвать лѣкаря, то прежде, чѣмъ ввели его въ комнату больной, завѣсили плотно всѣ окна, чтобы ничего не было видно, а когда нужно было пощупать ея пульсъ, то руку ея окутали тонкой матеріей, чтобы медикъ не коснулся ея тѣла. Даже нечаянная встрѣча съ царицей кого-нибудь изъ мужчинъ не проходила для послѣднихъ даромъ,—тотчасъ начинались допросы и розыски, не было ли тутъ какого злого умысла!

Заключенность женщины лишала ее всякой возможности развивать свои умственныя способности хотя до той же низкой степени, на которой стоялъ мужчина, развивавшійся въ водоворотѣ общественной жизни. Невѣжество женщинъ было изумительное, ихъ тупость поражала даже русскихъ, а не только иностранцевъ. «Московскаго государства женскій полъ,—говоритъ Котошихинъ,—грамотѣ не ученые и необычай тому есть, а природнымъ разумомъ простоваты и на отвѣты не смышлены и стыдливы; понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ и, опричь самыхъ ближнихъ родственниковъ, чужіе люди никто ихъ и они людей видѣть не могутъ; и когда замужъ выйдутъ, ихъ люди также видаютъ мало; можно понять, что имъ не отъ чего быть разумными и смѣлыми». Разсказы богомолокъ и странниковъ, сплетни, сказки, пѣсни, безчисленныя повѣрья и предразсудки, ворожба и чары, а у самыхъ образованныхъ—житія святыхъ—

вотъ все, что давало женщинѣ матеріалы для ея умственной дѣятельности. И въ то время, какъ на Западѣ женщины въ извѣстномъ отношеніи царили въ обществѣ своей красотой, чувствомъ, остроуміемъ; въ то время, когда онѣ занимались тамъ и науками, и искусствами, давали тонъ литературѣ, преподавали съ университетскихъ каѳедръ,—наши прародительницы или спали умственно глубокимъ сномъ, апатичныя въ своемъ невѣжествѣ и самодовольныя въ своей глупости, или же тратили весь свой умъ на знаніе рутиннаго хозяйства, а свое чувство хоронили въ пучинѣ мистицизма.

Заключенность женщины уродовала ея умъ, уродовала и тѣло! На Западѣ изящная, комфортабельная обстановка, «искусство любви», музыка, танцы, театръ, литература и другія условія домашней и общественной жизни развивали въ женщинѣ нервную впечатлительность и граціозность формъ; половая функція въ тѣхъ своихъ проявленіяхъ, которыя служатъ исключительно наслажденіямъ страсти, развилась здѣсь до высшей утонченности, до идеальнаго совершенства. На Руси же все воспитаніе женщины состояло въ томъ, что ее старались покрѣпче держать въ теремѣ да откармливать, какъ на убой, чтобы она вошла въ тѣло и пріобрѣла ту красоту жирной дородности, которая такъ прельщаетъ всѣхъ нецивилизованныхъ людей. Вотъ—

> Сидитъ она за тридевятью замками,
> Да сидитъ она за тридевятью ключами,
> Чтобы вѣтеръ не завѣялъ да и солнце не залекло,
> Да и добрые молодцы чтобъ не завидѣли.

Ѣстъ хорошо, спитъ много, въ банѣ прѣетъ часто, никакого большого моціона нѣтъ, нервы ничѣмъ не разстраиваются, желудокъ работаетъ исправно,—баба жирѣетъ, и съ каждымъ фунтомъ жира ея красота возвышается, по вкусамъ того времени и даже въ современномъ вкусѣ нашего купечества. Это не здоровая красота работящей крестьянки, а красота откормленнаго каплуна въ юбкѣ. «Имѣть тонкую талію женщина считала такимъ же порокомъ, какъ и имѣть маленькія ножки. Для достиженія толщины, женщины не щадили никакихъ жертвъ: лежали на кровати цѣлый день, старались, если можно, и спать цѣлый день, даже пили водку, отъ которой дѣйствительно тучнѣли». (Невиль). Ганве передаетъ, что часто слыхалъ отъ русскихъ женщинъ: «далъ бы Богъ быть дородной, а за красотой дѣло не станетъ»... Рексоллю говорили, что если въ женщинѣ меньше пяти пудовъ вѣсу, то и красавицей нельзя ее назвать. При такихъ понятіяхъ о женской красотѣ, при неразвитости женскаго чувства и фантазіи, при изолированности женщины въ теремѣ—у насъ не могло развиться той романической любви, какую мы видимъ въ старинной Европѣ. Древнерусская любовь носила грубо-чувственный характеръ. Это была не любовь, какъ понимаемъ ее мы, а въ буквальномъ смыслѣ плотоугодіе, раздраженіе однихъ только извѣстныхъ нервовъ вслѣдствіе усиленнаго прилива крови... Теремъ сдѣлалъ то, что въ высшихъ и среднихъ классахъ любовь имѣла даже болѣе чувственный характеръ, чѣмъ у простого народа. Хотя въ нашихъ великорусскихъ пѣсняхъ, сказкахъ, былинахъ о любви говорится большею частью въ томъ же духѣ и нерѣдко съ крайнимъ цинизмомъ, но зато въ произведеніяхъ малорусской народной поэзіи эта страсть выражается въ самыхъ граціозныхъ формахъ и соединяется съ утонченными человѣческими чувствованіями, которыя одни только и поднимаютъ ее выше простого животнаго вожделѣнія. Въ Московіи же эти чувствованія не были развиты, женская красота состояла въ дородности, всѣ женщины, вслѣдствіе однообразныхъ условій жизни, были на одинъ образецъ, и страсть носила не индивидуальный, а родовой характеръ; древнерусскій человѣкъ влюблялся рѣдко; чувствуя вожделѣніе, онъ искалъ себѣ невѣсту или любовницу и выбиралъ ее, какъ товаръ. У купцовъ и крестьянъ это дѣлается и до сихъ поръ. Въ старинныхъ легендахъ ясно выражается то воззрѣніе, что природа женщины совершенно одинакова, и что любовь есть простое удовлетвореніе животнаго позыва. Когда князь Петръ съ женою своей Февроніей, изгнанные изъ Мурома, плыли по рѣкѣ, то одинъ изъ ихъ спутниковъ, имѣвшій при себѣ и жену свою, «возревнова на княгиню помысломъ; она же, уразумѣвъ злой помыслъ его, рече ему: почерпни воды изъ рѣки съ этой стороны судна; онъ же почерпе; и повелѣ ему испити. Онъ же выпилъ. Она же, блаженная, рече: равна ли вода, или едина сладчайшая? Онъ же рече: едина есть, госпоже, вода. Паки же она рече: *сице едино есть естество женское;* почто убо свою жену оставя, на чужую мыслиши!..» Конечно, эта идея объ «одинаковости естества женскаго», даже при исключительно чувственномъ характерѣ любви, не могла безусловно заправлять половыми отношеніями; человѣкъ все-таки могъ привязываться къ одному «естеству» сильнѣе, чѣмъ къ другому; но, во всякомъ случаѣ, онъ увлекался только «естествомъ». Достаточно прочесть древнерусскій романъ, «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ», чтобы познакомиться съ характеромъ старинной любви. Купеческій сынокъ Савва, пріѣхавъ по торговымъ дѣламъ въ Казань, нашелъ здѣсь пріятеля своего отца, Божена Второго, и поселился у него въ домѣ. Дьяволъ же уязвилъ молодую жену Божена «на юношу онаго къ скверному смѣшенію блуда, и она непрестанно уловляше юношу онаго льстивыми словесы къ паденію блудному. Женское естество умѣетъ уловляти умы младыхъ къ любодѣянію. И такъ Савва лестію женскою, паче же рещи отъ зависти діавола, занятъ бысть, падеся въ сѣть любодѣянія съ женою оною и непрестанно во ономъ скверномъ дѣлѣ пребывая съ нею, ниже бо воскресенья день, ниже праздники помняше, но всегда въ калѣ блуда, яко свинія валяшеся и въ таковомъ ненасытномъ блуженіи много время, яко скотъ, пребываше». Когда же, вслѣдствіе угрызеній совѣсти, Савва прекратилъ эти любовныя отношенія, то метительная женщина, оповивъ его приворотнымъ зельемъ, убѣдила мужа выгнать его изъ дома. Зелье подѣйствовало на Савву такъ сильно,

что онъ рѣшился продать свою душу чорту, лишь бы послѣдній помогъ ему «паки совокупитися съ женою оною».

При такомъ характерѣ любви, на любимую женщину, естественно, смотрѣли только, какъ на утѣху, какъ на орудіе наслажденія. На Западѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ эпоху Возрожденія женщина сумѣла свергнуть съ себя половое рабство и изъ постельной куклы, изъ любимой вещи сдѣлалась свободно любящимъ лицомъ и, будучи рабынею, все-таки царила надъ обществомъ силою своей любви и красоты. Русская же женщина развивалась при болѣе невыгодныхъ для нея условіяхъ и неспособна была ни добиться такой свободы, какъ европеянка, ни внушать мужчинѣ той романической любви, того энтузіазма, того страстнаго поклоненія красотѣ, той преданности, доходившей до самопожертвованія, какіе мы видимъ въ старинной Европѣ. И хотя европейское «уваженіе къ дамъ», рыцарское служеніе прекрасному полу и обязательная для всѣхъ вѣжливость къ женщинѣ далеко не удовлетворяли всѣмъ справедливымъ притязаніямъ послѣдней и не избавляли ее отъ рабскаго ига, но все-таки они значительно облегчали ея положеніе и поднимали ее съ той низкой ступени, на которой оставалась несчастная и всѣми презираемая рабыня—русская женщина. Иностранные путешественники удивлялись, что «въ Московіи никто не унижается до того, чтобы преклонить колѣна передъ женщиной или воскурить передъ нею ѳиміамъ». Но удивляться тутъ было рѣшительно нечему; это самымъ логическимъ образомъ вытекало изъ всего строя древнерусской жизни, выработавшей ту «народную мудрость», которая еще до сихъ поръ твердитъ на разные лады, что «курица—не птица, а женщина—не человѣкъ»...

IV.

По народному воззрѣнію, бракъ—*судъ Божій;* женихъ и невѣста соединяются другъ съ другомъ не по свободному выбору, не вслѣдствіе стеченія извѣстныхъ обстоятельствъ, а потому, что ихъ союзъ предопредѣленъ рокомъ, потому, что имъ *суждено* жить вмѣстѣ: противъ судьбы ничего не подѣлаешь: «суженаго конемъ не объѣдешь».

Но кромѣ этого таинственнаго рока, бракомъ заправляетъ другой рокъ, который уже не имѣетъ въ себѣ ничего таинственнаго и выражается въ волѣ отца, а за смертью его, въ волѣ матери или опекуна. При тѣхъ патріархальныхъ порядкахъ, которые всевластно царили въ древней Россіи и которыми до сихъ поръ держится жизнь низшихъ и даже среднихъ классовъ, ни за женихомъ, ни за невѣстою свободной воли не признается. Мужчину *женятъ*, а дѣвушку *выдаютъ*, *продаютъ* или, какъ выражаются въ Архангельской губерніи, *пропиваютъ*.

Дѣвушку выдавали за того, за кого «отецъ умыслилъ, а жена и сродичи приговорили», по выраженію Кошихина,—выраженію, вполнѣ обрисовывающему всю полноту отцовскаго самодержавія и напоминающему другое выраженіе: «царь присудилъ, а бояре приговорили». Но ни одинъ отецъ или опекунъ съ семейнымъ совѣтомъ женили сына и выдавали дочь: это право, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, принадлежало всякой власти—помѣщику, обществу, царю, такъ какъ всякая власть носила отеческій характеръ. По словамъ пѣсни, браки заключались—

> Но Божьему повелѣнью,
> По царскому уложенью,
> По господскому приказанью,
> По мірскому приговору.

Но обычаю древней Руси, каждый домовладыка былъ обязанъ заботиться о всѣхъ домочадцахъ, о рабахъ и прислугѣ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ,—дѣвицъ выдавать замужъ, а молодцовъ женить. Помѣщики дѣлали это вплоть до отмѣны крѣпостного права. У казаковъ нерѣдко атаманъ давалъ невѣстъ, какъ въ семействахъ отецъ семьи, и Стенька Разинъ устроилъ такимъ образомъ не одну сотню свадебъ. Вельможи, великіе князья, цари также устроляли свадьбы приближенныхъ къ себѣ лицъ, не спрашивая, конечно, объ ихъ согласіи. Какъ увидимъ ниже, это бывало даже и въ XIX в. Иногда правительство устроляло подобные браки гуртомъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, въ видахъ умноженія народонаселенія Сибири, повелѣно было, чтобы тамошніе пашенные крестьяне непремѣнно отдавали своихъ дочерей за ссыльныхъ; но такъ какъ они не хотѣли брать себѣ въ зятья воровъ и мошенниковъ, то ихъ принуждали къ тому силою и брали за ослушаніе большой штрафъ. Иногда правительство высылало въ Сибирь «женокъ и дѣвокъ», поручая тамошней администраціи выдавать ихъ замужъ. Въ 1759 г., напримѣръ, было опредѣленное елить на сибирскую линію годныхъ для замужества ссыльныхъ женщинъ. Сибирская губернская канцелярія предписывала воеводамъ и управителямъ, «собравъ этихъ женокъ, персонально учинить имъ осмотръ и годныхъ для замужества отправлять въ Омскъ, къ бригадиру Фрауендорфу», которому предписывалось разселить ихъ по линіи и выдавать замужъ за всѣхъ, кромѣ военнослужащихъ. Многія изъ этихъ несчастныхъ невѣстъ беременѣли въ Омскѣ или по дорогѣ; нѣкоторыя тащились съ грудными ребятами; другія кое-какъ волокли ноги отъ дорожнаго изнуренія и угнетавшихъ ихъ болѣзней. Матери по дорогѣ дарили или продавали желающимъ своихъ дѣтей, нести которыхъ подъ палящими лучами солнца было невыносимо и отъ которыхъ онѣ желали избавиться, чтобы легче устроить свою будущую брачную карьеру. Большинство этихъ подневольныхъ невѣстъ было сослано за преступленія противъ семейства; изъ 77 женщинъ, напримѣръ, доставленныхъ на линію черезъ Омскъ въ 1759 г., было сослано 24 за мужеубійство, 10 за дѣтоубійство, 1 за отцеубійство, 1 за блудъ съ отцомъ, остальныя за поджогъ помѣщичьихъ имѣній, кражу, побѣгъ, «порчу волшебными травами и словами». Женщины эти, уже пострадавшіяся въ семейной жизни до ссылки, въ Сибири снова поступали въ семейную неволю, раздаваемыя начальствомъ холостымъ офицерамъ «въ

услуженіе», а казакамъ и солдатамъ въ замужество. Въ началѣ настоящаго столѣтія вздумали было заселить трактъ отъ Енисейска до Туруханска. Приславши народъ на двухъ большихъ баркахъ и въ предположенныхъ къ заселенію пунктахъ начали оставлять по три и по четыре семьи, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ для домообзаведства. Тѣмъ изъ поселенцевъ, которые не были женаты, давались ссыльныя женщины по назначенію земской полиціи. Случалось, что нѣкоторые изъ мужчинъ не хотѣли жениться на предложенныхъ невѣстахъ, или, наоборотъ, женщины отказывались выходить за предложенныхъ мужчинъ, но ихъ принуждали розгами. Въ XIX в. подобные браки по приказу начальства были обычнымъ явленіемъ въ военныхъ поселеніяхъ. Что же касается браковъ «по міркому приговору», то крестьянскій міръ до сихъ поръ нерѣдко вмѣшивается въ брачныя дѣла своихъ членовъ, не имѣющихъ родителей, назначая, напримѣръ, извѣстную сироту-дѣвушку въ жены сиротѣ-парню. Въ древности за выводъ невѣсты изъ общины послѣдняя брала пошлину, которая, по всей вѣроятности, замѣнила собою первичное родовое право первой ночи. Идея отеческаго вмѣшательства власти въ дѣло заключенія брака до сихъ поръ живетъ даже въ нашемъ законодательствѣ, выражаясь въ обязанности жениха имѣть дозволеніе подлежащаго начальства на вступленіе въ бракъ.

Въ старой Россіи свободою въ выборѣ себѣ невѣсты пользовался только одинъ царь. Подобно императорамъ Византіи и среднеазіатскимъ ханамъ, царь древней Руси выбиралъ себѣ невѣсту изъ дѣвицъ всей земли. Въ Москвѣ и въ провинціяхъ боярамъ, помѣщикамъ, дѣтямъ боярскимъ разсылались циркулярные царскіе указы, которыми эти господа извѣщались, что властямъ поручено «смотрѣть у нихъ дочерей-дѣвокъ» государю въ невѣсты; «и у которыхъ были дочери-дѣвки», тѣмъ предписывалось, «часа не мѣшкая», везти ихъ на смотръ въ городъ къ воеводамъ, а потомъ, по выбору послѣднихъ, въ Москву. «А кто дочь-дѣвку у себя утаитъ и къ боярамъ (на смотръ) не повезетъ», тому полагалась «великая опала и казнь». Иногда такимъ образомъ въ Москву свозили до двухъ тысячъ дѣвицъ разнаго званія, изъ которыхъ и выбиралась невѣста. «Надежнымъ сановникамъ и довѣреннымъ боярынямъ поручалось свидѣтельствовать этихъ дѣвушекъ, такъ что самыя сокровенныя части тѣла не оставались безъ подробнаго разсмотрѣнія». (Пав. Іовій). Изслѣдовались дѣвственность невѣсты, ея здоровье и способность къ дѣторожденію. Само собою понятно, что между родственниками привезенныхъ на смотръ дѣвушекъ шло ожесточенное соперничество, и каждый родъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы породниться съ царемъ. Па дѣвицъ, которыя наиболѣе нравились царю, даже на ту, которая была уже объявлена невѣстою и жила во дворцѣ, сластничали, сочиняли о нихъ небылицы, старались ихъ «испортить» и нерѣдко успѣвали въ этомъ: невѣста занемогала, ее высылали изъ дворца, а иногда имѣютъ съ ея родственниками даже отправляли въ ссылку за покушеніе обмануть царя. Невѣста Михаила Ѳедоровича, Марья Хлопова, будучи взята во дворецъ, объѣлась здѣсь сластями и заболѣла. Соперники Хлоновыхъ, Салтыковы, успѣли убѣдить кого слѣдовало, что «болѣзнь ея великая»; ее сослали сначала въ Тобольскъ, а потомъ перевели въ Нижній. Вскорѣ царь узналъ, что она здорова; началось слѣдствіе, и оказалось, что ее погубила интрига Салтыковыхъ; сослали Салтыковыхъ. Марья Долгорукова, вышедшая за Михаила, умерла черезъ три мѣсяца отъ руки враговъ своихъ. Передъ свадьбой Алексѣя его невѣстѣ Всеволожской при убираны головы такъ закрутили волосы, что она упала въ обморокъ; это было выставлено доказательствомъ, что она испорчена и больна падучею болѣзнью; отца ея высѣкли кнутомъ и вмѣстѣ съ дочерью сослали въ Сибирь.—«Когда невѣста была окончательно выбрана,—разсказываетъ Іовій,—прочія соперницы ея по красотѣ, стыдливости и скромности, нерѣдко въ тотъ же самый день, обручались съ боярами и военными сановниками», при чемъ царь игралъ роль отца, опредѣляя, кому на комъ жениться.

У обыкновенныхъ смертныхъ бракъ былъ договоромъ двухъ семействъ, при чемъ женихъ и невѣста вплоть до свадьбы не только не видѣли другъ друга въ глаза, но даже и не знали, что ихъ любезнѣйшіе родители хотятъ сочетать ихъ бракомъ. Дѣло начиналось обоюдными справками о женихѣ и невѣстѣ, объ ихъ состояніи, характерѣ, нравственности, наружности. Осмотръ невѣсты производила обыкновенно мать или другая родственница жениха, который не видѣлъ своей суженой вплоть до свадьбы. Мы уже говорили въ первой главѣ, что эти смотрины въ крестьянской жизни до сихъ поръ носятъ характеръ осмотра продаваемаго товара его покупателями; въ старину же это было всеобщимъ обыкновеніемъ. Какъ при продажѣ всякаго товара, такъ и при смотринахъ невѣсты, дѣло рѣдко обходилось безъ плутовства. Больную и блѣдную дѣвушку румянили, сухопарую превращали посредствомъ фальшивыхъ накладокъ въ толстуху и т. д. Если же невѣста была до того плоха, что обмануть такимъ образомъ было нельзя, то совершали подлогъ и вмѣсто одной дѣвушки показывали другую, а замужъ выдавали первую. «Во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ», говоритъ Котошихинъ, подробно описывая разныя варіаціи этого мошенничества. Обманъ открывался только послѣ вѣнчанья, когда женихъ въ брачномъ покоѣ находилъ въ невѣстѣ тѣ крупные недостатки—хромоту, нѣмоту и безобразіе, — которые были искусно скрыты ея родителями, или же вмѣсто дѣвушки, показанной подъ чужимъ именемъ на смотринахъ, встрѣчалъ урода, подъ именемъ котораго была показана подставная красавица. Обманутый женихъ могъ жаловаться духовному начальству; производилось слѣдствіе, и если обманъ былъ доказанъ, то виновнаго наказывали кнутомъ, а бракъ расторгали. Но доказать обманъ было чрезвычайно трудно, и въ большинствѣ подобныхъ случаевъ мужьямъ оставалось только одно утѣшеніе—вымещать на женахъ мошенничество ихъ родителей, вгонять ихъ въ гробъ или

принуждать къ постриженію въ монастырь, чтобы затѣмъ можно было жениться въ другой разъ.

Нашихъ предковъ женили и выдавали замужъ очень рано, опираясь въ этомъ случаѣ на византійскіе законы, которые, будучи составлены для людей юга, гдѣ половая зрѣлость достигается гораздо скорѣе, чѣмъ на сѣверѣ, опредѣлили minimum возраста для жениха 14, а для невѣсты 12 лѣтъ. Нашъ Стоглавъ требуетъ отъ перваго 15, а отъ второй 12 лѣтъ. Но на практикѣ это сплошь и рядомъ не выполнялось, да, собственно говоря, не было до XVIII вѣка и опредѣленныхъ постановленій относительно возраста брачущихся. Дѣвушекъ часто выдавали замужъ еще въ дѣтствѣ, лѣтъ 13, 10, даже 8, а мальчиковъ женили иногда даже 7 лѣтъ! Нерѣдко случалось, что мальчугана женили на взрослой дѣвушкѣ; такіе браки взрослыхъ съ малолѣтними во многихъ мѣстностяхъ существовали почти вплоть до настоящаго столѣтія и были особою формою снохачества. Отцы или опекуны, взявъ дѣвицу для своего малолѣтняго сына, жили съ нею сами до совершеннолѣтія мужа, который, выросши и почувствовавъ потребности полового инстинкта, нерѣдко находилъ въ своей женѣ уже отживщую старуху. Въ архивахъ Сибири я не разъ наталкивался на документы, свидѣтельствующіе о распространенности этого гнуснаго злоупотребленія даже въ XVIII в. Такъ, въ 1749 г. одинъ енисейскій крестьянинъ жаловался, что отецъ женилъ его семилѣтняго на сорокалѣтней дѣвкѣ, что теперь ей уже шестьдесятъ лѣтъ и она неспособна быть женой. Такъ, въ 1735 г. по улицамъ города Ачинска ходила по дгулявшая сватья ачинскаго попа Никифора «и сказывала на него, попа, духовное дѣло. А невѣстка его, попова, сказывала, что де онъ, попъ, взялъ ее, Налагею, въ замужество за сына своего малолѣтняго и растилъ дѣвство ея и прижилъ съ нею младенца». И хотя въ настоящее время такіе браки взрослыхъ съ малолѣтними невозможны, но снохачество существуетъ до сихъ поръ; во многихъ мѣстностяхъ оно распространено чрезвычайно и нерѣдко доводитъ до семейныхъ кровавыхъ трагедій. Вотъ, напр., два факта изъ крестьянской жизни. Одинъ крестьянинъ заставлъ свою жену съ отцемъ и убилъ послѣдняго, а самъ умеръ въ острогѣ. Другой, женивъ своего сына полуидіота на хорошенькой дѣвушкѣ, сталъ добиваться ея любви; но она воспротивилась его требованіямъ и избавилась отъ него ссылкою его въ Сибирь. Старикъ не угомонился и на пути въ каждомъ городѣ просилъ о высылкѣ къ нему сына съ женою. Въ Воронежской губерніи одно сельское общество купило для церкви колоколъ, который никакъ не могъ быть поднятъ на колокольню, не смотря на всѣ усилія собравшихся крестьянъ. Дьячокъ, полагая, что колоколъ нейдетъ оттого, что среди собравшихся много грѣшниковъ, предложилъ выйдти изъ толпы снохачамъ, и, къ общему удивленію, отступила въ сторону почти половина собравшихся крестьянъ!.. Женщины вступаютъ въ эту связь со свекрами единственно изъ боязни, какую онѣ питаютъ къ нимъ. Въ случаѣ противодѣйствія снохи, не только свекоръ начинаетъ деспотствовать надъ нею, но и вся семья начинаетъ преслѣдовать несчастную, угождая развратному самодуру, а подневольный мужъ рѣдко въ силахъ защитить ее, да и его часто умѣютъ вооружить противъ бѣдной женщины.

Въ низшихъ классахъ русскаго народа бракъ до сихъ поръ носитъ формальный характеръ куплипродажи. Родственники невѣсты продаютъ ее, родственники жениха покупаютъ ее. И хотя въ большинствѣ мѣстностей свадьба имѣетъ такой торговый характеръ только по своимъ древнимъ обрядамъ, но по мѣстамъ купля-продажа невѣсты существуетъ даже до сихъ поръ въ своей первобытной формѣ. «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ г. Нерехтѣ, невѣсту покупаютъ за деньги. Не только бѣдные, но и богатые поселяне считаютъ себѣ за безчестье отдать дочь безденежно. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты, о чемъ провозглашается немедленно по деревнѣ. Продажная цѣна называется *калымомъ*». (Терещенко). Въ древней Россіи такая купля-продажа невѣсты была гораздо распространеннѣе, чѣмъ нынѣ, но въ XVI и XVII столѣтіяхъ не только въ высшихъ, но даже и въ низшихъ классахъ народонаселенія бракъ большею частію уже потерялъ характеръ чисто торговой сдѣлки, и калымъ уступилъ мѣсто приданому. Бракъ былъ договоромъ двухъ семей и актомъ этого договора служила рядная запись, которую писалъ подъячій, нарочно для этого приглашаемый. Въ рядной записи подробно исчислялось все слѣдующее за невѣстой приданое, которое обыкновенно доставлялось въ домъ новобрачныхъ послѣ свадьбы. Но такъ какъ родители невѣсты сплошь и рядомъ старались обмануть жениха относительно приданаго, то родители жениха нерѣдко требовали, чтобы оно было отдано до свадьбы, по пословицѣ «денежки на столъ, дѣвушку за столъ». При свадьбахъ нашего купечества это стремленіе смошенничать на приданомъ до сихъ поръ не только существуетъ, но даже считается дѣломъ совершенно обычнымъ и извинительнымъ. Въ виду такого сильнаго и всеобщаго поползновенія къ обману въ брачныхъ дѣлахъ, въ рядной записи, для гарантированія вѣрности условій, назначалась неустойка или попятное, которое платила сторона, нарушившая условіе. Величина неустойки была соразмѣрна съ величиной приданаго и всегда назначалась въ такой суммѣ, уплата которой была бы тягостною для нарушителя рядного договора.

Свадьба сопровождалась множествомъ обрядныхъ церемоній, соблюденіе которыхъ считалось обязательнымъ и описаніемъ которыхъ въ нѣкоторыхъ «домострояхъ» занята цѣлая, весьма обширная глава: «О чинахъ свадебныхъ». Въ этихъ обрядахъ прежде всего выражалась та мысль, что невѣста поступаетъ въ полную зависимость къ своему мужу и повелителю. Отецъ невѣсты бралъ плеть и ударялъ ею свою дочь, говоря: «по этимъ ударамъ ты, дочь, знаешь власть отца; теперь эта власть переходитъ въ другія руки; вмѣсто меня, за ослушаніе будетъ учить тебя этою плетью мужъ». Съ этими словами плеть пере-

давалась жениху, который, закладывая ее за кушакъ, выражалъ надежду, что въ ней ему не встрѣтится надобности. Эта плеть вѣшалась надъ брачнымъ ложемъ, и во многихъ мѣстностяхъ женихъ производилъ ею обрядовое сѣченіе новобрачной при извѣстномъ унизительномъ обрядѣ разувания ею своего суженаго. Дѣвственность невѣсты была главнымъ требованіемъ со стороны жениха, и грубое матеріальное понятіе нашихъ предковъ о добродѣтели совершенно отожествляло послѣднюю съ сохраненіемъ гимена до времени брака. Невѣсты, съ своими свахами и родственниками, сплошь и рядомъ обманывали жениха фальшивыми признаками дѣвственности, а женихъ съ своими родственниками производили точное и подробное изслѣдованіе этихъ признаковъ. Это совершалось почти публично, раздражая сладострастіе присутствовавшихъ на свадьбѣ гостей, обыкновенно предававшихся пьянству, дебошу и самому необузданному разврату. Иностранные писатели стѣснялись «объяснить, какъ доказывается дѣвство вѣнчающихся невѣстъ, такъ какъ распространяться объ этомъ невозможно по требованію благонравія». (Корбъ). Въ купечествѣ, мѣщанствѣ, крестьянствѣ эти отвратительные обычаи въ полномъ ходу до сихъ поръ. Въ Астрахани, напримѣръ, свадьба оканчивается слѣдующимъ образомъ. Въ боковой комнатѣ, часто отдѣленной отъ гостей одними только ширмами, женихъ и невѣста занимаютъ брачную постель, и молодой мужъ обязанъ тутъ же, пока еще не разъѣхались гости, почти въ ихъ присутствіи, отправить въ первый разъ свои супружескія обязанности; въ это время музыканты играютъ сладострастную пѣсню «*бѣда*», слова которой припѣваются всѣми гостями. По совершеніи акта, сваха входитъ въ брачный покой, мѣняетъ на новобрачной бѣлье, унося съ собою рубашку, запачканную знаками «честности». Развернувъ эту рубашку и держа ее въ обѣихъ рукахъ, она, какъ пьяная вакханка, является къ гостямъ съ пѣніемъ и пляскою, показывая всѣмъ свой трофей. Затѣмъ, съ провожатыми и съ музыкою, она отправляется въ экипажѣ въ домъ родителей невѣсты, чтобы передать имъ свой трофей. На каждомъ углу, у каждаго трактира шествіе останавливается; сваха и провожатые соскакиваютъ съ экипажей, танцуютъ, поютъ, а музыка играетъ «*бѣду*». Такимъ образомъ процессія, проѣхавъ черезъ весь городъ, достигаетъ дома родителей невѣсты, которымъ и передается запачканное бѣлье, а затѣмъ начинается новая оргія. (Медико-Топогр. Сборн., I, 397). Сальныя шутки надъ молодыми, похабные разговоры, свидѣтельствованіе бѣлья и постели, весь этотъ грязный цинизмъ нашихъ свадебъ до сихъ поръ служитъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ выраженій русскаго варварства, выработаннаго тысячелѣтней исторіей. Отвратительна радостная оргія, начинающаяся послѣ того, какъ женихъ найдетъ возможнымъ благодарить родителей невѣсты за ея дѣвственность, но еще отвратительнѣе [illegible] человѣка тѣ сцены, которыя начинаются, если молодая окажется недѣвственницей. Насмѣшки, брань, побои сыплются на несчастную, а родители иногда даже начинаютъ пытать ее, всовывая, напримѣръ, булавки подъ ногти, съ кѣмъ и когда она любилась *). Въ старину эти варварскіе обычаи господствовали между всѣми классами общества, и невѣсты, не успѣвшія обмануть своихъ взыскательныхъ женіховъ, нерѣдко расплачивались очень дорого за свою невоздержность въ дѣвичествѣ. Такъ, Иванъ Грозный, не найдя дѣвственницей свою жену Марью Долгорукову, на другой же день послѣ свадьбы велѣлъ *затиснуть* ее въ колымагу, повезти на борзыхъ коняхъ и опрокинуть въ воду. Нерѣдко случалось, что женихъ, найдя свою невѣсту недѣвственницей, отсылалъ ее къ ея родителямъ. Если же она и оставалась его женою, то цѣлую жизнь принуждена была выносить попреки и побои мужа, который часто старался отдѣлаться отъ нея какимъ бы то ни было способомъ, вгонялъ ее въ гробъ, заставлялъ постригаться въ монастырь, а затѣмъ начиналъ искать себѣ другую, «честную» невѣсту. Мужъ не могъ, даже если бы онъ и хотѣлъ, извинить совершенно своей женѣ грѣхъ ея молодости,—его покарало бы за это общественное мнѣніе. Лица, имѣвшія доступъ ко двору, на другой день

*) Интересные матеріалы объ этомъ см. въ «Сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ», т. I, Спб. 1878 г.

«Чтобы со стороны невѣсты не было никакого обмана, ее обыскиваютъ, раздѣваютъ донага, одѣваютъ въ новое бѣлье и тогда только укладываютъ въ постель (отд. I, 163). Въ Кіевской губ. подглядывая толпа, особенно *хлопцы*, подходятъ въ это время къ дверямъ, окнамъ и проч., чтобы подслушать, издасть ли молодая крикъ, или нѣтъ (с. 189). Пьяные поѣзжане ждутъ съ такимъ нетерпѣніемъ результата, что если молодой почему-нибудь не въ состояніи скоро выполнить что слѣдуетъ, то, смотря по мѣстности, это дѣлаютъ или женатый, почтенный родственникъ его, или даже сваха, или сама молодая перстами (ст. 174, 190). При этомъ, какъ этотъ родственникъ, такъ и самъ женихъ (почему—неизвѣстно) не должны доводить акта до конца, и молодая должна освободиться отъ молодого, коль скоро получится результатъ, истерпѣливо ожидаемый поѣзжанами. Если невѣста оказывается «честною», настаетъ бѣшеное веселье; въ противномъ случаѣ родственники женихъ срамятъ ее и ея родню, поютъ циническія пѣсни, надѣваютъ хомутъ на ея мать и т. д. Самой же молодой достается еще хуже. Въ Черниговской губ., напр., мужъ тутъ же бьетъ ее нагайкой до тѣхъ поръ, какъ выражается очевидецъ, «пока тѣло ея не сдѣлается черными, какъ земля» (ст. 180). Иногда приходится разламывать двери каморы, чтобы только освободить отъ него молодую, которую приходится отливать водою. Ея позоръ дѣлается извѣстнымъ всѣмъ, а въ Кіевской губерніи, когда на завтра молодая приходитъ съ мужемъ въ церковь, то священникъ заставляетъ ее проползти три раза вокругъ церкви на колѣнахъ; теперь, впрочемъ, это начинаетъ выводиться, и вмѣсто позванія священникъ заставляетъ ее проработать на себя нѣсколько дней (стр. 167). Да, некрасивые обычаи! Но, по нашему мнѣнію, нельзя видѣть въ нихъ что-нибудь особенно варварское, животное: тутъ недостаетъ только нравственной культуры, и чувство обманутаго ожиданія люди не умѣютъ сдерживать, тѣмъ болѣе, что, по обычаю, всѣ пьяны въ это время. Мы думаемъ такъ не безъ основанія. Въ настоящее время молодой нерѣдко не только не бьетъ жены и прощаетъ ее, но даже принимаетъ грѣхъ на себя. Если же молодая заблаговременно при всѣхъ поѣзжанахъ покается, то расправы вовсе не бываетъ (стр. 167 и др.)».

послѣ свадьбы являлись къ царю со всѣмъ поѣздомъ; но молодой мужъ недѣйственницы не смѣлъ показаться на глаза государю и не имѣлъ этого права представиться ему. «Если поступающій въ священники на брачномъ ложѣ не находилъ дѣйства и это впослѣдствіи обнаруживалось, то онъ лишался своей должности». (Олеарій).

Признаніе брака церковнымъ таинствомъ утвердилось въ массѣ народа только въ позднѣйшее время, и церковь, въ теченіе долгихъ столѣтій, напрасно старалась подчинить браки регулированью своихъ византійскихъ законовъ. Простой народъ долго избѣгалъ церковнаго вѣнчанья и считалъ его обязательнымъ только для князей и бояръ. Въ XVI, XVII, мѣстами даже въ XVIII вѣкѣ, когда еще продолжалась борьба съ язычествомъ, простолюдины сплошь и рядомъ женились безъ церковнаго благословенія, «въ роду и въ племени, въ кумовствѣ и сватовствѣ, и въ крестномъ братствѣ, и при жизни первыхъ женъ». Церковный обрядъ бракосочетанія часто замѣнялся древнимъ языческимъ обрядомъ хожденія жениха и невѣсты—

Безъ вѣнчанья, безъ попа,
Вкругъ зеленаго ракитова куста.

Этотъ обрядъ и далъ происхожденіе пословицѣ: «вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли». Стенька Разинъ положительно отвергалъ церковное вѣнчанье, говоря: «къ чему вѣнчаться? Станьте въ парѣ подлѣ дерева да пропляшите вокругъ него—вотъ и повѣнчались!» Онъ собиралъ молодежь, приводилъ къ вербовому дереву, заставлялъ ихъ парами плясать вокругъ него и потомъ увѣрялъ, что они послѣ этого обряда сдѣлались совершенно законными супругами. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губерніи до позднѣйшаго времени, при празднествахъ масляницы, молодые парни, условившись съ дѣвицами, увозили ихъ въ лѣсъ, къ завѣтному дубу, объѣзжали его три раза и тѣмъ оканчивали свое вѣнчанье. Церковь и свѣтская власть не переставали преслѣдовать такія «блудодѣйственныя» связи, дѣйствуя посредствомъ увѣщаній, эпитимій, штрафовъ и наказаній, нерѣдко очень строгихъ. Въ 1593 г., напримѣръ, казанскій архіерей доносилъ царю, что многіе жители казанскаго края не ходятъ въ церковь, не держатъ постовъ; обвѣнчавшись въ церкви, потомъ перевѣнчиваются у попововъ татарскихъ, живутъ безъ церковнаго благословенія съ нѣмецкими плѣнницами и т. д. Царь велѣлъ ихъ смирять, въ тюрьму сажать, въ желѣза, въ цѣпи, бить батогами, а менѣе виновныхъ отсылать къ владыкѣ для наложенія эпитиміи. Но при всѣхъ подобныхъ строгостяхъ, при всѣхъ вѣковыхъ усиліяхъ церкви, безцерковный бракъ получилъ широкое развитіе не только въ расколѣ, какъ увидимъ ниже, но и внѣ его. Невѣнчанныя супружескія пары даже въ настоящее время нерѣдко встрѣчаются между простонародьемъ Сибири, напримѣръ, — и такія связи извѣстны здѣсь подъ именемъ *сибирскихъ браковъ*.

Церковь боролась съ остатками язычества не за одно только свое право вѣнчать брачныя связи; она старалась подчинить всѣ эти связи своимъ правиламъ, прекратить браки между близкими родственниками и кумовьями, установить для бракосочетаній опредѣленное время, заставить брачущихся платить вѣнчальныя пошлины, воспретить разводы, которые въ древности были такъ часты, и т. д. Но особенныя усилія церкви были направлены на искорененіе многоженства, которое продолжало держаться въ жизни и послѣ введенія христіанства. Многіе имѣли по двѣ и по три жены. Въ XVI и XVII вв. многоженство было чрезвычайно распространено въ Сибири. Такъ какъ тогдашній сибирякъ не велъ осѣдлой жизни, а странствовалъ по разнымъ мѣстамъ, то и жены его были разсѣяны по тѣмъ поселеніямъ, которыя лежали на его обычномъ пути. Онъ жилъ съ ними обыкновенно *сибирскимъ браком*ъ, т. е. не вѣнчавшись. Но положеніе женщины въ подобномъ бракѣ, при грубости тогдашнихъ нравовъ, было крайне шатко и необезпечено; мужъ во всякое время могъ прогнать или бросить ее. Женщины поэтому, естественно, старались замѣнять такіе браки церковными; объ этомъ же хлопотало и духовенство, дѣйствуя иногда съ чрезвычайною строгостью, доходившею до того, что даже въ XVIII вѣкѣ сибирскіе архіереи, разъѣзжая по епархіямъ, нерѣдко наказывали публично плетьми «явныхъ прелюбодѣекъ». Все это содѣйствовало большему и большему водворенію въ жизни официальнаго брака. Но и въ этой формѣ бракъ сплошь и рядомъ оставался временною связью, даже многоженствомъ. Почти до самаго начала XIX в. въ Россіи, а особенно въ Сибири, бракъ нетрудно было заключить безъ всякихъ формальностей, безъ документовъ и свидѣтелей, или съ подложными документами и подкупными свидѣтелями. И вотъ у людей грубыхъ, чувственныхъ, развратныхъ появлялось разомъ по нѣсколько законныхъ женъ въ разныхъ мѣстностяхъ. При старинной бродячести народонаселенія, бѣглые крестьяне, солдаты, казаки, разные гулящіе люди, искрещивая страну по всѣмъ направленіямъ, живя то здѣсь, то тамъ, обзаводились нѣсколькими законными супружницами. Такія связи заключались часто даже съ вѣдома духовенства, особенно въ мѣстахъ глухихъ и удаленныхъ отъ центровъ государственной жизни. Въ половинѣ XVIII в. священники Якутской области прославились, между прочимъ, тѣмъ, что безъ всякаго стѣсненія вѣнчали женъ отъ живыхъ мужей и мужей отъ живыхъ женъ. Въ 1752 г. Желѣзинской крѣпости солдатъ Гуляниннъ женился на дѣвкѣ Ульянѣ. «Жила я съ нимъ, —пишетъ Ульяна въ своемъ прошеніи,—съ полгода. Когда мужъ ушелъ съ своимъ полкомъ изъ Сибири, то я осталась отъ него беременною и родила сына. Черезъ три года ямышевскій благочинный Степанъ Сѣдачевъ, сказавъ мнѣ, будто мужъ мой померъ, зазвалъ меня, по наущенію канонера Еркина, къ себѣ въ домъ и, напоивъ пьяною, привелъ въ церковь и съ вышеписаннымъ канонеромъ обвѣнчалъ насильно». Другой случай. Въ томскомъ Але-

кѣевскомъ монастырѣ у заказныхъ дѣлъ попъ Копыловъ донесъ, что «усмотрѣлъ онъ въ Томскѣ у Знаменской церкви, какъ священникъ Кастагаевъ вѣнчалъ солдата Замятина вторымъ бракомъ на дѣвкѣ Вылгусовой, и что тотъ солдатъ имѣетъ у себя первозаконную жену, которая и нынѣ жива». Началось слѣдствіе. Замятинъ объяснилъ, что «женился онъ вторично того ради, что первая жена, по отбытіи его изъ Томска въ солдатство», черезъ три мѣсяца вышла замужъ за крестьянина Нагибина, который первозаконную жену свою выдалъ за какого-то Елисея кузнеца. Замятина сняли съ его первою женой, а «оную блудницу, незаконную жену его, посадили подъ карауль до указа его преосвященства». Но Замятинъ, прогнавъ свою первую жену, «оную блудницу подговоря тайно, изъ-подъ караула увелъ съ собою». Слѣдователи спрашиваютъ у митрополита, что дѣлать имъ съ преступниками, и при этомъ замѣчаютъ, что случаи двоеженства и троеженства бываютъ такъ же часты, какъ и женитьба на самыхъ близкихъ родственницахъ. Значительная часть подобныхъ случаевъ двоеженства, троеженства и т. д. зависѣла просто отъ недозволенности развода: супруги самовольно разторгали свой бракъ и вступали въ новый; но все-таки главнымъ мотивомъ всѣхъ подобныхъ явленій служила и служитъ падкость мужчинъ къ многоженству. Эта наклонность и въ старину, и въ настоящее время проявляется еще и въ другой, болѣе употребительной формѣ. Содержаніе при законной женѣ наложницы или нѣсколькихъ наложницъ—тоже многоженство. Преслѣдуя многоженство во всѣхъ его формахъ, церковь дозволяла православному имѣть преимущественно не болѣе трехъ женъ. При этомъ третій бракъ не считался даже таинствомъ, и священникъ, который вмѣсто простого чтенія молитвъ надъ троеженцемъ вѣнчалъ его, лишался своего сана. Третій бракъ дозволялся только въ томъ случаѣ, если ни отъ перваго, ни отъ второго не было дѣтей, а вступившія въ него лица на пять лѣтъ отлучались отъ церкви. Четвертый же бракъ считался явнымъ преступленіемъ, былъ ли онъ вѣнчанъ, или нѣтъ—все равно. Утвержденный такимъ образомъ принципъ моногаміи съ особенною строгостію прилагался къ духовенству. Попы и дьяконы могли жениться только одинъ разъ; но, запрещая овдовѣвшему попу второй бракъ, церковное законодательство въ то же время признавало за массою духовенства неспособность къ воздержанію и, чтобы избавить церковь отъ осквернѣнія ея грѣшными служителями, не дозволяло вдовымъ попамъ ни служить обѣденъ, ни совершать таинствъ,—они могли исполнять только обязанности дьячковъ. Но всѣ эти церковныя правила утверждались въ жизни очень медленно, и духовенство, особенно низшее, сплошь и рядомъ нарушало ихъ. Нечего говорить о многочисленныхъ бракахъ Ивана Грознаго, которые духовенство утверждало, съ назначеніемъ царю церковнаго наказанія, и въ то же время громко проклятіемъ всякому, кто, подобно [illegible] женится болѣе трехъ разъ,—самые обыкновенные смертные могли дѣлать тоже самое, что и Грозный царь. Въ XV и XVI в. духовенство, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, дозволяло православнымъ жениться по пяти, по восьми, даже по десяти разъ. Къ числу важныхъ ограниченій, полагавшихся церковью свободѣ полового союза, относятся еще обязанность брачосочетающихся имѣть дозволеніе своихъ родителей или опекуновъ и запрещеніе брака между лицами, состоящими въ родствѣ до седьмой степени, кумовствѣ и свойствѣ. Это послѣднее ограниченіе было всегда тягостнымъ особенно для жителей отдаленныхъ захолустныхъ поселеній, большинство жителей которыхъ обыкновенно состояло въ родствѣ или кумовствѣ между собою. Стѣснительность этихъ правилъ хорошо выражается въ извѣстной пѣсенкѣ—

Радъ бы я жениться, да некого взять:
За моремъ синичка—сестричка мнѣ,

и т. д.,—все родственницы...

По патріархальному воззрѣнію, женщина, вступая въ бракъ, не имѣетъ никакихъ личныхъ цѣлей; бракъ существуетъ не для ея удовольствія, не для ея интересовъ; женщина служитъ только орудіемъ для продолженія рода. Первое достоинство жены—чадородіе. Она должна рождать мужу дѣтей, и преимущественно сыновей, этихъ столповъ рода. Неплодіе жены считалось величайшимъ несчастіемъ, однимъ изъ самыхъ страшныхъ наказаній Божіихъ. Такія жены обращались обыкновенно къ самому вѣрному средству, къ усердной молитвѣ; съ плачемъ и рыданіемъ, доходившими, по выраженію древнихъ сказаній, до изступленія ума, онѣ молили постоянно Бога и святыхъ о томъ, чтобы «прикити имъ чадо мужеска пола». И много считается примѣровъ успѣшности этихъ молитвъ несчастныхъ женъ... Мать Александра Каргопольскаго, оскорбляемая дряхлымъ мужемъ за безчадіе, который гонаривалъ, что значитъ «есть въ ней газоръ нѣкій, рекше грѣхъ», но молитвѣ родила сына, точно такъ же, какъ и мать Александра Свирскаго. Молитвою послѣдняго даруется чадо мужеска пола боярину Апрѣлеву, жена котораго «ради безчадія поносима была имъ и оскорбляема, многажды же и біема бываше». Бездѣтные мужья не менѣе своихъ супругъ горевали о неимѣніи потомства. Эта мысль отравляла всю ихъ жизнь, преслѣдовала на каждомъ шагу. Вотъ, напримѣръ, ѣдетъ на охоту бездѣтный великій князь Иванъ Васильевичъ; увидѣлъ онъ на деревѣ птичье гнѣздо и горько заплакалъ. «Сотвори плачъ и рыданіе велико: о, горе мнѣ бездѣтному! Кому я себя уподоблю, къ кому прировнять себя! Вотъ птицы небесныя,—и онѣ плодовиты; звѣри земные—и тѣ плодовиты! и вода плодовита! она играетъ волнами, въ ней плещутся и веселятся рыбы! Господи, и къ этой землѣ я не могу прировнять себя,—она приноситъ плоды на всякое время!..» Обѣты, молебны, путешествія ко святымъ мѣстамъ, кормленіе нищихъ, ворожба и чародѣйство—все употреблялось неплодными супругами, чтобы только имѣть дѣтей. Борисъ Годуновъ, очень заботившійся о чадородіи своей сестры, царицы Ирины, поручалъ даже Горсею развѣдать у ученыхъ англійскихъ докторовъ о сред-

ствахъ «къ зачатію и порожденію дѣтей и привезти въ Москву докторицу, искусную во врачеваніи женскихъ болѣзней и безчадія». Мужъ ненавидѣлъ безплодную жену, презиралъ, притѣснялъ ее, билъ, разводился съ нею, заключалъ ее въ монастырь. Эти разводы и постриженія особенно часты бывали въ царскомъ семействѣ. «Царица должна была дать наслѣдника царю и царству. Въ этомъ заключался главный, основной смыслъ ея царственнаго положенія. Никакого другого смысла въ ея личности не признавали и не сознавали государственныя стремленія, государственныя положенія жизни, для которыхъ поэтому личность царицы являлась полною жертвою». (Забѣлинъ). Неплодіе царицы считалось такимъ народнымъ бѣдствіемъ, которое давало безотвѣтнымъ обыкновенно подданнымъ право требовать, чтобы царь развелся съ неплодной супругой. Такъ, при Ѳедорѣ Ивановичѣ, митрополитъ, бояре Шуйскіе съ своими сторонниками, а также гости и всѣ люди купеческіе сошлись на совѣтъ и рукописаніемъ утвердили бить челомъ государю, чтобы онъ «чадородія ради второй бракъ принялъ, а первую свою царицу, Ирину Ѳедоровну, отпустилъ бы въ иноческій чинъ». Борисъ Годуновъ разстроилъ это предпріятіе. Постриженіе безплодной жены хотя и не могло, по закону, совершиться безъ ея согласія, но, въ большинствѣ случаевъ, оно производилось вопреки закону. Женъ постригали силою, и при этомъ наши благочестивые предки разыгрывали иногда возмутительныя сцены. Такъ, напр., постригали жену великаго князя Ивана Васильевича, Соломонію. «Она,—говоритъ Герберштейнъ,—плакала и кричала и никакъ не хотѣла надѣвать кукуля, вырвала его изъ рукъ митрополита, бросила на полъ и топтала ногами. Иванъ Шигона, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей государя, въ негодованіи на такую дерзость, сталъ ее жестоко бранить и ударилъ плетью, сказавши: какъ ты смѣешь сопротивляться волѣ государя и медлить исполненіемъ его приказанія?...» Напрасно несчастная заявляла, что ее постригаютъ насильно, что она вовсе не хочетъ идти въ монастырь; она молила Бога отомстить за это насиліе. Всякое сопротивленіе было напрасно, и Соломонія умерла въ монастырѣ, какъ умирало въ немъ множество такихъ же несчастныхъ неплодныхъ женъ нашихъ старинныхъ царей и вельможъ.

Имѣя значеніе родительницы, значеніе почвы, въ которой не долженъ изсякнуть корень рода, жена должна была играть еще роль хозяйки, «вѣковѣчной ключницы» мужа, «вѣковѣчной его портомойницы», по выраженію народной пѣсни. Многоучесный профессоръ Соловьевъ, излагая по «Домострою» хозяйственныя обязанности жены, говоритъ, что «женщина поставлена здѣсь на видномъ мѣстѣ, ея дѣятельность обширна». Въ дѣйствительности же, а не въ соловьевской исторіи, древнерусская женщина высшихъ и среднихъ классовъ была не хозяйкою, а только домоправительницею, экономкою, первою служанкою домовладыки. Дѣйствительно, «ея дѣятельность была обширна»: по «Домострою», она встаетъ раньше всѣхъ, будитъ слугъ, до ночи не перестаетъ работать и ложится позже всѣхъ; всякое домашнее дѣло она должна знать лучше тѣхъ, которые работаютъ по ея приказанію,—и щи сварить, и кисель поставить, и бѣлье выстирать, и шить, и вышивать и т. д., и т. д. Даже царицы обязаны были сами вникать въ послѣднія мелочи своего хозяйства. Но требуя отъ жены такой непрерывной дѣятельности, домостройные принципы вовсе не имѣли въ виду ея самостоятельнаго хозяйственнаго значенія. Подобно китайскимъ моралистамъ, подобно индѣйскому законодателю Ману, указывавшимъ въ непрерывной работѣ женщины лучшее средство для ея порабощенія патріархальному режиму, нашъ «Домострой» съ той же самой цѣлью настаиваетъ, чтобы «жена никогда безъ рукодѣлья ни часу не была, кромѣ немощи». Все, что ни дѣлаетъ жена, она должна дѣлать по «мужнину наказанію»; обо всемъ она должна спрашивать приказовъ и совѣтовъ своего повелителя; лично для себя она не смѣетъ сдѣлать безъ его дозволенія никакого расхода, никакой перемѣны въ хозяйствѣ. Она должна работать, повиноваться и управлять работами прислуги. Въ крестьянской жизни женщина была всегда самой дѣятельной труженицей и работала больше мужчины. Въ настоящее время въ Архангельской губерніи, напр., при своихъ многочисленныхъ чисто-женскихъ работахъ, женщина коситъ, жнетъ, сушитъ, молотитъ и мелетъ хлѣбъ, рубитъ дрова и лѣсъ, исправляетъ дороги и нерѣдко таскаетъ при этомъ такія тяжести, какихъ не захочетъ принять на себя мужикъ, сплавляетъ лѣсъ и скотъ, исполняя въ одно и то же время обязанности гребца и повара, тянетъ бичевой суда, ходитъ съ извозомъ; въ Поморьѣ лѣтомъ, когда всѣ мужчины до одного уѣзжаютъ на отдаленные морскіе промыслы, женщины однѣ занимаются всѣми полевыми работами, ѣздятъ на близкіе промыслы въ море, отправляютъ подводную повинность и общественныя службы и т. д. *). Сами крестьяне созна-

*) По наблюденіямъ Потанина, на сѣверѣ губ. Вологодской, Вятской, Костромской «женщина жнетъ, *коситъ*, сѣетъ и иногда даже пашетъ». Въ Поволжьи подъ этотъ типъ подходитъ женщина чувашка. Лаптевъ въ своемъ описаніи Казанской губерніи (Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Казанская губернія стр. 215) говоритъ, что бѣдныя татарки изъ полевыхъ работъ участвуютъ только въ жнитвѣ хлѣба и сгребаніи сѣна, между тѣмъ, какъ чувашки постоянно, а русская женщина весьма часто пашутъ и боронятъ. Внутри категоріи земледѣльческой женщины встрѣчается разница; такъ, напр., въ Никольскомъ уѣздѣ женщина не только жнетъ, но и коситъ; то же самое я записалъ отъ одного татарина о татарской женщинѣ Пензенской губ. (лер. Аллагузова), въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, въ Балахнинскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи—женщины только жнутъ и ходятъ нанимаясь жать въ другія хозяйства, но не косятъ, тогда какъ мужчины косятъ, но не жнутъ.

«У женщины въ земледѣльческой области досуга нѣтъ, поэтому ни въ платьѣ, ни въ жилищѣ, ни въ посудѣ у нея нѣтъ особенной чистоты; въ Никольскомъ уѣздѣ, напримѣръ, полъ въ крестьянской избѣ моется два раза въ годъ, бѣлье моется рѣдко и безъ мыла; обѣдъ необыкновенно простъ: уха изъ вяленой трески, щи, состоящія изъ воды и овсяной крупы, вареные грибы и брусника съ толокномъ—вотъ и весь меню никольскаго крестьянина. Если

ютъ, что женщины работаютъ больше ихъ. И въ народной жизни жена до сихъ поръ имѣетъ свое главное значеніе, какъ производительная сила, какъ семейная работница. «Мужъ возомъ не наловитъ, что жена горшкомъ наноситъ», говоритъ пословица. «Съ лица не воду пить, умѣла бы пироги печь». «Добрая жена да жирныя щи—другого добра не ищи». Но тяжелая работа, хлопотливая хозяйственная дѣятельность, непрестанный изнурительный трудъ выпали только на долю женщины низшихъ классовъ. Древнерусская барыня, не смотря на всѣ старанія «Домостроя», была существомъ вполнѣ тунеяднымъ, самкою, жирѣющею и тунѣющею въ своемъ теремномъ ничегонедѣланіи. «Русскія женщины,—говоритъ Корбъ,—вовсе не занимаются домашнимъ хозяйствомъ; въ отсутствіе господина рабы его, безъ вѣдома и согласія хозяйки, по довѣрію хозяина, распоряжаются всѣмъ. Москвитяне содержатъ огромныя толпы дѣвокъ, но, исключая самой легкой работы, поручаемой имъ по распоряженію жены хозяина, онѣ почти ничего не дѣлаютъ и проводятъ жизнь запертыми въ домѣ своего господина, гдѣ иногда прядутъ или ткутъ холсты. Русскія женщины проводятъ вообще жизнь праздно, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онѣ слишкомъ часто ходятъ въ баню, такъ какъ это видоизмѣненіе праздности до нѣкоторой степени все-таки служитъ имъ развлеченіемъ въ скукѣ отъ бездѣйствія, снѣдающей эти жалкія существа». Баня, дѣйствительно, была почти такимъ же развлеченіемъ для древнерусской барыни, какимъ служитъ балъ для современной женщины. До позднѣйшаго времени день бани былъ праздникомъ для нашихъ захолустныхъ помѣщицъ, и послѣ бани дворня торжественно поздравляла ихъ—«имѣемъ честь поздравить вынарумились». При такой безсильной и тупой жизни, за женщиною оставалось только одно значеніе родоначальницы, ожирѣвшей на своихъ пуховикахъ и отупѣвшей отъ своей сонной праздности.

Жена должна быть рабынею мужа. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ одна Кормчая на тему, «яко не подобаетъ жены госпожею звати». «Пытайте ученья, которое говоритъ: женѣ не велю учити, ни владѣти мужемъ, по быти въ молчаніи и въ покореніи мужу своему... Того ради не подобаетъ жены звати *госпожею*, а женѣ слѣдуетъ мужа звати *господиномъ*. Какой властитель низшихъ себя называетъ господами или какая госпожа зоветъ рабу госпожею? Не оерамляйте мужской главы; иначе Христа оерамите вы, а кто оерамитъ его, тотъ не прощенъ будетъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій». Преобладаніе жены надъ мужемъ считалось величайшимъ позоромъ для человѣка. «Не скотъ въ скотѣхъ — коза», проповѣдуетъ Даніилъ Заточникъ, «не звѣрь въ звѣрѣхъ—ежъ, не рыба въ рыбахъ—ракъ, не птица въ птицѣхъ—петопырь, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ». Мужъ, по «Домострою», обязанъ поучать жену свою о «всякомъ благочиніи, какъ душу спасти, и Богу, и мужу угодити, и домъ свой добре строити; а жена должна во всемъ ему покорятися и *со страхомъ* внимати». «Ежедневно жена должна спрашиваться у мужа обо всемъ и совѣтоваться, какъ въ люди ходити и къ себѣ принимати, и съ гостями чтобы бесѣдовати», какъ и что дѣлать по хозяйству и т. д. Даже въ разговорахъ съ чужими людьми она должна разузнавать и поучаться, «какъ добрыя жены живутъ и какъ мужей своихъ слушаютъ. и съ ними спрашиваются, и имъ повинуются во всемъ». «А если жену слово и наказаніе не имѣтъ, если она не слушаетъ и не внимаетъ, и не боится, и не творитъ, какъ мужъ учитъ, то плетію постегати, винѣ смотря, наединѣ, а не передъ людьми, и поучивъ, примолвити и пожаловати, и никакожъ не гнѣваться другъ на друга. А за всякую вину по уху и по лицу ни бити, ни кулакомъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотити, ничѣмъ желѣзнымъ, ни деревомъ не бити. Кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, многія притчи оттого бываютъ, слѣпота и глухота, и руку, и ногу вывихнетъ, и главоболіе, и зубная болѣзнь; а у бременныхъ женъ и дѣтямъ въ утробахъ бываетъ поврежденіе; а плетію бити и разумно, и больно, и страшно, и здорово. А въ случаѣ большой вины, и за ослушаніе и небреженіе, снять рубашку да плетію вѣжливенько бити, за руки держа, по винѣ смотря». Въ народныхъ пословицахъ эта доктрина о мужниной власти, эта тираническая система страха и побоевъ выражаются еще въ болѣе рѣзкихъ и отвратительныхъ формахъ, чѣмъ въ «Домостроѣ», который, по крайней мѣрѣ, не совѣтуетъ уродовать жены. «Женѣ спускать—добра

гдѣ женщина является рабой мужа, такъ это здѣсь; между тѣмъ и бѣломорка, и уралка являются уважаемыми совѣтницами мужа». Кромѣ того, здѣсь, какъ и въ Архангельской губ., есть вдовы и дѣвицы, имѣющія надѣлъ, работающія и даже одѣвающіяся, какъ мужчины.

«Самые крупные случаи экономической виривлеченіи представляютъ—женщина въ Донскомъ войскѣ, о которой мы выше подробно писали, и женщина села Кимры, которое извѣстно производствомъ сапоговъ. Всѣ полевыя работы лежатъ здѣсь на женщинѣ: она пашетъ, жнетъ, убираетъ хлѣбъ, а въ зимнее время даже занимается возкой дровъ; мужчина во все время года занимается исключительно шитьемъ сапоговъ, и только во время сѣнокоса съ Петрова до Ильина дня или до Перваго-Спаса мужчины оставляютъ свои занятія, присоединяются къ своимъ женамъ, помогаютъ имъ косить сѣно и потомъ снова садятся за сапоги.

«Въ области кустарной промышленности трудъ женскій становится сложнѣе; здѣсь часто женщина помогаетъ мужчинѣ въ производствѣ, за которымъ въ другихъ мѣстахъ женщину увидѣть нельзя. Такъ, напр., гдѣ населеніе занято шитьемъ сапоговъ, на женщинахъ лежитъ тачанье голенищъ; въ селѣ Павловѣ женщины «глинчатъ» (шлифуютъ) и «чернятъ» желѣзныя издѣлія.

«Есть женскіе отхожіе промыслы. Съ сѣвера на югъ въ степи идутъ женщины—жницы; онѣ расходятся въ заволжской степи (по Самарской губерніи). Другой отхожій промыселъ существуетъ на югѣ Поволжья—это обмазываніе избъ глиной и дѣланіе кизяка; употребленіе послѣдняго распространено къ югу отъ Самары; женщины, занимающіяся этимъ, соединяются въ артели и расходятся на востокъ, въ Бугурусланскій уѣздъ и въ Уральское войско; производство это грязное, потому что кизякъ (топливо) дѣлается изъ навоза, который предварительно смачивается водой и утаптывается ногами». (См. сборникъ «Первый Шагъ», Каз., 1876).

не видать». «Жена безъ грозы—хуже козы». «Люби жену, какъ душу, тряси ее, какъ грушу». «Бей жену къ обѣду, а къ ужину опять». «Бей жену обухомъ, припади да понюхай,—дышитъ да морочитъ, еще хочетъ». «Жена не горшокъ, не расшибешь». Побои, по народному воззрѣнію, служатъ даже доказательствомъ любви. «Любить жену—держать грозу». «Кого люблю, того и бью». «Жену не бить, и милу не быть». Иностранные путешественники говорятъ, что древнерусскія женщины «не очень-то обижались, если мужья иной разъ порядкомъ-таки поучивали ихъ плеткой или кнутомъ»; онѣ считали даже побои доказательствомъ мужниной любви. Одна русская, вышедшая за итальянца и жившая съ нимъ въ мирѣ и согласіи, начала жаловаться, что не видитъ доказательствъ его дѣйствительной любви къ ней, потому что ни разу не получала отъ него побоевъ. Мужъ, желая доказать ей свою любовь требуемымъ ею способомъ, раза три поколотилъ ее, и въ третій разъ такъ сильно, что уходилъ ее до смерти. Корбъ и Олеарій, сомнѣваясь въ дѣйствительности этого факта или, по крайней мѣрѣ, считая его исключеніемъ, отрицаютъ существованіе самаго мнѣнія о солидарности мужниной любви и плети, — солидарности, которая такъ ясно выражена въ вышеприведенныхъ нами народныхъ пословицахъ. Конечно, масса женщинъ не могла никогда дойти до того, чтобы желать истязанія своего тѣла мужемъ; но въ то же самое время всегда существовала, существуетъ даже и теперь, масса другихъ женщинъ, до того подавленныхъ патріархальнымъ режимомъ, что у нихъ нѣтъ и мысли о незаконности мужниной тиранніи, нѣтъ и представленія о какихъ-нибудь другихъ порядкахъ, при которыхъ любящій мужъ не бьетъ своей жены. По ихъ мнѣнію, баба дура: ее надо учить умуразуму, а учить значитъ *наказывать*. Кто любитъ, тотъ и учитъ; кто любитъ, тотъ и лупитъ *).

*) Истязанія мужемъ жены служатъ даже сюжетомъ *веселыхъ* хороводныхъ игръ, въ которыхъ молодежь обоего пола забавляется разыгрываньемъ этихъ варварскихъ сценъ, изображая въ лицахъ содержаніе поющейся при этомъ пѣсни:

Мой постылый мужъ
Да поднимается,
За шелкову плетку
Принимается...
Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула...

Жена проситъ свекра защитить ее; но «свекоръ батюшка велитъ больше бить, велитъ больше бить, велитъ кровь пролить», и снова—

Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула!
Ахъ, люли, люли,
Кровь пробрызнула!...

Жена проситъ свекровь отнять ее «отъ лиха мужа, змѣя лютова»; но и свекровь «велитъ больше бить, велитъ кровь пролить»; снова—

Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула!
Ахъ, люли, люли,
Кровь пробрызнула!..

Жена кланяется мужу, проситъ прощенія, и они цѣлуются. (Деревенское веселье въ Вологодскомъ уѣздѣ, «Современникъ», т. CIII).

Противъ наказанія, противъ насилія возмущается только существо, сознающее свою личность; но патріархальная жена, воспитанная въ *понятіяхъ* рабства, совершенно отупѣвшая въ своей семейной темницѣ, вовсе не личность, а только добавленіе къ личности мужа. Домостройные порядки и стремились именно къ тому, чтобы, упрочивъ неограниченное самодержавіе мужа, довести женщину до того же самаго состоянія, въ какомъ находится превратившійся въ идіота узникъ, который, будучи освобожденъ послѣ долгихъ лѣтъ одиночнаго заключенія, ни за что не хочетъ покинуть милой ему тюрьмы, и его приходится освобождать силою. Огромную массу русскихъ женщинъ домостройные порядки успѣли довести именно до такого состоянія. Всѣ мысли, желанія, чувствованія подобной женщины принадлежатъ ея мужу. У ней нѣтъ ничего своего, нѣтъ даже личнаго самолюбія,—она можетъ гордиться и тщеславиться только своимъ повелителемъ, подобно тому, какъ какой-нибудь любимый рабъ, камердинеръ, дворецкій гордятся и тщеславятся своимъ бариномъ. *Это* рабское свойство рѣзко выражается въ мѣстничествѣ женщинъ. Не только разныя боярыни постоянно ссорились и грызлись между собою за мѣста, охраняя такимъ образомъ мѣстную честь мужей своихъ, но то же самое происходило и въ низшихъ классахъ народонаселенія; баба, не сознававшая своей личности, ссорилась съ другою бабою за относительное достоинство мужей. Вотъ что писалъ, напримѣръ, въ 1681 году изъ Москвы одинъ дворецкій своему помѣщику: «А что, государь, написано въ памяти твоей, чтобы бабъ развесть по избамъ, и бабы, государь, ни которая не слушаетъ; все лишь бранятся межъ себя, и меня, холопа твоего, не слушаютъ, лаютъ; и ихъ развесть безъ твоего государскаго указу нельзя. Приходилъ я, холопъ твой, многажды въ избу и имъ говорилъ, чтобъ *измѣстили* Марью Чеглокову, дали мѣсто; и онѣ не даютъ, никто не хочетъ *ниже сидѣть*».

Забитость и рабольпность женщины были непосредственнымъ результатомъ тиранніи ея повелители,—тиранніи, дѣйствительность которой далеко превосходила собою ея домостройный идеалъ: мужъ былъ хозяиномъ жены и дѣлалъ съ нею что угодно. Онъ продавалъ, закладывалъ ее, какъ вещь или скотину. Во времена голода и другихъ общественныхъ бѣдствій сплошь и рядомъ «мужи своя жены даяху, да прокормятъ себя». Въ XVII вѣкѣ патріархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей, что они, отправляясь на отдаленную службу, закладывали женъ своихъ товарищамъ и вмѣсто процентовъ предоставляли имъ право любиться съ своими заложенными супружницами. Если должникъ не выкупалъ въ срокъ своей жены, то заимодавецъ продавалъ ее для блуда другому, другой третьему и т. д. Факты продажи женъ часто встрѣчаются даже въ документахъ XVIII вѣка. Такъ, напримѣръ, въ 1742 г., верхотомскаго острога крестьянинъ Краснояровъ, разъѣзжавшій для торговли по разнымъ мѣстамъ вмѣстѣ съ своею женой, вер-

нулся домой безъ нея; оказалось, что онъ продалъ ее кому-то въ деревнѣ Усовой.

Мужъ даже считалъ себя господиномъ женниной жизни; случалось, что онъ умерщвлялъ любимую женщину вслѣдствіе какого-нибудь дикаго каприза. Костомаровъ описываетъ слѣдующую, напримѣръ, глубоко потрясающую сцену. Разинъ съ своими сподвижниками катался по Волгѣ. «Казаки пили, ѣли, прохлаждались. Возлѣ Стеньки сидѣла его любовница, плѣнная персидская княжна. Она была одѣта великолѣпно; жемчуги, бриллианты и разные драгоцѣнные камни придавали блескъ ея природной, ослѣпительной красотѣ. Уже замѣчали, что она начала пріобрѣтать силу надъ необузданнымъ сердцемъ атамана. Вдругъ, упившись до ярости, Стенька вскакиваетъ съ своего мѣста, неистово подходитъ къ окраинѣ струга и, обращаясь къ Волгѣ, говоритъ: «ахъ ты, Волга матушка, рѣка великая! много ты дала мнѣ и злата, и серебра, и всего добраго; какъ отецъ и мать славою и честью меня надѣлила, а я тебя еще ничѣмъ не благодарилъ; на же тебѣ, возьми! Онъ схватилъ княжну одной рукой за горло, другою за ноги и бросилъ въ волны». Вѣроятно, преслѣдуя жестоко своихъ казаковъ за вольное обращеніе съ женщинами, въ то же время самъ увлекшись этою княжною и тѣмъ возбудивъ ропотъ и укоры своей братіи, пьяный Стенька хотѣлъ показать ей своимъ поступкомъ, какъ мало силы можетъ имѣть надъ нимъ привязанность къ женщинѣ. Если такимъ образомъ мужчина могъ жертвовать женщиной лишь для того, чтобы доказать, что онъ не подчиняется вліянію бабы, то чего же хорошаго могла ждать отъ подобнаго самодура жена въ тѣхъ случаяхъ, когда она чѣмъ-нибудь дѣйствительно разгнѣвала или оскорбила его? Даже въ настоящее время въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ, пожалуй, даже въ каждой деревнѣ можно слышать, по крайней мѣрѣ, одну довольно равнодушно передаваемую исторію о томъ, какъ такой-то мужъ забилъ до смерти, постепенно вогналъ въ гробъ свою несчастную половину *). Въ древней Россіи къ подобнымъ фактамъ относились еще равнодушнѣе, и *«нравоучительная»* книга—«Пчела» съ варварскимъ цинизмомъ, въ видѣ наставленія мужьямъ, разсказываетъ анекдотъ о томъ, какъ нѣкто убилъ жену свою за то, что зла была, и когда онъ началъ свататься на другой, то ему сказали—какъ отдать за тебя, ты и первую жену убилъ; онъ же отвѣчалъ: «если таковы же будутъ вторая и третья, то и ихъ убью». Иностранцевъ поражала эта тиранніи надъ женами, хотя и въ западной Европѣ того времени положеніе женщины было далеко незавиднымъ. «Русскіе,—говоритъ Коллинсъ,—обходятся съ женами жестоко и держатъ ихъ въ строгомъ повиновеніи. Года три или четыре назадъ одинъ купецъ билъ свою жену до тѣхъ поръ, пока могъ, плетью пальца въ два толщиною; наконецъ, заставилъ ее надѣть платье, пропитанное водкою, зажегъ его, и такимъ образомъ несчастная погибла въ пламени... Всего удивительнѣе, что ея смерть не была отмщена ни кѣмъ, потому что въ Россіи нѣтъ уголовнаго закона, который бы преслѣдовалъ за убійство жены или раба, если убійство совершено въ наказаніе за проступокъ». Но если мужъ и не убивалъ своей жены, если онъ и не вгонялъ ее постепенно въ гробъ, то во всякомъ случаѣ жизнь ея была непрерывнымъ рядомъ мученій и лишеній. Запертая въ теремѣ, окруженная шпіонами изъ прислуги, не смѣвшая безъ дозволенія мужа высунуть носа изъ дома, жена за самомалѣйшій проступокъ подвергалась *ученью*. Надъ супружескою кроватью постоянно висѣла плеть, исключительно предназначенная для жены и называвшаяся *дуракомъ*; мужъ таскалъ жену за волосы, привязывалъ веревками и сѣкъ дуракомъ до крови; вмѣсто плети иногда употреблялись розги и даже палки. Одною изъ главныхъ причинъ этой тиранніи была ревность. «Въ Россіи часто случается между супругами,—говоритъ Коллинсъ,—когда ихъ любовь безразсудна или водка слишкомъ шумитъ въ головѣ, то ревность пускаетъ въ ходъ кожаную плеть въ палецъ толщиной». Убійства изъ-за ревности невѣрныхъ женъ и ихъ любовниковъ были очень часты. «Если кто соблудитъ съ замужней женщиною,— разсказываетъ Петрей,— и мужъ оставлялъ ее у себя, то прелюбодѣй долженъ былъ вполнѣ удовлетворить его деньгами и быть сѣченнымъ розгами по голой спинѣ отъ думы до дома мужа, который опять беретъ къ себѣ жену. Если же онъ не бралъ ее, у ней остригали волосы, отдавали ее въ монастырь и дѣлали черницею, а мужъ бралъ себѣ другую жену; прелюбодѣй же уплачивалъ ему извѣстную сумму денегъ». «Если жена впала въ развратную жизнь, и на то поступала отъ мужа жалоба, и преступленіе было доказано, то ее наказывали плетью и выдерживали нѣсколько дней въ монастырѣ на хлѣбѣ и на водѣ, а затѣмъ она возвращалась въ домъ мужа, гдѣ получала новое наказаніе плетью за запущенное хозяйство». (Олеарій). Самою собою понятно, что женщина при этомъ не имѣла никакой возможности такимъ же образомъ преслѣдовать мужа за его невѣрность. Оставляя за собой и монополію женниной любви, и привилегію внѣбрачныхъ связей, мужчина употреблялъ всѣ

*) До какой степени равнодушно относится общество къ подобнымъ злодѣяніямъ, показываетъ слѣдующій случай изъ судебной практики 1870 года. Крестьянинъ Салопинъ задушилъ свою жену, которая часто подвергалась отъ него побоямъ, истязаніямъ и всевозможнымъ притѣсненіямъ. Мужъ не позволялъ ей даже видѣться съ ея матерью, такъ что свиданія между матерью и дочерью должны были происходить тайкомъ; «равно на рѣкѣ гдѣ встрѣтишься да погорюешь», показывала на судѣ мать. Салопина придумала особые условные знаки, посредствомъ которыхъ ея близкіе узнавали, когда она была бита; «когда повыше платокъ на головѣ—не бита, а пониже—бита; ну и часто это она низко повязывалась», показывали свидѣтели. Не только сама убитая, но и многіе другіе знали, что мужъ, который не скрывалъ своихъ намѣреній, собирается ее задушить; извѣстна была даже ночь, въ которую должно было совершиться это преступленіе; извѣстно было, наконецъ, почему однажды въ назначенный срокъ не состоялось задушеніе,—именно потому, что какъ разъ въ это время вернулся домой мужнинъ отецъ. И при всемъ этомъ убійство совершилось безпрепятственно, а родственники Салопиной ограничились только тѣмъ, что однажды цѣлую ночь простояли подъ окномъ Салопиныхъ, ожидая наступленія роковой минуты!..

усилія, чтобы подчинить женщину тѣмъ правиламъ половой морали, которыя вполнѣ удовлетворяли требованіямъ его чувственности. Онъ поддерживалъ женскую добродѣтель и посредствомъ своего *дурака*, и посредствомъ вмѣшательства власти, и посредствомъ религіознаго страха. Блудъ считался величайшимъ грѣхомъ; адскія наказанія за него представлялись самыми ужасными, и старинные моралисты и легенды, изображая эти мученія, выводятъ на сцену преимущественно женщинъ; наказанія блудницъ описываются гораздо подробнѣе, чѣмъ наказанія блудниковъ; первыя подвергаются болѣе разнообразнымъ и утонченнымъ мукамъ, чѣмъ послѣдніе. Такія представленія вполнѣ гармонировали съ тою обыденною моралью, которая обыкновенно заправляетъ жизнію патріархальныхъ обществъ. Мужчинѣ, если не de jure, то de facto, все дозволительно въ любовныхъ дѣлахъ, женщина же до мелочей обязана слѣдовать правиламъ составленнаго для нея кодекса половой морали. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и духовная, и свѣтская власть всегда преслѣдовали малѣйшія проявленія половой свободы и распущенности,—внѣбрачныя связи, хороводы, страстныя пѣсни и т. д. Но всѣ эти преслѣдованія оставались большею частію на бумагѣ, жизнь шла независимо отъ нихъ, и только мужчины, дозволявшіе себѣ все, ревниво наблюдали за нравственностію принадлежавшихъ имъ женщинъ, не подчиняясь въ то же время никакимъ правиламъ въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ женщинамъ. Только у казаковъ, въ видахъ поддержанія среди нихъ воинственнаго духа, половые проступки мужчинъ наказывались съ такою же строгостію, какъ и проступки женщинъ. Запорожцевъ за прелюбодѣяніе наказывали иногда до смерти. Ермакъ также не спускалъ этого проступка своимъ сподвижникамъ. Стенька Разинъ раздѣлывался за него безчеловѣчно. Однажды, напримѣръ, какой-то казакъ вступилъ въ связь съ чужою женою. Разинъ велѣлъ бросить его въ воду, а женщину повѣсить за ноги къ столбу, воткнутому въ водѣ. Но и у казаковъ такіе нравы держались недолго, и власть поддерживала ихъ посредствомъ строгостей только по временамъ, въ особенныхъ обстоятельствахъ. Вообще же въ этомъ отношеніи древнерусская жизнь была исполнена самаго безнравственнаго лицемѣрія; каждый дозволялъ себѣ всевозможныя мерзости и въ то же время фарисейски преслѣдовалъ другихъ за малѣйшее отступленіе отъ правилъ обыденной морали. Дозволяя себѣ всевозможныя половыя излишества, мужчины строго наказывали женщинъ даже за одинъ ласковый взглядъ, брошенный на чужого мужчину. Да что мужчины,—то же самое дѣлали и женщины, эти тупыя рабыни, развращенныя неволею; своими сплетнями, пересудами, бранью, интригами онѣ съ какимъ-то демонскимъ злорадствомъ отравляли жизнь каждой сестры своей за малѣйшее отступленіе отъ требованій той морали, которая давила ихъ самихъ, за всякое стремленіе къ той свободѣ чувства, къ которой такъ или иначе стремились почти всѣ онѣ.

Въ древнерусской брачной жизни насъ поражаетъ отсутствіе любви; то, что связываетъ здѣсь мужа и жену, вовсе не любовь, какъ понимаемъ ее мы, а просто привычка или же чувство покорности и преданности со стороны жены, чувство снисхожденія и господскаго покровительства со стороны мужа. Да и откуда было браться любви, когда женихъ и невѣста до свадьбы не знали другъ друга, когда бракъ заключался по волѣ и выбору родителей, когда мужъ былъ поставленъ въ положеніе неограниченнаго деспота, а жена принижена до роли самой послѣдней рабыни, когда сплошь и рядомъ дѣвушку почти ребенкомъ еще выдавали за пожилого мужчину, даже за старика, и т. д. Вслѣдствіе этого въ древнерусской жизни мы постоянно видимъ, что супруги, испытавъ всѣ средства, чтобы возбудить другъ въ другѣ любовь, побѣдить холодность, искоренить отвращеніе, прибѣгаютъ наконецъ къ помощи чародѣйства, обращаются къ колдунѣ, которая «отнимала сердце и ревность» у мужей, возбуждала въ нихъ любовь и т. д. «Притча о женской злобѣ» такъ говоритъ о развитіи въ женщинѣ этого стремленія къ приворажіванью. «Съ дѣтства начинаетъ она у проклятыхъ бабъ обавничеству навыкать и еретичества искать, и вопрошаетъ многихъ, какъ бы ей замужъ выйти и какъ бы ей мужа очаровать на первомъ ложѣ и въ первой банѣ; и взыщетъ обавниковъ и обавницъ волшебствъ сатанинскихъ, и надъ пищею будетъ шептать, и подъ ноги подсыпать, въ возглавіе и въ постель вшивать, и въ порты врѣзаючи, и надъ человомъ втыкаючи, коренья и травы примѣшивать и всѣми способами надъ мужемъ чаровать». Мужья обращались къ чародѣйкамъ съ тою же самою цѣлью, или для того, чтобы узнать отъ нихъ о невѣрности или вѣрности своихъ женъ. Ворожея присматривалась къ сердцу подозрѣваемой женщины, и если замѣчала, что оно трепещетъ, то укоряла ее въ измѣнѣ мужу, который, конечно, не оставлялъ ее безъ наказанія. Приворажіваніе между супругами, существующее до сихъ поръ въ средѣ простонародья, въ старину, даже въ XVIII в., подавало поводъ къ многочисленнымъ судебнымъ процессамъ, изъ которыхъ мы разскажемъ здѣсь одинъ довольно характеристичный случай. Въ 1750 г. сержантъ Тулубьевъ, квартируя въ Тюмени у разночинки Тверитиновой, лишилъ невинности дочь ея Ирину и жилъ съ нею блудно. Поссорясь съ матерью, онъ перешелъ на другую квартиру и послалъ сватать за себя Ирину. Мать отказала. Тулубьевъ, улуча время, когда матери не было дома, явился къ Ириней съ двумя солдатами и увелъ ее къ попу, а оттуда въ церковь, гдѣ уже былъ другой попъ, подьячій, три солдата и дворовый человѣкъ Тулубьева, Дунаевъ. Когда приступили къ вѣнчанью, Тулубьевъ поставилъ вмѣсто себя Дунаева; Ирина вырвалась и побѣжала, но ее вернули и силою поставили подъ вѣнецъ. Одинъ попъ сталъ молитвы читать, другой скорѣе вѣнчать, а подьячій пѣлъ за дьячка. Обвѣнчавъ Ирину съ Дунаевымъ, Тулубьевъ сталъ жить съ нею самъ. «Черезъ три дня послѣ вѣнца, Ту-

лубьевъ, отрѣзавъ, взялъ хлѣба печенаго ломоть и увелъ Ирину съ собою въ баню и, совокупя къ тому хлѣбу воскъ, пепину, соль, волосовъ и обтирая съ себя тѣмъ хлѣбомъ въ банѣ потъ, сперва съ правой руки, потомъ съ лѣвой ноги, и скоблилъ съ ногъ своихъ ножемъ кожу и взялъ съ паренаго вѣника три листа и смялъ все это въ одно мѣсто и сдѣлалъ колобокъ. А послѣ того и съ Ирины такимъ же образомъ потъ особливымъ хлѣбомъ вытиралъ и сминалъ по вышеписанному. И сдѣлавъ тѣ колобки порознь и вышедъ изъ бани, на оные колобки, смотря въ имѣющуюся у него книгу, которую носилъ при себѣ сокровенно, невѣдомо что шепталъ». Съ Дунаевымъ жить онъ ей, Иринѣ, не дозволялъ и билъ ее, выспрашивая, не живетъ ли она съ Дунаевымъ, уводилъ ее въ лѣсъ, привязывалъ ее къ березѣ и читалъ надъ нею свою волшебную книжку. «Потомъ, наскоблинъ ножемъ съ хоромныхъ угловъ стружекъ и положа оныя съ телѣжною колесною грязью въ теплую банную воду, поилъ тѣмъ ее, Ирину, насильно, также виномъ съ порохомъ и роснымъ ладаномъ ее напаивалъ принужденно и, нашептавъ на воскъ и сѣру, на крестъ оные лѣпилъ и носить ей, женкѣ, на себѣ велѣлъ. Отъ такого его волшебства сдѣлалось ей, Иринѣ, приключеніе, что она безъ него, Тулубьева, жить не могла и по немъ тосковала, и для того за нимъ, когда онъ съ квартиры куда пойдетъ или поѣдетъ, бывъ въ безпамятствѣ, неоднократно бѣгивала и драла на себѣ платье и на головѣ волосы. Отъ этого нечаяннаго приключенія и тоски пользовалъ ее его жъ, Тулубьева, человѣкъ, Васильевъ, даваль ей, наговоря съ ея волосъ, кои она тайно, по совѣту его, у онаго сержанта изъ кармана вынула, одинъ разъ пить квасу, съ котораго де времени стало ей легче и тосковать по Тулубьевѣ она перестала». Волшебную книжку Ирина украла у Тулубьева и представила ее полковому попу, который отослалъ ее своему начальству. Началось дѣло, кончившееся тѣмъ, что Тулубьева заключили въ енисейскій монастырь, а бракъ Ирины съ Дунаевымъ расторгли. Ирина же хотя и признана была достойною монастырскаго заключенія, «но понеже она развращена въ тому чародѣйствомъ Тулубьева и присушкою, для такихъ резоновъ и за претерпѣнныя ею отъ Тулубьева обиды, отъ посылки въ монастырь ее было рѣшено освободить»; но такъ какъ, за выходъ замужъ безъ дозволенія матери, ее «безъ духовнаго пластыря оставить невозможно», то и опредѣлено было подвергнуть ее трехлѣтней эпитиміи.

И стремленіе къ возможно частой перемѣнѣ женщинъ, и постоянные промали въ выборѣ невѣстъ, неизбѣжные при старинныхъ порядкахъ, и отсутствіе любви въ бракѣ—все поддерживало въ древней Россіи легкую расторжимость браковъ, не смотря на вѣковое противодѣйствіе церкви и государства. Мужъ продавалъ, закладывалъ, проигрывалъ себя нелюбимую жену. И хотя прогнанная жена находилась не въ завидномъ состояніи, но въ болѣе древнее время, даже въ XV в., такія жены могли свободно вступать во второй бракъ и многія изъ нихъ имѣли точно такую же возможность бросать своихъ мужей, какую имѣли послѣдніе прогонять ихъ. По мѣрѣ же того, какъ византійскія постановленія входили въ силу, по мѣрѣ того, какъ бракъ дѣлался союзомъ нерасторжимымъ, а мужъ облекался неограниченно-самодержавными правами, положеніе жены, отъ которой хотѣлъ отдѣлаться мужъ, постепенно ухудшалось. Мужъ всегда могъ развестись съ женой, обвинивъ ее въ прелюбодѣяніи, а обвинить было очень легко. «Если,—пишетъ Олеарій,—по одному только подозрѣнію или по другимъ какимъ ничтожнымъ причинамъ, мужъ возненавидитъ свою жену, то онъ подкупаетъ двухъ бѣдняковъ-негодяевъ и идетъ съ ними къ судьѣ обвинять жену и доказывать, что она застигнута ими въ томъ или другомъ нечестномъ дѣлѣ или прелюбодѣяніи, и дѣло доводится до того, особенно если помогаютъ тутъ деньги, что добрую женщину, прежде даже, чѣмъ она догадается въ чемъ дѣло, одѣваютъ въ монашеское платье и заключаютъ въ монастырь, гдѣ она и проводитъ остальные дни своей жизни». За деньги можно было найти и такого мерзавца, который бралъ на себя роль прелюбодѣя, хотя и подлежалъ за то наказанію. Былъ еще и другой, не менѣе дѣйствительный способъ избавиться отъ жены. «Кто, —говоритъ Кошихинъ,—умыслитъ надъ женою учинить, чтобы она постриглась, и буде по доброй волѣ его не учинитъ, не пострижется, и онъ ее бьетъ и мучитъ всячески и вмѣстѣ съ нею не сидитъ до тѣхъ поръ, что она захочетъ постричься сама». Такихъ постриженицъ было множество, и въ монастырской неволѣ несчастная женщина находила единственное убѣжище отъ своихъ семейныхъ изверговъ. Но это убѣжище было все равно, что могила.

Мы не будемъ разсказывать, какъ женщина страдала не отъ одного только мужа, но и отъ его родственниковъ, преимущественно отъ свекра, свекрови и золовокъ—это факты общеизвѣстные, и каждый можетъ наблюдать ихъ въ любой крестьянской или купеческой семьѣ нашего времени. Женщина въ такомъ семействѣ—почти все равно, что арестантъ въ острогѣ. Ея мысли, чувства, желанія, самые благородные порывы, самыя честныя стремленія—все подавлено деспотизмомъ семейной опеки и рутиною безсмысленныхъ традицій. Ее, по выраженію поэта, бьетъ приверединкъ мужъ, гнетъ въ тиски ея погибели свекровь; тяжелая, постоянная работа изнуряетъ ея силы, мертвящая обстановка и деспотизмъ погружаютъ ее въ непробудный сонъ рабыни, которая только «няньчитъ, работаетъ и ѣстъ».

И въ лицѣ ея, полномъ движенья,
Полномъ жизни, являются вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И безсмысленный, вѣчный испугъ.
И хоронятъ въ сырую могилу,
Какъ пройдетъ она тяжкій свой путь,

Понапрасну убитую силу
И начѣмъ несогрѣтую грудь!..

Въ продолженіе долгихъ столѣтій эта многострадальная мать русскаго народа томится въ своей неволѣ и для той же неволи воспитываетъ своихъ дѣтей. Историкъ совершенно правъ, говоря о древнерусской женщинѣ, что «рѣдко дозволялось ей имѣть вліяніе на дѣтей своихъ, начиная съ того, что знатной женщинѣ считалось неприличнымъ кормить грудью дѣтей, которыхъ повтому отдавали кормилицамъ; мать впослѣдствіи имѣла надъ ними менѣе надзора, чѣмъ няньки и дядьки, которые воспитывали господскихъ дѣтей подъ властью отца семейства». (Костомаровъ). Но это относится только къ женщинамъ высшаго круга; въ среднихъ и низшихъ классахъ вліяніе матери всегда было сильно, и народъ вполнѣ сознаетъ это, говоря: «что мать въ голову вобьетъ, того и отецъ не выбьетъ». Но мать, при своемъ глубокомъ невѣжествѣ, при своей рабской пассивности, могла вбивать въ голову только то, чѣмъ отецъ забилъ ея собственную несчастную голову. Еще надъ колыбелью своего ребенка она поетъ тысячелѣтнюю пѣсню о рабскомъ терпѣніи, о непреложности «святорусскихъ» порядковъ, о неизбѣжности всероссійскаго горя-злосчастія, о необходимости покориться злодѣйкѣ-судьбѣ. Дорого расплачиваемся мы за такіе уроки своихъ матерей, въ рабствѣ зачатыхъ, въ неволѣ рожденныхъ, въ рабствѣ зачинавшихъ, въ неволѣ и для неволи рождавшихъ, въ продолженіе десятковъ вѣковъ, цѣлые милліоны людей.

Смерть мужа, по древнерусскому патріархальному воззрѣнію, далеко не освобождала жены изъ ея зависимаго положенія. Вторичное замужество вдовы считалось дѣломъ совершенно неодобрительнымъ въ нравственномъ отношеніи. Попадьи, вышедшія замужъ по смерти поповъ своихъ, мучатся въ адскомъ пламени на ряду съ блудницами. (Буслаевъ, I, 495). По другому сказанію, за ихъ грѣхъ отвѣчаютъ на томъ свѣтѣ и сами умершіе мужья ихъ, не принявшіе заблаговременно мѣръ, чтобы ихъ жены не оставляли состоянія «честнаго вдовства». Въ древности вдову сожигали съ трупомъ ея мужа, чтобы вмѣстѣ съ нимъ она вошла въ рай и служила бы ему тамъ, какъ на землѣ. Византизмъ измѣнилъ, но не искоренилъ этого вѣрованія и основаннаго на немъ обычая. Вдову начали постригать въ монастырѣ, гдѣ она должна была постоянно молиться объ успокоеніи души своего мужа и стараться о соединеніи съ нимъ «на лонѣ авраамѣ» послѣ своей смерти. Мужья употребляли всѣ усилія, чтобы побудить своихъ женъ къ постриженію послѣ своей смерти. Главною приманкою служили большія наслѣдственныя доли, назначавшіяся вдовамъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ шли въ монастырь. Жены, желая выманить наслѣдство, обѣщались умирающимъ мужьямъ исполнить ихъ волю, плакали и клялись въ вѣрности своего обѣта, но сплошь и рядомъ, по выраженію одного моралиста, онѣ, «лукавыя, не постригашася и замужъ идоша, и дѣтямъ ничто же даяше» изъ наслѣдства, которое они вымаливали у своихъ умирающихъ мужей, «умильно лжуще» о своемъ намѣреніи постричься.

Положеніе вдовы было различно, смотря по тому, имѣла она дѣтей или нѣтъ. Бездѣтная вдова считалась *сиротою*, личностью беззащитной и безпомощною и если не возвращалась въ семейство своихъ родителей, то поступала на попеченіе церкви, шла въ монастырь или въ богадѣльню, вмѣстѣ съ сиротами, убогими, калѣками и т. д. Свою силу и значеніе женщина получала только отъ семейства, за неимѣніемъ котораго у нея не оставалось въ обществѣ никакой опоры, кромѣ благотворительныхъ заведеній. Напротивъ того, матерая вдова по смерти мужа облекалась полнотою его правъ и становилась во главѣ дома, по крайней мѣрѣ до совершеннолѣтія своихъ дѣтей или до вторичнаго замужества. Мать во всякомъ случаѣ считалась выше сына, и даже мать царя вплоть до своей смерти была опекуншею его, хотя бы только по имени. Матерая вдова дѣлалась вполнѣ *отцомъ*, если можно такъ выразиться; она вступала во всѣ отцовскія права надъ семьей. Освободившись отъ своего рабскаго ига, вдова нерѣдко сама превращалась въ такого же деспота, какимъ былъ ея покойный повелитель,—угнетала дѣтей, бросала ихъ на произволъ судьбы, насильно выдавала дочерей замужъ и т. д. Но если она была совершенно забитою личностью, то ей угрожало въ свою очередь дикое самодурство ея милыхъ чадъ, избавившихся отъ тятенькиной узды. Случалось, что дѣти, получивъ наслѣдство родителя, выгоняли мать свою изъ дому, и она принуждена была жить подаяніемъ. Вынесши на своихъ плечахъ деспотизмъ родителей, потомъ деспотизмъ мужа, русская женщина нерѣдко умирала подъ деспотизмомъ собственныхъ дѣтей.

V.

Полное осуществленіе тѣхъ идеаловъ семейной и общественной жизни, которые царили надъ умами нашихъ предковъ, положительно невозможно. Эти идеалы противоестественны; отъ нихъ вѣетъ не развитіемъ, не движеніемъ, не жизнію, а застоемъ и смертью. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ не сознаетъ еще ихъ негодности и нераціональности, его природа инстинктивно протестуетъ противъ такихъ порядковъ, нарушая ихъ ежеминутно, хотя въ то же время запуганная совѣсть и старается обуздать совершенно естественные порывы этой непосредственной природы, стремящейся къ свободѣ и счастію. Въ грубомъ, невѣжественномъ, основанномъ на рабствѣ и насиліи обществѣ эти стремленія принимаютъ уродливый характеръ, выражаясь въ порокахъ и преступленіяхъ, которыми была такъ богата древняя Русь. Глубокая и всесторонняя развращенность господствовала здѣсь во всѣхъ классахъ общества, прикрываясь фарисейскою маскою обря-

довой добродѣтели. Самое крайнее лицемѣріе проникало собою всю жизнь. Вотъ, напр., Стоглавый соборъ, запрещая держать по монастырямъ водку, говоритъ: «а отъ фряжскихъ винъ не возбраняется, нѣсть бо нигдѣ писано, что не пити сего вина; аще гдѣ обрящутся фряжскія вина, то во славу божію испиваютъ!.» Или вотъ другой, еще болѣе разительный примѣръ этого лицемѣрія. Всѣ попы носили скуфью, которая считалась главнымъ признакомъ ихъ сана. «Мірянинъ,—разсказываютъ иностранцы,—въ дракѣ съ священникомъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы не замарать его скуфьи; кто хотѣлъ бить попа, тотъ съ должнымъ почтеніемъ снималъ съ его головы скуфью, клалъ ее на приличномъ мѣстѣ, а потомъ могъ уже безнаказанно и сколько ему угодно колотить попа». (Корбъ). Такимъ образомъ, и уваженіе къ сану было соблюдено, и попъ отколоченъ!

Такимъ же лицемѣріемъ были проникнуты и всѣ семейныя отношенія. Отецъ держалъ домочадцевъ въ рукахъ посредствомъ страха, изъ-за котораго они повиновались ему и, по наружности, уважали его. Но раболѣпныя, въ присутствіи родителей, дѣти еще съ младенчества пріучались смѣяться надъ ними за глаза и обманывать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Ложные доносы и обманъ были одинаково сильны какъ между чужими людьми, такъ и между родственниками. Въ XVII в. правительство нашлось вынужденнымъ поставить, чтобы даже отецъ съ сыномъ не ссужали другъ друга деньгами и не закладывали вещей безъ дачи съ обѣихъ сторонъ извѣстной расписки, подъ страхомъ заключенія въ тюрьму обоихъ тяжущихся до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено ясныхъ доказательствъ, что искъ справедливъ. Брань, ссоры, мелкія интриги, даже драки нерѣдко наполняли собою всю жизнь древнерусскаго семейства. И отношенія домочадцевъ къ отцу до такой степени не выполняли требованій домостройнаго идеала, что моралисты нерѣдко нападали на *дѣтей* съ такою же ожесточенностью, какъ и на жену, которая навлекала на себя ихъ постоянную брань главнымъ образомъ за свое противодѣйствіе домостройнымъ принципамъ и освящаемому ими мужниному деспотизму. «Лучше,—говоритъ одинъ моралистъ,—имѣть у бедра мечъ безъ ноженъ, нежели неженатаго сына въ своемъ домѣ; лучше въ домѣ коза, чѣмъ взрослая дочь; коза по елицу ходитъ—молоко принесетъ; дочь по селицу ходитъ—стыдъ принесетъ отцу своему». Эту взаимную враждебность домочадцевъ, эту семейную борьбу за существованіе, эти стремленія личности, подавленной семейнымъ деспотизмомъ, хоть сколько-нибудь облегчить свое иго и охранить свою жизнь, мы можемъ до сихъ поръ наблюдать въ патріархальной семьѣ современнаго намъ «темнаго царства». «Здѣсь,—говоритъ Добролюбовъ,—всѣ въ войнѣ: жена съ мужемъ за его самовольство, мужъ съ женою за ея непослушаніе или неугожденіе, родители съ дѣтьми за то, что дѣти хотятъ жить своимъ умомъ, дѣти съ родителями за то, что имъ не даютъ жить своимъ умомъ», и т. д... «Наружная покорность и тупое сосредоточенное горе, доходящее до совершеннаго идіотства и плачевнѣйшаго обезличенія, переплетаются въ темномъ царствѣ съ рабскою хитростью, гнуснѣйшимъ обманомъ, безсовѣстнѣйшимъ вѣроломствомъ. Тутъ никто не можетъ ни на кого положиться: каждую минуту вы можете ждать, что пріятель вашъ похвалится тѣмъ, какъ онъ ловко обсчиталъ или обворовалъ васъ; тесть надуетъ зятя приданымъ: женихъ обочтетъ и обидитъ сваху; невѣста-дочь проведетъ отца и мать, жена обманетъ мужа. Ничего святого, ничего чистаго, ничего праваго въ этомъ темномъ мірѣ: господствующее намъ нимъ самодурство, дикое, бездушное, неправое прогнало изъ него всякое сознаніе чести и права... И не можетъ быть ихъ тамъ, гдѣ поверженно въ прахъ и нагло растоптано самодурами человѣческое достоинство, свобода личности, вѣра въ любовь и счастье и святыня честнаго труда».

Изъ этого сплетенія семейныхъ интригъ, козней, ссоръ и всевозможныхъ доѣзжаній другъ друга рѣзче всего выдается борьба жены съ мужемъ. Практическая народная мудрость говоритъ, что «честный мужъ только одну жену обманываетъ»; «и дура жена мужу правды не скажетъ». Дѣйствительно, большинство супружествъ въ древней Россіи, какъ и въ нынѣшнемъ темномъ царствѣ, вовсе не имѣло характера мирнаго союза двухъ любящихъ существъ, а походило вполнѣ на союзъ господина съ рабыней, которая и ненавидитъ, и боится своего притѣснителя. Силою выданная за нелюбимаго человѣка, страдающая отъ его деспотизма и самодурства, озлобленная, раздраженная, вѣчно недовольная всѣмъ окружающимъ, женщина дѣлается болѣзненно-сварливою, упорною; она перечитъ мужу во всемъ, она противодѣйствуетъ ему во всѣхъ мелочахъ, на каждомъ шагу. Произведенія нашей древней письменности и народной поэзіи представляютъ не мало картинъ этой вѣчной супружеской войны, нерѣдко начинающейся просто изъ-за того, что «мужъ говоритъ брито, а жена—стрижено». Въ западной Россіи, гдѣ женщина, подъ вліяніемъ польской цивилизаціи, пользовалась несравненно большею свободой, чѣмъ въ Великороссіи, эти супружескіе раздоры нерѣдко принимали характеръ публичнаго скандала. Такова была, напр., семейная жизнь извѣстнаго князя Курбскаго. Оставивъ въ Московіи мать, жену и ребенка, которые были «покорены» царемъ въ темницѣ, Курбскій женился на одной вдовѣ, бывшей матерью двухъ сыновей отъ перваго брака съ Монтолтомъ. Черезъ годъ послѣ свадьбы уже наряжено было слѣдствіе по жалобѣ сына княгини, что будто Курбскій избилъ свою жену, измучилъ, посадилъ въ заключеніе, отчего она и умерла. По слѣдствію, это оказалось ложью и опровергнуто самою княгинею. Но въ тотъ же самый день, какъ было кончено слѣдствіе, Курбскій подалъ жалобу, что жена его недавно взяла изъ кладовой сундукъ, въ которомъ лежали важныя бумаги, переданныя ею

своимъ сыновьямъ Монтолтамъ, и что послѣдніе покушаются на его жизнь. Наконецъ, по приговору пріятелей, Курбскіе развелись 1-го августа 1578 г., а 2-го августа княгиня подала уже новую жалобу на своего бывшаго мужа, что онъ обходился съ нею не какъ съ женою, держалъ въ заключеніи, билъ палкою, вымогалъ деньги, при разводѣ воспользовался ея имуществомъ и т. д. Послѣдовала мировая. Но когда Курбскій женился на одной дѣвицѣ, которою былъ очень доволенъ, то старая жена опять подала жалобу на незаконное расторженіе брака; но Курбскій выставилъ законную для церковнаго суда причину: три свидѣтеля показали, что они собственными глазами видѣли, какъ бывшая кн. Курбская нарушала супружескую вѣрность. Дѣло опять кончилось мировою. Въ Великороссіи супружескіе раздоры рѣдко доходили до суда, а почти всегда оканчивались такъ или иначе въ предѣлахъ семейства. Впрочемъ жена черезъ своихъ родственниковъ могла жаловаться патріарху на жестокое обхожденіе съ нею мужа. Если слѣдствіе подтверждало справедливость ея жалобы, то мужа посылали на смиреніе въ монастырь на полгода или на годъ, а потомъ возвращали къ женѣ, и хотя «велѣли жить съ нею по закону», но онъ, конечно, жестоко отплачивалъ ей за понесенное имъ черезъ нее наказаніе. Въ случаѣ вторичной жалобы жены, ихъ разводили, раздѣляя пополамъ ихъ имущество и дозволяя вступленіе во второй бракъ не раньше, какъ черезъ семь лѣтъ. Но это ограниченіе мужниной самовластія, достигнутое усиліями жены и ея рода, приносило пользу немногимъ женщинамъ, такъ какъ вести процессъ противъ мужа было не только трудно, но даже и опасно для жены: въ глазахъ мужа такой поступокъ значилъ то же самое, что въ глазахъ восточнаго деспота возстаніе его вѣрноподданныхъ рабовъ, и бунтовщица жена должна была жестоко расплачиваться за попытку къ этой домашней революціи. Не болѣе пользы приносило и то обстоятельство, что мужъ въ рядной записи нерѣдко обязывался «жены своей не бить и не извѣчить; смиряти ее по винѣ и полодски, а не извѣчьемъ»; въ случаѣ нарушенія этого условія, родители жены могли жаловаться на зятя что однакожъ не избавляло ихъ дочери отъ тирана-мужа и при самомъ лучшемъ ходѣ дѣла только еще болѣе вооружало послѣдняго противъ жены, посягнувшей на его власть. Представьте себѣ, какую бурю поднялъ бы въ своемъ логовищѣ незабвенный Титъ Титычъ Брусковъ, если бы забитая его супруга осмѣлилась жаловаться начальству на его звѣрское самодурство? Однакожъ, при всемъ этомъ, жалобы на мужей, на ихъ «побои и всегдашнія изгонительства» были нерѣдки. Случалось даже, что слабые мужья жаловались на своихъ женъ, бравшихъ надъ ними верхъ въ домашней войнѣ. Вотъ напр., интересное «челобитье на поругательницу жену», 1670 г. Жалуется сынъ боярскій Скарятинъ на жену свою Пелагею. «Во 176 г. кусала она, жена моя, тѣло мое на плечахъ зубомъ, и щипками на рукахъ тѣло мое щипала и бороду драла»; хотя ко жалобѣ дьякъ Взимковъ «поругательство жены моей и зубное яденье на тѣлѣ моемъ досматривалъ, но въ томъ ея поругательствѣ ей никакого указу не учинено. А во 178 г. она жена моя Пелагея, хотѣла меня, холопа твоего, топоромъ срубить, и я отъ ея топороваго сѣченья руками укрывался, и посѣкла у меня правую руку по запястью, и я съ дворишка своего чуть живъ ушелъ. Да и впредь она, жена моя, хвалится на меня всякимъ дурнымъ смертоубивствомъ; и по твоему государеву указу посажена она, поругательница жена моя, за приставы, и она, сидя за приставы, хвалится на меня и нынѣ всякимъ дурнымъ смертнымъ убивствомъ. Милосердный государь, пожалуй меня, вели въ такомъ поругательствѣ и въ похвальбѣ ей, женѣ моей, царской указъ учинить и меня съ нею развесть, чтобы мнѣ отъ нея впредь напрасною смертью не умереть». Подобныя жалобы, какъ мы уже замѣтили, рѣдко имѣли желанный результатъ, и поэтому супруги, чтобы погубить другъ друга или отдѣлаться другъ отъ друга, чаще всего прибѣгали къ столь распространенному между нашими добродѣтельными предками доносу и обвиняли одинъ другого въ государственной измѣнѣ, въ чародѣйствѣ, въ ереси и т. д. Правительство строжайшимъ образомъ преслѣдовало эти преступленія, и подобная жалоба жены на мужа или мужа на жену вполнѣ достигала желанной для доносителя цѣли, не смотря на степень ея справедливости. Иностранцы изумлялись обилію и разнообразію доносовъ, дѣлавшихся супругами другъ на друга. Русскіе лѣтописцы, уже привыкшіе къ этому проявленію національной добродѣтели, во временамъ тоже негодуютъ при видѣ того, какъ «попы и дьяконы, и черницы и черницы, проскурницы, жены на мужьевъ, дѣти на отцовъ, отцы на дѣтей доносятъ». При Борисѣ, жена одного боярина, по злобѣ на мужа, который тиранилъ ее, донесла, что онъ умѣетъ лѣчить подагру, которою боленъ царь. Бояринъ клялся и божился, что лѣчить онъ не умѣетъ; его пытали и хотѣли казнить, если онъ не вылѣчитъ царя. Тотъ въ отчаяніи выбралъ травъ, какихъ попало, сдѣлалъ изъ нихъ ванну для царя, и послѣднему, случайно, конечно, стало легче послѣ этого. Боярина еще разъ посѣкли за то, что, зная средство, онъ не хотѣлъ говорить о немъ. Ему было строго-на-строго наказано. чтобы онъ не смѣлъ мстить своей женѣ. «При насъ,—разсказываетъ Олеарій,—одинъ изъ великокняжескихъ конюховъ обвинялся по доносу своей злой жены въ томъ, что имѣлъ будто бы намѣреніе отравить великокняжескихъ лошадей, а если бы представился случай, то и самого великаго князя. По этому доносу сказанная жена конюха была подвергнута пыткѣ, и такъ какъ она вынесла всѣ мученія, не измѣнивъ показанія, то мужъ ея признанъ былъ виновнымъ и сосланъ въ Сибирь, она же осталась въ Москвѣ и получала отъ казны на прожитокъ половинное жалованье своего мужа.

Кромѣ силы клеветы и доноса, въ рукахъ женщины была еще другая тайная сила—волшебство и чародѣйство. «Эта послѣдняя сила была страшилищемъ, передъ которымъ трепетало все общество до послѣдняго человѣка, сколько-нибудь значимаго для подыскателей чужой погибели. Отъ этой силы было мудрено укрыться даже въ собственныхъ хо-

ромахъ, даже въ самыхъ сокровенныхъ клѣтяхъ этихъ хоромъ. Она была ежеминутно направляема противъ всякаго, забиравшаго въ свои руки какую-либо власть, а тѣмъ больше власть государскую, дворовую». (Забѣлинъ). Нерѣдко мужья отравляли и тайно убивали своихъ женъ, но гораздо чаще жены прибѣгали къ этимъ средствамъ, которыя всегда служатъ страшнымъ орудіемъ въ рукахъ всѣхъ забитыхъ и угнетенныхъ людей. Мужеубійство было столь обычнымъ явленіемъ, что даже въ женихѣ возникали уже мрачныя подозрѣнія относительно его любимой невѣсты, и Горе-Злочастіе, являясь ему во снѣ, предсказывало—

Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Еще быть тебѣ отъ жены удавлену,
Изъ-за злата и сребра быть убитому!

Наказаніе за мужеубійство было ужасное. Виновную закапывали живою въ землю, оставляя наружу голову, и держали ее въ такомъ положеніи до смерти. Ей не давали ни пить, ни ѣсть и сторожа день и ночь караулили, чтобы кто-нибудь изъ сострадавшихъ не покормилъ ее. Прохожимъ позволялось бросать деньги, но эти деньги шли на гробъ осужденной и на свѣчи. Такія преступницы жили иногда по нѣсколько сутокъ. Корбъ разсказываетъ случай, какъ мать уговорилась съ дочерью убить своего мужа. «Это преступленіе совершено ими посредствомъ двухъ нанятыхъ за 30 крейцеровъ разбойниковъ. Онѣ были закопаны живыми по шею въ землю. Мать переносила жестокій холодъ до третьяго дня, дочь же болѣе шести дней. Послѣ смерти, трупы ихъ были вытащены изъ ямы и повѣшены за ноги, вверхъ головами, рядомъ съ помянутыми наемными убійцами. Такое наказаніе назначается только для женщинъ, убивающихъ мужей; мужчины же, виновные въ смерти своихъ женъ, менѣе строго наказываются и очень часто подвергаются только денежной пенѣ». Закона о наказаніи женоубійцъ никакого не было, однакожъ случаи такихъ наказаній бывали. Въ 1664 году нѣкто Долговъ убилъ свою жену за невѣрность; его наказали кнутомъ и отпустили на поруки. Въ 1674 году крестьянинъ Баженовъ убилъ свою жену за то, что она утаила отъ него два аршина сукна сермяжнаго, а больше вины ея не было, и жилъ онъ съ нею въ согласіи. Въ Москвѣ судили дѣло по прежнимъ случаямъ: стрѣлецъ Еремѣевъ за убійство жены въ пьяномъ видѣ казненъ смертью; другой стрѣлецъ, тоже пьяный, зарѣзалъ жену за невѣжливыя слова, — и ему отсѣкли лѣвую руку да правую ногу; то же самое велѣно было сдѣлать и съ Баженовымъ и потомъ освободить безъ поруки, «потому что убилъ онъ жену не за великое дѣло». Случалось, что мужья убивали своихъ женъ единственно изъ боязни, чтобы послѣднія не донесли о какихъ-нибудь ихъ преступленіяхъ. Такъ, самозванецъ Тимошка Анкудиновъ, жившій неладно со своей женой, постоянно попрекавшей его за его плутни и за самый омерзительный развратъ, рѣшился отдѣлаться отъ жены. Онъ взялъ и отнесъ своего сынишку къ одному пріятелю, затѣмъ вернулся ночью домой, заперъ жену въ комнату и сжегъ ее вмѣстѣ съ домомъ, бѣжавъ тотчасъ въ Польшу. Супругоубійство до сихъ поръ служитъ однимъ изъ главныхъ болѣзненныхъ феноменовъ нашей жизни. Оно совершается преимущественно женами; по даннымъ тобольскаго приказа о ссыльныхъ, на 100 мужчинъ, сосланныхъ по суду за всѣ вообще преступленія, приходится женщинъ только 16,49, между тѣмъ какъ за супругоубійство на 100 мужчинъ приходится 161,81 женщинъ. Случается, что женщина совершаетъ преимущественно не одно мужеубійство. Такъ, напр., въ тридцатыхъ годахъ въ минусинскомъ острогѣ сидѣла одна каторжная, сосланная въ Сибирь за то, что зарѣзала своего перваго мужа; второго, пріобрѣтеннаго въ Сибири, она задавила пьянымъ; съ третьимъ же, каторжникомъ, сошлась и вмѣстѣ съ нимъ удушила четырехъ евреевъ. Народныя пѣсни спокойно рисуютъ сцены, въ которыхъ жена при помощи любовника убиваетъ мужа. Она стала—

Петлюшку на шеюшку
Накидывати,
Своему милому конецъ подала:
Ты тяни, тяни, милой,
Натягивай, небось!
Старый захрипѣлъ,
Будто спать захотѣлъ,
Вычалилъ глаза,
Будто сердится,
Высунулъ языкъ,
Будто Вася бузыкъ (пьяница)...

Много зла, много горя должна перенести женщина, чтобы дойти до такого звѣрскаго состоянія!

Но не каждая натура способна ожесточиться до убійства и протестовать противъ насилія преступленіемъ. Женщины нерѣдко бѣгали отъ мужей, скрываясь у своихъ родственниковъ или у чужихъ людей, находя даже возможность выходить вторично замужъ. Въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ жизнь иной женщины представляется столь невыносимою, что ночью она бѣжитъ отъ мужа, босая, пѣшкомъ, черезъ колючія травы; мужъ догоняетъ ее на лошадяхъ и уговариваетъ возвратиться; она проситъ у него ножа, чтобъ повынимать занозы изъ своихъ ногъ, и въ отчаяніи поражаетъ себя ножомъ въ сердце. Смерть, какъ для Катерины въ «Грозѣ» Островскаго, остается для нея единственною освободительницей. И сколько такихъ Катеринъ утопилось, удавилось, зарѣзалось, отравилось въ продолженіе нашей тысячелѣтней исторіи! Сколько женщинъ, стремившихся къ свободѣ, не могли найти своимъ стремленіямъ никакого другого выхода, кромѣ преступленій, мужеубійства, отравленія, поджога и т. д.

Неволя не убивала въ женщинѣ естественнаго чувства свободы. Воспитанная въ патріархальныхъ понятіяхъ, проникнутая мыслью, что она предназначена исключительно для семейной жизни, женщина прежде всего стремилась къ свободному пользованію той своей органической функціей, въ которой патріархалы видятъ ея единственное предназначеніе. Неволя женщины доводила ее до неистоваго разврата, которымъ она мстила своимъ владыкамъ и посредствомъ котораго разрушала служившее для нея тюрьмою зданіе архаическаго семей-

ства. Оно не удовлетворяло даже и мужчинъ. Жизнь съ нелюбимою или нелюбящею женою, женитьба по приказу родителей, семейныя ссоры, чувственное стремленіе къ частой перемѣнѣ женщинъ—все это заставляло мужчинъ недовольствоваться ласками своей надоѣдавшей жены. Мужчина самъ разрушалъ одною рукою то семейство, которое онъ такъ ревностно поддерживалъ другою. Патріархальныя добродѣтели нашихъ предковъ и чистота ихъ нравовъ существуютъ только въ фантазіи новѣйшихъ поклонниковъ старины. Всеобщая опека, тяжелый деспотизмъ, рабство ума и чувства—все это не могло задушить въ человѣкѣ естественныхъ желаній свободы и наслажденія; но, не находя для себя надлежащаго выхода, эти желанія вырывались наружу въ формѣ самыхъ безобразныхъ пороковъ и превращали въ Содомъ и Гомору ту страну, которую ея опекуны хотѣли сдѣлать образцомъ добродѣтели для всего міра...

Въ Россіи не было ни наукъ, ни искусствъ; женщины были исключены изъ общества и не развивали въ немъ тѣхъ чувствъ приличія и вѣжливости, той романической любви, которыя распространяли онѣ въ западной Европѣ; поэтому нашимъ предкамъ были вовсе неизвѣстны утонченныя наслажденія европейскаго общества, и всѣ ихъ удовольствія носили крайне грубый, исключительно чувственный характеръ. «Жизнь этого общества, лишеннаго философскихъ и поэтическихъ созерцаній и идеализацій, стала уподобляться жизни стада, гдѣ первое исключительное побужденіе — *кормъ* въ животномъ смыслѣ для самого стада и *кормленіе* въ воеводскомъ смыслѣ для пастуховъ; а затѣмъ тяжелое, умственное лежаніе на боку и медленное, нескончаемое пережевываніе двухъ-трехъ понятій, какими былъ ограниченъ общественный кругозоръ жизни». (Забѣлинъ). Главнымъ національнымъ порокомъ было пьянство,—повальное, непрестанное пьянство, доходившее до такихъ размѣровъ, что Русь походила на одинъ сплошной громадный кабакъ. Женщины подвизались на этомъ поприщѣ не меньше мужчинъ, находя въ водкѣ и забвеніе своего горя, и одно изъ главныхъ, доступныхъ имъ удовольствій. «Рѣдко пройдешь мимо кабаковъ,—говоритъ Петрей,—не увидавъ множества выбѣгающей оттуда бахусовой братіи; одни нагишомъ, другіе въ однѣхъ рубашкахъ; нѣкоторые не въ состояніи идти домой, валяются въ грязи или снѣгу, либо укладываются на телѣжки и сани, какъ свиньи, и везутся домой своею прислугою и женами. И это водится не только между мужчинами и простолюдьемъ, но и между богатыми и знатными женщинами». Олеарій описываетъ одну пирушку, на которой онъ присутствовалъ. Жены пренеправно тянули водку вмѣстѣ съ своими мужьями. Когда мужья спьяна попадали на полъ, жены сѣли на нихъ и продолжали пьянствовать, пока не упились донельзя. Даже царицы и царевны не прочь были выпить. Когда на одной изъ царевенъ XVII вѣка сватался иностранный принцъ, то, расхваливая ему достоинства невѣсты, между прочимъ выставляли на видъ и то обстоятельство, что она и пьяною-то была не больше одного раза!.. Женское пьянство и до сихъ поръ довольно распространено у насъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно почти равняется мужскому; но въ древней Руси оно имѣло гораздо обширнѣйшіе размѣры.

Юрій Крижаничъ считаетъ тогдашнюю Россію страною болѣе развращенною, чѣмъ Турція. Иностранцы почти единогласно утверждаютъ, что «блудъ, прелюбодѣяніе и тому подобный развратъ существуютъ въ Московіи внѣ всевозможныхъ размѣровъ. Вотъ почему, сказалъ однажды одинъ воевода какому-то капитану, осужденному на смерть за растлѣніе своей восьмилѣтней дочери: «зачѣмъ ты не искалъ удовлетворенія твоихъ прихотей на сторонѣ? Вѣдь ты могъ бы имѣть столько же непотребницъ и развратницъ, сколько бы заплатилъ конѣекъ». (Корбъ). Записки Желябужскаго переполнены разсказами о томъ, какъ такого-то «били кнутомъ за то, что онъ дѣвку растлилъ», такого-то пытали въ застѣнкѣ «въ блудномъ дѣлѣ», такихъ-то «били кнутомъ нещадно за то, что они брали женокъ и дѣвокъ на постелю» и т. д. Хотя правительство строго преслѣдовало развратъ, ставя развратниковъ на ряду съ ворами и разбойниками, но эти преслѣдованія не вели ни къ чему. Хотя публичные дома вовсе не были дозволены и жители нѣкоторыхъ общинъ нерѣдко «выбивали» изъ своихъ поселеній «блудныхъ женокъ», но развратъ все-таки не скрывался и съ наглымъ цинизмомъ выставляхъ себя на всенародныя очи. Главными притонами разврата были корчмы или ронаты, гдѣ вмѣстѣ съ женщинами продавались табакъ и водка и шли запрещенныя игры. Содержатели и содержательницы этихъ заведеній получали столь выгодные барыши, что считали ихъ достаточнымъ вознагражденіемъ за кнутъ, которымъ били ихъ, какъ скоро начальство узнавало о существованіи корчмы. Но начальство обыкновенно само пользовалось доходами съ корчмы и смотрѣло на все сквозь пальцы. Нѣкоторые воеводы даже сами заводили развратные дома съ цѣлью извлекать изъ нихъ непосредственные барыши; другіе пользовались этими домами, чтобы лучше строить свои каверзы. Такъ, напримѣръ, енисейскій воевода Головхвастовъ (1665) отдавалъ на откупъ помѣсячно «зернь и корчму и безмужныхъ женъ на блудъ, и оттого бралъ себѣ откупу рублевъ по сту и больше, и тѣмъ блудными женкамъ велѣлъ наговаривать на торговыхъ и проѣзжихъ и промышленныхъ людей напрасно, для взятки». Другимъ притономъ разврата были публичныя бани, въ которыхъ мужчины и женщины мылись обыкновенно вмѣстѣ. Пьяныя проститутки нерѣдко нагишомъ выбѣгали изъ этихъ бань на улицу и зазывали прохожихъ мужчинъ. Около бань и кабаковъ развратъ творился иногда публично. Олеарій былъ свидѣтелемъ въ Новгородѣ, какъ во время большого стеченія народа по случаю богомолья, вышедшая изъ кабака пьяная женщина упала на улицѣ въ самой неприличной позѣ. Идетъ пьяный мужикъ и, увидя ее полунагую, какъ звѣрь бросился на нее, но упалъ на нее уже

совершенно безчувственнымъ отъ водки. Зрители стояли и потѣшались надъ этой группой... Корчмы и бани были притонами разврата большею частью для бѣдняковъ; для людей же богатыхъ женское тѣло предлагалось не такъ публично многочисленными сводними; отцы торговали своими дочерьми, мужья женами. «Когда—говоритъ Петрей—бѣдные и мелкіе дворяне или горожане придутъ въ крайность и у нихъ не будетъ денегъ, они бродятъ по всѣмъ закоулкамъ и смотрятъ, не попадется ли какихъ-нибудь богатыхъ молодчиковъ, и, предлагая имъ для блуда своихъ женъ, берутъ съ нихъ по 2 и по 3 таллера, смотря по красотѣ и миловидности жены. Мужъ все время ходитъ за дверью и сторожитъ, чтобы никто не помѣшалъ имъ». Богатые люди, не довольствуясь женами, содержали на сторонѣ любовницъ, нерѣдко по нѣсколько разомъ,—заводили даже гаремы. Такъ, одинъ фаворитъ Алексѣя Михайловича обзавелся гаремомъ, и такъ какъ жена его была этимъ недовольна, то онъ отравилъ ее. Помѣщики сплошь и рядомъ держали у себя по нѣсколько любовницъ, насиловали своихъ крестьянокъ, растлевали малолѣтнихъ дѣвушекъ, пользовались правомъ первой ночи. Въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ, напримѣръ, въ казанскомъ краѣ и Сибири, русскіе творили всевозможныя насилія, подобно своимъ предкамъ, которые «умыкали красныхъ дѣвокъ половецкихъ», какъ выражается Слово о Полку Игоревѣ. Покоряя немирныхъ или усмиряя бунтовавшихъ инородцевъ, русскіе обыкновенно брали въ полонъ ихъ женщинъ и раздѣляли съ ними свое ложе или продавали для этого другимъ. Эти захваты совершались не въ одно только военное время, а также и въ мирное. Воеводы, ихъ чиновники, казаки, стрѣльцы—всѣ, кто только имѣлъ въ своихъ рукахъ власть и значеніе, во время своихъ разъѣздовъ по стойбищамъ инородцевъ, не только брали къ себѣ ихъ женщинъ ради кратковременнаго «блуднаго воровства», но часто завладѣвали ими вовсе. Доставать инородокъ было чрезвычайно легко,—стоило только вооруженной партіи отправиться въ улусъ дикарей и, выбравъ тамъ молоденькихъ женщинъ, увезти ихъ съ собою, а если бы этому вздумали сопротивляться ихъ мужья и родственники, то развѣ трудно было усмирить ихъ пулей, саблей или просто кнутомъ! Если русскому надоѣдала наложница, то онъ прогонялъ ее и бралъ другую; если ему нужны были деньги, онъ часто продавалъ жену, а когда разживался средствами, то или покупалъ себѣ новую, или же даромъ захватывалъ ее изъ инородческаго улуса; если онъ былъ человѣкъ практическій и если въ мѣстѣ его жительства былъ сильный запросъ на развратъ, то онъ набиралъ нѣсколько инородокъ и пускалъ ихъ въ торговый оборотъ. Такъ поступали даже простые служилые и торговые люди, и само собою понятно, что воеводы и другіе значительные чиновники, самовластно царившіе въ лѣсахъ отдаленной Сибири, могли захватывать гораздо больше женщинъ и вести болѣе обширную торговлю ими, чѣмъ подчиненные имъ люди. Нѣкоторые изъ нихъ формировали цѣлые гаремы, другіе содержали публичные дома, третьи продавали женщинъ для брака и наложничества русскимъ или инородцамъ же. Взятки даже въ XVIII в. давались сплошь и рядомъ инородческими дѣвушками. Кромѣ взрослыхъ и способныхъ къ половому акту инородокъ сибиряки захватывали несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и воспитывали ихъ до возмужалости или же тотчасъ послѣ покупки растлевали ихъ; цѣна этихъ дѣвочекъ была очень незначительна; въ XVIII в. въ березовскомъ краѣ, напримѣръ, семилѣтняя остячка стоила *не дороже 20 копѣекъ!*.. Положеніе этихъ женщинъ было ужасное. Русскіе, которые въ своихъ набѣгахъ на инородцевъ даже въ половинѣ прошлаго столѣтія «у бабъ обрѣзывали титьки, а малыхъ ребятъ на огнѣ жгли», не церемонились со своими рабынями. Случалось, напримѣръ, что сибирякъ распарывалъ брюхо своей наложницѣ-инородкѣ для того только, чтобы убѣдиться, съѣла ли она безъ его позволенія кусокъ рыбы!... Въ своихъ отношеніяхъ ко всѣмъ вообще иноплеменнымъ женщинамъ, особенно во время войнъ, наши предки были ужасны. Въ ливонскую войну, напримѣръ, русскіе малыхъ дѣтей моложе девяти лѣтъ прокалывали копьями и втыкали на плетни; женщинамъ обрѣзывали сосцы, привѣшивали къ деревьямъ, разстрѣливали стрѣлами; у беременныхъ разрѣзывали утробы и вытаскивали изъ нихъ младенцевъ; красивыхъ насиловали и многихъ уводили съ собою для продажи или наложничества. Подобной же участи подвергались и русскія женщины во время смутъ, междоусобицъ, бунтовъ, даже въ мирное время. Лѣтопись разсказываетъ, напримѣръ, какъ дружинники Ярослава «насилie творяху новгородцамъ и женамъ ихъ», и какъ за это новгородцы перерѣзали всѣхъ ихъ. Новгородскіе ушкуйники захватывали женщинъ въ приволжскихъ городахъ, Костромѣ, Нижнемъ, и продавали ихъ татарамъ. Въ смутное время годуновцы неистовствовали надъ приверженцами Дмитрія; мужчинъ, женщинъ и дѣтей сажали на колъ, вѣшали по деревьямъ за ноги и разстрѣливали, младенцевъ жарили на сковородахъ, красивыхъ женщинъ подвергали ужаснымъ насиліямъ, захватывали въ неволю и продавали. Во времена Разиныхъ и Пугачевыхъ подобныя звѣрства достигали высшей степени, и русскія женщины гораздо менѣе терпѣли отъ татаръ и другихъ иноплеменниковъ, чѣмъ отъ своихъ соотчичей. Разбратники мучили и преслѣдовали ихъ не только во время смутъ, но и во время мира,—воровали, насиловали, тиранили. Такъ, напримѣръ, Владиміръ, князь галицкій, отбилъ у мужа попадью Настасью, а его законная жена бѣжала въ Польшу за военною силою, чтобы посредствомъ ея возстановить свои права. Въ 1406 г. Торжкомъ правили два князя—Юрій Смоленскій и Семенъ Вяземскій. «И уязви въ сердце діаволъ Юрія плотскимъ похотѣніемъ на княгиню Семенову Ульяну, взялъ на ложе ту княгиню, хотя жити съ нею; она же, предобрая мужелюбица, мужески воспротивися ему; онъ же ляже съ нею, она же, вземши ножъ, удари его въ мышку. Онъ

же возъярися, вскорѣ уби князя ея, а ей самой повелѣ отсѣщи руки и ноги и вовреща въ рѣку». Всякій, кто имѣлъ въ древней Руси власть или деньги, дозволялъ себѣ относительно женщинъ всевозможныя насилія. Воеводы и разные служилые люди похищали женщинъ, растлевали дѣвицъ, силою брали ихъ къ себѣ въ любовницы или же только на короткое время «имали ихъ къ себѣ на постель ради блуднаго воровства». Такъ, въ 1729 г. въ Томскѣ сынъ боярскій Бубенковъ заманилъ къ себѣ сестру казака Вершинина, изнасиловалъ ее и цѣлыхъ пять дней «творилъ съ нею блудное беззаконное дѣло», потомъ прогналъ отъ себя. Въ 1727 г. въ деревнѣ Атамановой попъ Осинъ надъ нѣкоею женкою Татьяною «блудное учинилъ насиліе», и когда она стала жаловаться на него тамошнимъ обывателямъ, то «оный попъ взялъ ее въ домъ къ крестьянину Тюленеву и стегалъ плетьми, а она, Татьяна, прежде бывала у него на исповѣди». При своихъ разъѣздахъ, служилые люди не упускали случая поразвратничать, не только соблазняя и насилуя женщинъ, но даже воруя ихъ, увозя съ собою и продавая другимъ. Въ началѣ XVIII в. домовые дѣти боярскіе тобольскаго митрополита были посланы по всѣмъ сибирскимъ городамъ десятильниками. Не довольствуясь постояннымъ удовлетвореніемъ своихъ плотскихъ страстей на счетъ обывательницъ, они еще «били ихъ и заставляли поневолѣ говорить ложно на всякихъ добрыхъ людей блудное воровство и съ тѣхъ людей имали себѣ взятки великія»; доходило до того, что «дѣвокъ разболокали донага и груди давили до крови и всякое ругательство чинили». Если эти женщины не удовлетворяли ихъ желаніямъ, то десятильники «продавали ихъ такимъ людямъ, за которыхъ никто бы дочерей своихъ не отдалъ». Иногда и въ мирное время насилія, сопровождаемыя жестокостями, далеко превосходили своимъ злодѣйствомъ даже подвиги тогдашнихъ грубыхъ воиновъ въ непріятельской землѣ. Волосъ становится дыбомъ при разсказахъ историковъ о томъ, напр., что должны были вытерпѣть русскія женщины отъ Ивана Грознаго и его сподвижниковъ. «Въ блудныхъ дѣлахъ и сладострастіи, — разсказываетъ Петрей,—онъ перещеголялъ всѣхъ. Онъ часто насиловалъ самыхъ знатныхъ женщинъ и дѣвицъ, а послѣ того отсылалъ ихъ къ мужьямъ и родителямъ. Когда же онѣ хоть сколько-нибудь давали замѣтить, что блудили съ нимъ неохотно, то онъ, опозоривъ, отсылалъ ихъ домой и приказывалъ вѣшать нагихъ надъ столами, за которыми обѣдали ихъ родители и мужья; послѣдніе не смѣли ни обѣдать, ни ужинать въ другомъ мѣстѣ, если не хотѣли распроститься съ жизнію такимъ же плачевнымъ образомъ. Трупы висѣли до тѣхъ поръ, пока мужья и родные, по усиленному ходатайству и заступничеству, не получали позволенія похоронить ихъ. Онъ всегда мѣнялся любовницами съ своимъ сыномъ Иваномъ». Однажды метресса послѣдняго пожаловалась ему, что многія женщины смѣются надъ нею, а онъ передалъ это отцу; Грозный такъ разгнѣвался, что рѣшился перерѣзать всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ въ Москвѣ. Хотя князья, бояре и фавориты успѣли отклонить его отъ избіенія, но онъ все-таки велѣлъ привести въ Кремль нѣсколько сотъ женщинъ и дѣвушекъ и раздѣть ихъ донага въ присутствіи своего семейства, бояръ и всей придворной челяди; онѣ должны были разгуливать въ сильную стужу, по глубокому снѣгу. Нѣкоторыхъ онъ велѣлъ зажечь до смерти розгами и трупы ихъ бросить медвѣдямъ. Грозный и его сподвижники очень любили подобныя зрѣлища, возбуждавшія ихъ притупѣвшую чувственность. «Во время разныхъ поѣздокъ его по странѣ, изъ города въ городъ, всѣхъ попадавшихся ему на дорогѣ женщинъ и дѣвицъ онъ приказывалъ раздѣвать донага, и онѣ должны были стоять совсѣмъ нагія на дорогѣ, зимою въ снѣгу, пока не проѣдетъ онъ мимо ихъ со всею своею челядью». Женщины сильно роптали на него; но онъ вездѣ имѣлъ своихъ шпіоновъ, которые постоянно ловили женщинъ, не умѣвшихъ держать языка за зубами; ихъ тотчасъ же связывали и вѣшали или рубили въ куски. Передъ самою своею смертью, когда онъ заживо разлагался отъ болѣзни, бывшей результатомъ его сладострастной жизни, ему пришла охота изнасиловать свою невѣстку Ирину. На ея крикъ и вопли сбѣжалось множество придворныхъ и прислуги. Иванъ оставилъ Ирину, но велѣлъ казнить всѣхъ свидѣтелей этой сцены. Всѣ эти и другія насилія Грознаго были далеко не безпримѣрнымъ явленіемъ въ нашей исторіи. То же самое, въ меньшихъ, конечно, размѣрахъ, творили постоянно всѣ сильные и грозные люди, начиная съ воеводъ и кончая разбойниками. Люди же не сильные, но богатые, напр., купцы, овладѣвали женщинами съ помощью денегъ, «прельщали ихъ на блудъ» часто обѣщаніемъ жениться на нихъ, приживали съ ними дѣтей, а потомъ бросали ихъ на произволъ судьбы. Развращенность мужского населенія доходила до того, что многіе теряли даже всякій вкусъ къ женщинамъ и прибѣгали къ другимъ отвратительнымъ средствамъ—мужеложству и скотоложству, которыя были распространены чрезвычайно.

Запросъ на развратъ, такимъ образомъ, былъ страшный. Женщину покупали или брали силою; женскимъ тѣломъ торговали отцы и мужья, помѣщики и разные служилые люди; пролетаріатки торговали сами собою изъ-за куска хлѣба или изъ-за чарки зелена вина, въ которомъ онѣ топили свое горькослезное житейское горе. Но развратъ не ограничивался тѣми женщинами, которыхъ можно было купить или захватить силою; онъ проникалъ всюду; онъ увлекалъ и теремныхъ затворницъ высшаго класса, которыя уже не за деньги и не по принужденію, а ради удовольствія и добровольно старались усладить горечь своей рабской жизни утѣхами свободной любви съ мужчинами, приходившимися имъ по вкусу. Не только въ народныхъ пѣсняхъ, но даже въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ письменной литературы, имѣвшей аскетическій характеръ, супружеская измѣна является поступкомъ извинительнымъ и совершенно естественно вытекающимъ изъ условій подневольнаго положенія

женщины въ бракѣ. Въ одной «притчѣ», напр., молодая дѣвица, отказывая своему жениху-старику, говоритъ ему, какъ она будетъ вести себя въ томъ случаѣ, если онъ убѣдитъ родителей выдать ее за него. «Ты неугодишь будеши младости моей, и тогда я впаду въ преступленіе съ отрокомъ младымъ, съ молодцомъ хорошимъ, а не съ тобою, старымъ мужемъ, съ вошечею душою, съ попурою свинною...» Дѣйствительность вполнѣ соотвѣтствовала этому бесметристическому вымыслу. Древнерусскія барыни были всегда очень склонны полюбиться въ кѣмъ-нибудь на сторонѣ. Запертыя въ теремѣ, постоянно болтавшія съ своими служанками «пустошныя, скоромскія рѣчи», онѣ занимали свое воображеніе и дразнили свою чувственность разными нецѣломудренными представленіями. Многочисленныя «потворенныя бабы, что молодыя жены съ чужими мужи сваживаютъ», всегда умѣли протереться въ домъ и устроить любовную интрижку. Случалось, что одна сводня обдѣлывала дѣлишки и мужа, и жены. Иностращенъ женщины не только любили, но даже предпочитали русскимъ, оправдывая свое расположеніе къ нимъ тѣмъ софизмомъ, что «женщинѣ соблудить съ иностранцемъ простительно; дитя отъ иностранца родится, крещеное будетъ; а вотъ какъ мужчина съ иновѣркою согрѣшитъ, такъ дитя будетъ некрещеное; оно и грѣшнѣе — некрещеная вѣра множится». Иногда теремныя затворницы превращались въ настоящихъ Мессалинъ. Типомъ русской Мессалины можетъ служить мать Ивана Грознаго. «Но кончинѣ великаго князя она все ходила въ непотребный домъ, сильно развратничала и блудила, особливо же связалась съ однимъ дворяниномъ (Овчиною - Оболенскимъ) и вела эту связь такъ грубо, что могъ замѣтить всякій крестьянинъ... Ее открыто по всему городу ругали блудницей и всѣ ненавидѣли». (Петрей). Передъ реформою Петра нравы дворцоваго терема окончательно пали и его обитательницы отличались крайнею легкостью поведенія. По раскольничьимъ извѣстіямъ, «царевна Софья была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна, сестра ея... и бояре ходили къ нимъ, и ребятъ тѣ царевны носили и душили и иныхъ на дому кормили». (Соловьевъ, XVII, 227). У царевны Марѳы нѣсколько лѣтъ былъ на содержаніи дьяконъ Иванъ. (Корбъ, 219). Образъ русской аристократической Мессалины,—этой грязной, отвратительной, страстной до болѣзненнаго неистовства женщины,—воспѣвается до сихъ поръ простонародьемъ въ многочисленныхъ варіантахъ пѣсни «*Барыня*». При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, напр., на свадьбахъ, женщины развратничали почти открыто, такъ какъ пьяные мужья и не могли зорко смотрѣть за ними и, въ свою очередь, сходились съ чужими женами. Впрочемъ, развратъ доходилъ до того, что иногда убивалъ даже всякую ревность между супругами, и мужья, открывая измѣну своихъ женъ, дѣлали изъ нея предметъ потѣхи для общества. «На этихъ дняхъ,—разсказываетъ Корбъ,—приказные съ своими женами пировали у одного своего товарища. Хозяину особенно понравилась одна гостья: задумавъ удовлетворить свою страсть, онъ сталъ спаивать всѣхъ виномъ, особенно женщинъ. Гости проникли лукавый умыселъ хозяина и тоже съ умысломъ стали щедро подчивать виномъ хозяйку. Всѣ перепились до того, что попадали на полъ. Хозяинъ, замѣтивъ, гдѣ лежала его красавица, подъ предлогомъ, чтобы женщины спали спокойнѣе, погасилъ огонь. Выпивъ еще въ другой комнатѣ, пьяные мужчины пошли къ женщинамъ. Хозяинъ пробирается къ тому мѣсту, гдѣ расположилась его красавица, но послѣдняя уже перемѣнила свое мѣсто и вмѣсто себя положила пьяную хозяйку. Хозяинъ въ темнотѣ не могъ открыть обмана и, полный прежнихъ помысловъ удовлетворяетъ свою страсть, и не зная еще, что это была его жена, приглашаетъ прочихъ гостей къ тому же. Пьяные сотоварищи охотно принимаютъ его предложеніе. Когда обманъ обнаружился, хозяинъ первый же покатился со смѣху надъ тѣмъ, что предложилъ гостямъ не только кушанья и вино, но даже и свою жену». Развратъ клалъ свой отпечатокъ на всѣ проявленія общественной жизни. Игры, пѣсни, разныя увеселенія—все болѣе или менѣе было проникнуто клубничнымъ букетомъ. Грязные анекдоты и шутки были, по свидѣтельству иностранцевъ, любимѣйшимъ сюжетомъ русской бесѣды. «Русскіе въ собраніяхъ своихъ»,—говоритъ Олеарій,—«обыкновенно ведутъ рѣчь о сладострастіи, о гнусныхъ порокахъ, о прелюбодѣяніяхъ, совершенныхъ частью ими, а частью и другими; тутъ же передаются разнаго рода постыдные сказки, и тотъ, кто можетъ наилучшимъ образомъ сквернословить и отпускать разныя пошлыя штуки, выражая ихъ самыми наглыми тѣлодвиженіями, считается у нихъ пріятнѣйшимъ членомъ общества». Матерная брань неумолкаемо оглашала собою русскую землю. «У москвитянъ—говоритъ Олеарій—постоянно на языкѣ матерныя и сквернословныя брани и выраженія, которыми бранятся не одни только взрослые и старые люди, но и самыя дѣти, знающія эти выраженія прежде, чѣмъ они узнаютъ названіе Бога, отца и матери; такая срамная брань одинаково употреблялась какъ родителями противъ дѣтей, такъ и дѣтьми противъ родителей». Даже женщины и дѣвицы слѣдовали общему обыкновенію. Даже «злонравіи священники въ церкви и св. алтарѣ сквернословили, матерно бранящеся»...

Нравы духовенства ничѣмъ не отличались отъ нравовъ мірянъ. Извѣстно, какою репутаціей относительно полового цѣломудрія пользуются попъ, попадья и поповская дочь въ произведеніяхъ нашей народной словесности. Но бѣлое духовенство до извѣстной степени удерживалось еще отъ развращенности семействомъ и въ половомъ отношеніи было гораздо воздержнѣе монашества. Во многихъ мѣстахъ въ XV, XVI, даже XVII в. монастыри были общіе для обоихъ половъ. Можно себѣ представить, что изъ этого выходило!.. Въ другихъ монастыряхъ вмѣстѣ съ монахами жили и міряне съ женами и дѣтьми. Независимо отъ этого, въ кельи

монаховъ свободно входили женщины, а въ женскихъ монастыряхъ держались лица мужского пола. Пастыри церкви, кромѣ того, постоянно вооружались противъ распространенія «содомской пагубы», противъ того, что, выражаясь словами Стоглава, у монаховъ «по всѣмъ кельямъ ребята молодые живутъ невозбранно»... Дѣла доходили до того, что въ монастыряхъ запрещалось «нетокмо женщинъ имѣть, но и скота ни единаго женскаго полу»... Монахи, выражаясь словами Авраамія Палицына, «часто пьянствомъ утѣшахуся, отъ того же вся страсти тѣлесныя возрастаху, и въ ровъ глубокъ блуда впадали всѣ отъ простыхъ чадей даже и до священствующихъ». «Монахи и монахини—говоритъ Корбъ—погружаются во всякаго рода распутство: пьяные шалятъ на улицахъ и, лишившись всякаго стыда, нерѣдко тутъ же предаются сладострастію».

Принципы аскетизма въ нѣкоторыхъ сектахъ раскола доведены были до полнаго отрицанія брака и половой любви. Скопцы и хлысты проповѣдуютъ безусловное умерщвленіе половой страсти, думая, что только этимъ путемъ человѣкъ можетъ превратиться въ ангела. Любовь была причиною погибели рода человѣческаго: «Первый человѣкъ согрѣшилъ не тѣмъ, что вкусилъ отъ плода древа, а паденіемъ во грѣхъ супружескаго совокупленія». Не менѣе строгихъ аскетическихъ доктринъ держатся и многія другія секты, для которыхъ «истиннаго священства» давно уже нѣтъ,—нѣтъ поэтому и таинствъ, а то, что называется бракомъ, есть прелюбодѣяніе. Въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія этотъ мрачный аскетизмъ дошелъ до того, что наставники преображенскаго кладбища начали проповѣдывать, что «нынѣ—въ царствованіе антихриста—размноженіе рода человѣческаго зависитъ отъ сатаны, и каждый рождающійся младенецъ является на свѣтъ съ душою, данною ему дьяволомъ». Этотъ нелѣпый аскетизмъ не замедлилъ вызвать сильнѣйшую реакцію себѣ, лишь только его начали осуществлять на практикѣ. Еще въ XVII в. возникло нѣсколько сектъ, которыя считаютъ развратъ «любовію христовою». Простая баба Акулина основала секту «акулиновщину», въ которой мужчины и женщины, монахи и монахини живутъ другъ съ другомъ въ повальной связи. Еще въ первое время послѣ отдѣленія отъ государственной церкви, протопопъ Аввакумъ вынужденъ былъ даже съ опасностію жизни «унимать отъ блудни» своихъ единовѣрцевъ, которые «жили въ кельяхъ на уединеніи съ зазорными лицами и съ духовными дочерьми, съ женщинами и дѣвками, и подъ видомъ стряпухъ держали у себя любовницъ». «Юноши и дѣвы собирались въ темныя ночи по гумнамъ, по лѣсамъ, по посидѣлкамъ нечистымъ и, досмотрѣвши юноши дѣвъ, а дѣвы юношей, предавались утѣхамъ любви». Дѣти, рожденныя отъ такихъ связей, или убивались, или воспитывались въ общинѣ, какъ чужія. У ѳедосѣевцевъ развратъ достигъ крайнихъ размѣровъ, и учитель ихъ, Ковылинъ, говорилъ, что «лучше имѣть сто блудниць, нежели брачиться». «Не жену, а стряпуху держи и, часто перемѣняючи, отклоняй зазоръ», учатъ наставники бракоборцевъ: «дѣтей не роди, а если родишь, тайно воспитай и племянникомъ называй». Гнусность бывшій главою преображенской общины въ первой четверти XIX в., сидя уже въ соловецкомъ острогѣ, одному, посѣтившему его наставнику преображенскаго кладбища, далъ слѣдующій совѣтъ: «Если пожелаешь быть наставникомъ всего ѳедосѣевскаго согласія, то помни, что его составляютъ люди, а чтобы овладѣть ими, надо имъ не противиться. Тѣмъ чаще будешь отыскать имъ ихъ прегрѣшенія, тѣмъ сильнѣе они будутъ приниженны къ согласію и не пойдутъ въ церковь: что имъ дѣлать тамъ, гдѣ даютъ одну жену, да и ту не смѣй кинуть! Отвергай вхожденіе и исхожденіе на ложе мужское женщинамъ и дѣвкамъ, и тебя почтутъ мужа, и ты вознесешься!» Преображенское кладбище сдѣлалось въ это время обѣтованною землею, куда тайно отъ своихъ родственниковъ уходили не только мужчины, но и дочери богатыхъ купцовъ. Дѣтей рождалось такое множество, что за невозможностію держать всѣхъ ихъ на кладбищѣ, часть ихъ отдавалась на воспитаніе въ села. Жизнь другихъ ѳедосѣевцевъ не лучше жизни преображенцевъ. Развитію такой безусловной половой свободы не мало содѣйствовали женщины. Такъ, напр., около 1850 г. въ окрестностяхъ Москвы возникъ новый толкъ изъ женщинъ и дѣвицъ, при вступленіи въ который онѣ давали писанную собственною кровью подписку въ томъ, что ненавидятъ и отвергаютъ брачное супружество. Многіе богатые бракоборцы обзаводились цѣлыми гаремами. Возникло право *отповѣщины*, по которому отецъ пользуется невинностью своей дочери, такъ какъ «трудящемуся подобаетъ первому вкусить отъ плода своего». Въ общинахъ бѣгуновъ жизнь еще болѣе свободна и, по выраженію одного ихъ учителя,—«грѣси паче естества, паче Содома и Гоморы». Бѣгуны считаютъ бракъ состояніемъ безпрерывнаго блуда и думаютъ, что «жена дана дьяволомъ, а дѣвка Богомъ; жить съ женою грѣхъ, а съ дѣвкою нѣтъ грѣха; дѣтей не надо». Свальный грѣхъ, или такъ называемыя «кладки», существующія во многихъ раскольничьихъ общинахъ, достаточно извѣстны, чтобы распространяться о нихъ *).

*) Нужно замѣтить, что эти *кладки* не составляютъ исключительной принадлежности раскола, а распространены въ средѣ православнаго простонародья. Такъ называемыя *вечорки*, *посидѣлки*, *бесѣды* носятъ въ сущности тотъ же характеръ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ Малороссіи, напр., нерѣдко оканчиваются тѣмъ, что тушится огонь, и молодежь обоего пола ложится «спать».

«*Бесѣдки* (въ Макарьевскомъ уѣздѣ) сливкомъ развращаютъ наше крестьянское юношество. Здѣсь—въ домѣ какой-либо бобылки—проводятъ почти всю ночь за глазами родителей и, вмѣсто того, чтобы спать, предаются всевозможнымъ оргіямъ съ парнями, которые, обыкновенно, приносятъ съ собой кромѣ гостинцевъ, водки и вина. Здѣсь они вмѣстѣ съ падшими дѣвушками, подпоивъ невинныхъ и молодыхъ дѣвушекъ, развращаютъ этихъ послѣднихъ, и число проститутокъ увеличивается; бобылки

Развратъ велъ къ дѣтоубійству, которое всегда свирѣпствовало между раскольниками и въ нѣкоторыхъ сектахъ получило даже характеръ религіозной обязанности. У ѳедосѣевцевъ и бѣгуновъ многіе наставники вполнѣ одобряютъ дѣтоубійство и плодоизгнаніе, проповѣдуя, что «тайный грѣхъ тайно и судится», а убитый ребенокъ будетъ спять и своею молитвою на небесахъ испроситъ спасеніе родителямъ. Дѣтоубійство всегда свирѣпствовало и въ средѣ православнаго народонаселенія, порождаемое своими обычными факторами — бѣдностью, стыдомъ или страхомъ стыда незамужней родильницы, а также опасеніемъ за участь незаконнорожденныхъ дѣтей, которыя, благодаря вліянію византизма и родовыхъ началъ, осуждены на самую жалкую и крайне нищенскую жизнь. Дѣтоубійцъ казнили ужасною смертью «безо всякія пощады», но кары закона оставались, по обыкновенію, безсильными противъ зла, порождаемаго основными началами семейной и общественной жизни. Духовные блюстители нравовъ часто жаловались на страшную распространенность убійства незаконныхъ дѣтей, трупы которыхъ чаще всего бросались въ ямы отхожихъ мѣстъ.

Развращенность всѣхъ классовъ народонаселенія естественно вела за собою сифилисъ или, по старинному выраженію, «тайнымъ согнитіе». Не только поддерживаясь, но даже постепенно усиливаясь въ массѣ народа, вѣковая развращенность вмѣстѣ съ бѣдностью губитъ физическія и нравственныя силы народа, взведеннаго сифилисомъ и пропитаннаго золотухою въ такой сильной степени, въ какой масса народонаселенія не страдаетъ отъ этихъ болѣзней ни въ одной европейской странѣ.

Думали ли проповѣдники и насадители домостройныхъ началъ, что ихъ дѣятельность принесетъ такіе плоды, что желанные ими порядки будутъ только пустою формою, что подавленныя ими стремленія человѣческой природы все-таки вырвутся наружу и зальютъ землю мутнымъ потокомъ семейныхъ преступленій, разврата и сифилитическаго ядa!

Погибель ждетъ страну, въ которой стремленіе женщины къ свободѣ и протестъ человѣческой личности противъ оковъ архаическаго семейства выражаются только въ формѣ упомянутыхъ нами болѣзненныхъ явленій. Но этого мы не можемъ сказать о древней Руси и о тѣхъ современныхъ классахъ населенія, которые почти не тронуты европейской цивилизаціей. Мы видимъ здѣсь не одинъ только протестъ порока и преступленія и слышимъ не одни только тысячелѣтнія горькослезныя жалобы женщины на свою несчастную долю,—мы видимъ здѣсь борьбу, дающую практическіе, осязаемые результаты, которые приготовляютъ путь великой идеѣ женской эманципаціи, пришедшей изъ Европы и Америки.

VI.

«Женщина,—говоритъ Добролюбовъ, — которая хочетъ идти до конца въ своемъ протестѣ противъ угнетенія и произвола старшихъ въ русской семьѣ, должна быть исполнена героическаго самоотверженія. Какимъ образомъ она можетъ выдержать себя? Гдѣ взять ей столько характера? — А гдѣ беретъ дитя характеръ для того, чтобы воспротивиться всѣми силами, хотя бы за сопротивленіе было назначено самое страшное наказаніе? То же самое нужно сказать и о женщинѣ, рѣшающейся на борьбу за свои права: дѣло дошло до того, что ей уже невозможно дольше выдерживать свое униженіе; вотъ она и рвется изъ него, уже не по соображенію того, что лучше и что хуже, а только по инстинктивному стремленію къ тому, что выносимо и возможно. Натура замѣняетъ здѣсь и соображенія разсудка, и требованія чувства и воображенія; все это сливается въ общемъ чувствѣ организма, требующаго себѣ воздуха». Эти органическія стремленія къ свободѣ и счастію болѣе или менѣе присущи всѣмъ женщинамъ, всѣмъ людямъ; они существовали всегда и существовали не безплодно. Произведенія народной поэзіи ясно свидѣтельствуютъ, что женщина никогда не была вполнѣ довольна своимъ несчастнымъ положеніемъ. Главнымъ мотивомъ народныхъ женскихъ пѣсенъ служатъ безконечныя жалобы дѣвушки на своихъ родителей, женщины—на мужей и ихъ семейства, вдовы—на свое безпомощное одиночество. Эти болѣзненные стоны рабыни, эти слезы отчаянія, эти вопли о неизбѣжной долѣ женщины неумолкаемо оглашаютъ собою русскую землю въ продолженіе долгихъ столѣтій. Вотъ какъ выражается, напр., эта поэзія отчаянія въ слѣдующей малорусской пѣснѣ:

«Чы я въ лузи не калына була,
Чы я въ лузи не червоная росла?
Взялы мене поломалы
И въ пучечки повязалы:
Така доля моя!
Чы я въ поли не пшеныця була,
Чы я въ поли не зеленая росла?

тоже изъ-за отопленія своей кельи и другихъ мелкихъ корыстныхъ расчетовъ обыкновенно занимаются сводничествомъ для тѣхъ и другихъ. Родители знаютъ, что тамъ дѣлается, и все-таки продолжаютъ смотрѣть на эти разсадники разврата и сифилиса сквозь пальцы.—Оригиналенъ здѣсь обычай и мытья въ банѣ. Въ натопленную баню идутъ вмѣстѣ не только родные—мужчины и женщины изъ одного дома, но и чужіе. Нерѣдко собираются для мытья въ банѣ парни и дѣвушки совершенно чужіе другъ другу»... Результаты понятны, но такая жизнь не мѣшаетъ дѣвушкѣ найти мужа, если только она не родитъ. «Тогда беретъ ее за себя или вдовецъ, или бѣднякъ-крестьянинъ, который радъ жениться хоть на какой-нибудь дѣвушкѣ или вдовѣ, лишь бы имѣть хозяйку въ домѣ. Но если она при всемъ «баловствѣ» не родитъ, что, впрочемъ, почти постоянно и бываетъ—при помощи нѣкоторыхъ женщинъ, спеціально занимающихся уничтоженіемъ плода,—то можетъ всегда разсчитывать на хорошую партію. И мужъ ее никогда не укоритъ и не будетъ тиранить за то, что она прежде времени лишилась своего дѣвства. Въ Ветлужскомъ краѣ Макарьевскаго уѣзда вообще на это дѣло смотрятъ весьма снисходительно. «Гдѣ ужъ намъ, батюшка, разбирать честныхъ дѣвокъ, сказалъ мнѣ одинъ крестьянскій парень, пожелавшій жениться на одной чуть ли не публичной женщинѣ; да и гдѣ найдешь честныхъ? Развѣ изъ двухъ сотъ выберется одна не тронутая, да и то наврядъ; вѣдь онѣ еще съ 13 или 14-ти лѣтъ начинаютъ съ нами баловаться. Если бы ты поглядѣлъ, что мы дѣлаемъ по ночамъ въ *бесѣдкахъ*, или когда моемся въ банѣ—не малому дину дался бы». («Нижегородскій Сборникъ», т. VI, с. III).

Взялы мене та-й пожалы
И въ снопыкы повязалы:
Така доля моя!
Чы я въ батька не дытына була,
Чы я въ батька не коханая росла?
Взялы мене повинчалы
И свитъ мыни завязалы:
Така доля моя!
Чы не было ричкы утопытысь мыни,
Чы не было кращаго полюбытысь мыни?
Булы ричкы,—позсыхалы,
Булы кращи,—повмыралы:
Така доля моя!»

Но нельзя сказать, чтобы одно отчаяніе наполняло собою душу женщины. Она горько плакала о своей долѣ, протестовала противъ насилія, метила нелюбимому мужу порокомъ и преступленіемъ; она, какъ въ одной малорусской пѣснѣ, умоляла отца или мать «не разлучать ее съ милымъ и не выдавать за немилаго, — вѣдь не вамъ съ нимъ жить». Этотъ протестъ не оставался безъ результатовъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Нижегородской губерніи, въ случаѣ упорнаго несогласія невѣсты на бракъ, отказываютъ жениху. Въ Малороссіи при сватаньи невѣсты отецъ спрашиваетъ ее: любитъ ли и пойдетъ ли она за такого то? Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ мѣстностяхъ родители невѣсты, цѣлуя икону, даже присягаютъ торжественно въ томъ, что они не принуждаютъ своихъ дѣтей къ бракосочетанію. Народная жизнь выработала и нѣсколько другихъ формъ свободнаго брака, заключеннаго по добровольному соглашенію жениха и невѣсты. Старинные юридическіе памятники свидѣтельствуютъ, что подобные союзы, совершавшіеся безъ согласія родителей, были далеко не рѣдки, какъ не рѣдки они и нынѣ, напр., въ Сибири и Архангельской губерніи, гдѣ дѣвушки, выходя тайно отъ родителей замужъ, уносятъ съ собою изъ родительскаго дома свои вещи и называются *самокрутками*, или *самоходками*. Въ послѣднее время такіе браки стали замѣтно усиливаться, напр., въ Сибири. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ забайкальскій корреспондентъ: «Дочери предоставляются по большей части распоряженію матерей, а эти послѣднія, желая выставлять ихъ на показъ женихамъ, даютъ имъ полную свободу, отпуская ихъ на посидѣнки, вечерки и т. п., въ которыхъ принимаетъ участіе только молодой народъ. Такимъ образомъ, предоставленные самимъ себѣ, молодые люди пользуются всѣми удовольствіями, свойственными ихъ возрасту, такъ что любая здѣшняя дѣвица можетъ пѣть про себя:

«Я у батюшки, у матушки
Одна дочерь была,
Безъ калачика не ѣла,
Безъ милаго не спала».

Тамъ-то по большей части и дѣлаются условія о тайномъ уходѣ изъ дома отцовъ. Деспотизмъ главы семейства также служитъ не послѣдней причиной убѣга дочерей: дѣвушку начинаютъ сватать съ 17-ти лѣтъ, а отецъ, не желая выпустить работницу изъ своихъ рукъ, всѣмъ отказываетъ, не спрашивая дочери; вотъ ей уже 20-ть лѣтъ или болѣе, а отецъ повторяетъ свои отказы; выведенная изъ терпѣнія, она рѣшается на тайный бракъ. Въ послѣднее время многіе отцы поняли эту причину и прежде, чѣмъ рѣшить судьбу дочери, стали заручаться согласіемъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ, особенно въ Рязанской, молодежь обоего пола сходится между собою на играхъ и хороводахъ овсянаго праздника, 29 октября. И спросите потомъ крестьянина, задумавшаго женить сына или выдать дочь, любятъ ли другъ друга женихъ и невѣста, и онъ отвѣтитъ: «какъ же, они на овцаръ сошлись уже добрымъ словомъ; дѣвка и малый другъ друга знаютъ». Иногда эти браки вовсе не имѣютъ церковнаго характера, а у раскольниковъ гражданскій бракъ давнымъ давно уже принялъ довольно опредѣленную форму. Еще извѣстный протопопъ Аввакумъ рекомендовалъ гражданскій бракъ, говоря: «аще кто не имать іереевъ (для вѣнчанія) да живетъ просто». При Дмитріи Ростовскомъ во многихъ сектахъ «отцы и матери не вдавали дщерей законному браку, но велѣли имъ безъ вѣнчанья, съ кѣмъ хотятъ, жити». Многіе раскольники допускаютъ и церковное вѣнчанье, но не какъ таинство, а только какъ «общенародный обычай», необходимый для отличія законнаго союза отъ блуда и для заявленія о согласіи жениха и невѣсты передъ цѣлымъ обществомъ присутствующихъ въ церкви; другіе же вовсе отвергаютъ «сусевѣріе черни, вѣрующей, что существо брака состоитъ въ пресвитерскомъ вѣнчаніи, а не въ обѣтѣ сочетающихся лицъ», и стоятъ положительно за одну гражданскую форму. Сплошь и рядомъ эти браки заключаются и заключались даже безъ всякихъ формальностей: молодые люди обоего пола секретно отъ старшихъ знакомились между собою и, «безъ благословенія отца и матери, безъ всякаго чина гражданскаго и обычая, сами собою убѣгомъ и сокровеніемъ поймались и повѣнчавши гдѣ-нибудь въ отъѣздѣ, въ домъ свой, аки новобрачные, пріѣзжали»; родители поневолѣ признавали совершившійся фактъ. Для приданія дѣлу публичности, вступившіе въ подобный бракъ начинали ходить вмѣстѣ по базарамъ и другимъ люднымъ мѣстамъ, взявшись за руку или держась за одинъ платокъ. Родители признавали жену сына вполнѣ законною, равно какъ и дѣтей, а въ случаѣ смерти сына содержали его вдову, воспитывали его дѣтей и дѣлали ихъ наслѣдниками своего имѣнія. Гражданскія жены даже въ присутственныхъ мѣстахъ назывались *женами;* на ихъ имя покупались и утверждались дома, лавки, заводы, фабрики. Но съ конца тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія взглядъ правительства на гражданскій бракъ раскольниковъ совершенно измѣнился: онъ объявленъ «развратомъ» и «беззаконною жизнью». Преслѣдованія стѣснили развитіе гражданскаго брака; тому же содѣйствовалъ и протестъ противъ него женщины. Будучи не гарантированъ закономъ, такой бракъ не охранялъ интересовъ жены и дѣтей, которыхъ мужъ могъ безнаказанно бросить на произволъ судьбы. Это естественно вызывало реакцію со стороны женщинъ. «Теперь молода да легка», говоритъ раскольница дѣвушка, «а затяжелѣла, такъ и милому дружку

надоѣла. Мужикъ, что ему? Мужикъ баловникъ, козелъ мужикъ, похотникъ,—одна плоха, другую найдетъ; а ты вотъ роди дитя, да и корми его на свои гроши. Нѣтъ, наша бабья жизнь—бѣда въ нашемъ званіи!» Бывали случаи, что судъ отказывалъ такой брошенной мужемъ матери въ томъ покровительствѣ, какое дается даже простой любовницѣ, и освобождалъ раскольника отъ обязанности выдавать ей содержаніе на дѣтей, дабы, въ противномъ случаѣ, «не дать раскольникамъ повода къ заключенію, что ихъ притязанія и раскольническія понятія покровительствуются закономъ». Женщины поэтому часто стараются о приданіи браку церковной законности. Но при всемъ томъ, гражданская форма брака крѣпко держится среди раскольниковъ, а женщина въ раскольничьемъ семействѣ, особенно у молоканъ и духоборцевъ, гораздо самостоятельнѣе и равноправнѣе съ мужемъ, чѣмъ въ семействѣ православномъ. Православныя женщины, живущія по сосѣдству съ духоборцами, завидуютъ положеніе ихъ женъ и нерѣдко угрожаютъ своимъ мужьямъ перейти въ духоборчество, что нѣкоторыя и исполняютъ.

Въ господствующей церковной формѣ брака произошло также немало улучшеній въ пользу женщины. Мы уже упоминали, напр., что въ рядной записи женихъ нерѣдко обязывался не бить жены, что послѣдняя пріобрѣла право жалобы на жестокое обхожденіе мужа и по второй жалобѣ могла получить разводъ. Во время Корба, въ высшихъ слояхъ русскаго общества, женщины уже перестали считать плеть доказательствомъ мужниной любви; «онѣ—говоритъ упомянутый путешественникъ—охотно освободились бы отъ крайне унизительной покорности своимъ мужьямъ, если бы только нашелся преобразователь столь жестокихъ для нихъ обычаевъ». Въ имущественномъ отношеніи, въ эту эпоху подчиненія были положены прочныя основы тѣхъ правъ русской женщины, которыя въ настоящее время дѣлаютъ ея положеніе болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе женщины во Франціи и Англіи. Дочь, при неимѣніи брата, могла наслѣдовать даже и недвижимое имущество, а при братѣ—ея наслѣдственная доля замѣнялась приданымъ. Въ XVII в., даже при братьяхъ дочери начали получать на прожитокъ особыя доли изъ отцовскихъ помѣстій. Въ приданое давалось какъ движимое, такъ и недвижимое имущество, иногда даже цѣлыя вотчины и крестьяне. Въ древнѣйшее время имущество жены состояло въ полномъ распоряженіи мужа, но очень рано въ исторіи у насъ водворилась полная раздѣльность супружескаго имущества. Жена была такою же собственницею, какъ и мужъ. Она владѣла своими вотчинами, своимъ имѣніемъ; могла пріобрѣтать и отчуждать ихъ и вести дѣла отъ себя, даже безъ согласія мужа. Супруги, какъ лица независимыя другъ отъ друга въ имущественномъ отношеніи, могли вступать между собою въ разнообразные договоры и сдѣлки, въ куплю-продажу, мѣну, займы и т. д. По смерти мужа, имущество жены и приданое оставались за нею; кромѣ того мужья сплошь и рядомъ назначали своимъ вдовамъ на прожитокъ извѣстную долю изъ своего имѣнія, иногда же вдова, вмѣстѣ съ дѣтьми, получала сполна все имущество покойнаго. Такимъ образомъ, дѣвушка съ прожиточнымъ помѣстьемъ, вдова, даже замужняя женщина были въ своихъ имѣніяхъ независимыми господами и вмѣстѣ съ помѣщиками-мужчинами должны были нести за владѣніе помѣстьемъ обязательную государственную службу посредствомъ своихъ дѣтей, родственниковъ или посторонніхъ лицъ. Роль помѣщицы имѣла такое же важное значеніе для развитія въ женщинѣ самостоятельнаго характера, какъ и роль феодалки въ западной Европѣ.

Женщина всегда рвалась на свободу изъ своей семейной неволи и стремилась принять участіе въ общественной жизни. Дѣвушки и женщины, убѣгая изъ своихъ семействъ, нерѣдко приставали къ разнымъ бродягамъ, составляли шайки, дѣлались атаманами разбойниковъ; преданія о знаменитыхъ разбойницахъ и урочища, носящія ихъ имена, разсѣяны по всей Россіи. Въ смутныя времена подобныя женщины дѣйствовали нерѣдко наравнѣ съ мужчинами. Такъ, напримѣръ, въ эпоху Разина одна монахиня, жившая въ пригородной слободѣ подъ Арзамасомъ и занимавшаяся вѣдовствомъ, явилась въ Темниковъ, стала набирать здѣсь банду и приняла предводительство надъ бунтующими мужиками. Побѣдитель послѣднихъ, Юрій Долгорукій, велѣлъ сжечь ее въ срубѣ. Современники говорятъ, что она ходила въ мужескомъ платьѣ и была столь неустрашима, что когда прочитали ей смертный приговоръ, то не измѣнилась въ лицѣ, а когда жгли въ срубѣ, то сказала: «когда бы всѣ такъ воевали, какъ я, то князь Юрій навострилъ бы отъ насъ лыжи». Даже женщины высшихъ классовъ умѣли все-таки пользоваться свободой и нерѣдко, оставляя теремъ, преимущественно по ночамъ, отправлялись куда-нибудь кутить въ веселой компаніи. Для этихъ выѣздовъ онѣ держали обыкновенно мужское платье, верховыхъ лошадей и сѣдла. Въ XVII в. строгая разобщенность половъ начала уже значительно смягчаться. По окончаніи обѣденнаго стола для гостей, къ нимъ каждый разъ выходила хозяйка, подчивала ихъ водкою и цѣловалась поочередно со всѣми. Женщины иногда даже участвовали вмѣстѣ съ мужчинами и на пирушкахъ, или вмѣстѣ, цѣловались, играли. «Женщинъ—пишетъ Корбъ—можно нынѣ видѣть, когда онѣ ѣздятъ въ своихъ экипажахъ въ церковь или къ друзьямъ; но эти выѣзды составляютъ уже значительное отступленіе отъ строго наблюдавшагося прежде обыкновенія, по которому экипажи, въ которыхъ запирались женщины, такъ бывали закрыты, что у заключенныхъ въ нихъ отнималась даже самая свобода зрѣнія». Даже въ царскомъ дворцѣ, гдѣ обычаи теремнаго заключенія соблюдались гораздо строже, чѣмъ въ домахъ простыхъ смертныхъ,—даже въ царскомъ дворцѣ женщина умѣла постепенно освобождаться отъ оковъ этихъ обычаевъ. Въ XVII в. царицы и царевны начинаютъ выѣзжать чаще, чѣмъ прежде, даже въ открытыхъ экипажахъ, появляются передъ глазами публики въ окнахъ дворца; справляя свои именины, царица принимаетъ лично все боярство, чего не бы-

вало прежде; царица Софья окончательно сбрасываетъ съ себя всѣ узы теремныхъ обычаевъ и всюду является на ряду съ мужчинами. Во дворцѣ заводится театръ, и въ немъ присутствуютъ женщины, хотя и скрытно отъ постороннихъ взоровъ. Царевна Наталья Алексѣевна устроила даже публичный театръ, на которомъ сама была въ числѣ актрисъ, и на которомъ, между прочимъ, былъ поставленъ переводъ мольеровской комедіи «Врачъ поневолѣ». Эта царевна сама писала трагедіи и комедіи, и послѣ ея смерти осталась библіотечка драматическихъ сочиненій. Словомъ, передъ реформою Петра русскія женщины уже сильно стремились выйти изъ терема на свободу, и онѣ, болѣе чѣмъ кто-нибудь другой, радостно привѣтствовали восходящее петровское солнце.

Въ эпоху полнаго подчиненія женщины, ей предоставлялись внѣ семейства только двѣ сферы дѣятельности—подвижничество и христіанская благотворительность. Русская исторія полна примѣрами замѣчательной женской филантропіи и сострадательности ко всѣмъ страдающимъ, начиная съ преступниковъ и невольниковъ. Благодаря этой женской сострадательности, въ народномъ міросозерцаніи прочно укоренилось самое гуманное воззрѣніе на преступниковъ, какъ на *несчастныхъ*. Но, кромѣ филантропической дѣятельности, женщина завоевала себѣ право стоять наравнѣ съ мужчиной и въ другой сферѣ, въ которой она была наиболѣе унижена. Въ расколѣ женщина является наставницею, пророчицею, священникомъ, основываетъ новыя секты, проповѣдуетъ, распространяетъ свои доктрины, становится во главѣ религіозной общины. Она сбросила здѣсь съ себя печать отверженности и заставила признать свое человѣческое достоинство. Въ исторіи раскола мы видимъ множество женщинъ, замѣчательныхъ своею дѣятельностію и тою силою характера, съ какою онѣ дѣйствовали на пользу своей вѣры. Такова была, напримѣръ, пріятельница протопопа Аввакума, богатая, знатная, приближенная ко двору боярыня Морозова. Она всю себя посвятила дѣламъ древняго благочестія, благотворительности, пропагандѣ и обличенію «никоніанъ». Ни застращиванія, ни увѣщанія, ни гоненія, ни конфискація имущества,—ничто не могло совратить ее съ ея пути. Наконецъ ее, вмѣстѣ съ ея сестрою кн. Урусовой, арестовали, заключили въ тюрьму, подвергли пыткамъ,—огнемъ жгли, поднимали на дыбу, били въ пять плетей немилостиво, въ двѣ перемѣны, по хребту и по брюху, морили голодомъ въ земляной тюрьмѣ, гдѣ ихъ съѣдали насѣкомыя и гдѣ онѣ задыхались отъ страшной вони;—объ онѣ умерли скоро въ этомъ заточеніи, не отступивъ ни на іоту отъ тѣхъ убѣжденій, которыя считали истинными. Примѣровъ подобнаго женскаго героизма—сотни.

Женщины, особенно въ Новгородѣ, имѣли даже нѣкоторое посредственное вліяніе и на государственную жизнь, и Иванъ Грозный, покоривъ республику, счелъ нужнымъ привести къ присягѣ не только мужчинъ, но и женщинъ. Изъ Московіи жены нерѣдко имѣли сильное вліяніе на своихъ мужей, напримѣръ, царица Ирина, сестра Бориса Годунова, равно какъ и жена послѣдняго. Царицы, царевны и приближенныя къ нимъ боярыни, по выраженію Кошихина, своимъ вліяніемъ «многихъ людей отъ напрасныхъ и ненапрасныхъ бѣдъ и смертей освобождали, а иныхъ въ честь возвышали и въ богатство приводили». «Это закрытое въ своихъ теремахъ общество, никому невидимое во дворцѣ, становилось по временамъ даже политическою силою, которая своимъ подземнымъ вліяніемъ давала извѣстное направленіе государевымъ поступкамъ и дѣламъ, возводила людей на высоту царскихъ милостей, а, стало быть, и управленія, или низвергала ихъ съ этой высоты, поддерживала падающихъ или помогала ихъ паденію». (Забѣлинъ). Наконецъ, въ самомъ концѣ древней русской исторіи, на сцену является протестующая противъ теремной неволи, очень умная, смѣлая и энергическая дѣвушка, которая отворяетъ настежь двери своего терема, овладѣваетъ верховною властью, свободно обращается въ обществѣ мужчинъ, правитъ государствомъ, даетъ публичныя аудіенціи, сама творитъ судъ и расправу, является, какъ царь, въ публичныхъ процессіяхъ и организуетъ обширный стрѣлецкій заговоръ, чуть-было не остановившій великой петровской реформы. Какъ политическій дѣятель, царевна Софья, при всемъ своемъ умѣ, при всей своей энергіи, не имѣетъ большой цѣны: она стояла за сохраненіе московско-византійскаго порядка, въ то время, когда сближеніе съ Европой сдѣлалось для Россіи самою настоятельною необходимостью; но какъ женщина, которая первая открыто и смѣло отвергла удаленность женщины отъ общества и ея теремную неволю, Софья служитъ замѣчательнымъ историческимъ явленіемъ. Разрушивъ теремъ, Петръ сдѣлалъ для всѣхъ вообще женщинъ то же самое, что Софья сдѣлала лично для себя. Софья указываетъ собою на то, до какой глубины нравственнаго паденія и до какой жестокочувственной необузданности дошли бы русскія женщины, если бы петровская реформа не ускорила ихъ освобожденія, и, освободивъ ихъ изъ чисто-азіатской неволи, не дала имъ по крайней мѣрѣ той свободы, какою пользовалась тогда европейская женщина.

VII.

Къ концу XVII вѣка старый патріархальный бытъ расшатался до того, что даже лучшіе изъ его охранителей начали сознавать необходимость перемѣнъ и новыхъ порядковъ. Осторожно и мало-по-малу стали совершать передѣлки въ древнерусской жизни на европейскій образецъ. Во главѣ этого движенія всѣхъ рѣзче и послѣдовательнѣе выступилъ Петръ, обставленный всѣми ужасами террора. Старый порядокъ былъ потрясенъ во многихъ своихъ основахъ. Реформа подорвала значеніе родового принципа, царившаго надъ всей древнерусской жизнью, и дала сильный толчокъ тому постепенному разложенію архаическаго семейства, какое мы видимъ въ исторіи всѣхъ цивилизованныхъ народовъ *).

*) Объ этомъ разложеніи см. выше, въ книгѣ «Историческія судьбы женщины».

Въ государственной жизни, выражаясь словами кн. Щербатова, «стали уже не роды почтенны, а чины, заслуги и выслуги»; на передній планъ былъ выдвинутъ принципъ личнаго достоинства, и личность во многихъ отношеніяхъ сдѣлалась независимою отъ семьи и рода. Реформа разрушила теремъ—эту темницу, построенную родовымъ началомъ и патріархальнымъ деспотизмомъ для женщины, и сдѣлала послѣднюю членомъ общества. Это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ дѣлѣ освобожденія русской женщины. Вышедши на свободу изъ терема, она сравнялась съ европеянкой и получила возможность вмѣстѣ съ нею дѣйствовать въ пользу дальнѣйшей своей независимости.

Профессоръ Соловьевъ говоритъ, что «семейная реформа Петрова, освобожденіе женщины изъ терема, совершилась скоро и безпрепятственно: доказательство, что теремное заключеніе женщины коренилось не въ умоначертаніи нашихъ предковъ, не въ какихъ-нибудь религіозныхъ воззрѣніяхъ, занесенныхъ изъ Византіи, а въ извѣстныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: грубость нравовъ дѣлала невозможнымъ пребываніе женщины въ мужскомъ обществѣ... Ни одинъ современный писатель не говоритъ, что семейныя реформы Петра встрѣтили сопротивленіе со стороны какихъ-нибудь византійскихъ вліяній: гдѣ же основаніе предполагать эти вліянія?» (т. XX, стр. 273).

Это не вѣрно.

Во-первыхъ, семейная реформа Петра совершилась скоро только въ высшихъ слояхъ столичнаго общества, въ которыхъ женщина давно уже старалась вырваться изъ терема. Петръ сразу удовлетворилъ этимъ стремленіямъ, которыя и безъ его крутого переворота все-таки достигли бы своей цѣли, хотя и не такъ скоро. Въ среднихъ классахъ и въ провинціяхъ теремное заключеніе и отчужденіе женщины отъ общества не совсѣмъ еще пали даже въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Аббатъ Шапъ говоритъ, что даже во время его путешествія въ Россіи почти вовсе не было общества въ европейскомъ значеніи этого слова. «Такъ какъ мужчины мало уважаютъ женщинъ, то онѣ не играютъ въ обществѣ никакой роли, а какое общество можетъ образоваться безъ нихъ? Онѣ почти постоянно живутъ взаперти, внутри своихъ домовъ; онѣ тамъ проводятъ дни свои въ скукѣ, окруженныя своими рабынями, безъ власти и безъ занятія: онѣ даже не наслаждаются удовольствіемъ чтенія, ибо большинство изъ нихъ не умѣетъ читать... Губернаторы и главные чиновники даютъ по нѣсколькуразъ въ годъ большіе обѣды. Родственники точно также собираются отъ времени до времени для того, чтобы праздновать именины, но они рѣдко допускаютъ на эти празднества людей постороннихъ. На большіе обѣды приглашаютъ и мужчинъ, и женщинъ, но ихъ не сажаютъ за одинъ столъ, даже въ одной комнатѣ. Хозяйка дома является въ комнату мужчинъ лишь въ ту минуту, когда они собираются садиться за столъ, и несетъ большой подносъ съ рюмками водки, которую она подаетъ всѣмъ гостямъ съ крайнимъ смиреніемъ, и затѣмъ удаляется». «Злоупотребляя болѣе чѣмъ гдѣ-либо правомъ сильнаго, мужчины установили самые несправедливые законы, противъ которыхъ до сихъ поръ ничего не могутъ сдѣлать женская красота и женская нѣжность. Женщинъ обыкновенно нельзя иначе видѣть, какъ въ присутствіи ихъ мужей, и если вы съ ними внимательны и любезны, то подвергаетесь опасности больше уже не видать ихъ». Въ захолустьяхъ купечество, духовенство, мелкое чиновничество до сихъ поръ держится подобныхъ домостройныхъ обычаевъ, и петровская реформа женскаго быта, еще и въ наши дни, совершилась не во всѣхъ слояхъ народонаселенія.

Во-вторыхъ, эта реформа произошла далеко не безпрепятственно, какъ утверждаетъ это многоученый историкъ. Она вызвала борьбу съ традиціями старыхъ порядковъ, которая продолжалась не только при Петрѣ, но и долго послѣ него. Всѣ люди стариннаго завѣта, всѣ отцы и мужья, воспитанные по правиламъ Домостроя, всѣ сословія, которыхъ вовсе не касалось или же касалось мало просвѣтительное вліяніе Европы, въ особенности духовенство и купечество,—всѣ они были крайне недовольны тою свободою и тѣмъ участіемъ въ общественной жизни, какія предоставила женщинѣ петровская реформа. Правда, семейная реформа еще при жизни Петра пустила самые прочные корни въ русскую почву, а провозглашенный ею принципъ женской свободы постепенно развивался и осуществлялся въ послѣдующее время, особенно въ царствованіе четырехъ императрицъ; но этому постепенному улучшенію женскаго быта всегда противодѣйствовали тѣ начала, которыя въ XVI и XVII столѣтіяхъ довели русскую женщину до такого безгласнаго и жалкаго положенія. Останавливаясь во время такихъ реакціонныхъ періодовъ, какъ, напримѣръ, царствованіе Павла, дѣло улучшенія женской судьбы шло, однакожъ, впередъ вплоть до начала новой эпохи въ исторіи женщины—до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, когда, подъ вліяніемъ европейской мысли, у насъ блеснула яркимъ свѣтомъ великая идея женской свободы и равноправности.

Петръ не только освободилъ женщину изъ терема, не только ввелъ ее въ общественную жизнь, но и положилъ начало улучшенію ея семейнаго быта,—улучшенію, которое послѣ него совершалось постепенно, не столько, впрочемъ, путемъ законодательнымъ, сколько, помимо закона, путемъ житейской практики. Еще до Петра патріархъ Адріанъ сѣтовалъ на то, что браки заключаются безъ взаимнаго согласія жениха и невѣсты, отчего «житіе ихъ бываетъ бѣдно, другъ другу напѣтно и дѣтей безприжитно». Петръ старался искоренить тотъ патріархальный обычай, въ силу котораго бракъ заключался не вступающими въ него лицами, а ихъ родителями. Въ 1702 г. онъ уничтожилъ и рядную запись, стѣснявшую еще до свадьбы свободу жениха и невѣсты, постановивъ, что «буде кто дочь или сестру или какую свойственницу, или дѣвица сама или вдова сговоритъ замужъ за кого, а послѣ сговору

и обрученья женихъ невѣсты взять не похочетъ или невѣста за жениха замужъ идти не похочетъ, и въ томъ быть свободѣ». Подъ вліяніемъ этой прогрессивной реформы, русскія дѣвушки скоро завоевали себѣ несравненно большую свободу въ выборѣ женіховъ, чѣмъ какою онѣ пользовались прежде. Энергія ихъ сопротивленія родительскому произволу усилилась до того, что многіе родители перестали уже дѣйствовать принудительнымъ образомъ, а только ограничивались своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Наталья Долгорукая, напр., разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ ее, влюбленную въ другого, всѣ родственники хотѣли выдать замужъ за одного очень выгоднаго жениха, какъ она не согласилась «съ такимъ безсовѣстнымъ совѣтомъ» и, не смотря на всѣ препятствія, все-таки соединилась съ своимъ несчастнымъ возлюбленнымъ. Это стремленіе женщины къ свободѣ выбора себѣ мужа, стѣсняемое родительскимъ произволомъ, чаще и чаще начало находить себѣ исходъ въ бѣгствѣ дѣвушки изъ отцовскаго дома съ любимымъ человѣкомъ. Участь этихъ бѣглыхъ любовниковъ, часто преслѣдуемыхъ закономъ и родительскою властью, всегда находила себѣ сочувствіе не только въ женщинахъ, но и во многихъ мужчинахъ; нѣкоторые даже спеціально посвящали себя участію въ подобныхъ исторіяхъ,—помогали женамъ освобождаться отъ гнета мужей, дѣвушкамъ отъ произвола отцовъ, мирили бѣглую невѣсту съ ея родителями и т. д. (Зап. Хвостовой, 21). Случалось даже, что невѣста, выбравъ себѣ жениха, силою женила его на себѣ. Въ мемуарахъ Маркова разсказывается объ одной помѣщицѣ, жившей при Екатеринѣ. Ей было лѣтъ тридцать, когда въ сосѣднее имѣніе пріѣхалъ и познакомился съ нею двадцатилѣтній офицерикъ, сынъ богатаго и извѣстнаго генерала. Въ одинъ изъ его визитовъ къ этой помѣщицѣ, послѣ обѣда, хозяйка пригласила его прогуляться. Зашли между прочимъ и въ церковь, гдѣ застали священника предъ налоемъ съ крестомъ и евангеліемъ. На вопросъ гостя что это значитъ, хозяйка отвѣчала, что это значитъ, что они должны сейчасъ же вѣнчаться. Молодой человѣкъ и руками, и ногами сталъ было отбиваться отъ такого неожиданнаго предложенія, но невѣста указала ему на стоявшихъ сзади своихъ людей, вооруженныхъ плетьми, предлагая ему на выборъ или повѣнчаться, или быть высѣченнымъ. Нечего дѣлать, повѣнчались!...

Въ разсматриваемую эпоху строгіе законы о бракѣ попрежнему удерживались законодательствомъ, но жизненная практика имѣла возможность, обходя эти законы, дѣйствовать по своему. При помощи сильной протекціи и взятокъ заключеніе маргинатическихъ браковъ было дѣломъ очень легкимъ, особенно для людей высшаго класса. Даже петербургскіе архіереи рублей за 50 давали разрѣшеніе на такіе браки (XVIII вѣкъ, II, 547). Особенно во второй половинѣ XVIII вѣка, по словамъ Болотова, «недозволенныя женитьбы какъ на близкихъ родственницахъ, такъ и отъ живыхъ мужей и женъ, сдѣлались весьма обыкновенными и умножились такъ, что и слышать о томъ было дурно». Правительство вплоть до Павла относилось къ подобнымъ бракамъ очень легко. Когда, напр., Екатеринѣ «жаловались на уволь дочерей, то она приказывала подъ рукою освѣдомляться. Если открывалось, что дѣвушка по согласію своему давала увозить себя и обольщать молодымъ людямъ, то она, не подвергая огласительному стыду и строгости законовъ, матерински всегда умѣла обиды и раздоры прекращать семейнымъ миролюбіемъ» (Державн.) Нечего объяснять читателю, какъ много значили для женщины эти вольности, утверждавшіяся въ жизни, благодаря ея стремленіямъ къ свободѣ чувства. Такіе свободные браки были въ XVIII в. до того обыкновеннымъ явленіемъ, что въ царствованіе Павла даже нѣкоторые представители духовной власти старались защитить ихъ отъ тѣхъ репрессивныхъ мѣръ, которыя были приняты противъ нихъ администраціей. Покоряясь вліянію правительства и высшаго общества, духовная власть не только терпѣла упомянутыя нарушенія брачныхъ законовъ и обычаевъ, считавшихся священными, но даже сама отмѣняла нѣкоторыя ограниченія, стѣснявшія свободу брачныхъ отношеній. Такъ, напр., бракъ съ иновѣрцемъ или съ иновѣркой не дозволялся въ древней Руси, считаясь грѣхомъ, преступленіемъ, профанаціей таинства. Этотъ предразсудокъ былъ силенъ до такой степени, что при Петрѣ сначала русскія женщины съ своими родителями даже и слышать не хотѣли о бракахъ съ погаными нѣмцами; нѣкоторыя изъ нихъ, пренебрегшія этимъ предразсудкомъ, были разлучены съ своими мужьями и выданы за православныхъ. По волѣ Петра, синодъ въ 1721 году объявилъ браки съ иновѣрцами не только законными и дозволенными, но и похвальными, если они клонятся ко благу государства; мужья, впрочемъ, были обязаны не обращать женъ въ свою вѣру, а дѣтей воспитывать въ православіи. Сближеніе съ иностранцами посредствомъ браковъ приняло обширные размѣры и имѣло немаловажное цивилизующее вліяніе на русскихъ женщинъ.

Нѣкоторая свобода, дозволяемая въ дѣлѣ заключенія брака, допускалась въ такой же сильной степени и въ дѣлѣ его расторженія. Еще при Петрѣ правительство начало не только допускать разводы, но даже иногда содѣйствовать имъ. Когда Ягужинскій, страдавшій отъ капризовъ своей ипохондрической жены, не рѣшался развестись съ нею, считая это дѣло противнымъ совѣсти и религіи, то Петръ, разсказываетъ Бассевичъ, началъ убѣждать его, что «Богъ установилъ бракъ для облегченія человѣка въ горестяхъ и превратностяхъ жизни,—что дурное супружество прямо противно волѣ Божіей, и потому столько же справедливо, сколько и полезно расторгнуть его; продолжать же его крайне опасно для спасенія души». Ягужинскій убѣдился и Петръ далъ ему разводъ. Разведенную жену Ягужинскаго, какъ и первую жену Петра, по древнерусскому обычаю, постригли; но этотъ обычай въ преобразованной Россіи держался недолго, и разошедшіеся супруги вступали обыкновенно въ

новый бракъ. Щербатовъ говоритъ, что свободно разрѣшаемые разводы начали умножаться съ царствованія Елисаветы, когда жена Ивана Бутурлина «слюбилась съ Ушаковымъ и, отошедъ отъ мужа, вышла за своего любовника, а мужъ ея женился на Маврѣ Аѳанасьевнѣ и, публично содѣявъ любодѣйственный и противный церкви сей бракъ, жили». Въ то же время графиня Апраксина отошла отъ мужа, «который подлинно былъ человѣкъ безпорядочной жизни. Разводъ сей не церковнымъ, но гражданскимъ порядкомъ былъ обсужденъ. Мужъ ея, якобы за намѣреніе учинить ей какую то обиду, былъ посаженъ подъ стражу и долго содержался, и наконецъ велѣно было ей дать указную часть изъ мужниного имѣнія при живомъ мужѣ». При Екатеринѣ, по словамъ Щербатова, такіе разводы, въ однѣхъ столицахъ только, можно уже было считать сотнями. Эти разводы происходили не только по суду, но и по одному взаимному и ничѣмъ неоформленному согласію супруговъ. Мужья бросали женъ, жены оставляли мужей, влюбленные силою отнимали у мужей ихъ женъ. Вигель разсказываетъ, напр., какъ одинъ полковникъ, квартировавшій съ своимъ полкомъ въ Пензѣ, слюбился съ женой какого-то помѣщика. Для любовниковъ настала минута разлуки. При концѣ прощальнаго обѣда, который былъ данъ полковнику помѣщикомъ и на которомъ присутствовалъ почти весь городъ, хозяйка, заливаясь слезами, объявила, что не имѣетъ силы разстаться съ полковникомъ и послѣдуетъ за нимъ всюду. Гости ошеломлены; хозяинъ совершенно растерялся и, повалясь въ ноги своей женѣ, умолялъ ее не покидать его и дѣтей. Между тѣмъ солдаты уже выносили изъ дому тюки и чемоданы съ ея вещами. Мужъ велѣлъ было остановить солдатъ, но полковникъ указалъ ему на стоявшій вблизи вооруженный эскадронъ, готовый по первому его знаку окружить домъ и сдѣлать невозможнымъ всякое сопротивленіе. Черезъ двадцать лѣтъ, эта женщина, брошенная полковникомъ, явилась къ своему мужу, и они снова зажили душа въ душу. Супруги, разошедшіеся безъ всякихъ юридическихъ формальностей, часто вступали формально въ новый бракъ; двуженство и двумужество были явленіями далеко нерѣдкими (Р. Арх. 1867, 1362; Р. Стар. 1871, 40 и др.). Часто случалось даже, что у одного мужчины было нѣсколько законныхъ женъ, и ни съ одною изъ нихъ онъ не имѣлъ формальнаго развода. Вигель, напр., разсказывая о своемъ дядѣ, говоритъ, что «честность его правилъ была видна даже среди волненій его страстей. Слово «наложница» пугало его добродѣтель, и всякій разъ онъ, влюбляясь въ какую-нибудь простую дѣвку (самая знатная изъ нихъ была кистерская дочь), спѣшилъ соединиться съ нею законными узами. Онъ былъ многоженецъ; я узналъ это послѣ смерти его, когда явилась ко мнѣ одна изъ его вдовъ, прося о помощи; потомъ пришла другая, наконецъ, третья; испугавшись многочисленности тетокъ, я не велѣлъ ни одной пускать. Говорятъ, ихъ было до восьми!..»

Легкость развода существовала однакожъ только въ самой жизни, а не въ законѣ, который въ этомъ отношеніи измѣнился очень мало сравнительно съ допетровскою эпохою. Законы Петра и всѣхъ его преемниковъ сдѣлали только одно существенное нововведеніе, предоставивъ супругамъ лицъ, сосланныхъ на каторгу и на поселеніе, продолжать брачное сожительство съ ними или же расторгать его и вступать въ новый бракъ.

Со временъ Петра маргинатическія связи сдѣлались у насъ явленіемъ обыкновеннымъ и совершенно терпимымъ. Дѣтей, рожденныхъ въ полуоткрытомъ союзѣ, родители всегда могли узаконить, вступивъ въ бракъ, при совершеніи котораго эти дѣти присутствовали въ церкви и назывались привѣнчанными. Такъ, наприм., были привѣнчаны дочери Петра, Анна и Елисавета, при его бракосочетаніи съ Екатериною (XVIII вѣкъ, III, 8). Но и безъ этого привѣнчиванія внѣбрачныя дѣти сплошь и рядомъ избавлялись отъ того безправія и униженія, на которыя ихъ осуждали старое законодательство и патріархальное міросозерцаніе большинства. Вотъ что говоритъ объ этомъ извѣстный поклонникъ старины, кн. Щербатовъ. «Еще Петръ Великій, видя, что законъ нашъ запрещаетъ кн. Никитѣ Репнину вступить въ четвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метрессу, а дѣтей его, подъ именемъ Репниныхъ, благородными призналъ. Также кн. Ив. Трубецкой имѣлъ любовницу и отъ нея сына, котораго именовали Бецкимъ, и сей еще при Петрѣ Великомъ почтенъ былъ благороднымъ. При Елисаветѣ незаконный сынъ кн. Долгорукова наравнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Татищевъ, не скрывая, холопку свою, отнятую у мужа жену, въ метрессахъ содержалъ, и дѣти его дворянство получили. А сему подражая, нынѣ толико сихъ в...ковъ дворянъ умножилось, что повсюду толпами ихъ видно: Лицины, Рящовы и проч., которые или дворянство получаютъ, либо до знатныхъ чиновъ доходятъ, что, кажется, хотятъ истребить честь законнаго рожденія, и, незакрыто содержа метрессъ, насмѣхаются и святости закона, и моральнымъ правиламъ благопристойности»...

Вольность нравовъ, господствовавшая въ эту эпоху, и гуманизирующее вліяніе Европы много содѣйствовали смягченію жестокостей, съ которыми до тѣхъ поръ преслѣдовались специфическіе проступки и преступленія женщины, порождаемыя ея рабскимъ положеніемъ. Тотъ же Щербатовъ, который съ такою яростью нападалъ на «поврежденіе нравовъ», писалъ объ отмѣнѣ смертной казни дѣтоубійцъ, у которыхъ «стыдъ и страхъ превозмогаютъ и материнскую любовь, и человѣчество», требовалъ для нихъ «пощады» и христіанскаго милосердія. Особенностью гуманностью снисхождені емъ къ женщинамъ отличалась Екатерина II, какъ можетъ показать это слѣдующій случай. Одинъ юноша любилъ взаимно молодую дѣвушку, отецъ которой никакъ не соглашался отдать ее за этого бѣднаго и незнатнаго жениха. Любовникамъ пришлось разстаться. Во время ихъ послѣдняго свиданія, огсутствовавшій отецъ дѣвушки вернулся домой;

она, съ помощью горничной, спрятала жениха подъ перину; онъ задохся. Дѣвушка со своей горничной обратилась за помощью къ батраку, который унесъ и скрылъ трупъ. Въ награду за это и въ обезпеченіе сохраненія тайны, батракъ потребовалъ любви барышни, и несчастная была вынуждена отдаться негодяю. У нихъ родился ребенокъ; батракъ утопилъ его. Обобравъ догола свою невольную любовницу, онъ заставилъ ее обворовывать отца. Разъ въ кабакѣ, передъ пьяными собутыльниками, онъ началъ хвастать своею связью съ барышней; ему не повѣрили; онъ послалъ ей приказаніе явиться въ кабакъ. Она пришла; брань, издѣвательства, насмѣшки пьяныхъ мужиковъ чуть не свели ее съ ума; выйдя изъ кабака, она обложила его соломою и сожгла его со всѣми свидѣтелями своего униженія. Возвратившись домой, она созналась въ невольномъ убійствѣ любовника, въ связи съ батракомъ, въ попущеніи дѣтоубійства и въ поджогѣ, причиненіемъ смерти нѣсколькимъ человѣкамъ. За все это Екатерина отдала ее только на церковное покаяніе.

Подобная гуманность къ женщинѣ, немыслимая въ древней Россіи, была прежде всего обязана своимъ развитіемъ гуманитарному вліянію европейской цивилизаціи; но не менѣе важную роль въ этомъ играло и постепенное паденіе патріархальныхъ обычаевъ, постепенное поврежденіе патріархальныхъ правовъ и водвореніе той половой свободы, которою такъ славился нашъ XVIII вѣкъ. Эта свобода, доходившая сплошь и рядомъ до крайняго безобразія, была прямымъ результатомъ того домостройнаго рабства, которое порождало такой развратъ въ допетровской Руси. Вырвавшись при помощи Петра на свободу изъ своихъ теремовъ, русскія женщины, развращенныя своимъ прежнимъ рабствомъ, на первый разъ не знали точной границы между свободой чувства и своей общественной независимостью и открытымъ циническимъ развратомъ. Это была естественная реакція женской страсти и женскаго протеста противъ вѣкового угнетенія. Не петровская эмансипація, а древнерусское рабство было главною причиною распущенности XVIII вѣка. Это понимали даже и тогдашніе наблюдатели русской жизни, напр., аббатъ Шапъ, который доказываетъ, что «испорченность женскаго пола въ Россіи есть слѣдствіе тиранства мужчинъ», и что если отъ петровской реформы «нравы немного выиграли, то единственно оттого, что они были слишкомъ испорчены до этой перемѣны». Развитію половой свободы много содѣйствовало также и сближеніе съ Европой, въ которой нравы были тогда крайне фривольными. Превратившись изъ тяжелой боярыни въ великосвѣтскую даму, познакомившись съ европейскими модами и кокетствомъ, предавшись безпутной роскоши и свѣтскимъ удовольствіямъ, изучивъ сладостное искусство волокитства, русская женщина высшаго круга измѣнила и самый характеръ любви, которая приняла европейскія формы ухаживанья и перестала уже ограничиваться исключительно чувственными актами. «Страсть любовная,—говоритъ Щербатовъ,—до Петра I почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать. Жены, до того не чувствовавшія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями, распростерли роскошь въ украшеніяхъ». Но, не смотря на это, не смотря даже на то, что нѣкоторые уже знали любовь, основанную «не на одной только разности половъ»,—какъ выражается Фонвизинъ,—характеръ любви вплоть до начала XIX вѣка оставался грубо-чувственнымъ. О большинствѣ русскихъ женщинъ прошлаго вѣка Шапъ справедливо замѣчаетъ, что «онѣ не знаютъ другихъ удовольствій, кромѣ чувственныхъ, и часто предаются своимъ рабамъ, которые, разумѣется, не свячуи; крѣпкое тѣлосложеніе и здоровье руководятъ ихъ выборомъ». Тогдашняя поэзія никогда не поднималась выше чувственнаго представленія любви, которое недурно характеризуется въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ одной эротической оды:

О, ты, что чувства насъ плѣняешь,
Томишь и услаждаешь кровь,
Пріятну страсть въ сердца вливаешь,
О, ты, божественна любовь!...

Соблазнительныя книги и похабные рисунки доставляли одно изъ любимѣйшихъ удовольствій для обоихъ половъ. У знаменитѣйшей барыни того вѣка соблазнительныя изображенія занимали собою стѣны цѣлой комнаты съ потолка до полу. Французскій дворъ Людовика, съ его куртизанками, оленьими парками и ничѣмъ не стѣснявшимся публичнымъ и частнымъ развратомъ, дававшій тонъ всей тогдашней Европѣ, былъ образцомъ грубаго подражанія и для насъ. Развратъ вошелъ въ обычай, въ моду и считался признакомъ образованности. Многіе тогда не женились только потому, что c'est du bon ton быть холостымъ. Замужнія женщины считали какъ бы своею обязанностію открыто измѣнять мужьямъ и, по тогдашнему общеупотребительному выраженію, *махаться* съ другими. Въ одномъ изъ тогдашнихъ сатирическихъ журналовъ одна дама жалуется на чудачество своего мужа, который не слушаетъ ея резоновъ относительно того, что «въ хорошихъ сосіететахъ за порокъ не почитаютъ *махать* отъ скучныхъ мужей и что, напротивъ, такихъ женщинъ вездѣ хорошо принимаютъ, а ежели бы маханье было порокъ, то бы всеконечно ихъ въ хорошихъ домахъ не ласкали». Въ высшихъ сферахъ барыни не жили безъ любовниковъ, мѣняя ихъ чуть не каждый день. Торжествомъ моды было, если мужъ и жена жили на двухъ отдѣльныхъ половинахъ и имѣли особыхъ знакомыхъ, если мужъ содержалъ метрессу, а жена была окружена росмъ обожателей. Мужчины были развращены еще болѣе женщинъ. Петръ со своими спутниками и въ Германіи, и въ Парижѣ велъ себя такъ, что иностранцы рты разѣвали отъ удивленія. Въ Россіи, какъ самъ великій преобразователь, такъ и всѣ прелцы его, были еще менѣе воздержны, чѣмъ за границей. Эта реакція противъ допетровскаго гнета еще болѣе усилилась впослѣдствіи. Во второй половинѣ XVIII вѣка содержаніе любовницъ и великолѣпная

обстановка ихъ сдѣлались модой великосвѣтской жизни и необходимымъ тономъ аристократической роскоши. Лучшіе люди Россіи погрязали въ порокѣ и часто погибали отъ него, подобно величайшему изъ дѣятелей того вѣка... Такъ, напр., извѣстный Шуваловъ, по выраженію князя Щербатова, «во удовольствіе своего любострастія всегда имѣлъ многихъ метрессъ, которымъ не жалѣя деньги сыпалъ, а дабы и тѣло его могло согласоваться съ такою роскошью, принималъ ежедневно лѣкарства, которыя и смерть ему приключили». Многіе баре жили этою жизнію до глубокой старости. Ихъ жизнь была безпрерывнымъ рядомъ волокитствъ, ухаживаній и оргій. «Примѣры таковые не могли не разлиться на весь народъ, и повсюду роскошь и сластолюбіе умножались», замѣчаетъ Щербатовъ. Въ общественныхъ слояхъ, не принадлежавшихъ къ высшей аристократіи, нравы также потеряли свою прежнюю лицемѣрную строгость. Возьмите любые мемуары XVIII вѣка, и на первыхъ же страницахъ вы прочтете, какъ молодой человѣкъ, развращенный уже съ молодыхъ лѣтъ своими воспитателями, пріятелями, соблазнительными книгами и эстампами, «узнавъ въ теоріи все, что ему знать еще было рано, начиналъ искать случая теоретическія свои занятія привесть въ практику», и, нашедши подходящую женщину, просвѣтивъ ее въ теоріи, начиналъ «преподавать ей и физическіе эксперименты» (Фонвизинъ, стр. 491). Волокитство сдѣлалось главнымъ занятіемъ русской молодежи, жившей на счетъ крѣпостного права. Въ XVIII в., говоритъ одинъ современникъ,—«молодой человѣкъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно или и вовсе не былъ принимаемъ въ обществѣ своихъ товарищей и долженъ былъ ограничиваться знакомствомъ съ одними пожилыми людьми, да и тѣ, бывало, суются туда же. Кто не развращенъ былъ на дѣлѣ, — хвасталъ развратомъ и наклеивалъ на себя такіе грѣхи, какимъ никогда и причастенъ быть не могъ». Русскій джентльменъ тѣхъ временъ гордился, какъ доблестями, своими развратными подвигами,—тѣмъ, что—

Въ задорной юности своей
Онъ былъ жрецомъ всѣхъ граній,
Рогами украшалъ мужей
И бралъ ихъ женъ всѣхъ націй,—

не пропускалъ ни одной смазливенькой бабенки, чтобы не полюбиться съ нею. Женщины среднихъ классовъ сплошь и рядомъ вольничали такъ же открыто, какъ и великосвѣтскія мессалины. Главными центрами разврата были столицы; но и въ провинціяхъ дѣла шли немногимъ лучше, напр., въ Сибири. Шанпъ говоритъ о сильной развращенности тобольскаго края. Палласъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что онъ, кромѣ Томска, «ни единаго мѣста не видывалъ, въ которомъ были бы въ такой степени распространены развратъ и французская болѣзнь; на нихъ жалуются и во всѣхъ другихъ сибирскихъ городахъ, и вмѣстѣ съ пьянствомъ онѣ служатъ ужаснымъ бѣдствіемъ для народонаселенія этой страны». Одинъ офицеръ XVIII в., жившій на сибирской линіи, говоритъ въ своихъ мемуарахъ (Домовая лѣтопись Андреева, рукоп. 1789—1800 г.), что онъ «жены своей никуда не отпускалъ въ гости, ибо всѣ офицерскія жены распутныя, о которыхъ уже я, будучи холостымъ, довольно по обращенію наѣдался». В. Головнинъ свидѣтельствуетъ, что во всей Камчаткѣ нѣтъ ни одной Лукреціи; «дѣвки здѣсь по большей части ведутъ распутную жизнь; но еще въ вящшее преступленіе приводитъ ихъ стыдъ, заставляющій истреблять младенцевъ, незаконно ими рожденныхъ». Развратъ въ Сибири обусловливается, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что женщины тамъ были рѣдки; эта рѣдкость женщинъ доводила мужчинъ до такихъ неистовыхъ насилій, какія могли быть терпимы только въ такомъ темномъ углу, какъ Сибирь. Развратъ, такимъ образомъ, былъ всеобщій. Дома терпимости, которые до Петра существовали въ тайнѣ, теперь начали явно расти, какъ грибы послѣ дождя. Постоянныя арміи и крѣпостное право развращали страну, а войны, деспотизмъ, всевозможныя злоупотребленія разоряли ее, и вопіющая бѣдность заставляла женщинъ торговать своимъ тѣломъ. Впрочемъ, порокомъ торговали не одни только низшіе классы. Аристократическій фаворъ, доставлявшій чины, должности и громадныя состоянія, былъ той же проституціей. Женщины среднихъ классовъ сплошь и рядомъ проститутничали на особый манеръ, давая взятки своимъ тѣломъ. Это было явленіемъ до того обыкновеннымъ, что къ нему относились совершенно равнодушно даже такіе люди, какъ Радищевъ и Ѳ. В. Ушаковъ. Въ біографіи послѣдняго Радищевъ разсказываетъ, что у него «въ числѣ множественныхъ просителей бывали иногда женщины,—женщины молодыя, которыя въ жару доводовъ о справедливой или неправильной ихъ просьбѣ, забывали иногда, чѣмъ были должны цѣломудрію, а иныя, помня лѣта того, къ кому шли на прошеніе, умышленно употребляли чары красоты своей на погубленіе Ѳедора Васильевича. Однажды, напр., проснувшись утромъ, Ушаковъ увидѣлъ отроковицу, сидящую у одра его и тщательно отгоняющую крылатыхъ насѣкомыхъ съ лица его, которая устремляла на него взоры пламеннаго желанія съ улыбкою страсти. Просительница жила въ разводѣ со старымъ мужемъ, имѣла нужду въ предстательствѣ Ѳедора Васильевича, провидѣла его горячее тѣлосложеніе, пришла на уловленіе его и успѣла».

Легкость общественныхъ нравовъ давала тонъ и направленіе всей общественной жизни. Волокитство, семейныя ссоры изъ-за супружеской неизвѣрности, бѣгство женъ съ любовниками, увозъ дѣвушекъ, скандалы, порожденные ревностью,—все это сдѣлалось однимъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ, занимавшихъ общественное мнѣніе и дававшихъ нескончаемую работу языкамъ сплетниковъ. Любовныя связи въ высшихъ сферахъ должны были интересовать всѣхъ тѣмъ болѣе, что отъ нихъ часто зависѣлъ ходъ государственныхъ дѣлъ. Борьба за фаворъ была такъ упорна и такъ сложна, что ее можно было съ перваго взгляда принять за борьбу политическихъ партій. Старый

фаворитъ со своими сторонниками не останавливался ни передъ какими средствами, чтобы оградить себя отъ соперника: онъ клеветалъ, доносилъ на него, старался упечь его въ ссылку и т. д. Такъ, когда при дворѣ Елисаветы появился красивый юноша Бекетовъ и обратилъ на себя вниманіе, то Шуваловы прежде всего постарались удалить его посредствомъ сплетней, перетолковывая самымъ неблаговидным образомъ его дружбу съ молодыми пѣвчими. Когда это не удалось, то Петръ Шуваловъ вкрался въ довѣренность Бекетова, льстилъ его красотѣ и для сохраненія ея рекомендовалъ какую-то личную помаду, отъ которой вся физіономія юноши покрылась прыщами; этимъ воспользовались, какъ доказательствомъ того, что Бекетовъ зараженъ секретною болѣзнію, и онъ былъ удаленъ. На подобныя интриги вельможи XVIII вѣка тратили значительную часть времени. Общественныя собранія и увеселенія носили тотъ же грубо-фривольный характеръ. Хотя Петръ, устрояя ассамблеи и пріучая своихъ полудикарей къ европейской общественности, долго училъ ихъ «како комплименты разговаривати» и какъ приличнѣе вести себя даже дома, напр., «не разувся съ сапогами и башмаками не ложиться на постели», — но и самъ учитель и его ученики вовсе не слѣдовали этимъ правиламъ, отличаясь иногда едва теперь уже понятнымъ для насъ цинизмомъ. На ассамблеяхъ пьянствовали и мужчины, и женщины, а волокитство напоминало собою ѳеинскія оргіи. Неприличные разговоры сплошь и рядомъ доходили до безобразія. Прочтите переписку Петра съ Екатериной, и вы изумитесь тѣмъ сальнымъ шуткамъ, тѣмъ крайне циническимъ выходкамъ, которыми услаждали другъ друга эти супруги. Вотъ что, напр., писалъ Петръ женѣ изъ Спа, въ 1717 г.: «Понеже во время питія водъ домашней забавы дохтуры употреблять запрещаютъ, того ради я метрессу свою отпустилъ къ вамъ, ибо не могъ бы удержаться, ежели бъ при мнѣ была». Екатерина отвѣчала ему: «Что вы изволили писать, что вы матрессишку свою отпустили сюда для своего воздержанія, и тому я вѣрю, однакожъ больше мню, что вы оную изволили отпустить за ея болѣзню, въ которой она и нынѣ пребываетъ, и не желала бъ я (отъ чего Боже сохрани!), чтобъ и глаганъ (т.-е. любовникъ) той матрессишки таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала!...» Чтобы охарактеризовать тогдашнія общественныя увеселенія, достаточно припомнить, что одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду ихъ занимали шутовскія свадьбы, происхожденіе которыхъ относится, впрочемъ, къ допетровскому періоду. Въ 1715 г. Петръ съ шумными потѣхами женилъ своего семидесятилѣтняго князя-папу Зотова на шестидесятилѣтней старухѣ Пашковой. При пушечной пальбѣ, звукахъ музыки и колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, женихъ и невѣста, оба въ полныхъ кардинальскихъ облаченіяхъ, были обвѣнчаны въ Петропавловскомъ соборѣ девяностолѣтнимъ священникомъ. Толпы народа сопровожали свадебную процессію со смѣхомъ и криками: «патріархъ женился! патріархъ женился! да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!» Когда этотъ «всешутѣйшій патріархъ» отъ пьянства умеръ и на его мѣсто былъ избранъ старикъ Бутурлинъ, Петръ женилъ его на вдовой патріаршей Зотовой, отпраздновавъ ихъ свадьбу съ новыми потѣхами. Брачная комната была ярко освѣщена внутри, а постель обложена хмелемъ и обставлена бочками съ виномъ, пивомъ и водкой. Молодые были невообразимо пьяны. Въ заключеніе потѣхи ихъ оставили однихъ, но въ стѣнахъ сильни были проверчены отверстія, въ которыя желающіе могли свободно смотрѣть.. При Петрѣ эти свадьбы имѣли еще общественный смыслъ, — какъ средство для осмѣянія нелѣпой старины, — но послѣ Петра эти потѣхи приняли характеръ исключительно клубничныхъ увеселеній, раздражавшихъ отупѣвшіе нервы полудикой публики. Однажды, напр., устроили свадьбу шута съ козой. Извѣстная свадьба шута Анны, князя Голицына, съ придворной калмычкой имѣла даже общегосударственный характеръ. Праздновалась она, какъ извѣстно, въ ледяномъ домѣ, и всѣ провинціи обязаны были доставить для этой потѣхи русскихъ и инородческихъ ляпуновъ, верховыхъ лошадей для придворныхъ дамъ, собакъ, пѣтуховъ, козловъ, барановъ и т. д. Придворный піита Тредьяковскій, только что избитый Волынскимъ, читалъ при этомъ торжествѣ пошлые поздравительные стихи новобрачнымъ, и вся потѣха отличалась тою же грубостью, какъ и вирши несчастнаго рифмоплета. Трудно было выдумать что-нибудь грубѣе этихъ забавъ! Другимъ характеристическимъ для того времени увеселеніемъ былъ *маскарадъ - метаморфозъ*, вошедшій въ моду при императрицахъ. Мужчины являлись на этотъ балъ въ женскихъ, а женщины въ мужескихъ костюмахъ, и маскарадъ оканчивался буйными оргіями. Подобные маскарады были въ употребленіи и въ Европѣ, напр., при французскомъ дворѣ, въ періоды его исторіи, отличенные наибольшею легкостью нравовъ; они имѣютъ въ себѣ нѣчто особенно возбудительное, но объ этомъ можно и не распространяться... Литература вполнѣ угождала такому настроенію нравовъ, — прежде всего литература французская. На чердакахъ и въ чуланахъ своихъ домовъ мы до сихъ поръ можемъ находить еще остатки тѣхъ грязныхъ книжонокъ съ соблазнительными картинками, которыми наши дѣдушки и бабушки услаждали свою фривольную фантазію и возбуждали свою ослабѣвшую нервную систему. Русская литература не отставала отъ французской, даже перегоняла послѣднюю, и развращенность XVIII вѣка вполнѣ выразилась въ произведеніяхъ Баркова, даже одинъ заглавія которыхъ невозможны въ печати. Начало XIX вѣка ознаменовано въ литературѣ изданіемъ разной похабщины въ родѣ «Жизни кавалера Фоблаза». Въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ помѣщались такія произведенія, въ которыхъ разсказывались начистоту всѣ подробности любви. Вспомнимъ при этомъ, что большая часть потаенныхъ стихотвореній того времени до сихъ поръ не можетъ быть напечатана въ Россіи по своей похабности.

Распущенность нравовъ, бывшая естественной реакціей рабству и лицемѣрію патріархальнаго быта, доставляла женщинѣ возможность слѣдовать влеченіямъ своего сердца, давала ей свободу чувства, хотя эта свобода, вслѣдствіе тѣхъ способовъ, какими пріобрѣталась она, проявлялась въ какой-то животной разнузданности. Половая свобода много содѣйствовала развитію самостоятельныхъ женскихъ характеровъ, энергія которыхъ естественно устремлялась на улучшеніе и другихъ сторонъ женскаго быта. Реформа Петра укрѣпила и развила имущественныя права женщины, признанныя за нею еще древнерусскимъ законодательствомъ. Жена оставалась попрежнему самостоятельною хозяйкою своего имѣнія и получила право отчуждать его безъ всякаго согласія мужа. При своей имущественной самостоятельности и при смягченіи нравовъ, чаще и чаще стали появляться такіе брачные союзы, въ которыхъ главою дома были не мужья, а ихъ жены. Женщинамъ, особенно при императрицахъ, нерѣдко жаловались земли съ крестьянами и другія подобныя награды (Русс. Стар. 1870, II, 469, 471, 492 и др.), благодаря которымъ онѣ могли жить совершенно независимою жизнію. Экономическая роль помѣщицы благотворно дѣйствовала на развитіе женскаго характера. Управленіе имѣніемъ, хозяйственныя работы, торговля и промышленность—все это создавало такія женскія натуры, которыя ни въ чемъ не уступали мужскимъ. Бывали помѣщицы, которыя наравнѣ съ мужчинами разъѣзжали по торговымъ дѣламъ, участвовали на конскихъ бѣгахъ и на охотахъ, нѣкоторыя даже съ рогатиной въ рукахъ ходили на медвѣдя и т. д. Графиня Блудова разсказываетъ о своей бабкѣ, которая, посредствомъ стражи изъ вооруженныхъ крестьянъ и при помощи двухъ пушекъ, внушала такой страхъ свирѣпствовавшимъ тогда по Волгѣ разбойникамъ, что они долго боялись нападать на ея имѣніе, а когда напали, то она своею неустрашимостью и распорядительностію спасла отъ нихъ и усадьбу, и деревню. Помѣщицы въ родѣ той, о которой разсказываетъ Вигель, были далеко нерѣдки. «Мужъ ея былъ плохой мужичишка, но отличный хозяинъ, котораго она умѣла употребить съ большой пользой, опредѣливъ его приказчикомъ надъ общимъ ихъ имѣніемъ и предоставивъ себѣ главное надъ онымъ распоряженіе. Паче всего любила она упражненія нашего пола: сколько разъ видѣли ее по дорогѣ, стоймя въ телѣгѣ, съ шапкою на бекрень, погоняющую тройку лихихъ коней съ ямскою приговоркой: «съ горки на горку, дастъ баринъ на водку». Къ подобному же типу относилась и та Оленина, которая, по словамъ Мертваго, содержала винный откупъ въ цѣломъ уѣздѣ и «употребляла дочь-дѣвку на дѣла, совсѣмъ для нея неприличныя». Подобныя женщины сплошь и рядомъ принимали участіе въ общественной жизни подъ именемъ своихъ мужей или любовниковъ, управляли городами, губерніями и цѣлыми краями, командовали полками и т. д.; случалось даже, что, за отсутствіемъ своихъ мужей, жены облекались въ ихъ мундиры и командовали войсками. Бывало и то, что женщины правили епархіями... Въ придворныхъ интригахъ, переворотахъ, заговорахъ, которыми такъ богатъ нашъ XVIII в., женщины принимали самое дѣятельное участіе. Великій преобразователь Россіи не находилъ никого болѣе достойнымъ быть преемникомъ ему и продолжателемъ его дѣла, чѣмъ свою дочь, даровитую и образованную Анну Петровну, которой однакожъ не удалось быть императрицей. Со времени Екатерины II, одной изъ самыхъ талантливыхъ и ловкихъ правительницъ XVIII вѣка, русская женщина получила особенное значеніе. Такъ, княгиня Дашкова была назначена президентомъ академіи наукъ и, надо отдать ей справедливость, умнѣе управляла этимъ учрежденіемъ, чѣмъ многіе изъ мужчинъ. Екатерина и Дашкова своею литературною дѣятельностью проложили русской женщинѣ дорогу на поприще литературы. Со времени же Екатерины II женщинѣ была предоставлена новая профессія воспитательницы и преподавательницы въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гувернантки и домашней учительницы. Царствованіе этой императрицы было немаловажнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ уравненія правъ между двумя полами,—уравненія, которому, въ свою очередь, содѣйствовали и три другихъ женскихъ царствованія XVIII вѣка. Въ государствѣ, управляемомъ женщинами, идея женской низкости и подчиненности значительно ослаблялась однимъ уже тѣмъ фактомъ, что судьбы цѣлаго государства находились въ рукахъ женщины. Какъ въ частной, такъ и въ государственной жизни многія женщины равнялись тогда съ мужчинами, и этому равенству вполнѣ соотвѣтствовала тогдашняя женская мода наряжаться въ мужское платье,—мода, которой слѣдовали не одинъ только императрицы, но и многія изъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Однакожъ, не смотря на всѣ благопріятныя условія, созданныя женскими царствованіями XVIII вѣка, значеніе русской женщины далеко не поднялось до той высоты, какой достигли въ это время европейскія женщины, напр., француженки. Причину этого мы видимъ единственно въ неразвитости и невѣжествѣ русской женщины. Кромѣ Екатерины и Дашковой, хорошо образованныхъ женщинъ въ XVIII вѣкѣ почти вовсе не было, какъ не было вовсе и средствъ къ солидному женскому образованію. Большинство женщинъ относилось даже враждебно ко всякому образованію, подобно г-жѣ Чудихиной (въ Екатерининской комедіи: «О, время!»), которая говоритъ: «на что дѣвокъ учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ,—такъ меньше вретъ». Невѣжество женщинъ было такъ велико, что Екатерина I не умѣла ни читать, ни писать; Анна Ивановна была суевѣрна и несвѣдуща никакъ не менѣе какой-нибудь боярыни XVI в., Елисавета была также до крайности суевѣрна; она не знала даже, что Англія—островъ. Она была убѣждена, что мужъ имѣетъ полное право бить свою жену, и когда Сафоновъ, мужъ ея двоюродной сестры, прибилъ свою жену, она наказала его трех-

дневнымъ арестомъ лишь на томъ основаніи, что никто не имѣетъ права бить двоюродную сестру императрицы. Вплоть до Екатерины II женщины высшихъ сферъ не имѣли никакого понятія объ умственныхъ интересахъ, и жизнь ихъ была исполнена грубой патріархальности. Дворъ вдовствующей царицы Прасковьи былъ буквально пріютомъ для всевозможныхъ юродивыхъ, шутовъ и уродовъ (Андреевъ, Представители власти, 63). Анна, сохранявшая въ домашней жизни даже старинный русскій костюмъ, жила, какъ истая боярыня XVI вѣка. По цѣлымъ часамъ просиживала она въ креслѣ, слушая болтовню шутовъ и забавляясь ихъ кривляньемъ. Когда это надоѣдало, она призывала фрейлинъ и говорила имъ: «ну, дѣвки, пойте!» Фрейлины становились въ кружокъ и пѣли до тѣхъ поръ, пока Анна не начинала зѣвать. Тогда входили гвардейскіе солдаты съ женами и плясали русскую. Кн. Дашкова разсказываетъ, что однажды Анна заставила плясать ея мать и другую аристократическую дѣвушку, и когда онѣ оробѣли, то Анна наэлектризовала ихъ пощечинами... По свидѣтельству Державина, каждый разъ, когда Анна слушала обѣдню въ придворной церкви, шуты ея садились въ лукошки въ той комнатѣ, чрезъ которую ей нужно было проходить во внутренніе покои, и кудахтали, подражая наѣздницамъ. Иногда государыня заставляла ихъ становиться гуськомъ, лицомъ къ стѣнѣ, и поочередно толкать другъ друга изо всей силы; шуты входили въ азартъ, дрались, таскали другъ друга за волосы, царапались до крови, а дворъ помиралъ со смѣху. (Шубинскій, 25). Екатерина II говоритъ, что при Елисаветѣ она «была окружена богомольцами и хапжами, и что тогда нужно было быть тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду». (Сборн. Русск. Ист. Общ. I, 282). Жизнь Елисаветы была немногимъ лучше Анниной. Больше всего любила она слушать росказни старухъ и торговокъ, которыхъ нарочно для нея собирали съ площадей. Подъ разсказы и сказки ихъ кто-нибудь чесалъ Елисаветѣ пятки, и она засыпала. (Р. Арх. 1866, 518; Андреевъ, 116). Для потѣхи Елисаветы однажды были выписаны шесть молодыхъ камчадалокъ изъ Камчатки, за 13,000 верстъ. Сопровождавшій ихъ штатсъ-фурьеръ Шахтуровъ везъ ихъ такъ долго, что всѣ онѣ не только забеременѣли отъ него, но даже успѣли родить еще въ Сибири. Тогда иркутская провинціальная канцелярія распорядилась командировать «въ помощь» Шахтурову одного офицера... Эта старомодная патріархальность жизни и понятій простирала до того, что Екатерина I принимала приношенія отъ лицъ, просившихъ ее ходатайствовать о чемъ-нибудь передъ нацемъ, и пріобрѣтенныя такимъ образомъ суммы отсылала въ банки амстердамскій и гамбургскій. (XVIII в., III, 25; Андреевъ, 12). Образованнѣйшія женщины высшей сферы были такъ малограмотны, что не могли написать строчки, не сдѣлавъ десяти орѳографическихъ ошибокъ и, по крайней мѣрѣ, одной синтаксической нелѣпости. О массѣ женщинъ высшаго и средняго круга и говорить нечего. Даже въ началѣ настоящаго столѣтія, какъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ М. Дмитріевъ, въ провинціи барышни и дѣвицы были почти всѣ безграмотныя. «Въ двѣнадцати верстахъ отъ насъ, въ деревнѣ Ивановкѣ, было много дворянъ и дворянокъ, и во всей деревнѣ былъ только одинъ грамотникъ—дворовый человѣкъ одной изъ барынь, Фадька, который писалъ за всѣхъ письма къ мужьямъ и родственникамъ, когда они были въ отлучкѣ. Собственно о воспитаніи едва ли было какое понятіе, потому что и слово это принимали въ другомъ смыслѣ. Одна изъ этихъ барынь говаривала: «могу сказать, что мы у нашего батюшки хорошо воспитаны, — одного меду не въ проѣдь было!...» Какъ высшее, такъ и низшее дворянство, погрязшее въ своихъ крѣпостные интересы, относилось къ образованію съ такимъ презрѣніемъ, какое рѣдко встрѣчается даже у дикарей. Мнѣніе Простаковой въ «Недорослѣ» Фонвизина, что отъ Митрофанушкѣ нѣтъ надобности знать географію, потому де, что дѣло кучера везти его, куда онъ прикажетъ,—было общераспространеннымъ мнѣніемъ тогданняго дворянства. Оно взваливало не только физическій, но и нравственный трудъ на другія сословія, считая невѣжество одной изъ привилегій своего столбового происхожденія Такія условія жизни естественно вели къ тому, что создавали изъ женщинъ Простаковыхъ, Чудихиныхъ, Коробочекъ, Пульхерій Ивановнъ,—а это были еще существа наименѣе вредныя. Невѣжественная, неразвитая женщина, въ роли помѣщицы, игуменьи, губернаторшки, «помпадурши», не уступая мужчинѣ въ энергіи и предпріимчивости, не уступала ему и въ безправественности; она била, грабила, брала взятки, превращалась въ чудовищную тиранку, въ родѣ знаменитой Салтычихи, которая засѣкла до смерти 139 человѣкъ, преимущественно женщинъ и дѣвочекъ, за нечистое, по ея мнѣнію, мытье бѣлья и половъ и, говорятъ, употребляла на жаркое вмѣсто сладкаго мяса женскія груди. Не мало бы ю помѣщицъ, которыя были такою же грозою для своихъ семействъ, крестьянъ и сосѣдей, какъ и Куролесовы. Такова была, напр., кн. Голицына, о которой разсказываетъ Вигель. «Въ ея власти находились чада и домочадцы, слуги и крестьяне. Горе тому, кто, возбудивъ ея гнѣвъ, не спѣшилъ покорностью смягчить его!» Одинъ разъ свою пріятельницу-помѣщицу, у себя въ гостиной, она при всѣхъ оттаскала за волосы. Въ другой разъ за неисправность дороги она, среди поля, велѣла при себѣ разложить сопровождавшаго ее засѣдателя и высѣчь плетьми, и т. д. Ея самодурческій деспотизмъ не дозволялъ ей жить въ столицѣ, и она предпочитала деревню, гдѣ могла безобразничать совершенно свободно. Для многихъ женщинъ тѣлесное наказаніе людей было однимъ изъ главныхъ развлеченій среди заѣдавшей ихъ скуки. Однажды, напр., къ статсъ-дамѣ Дарьѣ Голицыной пріѣзжаетъ на дачу гостья. «Ахъ, какъ я тебѣ рада,—закричала княгиня, — а то смерть было скучно, и со скуки я хотѣла было уже велѣть пересѣчь своихъ арапокъ!» Даниловъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ о родственницѣ, у которой онъ жилъ, что эта «вдова

охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только и признаюсь, сколько времени у нея ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки; какъ скоро она примется свои щи любимыя кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ ужъ введено было во всегдашнее обыкновеніе,—видно, для хорошаго аппетита». И не одинъ захолустныя помѣщицы предавались такимъ забавамъ. При Аннѣ, которая, между прочимъ, велѣла повѣсить передъ своими окнами повара за то, что онъ подалъ къ блинамъ прогорклое масло, «для забавы, подъ образомъ шутокъ и балагурства, такія мерзкія дѣла затѣвались, о которыхъ до того времени въ свѣтѣ мало слыхано,—нечеловѣческія поруганія не только надъ бѣдными и умалишенными, но и надъ другими людьми, частыя между оными заведенныя до крови драки, безстыдныя мужеска и женска пола обнажанія и мучительства» и т. д. Деспотизмъ и самодурство невѣжественныхъ барынь нерѣдко обрушивались даже на ихъ собственныхъ дѣтей, которыхъ онѣ иногда угнетали съ нечеловѣческою злобою. Такъ, напр., въ десятыхъ годахъ настоящаго столѣтія кіевская помѣщица Разлачева, возненавидѣвъ свою дочь за то, что та открыла передъ отцомъ неприличное ея обращеніе съ однимъ мужчиною, продала ее, какъ свою крѣпостную дѣвку. Въ 1851 г., судившаяся прежде за жестокое обращеніе съ крестьянами, вдова гвардіи капитана Леонтьева, была привлечена къ отвѣтственности за безчеловѣчныя истязанія своего девятилѣтняго сына Ѳедора, котораго она постоянно била, сѣкла, держала связаннаго по рукамъ и по ногамъ въ холодномъ чуланѣ, морила голодомъ, кормила его только хлѣбными корками, намоченными въ помояхъ, рвала ногтями его temporum и прикладывала къ нему горчицу, что производило невыносимую боль, и т. д. Причина этого звѣрства въ дѣтѣ не выяснена, но изъ него можно видѣть, что, намѣреваясь выйти вторично замужъ, звѣроподобная капитанша хотѣла извести всю «леонтьевщину», т.-е. своихъ дѣтей отъ перваго брака, которыхъ она всѣхъ тиранила (Ж. Мин. Юст., т. X, ч. II). Любовныя интриги, сплетни и ссоры наполняли собою жизнь невѣжественныхъ барынь. Онѣ модничали и безумно роскошничала на деньги, выжатыя съ крѣпостныхъ крестьянъ или пріобрѣтенныя достойными ихъ мужьями посредствомъ казнокрадства и взятокъ. Вплоть до отмѣны крѣпостного права всѣ иностранцы изумлялись нашей азіатской роскоши и глупому мотовству.

Домашнее воспитаніе посредствомъ гувернантокъ ограничивалось грамотой, французской болтовней, знаніемъ свѣтскихъ манеръ, музыкой и пѣніемъ романсовъ. Изучивъ всю эту премудрость, дѣвушка принималась за романы и за ловлю женіховъ. Изъ дѣвушекъ приготовляли невѣстъ—и больше ничего. «Русская дѣвушка—писалъ Бѣлинскій—не женщина въ европейскомъ значеніи этого слова, не человѣкъ,—она не что другое, какъ *невѣста*. Еще ребенкомъ она называетъ своими женихами всѣхъ мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ домѣ; еще въ колыбели ей говоритъ весь окружающій ее людъ, что она невѣста, что у ней должны быть женихи. Удивительно ли послѣ этого, что она не умѣетъ, не можетъ смотрѣть на себя, какъ на человѣка, и видитъ въ себѣ только невѣсту? Удивительно ли, что съ раннихъ лѣтъ до поздней молодости, иногда даже и до глубокой старости, всѣ думы, всѣ мечты, всѣ стремленія, всѣ молитвы ея сосредоточены на одной idée fixe—на замужествѣ, что выйти замужъ—ея единственное желаніе, цѣль и смыслъ ея существованія, что внѣ этого она ничего не понимаетъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не желаетъ, и на всякаго неженатаго мужчину смотритъ не какъ на человѣка, а какъ на жениха?» Даже тѣскудныя свѣдѣнія, которыя пріобрѣтались дѣвушками, даже то литературное образованіе, какое получали онѣ—все было устремлено къ упомянутой единственной дѣли женщины. Знакомство съ иностранными литературами, при отсутствіи элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, не приносило никакой пользы. Вотъ что пишетъ, напр., о своемъ воспитаніи Хвостова. «Вольтеръ, Руссо, Шатобріанъ, Мольеръ прошли черезъ мои руки. Вѣрно, я очень любила процессъ чтенія, потому что, не понимая философскихъ умствованій, я съ жадностью читала отъ доски до доски всякую попавшуюся мнѣ книгу... Наконецъ, дорылась я до романовъ г-жъ Жанлисъ и Радклифъ. Съ какимъ замираніемъ сердца изучала я теорію о привидѣніяхъ. Иногда мнѣ казалось, что и я ихъ вижу; они наводили на меня страхъ, но какой-то пріятный страхъ... Я вытверживала почти наизусть имена иностранныхъ принцевъ въ календарѣ, отмѣчала крестиками тѣхъ, которые болѣе подходили ко мнѣ по лѣтамъ; начитавшись безъ разбору романовъ и комедій, я возмечтала, что когда-нибудь вдругъ предстанетъ предо мной принцъ, и я сдѣлаюсь принцессой; подобная фантазія занимала меня съ десятилѣтняго возраста до вступленія въ свѣтъ, и я всей душой предавалась созерцанію моего принца; то представляла его бѣленькимъ, хорошенькимъ, то вдругъ являлся онъ мнѣ грознымъ, страшнымъ, убивалъ всѣхъ, щадилъ меня одну и увозилъ въ свое государство». Въ женскихъ институтахъ воспитаніе приводило къ тѣмъ же печальнымъ результатамъ. Смольный институтъ, основанный Екатериною и выпустившій въ продолженіе своей столѣтней дѣятельности (съ 1764 г.) до 7,000 воспитанницъ, былъ прототипомъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній до позднѣйшаго времени. Онъ раздѣлялся на два отдѣленія—одно для воспитанія барышень, а другое, мѣщанское, — для воспитанія служанокъ для барынь; этихъ служанокъ, какъ и ихъ будущихъ госпожъ обучали, въ интересахъ послѣднихъ, конечно, иностраннымъ языкамъ. Объ умственномъ развитіи барышень почти вовсе не заботились, а хлопотали только о развитіи ихъ вкуса да «изящнаго сердца», что можно видѣть изъ одной программы преподаванія: языки—русскій, французскій, нѣмецкій и итальян-

скій, *архитектура, геральдика, скульптура, рисованіе, танцы, музыка,* токарное ремесло, рукодѣлье, знакомство съ хозяйствомъ, исторія, географія, опытная физика и ариѳметика. Даже официальные историки института, въ родѣ Лядова, неодобрительно отзываются объ его просвѣтительной дѣятельности. Дѣвушекъ держали взаперти, какъ арестантовъ въ острогѣ, и отнимали у нихъ всякую возможность для знакомства съ дѣйствительною жизнію. Вотъ что разсказываетъ, напр., г-жа Пелли о томъ, какъ отразились на воспитанницахъ патріотическаго института событія 14 декабря 1825 г. «При доходившемъ до насъ громѣ орудій, мы, институтки, страшно перепугались. Пальба продолжалась, а между тѣмъ начальница института стала говорить намъ: «это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за ваши грѣхи; самый важный и самый тяжкій грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите по-французски и, точно кухарки, болтаете все по-русски!» Въ страшномъ перепугѣ мы вполнѣ сознали весь ужасъ своего грѣхопаденія и на колѣнахъ передъ иконами, съ горькими слезами раскаянія, тогда же поклялись начальницѣ въ разговорахъ вовсе не употреблять русскаго языка». Цѣлью институтскаго воспитанія полагалось развитіе не ума, а «изящнаго сердца». Совершенная замкнутость отъ семьи и общества, недостатокъ движенія и питанія, строгая дисциплина, исключительныя заботы о развитіи въ дѣвушкахъ чувствительности— все это дѣлало институтскія поколѣнія женщинъ наивными и болѣзненно-сентиментальными. Десятилѣтнія дѣвочки уже начинали мечтать о любви, «обожать» учителей и посѣтителей, и преждевременно возбужденная фантазія на всю жизнь брала перевѣсъ надъ мыслительными способностями Случалось даже, что институтскія предавались пьянству, доставая водку черезъ прислугу тайкомъ, какъ настоящія острожныя заключенницы. Иногда даже воспитатели портили нравственность дѣвушекъ. Даже самъ знаменитый Бецкій, основатель женскаго образованія въ Россіи и одинъ изъ лучшихъ людей XVIII в., далеко небезупреченъ въ своихъ отношеніяхъ къ институткамъ. Семидесятилѣтній старикашка, онъ ухаживаетъ за институткой Алымовой и во что бы то ни стало хочетъ быть любимымъ ею и жениться на ней. «Книги не достанетъ,—говоритъ въ своихъ мемуарахъ этотъ предметъ его старческой страсти,—чтобы описать всѣ западни, которыя разставлялъ для меня человѣкъ, долгомъ котораго было охранять мою молодость». (Р. Арх. 1871, 21 и др.). Другіе, не-Бецкіе, выдѣлывали еще не такія вещи... Въ преданіяхъ одного провинціальнаго института до сихъ поръ живетъ память о директоршѣ-старухѣ, которая, чтобы получить ласки какого-нибудь молодого человѣка, облегчала ему возможность свиданія съ институткой, потомъ ловила ихъ и, чтобы избавить франта отъ официальнаго преслѣдованія, требовала отъ него любви... Объ умственномъ развитіи институтокъ до самаго послѣдняго времени не было и рѣчи. Институтская педагогическая рутина вошла въ пословицу, вслѣдствіе своей дикости. Такъ, напр., въ извѣстномъ стихотвореніи «Торжество Побѣдителей», для дѣвушекъ сочтено неприличнымъ и выпущено четверостишіе:

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены:
Жены алчутъ повязны,
Постоянный миръ имъ страшенъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ во всѣ институты разосланы были коллекціи фигуръ животныхъ для нагляднаго изученія зоологіи; но воспитатели не осмѣлились представить животныхъ дѣвицамъ въ томъ неприличномъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ рукъ природы, а допустили ихъ съ нѣкоторыми измѣненіями и улучшеніями. Въ одномъ институтѣ начальница не позволила воспитанницѣ прочесть на экзаменѣ извѣстный монологъ пушкинскаго Годунова: «Достигъ я высшей власти», на томъ основаніи, что въ концѣ его говорится—«мальчики кровавые въ глазахъ», а дѣвушкѣ, дескать, должно какъ можно рѣже упоминать о мальчикахъ. Задерживая всякое умственное развитіе дѣвушекъ и заботясь только объ ихъ *нравственномъ* воспитаніи, подъ которымъ разумѣлись безусловное повиновеніе начальству заведенія и рабская угодливость передъ старшими, институты выпускали дѣвушекъ, искалѣченныхъ и физически, и нравственно.

Такимъ образомъ и домашнее, и общественное воспитаніе, болѣзненно настраивая нервную систему женщины, не развивало ея ума, не давало ей никакихъ прочныхъ знаній, которыя бы опредѣляли характеръ и руководили ею въ жизни. Мудрено ли послѣ этого, что масса женщинъ состояла изъ какихъ-то флюгеровъ, которые, не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія, постоянно вертѣлись изъ стороны въ сторону, повинуясь малѣйшему дуновенію окружавшей ихъ обстановки. Сентиментальная барышня превращалась въ тиранку-помѣщицу, добродушная и наивная институтка—въ отвратительную чиновницу, грабившую людей посредствомъ взяточника-мужа, либералка XVIII вѣка—въ лицемѣрную ханжу и сусѣрку. Подобными превращеніями ознаменовано въ особенности начало XIX вѣка—эта мрачная эпоха всевозможныхъ мистическихъ бредней и шарлатанствъ. «Наши невѣры-бояре и ихъ жены,—говоритъ Моршкинъ,—послѣ нѣсколькихъ лѣтъ невѣрія и разврата, послѣ оргій петербургскихъ и парижскихъ, дѣлались самыми благочестивыми дѣтьми латинской церкви и летѣли въ ея распростертыя объятія. Такъ удовлена была Свѣчина и подобныя ей». Однѣхъ совращали іезуиты, другихъ сбивали съ толку піетисты чужіе и доморощенные, третьи ударялись даже въ хлыстовщину. Нужно замѣтить при этомъ, что мистицизмъ сплошь и рядомъ служилъ покровомъ для полового разгула. Такъ, въ XVIII в. иллюминаты «привлекали къ себѣ молодыхъ людей обольщеніемъ разврата, а стариковъ—возбужденіемъ страстей и средствами къ тайному ихъ удовлетворенію. Главою этихъ гнусныхъ и, къ счастію, немногочисленныхъ

въ Москвѣ людей былъ французъ Перренъ,—лицемѣръ перваго сорта, развратившій не одно доброе семейство». (Жихаревъ, 389). Такъ, въ 1817 г. было открыто, что проживающая въ михайловскомъ замкѣ при матери своей полковницѣ Букгевденъ, подполковница Татаринова, содержитъ общество хлыстовской вѣры, въ которомъ участвуетъ много лицъ изъ петербургской аристократіи, что они отправляютъ хлыстовскую службу, ведутъ пропаганду, предаются «серафимскимъ лобзаніямъ» и т. д. Общество было разсѣяно, но вскорѣ затѣмъ возобновилось и въ 1837 г. было снова открыто полиціей. Кромѣ Татариновой, въ немъ участвовали маіорша Францъ, генеральша Головина съ дочерью, кн. Энгалычевъ съ женою, тайный совѣтникъ Поповъ съ тремя дочерьми и мн. др. Одна изъ дочерей Попова постоянно оказывала отвращеніе къ хлыстовскимъ обрядамъ, навлекая тѣмъ на себя гнѣвъ отца и Татариновой, которая, будто бы по вдохновенію свыше, приказывала отцу наказывать ее, и онъ билъ ее палками раза по три въ недѣлю, часто до крови, и держалъ ее въ темномъ чуланѣ, въ которомъ она совсѣмъ бы зачахла, если бы ее не освободила полиція. Въ 1849 г. эта барская секта была вновь подвергнута полицейскому преслѣдованію, какъ одинъ изъ «элементовъ, подготовляющихъ политическіе перевороты въ государствѣ!...» Женщины увлекались подобными сумасбродствами и сумасбродами во множествѣ. Такъ, въ первой четверти настоящаго столѣтія игуменъ чикойскаго монастыря Израиль, обратясь въ секту людей Божіихъ, объявилъ себя Богомъ, кяхтинскую купчиху, живущую съ нимъ,—Богоматерью, а рожденнаго ею ребенка—Христомъ. Все богослуженіе было приноровлено къ этому культу. (Израиль умеръ въ заточеніи въ Соловкахъ въ 1862 году). Съ томъ же родѣ были, по разсказамъ протоіерея Памфилова (Р. Арх., 1871, 231—233), въ Москвѣ «сувѣрный старецъ Мельхиседекъ, страннымъ ученіемъ своимъ развратившій великое число даже и благородныхъ людей, а паче малоумныхъ женщинъ», или игуменъ одного нижегородскаго монастыря, Стефанъ, который, «обольстивъ маіоршу Салькову, взявъ ее съ собою, бѣжалъ изъ монастыря»; но маіорша, которую онъ тиранилъ, донесла на него. Особенно сильное вліяніе на женскіе умы имѣлъ извѣстный Фотій. Барыни вѣрили ему, какъ святому, и безусловно повиновались каждому его капризу, служа въ то же время орудіями его интригъ, содѣйствовавшихъ утвержденію той реакціи, которая омрачила собою послѣднюю половину царствованія Александра I. «Каждодневно»—говорится въ его запискахъ—«Фотій былъ званъ то къ тѣмъ, то къ другимъ лицамъ на бесѣду о спасеніи души, на которую собирались знатные бояре и боярыни, и по бесѣдѣ учреждаемы были питіемъ и ястіемъ во славу Божію. Бесѣда же таковая была болѣе въ домѣ дѣвицы Анны (Орловой-Чесменской), боярыни Дарьи Державиной и у иныхъ». Послѣ этихъ обѣдовъ Фотій обыкновенно ложился на диванъ, а барыни подходили цѣловать у него руки. (Р. Арх., 1869, 931). Фотій творилъ даже чудеса и тѣмъ окончательно овладѣвалъ умами барынь, особенно своего друга и покровительницы Орловой-Чесменской. Однажды въ фотіевскій монастырь является бывшая театральная фигурантка Фотина-Павлова, объявляя, что она одержима бѣсомъ, котораго, по бывшему ей откровенію, можетъ изгнать одинъ только Фотій. Фотій изгналъ бѣса, а Фотина осталась у него въ монастырѣ, не смотря на препятствія со стороны гр. Орловой. Вскорѣ Фотина сотворила quasi-чудо, явившись монахамъ въ полости церковнаго купола, какъ бы стоявшею на воздухѣ. По ея откровенію, Фотій распорядился, чтобы дѣвицы, живущія въ окрестностяхъ монастыря, каждый вечеръ приходили въ него на вечернее правило и слушали его вмѣстѣ съ монахами. Фотій устроилъ для нихъ какіе-то «хитоны», въ родѣ обыкновенныхъ женскихъ рубашекъ. Охотницъ являлось все больше и больше; нѣкоторыя даже ночевали въ монастырѣ; скандалъ вышелъ громадный и прекращенъ вмѣшательствомъ свѣтской власти. Послѣ смерти Фотія, Фотина оставила монастырь, вышла замужъ за своего кучера и вскорѣ умерла отъ его побоевъ (Р. Арх., 1870, 893—900). Исторія пресловутаго Ивана Яковлевича показываетъ, что многія изъ современныхъ барынь недалеко ушли отъ поклонницъ Фотія...

Въ то время, какъ женщины нервнаго темперамента, болѣзненной фантазіи, чрезмѣрно раздраженной чувствительности ударялись въ мистицизмъ и ханжество, натуры болѣе здоровыя погружались въ омутъ обыденной жизни, родили, ѣли, спали, сплетничали и тупѣли до того, что въ нихъ замирали всѣ стремленія хоть къ какой-нибудь перемѣнѣ въ окружавшей ихъ обстановкѣ. Даже въ томъ случаѣ, если у женщины доставало ума и энергіи, чтобы не превратиться въ рабыню мужа, если она въ своемъ семействѣ играла роль совершенно самостоятельную—и тогда русская жизнь не давала ей почти ничего для развитія ея умственныхъ и нравственныхъ силъ. По выраженію Пушкина, —

«Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Прислугу била, осердясь,—
Все это мужа не спросясь»—

и только. Какъ въ бредняхъ мистицизма, такъ и въ дрязгахъ обыденной жизни, тунеядаго произбанія на счетъ мужицкаго труда, женщина погибала нравственно, оставалась мертвою для тѣхъ прогрессивныхъ движеній, которыя хотя и медленно, но все-таки совершались въ обществѣ.

Мы уже говорили, что какъ домашнее, такъ и институтское воспитаніе женщины болѣзненно настраивало ея фантазію и чрезмѣрно развивало чувствительность. Эти душевныя настроенія съ особенною силою развились въ началѣ XIX в., подъ вліяніемъ сентиментализма карамзинской школы и романтизма Жуковскаго. Своею слезливостью, привидѣніями и другими порожденіями чудовищ-

ной фантазіи оба эти направленія, конечно, много вредили дѣлу умственнаго развитія, но для женщины онѣ все-таки принесли и свою долю пользы. Воспѣвая «симпатію душъ» и вѣчную любовь, обработывая постоянно сюжеты, представлявшіе или идеальное блаженство свободно отдавшихся другъ другу возлюбленныхъ, или ихъ горестную судьбу въ томъ случаѣ, когда условія семейнаго быта или общественные предразсудки не дозволяли сойтись имъ,—эти школы, во-первыхъ, смягчали грубость половыхъ отношеній, во-вторыхъ, поддерживали недовольство стѣснительными условіями архаическаго быта и распространяли идею о свободѣ чувства. Все, что подавляло эту свободу, какъ въ жизни, такъ и въ произведеніяхъ поэзіи, повергало чувствительныя души въ глубокую печаль, исторгало слезы, отравляло жизнь. Отъ неудачной любви дѣвушки въ самомъ дѣлѣ умирали чахоткою, а юноши стрѣлялись, или въ монахи, ѣхали искать смерти «на погибельный Кавказъ». Карамзинская «Бѣдная Лиза» произвела у насъ такое же сильное движеніе въ обществѣ, какъ и гётевскій «Вертеръ» въ Германіи. Симоновъ монастырь съ окрестностями, гдѣ жила Лиза, сдѣлался мѣстомъ постоянныхъ сходбищъ чувствительныхъ душъ, которыя, бродя по берегамъ пруда, въ которомъ утопилась Лиза, мечтали о ней, приравнивая къ ея судьбѣ свою, лили слезы о ея участи, вырѣзывали ея имя на березахъ. Подражанія этой повѣсти и стихотворенія «къ праху Лизы» были безчисленны. Содержаніе повѣсти даже осуществлялось въ жизни разными барами-идилликами, которые увлекались красотою и сердцемъ добродѣтельныхъ пейзанокъ. Въ одномъ тогдашнемъ журналѣ, въ «письмѣ сельскаго дворянина къ издателю», авторъ жалуется: «съ нѣкотораго времени у дворянъ нашей губерніи произошла чудная перемѣна въ мысляхъ и нравилахъ. Многіе молодые люди и пожилые вдовцы женятся на своихъ бывшихъ челядинкахъ и наемницахъ. Одинъ вводитъ крестьянку въ сообщество благовоспитанныхъ сестеръ своихъ, другой заставляетъ дѣтей цѣловать руку у рабыни покойной ихъ матери»... *) Нѣкоторые журналисты отстаивали подобные браки, и одинъ изъ нихъ отвѣчалъ упомянутому «сельскому дворянину» между прочимъ слѣдующее. «Дворянка, упоенная предразсудками, вмѣсто истиннаго просвѣщенія, не можетъ дать дѣтямъ своимъ хорошаго воспитанія, не можетъ подать имъ наставленія о нравственности, такъ же, какъ и крестьянка, находящаяся въ сущемъ невѣжествѣ. Нѣжный родитель, если воспитаешь дочь свою какъ слѣдуетъ, то увѣряю тебя, что крестьянка не отниметъ у нея жениха».

Чувствительность и романтизмъ, кромѣ того, что вводили за собою въ общество вѣжливость, деликатность и «уваженіе къ прекрасному полу», выражаясь въ произведеніяхъ нашей литературы и увлекая женщинъ, заставили ихъ не только читать русскія книги, но даже развили ихъ литературную дѣятельность. Въ Макаровскомъ «Журналѣ для милыхъ» (1804 г.), напримѣръ, отдѣломъ критики завѣдывали Безнина и княжна Трубецкая. Сближеніе женщинъ съ литературою водворило въ послѣдней то поклоненіе дамамъ или, по выраженію князя Шаликова, «служеніе граціямъ», которымъ славилась дореволюціонная Франція. Возникло нѣсколько женскихъ журналовъ — «Журналъ для милыхъ», «Московскій Зритель», «Аглая», «Дамскій Журналъ», «Кабинетъ Аспазіи». Среди смѣшныхъ любезностей, расточаемыхъ дамамъ, во всѣхъ этихъ журналахъ проходила одна вѣрная идея о необходимости поднять значеніе женщины въ семействѣ и обществѣ. «Патріотъ» 1804 года, напримѣръ, доказывая необходимость раціональнаго народнаго образованія, для водворенія въ странѣ «истиннаго равенства людей», обращается къ женщинамъ, какъ къ первымъ воспитателямъ подрастающихъ поколѣній. «Нѣтъ и не будетъ надежды къ счастію правовъ, пока женщины не возвратятся къ домашней жизни, пока не позволятъ имъ слѣдовать сердцу въ выборѣ друга. Какъ много ни писали сатиръ на ихъ счетъ, онѣ не такъ виноваты, какъ мы. Ихъ пороки произошли отъ насъ... Женщины, спасите человѣчество, обратитъ насъ къ добронравію! Цѣлое общество людей обратится къ должностямъ своимъ, если вы возвратите одного человѣка къ порядку естественному!» Остолоповъ, приглашая женщинъ къ сотрудничеству въ «Любителѣ Словесности» (1806 г.), доказывалъ, что женщины писательницы могутъ имѣть гораздо большее вліяніе, чѣмъ мужчины. Въ Рязани, на литературныхъ бесѣдахъ у кн. Волконской (1810 г.), Воейковъ читалъ рѣчь о вліяніи женщинъ на изящныя искусства. Указавъ на вліяніе, какое имѣли француженки и англичанки, онъ говорилъ русскимъ: «вы должны учить насъ языку и вкусу. Въ наши времена вамъ не нужно быть мученицами за вѣру, не нужно поощрять воиновъ къ сраженію съ непріятелемъ или самимъ сражаться; въ наши времена народы соревнуютъ другъ другу въ успѣхахъ просвѣщенія; государства хотятъ быть славны открытіями и пережить вѣка въ произведеніяхъ художествъ». Макаровъ шелъ въ этомъ отношеніи дальше всѣхъ, доказывая права женщинъ не только на занятіе литературой, но и на высшее образованіе; то же самое говорили и другіе журналы, напримѣръ, «Кабинетъ Аспазіи», который, въ доказательство женскихъ способностей къ этимъ профессіямъ, исчисляетъ, начиная съ XII в., женщинъ, прославившихся своими знаніями и сочиненіями; между русскими стоятъ имена Екатерины II, кн. Дашковой, Херасковой, Урусовой, Поспѣловой, Буниной, Титовой. Макаровъ припоминаетъ, что во Франціи салоны дамъ привлекали первоклассныхъ ученыхъ и были лучшими школами просвѣщенія; онъ удивляется, что мы, подражая французамъ во всемъ, не переняли у нихъ самаго

*) Случалось, что и дворяне выходили за своих крѣпостныхъ мужиковъ, но это дѣлалось уже вовсе не изъ идилліко-романтическихъ побужденій. А вотъ и интересный казусъ. Въ сороковыхъ годахъ, помѣщица, имѣвшая 6 душъ м. п., Акулина Ф., вышла за своего крестьянина, но невѣжеству своему не далъ ему вольной, а затѣмъ продала помѣщику С. свои 6 душъ м. п. съ ихъ семействами, т.-е. и съ собой вмѣстѣ. Только просьбы дворянства успѣли убѣдить С. освободить эту крѣпостную помѣщицу.

полезнаго обычая: «француженки XIX вѣка посѣщаютъ лицеи, смотрятъ музеумы, слушаютъ профессоровъ, читаютъ, переводятъ и сами сочиняютъ... Если бы наши дамы вздумали подражать сему примѣру, то, нѣтъ сомнѣнія, онѣ заставили бы всякаго учиться... Кто не желаетъ женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ, явность,—любовникъ ли онъ или мужъ,—тотъ хочетъ удержать себѣ право сказать нѣкогда женѣ своей (въ которой онъ искалъ ключницу или няньку): *я тебя умнѣе!* Имперія красоты не имѣетъ предѣловъ; но красота скоро вянетъ, молодость летитъ, и когда хладная рука времени обезобразитъ ангельскія милыя черты, что будетъ съ женщиной, привыкшей видѣть все у ногъ своихъ, если она заблаговременно не поселитъ пріятностей въ каждой морщинкѣ лица своего, если не заготовитъ себѣ утѣшеній на старость? И почему бы ей не быть столько же ученою, сколько и мужчины?.. Что подумать о людяхъ, которые увѣрены, что женщина не иначе пріобрѣтаетъ знанія, какъ теряя всѣ пріятности своего пола, и которые вслѣдствіе такого мнѣнія желаютъ, чтобы цѣлая и лучшая половина рода человѣческаго ничему не училась? Читали ли они когда-нибудь исторію? Помнятъ ли имена великихъ женщинъ, которыми древняя Греція почти столько же гордилась, сколько Сократами и Платонами»... Переходя затѣмъ къ значенію европейской женщины въ средніе вѣка и въ новѣйшее время, Макаровъ историческими фактами старается подорвать тотъ предразсудокъ противъ ученыхъ женщинъ, который былъ такъ силенъ въ нашемъ обществѣ, что заставилъ даже Пушкина воскликнуть—

«Избави Богъ сойтись на балѣ
Иль при развздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ женской шали
Иль съ академистомъ въ чепцѣ!»

Всѣ заботы Макарова и подобныхъ ему друзей женскаго просвѣщенія остались мечтами. 1812-й годъ велъ за собою мрачную эпоху Шишковыхъ, Магницкихъ, Аракчеевыхъ, когда эти и подобные имъ ретрограды приняли мѣры къ искорененію научнаго образованія и открыто проповѣдывали объ уничтоженіи университетовъ. О женскомъ образованіи уже не могло быть и рѣчи. Но независимо отъ противодѣйствій реакціонеровъ, стремленія Макарова и ему подобныхъ друзей женскаго образованія не могли осуществиться еще и потому, что были ложны въ своей сущности. При господствѣ крѣпостного права, они въ сферѣ тунеядства хотѣли создать цивилизующій факторъ; они желали, чтобы женщина, оставаясь въ сущности праздными существомъ, украшала себя знаніями не для того, чтобы стать образованной труженицей, а для того, чтобы блистать въ салонѣ и разгонять безысходную скуку его посѣтителей; они выставляли нашимъ барынямъ, какъ образцы для подражанія, «Ментенонъ и единственную Нинонъ Ланкло, съ которою ни одна женщина не сравняется любезностью»; они, признавая за женщиною одинаковое съ мужчинами право на высшее образованіе, въ то же самое время рѣзко противорѣчили себѣ, ставя цѣлью этого образованія развитіе какихъ-то, будто бы, особенныхъ свойствъ женской души и той ложной женственности, благодаря которой образованная и прекрасная женщина «видитъ міръ у ногъ своихъ и мужчина всегда будетъ рабомъ ея». Спустя много лѣтъ послѣ Макарова, даже самъ Бѣлинскій писалъ о женскомъ воспитаніи въ сущности то же самое, что говорили въ началѣ столѣтія упомянутые «служители граціи». При крѣпостомъ правѣ и не могло быть иначе. Серьезное женское воспитаніе, которое было бы не служеніемъ граціи, а дѣйствительнымъ развитіемъ женскихъ силъ и способностей, было немыслимо въ эту эпоху. Изящныя манеры, салонный тонъ, женская прелесть въ чисто физическомъ смыслѣ, умѣнье казаться пріятной во всѣхъ отношеніяхъ дамой—вотъ вся программа воспитанія и образованія, до какой только могли подняться люди при господствѣ крѣпостного права. Смѣшно было бы проповѣдывать, что барыня, имѣвшая полную возможность жить на чужой счетъ и развращенная своимъ рабовладѣльческимъ и въ то же время рабскимъ положеніемъ, должна быть равна мужчинѣ, должна учиться и работать наравнѣ съ нимъ, который, въ свою очередь, по вольности дворянства, тоже билъ баклуши. Впрочемъ, и въ этомъ развитіи дамской изящности все-таки была своя доля пользы. Этотъ культъ «женской граціи, любви и сладкой нѣги», это благоговѣніе пушкинской плеяды поэтовъ «передъ святыней красоты» имѣли по крайней мѣрѣ то значеніе, что распространяли идею о свободѣ чувства и развивали въ женщинѣ недовольство окружавшею ее архаическою обстановкою. Правда, недовольство это было невѣжественное, не просвѣтленное мыслію, но все-таки оно было силою, которая ждала только толчка, чтобы направиться куда слѣдуетъ. Женщина жила сердцемъ, и это сердце спасало ее отъ окончательной нравственной грубости въ омутѣ тогдашней жизни. Чувствомъ любви и дружбы, чувствомъ гуманной сострадательности она вліяла на міръ мужчинъ и тѣмъ предохраняла ихъ отъ окончательнаго огрубѣнія. Какъ мать, она играла ту же гуманизирующую роль, воспитывая молодыя поколѣнія въ духѣ той чувствительности, которая была привита ей самой ея воспитаніемъ. Какъ жена, она нерѣдко оказывала высочайшее самоотверженіе и жертвовала всѣмъ для мужа. Припомнимъ хотя женъ декабристовъ, этихъ аристократокъ, которыя, имѣя полную возможность остаться въ столицахъ, послѣдовали однакожъ за мужьями въ Сибирь, въ каторжныя работы, на вѣчное изгнаніе, и цѣною своихъ страданій спасали не только мужей, но и ихъ товарищей отъ окончательнаго нравственнаго паденія, унынія, сумасшествія, смерти... А сколько такихъ же, даже большихъ, подвиговъ женщины осталось неизвѣстными, сколько сдѣлала женщина для развитія въ обществѣ добрыхъ чувствъ, сколько каждый изъ насъ обязанъ въ этомъ отношеніи своей матери, сестрѣ, возлюбленной и т. д....

Въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда, по выраженію поэта, «свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бродилъ пугливо», когда на всѣ общественные вопросы была наложена казенная печать запрещенности, когда одна часть молодежи «изсушала умъ наукою безплодной», служила и выслуживалась, а другая, болѣе даровитая и энергичная, тратила свои силы на оргіи и дебоширства, — любовь оставалась почти главнымъ изъ доступныхъ для массы общества облагораживающихъ элементовъ,—любовь да еще поэзія *). Но такое положеніе вещей не могло продолжаться долго. Женщины почти вовсе не развивались, сохраняя одинъ и тотъ же типъ свой; любовь наскучивала; душа, порывавшаяся впередъ, не находила въ любви удовлетворенія; насталъ, наконецъ, періодъ разочарованности, періодъ Онѣгиныхъ и Печориныхъ, которые скучали жизнью, злились на нее и, ради забавы, разбивали женскія сердца. Тогдашній герой превращался въ хладнокровнаго волокиту:

«Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ-нибудь:
Откажутъ,—мигомъ утѣшался,
Измѣнятъ,—радъ былъ отдохнуть».

Подобно Печорину и творцу его Лермонтову, разочаровавшись въ любви, онъ горѣлъ желаніемъ попасть въ губители сердецъ, волочился отъ скуки или изъ желанія насладиться побѣдою надъ женщиной, или запастись психологическимъ матеріаломъ для своихъ сочиненій (Зап. Хвостовой, 97, 226). Преждевременно старѣя, это поколѣніе сходило въ могилу съ горькимъ сознаніемъ того, какъ выражается лучшій представитель его, что—

«Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда».

Женщина страдала еще болѣе, будучи игрушкою этихъ озлобленныхъ и разочарованныхъ душъ. Эстетическій періодъ нашего развитія приходилъ къ концу. Начиналось умственное движеніе сороковыхъ годовъ: людей чувства смѣняли люди мысли; на смѣну Онѣгинымъ, Чацкимъ, Печориныхъ шли Рудины, Инсаровы, Лопуховы, Базаровы. Приближалась эпоха, когда, съ освобожденіемъ крестьянъ, долженъ былъ подняться и не менѣе вещественный вопросъ объ освобожденіи женщины.

Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ этой эпохѣ, мы еще остановимся на тѣхъ факторахъ и явленіяхъ предыдущаго времени, которые задерживали улучшеніе женскаго быта и сильно противодѣйствовали идеямъ и стремленіямъ, служившимъ дѣлу свободы и равенства. Мы разсмотрѣли только одну сторону эпохи, указавъ на то, что болѣе или менѣе помогало женщинѣ не закоснѣть окончательно въ рабствѣ и сохранить свои силы для будущаго освобожденія, а теперь взглянемъ на обратную сторону медали.

Мы уже говорили, что главнымъ зломъ, задерживавшимъ развитіе женщины, была крайняя недостаточность средствъ для ея умственнаго усовершенствованія. Но это было только однимъ изъ проявленій тѣхъ архаическихъ порядковъ, которые, будучи поштатуты, но далеко не разрушены петровскою реформою, до сихъ поръ продолжаютъ ожесточенную борьбу со всѣми эманципаціонными стремленіями, постоянно сталкиваясь и переплетаясь съ послѣдними въ жизни. Домостройные принципы и нравы даже въ массѣ высшаго общества не исчезли, а только реформировались, и въ своей формѣ находили не менѣе поклонниковъ и охранителей, чѣмъ и Домострой Сильвестра. Полнѣе всего эти реформированные взгляды выражены въ извѣстномъ завѣщаніи Татищева, которое справедливо называютъ Домостроемъ XVIII вѣка. Этотъ новый Домострой, подъ вліяніемъ духа времени, дѣлаетъ уже значительныя отступленія отъ стараго. Говоря, напр., о выборѣ жены, Татищевъ замѣчаетъ, что «справедливо на власть родителей закономъ узда наложена, дабы силою и противъ воли къ браку не принуждали, но такъ какъ любовь часто помрачаетъ разсудокъ нашъ, то при выборѣ жены необходимо обращаться за совѣтомъ къ благоразумнѣйшимъ изъ своихъ родственниковъ». Отвергая бракъ по расчету въ тѣсномъ значеніи этого слова, не одобряя браковъ по «любви, часто помрачающей умъ нашъ», Татищевъ, какъ истый патріархалъ, рекомендуетъ непремѣнно *выбирать* жену по извѣстнымъ правиламъ, которыя казались ему разумными и при выполненіи которыхъ только и возможно патріархальное счастіе въ семействѣ. Предписывая, подобно попу Сильвестру, обращаться съ крестьянами «съ великою строгостью», по отношенію къ женѣ Татищевъ рекомендуетъ кротость и снисхожденіе. «Имѣй въ памяти,—говоритъ онъ,—что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница, и во всемъ должна быть нелицемѣрнымъ другомъ; такъ и тебѣ съ ней должно быть, въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилежать, въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе ея поручать, а затѣмъ и самому нелѣпостно смотрѣть. Однакожъ храниться надлежитъ, чтобъ тебѣ у жены не быть подъ властью; сіе для мужа очень стыдно, и чрезъ то можемъ у всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать и слабость своего ума изъявить. Сихъ примѣровъ нынѣ весьма уже довольно видимъ»... Дальше начинается брань на тогдашнихъ женщинъ, не соотвѣтствовавшихъ семейнымъ идеаламъ Татищева. (Эти «глупыя пустальги и негодницы», по его выраженію, возмущали его желчь, тѣмъ болѣе, что онъ самъ жилъ въ разводѣ съ женой, не могшей

*) И до какихъ нелѣпостей доводила такая односторонность! «Была странная полоса времени,—разсказываетъ Аѳанасьевъ,—когда восхвалялась любовь платоническая... Нелѣпая и невозможная эта доктрина поддерживалась молодежью даже въ офицерскихъ бесѣдахъ, гдѣ за стаканомъ пунша противники платонизма, развивая свое ученіе, осыпали циническими выходками донкихотовъ XIX столѣтія. Платоники не могли долго выдерживать своей роли и, покродствовавъ нѣкоторое время, переходили въ лагерь противниковъ... Впрочемъ, любить поэтически допускалось только женщину средняго или высшаго сословія, а остальные классы не пользовались этимъ предпочтеніемъ»... (Очерки Прошлаго).

составить его семейнаго счастія). Такимъ образомъ, возвышая женщину изъ рабы въ подругу, изъ служанки въ хозяйку, новыя домостройныя начала все-таки вполнѣ оставляли ее подъ властью мужа и попрежнему указывали на семейство, какъ на единственную цѣль всей ея жизни и дѣятельности. Пытались даже отнять у женщины ея имущественныя права, и въ екатерининской комиссіи 1767 г. депутаты ходатайствовали о запрещеніи женщинамъ распоряжаться самимъ имуществомъ безъ дозволенія мужей. Патріархальная семейная жизнь, смягченная европейскимъ вліяніемъ, попрежнему оставалась для многихъ желаннымъ идеаломъ. Даже въ настоящемъ столѣтіи этотъ идеалъ играетъ преобладающую роль у всѣхъ людей славянофильскаго оттѣнка и въ произведеніяхъ Жуковскаго, для котораго «въ семействѣ заключается сладкое счастіе, дѣятельность, награды, все, къ чему стремимся, къ чему привязываетъ сердце, что радуетъ и возвеличиваетъ душу»; «въ этой мирной обители заключена вселенная со всѣми ея радостями». О свободѣ и равноправности женщины при этомъ не могло быть и рѣчи.

Реакціонные относительно меньшинства, эти новые домостройные взгляды были во многихъ отношеніяхъ прогрессивными относительно массы общества, сохранявшей свои прежніе полудикіе нравы, понятія. Большинство отцовъ долго еще оставалось патріархальными деспотами во вкусѣ попа Сильвестра, жестокими даже при своемъ добродушіи, какъ, напр., предокъ Аксакова, описанный имъ въ «Семейной Хроникѣ». Выведенный изъ себя даже пустяками, онъ становился тигромъ. «Однажды онъ прогнѣвался на одну изъ дочерей своихъ за то, что она солгала и заперлась въ обманѣ. Двое людей водили его подъ руки; узнать было нельзя моего дѣдушку: онъ весь дрожалъ, лицо дергали судороги, свирѣпый огонь лился изъ его глазъ, помутившихся, потемнѣвшихъ отъ ярости. «Подайте ее мнѣ сюда», вопилъ онъ задыхающимся голосомъ. Бабушка кинулась было ему въ ноги, прося помилованія, но въ одну минуту слетѣли съ нея платокъ и волосникъ, и Степанъ Михайловичъ таскалъ за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну. Между тѣмъ не только виноватая, но и всѣ другія сестры, даже братъ ихъ съ молодою женой и маленькимъ сыномъ убѣжали изъ дома и спрятались въ рощѣ,— даже тамъ ночевали. Долго бушевалъ дѣдушка въ опустѣломъ домѣ. Наконецъ, уставши таскать за волосы Арину Васильевну, повалился онъ въ изнеможеніи на постель и впалъ въ глубокій сонъ». Случалось, что отъ жестокостей подобнаго домовладыки разбѣгались отъ него и сыновья, и дочери, и онъ оставался въ своемъ домѣ одинъ, злясь и жалуясь на испорченность молодежи. (Русск. Арх., 1866, 191). Побои, розги, нагайки, конки щедро раздавались дѣтямъ и другимъ родственникамъ, не только жившимъ въ домѣ домовладыки, но даже ведшимъ самостоятельную жизнь. Узнаетъ, напр., дядя, что его племянникъ измѣнилъ женѣ, тотчасъ скачетъ къ нему въ деревню и дуетъ его нагайками (id., 521). Нерѣдко само правительство поддерживало власть подобныхъ домовладыкъ. Напр., гр. Бестужевъ-Рюминъ, за ссору съ отцомъ, былъ отданъ «въ полную его диспозицію». будучи уже дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ; но волѣ отца, онъ былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ свирскій монастырь до смерти; отецъ, впрочемъ, впослѣдствіи освободилъ его изъ монастыря. И это было въ вѣкъ Екатерины II!.. Охраняли нравственность и «основы»...

Понятно, что водворившаяся въ жизни свобода браковъ имѣла ярыхъ враговъ не только въ подобныхъ домовладыкахъ, но даже и въ такихъ людяхъ, какъ Татищевъ, который говоритъ, что о такихъ бракахъ «честнымъ людямъ даже слышать ужасно и мерзко... Вольность въ сочетаніи дѣтямъ безъ обстоятельства дать не можно, ибо частію закону Божію, частію мудрости политической противно, и могутъ отъ своеволія произойти великія непристойности, какъ о томъ Христіанъ Вольфъ въ морали и политикѣ изъяснилъ и примѣры многіе, учинившіеся у насъ, свидѣтельствуютъ». Особенно сильныя преслѣдованія возбуждали противъ себя такъ называемые неравные браки—браки людей «благородныхъ» съ «подлыми» или съ благородными же, но «изъ подлости происшедшими». Такъ, напримѣръ, когда Девіеръ, изъ жалкаго слуги на португальскомъ купеческомъ суднѣ, благодаря расположенности къ нему Петра Великаго, вошелъ въ чины, то началъ свататься на сестрѣ Меншикова. Свѣтлѣйшій ех-пирожникъ съ негодованіемъ отказалъ ему. Девіеръ не унялся и скоро сообщилъ князю, что онъ долженъ выдать за него свою сестру, если не хочетъ, чтобы она родила ребенка, которымъ уже беременна отъ него, Девіера. Вмѣсто отвѣта, Меншиковъ велѣлъ высѣчь батогами навязчиваго жениха. Петръ однакожъ приказалъ князю выдать сестру за Девіера, который вскорѣ сдѣлался графомъ и генералъ-полиціймейстеромъ. Но Меншиковъ жестоко отомстилъ ему: при Екатеринѣ I, по его проискамъ, Девіеръ былъ лишенъ правъ, высѣченъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь. Независимо отъ частныхъ противодѣйствій свободному заключенію браковъ, противъ него иногда, въ частныхъ и особенныхъ случаяхъ, вооружалось и правительство, хотя вплоть до Павла и не подвергало такихъ браковъ строгому преслѣдованію. Напримѣръ, когда гр. Петръ Апраксинъ, человѣкъ женатый, увезъ изъ дворца фрейлину Екатерины II и тайно обвѣнчался съ нею, то императрица хотя и велѣла ихъ арестовать и судить, но потомъ все-таки простила. Павелъ же, тотчасъ по вступленіи на престолъ, «восхотѣлъ въ разсужденіи сего пункта оказать крайнее свое негодованіе и то, что онъ такихъ безпорядковъ терпѣть никакъ не хочетъ». Онъ началъ преслѣдовать всѣ подобные браки «со всею строгостью, чтобъ тѣмъ унять и пресѣчь сіе зло». (Болотовъ). Противъ разводовъ также принимались иногда мѣры и до Павла. Еще въ 1730 г. изданъ былъ указъ: «которые люди съ женами своими, не ходя къ правильному суду, самовольно межъ собой разводиться бу-

дугъ, то отцамъ ихъ духовнымъ ни къ какимъ разводнымъ ихъ письмамъ рукъ отнюдь не прикладывать подъ тяжкимъ штрафомъ и наказаніемъ и подъ лишеніемъ священства». Но и самовольные разводы до Павла преслѣдовались очень рѣдко. Павелъ же, при первомъ своемъ посѣщеніи синода, «сталъ въ примѣръ приводить то, что множество мужей женятся отъ живыхъ женъ, а жены выходятъ замужъ отъ живыхъ мужей, и духовныя власти не только не стараются сіе зло прекращать, но способствуютъ ему еще даваніемъ дозволенія расходиться. На сіе вздумалъ было престарѣлый президентъ, благоговѣйный митрополитъ Гавріилъ, отвѣтствовать ему ссылкою на кормчую книгу, таковые разводы дозволяющую; но государь, вопреки всѣмъ приводимымъ сю статьямъ, предполагалъ другія мѣста и заставлялъ молчать всѣхъ до единаго». Самовольные браки и разводы отнесены къ преступленіямъ, и въ николаевскомъ сводѣ законовъ санкціонированы почти всѣ старинныя постановленія, ограничивавшія свободу брачнаго союза.

Употребляя всѣ усилія, чтобы охранить свои семейства отъ поврежденія нравовъ, родители старались остаться такими же полновластными домовладыками, какими были ихъ допетровскіе предки. Браки сплошь и рядомъ заключались по желанію или по выбору отца, матери, опекуна, для которыхъ устройство брачной карьеры дѣтей было одною изъ обыкновенныхъ житейскихъ спекуляцій. Выборъ жениха былъ самымъ хлопотливымъ дѣломъ для родителей: «Что за комиссія, создатель, быть взрослой дочери отцомъ!» Само собою понятно, что лица, управлявшія заключеніемъ такихъ союзовъ, руководились исключительно корыстными расчетами и нерѣдко, по выраженію Татищева, дѣвушекъ «безсовѣстно продавали» въ браки. Извѣстный богачъ и самодуръ Прокопій Демидовъ, раздраженный желаніемъ одной изъ своихъ дочерей выйти не иначе, какъ за дворянина, приколотилъ къ воротамъ своего дома объявленіе, что у него есть товаръ, дочь-дѣвка, и потому не найдется ли купца изъ дворянъ, который бы женился на ней. Онъ выдалъ эту дочь за чиновника, который первый прочиталъ эту публикацію и сдѣлалъ предложеніе. Въ купечествѣ постоянно учреждались даже выставки невѣстъ въ извѣстные дни, какъ это водится въ Москвѣ до сихъ поръ. Провинціальные дворяне также вывозили обыкновенно своихъ невѣстъ на ярмарки, если не находили имъ сбыта дома *). Корысть сплошь и рядомъ доводила до такихъ же злодѣяній, какъ совершенное некрасовскимъ «напашей», хотя они и облекались въ легальную форму. Бракъ по расчету сдѣлался самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, особаго рода промысломъ. Мужчина женился для денегъ, для карьеры и, женившись, сплошь и рядомъ—

Женины плѣнительные взоры,
Нѣжность сердца, музыку рѣчей,—
Все спускалъ за плоскія рессоры,
Да за пару кровныхъ лошадей.

*) Въ 1871 году авторъ видѣлъ на Благовѣщенской ярмаркѣ Шенкурскаго уѣзда, какъ въ лавкѣ пріѣзжаго купца были выставлены двѣ его дочери-невѣсты. Отецъ нѣсколько уже лѣтъ возитъ по ярмаркамъ этихъ перезрѣлыхъ дѣвъ. Продавались женщины, продавались и мужчины. Въ Петербургѣ, между прочимъ, развился слѣдующій обычай. Какой-нибудь аферистъ бралъ себѣ на содержаніе отставного, неимущаго генерала, обязуясь кормить и одѣвать его до тѣхъ поръ, пока не найдетъ ему невѣсты съ приданымъ въ столько-то тысячъ, изъ которыхъ генералъ даетъ ему столько-то. Невѣста находилась между скопившими деньжонки камеліями; она дѣлалась генеральшей, а генералъ пріобрѣталъ деньжонки... Браки по приказанію начальства, какъ высшаго, такъ и низшаго, не были уничтожены петровскою реформою. Такъ, напримѣръ, правительство иногда заставляло знатныхъ малороссіянъ отдавать своихъ дочерей не иначе, какъ за великоруссовъ. (Соловьевъ, XVI, 381). Вельможи нерѣдко заставляли подчиненныхъ жениться на своихъ негодныхъ для порядочной брачной карьеры родственницахъ или отставныхъ любовницахъ, часто беременныхъ. При Павлѣ былъ слѣдующій случай. 1800 года, 10 іюля, синодскій регистраторъ Максимовъ взятъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ Рачинскимъ и представленъ къ петербургскому военному губернатору, который объявилъ ему высочайшее повелѣніе обвѣнчаться съ дочерью портного мастера Клокенберга, Катериною. Губернаторъ приказалъ отвезти Максимова вмѣстѣ съ Катериною въ Казанскій соборъ, гдѣ ихъ и обвѣнчали въ присутствіи полиціи. На вопросъ священника о согласіи на бракъ, Максимовъ отвѣчалъ, что онъ женится по высочайшему повелѣнію. Дѣло началось изъ-за того, что Катерина жила съ Максимовымъ въ одномъ домѣ и влюбилась въ него; хотя связи между ними никакой не было, но родители, замѣтивъ любовь ея, стращали засѣчь ее до смерти; она бросилась въ рѣку, чтобы утопиться, но была спасена полиціей, и когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія Павла, то онъ приказалъ женить Максимова, который былъ рѣшительно противъ этого брака. (Моропкинъ, II)... Подобные случаи были и впослѣдствіи... Иногда эти браки по приказу носили возмутительный характеръ, напримѣръ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ или военныхъ поселеніяхъ. «Въ старину - говоритъ Пушкинъ—свадьбы какъ и суды, обыкновенно бывали *пристрастны*. Кто-то спрашивалъ у старушки: не страсти ли, бабушка, вышла замужъ?—По страсти, родимый,—отвѣчала она: — приказчикъ и староста обвѣщались меня до полусмерти побить». Помѣщики, въ родѣ описаннаго Аксаковымъ Куролесова, выдѣлывали невообразимыя теперь штуки. «Куролесовъ ѣхалъ однажды черезъ какую-то деревню: проѣзжая мимо овиннаго тока, на которомъ молотило крестьянское семейство, онъ замѣтилъ женщину необыкновенной красоты. —«Стой!» закричалъ онъ. «Петрушка, какова баба?» —«Больно хороша!» — «Хочешь на ней жениться?» —«Да какъ же жениться на чужой женѣ», отвѣчалъ, ухмыляясь, Петрушка.—«А вотъ какъ!.. Ребята, бери ее, сажай ко мнѣ въ повозку!»... Женщину схватили, посадили въ повозку, привезли въ приходское село, и хотя она объявила, что у ней есть мужъ и двое дѣтей,—обвѣнчали съ Петрушкой». Въ огромномъ имѣніи Аракчеева по-

стоянно было много женихов и невѣстъ. О нихъ обыкновенно докладывалъ графу бурмистръ, и графъ приказывалъ представлять ихъ себѣ. Они приходили цѣлою толпою. Графъ становилъ ихъ попарно, жениха съ выбранной имъ невѣстой,—Ивана съ Матреной, Сидора съ Пелагеей и т. д. Когда всѣ такимъ образомъ установятся, Аракчеевъ приказываетъ Матренѣ перейти къ Сидору, Пелагеѣ къ Ивану, перемѣшаетъ всѣ пары и велитъ такъ повѣнчать ихъ. Въ духовенствѣ кандидаты на священнослужительскія мѣста нерѣдко женились на невѣстахъ, указанныхъ имъ властною рукою архипастыря. Въ этомъ сословіи свобода брака окончательно стѣснялась двумя обычаями, изъ которыхъ по одному трудно было, а часто и вовсе не было дозволяемо жениться на дѣвушкѣ свѣтскаго званія, а по другому, недавно уничтоженному законодательнымъ порядкомъ, приходъ удерживался за дочерью умершаго священника, и лицо, желавшее получить его, должно было жениться на ней.

Нравы смягчались такъ медленно, что вплоть до новѣйшаго времени мы нерѣдко встрѣчаемъ такія проявленія мужниной тиранніи, которыя невольно напоминаютъ намъ времена Грозныхъ и Сильвестровъ. Одною изъ главныхъ причинъ этого произвола служила ревность, доходившая до гнусности. Даже Петръ Великій иногда собственными руками наказывалъ тѣлесно своихъ возлюбленныхъ за измѣну (Рус. Стар. 1870. II, 473). Другою, столь же сильною причиною мужниной тиранніи было барское моготство и желаніе овладѣть имуществомъ жены. Случалось, что мужъ, подговоривъ какихъ-нибудь негодяевъ, вмѣстѣ съ ними просто-напросто грабилъ жену. (Оп. Арх. св. синода, I, 194). При Петрѣ, Салтыковъ, напр., жену свою «безвинно билъ мучительски, голодомъ моритъ и хотѣлъ убить до смерти, а что было ея, все ограбилъ». Алексѣй Долгорукій заставилъ свою жену подписать кръпостную запись, будто она все свое имѣніе на себя истратила и желаетъ постричься. Онъ держалъ ее въ заключеніи, мучилъ и нанималъ доносчиковъ, обвинявшихъ ее въ чародѣйствѣ и прелюбодѣяніи. А что терпѣли жены разныхъ Куролесовыхъ и другихъ подобныхъ животныхъ, сколько ихъ сошло преждевременно въ могилу, благодаря дикимъ и развратнымъ мужьямъ!... Нашъ вѣкъ немногимъ бѣднѣе предыдущаго подобными злодѣями и тиранами, въ родѣ, напр., отца Хвостовой или Карцова, осужденнаго въ 1853 году за неимовѣрныя жестокости надъ крестьянами своей жены, которую онъ разорялъ, билъ, покушался застрѣлить, обваривалъ кипящею водою, жегъ огнемъ, чтобы заставить ее отписать на него половину имѣнія. (Зап. Хвостовой, 25. Русск. уг. процессы Любавскаго). Деспотизмъ семейный доходилъ до того, что здоровыхъ женщинъ заключали въ сумасшедшіе дома, какъ помѣшанныхъ. Женъ, даже въ XIX в., продавали и покупали, проигрывали и выигрывали въ карты или на биліардѣ (Р. Арх. 1870, 334; Вигель, I, 8). «Казначейша» Лермонтова—вовсе не фантазія.

Европейская женщина въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій успѣла значительно смягчить общественные нравы и водворить въ обществѣ ту систему приличій, которая не совсѣмъ точно называется «уваженіемъ къ женщинѣ». Русская женщина до сихъ поръ не сдѣлала этого, да и не могла сдѣлать въ какихъ-нибудь полтораста лѣтъ, протекшихъ съ Петра. Законъ и власть третировали женщинъ наравнѣ съ мужчинами, — ихъ били кнутомъ, вырывали ноздри, пытали даже беременныхъ, при чемъ нѣкоторыя и рожали; Петръ запретилъ пытать беременныхъ, но сдѣлалъ исключеніе для государственныхъ дѣлъ. Съ женщинами не церемонились также и относительно административныхъ взысканій. Такъ, въ 1785 году, участницы въ распространеніи карикатуръ и пасквилей, фрейлина Эльмптъ и мадамъ Дивова, были высѣчены домашнимъ образомъ. (Р. Арх. 1865 г. 442). Знатныя дамы не разъ бывали въ передѣлкѣ у Шешковскаго, который съ необыкновенною ловкостью сѣкъ ихъ собственноручно. (Р. Стар. 1870 г., II, 637). Случалось, что его агенты приходили вмѣстѣ съ нимъ въ какой-нибудь семейный домъ и, наказавъ виновныхъ въ чемъ-нибудь хозяйку опредѣленнымъ количествомъ ударовъ, уходили... При императрицахъ для женщинъ были сдѣланы нѣкоторые облегченія,—вмѣсто каторги ихъ велѣно ссылать въ Сибирь на поселеніе, а въ 1754 году запрещено было вырывать у нихъ ноздри и ставить на лицѣ клейма; Екатерина освободила привилегированныхъ женщинъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Но при всемъ этомъ, вплоть до указа 17 апрѣля 1863 года, карательная власть не оказывала почти никакихъ снисхожденій массѣ женщинъ, ихъ относительной слабости, впечатлительности, стыдливости. Даже упомянутый указъ, безусловно освободившій женщинъ отъ тѣлесныхъ наказаній, не вездѣ дѣйствуетъ одинаково, и главное управленіе западной Сибири постановило поступать съ ссыльными женщинами на общихъ основаніяхъ устава о ссыльныхъ, т.-е. подвергать ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Вскорѣ это вошло въ общую практику. Но наказаніе женщинъ не было ихъ худшей долей. Нравственныя оскорбленія, переносимыя ими, были естественнымъ результатомъ дикихъ воззрѣній на женщину. Въ этомъ отношеніи наша исторія полна возмутительныхъ фактовъ. Вотъ, напр., извѣстный фаворитъ Петра II, Долгорукій. «Любострастіе его одною или многими недовольствовалось; согласіе женщины на любодѣяніе уже часть его удовольствія отнимало, и онъ женщинъ, пріѣзжавшихъ изъ почтенія къ матери его, затаскивалъ къ себѣ и насиловалъ. Окружавшіе его однородцы и другіе молодые люди, расчувствомъ дружбу его пріобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и, можно сказать, что честь женская не болѣе тогда была въ безопасности въ Россіи, какъ отъ турковъ во взятомъ градѣ». (Щербатовъ). То же самое совершалось въ административныхъ сферахъ, по разнымъ провинціальнымъ захолустьямъ. Такъ, напр., въ половинѣ XVIII столѣтія, въ Иркутскѣ, ревизоръ Крыловъ, ограбившій всѣхъ зажиточныхъ людей и подъ защитою оставленной имъ для себя лейбъ-стражи водворившій въ городѣ терроръ, небывалый даже и въ Сибири, въ продолженіе трехъ лѣтъ своего звѣрскаго владычества былъ грозою всѣхъ женщинъ. Захва-

тивъ и растливъ дочь купца Воронилова, онъ открыто жилъ съ нею, какъ съ любовницей. Жену купца Мясникова онъ жестокими побоями, кнутомъ и плетью долго склонялъ къ прелюбодѣянію съ собой и даже заставлялъ мужа ея бить ее батогами, что тотъ и исполнялъ, уговаривая несчастную отдаться всемогущему слѣдователю. Мать Мясникова, пятидесятилѣтнюю старуху, Крыловъ доводилъ до отчаянія своимъ скотскимъ волокитствомъ, и однажды на ея именинахъ, въ присутствіи множества гостей, бросился на нее и публично, среди комнаты, повалилъ ее на полъ... Насилуя всѣхъ попадавшихся ему на глаза дѣвушекъ, даже малолѣтнихъ, истязуя нещадно плетьми и батогами тѣхъ, которыя противились ему, Крыловъ простиралъ свое сладострастіе даже на мужчинъ и дошелъ въ своей похальности до того, что даже съ женой вице-губернатора Вульфа поступилъ точно такъ же, какъ съ упомянутой старухой Мясниковой. Братъ герцога Бирона, Карлъ, жившій нѣсколько лѣтъ въ Малороссіи, сформировалъ себѣ, посредствомъ однихъ только насильственныхъ захватовъ, обширный гаремъ.... Хватали женщинъ, особенно кормилицъ, и отбирали у нихъ грудныхъ дѣтей, а вмѣсто ихъ заставляли грудью своею кормить малыхъ щенковъ изъ псовой охоты сего изверга. Люди сильные и богатые дозволяли себѣ относительно женщинъ все. Не ограничиваясь добровольно отдававшимися имъ помпадуршами, они, силою своей власти или силою своихъ денегъ, добывали себѣ женское тѣло, не стѣсняясь никакими нравственными правилами, ни даже закономъ. Дѣло не ограничивалось простымъ насиліемъ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Женщинъ сплошь и рядомъ захватывали въ рабство и держали ихъ для любви или для работы. Поставка женщинъ для властей долго была своего рода натуральной повинностью: деревенскихъ дѣвушекъ, напр., поочередно наряжали къ исправнику или становому, во время ихъ разъѣздовъ. Скарятинъ свидѣтельствуетъ, что въ восточной Сибири это продолжалось вплоть до управленія графа Муравьева Амурскаго. (Одесск. Вѣстникъ, 1860 г.). Еще къ большимъ злодѣяніямъ приводило въ этомъ отношеніи крѣпостное безправіе. «Рабство»—писалъ въ XVIII в. Шапъ—«разрушило въ Россіи всѣ естественныя права; человѣкъ въ Россіи есть товаръ, иногда продаваемый по нищенской цѣнѣ; часто изъ объятій матерей вырываютъ дѣтей, чтобы продавать ихъ лицамъ, преданнымъ разврату». Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ, по выраженію Пушкина,—

> ... тягостный досугъ до гроба всѣ влечутъ,
> Надеждъ и помысловъ въ душѣ питать не смѣя,
> Гдѣ дѣвы юныя цвѣтутъ
> Для прихоти развратнаго злодѣя,—

въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порученіе надъ женщиной, даже въ новѣйшее время, достигало размѣровъ, вполнѣ достойныхъ средневѣкового варварства, какъ это можно видѣть, напр., изъ «Русскихъ уголовныхъ процессовъ» Любавскаго. Вотъ, напр., тайный совѣтникъ Жадовскій, оказавшійся по суду (въ 1855 г.) виновнымъ, кромѣ ужасныхъ жестокостей, въ мужеложствѣ, растлѣніи, насиліяхъ. Мужикамъ онъ дозволялъ жениться только подъ условіемъ приводить къ нему жену въ первую ночь; за представленіе послѣ брака жены своей *не нетронутою*, онъ наказывалъ; нѣкоторыхъ дѣвушекъ растлевали въ комнатахъ Жадовскаго его люди «*при наблюденіи барина*», и т. д. Въ 1847 году судился за подобные же подвиги помѣщикъ Страшинскій, растлившій и изнасиловавшій почти всѣхъ дѣвицъ въ своихъ имѣніяхъ, между прочимъ, двухъ своихъ малолѣтнихъ незаконныхъ дочерей. Это скотство доходило до того, что нѣкоторые джентльмены россійскіе собирали крѣпостныхъ дѣвушекъ, раздѣвали ихъ донага и натравляли на нихъ собакъ...

Въ обществѣ, которое могло терпѣть такія безобразія, въ народѣ, который вынужденъ былъ терпѣть ихъ, не могло быть даже того наружнаго, формальнаго уваженія къ женщинѣ, какое мы видимъ въ Европѣ. Его не было и нѣтъ до сихъ поръ, и въ этомъ отношеніи Россія—страна варварская, ибо какъ иначе назвать страну, въ которой женщинѣ не безопасно ходить одной по улицѣ, въ которой чуть не на каждомъ шагу она можетъ подвергнуться оскорбленію, если не насилію, въ которой лицемѣрное общественное мнѣніе забрасываетъ грязью каждое короткое знакомство мужчины съ женщиной, въ которой могла возникнуть мысль о выдачѣ эманципированнымъ дѣвушкамъ желтыхъ билетовъ и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, въ XVIII и XIX в., всѣ стремленія женщины къ свободѣ и развитію встрѣчали множество враждебныхъ элементовъ, унаслѣдованныхъ отъ древняго періода нашей исторической жизни. Какъ ни сильны были эти элементы, но они не могли окончательно разрушить реформу и подчинить женщину прежнему домостроевскому порядку вещей. Съ другой стороны, и женщина была не въ силахъ не только далеко идти по пути освобожденія, но даже составить себѣ сознательное и ясное представленіе какъ о своихъ существенныхъ нуждахъ, такъ и о способахъ ихъ удовлетворенія. Для этого необходимо было солидное образованіе, коллективная и стройно направленная къ извѣстной цѣли дѣятельность, развитіе общественнаго чувства и сознанія, а ихъ-то и не было у тогдашней женщины. Поэтому всякое реакціонное движеніе прежде всего отражалось на общественномъ положеніи женщины. Все, что пріобрѣла она въ моменты прогрессивнаго развитія общества, все, или почти все это, теряла во время ретроградныхъ направленій. Умолкавшій на время обскурантизмъ, входя въ новую силу, спѣшилъ уничтожить результаты предшествовавшихъ попытокъ, и это было тѣмъ болѣе легко, что практически завоеванныя права женщины не были скрѣплены никакими законодательными мѣрами.

Вслѣдствіе этого въ половинѣ настоящаго столѣтія женское дѣло очутилось въ такомъ положеніи, въ которомъ внѣшнимъ образомъ сдерживались вмѣстѣ самые разнородные элементы и принципы, ждавшіе только удобнаго времени, чтобы перейти въ состояніе новой борьбы, которая должна была вести къ дальнѣйшему развитію. Сводъ законовъ,

слѣдствіе своего формальнаго компилятивнаго характера, вслѣдствіе того, что въ немъ сведены въ одно самые разнохарактерные законы, накопившіеся въ теченіе столѣтій, не проникнуты никакимъ опредѣленнымъ принципомъ относительно семьи и женщины. И хотя наше брачное законодательство своими постановленіями, благопріятными для женщины, напоминаетъ намъ, что послѣдняя прошла такой длинный рядъ униженій и подневольныхъ страданій не даромъ,—что она, при крайней неблагопріятности историческихъ условій, все-таки успѣла во многомъ улучшить свое положеніе сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ находились ея предки,—но, съ другой стороны, наше законодательство во многомъ слѣдуетъ не только духу, но даже буквѣ законоположеній древней Руси. Семейное законодательство до сихъ поръ имѣетъ крайне патріархальный характеръ. Основною семейства служитъ *неограниченная власть* родителя, которая простирается на дѣтей обоего пола и *всякаго возраста* и прекращается единственно смертію естественною или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Личная власть родителей не прекращается, но ограничивается: 1) поступленіемъ дѣтей въ общественное училище, 2) опредѣленіемъ дѣтей въ службу (коронную), 3) вступленіемъ дочерей въ замужество, «такъ какъ одно лицо двумъ *неограниченнымъ властямъ, каковы родительская и супружеская*, совершенно удовлетворить не въ состояніи». (Св. Зак. изд. 1857 г., т. X, ст. 164, 188, 179). Слѣдовательно, по строгому смыслу закона, даже совершеннолѣтніе и самостоятельные люди, не состоящіе на государственной службѣ, и чиновники, получившіе отставку, находятся въ неограниченномъ распоряженіи своихъ родителей, которые для ихъ исправленія имѣютъ право употреблять домашнія *исправительныя* мѣры, а за упорное неповиновеніе, развратную жизнь и другіе явные пороки отдавать въ смирительные дома. Даже въ Петербургѣ сидитъ въ тюрьмахъ не мало дѣтей, посаженныхъ родителями, и между ними два взрослыхъ купеческихъ сына, одинъ отставной капитанъ-лейтенантъ и т. д. Вотъ что разсказываетъ г. Никитинъ о мотивахъ, заставляющихъ родителей упрятывать своихъ дѣтей въ тюрьму. Молодая дама садитъ своего мальчугана въ смирительный домъ потому, что «у нея трое такихъ дѣтей и возжаться съ нимъ ей некогда»... Купецъ садитъ сына, кончившаго курсъ въ гимназіи, за то, что онъ не хочетъ стоять за прилавкомъ, а желаетъ поступить въ университетъ. Сынъ самостоятельно, отдѣльно отъ отца торгуетъ, наживаетъ состояніе, имѣетъ отъ роду 42 года, жену и дочь 12 лѣтъ; отецъ требуетъ отъ него денегъ на содержаніе своей второй мотоватой жены, сынъ отказываетъ, и отецъ садитъ его въ исправительное заведеніе. Сынъ женатъ на красавицѣ, которую преслѣдуетъ отецъ своимъ волокитствомъ; сынъ запрещаетъ пускать его къ себѣ, а отецъ, въ отмщеніе, садитъ его въ тюрьму. Юноша не хочетъ быть военнымъ и выходитъ въ отставку юнкеромъ; отецъ садитъ его на 4 мѣсяца въ смирительный; потомъ, послѣ неудавшейся попытки высѣчь его въ части, вторично заключаетъ его въ смирительный, гдѣ и наказываетъ его розгами. (Жизнь заключенныхъ, Обз. Петер. тюремъ, стр. 193—196) Въ личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, *отъ дѣтей не принимается никакого иска*, ни гражданскимъ, ни уголовнымъ порядкомъ. Отъ родителей же по принесенной ими въ судъ жалобѣ на дѣтей своихъ *не требуется никакихъ доказательствъ*. (Т. X, кн. 1, ст. 168, 165, 166). Законъ вовсе не предписываетъ родителямъ *никакихъ юридическихъ обязанностей* относительно дѣтей, говоря, что родители должны заботиться о дѣтяхъ, содержать ихъ, воспитывать соотвѣтственно нравственности и видамъ правительства,—законъ исполненіе этихъ обязанностей рѣшительно ничѣмъ не гарантируетъ и предоставляетъ совѣсти родителей. Обязанности же дѣтей, — безусловное повиновеніе, чистосердечное почтеніе, любовь, содержаніе родителей въ случаѣ ихъ недостаточности,—гарантированы весьма заботливо и закономъ, и тою неограниченною властью, какую онъ укрѣпляетъ за родителями. Правда, что суды обязаны разбирать споры дѣтей съ родителями, но споры только имущественные, да и то только въ томъ случаѣ, когда жалуются родители на дѣтей, а не наоборотъ.

Тѣмъ же архаическимъ духомъ проникнуто и наше законодательство о незаконныхъ дѣтяхъ. Юридическая безправность ихъ до сихъ поръ поддерживаетъ ихъ соціальную отверженность.

Въ законахъ о бракѣ мы вовсе не видимъ той выдержанности принципа и единства характера, какими отличаются постановленія о семействѣ и законныхъ дѣтяхъ. Съ одной стороны, супруги совершенно равноправны и самостоятельны въ имущественномъ отношеніи, и жена можетъ быть вполнѣ независимою отъ мужа купчихою или промышленницею; но, съ другой стороны, законъ прямо называетъ власть мужа надъ женою *властью неограниченною* (т. X, ст. 179). Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ онъ старается обуздать самовластіе мужа и тѣмъ нисколько не содѣйствуетъ ослабленію того варварства, которымъ полна наша брачная жизнь, въ которой тиранія мужа часто доходитъ до ужасающихъ размѣровъ. Въ купечествѣ, крестьянствѣ, мѣщанствѣ до сихъ поръ господствуетъ убѣжденіе, что мужъ можетъ дѣлать съ своею женою что ему угодно,—бить ее, драть, подвергать всевозможнымъ оскорбленіямъ, даже убивать. Случалось, что на судебныхъ процессахъ мужеубійцы заявляли о своемъ правѣ на совершенное ими злодѣяніе!.. До сихъ поръ мы то и дѣло бываемъ свидѣтелями самыхъ возмутительныхъ примѣровъ мужинаго деспотизма. Вотъ, напр., въ началѣ 1871 года въ Шадринскомъ уѣздѣ одинъ крестьянинъ забиваетъ своей женѣ въ ея внутренности нѣсколько гвоздей безъ шляпокъ, осколки посуды, нѣсколько большихъ иголокъ, завернутыхъ въ тряпку, и деревянную баклашку съ гвоздемъ. Много труда стоило врачу и бабкѣ избавить несчастную отъ этого содержимаго. И это съ нею не первый случай, но въ первый разъ забитый ею мужемъ гвоздь вы-

шелъ вмѣстѣ съ родами. Она до послѣдней крайности никому не сказывала объ этомъ изъ боязни мужа, который грозилъ убить ее при первомъ ея словѣ. Конечно, въ подобныхъ чисто уголовныхъ случаяхъ законъ преслѣдуетъ тирана мужа и предоставляетъ женѣ возможность развода, если злодѣяніе ея повелителя такъ велико, что онъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ; но неограниченность мужниного произвола во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ уголовнаго и имущественнаго, не только поддерживаетъ наши старинные варварскіе нравы, но и неизбѣжно ведетъ за собою возможность тѣхъ именно злодѣяній, противъ которыхъ вооружается даже законъ... Въ постановленіяхъ о правахъ и обязанностяхъ супруговъ замѣчается только одно стремленіе — упрочить, посредствомъ легальнаго принужденія, тѣ чувствованія и отношенія, которыя въ дѣйствительной жизни являются слишкомъ шаткими, и, будучи порождаемы единственно свободною наклонностью, не могутъ быть поддерживаемы и возбуждаемы насильственно. «Не находя въ собственной душѣ»—говоритъ г. Филипповъ—«ни энергіи, ни силы, ни стойкости, ни способности слить свое бытіе, супруги убаюкиваютъ себя мыслію, что они должны быть вѣрны другъ другу по закону и религіи... Многіе другіе мудрые простираютъ свое безумье до того, что требуютъ отъ жены *по закону* любви, уваженія, угожденія и, главное, безусловнаго повиновенія; въ случаѣ же непокорности жены —приступаютъ къ кулачному праву. Мнѣ доводилось видѣть нѣсколько случаевъ въ быту дворянскомъ и чиновномъ, т.-е. въ кругу людей, имѣющихъ претензіи на образованность, что когда покидали ихъ жены, они требовали отъ начальства, гдѣ было мѣстопребываніе ихъ женъ, о высылкѣ послѣднихъ *съ полицейскими для водворенія жены къ сожительству съ мужемъ*, на основаніи ст. 103, т. X, книг. 1. Однажды, въ Одессѣ, я былъ въ полиціи свидѣтелемъ, какъ полицейскій чиновникъ изъ Петербурга, въ глубокую осень, привезъ туда на перекладной молодую, образованную женщину для водворенія на сожительство съ мужемъ». Прежде, по требованію мужей, казна высылала къ нимъ женъ по этапу даже на свой счетъ; теперь же мужъ обязанъ уплачивать издержки ея этапнаго путешествованія... Но жизнь мало-по-малу выставляетъ и осуществляетъ новыя требованія женщины даже въ крестьянскомъ бытѣ. Реформы настоящаго царствованія затронули и деревенскихъ бабъ. «Имъ—пишетъ одинъ мировой судья—уже хочется новыхъ льготъ, желательно пріятнѣе пожить на свѣтѣ, и онѣ возвышаютъ голосъ противъ понятій и правилъ, вошедшихъ въ плоть и кровь русскаго быта, и при первой попыткѣ мужей «постегать по винѣ смотря», бабы бѣгутъ къ мировому съ жалобой на своихъ бывшихъ неограниченныхъ властелиновъ». Является стремленіе къ разводу, и супруги даютъ другъ другу такія формально засвидѣтельствованныя сельскими властями записи: «Крестьянинъ Ѳедоръ Ѳедоровъ Солдатовъ и жена его Катерина Алексѣева, находившіеся между собою во враждѣ, которую прекращаютъ миролюбиво, согласившись другъ отъ друга удалиться навсегда, съ возвращеніемъ собственнаго ея движимаго имущества—постели, перины, двѣ подушки, самоваръ, корова пополамъ, два сундука, при миролюбивомъ раздѣлѣ между собою, не взыскивая другъ съ друга никакихъ побой и неудовольствій, впредь уже должны мы жить особыми домами. Состоявшійся сей миролюбивый актъ въ присутствіи волостного старшины, сельскаго старосты и крестьянъ (такихъ-то) подписанъ за неграмотныхъ» (такими-то).

Гражданскій бракъ у насъ до сихъ поръ не дозволенъ, и тѣ невѣнчанныя связи, которыя подъ этимъ названіемъ все болѣе и болѣе умножаются въ обществѣ, законъ считаетъ грѣховными и преступными, а живущихъ въ нихъ лицъ—«явными прелюбодѣями». Церковный же бракъ можетъ быть расторгаемъ только въ исключительныхъ случаяхъ, а именно: 1) по импотенціи мужа; 2) вслѣдствіе прелюбодѣянія; 3) по безвѣстному долговременному отсутствію одного изъ супруговъ; 4) при лишеніи одного изъ нихъ всѣхъ правъ состоянія и 5) при желаніи супруговъ, не имѣющихъ малолѣтнихъ дѣтей и достигшихъ 50-ти или 60-ти лѣтняго возраста, постричься въ монашество. Жестокіе поступки мужа съ женою прежде считались законнымъ поводомъ къ разводу, но только въ томъ случаѣ, если они были соединены съ его развратною жизнью. (П. С. Зак. 1722 г., апр. 12; 1798, апр. 7, 1806 г., февр. 28; 1811 г., іюня 28).

Наши псевдо-патріоты пользуются каждымъ случаемъ, чтобы заявить о превосходствѣ русскаго брачнаго законодательства надъ законами Европы. Даже въ Англіи завидуютъ имущественной полноправности нашей женщины. Но и эта похвальба, и эта зависть справедливы только въ томъ случаѣ, когда предметомъ ихъ служатъ одни только имущественныя права; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ юридическое положеніе русской женщины можетъ возбуждать только чувство глубокаго сожалѣнія и желаніе, по возможности, скорѣйшихъ реформъ нашихъ законовъ о семейномъ союзѣ, о правахъ и обязанностяхъ супруговъ. Вопросъ о допущеніи гражданскаго брака и о болѣе раціональныхъ условіяхъ расторженія брачнаго союза давно уже выдвинутъ самою жизнью на очередь практическаго разрѣшенія. Для раскольниковъ гражданскій бракъ уже дозволенъ, а вездѣ въ Европѣ исторія гражданскаго брака начиналась допущеніемъ его для сектантовъ. Кромѣ того, и имущественныя права русской женщины далеко не такъ обширны, какъ это требуется здравымъ смысломъ и справедливостью. Даже рутинная юриспруденція сознается, что «изъ всѣхъ законодательствъ цивилизованныхъ народовъ нѣтъ ни одного, въ которомъ бы женщина находилась относительно права законнаго наслѣдованія въ положеніи столь невы-

годномъ. какъ въ нашемъ отечествѣ». (Журн. М. Юст., т. XX, стр. 412). Когда вошло въ обыкновеніе обезпечивать жену и дѣтей служилаго помѣщика, давая имъ на прожитокъ часть его помѣстья, то вдовѣ была назначена $^1/_4$, а дочери $^1/_{14}$ часть имѣнія. Эти правила, нѣсколько измѣненныя, перешли и въ позднѣйшее законодательство, въ которомъ они не имѣютъ уже такого значенія, какъ при господствѣ помѣстнаго права. Назначая дочери при братѣ $^1/_{14}$ изъ недвижимаго и $^1/_8$ изъ движимаго, законъ въ пользу такого неравномѣрнаго распредѣленія наслѣдства не можетъ привести никакого разумнаго основанія. «Постановленія объ указныхъ доляхъдочерей»,—говоритъ Кавелинъ,—«вырванныя изъ помѣстной системы, посреди которой они образовались исторически, и пересаженныя въ 1731 году на почву вотчиннаго права, съ которымъ не имѣли ничего общаго, утратили прежнее свое значеніе. По древнему праву, дочери не наслѣдовали при сыновьяхъ, и потому необходимо было посредствомъ выдѣла указной части изъ имѣнія обезпечить ихъ участь. Если уже разъ новѣйшее законодательство допустило, что дочь можетъ наслѣдовать въ недвижимомъ имѣніи при сыновьяхъ, то трудно понять, почему она получаетъ только $^1/_{14}$ часть, а не равную съ братьями. Наслѣдованіе дочери въ $^1/_8$ части движимаго имущества было точно также результатомъ смѣшенія началъ помѣстнаго права съ греко-римскимъ ученіемъ о наслѣдованіи супруговъ, перешедшимъ въ наше древнее законодательство, и примѣненія ихъ къ наслѣдованію дочери... Это правило также непонятно теперь, какъ и предыдущее. Правило же, что сестры при братьяхъ въ боковыхъ линіяхъ не наслѣдницы, перешло въ настоящее законодательство безъ измѣненія изъ нашего древняго вотчиннаго права. Тогда оно было проведено послѣдовательно; во всѣхъ линіяхъ, какъ боковыхъ, такъ и нисходящей, сестры при братьяхъ ни въ какомъ случаѣ не наслѣдовали. Но теперь, когда къ нисходящей линіи примѣнены начала помѣстнаго права и дочери предоставлено, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, право наслѣдованія,—совершенное устраненіе отъ него сестеръ при братьяхъ является аномаліей, объясняемою только исторіей законодательства, а не внутреннимъ смысломъ постановленій, ибо указная часть изъ помѣстья давалась дочери не въ видѣ наслѣдства, не въ собственность, а для обезпеченія ея существованія только до вступленія ея въ супружество». Единственное основаніе, которое можно приводить въ пользу этихъ законовъ, заключается въ томъ, что, препятствуя раздробленію имѣній и переходу ихъ изъ одного рода въ другой, они до нѣкоторой степени ограждаютъ интересы дворянскаго сословія, въ жертву которымъ, такимъ образомъ, приносятся интересы многихъ милліоновъ женщинъ. Само собою понятно, что уравненіе послѣднихъ съ мужчинами въ ихъ наслѣдственныхъ правахъ должно, наконецъ, взять перевѣсъ надъ всѣми сословными выгодами и надъ старовѣрческою преданностью легальной рутинѣ.

VIII.

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія къ намъ проникли эмансипаціонныя идеи Жоржъ Занда—этого горячаго апологета женщины,—идеи, встрѣченныя благонамѣренной журналистикой съ такимъ наглымъ цинизмомъ, что Сенковскій, этотъ литературный гаеръ, потѣшавшій праздную публику, называлъ знаменитую поэтессу «*г-жа Сперѣди*», каламбуря буквальнымъ переводомъ ея фамиліи «Dudevant». Легіонъ тогдашнихъ писакъ спѣшилъ довести до свѣдѣнія читателей, что во Франціи появилась писательница до того безстыдная, что носитъ брюки, до того развращенная, что живетъ съ кѣмъ-то не повѣнчавшись, и до того злов редная, что поставила главною цѣлью своей дѣятельности—защищать женщину и проповѣдывать свободу чувства.

Но въ то время, какъ отцы и матери негодовали на Ж. Зандъ, сыновья и дочери съ жадностью читали ее, увлекались ея художественными образами, ея теплымъ чувствомъ и свѣтлыми идеями. Жоржъ-зандовская идеализація женщины и апоѳеозъ любви благодѣтельно дѣйствовали на смягченіе нашихъ чувствъ и семейныхъ отношеній. Русская любовь тогда, какъ и въ старину, имѣла грубый, животный характеръ. «Я знаю»,—писалъ Бѣлинскій,—«что наши бояре лазили черезъ тыны къ своимъ прелестницамъ, но это было оскорбленіе и искаженіе величавой, чинной и степенной русской жизни, а не проявленіе оной; такихъ рыцарей ночи наказывали ревнивцы плетьми и кольями, а не раздѣлывались съ ними на благородномъ поединкѣ; такія красавицы считались безплутными бабами, а не жертвами страсти, достойными сожалѣнія и участія. Наши дѣды занимались любовью съ законнаго дозволенія или мимоходомъ, изъ шалости, и не сердце клали къ ногамъ своихъ очаровательницъ, а показывали имъ заранѣе шелковую плетку и неуклонно слѣдовали мудрому правилу: «люби жену, какъ душу, а тряси ее, какъ грушу». Вообще говоря, мы и теперь еще любимъ не совсѣмъ по-рыцарски». Любовь была тогда главнымъ сюжетомъ поэтическихъ пѣснопѣній и беллетристики. Удаленный отъ общеевропейскаго движенія, пѣвшій по указаніямъ казеннаго камертона, тогдашній поэтъ не затрогивалъ никакихъ общественныхъ интересовъ и тратилъ всѣ свои силы исключительно на то, чтобы—

Красу долины, небесъ и моря
И ласки милой воспѣвать.

Характеръ любви, какъ въ дѣйствительной жизни, такъ и въ произведеніяхъ поэзіи, былъ преимущественно чувственный. Въ стихотвореніяхъ Щербины, Майкова, Грекова, Фета, Полонскаго, въ гривуазныхъ пѣсенкахъ Беранже, переводившихся Ленскимъ,—вездѣ воспѣвались только женскія объятія, сладострастныя ночи, безумное упоеніе страстью. Въ послѣднее время по этому пути пошелъ дальше всѣхъ Всеволодъ Крестовскій—этотъ пѣвецъ любви на всѣ манеры, воспѣвшій всевозможныя проявленія разврата и написавшій подъ именемъ «Ис-

панскихъ Мотивовъ» нѣсколько самыхъ циническихъ подражаній киргизскимъ пѣснямъ *). Любовь поглощала всѣ силы поэта, наполняла собою всѣ его помыслы, удаляла отъ него всѣ житейскія заботы, отучала отъ всѣхъ болѣе серьезныхъ интересовъ. Поэзія проповѣдывала, что любовь —высочайшее наслажденіе жизни, но что для полноты этого наслажденія необходимо всецѣло отдаться ему и любить такъ, чтобы при этомъ—*«и разсудокъ, и память, и сердце губить»*, какъ выражается Полонскій. Это направленіе поэзіи не дурно выражено въ извѣстномъ стихотвореніи Майкова:

«Ахъ, люби меня *безъ размышленій*,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній,
Что тутъ думать, – я твоя, ты мой!..
Что тебѣ отчизна, сестры, братья,
Что намъ въ томъ, что скажетъ умный свѣтъ,
Иль холодны мои объятья,
Иль въ очахъ блаженства страсти нѣтъ! .»

Въ поэзіи эта любовь была еще облагорожена, и ея безобразія прикрывались изящною маскою; но въ дѣйствительной жизни служеніе Венерѣ выражалось въ самыхъ отвратительныхъ формахъ. Мы не будемъ уже говорить о томъ, какъ любили Чичиковы, Ноздревы, Хлестаковы, Обломовы, а обратимъ только вниманіе на жизнь тогдашней университетской молодежи, посвященную трактирному разгулу, непрестаннымъ и самымъ грязнымъ любовнымъ похожденіямъ, разбиванію публичныхъ домовъ и т. д. Тогдашнія студенческія пѣсни, умолкнувшія только въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, тогдашніе студенческіе скандалы и движенія были исполнены крайняго цинизма. Мало того, что русскіе любили тогда «не совѣмъ по-рыцарски», какъ выражается Бѣлинскій,—они любили не совсѣмъ по-человѣчески, и массѣ доступно было одно только чисто животное упоеніе страстью. Жоржъ Зандъ сильно повліяла на измѣненіе русской любви. Въ ея произведеніяхъ любовь возведена въ идеалъ самаго лучшаго изъ человѣческихъ чувствъ, и уваженіе къ женщинѣ освящено какимъ-то фанатическимъ культомъ. Женщина гуманизируетъ нравы, облагораживаетъ мужчину, превращаетъ въ человѣка дикое животное. Любовь — не конечная цѣль жизни женщины. «За предѣлами любви»—говоритъ Лелія—«есть другой міръ, міръ новыхъ желаній, новыхъ потребностей, новыхъ надеждъ». И хотя Ж. Зандъ не выяснила опредѣленно этихъ новыхъ идеаловъ, болѣе возвышенныхъ и широкихъ, чѣмъ любовь, но все-таки она внушила женщинѣ сильное стремленіе къ нимъ, которое вскорѣ перешло въ сознательный вопросъ эманципаціи, равноправности и общечеловѣческаго развитія. Возвышая женщину и облагораживая любовь, Ж. Зандъ пропагандировала свободу чувства и указывала на необходимость болѣе человѣческаго и активнаго положенія женщины въ обществѣ.

Идеи о свободѣ чувства принялись у насъ гораздо раньше, чѣмъ другія мысли жоржъ-зандовской пропаганды. Женщина, воспитанная исключительно для любви, прежде всего хотѣла любить свободно. Но наше грубое невѣжество и азіатская варственность общественнаго быта, основаннаго на крѣпостничествѣ, были причиною того, что чистая идея свободы чувства при первыхъ опытахъ ея акклиматизаціи на русской почвѣ дала нехорошіе плоды. Соблазнить дѣвушку, увлечь, ради минутной прихоти, замужнюю женщину, завязать связь съ какой-нибудь модисткой или горничной и, когда надоѣстъ, бросить ее,—все это сплошь и рядомъ выдавалось за практическое приложеніе принциповъ жоржъ-зандизма. Мужчины начали безобразничать по модѣ; отъ нихъ не отставали и барыни. Явились Авдотьи Никитишны Кукшины, которыя выражали собою тоже протестъ противъ стѣсненія женщины, но протестъ не мысли, а испорченнаго чувства, протестъ порока. Такія барыни вызваны къ жизни не жоржъ-зандовскою пропагандою: онѣ были всегда, но прежде, подъ гнетомъ патріархально-лицемѣрнаго общественнаго мнѣнія, онѣ жили постоянно подъ маскою и прикидывались добродѣтельными. Когда же явилась возможность не только не скрывать своей развращенности, но даже хвастаться ею, когда легкость поведенія и эксцентрическій образъ жизни вошли въ моду и посредствомъ ихъ можно было стяжать себѣ репутацію умной, передовой женщины,—тогда маски были сброшены, и Авдотьи Кукшины закутили напропалую. Щегольство вольностью нрава и либеральными фразами сдѣлалось своего рода эпидеміей. Люди старомодные, болѣе безнравственные, чѣмъ Кукшины, потому что они болѣе лицемѣрны, чѣмъ послѣднія, вопили о паденіи нравовъ, чуть-чуть не о погибели отечества отъ шалостей эманципированныхъ модницъ. До чего простиралась глупость этихъ охранителей, можно видѣть изъ того, что достаточно было какой-то г-жѣ Толкачевой прочесть въ Перми на литературномъ вечерѣ «Египетскія Ночи» Пушкина, чтобы изъ этого сдѣлали всероссійскій скандалъ, которымъ нѣсколько мѣсяцевъ занималась литература!...

Само собою понятно, что эманципаціонное движеніе въ духѣ Ж. Зандъ не могло ограничиться подобными уродливыми проявленіями. И въ то время, какъ барственные послѣдователи жоржъ-зандизма пользовались превратно-понятыми принципами его, какъ модянымъ покрываломъ для своего грубаго эгоизма, рядомъ съ ними и постепенно вытѣсняя ихъ, нарождались другіе люди, понимавшіе Ж. Занда гораздо серьезнѣе. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, когда ни одинъ изъ общественныхъ вопросовъ не подлежалъ гласному обсужденію, да и чисто домашнее, кабинетное занятіе ими было дѣломъ строго-келейнымъ и далеко небезопаснымъ, вопросъ о любви, по недосмотру охранительной опеки, былъ до нѣкоторой степени свободенъ отъ запрета,

*) В. Крестовскій былъ хорошо знакомъ съ покойнымъ Чоканъ Валихановымъ—молодымъ, даровитымъ и отлично образованнымъ киргизомъ, который передавалъ ему содержаніе многихъ произведеній киргизской народной поэзіи, любимѣйшимъ сюжетомъ которыхъ служитъ самое необузданное сладострастіе, а Крестовскій перелагалъ передаваемое ему въ стихи и составлялъ изъ нихъ «Испанскіе Мотивы». Это извѣстно сибирякамъ, знакомымъ съ Валихановымъ по его петербургской жизни; объ этомъ разсказывается и въ его некрологѣ, помѣщенномъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ».

хотя литература могла обработывать его почти въ одной только бе.летристической формѣ. Но эта форма была самой доступной для пониманія большинства, и потому романисты первые дали женскому вопросу право гражданства въ литературѣ и популяризировали его въ обществѣ. «Кто виноватъ» Искандера, «Полинька Саксъ» Дружинина, «Подводный камень» Авдѣева, «Смѣлый шагъ» Леона Бранди и много другихъ подобныхъ произведеній оказали въ этомъ отношеніи важныя заслуги. Упомянутые бе.летристы не сказали, конечно, ничего новаго, но они разъяснили и ввели въ наше сознаніе то, что было выработано передовой европейской мыслью. Благодаря имъ, жоржъ-зандовская идеализація женщины и идея свободы чувства дали сильный толчокъ русской мысли, которая начала работать надъ созданіемъ новыхъ идеаловъ женщины и семейныхъ отношеній. Въ то же самое время началась реакція противъ общераспространеннаго мнѣнія, что будто бы любовь—единственное предназначеніе женщины. Мысль возвысилась до интересовъ болѣе серьезныхъ, чѣмъ служеніе красотѣ. «Горе тому»,—писалъ Бѣлинскій,—«кто въ наши дни зданіе счастія своего вздумаетъ построить на одной только любви и въ жизни сердца вознадѣется найти полное удовлетвореніе всѣмъ своимъ стремленіямъ! Въ наше время это значило бы отказаться отъ своего человѣческаго достоинства, изъ мужчины сдѣлаться самцомъ. Міръ дѣйствительный имѣетъ равныя, если еще не бо.льшія права на человѣка, и въ этомъ мірѣ человѣкъ является прежде всего сыномъ своей страны, гражданиномъ своего отечества, горячо принимающимъ къ сердцу его интересы и ревностно поборающимъ, по мѣрѣ силъ своихъ, его преуспѣянію на пути нравственнаго развитія. И въ наше время жизнь и дѣятельность въ сферѣ общаго есть необходимость не для одного мужчины, но точно также и для женщины, ибо наше время сознало уже, что и женщина точно такъ же человѣкъ, какъ и мужчина, и сознало это не въ одной теоріи (какъ это же сознавали и въ средніе вѣка), но и въ дѣйствительности. Если мужчинѣ позорно быть самцомъ на томъ основаніи, что онъ человѣкъ, то и женщинѣ позорно быть самкою на томъ основаніи, что она человѣкъ, а не животное. Ограничивать же кругъ ея дѣятельности спальнею и кухнею—не значитъ ли лишать ее правъ человѣка и изъ женщины дѣлать самкою?... Отношеніе обоихъ половъ къ любви и одного къ другому въ любви дѣлаются совсѣмъ другими, нежели какими они были прежде. Такъ какъ истинно человѣческая любовь теперь можетъ быть основана только на взаимномъ уваженіи другъ въ другѣ человѣческаго достоинства, а не въ одномъ капризѣ чувства и не на одной прихоти сердца,—то и любовь нашего времени имѣетъ уже совсѣмъ другой характеръ, нежели какой она имѣла прежде. Взаимное уваженіе другъ въ другѣ человѣческаго достоинства производитъ равенство, а равенство—свободу въ отношеніяхъ. Мужчина перестаетъ быть властелиномъ, а женщина рабою, и съ обѣихъ сторонъ установляются одинаковыя права и одинаковыя обязанности: послѣднія, будучи нарушены съ одной стороны, тотчасъ же не признаются болѣе и другою». Вслѣдствіе равнонравности женщины, «мать нашихъ дѣтей, она не унизится, но возвысится въ глазахъ нашихъ, какъ существо, свято выполнившее свое святое назначеніе, и наше понятіе объ ея нравственной чистотѣ и непорочности не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ грязно-чувственнымъ понятіемъ, какое придавалъ этому предмету экзальтированный романтизмъ среднихъ вѣковъ: для насъ нравственная чистота и невинность женщины—въ ея сердцѣ, полнотѣ любви, въ ея душѣ, полной возвышенныхъ мыслей... Идеалъ нашего времени не дѣва идеальная и неземная, гордая своею невинностью, какъ скупецъ своими сокровищами, отъ которыхъ ни ему, ни другимъ не лучше жить на свѣтѣ; нѣтъ, — идеалъ нашего времени женщина, живущая не въ мірѣ мечтаній, а въ дѣйствительности осуществляющая жизнь своего сердца,—не такая женщина, которая чувствуетъ одно, а дѣлаетъ другое... Общество все еще держится принциповъ стараго, средневѣковаго романтизма, обратившагося уже въ пустыя формы за отсутствіемъ умершаго содержанія; но люди, имѣющіе право называться «солью земли», уже силятся осуществить идеалъ новаго романтизма».

Бѣлинскій, однакожъ, не могъ вполнѣ возвыситься до того уровня, на какомъ въ Европѣ давно уже стояла идея женской эмансипаціи. Одно время этотъ геніальный самоучка даже смотрѣлъ на женщину ничѣмъ не лучше той толпы, которую онъ старался гуманизировать и просвѣщать. Вотъ что писалъ онъ о воспитаніи женщины. «Природа дала мужчинѣ мощную силу и дерзкую отвагу, мятежныя страсти и гордый пытливый умъ, дикую волю и стремленіе къ созданію и разрушенію; женщинѣ дала она красоту вмѣсто силы, избыткомъ тонкаго и нѣжнаго чувства замѣнила избытокъ ума и опредѣлила ей быть веселкой огня кроткихъ и возвышенныхъ страстей; и какая дивная гармонія въ этой противоположности, какой звучный, громкій и полный аккордъ составляютъ эти два *совершенно различные инструмента!* Воспитаніе женщины должно гармонировать съ ея назначеніемъ, *и только прекрасныя стороны бытія должны быть открыты ея вѣдѣнію, а обо всемъ прочемъ она должна оставаться въ миломъ простодушномъ незнаніи;* въ этомъ смыслѣ, ея односторонность—ея достоинство; мужчинѣ же открыть весь міръ, всѣ стороны бытія»... Если такъ смотрѣлъ на женщину учитель, то можно себѣ представить, какая путаница понятій царила въ головахъ его учениковъ! И хотя Бѣлинскій въ концѣ своей дѣятельности значительно измѣнилъ свои прежнія воззрѣнія на женщину, но эмансипаторомъ, въ современномъ значеніи этого слова, онъ все-таки не былъ.

Герценъ, образованность котораго равнялась его блестящему таланту, пошелъ гораздо дальше Бѣлинскаго, и поставивъ на раціональную почву вопросъ о любви и бракѣ въ своемъ романѣ «Кто виноватъ», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ у насъ и первымъ проповѣдникомъ идеи равенства половъ. Вотъ что пи-

салъ онъ еще въ началѣ сороковыхъ годовъ. «Этотъ міръ всеобщихъ интересовъ, эта жизнь общественная, художественная, ещентифическая—все это для мужчины, а у бѣдной женщины ничего нѣтъ, кромѣ ея семейной жизни. Она должна жить исключительно сердцемъ; ея міръ ограниченъ спальней и кухней. . Странное дѣло! девятнадцать столѣтій христіанства не могли научить людей понимать въ женщинѣ человѣка. Кажется, гораздо мудренѣе понять, что земля вертится около солнца; однако поспорили, да и согласились; а что женщина человѣкъ — въ голову не помѣщается! Однакожъ, участіе женщины въ высшемъ мірѣ было признано религіей: «Марѳа, Марѳа, ты печешься о многомъ, а *одно* потребно, Марія избрала *благую часть*». На женщинѣ лежатъ великія семейныя обязанности относительно мужа,—тѣ же самыя, которыя мужъ имѣетъ къ ней, а званіе матери поднимаетъ ее надъ мужемъ, и тутъ-то женщина во всемъ ея торжествѣ: женщина больше мать, нежели мужчина—отецъ; дѣло начальнаго воспитанія есть дѣло общественное, дѣло величайшей важности, а оно принадлежитъ матери. Можетъ ли это воспитаніе быть полезно, если жизнь женщины ограничить спальней и кухней? Почему римляне такъ уважали Корнелію, мать Гракховъ? Семейное призваніе женщины никонмъ образомъ не мѣшаетъ ея общественному призванію. Міръ религіи, искусства, всеобщаго, точно такъ же раскрытъ женщинѣ, какъ намъ, съ тою разницею, что она во все вноситъ свою грацію, непреодолимую прелесть кротости и любви. Вся исторія Италіи не совершалась ли подъ безпрерывнымъ вліяніемъ женщинъ? Не доказали ли онѣ мощь геніальности своей и на престолѣ, какъ Екатерина II, и на плахѣ, какъ Роланъ? Нужны ли доказательства людямъ, которые своими глазами видѣли Сталь, Рахель, Беттину и теперь еще видятъ испанскій талантъ геніальной женщины?... Какое же мы имѣемъ право отчуждать ихъ отъ міра всеобщихъ интересовъ?... Въ дикія времена феодализма рыцари имѣли обыкновеніе въ своихъ помѣстьяхъ выбирать маленькихъ дѣвочекъ, обѣщавшихъ красоту, и запирать въ особое отдѣленіе, гдѣ за ихъ «*нравственностью*» былъ строгій надзоръ; изъ этихъ разсадниковъ брали они себѣ, по мѣрѣ надобности, любовницъ. Такъ разсказываетъ очевидецъ Брантомъ. Нынѣ такого грубаго и отвратительнаго уничиженія женщины нѣтъ. А не правда ли, что-то родственное этимъ хозяйственнымъ запасамъ осталось въ воспитаніи дѣвицъ исключительно въ невѣсты? Мысль, что дѣвица сама въ себѣ никакой цѣли не имѣетъ, кромѣ замужества, право, неправственна и непристойна!...»

Такимъ образомъ, еще въ сороковыхъ годахъ русская мысль начала относиться критически къ женщинѣ и къ основнымъ условіямъ ея положенія въ семьѣ и обществѣ. «Дамы, пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ», уже не удовлетворяли русскаго человѣка, и онъ думалъ о новой женщинѣ, образъ которой представлялся ему въ свѣтлыхъ, радужныхъ, но не совсѣмъ опредѣленныхъ очертаніяхъ. Онъ, устами тогдашняго поэта, говорилъ женщинѣ:

«Твое святое назначенье—
Нашъ геній изъ пелены принять.
Направить душу поколѣнья,
Отчизнѣ гражданъ воспитать,
И новой мыслью, новой страстью,
Огнемъ, любовью, красотой
Подвинуть міръ въ путяхъ ко счастью
И взволновать его застой».

«Отчизнѣ гражданъ воспитать» — требованіе уже довольно опредѣленное, показывающее, что, благодаря романамъ Ж. Зандъ, русская мысль начала самостоятельно работать надъ женскимъ вопросомъ и поставила его въ связи съ другими общественными вопросами. Но какъ могла «направить душу поколѣнья и воспитать отчизнѣ гражданъ» тогдашняя женщина, которую саму-то необходимо было перевоспитать, чтобы она могла внушить серьезную любовь развитому человѣку! За перевоспитаніе женщины взялся мужчина. Умственное движеніе сороковыхъ годовъ, выдвинувшее Станкевича, Герцена, Бѣлинскаго, Грановскаго, должно было неизбѣжно коснуться и женщины. Это былъ періодъ теоретической работы мысли, приготовлявшей дѣло (никакое дѣло тогда было невозможно), періодъ пропаганды гуманныхъ идей и знаній. Тогдашній герой—этотъ мученикъ собственной мысли этотъ странствующій проповѣдникъ—

Книжки читаетъ, да по свѣту рыщетъ,
Дѣла себѣ испанскаго ищетъ.

Эти герои эти Рудины были родные братья тѣмъ своимъ нѣмецкимъ современникамъ, которыхъ такъ хорошо изобразилъ Шпильгагенъ въ романѣ «Загадочныя натуры». Они страдали отъ горькаго сознанія, что не могутъ ничего сдѣлать для осуществленія своихъ идеаловъ, и въ то же время дѣлали великое дѣло, пробуждая общественную мысль, распространяя знанія, воспитывая гуманныя чувства и развивая сознаніе гражданскаго долга. Въ частности они воспитывали и по возможности поднимали до уровня своего развитія женщинъ—своихъ возлюбленныхъ, женъ, сестеръ, знакомыхъ. Это развитіе женщины посредствомъ частной, домашней, дружеской пропаганды продолжается до послѣдняго времени. Часто такая просвѣтительная дѣятельность мужчины заканчивается брачнымъ союзомъ и нерѣдко начинается только послѣ его заключенія. Многое, конечно, можно сказать противъ такого воспитанія жены для себя, противъ такого развитія женской личности не своимъ личнымъ вкусамъ. Но въ нашемъ обществѣ, гдѣ такъ много дамъ и барышенъ, бабъ и дѣвокъ, и почти вовсе не было до самаго послѣдняго времени ни *людей-женщинъ*, ни средствъ къ общественному ихъ воспитанію,—въ нашемъ обществѣ упомянутое домашнее образованіе женщины ея возлюбленнымъ или мужемъ было явленіемъ неизбѣжнымъ. Оно приносило и приноситъ свои хорошіе плоды, конечно, въ томъ только случаѣ, если воспитателями являются порядочные люди, а не негодяи въ родѣ уродовъ, измышленныхъ импотентной фантазіей Авенаріуса, Писемскаго, Гончарова и К°. Кто наблюдалъ этотъ разрядъ явленій въ дѣйствительной

жизни, тотъ, конечно, знаетъ, что со стороны мужчинъ не обходится при этомъ безъ попытокъ къ нравственному закабаленію себѣ женщины, но эти попытки далеко не составляютъ общаго правила, и большинство развивавшихся такимъ образомъ женщинъ остается нравственно свободнымъ отъ своихъ учителей, возлюбленныхъ или мужей. Мы знаемъ даже такіе случаи, что бракъ заключался съ единственною цѣлью воспитанія дѣвушки и освобожденія ея отъ родительской опеки, препятствовавшей ея стремленіямъ къ образованію и самостоятельной жизни. Эта домашняя пропаганда оказала женскому дѣлу большія услуги; ей русская женщина сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ обязана всѣмъ своимъ развитіемъ, какое имѣла она тогда,—своими стремленіями къ свободѣ и серьезному образованію и тѣмъ сознаніемъ своего личнаго достоинства, которое дѣлаетъ невыносимою семейную тюрьму. Подобно домашней, и публичная, литературная пропаганда эманципаціи вплоть до послѣдняго времени велась почти исключительно мужчинами; русская женщина хотя и чувствовала всю тяжесть своего положенія, хотя и стремилась улучшить его, но не была настолько подготовлена къ сознательной, систематической борьбѣ, чтобы открыть ее на литературномъ полѣ. Ни одна изъ даровитыхъ писательницъ прежняго времени, ни Растопчина, ни Туръ, ни Хвощинская, ни даже Марко-Вовчокъ, ничего не сдѣлала въ пользу эманципаціи. И когда въ концѣ пятидесятыхъ годовъ жизнь настоятельно выдвинула женскій вопросъ, то женщина нашла необходимымъ гласно обратиться къ мужчинѣ за помощью. Она сознавала свое безсиліе идти впередъ самостоятельно и честно и просила приготовить ее для этого самостоятельнаго шествія. Помѣщенная въ «Современникѣ» 1857 года «Жалоба женщины» вполнѣ характеризуетъ собою тогдашнее состояніе женскихъ умовъ. Писавшая эту жалобу, какая-то г-жа А., говоритъ то же самое, что говорили о женщинѣ Бѣлинскій и Герценъ; она высказываетъ свое недовольство пансіонскимъ и институтскимъ образованіемъ и воспитаніемъ женщины исключительно для брака и требуетъ уравненія образованія обоихъ половъ. «Попробуйте вести вашихъ дѣтей, сына и дочь, одной дорогой; но различію своей породы они будутъ смотрѣть въ разныя стороны: въ одномъ не уничтожится мужчина, въ другой не утратится женственность оттого, что вы расширите предѣлы ея ума». Но путаница понятій автора и неопредѣленность его желаній простираются до того, что, попытавшись отнестись критически къ тогдашней программѣ женскаго образованія, г-жа А. проектируетъ особую исторію для женщинъ. «Женщинамъ исторія должна показать ихъ судьбу, положеніе въ обществѣ, права и обязанности ихъ, также какъ и семейную жизнь у разныхъ народовъ и въ разныя времена. Такая исторія займетъ женщину потому что тутъ она узнаетъ, свое значеніе, вліяніе, которое она имѣла и можетъ имѣть на общество, узнаетъ, чѣмъ пріобрѣтается вліяніе; она увидитъ въ исторіи, какъ дѣйствовали на ея судьбу міровыя явленія, успѣхи наукъ, и не будетъ уже смотрѣть на нихъ равнодушно». Авторъ и не сообразилъ того, что противорѣчитъ самому себѣ и хлопочетъ не объ общечеловѣческомъ образованіи женщины, а объ ея воспитаніи для семейства. Въ заключеніи г-жа А. вполнѣ сознается въ своей некомпетентности по женскому вопросу и чуть не плачетъ. «Мнѣ хотѣлось бы только вымолить у жизни, у обстоятельствъ, у людей вниманія къ женщинѣ и помочь ей стать въ независимое положеніе, съ тѣмъ, чтобы она не утрачивала поэтическую сторону женственности. Помогите, ради Бога, помогите, всѣ, кто чѣмъ и какъ можетъ! И пускай мои худо высказанныя желанія вызовутъ чей-нибудь свѣтлый умъ на пользу женщинъ, пускай одинъ вопросомъ въ жизни будетъ меньше!..» Такимъ образомъ институтское и пансіонское образованіе только портило женщину, а ея домашнее развитіе, при помощи скудной литературы и частной пропаганды мужчины, оказывалось далеко недостаточнымъ для того, чтобы дать ей силы для самостоятельнаго развитія. Русская женщина того времени не могла развиться болѣе тургеневской Елены. Даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по выходѣ «Наканунѣ», русскія женщины съ какимъ-то энтузіазмомъ преклонялись передъ образомъ Елены и видѣли въ ней идеалъ женщины-гражданки. Онѣ не могли понять, что при всей симпатичности своей натуры, при всей относительной самостоятельности своего характера, Елена очень далека отъ тѣхъ совершенствъ, которыя требуются отъ женщины сознаніемъ эпохи и интересами самаго женскаго дѣла. Она была неспособна ни къ какой самостоятельной дѣятельности, и только любовь къ Инсарову, который очаровалъ ее, какъ герой, и покорилъ ее своею нравственною мощью,—только чистая, пламенная любовь къ этому избраннику ея сердца увлекаетъ ее на освобожденіе Болгаріи. Послѣ смерти Инсарова она ограничиваетъ свою дѣятельность ролью сестры милосердія. Она была не гражданка, а только умная, честная, хорошая жена гражданина чуждой ей страны, на пользу которой, во имя привязанности къ своему мужу, она дѣйствовала въ то время, когда ея собственная страна нуждалась въ дѣятеляхъ не менѣе какой-нибудь Болгаріи, и дѣйствовала до тѣхъ поръ, пока находила опору, поддержку и поощреніе въ томъ, кого она такъ безкорыстно любила.

Теоретическая мысль, такъ долго работавшая подъ спудомъ, и постепенно развивавшееся общественное сознаніе, такъ долго выражавшееся только въ робкомъ шопотѣ, послѣ севастопольскаго погрома получили возможность болѣе широкаго развитія. Общественное движеніе шестидесятыхъ годовъ захватило и женщинъ. Русская мысль съ невозможною прежде свободою критики отнеслась къ семейному и общественному положенію женщины, къ той порабощающей и мертвящей жизни «Темнаго царства», среди которой—

> винетъ до времени
> Всевыносящаго русскаго племени
> Многострадальная мать.

Жоржъ-зандовская идеализація любви и женщи-

ны замѣнилась идеализаціей болѣе здравой и реальной, выраженіемъ которой служитъ романъ «Что дѣлать». Любовь по этому идеалу не можетъ быть любовью человѣческою, если она не проникнута и не освящена принципами равенства и свободы *). Пропаганда женской эмансипаціи пошла съ небывалою прежде живостью, и успѣхъ относящихся сюда сочиненій наглядно свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ самой идеи. Статьи о женщинахъ Михайлова и покойной г-жи Милль, «О подчиненіи женщины» Дж. Стоарта Милля, имѣвшее въ два года четыре изданія, трудъ пишущаго эти строки («Историч. судьбы женщины»), успѣхъ котораго превзошелъ скромныя надежды автора, и много другихъ сочиненій пропагандировали идеи свободы и равноправности между всѣми образованными женщинами. Крестьянская реформа, сообщившая новое направленіе всей экономической жизни народа и поставившая общество въ новыя условія, содѣйствовала развитію эмансипаціонныхъ стремленій нашей женщины такъ же сильно, какъ въ Америкѣ вопросъ объ освобожденіи негровъ. Крестьянская реформа необходимо вводила въ жизнь сильный стимулъ прогрессивнаго движенія и нѣкоторую свободу умственнаго развитія,—свободу, благодаря которой теоретическое разрѣшеніе женскаго вопроса подвинулось у насъ такъ далеко, а женщины пробудились отъ умственной спячки и почувствовали позорность своего пассивнаго положенія Крестьянская реформа, далѣе, логически привела къ вопросу о женскомъ трудѣ,—вопросу первой важности. Женщина сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ была чувствительной барыней, которая беззаботно поживала на чужихъ харчахъ и стремилась развивать въ себѣ только чувственную сторону своего существа. Теперь она должна была подумать о самостоятельной жизни, объ обезпеченіи своего будущаго положенія трудами рукъ или головы своей. Она хочетъ не только любить свободно, но и быть равною мужчинѣ, быть независимою отъ него; а для этого ей необходимо быть самостоятельной работницей, необходимо сравняться съ мужчиной по образованію. Никогда стремленіе женщины къ образованію не было такъ сильно, какъ въ настоящее время. Что же мы сдѣлали для образованія женщинъ? Мы оставили имъ прежніе институты и пансіоны, да основали такъ называемыя женскія гимназіи, которыя, отличаясь отъ первыхъ почти однимъ только отсутствіемъ въ нихъ сословнаго характера и казарменной замкнутости, не даютъ молодому женскому поколѣнію никакого солиднаго образованія. Отъ женскихъ гимназій дѣвушки богатыхъ классовъ рѣшительно ничего не выиграли, такъ какъ и безъ нихъ онѣ имѣли бы возможность получать отъ домашнихъ учителей образованіе, равное теперешнему гимназическому. Женскія гимназіи должны имѣть свое главное значеніе для дѣвушекъ болѣе или менѣе бѣдныхъ, и дѣйствительно, онѣ значительно удешевили образованіе, сдѣлали его болѣе доступнымъ, чѣмъ прежде, но, удерживая за нимъ прежній поверхностный характеръ, не устремляя его къ серьезной и реальной цѣли, гимназіи не даютъ женщинѣ никакихъ средствъ не только къ расширенію сферы женскаго труда, но даже къ улучшенію профессій, уже доступныхъ женщинѣ; онѣ неспособны приготовить дѣвушку не только къ общественной, но даже и къ разумной семейной дѣятельности, къ раціональному воспитанію дѣтей. Правда, что въ исторіи русскаго прогресса онѣ имѣютъ нѣкоторое значеніе, увеличивая массу женщинъ грамотныхъ и украшенныхъ кой-какими поверхностными свѣдѣніями, а главное, возбуждая въ молодомъ женскомъ поколѣніи стремленіе къ болѣе солидному образованію,— но вѣдь этого очень мало, и общество, которое содержитъ гимназіи на свой счетъ,

*) Вотъ что говоритъ авторъ объ историческомъ развитіи красоты и пониманія ея. Первую эпоху составляетъ царство *Астарты*. Роскошная женщина, обвѣшенная украшеніями и умащенная миррою. «Сладострастіе и рабольпство въ ея лицѣ, сладострастіе и безсмысліе въ ея глазахъ». Вторая эпоха—царство *Аѳродиты*. «На этой царицѣ нѣтъ никакихъ украшеній,—она такъ прекрасна, что ея поклонники не хотѣли, чтобы она имѣла одежду. И въ ея глазахъ только нѣга физическаго наслажденія. Ея осанка горда, въ ея лицѣ гордость, но гордость только своею физическою красотою». Третья эпоха—царство *Непорочности*. Это «царица скромная, кроткая, нѣжная, прекрасная,—прекраснѣе Астарты прекраснѣе самой Аѳродиты; она—задумчивая, грустная, скорбящая. Передъ нею преклоняютъ колѣна, ей подносятъ вѣнокъ розъ. Она говоритъ: «печальна до смертельной скорби душа моя; мечъ пронзилъ сердце мое. Скорбите и вы. Вы—несчастные. Земля—долина плача». Теперь начинаетъ свое владычество въ мірѣ новая царица любви, которая такъ описываетъ себя. «Во мнѣ наслажденіе чувства, которое было въ Астартѣ: она родоначальница всѣхъ насъ другихъ царицъ, смѣнявшихъ ее. Во мнѣ упоеніе созерцаніемъ красоты, которое было въ Аѳродитѣ. Во мнѣ благоговѣніе передъ чистотою, которое было въ «Непорочности».

«Но во мнѣ все это не такъ, какъ было въ нихъ, а полнѣе, выше, сильнѣе. То, что было въ «Непорочности», соединяется во мнѣ съ тѣмъ, что было въ Астартѣ, и съ тѣмъ, что было въ Аѳродитѣ. И, соединяясь во мнѣ съ другими силами, каждая изъ этихъ силъ становится могущественнѣе и лучше отъ союза. Но больше, еще гораздо больше могущества и прелести дается каждой изъ этихъ силъ тѣмъ новымъ, что есть во мнѣ, чего не было ни въ одной изъ прежнихъ царицъ. Это новое во мнѣ, чѣмъ я отличаюсь отъ тѣхъ,—равноправность любящихъ, равное отношеніе между ними, какъ людьми, и отъ этого одного новаго все во мнѣ много, о, много прекраснѣе, чѣмъ было въ нихъ».

«Отъ равноправности и свободы, и то мое, что было въ прежнихъ царицахъ, получаетъ новый характеръ, высшую прелесть, прелесть, какой не знали до меня, передъ которой ничто все, что знали до меня».

«До меня не знали полнаго наслажденія чувства, потому что безъ свободнаго влеченія обоихъ любящихъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ свѣтлаго упоенія. До меня не знали полнаго наслажденія созерцаніемъ красоты, потому что если красота открывается не по свободному влеченію, нѣтъ свѣтлаго упоенія ея созерцаніемъ. Безъ свободнаго влеченія и наслажденія, и восхищенія мрачны предъ тѣмъ, каковы они во мнѣ».

«Моя непорочность чище той «Непорочности», которая говорила только о чистотѣ тѣла: во мнѣ чистота сердца. Я свободна, потому что во мнѣ нѣтъ обмана, нѣтъ притворства: я не скажу слова, котораго не чувствую, не дамъ поцѣлуя, въ которомъ нѣтъ симпатіи».

«Если хочешь однимъ словомъ выразить, что такое я, это слово—равноправность, равенство. Безъ него наслажденіе тѣломъ, восхищеніе красотою скучны, мрачны, гадки; безъ него нѣтъ чистоты сердца, есть только обманъ чистотою тѣла. Изъ него, изъ равенства, и свобода во мнѣ, безъ которой нѣтъ меня».

въ правѣ требовать отъ нихъ болѣе существенной пользы. При этомъ необходимо замѣтить, что проявляющееся во многихъ молодыхъ дѣвушкахъ стремленіе къ образованію прививается къ нимъ вовсе не гимназіями, а совершенно посторонними условіями. Не возбуждая въ молодомъ женскомъ поколѣніи никакого умственнаго движенія, не внушая ему никакихъ порываній за предѣлы своей жалкой учебной программы, женскія гимназіи нерѣдко даже противодѣйствуютъ всѣмъ подобнымъ порывамъ. Въ одной гимназіи, напр., воспитанницамъ строжайше запрещено брать книги изъ городской публичной библіотеки. Въ другой гимназіи преслѣдуется чтеніе русскихъ журналовъ и газетъ. Когда въ Петербургѣ открылись въ 1870 г. такъ называемые женскіе курсы, то начальство женскихъ гимназій начало давать «совѣты» не только воспитанницамъ, но даже преподавательницамъ гимназій не посѣщать упомянутыхъ лекцій. («Недѣля», 1870, 14). Независимо отъ подобныхъ выходокъ, принимающихъ иногда характеръ систематическаго противодѣйствія образованію дѣвушекъ внѣ предѣловъ казенной программы, существующія женскія гимназіи не могутъ быть удовлетворительными уже по одному тому, что почти всѣ попечительницы и начальницы ихъ, воспитанныя въ старинномъ институтскомъ духѣ, не въ состояніи поддерживать женское образованіе даже на высотѣ того уровня, который дозволенъ программою. Институтскія понятія, институтскіе обычаи, педагогическія правила институтской рутины прочно водворились въ женскихъ гимназіяхъ и исчезнутъ изъ нихъ тогда только, когда начальницами и преподавательницами ихъ будутъ женщины съ университетскимъ образованіемъ, а не заслуженныя классныя дамы институтовъ, не синекурныя чиновницы, не женщины, вся образованность которыхъ состоитъ въ грамотности, поверхностной начитанности да свѣтскомъ лоскѣ.

Стремленіе женщинъ къ высшему образованію встрѣтило сильное противодѣйствіе всѣхъ ретроградныхъ элементовъ общества, и прежде всего ихъ родителей, мужей, знакомыхъ. «Попробуй,— говоритъ одинъ провинціальный корреспондентъ,— попробуй какая-нибудь дѣвушка заявить въ родительскомъ домѣ, что она по окончаніи курса въ женской гимназіи или такъ, вообще, желаетъ поѣхать въ ближайшій университетскій городъ поучиться акушерству,—тогда въ домѣ поднимается такой гвалтъ, что небу жарко. Пускаются въ ходъ всевозможныя хитрости, угрозы, чтобы отклонить заблудшую овцу отъ глупаго и неслыханнаго предпріятія, и если, не смотря на всѣ такія препятствія, дѣвушкѣ все-таки удастся настоять на своемъ, вырваться изъ заколдованнаго круга разныхъ родственныхъ злохищреній, то это просто герой-женщина». Однакожъ такихъ героинь является все больше и больше. Но, преодолѣвъ семейныя препятствія, вырвавшись на свободу, онѣ наталкиваются здѣсь на болѣе прочныя преграды, не допускающія ихъ къ высшему образованію. Одно время женщины имѣли доступъ въ аудиторіи университетовъ и медицинской академіи, но послѣ студенческихъ исторій ихъ не стали пускать въ аудиторіи даже въ качествѣ посторонняхъ слушательницъ. Женщины просили открыть для нихъ особый университетъ, но и это сочтено невозможнымъ, а вмѣсто университета устроены для нихъ публичные курсы въ Петербургѣ, Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, на которыя кинулись многія сотни женщинъ. Изъ этихъ курсовъ одни только петербургскіе имѣютъ серьезно-научный характеръ, а всѣ остальные— не что иное, какъ обыкновенныя публичныя лекціи, доступъ къ которымъ никогда не возбранялся женщинамъ. Женская настойчивость, создавшая эти курсы, конечно, не удовлетворяется ими. Какое бы просвѣтительное вліяніе ни имѣли эти публичныя лекціи, онѣ все-таки не то, что систематическія и болѣе серьезныя занятія университетскаго образованія. Главнымъ результатомъ публичныхъ курсовъ будетъ только то, что они еще болѣе разовьютъ въ массѣ женщинъ потребность высшаго образованія, и тогда этой потребности нельзя будетъ уже удовлетворить какими-нибудь робкими полумѣрами. Правда, что и въ настоящее время многія русскія женщины получаютъ университетское образованіе, но для этого онѣ принуждены ѣхать въ Цюрихъ, въ Парижъ, въ Германію, въ Америку, въ Гельсингфорсъ, медицинскій факультетъ котораго въ 1871 г. открытъ для женщинъ. Это — женщины болѣе или менѣе достаточныя и въ совершенствѣ владѣющія иностранными языками; такой способъ образованія невозможенъ для большинства, для того женскаго пролетаріата, для котораго вопросъ объ образованіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о кускѣ хлѣба. Трудъ, затраченный женщиною на свое образованіе, если она сможетъ получить его, остается для нея непроизводительнымъ. Было время, что у насъ соглашались допустить женщинъ къ медицинской практикѣ и къ службѣ въ вѣдомствахъ: почтовомъ, таможенномъ, телеграфномъ, разсматривались проекты положеній о допущеніи ихъ въ университеты и въ медицинскую академію и т. д. Потомъ все это замолкло или ограничилось одиночными фактами, и мы можемъ утѣшаться только тѣмъ, что имѣемъ трехъ докторовъ медицины, въ лицѣ Сусловой, Кашеваровой и Боковой, что около 300 женщинъ, преимущественно женъ и родственницъ телеграфныхъ чиновниковъ, къ вящшей пользѣ ихъ мужей и родственниковъ, служатъ на телеграфахъ, что женщины попрежнему могутъ быть акушерками и учительницами въ низшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ, ходъ обстоятельствъ, неизбѣжно слѣдующихъ за крестьянскою реформою, сильно ограничившею возможность жизни на чужой счетъ, пробудившееся въ женщинахъ сознаніе своего униженія въ подневольномъ бракѣ, своей безполезности въ роли праздной барыни, своихъ страданій и постепеннаго отупѣнія подъ гнетомъ патріархальныхъ принциповъ, считавшихся прежде един-

ственными основами жизни,—все это, постепенно усиливая эмиграцію женщинъ изъ семействъ, плодитъ женскій пролетаріатъ и дѣлаетъ вопросъ о женскомъ трудѣ и о необходимомъ для него предварительномъ образованіи однимъ изъ самыхъ тревожныхъ вопросовъ времени. Въ большіе провинціальные города, особенно же въ столицы, ежегодно прибываютъ цѣлыя сотни, даже тысячи женщинъ, кромѣ принадлежащихъ къ низшимъ сословіямъ. Причины этой эмиграціи чрезвычайно разнообразны. «Тутъ»—говоритъ г-жа Алексѣева—«участвуетъ и матеріальная нужда, и нестерпимый подчасъ семейный гнетъ, отъ котораго нѣтъ возможности иначе избавиться, какъ ставъ на свои ноги, и желаніе «подышать свѣжимъ воздухомъ», и потребность профессіональнаго образованія; всѣ эти причины вліяютъ то порознь, то совокупно. Также разнообразенъ и составъ этой эмиграціи; тутъ вы найдете всевозможные уровни образованія — отъ умѣнья съ грѣхомъ пополамъ читать и писать и до той высшей степени доступнаго женщинамъ знанія, которая исчерпывается институтками и гимназическими дипломами; всѣ общественные слои, отъ представительницъ провинціальной petite bourgeoisie и до богатыхъ женщинъ, добровольно бросившихъ приволье домашняго очага». Всѣ онѣ ищутъ труда, хлопочутъ о кускѣ хлѣба, бьются какъ рыба объ ледъ, чтобы найти хотя какія-нибудь средства для жизни и образованія. Когда въ Москвѣ женщины были допущены къ занятію учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ, то на восемь имѣвшихся вакансій явилось болѣе 100 женщинъ, желавшихъ воспользоваться этимъ правомъ. Въ той же Москвѣ въ 1870 г. для шести новыхъ городскихъ школъ потребовалось 12 учительницъ, для которыхъ были открыты педагогическіе курсы, и ихъ начало посѣщать до 260 женщинъ, изъ коихъ не менѣе 200 пожелали занять двѣнадцать упомянутыхъ вакансій при новыхъ школахъ! При казанскомъ университетѣ учились акушерству въ 1869 г. 180, а въ 1870 г. 75 женщинъ. На женскихъ курсахъ въ Петербургѣ занимается болѣе 200 женщинъ. Подъ адресомъ, поданнымъ министру народнаго просвѣщенія харьковскими женщинами, просившими о допущеніи ихъ въ университетъ, подписалось 60 женщинъ, изъ которыхъ половина была совершенно готова къ пріемному университетскому экзамену. Предложеніе женскаго труда всюду громадное, а спросъ на него самый ничтожный *). Сколько страданій, униженія, отчаянія, болѣзней, сколько преждевременныхъ смертей выпадаетъ вслѣдствіе этого на долю молодого женскаго поколѣнія, которое проситъ только честнаго труда да серьезнаго образованія!.. Имъ не даютъ ни того, ни другого, и эти несчастныя труженицы, говоритъ г-жа Алексѣева, «тутъ ту лямку, отъ которой для нихъ отказаться такъ же невозможно, какъ иному горемыкѣ отъ сумы да отъ тюрьмы, и которую онѣ, если бы была возможность, такъ же охотно бросили бы, какъ нищій свою суму, какъ арестантъ—свой острогъ... Эти дѣвушки и женщины разнообразятъ отъ времени до времени способы, которыми онѣ, ради прокормленія, растягиваютъ свое здоровье, и ради удовлетворенія самой элементарной потребности нравственно-развитого человѣка,—ради отрицательной, такъ сказать, потребности жить не воровствомъ и не развратомъ,—заглушаютъ въ себѣ всѣ законные порывы къ болѣе широкой, болѣе осмысленной жизни. Одно каторжное и плохо вознаграждаемое мѣсто гувернантки онѣ мѣняютъ на другое, хотя знаютъ напередъ, что и тутъ имъ не лучше будетъ; иногда онѣ пытаются даже развязаться съ гувернантствомъ, возвращаются отдохнуть въ свои семьи, но такъ какъ жить безъ дѣла на плечахъ семьи, которая на нихъ же смотритъ, какъ на своихъ поилицъ и кормилицъ, не приходится, то онѣ съ лихорадочною суетливостью принимаются отыскивать себѣ какія ни на есть занятія. Но уроками, по 25 коп. за часъ, не просуществуешь, перепиской бумагъ—тоже, да и послѣдняя работа не всегда бываетъ, а другихъ занятій не наклевывается... Я знала цѣлую семью сестеръ-дѣвушекъ, принадлежащихъ къ этому разряду труженицъ, не имѣющихъ опредѣленнаго рода занятій. Хватаясь за всякое занятіе, какое представлялось, лишь бы избѣжать кабалы гувернантства, сестры не брезгали и перепиской бумагъ, большею частью лекцій отъ студентовъ. Заказовъ этого рода передъ экзаменами бывало столько, что переписчицы просиживали надъ ними дни и ночи. Отъ писанья у нихъ дѣлались мозоли на пальцахъ, спать имъ приходилось не болѣе трехъ часовъ въ сутки, а такъ какъ физическая природа не можетъ выдерживать подобный режимъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не протестуя, то переписчицы употребляли разныя хитрости, чтобы помѣшать назойливой протестанткѣ предъявлять свои права; чтобъ не проспать, онѣ ложились не раздѣваясь, и притомъ не въ постель, а скорчившись на какомъ-нибудь коротенькомъ диванчикѣ и стараясь принять самую неудобную позу, напримѣръ, *свѣшивая голову внизъ* Хитрость достигала своей непосредственной цѣли—обузданія физической природы, и обуздывала ее такъ хорошо, что нѣкоторымъ изъ сестеръ пришлось поплатиться на всю жизнь здоровьемъ». Само собою понятно, что положеніе простой ремесленницы гораздо хуже положенія этихъ образованныхъ труженицъ. Петербургская швея зарабатываетъ въ мѣсяцъ не болѣе 5 р., вязанье чулковъ даетъ въ мѣсяцъ 1 р. 50 к., шитье перчатокъ 3 р., сшиванье мѣховъ 2 р. 50 к., плетенье аграманта около 2 р., и т. д.!.. Наша работница бѣдствуетъ втрое, вчетверо больше европейской работницы, несчастная судьба которой служитъ предметомъ серьезныхъ общественныхъ заботъ.

Вопросъ о женскомъ трудѣ и образованіи такъ настоятеленъ, что давно уже занимаетъ собою законодательныя сферы; но до сихъ поръ все дѣло ограничивается одними лишь временными постановленіями. Въ началѣ 1871 г. управляющій III отдѣленіемъ обнародовалъ вновь состоявшееся по этому вопросу повелѣніе, сущность котораго слѣдующая: расширить кругъ женской общественной дѣятель-

*) Въ Петербургѣ не менѣе 100,000 женщинъ, поставленныхъ въ необходимость жить своимъ трудомъ.

ности признается необходимымъ. Женщины допускаются и поощряются къ занятію акушерствомъ, и имъ дозволяется быть фельдшерами. Кругъ педагогической женской дѣятельности можетъ быть расширенъ, буде то найдетъ нужнымъ министерство просвѣщенія. Женщины могутъ служить на телеграфахъ, и имъ предоставляется нѣсколько вакансій въ вѣдомствѣ IV отдѣленія по счетной части. На всѣ другіе виды какъ государственной, такъ и общественной службы онѣ не допускаются. Всѣ вопросы, возбужденные по сему предмету, велѣно *считать окончеными*...

Само собою понятно, что всѣ эти вопросы велѣно считать оконченными только въ законодательномъ отношеніи. Считать ихъ оконченными въ жизни, въ умахъ женщинъ и ихъ сторонниковъ—невозможно. Правда, что и сама жизнь давно уже постановила считать ихъ оконченными, но только не въ отрицательномъ смыслѣ. Жизнь уже рѣшила, что женщина имѣетъ необходимость и право трудиться, и неоконченность вопроса о трудѣ заключается только въ томъ,—какими средствами и когда можно получить доступъ къ труду? При такихъ обстоятельствахъ даже и законодательное рѣшеніе вопроса не можетъ быть *окончено* отрицательно,—можно только *отложить* его положительное рѣшеніе, что, конечно, и имѣло въ виду упомянутое постановленіе.

Между тѣмъ, въ цюрихскомъ университетѣ число русскихъ студентокъ превышало уже сотню, но оказалось, по словамъ официальнаго документа, что многія изъ нихъ имѣютъ въ виду вовсе не научныя цѣли*).

*) Вотъ этотъ документъ:

«Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ *цюрихскомъ университетѣ*.

«Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возрастать, и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентокъ, коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское соціально-демократическое общество, центральный революціонный славянскій комитетъ, славянская и русская секціи интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: «Пугачевскій бунтъ», «Французская революція 1870 года»—вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ по-нѣмецки и довольствуются неустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику, дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и, подъ покровомъ фиктивнаго брака, доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей....

«Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растленія, подтачивающаго часть—хотя и незначительную—русской молодежи. Оно сознаетъ свою непреложную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ преимущественно предупредительныя.

«Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то, тѣмъ не менѣе, значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ С.-Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университетовъ въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при императорской медико-хирургической академіи учреждены, въ видѣ опыта, на 4 года, особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ же курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ.

«Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскіе университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1-го января будущаго 1874 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію, не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также ихъ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое-либо русское учебное заведеніе»....

Зато женскіе курсы медицины, открытые на частное пожертвованіе при медицинской академіи, имѣли полный успѣхъ... Въ войну 1878 г. студентки возбуждали всеобщій восторгъ своимъ самоотверженіемъ и искусствомъ...

Такимъ образомъ, русская женщина, улучшая въ теченіе столѣтій свое положеніе, освободившись отъ терема, обезпечивъ за собою имущественную правоспособность, добившись хоть какихъ-нибудь средствъ для своего образованія, утвердившись на поприщѣ дѣятельности литературной и педагогической, проникнутая сознаніемъ своего человѣческаго достоинства,—она, столько вытерпѣвшая и, не смотря на самыя неблагопріятныя условія, успѣвшая освободиться изъ старомосковской неволи, пришла, наконецъ, къ полному сознанію своихъ нуждъ и правъ. Грустно, если ей для

полнаго своего освобожденія придется такъ же ждать новаго Петра, какъ ждали его женщины XVII вѣка, томившіяся въ стѣнахъ терема!... Идея женской эманципаціи пустила уже глубокіе корни въ нашу почву: она живетъ и развивается, болѣе и болѣе увлекая женщинъ, нуждающихся прежде всего въ образованіи и въ трудѣ. И не смѣшны ли наши жалобы на недостатокъ людей во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности, на недостатокъ умственной и матеріальной производительности страны; не смѣшны ли эти жалобы въ то время, когда десятки, даже сотни тысячъ молодыхъ силъ осуждены на убійственную бездѣятельность по разнымъ захолустьямъ, и, кромѣ того, почти всѣ женскія силы удалены отъ производительнаго труда!... Такое ненормальное положеніе дѣлъ гибельно отзывается на всей жизни. Необезпеченность матеріальнаго положенія женщины ведетъ ее прямо къ безвыходной нищетѣ, а еще на шагъ ниже,—къ проституціи...

Но зачѣмъ все сваливать на гнетущую насъ судьбу, зачѣмъ всѣ свои неудачи приписывать независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ! Нѣтъ спора, что эти независящія отъ насъ обстоятельства сильно вліяютъ на насъ; но это свидѣтельствуетъ только о нашемъ же слабосиліи, о нашей неприготовленности къ дѣятельной жизни. Женское поколѣніе, заявившее свои эманципаціонныя притязанія въ шестидесятыхъ годахъ, оказалось безсильнымъ для успѣшной борьбы, необходимой для ихъ осуществленія. Оно сдѣлало мало: оно не основало даже ни одного литературнаго органа, необходимаго для пропаганды эманципаціи въ женской массѣ; оно не составило ни одного сочиненія о современномъ положеніи русской женщины,—сочиненія въ родѣ книги г-жи Добіэ, «La Femme pauvre au XIX s.», между тѣмъ, какъ съ подобныхъ изслѣдованій, необходимыхъ для развитія женскаго самосознанія, и должно начинать дѣло; въ вопросѣ о допущеніи женщинъ въ университеты или объ основаніи особаго женскаго университета мы не видимъ со стороны этого поколѣнія ни достаточной энергіи, ни даже полнаго сознанія всей важности дѣла. Да не подумаетъ кто-нибудь, что наши упреки относятся ко всему молодому женскому поколѣнію. Оно дало намъ Суслову, Кашеварову, Гончарову, Бокову, Цебрикову и десятки дѣвушекъ, учащихся въ иностранныхъ университетахъ; оно своими прогрессивными стремленіями обратило на себя вниманіе Европы и поставило женскій вопросъ на совершенно раціональную почву. Меньшинство этого поколѣнія составляетъ здоровое ядро, обѣщающее развиваться дальше и дальше; но это ядро слишкомъ малочисленно, а примкнувшая къ нему масса неспособна оказать ему никакой дѣятельной поддержки по своей неразвитости или испорченности, вслѣдствіе прежней своей жизни. Значительная примѣсь барскаго элемента сильно портила собою женское движеніе шестидесятыхъ годовъ. Мы говоримъ, конечно, не о барскомъ происхожденіи, а о барскомъ характерѣ тѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя примыкали къ этому движенію больше по модѣ и изъ тщеславія, чѣмъ по необходимости и разумному сознанію. Папенькины и маменькины дочки, неспособныя къ какому бы то ни было труду, молодыя барышни, умиравшія отъ скуки, Авдотьи Кукшины, желавшія чѣмъ-нибудь прикрыть свою сомнительную репутацію,—всѣ вѣдь надѣвали синія очки, стригли волосы, заводили швейныя мастерскія и, подъ шумокъ новыхъ словъ и идей, обдѣлывали свои мелкія домашнія дѣлишки,—а потомъ, когда наступили другія времена и запѣлись другія пѣсни, всѣ эти эманципированныя барыни снова принялись за моды и сплетни, за ералашъ и танцы. Только еще въ отдаленныхъ провинціяхъ можно встрѣчать субъектовъ, запоздавшихъ обращеніемъ въ свое первобытное состояніе, мечтающихъ, какъ это хорошо «жить своимъ трудомъ», болтающихъ о равноправности и даже дерзающихъ, при мирномъ характерѣ мѣстной администраціи, стричь волосы и носить синія очки. Чего хорошаго можно ожидать отъ подобныхъ партизановъ женскаго дѣла, отъ этихъ перелетныхъ птицъ, которыя мѣняютъ свои перья съ каждой новой погодой!.. Въ западной Европѣ и Америкѣ женское движеніе тѣмъ особенно и сильно, что въ немъ сознательно и дѣятельно участвуютъ женщины всевозможныхъ общественныхъ положеній и всѣхъ политическихъ партій: и роскошныя лэди, и простыя горничныя, и образованныя труженицы, и работницы. У насъ же не то. Масса нашихъ барынь и барышенъ стоитъ на такой низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія, что недоступна пока никакимъ серьезнымъ эманципаціоннымъ вліяніямъ. Своимъ вмѣшательствомъ она способна только вредить дѣлу эманципаціи, а не поддерживать его. Она толкуетъ о свободѣ и равноправности, она модничаетъ «своимъ трудомъ», но въ ея болтовнѣ нѣтъ никакой серьезной мысли, а ея «свой трудъ»—глупая забава. Мы знаемъ одну важную провинціальную чиновницу, которая основала швейную мастерскую и, эксплоатируя обычнымъ порядкомъ своихъ работницъ, гордилась тѣмъ, что живетъ «своимъ трудомъ» и дѣлаетъ доброе дѣло! Кончилось тѣмъ, что въ этой мастерской началась веселая жизнь—

Не очень много шили тамъ,
И не въ шитьѣ была тамъ сила!..

Подобныхъ труженицъ не мало. Одна, обезпеченная матеріально женщина, мать семейства, удовлетворяла свою «жажду дѣятельности» тѣмъ, что покупала табакъ и гильзы и набивала папиросы для продажи своимъ знакомымъ! Подобныя «труженицы»,—справедливо замѣчаетъ г-жа Алексѣева,—«не отказываясь отъ тѣхъ даровыхъ удобствъ, которыя даетъ имъ домашняя обстановка, продолжая жить въ изящно меблированной квартирѣ, кушать обѣдъ изъ трехъ-четырехъ блюдъ, подчасъ даже разъѣзжать въ собственныхъ экипажахъ, не шутя воображаютъ, что зарабатываютъ свой хлѣбъ потому только, что въ карманѣ у нихъ въ теченіе года перебываетъ ровно столько «заработанныхъ» денегъ, сколько, пожалуй, и хватило бы настоящей работницѣ на прожитокъ. Имъ и въ голову не приходитъ, что онѣ

такимъ образомъ заѣдаютъ чужую долю вдовинѣ—и въ формѣ тѣхъ удобствъ, которыми онѣ продолжаютъ пользоваться попрежнему, не отплачивая за нихъ обществу никакими существенными услугами, и въ формѣ того заработка, который онѣ отнимаютъ у другихъ, болѣе ихъ нуждающихся въ немъ. И прибавьте, что своею конкуренціей онѣ болѣе, чѣмъ кто-либо, понижаютъ заработную плату, такъ какъ, существуя на постороннія средства, онѣ не знаютъ цѣны деньгамъ и готовы понизить его до того minimum'а, до котораго никогда не дойдутъ настоящія работницы, солидарныя между собою по необходимости въ стремленіи давать отпоръ эксплоатаціи работодателей, если эта эксплоатація окончательно лишаетъ ихъ возможности существовать на свой заработокъ». Ничѣмъ не раціональнѣе представляется и второй родъ общественной дѣятельности нашихъ барынь. Ихъ служба въ качествѣ тюремныхъ директрисъ, попечительницъ гимназій и пріютовъ, членовъ комитетовъ о раненыхъ, или хлопоты и наивныя заботы о «маленькихъ бѣдныхъ», объ устройствѣ благотворительныхъ спектаклей, концертовъ, живыхъ картинъ, лотерей-аллегри—все это такъ мало имѣетъ въ себѣ серьезности и цѣлесообразности, что служитъ только средствомъ для развлеченія отъ праздной скуки, заѣдающей этихъ женщинъ, средствомъ для удовлетворенія личнаго самолюбія и тщеславія, а подчасъ, даже гораздо худшихъ поползновеній. Мы знали въ одномъ городишкѣ частный пріютъ для безпомощныхъ стариковъ и дѣтей, устроенный нѣкоей дамой на средства благотворителей и содержимый на тѣ же средства. Вслѣдствіе поголовнаго кумовства немногочисленныхъ обывателей, дама управляла пріютомъ безконтрольно, и дѣти безплатно работали на свою благодѣтельницу!.. Мы знали другой пріютъ въ богатомъ губернскомъ городѣ; въ немъ было до 200 дѣтей, значительная часть которыхъ постоянно изнурялась вышиваньемъ и другими подобными работами за безцѣнокъ въ пользу дамъ-благотворительницъ. Когда нѣсколько молодыхъ людей начали давать пріютянкамъ безплатные уроки ариѳметики, русскаго языка, географіи, естествознанія и исторіи, то благотворительницы, въ числѣ которыхъ были и поклонницы эманципаціи, крайне возмутились этимъ, такъ какъ цѣль пріюта—приготовленіе хорошей прислуги, а развѣ могутъ быть хорошими горничными дѣвушки, которыхъ учатъ разнымъ наукамъ и съ дѣтства развиваютъ въ нихъ чувство человѣческаго достоинства!.. Словомъ, масса нашихъ барынь неспособна примкнуть къ дѣлу эманципаціи. Она воспитана такъ, что обладаетъ почти всѣми тѣми физическими, умственными и нравственными недостатками, которые обыкновенно противники эманципаціи приписываютъ женской природѣ вообще. Пусть же эта масса спокойно и попрежнему доживаетъ дни свои и пусть скорѣе уступаетъ свое мѣсто молодымъ женскимъ поколѣніямъ, развившимся подъ болѣе благопріятными условіями.

Если отдѣлить отъ женскаго дѣла упомянутую примѣсь, то, кромѣ немногочисленнаго контингента, составляющаго самодѣятельное ядро женскаго движенія, мы увидимъ еще другую массу, которую должно руководить это ядро и въ которой женское дѣло найдетъ себѣ самую вѣрную поддержку. Это—масса женщинъ, не имѣющихъ ни семьи, ни обезпеченія и нуждающихся въ трудѣ. Для нихъ женскій вопросъ—не забава, а вопросъ жизни или смерти. Просвѣщеніе этой массы—дѣло первой необходимости, вмѣстѣ съ изслѣдованіями разнообразныхъ условій современнаго женскаго быта. Въ средѣ бѣдныхъ швей и другихъ работницъ, гувернантокъ и домашнихъ учительницъ, женъ, разошедшихся съ мужьями, и дѣвушекъ, не знающихъ куда преклонить свою несчастную голову, женское дѣло найдетъ самыхъ ревностныхъ партизанокъ и самыхъ усердныхъ труженицъ. Необходимо только подкрѣпить эти силы и дать имъ возможность разумной организаціи. Безъ такой усиленной пропаганды женскаго дѣла, какую мы видимъ за границей, обойтись невозможно. Только тогда, когда образованіе поднимется и расширится въ женской массѣ, когда дѣятельная эманципаціонная пропаганда, обративъ свои главныя силы на молодое поколѣніе женщинъ, воспитаетъ въ немъ энергическія чувства свободы и независимости, когда побольше женщинъ воспользуется существующими уже скудными средствами для своего образованія, когда выступитъ на сцену молодое женское поколѣніе, развившееся подъ болѣе благопріятными условіями, чѣмъ женская масса шестидесятыхъ годовъ,—только тогда женское дѣло значительно подвинется впередъ.

IX.

Долго, очень долго укоряли мы Западъ за его крайнюю развращенность и превозносили до небесъ относительное цѣломудріе своего отечества. Лѣтъ тридцать тому назадъ говорить о проституціи и сифилитической заразѣ у насъ считалось недозволительнымъ и даже неприличнымъ. Мы съ непонятнымъ равнодушіемъ отворачивались отъ порока, втихомолку пожиравшаго страну, и съ не менѣе непонятнымъ лицемѣріемъ закрывали фиговымъ листочкомъ свои закулисныя язвы, выставляя на видъ свою національную нравственность. Между тѣмъ рабство женщины, семейный деспотизмъ, содержаніе громадныхъ армій, грубая чувственность, не облагороженная цивилизаціей, и другіе факторы, производящіе всюду развратъ и проституцію, не переставали дѣйствовать, и, въ концѣ концовъ, даже по официальнымъ актамъ, цѣломудренная страна оказалась залитой потоками сифилитическаго яда въ такой сильной степени, что потребовались неотлагаемыя и дѣйствительныя мѣры для предотвращенія втихомолку выросшаго зла. Чѣмъ больше мы знакомимся съ внутреннимъ бытомъ нашихъ городовъ и деревень, тѣмъ больше и больше убѣждаемся, что относительно проституціи Россія не уступаетъ другимъ странамъ, а по степени своего сифилитическаго зараженія даже превосходитъ всѣ. Даже по официальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ число

больныхъ сифилисомъ постоянно и быстро увеличивается. Въ одиѣхъ только больницахъ гражданскаго вѣдомства лѣчилось сифилитиковъ:

Въ 1861 г.—	37,075 ч.	Въ 1866 г.—	67,799 ч.
» 1862 » —	42,438 »	» 1867 » —	74,234 »
» 1863 » —	37,035 »	» 1868 » —	87,077 »
» 1864 » —	62,637 »	» 1869 » —	89,247 »
» 1865 » —	62,533 »		

Въ Петербургѣ лѣчилось сифилитиковъ:

Въ 1861 г.—	6,353 ч.	Въ 1866 г.—	12,902 ч.
» 1862 » —	7,090 »	» 1868 » —	14,895 »
» 1864 » —	10,441 »		

Эти цифры, конечно, нельзя считать даже сколько-нибудь близкими къ дѣйствительности. Въ больницы поступаетъ или лѣчится у медиковъ дома самая незначительная часть больныхъ. Большинство же, избѣгая всякой огласки, секретно пользуется у знахарей и лѣкарокъ. Сифилисъ у насъ «значительно болѣе распространенъ въ деревняхъ и селахъ, чѣмъ въ городахъ. Формы болѣзни большею частію обнаруживаются страданіемъ общихъ покрововъ и слизистыхъ оболочекъ, рѣже—пораженіемъ фиброзныхъ тканей. Первой категоріи больные обыкновенно не признаютъ, не подозрѣваютъ о свойствахъ своей болѣзни и считаютъ ее столь ничтожною, что не считаютъ нужнымъ искать пособія у кого бы то ни было» («Арх. Судебн. Медиц.» 1869, IV; 1870, III, Кузнецовъ, 69). Поэтому больныхъ сифилисомъ приходится считать не десятками тысячъ, какъ показываютъ официальныя данныя, а *милліонами*. Фабричные рабочіе, бурлаки, вообще подвижная масса рабочаго люда и солдаты служатъ главными распространителями этого яда по лицу русской земли, занося его въ самыя отдаленныя захолустья. Сифилисъ, впрочемъ, распространяется столько же проституціоннымъ путемъ, сколько и путемъ наслѣдственной передачи. Масса дѣтей рождается уже больной и скоро умираетъ или отъ общаго истощенія, или отъ каріозныхъ процессовъ. Въ главномъ мѣстопребываніи сифилиса, въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ, сплошь и рядомъ встрѣчаются поселенія, всѣ жители которыхъ, начиная съ дряхлыхъ стариковъ и кончая грудными младенцами, болѣе или менѣе серьезно заражены сифилисомъ. «Самою тяжелою, но вседневною формою сифилиса въ сельскомъ населеніи является пораженіе различныхъ частей скелета и внутренностей, съ послѣдовательными параличами и разстройствами отправленій. Въ селеніяхъ нерѣдко можно встрѣтить больныхъ, у которыхъ, приподнимая остатокъ ихъ носа, легко можно видѣть надгортанный хрящъ и отверстія евстахіевыхъ трубъ, при чемъ твердое небо съ прилежащими мягкими частями и весь внутренній скелетъ носа у нихъ безслѣдно разрушены болѣзненнымъ процессомъ. Встрѣчаются пораженные субъекты, у которыхъ лишь съ небольшими промежутками здоровой кожи все тѣло покрыто безчисленнымъ количествомъ глубокихъ и обширныхъ язвъ, съ рѣзко обрѣзанными краями, являющихся послѣдствіемъ гуммозныхъ опухолей». Во многихъ городахъ, напр., въ Шенкурскѣ, по свидѣтельству мѣстнаго врача, въ каждомъ домѣ или есть, или былъ, по крайней мѣрѣ, одинъ больной сифилисомъ. Есть мѣстности, всѣ жители которыхъ, зараженные венерою до мозга костей, составляютъ совершенно изолированныя общества несчастныхъ отверженниковъ, въ родѣ прокаженныхъ Востока. Таковъ, напр., въ Гадячскомъ уѣздѣ хуторъ Купуіевка, въ 24 хаты. Въ каждой избѣ здѣсь встрѣчаются то безносые и безротые, то покрытые струпьями, ранами и язвами сифилитики. Есть женщины, которыя не могутъ ходить, шатаются на ногахъ и не владѣютъ руками. Ни одна посторонняя дѣвушка не рѣшится выйти за здѣшняго парня, и несчастные обитатели Купуіевки не могутъ нанять даже посторонніхъ работниковъ (Недѣля, 1871, № 4). Достаточно проѣхать по нѣкоторымъ мѣстностямъ Вятской губерніи на почтовыхъ, чтобы наглядно убѣдиться въ страшныхъ размѣрахъ господствующей здѣсь сифилитической проказы: чуть не на каждомъ шагу попадаются намъ физіономіи съ провалившимися носами и другими несомнѣнными признаками неизлѣчимой болѣзни. Вся Сибирь изъѣдена сифилисомъ, который, распространяясь здѣсь посредствомъ войскъ, ссыльныхъ, бродягъ, странствующихъ торговцевъ, пріисковыхъ рабочихъ, давнымъ давно уже проникъ во всѣ мѣстности, на которыя только ступила нога человѣческая. Давно ли русскіе заняли Амуръ, вовсе не слыхавшій о сифилисѣ, а въ 1858 г. въ николаевскомъ госпиталѣ было уже 136, въ 1867 г. 236 сифилитиковъ. Венера господствуетъ уже на всемъ протяженіи Амура. Вся сѣверная Сибирь, въ особенности ея инородческое народонаселеніе, заражено чуть-чуть не поголовно. Въ Камчаткѣ трудно найти несифилитика. «При появленіи этой болѣзни»,—говоритъ одинъ корреспондентъ,—«начальство не обратило на нее вниманія. А бѣдные камчадалы, не имѣя понятія объ ея прилипчивости, назвавъ венерическіе прыщи *пуговицами*, по простотѣ нравовъ, а большею частію по неосторожности, разнесли ее по всему краю. Въ настоящее время очень немногіе не заражены ею. Большая же часть инородцевъ заражена и изуродована до безобразія. Есть острожки, въ которыхъ за десять лѣтъ населеніе считали сотнями душъ, а нынѣ едва ли наберется десятокъ человѣкъ, да и то калѣки. Отъ камчадаловъ эта болѣзнь перешла къ карякамъ и ламутамъ и губитъ ихъ ужасно. Мнѣ разсказывали объ одной ламутской юртѣ, въ которой нѣтъ никого, кто бы могъ ходить и смотрѣть за оленями, кромѣ дряхлаго старика, а оленей эта юрта имѣетъ штукъ тысячу. По причинѣ страшнаго распространенія сифилиса, большая часть населенія въ скоромъ времени должна погибнуть». («Сибирск. Вѣстн.» 1866, № 14).

Сифилисъ впервые проникъ въ Россію въ концѣ XV вѣка, и съ тѣхъ поръ вплоть до новѣйшаго времени для его ограниченія не только не предпринималось почти никакихъ раціональныхъ мѣръ, но даже мало обращалось вниманія на его ужасную распространенность. Еще въ очень недавнее время эта болѣзнь внушала разнымъ вершителямъ

судебъ человѣческихъ одно только благородное негодованіе на зараженныхъ, и заболѣвшихъ венерою солдатъ сначала сѣкли, а потомъ уже начинали лѣчить; въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи производились періодическіе осмотры студентовъ, и виновныхъ въ сифилитическомъ страданіи исключали изъ заведенія!.. Даже въ настоящее время мы съ возмутительнымъ равнодушіемъ относимся къ этой язвѣ, истощающей и убивающей физическія и нравственныя силы несчастнаго народа,—мы до сихъ поръ не знаемъ даже съ приблизительною точностью, до какой степени идетъ развитіе этой болѣзни... Съ такимъ же точно равнодушіемъ мы относимся и къ источнику сифилиса—къ разврату непродажному и продажному, или къ проституціи. Мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одного серьезнаго изслѣдованія объ этой соціальной болѣзни; мы не знаемъ, какими факторами порождается она, въ какой сильной степени она распространена и какія средства должно потреблять для борьбы съ нею. До сихъ поръ мы вооружались противъ проституціи только репрессивными мѣрами, внушенными чувствомъ негодованія къ пороку,—чувствомъ большею частію лицемѣрнымъ. Въ допетровской Россіи проституцію преслѣдовали кнутомъ и батогами, даже самъ Петръ считалъ разумнымъ дѣйствовать противъ нея тѣми же жестокими средствами, какъ и его благочестивые предки, повелѣвая, «дабы всѣ таковыя мерзости были искоренены». О томъ же хлопотало и правительство Петра II. При Аннѣ «сенату извѣстно учинилось, что во многихъ *вольныхъ* домахъ чинятся многіе непорядки, а особливо многіе *вольнодумцы* содержатъ непотребныхъ женокъ и дѣвокъ, что весьма противно христіанскому благочестивому закону; того ради смотрѣть, ежели гдѣ такія непотребныя женки и дѣвки окажутся, тѣхъ высѣчь кошками и изъ тѣхъ домовъ ихъ выбить вонъ, а всѣмъ вольнодумцамъ и трактирщикамъ объявить съ подписками, чтобъ впредь такихъ непотребныхъ женокъ и дѣвокъ держать не дерзали подъ жестокимъ штрафомъ и наказаніемъ». При Елисаветѣ проституція также преслѣдовалась, особенно послѣ того, какъ одна содержательница публичнаго дома, извѣстная подъ именемъ Дрезденши, была уличена во многихъ гнусныхъ подвигахъ по части сводничества. Даже при Екатеринѣ II, отличавшейся гуманною снисходительностью къ падшимъ женщинамъ и основавшей воспитательные дома для незаконнорожденныхъ дѣтей, проститутки нерѣдко подвергались строжайшимъ преслѣдованіямъ. Въ 1763 г. оказалось, что изъ 670 человѣкъ, лѣчившихся въ петербургскомъ госпиталѣ, болѣе двухъ третей больны *французскою венерою*, по тогдашнему выраженію. По объявленіямъ госпитальнаго главнаго доктора и старшаго лѣкаря, «оную получаютъ не отъ чего иного, какъ отъ непотребныхъ женщинъ». Вслѣдствіе этого было велѣно, «когда кто изъ воинскихъ чиновъ въ той болѣзни найдутся, таковыхъ допрашивать, отъ кого ту получили, и, по показаніямъ ихъ, тѣхъ женщинъ сыскивать и осматривать, и если найдутся, кои тою болѣзнью одержимы, таковыхъ чрезъ наврочно опредѣленнаго лѣкаря пользовать, и по вылѣченіи въ томъ непотребствѣ уличившихся женщинъ для поселенія отсылать въ Нерчинскъ или въ какое другое мѣсто». Указомъ 1780 г. велѣно «развратныхъ женщинъ, какія есть и впредь оказываться будутъ въ обѣихъ столицахъ, отсылать прямо на иркутскія фабрики». Только при Николаѣ проституція объявлена терпимою. Но съ этимъ официальнымъ признаніемъ далеко не исчезли дикія воззрѣнія на продажный развратъ и на сифилисъ. Еще въ недавнее время заразившихся венерою солдатъ сначала сѣкли, а потомъ начинали лѣчить. Въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣлались періодическіе медицинскіе осмотры студентовъ, и виновные въ сифилитическомъ зараженіи подвергались исключенію. Общество, само развращенное до мозга костей, до сихъ поръ не перестаетъ относиться къ падшимъ женщинамъ съ такимъ тупымъ негодованіемъ, что можно подумать, что все оно состоитъ исключительно изъ Лукрецій и Іосифовъ. Мы бывали свидѣтелями, какъ въ публичныхъ маскарадахъ съ падшихъ женщинъ, которыя вели себя гораздо приличнѣе женщинъ «честныхъ», срывали маски и выводили ихъ изъ собранія. Мы видѣли однажды въ большомъ провинціальномъ городѣ, какъ одинъ самодуръ купецъ катался на масляницѣ на тройкѣ проститутокъ, къ общей потѣхѣ гуляющей публики. Въ другомъ губернскомъ городѣ, вслѣдствіе мѣстнаго *распоряженія, состоявшагося* подъ вліяніемъ дамъ, полиція начала преслѣдовать наряды проститутокъ, снимая съ нихъ головные уборы, отнимая зонтики, запрещая ношеніе кринолиновъ. Еще въ очень недавнее время въ каждомъ большомъ городѣ можно было видѣть однажды въ недѣлю возмутительную процессію падшихъ женщинъ, *гонимыхъ* полицейскими на медицинское свидѣтельство, сгорающихъ стыдомъ вслѣдствіе такого публичнаго позора, осыпаемыхъ циническими насмѣшками прохожихъ и сопровождающей ихъ толпы праздныхъ зѣвакъ. Во многихъ городахъ эти процессіи можно видѣть даже въ настоящее время. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одномъ провинціальномъ городѣ въ какой-то торжественный день явилась къ обѣднѣ разряженная въ пухъ и прахъ проѣзжая камелія, встала на одномъ изъ переднихъ мѣстъ въ церкви и первою подошла къ кресту. Все общество возмутилось этимъ, какъ величайшимъ оскорбленіемъ нравственности; камелію выжили изъ города, а добродѣтельные репортеры начали осыпать ее печатною бранью въ мѣстной газетѣ. Даже тѣ россіяне, которые находятся въ постоянныхъ и самыхъ короткихъ сношеніяхъ съ проститутками и для которыхъ публичные дома замѣняютъ собою клубы, относятся къ этимъ несчастнымъ женщинамъ съ такимъ цинизмомъ, какого никогда не позволятъ себѣ послѣдніе, и съ такимъ варварствомъ, какое положительно невозможно въ сколько-нибудь цивилизованномъ человѣкѣ. Эти развратники на каждомъ шагу готовы оскорблять публичную женщину своимъ презрѣніемъ. Сколько брани, побоевъ, издѣвательствъ выносятъ проститутки отъ своихъ гостей. Купцы и приказчики нерѣдко считаютъ какъ бы

своею обязанностью любить проститутку, которую они взяли. Двое пріятелей чиновниковъ, пригласивъ къ себѣ женщину, начинали съ того, что одинъ изъ нихъ сѣкъ ее, а другой сидѣлъ на ней, осѣдлавъ ея шею, и во всю мочь игралъ на гармоніи. Одинъ купецъ, приставая къ финальнымъ ласкамъ, давалъ проституткѣ нѣсколько плюхъ, и только съ плачущею и напуганною его звѣрствомъ женщиною находилъ удовольствіе. Въ европейскихъ обществахъ мало состраданія и снисходительности къ тѣмъ женщинамъ, которыхъ соціальная необходимость заставляетъ торговать своимъ тѣломъ, но тамъ ихъ все-таки больше, чѣмъ въ нашемъ обществѣ, въ которомъ проститутка не считается человѣкомъ.

Между тѣмъ это самое общество заражено бездною самыхъ отвратительныхъ пороковъ, которые достигаютъ въ немъ грандіозныхъ размѣровъ, вовсе не извѣстныхъ въ странахъ цивилизованныхъ. Пресловутая мощь и размашистость русской натуры проявляется главнымъ образомъ въ необузданности страстей и въ громадности золъ, поражающихъ народъ.

Роскошь, такъ ужъ роскошь—истинно безумная,
Бѣдность, такъ ужъ бѣдность—смерть ежеминутная,
Голодъ, такъ ужъ голодъ—областію цѣлою,
Пьянство, такъ ужъ пьянство—все съ горячкой бѣлою,
Похоть, такъ ужъ похоть—съ роковою силою,—
Сердцу, деньгамъ, разуму—всѣмъ грозитъ могилою!..

Петербургъ съ его шницъ-балами, канкапами, балами, съ его массою солдатъ и другихъ холостяковъ, съ его многочисленнымъ контингентомъ тайныхъ проститутокъ, развратенъ ни сколько не менѣе какого-нибудь Парижа или Лондона. Москва, Нижній, Ростовъ на Дону, Казань и другіе центры русской жизни развращены еще болѣе, если не количественно, то качественно, такъ какъ въ этихъ мѣстностяхъ, особенно на ярмаркахъ, развратъ проявляется въ самыхъ гнусныхъ, циническихъ формахъ, вовсе неизвѣстныхъ въ западной Европѣ. Противоестественные пороки распространены ужасно. Онанизмъ положительно губитъ цѣлыя молодыя поколѣнія. Педерастія свирѣпствуетъ не только на Кавказѣ и другихъ азіатскихъ мѣстностяхъ, но и въ Петербургѣ, и вездѣ, даже въ деревняхъ. Она распространена въ войскахъ и особенно въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ бывшихъ кадетскихъ корпусахъ этотъ порокъ носилъ вполнѣ характеръ проституціи, и смазливенькіе кадетики продавали себя за папироски, за третью порцію, за конфекты и т. д. Скотоложество распространено, кажется, еще больше, тѣмъ педерастія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ она имѣетъ полныя права гражданства, и крестьяне здѣсь пользуются имъ даже какъ медицинскимъ средствомъ, будто бы забавляющимъ отъ лихорадки. Обыкновенные виды разврата по мѣстамъ носятъ скотскій характеръ. Въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ, напр., на цѣлый городъ было въ 1859 г. только двѣ публичныхъ женщины, которыя удовлетворяли потребностямъ всѣхъ холостяковъ, какъ чиновниковъ и офицеровъ, такъ и солдатъ. Одну изъ нихъ батальонные солдаты затащили въ казарму и начали поочередно любиться съ нею, пока она не потеряла сознанія. Въ дешевыхъ публичныхъ домахъ Москвы и Петербурга такое публичное, поочередное посѣщеніе женскаго ложа вовсе не рѣдкость... Въ югозападной Сибири по деревнямъ одинмъ изъ любимѣйшихъ праздничныхъ зрѣлищъ служатъ похабный танецъ *козла*, представляющій въ лицахъ половой актъ животныхъ. Въ казачьихъ станицахъ можно видѣть на улицѣ пляску нагихъ мужчинъ, окруженныхъ толпою женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. Одна казачка пропилась до нитки: желая собрать денегъ на водку, она опалила свой membrum и натишомъ пошла по станицѣ собирать на *поорьское място;* всѣ были въ восторгѣ отъ этой шутки, и казачка не осталась безъ водки. По всей Россіи до сихъ поръ не только въ деревняхъ, но и въ городахъ оба пола сплошь и рядомъ вмѣстѣ моются въ баняхъ, какъ въ домашнихъ, такъ и въ публичныхъ. Такъ называемые «райскіе вечера» бываютъ даже въ самыхъ отдаленныхъ провинціальныхъ городахъ. Приглядной женщинѣ не безопасно ходить одной по улицѣ, не безопасно отъ шаекъ безсовѣстныхъ волокитъ, рыскающихъ, подобно кобелямъ, и преслѣдующихъ всякую юбку... На каждомъ шагу мы встрѣчаемся съ самымъ циническимъ развратомъ, съ развратомъ на распашку, съ какимъ-то половымъ неистовствомъ, не нуждающимся ни въ какомъ покрываль и чуждымъ утонченныхъ эстетическихъ требованій.

Красотой насъ нельзя побѣдить,
Удивить невозможно развратомъ!...

На Западѣ промыселъ развратомъ имѣетъ одну опредѣленную форму публичной проституціи, въ которой женщины или сами торгуютъ собой, или продаются своими эксплоататорами изъ-за однихъ только экономическихъ побужденій. Въ Россіи же проституція является не только въ этой, но и во всѣхъ другихъ формахъ, которыя въ странахъ болѣе цивилизованныхъ существовали только въ древности, а теперь или вовсе исчезли, или продолжаютъ существовать въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Таковы проституція религіозная и проституція семейная.

Во многихъ раскольничьихъ сектахъ, особенно у бѣгуновъ, даже по сознанію ихъ самихъ, господствуютъ «грѣхи паче естества, паче Содома и Гоморы». Развратъ прикрывается здѣсь авторитетомъ вѣры и мотивируется религіозными софизмами. Начальники общинъ, пророки, наставники, «старцы», «христы» и другія авторитетныя лица пользуются здѣсь женщинами точно такъ же, какъ брамины Индіи или жрецы древняго Востока, и не только пользуются сами, но изъ корыстныхъ расчетовъ, силою своей власти и убѣжденія, сводятъ женщинъ съ желающими ихъ мужчинами.

Семейная проституція существуетъ у насъ въ гораздо обширнѣйшихъ размѣрахъ, чѣмъ на Западѣ, что очень естественно въ странѣ, въ которой такъ силенъ семейный деспотизмъ, въ которой такъ распространено снохачество и въ которой авторитетъ родительской власти такъ безграниченъ, что на основаніи его могло развиться у

сектантовъ гнусное право *отцовщины*, право родителя на лишеніе невинности своей дочери, такъ какъ «трудящемуся подобаетъ первому вкушать отъ плода своего». У насъ до сихъ поръ существуетъ гостепріимная проституція, преслѣдующая чисто матеріальныя цѣли. «На сѣверѣ Россіи хозяинъ, отдавая въ наемъ квартиру, предлагаетъ своему жильцу и свою супругу или дочь, увеличивая, разумѣется, при этомъ квартирную плату; съ перемѣной квартиры, женщина переходитъ къ другому мужчинѣ, къ третьему и т. д.; въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ бываетъ въ особенности много пріѣзжихъ, хозяевами предлагаются жены и дочери всякому мужчинѣ, останавливающемуся у нихъ ночевать» (Кузн., 13). Въ раскольничьихъ поселеніяхъ, напр., за Байкаломъ, такая проституція въ полномъ ходу. Въ золотопромышленныхъ мѣстностяхъ она достигаетъ до крайнихъ своихъ предѣловъ: здѣсь совершенно открыто мужья торгуютъ своими женами, родители—дочерьми; здѣсь невинность дѣвушки продается съ молотка ея семейными владыками. Къ этому виду проституціи слѣдуетъ отнести и обычай *вечерницъ*, или *вечерокъ*, господствующій особенно въ Малороссіи. «Въ началѣ осени, по окончаніи полевыхъ работъ, каждый вечеръ въ домѣ какой-нибудь безсемейной молодой вдовы или солдатки собираются молодые парни и дѣвушки; каждый гость и гостья приносятъ что-нибудь хозяйкѣ: деньги, водку, брагу, куръ, яйца, сало, пшено и т. п., и до полуночи идетъ общая пирушка, а потомъ всѣ участвующіе, здѣсь же, въ тѣсной хатѣ, укладываются спать попарно. Эти вечерницы устраиваются каждую ночь до самаго начала полевыхъ работъ» (id). Родители не только смотрятъ на это сквозь пальцы, но даже поощряютъ своихъ дочерей *нагуливать* побольше на приданое себѣ. На Амурѣ главный контингентъ проституткъ состоитъ изъ дѣвушекъ-казачекъ, которыя начинаютъ обыкновенно лѣтъ 14—15, и сначала за условную плату отдаются своими родителями кому-нибудь въ содержанки. Въ качествѣ содержанокъ онѣ нѣсколько лѣтъ переходятъ съ рукъ на руки и въ то же время занимаются проституціей; наконецъ, онѣ или поступаютъ въ разрядъ явныхъ проститутокъ, или же выходятъ замужъ за аферистовъ, которые начинаютъ промышлять ихъ развратомъ. Въ своихъ станицахъ молодыя казачки также занимаются проституціей, и мужчины, желающіе познакомиться съ ними, должны устроить *вечерку*. Эта проституція въ особенности свирѣпствуетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ народонаселеніе наиболѣе бѣдствуетъ, напр., въ станицахъ уссурійскаго баталіона («Мед.-Топ. Сб.» т. I; Кузн., 267). Въ высшихъ и среднихъ классахъ общества семейная проституція является также въ очень обширныхъ размѣрахъ, и цивилизованные варвары точно такъ же, какъ и грубые мужики, продаютъ своихъ дочерей за деньги, за протекцію, за карьеру...

Вотъ этотъ мерзавецъ,
Подъ руку съ дочерью, весь завитой;
Кольца, лорнетка, цѣпочка вдоль груди...
Плюньте въ лицо ему, честные люди,
Или уйдите хоть прочь!
Легче простить за поджогъ, за покражу!
Это отецъ, развращающій дочь
И выводящій ее на продажу!..

Много такихъ отцовъ, но еще больше мужей, торгующихъ своими женами, добывающихъ посредствомъ ихъ разврата деньги и награды, устраивающихъ свои темныя дѣлишки, снискивающихъ милость и покровительство сильныхъ міра сего. Въ среднихъ классахъ, особенно въ средѣ бѣдныхъ чиновниковъ, этотъ видъ проституціи достигаетъ очень обширныхъ размѣровъ и проявляется въ самыхъ грубыхъ формахъ. Мужъ, напр., сводитъ свою жену съ мужчиною, затѣмъ ловитъ ихъ и взыскиваетъ съ любовника за безобразіе. Жена развратничаетъ, а мужъ пьянствуетъ и развратничаетъ на вырученныя ею деньги. Многіе мужья живутъ исключительно на проституціонный заработокъ своихъ женъ, который такимъ образомъ служатъ для нихъ чѣмъ-то въ родѣ помѣстья или оброчной статьи. По справедливому замѣчанію г. Кузнецова, «подобный развратъ можетъ быть признанъ за самый наглый видъ проституціи; онъ можетъ составить образъ вавилонской проституціи, гдѣ отцы и мужья продавали для разврата своихъ дочерей и женъ; но тамъ это было явно, а у насъ облечено въ тайну; тамъ продавался развратъ за цѣну незначительную, а у насъ эта продажа доходитъ иногда до платы баснословной»... Этотъ видъ проституціи возмущаетъ не только нравственное, но и гражданское чувство каждаго порядочнаго человѣка. Жена предлагается мужемъ въ «помпадурши», какъ взятка, и подъ покровомъ такихъ помпадуршъ ихъ достойные супруги могутъ обдѣлывать какія угодно скверныя дѣлишки. Эти вредные результаты россійскаго помпадурства являются у насъ однимъ изъ крупныхъ общественныхъ золъ...

Численность проститутокъ, неизвѣстная даже въ странахъ, обладающихъ лучшими статистическими средствами, тѣмъ менѣе можетъ быть опредѣлена нашей статистикой, которую обработываютъ чиновники, трудящіеся только ради выполненія формальности. Явныя, т.-е. находящіяся подъ медико-полицейскимъ надзоромъ проститутки поражаютъ своею малочисленностью. Въ 1843 г., напр., на 500,000 жителей Петербурга было только 400 явныхъ проститутокъ; но въ томъ же году, вслѣдствіе усиленія полицейскаго надзора, ихъ считалось уже 900; въ 1852 г.—1075; въ 1858 г.—127 публичныхъ домовъ и 1429 проститутокъ, въ 1862 г.—144 дома и 1887 женщинъ; въ 1867 г.—2281 проститутка. Въ Москвѣ въ 1844 г. считалось публичныхъ женщинъ 459; въ 1853 г.—1599; въ 1866 г.—1916; въ 1868 г.—2394 женщины. Въ Варшавѣ въ 1869 г. было 1338 проститутокъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ въ томъ же году, даже во время ярмарочнаго разгула, ихъ считалось только 470; въ Одессѣ—1008; въ Астраханн—1500. Сытыя по мѣстности, число явныхъ проститутокъ составляетъ отъ $^1/_5$ до $^1/_{10}$ и болѣе

всѣхъ женщинъ, промышляющихъ развратомъ. Въ одномъ уѣздномъ городишкѣ, напр., гдѣ числится въ спискѣ только 4 проститутки, ихъ насчитано нами до 50. Огромное большинство кухарокъ, горничныхъ, поденщицъ, фабричныхъ работницъ, солдатокъ, большинство женщинъ одинокихъ и неимущихъ смѣло можетъ быть отнесено къ разряду проститутокъ. Модные магазины, напр., всегда наполнены женщинами, тайно промышляющими развратомъ. Въ Москвѣ, по словамъ тамошняго врачебно-полицейскаго комитета, «всѣ почти дѣвушки, живущія при магазинахъ модъ, не исключая даже дѣвушекъ въ возрастѣ 13 и 14 лѣтъ, близко знакомы съ развратомъ и часто поступаютъ въ больницу съ развившеюся въ нихъ сифилитическою заразой». Въ 1855 г. были осмотрѣны всѣ эти магазины, и изъ двадцати не оказалось ни одного, въ которомъ не было бы зараженныхъ сифилисомъ женщинъ, а въ одномъ изъ нихъ всѣ работницы были въ венерѣ. Притоны тайной проституціи гораздо многочисленнѣе явныхъ домовъ терпимости. Въ Москвѣ, напр., по словамъ одного члена врачебно-полицейскаго комитета, «существуетъ большое количество такихъ домовъ, гдѣ тайный разватъ распространенъ въ самыхъ сильныхъ размѣрахъ. Почти во всѣхъ частяхъ города существуютъ такъ называемыя *квартирныя хозяйки*, которыя содержатъ дома терпимости въ полномъ значеніи этого слова. Онѣ держатъ у себя на квартирѣ по нѣсколько проститутокъ, которыя, принимая мужчинъ, отдаютъ хозяйкѣ весь свой заработокъ и получаютъ отъ нея одежду, обувь и проч. У квартирныхъ хозяекъ весьма часто промышляютъ женщины, вовсе не состоящія подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ. Онѣ также занимаются всякаго рода сводничествомъ и допускаютъ въ своихъ квартирахъ всякихъ женщинъ». Эти тайные притоны и эти сводни раздѣляются на нѣсколько разрядовъ, соотвѣтствующихъ запросу и достатку своихъ потребителей. Въ большихъ городахъ, особенно въ столицахъ, есть много притоновъ, содержимыхъ для высшаго класса, притоновъ комфортабельныхъ и вполнѣ приличныхъ, въ родѣ того дома, о которомъ говоритъ поэтъ, и въ которомъ—

Живутъ двѣ почтенныя дамы,
Тишина въ немъ глубокая днемъ,
Сторы спущены, заперты рамы.
А вечерней порой иногда
Здѣсь движенье веселое слышно:
Пріѣзжаютъ сюда господа
И дѣвицы, одѣтыя пышно...

Еще болѣе притоновъ плебейскихъ,—грязныхъ, отвратительныхъ лачужекъ, въ которыхъ женщина стоитъ нерѣдко только *3 копѣйки*... Къ числу убѣжищъ, въ которыхъ главнымъ образомъ совершается тайный промыселъ развратомъ, относятся гостиницы, харчевни, торговыя бани и т. д. Со своднями-женщинами въ этомъ промыслѣ соперничаютъ извозчики въ такой сильной степени, что каждаго городского извозчика смѣло можно считать сводникомъ. Во многихъ мѣстностяхъ, напр., во всей восточной Сибири тайная проституція господствуетъ съ такой силой, что явныхъ публичныхъ домовъ почти вовсе не существуетъ, да и тѣ, какіе есть, содержатся исключительно для потребителей низшаго класса. Сводни и тайныя проститутки-одиночки держатъ въ своихъ рукахъ весь развратный промыселъ, не смотря на всѣ старанія мѣстныхъ антрепренеровъ захватить его и организовать въ формѣ открытыхъ публичныхъ домовъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ большомъ и богатомъ городѣ «золотая молодежь», съ полицеймейстеромъ во главѣ, много хлопотала объ открытіи хотя одного публичнаго дома. Домъ былъ открытъ съ хорошимъ буфетомъ, съ музыкой, съ торговыми банями, съ красивыми дѣвушками; но, не смотря на всѣ эти приманки, онъ могъ продержаться не болѣе года. Такое, почти исключительное господство тайной проституціи, какъ въ Сибири, такъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, не можетъ быть объясняемо одною только слабостью полицейскаго надзора, хотя эта слабость и оказываетъ на существованіе упомянутаго факта значительное вліяніе. Тайныя проститутки въ упомянутыхъ мѣстностяхъ почти всѣ промышляютъ совершенно самостоятельно, живутъ большею частію въ одиночку и прибѣгаютъ къ своему промыслу только какъ къ средству, дополняющему дефицитъ ихъ скуднаго бюджета, дополняющему заработокъ, доставляемый имъ работою. Эти проститутки, слѣдовательно, относительно зажиточны и не въ такой степени угнетаются нуждой, какъ тѣ женщины, бѣдность которыхъ простирается до того, что неминуемо вовлекаетъ ихъ въ кабальную зависимость отъ содержательницъ публичныхъ домовъ. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ тайная проституція одинаково съ явною эксплоатируется содержательницами, она прячется потому, что подчиненіе медико-полицейскому надзору и очень стѣснительно, и сопряжено съ немалыми денежными расходами. Главнымъ же побужденіемъ, заставляющимъ этотъ промыселъ облекать себя тайною, служитъ то обстоятельство, что тайная проституція служитъ главною ареною, на которой обдѣлываютъ свои гнусныя дѣлишки разныя сводни, продавцы и покупатели дѣвичьей невинности, растлители и насильники и тому подобныя лица, имѣющія полное основаніе скрывать свои поступки въ виду полицейскихъ и уголовныхъ преслѣдованій. Иногда для записки въ проституціонную книгу являются дѣвушки не только невинныя, но даже не знающія, что такое развратъ. «Въ Петербургѣ, одною изъ содержательницъ домовъ терпимости была доставлена во врачебно-полицейскій комитетъ дѣвушка 16 лѣтъ, изъявившая желаніе поступить къ ней въ число проститутокъ; при полученіи медицинскаго билета, она при освидѣтельствованіи оказалась невинною. Дѣвушка эта пріѣхала изъ Финляндіи съ цѣлью пріискать мѣсто горничной, но, соблазнившись ничегонедѣланьемъ и костюмировкою ея будущихъ подругъ-проститутокъ, предпочла жить въ домѣ терпимости, не понимая между тѣмъ вполнѣ того горькаго ремесла, которому себя посвящала. «Вы должны будете принимать гостей», сказалъ ей свидѣтельствовавшій ее врачъ. «Да», отвѣчала дѣвушка спокойно. Но когда ей былъ разъ-

ясненъ процессъ этого пріема, то дѣвушка рѣшительно отказалась выполнить все это и взяла обратно свой паспортъ» (Кузн., 19). Но такіе случаи чрезвычайно рѣдки, и огромное большинство женщинъ поступаетъ въ разрядъ официальныхъ проститутокъ уже послѣ того, какъ въ омутѣ тайнаго разврата потеряетъ свою невинность, вполнѣ познакомится съ порокомъ и даже заразится болѣзнію. Сифилисъ свирѣпствуетъ между тайными проститутками ужасно, и, по мѣстамъ, количество зараженныхъ имъ женщинъ, изъ общаго числа забираемыхъ и осматриваемыхъ по подозрѣнію въ тайномъ развратѣ, простирается до 45%!.. Медико-полицейскій надзоръ открываетъ въ этой сферѣ даже малолѣтнихъ дѣвочекъ отъ 9 до 14 лѣтъ, уже страдающихъ венерой. Но если, съ одной стороны, тайная проституція представляется массою, изъ которой постоянно набираются явныя проститутки, то, съ другой стороны, очень значительный контингентъ занимающихся ею женщинъ состоитъ изъ проститутокъ, окончившихъ свою публичную карьеру, поступившихъ, такъ сказать, въ резервъ и промышляющихъ развратомъ не постоянно, а только при удобномъ случаѣ, такъ какъ, потерявъ уже и здоровье, и красоту, и молодость, онѣ не въ состояніи привлекать часто покупателей ихъ отцвѣтшихъ прелестей.

Какъ тайныя, такъ и явныя проститутки рѣзко распадаются на два главныхъ отдѣла, изъ которыхъ одинъ, окруженный блескомъ и роскошью, существуетъ для чистыхъ и зажиточныхъ баръ, другой же—для бѣдняковъ, не имѣющихъ возможности покупать молодое и красивое женское тѣло. Во главѣ аристократической проституціи стоятъ камеліи, эти гетеры современнаго міра, не обладающія, впрочемъ, ни умомъ, ни образованностью, ни доблестями, которыми славились ихъ древнегреческія предшественницы. Наши камеліи —пустоголовыя самки, выдрессированныя исключительно для сладострастныхъ наслажденій и разоряющія столь же пустоголовыхъ самцовъ, осаждающихъ ихъ своими заискиваньями. Наши Сократы не могутъ имѣть съ камеліями ничего общаго, а вліятельныя Матильды, Амаліи, Минны, играющія отчасти роль Аспазій, хотя и имѣютъ своихъ Перикловъ и Алкивіадовъ, но эти Периклы и Алкивіады вполнѣ достойны своихъ Аспазій... Умственное и нравственное развитіе камеліи самое жалкое. Всѣ ея интересы сосредоточены на кокетствѣ и модахъ, на роскоши и на искусствѣ разоренія своихъ глупыхъ ухаживателей. Камелія —это жалкое, несчастное созданіе, порожденное развращенностью тупеяднаго общества; это—самка, торгующая и тѣломъ, и чувствомъ...

> Бриллианты, цвѣты, кружева,
> Доводящіе умъ до восторга,
> И на лбу роковыя слова—
> Продается съ публичнаго торга!..

Но, выражаясь такимъ образомъ, мы далеки отъ того безсмысленнаго презрѣнія къ этой самкѣ, съ какимъ относится къ ней масса общества. Мы видимъ въ ней только продуктъ извѣстныхъ соціальныхъ условій, низводящихъ человѣческую личность на степень животнаго, убивающихъ въ ней всякую разумную жизнь и дѣлающихъ ее орудіемъ чужихъ страстей и чужихъ интересовъ. Да и самая судьба камелій не можетъ возбуждать въ насъ никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ глубокаго сожалѣнія. Окруженная въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ удобствами и разнообразными затѣями роскоши, по мѣрѣ увяданія своихъ прелестей, которыя въ разгульной жизни изнашиваются очень скоро, камелія постепенно теряетъ свою цѣнность, спускается все ниже и ниже по лѣстницѣ проституціи до тѣхъ поръ, пока, въ качествѣ совершенно забракованнаго товара, не попадетъ въ тотъ проституціонный омутъ, въ которомъ кишатъ полунагія, голодныя, сгнившія въ венерѣ женщины, продающіяся за 3 копѣйки, да и то только при особенно счастливомъ случаѣ. «Въ Петербургѣ одинъ богатый мужчина, проходя по тротуару, былъ спихленъ съ ногъ выпихнутой изъ кабака женщиной, въ страшно пьяномъ видѣ, оборванною, избитою, искаженною. Когда этотъ господинъ, оправляясь, осыпалъ ругательствами пьяную бабу и ея собратовъ, вытолкнувшихъ ее изъ кабака, женщина, всмотрѣвшись въ него, заплакала, а потомъ захохотала дикимъ хохотомъ. «Дай мнѣ на водку», сказала она мужчинѣ, назвавъ его фамилію. Баринъ былъ озадаченъ, какимъ образомъ его фамилія была извѣстна въ обществѣ бродягъ. «Дай на водку Матильдѣ», повторяла женщина. Баринъ поспѣшно вынулъ бумажникъ, бросилъ изъ него женщинѣ 25 рублей и торопливо удалился. Въ лицѣ этой бродяги онъ узналъ камелію, поражавшую когда-то всѣхъ своей красотой и роскошью и у которой этотъ самый господинъ не могъ прежде заслужить вниманія, т.-е. не могъ получить доступа въ ея спальню» (Кузн., 21).

Вслѣдъ за камеліями выступаютъ проститутки аристократическихъ публичныхъ домовъ,—красавицы изъ Риги и Гамбурга, изъ Вологды и Мадрида, женщины самыхъ разнообразныхъ національностей. Покупать развратъ въ этихъ домахъ очень дорого, такъ какъ женское тѣло здѣсь перваго сорта и наслажденія порокомъ совершаются при самой роскошной обстановкѣ. Въ Петербургѣ, напр., одинъ изъ извѣстныхъ домовъ терпимости за одну только квартиру платитъ въ годъ 6,000 рублей. Устройство «зеркальной спальни» въ этомъ домѣ стоило содержательницѣ около 7,000 рублей. Проститутки, живущія въ такой роскошной обстановкѣ, отлично одѣты, хорошо питаются, пользуются разнообразными удовольствіями,—театрами, концертами, катаньемъ и т. д. Но такая жизнь продолжается недолго; отцвѣтающія красавицы переходятъ изъ лучшихъ домовъ въ болѣе и болѣе худшіе и, наконецъ, погибаютъ въ томъ морѣ нищеты, пороковъ и преступленій, которое ревутъ подъ ногами сытаго, цивилизованнаго общества. Женщина, зарабатывающая развратомъ до 1,000 въ мѣсяцъ и болѣе, сплошь и рядомъ кончаетъ тѣмъ, что, убиваемая

голодомъ и другими страданіями, сопряженными съ нищетой, медленно погибаетъ, какъ паршивая, брошенная хозяиномъ собака.

Аристократическія проститутки такъ же немногочисленны, какъ и ихъ барственные потребители. Масса же публичныхъ женщинъ, существующая для среднихъ и низшихъ классовъ, состоитъ изъ бѣдныхъ, изможденныхъ, несчастныхъ созданій, торгующихъ своимъ тѣломъ не ради роскоши, а изъ-за того только, чтобы пріобрѣсть кусокъ хлѣба и стаканъ водки для залитія своего пожизненнаго горя. Таковы, напр., *кабачницы* столичныхъ городовъ, которыя не имѣютъ никакихъ пріютовъ, шатаются изъ кабака въ кабакъ, изъ харчевни въ харчевню, развратничаютъ и въ этихъ грязныхъ притонахъ, и подъ открытымъ небомъ, а ночь проводятъ, гдѣ случится, — въ чуланѣ, подъ лѣстницей, въ ретирадѣ, въ канавѣ. Нищета ихъ нерѣдко доходитъ до положительной наготы, не прикрываемой ничѣмъ, кромѣ грязи (стр. 120). Наиболѣе зажиточными изъ нихъ являются *гнилушницы*, которыя на свои скудныя средства ведутъ торговлю гнилыми плодами и тѣмъ пополняютъ свой нищенскій проституціонный заработокъ. Къ этому разряду проститутокъ принадлежатъ цѣлыя массы нищихъ, безпріютныхъ женщинъ, солдатокъ, крестьянокъ, ищущихъ въ городахъ работы и не находящихъ ея, и т. д. Почти совершенно развалившаяся старуха, баба, пораженная съ головы до пятокъ сифилисомъ, калѣка, безобразнѣйшая идіотка—всѣ находятъ потребителей въ той средѣ нашего пролетаріата, въ которой и для которой живутъ этого разряда проститутки. Мы знаемъ одну идіотку, просящую милостыню по окрестностямъ города Шенкурска. Не только пьяные, но даже трезвые мужики постоянно соблазняются ею, и она чуть не каждый годъ родитъ ребятъ, которые куда-то исчезаютъ вскорѣ послѣ рожденія. Въ большихъ городахъ масса этихъ женщинъ не имѣетъ квартиръ и почуетъ, гдѣ придется, проводя остальное время или подъ открытымъ небомъ, или въ разныхъ притонахъ, которые служатъ центрами гулякъ, развратниковъ, мошенниковъ, бродягъ. Нѣкоторые изъ этихъ притоновъ достигаютъ поистинѣ грандіозныхъ размѣровъ и нѣсколько напоминаютъ собою *Дворъ чудесъ* въ средневѣковомъ Парижѣ. Таковъ былъ, напр., уничтоженный въ 1866 г. московскій трактиръ «Крымъ», нижній этажъ котораго назывался *Адомъ*. «Посѣщать это заведеніе было крайне опасно; ни одинъ посѣтитель не выходилъ оттуда, не бывъ обокраденъ, обыгранъ въ карты или просто ограбленъ и избитъ. Полиція была совершенно безсильна противъ различныхъ пріемовъ мошенниковъ и самой прислуги Ада. Въ буфетѣ, который составлялъ переднюю комнату, подъ стойкой буфетчика устроенъ былъ электрическій звонокъ, который мгновенно извѣщалъ во всѣхъ конуркахъ о появленіи полиціи или даже какого-нибудь подозрительнаго лица. Изъ Ада было устроено нѣсколько темныхъ выходовъ внутрь двора; въ этихъ узкихъ коридорахъ, въ различныхъ мѣстахъ и на различной высотѣ, были устроены деревянныя перекладины ниже человѣческаго роста, и врыты столбы такимъ образомъ, что попавшій въ этотъ притонъ, спасаясь бѣгствомъ отъ мошенниковъ, неминуемо натыкался на устроенныя преграды, ударялся объ нихъ и опомолненный попадалъ въ руки преслѣдовавшихъ его». Проститутки были обычными посѣтительницами Ада, и развратъ доходилъ здѣсь до скотскаго безобразія (Кузн., 244, 246). Даже большая часть официальныхъ домовъ терпимости, особенно въ провинціяхъ, отличается ужасающей обстановкою нищеты и грязи, о которыхъ столичные жители могутъ судить по московскому *Аду* и петербургскому *Малинникову*. Нечистота, затхлый воздухъ, вѣчно пьяныя, избитыя, безобразно нарумяненныя женщины, по нѣсколько кроватей въ одной комнатѣ, иногда неотдѣленныхъ одна отъ другой даже занавѣсками, вмѣсто постели куча прѣющихъ вонючихъ лохмотьевъ — вотъ общій типъ провинціальнаго публичнаго дома. Въ немъ живутъ порокъ и преступленіе вмѣстѣ со своей матерью—бѣдностью.

Проституція является результатомъ архаическихъ порядковъ семейнаго и общественнаго быта. Непомалыя соціальныхъ условій порождаетъ, съ одной стороны, запросъ на развратъ, а съ другой — предложеніе женскаго тѣла. Невѣжественная, неразвитая женщина, воспитанная исключительно для постельной утѣхи и не интересующаяся ничѣмъ, кромѣ нарядовъ и кокетства, нерѣдко продаетъ себя только для того, чтобы получить возможность помодничать и пороскошничать. Служанки, напримѣръ, выдѣляющія изъ себя значительное число тайныхъ и явныхъ проститутокъ, сплошь и рядомъ продаютъ себя за кусокъ дешевенькой матеріи на платье, за платокъ, пару башмаковъ и т. д. Одна богатая женщина продала себя только за *способъ*, изобрѣтенный молодымъ человѣкомъ, достать 5,000 рублей, необходимые ей для того, чтобы выѣхать на балъ въ костюмѣ, который былъ бы лучше костюма одной знакомой ей княгини. Случается, что женщина начинаетъ развратничать просто съ отчаянія и изъ желанія отомстить любимому человѣку своимъ публичнымъ позоромъ. «Мастерица»,—разсказываетъ г. Кузнецовъ,—«имѣя лѣтъ уже около 27, обратилась въ Петербургѣ во врачебно-полицейскій комитетъ съ просьбой выдать ей медицинскій билетъ, но такъ какъ она не поступала въ домъ терпимости, а оставалась одиночкой, то ей предложили подчиниться секретному надзору; она наотрѣзъ отказалась отъ этого и, заливаясь слезами, отвѣтила: «я не хочу быть секретною, я дѣвушка честная и никогда никого не обманывала, дайте мнѣ желтый билетъ, пусть буду я публичною». Когда эта дѣвушка успокоилась, то изъ ея разсказа мы узнали, что она была брошена своимъ любовникомъ, съ которымъ жила нѣсколько лѣтъ, и не отъ нужды, а просто съ отчаянія пускалась въ развратъ» (стр. 17). Сводни и другіе соблазнители дѣвушекъ, вовлекши ихъ въ порокъ, лишивъ невинности, обезславивъ и тѣмъ закрывъ имъ доступъ въ ихъ семейства и отнявъ у нихъ возможность къ существованію честными средствами, на-

всегда бросаютъ ихъ въ потокъ порока, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни подготовки, ни возможности жить своимъ трудомъ. Значительная часть публичныхъ женщинъ состоитъ изъ любовницъ, брошенныхъ своими любовниками, изъ служанокъ, соблазненныхъ и развращенныхъ своими хозяевами, изъ неопытныхъ дѣвушекъ, попавшихъ въ сѣти развратниковъ и сводней. Но при всемъ этомъ главною, самою сильною причиною проституціи является бѣдность. Женщина можетъ развратничать по разнымъ побужденіямъ, но торговать собою ее заставляетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ одна только бѣдность. У Некрасова женщина, мужъ которой сидитъ въ нетопленой квартирѣ больной и голодный, а умершаго ребенка не на что похоронить,

Ушла молчаливо,
Принарядившись какъ будто къ вѣнцу,
И черезъ часъ принесла торопливо
Гробикъ ребенку и ужинъ отцу.

Такая участь постигаетъ женщинъ нерѣдко, заставляя ихъ торговать собой для пропитанія своего семейства. «Молодая вдова, напримѣръ, оставшись послѣ смерти мужа, котораго нѣжно любила, съ двумя маленькими дѣтьми, безъ всякихъ средствъ къ жизни, сдѣлалась швеей, что давало ей возможность кое-какъ поддерживать существованіе и свое, и своихъ малютокъ. Однажды, когда у вдовы вышелъ весь денежный запасъ и въ квартирѣ уже не было ни куска хлѣба, она понесла оконченную работу, за которую однако не могла получить заработанныхъ денегъ; между тѣмъ у ней не было ни хлѣба, ни денегъ, ни дровъ, ни даже постели для малютокъ; хозяинъ гналъ изъ подвала, въ которомъ помѣщалось семейство молодой труженицы; дѣти плакали отъ голода и холода; продать было нечего, заложить тоже, попросить не у кого, и бѣдная женщина, спасая своихъ малютокъ, сдѣлалась проституткой, на первый разъ продавъ себя первому попавшемуся старику, который привязался къ ней на улицѣ. Несчастная должна была выбирать одно изъ двухъ: или свою нравственность, или смерть свою и своихъ малютокъ. Много матерей промышляетъ развратомъ изъ нежеланія разстаться со своими дѣтьми, которые совершенно лишаютъ ихъ возможности заняться какой бы то ни было работой». (Кузн., 16). Самое общественное положеніе женщинъ, принимающихся за проституцію, указываетъ, что причиною ихъ паденія служитъ главнымъ образомъ бѣдность. Въ 1868 г. въ Петербургѣ считалось 2,288 явныхъ проститутокъ. Въ томъ числѣ—

Мѣщанокъ	508	изъ нихъ грамотныхъ	86
Солдатскихъ дочерей и женъ	492	» » »	67
Крестьянокъ	658	» » »	79
Уроженокъ финляндскихъ	111	» » »	31
» остзейскихъ	198	» » »	7
» западнаго края	22	» » »	7
Еврейкъ	19	» » »	—
Привилегированныхъ сословій	55	» » »	22
Воспитанницъ	8	» » »	8
Ремесленницъ	39	» » »	9
Купеческаго сословія	3	» » »	2
Всего русскихъ подданныхъ	2,113	» » »	318
Иностранокъ	175	» » »	76

Въ Москвѣ, которая по своей развращенности стоитъ во главѣ большихъ европейскихъ городовъ, въ домахъ терпимости въ 1870 г. было 957 официальныхъ проститутокъ. Изъ нихъ—

	дѣвицъ.	вдовъ.	сиротъ.	неграмотн.	гувернантокъ.	горничныхъ.	кухарокъ.	фабричныхъ работницъ.	процентное отношеніе по сословіямъ.
Привилегированныхъ сословій	24	17	5	4	4	2	—	—	2,50
Духовнаго	3	1	1	1	—	—	—	—	0,31
Купеческаго	1	1	—	1	—	—	—	—	0,10
Воспитанницъ	1	1	—	1	—	—	—	—	0,10
Мѣщанокъ	322	271	31	116	260	—	65	13	15	33,64
Цеховыхъ	95	80	12	46	89	—	5	10	4	9,92
Солдатокъ	103	—	47	21	98	—	14	5	12	10,86
Солдатскихъ дочерей	57	57	—	29	46	—	10	2	—	5,95
Крестьянокъ	257	196	43	69	228	—	30	11	19	26,85
Финляндокъ	16	16	—	5	13	—	—	—	—	1,67
Остзейскихъ нѣмокъ	16	10	6	2	6	—	—	—	—	1,67
Западныхъ губерній	23	20	3	3	—	3	—	—	—	2,40
Русскихъ подданныхъ	27	23	—	8	2	2	—	—	1	—
Германскихъ	7	7	—	2	2	1	1	—	—	0,73
Австрійскихъ	5	5	—	3	1	1	—	—	—	0,52
	705		148	311	749	9	125	41	51	

Въ дополненіе къ этимъ таблицамъ мы сообщимъ еще таблицу о числѣ сифилитиковъ, лѣчившихся въ московской больницѣ для чернорабочихъ.

Дворянокъ	8
Духовныхъ	2
Мѣщанокъ и цеховыхъ	659
Крестьянокъ	524
Солдатокъ и солд. дочерей	329
Вольноотпущенныхъ	19
Воспитанницъ	7
Иностранокъ	83
Всего	1,628

Сколько вы ни собирайте другихъ данныхъ, въ нихъ вы увидите то же, что и въ приведенныхъ таблицахъ: вездѣ на первомъ планѣ выступаютъ женщины самыхъ необезпеченныхъ состояній, — мѣщанки, солдатки и солдатскія дочери, крестьянки. Въ видѣ исключеній къ нимъ присоединяются женщины обезпеченныхъ состояній, напр., купеческаго, духовнаго, дворянскаго,—женщины, доведенныя до нищеты, а черезъ нее и до проституціи—какими-нибудь несчастными случаями. По своимъ семейнымъ отношеніямъ, большинство проститутокъ также принадлежитъ къ лицамъ необезпеченнымъ,—большею частью это дѣвицы, не имѣющія защиты и поддержки мужа, вдовы и сироты. Изъ 957 московскихъ проститутокъ 749 неграмотныхъ, что также указываетъ на ихъ крайнюю бѣдность, при которой онѣ не имѣли возможности научиться даже читать и писать. Число образованныхъ проститутокъ весьма незначительно, и почти всѣ онѣ по своей профессіи принадлежатъ къ гувернанткамъ, бѣдственное положеніе которыхъ извѣстно каждому. Одно изъ первыхъ мѣстъ по своей развращенности занимаютъ воспитанницы воспитательныхъ домовъ, — эти пролетаріатки, выпускаемыя изъ заведеній безъ достаточной профессіональной подготовки, безъ всякаго матеріальнаго обезпеченія, и по своему сиротству не имѣющія никакого семейнаго пристанища. Всѣ перечисленные нами и другіе разряды женщинъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ берутся за проституцію только въ томъ случаѣ, когда увидятъ себя въ положительной невозможности поддерживать свое существованіе чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ продажи своего тѣла. Потомъ уже, развратившись и свыкшись съ этимъ промысломъ, многія изъ нихъ навсегда отдаются ему, дѣлаясь неспособными къ честному труду; но до этой развращенности и этой неспособности ихъ почти всегда доводитъ ужасная тиранка, жестокая владычица народныхъ массъ—бѣдность. Эта владычица ежегодно сгоняетъ въ столицы и въ большіе города сотни тысячъ женщинъ, мучитъ ихъ здѣсь голодомъ, холодомъ, болѣзнями, лишаетъ ихъ платья и обуви, ежечасно преслѣдуетъ ихъ ужасными призраками голодной смерти, а затѣмъ передаетъ ихъ съ рукъ на руки пороку, который на каждомъ шагу соблазняетъ ихъ пожертвовать для спасенія жизни своимъ тѣломъ и своею нравственною самостоятельностью.

Будучи рабынею нужды, проститутка въ то же время находится въ рабствѣ у сводней и другихъ эксплуататоровъ порока. Содержательницы домовъ терпимости, вовлекая женщинъ въ неоплатные долги, пользуются ихъ выручкою, удѣляя только часть ея на ихъ содержаніе, и всѣ полицейскія мѣры безсильны уничтожить эту эксплуатацію, какъ безсильны онѣ противъ всякой кабалы, основанной на экономической необходимости. Содержательница публичнаго дома—эта державная повелительница подвѣдомственныхъ ей женщинъ—управляетъ ими совершенно безконтрольно, дисциплинируетъ, наказываетъ, дрессируетъ ихъ для порока, сообразно съ требованіями развратныхъ потребителей; она пріобрѣтаетъ невинныхъ дѣвушекъ и продаетъ ихъ, она скупаетъ женское тѣло на проституціонныхъ ярмаркахъ Гамбурга и Риги оптомъ, а въ Россіи розничнo; она, вмѣстѣ съ палачемъ и шпіономъ, составляетъ самую отвратительную тріаду, созданную ненормальными условіями соціальнаго быта. Въ Россіи, впрочемъ, содержательницы до сихъ поръ не успѣли еще забрать въ свои руки большинства проститутокъ, какъ мы видимъ это во многихъ странахъ Европы, и число проститутокъ-одиночекъ, по мѣстамъ, превосходитъ число женщинъ, зависимыхъ отъ содержательницъ. Въ Петербургѣ, напр., было въ 1866 году проститутокъ-одиночекъ 884, а въ домахъ терпимости 939; въ 1867 году въ домахъ жило 923, а на квартирахъ по одиночкѣ 1.158. Въ Москвѣ въ 1854 году—въ домахъ числилось 502, одиночекъ 870; въ 1866 году въ домахъ 1.089 женщинъ, одиночекъ 827. Само собою понятно, что положеніе одиночекъ несравненно лучше положенія женщинъ, живущихъ подъ игомъ своихъ «мамашъ», и только крайняя нужда удерживаетъ проститутокъ подъ этимъ игомъ.

Молодость—первое достоинство проститутки, и женщина, поставленная въ необходимость торговать собой, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, начинаетъ свой промыселъ, едва достигши половой зрѣлости. Въ Одессѣ, въ 1868 году, было 1.008 публичныхъ женщинъ, изъ нихъ—

Моложе 14 лѣтъ	89
» 20 »	460
отъ 20 до 30 »	240
» 30 » 40 »	180
Старше 40 »	39

По возрасту петербургскія проститутки (1869 г.) распредѣлялись такъ:

14—15 лѣтъ	4
16—17 »	147
18—19 »	266
20—30 »	1106
30—40 »	232
40—50 »	52
50—60 »	8
Старше 60	1

Изъ 957 московскихъ проститутокъ начали промышлять развратомъ

1 съ 11 лѣтъ	= 0,10	93 съ 14 лѣтъ	= 9,71
5 » 12 »	= 0,52	150 » 15 »	= 15,75
26 » 13 »	= 2,71	180 » 16 »	= 18,80

182	17	= 18,83	34	22	= 3,55
81	18	= 8,46	7	23	= 0,73
82	19	= 8,56	10	24	= 1,04
72	20	= 7,57	3	25	= 0,31
23	21	= 2,40	8	26	= 0,83

Есть дѣвочки, которыя начинаютъ съ 9, 10, 12 лѣтъ,— это большею частью жертвы насильователей; главная же масса проститутокъ (18%) принимается за свой промыселъ 16—17 лѣтъ,—нѣсколько раньше, чѣмъ европейскія проститутки, для которыхъ роковымъ въ этомъ отношеніи является начало двадцатыхъ годовъ ихъ жизни, именно тотъ періодъ, къ наступленію котораго задѣльная плата женщины, равняющаяся до пятнадцатилѣтняго періода мужской и потомъ постепенно уменьшающаяся, понижается, наконецъ, до половины мужской платы. Большинство европейскихъ проститутокъ удерживается отъ паденія до конца этого кризиса, большинство же русскихъ падаетъ въ самомъ началѣ его, что, конечно, зависитъ главнымъ образомъ отъ неразвитости у насъ женскаго труда.

Такимъ образомъ, бѣдность, всевозможные соблазны, молодость, неопытность, нравственная неразвитость, дурныя условія труда—все толкаетъ женщину на путь порока. Съ отвращеніемъ, но необходимости, съ чувствомъ стыдливости начинаетъ торговать собой эта цѣломудренная блудница; но мужчины и приноравливающіяся къ нихъ требованіямъ сводни скоро развращаютъ ее окончательно. Положеніе пріучаетъ ее къ безстыдству и нерѣдко доводитъ до отчаяннаго цинизма. Вотъ, напр., въ Петербургѣ, дѣвица Андѣева, 19 лѣтъ, очень недурная собой, на одномъ изъ загородныхъ гуляній, лѣтомъ 1869 года, въ кругу подгулявшихъ мужчинъ, пляшетъ канканъ совершенно нагая, а впослѣдствіи спокойно подноситъ ядъ шестидесятилѣтнему старику и играетъ на фортепіано, чтобы заглушить стоны старца, добиваемаго утюгами. Много должна перенести женщина, чтобы дойти до такого нравственнаго отупѣнія; но, какъ ни безотрадна жизнь проститутокъ, масса ихъ всегда отличается наклонностями и чувствованіями, невольно возбуждающими нашу симпатію. Главнымъ образомъ эти хорошія, добродѣтельныя свойства души публичныхъ женщинъ проявляются въ ихъ пьянствѣ,—да, читатель, въ пьянствѣ, которому предаются всѣ онѣ потому, что водка заглушаетъ въ нихъ отвращеніе къ продажному разврату,—отвращеніе, замѣчаемое всѣми, близко знакомыми съ ними людьми. Отличаясь въ обществѣ мужчинъ лицемѣрнымъ цинизмомъ и заказнымъ безстыдствомъ, возбудительность которыхъ цѣнится потребителями очень дорого, въ своей домашней жизни публичныя женщины ведутъ себя очень скромно и вполнѣ прилично. Онѣ гораздо менѣе развратны въ душѣ, чѣмъ ихъ посѣтители. Каждая проститутка имѣетъ любовника, къ которому питаетъ самую теплую, самую чистую привязанность и для котораго готова жертвовать всѣмъ. «Въ увеселительномъ заведеніи «Новое Эльдорадо», въ Петербургѣ, въ столовой сидѣлъ студентъ и проститутка, весьма молоденькая и хорошенькая дѣвушка. Передъ ними стояла бутылка пива. Здѣсь же сидѣлъ и ужиналъ какой-то подкутившій молодой купецъ. Хорошенькое личико проститутки приглянулось купцу, и онъ предложилъ ей ѣхать съ нимъ. Дѣвушка отказалась. Купецъ предложилъ ей 25 р., но и эта солидная сумма не соблазнила дѣвушки, она отказалась снова; купецъ продолжалъ упрашивать ее и, увеличивая предлагаемый кушъ, вошелъ въ такой экстазъ, что, открывъ свой туго набитый бумажникъ, вынулъ оттуда сторублевый билетъ и подалъ его дѣвушкѣ. Заманка была слишкомъ соблазнительна, кушъ очень великъ. Молодая дѣвушка взяла бумажку, грустно посмотрѣла на нее, потомъ, съ любовью взглянувъ на своего возлюбленнаго, скомкала въ рукѣ бумажку, бросила ее обратно куцу и вышла изъ комнаты подъ руку со студентомъ». (Кузн., 28). Для того, чтобы помочь своему возлюбленному, выручить его изъ бѣды, заплатить его долги, проститутка часто съ полною самоотверженностью пускается на самыя рискованныя предпріятія. И сила этой чистой, безкорыстной привязанности тѣмъ замѣчательнѣе, что любовники проститутокъ большею частію не отплачиваютъ имъ такимъ же безкорыстіемъ: живутъ у нихъ на содержаніи, обираютъ ихъ, бьютъ и тиранятъ, заѣдаютъ ихъ жизнь, и безъ того исполненную страданій.

Тиранія любовниковъ, тиранія содержательницъ, тягостность полицейской опеки, отвращеніе къ своему промыслу, безсонныя ночи и пьянство, чрезмѣрная половая дѣятельность, нищета и голодъ—все это быстро разрушаетъ здоровье проститутки; нѣсколько разъ страдавшая сифилисомъ, истощенная, некрасивая, отупѣвшая въ своей срадной обстановкѣ, она видитъ до смерти принуждена влачить самое жалкое существованіе, продавая по временамъ за гроши свое тѣло, занимаясь сводничествомъ, мытьемъ половъ, прошеньемъ милостыни и т. п. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ публичная женщина измѣнивается въ продолженіе пяти лѣтъ, и каждыя пять лѣтъ личный составъ заѣшнихъ проститутокъ совершенно обновляется. Значительная часть ихъ сходитъ въ могилу, преимущественно отъ чахотки и изнурительнаго поноса. Ремесло и обстановка до того губительно дѣйствуютъ на здоровье проститутокъ, что нѣкоторыя изъ нихъ проводятъ въ больницахъ около половины своей жизни. Дѣвица Г., 22 лѣтъ, 24 января 1864 г. поступила, въ Москвѣ, въ публичный домъ и въ тотъ же день, по освидѣтельствованіи ея врачомъ,—въ больницу; затѣмъ, въ теченіе 6 лѣтъ, она 29 разъ была помѣщаема въ больницу, въ которой и провела 812 дней. Дочь нищеты—проститутка только на время можетъ избавиться отъ своей ужасной матери, а затѣмъ она живетъ и умираетъ въ той же нищетѣ, которая родила ее. Исключенія чрезвычайно рѣдки, и этими исключеніями являются немногія публичныя женщины, которымъ удалось скопить деньжонки, поступить на содержаніе мужа или любовника, открыть не-

потребный домъ и т. д. Масса же проститутокъ осуждена вѣчно вращаться въ одномъ и томъ же заколдованномъ кругѣ, и тѣ изъ нихъ, которыя бросаютъ проституцію, очень скоро вынуждаемы бываютъ обстоятельствами снова браться за нее. Для такихъ женщинъ есть въ Петербургѣ особые пріюты, устроенные такъ нецѣлесообразно, что большинство поступающихъ въ нихъ на исправленіе экъ-проститутокъ покидаетъ ихъ раньше опредѣленнаго срока. Вотъ по какимъ поводамъ публичныя женщины оставляютъ развратъ. Изъ московскихъ проститутокъ, въ пятилѣтіе съ 1858 по 1863 г.:

Выѣхало	51,86%
Скрылось	16,85
Оставило развратъ	8,22
Отдано на поручительство . .	6,65
Умерло	6,52
Поступило въ услуженіе . .	5,74
Вышло замужъ	4,50

Огромное большинство этихъ женщинъ, вычеркнутыхъ изъ проституціонныхъ списковъ, вовсе не оставляетъ разврата, а продолжаетъ заниматься имъ или въ другой формѣ, или въ другой мѣстности; таковы, напр., всѣ отмѣченныя выѣхавшими и скрывшимися. «Оставившія развратъ» и «поступившія въ услуженіе» не перестаютъ заниматься проституціей тайно, равно какъ отданныя на поручительство и даже вышедшія замужъ. Масса публичныхъ женщинъ осуждена на проституцію вплоть до смерти; цѣлыя семейства сплошь и рядомъ живутъ однимъ только развратнымъ промысломъ; сестры съ сестрами и матери съ дочерями нерѣдко составляютъ проституціонныя компаніи: изъ 1,008 одесскихъ проститутокъ, напр., было

Матерей съ 1 дочерью	27
» » 2 дочерьми	6
По 3 сестры вмѣстѣ	3
» 2 » »	47

Мало того, цѣлыя женскія поколѣнія живутъ развратомъ, который, такимъ образомъ, становится наслѣдственнымъ промысломъ. Мать проститутничаетъ, рождаетъ дочерей, которыя, выросши, начинаютъ промышлять вмѣстѣ со своей родительницей, сами рождаютъ будущихъ проститутокъ и т. д. Рабство и отверженность женщины, неразвитость женскаго труда, соціальныя условія, поддерживающія нищету народныхъ массъ, факторы, производящіе сильный запросъ на развратъ, каковы, напр., ненормальность семейнаго быта или обязательное безбрачіе солдатъ, — все это, порождая проституцію, дѣйствуетъ съ такою силою, противъ которой никогда и ничего существеннаго не могутъ сдѣлать ни юристы, ни полиція, ни филантропы, ни проповѣдники морали. Корень зла лежитъ въ основахъ соціальнаго быта, и намъ пока остается только изучать эти основныя условія общественныхъ страданій, обобщать явленія, развивать сознаніе необходимости соціальныхъ реформъ. Существованіе проституціи и ея неразлучнаго спутника—сифилиса прямо ведетъ къ категорической постановкѣ вопроса о свободѣ и равноправности женщины, надлежащее рѣшеніе котораго, даже безъ другихъ общественныхъ реформъ, сдѣлаетъ въ милліонъ разъ больше, чѣмъ меркурій и іодъ для излѣченія сифилиса, чѣмъ всѣ филантропическія и врачебно-полицейскія мѣры для искорененія проституціи...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Жалоба жены архангелъскаго торговаго человѣка Баженина (1714 г.).

«1712 года, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, почало быть у насъ помѣшательство, и весь тотъ Филиповъ постъ и о Рождествѣ Христовѣ такое безмѣрное гоненіе и мученіе было, что билъ и давилъ, и писать стыжуся. И нѣчто пріиде ему во умъ, якобы мя смерти предати: на сонную нападе на мя и взявъ мой гойтяшикъ серебряной, на которомъ крестъ носила, и нача мя тѣмъ давити и не вѣмъ, какъ тотъ гойтанъ сорвался, и оттого я хранима Богомъ. А въ навечеріи Богоявленія дня поѣхалъ къ городу и былъ тамо генваря до 19 дня, и пріѣхалъ такожде меня муча, и по многомъ мученіи вонъ на морозъ изгонялъ, и на утро приказалъ меня сыскать къ себѣ быть, и я пришедъ къ нему, и видя его необычно плачуща, и падъ предъ образомъ Богоматере и сказывая мнѣ: якобъ чудо показа надъ нами Богомати избавила насъ отъ бѣды, много мыслилъ, дабы тебя удавить и въ нужникѣ повѣсить того ради, якобъ сама будто удавилась отъ печали. И созвалъ тетку мою престарѣлую Зиновью, тогда прилучающуюся у насъ, также и рабовъ своихъ и священника вавчужскаго, и объявилъ ту всѣмъ, и приказалъ ту при нихъ, священникѣ и теткѣ, рабомъ своимъ предо мною прощаться *), и о семъ и самъ вельми былъ радъ; и сіе видя раби его, таковое увеселеніе о семъ и объявленіе имъ неугоднос, паки на мя вознегодовавша и его возмутили. и въ тотъ весь мясоѣдъ на мя ярясь и муча, а женку Варвару безмѣрными блажити любезными и согласными словами и лобзати, а меня ругати не яко словами, но жестокими побоями огорчевати, такожде и рабомъ своимъ приказалъ меня ругати; и отъ того времени начала мя раби его ругати всякими безчестными словами, чего я ни отъ кого прежъ сего не слыхала, и много мя угрожали убити, а паче же та женка Варвара, да человѣкъ Дмитрей Шишевъ хвалилися на мя, якобъ мнѣ и въ домѣ его не быти: сіе и тетка моя престарѣлая, вдова Зиновья, слыхала, также

*) Т.-е. просить прощенія.

и сторонніе люди слыхали отъ тѣхъ его рабонъ хваленіе. что насъ видѣти и учинити въ разлученіи съ мужемъ, а прочіе раби его мнѣ на тѣхъ сказывали то ихъ хваленіе. И того жъ года въ великій постъ на первой недѣлѣ поѣхалъ къ городу и былъ тамо до половины поста, и слышу я его тамо непорядочное и нехристіанское житіе, и пошлю въ нему человѣка. дабы изволилъ быть въ домъ свой, и онъ тогда не поѣхалъ, а сказалъ посланному: какъ я буду, то жены моей не быть живой, хочу ее окормить смертнымъ ядомъ, и пріѣхавъ посланный мнѣ сказалъ, дабы имѣть опасеніе: и предъ страстною недѣлей паки къ нему илю человѣка, и тогда онъ пріѣхалъ, и въ то время было тепло, и ледъ на рѣкѣ противо Вавчуги истился, и они въ тѣхъ полыньяхъ тонули, и пришелъ въ домъ отперъ свой подголовокъ, и изъ него человѣкъ его Дмитрей вынялъ бумагу сулемы и взялъ къ себѣ, а гдѣ ее дѣлъ, того не вѣдаю, и о святой недѣли, и весною по многія времена давилъ и билъ, и вонъ ночью изъ двора босу и въ одной рубашкѣ выгоняялъ, и отъ такого его смертнаго убійства многократнѣ всячески укрывалася. И паки въ Введеньевъ день предъ обѣднею меня билъ, что и самому ему житія моего отчаятися, и отъ того времени егда пьянъ пріидетъ, какъ тѣ раби его прежде хвалились, то какъ и счинилось повседневное мнѣ битье и мученіе, и въ таковомъ мученіи съ горькими слезами къ нему приду и прошу его: «Осипъ Андреевичъ! что моя предъ тобою вина и прегрѣшенье, что такъ мя безчеловѣчно мучишь»; а онъ никакой мнѣ вины не объявитъ, точію говоритъ: «иди и прощайся госпожѣ своей и моей матушкѣ Варварѣ Нефедьевнѣ, не я де тебя бью, она», и къ ней пришедъ и самъ говоритъ что: «ты ее бьешь, а не я; я надъ ней вины никакой не вѣдаю, ты мнѣ все сказываешь и бить велишь; вѣдаешь ты, моя государыня матушка, Варвара Нефедьевна, что я все по волѣ твоей дѣлаю, и всегда и я твой, и всѣмъ приказываю домочадцамъ безъ воли твоей ничтожъ творити; если кто малое что учинитъ тебѣ противно, то, конечно, погибнетъ, или ты кого похочешь погубить, того погубишь, а кого воскресить, того воскресишь»; и говорилъ про меня, что: «губи до конца сію воровку, и такъ вы уже ее воровку съ Дмитріемъ въ концѣ погубили, что ее живой не попущу», и приказалъ всѣмъ имъ убратися чинно, а у меня все побравъ не токмо какое убраніе, но и на головѣ ничто не оставилъ, и приказалъ передо мною парню своему да дѣвкѣ ругаяся досаждать, падши на колѣнахъ стоять, якобъ сѣтуя по мнѣ, и ругательныя съ досажденіемъ всякія слова говорить, а вышеупомянутымъ Дмитрею да Варварѣ пѣть и плясать, и такъ ругаяся босу и мало мя не нагу вонъ на морозы изгоняше, а баба тоя и двери избныя и сѣнныя запретъ, чтобъ мнѣ не внити и отъ мраза бъ умереть, и много ми претяше дабы я сама себе предала смерти, и по многіе дни такъ бываетъ. И паки прилучилось ему съ тою жонкою и съ прочими сѣдѣти въ горницѣ, и я тутъ вошла, дабы мнѣ видѣти ихъ торжество съ тою жонкою, и она ему стала говорить: «изволь де отеюду идти въ другую горницу для того, что врагъ нашъ здѣсь»; и онъ ставъ съ нею пошелъ въ другую горницу, и я паки за ними хотѣла войти, и хватя меня та жонка толкнула назадъ въ двери, и хотѣла она двери запереть, а я хватилась за двери, удержатися хотя, и она тѣми дверьми притворила мнѣ руки, едва ихъ не переломила, и по многія времена та жонка меня толкивала и бить бросалась, ово и при священникѣ томъ вавчужскомъ и при домочадцахъ нашихъ, и всякою неподобною бранію по многіе случаи бранитъ и всячески ругаетъ, и тетка моя, вышеписанная Зиновья, слыхала и видала, и его сродница, престарѣлая жъ сродная ему сестра Овдотья Митусова, и тетка моя Анна Васильева дочь, Устюжанка, и многіе и сторонніе люди слыхали жъ и видали. И того жъ Филипова поста прилучилося быть у города соборной церкви ключарю *) Іову Иванову, и просила я его, ключаря, дабы меня посѣтилъ и видѣлъ мои бѣды, и я ему, ключарю, про сіе доносила и просила его, дабы онъ, ключарь, Осипа Андреевича о семъ увѣщалъ отъ божественнаго писанія, и сказывала ему житіе свое непорядошное и готяйшихъ рванной показывала, и серги ломаныя, и руганіе отъ него безмѣрное, а наипаче досажденіе отъ рабовъ его, а къ жонкѣ той воровкѣ чрезмѣрное любленіе и лобзаніе, и объявляла, что отъ меня все заперто и никуда меня та баба не пуститъ, и пить и ѣсть, по приказу ли его, или отъ своей безумной гордости, не даетъ; и видя онъ, ключарь, мене мало не нагу, и во увѣреніе моего доношенія спрашивалъ онъ же, ключарь, дѣвку нашу, что сіе доношеніе мое справедуль такъ; и она ему противъ того жъ моего доношенія сказала, что де истинно было такъ не ложно, а отецъ мой то мое житіе и руганіе видалъ. Предъ Рождествомъ Христовымъ пріѣхала я къ дядѣ своему Михаилу на погребеніе, съ воли мужа своего, и мнѣ онъ болши къ себѣ быти не велѣлъ, и парня своего послалъ въ Вавчугу, чтобъ меня и тамо въ дому не пустить, не токмо къ себѣ къ городу быти, и жила я у отца моего мясоѣдъ, боюся тамо къ нему ѣхать ради такого его страха, дабы мнѣ безгодною смертію напрасно не умереть, и просила я господина отца іеромонаха Прокла и отца ключаря, дабы его увѣщали отъ божественнаго писанія о союзѣ любви нашей, а наче дабы меня онъ взялъ къ себѣ въ домъ; и по прошенію ихъ, какъ я отъ отца изъ дому пріѣхала, и жили мы съ нимъ тогдашняго великаго поста до половины, яко есть по христіанскимъ порядкамъ, и самъ онъ, Осипъ Андреевичъ, радъ бысть тому, и видя та раба его Варвара житіе наше по христіанству, начала быть печальна повсегда и горько плакать, и онъ, ее видя печальну, паки началъ ублажати много, ово словами и ово подарки, и меня не оставляти въ любви своей; и умысли она со клевреты сво-

*) Т. е. быть въ Архангельскѣ холмогорскому соборному священнику.

ими подлогъ положити и наустити жонку Анну, которая по ея избранію принята и нынѣ живетъ, а та жонка безъ меня зимою взята, и паки его возмутили, якобъ нѣкій ядъ учиненный отъ меня на его здравіе; а та де жонка прежде сего ниже въ той горницѣ бывала не токмо въ томъ шкафѣ, въ которомъ свой подлогъ сыскали, и онъ слыша отъ нихъ такое сплетеніе, и проситъ его та баба, дабы меня билъ и спрашивалъ прилежно о ихъ подлогѣ, и говорили такъ, дабы я въ томъ вину принесла во всемъ ихъ подлогѣ того ради, дабы мя въ томъ ихъ умыслѣ до конца погубить, а имъ правымъ быть; и повѣря онъ ихъ сплетенію ложному, запершися въ горницѣ, а ихъ всѣхъ собравъ тутъ же и приставилъ ко дверямъ, и билъ меня безчеловѣчно и смертно тростію, что ее всю до рукъ въ малые члены разбилъ, и яко ниже мнѣ въ память прити, и голову разбилъ до крови, и топталъ ногами, и за волосы по горницѣ волочилъ, и говорилъ, дабы я по ихъ умыслу вину принесла и невѣмъ, како преста; и отъ его смертнаго убійства до недѣли страстныя ниже съ мѣста могла двинуться. Того жъ великаго поста, въ Лазареву субботу, подъ вечеръ, пришедъ ко мнѣ къ мѣсту съ Алексѣемъ Рыкуновымъ, якобъ хотя нѣкую ласку показать, и сѣлъ ко мнѣ на кроватъ, взялъ у меня руку якобъ поцѣловать, и прокуся палецъ, и кость всю раздробя, и ноготь зубами сорвалъ; и въ самую Святую Пасху и о святой недѣлѣ какое его и рабовъ ко мнѣ руганіе было, а жонки той увеселеніе, что срамно и доносити; ово отчасти тетка моя, вышеписанная Зиновья, видѣла и слышала. И на Фомины недѣли паки на мя напался, хотя меня бити, и я отъ него урвалась и ушла въ баню, и тѣ его рабы, меня сыскавъ, ему объявили, и онъ за мною пришелъ. и хотѣлъ меня клещами желѣзными ушибти, и паки отъ него ушла окномъ, и тако ночь всю на улицѣ была подъ шлюпкой, а во дворъ идти не посмѣла; вездѣ ходятъ, ищутъ съ рабами своими, дабы мя смерти предати, а ихъ за то даритъ, дабы меня ругали и гонили, и говоритъ: «уже ее не бойтеся, ничто отъ нея вамъ зло не будетъ; а мнѣ будетъ жена и госпожа, и матушка, Варвара Нефедьевна, то вамъ и дому моему госпожа»; и за то ихъ жонка Варвара ягодами и орѣхами кормитъ, дабы меня гонили и ему по ея наученію сказывали. И въ которую ночь я была на улицѣ, понежъ та ночь была вельми страшна, молніи и дождя вельми было много, и предъ утромъ паки въ баню пришедъ сидѣла, ово отъ дождя, а больше отъ страха, а сѣни и горницы все заперто, и паки онъ ко мнѣ пришедъ являлся якобъ страшенъ, что и виду его измѣнитися, и говоритъ мнѣ: «того ради къ тебѣ пришедъ, хощу тя смерти предати», а самъ весь трисыйся, якобъ отъ мраза, и нападе на мя и брося на лавку, и гортань мою руками захватилъ, а на груди колѣны сталъ, и оттолѣ не вѣмъ какъ ушла, и побѣгла ко двору и онъ за мною жъ; на встрѣчу намъ ѣдутъ чухченемцы *) съ третьими брусками, и онъ ихъ видя возвратился. и видя тѣ люди меня необычно таковую изорвану, и волосы на головѣ простерты, и босу. и тогда я, ово отъ страха, ово стыда ради, дабы его въ большій зазоръ не ввесть, скрылась подъ нужникомъ, и какъ проѣхали тѣ люди, и онъ паки искалъ меня вездѣ, и угрожалъ отдать въ градской приказъ: «а васъ не отдалъ ни подъ который сухъ. и она надѣется на архіерея. а я тамъ нейду и ему не судимъ». и имъ твердо говорилъ, что «вы небойтеся, вы будете правы. я васъ всѣхъ оправлю. а ей когда воровкѣ будутъ вѣрить?» и умыслили меня вязати и въ канцелярію вести. и я, слыша ихъ такія согласныя слова, оттолѣ вышла и пришедъ въ воротную избу. гдѣ тѣ сторонніе люди. И пришедъ человѣкъ его Дмитрей и сказываетъ ему, что воровка та сидитъ въ избѣ, и онъ сіе слышитъ, а идти ему за стыдъ сторонніихъ людей нельзя, и послалъ ко мнѣ того жъ человѣка, нанявъ подводу, и сослалъ меня со священникомъ вавчужскимъ съ двора. осмотря мало не нагу, и побралъ у меня мои ключи, и ходилъ въ шкатулы. А ключи у меня обралъ во Святую Пасху, какъ я пошла къ вечернѣ, тогда все побравъ, и вездѣ все изъ нихъ выбравъ, и жонкѣ той все вручилъ, и она при мнѣ ходя все выбираетъ, якобъ ругаяся мнѣ; и послѣ того позвалъ къ себѣ протопопа Каллиника, и сказывалъ, и объявлялъ мои шкатулы порожніе, и сказывалъ ему, якобъ я изъ нихъ все выбрала и къ отцу свезла; и я пришедъ при Каллиникѣ говорила: «изволь отперети шкафъ, ту и сыщешь, а ключи того шкафа у бабы той», и онъ отперъ и видитъ, мало что точію все назакрыто; сперва сказалъ, что нѣтъ ничего, и какъ видѣть стало, тотчасъ опять заперъ, а меня толкнулъ и двери заперъ. И какое руганіе отъ рабовъ его было, не возможно сказать, видѣлъ протопопъ Каллиникъ, также и священникъ вавчужскій; и слышу я нынѣ отъ достовѣрныхъ, что та баба мои серги приданыя и тѣлогрѣя и рубашки все держитъ, а меня ругаетъ и хвалится и до днесь не токмо мнѣ въ домѣ быть, но и благословенія родительскаго лишити, сказывая, будто я все повозила къ отцу своему. Тѣмъ всѣмъ онъ мужъ мой Іосифъ, клеплетъ меня напрасно, а я отъ него, мужа моего, язъ дому къ отцу моему ничего не важивала: выслалъ онъ меня на Холмогоры къ отцу моему съ вавчужскимъ священникомъ Симеономъ при протопопѣ Каллиникѣ въ одной тѣлогрѣѣ, и не токмо что отъ платья мнѣ далъ, но и рубашки никакой, кромѣ той, которая на мнѣ тогда была, не далъ, и нынѣ все мое приданое у него, мужа моего, въ домѣ; и нынѣ имѣя нужду, великую, что мнѣ оболотчи и на голову положить, и къ церкви Божіей и никуда выдти не въ чемъ».

*) Чухченемской деревни, отстоящей въ двухъ верстахъ отъ Вавчуги.

